

Н. Д. Двуреченская

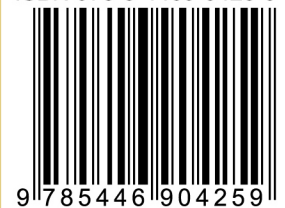
**ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

**IV в. до н. э. — IV в. н. э.
(археологический аспект)**

Двуреченская Нигора Давлятовна (р. 1969) — археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. Выпускник кафедры археологии Ташкентского государственного университета (1992). В 1992–1994 гг. работала научным сотрудником в Музее антиквариата и ювелирного искусства Республики Узбекистан. С 2001 г. — научный сотрудник ИА РАН, где в 2008 г. защитила диссертацию под руководством Г. А. Кошеленко. Вела полевые исследования в Северном Причерноморье (городище Танаис) и на юге Узбекистана (крепость Кампыртепа). С 2005 г. возглавляет Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН. Сфера научных интересов — эллинизм на Востоке. В рамках изучения эпохи раннего эллинизма в Бактрии ведет стационарные археологические раскопки на двух бактрийских крепостях, а также проводит маршрутные археологические разведки на территории Северной Бактрии. В ходе исследований крепости Кампыртепа были открыты уникальные объекты раннеэллинистического и раннекушанского времени. С 2013 г. развернуты комплексные стационарные исследования на уникальной горной крепости эллинистического времени Узундара.

Н. Д. Двуреченская — автор книг и научных статей, посвященных изучению истории материальной культуры древних государств Средней Азии в эпоху античности.

ISBN 978-5-4469-0425-9

9 785446 904259

ARCHAEOLOGICA VARIA

**ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э.**

Н. Д. Двуреченская

**ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ**

IV в. до н. э. — IV в. н. э.

археологический аспект

Санкт-Петербург
2016

Серия
«ARCHAEOLOGICA VARIA»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург), Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), В. А. Лапшин (Санкт-Петербург),
Т. К. Мкртычев (Москва), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург), Ю. Ю. Пиотровский (Санкт-Петербург),
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент), А. В. Симоненко (Киев), Ю. С. Худяков (Новосибирск)

Editorial Board:

Sergej I. Bogdanov (St. Petersburg), Vladimir A. Goroncharovsky (St. Petersburg), Boris V. Erokhin (St. Petersburg),
Yulij S. Khudjakov (Novosibirsk), Vladimir A. Lapshin (St. Petersburg), Tigran K. Mkrtychev (Moscow),
Valery P. Nikonorov (St. Petersburg), Yuriy Yu. Piotrovsky (St. Petersburg), Edvard V. Rtveladze (Tashkent),
Aleksandr V. Simonenko (Kiev), Yuriy A. Vinogradov (St. Petersburg)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Nigora D. Dvurechenskaya

**TERRACOTTA PLASTICS
OF THE EARLIEST STATES OF MIDDLE ASIA
of the 4th century B.C. – 4th century A.D.
(Archaeological Aspect)**

Nestor-Historia
St. Petersburg
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н. Д. Двуреченская

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
IV в. до н. э. — IV в. н. э.
(археологический аспект)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

ББК 63.4
Д25

Двуреченская, Н. Д.

Д25 Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). — СПб. : Нестор-История, 2016. — 610 с., ил. — (Archaeologica Varia).

ISBN 978-5-4469-0425-9

Терракотовая пластика — одно из наиболее ярких явлений в материальной культуре древних историко-культурных областей Средней Азии. За более чем столетний период с начала археологических исследований в регионе ей были посвящены сотни книг, диссертаций и статей. Детальное рассмотрение всего объема литературы показало, что традиция изучения изделий терракотовой пластики использует преимущественно искусствоведческие методы. Основное внимание исследователей сосредоточено на вопросах иконографии и интерпретации изобразительного ряда. В результате сложилась масса непересекающихся точек зрения на различные аспекты истории, отраженные в терракоте.

В книге профессионально решена задача перевода терракотовой пластики как массового археологического материала в поле археологических источников и доказана необходимость применения комплексного подхода в его изучении. Базой для работы послужили собранные автором данные о более чем 1200 изделиях из четырех сопредельных регионов: Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма. Отобранные материалы имеют ясный археологический контекст и датировку и служат надежной базой для проведенного комплексного, в том числе статистического, анализа.

ББК 63.4

Dvurechenskaya, Nigora D.

Terracotta Plastics of the Earliest States of Middle Asia of the 4th century B.C. — 4th century A.D. (Archaeological Aspect). — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2016. — 610 p., ill. — (Archaeologica Varia).

Terracotta plastics are one of the most striking phenomena in the material culture of the ancient historic-cultural regions of Middle Asia. For more than 100 years since the beginning of archaeological excavations in the area under review hundreds books, dissertations and articles have been devoted to this subject. The detailed consideration of the available scientific literature on Middle Asian terracottas shows that this the Middle Asian terracotta plastics have been studied by using the methods of art history first and foremost. The main attention of scholars has been concentrated on issues of iconography and figurative interpretation. As a result, there are a lot of uncrossed points of view concerning various aspects of history reflected by the terracottas.

This book solves professionally a task of transferring the terracotta plastics as mass archaeological data into the field of archaeological sources and proves a necessity of using a complex approach to their study. Its basis consists of more than 1,200 terracotta items from four adjacent regions — Bactria, Sogdia, Margiana and Chorasmia. These collected materials have clear archaeological contexts and dating, as well as are a reliable base for the undertaken analyses, including the statistical one.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 16-16-00043, не подлежит продаже*

ISBN 978-5-4469-0425-9

© Н. Д. Двуреченская, 2016
© С. В. Лебединский, оформление, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.	7
Глава I	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.	13
Первый этап истории изучения терракотовой пластики Средней Азии	13
История изучения терракотовой пластики Хорезма	20
История изучения терракотовой пластики Маргианы.	30
История изучения терракотовой пластики Бактрии-Тохаристана	44
История изучения терракотовой пластики Согда	80
История изучения терракотовой пластики Чача	103
Изучение терракотовой пластики в рамках всего среднеазиатского региона во второй половине XX в.	107
Глава II	
ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ХОРЕЗМА	114
IV–I вв. до н. э.	114
I–IV вв. н. э.	127
Глава III	
ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА	134
III–I вв. до н. э.	134
I–IV вв. н. э.	144
Глава IV	
ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА СОГДА	156
III–I вв. до н. э.	156
I–IV вв. н. э.	159
Глава V	
ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА МАРГИАНЫ	163
IV–I вв. до н. э.	163
I–IV вв. н. э.	166
Глава VI	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
Список сокращений	179
Список литературы	180
Приложения	
Приложение 1. Типология статуэток Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. (приложение к главе II)	193
Приложение 2. Типология статуэток Бактрии, Согда и Маргианы (приложение к главам III–V)	199
Аналитические таблицы	214
Список иллюстраций	426
ИЛЛЮСТРАЦИИ	433
Указатель	607

CONTENTS

INTRODUCTION	7
Chapter I	
HISTORY OF THE STUDY OF TERRACOTTA PLASTICS OF MIDDLE ASIA.	13
First stage of the history of the study of terracotta plastics of Middle Asia	13
History of the study of terracotta plastics of Chorasmia	20
History of the study of terracotta plastics of Margiana	30
History of the study of terracotta plastics of Bactria-Tocharistan	44
History of the study of terracotta plastics of Sogdiana	80
History of the study of terracotta plastics of Chach	103
of the study of terracotta plastics of the entire area of Middle Asia in the second half of the 20th century	107
Chapter II	
TERRACOTTA PLASTICS OF CHORASMIA.	114
4th – 1st centuries B.C.	114
1st – 4th centuries A.D.	127
Chapter III	
TERRACOTTA PLASTICS OF BACTRIA-TOCHARISTAN.	134
3rd – 1st centuries B.C.	134
1st – 4th centuries A.D.	144
Chapter IV	
TERRACOTTA PLASTICS OF SOGDIANA	156
3rd – 1st centuries B.C.	156
1st – 4th centuries A.D.	159
Chapter V	
TERRACOTTA PLASTICS OF MARGIANA	163
4th – 1st centuries B.C.	163
1st – 4th centuries A.D.	166
Chapter VI	
HISTORICAL STAGES AND WAYS OF DEVELOPMENT OF TERRACOTTA PLASTICS OF MIDDLE ASIA	170
CONCLUSION	177
List of abbreviations	179
Bibliography	180
Supplements	
Supplement 1. Typology of Chorasmian statuettes of the 4th century B.C. – 4th century A.D. (Supplement to Chapter II)	193
Supplement 2. Typology of Bactrian, Sogdian and Margianian statuettes (Supplement to Chapters III–V)	199
Analytical tables	215
List of illustrations	426
ILLUSTRATIONS	433
Index	607

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных задач в изучении терракотовой пластики древней Средней Азии на сегодняшний день является введение этой категории находок в разряд полноценного археологического источника. Парадоксально, но, несмотря на свое происхождение из археологических раскопок, изделия терракотовой пластики, как правило, уже в первичных публикациях теряют свой археологический контекст или, в лучшем случае, сохраняют его минимум. Это объясняется сложившимся стойким стереотипом в методах и подходах к изучению данного материала как источника по изобразительному искусству и религии.

Существует ошибочное мнение, что для исследования иконографии и интерпретации образов археологический контекст находки не играет важной роли, вследствие чего мы имеем на сегодня ситуацию, когда массовый археологический материал не исследуется в полной мере как таковой. Традиционно наиболее интересные с точки зрения иконографии виды изделий рассматривались совокупно с изделиями изобразительного искусства, а все остальные либо в контексте керамического комплекса, либо в контексте индивидуальных находок. Сегодня мы имеем массу аналитических работ, посвященных исследованию отдельных видов терракотовой пластики.

На наш взгляд, назрела необходимость целостного рассмотрения терракотовой пластики как явления материальной культуры. Без решения таких вопросов, как генезис, хронология, выявление археологических типов, формирование «школ» среднеазиатской коропластики и т. д. невозможно осуществить поставленную задачу. Совокупное рассмотрение всех видов терракотовой пластики в рамках отдельно взятых историко-культурных регионов становится в данном контексте принципиальным условием. Таким образом, перед археологической наукой стоит задача создания археологического свода изделий терракотовой пластики древней Средней Азии.

Обоснование правомерности рассмотрения археологических материалов в территориальных рамках Средней Азии ранее было подробно раскрыто В. И. Сарияниди, Г. А. Кошеленко (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985, с. 178). В этой связи имеет смысл лишь подчеркнуть особенность, продиктованную самим предметом нашего исследования. Терракотовая пластика как явление материальной культуры не получила широкого распространения на территории Парфии, в результате чего в рамки нашей работы входят такие историко-культурные регионы, как Хорезм, Согд, Маргиана и Бактрия. При этом, говоря о Бактрии, мы рассматриваем не только ее северную часть, входящую в рамки среднеазиатского региона, но и южную, распо-

ложенную в пределах Северного Афганистана. Как выяснилось в процессе исследования, без целостного рассмотрения последнего историко-культурного региона невозможно было получить общую картину генезиса одной из традиций изготовления терракотовой пластики.

Хронологические рамки археологического свода охватывают весь период древности, с IV в. до н. э. по IV в. н. э. В свою очередь, эти временные рамки подразделены на два периода: ранний — IV–I вв. до н. э. (условно — эллинистический¹, и поздний — I–IV вв. н. э. (условно — кушанский, период становления, расцвета и упадка Кушанского государства).

Нижние границы выделяемого раннего периода продиктованы временем появления терракотовой пластики в среднеазиатском регионе. Таким образом, мы обращаемся к началу некоего культурного явления, которое отражается в появлении различных по функциональному назначению предметов материальной культуры с определенной изобразительной тематикой.

Основную историческую канву раннего периода составляет становление самобытных среднеазиатских древних государств, взаимодействие их с эллинистическим миром, образование Греко-Бактрийского царства, гибель эллинистических государств под натиском кочевых племен. Верхние границы раннего периода определяются временем становления юэджийских царств.

Поздний период совпадает со временем становления, расцвета и гибели Кушанского государства.

Терминология

Из вышесказанного становится ясным, что для перевода терракотовой пластики в разряд полноценного археологического источника необходимо создание археологического свода, базирующегося на стратиграфически датированных изделиях терракотовой пластики Средней Азии.

¹ Под эллинистическим периодом принято подразумевать в исторической науке время с момента создания империи Александра Македонского вплоть до падения последних эллинистических государств, что произошло на Западе в конце I в. до н. э. (Дройзен, 1836). Однако на Востоке, в частности в Средней Азии, процесс падения эллинистических государств завершился уже в последней трети II в. до н. э., когда под ударами кочевников пала Греко-Бактрия. Тем не менее именно взаимодействие с эллинистическим миром сыграло важнейшую роль в развитии и становлении среднеазиатской терракотовой пластики. Учитывая реальную историческую судьбу эллинизма в Средней Азии, представляется возможным лишь условное обозначение раннего периода как эллинистического.

Только на основе такой базы данных возможно проведение исследования с учетом и анализом археологического контекста. Однако вначале во избежание разночтений представляется уместным остановиться на формулировке таких понятий, как *терракотовая пластика, виды терракотовой пластики, самостоятельное и несамостоятельное функциональное назначение отдельных видов, археологический тип*.

Терракотовой пластикой являются объекты, наделенные самостоятельным смысловым и изобразительным содержанием, которые объемно формируются из сырой глиняной массы разными способами с обязательной ручной доработкой и последующим обжигом.

По функциональному назначению объекты терракотовой пластики подразделяются на **виды**. Выделяется несколько видов, имеющих **самостоятельное и несамостоятельное** значение. Самостоятельность функционального назначения вида основана на невозможности существования самого этого изделия без терракотовой пластики. К примеру, статуэтка без сформованного объемного изображения не может быть статуэткой, а кувшин без прикрепленного к нему налеса с каким-либо изображением может функционировать как кувшин. Таким образом, выделяются такие самостоятельные виды терракотовой пластики, как **статуэтки, плитки с рельефами, погребальные и театральные маски, алтарики, модели и др.**

Важно отметить, что у самостоятельных видов изделий, таких как статуэтки или плитки с рельефами, могут быть **разные смысловые значения**. Одни статуэтки могут быть предметами почитания, совершения культовых обрядов (вотивное приношение), другие могут являться игрушками или игральными фигурками (шахматами) и т. п.

К несамостоятельным видам относится терракотовая пластика на керамике. Этот вид включает такие подвиды, как налеса на разные части сосудов, фигурно трактованные сосуды (т. е. изображения различных существ с полостью, раскрывающие назначение сосуда), в том числе ритоны с оформлением только одной своей части при помощи терракотовой пластики (к примеру, завершение ритона фигурой в виде протома лошади) или фляги с рельефом на одной из сторон.

К несамостоятельным относятся также такие виды изделий, как терракотовая пластика на погребальных сосудах, в том числе оссуариях, на очажных подставках с зооморфными навершиями, на погребушках и свистульках.

Характерно, что у несамостоятельных видов изделий терракотовой пластики самостоятельное смысловое и визуальное пластическое содержание соотносится с функциональным назначением и смысловым содержанием того объекта, с которым она соединяется. При этом их функции и смысловое содержание взаимно согласуются.

В истории изучения терракотовой пластики Средней Азии сложился довольно широкий набор терминов, применяемых для обозначения одного и того же вида изделий. Несогла-

сованность в терминологии отражала в первую очередь непонимание разницы между видами изделий, что в свою очередь сказывалось в использовании терминов, не отражающих реального назначения предмета. Наиболее сложно складывалась терминология для обозначения статуэток и плиток с рельефом. Зачастую не осознавалось принципиальное отличие статуэток и рельефов. В отличие от статуэток, рельеф — это скульптурное изображение на плоскости, являющейся физической основой и фоном изображения.

Предлагается использование следующих основных терминов:

Статуэтка — самостоятельный вид изделия, скульптурное изображение, представляющее определенный иконографический образ в виде фигуры антропоморфного, зооморфного, мифического и другого характера без фона.

Плитка с рельефом — самостоятельный вид изделия, скульптурное изображение на плоскости, представляющее определенный иконографический образ или сюжет с фоном².

Керамика с применением терракотовой пластики — несамостоятельный вид изделий терракотовой пластики, физической основой которых являются различные виды керамической посуды, также представляющий определенный иконографический образ или сюжет с фоном в зависимости от подвида.

Принцип отбора источников

Наиболее перспективным для решения поставленной задачи представляется рассмотрение материала, происходящего только из стратифицированных археологических слоев. Для этого предполагается следующая последовательность действий.

Во-первых, выявление стратиграфически датированных изделий, происходящих прежде всего из археологических раскопов, шурфов и разрезов. Необходимо оговорить отношение к памятникам, датировка которых имеет узкие хронологические рамки, не выходящие за границы выделенных нами периодов (IV—I вв. до н. э. и I–IV вв. н. э.). С таких памятников, при учете особенностей (топографии, соседства с другими памятниками и пр.), изделия терракотовой пластики брались все, включая подъемный материал. К примеру, стратиграфия таких памятников, как Ай-Ханум, Калалы-гыр 2, Мирзакул-тепе, Чопли-депе и др., четко фиксирует рамки бытования памятника в пределах исключительно одного периода (греко-бактрийского, или раннекангюйского, или раннекушанского, или кушанского). Соответственно, и материал, включая подъемный, не может быть датирован иным временем.

² В разработке терминологии мы основывались на общепринятых понятиях «скульптура», «пластика», «терракота», «фигура», «рельеф» и пр., раскрытых в различных изданиях «Большой советской энциклопедии» (издания 1975–1977 гг.).

Во-вторых, уточнение надежности и актуальности датировок, предложенных авторами публикаций материалов по терракотовой пластике, происходящих из раскопов. Предполагается соотнесение датировок по археологическим комплексам с полученными в последние десятилетия новыми материалами. В случае необходимости проводилось уточнение датировки.

Важным условием целостного изучения терракотовой пластики, на наш взгляд, является рассмотрение **в совокупности всех видов изделий** терракотовой пластики как явления, имеющего общую природу. Однако также важно в рамках целого проводить и дифференцированное исследование разных по функциональному назначению видов изделий.

В ходе сбора материалов для свода были изучены изделия терракотовой пластики, хранящиеся в фондах Государственного музея Востока, Государственного Эрмитажа, Музея истории народов Узбекистана (г. Ташкент), Термезского археологического музея (г. Термез), Музея истории, культуры и искусства народов Узбекистана им. А. Икрамова (г. Самарканд), музея Института этнологии и антропологии РАН, музея Института искусствознания АН РУз (г. Ташкент).

Кроме музейных собраний были обработаны также полевые описи, архивы и коллекции ряда археологических экспедиций, проводивших работы на таких памятниках, как Зартепа, Калалы-гыр 2, Старый Термез, Кампыртепа, Чопли-депе, Мирзабек-кала, Китаб, Гебеклы-депе, Дильберджин и др.³

Помимо непосредственного изучения самих изделий терракотовой пластики, на стадии подготовки свода было обработано более 450 публикаций, статей и книг, так или иначе затрагивавших проблемы рассматриваемого вида материальной культуры. В результате удалось значительно пополнить свод археологически датированных изделий терракотовой пластики. На подготовительном этапе работы была собрана информация о более чем 3000 предметов. Из них в рабочую базу данных, на основании которой создавались типологические и хронологические таблицы, включено 1222 предмета.

Принципы аналитической работы над археологическими источниками (четыре группы информации)

Информация по каждому отдельно взятому изделию, отобранному по вышеприведенным принципам, унифицирована и подразделена на четыре группы: показатели функционального назначения; технолого-параметрические

показатели; археологический контекст; иконографо-стилистические показатели.

Каждый из показателей внутри одной группы последовательно конкретизирует информацию об изделии.

Первая группа

Показатели функционального назначения: самостоятельные изделия (статуэтки, плитки с рельефом, маски, протомы и матрицы для их изготовления); подставки (алтарики); несамостоятельные: терракотовая пластика на керамике (налепы, фигурные сосуды (в том числе ритоны), курильницы и т. д.); очажные подставки; погребальные сосуды и т. д. Дополнительно в рамках этой группы рассматриваются такие показатели конструктивной морфологии (подставки, элементы крепления и пр.), которые могут косвенно характеризовать функциональное применение изделия.

Вторая группа

Технолого-параметрические показатели: технология изготовления (основные и дополнительные приемы в производстве); размеры, в том числе реконструируемые.

Третья группа

Показатели археологического контекста: ирригационный район, памятник, его типология (город, сельское поселение), архитектурный объект, функциональное назначение конкретного места находки (тип помещения — жилое, хозяйственное и т. д.), археологический комплекс, в том числе керамический, к которому относится рассматриваемый объект терракотовой пластики. Последний показатель учитывался на стадии отбора материала для введения его в свод стратиграфически датированных изделий.

Четвертая группа

Показатели иконографии и стиля образов:

а. Иконографический анализ. Определение иконографического образа (антропоморфный, зооморфный, всадники, мифологический, абстрактный, растительный и т. д.); конкретизация образа (например: женский, кабан, диморфное существо, свастика, листочек и т. д.); описание деталей изображения.

б. Стиль изображения. Стиль устанавливается по соотношению ряда показателей. Для рассматриваемых историко-культурных территорий в обозначенных выше хронологических рамках нами выделено четыре стиля: эллинистический, эллинизированный, автохтонный и примитивный⁴.

³ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность В. А. Завьялову, В. Н. Пилипко, Н. И. Крашенинниковой, С. В. Новикову, Г. А. Кошеленко, В. А. Гаинову, а также С. Б. Болелову за предоставленную возможность обработать и включить материалы исследований с упомянутых памятников в состав формируемого свода терракотовых изделий Средней Азии.

⁴ Выделенные стили характерны для культур, находившихся в сфере восточного эллинизма. Уже на поздних этапах Парфянской и Кушанской империй рождаются самостоятельные иконографические направления, которые выходят за рамки выделенных нами стилей. К ним можно отнести позднепарфянский и сасанидский стили. Отдельно следует оговорить такое самобытное направление, как гандхарский стиль. На первый взгляд этот стиль вполне подпадает

Анализ первой группы показателей позволяет выделить в определенных хронологических рамках и в отдельно взятом историко-культурном регионе количество и **набор** характерных для этого периода и территории видов изделий терракотовой пластики, различающихся по функциональному и смысловому назначению.

Анализ показателей второй группы помогает установить процентное соотношение изделий, изготовленных посредством разных технологий, выявить закономерности и установить корреляцию между показателями технологии изготовления и функциональным видом изделия, иконографическим рядом.

Анализ показателей третьей группы (археологического контекста) позволяет установить, где именно в тот или иной хронологический период фиксируются разные виды изделий терракотовой пластики: в крупных городских центрах; в небольших укрепленных поселениях (крепостях); в дворцово-храмовых комплексах; в культовых центрах; сельских поселениях; в погребальных комплексах и т. д.

Рассмотрение изделий, которые происходят из стратиграфических слоев и связаны с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения, позволяет впервые аргументированно проследить характер местонахождений изделий терракотовой пластики. Установление на значительной выборке массового материала процентного соотношения изделий, обнаруженных на территории храмов и в связанных с ними постройках, в жилых домах, в строениях, связанных с фортификацией, в общественных постройках, в месте непосредственного изготовления (гончарных печах и т. д.) позволяет вплотную подойти к решению вопроса использования, функционального и смыслового назначения и роли в жизни населения Средней Азии различных видов терракотовой пластики.

Наиболее сложным является рассмотрение таких показателей, как иконография и стиль (четвертая группа показателей). Это та область, в которой максимально преобладает субъективный взгляд отдельного исследователя. В попытке отойти от традиционного описательного метода изучения изобразительных сюжетов (не отрицая плодотворный опыт применения искусствоведческих подходов) предлагается опыт применения качественных характеристик в рамках исследования изобразительного ряда. В частности, если определенные искусствоведческие характеристики разложить на конкретные составляющие и закрепить их

за ними, то они станут «просчитываемыми». Вследствие этого отнесение того или иного изображения к определенному стилю основывается на определенном соотношении показателей.

Нами были выявлены группы противоположных или взаимоисключающих показателей стиля: 1) пропорциональность и непропорциональность, 2) динамичность (свободные позы, передающие движение или раскованность) и статичность (иератизм, строгая фронтальность и зажатость позы и жестов), 3) объемность и плоскостность (имеется в виду характер изображения, а не характер изделия), 4) равномерность в проработке или обобщении деталей иконографического образа и неравномерность (к примеру, проработка атрибутов, деталей одежды и отсутствие таковой в передаче анатомии), 5) реалистичность и условность (реалистичность подразумевает отражение жизни максимально близкое к оригиналу, условность же не предполагает идентичности образа прототипу в целом).

Для эллинистического стиля необходимыми показателями являются пропорциональность (т. е. соотношение высоты головы к высоте всей фигуры 1 : 7–8), равномерность в проработке или обобщении деталей, а достаточными показателями — динамизм, объемность и реалистичность.

Эллинизированный стиль сохраняет от эллинистического стиля пропорциональность (однако соотношение высоты головы к высоте всей фигуры снижается до 1 : 5–6), динамичность, а остальные показатели меняет на противоположные.

Автохтонный стиль подразумевает непропорциональность (отношение высоты головы к высоте всей изображаемой фигуры 1 : 3–4), статичность, условность изображения, уплощенность и неравномерную проработку деталей.

Примитивный стиль продиктован технологией изготовления лепных изделий, как правило, отличается диспропорциональностью, статичностью, объемностью и неравномерным уровнем проработки деталей⁵.

При анализе иконографии и стиля на изделиях терракотовой пластики необходимо учитывать качество исследуемого изображения, которое, как правило, зависит от:

— качества матрицы, с которой был сделан слепок;

— положения этой матрицы в ряду редукции (т. е. степень удаленности от первоначальной модели, с которой готовились матрицы);

под выделенный нами эллинизированный стиль. Однако здесь мы видим редкий случай, когда значительное количество эллинистических элементов дополняется равнозначным количеством североиндийских стилистических приемов, иконографических образов, которые позволяют рассматривать это явление не как заимствование стиля, а как творческий симбиоз двух культурных традиций. В то же самое время за пределами рассматриваемого нами региона к выделенному эллинистическому и эллинизированному стилям в качестве примера следует отнести хорошо известный пальмирский стиль.

⁵ Мы понимаем, что отнесение примитивного стиля собственно к иконографическому стилю наравне с описанными выше кажется не вполне правомочным. Перед нами преимущественно иконографическая производная от технологии изготовления изделия. В то же время нам представляется возможным отнесение, с известной оговоркой, примитивных лепных изделий к определенному, отличному от других, стилю. Такое отнесение кажется обоснованным с учетом того, что существовал общественный запрос на изделия, обладающие определенным набором иконографических элементов, передающих образный ряд, экспрессию, идею.

— мастерства керамиста, который изготовлял оттиск с матрицы и дорабатывал его вручную, иногда подправляя брак в изображении;

— качества используемого изображения (если делается анализ не оригинала, а прорисовки или фотографии).

Только учет вышеперечисленных характеристик изображения позволяет избежать значительного числа ошибок.

Выделение археологического типа. Для превращения массового материала по терракотовой пластике в полноценный археологический источник необходимо применение одного из основных археологических методов — выделение в рамках самостоятельных видов изделий археологических типов.

Археологическим типом мы называем объективно существующую категорию группы вещей, связанных более или менее тесным сходством и противостоящих другим группам.

В рамках данного исследования археологические типы разработаны только для массовых серий самостоятельных видов терракотовой пластики, к которым относятся статуэтки. Выделение археологического типа базируется на анализе всех групп показателей, собранных в аналитических таблицах. Важно обратить внимание на то, что археологический тип конкретного вида изделий терракотовой пластики **выделяется по сумме показателей: морфологии, иконографии, размерным характеристикам, технологии изготовления, территории и времени распространения, количеству изделий.** Данный набор характеристик принципиально отличает археологический тип от искусствоведческого, который выделяется на основе преимущественно иконографии или стиля.

Для перечисленных критериев представляется важным выделить конкретные показатели, на общности которых и будет выделяться тип.

Общность показателей морфологии статуэток включает:

- 1) характер объема (круглообъемность, неполный объем и т. д.);
- 2) общий абрис контура и характер формы глиняной основы.

Общность технологических показателей подразумевает единый принцип формовки, продиктованный технологией изготовления:

- 1) оттиск односторонней матрицей;
- 2) комбинирование ручной лепки и оттиска в односторонней матрице;
- 3) ручная лепка.

Общность иконографии в рамках типа включает в себя следующие показатели:

- 1) количество персонажей;
- 2) антропоморфность, полиморфность;
- 3) пол (женский, мужской, гермафродит);

4) определенная поза. Такая поза характеризуется повторяемым положением тела изображаемого образа. В рамках типа общее положение тела включает в себя не только расположение относительно горизонта (стоит, сидит на высоком сидении, сидит на полу), но и символическое положение рук и ног в характерной жестовой позиции (подразумевается такое положение рук, которое не продиктовано особенностями одежды или какими-либо нуждами, а выражает пантомимически определенную мысль) или функциональной позиции (например, держание каких-либо предметов в руках);

5) одежды или его отсутствие. Данная позиция предполагает изображение устоявшегося типа одежды для конкретного персонажа или обнаженность (костюм и головной убор греческого типа (хитон, гиматий, калаф, петас и т. п.); восточного типа костюмы (платья с вшивными рукавами, нашивками, накидки без драпировок, шаровары и короткие кафтаны с поперечными складками, кулохи, тюрбаны и др.); синкретические костюмы (сочетают детали костюмов обоих типов); защитное вооружение воина (доспехи));

6) атрибуты или их отсутствие.

Как уже было сказано выше, для выделения типа важно учитывать близость морфологии, технолого-размерных характеристик, единых территориальных и хронологических рамок для определенной типологически близкой серии статуэток или иных самостоятельных видов терракотовой пластики.

При этом важно отметить, что в рамках типа выделяются варианты типов и стиль.

Вариант типа выделяется по набору уточняющих конкретных иконографических черт, таких как, например, варианты положения рук конкретного иконографического персонажа или варианты деталей костюма, атрибутов.

В рамках варианта типа определяется стиль изображения конкретного иконографического образа.

Разные археологические типы могут отображать как различных персонажей, так и принципиально отличную иконографию одного персонажа (сидящий в падмасане Будда с руками в жесте дхьяна-мудра и шествующий Будда с руками в жесте абхайя-мудра — это два археологических типа одного религиозного образа). При этом в рамках одной иконографии могут выделяться конкретные иконографические образы, которые отражены на уровне варианта типа.

Среди археологических типов выделяются по количественным показателям устойчивые и неустойчивые типы. К устойчивым типам относятся насчитывающие серии более пяти стратиграфически датированных изделий и подкрепленные некоторым числом аналогичных изделий подъемного характера. К неустойчивым относятся типы, насчитывающие менее пяти изделий. Минимально необходимым числом для выделения типа являются два стратиграфически датированных изделия.

Отрыв от чисто иконографического исследования позволяет изучать не только изобразительный ряд, а конкретный тип и вид реально существующего материального объекта, вписанного в контекст археологической культуры или историко-культурного образования.

Выделенные функциональные виды и археологические типы терракотовой пластики являются конкретным отражением духовной, художественной и материальной культуры населения изучаемых историко-культурных образований, а не блуждающими образами, которые могут воплощаться для разных эпох и культур в различных по функциональному назначению изделиях и зачастую приобретать совершенно разный семантический смысл. **Археологический тип всегда взаимообусловлен и связан с уровнем развития материальной и художественной культуры конкретной историко-географической области в определенном хронологическом интервале.** Только выделение на основе анализа вышеперечисленных групп показателей археологических типов позволит подойти к решению таких проблем, как:

- время зарождения и рамки бытования отдельно взятого вида изделий;
- ареал распространения;
- происхождение, причины появления;
- функциональное и смысловое назначение;
- основные этапы эволюции: иконографические, смысловые, количественные;
- причины расцвета или гибели разных по функциональному назначению видов изделий терракотовой пластики;
- причины и время зарождения самостоятельных среднеазиатских региональных «школ коропластики».

Таким образом, анализ материала в рамках функциональных видов и археологических типов не только вводит предметы терракотовой пластики в разряд археологических источников, но и позволяет на новом уровне осветить ряд вопросов, и в том числе иконографии, стилистики, эволюции технологии, семантики и смыслового значения конкретных

образцов терракотовой пластики Средней Азии. Археологический тип представляет нам четко вписанные в конкретные хронологические и территориальные рамки, легко узнаваемые и определяемые по сумме показателей реально существующие объекты материальной культуры (Двуреченская, 2010, с. 143–153).

Предлагаемая к рассмотрению работа имеет 30 аналитических таблиц по каждому виду терракотовой пластики в рамках отдельно взятого историко-культурного региона и двух хронологических периодов (эллинистического и кушанского) (см. список таблиц на с. 214).

В аналитические таблицы собрана, по выше описанным принципам отбора, информация по каждому отдельно взятому изделию. Помимо этого, в таблицы включены ссылки на литературу и отчеты, где был опубликован или упомянут предмет. Во избежание дублирования эти ссылки исключены из текстового описания.

Кроме того, книга имеет два приложения. Приложение 1 представляет собой типологию антропоморфных статуэток Хорезма. Приложение 2 — это типология антропоморфных статуэток Бактрии, Маргианы и Согда. Во избежание путаницы номера типов Приложения 1 даны римскими цифрами, типы из Приложения 2 обозначены арабскими цифрами (см. на с. 193).

В заключение вводной части хотелось бы выразить искреннюю благодарность тем, без участия и помощи которых было бы невозможно написание этой книги. Прежде всего, научному руководителю и учителю — Геннадию Андреевичу Кошеленко, коллегам и товарищам — О. В. Двуреченскому, В. А. Завьялову, В. Н. Пилипко, Э. В. Ртвеладзе, С. Б. Болелову.

Отдельно хотелось бы выразить свою признательность Борису Анатольевичу Литвинскому, а также основателю кафедры археологии ТашГУ — Михаилу Евгеньевичу Масону. Научная и организационная деятельность этих ученых является для меня высоким примером и образцом советской археологической школы.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Важная роль терракотовой пластики определяет насущность историографического ее изучения. Общий критический обзор литературы, посвященной упомянутой теме, необходим для того, чтобы выявить основные направления исследований с их закономерностями, достижениями и ошибками. Без этого невозможно наметить перспективы дальнейшей работы.

На сегодняшний день уже более ста исследователей занимались изучением терракотовой пластики Средней Азии, имеется более четырех сотен опубликованных работ¹. Весь этот объем литературы подразделяется на два хронологических этапа. Начальный этап включает в себя отрезок времени от первых археологических изысканий в Средней Азии в XIX в. до создания региональных археологических экспедиций в середине XX в. Его характеризует изучение проблем терракотовой пластики в целом по всей Средней Азии. Второй этап отличается локализацией научных исследований по отдельно взятым регионам².

В рамках общего историографического исследования терракотовой пластики основное внимание будет уделено

применяемым методам, их соотношению и полученным результатам. В частности, пристальному анализу будет подвергнуто становление подхода, рассматривающего изделия терракотовой пластики как равносоставную часть археологического комплекса, с формированием соответствующих методов. Работы, рассматривающие изделия терракотовой пластики как предметы искусства, в отрыве от археологического контекста, будут лишь упоминаться с констатацией основных выводов.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Знакомство с терракотовой пластикой Средней Азии началось во второй половине XIX в. (Шишкин, 1969). Долгое время оно носило характер случайной инициативы отдельных частных лиц. Важнейшую роль в начале планомерного научного изучения среднеазиатских древностей сыграло создание двух учреждений: Восточного отделения Русского императорского археологического общества (ВОРАО) в Санкт-Петербурге и Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) в Ташкенте. В состав ВОРАО вошла целая плеяда блистательных ученых-востоковедов: В. В. Бартольд, Н. П. Остроумов, К. А. Иностранцев, Н. И. Веселовский. Деятельность ТКЛА отличалась энтузиазмом и неподдельным, пытливым интересом к изучению древностей. В состав кружка входили И. Т. Пославский, Н. С. Лыкошин, Б. И. Кастальский, А. Д. Калмыков, Е. Т. Смирнов. Между этими учреждениями установилась теснейшая связь, постоянно происходили дискуссии и научный обмен. За три десятилетия было опубликовано более двадцати научных исследований, затрагивающих проблемы терракотовой пластики.

Первые запланированные археологические исследования в Средней Азии, санкционированные Археологической комиссией, возглавил Н. И. Веселовский. Результаты их были отражены в статье «Сообщения о раскопках на городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г.», опубликованной в столичном издании «Записки императорского археологического общества» (Веселовский, 1887, с. 92–104).

Несмотря на критическую оценку проведенных археологических раскопок (Шишкин, 1969, с. 26–31), в историографическом плане именно эта работа стала отправной точкой в научном изучении терракотовой пластики Средней Азии. В публикации Н. И. Веселовского ей было уделено особое внимание. На основе функционального назначения было выделено несколько видов изделий: фрагменты «глиняных гробов», статуэтки, головки — налпы на оссуариях, налпы, украшавшие сосуды. Вопрос о предназначении статуэток решался параллельно с вопросом о назначении оссуариев. Это позволило автору усомниться в правильности

¹ В 2005 г. вышла в свет монография, в которой автором была рассмотрена история изучения терракотовой пластики Средней Азии от периода древности до раннего средневековья (Двуреченская, 2005, с. 141–308). Без таких широких территориальных и хронологических рамок невозможно было проследить и оценить весь путь становления и развития методологического подхода к изучению терракотовой пластики среднеазиатского региона. Так как на начальных этапах своей истории метод формировался на базе раннесредневековых материалов, в том числе с территории Чача, которые одними из первых попали в поле зрения российских и туркестанских археологов, в целях сохранения полноты историографии вопроса терракотовой пластики Средней Азии представляется уместным включить расширенный вариант этой работы в состав данной книги целиком.

² Существует несколько историографических работ, частично отражающих историю изучения отдельных видов терракотовой пластики. Так, изучение пластики Согда освещено в работах В. А. Мешкерис (Мешкерис, 1962, 1989а) и В. А. Шишкина (Шишкин, 1969), Хорезма — в книге Ю. А. Рапопорта (Рапопорт, 1971). Историографических исследований, посвященных специализированно изучению терракотовой пластики всей Средней Азии с задачей выявления применяемых методов и подходов, ранее не проводилось. Исключение составляет статья Н. Д. Двуреченской, которая предвзято развращает исследование 2005 г. (Двуреченская, 2000, с. 151–154).

представления о статуэтках как о детских игрушках, так как аналогичные головки являлись налепами на «глиняных гробах» и, следовательно, имели «какое-нибудь религиозное или символическое значение». Н. И. Веселовский отметил применение различных технологических способов для изготовления украшений лицевых стенок «гробов» и антропоморфных статуэток (лицо — штампом, а туловище лепное). Было выделено применение «особой поливы» на стенках оссуариев и головках, примазанных к ним. Подчеркнуты некоторые отличительные черты стиля: особое внимание ваятелей к передаче лица; сасанидские элементы в головных уборах; широкий этнический состав, отраженный в головках, включавший «греческий и персидский типы и даже близкий к монгольскому». Оценивая возможные хронологические рамки бытования этих терракотовых изделий, Н. И. Веселовский исходил из существующего представления о запрете изображений людей и животных в мусульманской культуре и отнес их к домусульманскому периоду.

Как предметы искусства изделия терракотовой пластики были рассмотрены в книге И. Толстого и Н. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1890). Кроме коллекции Н. И. Веселовского, в ней было рассмотрено еще более сотни изделий из вновь приобретенных Археологической комиссией. Впервые были приведены рисунки. Основное внимание исследователей привлек изобразительный ряд. Выявив стилевые и иконографические особенности, очертив круг аналогий, авторы пришли к выводу о близости стиля изображений ряда статуэток к малоазийской школе греческого искусства III–II вв. до н. э., к этой же группе были отнесены статуэтки флейтистов и плакальщиц. Еще одна серия терракотовых статуэток была выделена как «помесь» греческих и азиатских типов. Перед нами один из первых случаев использования искусствоведческих методов исследования изобразительного материала в отрыве не только от археологических данных, но и от самих изделий (Там же, с. 26–28).

В самом начале деятельности ВОРАО и ТКЛА наметился еще один метод изучения — поиск свидетельств письменных источников. В. В. Бартольд, ссылаясь на Страбона, приводит эпизод об обычае бактрийцев отдавать живых стариков собакам-могильщикам, а также свидетельство Абу Хамида ал-Андалуси ал-Гарнати XII в. об обычае отделения мяса от костей умерших в Дагестане (Бартольд, 1900, с. 3; Он же, 1901). Позднее В. В. Бартольд и Н. С. Лыкошин обращаются к известным фрагментам из Табари и Наршахи, повествующим об очищении костей умершего Бухар-худата Ташхады и их погребении. Эти фрагменты интерпретировались как признак зороастрийского погребального культа (Лыкошин, 1896; Смирнов, 1896; Лыкошин, 1897, с. 25–27; Бартольд, 1908, с. 65–66). Почти одновременно появляются работы, в которых ставится под сомнение однозначность предложенных интерпретаций. Так, в статье Н. И. Веселовского приводится находка шести «глиняных гробиков», использовавшихся для

иудейского погребения (Веселовский, 1900, с. 3). Дискуссия по этому вопросу проходила и на заседаниях ТКЛА. Так, И. Т. Пославский, опираясь на перевод Н. С. Лыкошина, отмечает неоднозначность фрагмента о смерти Бухар-худата Ташхады, написанного Наршахи. В протоколах ТКЛА за 1903 г. упоминается обсуждение доклада И. Т. Пославского. Рефреном высказанным им сомнениям звучат сообщения Н. П. Остроумова и И. А. Иванова о бытовании обряда очищения костей умерших, никоим образом не связанного с зороастризмом (Протоколы ТКЛА, 1903, с. 9). Позднее В. В. Бартольд (Бартольд, 1908, с. 65, 66) также более подробно остановился на анализе упомянутых письменных свидетельств, отметив опасность увлечения исследователей в их трактовке и необходимость осторожного и внимательного отношения к письменным источникам. Таким образом, метод привлечения и интерпретации письменных свидетельств в изучении проблем погребального культа, пройдя через дискуссии, не только получил обоснование своей необходимости, но и продемонстрировал свои слабые стороны.

На фоне всеобщего увлечения поиском свидетельств в письменных источниках и их толкования особого внимания заслуживают исследования И. Т. Пославского (Пославский, 1903). Имея возможность практического ознакомления с оссуариями, исследователь тщательно и детально проанализировал их форму, технологию изготовления, преимущественное местонахождение, а также сопутствующий материал во взаимосвязи с функциональным назначением этих предметов. Это дало возможность прийти к чрезвычайно важным выводам как по самим оссуариям, так и по оссуарному обряду погребения в целом, многие из которых подтвердились в дальнейшем. Так, используя статистику мест нахождения (на Афрасиабе он локализовался в жилом массиве самого города, а не в отдельно стоящих курганах), Пославский предполагает, что оссуарный обряд имеет совершенно иную природу в отличие от курганных погребений и вероятно, принадлежал оседлому земледельческому населению. Анализ формы самаркандских четырехугольных оссуариев (автор отмечал наличие одной украшенной лицевой стороны) приводит к предположению, что они не были предназначены для погребения, и, возможно, в них «хранились дорогие останки покойников на виду». Немногочисленность находок в отдельно взятых местах может свидетельствовать о захоронениях отдельных дворов и семейств.

В этой работе И. Т. Пославский публикует в фотоснимках вместе с фрагментами оссуариев довольно объемную (49 изделий) коллекцию статуэток музыкантов и женских персонажей, различных головок от них, а также налепов как от оссуариев, так и неясного происхождения. Весь этот материал он обозначил как «очень напоминающий собою украшения на гробах» и кажущийся однородным с ними по качеству работы, глины, обжига и другим деталям. Резюмируя свои наблюдения, автор выразил убеждение, что эти изделия «принадлежали народу, обладавшему уже значи-

тельной культурой и художественным вкусом». Замечание И. Т. Пославского о близости различных видов терракотовой пластики явилось одним из первых на пути к пониманию необходимости рассматривать ее в совокупности всех составляющих, так как они связаны единой технологией изготовления и отражением одних и тех же сторон мировоззрения (Там же, с. 36–51).

Рассуждения И. Т. Пославского вызвали критические отзывы Н. П. Остроумова (Остроумов, 1906) и Н. И. Веселовского (Веселовский, 1907). Критика первого была основана не на анализе оссуариев как археологического материала, а на интерпретации его. Н. П. Остроумов возражал против доводов И. Т. Пославского о возможности открытого хранения, объясняя наличие одной украшенной стороны оссуария подражанием «пышному фасаду жилища». Н. И. Веселовский высказался за обязательное наличие крышек, даже если таковых не было найдено.

И. Т. Пославский, отвечая на критику, указал еще на одну деталь в оссуариях — прорезные дверцы, что противоречит логике погребения под землей, а более подкрепляет версию об их хранении на виду. Соглашаясь с доводами о необходимости крышек у четырехугольных оссуариев так же, как и у овальных, он предполагает, что они изготавливались из быстро истлевающих материалов. На основе детального анализа формы оссуариев был предложен вариант реконструкции всего процесса их изготовления (Пославский, 1908, с. 74, 76–77)³.

В этом же году в небольшой статье, посвященной проблеме оссуариев, В. В. Бартольд, кроме упомянутого положения об осторожности в использовании письменных источников, внес еще одно важное предложение. Ученый призвал своих коллег держаться определенного направления в исследовании оссуариев, которое не отвлекало бы археологов от главного их подхода, основанного на изучении самого предмета материальной культуры: «Сопоставлении отдельных экземпляров, установлении отдельных разновидностей и выяснении их зависимости от географических, этнографических и иных условий». Также он писал: «Мы до сих пор не имеем ни полного перечня местностей Туркестана, где были найдены оссуарии, ни точного описания отдельных типов, с указанием географических границ их распространения».

Можно лишь отметить проницательность этого выдающегося ученого, выделившего важнейшие археологические методы изучения терракотовой пластики. Его призыв вполне актуален и сегодня в отношении изучения различных видов терракотовой пластики Средней Азии (Бартольд, 1908, с. 65, 66).

Следующий 1909 год был ознаменован уникальной находкой биянайманских оссуариев. В протоколах ТКЛА это-

му открытию были посвящены две работы. В первой статье, написанной А. Д. Калмыковым (Калмыков, 1909, с. 53), впервые предлагалось обратиться к изучению архитектурного декора, среди которого расположены персонажи, как к источнику, который может пролить свет на вопрос датировки оссуариев. Кроме того, автор уделил такое же пристальное внимание изучению костюмов изображенных персонажей. Эти предложения получают дальнейшее свое развитие в многочисленных работах советских археологов. По сути, А. Д. Калмыковым было намечено важнейшее направление — подход к изучению изобразительных сюжетов на терракотовых изделиях как достоверных исторических источников. Представляется, что это направление в искусствоведческих исследованиях терракотовой пластики является наиболее плодотворным. Эта работа стала также одной из первых, предлагавших интерпретацию изобразительных сюжетов на биянайманских оссуариях. К. Т. Залеман дополнил ее коротким замечанием (Залеман, 1909), также предложив свою интерпретацию биянайманских персонажей⁴.

Вторая статья представляла собой предварительное, но вполне обстоятельное сообщение военного инженера Б. И. Кастальского, непосредственного открывателя биянайманских оссуариев (Кастальский, 1909, с. 5–12). Она содержала подробнейшие сведения о 700 извлеченных фрагментах, анализ технологии их изготовления с вариантом реконструкции последней, а также реконструкцию формы оссуариев. Эта работа благодаря тщательности анализа и обоснованности выводов и сегодня не потеряла своего значения, определив надолго вперед уровень внимания к деталям исследуемого археологического материала. Достаточно упомянуть, что автор отметил состав теста, способ его приготовления, возможные примеси, качество и характер обжига, дополнительную обработку поверхности ангобированием, состав самого ангоба, толщину стенок, высоту рельефа. Кроме того, он установил штампованный характер рельефа, который был оттиснут при помощи матрицы. Последняя, по мнению автора, была изготовлена из глины или алебаstra и имела вид доски, высота которой была равна высоте оссуария.

Интересным в рассматриваемой работе явилось замечание Б. И. Кастальского о том, что при вминании глины в формы на поверхности оставались следы или, вернее, отпечатки пальцев, «по коим можно было бы различить мастеров». Это важнейшее наблюдение в дальнейших исследованиях терракотовой пластики не получило развития⁵.

⁴ К. Т. Залеман видел в изображенных под арками фигурах лиц четверо сословий зороастрийцев: жрецов, воинов, ремесленников и земледельцев.

⁵ Причем в обыкновение вошла констатация факта наличия отпечатков на многих изделиях, но использовалась эта информация только как свидетельство определенной технологии изготовления. Другая же сторона, которая косвенно могла вывести на целый круг важнейших проблем, связанных с выявлением мастерских, хронологии,

³ В этот же период публикуется ряд работ, посвященных изучению оссуариев в контексте древнеиранского погребального обряда (Иностранцев, 1907, 1908, 1909).

С 1909 года наступает не совсем ясный перерыв в восемь лет, отразившийся в отсутствии каких-либо публикаций на тему терракотовой пластики. Тем не менее известно, что накопление этого материала продолжалось. Н. И. Веселовским была собрана уже довольно многочисленная коллекция, которая подготавливалась к публикации. В преддверии этой работы Н. И. Веселовский опубликовал и сегодня широко известную статью «Греческие изображения на туркестанских оссуариях», в которой были рассмотрены фрагменты изделий, относимых к оссуариям (Веселовский, 1917, с. 59–68). В статье автор относит к оссуариям также и рельефы на плитках⁶. Развивая искусствоведческие методы анализа изобразительных сюжетов при помощи выделения иконографии и стиля, в котором они выполнены, проводятся аналогии с изображениями греческой монументальной скульптуры. Автор видит в них «основу, переработанную в позднейшей сасанидской эпохе», и интерпретирует рассматриваемые образцы как отражающие образы Аполлона, Александра Македонского, Силены и сирен. Этот подход в дальнейшем также получит широкое развитие, вплоть до формирования мнения о безусловном подражании части мелкой терракотовой пластики образцам монументальной скульптуры⁷.

После длительного перерыва, в 1926 г. было опубликовано исследование В. Л. Вяткина «Городище Афрасиаб» (Вяткин, 1926). Оно содержало насущное обобщение по известным к тому времени видам терракотовой пластики Афрасиаба. В специальной главе впервые были отделены от оссуариев и обозначены такие виды, как «статуэтки, головки и рельефные фигурки на терракотовых плиточках». Все они рассматривались в совокупности, с выделением особенностей каждого вида в технологии, а также в стиле и иконографии. Впервые были приведены среднестатистические размеры статуэток, головок и плиток. Анализ технологии изготовления показал, что терракотовые плитки встречаются только штампованные, статуэтки и головки также штампованные, за редким исключением. Приводятся данные

о вторичных приемах изготовления: доработке острым инструментом по сырой глине после оттискивания, заглаживании тыльной стороны пальцами, а также окрашивании в черный и красный цвета с помощью погружения в краситель (вероятно, подразумевалось ангобирование). Отдельно упоминаются статуэтки лепные и комбинированные, т. е. со штампованными головками на вылепленных вручную туловищах. На основе анализа технологии, выявленной общности в приемах изготовления, а также находок здесь же, на городище, бракованных фрагментов статуэток, головок и форм для их оттискивания автором был сделан вывод о местном происхождении этих предметов.

При изучении стиля изображений В. Л. Вяткиным были выделены различные характерные черты. Часть из них уже была ранее отмечена Н. И. Веселовским (например, акцентирование внимания на лице персонажей и «передней половине головных украшений»), а другие были открыты впервые: «почти всегда серьезное, несколько величавое» выражение лиц, не передающее никаких эмоций, с взглядом, из-за отсутствия зрачков, неподвижным и холодным; статичность поз, которые «не выражают движения, гибкости и свободы»; построение изображений строго в анфас; непропорциональность в изображении тела даже в штампованных изделиях; преобладание персонажей с укороченными конечностями, без выраженной мускулатуры в лепных изделиях. Эти важнейшие наблюдения легли в основу целого ряда последующих работ, посвященных исследованию стилей в изобразительном искусстве древней и раннесредневековой Средней Азии⁸.

Иконографическое исследование велось с особым вниманием ко всем деталям костюмов, позам и атрибутам изображенных персонажей. Были отмечены: приоритетное изображение мужчин, отсутствие изображений детей; предположительно портретное изображение лиц (из нескольких сотен изделий не удалось обнаружить хотя бы двух, изготовленных одним штампом); выделение среди большого разнообразия иконографических образов женских статуэток с атрибутами в виде круглого плода и трилистника в прижатых к груди руках, мужских статуэток со скипетром или булавой, вскинутыми на плечо, статуэток музыкантов, а также всадников на конях.

Иконография сюжетов и образов на «плиточках с рельефными изображениями» рассматривалась отдельно, но без подробного обоснования выводов. Здесь, как и ранее (Веселовский, 1887; Толстой, Кондаков, 1890), были выделены буддийские образки, отражающие «традиции... Индии», а также фигуры и сцены «с иранскими элементами искусства».

Основываясь на вышеперечисленных наблюдениях, В. Л. Вяткин предложил первичную, по мнению самого

происхождения и т. д., никем до сих пор не использовалась. В 1981 г. в статье «Позднекушанская антропоморфная терракота Зар-тепе» В. А. Завьялов вновь высказал аналогичное предположение (Завьялов, 1981, с. 65).

⁶ Интересно, что в первой своей статье Н. В. Веселовский упоминает находку идолов, часть их была интерпретирована им как «чисто буддийские», а часть как изделия «неизвестного происхождения» (Веселовский, 1887). В публикации И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1890), где описываются материалы Н. И. Веселовского, полученные из раскопок на Афрасиабе, а также часть новых поступлений терракотовой пластики, на приведенных рисунках представлены плитки с рельефными изображениями, частью интерпретированные как буддийские. Вероятно, можно предполагать, что изначально плитки с рельефами были названы Н. И. Веселовским «идолами». Позднее, в рассматриваемой статье (Веселовский, 1917), часть из них он относит уже к фрагментам лицевых стенок оссуариев.

⁷ Ремпель, 1951; Дьяконов, 1950, 1954; Маршак, 1964; Пугаченкова, 1966, 1967а; Абдуллаев, 1985а; Кавасаки, 1998 и мн. др.

⁸ Тревер, 1940; Толстов, 1948; Ремпель, 1951; Пугаченкова, Ремпель, 1961; Кошеленко, 1966; Мешкерис, 1975, 1978, 1980, 19926; Воробьева, 1978, 1981 и т. д.

автора — «грубую», классификацию образов статуэток и головок по этническому принципу, разбив их на три категории: греческую, сасанидскую и тюркскую. Напомним, что ранее Н. И. Веселовским (Веселовский, 1887) была предложена классификация по «типу лица» с выделением «греческого, персидского и даже близкого к монгольской расе»⁹. Она позволила автору обозначить верхнюю дату существования этих видов терракотовой пластики временем арабского завоевания, когда ислам до прихода монголов уже успел вытеснить многие местные обычаи и культы. Это мнение В. Л. Вяткин обосновывал отсутствием образов монголов, а также персонажей с арабскими головными уборами. Кроме того, была обозначена проблема происхождения и развития технологий изготовления терракотовой пластики на изучаемой территории, так как исследуемый материал автор относил к «изделиям с уже сложившимся художественным стилем». Возникновение этого искусства В. Л. Вяткин предлагает отнести «к более ранней поре, чем основано было поселение на Афрасиабе»¹⁰.

В целом же в исследовании В. Л. Вяткиным терракотовой пластики Афрасиаба сквозит сопоставление ее с причерноморскими терракотовыми статуэтками, более известными и значительно лучше изученными к этому времени. Например, говоря о технологии изготовления, он отмечает, что статуэтки, головки, и рельефные плиточки Афрасиаба получались плотными, не полыми внутри и без подставок, среди них не встречено окрашенных в разные цвета, как раз для причерноморских статуэток эти признаки наиболее характерны. В сопоставлении с греческими изделиями «чувство изящного» оценивается в Средней Азии как более грубое и сухое (Вяткин, 1926, с. 20).

Особый интерес в рассматриваемой работе представляют размышления автора о назначении терракотовых статуэток, головок и плиток с рельефными изображениями. В. Л. Вяткин отметил следующие важные моменты для всех трех видов: отсутствие подставок, наличие только одной показной стороны, что приводит автора к дальнейшему выводу о том, что положение «статуэток, головок и плиточек с рельефами при пользовании ими было лежащее или стоячее впритык к какой-нибудь плоскости» (Там же, с. 21). Это обстоятельство, по мнению В. Л. Вяткина, делает менее правдоподобной версию о домашних божках или игрушках, при использовании которых более естественно их стоячее положение. Кроме того, некоторые изделия имеют следы изношенности или потертости, т. е. длительного использования. Далее, «по аналогии с танагрскими статуэтками», автором была предложена гипотеза о погребальном назначении терракотовых статуэток. Отметим, что оба обстоя-

тельства — длительное употребление и погребальное назначение — взаимно исключают друг друга либо же изделение могло после длительного использования попасть в погребальный инвентарь, иначе — получить новое назначение. Предположение о погребальном характере статуэток основывалось на наличии головок-налепов, составляющих часть оссуариев с соответствующим назначением. В. Л. Вяткин считал, что разница головок-налепов на оссуарии и головок от статуэток могла заключаться лишь в том, что первые были прикреплены к гробам, а другие «просто клали на гроб или с гробом, или в тех случаях, когда хоронили без гроба». При этом автор отмечает отсутствие фактов, подтверждающих это предположение. Через семьдесят пять лет можно лишь констатировать, что находки в погребениях терракотовых статуэток или плиток с рельефами единичны. Для плиток с рельефными изображениями, в связи с выделенными буддийскими сюжетами, представлялось естественным их культовое назначение. Тем не менее на сегодняшний день по-прежнему нет ясного представления о роли и способах применения терракотовых статуэток и плиток с рельефами.

В целом нельзя не отметить, что В. Л. Вяткин вел исследование терракотовой пластики с большой тщательностью, им были применены многие ранее обозначенные методики и подходы. В изучении изобразительного материала автор ограничился исследованиями стилевых особенностей и иконографии. В изучении материала как составляющей археологического комплекса особое внимание было уделено технологии изготовления. Автором описывались как качество самого черепка и его покрытия, так и приемов формовки. Впервые были указаны размеры изделий. Но был упущен анализ таких важных археологических данных, как местонахождение и сопутствующий материал. Безусловно, это связано с тем, что анализировался в основном подъемный или коллекционный беспаспортный материал. И тем не менее при исследовании такой крупной коллекции терракотовых изделий (в несколько сотен экземпляров) сопоставление этих данных при помощи статистики могло существенно пополнить представления об этой категории изделий.

Оссуариям посвящена была отдельная глава книги. Но неслучайным представляется начало их рассмотрения уже в главе «Терракотовые статуэтки», так как на примере части головок была установлена их непосредственная связь с оссуариями. Здесь же было высказано мнение, что оссуарии копируют по внешнему виду жилища не только в таких архитектурных формах, как карнизы, арочки и колонки, но и в подобию дверей, обозначенных с лицевой стороны погребальных «ящиков».

Намеченная В. Л. Вяткиным схема исследования изделий терракотовой пластики стала образцовой и используется в различных вариациях до сегодняшнего дня. Она включает: а) определение размеров; б) описание технологии изготовления (состав теста, прием формовки и дополнительной

⁹ Классификация В. Л. Вяткина по этническому принципу нашла свое развитие в целом ряде работ (Тревер, 1934; Стрелков, 1930; Мандельштам, 1951).

¹⁰ В. Л. Вяткин время основания города на Афрасиабе определял ранним средневековьем.

доработки в виде нанесения ангоба либо раскрашивания, а также подправка штампа от руки); в) детальное описание изображения; г) выявление стиливых особенностей; д) классификацию.

Надо отметить, что схема эта в дальнейшем имела тенденцию к упрощению и канонизации, а не к углублению анализа вновь накапливаемого материала. К примеру, обязательное упоминание в публикациях размеров статуэток или плиток с рельефами в большинстве случаев остается ни с чем не связанной информацией. Хотя спектр анализа только этой информации достаточно широк. Так, учитывая только размеры статуэток, можно было бы говорить о возможности их ношения¹¹ или большей вероятности их стационарного использования, как в случаях, когда статуэтка или плитка являлись объектом культового почитания (Смогулов, 1990). Практически так же, за редким исключением, обстоит дело и с анализом многочисленных особенностей технологии изготовления. Известно добавление в состав теста некоторых женских статуэток зерен пшеницы, что свидетельствует не только о культовом характере самого изделия, но и об особом отношении к процессу изготовления, который становился частью культа (Бибииков, 1949, 1951, 1953).

Большое значение имело также рассмотрение В. Л. Вяткиным статуэток, головок и плиток с рельефными изображениями как самостоятельных видов терракотовой пластики, необходимое для понимания их особенностей и назначения. В дальнейшем обособленное изучение оссуариев с одной стороны и всех других видов терракотовых изделий с другой стало характерным. При этом, к сожалению, практически был прекращен анализ всех видов терракотовой пластики в совокупности и во взаимовлиянии друг на друга.

Ярким свидетельством необходимости специального рассмотрения статуэток и их самостоятельного исследования стал каталог «Terracottas from Afrasiab» (Trever, 1934). Он был составлен на основе обширной коллекции терракотовых статуэток Афрасиаба, собранной Н. И. Веселовским и хранящейся в стенах Государственного Эрмитажа. Этот труд стоит во главе ряда работ каталожного типа. Значение его заключается в первую очередь в публикации и освещении значительного изобразительного материала и вводе его в научный оборот, что имеет первостепенную важность для дальнейших исследований.

Позднее, в книге К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства» опубликованные ранее изделия рассматривались наряду с изделиями художественного металла, монетным материалом и пр. (Тревер, 1940). В этом исследовании хронология терракотовых изделий становится более дробной. Выделяются «глиняные фигурки, относящиеся и к ахеменидскому, и к селевкидскому, и к кушан-

скому, и к сасанидскому времени, имеется и большая группа, относящаяся ко времени греко-бактрийских царств». Несмотря на подчеркнутое неясное назначение «фигурок», автор придерживается мнения об их, несомненно, votivном и культовом характере (Тревер, 1940, с. 32). К сожалению, упомянутые положения не обосновываются, а лишь декларируются. В целом же работа построена аналогично выше-рассмотренной статье Н. И. Веселовского (Веселовский, 1917), в отличие от которого К. В. Тревер использует разнотипный материал. Различные виды изделий рассматриваются параллельно с выделением общих черт и близких сюжетов. На основе анализа иконографии изобразительного ряда, его интерпретации ведется сопоставление и поиск аналогий. В результате были вычленены те предметы, которые, по мнению автора, отражали эллинистические сюжеты и являлись памятниками греко-бактрийского искусства¹².

Параллельно с начавшимся самостоятельным изучением мелкой терракотовой пластики продолжали исследоваться и оссуарии. Выходит ряд статей, посвященных отдельным и серийным находкам. А. С. Стрелков опубликовал оссуарий, хранящийся в ГИМе и происходящий с территории Афрасиаба (Стрелков, 1930). В этой работе отмечается характерность применения в украшениях туркестанских оссуариев комбинированной техники, а именно сочетание штампованных элементов и резного орнамента. Интересно, что выполненные штампом налесты отмечаются как «чрезвычайно тщательно» сработанные, из чего автор делает вывод о «большой художественной традиции (главным образом эллинистического порядка)». К этому же выводу А. С. Стрелков приходит в результате стилистического анализа, подчеркивая, однако, наличие в стиле некоторых сасанидских элементов. Следствием этих размышлений становится вывод о безусловном изготовлении налестов с помощью либо импортных матриц, либо матриц, изготовленных мастерами-иностранцами, жившими в Согде. Тем самым впервые затрагивается вопрос о происхождении традиции использования терракотовой пластики в различных видах изделий на территории Средней Азии (Там же, с. 108). А. С. Стрелков видит исключительно привнесенный характер этой традиции. В его работе впервые на основе одного из стиливых признаков — манеры изображения глаз — предлагается датировка оссуария IV–VI вв. н. э. (Там же, с. 108–110).

В 1938 г. А. А. Потапов в статье «Рельефы древней Согдианы» вновь обращается к биянайманским сюжетам. В его исследовании сделаны некоторые обобщения, касающиеся

¹¹ Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2, кн. 18, гл. 9, 5. М., 1994, с. 243.

¹² Из изделий терракотовой пластики к ним были отнесены круглый медальон с изображением «богини Анахит-Нанайи» или царицы, статуэтка «богини Дхишну с ребенком у ног», музыкант с лирой на плитке с рельефом, передвижной на колесиках наиск с изображением трех харит, голова медузы в виде налестов на сосудах, рельеф на светильнике с изображением подвига Геракла — победы над Лирнейской гидрой.

орнаментации на костехранилищах. Было выделено 4 технологических приема украшений: полностью штампом; частично штамп и частично лепка; наклеивание на сырую стенку валиков, из которых в последующем изготавливался узор; резьба по сырой глине. Кроме того, автор выделил более поздний тип оссуариев с украшением только одной лицевой стороны. Еще одно важное обобщение касалось иконографических сюжетов, которые были подразделены на сцены оплакивания, погребальные процессии, сцены суда. Биянайманские оссуарии на основе анализа ряда деталей костюмов — корон и ожерелий — были датированы V в. н. э. (Потапов, 1938).

Вскоре выходит в свет исследование А. Я. Борисова «К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях». В этой работе предлагается датировать биянайманские памятники на основе анализа иконографии, временем не ранее VII в. н. э. Также предлагается развернутая интерпретация персонажей, изображенных на оссуариях, в которых автор видит олицетворение священных зороастрийских стихий — огня, воды, земли и воздуха (Борисов, 1940). Упоминанием этой статьи, ставшей образцом иконографического и интерпретационного исследования терракотовой пластики, можно завершить обзор литературы выделенного нами начального этапа.

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что изучение древней материальной культуры народов Средней Азии началось с рассмотрения такого вида терракотовой пластики, как оссуарии, которые практически на всем протяжении начального этапа оставались в центре внимания. Исследования в большей части были основаны на находках, имеющих случайное происхождение либо полученных в результате археологических раскопок, ведущихся без соответствующих методов и паспортизации материалов. Несмотря на эти обстоятельства, первыми среднеазиатскими археологами и историками были обозначены все важнейшие методы изучения терракотовой пластики.

Наиболее полное и законченное развитие получили традиционные искусствоведческие методы исследования, ярким примером чему служит статья А. Я. Борисова (Борисов, 1940). Напомним, что подход к изделиям терракотовой пластики как к произведениям искусства, с концентрацией внимания на изобразительном ряде, был обозначен в исследованиях И. И. Толстого, Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1890), А. Д. Калмыкова (Калмыков, 1909), К. Т. Залемана (Залеман, 1909), Н. И. Веселовского (Веселовский, 1917), К. В. Тревер (Trever, 1934; Тревер, 1940), А. А. Потапова (Потапов, 1938) и т. д.

Параллельно формируются методы исследования терракотовой пластики как предметов материальной культуры, которые концентрируют внимание на археологическом контексте, вопросах технологии изготовления и их функцио-

нального назначения. Напомним, что уже в первой работе Н. И. Веселовского (Веселовский, 1887) была сделана попытка выделить различные виды терракотовой пластики, что необходимо для понимания назначения и особенностей каждого вида в отдельности. Были выделены и технологические особенности изготовления отдельных видов. Более разносторонний подход к археологическим данным по терракотовой пластике был представлен в работах И. Т. Пославского, который на практике проанализировал во взаимосвязи данные технологии изготовления, формы оссуариев с их местонахождением и сопутствующим материалом. Позднее В. В. Бартольд было предложено такое исследование оссуариев, которое исходило бы в первую очередь из изучения самих предметов, «сопоставления отдельных экземпляров, установления отдельных разновидностей и выяснения их зависимости от географических, этнографических и иных условий» (Бартольд, 1908, с. 65, 66). В этой скупой фразе, по сути, в сжатой форме была заявлена программа создания полноценных и универсальных археологических методов исследования предметов материальной культуры, и в том числе терракотовой пластики.

К 40-м гг. появляются первые результаты начавших свою работу стационарных археологических экспедиций, в которых раскопки памятников и фиксация предметов материальной культуры велись уже по определенной, разработанной методике. В исследованиях ученых этих экспедиций терракотовая пластика не была предметом отдельного изучения, а рассматривалась в контексте всей материальной культуры исследуемого памятника или района (Григорьев, 1940; Массон, 1940; Якубовский, 1940). Впервые были получены терракотовые изделия с привязкой к стратиграфии и с сопутствующим материалом. Но поскольку перед экспедициями стояли чрезвычайно широкие и емкие проблемы археологического изучения крупных историко-культурных областей в целом в больших хронологических диапазонах, то такая частная проблема, как изучение терракотовой пластики, уже на новом этапе планомерных археологических исследований не получила самостоятельного развития.

Напротив, отдельное рассмотрение терракотовой пластики в работах искусствоведов, позволившее более емко обозначить круг проблем, стало преобладать ко времени создания комплексных археологических экспедиций, и археологами были переняты основные искусствоведческие методы изучения терракотовой пластики. Вместе с методикой изучения археологи позаимствовали и отношение к терракотовой пластике как к памятникам искусства, чем и оправдывалось приоритетное применение искусствоведческих методов в исследованиях этого материала. Таким образом, терракотовая пластика, являясь уже полноценным археологическим материалом, происходящим из стратифицированных слоев, практически выпала из широкого спектра предметов материальной культуры, для изучения которых применялись археологические методы.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКOTOVAYА ПЛАСТИКИ ХОРЕЗМА

Второй этап изучения терракотовой пластики начинается в 30–40-е годы двадцатого столетия, когда научное исследование проводилось в отдельно взятых регионах Средней Азии. Связан он с деятельностью комплексных археологических экспедиций, большинство из которых действовало практически до распада СССР.

Широкое археологическое изучение этого региона началось со времени создания С. П. Толстовым Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1937 г.

Изучением терракотовой пластики Хорезма занимался узкий круг исследователей, включавший пятнадцать авторов. Ими было написано более 30 работ, посвященных данной проблеме. Основные итоги этих работ были суммированы и освещены в главе «Хорезм» очередного тома издания «Археология СССР» (Ягодин, Никитин, Кошеленко, 1985, с. 317–337). В совокупности все виды терракотовой пластики не рассматривались. Семь работ посвящено изучению оссуариев (Рапопорт, 1958, 1962, 1971; Рапопорт, Лапиров-Скоболо, 1968; Вязигин, 1948; Бижанов, Мамбетуллаев, 1972; Вайнберг, 1992), из них одна — обобщающего характера (Рапопорт, 1971). Обзор по некоторым видам терракотовой пластики, с выделением характерных стиливых особенностей, был сделан на базе подъемного материала С. П. Толстовым в 1948 г. в книге «Древний Хорезм» (Толстов, 1948). Позднее, в 1959 г., М. Г. Воробьева в работе «Керамика Хорезма античного периода» были обобщены сведения по сосудам с применением терракотовой пластики, ею же в 1981 г. в статье «Терракоты Хорезма» был обобщен материал по терракотовым статуэткам (Воробьева, 1959, 1981). Четыре работы посвящены некоторым частным проблемам: проблеме ранней группы хорезмийских статуэток; назначению, хронологии и интерпретации налепов в виде львов на ручках сосудов; также отдельно рассмотрен комплекс терракотовой пластики с Кой-Крылган-калы (Воробьева, 1958, 1967а, б, 1968; Воробьева, Гертман, 1991). Пять статей Р. Л. Садокова посвящены анализу сюжетов на музыкальную тему (Садоков, 1968, 1969, 1970а, 1970б, 1971).

В обзорной статье С. П. Толстова «Древнехорезмийские памятники Каракалпакии» впервые были затронуты вопросы, связанные с терракотовой пластикой Хорезма (Толстов, 1939). Автор останавливается на рассмотрении «памятников искусства» первых веков нашей эры, к которым были отнесены зооморфные и антропоморфные статуэтки. Среди зооморфных статуэток автор подчеркивает преобладание статуэток коней, а среди антропоморфных отмечает наличие статуэток, изображающих как женщин, так и мужчин. Анализируя детали изобразительного ряда, в частности костюм на антропоморфных статуэтках, автор рассматривает его как историческое свидетельство. Так, мужскому костюму на одной из статуэток по отдельным деталям автор находит

анalogии в изображении древних хорезмийцев и саков на рельефах Накш-и Рустама, а женский головной убор на другой статуэтке, по его словам, «напоминает убор ахеменидского времени» (Там же, с. 186–187). Этот подход был определен еще работами первых исследователей (Калмыков, 1909) и в дальнейшем широко использовался, в том числе и исследователями хорезмийской терракотовой пластики. Анализируя стиль изображений на статуэтках, С. П. Толстов приходит к мысли о том, что они являются памятниками «...весьма своеобразной и вполне самостоятельной художественной культуры. Они далеки от всех знакомых нам типов среднеазиатских терракот. Древнехорезмийская цивилизация породила свой самостоятельный художественный стиль» (Там же, с. 186).

В 1948 г. выходит в свет фундаментальный труд С. П. Толстова «Древний Хорезм», в котором рассматриваемой проблеме посвящена отдельная глава (Толстов, 1948). Автор подходит к терракотовой пластике как к наиболее массовому материалу по искусству Хорезма. Он отмечает не только искусствоведческую ценность терракотовой пластики, но обращает внимание на то, что после истолкования этого материала, насколько это возможно, он может использоваться в качестве источника для изучения историко-культурных связей древнего Хорезма, проблемы этногенеза хорезмийцев и, особенно, проблемы истории хорезмийской религии.

Таким образом, были очерчены перспективы использования этого материала в изучении генезиса хорезмской культуры, ее идеологических и религиозных основ. Однако неперенным условием становится обязательное толкование или интерпретация изобразительного сюжета на терракотовой пластике. Базирование всего процесса изучения терракотовой пластики на интерпретации сюжетного ряда было определено отношением к материалу как к памятникам искусства, вследствие чего самостоятельное значение терракотовой пластики как археологического материала не получило освещения.

В исследовании С. П. Толстова рассматривается в основном подъемный материал. Все антропоморфные статуэтки разделены на три группы. В основу деления лег принцип стиливого различия, им же определялась датировка. Надо отметить, что при ведущей роли стиливого принципа изучения были выделены также и технологические признаки. Для всех групп подчеркивается, что статуэтки с мужскими и женскими изображениями плоские и односторонние, выполнены техникой штампа, иногда с подправкой.

К первой группе, датированной ахеменидской эпохой, были отнесены изделия с изображениями, выполненными в архаическом стиле. Для них были отмечены характерные черты — фронтальность и плоскостность изображений; особое внимание — изображению деталей, орнаментики одежды. Выделены такие технологические моменты, как использование красной глины, а в одном случае — покрытие статуэтки черным ангобом. В связи с плоскостностью

изображений отмечается возможное применение гравировки для нанесения деталей одежды.

Вторая группа датируется III–I вв. до н. э. — I в. н. э., включает статуэтки мужские и женские, выполненные «с большим реализмом и круглым рельефом лицевой стороны» (Там же, с. 197). Круглый рельеф изображений рассматривается в данном случае более как стилиевой признак, нежели как технологический. Характерными признаками этого стиля автор считает реалистичность изображений, вплоть до возможной портретной передачи черт лица и выдвигание на первый план передачи в объеме общей формы с сохраняющимися при этом фронтальностью и напряженностью. Из технологических особенностей подчеркивается лишь наличие красного ангоба. В целом С. П. Толстов характеризует эту группу терракот как обладающую «большим художественным своеобразием», но при этом стилистически роднящуюся с некоторыми иранскими статуэтками ахеменидской и особенно парфянской эпохи, равно как и с частью статуэток афрасиабского круга, датируемых более ранним временем.

Третья группа была названа гандхароидной, или кушанской, и датирована временем не ранее I в. до н. э. В ней ряд статуэток были предложены аналогии в древнеиндийском искусстве по трактовке талии, перегиба тела, груди, а также был выделен ряд статуэток, по отдельным чертам близкий к статуэткам гандхарского круга. В этой группе были подчеркнуты такие технологические моменты, как отсутствие красного ангоба, желтоватая поверхность статуэток и желтоватый цвет самой глины. Также было отмечено появление достаточно крупных по размерам статуэток, высотой до 25 см, наряду с мелкими — высотой до 12 см.

В каждой из выделенных групп С. П. Толстов рассматривает отдельные иконографические типы, в итоге он останавливается на двух, которые интерпретирует как образы наиболее почитавшихся в древнем Хорезме божеств — Анахиты и Сиявуша.

В рассматриваемом исследовании был затронут вопрос о функциональном назначении терракотовых статуэток Хорезма. Теоретически решение этой проблемы автору видится в ключе, общем для всей Средней Азии, «для всех археологически исследованных районов которой, включая и древние города Восточного Туркестана, одинаково свойственно нахождение многочисленных статуэток тех же категорий, что и хорезмийские, хотя и весьма отличных по своему художественному стилю» (Там же, с. 200). Представляется, что такое видение необходимости целостного решения проблемы терракотовой пластики как явления, распространившегося в Средней Азии почти одновременно и обладающего бесспорным родством, на долгие годы опередило время и стало важным вкладом в изучение терракотовой пластики и в выработку методов ее исследований. С. П. Толстов выдвигает ряд предположений о назначении антропоморфных терракотовых статуэток. В частности, он предполагает, что, вероятно, статуэтки имелись у каждой

семьи в качестве «идолов» домусульманской Бухары, описанных в тексте Наршахи. А также, вслед за В. Л. Вяткиным, не исключает возможности использования этих статуэток в заупокойном культе. Основывая свои размышления на более многочисленном ко времени исследования афрасиабском материале, для которого ранее подчеркивалось разнообразие лиц и одежд статуэток, говорящее о стремлении к их портретной индивидуализации, автор предполагает, что их можно интерпретировать как изображения умерших, сравнивая их «с чем-то вроде египетских ушебти».

Отдельно рассматривались зооморфные статуэтки. Были перечислены в порядке численного убывания все зафиксированные на тот период времени виды животных — кони, верблюды (причем и бактрианы, и дромадеры), бараны, свиньи, обезьяны, носорог. Пристальное внимание было уделено наиболее многочисленным статуэткам коней. Их изображения были разделены на две категории. В основу деления были взяты как технологические, так и стилиевые особенности. Так, к первой категории относятся грубо сделанные, схематически трактованные статуэтки из отмученной чистой глины, покрытые красным ангобом или лаком. Ко второй — крупные головки из совершенно иного теста, с сильной примесью кварцевой дресвы, часто с плохим обжигом. В свою очередь, вторая категория подразделяется на основе стилиевых особенностей на два варианта: грубый и изящный. На основе анализа стилиевых особенностей хорезмийских изображений животных, как грубых, так и изящных, автор выделяет их, «как и хорезмийские человеческие статуэтки, в особую группу, отличную и от согдийского, и от восточно-туркестанского круга, несмотря на близость тематики изображений и несомненную идентичность их общественных функций» (Толстов, 1948, с. 209).

К решению вопроса о функциональном назначении ряда зооморфных статуэток относится предположение автора о том, что часть крупных лошадиных головок — это протомы, украшавшие ручки крупных сосудов¹³. Многочисленность находок статуэток животных С. П. Толстов объясняет сильными пережитками тотемических верований в быту у древних хорезмийцев. В этой связи отдельное эссе посвящено рассмотрению культа «небесного коня».

Важным итогом исследований С. П. Толстова стало выделение хорезмийского художественного стиля, прослеживаемого в различных произведениях искусства, архитектуре и, в частности, в изделиях терракотовой пластики. Характеризуя его, автор отметил: «Хорезмское искусство более просто и скупое в своих выразительных средствах, вместе с тем более экспрессивно, чем изысканное искусство Согда и Сериндии. Резкие очертания хорезмийских статуэток, подчеркнутая экспрессия прекрасных головок коней, ясность и спокойствие линий человеческих изображений, строгих

¹³ Дальнейшие исследования позволили уточнить, что эти протомы являлись украшением керамических ритонов раннекангюйского времени.

и подтянутых, внимание в первую очередь к объемной трактовке формы, строгая пропорциональность поз резко контрастируют с плавными и вычурными очертаниями, вниманием к пышному, декоративному оформлению деталей орнамента, одежды, убранства, столь типичными как для Согда, так и для Восточного Туркестана. Разница хорезмского, с одной стороны, и согдийского и восточно-туркестанского искусства, с другой — это разница между Дорикой и Коринфом. Перед нами две струи в художественной культуре одной исторической эпохи. Я склонен видеть объяснение этому явлению в различии общественного и политического укладов и исторических условий различных частей Средней Азии. Пышный, изысканный декоративизм согдийского и синцзянского искусства предкушанской и кушанской эпохи развился в условиях малых олигархических торговых городов-государств, в условиях непосредственных и очень сильных влияний со стороны сперва искусства бактрийских греков, затем искусства Индии. Простой и суровый конструктивизм хорезмийского искусства, его скульптурная четкость и экспрессия сложились в условиях аграрной страны, тесно этнографически связанной с окружающими кочевыми племенами, в условиях большой централизованной деспотии восточного типа, в условиях сохранения мощных пластов первобытно-общинного уклада» (Толстов, 1948, с. 210).

В последующие годы выходят статьи С. П. Толстова, посвященные итогам работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Толстов, 1953). Так, на памятнике Кой-Крылган-кала материалы терракотовой пластики Хорезма пополнились значительным количеством новых находок. Впервые были обнаружены фрагменты керамических фляг с рельефами на плоской стороне, что разъяснило принадлежность ранее находимых аналогичных фрагментов. Также появился еще один вид изделий с использованием терракотовой пластики — ритоны, украшенные протомой животного. Были обнаружены ручки сосудов, украшенные налепом в виде головы льва. Кроме того, был обнаружен новый вид оссуариев, статуарный — прямоугольный оссуарий с сидящей на нем женской фигурой в половину натуральной величины. Все эти категории находок перечисляются без уточнений, и лишь иногда сопровождаются фотографическим изображением с подписью.

В публикации, посвященной итогам работ за 1953 г., С. П. Толстов обзорно перечисляет различные виды изделий терракотовой пластики, пополнившие хорезмийскую коллекцию (Толстов, 1955). Отдельно освещается обнаружение на городище Калалы-гыр 1 около сорока оссуариев с более чем ста захоронениями в них. Для датировки автор прибегает к анализу характера теста и обработки поверхности самих оссуариев (к сожалению, не раскрывая суть этого метода), и относит их к I–III вв. н. э. Предлагается одна из первых типологий хорезмийских оссуариев. Они подразделены по форме на 4 типа: саркофагообразные на ножках, с небольшим квадратным отверстием сверху, закрытым крышкой; в виде горизонтально расположенного цилиндра

(«бочонка») на ножках с отверстием и крышкой в торце; прямоугольные оссуарии без ножек, с крышкой в торце; подквадратный оссуарий без ножек, с отверстием в пирамидальной верхней грани, закрываемым круглой или овальной крышкой, украшенной скульптуркой птицы. Отмечено, что почти все оссуарии украшены наlepными жгутиками с насечками.

В 1958 г. появляется первая специализированная работа М. Г. Воробьевой, посвященная отдельной категории хорезмийской терракотовой пластики — налепам в виде голов львов на ручках сосудов (Воробьева, 1958). Анализу была подвергнута массовая подборка этой категории изделий из 35 предметов. Налепы на основе типологического анализа отдельных деталей изображений льва были разбиты на 3 группы. В первой группе были установлены стратиграфически датированные экземпляры, опираясь на которые вся группа была, как наиболее ранняя, отнесена к IV в. до н. э. Вторая группа была датирована на основании одного налепа, который по сопутствующему комплексу керамики отнесен к «поздней поре раннекангюйского времени». Третья группа была определена как наиболее поздняя, на основе типологического анализа. Отдельно был рассмотрен сероглиняный налеп, как изделие не хорезмийского производства, он, равно как и два сероглиняных налепа с территорий, занятых кочевыми или полукочевыми племенами вне Хорезма, был отнесен к поздней поре раннекангюйского времени.

Характерной особенностью исследований М. Г. Воробьевой является рассмотрение публикуемого материала, в частности налепов, в контексте изучения сосудов, на которых эти налепы фиксируются. Анализ технологических особенностей этих сосудов привел к выводу об изготовлении их в подражание металлическим формам, что, в свою очередь, позволило определить изделия этой категории как культовые, употреблявшиеся для возлияний, имевшие широкое распространение на обширных территориях Ахеменидской империи и часто изготовлявшиеся из драгоценных металлов. Учитывая культовый характер памятника Кой-Крылган-калы, из которого происходит большая часть находок налепов, а также наличие сосудов с аналогичными налепами не хорезмийского происхождения, М. Г. Воробьева предполагает, что сосуды с налепами в виде львиных голов на их ручках имели характер вотивов. Эта часть исследования представляется наиболее ценной благодаря максимальному вниманию к археологическим данным. Анализу были подвергнуты форма, качество и особенности (в частности, налеп) этого вида изделий, а также стратиграфические данные и характер объектов, откуда происходили фрагменты, что в результате и позволило подойти к решению вопроса о функциональном назначении исследуемого вида изделий. Типология, построенная на иконографии изображений львов на налепах, с учетом стратиграфических данных, позволила внести дополнения к определенным уже в целом хронологическим рамкам существования этого вида изделий.

Вторая часть исследования посвящена интерпретации самого образа льва и связанных с ним мифологических и религиозных сюжетов. Она построена на сравнительном методе с привлечением разнообразных аналогий, в том числе хронологически и территориально значительно удаленных. В конечном счете это способствовало построению многоуровневых гипотез с большим количеством допущений.

В 1959 г. М. Г. Воробьева издает книгу «Керамика Хорезма античного периода» (Воробьева, 1959). В этом фундаментальном исследовании рассматриваются все категории керамических изделий, в том числе и относящиеся к терракотовой пластике. Это сосуды с налепами на ручках, ритоны с зооморфными протомами, фляги с рельефами, фигурные сосуды. Надо отметить, что все эти виды изделий рассматривались автором в контексте изучения керамики. Безусловно, такой подход дал свои результаты. Так, на фоне существования в один хронологический отрезок времени фляг с рельефными изображениями различных сюжетных сцен и фляг без украшений дало возможность предположить особое значение первых. С. П. Толстов отмечал, что они могли быть «парадными, а может быть, и культовыми» (Толстов, 1953, с. 169). Аналогичный вывод был сделан относительно редкого типа сосудов — ритонов с протомами животных. В многочисленной серии миниатюрных сосудов выделяются, опять же своей малочисленностью, фигурные сосудики ручной лепки с антропоморфным изображением, и они, так же как большая часть изделий этой категории, предположительно относятся автором к культовым. Важно отметить, что все упомянутые виды керамики с применением терракотовой пластики были датированы раннекангюйским временем — IV–II вв. до н. э. Более того, именно этот набор изделий составляет особенность хорезмского керамического комплекса, являясь хронологическим индикатором раннекангюйского времени. Автором также подчеркивается, что если керамический комплекс предыдущего архаического периода находил наибольшую близость с керамикой этого же времени других регионов Средней Азии — Согдом, Северной Бактрией, Маргианой, — то в раннекангюйский период хорезмская посуда более, чем в любой другой период, отличалась от посуды остальных районов Средней Азии, в частности, отсутствием упомянутой категории изделий. Трудно предположить, что одновременное возникновение традиции выражать определенные идеологические представления при помощи терракотовой пластики на различных видах изделий, таких как керамические сосуды, статуэтки и статуарные оссуарии, было явлением случайным. Нам представляется, что вопрос происхождения и датировки ранней группы изделий с применением терракотовой пластики тесно переплетен с вопросами становления собственно хорезмийской культуры, сложения ее особенностей и требует пристального внимания.

В рассматриваемом исследовании автор освещает технологический процесс производства керамики разных

периодов, частично реконструируя его. В отношении фляг с рельефными изображениями тщательно восстанавливается способ их формовки, но при этом практически ничего не сообщается о формовке самой матрицы с рельефным изображением, благодаря которой получали оттиск на фляге (нет авторских соображений о нахождении таковых). Описывая технологию изготовления ритонов, М. Г. Воробьева не находит возможным что-либо сказать о формовке самих протом с изображениями животных. Так же кратко упоминается технология изготовления налепов на ручках кувшинов в виде голов львов (Воробьева, 1958). Таким образом, непосредственно технология изготовления самой терракотовой пластики здесь не изучалась. Тем не менее совокупное рассмотрение этого материала в контексте его функционального назначения как посуды дало возможность автору отметить ряд важных моментов. Мотив украшения сосудов головами животных автор относит к подражанию металлическим сосудам. К нему же относится и появление такого орнаментального элемента, как рельефные валики. Важно подчеркнуть, что ими украшались не только сосуды с применением терракотовой пластики, но и хумы и хумчи, что свидетельствует о единстве керамического комплекса раннекангюйского времени. Подражание металлическим изделиям представляется автору наиболее вероятным и в применении красноангобного покрытия особо выделяемых «парадных» или «культовых» фляг с рельефными изображениями, кувшинов с налепами на ручках и ритонов с протомами животных, нередко сопровождавшегося также лощением, которое придавало изделиям матовый «металлический» блеск. Исследование технологии производства керамики выявило, что налепы в виде голов львов делали те же мастера, что изготавливали посуду. Этот факт был установлен с помощью анализа выбросов керамики у гончарной печи на Кюзели-гыре, датированной раннекангюйским временем. Было отмечено также, что в этот период все виды керамической продукции, в том числе и терракотовая пластика, обжигались в одних и тех же печах, в различных сочетаниях. Таким образом, раннекангюйский керамический комплекс объединен не только единством своих технологических особенностей, синхронным появлением и исчезновением, но также, по всей видимости, общим генезисом, что в полной мере относится и ко всем упомянутым видам терракотовой пластики.

Формируя представление о том, как складывалось своеобразие раннекангюйского керамического комплекса Хорезма, М. Г. Воробьева отмечает, с одной стороны, преемственность традиции, а с другой — объясняет резкое изменение в целом облика керамики повышением ее качества. В свою очередь, последнее обстоятельство связывается с эпохой вхождения Хорезма в Ахеменидскую империю, знакомством с иными культурами и переработкой увиденного. Еще одну причину своеобразие хоре́змийского комплекса исследовательница видит в антиахеменидской и антигреческой

политике, что якобы не располагало к прямому подражанию иноземным образцам¹⁴.

Исследование М. Г. Воробьевой внесло существенный вклад в изучение терракотовой пластики Хорезма, несмотря на то, что последняя не являлась объектом специализированного рассмотрения.

Продолжается исследование оссуариев. В 1958 г. Ю. А. Рапопорт публикует работу, посвященную хорезмийским статуарным оссуариям (Рапопорт, 1958). Впервые они были обнаружены на Кой-Крылган-кале и опубликованы С. П. Толстовым (Толстов, 1953). Освещая новые находки статуарных оссуариев, в частности изображающих всадников, автор обращает внимание на находку вместе с фрагментами оссуариев мелких древесных угольков и кусочков сгоревших человеческих костей. На основании этого делается предположение, что пустотелые керамические скульптуры являются урнами. При раскопках Кой-Крылган-калы была обнаружена лицевая маска с раскраской по алебастровой подгрунтовке, со сквозными ноздрями и ртом. Автор предполагает, что появлению статуарных оссуариев предшествовала определенная эволюция от урны-сосуда, а затем сочетания урны-сосуда с лицевой маской, т. е. маска рассматривалась как некое промежуточное звено. Аналогичный процесс автор отмечает в развитии погребального культа этрусков. Существующее разнообразие форм оссуариев стало основой для различных гипотез об их происхождении. Ю. А. Рапопорт выдвинул гипотезу о возможных вариантах перехода от урн к костехранилищам, отмечая при этом, что не все оссуарии, происходя от урн, получили их форму: «В тех районах, где ранее преобладало труположение, они принимали форму саркофагов, гробниц, а в районах распространения выбрасывания — форму погребальных носилок» (Рапопорт, 1958, с. 62). Также, ставя вопрос о происхождении оссуарного обряда, автор отмечает, что археологические данные свидетельствуют о возможном возникновении на основе двух или трех погребальных обрядов нового ритуала захоронения.

Отдельно рассматривался вопрос, кого изображали статуарные оссуарии. Ю. А. Рапопорт допускает предположение, что это боги, но, однако, гораздо чаще, считает он, урна изображает покойного. Также предполагается, что статуарные оссуарии служили не только костехранилищем, но, вероятно, и предметом поклонения, являясь, по сути дела, изображениями божеств особого рода. Дальнейшие размышления приводят автора к выводу, что на статуарных оссуариях мы видим изображения духов — фравашей, являвшихся обожествленными предками.

С точки зрения накопления фактического археологического материала особое значение имеет приведенная авто-

ром находка терракотовой статуэткой, вероятно, круглой (судя по приведенной фотографии), найденной близ замка № 59 Беркуткалинского оазиса, изображение которой является прямой аналогией изображению на одном из статуарных оссуариев. Последнее обстоятельство стало основой предположения о том, что при определенных условиях статуарные оссуарии могли быть заменены подобными статуэтками. Т. е. было обозначено еще одно из возможных функциональных назначений терракотовых статуэток.

В связи с этим хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость совокупного рассмотрения различных видов терракотовой пластики. Даже в рамках искусствоведческих методов изучения нет работ, сопоставлявших, к примеру, стиль изображений людей на статуарных оссуариях и на терракотовых статуэтках. А ведь одновременное возникновение этих видов изделий говорит о безусловно родственных мотивах их возникновения. Можно, к примеру, отметить такую характерную и бросающуюся в глаза деталь, как передача в основном местных антропологических типов в этих видах терракотовой пластики.

В 1962 г. Ю. А. Рапопорт в статье «Хорезмийские асоданы» приводит новые материалы по статуарным оссуариям, полученным при раскопках Кой-Крылган-калы и усадьбы в ее окрестностях (Рапопорт, 1962). Было подтверждено ранее выдвинутое предположение о том, что статуарные оссуарии являлись урнами. Новые данные изменяют многие ранее выдвинутые предположения. Если ранее предлагалось датировать статуарные оссуарии I–II вв. н. э. (Рапопорт, 1958, с. 54), то по уточненным археологическим данным, подкрепленным радиоуглеродным анализом, они датируются IV–II вв. до н. э., а возможный переход от урн к асоданам относится ко II в. до н. э. Кроме того, полученная при раскопках Кой-Крылган-калы серия однотипных оссуариев с изображением женщины делает несостоятельной версию о портретности изображений и соответствии их облику погребенных. Соответственно, меняется интерпретация изображений. Облик умерших воплощен в образах божеств: мужчин — в образе Сиявуша, женщин — в Анахите. Отмечается, что в крупном оссуарном некрополе, открытом на Калалы-гыр 1 и датированном II–IV вв. н. э., статуарных оссуариев нет. Таким образом, II в. н. э. является верхней датой существования статуарных оссуариев¹⁵.

В 1967 г. в книге, посвященной археологическому исследованию городища Кой-Крылган-кала, в первом разделе главы «К вопросу о назначении памятника», Ю. А. Рапопорт поднимает комплекс вопросов, связанных с оссуариями, в том числе с оссуариями, где применялась терракотовая пластика. В частности, им публикуются статуарные оссуарии из усадеб, расположенных близ городища, в которых хранились кремнированные останки. Так, из усадьбы в точке

¹⁴ Разделяя в целом размышления автора о своеобразии хорезмийского керамического комплекса, отметим, что политические события далеко не всегда прямо влияли на бытовую культуру. На сегодняшний день накоплен материал, подтверждающий наличие подражания изделиям вышеупомянутых культур (Болелов, 2005, с. 215–234).

¹⁵ В 1963 г. выходит в свет статья В. Н. Ягодина, посвященная вводу в научный оборот новых материалов, раскрывающих некоторые представления по истории религии древнего Хорезма (Ягодин, 1963).

13/70 происходят два сосуда в виде стоящей женщины и сидящего на кресле мужчины.

В 1968 г. в отдельной статье Ю. А. Рапопортом и М. С. Лапировым-Скобло была рассмотрена еще одна группа оссуариев — башнеобразная (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1968). В связи с находкой оссуария, воспроизводящего архитектурное сооружение, было подтверждено мнение В. Л. Ворониной о том, что оссуарии могли изображать храмовые и погребальные постройки. Исследование построено на анализе всех деталей оссуария, говорящих об отражении реального сооружения, а также на сопоставлении его с археологическими памятниками этого региона. К аналогичным убеждениям об отражении в оссуариях форм погребальных и храмовых сооружений пришел ряд авторов через анализ различных материалов (Пугаченкова, 1950, 1963; Кошеленко, Оразов, 1965).

В 1971 г. выходит книга Ю. А. Рапопорта «Из истории религии древнего Хорезма» (Рапопорт, 1971). Задачей этой работы явилось освещение религиозных представлений в Хорезме сквозь призму погребальных культов и, в частности, обычая сохранения костей умерших в своеобразных керамических хранилищах — оссуариях. Ко времени написания этой книги был накоплен богатый материал по оссуариям Хорезма, в том числе происходящий из археологических раскопок, он был детально описан и проанализирован в контексте места и условий нахождения, а также сопутствующего материала. Костехранилища были подразделены на три типа: погребальные сосуды, статуарные и ящичные оссуарии. В основе выделения типов лежал ряд критериев. По технологическим особенностям были выделены первые два типа: у погребальных сосудов основание изготовлено на круге и напоминает горшок или хумчу, у статуарных оссуариев основание ящичное. По функциональному назначению первый тип автор считал возможными урнами, а второй — оссуариями. Каждый тип был датирован настолько точно, насколько мог позволить анализ сопутствующих археологических данных. Автором был предложен вариант реконструкции развития погребального обряда. Отдельно была составлена таблица данных по всем известным находкам оссуариев в Хорезме. Особенностью этого исследования явилось совокупное рассмотрение археологического материала, письменных источников, религиозных текстов, а также этнографических свидетельств. В первой главе книги содержится детальный историографический обзор литературы, посвященной изучению как самих оссуариев, так и погребального культа, связанного с ними. Погребальные сосуды и оссуарии Хорезма рассматривались не как изделия терракотовой пластики, а сугубо как памятники погребального культа. Поэтому, по-видимому, не был затронут, на наш взгляд, важный вопрос о безусловной связи между появлением различных видов терракотовой пластики в хорезмской культуре в раннекангийский период и появлением нового элемента погребального культа — статуарных оссуариев, масок и др., отражавших определенные мировоззренческие

изменения, потребовавшие передачи определенной информации на языке пластики.

В ряде статей продолжается публикация получаемого при археологических работах богатого материала по терракотовой пластике (Толстов, Жданко, Итина, 1963). С. П. Толстов выделяет как наиболее распространенные статуэтки, изображающие женское божество, и интерпретирует его как богиню плодородия земли и амударьинских вод Анахит (Толстов, 1962).

В 1967 г. выходит труд, посвященный археологическому исследованию городища Кой-Крылган-кала. Отдельная глава «Памятники искусства», написанная М. Г. Воробьевой, посвящена исследованию различных видов изобразительного искусства, в том числе и терракотовой пластики (Воробьева, 1967а, б). Впервые исследуется комплекс с одного памятника, представленный крупной серией в 80 терракотовых изделий. На основе стратиграфических данных и совместно залегавшего датирующего археологического материала весь комплекс был разбит на три хронологические группы. Часть статуэток, не имевших этих данных, была внесена на основе сравнительно-стилистического анализа.

Автор приводит для всего комплекса обобщенные данные по технологии изготовления статуэток. Она отмечает, что почти все антропоморфные статуэтки выполнены в односторчатых формах, причем голова — горельефно, туловище — в более или менее высоком рельефе. Спинка плоская, обструганная ножом и заглаженная; поверхность покрывалась однотонным ангобом, в раннее время — только красным или красно-коричневым; позднее появляются и светлангобированные статуэтки. Зооморфные статуэтки обычно лепные, в отдельных случаях изготовлены в односторчатой форме. Глиняное тесто обычно хорошо отмечено, однородно. Обжиг для всех групп — горновой. Внутри каждой выделенной хронологической группы был произведен типологический и иконографический анализ. Часть статуэток выделена как ряд иконографических образов в развитии.

Исследование всех групп терракотовой пластики строилось автором по следующей схеме: выделение и обоснование на основе археологических данных хронологических групп; внутри таких групп выделялись типы; на основе стилового анализа выделялись иконографические особенности отдельных типов и прослеживалось их развитие и в других хронологических группах; далее, на основе интерпретации образов и отдельных деталей, приводились аналогии и устанавливались взаимосвязь и влияние искусства тех культур, где обнаруживаются аналогии. В целом схема близка ранее предложенной С. П. Толстовым (Толстов, 1948, с. 196). Важным достижением рассматриваемой работы является создание определенной базы данных, в форме таблицы, где приведены все терракоты с памятника.

В этой же главе М. Г. Воробьева рассмотрела большую группу рельефов на керамических флягах. Всего было представлено тридцать пять фрагментов фляг, происходящих

из наслоений нижнего горизонта памятника, датированных VI–III вв. до н. э., синхронных первой группе терракотовых статуэток.

Отдельно следует рассмотреть ряд вопросов, связанных с проблемой происхождения и датировкой начала массового производства терракотовой пластики. Выделив раннюю группу терракотовых статуэток и датируя ее, как и весь комплекс находок, IV–II вв. до н. э., М. Г. Воробьева путем стилистического исследования приходит к выводу о переднеазиатских параллелях в иконографии образов. Анализ отдельных деталей изобразительного материала приводит к выделению трех статуэток, которые в схематическом виде повторяют «образцы, по всей вероятности, иноземного происхождения», что выразилось в неумелости мастера, пытавшегося изобразить неизвестный покроем одежды. Здесь же автором отмечается, что некоторые детали костюма статуэток с женскими персонажами напоминают «общую схему, по которой выполнена одна из групп греческих терракот VI–V вв. до н. э.». Но на фоне преобладания характерных азиатских особенностей стиля М. Г. Воробьева предполагает, что «и древнехорезмийские, и архаические греческие изображения восходят к каким-то общим, бесспорно восточным образцам... но какими путями их влияние проникло в Хорезм, пока проследить не удастся».

В книге «Кой-Крылган-кала», в главе, посвященной керамике, М. Г. Воробьева рассматривает в комплексе различные виды терракотовой пластики в контексте изучения всей керамики памятника. Это позволило автору установить, что наряду с бытовой керамикой выделяется ряд сосудов прекрасной выработки, часто художественно оформленных, а именно кубки на высокой ножке, ритоны с протоимой животного, сделанные, видимо, в подражание металлическим образцам, кувшины с изображением головы льва на ручке, баклаги с изображениями различных сцен. Этот набор сосудов в совокупности с находками терракотовых статуэток, курильниц, ступенчатых жертвенников или алтариков характерен для храмовых комплексов, известных на Древнем Востоке, что может свидетельствовать о том, что центральное здание Кой-Крылган-калы служило храмом, в котором отправлялись культовые церемонии (Воробьева, 1959, с. 129–130).

В 1968 г. М. Г. Воробьева углубляет исследования терракотовой пластики, акцентируя внимание на самой ранней группе терракот и связанных с ней вопросах: происхождения, преемственности, влияний и др. (Воробьева, 1968). Так, рассматривается проблема перерыва в изготовлении статуэток, который датируется периодом с конца II тыс. до н. э. до первой половины I тыс. до н. э. Автор справедливо ставит под сомнение связь этого перерыва с распространением зороастризма, так как это заставило бы отодвинуть дату жизни самого Заратуштры, а главное, такая версия не объясняет аналогичный перерыв на территории материковой Греции, где зороастризм не был распространен. Выдвигается точка зрения, что это было закономерное явление

при переходе от родовых культов к развитым религиям классового общества¹⁶.

Автор отмечает, что в IV в. до н. э. в различных районах Средней Азии появились иконографически и стилистически вполне сложившиеся статуэтки людей и животных.

Ранняя группа хорезмийских терракотовых статуэток происходит из археологически документированных слоев четырех памятников: Кой-Крылган-калы, Хазараспа, Калалы-гыр 2 и Кюзели-гыра. Причем сопутствующий археологический материал на всех памятниках однороден. К ранней группе терракот отнесены пятнадцать фрагментов женских фигурок, две мужские и двенадцать зооморфных статуэток из стратиграфических слоев и три статуэтки на основе аналогий и стилистических особенностей. Для всех статуэток характерна фронтальность изображений, лицевая сторона в более или менее высоком рельефе и редко подправленная после выемки из односторонней формы, плоская спинка и бока подструганы, поверхность покрыта красным ангобом. М. Г. Воробьева подчеркивала, что в терракотах отражались не только художественные вкусы древнего населения, но и религиозные представления и образы, «среди которых наиболее архаичные часто оказываются и наиболее устойчивыми».

Все женские статуэтки относятся автором к божеству плодородия. Их изображения по иконографии были разделены на шесть типов. Анализ иконографии привел к выводу о переднеазиатских параллелях, которые могут свидетельствовать о направлении культурных связей Хорезма, тяготеющего, по мнению М. Г. Воробьевой, к высокоразвитым земледельческим районам, а также о своеобразии хорезмийских терракот, отличающихся от изделий терракотовой пластики других центров.

С 1968 г. Р. Л. Садовым публикуется ряд работ, посвященных изучению музыкальной культуры древнего Хорезма. В качестве источника используются изображения на терракотовых статуэтках и рельефе на фляге с изображением музыкантов и сцены с музыкальным инструментом. В основе исследований лежит отношение к изобразительному материалу как к историческому свидетельству. Автор раскрывает достоверность последних, рассматривая изображения музыкальных инструментов, костюмов музыкантов на многочисленном археологическом и этнографическом материале различных древневосточных культур. Интерпретируя изображенные музыкальные инструменты, автор частично реконструирует черты музыкальной культуры древнего Хорезма. В статье «Музыкальные инструменты древнего Хорезма в памятниках изобразительного искусства» обобщаются все изделия терракотовой пластики с изображением музыкантов (Садов, 1969). Выделены

¹⁶ Не вступая в полемику с доводами автора, отметим лишь, что упомянутый перерыв на материковой Греции имеет гораздо более узкие рамки. Производство, к примеру, терракотовых статуэток известно там с IX в. до н. э. (Кобылина, 1961, с. 6).

изображения девяти инструментов: одна большая угловая арфа, пятиструнная кифара, четырехструнный лютневидный инструмент и шесть двухструнных, напоминающих дутары. Причем первые три инструмента выделяются как тяготеющие к южным земледельческим районам, тогда как двухструнные дутаровидные инструменты связаны с музыкальным бытом степных кочевых племен. В статье 1970 г. «Тайна сладкозвучной арфы» рассматривается фрагмент фляги с изображением мужского персонажа в полулежащей позе, рядом с которым изображена угловая арфа (Садоков, 1970б). Отмечаются особенности этого музыкального инструмента: его самостоятельное значение, создание его только в условиях «вполне развитой музыкальной культуры», большая свобода передвижения и легкость в заимствовании его одним народом у другого. Автор прослеживает возможные пути попадания на территорию Хорезма данного музыкального инструмента, отдавая предпочтение Передней Азии. Сам факт, что в памятниках древнехорезмийского искусства запечатлены различные по происхождению инструменты, автор связывает с тесными культурными взаимоотношениями народов. В итоге Р. Л. Садоков приходит к мнению «...о глубокой оригинальности древнехорезмийской музыкальной культуры, тесно связанной своими истоками с музыкальными традициями классического Востока и степного скифского мира» (Садоков, 1969, с. 34).

Кроме вопросов музыкальной культуры древнего Хорезма, Р. Л. Садоков выдвигает свою гипотезу о функциональном назначении терракотовых статуэток в статье «Музыка на острие ножа» (Садоков, 1969). Автор акцентирует внимание на том, что большинство статуэток дошло до нас в поврежденном виде, на его взгляд, характер изломов свидетельствует о преднамеренном разбивании. Далее упоминается хорезмийский праздник, когда позволялось бить посуду. В качестве аналогии приводится доньяне существующий в Иране обычай в канун Нового года бить старую посуду на счастье и заменять ее новой, в чем автор видит «эхо древнейших культов умирающего и воскрешающего бога плодородия земли» (Там же, с. 212). Таким образом, устанавливается связь между битьем посуды и разбиванием статуэток. Древнехорезмийские терракоты с отбитыми головами знаменуют смерть божества. Подтверждение вышеприведенным размышлениям автор находит в описании Наршахи празднеств в честь Нового года, когда жители разбивали глиняные статуэтки устаревших, «умерших» богов, а потом шли на особый базар, где покупали новых. Купленных глиняных богов водружали на ворота усадеб, где они стояли до следующего Нового года. Высказанные предположения, безусловно, интересны и требуют от исследователей внимания к таким деталям, как сохранность статуэток, характер изломов, для накопления статистических данных и фактического подтверждения или отрицания высказанной гипотезы.

В книге «Музыкальная культура древнего Хорезма» обозначен комплексный подход к решению поставленной проблемы, где роль археологических источников, в том числе

терракотовой пластики, максимально раскрыта (Садоков, 1970а). В этой работе суммируются все предыдущие исследования и решаются проблемы, обозначенные в заглавии книги. Терракотовая пластика вполне успешно используется как фактический археологический источник и историческое свидетельство.

Отдельная статья М. Г. Воробьевой «Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма» посвящена вопросам влияния греческой традиции на терракотовую пластику Хорезма, в частности на образы статуэток (Воробьева, 1978, с. 234–240). Автор утверждает, что в IV веке до н. э., до прихода греков, в терракотовой пластике Хорезма столь отчетливо проявляются свои характерные черты, что «позволяют признать существование уже в то время особой хорезмийской школы». М. Г. Воробьева считает, что до II вв. до н. э. ни эллинское, ни эллинистическое влияние в искусстве Хорезма сколько-нибудь заметно не ощущалось. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что решать проблему влияния античных традиций на терракотовую пластику Хорезма предлагается посредством анализа сюжетной и изобразительной линий. Но поскольку вопрос происхождения не разрешен, то представляется открытым и вопрос, какая именно культура способствовала возникновению терракотовой пластики в регионе как явления в целом.

Проявление эллинистических черт в различных областях художественного ремесла автор связывает с вхождением Хорезма в состав Кушанского государства, подчеркивая при этом, что отслеживаются они везде в довольно ослабленной форме. Отмечается ряд однотипных статуэток кушанского времени с изображением обнаженного мужского божества с виноградной гроздью в одной руке и неясным предметом в другой, отнесенного к персонажу дионисийского круга. Но наряду с этим подчеркиваются некоторые стилистические и иконографические детали, не характерные для эллинизма: безмускульная мягкая передача тела, крест на пупке, выделение сосков углубленными окружностями, браслеты, ожерелья и т. д., более характерные для памятников индийского искусства. Аналогична ситуация со статуэтками «атлантов», несущих более черты индийского искусства. Три фрагмента от статуэток с изображением пухлолицых детских головок со следами пальца у губ были отнесены к образу Гарпократа. Аналогии им отмечены в Таксиле. Такая деталь, как отверстия в ушах для серег, говорит в пользу того, что появился этот сюжет на территории Хорезма благодаря связям с Индией. Эти головки найдены на памятниках кушанского времени.

Основными итогами работы стали следующие выводы: только первое время в произведениях хорезмийских мастеров отражались черты искусства народов Передней Азии: к периоду раннего эллинизма Хорезм уже имел свою художественную школу; лишь в кушанский период появились мотивы с чертами воздействия эллинистической традиции, но в большей части опосредованно через индийское искусство.

Эти выводы автор считает подкреплением ранее высказанному мнению С. П. Толстова о том, что «эллинистическое влияние на хорезмийское искусство распространилось не благодаря прямым контактам со среднеазиатскими греками, а опосредованно, но не в греко-бактрийской или парфянской, а в индийской обработке, в связи с вхождением Хорезма в состав Кушанского государства» (Воробьева, 1978, с. 240).

В итоговой работе 1981 г. «Хорезмийские терракоты» М. Г. Воробьевой оценивается весь известный материал по статуэткам и флягам с рельефными изображениями (Воробьева, 1981). Он включал 380 антропоморфных статуэток, из них 250 женских, более 115 мужских и несколько детских голов. Особое внимание было уделено женским персонажам, из которых выделены три иконографических типа, существовавших на протяжении всей античности: «богиня с шарфом», в кушанское время меняющая покрывало на повязку с бантом, — 64 экземпляра; обнаженная богиня — 14 фрагментов; персонаж с зеркалом в руке — 19 фрагментов. В конце античного периода появляется образ женщины, сидящей в «азиатской позе», — 55 фрагментов. Основные хронологические рамки антропоморфных статуэток — IV в. до н. э. — IV в. н. э. В раннем средневековье статуэтки единичны. Зооморфные статуэтки продолжают существовать и в развитом средневековье. По мнению автора, время производственного изготовления терракот в Хорезме совпадает с выходом региона из состава Ахеменидской державы. В терракотовой пластике Хорезма М. Г. Воробьева прослеживает черты, сближающие ее не только с иранским, но и с более древним искусством Месопотамии. Мало сказано!

В работе В. Н. Ягодина, А. Б. Никитина и Г. А. Кошеленко «Хорезм», вышедшей в 1985 г., было представлено краткое резюме основных достижений в археологическом изучении региона, и в том числе в изучении терракотовой пластики. Ее различные виды рассматривались в контексте погребальных памятников и предметов искусства. Среди погребальных памятников были рассмотрены оссуарии. Была предложена новая типология, в которой выделено 6 видов оссуариев с уточнением их датировки: статуарные погребальные сосуды и керамические маски (IV–III вв. до н. э.); статуарные оссуарии (IV–III вв. до н. э. — II вв. н. э.); архитектурные оссуарии (до рубежа IV–V вв. н. э.); ящичные оссуарии (с III в. н. э.); сосуды-оссуарии и бытовые сосуды (со II в. н. э.); оссуарии-саркофаги (III в. н. э.). По остальным видам терракотовой пластики были приведены ранее опубликованные выводы исследователей Хорезма.

В 1992 г. к рельефным изображениям на флягах и крышках сосудов в своих исследованиях обратилась Б. И. Вайнберг (Вайнберг, 1992). Автор отметила, что керамические культовые сосуды из Калалы-гыр 2 были сделаны в подражание металлическим, которые в позднеахеменидское время связаны с западноиранскими центрами торевтики. Рельефы с памятника выявили более десятка новых сюжетов, ранее неизвестных в материалах Хорезма. Как наибо-

лее частые сюжеты отмечаются изображения Гопатшаха, всадника на двугорбом верблюде. В предлагаемых интерпретациях сюжетов на рельефах Б. И. Вайнберг исходила «из легенд и мифов, зафиксированных в авестийской традиции, либо из представлений, связанных с ними». Один из сюжетов, который был трактован как календарный миф, по мнению исследовательницы, свидетельствует «о вероятной близости религиозных воззрений хорезмийцев в IV–II вв. до н. э. к зарванизму поздних ахеменидов» (Вайнберг, 1992, с. 59)¹⁷.

* * *

Таким образом, из рассмотренных выше работ только восемнадцать были посвящены целиком или отдельным разделом изучению различных видов терракотовой пластики и изображений на них. В остальных работах эти изделия лишь упоминаются в ряде прочего археологического материала, иногда с публикацией их изображений¹⁸.

В первом исследовании терракотовой пластики Хорезма С. П. Толстовым (Толстов, 1948) был определен подход к этому материалу как к памятникам искусства, который стал основным на все последующие годы исследований хорезмийской пластики. Соответственно, на первый план выдвинулись искусствоведческие методы изучения. Лишь после интерпретации изобразительный материал мог, по мнению автора, выступать в качестве исторического свидетельства. В этой работе на базе анализа стилистических особенностей изображений терракотовых статуэток в совокупности с остальным археологическим материалом были сделаны первые обобщающие выводы о существовании сложившегося к IV в. до н. э. хорезмийского стиля, отличавшегося от согдийского, «как дорика от коринфа» (Там же, с. 210). В главе «Древнехорезмийский всадник» представляется плодотворным и важным, но, к сожалению, не получившим развития, положение о необходимости исследовать терракотовую пластику в широких рамках как явление, распространившееся на всей территории Средней Азии и имевшее схожие общественные функции.

Позднее исследование терракотовой пластики идет в трех независимых группах. Исследованием оссуариев специализированно занимается в основном Ю. А. Рапопорт. Терракотовые статуэтки исследуются М. Г. Воробьевой. Терракотовая пластика в керамике, а именно налпы на сосудах, протомы на ритонах, рельефы на флягах, миниатюрные фигурные сосуды, исследуются также М. Г. Воробьевой как отдельно, так и в контексте изучения керамики.

¹⁷ Позднее терракотовая пластика с памятника Калалы-гыр 2 была вновь рассмотрена в контексте археологического комплекса этого памятника (Vainberg, 1994).

¹⁸ Необходимо подчеркнуть, что работы, вышедшие после 2000 г., будут рассмотрены в контексте специализированных глав, посвященных Хорезму.

Благодаря вышерассмотренным работам археологов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции был получен материал по целому региону, открыт своеобразный набор изделий терракотовой пластики, характерный только для этого региона, — это и уникальные статуарные оссуарии, лицевые маски, ритоны с протомами животных, высокохудожественные фляги с рельефными изображениями различных сюжетных сцен и т. д. Открытые виды терракотовой пластики были широко освещены. Также был опубликован многочисленный материал, полученный из стратиграфически датированных культурных слоев археологических памятников. В отдельном исследовании терракотовых статуэток, датированных по стратиграфическим данным и совместно залегавшему датирующему археологическому материалу с памятника Кой-Крылган-кала, были выделены хронологические группы. Внутри каждой группы выделены иконографические типы, которые прослеживались в их дальнейшем развитии. Было отмечено непрерывное развитие терракотовой пластики с раннекангуйского времени вплоть до конца кушанского периода, с изменением сюжетов во II в. до н. э., и одновременно сохранение типов, существовавших на всем протяжении бытования антропоморфных статуэток. Аналогичному исследованию были подвергнуты костехранилища. На базе археологически датированных типов была предложена реконструкция эволюции форм: от погребальных сосудов-урн к статуарным оссуариям, а от них — к ящичным.

Опираясь на работы хорезмийских археологов, можно отметить, что расцвет производства терракотовой пластики в Хорезме совпадает с ее появлением и началом массового изготовления в раннекангуйский период, т. е. в IV–II вв. до н. э. Именно в это время существует наибольшее разнообразие видов терракотовой пластики: рельефы на флягах, налепы в виде голов львов на ручках кувшинов, ритоны с протомами животных, миниатюрные фигурные сосудики, так называемые рогатые кирпичи, зооморфные и антропоморфные статуэтки, статуарные оссуарии, лицевые маски. В последующее время бытуют лишь костехранилища и статуэтки, а к периоду IV в. н. э. из этой группы остаются, по сути, лишь зооморфные статуэтки и ящичной формы оссуарии.

Особый интерес представляют работы, в которых были подняты вопросы функционального назначения различных видов терракотовой пластики. Назначение оссуариев ко времени их изучения в Хорезме уже было установлено, и исследование шло по пути выявления локальных особенностей, реконструкции развития самого погребального культа через исследование форм, в которых оно воплощалось, — урн или оссуариев различных типов, от статуарных к ящичным, — в хронологической последовательности. С другими видами терракотовой пластики положение было совершенно иное. Назначение терракотовых статуэток, как зооморфных, так и антропоморфных, твердо не установлено по сей день. Это связано, на наш взгляд, в первую очередь с теми

методами, которые применялись для их изучения. Через исследование изобразительного ряда и его интерпретацию выйти на вопросы функционального назначения самих изделий возможно лишь гипотетически. Фактически к решению этой проблемы можно подойти лишь через анализ в совокупности всех археологических данных. Основное направление исследования терракотовых статуэток лежало в поле изучения изображения, выявления стилистических особенностей, иконографических типов и интерпретации. В результате такого приоритета археологически ценные данные, а именно место находки, условия залегания, сопровождающий материал, технология изготовления — состав теста и приемы формовки, — никогда не рассматривались в совокупности и не обрабатывались статистически. Но именно эти данные дают свидетельства об отношении людей к рассматриваемым изделиям, а следовательно, об их роли в жизни общества. За всю историю изучения терракотовой пластики Хорезма был высказан ряд предположений о функциональном назначении отдельных видов терракотовой пластики. С. П. Толстов считал, что антропоморфные статуэтки могли играть роль домусульманских идолов, описанных у Наршахи, и при этом не отрицал возможности их принадлежности к заупокойному культу, наподобие египетских ушебти (Толстов, 1948, с. 205). Ю. А. Рапопортом было высказано предположение о возможной связи терракотовых статуэток с погребальным культом (Рапопорт, 1962, с. 75). Р. Л. Садоков также предполагал, что статуэтки использовались подобно бухарским идолам, разбивавшимся и приобретавшимся на празднике Нового года. Он дополнил свою версию наблюдением за характером сохранности статуэток, который мог указывать на вероятность их искусственного разбивания, а также привлек данные этнографии (Садоков, 1968, с. 212).

К проблеме функционального назначения разных видов терракотовых изделий неоднократно подходила М. Г. Воробьева. Отдельная ее работа, посвященная группе сосудов с налепами на ручках в виде голов львов, выявила функциональное назначение этой группы (Воробьева, 1958). Это было достигнуто путем анализа приемов формовки, качества изготовления, местонахождения и ареала распространения исследуемых изделий и привело к выводу об их культовом и вотивном назначении. В данном случае терракотовая пластика не имела самостоятельного назначения, и рассматривалась она в контексте археологического материала — керамики, соответственно, использовались аналогичные методы исследования, что привело к упомянутым результатам. Также были рассмотрены в контексте изучения керамики такие виды изделий, как ритоны с протомами животных, фляги с рельефными изображениями, миниатюрные фигурные сосуды, в результате чего был сделан вывод об их культовом и вотивном назначении (Воробьева, 1959). Нельзя не согласиться с правильностью выбранного М. Г. Воробьевой метода изучения изделий с применением терракотовой пластики в контексте всего

керамического комплекса, так как их функции переплетены. Однако представляется неясным, почему они не рассматриваются так же глубоко в контексте исследования других видов терракотовой пластики, в частности, в контексте «составивших самостоятельную тему исследования (Там же, с. 64)» оссуариев и статуэток. Так, анализ набора вышеупомянутых сосудов с применением терракотовой пластики с памятника Кой-Крылган-кала и только упоминание, что в это же время существовали и антропоморфные статуэтки, дало возможность М. Г. Воробьевой определить этот набор изделий как «очень близкий инвентарю, характерному для храмовых комплексов, известных на Древнем Востоке» (Воробьева, 1967, с. 130).

Таким образом, проблема терракотовой пластики в целом, как явления, имеющего свои хронологические рамки в регионе, вопросы происхождения и исчезновения, эволюции развития, а также связи с материальной и духовной культурой как самого Хорезма, так и соседних областей не были сформулированы ни в начале изучения, ни позднее. Вследствие этого не обрисован круг всех видов терракотовой пластики, существовавших в регионе, не были выработаны подходы ни к изучению всей терракотовой пластики в совокупности, ни к изучению каждого отдельного ее вида. Как результат, все три сложившихся группы исследовались практически без пересечения и без установления связи между различными видами терракотовой пластики в рамках общей хронологии. Внимание к материалу было распределено неравномерно, результатом чего явились лакуны в освещении отдельных видов изделий. На сегодняшний день нет ни одного каталога по региону по какому бы то ни было виду терракотовой пластики, в том числе и по оссуариям. Наиболее полно опубликована терракотовая пластика только с Кой-Крылган-кала и Калалы-гыр 2.

Неосвоенными остаются следующие вопросы: феномен происхождения и существования в раннекангюйский период разнообразных видов изделий терракотовой пластики (как самостоятельного значения, так и являющихся дополнением); резкое сокращение видов изделий уже в позднекангюйский период; исчезновение антропоморфных изображений в терракотовой пластике, а также исчезновение статуарных с антропоморфными изображениями оссуариев на рубеже раннего средневековья, в III–IV вв. н. э.; топография распространения и распределения изучаемых изделий по памятникам Хорезма; анализ технологии изготовления разных видов терракотовой пластики и т. д.

Тем не менее накопленный богатый материал по терракотовой пластике Хорезма, а также уровень изученности хорезмийского комплекса позволяют подойти на новом уровне знания к решению вопросов происхождения, датировки и назначения терракотовой пластики в Хорезме, как в свое время предлагал С. П. Толстов, через исследование проблемы в целом, как явления, имеющего близкую природу в жизни народов различных историко-культурных областей Средней Азии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ МАРГИАНЫ

Широкое археологическое изучение этого региона началось с деятельности Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, учрежденной в 1945 г. на 1-й Всесоюзной конференции в Москве. Возглавлял экспедицию М. Е. Массон¹⁹.

Научные работы, связанные с проблемами терракотовой пластики региона, появились еще в I томе «Трудов ЮТАКЭ». В это время в Ашхабадском историческом музее уже хранилась коллекция статуэток из древнего Мерва и Керков, полученная во время работы совместной экспедиции Института туркменской культуры и Наркомстариса РСФСР. Эта экспедиция работала в Туркмении с 30-х годов, но не оставила никаких научных публикаций. Материал, собранный ею, по большей части подъемный. Исследованием его занимался Л. И. Ремпель (Ремпель, 1949). Естественно, что при отсутствии археологического контекста автором была применена традиционная искусствоведческая схема исследования. Все терракотовые статуэтки были разбиты на 6 групп по стилистическим признакам изображений. Внутри каждой группы проводилось исследование иконографии, поиск аналогий, на основе которых предлагалась возможная датировка и интерпретация. Почти все статуэтки были отнесены к парфяно-кангюйскому и кушанскому времени, исключение составили три фигурки, отнесенные к позднекушанскому периоду.

К первой группе, датированной III–II вв. до н. э., были отнесены две головки. Основой для датировки стали детали костюма (мягкий головной убор), этнический тип, а также стилистические признаки (манера изображения глаз без зрачков)²⁰. Сравнивая гяуркалинские головки с самаркандскими статуэтками, автор отмечает самостоятельность сюжета первых (Ремпель, 1949, с. 336).

Во вторую группу вошли изделия, в которых усматривалась несомненная «близость произведений эллинистического искусства (Там же, с. 339)». Л. И. Ремпель допускает возможность знакомства древнего Мерва с греческими и римскими образами, но считает устаревшим мнение А. С. Стрелкова о том, что терракотовые статуэтки изготовлялись самими греками или римлянами или их учениками. Напомним, что А. С. Стрелков кроме вышеупомянутых ва-

¹⁹ История археологического изучения Маргианы до создания ЮТАКЭ описана в работе М. Е. Массона (Массон, 1963, с. 9–11). Что касается терракотовой пластики, то за этот период только в материалах американской археологической экспедиции, возглавляемой Р. Пампелли, было опубликовано несколько терракотовых статуэток с раскопок и подъема на Гяур-кале в 1904 г. (Pumpey R., 1908, p. 200, pl. 55, 56).

²⁰ Отметим сразу, что данное определение было опровергнуто находками аналогичных статуэток из раскопок Гяур-калы, датировка которых была подтверждена монетами II–III вв. н. э. (Усманова, 1963б, с. 78).

риантов предполагал возможность импорта самих матриц (Стрелков, 1930, с. 107–110). Л. И. Ремпель отмечает, что «в Мерве, видимо, существовала своя школа, более независимая в отношении античных образцов, чем школы Матхуры и Гандхары», и что ее наличие свидетельствует о большем, чем простое подражание (Ремпель, 1949, с. 339). К сожалению, не было приведено обоснований выдвинутому тезису. Представляется, что автор мог основываться на своеобразии сюжетов терракотовой пластики Маргианы и ее стилизованных особенностях.

К этой группе были отнесены три статуэтки с женскими персонажами (с утраченными головами). Костюмы греческого покроя в различной степени «варваризированы»: у первой из-под гиматия видна одежда с поперечными складками местного типа, у второй подол украшен несколькими рядами нашивных бляшек, у третьей лишь расположение складок отдаленно напоминает греческий покрой костюма. У всех трех статуэток при сравнении выявились сходные черты: они плоские, «обрезаны ножом по сырой глине, а не по контуру фигур, представляют рельефные плитки более плоские, чем ранние типы статуэток». Автор относит эти статуэтки «к развитию композиции, распространенной в искусстве эллинистического Востока» (Там же, с. 342). Были отмечены канонические положения рук, которые, напоминая «ритуальные жесты Анахиты-Нанайи, представляют собой более свободную, светскую их интерпретацию (мотив женщины с зеркалом), что резко отличает женские статуэтки Мерва от женских статуэток Согда, всегда строго придерживающихся своих ритуальных функций...». Эту группу терракотовых статуэток автор сравнивал не только с самаркандскими, но и с хорезмийскими, что привело его к предположению, «что они относятся к кругу памятников парфяно-кангюйского периода, времени около начала н. э., когда вслед за широким распространением мотивов эллинистического наследия в местном искусстве зарождалась собственная традиция коропластики местной, среднеазиатской школы» (Там же, с. 342). Анализ деталей костюма женских божеств, а именно греческого покроя одежд с богато украшенными подолами, приводит к мысли о возможных путях проникновения этих сюжетов в различные регионы Средней Азии. Подобные костюмы встречаются на кушанских монетах Канишки у Наны и у других божеств, а «это как раз период кушанской экспансии на север — вниз по течению рек Оха и Оксуса, частью через Мерв — к Хорезму» (Там же, с. 343). Напомним, что ранее С. П. Толстовым была выдвинута гипотеза, что в Хорезме процесс сложения местной школы терракотовой пластики происходил раньше, и ко времени походов Александра Македонского, т. е. в IV в. до н. э., она уже была сформирована. Таким образом, по мнению вышеупомянутых авторов, разница между временем зарождения местных пластических школ, в частности Хорезма и Маргианы, составляет не менее трех столетий. Кроме того, встает вопрос и о путях проникновения иконографических сюжетов.

Мервским удлиненным статуэткам в варваризированных греческих костюмах с тяжелыми украшениями по подолу и рукавам Л. И. Ремпель видит аналогию в хорезмийских статуэтках, у которых эллинистические одежды также орнаментированы широкой полосой украшений на подоле. Ссылаясь на Псевдо-Арриана, автор приводит свидетельства римского купца, относящиеся к I в. н. э., о поставке «грубых невалянных гиматий для варваров», «поддельных окрашенных мантилий», рассчитанных специально на азиатский рынок (Ремпель, 1949, с. 343).

«Мервские, согдийские и хорезмские терракоты кангюйского периода характерны в трактовке одежд сочетанием греко-римских и местных, «варварских» костюмов, новых сюжетов и старых традиционных поз, светской мотивировкой сцен и культовой, по существу, их трактовкой» (Там же, с. 343). Здесь также отразился иной взгляд автора на интерпретацию костюмов женских статуэток Хорезма, так как М. Г. Воробьева считает, что в них — отражение не греческих, а в большей степени переднеазиатских традиций (Воробьева, 1967, с. 176). Автором не уточняется, какое конкретно время подразумевается под «кангюйским периодом» (хорезмийские исследователи подразумевают под ним IV–I вв. до н. э.).

В третью группу, датированную первыми веками н. э., вошли две плитки, отнесенные по стилю к кушанским. Исполнены они в плоском рельефе с заполнением фона выпуклостями, горошинами, что, по представлениям автора, напоминает технику буддийских образков кушанского времени. В обоих случаях изображены фигурки с ногами, обрашенными носками врозь. На плитке лучшей сохранности улавливается изображение женской фигуры в костюме с поперечными складками на рукавах, с круглым предметом в правой руке у груди и левой рукой, опущенной ниже. Аналогичная плитка была получена в раскопках на Гяур-кале в 1904 г. (Pumpelly R., 1908, p. 200, pl. 55, 4). Оба эти предмета представляются автору поздними звеньями в развитии предыдущей группы статуэток. Эта мысль будет в дальнейшем развита Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1959).

Отдельно была рассмотрена полученная из Гяур-калы головка буддийского типа. Датировка ее не была предложена, но отмечается близкая аналогия с глиняными головками из Шикшина, которые датируются VII–VIII вв. н. э. Отмечается, что терракоты Согда и Хорезма не дают прямых аналогий, тогда как в Термезе и в Семиречье они есть, что может говорить о большей подверженности влиянию буддизма последних. Важно, что и по сей день это замечание не утратило своей актуальности, несмотря на значительное пополнение материалов по терракотовой пластике упомянутых регионов.

В четвертую группу были включены две статуэтки, происходящие с Гяур-калы. На основании близости их сюжетов сценам с изображением женщин, несущих дары, известным в кушано-буддийской пластике Северо-Западной Индии, они были датированы II–III вв. н. э. Позднее аналогичные

сюжеты в материалах Мервского некрополя В. Н. Пилипко отнесет к изображению кариатид, датированных, как и весь комплекс, раннесредневековым временем (Пилипко, 1971, с. 22).

В пятую группу вошли три изделия с различными сюжетами, которые, по мнению автора, были «навешаны одним общим для них кругом идей, связанных с дионисийскими культами, имевшими в Средней Азии такое же широкое распространение в первых веках н. э., какое они имели в Северном Причерноморье и Армении...» (Ремпель, 1949, с. 351, 352). Изображение мужской головы на терракотовой плитке было интерпретировано как передающее образ сатира. Второе изображение — как фигурка танцовщицы; третья статуэтка, по мнению автора, изображала гермафродита. Автор констатирует, что, по его наблюдениям, сюжеты, связанные с культом Диониса, получили в Средней Азии «чрезвычайно широкое распространение» (Там же, с. 348). Последующие работы дали аналогичные образцы статуэток гермафродитов, четко датированных по стратиграфии временем не позднее IV в. н. э., они были интерпретированы как отражающие образ Сиявуша (Усманова, 1963а, с. 79).

Оценивая позу танцовщицы, Л. И. Ремпель делает еще одно важное обобщающее замечание: «Среднеазиатские терракоты редко изображали сложные движения и, особенно, психологические жесты — это было связано не с техническим неумением компоновать фигуры, а со специфическим назначением терракот. В то время как серебряные чаши, монеты, росписи изображали сложные фигуры и даже жанровые сцены, штампованные терракоты, за очень редким исключением, изображали лица и фигуры, в соответствии с традициями искусства Древнего Востока, замкнутыми, величавыми и неподвижными» (Ремпель, 1949, с. 349).

Поиски аналогий сюжету гермафродита приводят автора к выводу о распространении его в эпоху эллинизма, особенно со II в. до н. э., когда начался расцвет Пергама за счет Сирии Селевкидов. В Пергаме автор находит и ближайшую аналогию в монументальной скульптуре.

В шестую группу вошли две статуэтки идольчиков-всадников, которые были вынесены за рамки памятников докушанского и кушанского Мерва. Сопоставляя эту группу статуэток с согдийскими III–IV вв. н. э., автор предполагает, что и мервские «грубые подобию человеческого статуэток» также явились «не столько падением искусства, сколько отказом от господствовавших до того образов и вытеснением их апотропеическими, устрашающими образами... Значение фигурки как оберега или амулета, должно быть, оттеснило на задний план художественно-эстетическую функцию статуэток. Из произведений искусства, тесно связанных с художественным воззрением на мир, с мифологией древнего среднеазиатского античного общества, статуэтки становились в эпоху кризиса местной древней общности, культуры и искусства домашними идольчиками, служившими для полушаманских заговоров и заклинаний» (Ремпель, 1949,

с. 352). Анализируя детали этих статуэток, в частности седло с высокой лукой, на котором изображен второй всадник, автор отмечает близкую аналогию среди материалов Кафыркалы, и относится она к сасанидской эпохе для Мерва и тюрко-согдийской — для Согда. Костюм всадника, по мнению Ремпеля, не находит аналогий ни в сасанидском, ни в тюркском, но близок к костюму некоторых афрасиабских терракотовых фигурок. На основании этих наблюдений мервские статуэтки были датированы V–VIII вв. н. э. и отмечены как не несущие прямых следов воздействия «искусства или бытового уклада сасанидских царей или тюркских каганов, хотя сам факт изображения в эту пору конной фигурки с каким-то напоминающим сосуд предметом в руке и седла с высокой лукой, может быть, и связан действительно с появлением на исторической арене Средней Азии тюрков, оказавших влияние на социальный и бытовой уклад жизни среднеазиатского общества, особенно Согда» (Там же, с. 354). В итоге автор констатирует, что терракоты сасанидского Мерва пока, случайно или закономерно, не отражают искусства, связанного с господствующими классами раннефеодального общества (Там же, с. 355). Последующие исследования опровергли датировку всадников-идольчиков, предложенную Л. И. Ремпелем. Эти статуэтки, найденные в квартале мукомолов в стратифицированных слоях помещений, были датированы II–III вв. н. э.²¹ Кроме того, поставлена под сомнение версия о смене статуэток как «произведений искусства», несших «художественно-эстетическую функцию» и отражавших «художественное воззрение на мир», на обереги и амулеты с «апотропеическими, устрашающими образами». Совместное использование обоих типов статуэток (т. е. лепных — гротескных — и статуэток со штампованным изображением) в комплексе помещений со сходным функциональным значением позволяет констатировать, что в период II–IV вв. н. э. их смены или вытеснения не произошло.

В начале 50-х гг. исследования ЮТАКЭ были успешно развернуты в самых различных направлениях, в том числе и по сбору новых материалов по терракотовой пластике. Благодаря этому Л. И. Ремпель продолжает свое исследование, но уже на базе новых находок из различных археологических разведок (Ремпель, 1951). Статья получила название «Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении». В ней были рассмотрены архаические фигурки, происходящие из Ясы-депе, Намазгар-депе и Пештага.

К интересующей нас тематике относятся 7 статуэток, происходящих из Гяур-калы и Эрк-депе²². Все они, так же как ранее рассматриваемые, подъемные и не имеют стратиграфической привязки. Поэтому схема исследования автора осталась прежней.

²¹ Позднее анализ нумизматического материала с Гяур-калы, позволит омолодить датировку рассматриваемого комплекса до IV в. н. э. (Loginov, Nikitin, 1993, p. 226).

²² Позднее Эрк-депе будет известен как Эрк-кала.

Надо отметить, что автор рассматривал «терракоты», под чем подразумевался в основном такой вид терракотовой пластики, как статуэтки, но к этой же категории были отнесены и плитки с рельефными изображениями, которые не выделялись в особую группу и в некоторых случаях назывались также и фигурками, и статуэтками. При описании второй «терракотовой фигурки» автор подчеркивает, что контур обреза не совпадает с контуром фигуры, так что фигура имеет вид барельефа на миниатюрной стене. Уловив основную технологическую и одновременно функциональную разницу между двумя различными видами терракотовой пластики — статуэтками и плитками с рельефными изображениями, — Л. И. Ремпель не отразил ее в подборе верной терминологии.

Автор замечает, что при всей малочисленности обнаруженных терракот статуэтки с изображением женщины с зеркалом наиболее часты (8 экз.), и что, вероятно, «оригинал, которому следовала эта распространенная группа изображений, представлял собой статую, особо чтимую в одном из храмов Мерва» (Там же, с. 178–179). В попытке интерпретировать образ автор прибегает к анализу не только костюма, но и самого атрибута, зеркала, приводя различные легенды, а также свидетельства памятников материальной культуры сопредельных стран, в результате чего останавливается на родственных образах Наны и Ордохшо. Обобщая данные по иконографии женских божеств на терракотовых изделиях, Л. И. Ремпель подчеркивает, что для них характерно «неизменное положение рук — левой, опущенной вниз, к животу, правой, поднятой к груди, и лишь мотивировка сюжета покроем платья (для левой руки) и атрибутами или ритуальным жестом (для правой руки) отличает их между собой». Анализируя атрибуты женских божеств на терракотовых статуэтках различных государств, он приходит к выводу, что «лотос, зеркало и плод были, видимо, атрибутами, общими именно для богинь Мерва, Согда и, отчасти, Тохаристана, в то время как атрибуты богинь индо-кушанских монет следовали в большей мере греческим образцам (Тюхе, Исиды и Ники)» (Там же, с. 181). Интересно, что Хорезм в этом перечне не был упомянут. Напомним, что исследователями хорезмийской пластики выделялись для кушанского периода именно индийские связи и параллели (Толстов, 1948, с. 199; Воробьева, 1978, с. 239–240).

Особый интерес представила фигурка из Пештага. Во-первых, потому что это, как отмечает автор, «первый известный нам случай обнаружения терракоты, исполненной оттиском по штампу, западнее Мерва, на пути к Нисе, где, как и в других древних “парфянских землях” Южной Туркмении, терракот пока не найдено». Во-вторых, потому что автором было приведено аналогичное исполнение костюма на статуэтке Афины из Лагора, относящейся к произведениям гандхарского искусства (Ремпель, 1951, рис. 17).

Рассмотренные выше статьи показывают, что Л. И. Ремпель, без базы археологических данных, сумел первично обработать и осмыслить терракотовую пластику из коллек-

ции музея Ашхабада. Ряд предположений автора не потерял своего значения и по сей день. К ним относится мысль о некоторой обособленности иконографических типов среднеазиатских женских богинь в отличие от индо-кушанских и возможности существования своего локального образа. Также важным остается предположение об отражении мелкой пластики образов, воплощенных в монументальной скульптуре местных храмов. И, наконец, заслуживает внимания общая схема эволюции иконографических типов терракотовой пластики Маргианы: от подражания греческим образцам вначале, т. е. в III–I вв. до н. э., к созданию своей местной школы в I в. н. э.

Следующий этап в исследовании терракотовой пластики Маргианы ознаменован трудами Г. А. Пугаченковой. Ее работы для многих исследователей ЮТАКЭ стали опорными. К ним относится ряд статей: 1959 г. — «Маргианская богиня», 1962 г. — «Коропластика древнего Мерва», 1967 г. — «Искусство Туркменистана». В них автором предлагается развернутая реконструкция основных этапов развития терракотовой пластики Маргианы. Вследствие большой схожести перечисленных работ представляется возможным рассмотрение их в совокупности, во избежание повторений.

К моменту написания работы «Маргианская богиня», к 1959 г., были уже получены некоторые археологические данные (судя по опубликованным работам автора, не представляется возможным определить какие именно, но, вероятнее всего, это были устные сведения археологов, ведших раскоп на Гяур-кале). В основу разрабатываемой Г. А. Пугаченковой концепции или схемы эволюции иконографических образов в терракотовой пластике легли, тем не менее, не археологические данные, а анализ иконографии и стилизованных признаков. Таким образом, работы велись в ранее заданном Л. И. Ремпелем ключе с использованием новых, в том числе датированных, стратиграфических материалов.

Г. А. Пугаченковой было также высказано мнение об отражении в мелкой пластике «общих черт не дошедшего до нас монументального искусства, в частности скульптуры» (Пугаченкова, 1967а, с. 72–73). Подчеркнуто, что наряду с притоком мраморных статуй «типа нисийских» происходил также и приток ближневосточной миниатюрной терракотовой скульптуры. У последней могла быть заимствована разработанная иконография популярной богини. Таким образом, мелкая пластика рассматривается, с одной стороны, как реплика монументального искусства, с другой — как реплика с импортных ближневосточных образцов мелкой пластики. В связи с этим вырисовывается взгляд о безусловно привнесенном характере описанных иконографических образов.

Из большого числа изобразительных сюжетов как количественно преобладающие были выделены статуэтки женского божества. Отсутствие статистических данных, подкрепляющих выводы автора, а также уточнений, на какое именно время приходится данное преобладание, не позволяет считать эти выводы вполне обоснованными.

Рассмотрению статуэток с женскими образами посвящена большая часть исследований автора. Ею были выделены два основных типа: богиня-мать и богиня-дева. Была подчеркнута особенность появления терракотовых фигурок женского божества на городищах античного времени, а не на старомаргианских поселениях. Самые ранние из них датированы III–II вв. до н. э. Оговорим, что, несмотря на приводимые датировки, нет никаких уточнений, на основании чего таковые были даны, нет также никаких иных археологических сведений (о точном местонахождении, сопутствующих находках и т. д.), что сводит научную ценность этого материала к уровню подъемного. Исследование статуэток с изображением женских персонажей автор начинает с построения гипотезы об их глубокой древности, уходящей своими корнями в эпоху матриархата. Затрагивается вопрос об отсутствии женских статуэток в эпоху раннего железа и в раннеантичный период. Предлагается три варианта возможного объяснения: еще не найдены; тогда не делали votivных статуэток, но изготавливали изображения своей богини из менее долговечных материалов, например, из дерева; богиня-мать древней Маргианы не имела иконографического образа, и почитание ее переносили на какой-либо символ.

Рассмотрение материалов терракотовой пластики ведет Г. А. Пугаченковой в контексте исторических событий. Отмечается, что Маргиана в конце IV в. до н. э. входит в состав Селевкидского государства. Именно с этого времени, считает автор, проникают на территорию Маргианы культы Великой Сирийской богини. Ко II в. до н. э., когда значительная часть селевкидских владений от Месопотамии до Маргианы вошла в состав Парфянского государства, сюда, считает Г. А. Пугаченкова, могли проникнуть некоторые формы культа Кибелы. Именно с этого времени, по мнению автора, появляются в Маргиане «миниатюрные образцы переднеазиатской коропластики» и «входят в широкий народный обиход». Предполагается, что изготовление и реализация терракотовых статуэток были «привилегией жреческих корпораций и осуществлялись при больших хозяйствах, посвященных богине храма» (Пугаченкова, 1962, с. 120). Отметим, что эти выводы ничем не аргументированы и не подкрепляются вещественным материалом. Но, тем не менее, интересно, что для соседнего Хорезма вполне характерна концентрация статуэток на территории храмов (Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 2), хотя и здесь нет явных доказательств их производства.

Вернемся к рассмотрению ранее упомянутых типов женского божества. Основываясь на деталях иконографии, Пугаченкова отнесла статуэтки полуобнаженных женских «беременных» фигур с выпуклыми животами, одной рукой придерживавших грудь, к статуэткам, выражающим «концепцию Богини-матери»; к статуэткам, выражающим «концепцию богини — любовницы Аттиса, Кибелы», были отнесены статуэтки с изображением обнаженных молодых женщин в свободной позе. В исследовании Л. И. Ремпель

они интерпретировались как танцовщицы (Ремпель, 1949, с. 349, рис. 26).

Интересно, что в Хорезме нагие женские статуэтки в позе, аналогичной позам маргианских статуэток, были датированы С. П. Толстовым временем не ранее конца III в. до н. э. (Толстов, 1948, с. 199). М. Г. Воробьева по материалам Кой-Крылган-калы относил бытование обнаженной богини как к раннему периоду, IV–III вв. до н. э., так и к I в. до н. э. — III–IV вв. н. э. (Воробьева, 1967, с. 175–186). Г. А. Пугаченкова для территории Маргианы отмечает, что к I в. до н. э. иконография обнаженной богини здесь сходит на нет (Пугаченкова, 1962а, с. 125).

Из датированных по стратиграфии была упомянута еще одна женская статуэтка из Гебеклы-депе, относящаяся к I в. до н. э.²³ Статуэтки женщин с зеркалами Г. А. Пугаченкова считала напоминающими эллинистические статуи Исиды и полагаала, что именно иконография этой богини сыграла в I в. до н. э. определенную роль в формировании маргианской богини с зеркалом (Пугаченкова, 1959, с. 126).

Таким образом, из рассуждений автора вытекает, что на протяжении периода с III по I в. до н. э. религиозные представления жителей Маргианы должны были испытывать влияние культов трех различных богинь: Великой Сирийской, Кибелы и Исиды. Дальнейшая эволюция образа выстраивается на анализе подъемного материала.

Для всего периода бытования терракотовых штампованных статуэток Маргианы автором был отмечен ряд стилистических изменений. Так, ранние статуэтки, считает Пугаченкова, миниатюрны, объемно моделированы, пластичны и пропорциональны. Поздние — значительно более крупные по размерам и отличаются от ранних своей непропорциональностью (головки чрезмерно велики по сравнению с туловищем). Объемная лепка головы контрастирует с плоско-рельефным оттиском самой фигуры, на которой лишь орнаментально намечены одежды (Пугаченкова, 1959, с. 136). Интересно, что появление статуэток крупных размеров, высотой до 25 см, С. П. Толстов отметил в Хорезме для времени не ранее I в. до н. э. (Толстов, 1948, с. 23). К сожалению, наблюдения Г. А. Пугаченковой не были подкреплены указанием диапазона размеров для статуэток разных хронологических периодов. После публикации материалов с квартала мукомолов выявились статуэтки объемно моделированные, датированные II в. н. э. по монетным находкам (Кацурис, 1963, с. 140).

В целом же процесс изменения стиля был обозначен следующим образом: «В изделиях III–II вв. до н. э. отчетливо предстают изначальные влияния эллинистического искусства» (Пугаченкова, 1967а, с. 74). В частности, ранняя иконография «маргианской богини», отмечает автор, близка к терракотовой и иной скульптуре переднеазиатского эллинизма (Пугаченкова, 1959, с. 122).

²³ Приводимая датировка статуэтки отрицается исследователями Гебеклы-депе, т. к. слоев ранее I в. н. э. на памятнике не зафиксировано (Кошеленко, Никитин, 1991, с. 108; Гаиров, Кошеленко, 2000).

«В I–II вв. н. э. протекает процесс все большей парфянизации образа “маргианской богини”, вытесняющий эллинизированный тип из ее иконографии» (Там же, с. 129). II–III вв. н. э., по мнению автора, стали заключительным этапом трансформации образа «маргианской богини», что подтверждалось нумизматическими данными.

Схожие тенденции были отмечены Г. А. Кошеленко в статье «О фронтальности в парфянском искусстве», вышедшей в 1962 г. (Кошеленко, 1962). Автором анализировалось происхождение одной из определяющих характеристик стиля, а именно фронтальности. Были рассмотрены различные памятники изобразительного искусства. Для мервской коропластики II–I вв. до н. э. были отмечены два типа терракотовых изображений богинь: «Первый — передающий человеческую фигуру, свободно двигающуюся в пространстве, часто в сложной позе, очень пластичной и пропорциональной. При втором типе — очень статичная, фронтально застывшая, строго симметричная фигура». Автором было отмечено исчезновение в дальнейшем первого типа и изменение второго в сторону еще большей иератичности (Кошеленко, 1962, с. 137).

В работах Г. А. Пугаченковой отдельно подчеркивается эволюция в технологии изготовления, которая, несмотря на обобщенность, представляет интерес. Употребление матриц для штамповки статуэток с их дальнейшей подрезкой с тыльной и боковых сторон на протяжении всего периода оставалось неизменным. Также было отмечено, что обжиг статуэток производился в тех же печах, где обжигалась и бытовая посуда. Однако снова не объясняется, на основании чего был сделан этот вывод (он настораживает нас также в связи с ранее выдвинутой автором версией о прихрамовом изготовлении этих статуэток). Далее выявляются качественные отличия для разных хронологических отрезков: ранние изделия, III–II вв. до н. э., изготовлялись из превосходно отмученной, плотной глины, которая в процессе обжига приобретала розоватый тон; поздние изделия, II–III вв. н. э., имеют более пористую структуру черепка, цвет терракоты желтоватый или зеленовато-серый. Было также отмечено большое количество различных матриц, что свидетельствовало о большом спросе. Стоит напомнить, что аналогичные наблюдения о смене качества теста были сделаны С. П. Толстовым на материале Хорезма — появление изделий из желтоватой глины без красного ангоба он относит ко времени не ранее I в. до н. э. (Толстов, 1948, с. 23). Это особенно важно рассмотреть в контексте аналогичных изменений во всем керамическом производстве.

Подчеркнем также акцентирование внимания автором на местонахождении статуэток. Ею были отмечены жилой и производственный характер помещений с находками статуэток «маргианской богини». Прибавляя к этому значительную потертость многих статуэток, Г. А. Пугаченкова, рассуждая об их функциональном назначении, предполагает, что они могли выполнять ту же роль, что и статуэтки ларов и пенатов у древних римлян.

Затрагивая вопрос о функциональном назначении статуэток, автор предполагает, что их могли устанавливать на особом киоте, так как одна из обнаруженных статуэток имела развилку в основании, также предполагается ношение статуэток, чем могла бы быть объяснена потертость многих из них. Отметим, что такая деталь, как вилка внизу статуэтки, известна только по материалам Маргианы.

Особый интерес представляет анализ географии распространения статуэток женского божества. Г. А. Пугаченкова отмечает, что в античную пору культ женского божества был распространен в основном в оазисах среднеазиатских рек Мургаба, Амударьи и Зеравшана. Терракотовых фигурок, которые так распространены на античных городищах этих областей, нет ни в северо-восточных районах Средней Азии — например, в Фергане, — ни к западу от Маргианы — например, в Парфии, где многолетние археологические исследования дали лишь единичные коропластические объекты. Основываясь на этом, автор делает вывод о близости идеологических воззрений у населявших Бактрию, Маргиану, Согд и Тохаристан народов (Пугаченкова, 1959, с. 139). Можно лишь подчеркнуть актуальность этих наблюдений и на сегодняшний день.

Автором были сопоставлены в целом мервские и хорезмийские терракотовые статуэтки. В результате была отмечена большая изысканность стиля первых. В иконографии «в своей статуарной концепции хорезмийские терракоты, как и терракоты Маргианы, сближаются со скульптурными образами ближневосточного мира» (Пугаченкова, 1967а, с. 122). Напомним, что этого же мнения придерживалась М. Г. Воробьева (Воробьева, 1967, с. 175–176).

В 1963 г. в XII томе «Трудов ЮТАКЭ» были изданы три статьи, где были опубликованы результаты археологических исследований на территории Эрк-калы и Гяур-калы, среди предметов материальной культуры описывается и мелкая терракотовая пластика.

В первой статье, «Эрк-кала», написанной З. И. Усмановой, в главе «Описание находок» дается обзор всех изделий терракотовой пластики, найденных на территории эркалинского замка (Усманова, 1963а). Автор подошла к описанию материала, применяя разработанную к этому времени типологию терракотовых женских статуэток Г. А. Пугаченковой, одновременно ссылаясь на специальные работы М. И. Филанович, посвященные этой теме²⁴. Статуэтки из забутовочных кладок раскопа № 1 были разбиты на группы. К ранней были отнесены статуэтки «обнаженной выше бедер беременной женщины» (Усманова, 1963а, с. 74, рис. 35). Предлагается датировать ее II–I вв. до н. э. со ссылкой на работы Г. А. Пугаченковой. Вне разработанной типологии были описаны статуэтки, сюжетно не находящие никаких аналогий. Таковой явилась статуэтка женщины-воительницы, интерпретированной ранее Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1962а) как «дух хоросанской границы» в образе

²⁴ О каких именно работах идет речь, установить не удалось.

девы. Автором подчеркивается для понимания сюжета особое значение местонахождения ее в бойнице укрепленного форта на крепостной стене цитадели Эрк-калы. Предлагается вариант интерпретации образа как охранителя границы или самого города, «имеющего в качестве символов культовый меч и шарф», а также приводится мнение М. И. Филанович о том, что статуэтки специально закладывались в кладке крепостных сооружений для неприступности крепости (Усманова, 1963а, с. 77). Датируется эта статуэтка автором на основе стилизованных признаков I–II вв. н. э.

К другому типу, вероятно, «маргианской богини», была отнесена головка, передающая местный этнический тип женщины. Ранее аналогичные головки были описаны Л. И. Ремпелем. З. И. Усманова говорит о необходимости передатировки их на основе четкой привязки эркалинского экземпляра к монетным находкам II–III вв. н. э. К этому же типу были отнесены еще две головки. Причем чрезвычайный интерес вызывает наличие аналогичных образов на оссуариях из некрополя к северо-востоку от рабада Султан-калы, подчеркнутое автором. В целом эта группа была отнесена к отражающим образ богини-матери.

В кладке стены первого контрфорса была найдена мужская фигурка. Аналогичная статуэтка была интерпретирована Л. И. Ремпелем как гермафродит (Ремпель, 1949, с. 350). З. И. Усманова расширяет круг аналогичных находок (отмечая большое их количество), на основе чего говорит о такой же их популярности в народе, как и у статуэток маргианской богини, и предлагает видеть в них образ Сиявуша. Датируется статуэтка временем не позднее III в. н. э.

В итоге автор подчеркивает самую крайнюю дату бытования антропоморфных статуэток и плиток с рельефными изображениями из Мерва — III в. н. э.²⁵ З. И. Усманова считает, что приведенные материалы подкрепляют предложенную Г. А. Пугаченковой схему развития культа «маргианской богини», а также говорят о бытовании культа умирающих и воскресающих сил природы в образе нагого юноши — Сиявуша. В своих выводах автор близка к мнению С. П. Толстова, выделившего для Хорезма в качестве основных антропоморфных образов на терракотовых статуэтках Анахиту и Сиявуша.

Вторая работа, «Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы» К. Кацурис и Ю. Бурякова, содержит чрезвычайно важные сведения по терракотовой пластике региона (Кацурис, Буряков, 1963).

Как отмечают авторы, в исследованном ими квартале в помещениях и на поверхности было найдено около сотни статуэток. Отмечено также, что среди антропоморфных статуэток большая часть женских изображений представлена как высокорельефными экземплярами, так и плоскоплиточными.

Авторы предполагают, что в работе мукомолен были заняты женщины. Свидетельством этого являются многочисленные находки украшений: «...Причем во всех, даже специально-производственных, комнатах обязательно встречаются женские украшения... Широко распространены целые и в обломках терракотовые статуэтки с изображением женских божеств» (Кацурис, Буряков, 1963, с. 160). Несмотря на то, что изделия терракотовой пластики в рассмотренной статье не являются предметом специализированного исследования, публикация их, поданная в наиболее полном археологическом контексте, обращает на себя внимание. Представлен ряд терракотовых статуэток, вписанных в комплекс находок из помещений, вероятно, имеющих близкое функциональное назначение; описываемые комплексы четко датированы по монетным находкам; помещения, где найдено большее число статуэток, определяются автором как «женские»; в помещениях были обнаружены как женские статуэтки, так и мужские и зооморфные, причем в разных комбинациях: только женские, или только мужские, или только зооморфные, а также в различных сочетаниях.

В третьей статье рассматривается аналогичный производственно-жилой квартал металлостроителей (Усманова, 1963б). Здесь, кроме описания комплексов археологических материалов из каждого помещения, был дан план расположения отдельных предметов в этих помещениях, в том числе и изделий мелкой пластики. При анализе больших выборок терракотовых изделий, безусловно, немаловажное значение представила бы статистика их преимущественного расположения в помещениях. В целом же рассмотрение материалов по терракотовой пластике с этого памятника идет в ключе разработанной Г. А. Пугаченковой типологии. Повторяется большинство ранее сделанных ею выводов.

З. И. Усманова отмечает, что женское божество имело наибольшую популярность: «Она была самым близким и понятным божеством, и статуэтки ее были в каждом доме, как это показывает и наш раскоп № 2» (Там же, с. 177). Также автор подтверждает бытование двух ипостасей «маргианской богини» — девы и богини-матери. Приводится ряд терракотовых статуэток, датированных монетами. К ранним, периода II–I вв. до н. э., относится иконографический тип женщины с прижатой к груди рукой в платье с глубоким декольте. Как характерные черты ранних статуэток отмечены «тонкая разработка черт лица, пластическое изящество фигуры и драпировок мантии» (Там же). Ко времени I–II вв. н. э. отнесен тип женских статуэток, передающих местный этнический образ — «парфянизированный». И, наконец, к периоду поздней античности были отнесены «две фигурки, выполненные в два приема. Голова сделана в высоком рельефе отдельно от фигуры, которая оттиснута на высокой лепешке» (Там же, с. 178).

В 1965 г. Г. А. Кошеленко и О. Оразов в статье «О погребальном культе в Маргиане» публикуют материалы открытого оссуарного некрополя Мунон-депе парфянского вре-

²⁵ Позднее, по результатам анализа нумизматического материала, данную дату было предложено омолодить до IV в. н. э. (Loginov, Nikitin, 1993).

мени (Кошеленко, Оразов, 1965). Находка данного объекта стала чрезвычайно важным звеном в понимании эволюции религиозного мировоззрения жителей этой области. В некрополе было несколько захоронений очищенных костей в хумах, а также под семью кубкообразными чашами и в специально изготовленных оссуариях, от которых сохранилось семнадцать фрагментов. По монетам и керамике некрополь датируется рубежом н. э., не позднее I в. н. э. Авторы дополняют выводы Ю. А. Рапопорта, сделанные на базе изучения погребального культа в Хорезме, говоря, «что не только в Хорезме, но и в других районах Средней Азии в это время происходит переход к оссуарному способу захоронения» (Там же, с. 46). Под другими районами подразумевается также Бактрия, где в хумах на Халчаяне были обнаружены оссуарные погребения II–I вв. до н. э. Некрополь раннепарфянского времени известен также на городище Новая Ниса. Далее приводится важное замечание, что на всей остальной обширной территории Парфии не известен в этот период времени обряд захоронения костей в сосудах и оссуариях. Приводятся в пример такие области, как Персеполь, «некрополь у источника», города Месопотамии Селевкия и Урук (Варка), а также Вавилон, Сузы и Дура-Европос, где зафиксированы труположения и труположения в «туфлеобразных» гробах. В этой связи, подчеркивают авторы, Мунон-депе является единственным бесспорно оссуарным некрополем. В рассматриваемой статье затрагивается также вопрос об отражении в форме оссуариев каких-либо архитектурных образцов. Авторы отмечают, что Г. А. Пугаченковой было доказано, что оссуарии воспроизводят не жилища, а помещения погребального характера. Необходимо отметить, что для мунондепинского, круглого в плане, оссуария характерно не только купольное перекрытие, но и зубчатый парапет и стреловидные бойницы. Здесь нельзя не отметить определенную связь в развитии оссуарного обряда в Маргиане и Хорезме. Отражение очертаний и деталей архитектурных сооружений было зафиксировано на целом ряде оссуариев Хорезма. Ю. А. Рапопорт предположительно отнес их к промежуточному звену между статуарными и ящичными.

Анализируя технику изготовления оссуария, авторы отмечают, что фигурки женщин изготавливались в комбинированной технике, т. е. лица оттискивались при помощи штампа, а туловища лепились от руки. При дальнейшем рассмотрении изображения исследователи предположили, что имеющиеся отличия в изготовлении различных частей фигурки и диспропорциональное соотношение головы и туловища (как 1 : 4) можно объяснить неправильным расчетом ширины орнаментального пояса, предназначенного для крепления фигур, в результате чего их пришлось расположить в горизонтальном положении. На широком этнографическом материале авторы рассматривают обычай погребальных плясок и предполагают, что сцена из такого ритуально-драматического действия, сочетавшего в себе местные народные верования и обряды с каноническими

зороастрийскими, отражена и на рассматриваемом оссуарии. Подчеркивается давно отмечаемое в литературе своеобразие религиозных верований народов Средней Азии, близких, но не идентичных зороастрийским. Также подчеркивается близость с погребальным обрядом Согда. «Эта близость нашла свое выражение и в широком распространении и там и здесь терракотовых статуэток, изображавших божества, популярные в народной среде, несмотря на то, что “идолопоклонство” неоднократно осуждалось в зороастризме. Характерно, что в Парфии терракотовые статуэтки почти неизвестны. Это может быть отражением большего влияния чисто зороастрийских представлений» (Кошеленко, Оразов, 1965, с. 46)²⁶.

В 1966 г. Г. А. Кошеленко пишет работу «О западных влияниях в терракоте Маргианы» (Кошеленко, 1966). В этой статье внимание уделено, как подчеркивает автор, наиболее многочисленной группе женских статуэток. Рассматривая выдвинутую Г. А. Пугаченковой типологию и эволюцию развития иконографии женских божеств, автор ставит под сомнение положение об изначальном влиянии на иконографию «маргианской богини» образа Кибелы, проникнувшего из Месопотамии. Подчеркивая, что Кибела имела свою четкую иконографию, не отраженную в статуэтках Мерва, Кошеленко отмечает также, что в «западных районах Парфии Кибела была сравнительно малопопулярна, далеко уступая в этом отношении Атаргатис-Нанайе». Далее, анализируя детали иконографии и приводя новые образцы терракотовых статуэток, в частности с Джин-депе, автор предполагает наличие переходного звена между образом Атаргатис и образом «маргианской богини». Несмотря на это построение, автор не отрицает возможности влияния на формирование иконографии «маргианской богини» также и иконографии индийских образов типа якшинь.

В. Н. Пилипко в заметке «Плитка, подтвердившая предание» публикует фрагмент терракотовой плитки с рельефным изображением несторианского креста под аркой с перлами (Пилипко, 1968, с. 25–26). Автор по качеству глины и технике изготовления датирует ее ранним средневековьем. На примере этой плитки ярко вырисовывается картина борьбы религиозных течений за расширение своей паствы. Передача религиозных символов посредством привычных для культуры автохтонного населения материала, способа и формы изображения (в терракотовой пластике) религиозных образов, безусловно, говорит в пользу большой популярности последней.

В этом же выпуске журнала «Памятники Туркменистана» была опубликована заметка В. Н. Пилипко и А. Чеперис «Загадочное божество», посвященная плитке с рельефным

²⁶ Необходимо отметить отсутствие в Парфии не только статуэток, но и, казалось бы, чисто зороастрийского погребального обряда — захоронения очищенных костей в сосудах и оссуариях, и его наличие именно на территории Средней Азии, более того, в областях, где широко использовалась терракотовая пластика.

изображением божества (Пилипко, Чеперис, 1968). Плитка была поднята в 5,5 км северо-западнее Чарджоу, около дороги на Денау, и датирована по аналогиям в Согде V–VIII вв. н. э.

В 1969 г. В. Н. Пилипко публикует статью «Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва» (Пилипко, 1969). Описав все имеющиеся на тот период времени статуэтки с изображением музыкантов, автор подразделил их на 2 группы. К первой были отнесены штампованные статуэтки с «заостренными канонизированными образами», которые, как предполагает автор, были связаны с определенными верованиями и могут считаться культовыми. Ко второй группе были отнесены лепные и свободно трактованные. По своему назначению эти статуэтки были определены как детские игрушки, видимо, передающие образы эпических героев. Позднее будет опубликован материал с Мервского некрополя, где выявятся оссуарии с налепами «свободной лепки», и мысль о назначении аналогичных самостоятельных изделий как детских игрушек сама собой отпадет (Пилипко, 1971).

В 1970 г. была опубликована статья М. И. Филанович «Уникальная статуэтка коня из Старого Мерва». Рассматриваемая статуэтка происходит из отвала битой керамики конца III–IV вв. н. э., она залегала в 1,5 м от поверхности в центральной части городища Гяур-калы. На ней сохранились следы в месте крепления всадника. Фигурка коня была расписана черной краской или тушью. Многочисленные знаки в виде крестов, свасти, кругов и сеток подчеркивают культовое назначение статуэтки, считает автор. Отмечается также, что «культ, связанный с обожествлением коня либо с конем, посвященным божеству, а также поклонение мужскому божеству (Филанович, 1970, с. 22)» с первых веков н. э. начинает выдвигаться на первый план.

В 1971 г. В. Н. Пилипко публикует статью «Терракоты Мервского некрополя»²⁷. Эта работа представляет большой интерес тем, что освещает наиболее поздний пласт терракотовой пластики Маргианы, датированный V–VII вв. н. э. Надо отметить, что в соседнем Хорезме для этого времени из различных видов терракотовой пластики сохранились лишь зооморфные статуэтки.

Мервский некрополь — уникальный памятник, отражающий всю пестроту религиозных и идеологических представлений населения этого региона в эпоху раннего средневековья. В первую очередь это отразилось в различных способах погребения: здесь были представлены погребения очищенных костей в оссуариях и керамических сосудах, труположение в крупных керамических трубах и кирпичных ящиках, простые труположения и массовые беспорядочные погребения.

В погребальном культе использование терракотовой пластики известно в основном для погребений оссуарного типа, иначе говоря, в виде налепов, штампов и резьбы на самих астодах. В погребениях иного характера (труположения) терракотовые изделия самостоятельного характера типа статуэток исключительно редки.

Весь материал по терракотовой пластике, полученный с некрополя, был разделен автором на «две неравные группы», к первой — наиболее многочисленной — были отнесены «изделия, употреблявшиеся в оформлении оссуариев»; ко второй — «самостоятельные образцы мелкой пластики» (Пилипко, 1971, с. 19).

Обращает на себя внимание то, что в оформлении оссуариев были использованы изделия, изготовленные различными способами, в том числе ручной лепкой. Так, один сосуд оссуарного типа был оформлен зубчатым парпетом, из-за которого выглядели поясные статуэтки-«уродцы», изготовленные в «гротесковой» манере. Таким образом, можно предположить, что техника изготовления терракотовых изделий не имела принципиального значения в свете идеологической нагрузки изделия.

Рассматривая один из иконографических образов, украсивших оссуарий над прорезной дверцей, в виде женской фигуры по пояс с поднятыми вверх руками, автор приходит к выводу, что это кариатида. В. Н. Пилипко приводит свидетельство Ибн-ал Факиха о существовавшем в Мерве храме, украшенном четырьмя статуями кариатид. В. Н. Пилипко считает, что эта группа терракот копировала крупные скульптуры подобных построек или древних культовых сооружений.

Также чрезвычайный интерес представляет оссуарий, верх которого украшает крупное статуарное изображение барана или козла, которое, так же как и в случае с лепной фигуркой «гротескового» типа, свидетельствует о единой природе различных типов изделий и возможности отражения ими погребальных представлений. Из изделий самостоятельного значения были упомянуты статуэтки лошадей со следами крепления всадников. К сожалению, неясно их точное местоположение и можно ли их связать с какими-либо конкретными захоронениями. Из других изделий были упомянуты налепы на оссуарии в виде хищной птицы с распахнутыми крыльями, бородатых мужских лиц, а также скульптурки голубя. Если все эти сюжеты являются связанными с погребальным культом, то для дальнейших исследований данный факт должен являться одной из отправных точек. Отмечая, что оссуарии Мервского некрополя по общепринятому мнению являются схемами-моделями каких-то реально существовавших архитектурных объектов, автор не отрицает возможности отражения гражданских зданий. В частности, изображенные бойницы, оконные проемы, зубчатые парпеты — все это «реальные элементы копируемых зданий».

Выдвигается предположение о функциональном назначении терракот Мервского некрополя как оберегов, со ссыл-

²⁷ Ранее изделия терракотовой пластики из некрополя Мерва (Байрамалинского) были упомянуты в работе 1959 г. (Ершов, 1959), позднее краткая справка о них была опубликована в 1966 г. (Кошеленко, Десятчиков, 1966).

кой на исследования Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля. Причисляя к оберегам также женские образки, автор видит в этом пережиток культа «маргианской богини». Фигурки всадников связываются с поминальным обрядом. В этой связи встает вопрос: если изделия терракотовой пластики на оссуариях являлись оберегами, то, вероятно, они выполняли функцию охранения останков предков? Принятие данной интерпретации вынуждает допустить, что существовал целый пантеон охранителей, состоящий как из антропоморфных, так и из зооморфных образов.

В заключение в статье выдвигается следующий тезис: «Внутренняя связь идеологической нагрузки и типов терракот некрополя с подобными изделиями эпохи античности свидетельствует о глубоких корнях и живучести древних народных верований» (Пилипко, 1971, с. 27). Здесь уместно было бы напомнить, что для Маргианы характерен на сегодняшний день неясный разрыв в традиции изготовления мелкой терракотовой пластики, который приходится на период с IV по VI в. н. э. Несмотря на то, что В. Н. Пилипко выделил две группы изделий, связанных с оссуариями и «несущих самостоятельное значение», из перечисленных вещей к действительно самостоятельным можно отнести только статуэтки лошадей, все остальные изделия являются налепами, но были обнаружены вне связи с оссуариями.

В 1974 г. выходит XV том трудов ЮТАКЭ. Здесь публикуется развернутое исследование М. И. Филанович «Гяур-кала». В этой работе суммируются основные итоги исследований на Гяур-кале за все предшествующие годы (Филанович, 1974). Изделия терракотовой пластики освещаются лишь попутно, без внесения новых сведений и обобщений.

В 1981 г. в материалах конференции, посвященной культурным взаимосвязям Средней Азии и Кавказа с окружающим миром, были опубликованы тезисы А. Губаева «Мелкая пластика древнего Мерва». Автором было подчеркнуто наличие богатого материала по коропластике эпохи перехода от античности к средневековью в Мервском оазисе и необъяснимое отсутствие его в оазисах предгорий Копетдага. Приводя основные положения концепции Г. А. Пугаченковой о господстве образа женского божества в двух ипостасях, А. Губаев представляет три иконографических типа, которые, по его мнению, также играют важную роль в мервской коропластике. К ним относятся образ юноши в прозрачных одеждах с воздетыми руками, который Г. А. Пугаченкова предположительно связывает с произведениями индо-кушанского искусства, изображение всадника и группа мужских статуэток с образом царя в высоком, напоминающем сасанидские короны, головном уборе (Губаев, 1981, с. 44–45).

В 1985 г. В. А. Мешкерис публикует статью «Змея — хтонический атрибут Маргианской богини» (Мешкерис, 1985а). Практическое ознакомление автора с терракотовыми статуэтками и плитками, несущими образ женского божества, позволил выделить такой атрибут, как змея, в различных сочетаниях, количествах и видах. Было выделено четыре разновидности: одна змея; две змеи; три змеи; дракон и змея.

В свою очередь, в каждой разновидности выделены варианты. В целом же автор вписывает вновь открытый атрибут как дополнение в ранее предложенную Л. И. Ремпелем и Г. А. Пугаченковой интерпретацию образа Маргианской богини. «Его семантическая символика основана на переработке глубоких местных культовых представлений и совпадает с образной условностью изобразительного языка парфянского искусства. Именно эта образная условность — существенный признак, определяющий самобытную природу образа Маргианской богини» (Мешкерис, 1985а, с. 41)²⁸.

Краткие итоги изучения терракотовой пластики региона представлены в главе «Маргиана» очередного издания «Археологии СССР» — «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (Усманова и др., 1985). Терракотовая пластика была упомянута как связанная в большей своей массе с зороастрийскими верованиями в параграфе «Культовые предметы и сооружения». В разделе «Искусство» рассматривались статуэтки. Авторами были суммированы и изложены основные положения концепции «Великой Маргианской богини», а также основные взгляды на развитие терракотовой пластики региона Г. А. Пугаченковой.

В 1991 г. в статье «Новые материалы по истории религий в Туркменистане эпохи парфян и сасанидов» В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко и С. В. Новиков публикуют серию находок терракотовых статуэток из материалов раскопок Среднеазиатской археологической экспедиции Института РАН в Туркменистане (Gajbov, Koshelenko, Novikov, 1991, р. 92–92, pl. 39). К ним относятся три статуэтки с образами женщин с зеркалами, одна уникальная статуэтка с образом женщины в индийском стиле, головка, а также статуэтка мужчины, опирающегося на прямой меч. Авторы, затрагивая дискуссию по интерпретации женского божества с зеркалом, отмечают, что на сегодня недостаточно данных для решения этой проблемы, и даже предлагают отказаться от ее решения до появления новых данных. Также они заостряют внимание на одной из иконографических деталей женских статуэток с зеркалами, которую ряд исследователей интерпретирует как змей и драконов. Оспаривая это мнение, авторы статьи предполагают, что в большинстве случаев это только отражение складок одежды.

Помимо этого, вновь поднимаются вопросы о том, необходимо ли искать в авестийском пантеоне конкретный эквивалент Великой богини Маргианы; почему древнейшие реалистические образы, в которых заметно западное влияние, должны соотноситься с авестийскими божествами; почему местное население оазиса начало поклонение авестийскому божеству именно на рубеже парфянской и сасанидской

²⁸ Позднее тема образа змеи-дракона получит свое дальнейшее развитие в совместной статье В. А. Мешкерис и С. М. Беленицкого (Мешкерис, Беленицкий, 1986, с. 16–27). В настоящее время концепция змеи на статуэтках богинь с зеркалом поставлена под сомнение (Двуреченская, 2014, в печати).

эпохи (чуть ранее III века н. э. и позднее), в период, которым датируется значительная часть терракот?

Рассматривая статуэтку с женским образом в индийском стиле, а также головку несохранившейся статуэтки, авторы приходят к выводу о буддийском характере иконографии этих изделий и видят в них образ якиньи и Будды.

И наконец, статуэтка воина с мечом происходит из слоев, датированных монетами Шапура I, т. е. III в. н. э. Исследователями предполагается, что она связана с периодом изменения политической ситуации в регионе в 70-е годы III в., когда Мерв после сасанидского вторжения теряет свою независимость.

В 1995 г. опубликована статья «Две богини?», в которой впервые подвергается сомнению концепция «маргианской богини» (Кошеленко и др., 1995). Авторами отмечается безраздельное господство с I по IV в. н. э. среди женских статуэток образа стоящей строго фронтально женщины, одетой в богато украшенные одежды, правой рукой держащей у груди зеркало. На основе же материалов булл с Гебеклы-депе утверждается, что помимо Маргианской богини в Мервском оазисе парфянского времени почиталось еще одно женское божество, образ которого восходит к эллинистической Тюхе, но уже в синкретизированной форме. Отмечается, что синкретизация греческой Тюхе и иранского Хварно (Фарна) задокументирована значительным количеством памятников на огромном пространстве от Нимруд-Дага в Каммагене до Пенджаба (Кошеленко и др., 1995, с. 196).

В 1999 г. были опубликованы новые материалы по терракотовой пластике, полученные при раскопках городища Гебеклы-депе. В. А. Гаилов, А. Губаев и Г. А. Кошеленко приводят графические изображения двух статуэток с женскими образами, отмечая, что один из них ранее не был известен (Гаилов и др., 1999, с. 380, рис. 5).

В этом же году В. Н. Пилипко и С. Д. Логинов публикуют материалы по терракотовой пластике античного времени, полученные из Каахкинского района Туркмении (Пилипко, Логинов, 1999). Авторы справедливо отмечают, что ранее с территорий западнее области Маргианы находки изделий терракотовой пластики практически не были известны²⁹. В связи с этим подъемный материал с нескольких памятников, в том числе небольших сельских поселений, представленный десятью образцами терракотовой пластики, имеет исключительно важное значение³⁰. В. Н. Пилипко

и С. Д. Логинов подчеркивают, что «по тематике женские культовые (?) изображения, статуэтки музыкантов, всадников, налпы у основания ручек кувшинов — находки из Каахкинского района — не отличаются от подобных изделий из других среднеазиатских областей». Одновременно ими отмечается, что иконография этих изделий «представляется своеобразной и не обнаруживает ожидаемого сходства с рядом расположенной областью Мерва...». В результате аналитического исследования авторы приходят к выводу о том, что на сложение в районе Этека традиции изготовления терракотовых статуэток, возможно, оказали влияние переселенцы с индо-парфянских территорий, появившиеся здесь под кушанским натиском (Пилипко, Логинов, 1999, с. 384–385).

Г. А. Кошеленко и С. В. Новиков в своей работе «О коропластике Маргианы эллинистического периода», вышедшей в свет в 1999 г., вновь подвергли критике созданную Г. А. Пугаченковой концепцию развития терракотового пластического искусства Мерва. Критика была выстроена в нескольких направлениях (Кошеленко, Новиков, 1999).

Авторами было поставлено под сомнение, что «культ женского божества на территории Южного Туркменистана, и Мервского оазиса в частности, имеет единый исток, кроющийся в идеологических представлениях эпохи матриархата, и затем — единую линию развития...» (Пугаченкова, 1962а, с. 119). Также вызвало несогласие объяснение Г. А. Пугаченковой отсутствия статуэток в раннежелезный век тремя вышеперечисленными пунктами. Г. А. Кошеленко и С. В. Новиков связывают данный факт с распространением в Маргиане зороастризма, которому присущ строгий аниконизм. Здесь хотелось бы привести мнение М. Г. Воробьевой о том, что перерыв в изготовлении статуэток, в частности женских, в эпоху раннежелезного века отмечается также на территориях, где не было зороастризма, к примеру, на материковой Греции (Воробьева, 1968, с. 138). Без ответа на данное замечание высказанная по этому пункту критика не может считаться достаточно обоснованной.

Исследователями оспаривается мнение Г. А. Пугаченковой о том, что возрождение искусства коропластики после перерыва в эпоху железа было связано с «созданием развитых рабовладельческих империй, во главе которых стояли местные династии, поддерживавшие широкие политические, экономические и культурные контакты с высокоразвитыми государствами эллинистического мира» (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 54–55). Авторы высказали мнение, что «самым рациональным объяснением» причин возрождения этого вида искусства может служить возникновение в эллинистическую эпоху города Антиохии Маргианской, «в составе населения которого греки-переселенцы составляли значительный процент», и «высокая популярность в Элладе коропластики», которая и была сюда привнесена

²⁹ Терракотовая статуэтка с Пештага ранее была опубликована Л. И. Ремпельем (Ремпель, 1951, с. 182–184).

³⁰ Находки происходят из городищ Пештаг (1 — фрагмент статуэтки с женским персонажем), Ярык-депе (3 — ф-т статуэтки с женским персонажем, штампованный налп на ручке кувшина в виде головки, фигурка всадника (?)), с поселений Ходжа-кала Южная (1 — матрица для изготовления статуэток с изображением музыканта), Яссыджа-депе (2 — плитка с рельефным изображением обнаженной женщины в опояске и плитка с изображением стоящего мужского персонажа), Афган-депе (2 — статуэтка с женским стоящим персонажем в платье с бляшками, статуэтка с мужским стоящим персонажем), близ Меана

(1 — плитка с рельефным изображением женского персонажа, отражающего влияние индийской иконографии).

(Там же, с. 56). Действительно, можно отметить небывалый всплеск этого вида искусства на обширных территориях Передней Азии во времена походов Александра Великого. При всей соблазнительности этого предположения настаивает тот момент, что в Средней Азии (не считая Хорезма, где ранний материал по мелкой терракотовой пластике датируется исследователями временем до походов Александра Македонского) нет образцов, датированных временем ранее III в. до н. э., причем к этому времени относятся редкие, часто спорные экземпляры, говорящие не в пользу версии о массовом их производстве (Согд, Бактрия, Маргиана). Если принять предположение авторов о роли греков-переселенцев, то возникает вопрос, почему была принята столь малохарактерная для материковой Греции форма изготовления односторонних штампованных изображений, отражающих образы, иконография которых также не находит в Греции прямых аналогий. Безусловно, можно было бы объяснить эти явления постепенным проникновением культуры эллинов в быт среднеазиатских народов, особенно в области, связанной с мировоззренческими аспектами, так как бытовая культура оставила немало свидетельств не только прямого импорта различных изделий, но и подражания им. В любом случае необходимо отметить, что вопрос о происхождении терракотовой пластики в Маргиане далек от своего окончательного решения и, вероятно, должен рассматриваться в рамках всего среднеазиатского региона.

Совершенно справедливо в третьем пункте подвергается критике отсутствие должных обоснований нижней даты появления женских статуэток, выдвинутой Г. А. Пугаченковой. Упоминая III в. до н. э., автор не указывает ни одной из конкретных статуэток, датированных этим временем (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 56).

Также убедительно доказана необоснованность выделения Г. А. Пугаченковой двух ипостасей одного женского божества. Надо отметить, что начало критики этого пункта лежит в статье 1995 г. «Две богини?» (Кошеленко и др., 1995). Коллективом авторов была исследована иконография некоторых образов богинь на буллах Гебеклы-депе. Эта работа показала важное значение рассмотрения терракотовой пластики во взаимосвязи с остальными видами изобразительного искусства, выявления как схожести иконографических образов, так и их особенностей, вместе отражающих единую культурную общность рассматриваемой территории.

Нельзя не согласиться, что изделий, четко стратифицированных для периода раннего эллинизма, практически нет, но с другими хронологическими отрезками дело обстоит противоположным образом. Так, в Маргиане известны уникальные комплексы терракотовой пластики, зафиксированные в рамках материальной культуры нескольких памятников (Кацурис, Буряков, 1963; Усманова, 1963б).

В итоге исследования авторы статьи предлагают полностью отказаться от всех выводов Г. А. Пугаченковой и «совершенно заново рассмотреть проблему», для чего они

считают необходимым использование совершенно иного метода — сравнительного. При этом отмечается невозможность использовать стратиграфические наблюдения, так как таковые сильно ограничены.

В качестве «эталона» в исследовании ранней группы среднеазиатских (в том числе маргианских) эллинистических терракотовых статуэток предлагается использовать материалы «единственного центра, где в действительно серьезных масштабах вскрыты слои эллинистического времени (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 59)» — городища Ай-Ханум. Авторами статьи были рассмотрены некоторые категории терракотовых статуэток Маргианы в сравнении с материалами Ай-Ханум, а также Афрасиаба. В результате были выделены два типа, соответствующие айханумским, — это женская стоящая фигура, с прижатой к груди или к плечу правой рукой и опущенной к бедру левой, и женская фигура, сидящая на троне. В то же время в Ай-Ханум выделен еще один тип — вероятно, Ника, держащая в руках венок. Здесь немаловажным дополнением является наблюдение авторов, что те же два типа, что и в Маргиане, встречаются «среди достаточно надежно стратифицированных находок терракотовых фигурок из раскопок Самарканда» в раннеэллинистическом слое. Авторы статьи ссылаются на проведенное К. Абдуллаевым исследование, основанное на сравнительном методе, при помощи которого им была выявлена группа эллинистических статуэток из центров правобережной Бактрии.

Остановимся подробнее на рассмотрении предложенного авторами сравнительного метода. Метод этот не был оговорен детально, но, судя по приведенному примеру, можно предполагать, что он основан на сопоставлении иконографии терракотовых изделий из районов с четкой хронологией и стратиграфией с изделиями из районов, не дающих таковых. Безусловно, данный подход к изучению терракотовой пластики имеет свои положительные стороны. Так, он делает возможным рассмотрение этого вида изделий в широком географическом контексте, что позволяет отмечать общие и локальные черты развития терракотовой пластики различных среднеазиатских областей — государственных образований. Но необходимо понимать, что один этот метод позволяет подойти к решению только некоторых проблем терракотовой пластики. Как неоднократно указывалось ранее, исследования, построенные на анализе изобразительного ряда, имеют большую долю субъективизма в интерпретации изобразительных сюжетов, без чего не может вестись сопоставление иконографии. Так, в рассматриваемой статье уже всплывает различие в трактовке одного из иконографических типов — сидящая женская статуэтка интерпретируется авторами как культовая, тогда как К. Абдуллаев относит ее к светским образам (Абдуллаев, 1996а, с. 60).

Поэтому не менее важно рассматривать изделия терракотовой пластики в контексте всей материальной культуры региона. В частности, исследовать терракотовую пластику как составную часть керамического производства, которая

всегда соответствует уровню развития технологий той эпохи, в которой она была создана. В этой связи чрезвычайный интерес представили бы исследования по технологии производства терракотовой пластики в сопоставлении с технологией изготовления керамики. Напомним, что в исследованиях Г. А. Пугаченковой данное направление было обозначено в общих чертах, но, к сожалению, не получило серьезных и детальных подкреплений.

* * *

Подводя итоги истории изучения терракотовой пластики Маргианы, отметим, что нами было проанализировано 30 работ, написанных восемнадцатью исследователями. Исследование различных видов пластики шло в двух направлениях: отдельное рассмотрение терракотовых статуэток и рельефов на плитках и самостоятельное изучение оссуариев.

Подход к изделиям терракотовой пластики как к произведениям искусства был определен в первых публикациях материала Л. И. Ремпель (Ремпель, 1949, 1953). Методы исследования были продиктованы отсутствием каких-либо археологических данных, т. е. подъемным характером рассматриваемых изделий. Весь материал был разбит на хронологические группы. Датировка предлагалась на основе анализа стилевых признаков и находимых аналогий в различных видах изобразительного искусства, в том числе в произведениях монументального искусства. Далее изучение шло преимущественно в направлении исследования иконографии, а также интерпретации образов, ею отражаемых. В дальнейшем как подход, так и методы были переняты последующими исследователями маргианской мелкой пластики. Отметим наиболее важные выводы и наблюдения Ремпеля. Одно из них — утверждение о зарождении на рубеже эр «собственной традиции коропластики местной среднеазиатской школы». Напомним, что С. П. Толстов аналогичный процесс в Хорезме относил ко времени IV в. до н. э. Если Л. И. Ремпель не исключал влияния греческой терракотовой пластики на раннем этапе, в III—I вв. до н. э., то для Хорезма характерно убеждение об уже сложившейся ко времени походов Александра собственной школе. Также интерес представляют наблюдения Л. И. Ремпеля об особенностях иконографических типов среднеазиатских богинь и возможности существования своего локального образа, а также об эволюции костюма в иконографии некоторых типов статуэток от подражания греческим образцам в III—I вв. до н. э. до все более «варваризированных».

Упомянутые выводы были в дальнейшем развиты в работах Г. А. Пугаченковой и вылились в создание концепции развития основного иконографического образа — «Маргианской богини» (Пугаченкова, 1959, 1962а, 1967). Безусловная заслуга исследовательницы в том, что терракотовая пластика впервые была рассмотрена в динамике, как отражающая единый связанный процесс от момента возникновения до исчезновения.

Благодаря крупномасштабным работам археологов ЮТАКЭ к середине 70-х гг. был собран объемный материал, отразивший основные виды терракотовых изделий, а также иконографических типов, бытовавших в Маргиане с III в. до н. э. по VIII в. н. э. Некоторые из них были использованы в теории Г. А. Пугаченковой в качестве ее развития, не меняя основных выводов — по датировке, времени возникновения и по эволюции отдельных иконографических образов (Пугаченкова, 1962а).

Теоретическое построение Г. А. Пугаченковой вдохновило целую плеяду исследователей Маргианы 60–70-х гг., и они практически вплели данные своих исследований в ткань концепции «Маргианской богини». К таким работам относятся публикации материалов археологических исследований на Гяур-кале (Усманова, 1963б; Кацурис, Буряков, 1963). Отсутствие критического подхода к теории Г. А. Пугаченковой во многом лишило вновь открытый материал самостоятельного конкретного содержания. Эти работы имели публикационный характер, в их задачу входило освещение всего объема проведенных археологических исследований, что не позволяло подробнее остановиться на всестороннем рассмотрении отдельных категорий находок. Тем не менее открытие большого количества изделий терракотовой пластики в непотревоженном состоянии в комплексе с другими предметами материальной культуры нескольких жилых и производственных объектов, таких как квартал мукомолов и дом металлиста, само по себе дало богатейший материал для понимания значения этих изделий. Безусловно, терракотовая пластика с этих объектов требует специализированного исследования, с освещением всех специфических вопросов, а также с созданием каталога с необходимой графической или фотографической фиксацией всех изделий и аргументированными паспортными данными.

В отдельной работе В. Н. Пилипко была исследована терракотовая пластика с Мервского некрополя (Пилипко, 1971). Рассмотрев все изделия, автор обрисовал последний, раннесредневековый этап ее бытования на территории Маргианы. Исследователем были выделены основные иконографические сюжеты. Отмечено отражение в орнаментике оссуариев архитектурных деталей реальных — как культовых, так и гражданских — сооружений.

В середине 90-х гг. были пересмотрены некоторые из основных положений концепции «Маргианской богини», в том числе об отражении развития одного божественного образа в терракотовой пластике на протяжении более половины тысячелетия. Для решения данного вопроса были привлечены материалы крупной коллекции булл с Гебеклы-депе, т. е. были сопоставлены данные различных видов изобразительного искусства. Можно лишь подчеркнуть необходимость использования такого метода для более объективного взгляда на место и значение образов, запечатленных в терракотовой пластике.

Статья Г. А. Кошеленко и С. В. Новикова, посвященная терракотовой пластике Маргианы эллинистического перио-

да, поставила под сомнение основные положения концепции «Маргианской богини». Авторы призвали вообще отказаться от всех ее выводов и заново подойти к рассмотрению этой проблемы. Для этого было предложено использовать сравнительный метод.

Отдельного внимания заслуживают работы, затрагивавшие проблемы назначения отдельных видов терракотовых изделий. Решение этой проблемы велось в том же направлении, что ранее было описано в историографии хорезмийских работ. Версии выстраивались следующим образом. Л. И. Ремпель считал, что статуэтки являлись произведениями искусства, отражавшими художественное воззрение на мир, а также мифологию. По его мнению, они могли выполнять как культовую, так и светскую роль, а в периоды кризиса становились домашними идолчиками в виде грубых лепных антропоморфных статуэток. Г. А. Пугаченкова предположила, что маргианские статуэтки могли быть по своему назначению аналогичны статуэткам ларов и пенатов Древней Греции. З. И. Усманова приводит мнение М. И. Филанович, что некоторые статуэтки специально помещались в кладки крепостных стен для их неприступности. В. Н. Пилипко, на основе анализа техники изготовления, относит часть статуэток к культовым (штампованные), часть — к детским игрушкам (лепные от руки) (Пилипко, 1969). Материалы Мервского некрополя опровергли данное представление, так как лепные статуэтки, выполненные в той же манере, были зафиксированы на оссуариях.

В целом благодаря усилиям исследователей ЮТАКЭ мы можем отметить некоторые особенности терракотовой пластики Маргианы.

В первую очередь это ограниченное количество видов терракотовой пластики. Так, здесь известны лишь антропоморфные и зооморфные статуэтки, оссуарии с налечами, резным орнаментом, ритоны с зооморфными налечами и плитки с рельефными изображениями. Отсутствуют такие виды изделий, как статуарные оссуарии, урны, лицевые маски, рельефы на флягах, налечи на сосудах, фигурные сосуды, которые есть в Хорезме. В связи с этим еще менее, чем для Хорезма, разработан вопрос выделения различных видов терракотовой пластики, их своеобразия и взаимосвязи, в том числе связи терракотовых статуэток с оссуариями.

Несмотря на крупномасштабные исследования ЮТАКЭ, одной из самых сложных и до конца не разработанных проблем стала достоверная датировка терракотовой пластики. К самым ранним изделиям были отнесены антропоморфные женские статуэтки, датированные III–II вв. до н. э. Проблема происхождения затронута несколькими авторами, при серьезных разночтениях сохраняется мнение о влиянии переднеазиатской иконографии на пластику Маргианы. Характерно, что такого же мнения придерживалась М. Г. Воробьева относительно женских образов на статуэтках Хорезма. Широкое распространение в Маргиане терракотовой пластики, а именно статуэток, относится ко времени вхождения ее в состав Парфянского государства.

Иная ситуация в хронологии такого вида терракотовой пластики, как оссуарии. В частности, в Маргиане известен один оссуарий с антропоморфными налечами из некрополя, относящийся к рубежу н. э. На территории соседнего Хорезма подобные оссуарии отсутствуют. По предложенной Ю. А. Рапопортом версии, статуарные оссуарии, где собственно применялась терракотовая пластика, датируются IV–II вв. до н. э., но верхняя дата определяется по отсутствию их в некрополе Калалы-гыр 1, т. е. вплоть до IV в. н. э. Напомним, что терракотовая пластика практически перестала использоваться в изготовлении ящичных оссуариев, за исключением несложных валикообразных налечей. Для Хорезма неизвестны оссуарии, четко датированные временем от II в. до н. э. до II в. н. э.

В Маргиане зафиксированы оссуарии с антропоморфными изображениями не только парфянского, но и ранне-средневекового времени, что засвидетельствовано материалами Мервского некрополя — оссуариями, а также отдельными фрагментами изделий с рельефами. Это сближает Маргиану с Согдом, для которого раннее средневековье стало временем массового изготовления оссуариев с рельефами и налечами самого различного содержания, включая сюжетные.

Особенностью маргианской терракотовой пластики является также меньшее по сравнению с Хорезмом число памятников, на которых она была зафиксирована. Подавляющее большинство терракотовых статуэток обнаружено в городе Антиохия Маргианская, или Гяур-кале, и на древней крепости Эрк-кале. Массовая их концентрация отмечается в жилых и производственных помещениях.

Неоднократно обращалось внимание на более тонкий и искусный стиль маргианской пластики в целом по сравнению с хорезмийской.

Таким образом, на сегодняшний день результаты изучения терракотовой пластики Маргианы, несмотря на полувековую историю, можно оценить как чрезвычайно противоречивые. Это можно объяснить рядом объективных факторов. Во-первых, в отличие от Хорезма этот вид изделий не имел «своего» исследователя, т. е. археолога, непосредственно изучающего на протяжении длительного времени не только регион Маргианы, но и специализированно терракотовую пластику в контексте археологических данных этой области. Во-вторых, Г. А. Пугаченкова при создании концепции «Маргианской богини» использовала преимущественно искусствоведческие методы. А поскольку, как это было выше оговорено, такие методы исследования терракотовой пластики были намечены еще в довоенное время, то работы Г. А. Пугаченковой явились закономерным звеном в практически одностороннем исследовании этого вида материальной культуры. В-третьих, являясь исследователем широкого профиля, Г. А. Пугаченкова сумела наметить важнейшие связи в развитии терракотовой пластики Маргианы и других регионов Средней Азии, но при этом ей не удалось сконцентрировать внимание на практическом разрешении

многих конкретных проблем. В-четвертых, теория «Маргианской богини» на долгие годы вперед предопределила развитие мысли исследователей терракотовой пластики. Вновь получаемые материалы без серьезного анализа вpleтались в теорию, не акцентировалось внимание на противоречиях и спорных вопросах. Таким образом, новый материал ничего нового в сложившиеся представления не вносил.

Необходимо отметить, что такому положению способствовала рассеянность данных по терракотовой пластике. Более того, как правило, описание изделий было поверхностное, без деталей, часто без изображений, без указания характера местонахождения, сопутствующего инвентаря. До сих пор нет каталогов ни по одному памятнику. Крупные обобщающие труды Г. А. Пугаченковой, несмотря на то, что осветили основные иконографические типы терракотовой пластики, явились лишь кратким перечнем массового материала, требующего более детального исследования с применением различных методов.

Изученность терракотовой пластики Маргианы, в отличие от хорезмийской, не позволяет подойти к серьезным обобщениям. Для решения проблем происхождения, датировки и назначения различных видов терракотовой пластики Маргианы необходимо восполнение перечисленных пробелов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

Итоги первых археологических работ на территории Бактрии нами были освещены выше (Стрелков, 1927; Trever, 1934; Тревер, 1940).

В историографическом плане археологическое изучение Бактрии в послевоенный период, в отличие от вышерассмотренных регионов, было значительно более сложным. Оно описано в книге Г. А. Пугаченковой «Халчаян» (Пугаченкова, 1966) и детально — в книге Ш. Р. Пидаяева «Поселения кушанского времени Северной Бактрии» (Пидаяев, 1978). Благодаря привлечению нескольких исследовательских учреждений к археологическому изучению региона³¹ библиография по рассматриваемой теме на сегодняшний день

насчитывает более ста тридцати научных работ пятидесяти ученых. О глубине изучения говорит количество специализированных исследований по этой проблеме (более пятидесяти). Из них три диссертации, две из которых полностью (Мухитдинов, 1973а; Абдуллаев, 1985а), а одна частично (Вивденко, 1990) посвящены вопросам терракотовой пластики региона.

В 1940 г. М. Е. Массон публикует материалы археологических исследований городища Старого Термеза, полученные в первые годы деятельности ТАКЭ (Массон, 1940). В емком труде, посвященном исследованию этого памятника, автор уделяет внимание и изделиям «терракотовой скульптуры» (по терминологии М. Е. Массона). Отмечая, что этот материал «благодарный в историческом отношении», М. Е. Массон сразу выделяет изделия самостоятельного характера и «декорирующий керамические предметы». Среди зооморфных образов отмечаются образы лошади, верблюда, горного козла, обезьян, а также антропоморфизированных львиных голов в виде плоских налепов на сосуде. Упомянут фрагмент ритона, завершающийся головой крупного хищника кошачьей породы. Немалое число обрядов относится и к неопределяемым, возможно, фантастическим существам. Подчеркивая, что назначение этих изделий неясно, М. Е. Массон считает неверным относить их все к детским игрушкам. Приводится ссылка на этнографические данные, где говорится, что «продажа глиняных игрушек, изображающих фигурки животных, производилась еще недавно в некоторых областях Узбекистана и Таджикистана, но приурочена была исключительно к базарным дням двух годовых мусульманских праздников» (Массон, 1940, с. 75). Переходя к антропоморфным образам и отмечая их относительную многочисленность, автор останавливается на вопросе генезиса изобразительного искусства в Средней Азии. В частности, он говорит, что уместно «среди древнейшей скульптуры ожидать объекты, целиком принадлежащие местному искусству...» (Там же, с. 76). Отмечается также несомненность влияния малоазийской эллинистической школы и лишь в адаптированном виде — классического греческого стиля. Автор указывает на народный характер изделий и их местное производство, подтвержденное находками калыбов. Среди женских образов отмечаются статуэтки богини Анахиты с инвентурным кольцом и Ордохшо, десятки всадников и так называемых примитивов.

Отдельно рассматриваются памятники буддизма, к которым были отнесены терракотовые плитки с изображением Будды, бодхисаттвы и мужского персонажа кушанского типа (Там же, с. 77–79).

В результате первых лет работы Термезской археологической комплексной экспедиции был получен материал из стратиграфических слоев кушанского времени. В 1945 г. он получил широкое освещение в статье М. И. Вязьмитиной, которая основное внимание уделила анализу керамического комплекса первых веков н. э. с городища Айртам (Вязьмитина, 1945, с. 49–53). В частности, ею были обобщены

³¹С 1946 г. начала работы Таджикская археологическая экспедиция, состоявшая из ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН ТаджССР и Государственного Эрмитажа (Кафирниган, Вахш, Куляб); с 1947 г. начала работы Французская археологическая делегация на территории левобережной Бактрии (Бактры / Балх); с 1948 г. начал работы Институт истории и археологии АН УзССР на юге Узбекистана (Сурхандарьинский отряд); с 1960 г. подключился к работе Институт искусствознания (Халчаян, Дальверзин-тепе и др.); с 1961 г. работала совместная экспедиция Государственного Эрмитажа и Музея искусств народов Востока на Каратеппе; с 1969 г. начала работу Советско-Афганская археологическая экспедиция, возглавляемая ИА АН СССР (Дильберджин, Жига-теппе, Емши-теппе и др.). С 1972 г. работала совместная Бактрийская экспедиция Института археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР (Зартепа и Шерабадский оазис).

приемы и характер декорирования керамики. Отмечено как характерное расположение орнамента в горизонтальных поясах, идущих вокруг сосуда непрерывной полосой; кроме того, обращается внимание на широкое использование геометрических элементов в декоре, таких как прямые и волнистые линии, зигзаги, черточки, дужки, квадратики и треугольники, а также растительных мотивов — листочков, пальметт и др. Помимо того, отмечен декор в виде звездочек, «вертуна», свастики, ступней Будды. Среди керамического материала автор отмечает находку ритона с окончанием в виде головы львицы, изготовленного с большим мастерством и напоминающего «хорошие образцы античной керамики». М. И. Вязьмитиной также упомянуты изделия терракотовой пластики как подъемного характера, так и происходящие из раскопок. Описаны статуэтки с образом кушанца с сосудом у груди, с женским образом с высокой прической, а также две статуэтки барашков. Последние, по мнению автора, могли играть культовую роль как образы «излюбленных участников детских игр Будды» (Вязьмитина, 1945, с. 52).

В 1957 г. выходит книга Ж. К. Гардена, посвященная исследованию керамики Бактр (Gardin, 1957). Многочисленный материал был получен из зондажей (общим числом более 60), заложенных на территории всего городища. Отдельная часть книги посвящена изучению статуэток и декора на керамике, которые были подразделены на две группы: с антропоморфными и зооморфными образами. Для декора на керамике было введено дополнительное уточняющее деление: декор на ручках и декор на других частях сосудов. Ж. К. Гарден отмечает, что все изделия происходили из слоев кушанского времени и датировались I в. до н. э. — III в. н. э.

Среди антропоморфных образов на статуэтках основное внимание было уделено женскому персонажу с зеркалом, дающему серию изделий разной сохранности. Статуэтки с образом «дамы с зеркалом», по мнению автора, испытывают значительное влияние эллинистических традиций, несмотря на наличие в ее костюме местных черт. Ж. К. Гарден находит аналогии образу в Месопотамии, Персии и Средней Азии (Афрасиабе, Тали-Барзу, Мерве). Мнение многих исследователей этого иконографического образа, интерпретирующих его как Анахиту, автор считает необоснованным, оставляя вопрос открытым. Описаны также и другие виды терракотовой пластики (Gardin, 1957, p. 55)³².

³² Описаны фрагменты статуэток с изображениями женщин, держащих на руках детей, выполненными в эллинистическом стиле; фрагмент статуэтки — головка в головном уборе типа калатоса; фрагмент плитки с изображением обнаженного Геракла с дубиной и шкурой льва; фрагмент плитки с изображением воина в тунике; фрагмент статуэтки с персонажем в азиатском одеянии, держащим чашу и неясный предмет, прижатый к левому плечу; как голова варвара был трактован фрагмент статуэтки, несущей образ широколицего мужчины с длинными усами и шевелюрой. Аналогии этому образу автор находит в буддийских памятниках Хадды, Таксилы и др. Кроме того, упоминается находка аналогичного персонажа в Термезе, где предмет в левой руке трактуется как плетень (Вязьмитина, 1945). Публикуется также антропоморфная

Ж. К. Гарден считает все рассматриваемые изделия продукцией местного производства, испытывающей влияние эллинистического стиля. Гипотеза об импорте признается невероятной для «столь бедных объектов», кроме того, эллинистические изображения этой же эпохи в Северо-Западной Индии или в «Иранской империи» не находят прямых аналогий со статуэтками Балха. По мнению автора, они напоминают больше средиземноморские модели (Gardin, 1957).

Во второй половине 50-х гг. широко разворачиваются археологические исследования на территории Северной Бактрии-Тохаристана. Это способствует появлению целого ряда работ, характерной особенностью которых является публикация новых материалов по терракотовой пластике, происходящих из стратиграфических слоев памятников. Важную роль играет сам метод описания этих изделий в контексте всего археологического материала, зачастую с определением функционального назначения мест находжений изделий.

Одной из первых в этом ряду является статья А. М. Мандельштама и С. Б. Певзнера, где публикуются материалы по терракотовой пластике Северо-Восточной Бактрии — городищ Кей-Кобад-Шах и Мунчак-тепе 2 (Мандельштам, Певзнер, 1958).

фигурка ручной лепки, грубого исполнения, с формованными стекой глазами. Гарден считает, что подобного рода статуэтки крайне широко распространены на Востоке в самых различных эпохах и относятся то к культовым изделиям, то к простым игрушкам. Статуэтки животных представлены лошадками, в том числе оседланными, датируются временем от рубежа эр до XV в.

Декор на керамике представлен налепными ручками в виде подпрямоугольной формы оттисков с изображением персонажей в высоких корзинообразных головных уборах, которых Гарден считает женскими персонажами. В одном случае женщина изображена в иератической позе с прижатой к груди рукой, в другом, наоборот, улавливается индийский стиль изображения изогнутого динамичного тела также с прижатой к груди рукой. Последний персонаж автор склонен связывать с индийским искусством и находит ему аналогии в Беграме среди статуэток из слоновой кости. Оба изделия происходят из слоев кушанского времени. Еще один налеп на дне кубка с изображением мужской головы, повернутой вправо, имеет крупные размеры 7,8 см в высоту. Автор видит в нем образ одного из греко-бактрийских правителей, хотя из-за фрагментарности не уточняется, какого именно. Так как изделие происходит из слоя предкушанского времени, автор не отрицает возможности его датирования греко-бактрийским периодом. Зооморфный декор на ручках представлен образами льва, барана, птицы и др. Все изделия происходят из слоев не ранее эпохи кушан или Сасанидов, часть может быть отнесена к раннемусульманскому времени, VII–VIII вв. н. э., когда Бактрия входила в состав «Туранской империи» (Gardin, 1957, p. 61–63).

Единственное изображение животного на тулове сосуда не имеет точной датировки, аналогичные медальоны с образом Горгоны относятся к эллинистическому времени, а с образом льва — к парфянскому. В книге был также рассмотрен штампованный декор на керамике в виде геометрического и растительного орнамента. Автором отмечается его многочисленность, но, тем не менее, большая фрагментарность, не позволяющая в полной мере восстановить характер сосудов. Предполагается, что штампованный орнамент украшал кувшины и вазы. Всего выделено 19 типов штампов: розетки многолучевые, вихревые, ромбовидные, пальметты в виде листочков и др. (Gardin, 1957, p. 21–22).

Кроме четкой хронологической привязки часть материала имеет ясные с функциональной точки зрения условия месторасположения³³. Анализируя иконографию антропоморфных женских статуэток, авторы используют сравнительный метод и приходят к заключению о «значительном иконографическом сходстве» терракотовых статуэток, изображающих сидящую женщину, из городища Кей-Кобад-Шах с согдийскими статуэтками. Из этого был сделан вывод о том, что «в кушанский период как в Согде, так и в Бактрии имел широкое распространение культ одного и того же женского божества, облик которого был в значительной степени канонизирован». Предполагалось, что этим божеством являлась Анахита (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 310).

Авторы приводят комплекс находок из раннесредневекового городища Мунчак-тепе. Публикуется фрагмент терракотовой антропоморфной статуэтки, вылепленной от руки (Мандельштам, Певзнер, 1958, рис. 27, 18), и фрагмент зооморфной статуэтки.

В 60-е гг. были опубликованы и обобщены результаты археологических разведок и раскопок, проводившихся ранее Институтом истории и археологии АН УзССР на территории Северной Бактрии (в Ангорском районе). В книге Л. И. Альбаума «Балалыктепе» отмечается многочисленность материалов по керамике с городища Зартепа с применением терракотовой пластики (Альбаум, 1960). В частности, с применением штампованного орнамента в виде елочек, кружков, ромбов, розеток, ступней Будды, которое датируется автором I–III вв. н. э. Подчеркивается высокое качество глины, наличие ангоба с лощением. Кроме штампованного орнамента отмечается и наlepной, часто в форме антропоморфизированных голов львов. Для последних приводятся аналогии с Чингиз-тепе в Термезе. Есть наlep в виде реалистично переданного горного козла. Терракотовая пластика встречается не только на стенках сосудов, но и на их ручках и имеет вид различных, часто фантастических, по определению автора, животных. Зооморфный сюжет характерен также в оформлении сливов у некоторого числа сосудов. Среди сюжетов отмечается голова оленя. Л. И. Альбаум, отмечая большое число терракотовых статуэток с городища Зартепа, подчеркнул их подъемный, в большинстве случаев, характер³⁴.

Рассмотренные в книге изделия показали пестроту и богатство иконографических образов, представленных на различных видах терракотовой пластики. Характер работы не

предполагал глубокого раскрытия каждого изделия, чему способствовало также отсутствие для большей части изделий археологического контекста. Основное внимание в работе традиционно уделялось иконографии и интерпретации.

В статье В. Д. Жукова были опубликованы материалы кушанского времени из раскопок городища Хайрабад-тепе, расположенного в 30 км от Термеза (Жуков, 1961). Автор приводит фотографию плитки с рельефным изображением (стоящей фигуры в одежде с драпировкой) и фрагменты от двух лепных статуэток животных (верблюда и мартышки), которые предположительно являлись ручками сосудов (Жуков, 1961, с. 189–190, рис. 8, 9)³⁵. Изображение на плитке и статуэтка мартышки впоследствии будут связываться с буддийской тематикой (Абдуллаев, Завьялов, 1985а).

С начала действия экспедиции Института искусствознания на территории древней Бактрии к проблемам терракотовой пластики этого региона обратилась Г. А. Пугаченкова. С 1961 г. начинается цикл исследований, результатом которых стало более 17 статей и отдельных глав книг.

В книге «Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана», написанной Г. А. Пугаченковой совместно с Л. И. Ремпелем, в главе «Коропластика» рассматриваются изделия Согда, Хорезма, а также Северной Бактрии. Авторы описывают всего два изделия с территории последней — головку бородатого мужчины из Зартепа и плитку с рельефным изображением раба в кандалах из Термеза. Авторы высвечивают изделия с интересующей их стороны, в первую очередь уделяя внимание изобразительному ряду и его интерпретации (Пугаченкова, Ремпель, 1961).

В статье «Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне» рассматривается изобразительный сюжет. Характер сцены автору видится чисто светским, на основании чего исключается votивное назначение медальона. Датируется изделие на основании стратиграфических (не указывается, каких именно) и стилистических данных I — началом II в. н. э. Г. А. Пугаченкова считает, что сюжет воспроизведен с какой-то монументальной скульптуры и стилистически предшествует скульптуре Сурх-Котала, Матхуры (Пугаченкова, 1962б, с. 95).

В 1965 г. выходит статья, посвященная группе лепных терракотовых статуэток, где Г. А. Пугаченкова рассмотрела антропоморфные статуэтки всадников (применяется термин «всадники-идольчики») и обобщила представления о них на базе новых материалов из Халчаяна (Пугаченкова, 1965). Приводя аналогии, автор обратила внимание на широкое распространение этого сюжета в самых различных частях Азии в довольно продолжительный отрезок времени. Она отмечает, что статуэтки этого типа есть везде, но в основном они происходили не из стратифицированных слоев, поэтому датировка их осуществлялась на базе стилистиче-

³³ В завале с внутренней стороны стен, у оборонительных сооружений городища Кей-Кобад-Шаха и в их кладке, в слое на полу межстенного коридора с другими пришедшими в негодность и выброшенными предметами.

³⁴ Среди иконографических типов описываются следующие: женский персонаж с крыльями из-за плеч и венком в руке — интерпретируется как Ника; фрагмент изделия с женским персонажем в прозрачном одеянии — трактован как Силена; обнаженный мужской персонаж — интерпретирован как Лаокоон; «образок с Буддой на коврике»; статуэтки обезьян, одна из них играет на сириксе; статуэтки бодхисаттв; статуэтка Анахиты и т. д.

³⁵ Изделия не описываются, указывается лишь, что первое из них происходит из нижних слоев помещения № 1.

ского анализа. Материалы Халчаяна позволили датировать эту группу статуэток I в. до н. э. — I в. н. э., I–II вв. н. э., III–IV вв. н. э.

В статье публикуется редкая находка целого основания курильницы, украшенного тремя фигурками лепных антропоморфных статуэток, чрезвычайно схожих с лепными всадниками. В данном случае только сохранность изделия позволила правильно интерпретировать его функциональное назначение и избежать характерной ошибочной интерпретации. Это подводит к мысли о необходимости совместного рассмотрения изделий терракотовой пластики как самостоятельного функционального значения (статуэтки, плитки с рельефами), так и вспомогательного (налепы на сосудах, курильницах, статуэтки-подставки и т. д.). Иначе говоря, на сегодняшний день уровень знания материала кроме узкоспециализированного исследования отдельных видов требует постоянного перекрестного рассмотрения разных видов терракотовых изделий.

В книге «Халчаян», вышедшей в 1966 г., в отдельной главе «Мелкие художественные изделия», Г. А. Пугаченкова впервые обобщает материалы по терракотовой пластике, полученные за годы работы археологических экспедиций на территории Бактрии. Обосновывая историческое значение коропластики, автор отмечает, что она «принадлежит к той категории “малых искусств”, которая не просто повторяет главные линии развития искусств монументальных, но и содержит свои специфические черты. Важнейшая из них заключается в том, что изготовленные в виде массовых изделий и обслуживавшие, таким образом, различные социальные слои древнего общества терракоты тем самым в наибольшей мере отвечали идеологическим и художественным запросам широких общественных групп определенной эпохи». Упомянув находки терракотовых изделий, обнаруженных в ходе археологических исследований, автор отмечает, что если «из всего этого комплекса исключить многочисленных лепных коньков и некоторых иных животных, то окажется, что количество людских изображений пока весьма незначительно» (Пугаченкова, 1966, с. 217).

Статуэтки описываются автором «в типологическом и хронологическом ряду», контекст археологического комплекса опускается. Выделяются следующие группы: женские статуэтки, мужские, статуэтки животных, и, наконец, отдельно был рассмотрен терракотовый медальон. Эта типология благодаря своей простоте получила широкое признание и стала образцовой. Но уже на начальном этапе ее применения стали очевидны недостатки, заключающиеся в упрощении подхода к изделиям. Особняком стоит категория изделий, передающих, к примеру, сюжетные сцены. Данная типология не может быть применена к фрагментам антропоморфных статуэток, не дающих четкого представления о поле изображаемого.

Рассматривая женские терракотовые статуэтки, автор повторяет основные положения выдвинутой ранее концепции «Маргианской богини». В первую очередь — о глубоких

корнях образа обнаженной богини, восходящих к временам матриархата, и последовательной эволюции образа вплоть до времени рабовладельческих государств; о переднеазиатских корнях иконографии женских образов среднеазиатских терракотовых статуэток со строго фронтальным изображением и в неподвижных позах. К древнейшим статуэткам, отражающим образ богини-матери, Г. А. Пугаченкова относит костяную подвеску из Халчаяна, обнаруженную в районе Кой-Турабек-тепа, в подвеме. По иконографии и стилю подвеска датируется автором VI–V вв. до н. э.³⁶ Концепция «Маргианской богини», сформированная на базе анализа маргианского материала, позднее подверглась обоснованной критике (Кошеленко, Новикова, 1999, с. 54–63). Почти механическое перенесение основных выводов этой концепции на материал Бактрии также требует критического анализа.

Выстраивая на материалах Бактрии характерную эволюционную цепь женских образов, автор к ранним изделиям (III–II вв. до н. э.) относит тип обнаженной женской фигуры с вытянутыми вдоль туловища руками (находка во дворце Халчаяна). Подтверждается хронология этого образа через привлечение хорошо датированных аналогов из соседних регионов. Позднее возникает тип обнаженной богини с опоясками (по мнению автора, не ранее I в. до н. э.). В данном случае датировка приводится на основании анализа стиля и иконографии. Тезис Г. А. Пугаченковой о характерном для всей Средней Азии «процессе облачения фигурок богинь сначала в эллинизированные одежды, а затем в одежды местного покроя» со времени I в. до н. э. и особенно в первые века н. э. недостаточно аргументирован для исторической реконструкции. В первую очередь это связано с отсутствием каталога с надежно датированным материалом по каждому из регионов Средней Азии или какой-либо достоверной статистики по комплексно датированным изделиям. Сегодня же беглый обзор материалов опровергает это предположение³⁷.

³⁶ Значительно позднее, в 1992 г., Д. В. Русанов опубликовал в заметке «Бактрийские костяные амулеты» находки еще 4 аналогичных костяных статуэток с изображением нагой богини. Статуэтки происходят с крупных городищ и крепости: Халчаяна, Ай-Ханума, Старого Термеза, Кампыртепа. Причем статуэтка из Кампыртепа была обнаружена с обломом Евкратиды. В целом же эта группа изделий датируется III–II вв. до н. э. Говоря о стиле рассматриваемых статуэток, Д. В. Русанов наряду с эллинистическим влиянием не отрицает возможность влияния месопотамского прототипа. Важно подчеркнуть, что все упомянутые статуэтки являлись подвесками, так как имели сквозные отверстия. Это, в свою очередь, проливает свет на их вероятное функциональное назначение как талисманов-амулетов (Русанов, 1992, с. 128–129). Датировка III–II вв. до н. э., приведенная Д. В. Русановым, лишает гипотезу Г. А. Пугаченковой начального звена, утверждавшего факт промежуточного существования (между эпохой бронзы и эллинистическим периодом, когда они вновь появились) женских статуэток, предположительно исполнявшихся из иных, менее сохраняемых, чем терракота, материалов.

³⁷ Во многих регионах одновременно сосуществуют и обнаженные женские образы, и облаченные в одежды, а развитие иконографических

Образы женских богинь — как обнаженных, так и в одеяниях — автор связывает «с тем же циклом Великих богинь местной античной мифологии» (Пугаченкова, 1966, с. 223, 225). В отношении интерпретации большинства женских образов как богини Анахиты Г. А. Пугаченкова высказалась критически: «...Бактрия, Согдиана, Маргиана, Хорезм, очевидно, имели своих особых богинь, чьи функции великих покровительниц жизни, плодородия, благоденствия и прочих людских чаяний были сходны, но чей мифологический облик сохранял свои особые, локальные черты» (Пугаченкова, 1966, с. 225). В качестве аргумента отмечается разнообразие божеств, представленных на монетах I–III вв. н. э., — Нана, Хванинда, Ордохшо. Подчеркивается также мнение С. П. Толстова, отошедшего от представления о монополии образа Анахиты (Толстов, 1962, с. 126, рис. 66). Кроме того, автор отмечает локальные особенности Великих богинь не только в крупных областях, таких как Маргиана, Бактрия или Сирия, но и внутри отдельно взятой историко-культурной области (Пугаченкова, 1966, с. 226).

Среди мужских статуэток к греко-бактрийскому периоду по качеству терракоты и ее цвету, а также по стилю и сюжету была отнесена статуэтка обнаженной фигуры. Обоснованность первого принципа (как составной части комплексного подхода) позднее будет доказана результатами естественнонаучных исследований (Вивденко, 1990). В целом же предложенная интерпретация образа как «апполонического» вызовет критические замечания ряда авторов (Литвинский, Седов, 1983). Статуэтка была обнаружена в кладке стен Южного дома на Ханака-тепе, вследствие чего автор предполагает намеренную закладку статуэтки с магическими целями во время строительства дома. Напомним, что такая версия была опубликована З. И. Усмановой со ссылкой на М. И. Филанович в отношении статуэтки, заложенной в крепостной стене Гяур-калы (Усманова, 1963б, с. 77).

Две фрагментированные статуэтки с мужскими образами в поколенных кафтани и рубаше автор на основании технологического качества обеих и происхождения из стратиграфического слоя II в. н. э. одной из них предлагает датировать не ранее II–III вв. н. э.

Отдельно была рассмотрена группа статуэток ручной лепки, передающих мужские образы, — идолчиков; часть из них являлась налепами на фигурном сосуде, причем нижняя часть трех статуэток одновременно являлась ножками сосуда (Пугаченкова, 1966, с. 229). Интересно, что был обнаружен фрагмент подобного же сосуда, но в основании его были налепы в виде лепных фигурок коня. Сосуды эти интерпретировались как курильницы либо жертвенные под-

ставки, аналогии им приводятся с целого ряда памятников³⁸. В этой работе Г. А. Пугаченкова удревяняет датировку рассматриваемой группы халчайских статуэток до II–I вв. до н. э., одновременно омолаживая верхний рубеж до III в. н. э. (Пугаченкова, 1966, с. 231).

Касаясь вопроса о назначении этих изделий, исследовательница предполагает, что для каждого времени могло быть и свое функциональное значение — от детской игрушки до предметов, отражающих мифологические образы и имеющих культовый характер (Пугаченкова, 1966, с. 231). Не отрицая мнения Л. И. Ремпелья об апотропеическом значении домашних идолчиков, игравших роль амулетов и фетишей³⁹, тем не менее, Г. А. Пугаченкова считает, что халчайские материалы более говорят в пользу их ритуального значения. Интерпретировался образ как божок-покровитель сакского воинства⁴⁰.

Со второй половины 60-х гг. публикуются материалы по терракотовой пластике Северо-Восточной Бактрии. Первые материалы с городища Саксонохур были опубликованы в 1967 г. в «Археологических открытиях». Б. А. Литвинский отметил находки терракотовых статуэток и матриц в камерах керамических печей, а также находку ритона (Литвинский, 1967). В следующем году Х. Мухитдинов начинает развернутую публикацию терракотовой пластики с этого памятника. Впервые, благодаря археологическим исследованиям, были получены многочисленные и разнообразные терракотовые изделия, зафиксированные на месте их производства, в комплексе с другими археологическими материалами (Мухитдинов, 1968, с. 29–35). Автор анализирует характер

³⁸ В материалах Кую-Мазарского могильника; в позднепарфянских слоях Гяур-калы из квартала мукомолов; при раскопках Балалык-тепе V в. н. э. и Хайрабад-тепе VI–VII вв. н. э.; а также из кушанского слоя Сиркапа в Таксиле.

³⁹ В качестве подтверждения этого предположения автор приводит этнографические данные (Ingen, 1939, p. 74–75, pl. 30, 46).

⁴⁰ Отдельно был рассмотрен фрагмент статуэтки, выполненной также ручной лепкой, но с введением растительного каркаса внутрь. Статуэтка передает массивное лицо с крутыми дугами бровей, огромными миндалевидными глазами. Аналогии были найдены в коропластике раннесредневекового Согда, в частности, в Варахшинском штучке. Статуэтка, как предполагает автор, «либо ставилась на особом постаменте, либо вводилась наподобие пробки в какой-то специального назначения сосуд». В разделе «статуэтки животных» автор подчеркивает, что основную часть их составляют фигурки лошадок. Все они выполнены вручную. Ранние отличаются качеством теста и тщательностью лепки. У ряда статуэток имеется выгораемый растительный каркас. Отмечается, что наряду с оседлыми лошадками есть и неоседланные. Последние, по мнению автора, могли как играть вотивную роль, так и являться детскими игрушками. Эти заключения не аргументируются. На Халчае были обнаружены зооморфные статуэтки быка и обезьянки. Их рассмотрение ограничено указанием среднеазиатских областей, где эти образы были зафиксированы. Ранее опубликованный круглый терракотовый медальон с сюжетной композицией был рассмотрен отдельно, так как в типологии, основанной на упрощенном иконографическом подходе, ему места не нашлось (Пугаченкова, 1962). Медальон был выделен по морфологическому и, отчасти, функциональному признакам.

образов идет вне рамок построенной эволюционной схемы (к примеру, в Хорезме, на памятнике Калалы-гыр 2 (Калалы-гыр 2, 2004, с. 254–264)). Кроме того, материалы некоторых памятников Бактрии представляют обратную картину: в греко-бактрийский период существуют только облаченные в одежды женские персонажи и лишь в кушанское время появляются обнаженные женские статуэтки (по материалам Саксонохура) (Мухитдинов, 1973а, с. 18).

находок из заполнений печей и из отвалов, отмечая, что здесь обжигались и посуда, и терракотовые изделия. Последние были представлены более чем пятьюдесятью предметами. Автор подразделяет их на статуэтки, фигурки людей и животных, а также многочисленные матрицы для оттиска статуэток всадников и женских статуэток. Можно лишь подчеркнуть неразработанность методов классификации терракотовых изделий и, соответственно, терминологии. Так, не совсем ясно, чем отличаются у автора статуэтки от фигурок. Автор четко выделяет по функциональному назначению сами изделия — статуэтки, фигурки — и изделия вспомогательного характера — матрицы. Иконографический анализ изображений привел Х. Мухитдинова к выделению следующих групп: статуэтки женщины с бокалом в правой руке; женские статуэтки с зеркалом, поддерживаемым у груди обеими руками, и штампы для их формовки; статуэтки мужчин и матрицы для их формовки; статуэтки всадников и отдельно коней; фигурки животных. Имеются ручка сосуда, оформленная в виде собаки, ритон, оформленный в виде верблюда.

Самая многочисленная — вторая группа, она зафиксирована в верхнем и нижнем горизонтах. Несомненный интерес представляет фиксация Мухитдиновым технологического и одновременно стилистического различия между статуэтками из нижнего горизонта, датированного греко-бактрийским временем, и статуэтками из верхнего горизонта, датированного временем правления ранних кушан. Исследователь делает вывод, что первые выполнены в достаточно плоском рельефе, а вторые — более массивные (на примере иконографического образа женщины с зеркалом) (Мухитдинов, 1968, с. 29–35)⁴¹.

Отдельной статуэтке из Северо-Восточной Бактрии была посвящена статья Н. Н. Негматова (Негматов, 1970). Автор опубликовал статуэтку воина, описав ее традиционно по схеме, основы которой были заложены В. Вяткиным (Вяткин, 1926). Статуэтка происходила из Регарского района, была найдена в подъеме и датирована автором на основе стилистического и иконографического анализа первыми веками до н. э.

В это же время продолжали публиковаться материалы, полученные Термезской археологической комплексной экспедицией. В. А. Мешкерис ввела в научный оборот ряд статуэток из Кара-тепе (Мешкерис, 1969). В частности, была приведена иллюстрация женской статуэтки в «складчатой тунике» и статуэтки сидящей фигуры с жестом абхайя-мудра, выполненной в горельефе⁴².

⁴¹ В 1969 г. материалы по Саксонохуру в обобщенном виде публикуются в статье «Античное городище Саксонохур» Б. А. Литвинским и Х. Мухитдиновым. Авторы отдельно рассматривают изделия терракотовой пластики, но уделяется внимание лишь иконографии статуэток и ареалу распространения этих иконографических образов. Никаких новых сведений в статье не содержится.

⁴² Необъяснима крайняя скудость в описании материала специалистом по исследованию изделий терракотовой пластики. Для описа-

Б. Я. Ставиский опубликовал «глиняную пластину» с изображением богини с сосудом или цветком в правой руке (подъем на основной части городища Старого Термеза) (Ставиский, 1969). Применение термина «пластина» в отношении плитки с рельефом свидетельствует о поиске и попытке найти принципиальное отличие статуэток от плиток. Выбрав термин «пластина», автор, вероятно, желал подчеркнуть большую плоскостность изделия по сравнению со статуэтками.

В 1967 г. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция начала стационарные археологические раскопки на крупнейшем городище Северной Бактрии — Дальверзин-тепе. Были получены уникальные материалы по духовной и материальной культуре столичного города. Особое внимание было уделено изучению терракотовой пластики. В 1971 г. в статье «Новое в изучении Дальверзин-тепе» Г. А. Пугаченкова рассмотрела изделия, вновь полученные из стратиграфических слоев. К ним относятся статуэтки Великой богини в головном уборе типа кокошника, фрагменты статуэток коньков с всадниками, датированные II в. н. э. по стратиграфии. Отмечается, что при кушанах Дальверзин-тепе был одним из пунктов производства гончарных изделий и, в том числе, изделий терракотовой пластики, о чем свидетельствует находка матрицы для оттискивания небольших статуэток с изображением бородатого мужчины в кушанском костюме. В стратиграфических слоях, отнесенных к периоду от конца II в. до н. э. до рубежа н. э., были обнаружены еще две небольшие, выполненные в высоком рельефе статуэтки Бактрийской богини в эллинизированных одеждах (Пугаченкова, 1971б, с. 188–190). Вновь характерной особенностью этой статьи является публикация автором изделий в отрыве от контекста всего археологического комплекса и, следовательно, сильное сужение их информативности.

С начала 70-х гг. публикуются материалы археологических исследований, полученные Советско-Афганской экспедицией с территории Южной Бактрии. Разнообразные терракотовые изделия рассмотрены И. Т. Кругликовой и В. И. Сарияниди в статье «Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий». Часть их получена из раскопок на городище Емши-тепе, существовавшем в греко-бактрийский и кушанский периоды (Сарияниди, Кругликова, 1971). Материал подан с детальным описанием характера местонахождения, условий залегания и сопутствующего комплекса предметов.

Как основной иконографический тип авторами были выделены статуэтки с женскими персонажами, которые

ния терракотовой плитки с рельефным изображением одновременно применяются термины «статуэтка» и «горельеф». Вероятно, неразработанность терминологии можно объяснить тем, что статуэтки Средней Азии представлены не в круглом объеме, а сформованы при помощи односторонних штампов, как правило, имеющих разную глубину рельефа. (Позднее автор при разработке классификации терракот Согда отметит, что принципиальное отличие статуэток от рельефов заключается не в глубине рельефа, а в наличии или отсутствии фона.)

происходят из слоя над полами помещений с очагами и алтариками, расположенных с внутренней части крепостной стены кушанского времени⁴³. Акцентируется внимание на том, что, несмотря на происхождение материалов из кушанских слоев, стиль некоторых изображений относится к греко-бактрийскому, что говорит о достаточно размытых границах такой категории, как стилевые признаки, и возможном хронологическом «перетекании» этих особенностей далеко за рамки основного периода своего существования либо о перетолженном характере залегания изделий.

Упоминаются находки статуэток всадников и лошадок, происходящие также из кушанских слоев. Отмечается характерная деталь: передача глаз у одной из лошадок в виде круглых лепешечек с отпечатанными кружками в центре. Авторы отмечают, что такой способ изображения глаз у лошадок датировался В. А. Мешкерис эфталитской эпохой (Мешкерис, 1962, XI, с. 124). Однако находка подобных статуэток на Халчаяне, в здании, погибшем в III в. н. э., удвевняет начало применения такого оформления глаз (Пугаченкова, 1966, с. 230, 251, рис. 108). Приводятся описание и фотографии еще нескольких статуэток из различных южнобактрийских памятников⁴⁴.

Продолжая публикацию материалов раскопок с городища Емши-тепе, И. Т. Кругликова уточняет местонахождение некоторых ранее опубликованных изделий, описывая новые материалы, полученные из стратиграфических слоев⁴⁵ (Кругликова, 1973).

⁴³ К ним относятся статуэтка женщины в хитоне, в греко-бактрийском стиле, вторая более стилизованная и, как предполагают авторы, является развитием типа богини с зеркалом (напоминает статуэтку из Саксонохура), третья — схематично изображающая одежду с рукавами до пола, застегивающуюся спереди во всю длину (аналогична статуэтке из Гола-Моллы); головка от женской статуэтки также в греко-бактрийском стиле.

⁴⁴ Как наиболее интересные отмечены статуэтки мужчин со скрещенными ногами, с гривной на шее и поднятой к груди рукой (Сарианиди, Кругликова, 1971, с. 162–166, рис. 5, 2 и 3). Рисунок женской головки в высоком рельефе дан без описания. В центральной части города Емши-тепе, являвшегося центром сельскохозяйственного оазиса, был вскрыт комплекс помещений жилого и хозяйственного назначения. Здесь в помещениях нижнего горизонта имелись статуэтки лошадок и собаки. В помещениях верхнего горизонта вместе со статуэтками животных — быка, собаки, лошади — найдены статуэтки всадников. Упоминаются находки с Дальверзин-тепе (Южнобактрийского), где была вскрыта часть жилого комплекса у западной стены города, примыкавшего с внутренней стороны к панцирю стены. Здесь было обнаружено много разнообразных сосудов: краснолощенные миски и кубки с рельефными налечами в виде голов животных и без них, сосуды с зооморфными ручками, со штампованным орнаментом в виде вдавленных пальметок, а также терракотовые статуэтки лошадок и рельеф с нижней частью человеческой фигуры.

⁴⁵ Так, в одном комплексе были встречены статуэтки всадника, быка, собаки, лошади и фрагменты каменных блюд с резным орнаментом по краю, обломки сосудов с росписью красной и черной красками, дно сосуда с рельефным медальоном в центре с погрудным изображением девушки с распущенными волосами. Из культурного слоя кушанского времени у крепостной стены происходят: статуэтка женщины с ожерельем на шее и с яблоком или зеркалом у груди;

В 1973 г. Г. А. Пугаченкова вновь обращается к проблемам терракотовой пластики в обзорной статье «Новые данные о художественной культуре Бактрии»⁴⁶. Она посвящает отдельный параграф изделиям мелкой пластики, большей частью терракотовой (Пугаченкова, 1973). Подчеркивая массовый характер последней, автор предполагает, что «в подавляющем большинстве» различные виды терракотовой пластики «были связаны с культовыми представлениями широких кругов населения, в одних случаях с великими древними религиями Среднего Востока, в других — с узко-локальными культами и мифологией, в третьих — с суевериями и пережитками примитивной магии» (Пугаченкова, 1973, с. 104). Причем главное отличие от греко-римской коропластики автор видит в отсутствии чисто светских сюжетов, типа тех, что известны нам по статуэткам Танагры. Обзор новых данных построен автором по типологическим признакам. Были выделены следующие типы: статуэтки Великих Бактрийских богинь (из них как наиболее архаизирующий выделен тип нагой богини); богиня в эллинизированных одеждах; богини в азиатских одеждах; мужские и зооморфные образы.

К типу нагих богинь отнесены статуэтки, происходящие из Барат-тепе и Халчаяна. Одна статуэтка происходила из слоев, датированных монетами «Сотера Мегаса». К типу богинь в эллинизированных одеждах были отнесены статуэтки с изображением сидящих женщин в складчатых одеждах. Описывается один тип из Савринджан-тепе. Отмечается, что аналогичные статуэтки широко распространены на поселениях Средней Амударьи, несколько было обнаружено на Дальверзин-тепе, причем две — в слоях, относящихся ко времени Великих Кушан. Особый интерес представляет упомянутая автором аналогичная статуэтка сидящей богини из Куль-тепе, выполненная из камня почти в полном объеме. Выстраивая схему развития этого иконографического образа, Г. А. Пугаченкова отмечает «постепенное уплощение торса и стилизацию форм и деталей». Эти заключения основаны на анализе стиля, так как четкой аргументации на основе хорошо датированных изделий нет.

К завершающему этапу эволюции образа сидящей богини были отнесены статуэтки в азиатских одеждах. Датированы они позднекушанским периодом без каких-либо уточнений. Среди них — калыб из Шор-тепе с женской фигурой в одежде, украшенной рельефными кружками. А также калыб из Барат-тепе с изображением женского персонажа с точ-

статуэтка всадника, сидящего на лошади; мужские сидящие статуэтки; головки женских статуэток.

⁴⁶ В предшествующий период Г. А. Пугаченкова закончила работу над своим выдающимся трудом «Скульптура Халчаяна». Эта работа оказала серьезное влияние на исследователей, занимающихся мелкой пластикой, и стала классическим исследованием по развитию искусства древней Средней Азии (Пугаченкова, 1971а). В этом контексте нельзя не упомянуть такой же известный труд, созданный в соавторстве с Л. И. Ремпелем, как «Очерки искусства Средней Азии» (Пугаченкова, Ремпель, 1982).

ками на щеках и лбу и статуэтки с женским образом местного этнического типа с плодом и ромбовидным предметом в руках. Размышляя над иконографическими типами бактрийских женских статуэток, автор пришла к следующему выводу: «...В пределах единого историко-культурного района господствует лишь несколько стойких иконографических типов, которые претерпевают определенную стилистическую эволюцию во времени». Развивая эту мысль, автор выделила несколько районов: верхнесурханский с центром на Дальверзин-тепе, нижнесурханский и приамударьинский с центром в Термезе. (Мысль о выделении районов со своими локальными особенностями в стиле и иконографии изображений на терракотовых изделиях была высказана еще С. П. Толстовым и позднее будет развита рядом авторов (Толстов, 1948; Седов, 1987; Мешкерис, 1975, 19926)).

Интерпретируя иконографические типы рассмотренных женских статуэток, автор отмечает их местонахождение в хозяйственных и жилых помещениях как свидетельство «широкого почитания, особенно среди женщин». Г. А. Пугаченкова считает образы этих статуэток наиболее близкими к Аши-Ванухи, являющейся «покровительницей животворящей природы и семьи». Основная группа связывается с Ордохшо. Обобщая основные вехи в эволюции иконографии бактрийских богинь, автор высказывает мнение, что на последнем этапе «это уже не идеализированный образ, но идольчик, магическая функция которого оттесняет задачи пластической выразительности» (Пугаченкова, 1973, с. 114).

К мужским образам были отнесены статуэтки всадников. Автор связывает их с культом предков «тех степных народов среднеазиатских скифов, из которых... выдвинулась династия Кушан» (Пугаченкова, 1973, с. 117). Г. А. Пугаченкова считает, что народный культ предков позднее был сменен династическим культом Кушан. Один из мужских образов на статуэтке из Айртама в характерных для кушанской знати одеяниях и с сосудом в руке интерпретируется автором как «видный представитель династии Кушан в образе покровителя буддизма». Еще один иконографический тип, запечатленный в матрице и на плитке с рельефным изображением, происходит из Барат-тепе. Он передает образ нагого юноши. Г. А. Пугаченкова опровергает интерпретацию Л. И. Альбаума аналогичной статуэтки с Зартепа, считавшего, что это Лаокоон, и в свою очередь предлагает свою версию — Зохах. Ряд иконографических образов связывается с индо-кушанским кругом: статуэтка бодхисаттвы из Барат-тепе; фрагмент плитки с рельефным изображением двух женщин «с обнаженным до чресел торсом, в богатых ожерельях». Оба изделия, как подчеркивает автор, из характерного для керамических изделий памятника материала. К циклу индийских образов были также отнесены статуэтки обезьянок, обнаруженные на Шор-тепе, Айртаме, Барат-тепе.

Зооморфные сюжеты местного характера были встречены на керамических сосудах в виде ручек. Статуэтка, вернее, головка обезьяны, украшала ручку одноручного кувшинчи-

ка из Шор-тепе, который был найден в слое с монетой Канишки. Здесь же были обнаружены ручки в виде животного кошачьей породы, а также ручки в виде львopodobного зверя и ежей, но уже вне слоя. Из Хатын-рабата происходят ручки сосудов в виде ежей, датируемые временем Канишки. Обобщая сведения о применении этого элемента в керамике, автор отмечает, что в Бактрии оно не получило широкого распространения, что «в своей основе оно было связано с примитивной магией, с верой в их способность оберегать от глаза и отвращать зло от еды или питья, содержащегося в сосуде» (Пугаченкова, 1973, с. 124–125).

Считая уровень культуры бактрийцев достаточно высоким, автор подчеркивает узкий круг зооморфных мотивов — обезьяны, ежи и собаки, — совершенно отличный от круга северных районов. «Но сам факт появления их во II–III вв. н. э. знаменует вторжение какого-то нового фактора в идеологию народонаселения Бактрии периода Великих Кушан» (Пугаченкова, 1973, с. 125). Упоминается уникальная находка единорога из Денау. Чаще же всего среди зооморфных изображений встречаются изображения лошадок. Часть из них, считает автор, могла иметь вотивное значение, часть могла быть детскими игрушками. Использование образа коня отмечается не только в монетном чекане, но и на подставках-светильниках, относимых к ритуальным предметам (Халчаян, Куль-тепе). Здесь автор не акцентирует внимание на том, что зооморфные статуэтки часто находятся в том же контексте, что и антропоморфные, а также просто вместе с ними в жилых и хозяйственных помещениях, что само по себе может наталкивать на мысль о сходном функциональном назначении этих видов изделий.

В этом же году появляется публикация материалов Айртама из слоя, хорошо датированного монетами Канишки (Тургунов, 1973). Среди них — статуэтки Великой Бактрийской богини, в том числе один фрагмент, на котором изображена сидящая богиня с округлым предметом; мужская фигурка в кушанском кафтане и статуэтка всадника-уродца; несколько коньков со следами крепления всадников; статуэтка птицы, обезьянка; ручка сосуда с головой ахрара.

В 70-е гг. продолжается публикация материалов Саксонохура. Х. Ю. Мухитдиновым была рассмотрена серия из семи терракотовых статуэток с женским персонажем с зеркалом из нижних слоев городища III–II вв. до н. э. Основное внимание в своей работе автор уделил вопросам интерпретации этого образа (Мухитдинов, 1973б).

В 1973 г. Х. Ю. Мухитдинов защищает диссертацию «Терракоты Саксонохура как источник по культуре Северной Бактрии». Эта работа стала одной из первых специализированных исследований терракотовой пластики Северной Бактрии-Тохаристана⁴⁷. Состоит она из трех объемных глав: «Стратиграфия терракот Саксонохура»; «Ранние терракоты» (разделы «Женские статуэтки богини с зеркалом», «Женские

⁴⁷ Годом ранее автор издал тезисы, в которых были освещены изделия терракотовой пластики из Саксонохура (Мухитдинов, 1972).

статуэтки богини с сосудом и венком, датированные III–II вв. до н. э.); «Терракоты кушанского времени» (разделы «Женские статуэтки и матрицы», «Статуэтки всадников и матрицы», «Другие терракотовые изделия»).

В первой главе автор акцентирует внимание на том, что изделия терракотовой пластики извлечены из строго зафиксированных стратиграфических условий и в составе больших археологических комплексов. Кроме того, обращается внимание на функциональное назначение самого городища как дворцово-храмового комплекса. Подчеркивается, что все изделия терракотовой пластики происходят из гончарного квартала (в четырех горизонтах античного времени).

Все виды терракот распределены по стратиграфии на четыре периода: 1-й — III–II вв. до н. э.; 2-й — II–I вв. до н. э.; 3-й — I–II вв. н. э.; 4-й — II–III вв. н. э.⁴⁸ Уделяется внимание самостоятельным видам терракотовой пластики, таким как штампованный орнамент на керамике. Его появление автор относит к I в. до н. э. — I в. н. э., что существенно отличается от датировок штампованного орнамента из Тулхара (II–I вв. до н. э.), Ай-Ханум (III в. до н. э.), а также Средиземноморья, где штампованный орнамент на керамике известен с IV в. до н. э.

Рассматривая группу ранних терракотовых статуэток, автор уделит большое внимание вопросам интерпретации двух полученных иконографических образов. Женский образ с зеркалом был интерпретирован как богиня Аши-Рти, а женские статуэтки с сосудом и инвестирующим кольцом — как Анахита. Х. Ю. Мухитдинов использует модель Г. А. Пугаченковой о трех составляющих бактрийского искусства, которыми являются профессиональное искусство античных бактрийских городов, впитавших греческое влияние; архализирующая старобактрийская струя, фиксируемая на сельских памятниках; культура кочевой степи, для характеристики стилистических особенностей терракотовой пластики Саксонохура. Именно в старобактрийской архализирующей составляющей автор видит наиболее близкую аналогию стилю саксонохурских статуэток.

⁴⁸ К раннему этапу были отнесены 4 терракотовые статуэтки: 2 фигурки женщин с зеркалом, 1 статуэтка божества с сосудом и венком и 1 головка от подобной же статуэтки. Ко второму, датированному II–I вв. до н. э. — I в. н. э., было отнесено 7 изделий: матрица для изготовления женских статуэток; матрица для изготовления женского образа с руками на животе; штамп для формовки статуэток воинов; штамп для изготовления крупной мужской фигуры; керамический ритон; головка лошади; матрица для формовки статуэток воинов с булавой. К третьему, датированному I–II вв. н. э., было отнесено 11 изделий. Среди них — грубые матрицы для формовки женских статуэток с зеркалом, миниатюрная матрица для изготовления воинов, штамп для изготовления всадников, статуэтка всадника с конем, статуэтка всадницы, женская статуэтка с выпуклым животом и руками на нем, женская головка. К четвертому периоду, датированному II–III вв. н. э., были отнесены материалы из вспаханного слоя: матрица для изготовления женских статуэток с зеркалом; статуэтка всадника с носом в острокопечной шапке; ручка сосуда в виде головы собаки; ручка сосуда в виде головы барана; фигурка козы или оленя; статуэтка всадника с отбитой головой. Итого во всех четырех периодах было зафиксировано 31 изделие.

В третьей главе, посвященной материалам кушанского времени, отмечается увеличение количества изделий и ухудшение их качества, автор замечает, что увеличивается не только количество, но и число иконографических образов. Фиксируется появление большого числа мужских статуэток. Продолжают бытовать женский образ с зеркалом, статуэтки всадников, и в том числе всадницы, появляется изображение обнаженной женщины с выпуклым животом. Появляется тип безбородого воина с палицей на плече и в острокопечной высокой шапке или шлеме.

Таким образом, в диссертации Х. Ю. Мухитдинова различные виды терракотовой пластики, несмотря на то, что они имели жесткую хронологическую привязку, рассматривались прежде всего при помощи искусствоведческих методов, включающих выявление иконографических типов, стилистических особенностей и интерпретацию. Корреляция с сопутствующим археологическим комплексом производилась только в общих чертах (Мухитдинов, 1973а).

С 1974 г. выходят в свет публикации материалов с южно-бактрийского памятника Дильберджин. И. Т. Кругликова опубликовала находки изделий терракотовой пластики в контексте археологического комплекса, предоставив краткое описание, фотографии или рисунки. Из храма в северо-восточном углу городища происходят статуэтка с женским стоящим персонажем в эллинизированной одежде, сосуд с зооморфной ручкой в виде кабанчика, фрагменты сосудов со штампованным орнаментом в виде пальметт. Исследовательница останавливается на рассмотрении последних и, приводя аналогии из таких городов, как Ай-Ханум, Балх, Кобадиян, Беграм, Таксила, отмечает различия между изделиями греко-бактрийского периода и более поздних, I–III вв. н. э. (Кругликова, 1974)⁴⁹.

В 1975 г. Х. Ю. Мухитдинов в своей обобщающей работе «Терракоты Саксонохура» рассматривает изделия терракотовой пластики как источник для изучения идеологии древних племен и народностей, а также как предметы искусства. Автор отмечает, что исследование иконографических образов способно помочь в изучении культурных и экономических связей отдельных областей древней Бактрии (Мухитдинов, 1975).

На примере такого образа, как богиня с зеркалом, бытовавшего в ряде регионов Средней Азии, автор, подчеркивая наличие стилистических и хронологических отличий, приходит к выводу, что наличие одного иконографического образа в Парфии, Хорезме, Бактрии «свидетельствует о духовной близости народов, населявших эти области Средней Азии» (Мухитдинов, 1975, с. 381).

⁴⁹ В северо-восточном пристенном комплексе были найдены две однотипные статуэтки, трактованные как «юноша с попугаем и виноградом в руках», налп на сосуд в виде козла и фрагмент антропоморфной статуэтки. В жилом комплексе у западной оборонительной стены были обнаружены: плитка с рельефным изображением стоящего мужчины; статуэтка с изображением женщины с ребенком на руках; зооморфные статуэтки, в том числе с всадниками; фрагменты чаш с рельефным орнаментом.

Суммируя предварительные исследования материалов Саксонохура, автор высказывает мнение, что в докушанское и кушанское время существовали различные школы коропластики.

В 1976 г. вышла в свет книга, в которой были представлены результаты работ Бактрийской экспедиции.

В. А. Козловский и Е. Г. Некрасова опубликовали данные стратиграфического шурфа, заложенного на цитадели древнего Термеза, в том числе целый ряд изделий терракотовой пластики (Козловский, Некрасова, 1976). Шурф не дал монетных находок, хронологическая идентификация слоев шла на основе анализа керамического материала, и в том числе характерных изделий терракотовой пластики⁵⁰.

В. А. Завьялов и В. И. Осипов опубликовали археологический комплекс с жилого квартала городища Зартепа, датированный III–IV вв. н. э. В его контексте упоминаются изделия терракотовой пластики (Завьялов, Осипов, 1976).

Авторы отметили, что зооморфные головки использовались в основном для украшения ручек сосудов, в частности, головки обезьян. Приводится круг памятников с аналогичными находками (Пугаченкова, 1973, с. 121–122; Щетенко, 1974, рис. 4).

Как весьма распространенные в кушанской коропластике упоминаются фигурки лошадей, как со всадником, так и без него. Предполагается, что часть статуэток лошадей могла использоваться в оформлении сосудов или светильников (Пугаченкова, 1973, с. 127). Это предположение подкрепляется находкой оригинальной статуэтки барана со сколом на спине (Завьялов, Осипов, 1976, с. 56–57).

Ш. Р. Пидаев упоминает изделия терракотовой пластики в контексте археологического комплекса Мирзакул-тепе, датированного по монетным находкам I в. до н. э. — I в. н. э. (Пидаев, 1976).

Наибольший интерес, по мнению автора, представляют статуэтки богинь, мужчин, обезьян. Подчеркиваются общие стилистические признаки: фронтальность, симметричные пропорции, скованные и неподвижные позы.

В 1976 г. Г. А. Пугаченкова опубликовала амфоровидный сосуд, украшенный у шейки низкой из пяти налипных кружочков, а под нею — головкой. Особый интерес вызывают условия залегания этого сосуда в помещении, культовый

характер которого не вызывает сомнений у автора⁵¹. Кроме этого сосуда в этом же помещении располагались два терракотовых поставца на четырех ножках, огражденные с трех сторон стенками, которые были оформлены в духе крепостной архитектуры — со стреловидными прорезами в виде бойниц и с зубчатым карнизом (Пугаченкова, 1976, с. 88–89, рис. 4). Важность данной публикации заключается в фиксации фактического применения терракотовой пластики в изделиях, имеющих культовый характер и найденных в помещении, определяемом как культовое.

Б. А. Тургунов в статье «Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии» упоминает среди подъемного материала с поселения Шахри-Гульгуль терракотовые фигурки животных, а также статуэтку всадника-идольчика (Тургунов, 1976, с. 104–105, рис. 2, 1–3). Керамика, сопутствующая упомянутым изделиям, соответствует кушанской керамике Дальверзин-тепе, в целом же комплекс датируется I в. до н. э. — началом II вв. н. э.

В статье Э. В. Ртвеладзе «Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана» были упомянуты подъемные материалы из этого поселения: плитка с рельефным изображением женщины со скрещенными ногами, головка богини, налип на ручке сосуда, изображающий обезьянку, а также две фигурки богинь с поселения Ялангтуш-тепе (Ртвеладзе, 1976, с. 100–101).

На фоне публикации новых материалов продолжается работа над осмыслением ранее открытого. Ф. А. Заславская и Э. В. Ганевская предложили новый вариант интерпретации образа на терракотовой плитке с рельефным изображением, передающим обнаженную мужскую фигуру, ранее интерпретировавшуюся как «раб в кандалах» (Пугаченкова, Ремпель, 1961, с. 63, рис. 63). Авторы видят в этом образе бодхисаттву Авалокитешвару (Заславская, Ганевская, 1977).

Особый интерес представляют материалы с территории Южной Бактрии. В 1977 г. И. Т. Кругликова и Г. А. Пугаченкова публикуют книгу «Дильберджин», где представлен «новый иконографический вариант широко распространенных в коропластике Бактрии образов местных великих богинь» (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 39)⁵².

⁵⁰ В слое греко-бактрийского периода были отмечены такие виды изделий как антропоморфные статуэтки и фигурные ручки сосудов. Первые отражают два иконографических образа: лютнистки и сидящей богини. Ручки отражают, по мнению авторов, образы хорьков. Сопутствующая керамика идентична посуде греко-бактрийского слоя Дальверзин-тепе, Афрасиаба и Ай-Ханума, теппе Нимлик близ Балха. Налепные круглые ручки тонкостенных сосудов с изображением морды льва, найденные в 4-м слое шурфа, благодаря своим характерным особенностям становятся датирующим материалом. Авторы отмечают их бытование в комплексах Кара-теппе и Зартепа кушанского времени и датируют не только ручки, но и сам слой этим же временем. В вышележащих слоях были обнаружены зооморфные (лошадки, уточка) и антропоморфные статуэтки (воин в чешуйчатых доспехах).

⁵¹ Здание расположено в наиболее возвышенной, северо-западной части квартала керамистов ДТ-9. Сосуд был найден в помещении 1 у суфы, где располагались две скульптуры (композиции) близ центральной скульптуры. Возведение этого объекта относится к I–II вв. н. э.

⁵² К терракотовой статуэтке богини, обнаруженной на полу помещения 20 западного крыла Большого дома, относимого ко времени Великих Кушан, был приведен богатый перечень аналогий на территории всей Бактрии (Зартепа, Термез, Шор-теппе, Барат-теппе, Куль-теппе, Дальверзин-теппе, Халчаян, Кобадиян, Саксонохур и др.) (Альбаум, 1960, с. 28; Пугаченкова, 1973, с. 105; Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 304; Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 167). На городище Балхского оазиса они представлены находками из самого Балха, Шахри-Бану, Емши-теппе, Дильберджина (Gardin, 1957, p. 54; Кругликова, Сарияниди, 1971, с. 164–165, рис. 5–6). Было отмечено, что стиль статуэтки и характер одеяний сближают ее с маргианскими статуэтками I в. до н. э. — I в. н. э.

В 1978 г. публикуются итоги археологических исследований на городище Дальверзин-тепе. В ряде статей рассматриваются изделия терракотовой пластики.

Так, в работе Т. С. Вызго «Изображение музыкантов в коропластике Дальверзин-тепе» описываются статуэтка лютнистки, матрица с аналогичным изображением и фигурка с несохранившейся головкой I в. до н. э. — I в. н. э. (Вызго, 1978).

Обобщающий характер имеет статья «Терракоты Дальверзин-тепе», авторы которой считают, что коропластика была наиболее распространенным видом изобразительного искусства и связана «с различными культами, древними религиями Среднего Востока, суевериями и пережитками примитивной магии» (Исхакова, Исхаков, 1978, с. 161). Женские, мужские и зооморфные терракотовые статуэтки рассматривались отдельно⁵³.

В этом же издании, в статье «Дом рядового горожанина», приведены рисунки двенадцати статуэток лошадей без описания (Тургунов, Пугаченкова, 1978, с. 67–68, рис. 40).

В 1978 г. выходит в свет книга Ш. Р. Пидаева «Поселения кушанского времени Северной Бактрии», где он публикует в контексте археологического комплекса изделия терракотовой пластики из поселения Мирзакул-тепе, расположенного на северо-востоке от Термеза, а также из поселения Аккурган, расположенного на юго-западе от г. Шерабада.

Анализируя материалы из упомянутых памятников, Ш. Р. Пидаев отмечает, что статуэтки — «один из основных видов изобразительного искусства античного мира, в том числе и Бактрии», и что «благодаря им стали известны новые образцы чтимых божеств с сопутствующими им религиозными воззрениями, символами и эстетическими взглядами» (Пидаев, 1978, с. 42, 46).

В комплексе Мирзакул-тепе были описаны находки статуэток и терракотовых «поделок», интерпретируемых как алтарики⁵⁴. Особое внимание уделяется женским статуэткам,

на которых, как считает автор, изображается Анахита или другое местное божество, идентичное Анахите. Тип женских статуэток с кубком в руках и трилистником, по мнению автора, находит параллель с саксонохурскими ранними статуэтками. Ш. Р. Пидаев предполагает, что в «мирзакултепинской статуэтке отразился процесс эволюции изображения образа богини с кубком и инвестирующим кольцом, которую можно отнести к переходному этапу — от докушанского к кушанскому... В последующий, кушанский, период статуэтки богинь с кубком полностью вытесняются статуэтками местных богинь в местных одеждах» (Пидаев, 1978, с. 45–46). Среди антропоморфных статуэток своеобразием отличается статуэтка с изображением стоящего мужчины с булавой в левой руке. Среди зооморфных статуэток уникальна статуэтка обезьяны-гермафродита (Пидаев, 1978, с. 46–47, рис. 14).

В комплексе Аккургана описаны среди антропоморфных статуэток изображения девушки-музыканта, беременной женщины, головки человека, Будды, головы богини, фигурки всадника. Среди зооморфных статуэток автор отметил изображения леопарда, лошади, головы оленя, головок лошадей, отличающиеся реалистичностью, эмоциональной подвижностью и переданные в поворотах и живом движении. Часть описываемых статуэток дается вне археологического контекста — статуэтка барана, голубь, птица. Анализируя возможное функциональное значение отдельных помещений поселения Аккурган, автор выделил категории культовых помещений. В частности, определение культового назначения помещения 19 восточного комплекса было основано на находке здесь статуэтки Будды. Предполагается, что она устанавливалась в нише южной стены, к которой с двух сторон были пристроены вертикальные стены, назначение которых автор видит в направлении взгляда входящего в помещение на Будду. При такой интерпретации и остальные предметы, найденные в этом помещении (уникальные по форме кувшин и деревянный сосудик), также были отнесены к культовым.

В книге был рассмотрен такой вид терракотовой пластики, как штампанный орнамент на керамике. Автор отмечает, что временем его появления в Бактрии до 1957 г. считали конец II — начало III в. н. э. (Ghirshman, p. 38, 49, 50; Gardin, 1957, p. 26–27). М. М. Дьяконов считал, что штампанный орнамент сменяет ангобирование и лощение, т. е. появляется в III–IV вв. н. э. (Дьяконов, 1950, с. 166), хотя отдельные находки в слоях Кобадияна III датируются I в. до н. э. — I в. н. э. Чаши с орнаментом на днищах из Кей-Кобад-Шаха, стратиграфически датированные II в. до н. э. — I в. н. э., изменяют бытовавшие представления (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 302). Кроме того, появление штам-

⁵³ Женские статуэтки, как наиболее многочисленные, были разбиты на группы. В первую вошли статуэтка нагой женщины, две головки и погрудный фрагмент женской фигурки, датированные временем от II в. до н. э. до I в. н. э. Вторая группа разбита на пять типов: I — сидящая богиня в 5 экземплярах из слоев, датированных I–II вв. н. э.; II — стоящая богиня, ручная лепка; III — сидящая богиня в высоком кокошнике, датированная II вв. н. э.; IV — богиня в складчатой накидке, датированная I–II вв. н. э.; V — сидящая богиня в накидке, датированная I в. до н. э. — I в. н. э. В третью группу вошли статуэтки стоящей богини, в плотном одеянии, датированные I в. до н. э. — I в. н. э. Статуэтки мужчин: торс штампанный, II–III вв. н. э., торс лепной; статуэтка всадника лепная; мужская головка лепная из завала III–IV вв. н. э. Статуэтки животных: лепные фигурки лошадок (5 шт.), козлов, баранов; налеп — штамп на сосуде в виде тигра или льва.

⁵⁴ Четыре статуэтки всадников из разных помещений, в том числе в комплексе с монетами Гелиокла, с монетами группы «Сотер Мегас» (лишь в одном случае сохранилась фигурка всадника на лошадке, у трех остальных лошадок сохранились только сколы от всадников); также статуэтка всадника была найдена в забутке помещения 6; терракотовые «поделки», интерпретируемые как алтарики (Р № 1, в пом. 22, 5 и 5а, (с. 30, 32)); терракотовые статуэтки с изображением женщины

с трилистником и неясным предметом в руках (в разрезе Р2 у обводной стены); женская статуэтка с кубком в правой руке и инвестирующим кольцом в левой (на полу помещения 23 из Р № 1) (Пидаев, 1978, с. 30–44, 47–48).

пованного орнамента на Зартепа Л. И. Альбаум также относил к более раннему времени — к I в. н. э. (Альбаум, 1960, с. 18–19). При сравнении наблюдений Ш. Р. Пидаяева и Х. Ю. Мухитдинова (Мухитдинов, 1973а, с. 51) по данному вопросу можно отметить тенденцию к удревнению времени распространения штампованных орнаментов на керамике Бактрии и датировать появление штампованного орнамента временем не позднее I в. до н. э. При сопоставлении керамического материала Аккургона с материалами других памятников Северной Бактрии отмечено, что в Сурхандарьинской области обнаружено много ручек-налепов в виде обезьян, не известных на Яване, где встречали больше налепы в виде человеческих лиц и бычков. Для Явана характерен растительный орнамент, а для памятников Сурхандарьинской области — геометрические мотивы. Пидаяевым был затронут вопрос о приемах орнаментации со штампом. Ссылаясь на находки каменных матриц штампов в Таксиле, Мерве, он возражает против мнения М. И. Вязьмитиной, которая утверждала, что «обычно штампом мог служить всякий находящийся под руками предмет...» (Вязьмитина, 1945, с. 40). Кроме налепов и штампов был отмечен предмет с нарезным орнаментом в виде многолепесткового цветка лотоса.

Ш. Р. Пидаяев описал большую часть терракотовых статуэток в контексте археологического комплекса, что является несомненной заслугой данной работы. Несамостоятельные виды терракотовой пластики, такие как налепы и штампы на керамике, описывались уже без указаний места их нахождения и без упоминания сопутствующего материала. Это представляется не вполне обоснованным, так как идеологическая нагрузка этих видов терракотовой пластики не менее информативна⁵⁵.

Вышерассмотренная работа не является специализированным исследованием по терракотовой пластике. Тем не менее контекстная подача материала ставит ее в один ряд с работами, максимально расширяющими информативность публикуемых находок⁵⁶.

⁵⁵ Важно указание типов керамической посуды, которая украшалась налепами или штампами. Так, автором указывается находка девяти чаш с налепами в виде голов льва у венчика. Тагора часто украшались штампованным орнаментом в виде стилизованного дерева, а одна из них была украшена налепом в виде обезьяны у края венчика, исполненным очень реалистично. На одном экземпляре сосуда был налеп в виде горного козла на тулове. Налеп в виде горного козла-архара был обнаружен на стенке краснолощеного кувшина. На одном из кувшинов был отмечен налеп в виде хищника или обезьяны, на другом — в виде головы человека. На горшках также были отмечены ручки в виде головы животного, а также штампованные орнаменты. На миниатюрном кувшинообразном сосуде отмечено сочетание штампованного антропоморфного штампа, изображающего человеческую фигурку с копьем в руках, с налепами, которые не сохранились. Необычен налеп со штампованным изображением лошади в круглом контуре (Пидаяев, 1978, с. 65–68, табл. X, XI, XIII, XIV).

⁵⁶ Впервые в публикациях результатов археологических раскопок в Мерве материалы по терракотовой пластике были поданы в подробном археологическом контексте (Кацурис, Буряков, 1963; Усманова, 1963б).

Со второй половины семидесятых годов началась развнутая публикация материалов городища Зартепа. Налепы на керамике получили освещение в статье В. А. Завьялова «Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепа в 1975–1976 гг.» (Завьялов, 1979). Автор отмечает использование зооморфных, антропоморфных и геометрических налепов для украшения посуды. Среди зооморфных встречены налепы в виде морд львов. Ими украшались миски и нижние части ручек кувшинов. В заполнении улицы открыты два фрагмента стенок кувшинов с налепами в виде голов козлов, а также головка обезьянки, украшавшая ручку кувшина. Зооморфными мотивами декорировались также сливы и носики сосудов. Один из найденных сосудов был украшен носиком, изображающим, по-видимому, ежа. Среди изделий с налепами упоминается фрагмент глиняного ритона, нижний конец которого заканчивается головкой барана.

Антропоморфные налепы в керамическом комплексе зафиксированы в двух случаях. В первом мужская голова ручной лепки украшала нижнюю часть ручки красноангобированного кувшина. Во втором случае налепом являлась женская головка. Налеп изготовлен при помощи матрицы. Геометрический налеп в виде трех ребристых полусфер, напоминающих шлем, обнаружен пока в единственном числе (Завьялов, 1979, с. 145–153).

Автор отмечает ряд аналогий в приемах орнаментации и украшения керамики с Зартепа зооморфными налепами и антропоморфными штампами с керамическим комплексом Дильберджина (Кругликова, 1974, с. 89–95, рис. 65). К изделиям керамики автор отнес также антропоморфные и зооморфные терракоты⁵⁷ (Завьялов, 1979).

В. А. Завьялов в 1981 г. публикует новые материалы по терракотовой пластике, полученные из 5-го и 6-го раскопов Зартепа, характеризующие позднекушанский археологический комплекс (Завьялов, 1981, с. 65–69). Описание материалов приводится по их обнаружению в помещениях⁵⁸.

⁵⁷ Антропоморфные изображения представлены на двух статуэтках. Первая изготовлена при помощи матрицы и изображает богиню в длинных складчатых одеждах. Вторая статуэтка — лепная, по всей видимости, изображает мужчину. По облику похоже, что изображен сатир. Зооморфная терракота обнаружена в комплексе в шести экземплярах. Три из них В. А. Завьялов с уверенностью относит к изображению коня, причем два имеют следы отбитых всадников. Три остальные плохой сохранности. Все статуэтки лепные, обожженные, на некоторых наблюдаются остатки красноангобного покрытия. Часть из них украшена орнаментом, нанесенным полкой трубочкой на грудь или заднюю часть коня, по обеим сторонам хвоста.

⁵⁸ Приводится 4 фрагмента оттисков статуэток, 1 налеп на сосуде, 1 барельефный оттиск и 1 матрица-калыб. Антропоморфные статуэтки были представлены следующими иконографическими типами: торс фигуры в складчатых одеяниях с жестом абхайя-мудра и аналогичный тип из 6-го раскопа; образ, близкий сатирическому, из вылепленного от руки жгутика, верхний конец которого был оттиснут в матрице; фрагмент нижней части статуэтки, где изображены фалды ниспадающего платья.

Все описываемые изделия изготовлены при помощи матриц из тонко отмученной и хорошо промешанной гончарной глины с небольшой примесью песка. Состав теста терракот практически не отличается от состава теста некоторых видов столовой посуды, найденной в пределах раскопа 5 и 6. Отмечаются общие приемы обработки тыльной стороны и контуров изделий ножом, ангобирование целиком либо только лицевой поверхности. Кроме того, автор отметил, что, «принимая во внимание предполагаемую технологией изготовления серийности терракот, предметом специального исследования могли бы служить отпечатки пальцев на тыльных сторонах изображений (имеются в виду дактилоскопический анализ и возможность определения мастера)»⁵⁹ (Завьялов, 1981, с. 65).

Анализируя описанный комплекс изделий, автор пришел к ряду заключений. Наиболее важным представляется предположение, что буддизм оказал сильное воздействие на все виды искусства, в том числе и на коропластику⁶⁰. Помимо буддийских образов отмечаются и древнеиранские образы⁶¹. Было отмечено характерное строгое соблюдение фронтальности в иконографии рассматриваемого комплекса изделий⁶².

Публикация материалов археологических исследований с территории Южной Бактрии продолжилась в 1979 г. и была представлена в книге Г. А. Пугаченковой «Жига-тепе»⁶³ (Пугаченкова, 1979б).

На примере одного изделия автор отмечает, что одно и то же женское изображение, использовавшееся в качестве налела на сосуде и выполненное в той же технике, что и статуэтка, имело разные функциональные значения (Завьялов, 1981, с. 67). (Разница функционального назначения различных видов терракотовой пластики, передающих один иконографический тип, и отражение этой разницы в смысловом значении изображения по сей день в литературе чаще всего не принимаются во внимание. Как следствие, нет исследований, посвященных выявлению видов изделий, к примеру, несущих изображения отдельных иконографических типов.)

⁵⁹ Ранее подобное предложение было выдвинуто Б. И. Кастальским (Кастальский, 1909).

⁶⁰ Две первые статуэтки автор отнес к изображениям Будды. Барельефный оттиск на плитке имеет близкую аналогию из Батырабада, принадлежащую, по определению Г. А. Пугаченковой, к буддийскому кругу.

⁶¹ Сидящая богиня была предположительно интерпретирована как Ордохшо.

⁶² Кроме статуэток и налела был опубликован фрагмент барельефного оттиска, который сохранил часть изображения с двумя стоящими рядом фигурами. Особый интерес представляет матрица-калыб. Она была определена как производственный брак — «слишком глубокая, потому, вероятно, почти не использовавшаяся». Матрица передает образ сидящей богини в высоком головном уборе с наушниками и с рогом изобилия в руках.

⁶³ На поверхности Жига-тепе была найдена матрица круглого терракотового медальона с изображением полулежащего мужчины и женщины с венком. Медальон датируется по стилю изображения началом н. э. Автор отмечает «бесспорное местное изготовление» (Пугаченкова, 1979б, с. 79–81). В слое верхнего здания кушано-сасанидского периода был найден сосуд с налелем в виде женского персонажа в раструбовидном головном уборе и с руками, прижатыми к груди,

В этом же году вышла в свет еще одна книга Г. А. Пугаченковой — «Искусство Бактрии эпохи Кушан», где в третьей главе отдельный параграф посвящен керамике и коропластике. Совместным рассмотрением этих изделий автор подчеркивает их производственную близость (Пугаченкова, 1979а).

Большой интерес представляют исследования Пугаченковой штампованного, а также налепного орнамента на керамике. Автор отмечает, что среди фрагментов сосудов греко-бактрийской эпохи из Ай-Ханума есть небольшая процент черепков с оттиснутыми на них посредством штампов пальметт. В северных районах Бактрии они не отмечаются. Оформление штампованным орнаментом сосудов распространяется на территории всей Бактрии лишь в кушанское время.

В эту же пору появляются объемно-пластические украшения. В их числе — зооморфные ручки, обычно вылепленные от руки, но иногда с фестончатыми оттисками глаз, ноздрей, налепы с отдавленной в формочке личиной, изредка оттиски фигурок, уникальные экземпляры с отдавленными в матрицах многофигурными композициями.

При сопоставлении вышеприведенных наблюдений Х. Мухитдинова, В. А. Завьялова и Ш. Р. Пидаяева с мнением Г. А. Пугаченковой относительно времени распространения приемов украшения керамики налепами и штампами обозначается некоторое разночтение. Если широкое распространение этих видов терракотовой пластики относится всеми авторами к кушанскому периоду, то возникновение и бытование на узколокальных территориях датируются перечисленными авторами более ранним временем — II–I вв. до н. э. Г. А. Пугаченкова считает, что они отсутствовали в этот промежуток времени в Северной Бактрии.

Г. А. Пугаченкова отмечает, что материалом терракот (имеются в виду статуэтки) служила тонко отмученная, плотного вымеса гончарная глина, без примесей. Статуэтки были как лепные, так и формованные, выполненные с помощью открытых матриц. Поверхность штампованных терракот нередко покрывалась светлым или красным ангобом. На статуэтках II в. — одной из Айртама и двух из Дальверзин-тепе — видны следы белой и красной краски, нанесенной на уже обожженное изделие. Терракоты из слоев II в. до н. э. — I в. н. э. обычно высокого объема; во II–III вв. н. э. статуэтки либо уплощены вообще, либо имеют выполненную

в одной из которых был округлый плод, а в другой — вытянутый предмет. Изображение интерпретируется как культовый образ, возможно, Анахиты (Пугаченкова, 1979б, с. 87, 88, рис. 17, 2; 26, 1). К кушано-сасанидскому периоду, III–IV вв. н. э., Г. А. Пугаченкова также отнесла лепные статуэтки коней с хохолками между ушами и налепными глазами; фигурки баранов, один из которых, с продолговатым сколом, возможно, является подставкой под сосуд; фигурные ручки сосудов в виде антропоморфного идолаобразного лица, обезьянки и др. (Пугаченкова, 1979б, с. 87, рис. 26, 2–9); сосуды с украшением штампами в виде пальметок, листочков с прожилками, кружков-колес, ступней будды, ромбов, короны; сосуды с налепным штампованным орнаментом в виде колеса (Пугаченкова, 1979б, рис. 20, 22, 23, 24).

в высоком рельефе голову при барельефной передаче туловища. Ранние терракоты миниатюрнее по размерам, поздние — крупнее. Особую группу составляет «скульптура с фоном», т. е. рельефы, оттиснутые на плоских плитках в форме медальонов или образков, включающих одну фигуру или целую сцену. Формочки с рельефными изображениями использовались керамистами для оттиска налепов на сосудах. Эти обобщения, как уже отмечалось выше, требуют аргументации, основанной на статистике. А пока они лишь могут предполагать тенденции в эволюции стиля.

С I в. до н. э. и на протяжении всего кушанского периода широко изготовлялись лепные статуэтки — главным образом фигурки конных всадников и разных животных. Они выполнялись от руки и очень схематично передавали формы голов и торсов, лиц и морд. Иногда лепные фигурки прикреплялись к сделанным на гончарном круге культовым подставкам или светильникам. Известны изделия, выполненные в комбинированной технике: штампованные головы при лепном туловище или лепной конь с формованной штампом фигуркой всадника (Пугаченкова, 1979а, с. 90, 97, 98).

В разделе «Темы и образы» рассматриваются различные виды изобразительного искусства, в том числе и терракотовая пластика, часто в сопоставлении с монументальным изобразительным материалом.

В заключение анализа книги хотелось бы отметить, что Г. А. Пугаченковой, благодаря анализу разнообразных источников, в том числе новых археологических материалов, удалось не только ярко обрисовать искусство Бактрии эпохи Кушан, но и представить свой взгляд на историю его формирования и развития.

К разряду исследований иконографии изображений на терракотовой пластике относится заметка «Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике», где публикуется налеп на кувшине с Ак-тепе II в виде мужской головки с усами и бородой, с очельем на голове и гривной на шее. А. В. Седов находит близкие параллели изображению в сасанидской глиптике и при помощи анализа иконографии и стиля датирует налеп IV — началом V в. н. э. (Седов, 1979, с. 68–70).

В материалах Всесоюзного симпозиума по проблемам эллинистической культуры на Востоке за 1980 г. были опубликованы тезисы А. Д. Бабаева, в которых рассмотрены эллинистические традиции культуры Северной Бактрии на примере находок из Чимкурмана. Среди разнообразных материалов памятника, свидетельствующих о влиянии эллинизма на культуру Бактрии, упоминается статуэтка с образом обнаженного мужчины, трактованного автором как Лаокоон (Бабаев, 1980, с. 8–9).

Здесь же была представлена работа Х. Мухитдинова, посвященная эллинистическим традициям в материалах Саксонохура. Автор отмечает, что изделия коропластики несут преимущественно «местные образы» и изготовлены они в «местной традиции» (Мухитдинов, 1980, с. 50–51). Из греко-бактрийского слоя памятника происходят два

иконографических образа — статуэтки женщины с зеркалом и женщины с инвеститурным кольцом. В первой автор склонен видеть божество круга Митры, а во второй — Анахиту. Рассматривая иконографию этих статуэток, Х. Мухитдинов отмечает, что они являют собой «результат какого-то сочетания элементов местной культуры и религии с эллинистической культурой и религией». В частности, в иконографии статуэтки Анахиты это подтверждается наличием заимствованного греческого костюма, который напоминает о функциональной близости этого божества Деметре, Афине, Афродите, Артемиде. Однако при наличии греческого костюма атрибуты у статуэтки трактуются как «сугубо ей принадлежащие». В заключение автор приходит к выводу о кратковременном влиянии греческой религии на народные культы, а эллинистической иконографии — на образы ранних саксонохурских терракот (Мухитдинов, 1980, с. 51).

А. В. Седов публикует в 1981 г. тезисы, посвященные археологическим комплексам Кобадияна середины IV–V вв. н. э. (Седов, 1981). Автор, характеризуя этот комплекс, отмечает отсутствие терракот как одну из его отличительных черт. Это мнение основывается на материалах таких памятников, как Ак-тепе II, Дарахша-тепе, Клыч-Дувал, Шодмонкала и др.

В материалах конференции, посвященной культурным взаимосвязям Средней Азии и Кавказа с окружающим миром, за 1981 г. были опубликованы тезисы В. А. Мешкерис, посвященные терракотам кушанской Бактрии. В работе была предложена классификация изделий терракотовой пластики. На основе единой техники изготовления и пластической манеры изображений автор выделила шесть классов: статуэтки (штампованные и лепные); рельефные оттиски на ручках сосудов; скульптурные налепы на ручках сосудов; фигурные зооморфные ручки; медальоны и плитки; зооморфно оформленные ритоны⁶⁴.

Кроме того, автором были выделены два стилистических направления: развитие местных самобытных традиций и переработка чужеземных влияний (эллинистических, греко-иранских, греко-буддийских, индийских и сакских). В рамках первого направления были упомянуты такие иконографические образы, как богиня в сидячей позе, донаторы, жрецы и музыканты, а также идолчики-примитивы. В рамках второго к эллинистическим были отнесены образы Геракла, Силена, римского воина, Сатира с авлосом, женских фигур в хитоне и гиматии; к греко-иранским — зооморфные ритоны и образы обнаженного музыканта, богини в складчатом хитоне; к индо-буддийским — образы будд, бодхисаттв, греко-гандхарские женские образы, индийские яшмини, изображения обезьян; к сакской традиции были отнесены зооморфные ручки (Мешкерис, 1981, с. 11–112).

⁶⁴ Позднее классификация бактрийских терракот будет существенно переработана (Мешкерис, 1998), вследствие чего не представляется целесообразным останавливаться на ее детальном анализе.

В 80-х гг. появляется ряд публикаций новых материалов с территории Восточной Бактрии. В статье Е. П. Денисова представлена терракотовая плитка с рельефным изображением стоящей мужской фигуры с трезубцем, поднятой на территории г. Курган-Тюбе (Денисов, 1981). Образ был интерпретирован как божество Хварно (Фарн). Рассматривая такую иконографическую деталь, как языки пламени из-за плеч, единственные аналогии автор находит в искусстве Месопотамии, аргументируя неслучайность этой аналогии наличием влияния ближневосточного компонента на культуру Бактрии в самые разные периоды. На основе анализа иконографии и стиля изображения плитка была датирована кушанским временем. В статье автор критикует выводы В. А. Мешкерис о бытовании так называемых плиток-образков только в эфталито-тюркское время как основанные на очень узком материале. Кроме того, Е. П. Денисов высказал следующее мнение: «Типологически терракотовые плитки очень близки буддийским образкам. Думается, что они генетически связаны и плитки происходят именно от буддийских образков» (Денисов, 1981, с. 42–44). Перед нами пример, как чисто иконографическое исследование приводит к большому числу непересекающихся точек зрения как по вопросам хронологии разных видов терракотовой пластики, так и по вопросам происхождения и интерпретации отдельных образов.

В 1982 г. А. Д. Бабаев публикует ряд изделий с Шахринауского городища (Чимкурмана) (Бабаев, 1982). Исследование построено на анализе иконографии статуэток⁶⁵, в результате которого автор датирует изделия кушанским периодом, «подтверждая тем самым датировку всего археологического комплекса из Чим-Курмана». В ходе исследования автор утверждает, что характерной чертой кушанской эпохи является одновременное использование в пластике различных материалов. В частности, «в Бактрии наряду с глиной играет большую роль камень». Это наблюдение автор сделал на материале Сурх-Котала и Чимкурмана (Бабаев, 1982, с. 235).

Помимо публикаций новых материалов исследователями Северо-Восточной Бактрии были затронуты вопросы методологии изучения терракотовой пластики. Т. И. Зеймаль предложила в тезисной форме основы археологической периодизации терракот Северного Тохаристана (Зеймаль, 1983). Автор отметила значительное количество антропоморфной терракоты, происходящей из хорошо датированных памятников⁶⁶, а также тот факт, что «общие методические принципы их изучения остаются неразработанными, а гос-

подствующая в литературе практика датировки и определения терракот путем подбора аналогий и стилистического анализа далеко не всегда дает надежные результаты» (Зеймаль, 1983, с. 42). В свою очередь, Т. И. Зеймаль предложила методику построения типологии с учетом деградации терракот в процессе многократного тиражирования матриц и создания новых терракот-реплик, примененную ранее Б. И. Маршаком⁶⁷. Она считала важным при датировке терракот не только поиск аналогий в монументальной скульптуре, но и определение удаленности исследуемого изделия от прототипа, стоящего во главе генетического ряда.

Т. И. Зеймаль отметила, что на территории всего Северного Тохаристана антропоморфных статуэток, датируемых ранее кушанского времени, нет. Самыми ранними автор считает серии статуэток сидящей женщины с цветком или чашей из слоев третьего периода (по периодизации Е. В. Зеймальной) Чимкурмана, Кутон-тепе, Курганча, Кей-Кобад-Шах и обнаженной женщины с вытянутыми вдоль тулова руками (из Чимкурмана и Тепаи-Шах).

В заключение Т. И. Зеймаль подчеркивает, что «терракоты, происходящие из надежных археолого-стратиграфических комплексов, могут быть использованы как опора в датировке беспаспортных находок, а также находок из раскопок, датировка которых неопределенна или требует уточнений» (Зеймаль, 1983, с. 44). Это заключение остается актуальным и по сей день, так же как и необходимость создания сводов упомянутых изделий.

В 1983 г. Б. А. Литвинский и В. А. Седов опубликовали книгу «Тепай-шах. Культура и связи кушанской Бактрии». В отдельном параграфе были рассмотрены фрагменты скульптуры и терракоты с городища Тепаи-Шах. Кроме того, авторами были приведены описания всех обнаруженных на памятнике терракотовых изделий в отдельном каталоге с указанием условий их обнаружения. Хотелось бы отметить, что авторами был применен, на наш взгляд, крайне важный новаторский прием. К сожалению, в дальнейшем он не получил широкого распространения.

Авторы книги публикуют ряд терракотовых изделий, в том числе происходящих из погребального комплекса⁶⁸.

⁶⁷ Работа Б. И. Маршака за 1972 г. «Согдийские терракоты» будет рассмотрена подробно в параграфе «История изучения терракотовой пластики Согда».

⁶⁸ Из городища Тепаи-Шах происходят четыре антропоморфные статуэтки, ручка сосуда с изображением человеческой фигуры, а также восемь статуэток коней. Кроме материалов с городища авторами приводятся уникальные находки из одноименного погребального сооружения. Терракотовую плитку с рельефным изображением, происходящую из сооружения I некрополя Тепаи-Шах, авторы считают передающей образ Авалокитешвары и датируют ее IV–V вв. н. э. Интерпретация и датировка изображения на плитке была предложена на основании анализа стиля и иконографии изображения. Из сооружения IV происходит налп на сосуде в виде головки женщины. Обе статуэтки относятся к уникальным, и в обоих обнаруживают влияние индийской иконографии (Литвинский, Седов, 1983, с. 52, 150, 159, 231, табл. XXVI, 1, 3).

⁶⁵ Отмечено преобладание лошадок среди зооморфных статуэток. Антропоморфные статуэтки представлены пятью образами. Две женские статуэтки с ребенком у ног и на коленях. Среди мужских статуэток представлены образ сидящего старца в остроконечном колпаке, каменная статуэтка старца, а также лепная фигурка (Бабаев, 1982, с. 232–234, рис. 1–3).

⁶⁶ К ним относятся городища Узбекон-тепе, Яванское, Шахринауское, Тепаи-Шах, Гиссарская крепость, поселения Кутон-тепе, Курганча и др.

Отдельное внимание уделяется статуэтке обнаженной женщины в опоясках на бедрах и с ожерельем на груди, найденной в одном из помещений Тепаи-Шах. Отмечается, что фигурки нагих богинь неоднократно находили на памятниках Северной Бактрии, но иконографически они резко отличаются от тепаишахской статуэтки. Так, авторами приводится аналогичная статуэтка с городища Зартепа, интерпретированная как изображающая танцовщицу (Альбаум, 1960, с. 32–33, рис. 17).

Обобщая данные по рассмотренному иконографическому типу, Б. А. Литвинский и В. А. Седов пришли к выводу, что эти статуэтки, несомненно, бактрийского происхождения, но свидетельствуют о знакомстве с индийскими прототипами и об использовании последних в Бактрии. Кроме того, предполагается, что в Бактрии на рубеже эр и в первые века н. э. существовали три группы таких изображений-статуэток: 1) развивающие какую-то местную традицию; 2) восходящие к греко-эллинистической традиции; 3) отражающие сплав местной и индийской традиций. К последним отнесены тепаишахская и зартепинские статуэтки. Они, по мнению исследователей, относятся к заведомо более позднему времени, чем сиркапская (Литвинский, Седов, 1983, с. 24–25)⁶⁹. Однако не исключается, что развитие этих статуарных образов протекало параллельно, не без воздействия восточно-эллинистических эталонов. Упоминается маргианская коропластика, а также замечание Г. А. Кошеленко о возможном влиянии индийских образов типа якиньш (Литвинский, Седов, 1983, с. 24–25).

Дальнейшее развитие иконографии рассматриваемой статуэтки авторы видят в двух изданных Г. А. Пугаченковой статуэтках нагой богини из Барат-тепе (Пугаченкова, 1979а, с. 178–179), которые утратили многие ее характерные черты. Противоречие заключается в том, что исследовательница датирует эти статуэтки III–II вв. до н. э., а авторы монографии считают, что типологически они должны следовать за тепаишахской и зартепинской.

Литвинский и Седов критикуют предложенную Г. А. Пугаченковой стратиграфическую колонку для памятников долины р. Сурхандарьи. В том числе они высказались и по поводу мелкой пластики: «При описании археологических слоев терракоты использованы для их датировки как якобы имеющие дату по их стилистическим особенностям. В разделе же, посвященном самим терракотам, отмечается, что часть из них “извлечена из археологически датированных слоев” (Пугаченкова, 1966, с. 60, 217, 221–222). Намеченная схема эволюции кушанских терракот Северной Бактрии, мягко говоря, довольно своеобразна. Все женские статуэтки определяются как изображения Великой матери-богини; наиболее ранними считаются обнаженные фигурки; постепенно происходит одевание: сначала появляются браслеты и пояса стыдливости, а затем и все остальное. Следуя логи-

ке изложения, чем больше одежды или чем они “плотнее”, тем более позднюю дату имеет терракота.

Не менее своеобразен и способ датировки мужской обнаженной фигурки, определенной как изображение Аполлона, правда, “при отсутствии головы вопрос о тождественности ее с Аполлоном нельзя считать окончательно решенным”. Один из главных аргументов для установления ранней даты фигурки, а следовательно, и слоя, из которого она происходит, — “цвет и качество терракоты” (Литвинский, Седов, 1983, с. 32)⁷⁰.

Нельзя не согласиться с большей частью приведенной критики. Однако использование Г. А. Пугаченковой в качестве одного из датирующих факторов «цвета и качества терракоты», в свете более поздних исследований технологии изготовления терракотовых статуэток не лишено основательности (Вивденко, 1987, 1990, 1992). Эти показатели в комплексе с другими могут вполне достоверно указывать на хронологию изделий.

В 1983 г. Т. С. Вызго и В. А. Мешкерис были вновь рассмотрены материалы Термезской археологической экспедиции 30-х гг. Анализируя иконографические детали изображений на статуэтках, авторы предлагают новую их интерпретацию. Реконструируется история музыкальной культуры, в частности — время и место распространения такого инструмента, как угловая арфа с прямым резонатором, хорошо известная по рельефам Айртама (Вызго, Мешкерис, 1983).

В 1984 г. выходит в свет очередной том трудов Французской археологической делегации в Афганистане. В нем освещены результаты археологических исследований в «храме с уступами» на городище Ай-Ханум. Богатый материал по терракотовой пластике был представлен в этом томе Г. П. Франкфором, посвятившим ему две главы (Francfort, 1984, Ch. V–VI). В первой главе был рассмотрен такой вид изделий, как статуэтки, штампованные и лепные, во второй — модели статуэток и матрицы для изготовления масок и эмблем (протом).

В «храме с уступами» было, по мнению автора, обнаружено небольшое число изделий — всего 20, с учетом декора на керамике. Г. П. Франкфор разбил их на две группы, зооморфные и антропоморфные, дополнительно выделив в последней группе подгруппы (женские и мужские). Зооморфные образы представлены статуэтками слона, обезьяны, барана и быка. Автор прослеживает ареал распространения аналогичных образов в Бактрии, в том числе правобережной, а также в соседних регионах. Среди зооморфных статуэток был рассмотрен фрагмент статуэтки в виде седла. Женские статуэтки представлены одним иконографическим образом стоящей женской фигуры в складчатых одеяниях (3 экземпляра). Анализируя характер костюма, Г. П. Франкфор подчеркивает, что, несмотря на греческий характер одеяния, в костюме присутствуют детали, которые, собственно, отличают «искусство эллинистическое от эллинизированного».

⁶⁹ Авторы видят близкую аналогию в статуэтке голубого сланца из Сиркапа (Marshall, 1951, vol. II, p. 701; vol. III, pl. 211, 4a–b).

⁷⁰ Ibid., p. 227.

Автор также подчеркивает, что происхождение одной из женских статуэток позволяет относить ее к периоду позднего Ай-Ханума или же она даже может быть кушанской (Francfort, 1984, p. 40). Аналогии этой статуэтке автор видит в материалах коропластики целого ряда бактрийских памятников. Однако он не согласен с интерпретациями этого образа как богини плодородия Анахиты или Ордохшо (Francfort, 1984, p. 39–41).

К мужским образам были отнесены фрагмент плитки с рельефным изображением бюста под аркадой, голова варвара в тюрбане и статуэтки всадников. Для последних автор приводит обширный реестр памятников их бытования (Francfort, 1984, p. 41).

В заключение автор отмечает малочисленность статуэток в «храме с уступами» по сравнению с их количеством на памятниках эллинистической Месопотамии или кушанской Центральной Азии. Статуэтки, по мнению автора, не все являлись декоративными, подобно танагрским, а в большинстве своем отражали идеологию. Г. П. Франкфор считает, что материалы коропластики наряду со скульптурой Ай-Ханума свидетельствуют о рождении школы, которую в дальнейшем разовьет Кушанская империя. Среди изображительных мотивов наряду с животными основными станут образы всадника и богини, так мало характерные для греческой мифологии. Между тем автор считает, что техника изготовления статуэток (моделирование, оттиск, обжиг) была привнесена в Бактрию греками, так же как, вероятно, и костюм богини. Отмечается, что именно элементы художественной техники, а не идеологии или иконографии, очень широко будут возобновлены в кушанское время.

Среди моделей статуэток описаны маленькая стилизованная коринфская капитель и мужская голова высотой 6,5 см, во «фригийском колпаке». В последней автор склонен видеть образ Аттиса, подчеркивая небесспорность этого мнения. В греческом искусстве такой головной убор характерен для иконографии образов Сабазия, Мена, Митры, Орфея, Ганимеда, а также эротов и крылатых гениев.

Матрицы были подразделены на два вида: 1) матрицы для изготовления масок; 2) матрицы для изготовления эмблем (протом).

Маски (всего четыре) передают разной сохранности образ с выпученными глазами, с открытым большим ртом, без бороды. Возможно, это маски, используемые в постановках «новой комедии» (типа отца, или, менее вероятно, старой женщины). Г. П. Франкфор подчеркивает, что в древности театральные маски часто изготавливались в терракоте. Находка их в нескольких десятках метров от алтаря храма может говорить о постановке здесь религиозных драм, как это происходило, например, в храме Артемиды и Атаргатиса в Дуре-Европос. Кроме того, автор приводит перечень памятников Средней Азии, где были найдены маски⁷¹.

⁷¹ В Центральной Азии маски известны на памятнике Ниса (маска бородатого старика из гипса); Шахри-Гульгуль (мраморный маскарон,

Матрица для изготовления эмблемы (протомы) была сделана из необожженной, тонкой глины. Изображение на оттиске представляет собой высокохудожественно исполненный бюст женщины в хитоне. Автор отмечает, что матрицы из необожженной глины известны для эллинистической и римской эпох. Они использовались в производстве золотых и серебряных изделий и позволяли получить в воске точную копию с модели. Использовались они также для отливки скульптур из гипса⁷². Г. П. Франкфор, детально анализируя иконографию женского персонажа, отмечает его близость ряду произведений эллинистического искусства, изображающих богинь. Автор не исключает также, что рассматриваемый бюст передает идеализированный портрет царицы. Датируется изделие временем не позднее III в. до н. э.

Приведенные в работе Г. П. Франкфора материалы проливают свет на ранний этап становления терракотовой пластики в регионе и напрямую связаны с вопросами ее генезиса. Автор основывается на искусствоведческих методах исследования (иконаграфия, стиль, интерпретация). Но поскольку Ай-Ханум является практически однослойным памятником греко-бактрийского периода⁷³, а рассматриваемые изделия получили планиграфическую привязку, произведенную автором для всех предметов материальной культуры «храма с нишами», то перед нами богатый материал, в дальнейших исследованиях которого можно использовать всю полноту археологических данных.

Материалы по Южной Бактрии продолжают освещаться также и советскими археологами. Г. А. Пугаченкова публикует материалы, обнаруженные в стратиграфических слоях Дильберджина. Среди них статуэтка, изготовленная штампом, лепные статуэтки, налп от сосуда, изготовленный оттиском штампа. Среди перечисленных изделий есть обнаженный женский персонаж с руками у лона, конь и лепной всадник, лошадка со сбруей, отбитый еще в древности налп на керамический сосуд в виде человекообразной личины с ошеренным ртом, типа киртимукки, выполненный штампом (Пугаченкова, 1984).

Публикация северобактрийских материалов продолжается в статье «Предметы малого искусства», вышедшей в 1984 г. (Савчук, 1984). С. А. Савчук представляет ряд изделий с крепости Кампыртепа. Среди них — статуэтка обнаженной богини, полученная из слоя конца I–II вв. н. э., хотя автор не исключает возможность переотложенного характера этой находки. В крепостной стене была обнаружена головка богини, отнесенная автором к «высокохудожественным произведениям». Временем Хувишки была

возможно, римский импорт); две маленькие маски из гипса происходят из Шахри-Бану и из Топрак-калы (типа киртимукки) (Francfort, 1984, p. 44).

⁷² В Таксиле, на Дальверзин-тепе.

⁷³ В одном из последних томов по результатам работ на Ай-Хануме К. Рапэн исключил возможность датировки городища временем позднее II в. до н. э. (Rapin, 1992).

датирована находка калыба с изображением мужской головы нехарактерных размеров — 132 × 78 × 56 см. Автор предполагает, что патрицей могла послужить мраморная или бронзовая статуэтка римского типа. Это мнение позднее получит свое развитие в статьях Т. К. Мкртычева (Мкртычев, 2000, с. 162).

К. Абдуллаев в 1984 г. обобщает северобактрийские материалы с изображением музыкантов (Абдуллаев, 1984). Автор публикует статуэтки из коллекции Сурхандарьинского областного краеведческого музея (с памятников Шортепе, Старого Термеза и Бабатага). Обобщая иконографию изображений на этих статуэтках, а также на ранее изданных, из Дальверзин-тепе, К. Абдуллаев приходит к выводу о наибольшей популярности в античный период в музыкальной среде струнных лютнеобразных инструментов.

Статья К. А. Абдуллаева и К. А. Шейко «Новые поступления в Термезский краеведческий музей», вышедшая в 1985 г., посвящена трем статуэткам. Две женские статуэтки, аналогичные статуэткам из Тепаи-Шах, Барат-тепе и Зартепа, происходят из Фаяз-тепе и Кургантепе (слои III–IV вв. н. э.). Этот тип обычно относится к отражающему индийские скульптурные образы. Третья статуэтка была поднята на Кара-тепе, изображение на ней интерпретируется как «сидящий Будда» (Абдуллаев, Шейко, 1985).

В 1985 г. публикуется еще три изделия (две статуэтки и ритон) из фондов Термезского музея, которые на основании круга аналогий датируются В. А. Мешкерис III–I вв. до н. э. (Мешкерис, 1985б, с. 63–65).

В этом же году впервые получили широкое освещение материалы археологических исследований с территории Западной Бактрии (с поселений Средней Амударьи). В книге В. Н. Пилипко большое внимание было уделено многочисленным изделиям терракотовой пластики, которые были найдены как в подъеме, так и в стратиграфических слоях (Пилипко, 1985)⁷⁴.

Материал был представлен автором в последовательно сменяющихся археологических комплексах. Так, древнебактрийский комплекс представлен только подъемным материалом с Чопли-депе, терракотовая пластика в нем отсутствует. Греко-бактрийский комплекс представлен материалами 1-го и 2-го горизонтов Мирзабек-кала. К нему, предположительно, относится случайная находка статуэтки обнаженной богини. Юэджийский комплекс получен по материалам Мирзабек 3. Автор предполагает «дальнейшее развитие коропластики, но отсутствие терракот в стратифицированных слоях не позволяет выделить типы, характерные для этого времени». Кушанский комплекс представлен на целом ряде памятников: Чопли 1–8, Мирзабек 4–8, Хатаб 1–3, Бургучи 1–2, Шор-депе Ходжамбаское 1–3, слои шурфа № 2 на Мирзабек-кала, за исключением самых нижних. В него входят такие виды изделий, как декор на керамике и статуэтки.

Автор отмечает, что орнаментация штампом не была распространена в этом районе. Сосуды с таким орнаментом были привозными (Пилипко, 1985, с. 82). Основная часть статуэток (112 экземпляров), относящихся к кушанскому времени, рассматривается по известной схеме. Выделяются женские культовые статуэтки, мужские статуэтки, статуэтки всадников и животных.

В кушано-сасанидский период для памятников долины Средней и Верхней Амударьи, по мнению автора, массовое изготовление терракотовых статуэток было прекращено⁷⁵.

Приводя общее описание женских культовых статуэток, автор отмечает, что «для изготовления терракот использовалось несколько исходных моделей, выполненных квалифицированными мастерами. В дальнейшем в результате многократного тиражирования, использования в качестве моделей бракованных статуэток постепенно происходит огрубление первоначальных типов» (Пилипко, 1985, с. 86). На период написания книги автор по материалам Чопли и Мирзабек выделил 7 типов фигурок и 3 типа головок⁷⁶.

В. Н. Пилипко, анализируя археологические комплексы с поселений Западной Бактрии, отмечает отсутствие в них ряда изделий, характерных для бактрийского археологического комплекса кушанского времени. Среди этого ряда упомянуты статуэтки музыкантов, «следы буддийского культа», а также орнаментация керамики штампованными и наклепными изображениями (Там же, с. 107–108). С другой стороны, для рассмотренных женских статуэток автор отмечает целый круг близких аналогий в других районах Бактрии. Отмечается также наличие такого известного бактрийского иконографического типа, как «сидящая богиня» на поселении Чопли-депе. Особенностью иконографии западнобактрийских женских статуэток, по мнению автора, является отражение женщин только европеоидного типа.

Как наиболее почитаемое божество рассматриваемого региона В. Н. Пилипко отмечает «богиню с виноградной гроздью». При этом, подчеркивая «многобожие» местного населения, автор приходит к интересному выводу: «В по-

⁷⁵ Ссылка на работы: Завьялов, 1979; Пидаев, 1978; Кругликова, Пугаченкова, 1977; Седов, 1981.

⁷⁶ Богиня с виноградной гроздью и плодом или сосудом (10 экз.); богиня с сосудом (3 экз.); богиня без культовых атрибутов (4 экз.); богиня в длинных одеждах (6 экз.); богиня с лепным туловом (найденно 2 целых и 7 фрагментированных фигурок). Для последнего типа характерно вылепленное от руки тулово в виде цилиндра или конуса, основание плоское, устойчивое, иногда полое внутри, руки условно переданы очень короткими конусовидными наклепами, прижатыми к груди или расставленными в стороны, у некоторых экземпляров небольшими выпуклостями намечены груди. Судя по целым экземплярам, головки изготавливались отдельно в односторонней форме, затем соединялись с туловом. В настоящее время известно 2 статуэтки с совершенно разными по типу головками. Находки матриц, предназначавшихся специально для изготовления головок, и головок, явно изготовленных в подобных матрицах, заставляют сделать предположение об использовании в сочетании с лепным туловом еще нескольких типов головок. Обе целые статуэтки происходят из стратиграфически фиксированных слоев, относящихся к раннекушанскому периоду, не позднее правления Канишки.

⁷⁴ Ранее вопросам терракотовой пластики с памятников Средней Амударьи была посвящена отдельная статья (Пилипко, 1977).

вседневной практике эти божества, дарующие удачу, хранительницы домашнего очага, воплощения производящих сил природы, нередко заменяли друг друга. Проявление такой практики мы видим в статуэтках с лепным туловом, снабжавшихся головками разных типов» (Там же, с. 110).

Таким образом, освещение материалов с пограничных западных районов позволило глубже понять особенности формирования и развития археологического комплекса Бактрии в целом.

Вторая диссертация, посвященная терракотовой пластике Бактрии, была защищена К. А. Абдуллаевым в 1985 г. В преамбуле исследования автор формулирует свое отношение к рассматриваемому материалу как к «отрасли искусства малых форм, близкой по своему характеру к народному художественному творчеству и, возможно, наименее подверженной влиянию тех явлений, которые происходили в монументальном искусстве». Исследователь предполагает, что именно «в силу этого обстоятельства образцы терракотовых статуэток демонстрируют наиболее значительные стороны эволюции монументальной скульптуры» (Абдуллаев, 1985а, с. 9). Далее он пишет:

«В то же время терракотовая скульптура, являясь частью разработанного религиозно-культурного комплекса, показателем духовного уровня древнего общества, может в определенной мере отразить художественные явления эпохи. Художественные образцы, созданные коропами, нередко являются репликами произведений монументального искусства, причем они отражают наиболее популярные культы в среде населения. В этом отношении область коропастики сопоставима с древними областями изобразительного искусства».

При написании данной диссертации автором ставилась задача выявить типологию, хронологические и стилистические группы в коропастике Бактрии-Тохаристана. На основе иконографического и стилистического признаков при количественной возможности терракоты были объединены в определенные сюжетные группы, которые рассматривались в хронологической последовательности, выявляя развитие иконографии и художественных приемов в передаче определенного культово-мифологического образа» (Там же, с. 11).

Таким образом, принципы классификации и типологии в работе строились на основе анализа иконографического и стилистического признаков.

Возвращаясь к диссертации К. Абдуллаева, отметим, что автор относится к «области коропастики» как к «одной из благодатных отраслей искусства малых форм, которые наиболее полно могут отразить специфику идеологических и художественных представлений древнего общества, его культово-мифологический комплекс» (Там же, с. 12). В соответствии с этим взглядом автор определил одну из задач своей диссертации: показать на примере терракотовой пластики наиболее популярные и наиболее почитаемые в народной среде культы Бактрии-Тохаристана.

В диссертации К. Абдуллаева впервые на материалах, полученных ТАКЭ (1936–38 гг.) и в ходе дальнейших археологических исследований на памятниках Сурхандарьинской области, был создан «корпус» терракот, представлявший собой альбом иллюстраций. В первой главе, «Буддийская тема в коропастике», рассматривались изображения Будды, бодхисаттвы, адорантов и донаторов, якшей. Во второй главе, «Культы и образы», анализировались изображения «хотя и близкие к буддийской теме, но имеющие более древние иконографические истоки и связанные с древними культами» (Абдуллаев, 1985а, с. 9). Здесь были рассмотрены изображения музыкантов, женского сидящего божества, групп с женским божеством, мужчин в кушанских костюмах, изображение воина (Геракл-Веретрагна), терракотовые «плитки-образки» с изображением царственного воина, терракотовые головки, богиня с инвестирующим кольцом (Анахита), терракотовые плитки с многофигурными композициями, гротески раннего средневековья.

В ходе исследования автор приходит к некоторым обобщающим выводам. Так, он полагает, что для подавляющего большинства терракотовых изделий Бактрии-Тохаристана характерна техника одностороннего штампа, а оттиск в односторонней матрице делится на различные формы рельефа, но все подчинены единому принципу фронтальности. Для раннеэллинистического периода исследователь считает характерной технику высокого (3/4) рельефа, а для великокушанского — невысокого. Этот вывод согласуется с мнением Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1979а, с. 97), но, к сожалению, не приводится статистических данных в его подтверждение. Автор подчеркивает, что характерной особенностью стиля бактрийской терракотовой пластики с антропоморфными изображениями является акцентировка внимания на трактовке головы и что «технология — неотъемлемая часть производства керамических изделий; материал терракотовых скульптур в полной мере соответствует единовременным и локальным керамическим комплексам».

К. А. Абдуллаев склоняется к широко распространенному мнению, что многие образцы терракотовых изделий являлись репликами монументальных произведений и создавались на принципах ваяния монументальной скульптуры. При этом Абдуллаев отмечает, что авторами их могли являться скульпторы, изготовлявшие модели по заказу керамических мастерских. С другой стороны, он подчеркивает наличие в одних стратиграфических условиях отдельных образцов терракотовых статуэток, выполненных с совершенно различными стилистическими особенностями. Терракотовые статуэтки, которые отличаются предельной схематизацией, плоскостностью, условностью передачи отдельных деталей и образа в целом, приемы декорирования в виде нанесенных продленных линий, продавленные кружочки, нанесенные полой трубочкой, т. е. все те приемы, которые характерны для орнаментации керамической посуды, предлагается рассматривать как изделия мастера-гончара (Абдуллаев, 1985а, с. 183–184).

Представляет интерес выделение А. К. Абдуллаевым в производстве терракот двух основных этапов. Первый связан с созданием модели, на основе которой изготавливается матрица; второй подчинен навыкам и традициям мастера-гончара, здесь присутствует ряд операций, которые он сам осуществляет: выбор глины, формы заготовки, обжиг, окраска — эти признаки технологии дают возможность поставить вопрос о выявлении отдельных школ и мастеров, изготавливавших серии изделий терракотовой пластики. Хотелось бы отметить неувязку на сегодняшний день первого этапа. При всем обилии изделий терракотовой пластики практически нет твердо признанных моделей. Количество матриц уже достаточно велико, но они только косвенно характеризуют оригинальные модели. Такая ситуация породила мнение о том, что в Бактрии не было художников-коропластов и часто в качестве матриц использовались произведения мелкой пластики из других материалов (металл, камень и т. д.) (Мкртычев, 2000, с. 162). Представляется необоснованным столь легкое отношение к массовому производству изделий, несущих, как правило, идеологическую нагрузку. Отсутствие твердо установленных высокохудожественных моделей, предназначенных для изготовления терракотовых матриц, вероятно, можно объяснить их высокой ценностью и немногочисленностью. При этом действительно не исключена возможность изготовления их из других материалов (металла или камня) и, соответственно, использования не только как моделей. Тем не менее важно понять, что от взгляда на этот вопрос зависит адекватное понимание значения изделий терракотовой пластики в жизни населения древней Средней Азии, которое до сих пор не ясно. Ни одно мнение, ранее высказанное, не подкреплено фактическими доказательствами, все они выстроены обычно на предположениях. Известно, что значение изделия, его место в жизни людей всегда отражены в подходе к его изготовлению, в самом процессе. Достаточно вспомнить комплекс идеологических представлений, связанных с изготовлением предметов вооружения или ювелирных изделий. Установление фактических основ подхода к производству предметов терракотовой пластики во многом поможет решить вопрос о культовом, сакральном или более тривиальном их значении.

В том же 1985 г. К. А. Абдуллаев и В. А. Завьялов в статье «Буддийские мотивы в городской культуре Северной Бактрии (по материалам Зар-тепе)» опубликовали два новых иконографических образа: стоящего Будды и сидящего с чашей. В достоверных стратиграфических условиях, в жилой застройке Зартепа, принадлежавшей, видимо, рядовому населению, было обнаружено много моделей ступ, головка Будды из алебаstra, сосуды, украшенные штампом, «ступни Будды», крышка с лотосами от реликвария, сосуды с ручками-обезьянками. Датируются эти находки временем от IV до середины V в. н. э. Подчеркивается обнаружение их на сельских поселениях, свидетельствующее о проникновении буддизма в среду сельского населения (Абдуллаев, Завьялов, 1985а).

Кроме того, К. А. Абдуллаев и В. А. Завьялов рассмотрели уникальный для Средней Азии и характерный для Бактрии вид терракотовой пластики⁷⁷ в отдельной статье «Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии» (Абдуллаев, Завьялов, 1985б).

Отмечается, что материал фигурок-подставок и резервуаров один и тот же, только первые изготавливались вручную, а последние — на гончарном круге. Сходство было обнаружено в окрашивании кушанской столовой посуды и сосудов на зооморфных подставках путем обмакивания в раствор ангоба, который наносился только на верхнюю часть сосудов, доходя до уровня груди фигурок-подставок. Цвет ангоба полностью совпадает в оттенках с цветами ангобов на столовой посуде, обнаруженной в верхних слоях городища Зартепа.

Для этой группы изделий авторы отмечают следующие характерные признаки: все они имеют скол от шеи до хвоста овальных очертаний; в процессе изготовления мастер оставлял в придонной части запас глины, который позже разглаживался по спине фигурки; в результате скола обнажается гладкая спина, иногда с косыми насечками, которые делались для лучшей сцепки тулова с сосудом. По форме скола в месте головы можно определить, конь это или баран, у первых скол подтреугольный, у вторых — округлый. В отличие от обычных зооморфных статуэток у рассматриваемой категории изделий пропорционально вытянутые туловища, размеры которых колеблются от 9 до 12 см². Зооподставки в ряде случаев орнаментированы пуансоном, а также подчеркнутыми линиями, нанесенными острым инструментом. Приемы орнаментации достаточно характерны для зооморфной терракоты в целом и, кроме того, встречаются на столовой посуде, происходящей из тех же слоев. Дается описание всех фигурок-сосудов в количестве 17 штук. Такой детальный технологический анализ позволил авторам выделить как изготовленные одним мастером и происходящие из одного домовладения две фигурки коней с очень тонкими вытянутыми туловами.

Рассмотрение фигурок-подставок дополняется широким списком аналогичных изделий, в основном концентрирующихся на территории Бактрии (Талашкан-тепе II, Аккурган, Жига-тепе). Кроме того, авторы освещают вопросы назначения этих изделий. Среди аналогий, полученных в ясных стратиграфических условиях, упоминаются подставки-слоны, обнаруженные в Беграме. Р. Гишман определял их как votивные предметы (так как их находили в домашних святилищах слоя Беграм III) и связывал их с почитанием жителями древней Каписы божества, представленного в виде

⁷⁷ В процессе изучения Зартепа с 1973 по 1982 г. на раскопах б и 3, в двух верхних строительных горизонтах было обнаружено: 2 фигурки коней с остатками резервуаров на спине; 7 фигурок коней со следами характерного скола от резервуаров; 2 фигурки баранов; 4 фрагмента фигурок, видовую принадлежность которых определить трудно. Кроме того, найдены фрагменты двух резервуаров.

слона. К предметам культового назначения относится подставка-светильник, оформленная фигурками трех коней из Куль-тепе. Г. А. Пугаченкова относит ее к культу коня (Пугаченкова, 1973, с. 127, рис. 45). Подчеркивается, что следы копоты на ней отсутствуют, так же как и на вышеприведенных резервуарах. Анализ условий местонахождения позволяет автору усомниться в ритуальном назначении рассматриваемой группы изделий.

Наибольший интерес в данной статье вызывают следующие выводы авторов: «Семантическая связь зооморфных изображений на керамике с распространенными культами вовсе не предполагает использование всех сосудов как ритуальных. Если к зооморфным изображениям присовокупить также и антропоморфные, многие из которых, по-видимому, смогут занять свое место в числе бытовавших культов, то едва ли не треть всей “столовой” посуды будет украшена различными изображениями. Это обстоятельство, а также видовое разнообразие изображений на керамике, найденной в пределах одного квартала, предполагает, кроме того, декоративную их функцию в оформлении “столовой” посуды. В данном случае очевидно, что обе функции неразрывно связаны и дополняют друг друга, отражая господствовавшие идеологические представления того времени. Что же касается ритуальной функции сосудов на зооморфных подставках, то, видимо, следует признать, что ритуальной эта категория посуды может стать только в том случае, если она будет изъята из повседневного бытового обращения (например, положена в могилу)» (Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 210). Исследователи считают, что наибольшее распространение фигурки-подставки получают в позднекушанское время на территории Бактрии и составляют часть керамического комплекса.

В 1985 г. В. С. Соловьевым были представлены материалы раннесредневекового времени (Соловьев, 1985). Кроме терракотовых плит автором публикуется чаша со штампованным рельефным изображением на дне, найденная на цитадели, в одном из дворцовых помещений, на Кафыркала. Интересно, что при высоте рельефа в 3 мм он занимал всю внутреннюю поверхность чаши до перехода стенок к венчику диаметром до 10 см. В центре — фигурка оленя с кольцом на шее, с лентами сзади и с колокольчиком спереди. Вокруг — кайма с растительным орнаментом гуптского толка. Анализ стилистических особенностей изображений на плитах и чаше привел автора к мысли об их связи с местной торевтикой. В тематике изображений В. С. Соловьев видит влияние изобразительного искусства Согда и Ирана.

В 1986 г. В. А. Мешкерис в статье «Отражение индийского культового синкретизма в коропластике кушанской Бактрии» рассматривает образы, так или иначе связанные с индийской иконографией. Подробно останавливаясь на отраженных в терракотовой пластике буддийских образах, их иконографии, она отмечает наличие неканонизированных типов Будды и бодхисаттвы. Помимо чисто буддийских об-

разов автор рассматривает образы, отражающие иконографию иных традиционно индийских культовых образов. В частности, отмечается группа изделий, изображающая в разных вариантах джайнских аскетов. Продолжается дискуссия по интерпретации терракотовой плитки из Термеза с обнаженным персонажем⁷⁸, В. А. Мешкерис поддерживает мнение Г. А. Пугаченковой о том, что это образ тиртханкара или джина.

В стоящих рядом персонажах на терракотовых плитках из Батырабада и Зартепа автор предлагает видеть образы Шивы и Парвати.

Истоки бактрийской сидящей на троне богини В. А. Мешкерис считает необходимым искать «не только в полиэтнографических деталях изображений — в своеобразии этнических черт одежды, в оригинальности атрибутов, — но и в особенностях пластики — в монолитной трактовке формы...».

Подводя итоги иконографического анализа бактрийских терракот, автор приходит к выводу о «многоплановых, сложных проявлениях, отражающих проникновение в Бактрию различных культов Индии» (Мешкерис, 1986, с. 19–30).

Результаты исследований советских и французских археологов на территории Южной Бактрии были представлены в ряде книг, вышедших во второй половине 80-х гг.

И. Т. Кругликова среди материалов археологических исследований на Дильберджине, в контексте всего комплекса материальной культуры, приводит краткие описания изделий терракотовой пластики (Кругликова, 1986). Среди находок из стратиграфических слоев отмечены антропоморфные статуэтки (женская в хитоне с виноградной гроздьей) и зооморфные статуэтки (лошади), а также сосуды с зооморфными ручками в виде кабанчиков.

Интересно, что опубликованная статуэтка с женским персонажем имела десятисантиметровую подставку. Подставки или устойчивость статуэток указывают на установку их на какой-либо горизонтальной поверхности и возможность осмотра без мануального контакта. Датируется изделие кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами. Обломки аналогичных статуэток автор упоминает среди подъемного материала на поверхности поселения. При этом отмечается, что они различаются деталями, нанесенными стекой после оттиска фигурки в форме.

В 1987 г. была продолжена публикация изделий терракотовой пластики с городища Ай-Ханум (Guillaume, Rougelle, 1987). В книге, где рассматривались мелкие предметы с территории всего городища, освещению терракотовой пластики было отведено две главы. В одной из них были рассмотрены статуэтки, в другой — декор на керамике. Кроме того, в первой главе опубликованы два керамических ри-

⁷⁸ Пугаченкова, Ремпель, 1961, с. 63, рис. 63; Ганевская, Заславская, 1977, с. 87–92, рис. 16а, б; Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 101, рис. 103, 2; Пугаченкова, 1982, с. 254.

тона⁷⁹. Статуэтки были разбиты на две группы: антропоморфные и зооморфные⁸⁰. Декор на керамике был подразделен на три группы: эмблематы, налпы на ручках и фрагменты изделий с зооморфными образами неясного назначения. Все образы, используемые на эмблематах, антропоморфные, в основном представлены женскими головками или погрудными изображениями в различных головных уборах: зубчатой короне, калатосе. Декор на ручках был подразделен авторами на антропоморфный и зооморфный⁸¹.

Авторы книги подчеркивают, что в их задачи входила лишь публикация, изучение иконографии и поиск близких аналогий⁸². Предельная краткость в описании вышерассмотренных предметов, акцентирование внимания только на иконографии изображений частично компенсируются уникальностью материала, иллюстрирующего греко-бактрийский период развития терракотовой пластики в регионе. Кроме того, нельзя не отметить, что материал хорошо подан графически и фотографически. Важное значение имеет также представленный авторами индекс, благодаря которому можно определить местонахождение изделий.

В 1987 г. Х. Ю. Мухитдинов представляет уникальную серию матриц с разными иконографическими типами с городища Саксонахур (Мухитдинов, 1987). Все публикуемые изделия происходят из гончарного квартала, в большинстве найдены в печах или помещениях, датируются автором раннекушанским временем (I в. до н. э. — I в. н. э.). Изображения с матриц передают мужской образ в кафтане с ши-

роко расставленными ногами, часто с палицей в руках. Одной матрицей представлен иной иконографический тип — обнаженного мужского персонажа, также с широко расставленными ногами и подчеркнутыми признаками пола. От матрицы сохранилась только нижняя часть, судя по которой, как считает автор, общая высота была не менее 50 см (при средней высоте остальных в 14 см). Анализируя иконографию мужских изображений, автор приходит к предварительному заключению, что они передавали образ Ахура-Мазды.

Суммируя материалы предыдущих своих исследований по терракотовой пластике Саксонахура, Х. Ю. Мухитдинов приходит к выводу, что «... в Бактрии, может быть, в пределах северной ее части, в III–I вв. до н. э. зороастризм являлся господствующей религией» (Мухитдинов, 1987, с. 114).

В этом же году вышла статья С. А. Савчук и А. А. Малькеевой «Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа». Опубликованные изделия с образами музыкантов, кроме заложенной в них информации о музыкальной культуре региона, интересны еще в двух аспектах (Савчук, Малькеева, 1989). Две статуэтки выполнены в комбинированной технике (штампованное лицо и лепное туловище). Одна из них происходит из слоев I–II вв. н. э. Напомним, что ранее Г. А. Пугаченкова датировала статуэтки, выполненные в аналогичной технике, раннесредневековым временем⁸³ (Пугаченкова, 1966, с. 224), тогда как Кампыртепа, так же как и памятники средней Амударьи (Пилипко, 1985), дал изделия с комбинированной техникой, датированные раннекушанским временем.

Т. Дж. Аннаев в статье «Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана» рассматривает достаточно распространенный в Средней Азии вид изделий с использованием терракотовой пластики — кружки с зооморфными ручками. Интерес представляет описанный автором ареал распространения подобных кружек и их особенности в Бактрии. Кружки с подобными ручками обнаружены на Кувекургане, цитаделях городищ Зартепа и Хосият-тепе, а также на Балалык-тепе, Кулаглытепе (Зангтепе) и Айсарытепе (Аннаев, 1987).

Отмечается также, что кружки характерны для скотоводческо-земледельческих племен севера Средней Азии. В археологических комплексах Бактрии кушанского времени кружки имеются в Мирзакул-тепе (верхний строительный горизонт), Халчаяне (западный дом, IV период), Дильберджине (комплекс Сардоба), Кухнакале и позднекушанских комплексах Аккурмана и Ак-тепе, кружка из Дильберджин-тепе — с зооморфной ручкой в виде обезьяны. Подводя итоги, Т. Дж. Аннаев выделяет три типа кружек, которые сформировались к V в. на правобережье Тохаристана: с зооморфной ручкой, с округлым корпусом и одноручные цилиндрические. Прототипами первых двух автор считает

⁷⁹ Ритоны с головой слона и головой льва(?) или широкомордой собаки (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 5, pl. 2, 1 et I, 1, 2).

⁸⁰ Среди антропоморфных статуэток: серия женских статуэток одного типа (фигура, стоящая в хитоне, с рукой у груди); стоящая женщина укороченных пропорций; сидящая женщина с ромбовидным предметом в руке; обнаженная женщина; мужской обнаженный персонаж; мужская голова. Зооморфные статуэтки представлены лошадками и петухом с лапами.

⁸¹ Первый представлен образом Виктории, одетой в хитон, мужскими головками с различными прическами, второй — неясными экземплярами. Фрагменты неясного назначения изделий с зооморфными образами представлены изображениями грифона, утки, льва и др.

⁸² Аналогии образам в греческих костюмах (статуэтки под N 1124–1129 по каталогу) авторы находят в материалах Варки селевкидской и парфянской эпох, в Центральной Азии, на Гяур-кале. Статуэтка (N 1130) аналогична найденной на Средней Амударье, на Омар-кале и датированной II–IV вв. н. э. (Пилипко, 1977, стр. 191 и рис. 2 N 4, рис. 3 N 2). Тип сидящего женского персонажа (N 1132) был найден в Бактрии на Дальверзин-тепе, датирован II–I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1979а, стр. 154, рис. 182), на Савринджан-тепе и Куль-тепе, датирован I–II вв. н. э. (Пугаченкова, 1979а, стр. 156, рис. 186–7).

Многочисленные библиографические ссылки по статуэткам всадников в Центральной Азии были даны Франкфортом (Frankfort, 1984, p. 41). Статуэтка 1133 подобна статуэткам, найденным на Дильберджине (Кругликова, Пугаченкова, 1977, стр. 41, рис. 32 N 3) и Айртаме, датированным кушанской эпохой (Тургунов, 1973, стр. 76, рис. 5). Статуэтке под № 1135 авторы видят аналогии в статуэтках Барат-тепе (Пугаченкова, 1973, стр. 112, рис. 27).

⁸³ Считалось, что подобные статуэтки распространяются в раннем средневековье, на примере согдийских материалов.

кружки с зооморфными ручками и кружки с округлым корпусом культуры Каунчи. Третий тип выделяется как автохтонный.

Важное значение имело появление статьи «Применение спектрального анализа для изучения керамики Северной Бактрии», написанной С. В. Вивденко. Впервые в исследованиях терракотовой пластики были использованы естественно-научные методы (Вивденко, 1987). Эмиссионный спектральный анализ применен автором в исследовании 50 образцов керамических форм с памятников различного хронологического диапазона (бронза, раннежелезный век). Среди них рассматривалось 12 образцов керамики, в том числе с использованием терракотовой пластики, с кушанского поселения Ялангтуш-тепе. Причем именно эти последние образцы выделились в особую группу с повышенным содержанием меди, что позволило автору предположить, что «изготовление керамики, украшенной штампованным рисунком, было монополией отдельных гончарных мастерских, имевших свои технологические традиции» (Там же, с. 40). Безусловно, результаты исследований предварительны в связи с малыми выборками проб. Кроме того, автор видит необходимость использования в дальнейшем комплексного метода с помощью химического, рентгеноструктурного, петрографического и других видов анализа.

В 1987 г. в статье «Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок» Ш. Р. Пидаяев характеризует археологические комплексы по хронологическим периодам. Представляется важным отметить обобщения автора, связанные с развитием основных иконографических образов в терракотовой пластике.

В слоях греко-бактрийского периода отмечается находка женской статуэтки из слоновой кости (Пидаяев, 1987, с. 89). В кушанском периоде автором было выделено 3 этапа. Для первого — раннекушанского — были отмечены терракотовые статуэтки всадников-идольчиков, сидящих богинь в плотной верхней одежде и статуэтки Будды (Там же, с. 90). Для среднекушанского этапа отмечается увеличение числа изделий со штампованным орнаментом. В позднекушанском особое место занимают сосуды, украшенные штампованными налпами зооморфного характера, а также декоративного. Появляются штампы «ступни Будды» и «колеса Будды», имеющие символическое значение. В слоях этого этапа обнаружены статуэтки лошадей, всадников и богинь (Там же, с. 92). Для раннесредневекового периода был отмечен налп на кувшине с реалистичным изображением головы богини, кроме того, была упомянута статуэтка верблюда.

В 1987 г. Г. А. Пугаченкова в контексте археологического исследования многослойного памятника Шор-тепе публикует ряд изделий терракотовой пластики⁸⁴.

Автор высказывает мнение, что изготовление терракотовых статуэток было связано с городской традицией. Ввиду того, что на Шор-тепе были найдены две матрицы⁸⁵ с изображением женских персонажей, автор предполагает, что они производились на памятнике. Шор-тепе характеризуется как крупное многоотраслевое хозяйство (крупные размеры комплекса и огромное число помещений (до 150); разнообразие хозяйственных функций, сочетавших сельскохозяйственный труд (изготовление муки, вина) и всевозможные ремесла (обработка металлических изделий, ткачество, изготовление терракотовых статуэток Великой Бактрийской богини)). Оно могло принадлежать богатому владельцу, но скорее всего — храму, Г. А. Пугаченкова связывает его с культом богини, изображенной на матрицах (Пугаченкова, 1987а, с. 44). Представляется, что две матрицы с разными иконографическими типами женских образов, полученные не *in situ* в месте производства и даже вне стратиграфических условий, — недостаточное основание для высказанных предположений.

Еще одна статья Г. А. Пугаченковой, «Геракл в Бактрии», вышедшая в 1987 г., была посвящена рассмотрению иконографии Геракла, отраженной в различных видах материальной культуры, в том числе в изделиях терракотовой пластики⁸⁶. Кроме того, в статье затрагиваются вопросы

с повернутой набок головкой» (на одноручном кувшинчике на высоком поддоне), вероятно, обезьянка (всего в слое 3 таких изделия); «не то льва, не то широкомордой собаки» (петельчатая ручка); «стилизованная фигурка животного с приподнятым длинным рыльцем, широкими ушами и крутой, в параллельной штриховке, Э-совидной спинкой». Автор считает, что это не кабанчик, а еж, которого как зверька-змеелова всегда ценили в Средней Азии. В материалах Шор-тепе присутствует еще один вид терракотовой пластики — фрагмент фигурного сосуда, выполненного в виде головки быка с оттиском звезды над лбом. Также отмечена керамика с налпами (тонкостенный сосуд с налпом в виде львиной морды). Назначение изображений, как считает автор, — магическое. Предполагается, что появление их на кушанской керамике в одних случаях навеяно суевериями местной скотоводческой среды, в других (обезьянки) — влиянием Индии. Упоминаются также статуэтка с изображением торса мужчины в кушанском кафтане с наколами, рельефная мужская головка со схематично моделированными чертами и короткими волосами, обозначенными наколами (датировка и место нахождения не указаны).

⁸⁵ Первую, подъемную матрицу автор предлагает датировать раннекушанским временем (ШТ-4). Матрица несет изображение стоящей женщины в драпирующемся хитоне и гиматии эллинистического типа. Вторая матрица (плохой сохранности) передает «более локальный образ сидящей женщины в высоком головном уборе и тяжелой накидке, причем и то и другое украшено рельефными кружками». Датировка и место обнаружения этого изделия не приводятся. Описание матриц дается без указания размеров и анализа деталей технологии изготовления.

⁸⁶ Среди последних автором упоминается нижняя половина плитки с рельефным изображением Геракла, стоящего прямо, широко раздвинув ноги, с опущенной палицей в правой руке и львиной шкурой — в левой, которая была найдена при раскопках Балха, в слое, датируемом рубежом кушанского и кушано-сасанидского времени (Gardin, 1957, р. 56–57, pl. X-2). При раскопках загородного жилого дома, расположенного близ южных ворот Дильберджина, автором была найдена терракотовая плитка в слое II — начала III в. н. э., датированная

⁸⁴ В комплексе слоя ШТ-5 отмечается керамика с зооморфными ручками, изображения на которых тракуются так: «гибкое животное

интерпретации группы лепных фигурок, найденных в Дильберджине⁸⁷.

В исследовании приводится несколько обобщающих выводов. В составе бактрийско-кушанской коропластики Г. А. Пугаченкова выделяет две группы терракот — штампованные и лепные, — считая, что те и другие выполнялись одними мастерами, в одних и тех же керамических печах, и радикально отличались только иконографией. Одни, по мнению автора, представляли ремесленный повтор художественных образцов, другие выполнялись обобщенно, идолоподобно, из чего вытекает, что эта разница демонстрирует «не профессиональное неумение — и те и другие терракоты встречаются в единых археологических слоях, — но специальный спрос на такие абстрактно трактованные статуэтки» (Пугаченкова, 1987б, с. 75).

Использование типичных лепных всадников со схематически намеченными зашипом чертами лиц в оформлении ритуальных курильниц автор считает фактом, «не оставляющим сомнений в их связи с какими-то культами — скорее всего, культами племен, нахлынувших во II в. до н. э. в Бактрию и продвинувшихся затем дальше на юг, к которым и принадлежал род Кушанов. Иконографическим воплощением их обожествленного предка становятся упомянутые идолоподобные всадники и наlepные фигурки бактрийской коропластики» (Пугаченкова, 1987б, с. 75). Можно только еще раз подчеркнуть значимость перекрестного рассмотрения различных видов терракотовой пластики, которое дает иногда принципиально новый взгляд на значение как самих изделий, так и образов, ими отображенных.

В заключении статьи Г. А. Пугаченкова высказывает предположение о синтезе культуры бывших степняков и местного населения, считая вероятным наложение культа воинственного предка на близкий по своему значению культ бактрийского божества, пользовавшегося особым почитанием в военной среде. К культу последнего, как считает автор, имеют отношение мужские лепные статуэтки из дильберджинского бастиона.

В 1987 г. выходит книга А. В. Седова «Кобадиян на пороге раннего средневековья», где автор суммирует и анализирует археологические материалы памятников долины Кафирнигана, выделяя комплексы узкого промежутка времени (кушано-сасанидского) и сопоставляя их с комплексами соседних районов Бактрии. Среди прочего материала анализу были подвергнуты некоторые виды

терракотовой пластики⁸⁸, часть из них только упоминается⁸⁹ (Седов, 1987).

В главе «Вопросы хронологии. Кобадиян в IV–V вв. н. э.» А. В. Седов приводит археологические комплексы кушано-сасанидского времени из разных районов Бактрии. Вопросы терракотовой пластики были затронуты при сопоставлении материалов Кобадияна с данными из городищ Яван, Халкаджар, Зартепа, Аккурган.

Сравнивая материалы разных районов Бактрии, А. В. Седов приходит к следующим выводам: в отличие от Явана, «для Кобадияна не характерен прием украшения бортиков чаш налепами-масками в виде детских головок или головок животных. Значительно более разнообразны варианты штампованного орнамента, в основном — пальметты различного рода» (Там же, с. 79). Кроме того, автор считает, что в слоях Яванского городища довольно много терракотовых статуэток, а в Кобадияне они практически отсутствуют.

Среди материалов Халкаджара автор выделяет и публикует статуэтки женщин, мужчин, всадников, коней, а также зооморфные изображения на керамике, относя к последним фигурные ручки и налепы. Статуэтки представлены несколькими иконографическими типами: стоящая женская фигура в длинной одежде, на голове которой кокошник с расходящимися лучами (Там же, рис. 31, 1), и всадники — антропоморфные схематичные лепные с коническим головным убором. К числу статуэток автор относит также плитки с рельефными изображениями мужских персонажей в кафтанах, применяя к ним одновременно термины «пластины», «фигурки», «терракоты», «статуэтки». Наиболее многочисленной группой статуэток считаются фигурки коней.

Среди зооморфных изображений на керамике отмечается головка барана, смотрящего вверх, украшавшая ручку красноангобированной кружки или кубка-чаши. Голова козла с витым рогом в виде налепа украшала основание ручки тагора (Там же, с. 83–84, рис. 32, 4).

При сопоставлении кобадианского археологического комплекса с зартепинским А. В. Седов отмечает многочисленные совпадения в керамических материалах. Так, близкими кобадианским являются «основные типы столовой кухонной и тарной посуды, приемы ангобирования

монетами Васудевы I и II, с изображением нагого мужчины в аналогичной позе (Кругликова, Пугаченкова, 1977, ч. 2, с. 100–101, рис. 103, 3). Иконографический облик Геракла на территории Северной Бактрии автор видит также в головке-налепе с городища Зартепа (Альбаум, 1960, с. 21, рис. 8).

⁸⁷ Они были найдены напротив галереи 1/11, где располагалась статуя Геракла, в бойнице. В нее входили 4 крупные мужские фигурки (с головами, вероятно, 32–25 см) и 4 небольшие женские (8–10 см). Первые в трехчетвертном объеме, вторые — круглые, устойчивые.

⁸⁸ К кушано-сасанидскому времени автор относит часть погребений в наусах Тепаи-Шах, в том числе терракотовую статуэтку-образок с изображением Авалокитешвары из сооружения I, ранее датированную IV–V вв. н. э. На поселении Ак-тепе, в раскопе I, в святилище, был обнаружен сосуд с двумя фигурными зооморфными ручками, с налепами голов козлов и несколькими рядами различных оттисков штампов, интерпретированный автором как культовый (Седов, 1987, с. 57–58, рис. 26). Не найдя аналогий, автор, тем не менее, отмечает стилистическую близость его с пенджикентскими сосудами со сливами в виде головок быка.

⁸⁹ Так, из подъемного материала кушано-сасанидского времени с поселения Хишт-тепе было упомянуто несколько терракот без дальнейшего описания. Для понимания их значения важно предположение, что Уштур-мулло — буддийский монастырь — мог вместе с Хишт-тепе составлять единый комплекс.

и орнаментации сосудов, вплоть до антропоморфных налепов у нижнего основания ручек кувшинов, правда, иного, неизвестного для Кобадияна типа» (Завьялов, 1979, с. 146–147, рис. 5, 6; Седов, 1987, с. 87).

Отличие автор видит в обилии в керамике Зартепа всевозможных зооморфных, антропоморфных и геометрических налепов (головки львов, обезьян, козлов и др.), декорировавших не только основания ручек кувшинов, но и стенки чаш, носики и сливы сосудов, верхние части ручек кубковидных чаш или кружек. Кроме того, отличительной чертой зартепинского комплекса является и обилие антропоморфных и зооморфных терракотовых статуэток (Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 3, 1–5; Завьялов, 1979, с. 150, рис. 7; 1981, с. 65–69, рис. 1).

Аккурганские материалы отличаются от кобадианских наличием чаш с налепами по краю в виде головок львов и широкогорлых кувшинов с налепами на ручках (Пидяев, 1978, рис. 20, 21, табл. X, 29). На Аккургане найдена довольно большая коллекция терракот — образец с изображением Будды, статуэтки женщин, животных, птиц. Не исключено, что какая-то часть находок перемещена из более ранних слоев памятника, однако многие из них относятся к кушано-сасанидскому времени. В Кобадияне же, за исключением одного образца с изображением Авалокитешвары из тепаи-шахского науса, терракотовые статуэтки не найдены, как считает автор (последнее не согласуется с материалами, опубликованными в книге «Тепай-шах»). Целый ряд памятников Южной Бактрии — Дильберджин, Джига-тепе, Чакалак-тепе, Дурмон-тепе — также обнаруживают широкие аналогии с Кобадияном рассматриваемого периода.

В связи с находкой на Ак-тепе II налепа под ручкой ойнохоевидного кувшина автор отдельно останавливается на анализе аналогичных изделий, месте и времени их бытования. Традиция налепов и оттисков на керамических сосудах с изображениями человеческих головок была широко распространена в Средней Азии (Пугаченкова, Ремпель, 1961, с. 79–80, 166), в частности в ее южных районах. Кроме упомянутых налепов на сосудах из Яванского городища, Зартепа и Джига-тепе автор приводит несколько головок-налепов с городища Тали-Барзу, найденных в слоях ТБ-III и ТБ-IV. Один из них, с оттиском мужского лица, помещен у основания ручки ойнохоевидного кувшина (Григорьев, 1940, с. 95, 101, рис. 66; Мешкерис, 1962, табл. X, 112). На городище Туткаул в Южном Таджикистане, в слоях VII–VIII вв., найдена верхняя часть кувшина с налепом человеческой головы. Здесь налеп помещен на плечиках передней части сосуда, под сливом (Атаханов, 1968, с. 54, рис. 2). Аналогии налепам в виде человеческих головок, в том числе расположенным под ручками сосудов, автор видит в керамике Хотана.

На основании детального анализа иконографии изображения налепа из Ак-тепе II А. В. Седов приходит к выводу о его стилистической близости сасанидским геммам. Сопоставляя время возникновения отдельных иконографи-

ческих элементов в этом виде изобразительного искусства с деталями актепинского налепа, автор датирует налеп IV — началом V в. н. э. Одновременно это изделие становится одним из аргументов в предложенной автором датировке рассматриваемого археологического комплекса Кобадияна.

В 1988 г. К. А. Абдуллаев вновь обращается к образу Геракла в бактрийском изобразительном искусстве⁹⁰. Анализ и сопоставление автором деталей иконографии изображений Геракла с различными памятниками приводит его к выводу о том, что в коропластике Бактрии этот образ приобретает синтезированные черты греческого (нагота, поза, атрибуты) и иранского (корона с лентами, мягкая трактовка тела, изменение деталей) ваяния (Абдуллаев, 1988б).

Г. А. Пугаченкова в статье «Образы божеств в скульптуре Тохаристана времени Кушан» дает обзор основных иконографических типов терракотовых статуэток (Пугаченкова, 1989а). Она считает, что статуэтки богинь наиболее распространены среди терракот, находимых на городищах Бактрии-Тохаристана. Подчеркивается преобладание «оттиснутых» изделий по сравнению с лепными. К самым ранним были отнесены фигурки нагой богини с вытянутыми вдоль тела руками и венцом на голове, имеющие почти круглый объем. Изменяется отношение к женским обнаженным образам с тяжелыми ожерельями и в опоясках⁹¹. Теперь автор связывает появление этого типа с влиянием Индии в кушанское время. К основным атрибутам женских персонажей относятся плод, ветвь, цветок, зеркало, иногда младенец. Отмечается малое количество мужских статуэток, преобладание лепных всадников (Там же, с. 29–31). Также отмечается, что в коропластике Тохаристана встречаются канонические фигурки будд, бодхисаттв, стоящих или, в основном, сидящих, находки которых немногочисленны.

Э. В. Ртвеладзе в статье «Культовые и погребальные памятники кушанского времени на Кампыртепа» публикует лепную статуэтку женщины с голубем в одной и плодом в другой руке⁹². Описание приводится в контексте всего археологического комплекса с детальным описанием инвентаря

⁹⁰ Автор рассматривает иконографические детали на терракотовых плитках с рельефным изображением мужского персонажа, интерпретированного ранее как Геракл. Рассматривается терракотовая плитка с изображением нагой мужской фигуры с палицей, найденная на памятнике Кара-пичок и интерпретированная как Геракл-Веретрагна. Как близкая аналогия приводится терракотовая статуэтка Геракла-воина из Барат-тепе. Интерпретируется она по-разному: как герой-змееборец (Ртвеладзе, Хакимов, 1973, с. 28) или как Зохак (Пугаченкова, 1973, с. 78–128). А. К. Абдуллаев отмечает, что в качестве аналогий упомянутым изображениям в обоих случаях приводится зартепинская плитка с Лаокооном, по интерпретации Л. И. Альбаума (Альбаум, 1961).

⁹¹ Ранее автор относил их к III–II вв. до н. э. (Пугаченкова, 1979а, с. 152, рис. 178, 179).

⁹² Скульптура обнаженной женщины в полный рост, вылепленная вручную из глины и покрашенная в красный цвет. На левом плече и на талии сохранились отпечатки ткани. На одном глазу сохранились следы черной краски.

(Ртвеладзе, 1989). Автор отмечает, что обычай помещения статуэток в погребения, столь широко распространенный в странах эллинистического мира, не свойственен Бактрии, что идолы в погребениях широко распространены у сармато-аланских, а также тюркоязычных племен, подчеркивая, что кампыртепинская статуэтка не имеет общих черт с их иконографией.

В итоге Э. В. Ртвеладзе заключает, что «помещение данной скульптуры в могилу имеет определенное сакральное значение, отражающее ее связь с погребальным культом» (Там же, с. 232).

В этом же году Г. А. Пугаченкова, рассматривая ранее опубликованную лепную статуэтку обнаженной женщины с голубем из захоронения в крепостной башне Кампыртепа, делает следующее обобщение: «В многочисленных исследованных к настоящему времени погребениях Северной Бактрии с труположением, или с сохранением костных останков, или с кочевническим обрядом, хотя и содержащих разнообразный инвентарь, статуэтки крайне редки. Наличие таковой в кампыртепинском захоронении позднекушанского времени указывает на воззрения, допускавшие помещение здесь скульптурного образа богини-матери» (Пугаченкова, 1989б, с. 18)⁹³.

Терракотовая плитка с изображением сидящей богини, в левой руке которой обнаженный мальчик-сатир(?), в другой — птица Сириш(?) или сфинкс(?), была упомянута в статье «Цитадель Кампыртепа». Изделие было обнаружено в помещении 2, над нижним полом (Савчук, 1989, с. 73–80).

В 1990 г. К. А. Абдуллаев и Т. Аннаев в контексте археологических материалов Зартепа описали ряд изделий терракотовой пластики⁹⁴. Исследование упомянутых изделий

приводит авторов к выводу, что «в целом для V–VIII вв. н. э. на территории Северного Тохаристана наблюдается значительное сокращение изделий мелкой пластики. Так, около 50 изученных раннесредневековых памятников дали 22 терракотовые статуэтки. Сходная картина наблюдается среди синхронных раннесредневековых комплексов Юго-Восточного Таджикистана, где до настоящего времени отмечается отсутствие образцов терракотовой пластики. Резкое сокращение терракотовой скульптуры объясняется особенностями архитектурного развития раннесредневековой поры, для которой характерно преобладание высотной архитектуры в сельском ландшафте, а также тем, что наличие в культовых комплексах монументальной скульптуры и настенной живописи ограничивало использование статуэток в качестве культовых предметов» (Абдуллаев, Аннаев, 1990, с. 24). В своих размышлениях авторы опираются на ранее высказанное А. В. Седовым мнение⁹⁵, спорность которого ранее нами уже подчеркивалась. Относительно влияния особенностей архитектурного развития на сокращение мелкой пластики можно возразить, так как аналогичные процессы в архитектуре, к примеру, Южного Согда в период раннего средневековья, которые никак не сказались на количестве терракотовых изделий.

Одной из немногочисленных работ, построенной на естественно-научных методах исследования терракотовой пластики, стала диссертация С. В. Вивденко (Вивденко, 1990). Примененные методы позволили автору установить, что терракотовые изделия греко-бактрийского периода существенно отличаются от изделий кушанского периода. Для раннего периода установлена следующая технологическая схема: тщательный отбор и очистка глиняного сырья, о чем свидетельствуют низкое содержание естественной обломочной примеси, ее небольшие размеры и равномерное расположение; низкий уровень технологии обработки, что очевидно из почти полного отсутствия искусственно введенного отощителя и низкой температуры обжига.

Для изготовления терракотовой пластики кушанского периода характерны и высокое качество отбора и очистки глиняного сырья и высокая технология обработки, подобные греко-бактрийским. О последнем обстоятельстве говорит

⁹³ Помимо этой статуэтки, публикуется целый ряд изделий: матрица для оттиска головы римского типа крупных размеров, 12,6 × 6 см, по мнению автора, изготовленной оттиском с мраморной или бронзовой скульптуры эллинистического времени, но использовавшейся позднее, в кушанское время; статуэтка обнаженной богини-матери с вытянутыми вдоль тулова руками; статуэтки музыкантов — мужские фигурки с горизонтальной, поперечной и многостольной флейтами, датированные временем не позднее II в. н. э.; плитка с изображением римского воина с щитом; статуэтка мужского бородатого персонажа, выполненная в комбинированной технике (штампованная голова, лепное тулово), передающая образ «мифического обожествленного царя»; из Дуньоте (Будрач) происходят статуэтки в виде головки «юноши» в головном уборе с «крыльями» на фоне нимба. «К разряду античных терракот... относятся крупные очажные подставки (II в. до н. э. — начало I в. н. э.) из Булакбаши, которые типологически восходят к раннему этапу так называемой культуры Каунчи. Они оформлены по краям головками животных — козла, быка, а на некоторых экземплярах не то овечьей, не то женской личиной» (Пугаченкова, 1989б, с. 21). Автор считает, что значение этих образов магическое и связано с культом огня и животного мира.

⁹⁴ В одном слое с монетой Хормизда был обнаружен фрагмент сосуда, украшенного штампованными налечами. Единственный сохранившийся налеп выполнен в технике высокорельефного штампа, передает изображение головы антропоморфизированного хищного зверя с львиными чертами в обрамлении округлых выступов-перлов. Относительно последних авторы отмечают, что «приемы декоративного

обрамления в виде “перлов”, заключающих в центре изображение зооморфного или антропоморфного характера, напоминают технику зерни в художественном металле и большей частью связаны с созданием образцов торевтики. Наглядным примером тому могут служить изделия сасанидского серебра... О широком распространении подобного приема в керамической орнаментике на довольно обширном пространстве свидетельствуют многочисленные образцы художественной терракоты Хотана... появление мотива “перлов” в керамике можно связать с подражанием изделиям из благородных металлов...» (Абдуллаев, Аннаев, 1990, с. 22). В слоях, датируемых монетой кушаншаха Пероза, была найдена терракотовая фигурка слона. В синхронном слое было обнаружено терракотовое изображение женского божества, интерпретированного авторами как богиня Арамати или Нана. Терракота высокого рельефа выполнена в технике штампа.

⁹⁵ Седов, 1987, с. 79.

оригинальное новшество: обильное включение в тесто слюдястых отошителей, до 35–40%, которые при низкой температуре обжига (650–750, реже 850 °С), позволяют получать плотный и прочный, качественный черепок.

Более того, если в греко-бактрийский период производство терракот и керамики не имело принципиальных различий, то в кушанский период керамика и терракотовая пластика отличаются и составом теста, и температурой обжига. В свою очередь, и между отдельными категориями терракотовой пластики были выявлены технологические различия. Так, статуэтки бактрийского типа, всадники на лошадах, фигурные сосуды изготавливались по технологическому канону, сформировавшемуся в раннекушанский период и дающему высококачественную продукцию. Статуэтки коней, богинь юэджийского типа выполнялись более примитивно, со смешением технологических элементов (Вивденко, 1990, с. 14–55).

В 1990 г. Ш. Р. Пидаев продолжает публикацию материалов Зартепа (Пидаев, 1990). В слое, датированном по керамике III–IV вв. н. э., были найдены статуэтки лошадей с всадниками и без них (8 экземпляров). Автор отмечает, что ареал распространения всадников и лошадок широк, самые близкие аналогии автор видит в Дальверзин-тепе (Пугаченкова, 1973, с. 125–127; Исакова, Исаков, 1978, с. 164–165), Старом Термезе (Козловский, Некрасова, 1976, с. 36–37), Аккургане (Пидаев, 1978, с. 77–79), Зартепа (Завьялов, Осипов, 1976, с. 53), Мирзакул-тепе (Пидаев, 1975, с. 59–63) и во многих других памятниках. Одним экземпляром представлена уникальная статуэтка барана с двумя головами, обращенными в противоположные стороны. Кроме статуэток с раскопа были получены три сосуда с фигурными ручками: одна в виде свињи и две в виде ежей. При этом автор упоминает другой вариант трактовки последних — как голов козлов (Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 32). Особое значение имеет интерпретация в целом «холма», давшего вышеупомянутые изделия, как места расположения военного форта, а помещения — как казарм, поскольку это может косвенно указывать на назначение этих изделий.

В 1990 г. К. А. Абдуллаев вновь обращается к ранее рассмотренному иконографическому типу статуэток, изображающему женский полуобнаженный персонаж с ожерельем на груди (Пугаченкова, 1973, с. 106–107, рис. 21; 1979а, с. 152, рис. 78, 79; Литвинский, Седов, 1983, с. 23–26, табл. IV, 1; XXII, 3). Автор анализирует группу статуэток, несущих близкие образы, из Барат-тепе, Зартепа, Кургантепе, Тепаи-Шах, Фаяз-тепе и Старого Термеза. Сопоставляются и анализируются все иконографические детали. Особое внимание уделяется рассмотрению украшений. По итогам этого анализа, а также на основе приведенных аналогий в различных видах искусства, в том числе в монументальных, предлагается интерпретация образа как синкретического, отражающего иконографию как яхшинь, так, возможно, и Атаргатис. В целом, хронологические рамки данной группы терракот К. А. Абдуллаев предлагает расширить до II–IV вв. н. э.,

отмечая, что наибольшее распространение они получают в III–IV вв. н. э. (Абдуллаев, 1990б, с. 70).

В этом же году Г. А. Пугаченкова опубликовала тезисы доклада «Парфянский след в Северной Бактрии», в которых среди произведений монументального искусства, нумизматических материалов и предметов погребального обряда, свидетельствующих о связях с парфянской культурой, упоминает также терракотовую статуэтку из Дальверзин-тепе (Пугаченкова, 1990а, с. 82–83).

Изображениям кандиза в кушанском искусстве была посвящена работа Т. К. Мкртычева (Мкртычев, 1990а). Анализ этого вида иранского костюма на произведениях монументальной скульптуры позволил автору увидеть в двух однотипных терракотовых статуэтках из Старого Термеза и Айртама изображение донатора в кандизе. Автор отметил, что эти изделия «демонстрируют процесс тиражирования монументального искусства в малых формах, который способствовал распространению буддийского искусства среди населения Северной Бактрии» (Мкртычев, 1990, с. 68).

В 1991 г. Г. А. Пугаченкова в статье «Культовые курильницы Северной Бактрии» обобщила имеющиеся по этому виду изделий данные. На основе морфологии ею было выделено два типа курильниц⁹⁶.

На Кампыртепа, в помещении с длинной суфой, интерпретировавшемся как «ката», был обнаружен целый комплекс курильниц. Эта находка, а также обнаружение курильниц в храме Бактрийской богини на Дальверзин-тепе, по мнению автора, «не оставляют сомнений в их связи с культами и божествами Авесты. Ритуальное назначение курильниц определило пластическое оформление некоторых из них» (Пугаченкова, 1991, с. 102, 104). Скульптурно украшались в основном профилированные курильницы, на расширенном основании которых размещались три фигурки либо головки животных, в одном случае — три мужские статуэтки.

Зверь кошачьей породы на курильнице из Дальверзин-тепе, по мнению Г. А. Пугаченковой, «мог попасть с сако-юэджами, в культуре которых он ярко высвечен, но не исключено и местное верование, так как снежный барс водится в Притяньшанье». Как редкий отмечается мотив козла, это указывает на ритуальное значение сосуда, считает автор.

⁹⁶ 1 — с расширенным, часто полым внутри основанием, иногда на трех ножках, профилированный ствол с широким дисковидным манжетом наверху, на котором покоится чашевидный резервуар; 2 — конусовидное полое изнутри тулово, несущее подобный же резервуар. Пункты находок: Кургантепе — 8 экз., один из докушанского стратиграфического горизонта; Халчаян — 2 экз., один — с головой конька на полу дворцового зала, другой — с тремя мужскими фигурками из слоя под полом дворца; Куль-тепе — 1 экз. с фигурками шествующих коней; Дальверзин-тепе — 5 экз., из них 3 — в храме бактрийской богини, в слое Великих Кушан; Барат-тепе — 1 экз.; Балалык-тепе — 1 экз., в литературе датируется VI–VII вв. н. э.; Хайрабад-тепе — 4 фрагмента, относятся к VI–VII вв. н. э.; Узбекон-тепе — 1 экз., в литературе датируется VI–VII вв. н. э.

Описывая курильницу из Куль-тепе, оформленную тремя фигурками коней, а также фрагмент аналогичной курильницы из Халчаяна, автор отмечает популярность образа коня в коропластике Бактрии-Тохаристана. Приводя данные письменных и этнографических источников о культе коня и зонах его происхождения, Г. А. Пугаченкова отмечает, что Тухоло (Тохаристан) являлся зоной разведения лошадей. Автор также связывает этот культ с юзджами. Не отрицая возможность такой связи, стоит напомнить об отсутствии статуэток коней в Фергане — области, традиционно связанной с разведением высокопородных лошадей. Статуэтки коней во многих регионах Средней Азии известны с III–II вв. до н. э., что позволяет усомниться в правильности предположения Г. А. Пугаченковой. Во всяком случае, могли быть и внутренние причины возникновения культа коня.

Отмечается также, что «в бактрийской коропластике одновременно со статуэтками коня получают распространение фигурки всадника на коне, выполненные вручную грубоватой лепкой, передающей антропоморфный образ божка-идольчика, по-видимому, связанный с культом степного предка. Три таких идольчика оформляют курильницу из Халчаяна, найденную под полом дворца. Датировка ее, как было указано, — не позднее рубежа н. э. То есть курильница восходит ко времени закрепления в Северной Бактрии юзджей, когда, возможно, они приобщались к местной авестийской религии и ее обрядам, которые, в свою очередь, адаптировали близкий недавнимномадам культ предков и связанные с ним представления» (Пугаченкова, 1991, с. 107).

Из курильниц второго типа украшение имеется только на балалыктепинской, на одной ее стороне матрицей оттиснута женская головка, как подчеркивает автор, типологически близкая античным образцам Великой Бактрийской богини, встречающимся во всем регионе в первых веках до н. э. и в начале н. э. Г. А. Пугаченкова предполагает, что могла быть использована старая матрица, так как в раннее средневековье культ Великой богини уже не играл в Тохаристане былой роли.

Автор отмечает, что ареал распространения курильниц достаточно узок, вне Бактрии курильницы редки⁹⁷. Нет их и в буддийских комплексах. В Согде, в храме Великой богини на Еркургане, возведенном во II–III вв. н. э. и окончательно заброшенном в VI в. н. э., были обнаружены фрагменты нескольких курильниц и одна целая, на резервуаре которой помещались три женских скульптурных изображения — как считает Г. А. Пугаченкова, явное указание на связь предмета с культом, которому был посвящен храм.

Г. А. Пугаченкова отметила, что курильницы Северной Бактрии входили «в состав ритуальных объектов местной разновидности религии Авесты, употреблявшихся в доисламские времена в церемониях почитания Великой богини

(богинь?) и празднества поминовения усопших в дни Фравартигана. Они дают представление об одной из разновидностей инвентаря богослужений и ритуалов, а элементы их украшения — об образах и символах, связанных с местными верованиями» (Пугаченкова, 1991, с. 109).

В 1991 г. был издан каталог археологических находок с памятников юга Узбекистана, т. е. с части древней территории Северной Бактрии-Тохаристана. В книге представлены фотографии изделий терракотовой пластики. Можно отметить их высокое качество, позволяющее провести полноценную работу с отснятым материалом. Все фотографии имели сопроводительный комментарий, включавший краткое описание материала, техники изготовления, размера, места находки и датировку. В каталоге представлены изделия из нескольких памятников эпохи античности и раннего средневековья: Халчаяна, Дальверзин-тепе, Кампыртепа, Барат-тепе, Будрача и т. д. (Древности Южного Узбекистана, 1991).

В. А. Мешкерис в 1991 г. публикует статью «Опыт периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана». Автор предлагает хронологическую колонку, в построении которой использовались данные стратиграфических шурфов и разрезов. Выборка этих комплексов осуществлена на основе изучения материалов стратиграфически датированных слоев Ай-Ханума, Кей-Кобад-Шаха, Халчаяна, Дальверзин-тепе, Зартепа, Кампыртепа, Тепаи-Шаха и шурфов Старого Термеза. В. А. Мешкерис было выделено две фазы в развитии коропластики региона: архаическая (восточно-эллинистическая) и классическая (самобытная, бактрийско-тохаристанская). Первая подразделялась на айханумский комплекс III–II вв. до н. э. и халчаянский II в. до н. э. — сер. I в. н. э. Классическая фаза подразделена на дальверзинский комплекс I–III вв. н. э. и зартепинский IV–V вв. н. э. Крайне важна, на наш взгляд, корреляция автором каждого из выделенных комплексов с монетным и керамическим материалом памятников. Ранее корреляция конкретных изделий терракотовой пластики с археологическим комплексом, из которого они происходят, и шире — которым они датируются, на таком уровне не проводилась. Это, несомненно, большой прорыв в подходе к рассматриваемому материалу. Однако интересная модель классификации с важными нововведениями при ближайшем рассмотрении вызывает ряд вопросов. В частности, рассмотрим айханумский комплекс, в который были включены изделия из кости из Ай-Ханума, Халчаяна, Старого Термеза и терракотовые статуэтки из Ай-Ханума и Кампыртепа. Неясен принцип отбора иконографических типов из материалов Ай-Ханума. Выбор изделий, на наш взгляд, произволен и не отражает даже основных иконографических типов, представленных в терракотовой пластике памятника, в частности — женского стоящего персонажа в одежде эллинизированного типа (Guillaume, Rougelle, 1987, р. 60–61 (N 1124–1129)). Относительно представленной статуэтки из Кампыртепа можно только отметить, что она происходит из переотложенного слоя. Это неоднократно

⁹⁷ В Таксиле было найдено только 4 экземпляра из верхнего «парфянского» слоя I в. н. э., которые Д. Маршалл связывает с парфянской средой.

подчеркивалось публикаторами статуетки, и, как следствие, в литературе она несколько раз передатировалась на основании анализа стиля и иконографии с I–II вв. н. э. до II в. до н. э. — I в. н. э. (Савчук, 1984, с. 40; Древности Южного Узбекистана, 1991, с. 289). Основания для вычленения именно этой группы изделий автор в основном находит в единичных иконографических источниках — передневносточного эллинизма. Оценивая ранние терракоты Саксонохура, которые датируются III–II вв. до н. э., автор сочла возможным не включать их на основании наличия аналогичных типов в более поздних комплексах и в несвойственном для изделий архаической фазы линейном приеме, сочетающимся с минимальной объемностью. Таким образом, несмотря на заявленное построение периодизации на изделиях, надежно датированных стратиграфически, на наш взгляд, фактического и последовательного вычленения изделий по стратиграфическим данным автором не проводилось. Выборка изделий, характеризующих отдельный период развития коропластики, проводилась, на наш взгляд, под давлением выстроенной на стилевом анализе искусствоведческой концепции.

В 1992 г. С. В. Вивденко публикует тезисы «Исследование древних технологий Северной Бактрии». Здесь суммируются результаты, полученные в ходе применения естественнонаучных методов исследования керамического материала, и в том числе изделий терракотовой пластики.

Автор считает, что в каждом регионе Средней Азии существовали свои технологические особенности, связанные либо с процессом выбора и подготовки сырья, либо с режимом обжига. «Для керамического изделия Бактрии характерен определенный набор обломочных пород, среди которых преобладают слюдяно-кварцевые и кварц-полевошпатные, в керамике Согда обязательным обломочным материалом становятся кремнистые породы» (Вивденко, 1992, с. 36).

В результате проведенных С. В. Вивденко исследований было установлено, что изготовление культовой посуды и терракот отличалось от обычного керамического производства, в частности — пониженной температурой обжига.

С процессом эллинизации Северной Бактрии автор связывает «резкое изменение технологического характера греко-бактрийской керамики, ее явную технологическую обособленность, повторившуюся затем позже в терракотах бактрийской богини в эллинизированных одеждах» (Там же).

Интересны наблюдения автора, сопоставившего изделия с одного памятника, давшие различные технологические особенности. «Керамика из науса Дальверзин-тепе 14 обнаружил удивительное сходство с терракотами бактрийских богинь “юзджийского типа” в характере специально вводимых отождествляющих пород, которые отсутствовали в остальных керамических изделиях Северной Бактрии. Очевидно, керамика из науса и данный тип терракот связаны с приходом на бактрийские земли кочевых народов» (Там же). На наш взгляд, данное наблюдение требует уточнений,

так как версия о связи с юзджами предполагает наличие у кочевников своей устойчивой традиции изготовления терракотовых изделий, что, в свою очередь, требует отдельной аргументации.

С. А. Савчук в тезисах «К истории культурных связей крепости Кампыртепа» описал круг основных иконографических типов терракотовых статуэток, найденных на территории памятника⁹⁸ (Савчук, 1992). Суммируя свои наблюдения, автор пришел к мнению, что в некоторых произведениях малой пластики наряду с местной основой прослеживается индийское, эллинистическое, парфянское и ближневосточное влияние⁹⁹ (Там же, с. 131–132).

В 1992 г. во втором томе «Silk Road and Archeology» была опубликована статья Д. Я. Ильасова и Т. К. Мкртычева «Бактрийские боги из Дальверзин-тепе (попытка типологического анализа)» (Ilyasov, Mkrtychev, 1992). Авторы на базе дальверзинских статуэток, передающих образ сидящей женской фигуры, разработали типологию, впервые развернуто применив методы, учитывающие процессы редукции в производстве терракотовых статуэток и выявляющие серии разнотипных удаленных от прототипа или художественного оригинала изделий.

Прототип иконографии сидящей женской фигуры в хитоне и гиматии с определенным рисунком складок авторы видят в эллинистической сидящей богине, имевшей широкое распространение с середины I в. н. э. до середины II в. н. э. (например, статуэтки Кибелы из Палестины и Баальбека периода Антонинов). Образы разных богинь отождествлялись благодаря атрибутам в их руках.

Важно отметить, что в создаваемой типологии авторы опирались главным образом на иконографический анализ и размеры изделий. Археологический контекст статуэток, происходящих из стратиграфических раскопок, не рассматривался. Д. Я. Ильасов и Т. К. Мкртычев выделили четыре

⁹⁸ В традициях переднеазиатской пластики выполнены несколько «колоннообразных» терракот из юзджийских слоев. Среди них — «власитель или жрец, сидящий на троне, головной убор которого с наушниками и лентой сзади аналогичен куляху на драхме Синатрука (77–70 гг. до н. э.)». К разряду уникальных отнесена деревянная скульптурка мужчины в серебряном окладе. Аналогии в одежде автор видит в скульптуре парфянского принца из Шахи. По отдельным деталям иконографии еще одна мужская статуэтка сопоставляется с образами в скульптуре из Хатры. Обнаруженная на цитадели верхняя половина торса ногай богини с шарфом на шее была отнесена к ближневосточному типу. Образок или плитка с рельефным изображением «божественного» воина отнесена к эллинистическому типу. В кордегардии у ворот обнаружена матрица для изготовления образков с изображением Афины с копьем.

⁹⁹ Таковы терракоты: плитка со сценой митхуны, нагая богиня с ремнем через грудь в позе якини, ряд других женских персонажей. Среди раритетов отмечается плитка с изображением принца (?) в диадеме, с гривной на шее и жезлом в руке; полиморфное существо с птичьими ногами в длинном распахнутом кафтане и пилоткообразной шапочке, возможно, сирена (?), сжимающая в руках округлый предмет — барабанчик (?) или дар; три музыканта с флейтами: продольной (Силен), поперечной и сирингой.

типологические группы (А, В, С, D). Образцом для иконографии самой ранней группы статуэток (А) послужила, по мнению авторов, парфянская иконография I–II вв. н. э. (в частности, приводятся образцы монументальной скульптуры Пальмиры, Хатры). Необходимо отметить, что приводимые авторами аналогии лишь отдельными деталями (нагрудным украшением и рисунком складок хитона) близки исследуемой группе дальверзинских статуэток. Кроме того, аналогии в мелкой пластике (в том числе не терракотовой) отсутствуют. Обосновывая идею о безусловно привнесенном характере оригинальных матриц для изготовления рассматриваемых статуэток Бактрии, авторы отмечают, что парфянские формы-матрицы, изготовленные квалифицированными коропами, могли завозиться в кушанскую Бактрию. Кроме того, они могли быть изготовлены с привозных статуэток, выполненных из различных материалов, в том числе металла и дерева. Подтверждение этому авторы видят в кампиртепинских материалах, в частности, в статуэтке из дерева в серебряной обкладке с изображением мужчины в парфянском костюме, а также в некоторых матрицах. Однако эти факты можно рассматривать как косвенные свидетельства, что заставляет нас относиться к выводам авторов о сильном влиянии парфянской идеологии и религии на Бактрию эпохи Кушан как к предварительным.

В результате своего исследования авторы пришли к выводу, что формы для изготовления статуэток, «принесенные из других мест», были изменены с учетом местных, бактрийских особенностей, что видно уже на статуэтках группы В. В иконографии последней группы (D), по мнению авторов, отразились этнические изменения в составе населения. Вне зависимости от иконографических изменений все группы были трактованы как отображающие один и тот же образ, господствовавший на территории Бактрии, и в частности на Дальверзин-тепе, в кушанский период.

В 1996 г. К. А. Абдуллаев в статье «Терракотовая пластика Ай-Ханум» обобщает материалы по терракотовой пластике, полученные Французско-Афганской экспедицией с эталонного для греко-бактрийского периода памятника (Абдуллаев, 1996а).

Соглашаясь с мнением Ж. К. Гардена, автор считает, что большая часть керамических форм восходит к греческим образцам. Соответственно, характерные для Ай-Ханума сосуды с налечами на дне чаш и штампованный декор, имея местное происхождение, несут в себе черты иноземных влияний. Налечи на ручках и донцах сосудов К. А. Абдуллаев считает образцами мелкой пластики, внедренными в керамическое производство, и предлагает рассматривать их как категорию, пограничную между ремеслом и искусством. Автор предполагает, что головки, венчающие ручки или украшающие днища чаш, были оттиснуты в матрицах, предназначенных для изготовления терракотовых фигурок. В декорировке посуды Ай-Ханума особое место занимают чаши с налечами на дне и ручках сосудов с образами Афины, Медузы, Сатиры, а также Силена, Гелиоса.

Анализ терракотовых статуэток позволяет К. А. Абдуллаеву также заявлять, что они выполнены в традициях, наиболее характерных для местного производства. Это оттиски в односторчатых матрицах с подрезкой контуров и тыльной стороны инструментом. На данном этапе изучения памятника не найдено каких-либо следов специализированных мастерских по производству терракот. Отсутствуют также объемные изображения, получаемые в двусторчатой матрице, подобные образцам Танагры (Там же, с. 56).

Иконографическое исследование затронуло незначительную часть типов, представленных в коропластике городища Ай-ханум. В частности, особое внимание было уделено статуэткам с женским стоящим персонажем в эллинизированной одежде. К одному иконографическому образу были отнесены девять фигурок¹⁰⁰. Отмечается, что одеяния женского персонажа сохраняют лишь общую схему греческого костюма. Об ориентализации греческих образов, по мнению автора, говорит и изображение женской фигуры с венком в руках, отдаленно напоминающее образ Nike. Наиболее близкую аналогию К. А. Абдуллаев видит в статуэтке с городища Саксонохур (Мухитдинов, 1975, с. 378–382), датированной I–III вв. н. э. Автор считает, что с III в. н. э. божеством с инвеститурным кольцом может быть и Анахита, иконография которой формируется с эпохи Сасанидов. Айханумскую статуэтку автор предлагает датировать первыми веками н. э. К этому же кругу К. А. Абдуллаев относит статуэтки с лицом, исполненным приемом зашипа, с грубо процарапанными асимметричными щелями узких глаз, и корпусом, украшенным сплошными рядами треугольных вдавлений, отмечая, что встречаются они в слоях, датированных I в. до н. э. — II в. н. э.

На территории айханумского театра была найдена статуэтка сидящей богини с ромбом-веером. Автор относит ее к имеющим светский характер. Ближайшую аналогию он видит в статуэтке из Кей-Кобад-Шаха, датированной II в. до н. э. — I в. н. э. К этому же времени относятся две фигурки всадников-идольчиков. Есть случайная находка фигурки обезьяны в Ай-Ханум.

Рассмотрение терракотовой пластики Ай-Ханума имеет, безусловно, важнейшее значение — в частности, для освещения вопросов о происхождении этого вида материальной культуры в Бактрии (поскольку перед нами один из самых ранних комплексов терракотовой пластики, зафиксированный в археологических слоях). Кроме того, айханумский комплекс терракотовой пластики способен пролить свет на вопросы происхождения и развития технологии производства терракотовых изделий, бытования целого ряда иконографических типов в греко-бактрийский период. Важным является установление связи между иконографическими типами, бытовавшими в Ай-Ханум и на ряде памятников Северной Бактрии. Нельзя не отметить, что исследователь,

¹⁰⁰ Семь — из Ай-Ханума, одна — из Шор-тепе, одна — реконструкция (Абдуллаев, 1996а, рис. 1, 1–7).

опираясь лишь на часть основных типов изделий Ай-Ханума и базируя свое исследование в основном на анализе иконографии и стиля изображений, значительно урезает спектр возможных источников для получения объективной картины. Помимо этого, привлечение в качестве аналогий айханумских изделий преимущественно более поздних иконографических образцов вносит неоднозначность и противоречивость в выводы исследователя, в результате чего так и не складывается ясного представления о характерных особенностях терракотовой пластики греко-бактрийского периода.

В этом же году К. А. Абдуллаев посвящает отдельную статью рассмотрению зооморфного образа на сосуде IV — начала V в. н. э. из северобактрийских материалов. Сюжет на оттиске с двумя симметрично расположенными друг против друга животными, пьющими из одного сосуда, автор считает символом плодородия, в котором элемент воды наиболее значим (Abdullaev, 1996, p. 49–53).

В 1997 г. К. Абдуллаев в статье, посвященной эллинистической традиции в искусстве Согда и Бактрии, затрагивает вопросы генезиса и развития мелкой пластики.

Автор отмечает, что именно в эту эпоху «в искусстве пластики намечается тенденция к персонификации идей, связанных с такими понятиями, как изобилие, богатство, благоденствие, причем это достигается посредством воплощения их как в конкретно-исторические образы, так и в культовые статуи божеств» (Абдуллаев, 1997, с. 55–56). К. Абдуллаев, рассматривая группу терракотовых изделий из Ай-Ханума, находит в них черты, близкие школе Лисиппа¹⁰¹. Иконографический анализ изображения, передающего шестие богини на колеснице, с серебряного диска из айханумского «храма с уступами» позволил автору выделить круг этого эллинистического образа, представленного в терракотовой пластике Бактрии. По мнению автора, богиня Кибела отражена на статуэтках из Ай-Ханума (Guillaume, Rougelle, 1987, табл. XXIV, 1; XXVII, 11), Дальверзин-тепе (Исхакова, Исхаков, 1978, с. 161), Хаитабад-тепе (Ртвеладзе, Хакимов, 1973, с. 23), а также из Паенкурмана (Абдуллаев, 1999). Как основные иконографические детали, соответствующие этому образу, были отмечены высокий головной убор типа калафа и плащ. В заключение анализа художественных процессов, происходивших в Бактрии и Согде, К. Абдуллаев приходит к мысли «о мощном импульсе эллинистического искусства», который отразился на изобрази-

тельном комплексе двух регионов и в дальнейшем развивался разными путями (Абдуллаев, 1997, с. 59).

С 1997 г. публикуются материалы полевых исследований совместной узбекско-японской Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). В первом выпуске этого издания вновь открытым изделиям терракотовой пластики, обнаруженным в раскопах ДТЦ-4 и ДТЦ-5 на цитадели Дальверзин-тепе, посвящена статья Д. Я. Ильясова. Автор, сохраняя археологический контекст, привел краткое описание 14 предметов, в том числе статуэток с изображением женских богинь, зооморфных персонажей, плиток с рельефным изображением воина, напечатавших на сосудах, передающих антропоморфные образы (Ильясов, 1997а). Во втором выпуске в еще одной статье Д. Я. Ильясова были опубликованы новые материалы по терракотовой пластике (Ильясов, 1998). Автор подробно описал три изделия с ранее неизвестными иконографическими сюжетами: плитку с изображением стоящего персонажа со скрещенными руками; плитку с изображением воина в чешуйчатом доспехе; лепную статуэтку всадника в пластинчатом доспехе. Кроме того, он упомянул находки трех фрагментов статуэток с известным типом женских богинь и шести фрагментов зооморфных статуэток.

В 1997 г. Д. Я. Ильясов рассматривает группу из трех терракотовых статуэток с одним иконографическим образом, происходящую с бактрийских городищ Дальверзин-тепе, Будрач и из Сурхандарьинской области. Статуэтки с городищ были датированы VII–VIII вв. н. э. Иконографический анализ изделий, а также аналогии в росписях Бамиана, Кокрака, Фундукистана и на мервских терракотовых плитках приводят автора к выводу о передаче в упомянутых статуэтках образа бодхисаттвы. Ранее эта группа изделий трактовалась как женское божество. Не будучи уверен в предполагаемой интерпретации, автор, однако, убежден в том, что в иконографии этих изделий отразились эфталитские черты¹⁰² (Ильясов, 1997а, с. 30–32).

В этом же году Э. В. Ртвеладзе и И. Э. Косовская посвящают работу генезису и эволюции образов Силена и Сатира в искусстве Центральной Азии. Отмечая, что ареал распространения дионисийских персонажей чрезвычайно широк, авторы, однако, видят его наибольшее распространение в районах Согда и Бактрии, «ставших ядром филэллинистической культуры, на юго-западе Ирана и в Гандхаре». Рамки бытования этих образов определяются периодом от III в. до н. э. до исламского времени (Ртвеладзе, Косовская, 1997, с. 69–71).

В 1998 г. В. А. Мешкерис тезисно излагает «Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана». Единый принцип типологизации массовых источников требует, по мнению исследовательницы, обязательного учета трех аспектов: географического, хронологического и классификационного (Мешкерис, 1998, с. 64–66).

¹⁰¹ В этой группе автор видит «фигурки, эмблематы, головки», ссылаясь на ранее рассмотренный им комплекс изделий из Ай-Ханума (Абдуллаев, 1996а). Однако трудно понять, какие именно из «фигурок» он относит к отражающим черты школы Лисиппа. На наш взгляд, помимо упомянутого К. Абдуллаевым декора на керамике, к собственно эллинистическим, а не эллинизированным изделиям могут быть отнесены матрица из «храма с уступами» с изображением идеализированного женского образа, а также театральные маски и штампованный налеч в виде головы мужчины на сосуде (Francfort, 1984, pl. XVII, n. 20, XVIII, n. 8; Guillaume, Rougelle, 1987, pl. 19, 8).

¹⁰² В частности, это относится к характерной детали одежды с треугольным правым отверстием.

Пространственно-типологическая характеристика терракот Бактрии-Тохаристана, по определению автора, дала возможность решить следующие задачи: «1) определить ареал коропластики с выделением ее локальных очагов в пределах историко-культурной области; 2) составить карту распространения терракот с нанесением и ранжировкой памятников — центров коропластики различной значимости с учетом типологической градации (город, городок, сельские поселения, пункт); 3) выявить картину географического распределения основных статуйных иконографических типов» (Мешкерис, 1998, с. 65).

В. А. Мешкерис была составлена карта распространения терракот Бактрии-Тохаристана. В результате было отмечено более чем 60 памятников (6 из них — в Южной Бактрии), где были зафиксированы терракоты. Соответственно, на территории Северной Бактрии отмечается более 50 памятников и более 350 терракот. В результате картографирования автор локализовала районы: распространения династийного культа — дальверзинтепинский комплекс; отражения официального направления кушанского искусства, местных бактрийских культов — Саксонохур, Чимкур-ган, Яван, Емши-тепе; распространения буддизма — Старый Термез, Караул-тепе, Аккур-ган. Нельзя не отметить важность предложенного географического аспекта изучения терракотовой пластики и напомнить, что подход этот был ранее предложен в работах В. В. Бартольда (Бартольд, 1908, с. 65–66).

Говоря о хронологическом аспекте, В. А. Мешкерис подчеркивает, что «периодизация терракот Бактрии-Тохаристана находится на стадии накопления стратиграфических данных и разработки самостоятельных колонок в исследовании отдельных городищ (Халчаян, Саксонохур, Дальверзин-тепе, Старый Термез)». Автор видит необходимость решения задачи сведения в единую хронологическую таблицу локальных комплексов. Далее предлагается подразделить коропластику Бактрии-Тохаристана на четыре хронологические группы, но уже на основе стилистического анализа. По мнению автора, исторически сложилось два стиля: архаический и классический. В рамках первого предлагается выделить группу докушанской эпохи, III–II вв. до н. э. (айханумский комплекс), и раннекушанской эпохи, I в. до н. э. — I в. н. э. (халчаянский комплекс). В рамках классического стиля предлагается выделить группу кушанской эпохи, II–III вв. н. э. (дальверзинский комплекс), и позднекушанской эпохи, IV–V вв. н. э. (зартепинский комплекс).

Представляется, что хронологический аспект крайне важен в изучении терракотовой пластики региона. Однако в связи с упомянутым отсутствием хронологических колонок по этим изделиям не только в рамках региона, но и для отдельных памятников (за исключением Саксонохура)¹⁰³

В. А. Мешкерис по-прежнему предлагает датировать изделия через анализ стиля. Опыт предыдущих десятилетий показывает, что результаты этих работ сильно зависят от субъективных качеств исследователей, и часто они бывают полезны в улавливании лишь основных тенденций в рамках крупных хронологических этапов. Поэтому представляется необходимым помимо предложенного пути решения проблем периодизации терракот Бактрии создание хронологической колонки на базе стратиграфически датированных материалов.

Классификация бактрийских терракот предлагается В. А. Мешкерис «на основе функционального принципа деления материала с учетом категорий изделий». Автор делит терракоты на «скульптурные изделия самостоятельного значения (статуэтки, рельефные плитки, медальоны) и художественную коропластику (налепы и оттиски на керамике, фигурные зооморфные ручки, зооморфные ритоны)». За исходную классификационную единицу автором был принят иконографический тип. Разработанная искусствоведческая типология, по мнению автора, выявила компоненты бактрийского регионального стиля: местно-бактрийские, династийно-кушанские, эллинистические, индийские (Мешкерис, 1998, с. 65–66). Автор предлагает использовать свои методики для обработки материалов из других регионов Средней Азии. В этой связи особенно важным представляется обоснование принципов выделения иконографического типа, которые в рамках тезисов не были озвучены.

В 1998 г. в статье «О терракотовой плитке с образом Будды из Караул-тепе» К. Кавасаки подтверждает мнение Мешкерис о том, что образцы буддийской коропластики Тохаристана целиком скопированы с монументальных памятников Северо-Западной Индии. Рассматривая иконографию упомянутой плитки с Караул-тепе, автор приводит ей аналогию — каменный рельеф из Сикри, на котором изображены Индра и арфист, навещающие Будду. «Можно предположить, что прототипом образа Будды на караултепинской терракоте послужили изображения на гандхарских рельефах» (Кавасаки, 1998, с. 45–46).

Проблеме буддизма в Средней Азии посвящена книга Б. Я. Ставиского, опубликованная в 1998 г. В двух ее параграфах «Терракоты» и «Налепы и оттиски штампов на керамических сосудах» рассматривается терракотовая пластика с буддийской иконографией. В первом параграфе были приведены материалы с памятников Бактрии, Южного Согда и одна находка — из Чача; во втором — из городища Зартепа и памятников Семиречья. Однако Ставиский сомневается, что последние бесспорно отражают буддийские образы. По всей видимости, автором не ставилось задачи составления исчерпывающего свода предметов терракотовой пластики

¹⁰³ Несмотря на то, что автор считает, что по ряду памятников созданы хронологические колонки, нам представляется, что в полной мере это соответствует действительности только в отношении материалов

Саксонохура. На остальных перечисленных памятниках периодизация составлялась на базе не только стратиграфически датированных изделий, но и с привлечением предметов, датированных по стилистическим особенностям.

с буддийской тематикой, поэтому был приведен лишь наиболее наглядный и известный материал, в целом иллюстрирующий изучаемую автором проблему (Ставиский, 1998, с. 137–150).

В 1999 г. Ш. Р. Пидаев рассматривает вопрос появления образа Будды в коропластике Бактрии (Пидаев, 1999). Автор предлагает рассмотреть две статуэтки, найденные на уровне VIII строительного горизонта на территории цитадели Старого Термеза. Комплекс керамики из слоя, в котором были обнаружены статуэтки, по мнению автора, наиболее важен для датировки последних. Он был отнесен ко второй половине I в. н. э. — первой половине II в. н. э. Такая датировка статуэток делает их одними из самых ранних изделий с иконографией буддийских образов на территории Бактрии. Статуэтки были обнаружены в помещении с алтарем, что позволило автору интерпретировать помещение как домашнее святилище. Последнее, в свою очередь, позволило поставить под сомнение представление об отсутствии в городах терракотовой пластики с образами Будды и бодхисаттв как характерной особенности (К. Абдуллаев считал, что мелкая пластика с этими образами не пользовалась спросом, так как на территории городов имелись храмы с монументальной скульптурой) (Абдуллаев, 1985а, с. 7–9). Ш. Р. Пидаев справедливо отметил, что наличие храмов с монументальной буддийской скульптурой не могло полностью удовлетворять потребности верующих. В доказательство приводятся находки статуэток не только из Старого Термеза, но и такого хорошо изученного города, как Зартепа, где при наличии буддийских храмов отмечается значительное число находок терракотовых буддийских статуэток из жилых кварталов.

В этом же году выходит в свет статья, посвященная вопросу интерпретации ранее опубликованной (Савчук, 1984; Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986; Пугаченкова, 1989в; Abdullaev, 1995 и др.) терракотовой плитки с рельефным изображением воина с памятника Кампыртепа. З. В. Сердитых и Г. А. Кошеленко, рассматривая иконографию этого образа, приводят широкий круг аналогий для отдельных деталей и приходят к выводу о том, что плитка несет изображение тяжеловооруженного македонского воина (Сердитых, Кошеленко, 1999, с. 363–366).

И. Т. Кругликова в 1999 г. опубликовала результаты археологических исследований с 1974–1977 гг. западного храма на Дильберджин-тепе. Среди представленных автором материалов упоминаются также и изделия терракотовой пластики (13 изделий, в том числе статуэтки, налпы на керамике) (Кругликова, 1999, с. 8–9, 15, 19, 21, 22; рис. 12, 7; 15, 4, 5; 19, 1, 3; 22, 1, 2; 30, 4; 33, 8–10; 42, 1, 3–4).

В 1999 г. К. А. Абдуллаев публикует ряд изделий терракотовой пластики, полученных при раскопках северобактрийской кушанской крепости Паенкурбан¹⁰⁴ (Абдуллаев,

1999). В статье рассматриваются изделия, в которых, по мнению автора, отражены эллинистические мотивы. В частности, описываются статуэтки, в изображении которых автор видит иконографию таких образов, как Геракл, Афина и Кибела. К эллинистическим образам дионисийского круга была отнесена лепная статуэтка обезьянки. На примере рассмотренных образов К. А. Абдуллаев приходит к выводу о том, что «эллинистическая культура проникла глубоко в народную среду и отразилась в произведениях местных мастеров» (Абдуллаев, 1999, с. 131).

В 2000 г. К. А. Абдуллаев обращается к ранее неоднократно исследованному иконографическому типу бактрийских статуэток с изображением женских персонажей, сидящих на тронах (Абдуллаев, 2000). Автор приводит новые материалы аналогичных статуэток из крепости Паенкурбан, датированной комплексом археологического материала, и в том числе монетами, периодом Великих Кушан — I–II вв. н. э. Условия находки этих терракотовых статуэток, характер их залегания в культурных слоях с керамикой и монетами позволяют прояснить проблемы датировки не только паенкурбанских, но и аналогичных типов с памятников Чаганиана. Пять статуэток, публикуемых в статье, относятся к одному иконографическому типу. Причем две из них изготовлены в одной матрице. Одна статуэтка представлена несколько иным типом — сидящая фигурка «выполнена в обобщенной манере» (Абдуллаев, 2000, рис. 1, б). У нее сохранилась голова, лицо имеет монголоидные черты. Все статуэтки покрыты красным ангобом разных оттенков, кроме одной без какой-либо краски и одной, окрашенной в белый цвет. У некоторых статуэток нижняя часть подрезана, и они могут находиться в вертикальном положении.

Анализируя детали иконографии, автор выявляет влияние месопотамского пластического искусства парфянского времени. По изображениям на головках, которых было найдено 7 экземпляров, автор отмечает наличие двух расовых типов: европеоидного и монголоидного. По наличию атрибутов в руках, манере изображения деталей одежды, а также типу головного убора, в частности изображению на нем месяца с повернутыми вверх рожками, автор идентифицирует паенкурбанские изображения с богиней Наной. Напомним, что первая интерпретация этих образов была сделана Г. А. Пугаченковой, которая считала их наиболее близкими к Аши-Ванухи, а также к Ордохшо (Пугаченкова, 1973, с. 114). К. Абдуллаев подкрепляет свои выводы приведением аналогий из кушанского монетного материала, а также из материала бактрийских поселений и памятников Ближнего Востока, к примеру, с поселений Дура-Европос парфянского периода. Отмечается, что на монетах Канишки в титулатуре впервые упоминается имя Наны и употребляется два иконографических типа — стоящая с жезлом с протоименом животного и чашей Нана, и богиня, сидящая на льве. В обоих

¹⁰⁴ Археологический комплекс крепости Паенкурбан, из которого происходят публикуемые терракотовые изделия, включал многочис-

ленный нумизматический материал, датированный временем от «варварского Гелиокла» до Хувишки.

типах в иконографии богинь есть такая деталь головного убора, как полумесяц, обращенный рожками вверх. О важной роли этой богини свидетельствует, по мнению автора, также ее упоминание в Рабатакской надписи.

В статье критикуются положения, высказанные ранее Д. Я. Ильясовым и Т. К. Мкртычевым. В частности, о том, что в кушанский период вся масса терракотовых статуэток воспроизводилась в «эллинистических и парфянских матрицах» с поправкой на бактрийский вкус. К. Абдуллаев считает, что в эпоху эллинизма формировалась «бактрийская школа ваяния, которая сама могла оказывать влияние на другие школы». Автор также счел необоснованным мнение Д. Я. Ильясова и Т. К. Мкртычева о невозможности отождествления дальверзинских сидящих женских статуэток с изображениями Наны на основании отсутствия в ее иконографии характерной для ближневосточного прототипа вертикальной складки в одежде.

Д. Я. Ильясов в статье «Терракота раннесредневекового Чаганиана», вышедшей также в 2000 г., излагает иной, отличный от общепринятого, взгляд на вопрос прекращения бытования терракотовой пластики в раннем средневековье.

Автор обобщает материалы этого хронологического отрезка, полученные при археологических исследованиях Северного Тохаристана. Три ранее опубликованные терракотовые статуэтки с изображением одного иконографического типа — персонаж в кафтане с правосторонним отворотом и в короне с тремя полумесяцами — автор предлагает интерпретировать иначе. Он приводит ряд аналогий из росписей Бамиана, Балалык-тепе, Кызыла, Кучинского реликвария и т. д. и предлагает интерпретировать статуэтки как «образ идеализированного или обожествленного правителя и датировать на основании анализа таких деталей, как венец с тремя полумесяцами и треугольный отворот, в пределах V–VII вв. н. э. (Ильясов, 2000а, с. 155).

К числу эфталитских, на основании близких аналогий с персонажами на росписях Балалык-тепе, автором была отнесена терракотовая статуэтка с Будрача. С этого же городища происходят две статуэтки, передающие образы в крылатых коронах, также характерные для раннесредневекового периода. Была пересмотрена датировка и ранее предложенная интерпретация терракотовой плитки с изображением персонажа в доспехах на зооморфном существе под аркой, найденная на цитадели Дальверзин-тепе. Возражая против датировки III–IV вв. н. э., предложенной Г. А. Пугаченковой и основанной на сопоставлении с росписями Дильберджина, Дж. Я. Ильясов подчеркивает, что для Тохаристана вообще не очень характерны плитки, упоминая также, что для согдийской коропластики «плитки с изображением персонажей, стоящих под орнаментированными арками, характерны для VI–VIII вв.». Кроме того, автор отмечает работы, предлагающие омолодить до V–VI вв. росписи Дильберджина (Ильясов, 2000а, с. 156), приводит ряд терракотовых изделий, найденных в послед-

ние годы на цитадели Дальверзин-тепе, которые он относит к раннесредневековым¹⁰⁵.

Итогом исследования Д. Я. Ильясова явился вывод о безусловном существовании в Северной Бактрии коропластического искусства в эфталитский и тюркский периоды (Ильясов, 2000а, с. 157).

Еще одна статья Д. Я. Ильясова, вышедшая в 2000 г., была посвящена аналитическому обзору терракот Кампыртепа (Ильясов, 2000б, с. 97–106). Автор отмечает, что памятник дал более тридцати антропоморфных терракотовых статуэток, в тематике которых заметно «ощутимое присутствие эллинистических мотивов». В частности, рассматривается сюжет терракотовой плитки с рельефным изображением воина. Автор приводит список работ, посвященных этому сюжету, в котором насчитывается более 10 статей¹⁰⁶. Анализируя различные точки зрения по поводу интерпретации изображения, Д. Я. Ильясов склоняется к мнению К. Абдуллаева и В. П. Никонорова о том, что на плитке представлен греко-бактрийский воин. В статье были также рассмотрены такие иконографические типы, как женский персонаж в хитоне и гиматии с атрибутом в правой руке, а также Афина (матрица). По поводу последней автор приводит мнение Ф. Грене об использовании иконографии Афины при создании образа Ришто-Арштат (Грене, 1987, с. 154) и, в целом соглашаясь с этой точкой зрения, отмечает, что кампыртепская матрица в силу ранней датировки (III–II вв. до н. э.) «стояла в начале того процесса религиозного и художественного синкретизма, который привел к перевоплощению олимпийской Афины в зороастрийскую Арштат» (Ильясов, 2000б, с. 99–100). К эллинистическим были отнесены две матрицы для оттискивания мужской головы крупных размеров, здесь же была приведена их интерпретация Э. В. Ртвеладзе как портрета юного Евтидема (Ртвеладзе, 1999, с. 56). Среди эллинистических образов были рассмотрены сатиры.

К юэджийским сюжетам был отнесен образ бородатого персонажа в головном уборе с наушниками, исполненный в комбинированной технике (лепное тулово и оттиснутая в матрице голова). Автор согласен с интерпретацией этого образа как «правителя из среды кочевников» (Абдуллаев, 1998; Nikonorov, Savchuk, 1992).

¹⁰⁵ Фрагменты и целая терракотовая плитка с персонажами в доспехах и с оружием в руках (рис. 1, 7–9); две плитки с изображением одного типа (стоящий персонаж со скрещенными на груди руками). Последний тип находит близкие аналогии на оссуарии из Сарытепе в Самаркандском Согде. Также отмечены две находки с раннесредневекового памятника Баба-тепе с изображением «бородатого мужчины, похожего на аскета».

¹⁰⁶ Ртвеладзе, Сагдуллаев, 1986; Савчук, 1989; Пугаченкова, 1989а, 1989б; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990; Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991; Древности Южного Узбекистана, 1991; Nikonorov, Savchuk, 1992; Pugachenkova, 1992; Abdullaev, 1995; Nikonorov, 1997; Ртвеладзе, 1999. Не была учтена одна статья, так как она была опубликована почти одновременно со статьей Д. Ильясова (Сердитых, Кошеленко, 1999).

К кушанским сюжетам были отнесены статуэтки женского персонажа с ребенком на руках, а также головки богинь с раскосыми глазами. Упомянут также такой иконографический тип, как обнаженная женская фигура.

Особое значение имеет публикация статуэтки сидящего Будды, найденной на Кампыртепа в 1999 г., так как это первое свидетельство о присутствии буддистов в этой крепости (датировка верхних слоев памятника не выходит за пределы II в. н. э.). В заключение исследования Д. Я. Ильясов сравнил тематику терракот с городищ Дальверзин-тепе и Кампыртепа и пришел к выводу об их значительном отличии. Однако автор, выявив локальные различия, подчеркнул, что они «уступают место интеграционным процессам в тех случаях, когда вступают в силу идеологические представления, общие для региона в целом» (Ильясов, 2000б, с. 103).

В сборнике материалов Тохаристанской экспедиции за 2000 г. важное значение имеет статья С. Курбанова, которая освещает археологический контекст изделий терракотовой пластики с цитадели Кампыртепа. На основе планиграфии значительного объема изделий, зафиксированных внутри архитектурных построек, автор пришел к выводу о наиболее частом расположении произведений короластики «в святилищах, их кладовых и молитвенных залах, реже в помещениях с очагами, а иногда в коридорах» (Курбанов, 2000, с. 43). Наблюдения автора, столь важные для установления функционального назначения различных видов терракотовой пластики, могли бы стать эмпирическим обобщением в случае их подкрепления статистическим анализом.

Декорированной керамике Кампыртепа посвящена специализированная работа О. Цеповой (Цепова, 2000). Внимание автора в большей степени было уделено проблеме интерпретации изображений, исполненных на керамике разными техническими приемами. Автором были выделены следующие приемы декорирования: прочерченный орнамент; штампованный орнамент; объемно-пластические украшения; лощение и ангобирование.

Обобщающий характер носит статья Т. К. Мкртычева «Буддийская терракота Бактрии-Тохаристана: к вопросу о ее роли в искусстве и культе», вышедшая в 2000 г. в сборнике, посвященном юбилею Г. В. Шишкиной.

Т. К. Мкртычев считает, что «в Бактрии отсутствовали художники-коропласты», а производство терракотовых статуэток осуществляли ремесленники-керамисты, использовавшие оригинальные глиняные модели, сделанные скульпторами. При этом отмечается, что существовало ограниченное количество моделей, и вместо них часто использовались «штампы-матрицы с оригинальных произведений мелкой пластики (металлической, каменной, возможно, терракотовой), которые выступали в качестве матриц» (Мкртычев, 2000, с. 162). Учитывая особенности технологии изготовления изделий терракотовой пластики по принципу матрица — матрица — матрица, автор предлагает изучение штампованной терракоты основывать на составлении

генетических рядов и выявлении прототипов¹⁰⁷. Для изучения буддийской терракоты предлагается также учитывать тематический и хронологический аспекты.

Исходя из вышесказанного, Т. К. Мкртычев анализирует накопленный материал по буддийской тематике, рассматривая отдельно образы Будды, бодхисаттвы, донаторов и адорантов, якинь, митхуны, а также джайнских персонажей, последовательно распределяя их в кушанском, посткушанском и тохаристанском хронологических этапах. К сожалению, даже в рамках иконографического анализа автор не сопоставляет свои выводы с наблюдениями других авторов, работавших в этом направлении. К примеру, не упоминается работа В. А. Мешкерис, в которой также были обобщены материалы по буддийским и другим образам, привнесенным из Индии. Множатся мнения относительно интерпретации отдельных сюжетов, в частности, двух полуобнаженных фигур на терракотовых плитках (Мешкерис, 1986, с. 21–23).

Базируясь на стратиграфически датированных изделиях и учитывая особенности распространения буддизма и отстраненность изображения на статуэтках и плитках от прототипа, Т. К. Мкртычев уточняет или сужает рамки датировок части изделий. Анализ терракот буддийской тематики посредством рассмотрения особенностей технологии ее изготовления и установления (гипотетического) генетических рядов приводит автора к некоторым итоговым выводам. Отмечается преобладание сильно редуцированных образцов. В свою очередь, это приводит к мысли о ремесленном производстве, «в котором использовались не только оригинальные модели, но и произведения мелкой пластики, взятые в качестве матрицы». Значительная часть изделий была обнаружена на поселениях вдали от буддийских памятников. Упомянув рассуждения К. Абдуллаева и Ш. Р. Пидаяева о том, что терракотовые статуэтки использовались для домашних святилищ и часовен, автор не отрицает такой возможности. Анализируя состав храмовых подношений ряда буддийских памятников, он отмечает, что терракотовые статуэтки в кушанское время не играли роль вотивных подношений и не имели пропагандистских и культовых задач, как монументальная скульптура или живопись. Т. К. Мкртычев предполагает, что буддийская терракота кушанского периода — «своеобразный отблеск моды», отражавший «приверженность буддизму среди кушанской знати». Именно поэтому приоритет был за изображениями митхун, якинь и донаторов, «значение которых связано с плодородием, процветанием и богатством — универсальными понятиями, не касающимися специфики буддийского учения» (Мкртычев, 2000, с. 167).

В посткушанское время роль буддийской терракоты меняется. Автор считает, что «появляются терракотовые образки, которые играют роль индивидуальных иконок».

¹⁰⁷ Ранее этот подход был обоснован в работе Б. И. Маршака (Маршак, 1972, с. 276–277).

Т. К. Мкртычев считает, что в раннесредневековом Тохаристане терракота «обретает статус полноправного участника буддийских ритуалов и всей системы буддийского искусства» (Мкртычев, 2000, с. 167).

* * *

Подводя итоги истории изучения терракотовой пластики Бактрии-Тохаристана, напомним, что нами было рассмотрено более 130 работ, опубликованных в период с 1940 по 2000 г. включительно. Нельзя не отметить ряд обстоятельств, усложнявших исследование бактрийской пластики, и в первую очередь — расположение Бактрии на территории четырех современных государств. Это привело к тому, что исследование региона велось большим количеством научных организаций¹⁰⁸, что, в свою очередь, отразилось на определенной обособленности исследователей, а также в разнице используемых методов. Кроме того, принципиальной особенностью и препятствием в осмыслении полученных материалов была несогласованность абсолютной хронологии, возникшая из-за разногласий по начальной дате правления Кушан, определяемой исследователями с существенной разницей. Нельзя не отметить значительное число исследователей (более пятидесяти), затрагивавших проблемы терракотовой пластики этого региона. В целом же характерно, что большая часть исследований приходится на 80-е и 90-е гг., т. е. можно отметить их практическую новизну.

Несмотря на перечисленные сложности, представляется возможным вычленение нескольких основных групп исследований. Одна из них, представленная значительным числом работ, была посвящена публикации отдельных изделий терракотовой пластики с последующим иконографическим изучением изобразительного ряда. Широко представлены обобщающие исследования по таким видам изделий, как терракотовые статуэтки, плитки с рельефными изображениями, декор на керамике и т. д. (Gardin, 1957; Пугаченкова, 1966, 1967б, 1973, 1979а; Абдуллаев, 1996а, б; Abdullaev, 1998; Francfort, 1984; Guillaume, Rougelle, 1987; Седов, 1987). Четыре работы посвящены изучению редких самостоятельных видов терракотовой пластики: сосудов на зооморфных подставках, курильниц с основанием в виде зооморфных и антропоморфных статуэток и кружек с фигурными зооморфными ручками (Пугаченкова, 1965, 1991; Аннаев, 1987; Абдуллаев, Завьялов, 1985б). Заслугой исследователей Бактрии-Тохаристана является значительное количество трудов, в которых изделия представлены в стратиграфических условиях. Особенно ценно, когда пока-

зывается их расположение в контексте всего археологического комплекса отдельно взятого памятника (Бурханов, 1948; Альбаум, 1955; Зеймаль, 1961; Литвинский, 1967; Атаханов, 1968; Литвинский, Мухитдинов, 1969; Юсупов, Соловьев, 1973; Абдуллаев, Бубнова, Пьянкова, 1975; Пиддаев, 1975; Завьялов, Осипов, 1976; Пугаченкова, 1974, 1976, 1982; Pugachenkova, 1978; Пиддаев, 1978; Завьялов, 1979; Завьялов, 1981; Литвинский, Седов, 1983; Пугаченкова, 1984; Абдуллаев, Пиддаев, 1989; Ртвеладзе, 1989; Абдуллаев, Аннаев, 1986, 1990; Пиддаев, 1990; Мандельштам, Певзнер, 1958; Мухитдинов, 1968; Сариниди, 1971; Кругликова, 1973; Мухитдинов, 1973а–в; Щетенко, 1974; Козловский, Некрасова, 1976; Пиддаев, 1976; Завьялов, Мешкерис, 1985; Кругликова, 1986; Пиддаев, 1987; Пугаченкова, 1987б; Пугаченкова, 1987а; Седов, 1987; Савчук, 1989, 1992; Пугаченкова, 1990б, Pugachenkova, 1992; Абдуллаев, 1996а; Зеймаль, Ртвеладзе, 1999; Абдуллаев, 2000). Несмотря на то, что в них нет корреляции изделий терракотовой пластики со всем археологическим комплексом исследуемых памятников, полнота приводимых данных дает возможность восполнить эти пробелы в будущем. Напомним, что в подавляющем большинстве случаев по данным, содержащимся в опубликованных работах, такие связи восстановить чрезвычайно трудно, если вообще возможно. В совокупности или во взаимосвязи все виды изделий терракотовой пластики (самостоятельного и несамостоятельного характера) не рассматривались. Принципиально новым словом стали специализированные работы по изучению технологии изготовления различных изделий и влияния ее особенностей на изобразительный ряд (Вивденко, 1990, 1992; Vivdenko, 1994; Ilyasov, Mkrtychev, 1992; Мкртычев, 2000).

В изучении терракотовой пластики Бактрии превалировал подход к ее изделиям как к памятникам искусства, с преобладанием искусствоведческих методов исследования (см. также: Абдуллаев, 1988а; Абдуллаев, 1995; Бурханов, 1991; Мешкерис, 1977б, 1982, 1983, 1989б). Появление работ Т. И. Зеймаль, Д. Я. Ильясова и Т. К. Мкртычева, использующих выводы экспериментальной археологии в области влияния процессов редуцирования на изобразительный ряд, в целом принципиально не меняют устоявшегося взгляда. Предлагая перенести значительную часть изделий из категории памятников искусства в разряд ремесленной продукции, они, тем не менее, не формируют нового подхода в изучении пластики как археологического источника, с применением соответствующих методов, но предлагают пересмотр устоявшихся мнений по интерпретации иконографических образов на терракотовой пластике, а также их датировке (Зеймаль, 1983; Ilyasov, Mkrtychev, 1992; Мкртычев, 2000). Важно отметить, что на фоне приоритета искусствоведческих методов в изучении изделий терракотовой пластики большое количество последних сподвигает ряд археологов начать стихийно рассматривать их во взаимосвязи с археологическим контекстом как массовый археологический материал. Однако в специализированных исследованиях

¹⁰⁸ Северная Бактрия: Институт искусствознания и Институт археологии Узбекистана, Музей Востока, Эрмитаж. Восточная Бактрия: Институт Археологии АН СССР. Северо-Западная Бактрия: Институт истории им. Ш. Батырова АН ТССР. Южная Бактрия: Советско-Афганская экспедиция, Французско-Афганская экспедиция.

изучение терракотовой пластики остается в рамках искусствоведческих методик, без привлечения методов исследования, которые подразумевают создание надежной базы стратиграфически датированных изделий, корреляцию внутренних связей изделий с комплексом памятника, внешних связей в рамках материальной культуры региона и государства, корреляцию терракотовых изделий как внутри одного вида, так и между различными видами, применение статистических методов и др.

За рассматриваемый период исследователям бактрийской терракотовой пластики удалось получить колоссальный, разнообразнейший материал с десятков городов и сельских поселений Бактрии¹⁰⁹. В результате археологических исследований получено большое число зафиксированных в стратиграфических условиях находок. Установлен хронологический диапазон бытования основных видов изделий от греко-бактрийского времени по раннесредневековое время включительно. Было выявлено сосуществование в регионе различных видов изделий с применением терракотовой пластики, таких как статуэтки, плитки с рельефными изображениями, зооморфные подставки, курильницы с основаниями, оформленными статуэтками, поставцы в виде крепостных стен, декор на керамике (штампы и налепы), в том числе кружки с фигурными зооморфными ручками, ритоны с налепами, модели буддийских ступ. Исследования иконографии образов позволили выделить значительное количество изделий, отражающих влияние буддийской идеологии и иконографии¹¹⁰. В рамках Бактрии отмечаются локальные особенности терракотовой пластики северо-восточной, северо-западной и юго-восточной областей. Прошли дискуссии об образе и влиянии индийской иконографии, иконографии Анахиты, местной бактрийской богини и образах, передающих влияние греческой мифологии на мировоззрение бактрийцев, на возможный синтез греко-бактро-индобижневосточный, в которых принимали участие исследователи коропластики как самой Бактрии, так и других регионов.

Несмотря на вышеупомянутые достижения, необходимо отметить, что все обилие опубликованного и описанного материала не сложилось в обобщенную картину генезиса, эволюции и взаимосвязи основных видов терракотовой пластики Бактрии-Тохаристана. Неразрешенными остаются вопросы их взаимовлияния и функционального назначения. Накоплено большое количество непересекающихся точек зрения по вопросам датировки, генезиса и эволюции отдельных иконографических образов. Выход из создавшегося положения видится в развитии обозначенных выше тенден-

ций, где акцент делается на рассмотрении изделий терракотовой пластики в рамках археологического контекста. Первостепенной остается задача создания свода археологических источников по терракотовой пластике Бактрии-Тохаристана, составленного из стратиграфически датированных изделий. Представляется, что лишь в этом случае в дальнейшем возможно восполнение вышеобозначенных пробелов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ СОГДА

Второй этап в истории изучения терракотовой пластики Согда сопряжен с созданием ряда новых экспедиций и отражает переход к новым методам исследования археологических памятников¹¹¹. С начала сороковых годов прошлого столетия по 2000 г. включительно было издано более полутора сотен работ, написанных шестьюдесятью семью авторами. Из них сорок восемь работ — обобщающие, специализированные на изучении терракотовой пластики¹¹².

Начало этого этапа знаменуют исследования Г. В. Григорьева, в которых впервые представлена стратиграфия ряда памятников Самаркандского Согда. В частности, уделяется внимание находкам терракотовых статуэток, которые впервые получают привязку к стратиграфическим слоям памятников и ко всему комплексу материальной культуры. Так, в статье «Поселения древнего Согда» была представлена хронологическая периодизация памятника Тали-Барзу. Археологические комплексы пяти (из шести выделенных) хронологических периодов характеризуются изделиями терракотовой пластики. Благодаря последовательному описанию стратиграфически выделенных комплексов прослеживается их эволюция¹¹³ (Григорьев, 1940). В другой своей работе,

¹¹¹ Были созданы экспедиции на базе Института истории материальной культуры АН СССР, Эрмитажа, Узкомстариса. Позднее В. А. Шишкин детально описал принципиальное изменение методов исследования археологических памятников, что в свою очередь отразилось и на изучении терракотовой пластики (Шишкин, 1969, с. 108–118).

¹¹² Григорьев, 1946; Воронец, 1947; Наливкина, 1947; Пугаченкова, 1950; Бентович, 1953; Мешкерис, 1954, 1964а, 1965а–в, 1967, 1968а, б, 1970, 1973, 1978, 1979а, б, 1980; Заславская, 1956, 1959, 1970а, 1971; Мандельштам, 1960; Шишкина, 1965; Аванесова, 1976; Исамиддинов, Сулейманов, 1977; Крашенинникова, 1977а, б; Адылов, 1983; Шишкина, Сулейманов, Кошеленко, 1985; Кочнев, 1986; Пугаченкова, 1986, 1987в; Абдуллаев, 1991; Воробьева, 1990а, б, 1991, 1992; Воробьева, Раимкулов, 1990; Сулейманов, Исамиддинов, 1990; Маршак, 1972, 1999.

¹¹³ В первом хронологическом периоде Г. В. Григорьев отмечает женские статуэтки «Анахит» и «шашлычницы с головой барана». Во втором — отмечены сосуды с фигурными зооморфными ручками, фрагменты оссуариев, статуэтки (в частности, статуэтка с изображением мужского персонажа на целиком сохранившейся терракотовой плитке, интерпретируемая как «ахеменидский царь или сатрап»). В третьем периоде отмечается появление в керамике греческих форм

¹⁰⁹ Часть изделий была освещена в ряде каталогов: Древности Таджикистана, 1985; Древности Южного Узбекистана, 1991; Культура и искусство древнего Узбекистана, 1991.

¹¹⁰ Абдуллаев, 1985а, 1990б; Абдуллаев, Завьялов, 1985а; Ганевская, Заславская, 1977; Завьялов, 1981; Ильясов, 1997а; Кавасаки, 1998; Мешкерис, 1986; Мкртычев, 2000; Пидяев, 1999; Пугаченкова, 1979а, 1982; Ставиский, 1998; Тереножкин, 1950а; Abdullaev, 1998.

посвященной художественному ремеслу домусульманского Согда, Г. В. Григорьев рассматривает ряд изделий из городища Кафыр-кала (Григорьев, 1946). В частности, анализируя штампованный декор на керамике, происходящей из гончарных печей, датированных VI–VII вв. н. э., автор приходит к выводу о схожести используемых приемов в орнаментации керамического материала и сасанидского металла. Вывод подкрепляется находкой целого ряда форм, посредством которых украшались как керамические, так и металлические сосуды¹¹⁴. Кроме того, подчеркивается, что способ нанесения изображений на керамический сосуд путем оттиска характерен только для раннесредневекового периода, тогда как в эллинистический период такие изображения налеплялись на стенки сосуда. Описывая ряд изделий, автор определяет антропологический тип изображенных персонажей. Выделяются сосуществующие «тюркский» и «арийский» типы.

Благодаря иконографическому анализу была установлена связь между несколькими различными по функциональному назначению видами изделий. Так, налест на сосуде с изображением лица человека, обнаруженный в гончарной печи на Кафыр-кала, по мнению автора, аналогичен налесту на оссуарии, изданном Н. И. Веселовским¹¹⁵. На фрагментах другого сосуда изображено женское лицо, аналогичное венчающему крышку оссуария из кишлака Тайляк (Григорьев, 1946, рис. 47, 1). Подчеркивается, что на городище Тали-Барзу подобные статуэтки появляются в слое IV. Заметно, что для автора еще не принципиально важно функциональное назначение изделия, налест ли это на сосуде, оссуарии или статуэтка.

Г. В. Григорьев упоминает «неоднократные находки конных статуэток» в слое ТБ-IV, отмечая, что если все остальные статуэтки, находимые на городищах Согда, сделаны штампом, то только статуэтки этого типа сделаны всегда от руки.

Не утратили актуальности высказывания исследователя о назначении изделий терракотовой пластики. Автор в целом согласен с мнением Н. И. Веселовского, который считал, что статуэтки являлись не игрушками, а ритуальными изображениями, так как встречались на оссуариях. Подтверждая последнее, Г. В. Григорьев уточняет, что на сосудах статуэтки служили апотропеями, а отдельные конные изображения могли служить онгонами и связываться с культом предков, который был широко распространен в Средней Азии в это

время. Позднее эти идеи прозвучат в работах Г. А. Пугаченковой¹¹⁶ и многих других исследователей.

Рассматривая изделия, отражающие уровень изобразительного искусства Согда (серебряные сосуды, ноинулинские ткани и терракотовую пластику), автор отмечает, что здесь мы имеем «один из центров, где художественная промышленность достигла высокого развития и влияла, в свою очередь, на окрестные страны».

Несмотря на устарелую периодизацию с точки зрения хронологии, стратиграфическая последовательность выделяемых Г. В. Григорьевым этапов по сей день представляет интерес в вопросах последовательности смены иконографических образов отдельных видов терракотовой пластики.

В послевоенный период продолжалась обработка музейных коллекций. М. Э. Воронец на основе иконографического анализа более чем 300 антропоморфных фигурок и головок из фондов Музея истории АН УзССР (Воронец, 1947) выделил древнейшие иконографические типы. К ним был отнесен так называемый древнеперсидский тип, представленный бюстиком, головкой статуэтки и оттиском лица на ручке сосуда. Все изделия воспроизводят мужские персонажи в своеобразных головных уборах и происходят из Афрасиаба¹¹⁷. Привлечение антропологов для выяснения расового типа изображенных персонажей позволило отнести их к переднеазиатскому типу. Аналогии были установлены на пластинках из Амударьинского клада. Датируются рассматриваемые изделия IV в. до н. э., на основании чего предлагается пересмотреть датировку Афрасиаба, предложенную В. Вяткиным, И. Толстым и Н. Кондаковым (III–II вв. до н. э.)¹¹⁸.

В 1950 г. выходит в свет статья Г. А. Пугаченковой «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах». Здесь автор вступает в дискуссию, разгоревшуюся еще в начале века относительно отождествления и трактовки изображений на оссуариях и очажках. Пугаченкова рассматривает весь спектр мнений, сложившихся к моменту написания данной статьи¹¹⁹. Анализ архитектурных деталей, изображенных на биянайманских оссуариях, позволил заключить, что арки с повышенным эллиптическим очертанием

и греческих изображений. В четвертом — появление на сюжетах терракотовой пластики буддийской тематики. В пятом периоде отмечается популярность с середины VII в. н. э. штампованного орнамента на керамике с изображением растений, животных и человеческих лиц. Упоминается наличие статуэток, где тип лиц интерпретируется как «тюркский». Большое количество подобных изделий происходит с городища Кафыр-кала.

¹¹⁴ «Они представляют собой глиняные оттиски с изображений, вырезанных на каком-то твердом материале, вероятно, камне, т. к. на глине не могла быть достигнута характерная для них тонкость» (Григорьев, 1946, с. 96).

¹¹⁵ ЗБОРАО, 1907, т. XVIII, вып. I, табл. VI, рис. 2.

¹¹⁶ Пугаченкова, 1965. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана см.: Новое в советской археологии // МИА. № 130.

¹¹⁷ М. Э. Воронец упомянул три сложившиеся «схемы исследования» антропоморфных изображений. Первая классификация была представлена Н. И. Веселовским, который выделял греческую, персидскую и близкую монгольской расовые группы. Позднее В. Вяткиным она была несколько преобразована, им выделялись греческий, сасанидский и тюркский типы. Третья схема была представлена в работах И. Толстого и Н. Кондакова, выделяющая женские, мужские и зооморфные изображения.

¹¹⁸ Выводы автора о времени возникновения Афрасиаба подтвердились археологическими исследованиями. Тем не менее, до сих пор изделий терракотовой пластики из слоев ранее III в. до н. э. не обнаружено.

¹¹⁹ Остроумов, 1906; Калмыков, 1909; Вяткин, 1926; Массон, 1937; Стрелков, 1930; Потапов, 1938; Борисов, 1940.

встречаются чаще полуциркульных. Автор отмечает, что традиционно согдийским является метод заполнения арочной дуги кружками или розетками, а в подтверждение приводит находки терракотовых кружков диаметром 10–13 см из дворца Тараза и Сукулукского городища. Кроме того, подчеркивается радикальное отличие арок, изображаемых на оссуариях, от арок на очажках. Исследовательница считает, что фестончато-килевые арки чужды иранской архитектуре, где при Сасанидах использовалась эллиптическая, а в эпоху ислама — стрельчатая дуга.

Отмечая, что в архитектуре древнего Согда отсутствуют наружные световые проемы, автор предполагает, что на оссуариях отражены не реальные стены согдийских домов, но «некие условные декоративные композиции, заключающие, несомненно, реальные элементы согдийского зодчества — арку, колонну».

Исходя из «культового характера персонажей оссуариев Бия-Наймана», предполагается связь изображенных архитектурных деталей с храмовыми.

Автор предлагает датировать временем не позднее IV в. н. э. те оссуарии, где присутствуют эллинизированные элементы архитектурного декора: пальметты, волюты, штампованные маскароны; к IV–VI вв. н. э. она относит изображения с более грубым и упрощенным рисунком, когда стиль штампованных головок сближается со стилем парфянских построек II–III вв. н. э., а к VI–VII вв. н. э. — биянайманские оссуарии.

В изображениях на очажках автор выделяет два стиля: «рельефные, сочные» и «плоские... с геометрической сеткой узоров». Первые предлагается датировать VIII–X вв. н. э., вторые — XI–XIII вв. н. э. (Пугаченкова, 1950, с. 47).

В 1951 г. А. М. Мандельштам была защищена диссертация «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье», в которой, в частности, терракоты Самаркандского Согда рассматривались как источник по исторической антропологии. Под терракотами подразумеваются «статуэтки, головки от них, оссуарные налпы, "образки", оттиски штампов на керамике» (Мандельштам, 1951). Работа А. М. Мандельштама была основана на новой периодизации, разработанной А. И. Тереножкиным¹²⁰, также был использован накопленный археологически датированный материал по терракотовой пластике. Классификация статуэток А. М. Мандельштама основывалась на выделении антропологического типа, который в совокупности с анализом одежды, атрибутов, техники выполнения и стиля позволил выделить несколько групп, подразделенных на четыре разряда.

Первый — кушанский. Все статуэтки изготовлены в формах, и большинство покрыто красно-коричневым, темно-коричневым или (реже) черным ангобом, сочетающимся с лощением. Наиболее архаичная группа характеризуется плотным белым ангобом. В этом разряде преобладают жен-

ские изображения, мужских очень мало, и большинство из них являются одиночными. Отмечается, что женские изображения датируются археологическими данными II–I вв. до н. э. и демонстрируют наличие двух европеоидных типов — «узколицевого» и «широколицевого». Эти же типы прослеживаются автором в статуэтках I–III вв. н. э.

Второй разряд характеризуется «весьма разнообразным» стилем и техникой изготовления, а также включает большое число «примитивов».

К третьему разряду относится большое число оссуарных налепов и ограниченное количество статуэток, головок от них и образков. Датировка и этническая атрибуция изображений этого разряда затруднена тем, что в его состав входит только один археологически датированный предмет — головка от статуэтки из слоя Тали-Барзу IV V–VI вв. н. э. Весь третий разряд автор датирует более широко — V–VII вв., считая, что в нем отражен облик эфталитов.

К четвертому разряду отнесены статуэтки всадников. Все они были датированы VII — началом VIII в. н. э. Отмечается, что лица несут черты ослабленной монголоидности — «облик тюрков». Подчеркивается преобладание в данном разряде всадников и абсолютное отсутствие оссуарных налепов с изображениями лиц тюркского облика. Это, по мнению автора, как будто указывает на то, что тюрки в VII — начале VIII вв. н. э. не составляли значительной части населения Согда и, вероятно, являлись воинами.

Обобщая данные, полученные при анализе изображений на различных видах терракотовых изделий (статуэтках, плитках с рельефами, оссуариях), А. М. Мандельштам приходит к мнению, что антропологический тип согдийцев на протяжении длительного периода со II в. до н. э. по VIII в. н. э. не претерпел сколько-нибудь существенных изменений.

Таким образом, в работе А. М. Мандельштама была продолжена традиция привлечения изобразительного ряда на различных изделиях терракотовой пластики как источника по истории, в том числе этнической. Отметим, что в 50-е гг. было опубликовано несколько статей с таким подходом. К ним относятся работы Г. А. Пугаченковой, Ф. А. Заславской и др.¹²¹

В 1953 г. Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская публикуют статью «Пенджикентский некрополь». В статье публикуется ряд оссуариев, полученных из 29 вскрытых в 1948–1950 гг. наусов. Подводя итоги по комплексу находок из некрополя, авторы подчеркнули, что «орнаментация, тщательность выделки, качество теста и обжига отдельных экземпляров сильно варьировали, но вариации эти имели место в одном и том же наусе». В целом отмечается четыре типа оссуариев. Большинство оссуариев изготовлены из хорошо отмученной глины, хорошего обжига,

¹²¹ Г. А. Пугаченкова, 1950; Заславская, 1956, 1959. Позднее этот подход будет развиваться в целом ряде исследований: Заславская, 1970а, 1971; Вызго, 1970, 1972; Ремпель, 1972; Кочнев, 1986; Пугаченкова, 1986; Абдуллаев, 1990а, в; Воробьева, Раимкулов, 1990.

¹²⁰ Тереножкин, 1950б.

украшенные штампованным орнаментом, состоящим из знаков, которые встречаются в окрестностях Самарканда (фигуры в виде мальтийского креста, колеса с четырьмя или шестью спицами, зигзага и т. п.). Важно, что знаки эти украшали целыми рядами одну из стенок оссуариев, лишь иногда частично заходя на боковые стенки. Этот тип имел форму продолговатого ящика с закругленными углами.

Иногда закругленность углов оссуариев такова, что форма приобретает вид овальной расширяющейся кверху ванночки. Эти оссуарии авторы относят к «незначительной разновидности» прямоугольных.

К другому типу были отнесены обломки оссуариев с подчеркнутым орнаментом под наклепной полосой с защипами, помещающимися ниже верхнего края на лицевой стенке. Орнамент прочерчивался от руки. Поверхность часто покрывалась красным ангобом. Тесто грубое с дресвой. Форма этого типа овальная в плане, с выпуклыми, суживающимися кверху стенками, или «юртообразная». Отмечается промежуточная группа оссуариев с формой первого типа, среднего качества обжига, с различным орнаментом¹²². Особняком рассмотрены оссуарии со штампованными человеческими изображениями.

Кроме оссуариев первичной типологии были подвергнуты и крышки от них. Так, выделяются сферические с ручкой в центре и круглым отверстием вблизи него и крышки, состоящие из двух плиток, которые, накладываясь на оссуарий, не сходились и образовывали в центре просвет. Первые украшались врезанным орнаментом в виде стилизованных веток, один экземпляр имеет ручку в виде обнаженной женщины, прижимающей к животу левую руку. Крышки в виде плиток украшались наклепными валиками с защипами, наклепными кружками или покрывались ангобом (Ставиский и др., 1953).

В 1954 г. вышла книга «Живопись древнего Пенджикента», в которой публикуется статья М. М. Дьяконова «Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии». Обобщая накопленный материал по изобразительному искусству, М. М. Дьяконов рассматривает изделия мелкой пластики, выполненные из обожженной глины. Автор относит их к «произведениям народного искусства», считая, что в большинстве своем это «идолы для домашних алтарей, своего рода ларарии», а также, что они «поразительно разнообразны и интересны в художественном отношении». М. М. Дьяконов считает необходимым привлечь внимание исследователей к возможным

точкам соприкосновения терракот с монументальными росписями. Подчеркивая разницу между народным характером и массовым, ремесленным методом производства первых и высокой художественностью вторых, созданных для знати, автор видит в них много общего. Эта общность прослеживается автором в изображениях, «оттиснутых рельефом на глиняных, затем обожженных пластинках, применение которых неясно (украшения астаданов — глиняных гробиков?)». На плитках с рельефами представлены изображения, по сюжету и стилю тесно связанные с пенджикентскими росписями. Один из близких сюжетов — воины в боевом облачении. Отражение форм монументального искусства М. М. Дьяконов видит в рельефах биянайманских оссуариев. Не находя непосредственной связи, автор сопоставляет их по характеру одеяний с фигурами пенджикентской росписи и находит ряд совпадающих иконографических деталей (Дьяконов, 1954, с. 131, 134).

В середине пятидесятых годов начинается публикация материалов археологических исследований городища Варахша и Бухарского оазиса, в том числе были введены в научный оборот изделия терракотовой пластики, происходящие из стратиграфических слоев¹²³.

Ф. А. Заславская в 1956 г. публикует статью «Терракотовые статуэтки всадников с булавами с Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР». Это многогранное исследование посвящено образу всадника, отраженному в ряде терракотовых статуэток, происходящих из Тали-Барзу и Кафыркала, его значению и месту в культуре раннесредневекового Согда. Рассматриваемую группу статуэток автор относит ко времени Тюркского каганата (VI–VII вв. н. э.). На основании антропологического анализа Ф. А. Заславская выделила четыре иконографических типа: монголоидный — в круглых шапках, с булавой в правой руке и кинжалом у пояса; слабомонголоидный — без головных уборов, с булавой в правой и сосудом в левой руке; европеоидный — в высоких головных уборах, с булавой в правой руке; европеоидный — в высоком колпаке, с булавой в левой руке и сосудом в правой.

Рассматривая детали, исследователь отмечает, что заусенцы, образующиеся при оттиске ряда статуэток, не срезались, как в кушанское время, а сминались, образуя фестончатый фон. Последнее, по мнению Ф. А. Заславской, придавало статуэткам «объемный вид каменного изваяния». Желанием подражать изделиям из камня автор объясняет

¹²² Среди изделий этой группы интересен крупный налеп из науса 13, изготовленный при помощи штампа, возможно, металлического, с изображением морды чудовища, выполненной с большим художественным мастерством. К «промежуточной» группе отнесен оссуарий из 13 науса, украшенный штампованными кружками, треугольниками и рельефной восьмилучевой розеткой, в сочетании со сквозными фигурными прорезями, а также прямоугольный с закругленными углами оссуарий с ромбической сеткой на всех стенках и с лепной головкой на лицевой стенке из 16 науса. Такая же головка на фрагменте оссуария из 24 науса.

¹²³ При раскопках на центральном бугре городища Варахша в слое III–IV вв. были обнаружены статуэтка лошади ручной лепки и статуэтка-плитка с женским образом, характерной особенностью последней является наличие сквозных отверстий в фоне вокруг головы. В подполье был обнаружен фрагмент статуэтки с персонажем со скрещенными руками на груди (Шишкин, 1955; Урманова, 1956, с. 138–139). Археологические разведки, проводившиеся в западной части Бухарского оазиса, в частности на Аяк-тепе 2, впервые открыли в слоях кушанского времени серию из пяти однотипных терракотовых штампованных статуэток с женским персонажем (Жуков, 1956, с. 199–201).

отсутствие ангоба на многих статуэтках. Обращаясь к политической ситуации в Согде периода Тюркского каганата, он предполагает, что рассматриваемые статуэтки были изображениями умерших, созданными для их почитания.

Изучение головных уборов, костюмов, атрибутов и украшений, изображенных на статуэтках, привело автора к выводу о незначительной роли тюркского влияния на согдийскую культуру.

В результате проведенного исследования Ф. А. Заславская предлагает интерпретировать четыре выделенных типа статуэток так: тюрки-иноземцы, обладающие полнотой светской власти, не связанные с местной религией; местные правители — ихшиды, наделенные светской и духовной властью; представители дехканства; золотопопаянная военно-феодалная знать; духовная феодалная знать.

Подводя итог, автор подходит к некоторым историческим выводам, в том числе о разнородности этнического состава Согда во время Тюркского каганата («монголизации»). Тюрки, по мнению Ф. А. Заславской, не оказали серьезного влияния на культуру и искусство Согда и приняли местную культуру, ассимилировавшись. В частности, отмечается, что «тюркская погребальная скульптура под влиянием Согда принимает оригинальную форму культовой коропластики» (Заславская, 1956).

Еще одна работа Ф. А. Заславской — «Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени» — вышла в 1959 г. Автор исследует группу терракотовых статуэток, передающих женские образы с атрибутами в руках, которые она относит к кушанскому времени¹²⁴. На основе детального изучения иконографии автор выделяет девять типов изображений. Анализируя изображения на статуэтках, она отмечает ряд исторических моментов. Так, прослеживаются первые элементы процесса монголоизации местного брахмического европеоидного расового типа. Отдельному рассмотрению были подвергнуты следующие иконографические детали: атрибуты, костюмы, орнаменты, головные уборы, прически, украшения. Среди атрибутов преобладают изображения цветов, плодов, злаковых культур. Многочисленные изображения богинь плодородия с перечисленными атрибутами, по мнению автора, характерны именно для кушанского времени в связи с наибольшим развитием в этот период ирригационной системы и, соответственно, земледелия. Анализируя орнаменты, которыми украшалась одежда богинь, автор приходит к мнению, что они отображают реально бытовавшие мотивы, используемые в кушанский период для вышивок и украшений тканей (Заславская, 1959).

В 1960 г. продолжает исследование терракотовых статуэток из музейных коллекций А. М. Мандельштам. Оговаривая сложность построения хронологической классификации

терракот Согда, автор, тем не менее, считает возможным сгруппировать и датировать определенное число подъемных статуэток за счет привлечения небольшого числа археологически датированных изделий (в частности, кушанского времени). В работе рассматриваются только женские статуэтки, которые, по мнению автора, в кушанский период составляют подавляющее большинство. А. М. Мандельштам, привлекая стратиграфически датированный материал, «в качестве принципа классификации использовал специфические черты передаваемого физического типа, особенности иконографии, техники выполнения, стиля и т. д.» (Мандельштам, 1960, с. 144). В результате применения вышеописанных принципов было выделено 12 групп статуэток, датированных временем от II в. до н. э. до III в. н. э. На протяжении этого периода автор отмечает присутствие двух этнических типов — «узколицевого» и «широколицевого». Отсутствие последнего типа в терракоте V–VIII вв. н. э. приводит автора к мысли о том, что он отражает облик каких-то пришлых народов, а «узколиций» тип соответствует облику коренного населения — согдийцев. Опуская критику классификации, основанной на анализе антропологии изображений на терракотовых изделиях, отметим лишь важную роль субъективных качеств исследователей при ее применении.

В 1961 г. выходит статья Б. Я. Ставиского «Оссуарии из Бия-Наймана». Автор обращается к ранее не опубликованному материалу, исследуя все 700 обломков оссуариев, найденных и реконструированных Б. Н. Кастальским. Анализ всех фрагментов приводит автора к выводу о том, что реконструкция, предложенная Б. Н. Кастальским, — не только наиболее вероятная, но даже единственно возможная. Б. Я. Ставиский произвел статистический анализ встречаемости отдельных элементов изображений, при этом выявив новые детали, ранее не опубликованные. Рассматривая существующие точки зрения по вопросу датировки, автор счел более аргументированной датировку VI–VII вв.¹²⁵ По вопросу интерпретации автор отметил, что существующие основные две точки зрения — А. Д. Калмыкова и А. А. Потапова, дополненная и развитая Г. А. Пугаченковой, с одной стороны, и А. Я. Борисова, с другой стороны, — на сегодня остаются одинаково актуальными, и исследование всего объема фрагментов не позволяет прийти к окончательному решению.

В статье «Две терракоты из долины Кашкадарьи» в 1962 г. С. К. Кабанов публикует целую плитку с рельефным изображением и статуэтку, найденные в районе Шахрисябза (Кабанов, 1962а)¹²⁶.

¹²⁵ Основываясь на мнении, что прямоугольный тип оссуариев наиболее ранний, который в VII в. сменился овальным и круглым типом (по материалам Пенджикентского некрополя), предполагается, что датировка Бия-найманских оссуариев возможна и в рамках V–VII вв.

¹²⁶ Плитка с заостренной в виде стрельчатой арки вершиной, под которой расположен персонаж в головном уборе с рогами, в левой опущенной руке — булава, правая поднята на уровень плеч. В описании

¹²⁴ Не указывается, на основании чего дается датировка каждой отдельно взятой статуэтки, лишь несколько изделий отмечены как происходящие из раскопок А. И. Тереножкина.

Начиная с 60-х гг. терракотовая пластика Согда становится объектом специализированных исследований В. А. Мешкерис. Опубликовано более 20 книг, статей, в том числе диссертация, которые оказали значительное влияние на многих исследователей в изучении терракотовой пластики Согда.

В 1962 г. выходит каталог В. А. Мешкерис «Терракоты Самаркандского музея». Автор, анализируя историю изучения терракотовой пластики Средней Азии, отмечает, что к 60-м гг. появился ряд исследований, посвященных изучению отдельных «тематических групп» (к примеру, фигурок жрецов ахеменидского времени, статуэток музыкантов, женского божества, всадников тюркского времени). Цель своей работы В. А. Мешкерис видит в полном изучении музейных собраний с применением определенной системы.

В этом издании применяется новая классификация изделий терракотовой пластики. Автором в основу «классификации больших хронологических групп» взят не антропологический принцип, а принцип деления терракот на отдельные «виды художественных изделий, по типам, связанным общим содержанием или единой иконографией, и по категориям, отличающимся единой техникой и стилем» (Мешкерис, 1962, с. 14). Далее подчеркивается, что задача сводится к четкому разграничению изделий коропластики по основным видам: статуэтки, налпы и штампы (служащие украшением сосудов и оссуариев), фигурная керамика, образки и плитки. Принцип выделения основных видов не указан.

Кроме «больших хронологических групп»¹²⁷ автором выделяются «крупные объективно существующие группы», определению основных признаков которых уделяется особое внимание. Принципом их деления выступают разные характеристики: семантика (женские кушанские статуэтки), техника изготовления (лепные статуэтки эфталито-тюркского времени), стиль изображений.

Разработанная классификация будет модернизироваться В. А. Мешкерис на протяжении десятков лет без изменения основного принципа (выделение хронологических групп,

внутри которых определяются группы «объективно существующие»). Несмотря на накопившиеся противоречия и критику, тем не менее, эта классификация остается и по сей день безальтернативной. Безусловно, такое положение определяется рядом факторов.

Для своего времени предложенная классификация имела новаторский характер — автор решительно отошла от традиционной классификации по этническим признакам¹²⁸, резко ограничивавшей возможности обработки материала. Классификация В. А. Мешкерис позволяла рассматривать изделия различной сохранности, в том числе и статуэтки без голов. Значение придавалось всем иконографическим деталям, месту происхождения, технологии изготовления, стилю, размерам и т. д. Рассмотрение этих характеристик в итоге позволяло складывать целостное представление об исследуемых изделиях, благодаря чему такая схема изучения сохраняет свое значение уже сорок лет.

Дальнейшее развитие нового подхода к изучению терракотовой пластики региона нашло отражение в трех взаимосвязанных работах (Мешкерис 1964б, 1977а, 1989а). Во избежание повторов представляется целесообразным рассмотреть их вместе, без хронологической разбивки.

В диссертации «Коропластика Согда» автор не ограничивалась рассмотрением коллекции одного музея, а попыталась обобщить все материалы по терракотовой пластике Согда, собранные в коллекциях различных музеев и исследовательских центрах Советского Союза. Здесь, так же как и в предыдущей работе, из рассмотрения были исключены изделия с зооморфными изображениями. Классификация терракот, по мнению В. А. Мешкерис, должна послужить «основой для выявления динамики художественных стилей». Предлагаемая классификация базируется на принципе характеристики терракот, «предполагающем определение качественных черт стилей». В диссертации отмечается, что хронологическая классификация основана не только на сопоставлении рассматриваемых изделий с археологически датированными материалами¹²⁹, но и на иконографическо-стилистическом анализе. На основе последнего был выделен новый хронологический период — «поры Ахеменидов и первых эллинистических государств (вторая половина I тыс. до н. э.)», ранее он обозначался как «наиболее древние терракоты» и датировался только по верхней дате — до II в. до н. э.

В диссертации предложено несколько схем классификации согдийских терракот. Для первого хронологического

плитки фигурирует такой элемент, как вдавление с оборотной стороны в месте оттиска головы персонажа. В тексте отмечается примесь белых частиц. Эти детали в дальнейших исследованиях сыграют немаловажное значение. Сотрудниками кафедры археологии ТашГУ будет доказано, что отмеченные технологические элементы являются характерными для изделий раннесредневекового Кеша. С. К. Кабанов датирует плитку первыми веками н. э. Фрагмент сероглиняной статуэтки с изображением мужской головы, выполненной оттиском штампа, имеет также подъемный характер. Она передает облик мужского персонажа (головы) европеоидного типа. Автор отмечает аналогичную находку на Киндаклитепе (на юго-западной окраине Каршинского оазиса), поднятую с фрагментом кубка первых веков н. э.

¹²⁷ Автор выделяет три хронологические группы: наиболее древние терракоты (до II в. до н. э.); статуэтки и налпы кушанского времени (II в. до н. э. — IV в. н. э.); терракоты эфталито-тюркской эпохи (V–VIII вв. н. э.).

¹²⁸ Веселовский, 1887; Вяткин, 1926; Мандельштам, 1951.

¹²⁹ Ко времени написания этой работы (1962), на фоне огромных музейных коллекций археологически датированных изделий терракотовой пластики было немного. Требовалось привлечение различных методов для осмысления и датировки музейных коллекций. Автор форсировала исследования, привлекая сравнительный метод (основываясь на сопоставлениях с датированными изделиями), а также датируя по стилю, иконографии и даже по технологии изготовления и применению отдельных технологических приемов.

периода — «терракоты середины первого тысячелетия до н. э.» — схема основана на принципе выделения двух базовых иконографических типов, переднеазиатского и эллинистического, которые в свою очередь подразделяются на конкретные отдельные образы.

Для второго периода — «терракоты эпохи расцвета рабовладельческого строя, II в. до н. э. — IV в. н. э.» — схема включает в себя первоначальную разбивку на три вида изделий по функциональному назначению: статуэтки, барельефные оттиски, налпы. Внутри статуэток дается разбивка на три основные стилиевые группы: архаические фигурки, стилизованные статуэтки (с фоном), статуэтки зрелого стиля. Последняя группа подразделяется на несколько иконографических типов: женское божество, мужчины, музыканты. Они, в свою очередь, состоят из отдельных иконографических образов. Барельефные оттиски не имеют никаких подразделений. Налпы отмечаются только III–IV вв. н. э. Среди них выделяются два иконографических типа: головки с орнаментальными элементами, портретные и идеализированные изображения без орнаментального декора.

Для третьей хронологической группы, V–VIII вв. н. э., представлены две схемы.

Первая схема — «виды коропластических изделий V–VIII вв. н. э.» — подразделяет коропластику этого периода на виды: статуэтки, образки и плитки, налпы и штампы, фигурные керамические изделия. В свою очередь, статуэтки состоят из «разных штампованных фигурок, воинов-всадников и лепных с применением штампа»¹³⁰. Образки и плитки автор подразделяет на три основные составляющие: образки, миниатюрные плитки и крупные плитки.

Принцип выделения видов не разъясняется автором, но включает в себя выделение видов по функциональному назначению — при этом неясно, почему налпы и штампы объединены, а также чем функционально различаются образки и плитки. Внутри этой схемы используется деление на основе технологии изготовления (лепные, штампованные), размеров (миниатюрные, крупные), выделения иконографического типа (воины-всадники), а также стиля (оформление бордюрами с декором и без него).

Вторая схема — «классификация сюжетов в поздне-согдийской коропластике V–VIII вв. н. э.» — построена исключительно на выделении иконографических типов, которые подразделяются на две группы: изобразительные сюжеты и образы-типы и индивидуализированные портретные изображения.

Книга «Коропластика Согда», вышедшая в 1977 г., в отличие от одноименной диссертации не затрагивает вопросы классификации и хронологии. Задачей для автора является «общий исторический обзор коропластики Согда с середи-

ны I тыс. до н. э. по VIII в. н. э. с попыткой характеристики главных тенденций и направлений исторических стилей». В этом издании привлекаются коллекции нескольких музеев и институтов. Практически не изменилась схема разбивки всех рассматриваемых изделий на три крупные хронологические группы, с той лишь разницей, что в первой группе были уточнены хронологические рамки бытования — вторая половина I тыс. до н. э.

Своеобразным итогом, в котором нашли свое отражение все предыдущие работы В. А. Мешкерис, стала книга «Согдийская терракота», вышедшая в свет в 1989 г. Объем исследуемого материала, поставленная автором задача, а именно классификации его и представление в аналитических таблицах «с максимумом информации», а также с графическими рисунками основных иконографических типов, — все это должно было вывести данное исследование на уровень свода или каталога согдийской терракотовой пластики¹³¹.

Сознательно не затрагивая проводимого В. А. Мешкерис иконографо-стилистического анализа, остановимся на рассмотрении двух основных компонентов книги. К ним относится описание принципов классификации и аналитические таблицы, которые являлись основным средством подачи информации об исследуемых объектах.

Рассмотрим основные принципы классификации, примененные В. А. Мешкерис.

Весь материал был разбит на классы (всего XII) и подклассы в рамках трех хронологических комплексов.

Несмотря на правила построения классификации, подразумевающих, что характеристики предметов, помещаемых на одном уровне, отвечают на один и тот же вопрос¹³², В. А. Мешкерис выделила классы по разным признакам:

— на основании хронологии: класс I — древнейшие терракоты; класс II — терракоты середины второй половины I тыс. до н. э.;

— по функциональному назначению: классы III, VI–XII — статуэтки, медальоны, статуэтки, образки, плитки, налпы на оссуариях, оттиски штампов на керамике, фигурные крупные изделия;

— по обоим вышеперечисленным признакам: класс IV — рельефные оттиски на ручках сосудов II в. н. э., класс V — налпы на сосудах III–IV вв. н. э.

Второй важнейший принцип классификации — хронологический. Весь объем исследуемого материала был разделен на три хронологических комплекса. Принцип выделения второго и третьего комплексов, т. е. кушанского и раннесредневекового, не вызывает возражений — он сопряжен с реальной исторической канвой развития Согда, подтверждаемой всем комплексом материальной культуры.

¹³⁰ Последние также подразделяются на лепные гротескные фигурки, лепные с применением штампа и аналогичные с глазами в виде углублений.

¹³¹ Из всех видов терракотовой пластики Согда не рассматривались только изделия, передающие зооморфные образы (статуэтки, ручки, налпы, оттиски и т. д.). Необходимо также отметить, что в книге практически не освещены материалы по терракотовой пластике Южного Согда.

¹³² Шапова, 1988, с. 39.

Принцип выделения первого комплекса ничем не обоснован, так как здесь объединяются значительно отстоящие друг от друга исторические эпохи: бронзу и вторую половину I тыс. до н. э. (класс I и II). Кроме того, искусственным выглядит отрезок времени — вторая половина I тыс. до н. э., не представляющий какой-либо конкретный исторический период.

Все изделия первого класса (древнейших терракот) включены в него исключительно на основании иконографическо-стилистических аналогий, что вполне объясняется отсутствием археологически датированных изделий, а также отсутствием данных о месте происхождения. Название же класс получил с акцентом на хронологический признак.

Во второй класс (терракоты докушанской эпохи) было включено всего четыре археологически датируемых изделия, но лишь в одном случае В. А. Мешкерис соглашается с датировками археологов¹³³. Таким образом, и в этом случае основой для выделения класса стал иконографическо-стилистический анализ, хотя в названии отражен хронологический аспект.

Второй хронологический комплекс, названный «виды и типы терракот кушанской эпохи — II в. до н. э. — IV в. н. э.», включает четыре класса: статуэтки, оттиски на ручках, налепы на сосудах и медальоны. Весь материал этого комплекса представлен в 42 таблицах. Каждый класс является отдельным по функциональному назначению видом изделий терракотовой пластики. Два класса имеют более узкую хронологию: рельефные оттиски на ручках сосудов датированы II в. н. э.¹³⁴, а скульптурные горельефные налепы на ручках сосудов — III–IV вв. н. э.¹³⁵ Как и в первом комплексе, основная масса изделий датируется на основании иконографическо-стилистического анализа, в то время как значительная часть изделий этого комплекса могла уже быть датирована археологически.

¹³³ М. Пачос датирует статуэтку женщины с ребенком V–VIII вв. н. э. (1962, с. 67, рис. 16), В. А. Мешкерис — 2-й пол. 1-го тыс. до н. э. (с. 95).

Н. А. Аванесова датирует женскую статуэтку I в. до н. э. — I в. н. э. (1976, с. 31–33, рис. 1), В. А. Мешкерис — 2-й пол. 1-го тыс. до н. э. (с. 95).

Г. В. Шишкина датирует ранним средневековьем женскую статуэтку из Кафыр-кала (1961, с. 210, 216, рис. 18), Мешкерис считает, что находка рассматриваемой статуэтки в усадьбе случайна и относит ко второй половине 1-го тыс. до н. э. (с. 101).

У С. К. Кабанова статуэтка женская из Афрасиаба датирована слоем III–I вв. до н. э. (1973, с. 57, табл. II, 2). У Мешкерис — это гермафродит 2-й пол. I тыс. до н. э. (с. 102–103).

¹³⁴ Столь узкая датировка дана на основании аналогичных экземпляров, происходящих из кушанских слоев на городище Тепе Заргаран в Афганистане. При полном отсутствии археологически датированного согдийского материала выводы В. А. Мешкерис не представляются убедительными.

¹³⁵ Этот класс автор датирует на основании нескольких находок из слоя ТБ–III, по хронологической шкале Г. В. Шишкиной этот слой датируется IV — первой половиной V вв. н. э.

Необходимо отметить специфику привлечения автором археологических материалов. Автор приводит датировку сразу нескольких исследователей (А. И. Тереножкина, Б. Я. Ставиского и С. К. Кабанова или А. И. Тереножкина, А. М. Мандельштама и С. К. Кабанова). К примеру, все находки из Тали-Барзу и часть — из Афрасиаба получили тройную датировку, без выражения какого-либо авторского отношения к существенному различию этих датировок от рубежа н. э. до V–VII вв. н. э. (Мешкерис, 1989а, с. 126, 128, 134, 136, 152–153, 164, 166). Еще менее логичной выглядит двойная датировка изделий — одна на основе мнения автора, исходящего из иконографическо-стилистического анализа, другая — на основании археологически датированных изделий (Там же, с. 113), также без какой-либо корреляции. Используя разработки по согдийской хронологии А. И. Тереножкина, Б. Я. Ставиского и С. К. Кабанова, автор полностью проигнорировала исследование Г. В. Шишкиной, в котором была аргументированно пересмотрена, изменена и дополнена стратиграфическая шкала Афрасиаба¹³⁶. Кроме того, в этой работе отдельные периоды имеют более узкий хронологический диапазон.

Третий хронологический комплекс — раннесредневековые терракоты (V–VIII вв. н. э.) — представлен шестью классами, каждый из которых является отдельным видом (статуэтки, образки, плитки, налепы, оттиски штампов на керамике, крупные фигурные изделия). Весь комплекс представлен в 124 аналитических таблицах, где значительная часть изделий датирована археологически¹³⁷. Так, пенджикентские материалы датируются в соответствии с археологическими данными (Там же, с. 172, 221, 229, 244–255, 259, 264–267, 273, 278, 299, 300, 305, 312, 313).

Однако в рамках третьего хронологического комплекса предлагаемая автором датировка части изделий основана преимущественно на косвенных данных, которые не всегда могут быть признаны объективными. Так, она определяется:

— «по аналогиям с оссуарными налепами» (Мешкерис, 1989а, с. 175, 178, 180, 181, 182). В качестве оснований для датировки даются ссылки на образцы малоазиатского искусства IV–III вв. до н. э., а также эллинистического Запада и на исследования Н. И. Веселовского;

— «по технике изготовления, характерной только для эпохи раннего средневековья» (Там же, с. 183, 189, 210, 211), имеется в виду комбинированная техника изготовления статуэток (лепное тулово и штампованное лицо). Ранее С. К. Кабанов отмечал изделия с такой техникой в наслоениях Китаба, датируемых временем не позднее II в. н. э.¹³⁸, а также в слоях Афрасиаба III–I вв. до н. э.¹³⁹ Для Бактрии

¹³⁶ Шишкина, 1969, с. 5.

¹³⁷ В 46 аналитических таблицах датировка основана на археологических данных.

¹³⁸ Кабанов, 1962б, рис. 5.

¹³⁹ Кабанов, 1973.

статуэтки, выполненные в комбинированной технике, известны с раннекушанского времени, что подтверждено находками из датированных стратиграфически и монетами слоев¹⁴⁰;

— «по типичным приемам ручной лепки» (Там же, с. 207, 207а) — без указания, чем эти приемы отличаются от тех, что употреблялись в кушанский период (например, в лепке всадников);

— «по технике изготовления глаз углубленными ямками» (Мешкерис, 1989, с. 193, 201, 203, 308, 309) — без аргументации;

— «по техническим особенностям (глина серая, отсутствие ангоба)» (Мешкерис, 1989, с. 223, 226) — учитывая, что в графе «техника» наличие или отсутствие ангоба и цвет глины указываются произвольно, нельзя проверить, являются ли они датирующим фактором;

— «временем бытования оссуариев» (Мешкерис, 1989а, с. 186, 286–292, 296, 297, 300). Особенно сомнительно в отношении предметов, которые сам автор идеологически не связывает с представлениями зороастрийского круга, такими как «персонажи эллинистического типа», «персонажи греко-буддийского типа».

Аналитические таблицы являлись основным средством подачи материала и помимо фактических паспортных сведений включали результаты иконографическо-стилистического анализа, зачастую отражающиеся на датировке изделий. Однако информация, включенная в таблицы, характеризуется рядом серьезных недочетов. В частности, отсутствует указание размеров изделий; происхождение, количество и место хранения объединены в одну графу, что отразилось на качестве сбора сведений об обстоятельствах находки изделий, в том числе происходящих из археологических раскопок, — они практически сведены к минимуму; в графе «техника» дается произвольный набор сведений о способе формовки, дополнительной обработке инструментом и ангобом, о цвете обожженного изделия (выбор одного или нескольких показателей, указываемых в этой графе, не аргументируется); предоставленный графический материал отличается схематизмом, отсутствием масштаба и акцентированием внимания исключительно на изобразительном ряде. Все вышеперечисленное не позволяет подходить к этим таблицам как к своду археологических источников.

Подводя итог важнейшего направления в изучении терракотовой пластики, а именно создание каталога и классификация всех видов терракотовой пластики Согда, которые на протяжении более трех десятилетий вела В. А. Мешкерис, необходимо отметить следующее. Впервые предпринята попытка рассмотреть в совокупности все виды терракотовой пластики как самостоятельного, так и несамостоятельного характера. Выявлены точки соприкосновения и взаимовлияния одних видов на другие. Был учтен весь накопленный ранее и доступный в музейных коллекциях материал, пред-

ставленный в аналитических таблицах, что является колоссальным по объему трудом. Впервые была предложена классификация всех видов терракотовой пластики, основанная как на иконографическо-стилистическом анализе, так и на археологических данных. Автору, безусловно, удалось выявить и проанализировать эволюцию художественных стилей на протяжении нескольких исторических эпох. Не вызывает сомнений характеристика кушанского стиля с присущим ему иератизмом, который сменяет ранне-средневековый стиль, более свободный и динамичный, с массой жанровых сцен. Были намечены магистральные линии развития художественной мысли, отражающие дух исторической эпохи. В истории изучения терракотовой пластики Средней Азии В. А. Мешкерис впервые попыталась обобщить накопленный материал по всем видам терракотовой пластики целого отдельно взятого историко-культурного региона — Согда.

Отдавая отчет в том, что для дальнейшей работы с представленным в книге материалом требуются уточнения по происхождению, качественным характеристикам отдельных изделий, а также логическая переработка классификации, тем не менее, нельзя не отметить, что на сегодня этот труд, так же как и предыдущие работы В. А. Мешкерис, содержит исключительно богатый материал для дальнейших исследований.

С середины 60-х гг. начинают накапливаться противоречия между датировками, предложенными В. А. Мешкерис, и данными археологических раскопок. В опубликованной Г. В. Шишкиной в 1965 г. заметке «О датировке некоторых терракот Афрасиаба» подчеркивается большая вероятность ошибки при датировке изделий терракотовой пластики на основе одних стилистических признаков (Шишкина, 1965).

Автор предлагает рассмотреть изделия, полученные из стратиграфических шурфов, нижние слои которых относятся к первым векам до н. э. и рубежу н. э., на основе керамического материала. Так, из нижнего слоя происходят две фрагментированные фигурки всадников и один налеп от крупного сосуда с изображением мужской головы, относимой к изображению сатира.

Аналогичные налепы из собрания Самаркандского музея В. А. Мешкерис относил к эфталито-тюркской эпохе и датировала V–VIII вв. Комплекс, сопутствующий налепу из шурфа, заставляет относить всю группу подобных изделий ко времени не позднее первых веков до н. э.

Торсы всадников найдены в одном слое с налепом. Один из них сохранил изображение бороды, а второй украшен частыми угловыми вдавлениями, образующими на талии перекрестие полос, идущих от плеч к ногам, а также по обоим рукам. В. А. Мешкерис аналогичные статуэтки относил к группе терракот V–VIII вв.

Статуэтку сидящей женщины, найденную в наслоениях помещения усадьбы близ самаркандской Кафыр-калы, Г. В. Шишкина датирует V–VI вв. н. э., так как в усадьбе не

¹⁴⁰ Пилипко, 1985, с. 89.

зафиксировано материалов, относящихся к более раннему периоду. Аналогичная статуэтка из собраний Самаркандского музея В. А. Мешкерис была отнесена к группе древнейших, датированных временем до II в. до н. э., Г. В. Шишкина отмечает также находки в этой усадьбе еще двух изделий с изображением женских персонажей в виде налепа на оссуарий и статуэтки. Налеп передает поясное изображение женщины с узким лицом, а статуэтка, сохранившаяся по пояс, широколицую женщину в высоком кокошнике. Наличие двух антропологических типов подтверждается и краниологическими исследованиями, что приводит автора к выводу о сосуществовании в один период двух европеоидных антропологических типов, удачно отраженных также и в мелкой пластике. В этой работе представляется наиболее удачное совмещение различных подходов и методов изучения терракотовой пластики. Автор рассматривает ее в контексте археологического комплекса, соответственно датирова. Далее на основании иконографического анализа дается интерпретация с историческими выводами, которая сопоставляется с данными антропологических исследований.

В 1967 г. в статье «Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба» И. Ахраров публикует фрагмент статуэтки с изображением мужской головы с обращенным кверху взглядом из слоя VII — начала VIII в. н. э.¹⁴¹ На статуэтке нацарапана надпись в несколько букв, поверх надписи ангоб, сделанная до обжига. Она была прочтена В. А. Лившицем. Сохранилось одно согдийское слово из двух-трех возможных: «бог» или «господин». Лившиц датирует надпись примерно VI–VIII вв. н. э.

Со второй половины 50-х гг. Ф. А. Заславская последовательно разрабатывала подход к изучению изделий терракотовой пластики как исторических источников, что нашло отражение в названии ее диссертации — «Терракоты Афрасиаба как источник по истории и культуре Согда». Ф. А. Заславская отмечает необходимость создания среднеазиатского каталога терракот. Она выделяет важные аспекты в подходе к изучению терракот, такие как непрерывность существования этого памятника культуры с середины I тыс. до н. э. до VII–VIII вв. н. э. («более ранние периоды опускаются вследствие некоторых проблем»); развитие и изменение как форм, так и содержания сюжетов терракот, происходящее в непосредственной связи и под влиянием исторических событий. «Терракоты, — считает автор, — как самый демократичный вид искусства, лучше многих других, даже более документальных памятников, отражают мировоззрение и культурные запросы рядового населения Согда. Терракоты являются интересным источником для выяснения внешней истории и значения культурных взаимосвязей» (Заславская, 1970б).

¹⁴¹ Статуэтка происходит из шурфа, заложенного в юго-восточной части раскопа, внутри третьей городской стены в юго-восточной части городища Афрасиаб.

В 1968 г. в сборнике тезисов конференции по проблемам археологии Средней Азии М. Пачос освещает новые находки оссуарных захоронений на Афрасиабе. Автор по обилию захоронений и расположению их за пределами раннесредневековой городской стены определяет их как загородный городской некрополь и датирует V–VIII вв. н. э.

В семидесятые годы продолжается публикация материалов терракотовой пластики из археологических раскопок. Так, в статье С. К. Кабанова «Изображение Шивы на оссуарии», вышедшей в 1971 г., рассматривается фрагмент оссуария, происходящий из бадраба VIII в. н. э. При описании изделия автор отмечает, что «это была изготовленная отдельно терракота, прикрепленная затем к стенке оссуария». От самого оссуария сохранилась часть прорези. В иконографии изображенного на нем мужчины отмечаются такие детали, как обнаженный торс, украшенный перевязью, перехваченной на груди кольцом, браслеты на руке, повязка у плеча. Несмотря на то, что изделие было обнаружено в бадрабе VIII в., автор считает, что изготовлен он был в VII в. Образ на оссуарии интерпретируется как Шива (Кабанов, 1971).

В 1972 г. в сборнике научных статей, посвященном истории искусств Афрасиаба, выходит статья Т. С. Вызго «Афрасиабская лютня». Восстанавливая историю музыкального инструмента на территории Согда, исследователь обращается к письменным источникам, фольклору, к разным видам изобразительного искусства, и в том числе к терракотовым изделиям. Вся группа музыкантов в терракотовой пластике датируется автором со ссылкой на В. А. Мешкерис кушанским временем, I в. до н. э. — III в. н. э. Наибольшее число музыкантов изображено с лютнями. Упоминается лепная терракотовая лютня, изготовленная отдельно от музыканта. Говоря о многочисленности изображений музыкантов, автор отмечает, что их «фигурки олицетворяли могущественную силу искусства. Образ музыканта почитался, видимо, столь же глубоко, как образы мифологических божеств или эпических героев» (Вызго, 1972, с. 284).

В этом же году были опубликованы тезисы доклада Б. И. Маршака «Согдийские терракоты». В этой работе автор затронул источниковедческие аспекты изучения согдийских терракот на примере группы штампованных фигурок всадников VII–VIII вв. из коллекции Эрмитажа. Опытные наблюдения за серией однотипных статуэток привели автора к выводу об использовании коропластом готовых статуэток в качестве матриц и последующем их использовании в качестве матриц. Такая технология давала сокращение на 1–12% длины готового изделия. Разница на 1/3 по линейным размерам, по мнению автора, могла быть достигнута через два-три «поколения» терракот. Кроме того, отмечается, что фигурки и формы подправляли, обычно в низком рельефе, что приводило к огрублению рисунка. «Правка формы дает резкий рельеф и небрежный рисунок, что определяет впечатление гротеска». По мнению автора, «серии в десятках образцов, принадлежащих не менее чем к четырем-пяти

“поколениям”, восходят к одной скульптуре», из чего он делает вывод о редком и случайном поступлении новых скульптур¹⁴². Следовательно, считает Б. И. Маршак, коропластика не могла стать отдельной отраслью. Образцы изготавливались изредка скульпторами широкого профиля, что объясняет монументальность трактовки лучших терракот.

В заключение автор делает достаточно радикальное заявление о том, что «вопросы о значении атрибутов, о портретности, об антропологическом типе изображенных и о стиле терракот» были поставлены заново, «так как мы имеем, по крайней мере для VII–VIII вв., не обильный набор мелких скульптур, изготовленных в одном центре, как это полагали, а около полутора десятка разнородных образцов и их многочисленные реплики». При исследовании терракотовых изделий автор предлагает выделять те признаки, которые отражали бы место фигурки в серии. Можно сказать, что это предложение отражало всю глубину накопившихся противоречий и призывало поставить под сомнение достаточно многочисленные исследования, основанные на старых, традиционных методах изучения терракот (Маршак, 1972, с. 176–177)¹⁴³.

К разряду публикаций относится работа М. К. Пачоса, вышедшая в 1973 г., где суммируются материалы оссуарного некрополя Афрасиаба¹⁴⁴. Автор отмечает преимущественно продолговатую форму оссуариев с закругленными углами, лицевая поверхность которых покрывалась рельефным орнаментом. Приводится описание нескольких наиболее выразительных фрагментов. Анализируя орнаменты на оссуариях, автор приходит к мнению о синкретизме разных религиозных течений, а также о сосуществовании двух этнических типов (Пачос, 1973).

Публикации новой серии оссуариев из Иштыхана посвящена статья Г. А. Пугаченковой, вышедшая в 1975 г. В ней описываются находки фрагментов оссуариев, дается иконо-

графический анализ и интерпретируются оттиснутые изображения. Автор, отмечая близость иштыханских изображений сюжетам на биянайманских оссуариях, предполагает, что для первых использовались иные матрицы с аналогичными, но не идентичными изображениями. Интерпретируя сюжет с расположенными под аркадой персонажами с атрибутами, автор приходит к мнению, что он был связан с «погребальным ритуалом — но не со сценой бытовых похорон, а с особым обрядом какого-то среднеазиатского культа умирающей и воскрешающей природы, может быть, с мистерией погребения останков Сиявуша» (Пугаченкова, 1975, с. 38).

М. Исамиддинов и Р. Х. Сулейманов в 1977 г. в статье «Комплекс ритуально-культовой керамики IV–V вв. из Южного Согда» опубликовали ряд керамических изделий, в том числе с применением терракотовой пластики, происходящих из раскопок храма женского божества на Еркургане. Авторы подчеркивают, что на территории храма было найдено несколько десятков обломков сосудов для возжиганий и воскурений, тогда как на остальных пяти раскопах за небольшим исключением их вообще не найдено. Курильниц было найдено 40 штук. Одна из них, целая, высотой 30 см, в виде вазы на высокой ножке, с манжетом и резервуаром в виде полусферической чаши, обнаружена в центральном помещении храма. Курильница украшена орнаментальными поясками в виде ромбовидной сетки, выполненной насечками, а также рядом штампованных колечек, резервуар курильницы украшен тремя налепами в виде антропоморфных личин.

Кроме курильниц авторами были рассмотрены крупные плоские блюда-жаровни. Всего отмечено 20 больших и малых обломков таких блюд. Эти изделия изготовлены ручной лепкой. Одна из жаровен в отличие от остальных разделена на четыре секции пересекающимися крест-накрест перегородками. В местах стыка последних и края жаровни помещены налепные головки животных, обращенные мордой внутрь.

Третий тип культовых сосудов, рассмотренный в статье, — светильники в виде лепных чашек с большой фигурной ручкой. На этих светильниках, также орнаментированных насечками, лепными зубчатыми защипами, отмечается зооморфный облик ручек, имеющих вид схематичных фигурок животных.

Среди материалов публикуемой коллекции отмечаются пять экземпляров схематических лепных головок животных, по мнению авторов, ранее прикрепленных к ручкам светильников и краям жаровен. Подчеркивается своеобразие наварший в виде миниатюрного лепного оленя или барана с рогами, украшенными шипами на небольшой, конической формы горловине сосуда с зубчатыми краями.

Авторы видят в представленном материале ритуальную утварь, которая предназначалась для воскурения в ней масел и ароматических веществ, посвященного божеству. Лепные и штампованные украшения, опоясывающие рядыми

¹⁴² Метод выявления серий терракот, восходящих к одному оригиналу, был разработан в работах Э. Ястрова (Jastrow, 1941) и Р. В. Ничольса (Neutsch, 1952), и назван механическим. Позднее, он был развит в работах Р. А. Хиггинса (Higgins, 1954).

¹⁴³ Анализ данной работы будет дан ниже.

¹⁴⁴ Так, лицевая стенка одного из них была украшена налепными рельефными головками в коронах с расходящимися крыльями и шаром в середине, расположенными между сводов подтреугольных арок, внутри последних расположены штампованные, несторианского типа кресты. Само поле дополнительно украшено штампованным орнаментом типа «чешуи». Второй описанный фрагмент аналогичен, но худшей сохранности, имеет дополнительное украшение лицевой стенки штампованными 3 и С-образными вдавлениями. Корона персонажа со второго оссуария, по мнению автора, наиболее близка короне Варахрана II (276–293) и Хосрова II Парвеза (590–627). Автор подчеркивает, что орнамент в виде 3-образных фигур изредка встречается на бытовой посуде из Пенджикента и Афрасиаба. К другому варианту орнамента отнесены фигурки в виде колеса с четырьмя или шестью спицами. На одном из оссуариев на стенках изображены колонны коринфского стиля с элементами местных форм. На одном оссуарии подъемного характера барельефное налепное изображение женской головки с монголидными чертами.

края и углы данных сосудов, интерпретируются как обереги. В зооморфных изображениях и антропоморфных личинах авторы предлагают видеть символ Фарна — носителя удачи и благополучия в зороастризме (Исамиддинов, Сулейманов, 1977).

В 1977 г. в краткой заметке сборника «Археологические открытия» публикуется сообщение Н. И. Крашенинниковой о находке в ходе маршрутного обследования в Китабском районе фрагментов оссуария с уникальной сюжетной композицией (Крашенинникова, 1977а).

На 1977 г. также приходится публикация археологического комплекса из нижних наслоений с южносогдийского городища Китаб (Крашенинникова, 1977б, с. 88–93, рис. 26, 1–6). Впервые из стратиграфических наслоений позднеэллинистического периода был получен надежно датированный материал по терракотовой пластике. Он насчитывал шесть изделий, среди которых две антропоморфные головки, объемная фигурка сидящей обнаженной женщины, статуэтка крылатого коня, а также две лошадки (со всадником и без него). Небольшой комплекс изделий терракотовой пластики отличался яркостью характеристик и представлял уникальные иконографические образы. Н. И. Крашенинникова, описывая терракоты, основное внимание уделяет вопросам интерпретации. Так, в одной из головок автор небезосновательно усматривает изображение божества с чертами иконографии Афины в шлеме. Интерес также представляет статуэтка, трактуемая автором как кентавр.

В 1978 г. вышла статья В. А. Мешкерис «Эллинистические образы в коропластике Средней Азии». К эллинистической традиции автором были отнесены следующие изделия терракотовой пластики Согда: головки воина в коринфском шлеме, Медузы, дионисийского персонажа в стиле пергамской скульптуры, а также статуэтки в эллинистических одеждах (Мешкерис, 1978).

В том же году М. Саадиев публикует заметку «Терракотовые статуэтки с городища Афрасиаб». Автор отмечает обнаружение десяти терракот при раскопках на территории соборной мечети, расположенной в северной части Афрасиаба (Саадиев, 1978)¹⁴⁵.

Связи терракотовой пластики и монументального искусства Согда посвящена очередная статья В. А. Мешкерис. В ней отмечается «нарушение прямой преемственности»

между терракотами раннесредневекового и предшествующего периодов, что отразилось в появлении следующих видов коропластики: «барельефов, образков, плиток». Кроме того, «начали применять штампы для художественного оформления керамики, изготавливать своеобразные фигурные керамические изделия»¹⁴⁶ (Мешкерис, 1979а, с. 3).

Вторым аспектом изменений автор считает смену техники изготовления, отмечая, что именно в средневековье появляются комбинированные техники из различных сочетаний ручной лепки и использования штампа¹⁴⁷. Автоматически выпадают из рассмотрения зооморфные статуэтки, так как они, за редким исключением, во все периоды были лепными.

Третий аспект изменений проявляется в смене «характера пластики статуэток», что отразилось в переходе от иератичности к большей свободе, от бесстрастности к эмоциональности. Эти аспекты воспринимаются как следствие коренного изменения в образном мышлении и возникновение новых задач и содержания в искусстве.

В изучении согдийского стиля раннесредневековой эпохи автор видит большую роль сопоставления терракот с произведениями монументального искусства Согда. Ранее на значение этого метода указывал М. М. Дьяконов¹⁴⁸, который сопоставил сюжеты росписей с сюжетами на терракотовых рельефных плитках и на стенках оссуариев, в результате чего выявился единый тематический круг. В. А. Мешкерис рассматривает ряд сюжетов в упомянутых выше видах изобразительного искусства и приходит к следующим выводам. Общие стилистические черты в монументальном искусстве и терракотах отражают общее направление светско-династического и эпического искусства раннесредневековой эпохи. Выявились они в сюжетности, декоративности, пространственности, движении, типизации, индивидуализации, эмоциональности образа человека в позднесогдийском искусстве.

В следующем году в статье «К постановке вопроса о согдийском стиле в искусстве раннего средневековья» В. А. Мешкерис отмечает богатство художественной культуры согдийцев в раннесредневековый период, что ярко отражено в росписях Пенджикента (Мешкерис, 1980). Подчеркивается, что при исследовании этой монументальной живописи вопрос «что изображено?» затмил эстетическую ценность живописи и вопрос «как сделано само изображение?». В выявлении и обосновании факта существования согдийского стиля немаловажную роль В. А. Мешкерис видит в определении стилистической общности между разными областями согдийского искусства, в частности,

¹⁴⁵ Из них 2 статуэтки с мужскими образами, 2 — с антропоморфными, 1 статуэтка обезьяны и 5 фигурок коней. Статуэтка воина с булавой (европеоид), выполненная в комбинированной технике, была обнаружена в помещении, перекрытом стеной соборной мечети, а в соседнем помещении был обнаружен клад аббасидских монет 773–775 гг. Вторая статуэтка аналогична по изготовлению, представляет монголоидный образ мужчины в островерхом уборе, найдена на полу михрабной части мечети. Зооморфные изображения найдены в тех же слоях, подстилающих соборную мечеть, что и антропоморфные. Статуэтка обезьяны слеплена вручную, без ангоба. Фигурки коней с наклепными глазами, цилиндрическими мордами, одна с всадником. Датируются все изделия VIII или VII в., как по иконографии, так и по монетам клада и керамикой (кружки с высокими бортиками).

¹⁴⁶ Автор не уточняет характеристики перечисленных «новых видов» терракотовой пластики.

¹⁴⁷ Не указывается, на основании каких именно материалов сделаны эти обобщения. Известно, что на территории соседней Бактрии-Тохаристана комбинированная техника использовалась с раннекушанского периода.

¹⁴⁸ Дьяконов, 1954, с. 131.

в сопоставлении произведения монументального искусства и терракоты Согда. В качестве предыдущего опыта упоминаются работы М. М. Дьяконова и А. М. Беленицкого. Сопоставлению были подвергнуты изделия терракотовой пластики и росписи со следующими сюжетными линиями: мужская фигура, опирающаяся на меч; мужчины, сидящие со скрещенными ногами; мужские и женские персонажи, сидящие в свободных позах на тахте; персонажи в рыцарских одеждах, трехрогих шлемах; персонажи на зооморфных тронах; плакальщицы; персонаж в лучистом нимбе; кариатиды; демоны, киртимукхи, персонажи с пламенем из-за плеч; персонаж, держащий ягненка.

В. А. Мешкерис выявила не только общие сюжетные линии для двух областей согдийского искусства, но и проследила общность «в постановке одних и тех же художественных задач». К последней были отнесены «повествовательная сюжетность» — изображение фигуры в пространстве, в конкретной обстановке, в движении и т. д.; «декоративность» — использование орнаментики, введение различных деталей в изобразительный ряд и внимание к ним; «ритмика и размеренность композиционного строя».

Выявив эти компоненты, составляющие основу согдийского стиля, В. А. Мешкерис поставила задачу сравнения согдийского стиля со стилем соседних регионов. Отмечается, что Согд — «самый долгоживущий среднеазиатский центр коропластики, так как в этот период (V–VIII вв.), когда происходит всеобщее затухание коропластического искусства на Среднем Востоке, в Согде наблюдается его расцвет». В качестве примеров рассматриваются области Хорезма, Мерва, Ирана, Восточного Туркестана.

В итоге сравнения автор приходит к выводу не только «об общности между двумя параллельно развивающимися видами искусства Согда (коропластика, настенная живопись)», но и «о своеобразии согдийского стиля в общем развитии искусства Среднего Востока».

В своем исследовании автор ставит вопрос о том, как возник согдийский стиль, и делает вывод, что при современном уровне знаний ответ на этот вопрос можно дать только с помощью исследования терракот. Именно этот материал бесспорно признается местным, массовым и хронологически более широко представленным, нежели произведения монументального искусства.

«Сравнение терракот двух хронологических периодов даст возможность констатировать нарушение прямой преемственности... Статуэтки кушанского времени — это, в сущности, ярко выраженные канонизированные образы, среди которых преобладали изображения женского божества. Религиозная мифология, традиционные культы составляют основу образной системы». Позднесогдийская коропластика — «цари, знать, героизированное рыцарство, обстановка роскоши феодалов, юмористические смешливые образы, фантастические демоны. Подчеркнутое внимание к словесности изображаемых лиц, светский характер самих образов и сцен также выдержаны в духе феодальной идеологии,

которая ярко выражена в согдийских фресках» (Мешкерис, 1980, с. 226).

В 1982 г. И. Д. Иваницкий опубликовал в статье «Образ богини Анахиты в коропластике Согда» статуэтку, приобретенную у частного коллекционера, предположительно происходящую из Афрасиаба (Иваницкий, 1982)¹⁴⁹.

Коропластике Бухарского Согда посвящена работа Ш. Т. Адылова. Исследование представляет собой осмысление большей части материала по терракотовой пластике, полученной из раскопок в Бухаре и с территории Бухарского Согда в целом (Адылов, 1983). Необходимо отметить, что ранее этот материал не был освещен, нет сведений о нем и в вышерассмотренных каталогах В. А. Мешкерис. В работе изделия разбиты на группы по технологии изготовления и по функциональному назначению: статуэтки, изготовленные в матрицах; лепные статуэтки; налпы на сосудах; фигурные сосуды. Основу исследования составляет иконографическо-стилистический анализ.

Центральное место в иконографии Бухарского Согда, по мнению Ш. Т. Адылова, отводится образу богини Анахиты, который в античную эпоху достигает наивысшей популярности. Самая ранняя из богинь датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Отмечается, что статуэтки II–III вв. н. э. выглядят реалистичнее. По мнению автора, шесть статуэток Анахит, которые отражают «коропластику сельской округи», датируются III–IV вв. н. э. Отмечается, что все они предназначались для подвешивания, так как имели по два сквозных отверстия.

В результате общего анализа изделий терракотовой пластики Западного Согда Ш. Т. Адылов счел возможным выделить бухарскую школу коропластики. В отличие от самаркандской, здесь преобладают статуэтки Анахит в виде женщин солидного возраста, а также отмечается наличие двух женских образов в башенных венцах. Иконографические особенности выделяются для всех рассматриваемых видов пластики за исключением зооморфных статуэток.

С начала 80-х гг. отмечается целый ряд публикаций терракотовых изделий, происходящих из археологических раскопок Южного Согда. Так, в 1983 г. Г. Я. Дресвянская публикует статью «Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда», в которой впервые после Н. И. Крашенинниковой (Крашенинникова, 1977а, 1986) обращается к вопросу погребального обряда в данном регионе. Этому способствовало обнаружение оссуарного некрополя во время земляных работ в Узкишлаке Яккабагского района Кашкадарьинской области, которые описываются, и изображениям которых

¹⁴⁹ Атрибуты в согнутых и поднятых к груди руках женского образа интерпретируются как инвестирующее кольцо и предмет, связанный с инсигниями — знаками высшей власти. Анализ иконографии образа дает хронологические рамки бытования от II в. до н. э. до IV в. н. э. Особенности технологии изготовления — плотный красно-коричневый ангоб — позволяет автору предположительно датировать статуэтку периодом не позднее рубежа нашей эры.

дается интерпретация. Два идентичных оссуария были переданы на кафедру археологии ТашГУ¹⁵⁰.

В 1983 г. С. Б. Лунина в статье «Статуэтка лютнистки из Кашкадарьинского оазиса» рассматривает вопрос о разновидностях бытовавших в древности и средневековые музыкальных инструментов, о возможном влиянии искусства Бактрии на Южный Согд, а также о местных особенностях музыкальных инструментов (Лунина, 1983)¹⁵¹.

В 1985 г. выходит совместная статья С. Б. Луниной и З. И. Усмановой «Уникальный оссуарий из Кашкадарьи». Отмечая находки оссуариев последних лет в Согде, авторы высказывают мнение, что «столь сложные сюжеты, изображенные на стенках оссуария, могут говорить о развитии своеобразного искусства в Кашкадарьинском Согде и наличии сложной символики, связанной с культовой идеологией в целом и с погребальной обрядностью в частности» (Лунина, Усманова, 1985)¹⁵².

В следующем году С. Б. Лунина и З. И. Усманова публикуют статью «Персонаж со змеями на фрагменте оссуария». Публикация дополняет представления о составе пантеона божеств, почитавшихся в раннесредневековом Согде¹⁵³. Иконографический анализ изображения на фраг-

менте оссуария приводит авторов к мысли о «хтонической природе» показанного божества (Лунина, Усманова, 1986).

Очередная статья С. Б. Луниной, вышедшая в 1987 г., была посвящена изучению сюжетов в искусстве средневекового Кеша. В работе рассматривается такой вид терракотовой пластики, как «небольшие терракотовые плитки-иконки»¹⁵⁴. Сравнивая плитки с арочным обрамлением с монументальной живописью, автор высказывает мнение, что «плитки-иконки также в первую очередь несли изображение божества, будучи предназначенными либо для домашних святилищ, либо для индивидуального ношения». Кроме того, автор подчеркивает, что наличие в Кеше «плоских терракотовых иконок» показывает «общность развития некоторых видов искусства со всей территорией Согда, равно как и развитие сходных идей отправления культа». Отмечается, что за пределами Согда подобные изделия редки. Кешские же плитки сходны с согдийскими, как отмечает С. Б. Лунина, только общим решением и отдельными деталями (Лунина, 1987).

В этом же году З. И. Усманова и С. Б. Лунина в статье «Изображение музыкантов на оссуарии Яккабага» возвращаются к ранее опубликованному оссуарию и отдельно рассматривают изображенных на нем музыкантов и музыкальные инструменты. Авторы переходят от частного рассмотрения изделий терракотовой пластики к постановке обобщающего вопроса о роли музыкального искусства в жизни согдийцев. Суммируя данные археологических находок и письменных источников, а также исследования музыковедов, отмечают, что образ музыканта столь же глубоко почитался, как образ мифологического божества и эпического героя (Лунина, Усманова, 1987).

В 1989 г. Д. В. Чунихиным была опубликована статья «Терракотовая плитка с Кургантепе»¹⁵⁵. Анализируя иконографию образа, изображенного на терракотовой плитке, автор приходит к предварительному варианту интерпретации образа, предлагая видеть в нем зороастрийского бога Воху-Мана (Чунихин, 1989).

¹⁵⁰ Автор рассматривает два идентичных оссуария, в одном из которых содержались останки взрослого человека, в другом — кости ребенка. Оссуарии прямоугольной формы со скругленными углами вверху переходят в овально-сферический купол, где предполагается овальное отверстие. Вдавленные изображения на всех четырех стенках, по предположению автора, были оттиснуты по сырой глине при помощи уже готового изделия. Композиция изображает сцену ритуального танца четырех персонажей (трех женщин и одного мужчины) под музыку. Искусствоведческий анализ в сочетании с археологическими данными позволили Г. Я. Дресвянской датировать рассматриваемые оссуарии раннесредневековым временем.

¹⁵¹ Автор исследует статуэтку, найденную при раскопке бугра Пахалтепе, расположенного близ Тезоба Яккабагского района, которая ориентировочно датируется III–IV вв. н. э. Пахалтепе — тепе со шлейфом с раннесредневековым и позднеантичным материалом (в том числе были найдены ножки красноглиняных кубков и кубковидных чаш).

¹⁵² Так, в Яккабагском районе при земляных работах по сносу Хирмантепе (близ кишлака Дархан, на территории колхоза «Шарк Юлдузи») в 1984 г. был обнаружен оссуарий с рельефными изображениями. В срезах холма Хирмантепе были обнаружены материалы раннего и развитого средневековья, к этому же времени относятся близлежащие памятники. Оссуарий имеет вид прямоугольного ящика с загибающимися внутрь верхними краями стенок. Углы оформлены как бы трехчетвертными колонками, завершенными сверху невысокими круглыми выступами, изображение на длинной стороне оссуария включает две крупные фигуры танцующих персонажей, расположенных под арками, которые, в свою очередь, поддерживаются фигурами гандхарвов. Анализируя смысловое содержание сюжета, авторы затрагивают ряд вопросов, в том числе о влиянии искусства и идеологических представлений Индии, а также о возможном синкретизме божеств авестийского и местного пантеонов. Датируется оссуарий VI–VII вв. н. э.

¹⁵³ Оссуарий найден на южном берегу Чимкурганского водохранилища. При изготовлении этого изделия использовалась комбинированная техника — персонаж со змеями оттиснут штампом, арка, под которой он расположен, выполнена по сырой глине острым инструментом.

¹⁵⁴ Упомянув ранее найденную близ Шахриябза терракотовую плитку с изображением персонажа со звериной рогатой головой под стрельчатой аркой, автор отметила находку аналогичной плитки у подножия цитадели Камайтепе в западной части Кеша. Два изделия с вариациями одного персонажа, на взгляд автора, говорят о большом значении этого образа для населения раннесредневековой Кашкадарьи. Размышляя над истоками формирования в Кеше звероголового божества, а также над интерпретацией этого образа, автор не приходит к однозначному мнению, видя в нем «переливчатость» божеств Вретрагны и Индры. Еще одна плитка была найдена в слое раскопки сельского поселения Киндыктепе. На ней в нижней части изображен алтарик или жертвенник, над которым помещено изображение животного с розеткой на тулове.

¹⁵⁵ Изделие было обнаружено при стратиграфическом изучении южного фаса укрепленного сельского поселения Кеша в слое первого периода обживания, датированного по керамике VII — началом VIII в. н. э. На фрагменте рассматриваемой плитки изображен персонаж в сложном головном уборе — «лунной короне».

В начале 80-х гг. также продолжается накопление материалов по терракотовой пластике, происходящих из Центрального Согда. В 1983 г. Л. Павчинская публикует статью «Оссуарий из Муллакургона», в которой представлены два оссуария из полностью разрушенного тепе Муллакурган в Самаркандской области¹⁵⁶. Датируются оссуарии из Муллакургона аналогично биянайманским и иштыханским — VI–VII вв. н. э. (Павчинская, 1983).

В статье «Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г.» упоминается находка типично хотанской терракотовой головки (Беленицкий, Маршак и др., 1983). Авторы видят в ней первое изделие «бесспорно восточно-туркестанского происхождения» в Пенджикенте.

В 1984 г. С. К. Кабанов публикует статью «Терракоты из раскопа на Афрасиабе». Важность данной статьи заключается в публикации материала, полученного из стратиграфических условий, среди которых представлены редкие изделия эллинистической эпохи, имеющие ясные стратиграфические условия залегания. Среди них к первым векам до н. э. были отнесены три находки, из них две являются налепами на сосудах. Автор подчеркивает ошибочность мнения В. А. Мешкерис о том, что налепы-головки в Согде появляются только в III–IV вв. н. э. К I–IV вв. н. э. отнесены три терракоты, передающие изображения «богинь переднеазиатского типа». III–IV вв. было датировано изображение мужчины, как считает С. К. Кабанов, нового этнического типа, возможно, хионита. В заключение автор отмечает, что в период раннего средневековья, в V–VIII вв., Согд «оставался центром короппластического искусства Средней и Передней Азии» (Кабанов, 1984).

В 1985 г. в очередном томе «Археологии СССР», посвященном древнейшим государствам, в главе «Согд» Г. В. Шишкиной, Р. Х. Сулеймановым и Г. А. Кошеленко обобщаются данные по терракотовой пластике региона. Авторы, рассматривая терракотовые статуэтки, относят их к бесспорно культовым изделиям, воспроизводя основные выводы из обобщающих работ В. А. Мешкерис (Мешкерис, 1977а). Отмечается распространение в Согде в III–IV вв. налепов на керамике, где реалистические тенденции изображений выражены ярче, чем на самостоятельных видах терракотовой пластики, которые более жестко следовали канону. В целом данный труд характеризует уровень изученности проблем терракотовой пластики на период середины 90-х гг. XX в. и приоритетное использование разработанных В. А. Мешкерис схем.

¹⁵⁶ Один оссуарий прямоугольный с пирамидальной крышкой. Автор отмечает, что все стенки оссуария и его крышки изготовлены отдельно и затем соединены при помощи глиняных валиков, и все они несут рельефные изображения. Стенки ящика сверху украшает зубчатый парапет. На длинной стороне изображена тройная аркада, в которой размещены по краям два человека, а в центре — жертвенник с огнем, на крышке расположены две женские фигуры с атрибутами лицом друг к другу. Второй оссуарий овальной формы с процарапанным цветочным узором и наlepной волнообразной лентой на лицевой стенке.

В 1986 г. появляются две статьи, посвященные зооморфным очажным подставкам Согда. В одной из них суммируются данные по этому виду изделий на территории Нахшеба. Отмечается, что находки, стратиграфически датированные периодом раннего средневековья, несут изображения бараньих голов, характерные в культуре Каунчи для II в. до н. э. — IV в. н. э., из чего Б. Д. Кочнев делает вывод о появлении и консервации этого вида изделий на территории Нахшеба на значительный срок (Кочнев, 1986, с. 44–45). Вторая статья посвящена анализу зооморфных очажных подставок Самаркандского Согда, в частности, с памятника Булакбаши (Пугаченкова, 1986, с. 34–37). Г. А. Пугаченкова отмечает высокое содержание песка в составе теста подставок, что придавало им большую огнеупорность. Выделяются два типа: продолговатые (часто именуемые «шашлычницами») и короткие со среднестатистическими размерами первых 40 × 11–18 см и вторых 20–24 × 15–17 см. Продолговатые подставки украшаются помимо традиционных голов быка и козла личинами, близкими к антропоморфным. Рассматривая скульптурное оформление подставок, автор выражает сомнения в верности высказанного ранее Б. А. Литвинским мнения об изображении на них барана как овеществленной символики зороастрийского Фарна.

Продолжает серию публикаций новых оссуариев из Центрального Согда статья Г. А. Пугаченковой «Мианкальские оссуарии». В этой работе автор анализирует материалы, полученные в долине Зеравшана (Мианкаль) с момента открытия биянайманских оссуариев. Отдельное внимание уделено изучению иконографии и интерпретации образов с оссуариев Иштыханского погребального комплекса. Оссуарии из этого комплекса фрагментированы, но поддаются реконструкции. Они представляли собой прямоугольные ящики с крышками четырехскатной формы. Г. А. Пугаченкова восстановила технологию изготовления оссуариев. Было отмечено, в противовес мнению Б. Н. Кастальского, который считал, что формовались оссуарии из одной ленты, что каждая из сторон оссуариев формовалась отдельно, и лишь затем они соединялись между собой и с дном. Это утверждение относится как к мианкальским, так и биянайманским оссуариям. На ряде изделий отмечены следы многократного использования штампов, что отразилось на качестве рельефов, а также использование в качестве штампов контррельефа с оссуарных рельефов (Пугаченкова, 1987в).

Описывая оссуарии, автор подразделила их на семь типологических групп, которые отражают этапы иконографической эволюции. Анализируя детали иконографии, автор приходит к интерпретации образов на оссуариях Иштыхана, Дурмон-тепе, Муллакургона, а также Бия-Наймана как образов священнослужителей, которые «творят литургию, как бы воспроизводя действия Амешаспентов». Автор подчеркивает особенности стиля изображений на мианкальских оссуариях и их отличия от оссуариев из Самарканда.

В этом же году выходит работа Ф. Грене, в которой была предложена новая интерпретация изобразительного ряда

на оссуариях Бия-Наймана и Мианкаля, суть которой сводилась к видению в персонажах на оссуариях образов шести Амеша Спента (Грене, 1987, с. 53).

В статье Л. В. Павчинской и О. М. Ростовцева «Оссуарии из Сарытепе», опубликованной в 1988 г., рассмотрены два костехранилища, найденные у крепостной стены городища Сарытепе в Самаркандской области¹⁵⁷. Авторы детально исследуют иконографию изображений на двух оссуариях и приходят к предположению, что стилизованный орнамент в виде виноградной лозы на стенках второго оссуария мог быть заменой антропоморфных изображений на первом и эквивалентен им. Такое предположение становится обоснованным при выявлении у рассматриваемых оссуариев «удивительных сходств между собой в композиции, выраженных в однотипности изображений под тремя арками». В композиции со стоящими персонажами со скрещенными руками Л. В. Павчинская и О. М. Ростовцев видят «сцены моления (вариант сцены служения божеству), связанные, вероятнее всего, в данном случае с погребальными культами». Оба оссуария авторы предлагают датировать временем не ранее середины VII в. н. э. (Павчинская, Ростовцев, 1988, с. 91–101).

К. Абдуллаев в 1990 г. в статье «Сасанидские параллели в Согде и Бактрии-Тохаристане на примере некоторых памятников пластического искусства» рассматривает ряд изделий терракотовой пластики раннесредневекового периода. Исследование автора лежит в плоскости искусствоведческого анализа с выходом на исторические обобщения. Так, анализируя детали иконографии на ряде согдийских статуэток, он выделяет влияние сасанидской прокламации изображений обожествленного царя, что наиболее четко отразилось в передаче характерного головного убора — короны с распластанными крыльями. Автор рассматривает изделия из Южного Согда — головку, поднятую на Кафыр-кала, и две статуэтки из Шортпе (Кашкадарьинского), происходящих из слоев V–VI вв. Материалы Бактрии-Тохаристана, по мнению автора, менее выразительно показывают «вторжение сасанидского комплекса в этот регион». Упоминаются налестки на сосудах из Ак-тепе, датированный А. В. Седовым по иконографии изображения IV — началом V в. н. э., головка из Зартпе с мужским образом в крылатом венце, датируемая

тем же временем, статуэтка из Дальверзин-тепе, извлеченная из смазки пола здания VI–VII вв., и головка с городища Будрач раннесредневекового времени.

Е. Абдуллаев отмечает, что рассматриваемый вид головных уборов получил свое развитие на сасанидских монетах начиная с чеканки Варахрана IV (388–399) на специальных выпусках, но более характерен для царей от Пероза (459–484) до Иездигерда (632–651), а как самые близкие отмечаются короны на монетах Хосрова II (590–628).

В заключение автор, опираясь на приведенные материалы, датирует проникновение и распространение в Бактрии-Тохаристане изображений, иконографически связанных с сасанидским прокламационным искусством, IV — началом V в. Сюда же К. Абдуллаев относит «широкий круг эфталитских подражаний» (Абдуллаев, 1990в).

В 90-е гг. XX столетия продолжают накопление и публикация изделий терракотовой пластики Южного Согда. В ряду таких работ следует упомянуть статью «Терракотовая плитка с изображением Будды из Сарытепе», опубликованную С. Б. Луниной и З. И. Усмановой в 1990 г., где рассматриваются две находки, несущие изображение с иконографией Будды на территории Кеша¹⁵⁸, и затрагивается вопрос о распространении на этой территории буддизма.

В статье «Изделия художественного ремесла Кеша» за 1990 г. С. Б. Лунина описывает небольшой комплекс находок — статуэток, терракотовых плиток и декор на керамике¹⁵⁹. Все изделия описываются с вниманием к иконографическим деталям, для некоторых автором предлагается интерпретация. В частности, высказывается мнение о местном варианте иконографии Будды. Постулируется кешское происхождение терракот на основе анализа ряда технологических деталей¹⁶⁰ и тематики иконографических образов (Лунина, 1990б).

Г. Я. Дресвянская в статье «Терракоты Чечак-тепе» публикует терракотовую плитку с изображением женского персонажа и налестку с изображением мужской головы. Используя термин «плакетка», автор описывает первое изделие. Она связывает находку с функционированием культового помещения с двумя алтарями в раннесредневековой крепости Чечак-тепе. Основная часть статьи посвящена

¹⁵⁷ Оба оссуария прямоугольной формы, с орнаментацией на всех четырех сторонах. Каждая из стенок формировалась отдельно, орнамент оттискивался при помощи матриц, стенки скреплялись при помощи глиняных валиков, расположенных в углах. У каждого из оссуариев отмечены приспособления под крышки. Внутри оссуариев вместе с землей захоронены кости мужчин 40 и 30 лет. В первом оссуарии найдена медная монета согдийского правителя Вархумана. В этом оссуарии имеется большое количество круглых отверстий. На длинной стороне рельефная композиция в виде тройной аркады, «в которой изображены стоящие со скрещенными руками на груди однотипные фигуры». Второй оссуарий идентичен по технике исполнения первому, но не имеет отверстий. Орнаментирован он также композицией с тройной аркадой, но в ней расположены однотипные стилизованные растительные мотивы.

¹⁵⁸ Статуэтка была обнаружена в гумусном слое толщиной 20–25 см, на уровне 2,5 м от дневной поверхности, вместе с керамикой VI–VIII вв. и монетой, датированной второй четвертью VII в.

¹⁵⁹ Фрагмент сосуда со штампованным орнаментом с изображением головы человека в заovalенной рамке (был найден в строительном горизонте, прошедшем ниже построек VI–VII вв. на Киндыктепе); фигурка девушки-музыканта, поднятая на городище Пахалтепе; головка разноглазого дэва, поднятая на склоне цитадели Сарытепе; нижняя часть терракотовой плитки с изображением стоящей фигуры с древками в обеих руках (Сарытепе); плитка с изображением стоящего персонажа с чертами буддийской иконографии (Сарытепе).

¹⁶⁰ Отмечаются близкие (общие) размеры терракотовых плиток, «красноватый» черепок, наличие в тесте многочисленных белых включений, большая вмятина от пальца с оборотной стороны в месте размещения головы персонажа.

анализу иконографии и интерпретации. Женский персонаж автор предлагает интерпретировать как божество, покровительствующее аграрному культу. При описании налепа отмечается, что головка лежала на ручке лицом вверх, макушкой к внешней стороне. Автор отмечает, что аналогичный прием горизонтального размещения изображений мужских ликов встречается на серебряных согдийских кружках (Дресвянская, 1990).

В 1990 г. Е. Пругером и Г. Я. Дресвянской были опубликованы две терракотовые плитки с рельефами из Афрасиаба и Калакантепа (округа Шахрисябза). Авторами был рассмотрен иконографический тип с изображением персонажа, держащего в руке или опирающегося рукой на антропоморфную личину. Аналогии этому редкому иконографическому типу были найдены в материалах Афрасиаба (на оссуарии Н. И. Веселовского), а также в мелкой пластике Тохаристана (дальверзинская плитка, интерпретированная как «небесный воин») (Пругер, Дресвянская, 1990)¹⁶¹.

В этом же году публикуется большая серия находок терракотовой пластики из западной части Южного Согда (Нахшеба) (Сулейманов, Исамиддинов, 1990). В научный оборот была введена уникальная находка серии из 10 терракотовых статуэток, обнаруженная на раскопе квартала керамистов Еркургана, состоявшая из одинаковых статуэток, готовых к реализации. Они были уложены попарно тыльными сторонами друг к другу на полу помещения возле стены. Все фигурки передают образ «царя» в каноничной позе в анфас, опирающегося на меч. Датируются они концом V — началом VI в. н. э. По всей видимости, статуэтки сохранились в результате внезапной гибели дома керамиста от сильного пожара.

Чрезвычайно важны наблюдения авторов относительно технологии изготовления статуэток. Так, отмечено, что «для изготовления статуэток одного типа (иконографического) мастер имел несколько вариантов, которые воспроизводились не одной, а несколькими матрицами» (Сулейманов, Исамиддинов, 1990, с. 56). То же было отмечено и для статуэток женского божества на Саксонохуре. Кроме того, как более поздние и являющиеся следующим поколением еркурганских статуэток были охарактеризованы статуэтки с Шор-тепе (Сулейманов, Исамиддинов, 1990, с. 56–57).

Примечательно, что для изготовления всего 10 статуэток мастер имел под рукой минимум три матрицы, каждая из них была изготовлена с отдельной модели, о чем свидетельствует существенная разница в иконографических деталях, которые нельзя подправить рукой в ходе штамповки или отнести к последствиям редукции. Таким образом, были получены материалы, сильно корректирующие выводы Б. И. Маршака о крайней малочисленности матриц, изготовленных непосредственно с моделей (Маршак, 1972).

Этот же иконографический тип статуэток был рассмотрен в тезисах С. Н. Воробьевой и А. Раимкулова (Воробьева, Раимкулов, 1990). Авторы исследовали две терракотовые статуэтки с поселений Кунжутлителя (пригород Еркургана) и Коштепа (тяготеет к Шулликтепа), датируемых раннесредневековым временем. Статуэтки передают мужские фигуры в парадном одеянии, с мечом, подвешенным на перевязи. В качестве аналогий также были приведены две статуэтки из слоев V–VI вв. Шортепе. С. К. Кабанов трактовал образы на этих статуэтках так: «Царственные особы... в одежде, характерной для парфянских культовых изображений». Авторы тезисов усматривают в иконографии упомянутых изделий влияние сасанидского династического искусства.

Еще одна группа изделий из Еркургана была рассмотрена в этом же году С. Н. Воробьевой. Предваряя описание комплекса из Еркургана, автор отмечает «многообразие антропоморфных терракот», среди которых преобладают женские, а также большое количество зооморфных образов (Воробьева, 1990а, с. 116, 117). Статья посвящена одному иконографическому типу статуэток с женским персонажем, с «традиционным жестом рук», без атрибутов, в платье со складками, на которое накинута плащ или шарф, также образующий вертикальные складки. Все три рассматриваемые статуэтки происходят из стратифицированных слоев городища¹⁶². Они изготовлены оттиском матрицы из теста хорошего качества. С. Н. Воробьева склоняется к мнению, что этот тип статуэток отражает как среднеазиатские традиции вообще, так и влияние Бактрии (судя по особенностям костюма). Отмечаются черты, характерные только для Нахшеба: «Пропорции, передача кистей рук, достаточно свободная и точная моделировка складок платья». Последнее позволяет предполагать автору «существование местной коропластической школы». Кроме того, С. Н. Воробьева подчеркивает длительность существования рассмотренного иконографического типа — с I по V вв. н. э. (Воробьева, 1990а, с. 125).

С. Б. Лунина и Н. П. Столярова в 1990 г. публикуют статью о находке, обнаруженной близ Шахрисябза, — «Оссуарий из Хантепа». Оссуарий прямоугольный с вдавленным изображением на всех стенках. Авторы предлагают рассматривать изображение на стенках оссуария как повтор двух сцен с тремя персонажами: центральным, сидящим на зооморфном троне, с алтариком в одной руке, и стоящими возле него фигурами музыкантов с лютней и арфой. Датируется находка VI–VII вв. н. э. (Лунина, Столярова, 1990).

В 1991 г. С. Н. Воробьева публикует еще одну группу терракотовых женских статуэток в статье «Женская терракота из городского храма Еркургана». Автор подчеркивает местное изготовление рассматриваемого в статье типа статуэток, представленного двумя экземплярами хорошей со-

¹⁶¹ Плитка была опубликована Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1989д).

¹⁶² Первая — из шурфа на Р 5, датируется по керамическому материалу I–III вв. н. э.; вторая — из Р 1, из святилища, была найдена около скульптуры в строительных остатках, датируемых концом IV — началом V в. н. э.; третья — в Р 5, из слоя, датированного IV–V вв. н. э.

хранности и двумя фрагментами. Статуэтки, изготовленные оттиском штампа, передают облик полуобнаженной женской фигуры с крестообразной перевязью с кольцом в месте пересечения. Одна из статуэток имеет подставку, благодаря которой она устойчива. Лишь одна статуэтка происходит из стратиграфических слоев — в заполнении между 1 и 2 полами айвана городского храма. Характерны условия залегания: статуэтка была замурована между полами, причем предварительно отделена от земли фрагментами стенок хума. С. Н. Воробьева датирует время использования и последующего замуровывания статуэтки II–III вв. н. э.

Анализируя детали иконографии, автор отмечает нехарактерность позы (одна рука у бедра, другая отведена в сторону), а также тот факт, что «одевание не имеет ничего общего с бытовой женской одеждой Средней Азии». Найдя целый ряд аналогий для иконографических деталей рассматриваемого типа¹⁶³, С. Н. Воробьева приходит к мнению об отражении «синкретичности мышления создателей этого образа». При этом подчеркивается не прямое заимствование, а творческая переработка и переосмысление, благодаря чему и появился этот оригинальный образ «местной богини плодородия» (Воробьева, 1991, с. 116).

В 1992 г. С. Н. Воробьева публикует тезисы статьи «Некоторые эллинистические мотивы в искусстве Нахшеба» (Воробьева, 1992). Здесь автор указывает на влияние греческого искусства в материальной культуре городища Еркурган. В первую очередь это отразилось в настенных росписях здания III–I вв. до н. э. во внешней части города, а также в росписи святилища пригородной усадьбы Еркургана II в. н. э. Но наиболее длительное влияние эллинизма, по мнению автора, проявилось в коропластике. Так, вплоть до V–VII вв. н. э. доживают изображения богинь в хитонах и гиматиях. Причем отмечаются не только схематичные изображения, но и реалистичные, отражающие «хорошее знакомство мастеров если не с образами, то, по крайней мере, с образцами эллинистического искусства». С. Н. Воробьева отмечает популярность образа Афродиты с крестообразной перевязью на груди в терракотовой пластике Нахшеба.

В этом же году Н. И. Крашенинникова в статье «Кешская богиня со змеями и колосом» публикует терракотовую статуэтку, поднятую при распашке Оксак-тепе. Памятник датирован V — началом XIII в. н. э. Статуэтка по характеру теста, ангоба, а также по форме (отформована в матрице) была датирована автором V–VI вв. Автор отнесла ее к переходной форме от «объемной» к «плиточной, сохраняющей еще контур тела». Описывая и анализируя иконографические детали изображения, Н. И. Крашенинникова предла-

гает такую интерпретацию: «женское божество Южного Согда из круга богинь плодородия, вероятнее всего, узкой аграрной направленности, или, может быть, одна из ипостасей многофункционального божества» (Крашенинникова, 1992, с. 117–118).

С. Б. Лунина публикует статью «Терракоты Сарыктепе». Автор представляет разнообразный материал с территории зарождающегося города Сарыктепа, функционировавшего с V–VI до начала XII в.¹⁶⁴

Большинство описываемых изделий автор относит к раннесредневековому периоду и считает, что в Кеше в этот период «явно был центр или центры по изготовлению плиток-иконок», анализ иконографии изображений, на которых позволил утверждать, что «здесь была разработана локальная иконография божеств, включавшая традиции

¹⁶⁴ Среди подъемного материала описывается «плитка-иконка» с изображением персонажа с копьем, отформованного при помощи матрицы. В тесте отмечается наличие обильной примеси белой дресвы. С оборотной стороны характерное вдавление напротив головы персонажа. Автор датирует плитку по археологическому контексту, а также по составу и цвету глины, идентичным составу и цвету глины керамики VII–VIII вв. с городища. Еще одна плитка происходит из Киндаклитепа близ Камаша. На ней изображен мужчина в головном уборе с вертикальными рельефными полосками. Несмотря на то, что, как подчеркивает автор, изображение не помещено в арку, это изделие предлагается относить именно к категории плиток. Пристальное внимание уделяется рассмотрению таких деталей, как головной убор, «крылья» из-за спины, приводится ряд аналогий. Интерпретация в окончательном варианте не дается. Фрагмент плитки был обнаружен в нише помещения здания в южной части шахристана Сарыктепа. На плитке человек с тонкой талией, в расходящейся книзу юбке, ноги широко расставлены. Помещение датировано монетами Шишпира и Урка Вартармука, а также керамикой VII–VIII вв. В верхнем слое Сарыктепа на Р2, на цитадели, при распашке была найдена терракотовая головка, вероятно, женского персонажа с косами, спускающимися из-под высокого конического головного убора. Автор ограничивается ссылкой на мнение В. А. Мешкерис, датирующей аналогичные образы II в. до н. э. — IV в. н. э., а также мнение Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпель, датирующих их VI–VIII вв. и относящих к народным образам. Кроме того, отмечается находка двух антропоморфизированных головок, вылепленных вручную. Одна, найденная на цитадели, ранее была опубликована и интерпретировалась как разноглазый див с пышными усами и оттопыренными ушами. Вторая головка, найденная в обрыве арыка в пригороде Сарыктепа, аналогична по исполнению, но облик и характер персонажа отличен — «более злобный и фантастичен». Изготовлен из теста, аналогичного тесту плиток с рельефными изображениями: с примесью белых частиц. Автор размышляет над значением описанных образов и приходит к выводу об отражении в них народных верований, а также о параллельном существовании их с образами «господствующей религии».

С городища происходит серия статуэток лошадок. В основном лошадки имеют седло или следы от него. Характерной особенностью является изображение челки, свисающей на морду, и стоячей гривы. Размышляя о назначении этих статуэток, автор приходит к выводу о том, что лошадь могла символизировать Митру, Сиявуша, Вретрагну, Вайю, Фарна, Тиштрину и являться их инкарнацией. Подчеркивается при этом, что отдельные изображения коня и коня с всадником могли быть равнозначны. С. Б. Лунина отмечает продолжительность существования этого образа, его преемственность. Последнее подкрепляется находкой в слоях XVII–XVIII вв. шахристана Шахрисабза крупных фигурок оседланных лошадей с длинными шеями.

¹⁶³ В частности, рассматривается такая характерная деталь, как крестообразная перевязь на груди, и проводятся параллели с широко распространенными образами в эллинистическом мире и на его окраинах (образ Афродиты, Атаргатис, изображения нагинь и танцовщиц из Индии).

как местного, так и индо-буддийского искусства» (Лунина, 1992, с. 107–116).

В 1992–2000 гг. вышел в свет ряд статей публикационного характера, где рассматриваются терракотовые изделия, найденные на территории Южного и Центрального Согда¹⁶⁵.

В статье А. Мусакаевой «О воинственном божестве с пламенем» публикуется терракотовая плитка, поднятая с Лалмисте (Шахрисябзский район). Плитка овальной формы, в тесте имеет примесь известня, с тыльной стороны ее — глубокая вмятина на уровне головы. В верхней, чуть заостренной части плитки имеется сквозное отверстие. Изображение мужского персонажа с пламенем из-за плеч и восьмилучевой розеткой на уровне щиколоток между ног получено при помощи сильно изношенной матрицы (Мусакаева, 1992, с. 150–152).

Д. В. Чунихин в тезисах «Вишну-Гаруда» предложил вариант интерпретации изображения на ранее опубликованной терракотовой плитке с городища Сарык-тепе (область Кеша), на которой был изображен персонаж, передающий иконографический тип шествующего Будды и бодхисаттв, имеющего, по мнению С. Б. Луниной, вместо ног птичьи лапы (Чунихин, 1992).

Г. Я. Дресвянская и З. И. Усманова на примере изделий терракотовой пластики, а именно исходя из общности некоторых иконографических типов, намечают связи между двумя историко-культурными регионами — Согдом и Бактрией (Дресвянская, Усманова, 1993, с. 38–39).

В 1999 г. Н. Д. Двуреченская публикует терракотовую плитку с рельефным изображением бодхисаттвы, происходящую из сельского поселения Куль-тепа (область Кеша). Помимо публикации в статье обобщаются накопленные материалы по буддийской иконографии в терракотовой пластике Южного Согда (Двуреченская, 1999).

В 2000 г. А. В. Омельченко публикует статуэтку с изображением обнаженной женской фигуры с младенцем в руке, происходящую из поселения сельского типа Сарай-тепе (область Кеша). Образ восходит к культу богини-матери (Омельченко, 2000, с. 176–177).

О. В. Кириллова в этом же году публикует головку статуэтки подъемного характера, изображение на которой интерпретируется как образ богини Арштаты и датируется «VI в. н. э. или несколько более поздним временем» (Кириллова, 2000, с. 159–161).

В 2000 г. К. Абдуллаев и С. Раджабов публикуют терракотовую плитку, обнаруженную близ селения Камаша Кашкардарьинской области, у размытого края Саполтепа (в 45 км по дороге из Шахрисябза в Карши). Авторы относят ее ко II–I вв. до н. э., отмечая, что изготовлена она при помощи

штампа, подрезана ножом, имеет с тыльной стороны вмятины напротив наиболее рельефно выступающих деталей. На плитке изображен возлежащий на банкетке персонаж с фиалой в левой руке и неясным предметом в правой, на втором плане персонаж, который виден из-за банкетки только по груди. Образы интерпретируются как Дионис и сатир (Абдуллаев, Раджабов, 2000).

С. Б. Лунина публикует находку подъемного характера с городища Хантепа в окрестностях Шахрисябза. Хантепа датируется раннесредневековым временем. Изделие, описанию и интерпретации которого посвящена статья, представляет собой круглый медальон со штампованным изображением на одной стороне. Сюжет геральдического характера несет изображение двух животных, опирающихся передними лапами на «ствол», на котором, в свою очередь, сидят две птицы. Первые интерпретируются как собаки, под ними расположены фигурки еще двух животных, которые интерпретируются как козлята. Автор предлагает рассматривать изделие как связанное с погребальным или поминальным культом (Лунина, 2000).

В эти годы продолжается публикация изделий из Бухарского Согда. И. Ахраров и З. И. Усманова рассматривают ранее неопубликованные изделия, которые разделяют на статуэтки, изготовленные с помощью матриц, и налепы на сосудах¹⁶⁶ (Ахраров, Усманова, 1990). Помимо детального

¹⁶⁶ Из античного слоя шурфа № 3 происходит головка, выполненная штампом от женской терракотовой фигурки. Анализ иконографии приводит авторов к мысли о том, что головка с женским персонажем в короне с «башнями» передает образ богини Тюме.

Еще одна терракотовая женская фигурка происходит из слоя V–VI вв. шурфа, заложенного в 1973 г. у подножия внешнего фаса восточной стены. Отмечена объемность лепки головы и плоскостность в выполнении туловища. Подчеркивается сильная вогнутость тыльной стороны, благодаря чему, по мнению авторов, была достигнута тонкость черепка и легкость всей фигурки, вследствие чего она становилась удобной для прикрепления к плоскости в качестве напольного украшения. Анализ иконографии заставляет авторов предположить вторичное использование штампа античного времени. Подтверждение этому предположению И. Ахраров и З. И. Усманова видят в использовании дополнительных налепных украшений, сделанных на шее и голове, «согласно тем идейным и эстетическим позициям, которых придерживалось население раннесредневековой Бухары».

Из шурфа, заложенного у Зиндана, на территории шахристана Бухары, происходят сосуд и фрагмент венчика с налепными изображениями (XIV ярус), терракотовая фигурка с изображением пожилого мужчины (XV ярус).

Последняя объемная, выполнена штампом, имеет неровную, несколько углубленную тыльную сторону. На уровне уха персонажа на окраине — сквозное отверстие, что предполагает такое же отверстие с правой стороны, которая отбита. «В отверстие вдевался шнур для ношения образа», — считают авторы. «Сидячая поза, богатые украшения, пышная прическа, бесстрастное спокойствие» — те иконографические детали, на основании которых авторы предлагают интерпретировать этот мужской образ как царствующей обожествленной персоны.

К налепам относится сосуд и фрагмент венчика с налепными изображениями, полученные из кладки раннесредневековой стены шахристана. Сосуд имел горшковидную форму с широким устьем и шаровидным туловом на плоском донце с перехватом у горловины. Под венчиком на равном расстоянии друг от друга расположены 4 от-

¹⁶⁵ Помимо специализированных статей изделия терракотовой пластики публикуются в ряде работ наряду с другими археологическими материалами. В частности, в 1993 г. в книге «Шахрисябз» упоминается ряд изделий (Дресвянская, 1993). В 1996 г. публикуется терракотовая форма для оттискивания «образков с сидящей фигурой Будды» из Пенджикента (Маршак и др., 1996, с. 43).

описания технологии изготовления авторы отмечают, что «одной из особенностей рассмотренных бухарских терракот является то, что в своем большинстве они использовались в качестве налепов и образков для ношения».

В 2000 г. Т. Г. Алпаткина публикует оссуарии из 19 некрополя Пайкенда, делая обобщения по пяти классификационным признакам типологии Л. В. Павчинской для оссуариев всего некрополя Пайкенда. Отмечается, что большая часть оссуариев не орнаментирована. На остальных применяются следующие приемы декора: прочерченный орнамент, резьба, ручная лепка, налепы, оттиски штампа, процарапывание, пуансирование. Среди сюжетов отмечаются «плакальщица», композиции с птицами, аркадой и др. (Алпаткина, 2000, с. 128–137).

На фоне обилия публикационных статей, появившихся в 90-е гг. прошлого столетия, выделяется обобщающая работа Л. В. Павчинской, посвященная раннесредневековым оссуариям Согда (Павчинская, 1990; Pavchinskaya, 1994). В этой работе был сведен материал, накопленный более чем за столетний период изучения этого вида изделий. Автором была произведена систематизация и разработана формальная типология, изучена территориальная специфика оссуариев Согда, а также была рассмотрена датировка, основанная на археологическом материале, с привлечением сравнительного анализа и выявлением эволюции. Особую ценность представляет разработанная хронология, которая основана прежде всего на археологических данных и учитывает развитие городских оссуарных некрополей в общей схеме исторической топографии согдийских городов V–VIII вв. н. э.

Основой классификации явился каталог, составленный по географическим признакам, куда вошло 172 оссуария Центрального, Южного и Западного Согда.

При разработке типологии учитывались такие признаки, как материал, техника изготовления, форма, техника декора, виды декора.

В истории изучения терракотовой пластики Согда Л. В. Павчинской впервые были рассмотрены и суммированы все техники и виды декора, которые применялись для такого самостоятельного вида терракотовой пластики, как пластика на оссуариях. Благодаря приведенным автором обобщениям можно выявить особенности именно этого вида изделий.

версия. Ниже венчика идет волнистый орнамент, поверх которого прикреплены два одинаковых налепа в виде рельефной головки на фоне распластанных крыльев. К ранее прикрепленным под углом двум овальным лепешечкам, которые находили друг на друга, образуя утолщение, приделывалась головка, отштампованная заранее. Затем палочкой наносились вдавления, изображающие крылья.

Второй налеп с изображением женской головки на фоне крыльев сделан в той же технике, но более аккуратно. Датируется сосуд по бухарской керамической шкале V–VI вв. Оба налепа авторы предлагают интерпретировать как «крылатых охранителей-фравашей в образе почитаемых местных божеств». Авторы также не исключают возможность влияния торевтики на изготовление налепов на рассматриваемых керамических сосудах.

Кроме того, в главе, посвященной территориальным особенностям согдийских оссуариев, можно почерпнуть важные наблюдения, относимые к оссуариям с терракотовой пластикой. Территория Согда подразделяется на Южный, Западный, Центральный Согд. В свою очередь, в Центральном Согде выделяются три группы: восточная, северная и западная.

В главе «Хронология и эволюция...» Л. В. Павчинская предлагает удревнить на 50–100 лет начало бытования оссуарного обряда, относя его к концу IV — первой половине V в. н. э. «Появление первых оссуариев фиксируется с рубежа V — первой половины VI в. в трех городских центрах: в Самарканде, Пенджикенте, Еркургане. О массовом распространении оссуарного обряда в оссуариях по всему Согду можно говорить пока не раньше, чем с VII века» (Павчинская, 1990, с. 16).

Пересматривается предложенная ранее Б. Я. Стависким схема развития согдийских оссуариев — от прямоугольных типа Биянайманских к овальным ленточным. Автором установлено бытование ленточных овальных и прямоугольных оссуариев на протяжении V–VIII вв. Л. В. Павчинская считает, что процесс развития форм согдийских оссуариев «обусловлен не упрощением, а внедрением новых технологических приемов, и появление прямоугольных оссуариев раздельной формовки было связано с применением крупных матриц».

Кроме того, рассматривается развитие техники и видов декора. Так, к примеру, выявлено, что «ранние (V–VI — первая половина VII в. н. э.) оссуарии Самарканда были связаны с эллинистической традицией, а поздние утрачивают эту связь: исчезают маскароны, стилизованная гирлянда или аркада, которые заменяются орнаментальным декором, близким монументальному декору Согда VII–VIII вв.» (Павчинская, 1990, с. 17).

В 1997 г. Г. А. Пугаченкова вновь обращается к вопросу интерпретации образов на биянайманских оссуариях (Пугаченкова, 1997). Ею был исследован фрагмент оссуария, отнесенного ранее Б. Я. Стависким к группе 2. Реконструкция Л. И. Ремпеля позволяет считать, что рассматриваемый фрагмент принадлежал оссуарию, увенчанному карнизом с треугольными зубцами, под которым была расположена аркада с фигурами в каждой из полуциркульных арок. Одна из таких фигур, передающая «персонаж царственного облика, восседающий на покрытом ковром зооморфном троне», явилась темой исследования статьи «Интерпретация одного из персонажей на биянайманском оссуарии». Иконографический анализ с привлечением широкого круга аналогий в изобразительном искусстве Средней Азии и Ирана приводит Г. А. Пугаченкову к убеждению, что «все персонажи на зооморфных тронах, в отличие от тех, что представлены сидящими на едущих или возлежащих животных, не божества, но царственные особы, в ряде случаев определяемые по имени». В частности, исследуемый образ интерпретируется как «Джемшид, в Авесте — Йима, основатель первограда — вары» (Пугаченкова, 1997, с. 49, 50).

В 1998 г. А. А. Раимкулов вводит в научный оборот материалы памятника Коштепа (Западная Кашкадарья), датируемые второй половиной VI — началом VII в. н. э. Памятник был интерпретирован автором как культовый. Среди изделий, функции которых также были отнесены к культовым, автор отмечает две башнеобразные курильницы (Раимкулов, 1997, с. 113–114, рис. 3,3, 4).

Довольно крупной работой на рубеже третьего тысячелетия стала монография Р. Х. Сулейманова «Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. — VII в. н. э.». Шестая глава книги посвящена терракотовой пластике Еркургана. Автор публикует и рассматривает более четырех десятков изделий терракотовой пластики, в том числе ранее неизданных. Весь комплекс разбит на несколько хронологических групп. Наиболее ранняя группа датируется III–I вв. до н. э., наиболее поздняя — VII–IX вв. н. э. Подчеркивается, что терракотовая пластика ранее III в. до н. э. в Согде неизвестна. Наибольшее внимание уделено выявлению локальных особенностей нахшебской коропластики, в частности, вопросам набора иконографических образов, а также интерпретации, в том числе образов богинь Согда, Бактрии и Маргианы (Сулейманов, 2000, с. 189–225, рис. 143–185).

В 1999 г. вышел в свет очередной том сборника «Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху раннего средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье». В главе «Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства», написанной Б. И. Маршаком, широко затрагиваются вопросы изучения терракотовой пластики региона и подводятся итоги полувекового исследования согдийской терракотовой пластики.

В своем обзоре Б. И. Маршак представил свой взгляд на основные этапы развития согдийской терракотовой пластики (коропластики, в терминологии автора). Появление терракотовых статуэток в IV–III вв. до н. э. после длительного периода их отсутствия автор предположительно связывает с влиянием эллинистических традиций. Так, целая серия мужских головок возводится к иконографии Александра Македонского. Автор считает, что «размноженные путем неоднократного репродуцирования колыбов, они просуществовали до V в. н. э. в качестве хорошо смоделированных головок на фигурках музыкантов и плакальчиков примитивной лепки и самостоятельных оттисков на стенках оссуариев» (Маршак, 1999, с. 190–191).

Для IV в. н. э. автор видит сохранение прежней эллинизированной иконографии богини, фронтально поставленной в плаще с плодом, ветвью или зеркалом в поднятой к груди руке, иногда с младенцем. Отмечается изменение в изображении музыкантов, которые теперь изготавливаются в комбинированной технике, штампованная голова на лепном тулове. Появляются «упрощенные фигурки обнаженных мужчин, женщин и гермафродитов, часто в эротических позах». К V в. было отнесено появление сюжетов, связанных с буддизмом.

Автор отмечает распространение в Согде VI в. «керамических иконок-образков», на которых часто изображены божества в храмовой нише. Подчеркивается, что статуэтки без ниш часто были изображениями тех же богов, что и на образках. Кроме того, автор отслеживает изображение этих же богов в росписях и деревянной скульптуре VII–VIII вв. Б. И. Маршак вновь подчеркивает, что многие терракоты являлись массовыми репродукциями с известных храмовых статуй.

Для VII — первой половины VIII в. Б. И. Маршак отмечает значительные перемены в коропластике. «Техника ее не изменилась, но образки почти исчезли, зато широко распространились фигурки всадников со штампованным изображением человека на вылепленном от руки ездовом животном» (Маршак, 1999, с. 179, табл. 30, 5). Интересна интерпретация этих фигурок как праздничных игрушек, изготавливавшихся зороастрийцами к Фарвардагану. Исчезновение же «штампованных иконок» автор связывает с их заменой «в богатейших городах Согда» живописными.

Подчеркивается, что именно для VII в. характерны лицевые оссуарии с рельефными культовыми изображениями¹⁶⁷. Значительная часть исследований Б. И. Маршака посвящена вопросам культовой иконографии и интерпретации образов. В частности, предлагается видеть в изображениях персонажей с лирой или кифарой на терракотах Пенджикента и Самарканда бога Абдага, уподобленного царю богов Индре. На образке и статуэтках VI–VII вв. из Пенджикента, Краснореченского городища и района Китаба с изображением юноши, трижды опоясанного поясом кусты, — Сраоша. Образ юноши в короне в виде крылатого верблюда и сидящего на верблюде на образках VI в. интерпретируется как авестийский Веретрагна.

Исследователь вновь раскрывает закономерности в технологии изготовления статуэток и плиток, ранее описанные в тезисах (Маршак, 1972), утверждая, что изначальных патриц было так мало, что не приходится говорить о коропластике как о виде профессиональной деятельности. Б. И. Маршак отмечает случайный характер изготовления патриц: «Те, кто выполнял глиняные статуи и рельефы храмов или резные деревянные фигуры и рельефы, очевидно, лишь от случая к случаю делал образцы для мастеров-керамистов» (Маршак, 1999, с. 177). Это свидетельствует о вторичности или несамостоятельности данной отрасли изобразительного искусства. Б. И. Маршак приводит примеры использования одной и той же матрицы для изготовления статуэток божества и демонического существа. Кроме того, автор считает, что «в коропластике, как правило, представлены персонажи, не отмеченные в обширном пантеоне, известном

¹⁶⁷ Учитывая непосредственную связь самостоятельных видов терракотовой пластики с пластикой на оссуариях, логично было бы предположить и здесь смену рельефа живописью. А поскольку этого не наблюдается, то и приведенное выше мнение требует дальнейших обоснований.

по стенописи, можно думать, что терракотовые статуэтки изображали второстепенных божков, оберегавших их обладателей в повседневной жизни. Какая-то часть терракот могла представлять популярных героев, быть детскими игрушками. Среди этой категории статуэток наиболее многочисленны были всадники с поднятой на плечо булавой» (Маршак, 1999, с. 191). Несмотря на это, отмечается, что «с терракотовыми образками высокопрофессиональное искусство и новая иконография богов вошли в дома рядовых горожан» (Маршак, 1999, с. 177).

В своей работе Б. И. Маршаку удалось широкими мазками наметить основные тенденции в развитии терракотовой пластики Согда. Однако, на наш взгляд, автор, исходя из «концепции о редукции», переоценил значение последней, в результате чего изделия из терракотовой пластики в массе своей сведены до уровня репродукций и реплик. С выводами автора трудно согласиться, если учесть открытые *in situ* керамические производства Еркургана и Саксонохура (Мухитдинов, 1975, с. 25; Сулейманов, Исамиддинов, 1990, с. 56). Материалы этих памятников показали, что для изготовления только небольшой серии идентичных статуэток (до 10 изделий) коропласт использовал два варианта матриц. Кроме того, отмечается, что снашиваемость последних была такова, что количество, необходимое для осуществления массового производства, было значительно выше, чем это вытекает из выводов Б. И. Маршака. Соответственно, меняется и отношение ко всему производству этих изделий, инфраструктуре, обеспечивающей это производство, и, как следствие, к значению терракотовой пластики в целом как вида материальной культуры и предметов, отражающих идеологические представления. Можно добавить, что достаточно длительный путь эволюции различных видов терракотовой пластики также позволяет усомниться в его несамостоятельном и зависимом от случайностей характере.

На фоне приведенного выше обзора контрастно выглядят выводы М. Х. Исамиддинова и М. Х. Хасанова, опубликованных в 2000 г. книгу «История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба».

В данной работе большой интерес представляет анализ социальной дифференциации ремесленных хозяйств, которую авторы проследили на материалах целого ряда гончарных мастерских, в контексте значительного хронологического интервала. «Изготовление редких форм керамики или терракотовых статуэток, представлявших художественную ценность или имевших культовое значение, являлось весьма прибыльным для керамиста-мастера. Такие крепкие хозяйства могли подчинять себе другие» (Исамиддинов, Хасанов, 2000, с. 176). Важно, что эти выводы подкреплены анализом таких показателей, как размеры и местоположение хозяйств, наличие парадных помещений и т. д.

По мнению авторов, статуэтки изготавливали в специализированных мастерских по производству тонкостенной керамики. При наличии значительного по количеству материала с производственных комплексов Еркургана исследо-

вателям удалось отметить статуэтки, изготовленные «специальным коропластом, имевшим достаточно тонкий вкус и талант художника», и статуэтки, которые «свидетельствуют о том, что они могли быть изготовлены и обыкновенными гончарами попутно с другой работой»¹⁶⁸. Специализация керамического производства достигла своего апогея в первые века н. э.

Исследователи связывают возобновление производства терракот с включением территории Согда, Бактрии, Маргианы и Хорезма в эллинистический мир, а также с «идеологическими новшествами в воззрениях народов Средней Азии». Терракотовые статуэтки, по мнению М. Х. Исамиддинова и М. Х. Хасанова, «в преобладающем большинстве отражают широко известные образы мифов эллинистического мира, в том числе мифов народов Средней Азии» (Исамиддинов, Хасанов, 2000, с. 168).

* * *

Историографический анализ работ по изучению терракотовой пластики Согда за период с 1940 по 2000 г. позволил выявить основные направления научной мысли, степень обобщения и анализа накопленного материала. Как уже писалось выше, всего было издано более полутора сотен работ, написанных 67 авторами. Из них 48 специализированных, в том числе четыре диссертации на звание кандидатов исторических наук¹⁶⁹ и четыре каталога¹⁷⁰; более пятидесяти статей и заметок, посвященных публикации отдельных изделий и их интерпретации¹⁷¹; в остальных работах изделия терракотовой пластики публикуются или упоминаются в контексте археологического комплекса отдельного памятника и в данной работе были рассмотрены

¹⁶⁸ В подглавке «Производство терракотовых статуэток» подробно рассматривается ранее опубликованная серия из 10 статуэток с изображением «царя» (Исамиддинов, Сулейманов, 1990), публикуются статуэтка «богини с младенцем», статуэтка с образом стоящей женской фигуры, фрагмент статуэтки с женским персонажем с зеркалом в руке, налп на сосуд с головой бородатого мужчины (Исамиддинов, Хасанов, 2000, с. 79–89).

¹⁶⁹ Мандельштам, 1951; Мешкерис, 1964б; Заславская, 1970а; Павчинская, 1990.

¹⁷⁰ Мешкерис, 1962, 1964б, 1989а.

¹⁷¹ Дьяконова, 1940; Пугаченкова, 1952; Мешкерис, 1953; Ставиский, 1961; Кабанов, 1962а; Пачос, 1962; Шишкин, 1963; Ахраров, 1967; Дадабаев, 1968; Пачос, 1968, 1969а, б; Вызго, 1970, 1972; Кабанов, 1971; Ремпель, 1972; Пачос, 1973; Пугаченкова, 1975; Саадиев, 1978; Иваницкий, 1982; Дресвянская, 1983; Лунина, 1983; Павчинская, 1983; Кабанов, 1984; Лунина, Усманова, 1985; Крашенинникова, 1986; Лунина, Усманова, 1986; Мешкерис, Беленицкий, 1986; Грене, 1987; Лунина, 1987; Павчинская, Ростовцев, 1988; Чунихин, 1989; Абдуллаев, 1990а, б, в; Ахраров, Усманова, 1990; Дресвянская, 1990; Пругер, Дресвянская, 1990; Лунина, 1990б; Лунина, Столярова, 1990; Лунина, Усманова, 1990; Мешкерис, 1990а, б; Мкртычев, 1990б; Пугаченкова, 1990а, 1992; Воробьева, 1991; Крашенинникова, 1992; Лунина, 1992; Мусакаева, 1992; Чунихин, 1992; Дресвянская, 1993; Marshak, Rasporova, 1994, 1998; Pughachenkova, 1994; Двуреченская, 1999; Кириллова, 2000; Алпаткина, 2000; Омельченко, 2000; Абдуллаев, Раджабов, 2000; Лунина, 2000.

выборочно¹⁷². Простая тематическая разбивка общего объема литературы показала приоритетные направления, преобладавшие на протяжении всего второго этапа в изучении терракотовой пластики Согда.

Одно из направлений, по сути, было сформировано в первой половине XX века, когда исследованию подвергался в первую очередь и в основном изобразительный ряд, который давал основание для интерпретаций и вытекающих из них широких исторических выводов. В рамках этого подхода выделяются труды Ф. А. Заславской (Заславская, 1956, 1959, 1970, 1971). Широко представлены исследования, рассматривающие ряд изделий с близкой сюжетной линией: древнейшие терракоты (Воронец, 1947); статуэтки музыкантов (Мешкерис, 1954); ранние статуэтки богини-матери (Мешкерис, 1964а); эллинистические образы (Мешкерис, 1978); женские образы в чалмообразных головных уборах (Мешкерис, 1979б); статуэтки с женскими персонажами из Еркургана (Воробьева, 1990а, 1991).

Второе направление обозначено в работах археологов Г. В. Григорьева, С. К. Кабанова, Г. В. Шишкиной, А. М. Беленицкого и многих других¹⁷³. Здесь изделия представлены в первую очередь как предметы из археологического комплекса, уделяется большое внимание хронологии, основанной на стратиграфически датированных экземплярах, и уже на базе полученных данных при помощи искусствоведческих методов исследуется изобразительный ряд.

В рамках этого подхода необходимо отметить новаторские исследования Б. И. Маршака в области технологии изготовления статуэток и плиток с рельефами и вытекающих закономерностей (Маршак, 1972, 1999). Большое значение имеют исследования особенностей производства терракотовой пластики, проведенные М. Х. Исамиддиновым и М. Х. Хасановым (Исамиддинов, Хасанов, 2000).

Несколько особняком на этом фоне выглядят исследования В. А. Мешкерис, предпринявшей попытку классифицировать все виды терракотовой пластики, за исключением оссуариев, на универсальных с точки зрения археологии

и искусствоведения принципах (но с безусловным приоритетом последних). Впервые по целому региону был составлен каталог самостоятельных видов терракотовой пластики (Мешкерис, 1964б, 1977а, 1989а). Работы этой исследовательницы оказали самое большое влияние на изучение терракотовой пластики не только Согда, но и других историко-культурных среднеазиатских регионов.

На основе многочисленного опубликованного материала можно выделить те виды терракотовой пластики, что бытовали в Согде в древности и раннем средневековье. Так, самостоятельные виды представлены статуэтками, плитками с рельефными изображениями; несамостоятельные — декором на керамике в виде штампов и налепов, фигурными сосудами, очажными подставками с зооморфными украшениями, курильницами с налепами, декором на оссуариях в виде штампов и налепов.

В отличие от Хорезма и Маргианы, в историографии по терракотовой пластике Согда нет жесткой дифференциации в рассмотрении разных по функциональному значению изделий терракотовой пластики. В частности, при изучении оссуариев очень часто налепы и другие пластические детали на них рассматриваются совместно со статуэтками или плитками с рельефными изображениями. В первую очередь этому способствовало большое количество изделий, функциональное значение которых из-за плохой сохранности трудно установимо, а также частые переключки иконографических образов на статуэтках с образами на оссуариях. Оссуарии Согда получили полное освещение и формальную типологию в работе Л. В. Павчинской (Павчинская, 1990).

Заслугой исследователей согдийской коропластики является выход в ее изучении на уровень выделения особенностей не только Самаркандского (Центрального), но и Бухарского (Западного) и Кашкадарьинского (Южного) Согда. Так, обоснованию бухарской школы коропластики посвящена работа Ш. Т. Адылова (Адылов, 1983), И. Ахрарова и З. И. Усмановой (Ахраров, Усманова, 1990). Обоснованию восточно-кашкардарьинской школы посвящены работы археологов кафедры археологии ТашГУ С. Б. Луниной (Лунина, 1990б), Н. И. Крашенинниковой (Крашенинникова, 1977а, б).

Необходимо отметить работы, посвященные специфическим для Согда видам терракотовой пластики, а именно очажным подставкам (Кочнев, 1986; Пугаченкова, 1986). Изучению ритуально-культовой керамики с применением терракотовой пластики посвящена работа М. Исамиддинова и Р. Х. Сулейманова (Исамиддинов, Сулейманов, 1977). Таким образом, благодаря усилиям археологов и искусствоведов практически все виды изделий терракотовой пластики Согда отражены в публикациях и находятся в поле научного осмысления.

Однако, несмотря на перечисленные достижения, нельзя не отметить явления, которые, безусловно, говорят о назревшем кризисе в изучении терракотовой пластики Согда, характерные, впрочем, и для других регионов. На сегодня мы имеем десятки работ, главное внимание в которых уделено

¹⁷² Массон, 1937; Григорьев, 1940, 1946; Якубовский, 1940; Кабанов, 1950; Тереножкин, 1950б; Беленицкий, 1953; Бенетович, 1953; Ставиский и др., 1953; Дьяконов, 1954; Гулямов, 1956; Жуков, 1956; Кабанов, 1956; Урманова, 1956; Беленицкий, 1958; 1959а, б; Большаков, Негматов, 1958; Нильсен, 1959; Беленицкий, 1961; Шишкина, 1961; Кабанов, 1954, 1956, 1962б, 1963; Бенетович, 1964; Зеймаль, 1964; Кабанов, 1964; Маршак, 1961, 1964; Жуков, 1966; Кабанов, 1966; Алимов, 1969; Букин, 1969; Кабанов, 1969; 1977, 1981; Федоров, 1969; Шишкин, 1969; Шишкина, 1969а, б; Кабанов, 1973; Ураков, 1975; Усманова, Кабанов, 1975; Исаков, 1977; Кочнев, 1977; Крашенинникова, 1971, 1977б; Сулейманов, Нефедов, 1979; Беленицкий и др., 1980; Крашенинникова, 1983; Исамиддинов, Хасанов, 1986; Лившиц, 1987; Дресвянская, 1987; Фонарев, 1988; Пугаченкова, 1989; Бердимуратов, 1990; Лебедева, 1990; Лунина, 1990а; Нефедов, 1990; Shishkina, 1994; Маршак и др., 1996; и др.

¹⁷³ И. Б. Бенетович, М. Пачоса, А. И. Тереножкина, В. А. Нильсена, М. Н. Федорова, М. Исамиддинова, Р. Х. Сулейманова, Б. Уракова, З. И. Усмановой и С. Б. Луниной, Н. И. Крашенинниковой, М. Саадиева, Н. Ю. Нефедова, Б. Д. Кочнев, А. Э. Бердимуратова и М. Х. Пардаева, Т. И. Лебедевой, С. Н. Воробьевой и др.

интерпретации изобразительного ряда в отрыве от самих изделий терракотовой пластики, с формальным привлечением того археологического контекста, в рамках которого они были найдены. Особенности сложения иконографии образов Средней Азии, их значительное количество, отсутствие письменной традиции, раскрывающей содержание этих образов (в отличие от терракотовой пластики Древней Греции), делают иконографические исследования на материалах Согда менее эффективными. Поэтому работы с приоритетом искусствоведческих методов в высшей степени зависят от уровня исследователя и его субъективных качеств. Они приводят к накоплению иконографических интерпретаций, поиску идеологической подосновы изобразительного ряда, параллельно увеличивая число непересекающихся точек зрения, и не становятся объективным знанием. Вырывание же материала из археологического контекста приводит к потере значительной части объективной информации, способной стать основой для разрешения скопившихся противоречий, и усугубляет складывающееся положение. Как следствие, растет скептицизм по отношению к уже накопленным наблюдениям (Маршак, 1972; Зеймаль, 1983; Кошеленко, Новиков, 1999; Мкртычев, 1992).

Разрешение ситуации видится не столько через пополнение коллекций (экстенсивный способ), но главным образом через углубление знаний об уже добытом и первично освещенном материале. Для этого требуется проведение корреляций различных археологических данных с изделиями терракотовой пластики на разных уровнях, что, собственно, и составляет основу археологического подхода. Установление этих связей разрешит значительную часть противоречий, в частности хронологических. Это поможет вывести часть изделий в ранг более надежных хронологических индикаторов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ ЧАЧА

В историографическом плане регион Чача наиболее прост. Изучением терракотовой пластики здесь занимался узкий круг исследователей, которыми было написано 15 работ (из них 8 специализированных) с освещением изучаемой проблемы. В совокупности все виды терракотовой пластики были рассмотрены в работе Ю. Ф. Бурякова (Буряков, 1982). Девять работ посвящено изучению оссуариев¹⁷⁴, из них три — обобщающего характера (Минасянц, 1990б; Филанович, 1990; Буряков, Филанович, 1999); пять статей посвящены остальным видам изделий — статуэткам, плиткам с рельефными изображениями, налпам на сосудах и очажным подставкам.

¹⁷⁴ Массон, 1953; Буряков, 1968; Агзамходжаев, 1962, 1963; Буряков, Богомолов, 1986; Минасянц, 1990а, б.

В конце XIX в. случайно найденные близ Ташкента оссуарии вызвали пристальный интерес археологов и историков к предметам терракотовой пластики на первом этапе ее изучения. Также становится широко известным применение терракотовой пластики на керамике Каунчинской культуры, открытой Г. В. Григорьевым в 1934 г. Проблемам этой культуры и, в частности, ее керамике посвящена обширная литература¹⁷⁵. Поставленные перед нами задачи позволяют не рассматривать весь спектр этих работ, так как собственно изделия терракотовой пластики в них затрагиваются косвенно. Лишь во второй половине XX в. в результате планомерных археологических исследований появляются материалы по самостоятельным видам терракотовой пластики Чача.

В 1953 г. М. Е. Массон издает книгу «Ахангаран. Археолого-топографический очерк». Автор приводит свидетельства о находках оссуариев в Ахангаране и публикует 11 целых оссуариев овальной формы, найденных им в 1928 г. восточнее современного поселения Той-тюбе. Отмечается, что большинство этих оссуариев «покрыто прорезным орнаментом и наlepными фестонами с лицевой стороны. Крышки некоторых из них увенчаны небольшими примитивными человеческими головами (то бородатыми, то безбородыми и птицеподобными) или фигуркой летящей птицы» (Массон, 1953, с. 29). Анализ характера захоронений той-тюбинских оссуариев, их групповая обособленность, а также оссуарии одного типа дали возможность М. Е. Массону высказать предположение, что «местное кладбище служило в VI–VII вв. некрополем для отдельных дворяно-дехканских семей» (Массон, 1953, с. 28–30). Несмотря на случайный характер обнаружения, той-тюбинские оссуарии практически впервые были открыты специалистом-археологом.

В 60-х гг. вышел еще ряд статей, посвященных новым находкам оссуариев. Были опубликованы оссуарии из тугузских наусов (Агзамходжаев, 1962). Одиннадцать вскрытых наусов были датированы археологическим комплексом, в том числе монетным материалом, VII–VIII вв. н. э.¹⁷⁶ Годом позже публикуется два оссуария, найденных при земляных работах на юго-западной окраине Ташкента (Агзамходжаев, 1963). Оба они овальной формы, лицевые стороны их украшены врезным орнаментом, процарапанным до обжига. Орнамент состоит из стилизованных деталей растительного характера: веточек, «елочек», четырех лепестковых розеток. По аналогиям из Ахангарана и Тюя-Бугуза Т. Агзамходжаев предлагает датировать оссуарии VII–VIII вв. или более ранним временем — VI–VII вв. н. э.

¹⁷⁵ См. в кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Ташкентский оазис (Чач), с. 297.

¹⁷⁶ Оссуарии были обнаружены в наусе № 3 и 9. Примечательна форма первого — в виде почти строгого цилиндра на четырех наlepных ножках с прямоугольным отверстием сверху. Одна из сторон этого оссуария орнаментирована прорезными линиями до обжига. В девятом наусе сохранился лишь фрагмент верхней части оссуария.

В 1968 г. Ю. Ф. Буряков публикует статью «Пскентские наусы». На основании анализа погребального инвентаря оссуарии из этих наусов были датированы серединой I тыс. н. э. Форма оссуариев описывается как переходная от прямоугольника к овалу, размеры — 63 × 31 см при высоте вместе с крышкой 56 см. Интерес представляет навершие крышек. В одном случае это две головы животного на одном тулове — козла и дикого барана (Буряков, 1968, рис. 4, с. 134). В другом — две более схематичные головы, не поддающиеся определению. Автор отмечает, что «изображения головок животных, особенно на ручках сосудов или на подставках, известны в ряде районов Бухарской области, Фергане, Южном Казахстане. Но особенно они распространены в каунчинской культуре Ташкентской области». Аналогии ручкам крышек Ю. Ф. Буряков видит в хорошо известной в каунчинской культуре группе подставок («шашлычниц») в виде спаренных головок (Буряков, 1968, с. 135). Автор считает, что «наличие подобных головок на оссуариях позволяет вновь подчеркнуть культовый характер данных изображений. Несомненно, эти животные охранители от злых духов». Здесь мы снова сталкиваемся с необходимостью перекрестного рассмотрения, казалось бы, столь неблизких как по функциональному назначению, так и по происхождению изделий — оссуариев и подставок-«шашлычниц». При изготовлении их использована терракотовая пластика, которая, возможно, отражает не только сходные зооморфные образы, но и близкие идеологические представления.

В начале 80-х гг. были опубликованы материалы по различным видам терракотовой пластики (в том числе самостоятельным) из археологических раскопок городища Канка (Усова, Буряков, 1981). Изделия, которым посвящена работа, подразделяются авторами на «объемную скульптуру», «барельефные плакетки», налпы на ручках или оформления венчиков сосудов. Все материалы происходят из слоев середины I тыс. н. э. По сюжетной линии они были разбиты на зооморфные и антропоморфные. Среди первых описывается статуэтка кабана, которая интерпретируется как передающая образ Вретрагны. К первой половине I тыс. н. э. авторами была отнесена группа кувшинчиков и кружек с зооморфными изображениями на ручках. Отмечается, что среди сюжетов преобладают фигурки баранов «от реалистических до стилизованных», иногда с такими элементами, как «имитация руна, головы». Авторами приводится мнение Б. А. Литвинского о Фарне, воплощение которого видится в рассматриваемых фигурках (Усова, Буряков, 1981, с. 46)¹⁷⁷. Изделия с антропоморфными изображениями авторами по технике исполнения были подразделены на две группы: «объемная скульптура и плакетки». Первая группа

представлена двумя мужскими фигурками, найденными в жилом комплексе¹⁷⁸. Они выполнены в комбинированной технике: лепное тулово и штампованная голова. Авторы отмечают как отличительную черту трактовку глаз в виде углублений и датируют изделия на основе аналогий с согдийскими статуэтками V–VIII вв. н. э.¹⁷⁹ В тексте упоминается находка близ городища Канка женской фигурки с подлепленной спереди чашевидной курильницей. Вторая группа представлена двумя плитками с рельефными изображениями. На первой изображен анфас под стрельчатой аркой всадник с копьем на низкорослой лошади. На второй — сидящая женская фигура с овальным музыкальным инструментом в руках под нишей-аркой. Оба изделия датируются V–VI вв. на основании аналогичных изделий, получивших в это время распространение в Согде¹⁸⁰, а также сопутствующего материала середины I тыс. н. э.

В заключение авторы отмечают, что если часть изделий находила близкие аналогии в материалах Согда и была создана под их влиянием, то изделия с зооморфными сюжетами «более оригинальны». Не затрагивая вопросов генезиса различных видов терракотовой пластики Чача, Е. Усова и Ю. Ф. Буряков предлагают в целом считать их «особой отраслью искусства ташкентского региона».

В книге Ю. Ф. Бурякова «Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса», вышедшей в 1982 г., наряду с выделенными археологическими комплексами городской культуры Ташкентского оазиса описывается комплекс керамики каунчинской культуры, в том числе керамики с применением терракотовой пластики. В частности, автор считает, что Каунчи-I (II в. до н. э. — II в. н. э.) присущи горшочки-кружки с ручкой-петелькой, часто завершающейся фигуркой животного, а также керамические поделки-«шашлычницы», завершающиеся по бокам протомами с головками баранов. Для Каунчи-II (II–IV вв. н. э.) характерны эти же изделия. А для периода Каунчи-III (IV — первая половина VI в. н. э.) отмечается появление терракотовой скульптуры и смены «шашлычниц» подставками в виде головы быка. Ю. Ф. Буряков отмечает «изменения в составе мелкой пластики: в верхних слоях Каунчи была найдена терракота с зооморфными и антропоморфными сюжетами в виде объемной скульптуры и плакеток». Автор базирует свои наблюдения на ранее опубликованных изделиях (Буряков, 1982, с. 77, 78).

Следующий хронологический период — мингурюкский (VI–VIII вв. н. э.) — подразделяется автором на ранний и поздний этапы. Для первого характерно появление оссу-

¹⁷⁸ Раскоп 7 (у южных ворот шахристана III).

¹⁷⁹ Также приводится мнение В. А. Мешкерис о характерности приема изображения глаз в виде углублений только в период раннего средневековья.

¹⁸⁰ В первом случае датировка подтверждается сопутствующим материалом, во втором плитка происходит из раскопа 1, шахристана 1, с пола монументального помещения с суфой-эстрадой с материалами середины I тыс. н. э.

¹⁷⁷ В статье были также описаны налпы с изображением головы быка, оформлявший горловину сосуда и кольцевую ручку, стилизованная головка козла и реалистично исполненная головка птицы. Авторы считают их образцами массового художественного производства, которые выполняли культово-магическую роль и отображали зороастрийский пантеон божеств в различных ипостасях.

арного обряда погребения и, соответственно, самих оссуариев. При описании последних автор отмечает, что обычно они овальной формы, «орнаментированы насечками, растительными мотивами, зооморфными и антропоморфными фигурками и композициями. Интересны навершия крышек с изображениями птиц, животных и т. д.» (Буряков, 1982, с. 82). В преарабское время оссуарный обряд проникает в район Гиджигена, и вплоть до Фарнкетта «оссуарии имеют в основном овальную форму с древовидным орнаментом стенок. Крышки оформляются скульптурными навершиями в виде мужской головы (Гиджиген), протомы козлов и баранов (Пскент), фигурками птицы (Тойтепа, Югонтена). Интересно украшение стенки оссуария из Чанги сценой с женскими фигурами в тонких облегающих одеждах с развевающимися лентами» (Буряков, 1982, с. 140).

В кухонном комплексе керамики встречаются подставки в виде совершенно стилизованных бычьих голов, характерных для Каунчи-III. В столовой посуде применяются налесты в виде бараньих рожек, прочерчивается крест или насечки под ручками грушевидных кувшинов. На вершине ручек иногда видны налесты-пуговички, являющиеся рудиментом зооморфных фигурок. В мингурюкский период кружки также обильны, но уже без зооморфных ручек. Для позднего этапа характерно украшение носиков группы кувшинов головками быка.

Таким образом, благодаря исследованию Ю. Ф. Бурякова мы имеем возможность проследить в общих чертах развитие и смену одних видов терракотовой пластики другими, а также изменения в сюжетной линии.

В 1985 г. вышел в свет очередной том «Археологии СССР», в котором пятнадцатая глава была посвящена Чачу (Кошеленко, Буряков, 1985, с. 297). В этой работе была дана развернутая историография по археологическому исследованию Ташкентского оазиса. По вопросам датировки и периодизации культуры Каунчи была приведена обширная литература, а как наиболее обоснованную авторы признали точку зрения Ю. Ф. Бурякова, изложенную выше (Буряков, 1982).

Описывая основные черты материальной культуры каунчинской культуры, в том числе изделия с применением терракотовой пластики, авторы повторяют основные выводы Ю. Ф. Бурякова (Кошеленко, Буряков, 1985, с. 434, табл. CXLVI; с. 435, табл. CXLVII; с. 436, табл. CXLVIII; с. 437, табл. CXLIX, 46–48).

В 1986 г. Г. И. Богомолов обращается к интерпретации образа всадника на ранее опубликованной терракотовой плитке с городища Канка, происходящей из слоя V–VII вв., и на бронзовой подвеске, найденной в подьеме. Сопоставление изделий, несущих один образ, но выполненных из разных материалов и в разных традициях, не может не вызвать интерес. Автор считает, что терракотовая плитка как изделие тяготеет к традициям коропластики Согда, Тохаристана, Маргианы. Это мнение основывается на аналогиях в материале, технике нанесения изображения (штамп), иконографии образа. Автор сопоставляет плитку с бронзовой бляшкой, в ко-

торой он видит влияние искусства «более северных территорий», выявляет переключки в иконографических деталях образа всадника и лошади: борода клинышком, каплевидная серьга у всадника на плитке, низкорослая степная порода лошади у обоих всадников и т. д. Предполагается, что оба изделия близки по функциональному назначению и являлись оберегами-амулетами. Отмечая малочисленность рассматриваемых изделий, автор склоняется к мнению Г. А. Пугаченковой, видящей в образах терракотовых всадников покровителей кочевых народов. Эти изделия могли быть связаны с закликательной практикой. Г. И. Богомолов, подчеркивая влияние тюркского искусства, отмечает, что «образ божества-охранителя слился с другим местным божеством — воителем Вретрагной, а специфика местных изобразительных средств привела к замене бронзовых подвесок терракотовыми всадниками» (Богомолов, 1986, с. 78–79).

Еще одна статья, посвященная вопросам интерпретации изображений на терракотовой пластике, вышла в 1986 г. Ю. Ф. Буряков и Г. И. Богомолов опубликовали в ней оссуарий, случайно найденный близ Паркента (Буряков, Богомолов, 1986). Форма оссуария овальная, крышка утеряна. Орнамент на лицевой и задней стенках представлял собой сочетание простого процарапанного со штампованным. Исследователи пытаются раскрыть содержание сюжета, несущего женский образ в короне и с шарфом, склоняясь к мысли, что это дева-Совесть или Анахита. Представляет особый интерес технология изготовления: три оттиска одним крупным штампом 20 × 13,5 см на одной стороне оссуария и дополнение процарапанным орнаментом и налипным жгутом с защипами, оконтуривающее всю композицию. Датируется изделие авторами временем не позднее VI–VII вв. н. э., а также делается вывод о распространении в этот период комбинированной технологии орнаментации оссуариев.

В 1990 г. публикуются тезисы доклада, посвященного находке четырех целых оссуариев с сохранившимися в них костными останками в нетронутом виде с территории Тойтепа. Все оссуарии овальной формы, были украшены налипным и прорезным орнаментом в виде цветочных розеток, а также налестами, «имитирующими изображения лиц-маскаронов, часто встречающихся на оссуариях Ташкентской области» (Минасянц, 1990а, с. 64–66). Анализ техники изготовления и орнаментации оссуариев позволил автору отнести новые материалы к VI–VII вв.

В другой статье В. С. Минасянца, вышедшей в этом же году, дается типология по орнаментации оссуариев Ташкента и Ташкентской области (Минасянц, 1990б). Наряду с краткой историей нахождения оссуариев автор представил описания этих изделий, практически не уделяя внимания технологии изготовления. Он подразделил описанный материал на 4 типа. Предложенная типология основывалась главным образом на анализе орнаментации. Так, к первому типу были отнесены 7 оссуариев, на которых имеется налипной волнистый бордюр у линии среза крышки, со спускающимися на лицевую часть тремя аналогичными лентами.

В поле между лент расположены четырехлепестковые розетки. Ко второму типу отнесено 6 оссуариев. Основным элементом их орнаментации является растительный узор в виде веточек «елочкой». Третий тип, как указывает автор, «самый многочисленный», но без конкретных цифр — несет антропоморфные и зооморфные изображения. При описании сюжетов остается неясной технология изготовления орнаментов. Упоминаются фигурки женщин с согнутыми и поднятыми руками — «плакальщицы», стилизованные фигурки под аркой, а также ручки крышек в виде стилизованной лепной антропоморфной головы различных вариантов. К четвертому типу был отнесен один оссуарий, украшенный по корпусу наклепным волнообразным бордюром, имеющий на левой торцевой стенке прорезное «окошечко» в форме неправильного квадрата.

Предложенная В. С. Минасянц типология практически не выявляет никаких новых закономерностей ни в хронологическом аспекте, ни в топографическом, т. е. не дает представления о локальных особенностях оссуариев из разных районов Ташкентского оазиса. Типология по орнаментации дает лишь представление о разнообразии используемых изобразительных сюжетов, без выявления их эволюции.

В этом же году вводятся в научный оборот новые находки оссуариев из некрополя тепе Ходжа Фархон в Ташкенте (Филанович, 1990). Помимо публикации М. И. Филанович обобщает ранее накопленные материалы по оссуариям Ташкентского оазиса. Анализируется генезис оссуариев и их формы.

Оссуарии из Ходжа Фархона представлены тремя типами: неорнаментированная урна с крышкой, напоминающая вазу; подпрямоугольный ящичек с округлыми углами и овальной крышкой; овальный ящичек с овальной же крышкой. Причем последний тип отмечается как преобладающий. Кроме того, автору удалось выявить, что оссуарии овальной формы имеют постоянный стандартизированный набор орнаментов — многолепестковые розетки в кругах, крестовины, косые решетки, елочки и ветви. Этот набор характерен для овальных оссуариев Согда и Семиречья, а также для прямоугольных со скругленными углами из Согда. Прорезной орнамент в виде грибовидных «бойниц» встречен в Чаче лишь на одном экземпляре из Ханабада, причем наиболее позднем, VIII — начала IX в. н. э.

М. И. Филанович упоминает выводы Ф. Грене, полученные в результате обобщения археологических данных по погребальному обряду Средней Азии, о том, что оссуарии Согда и его окраин (Чача и Семиречья) представляют самый поздний тип оссуариев VI в. н. э. В Согд оссуарии пришли из Хорезма, что, по мнению автора, подтверждается не только хронологической последовательностью, но и наличием «фортификационных» элементов орнамента, ранее всего отмеченных на башнеобразных оссуариях Хорезма. Далее М. И. Филанович сомневается в правильности выводов Б. Я. Ставиского о происхождении овальных оссуариев от прямоугольных с закругленными углами (Ставиский и др., 1953, с. 95). Под-

черкивается сосуществование обеих форм оссуариев при явном преобладании овальных¹⁸¹. М. И. Филанович считает, что различие между ними «не хронологическое, а территориальное. Набор элементов орнамента овальных оссуариев Чача достаточно стандартизирован, ему не свойственны фортификационные детали» (Филанович, 1990, с. 94).

В статье автор показывает развитие представлений о происхождении форм оссуариев. Если изначально считалось, что прямоугольная и овальная формы отражают очертания наземных жилищ, оседлых прямоугольных и кочевых юрт¹⁸², то позднее появилось мнение о передаче в орнаменте оссуариев деталей фасадов погребальных построек¹⁸³. М. И. Филанович видит черты согдийского кубического науса с пирамидальной крышей в прямоугольном оссуарии с пирамидальной же крышкой, предполагая, что и овальный оссуарий мог отражать аналогичную по функции юртообразную постройку, и видя истоки формы в курганах и курумах, а также намогильных каменных и паховых сооружений (Кальмакыр, Ангрен, Куль-Ата, Актам и Муртали в Пскенте, Туябугуз), которые имели округлый абрис постройки и купол.

Автор считает, что в Чаче форма оссуариев воспроизводит именно форму погребальных наземных юртообразных сооружений и не имеет никакого отношения к этому же типу жилища кочевников. «Полусферические наусы принадлежали оседлому населению, располагаясь лишь в близком соседстве с курганными погребениями кочевников» (Филанович, 1990, с. 95).

В 1996 г. в статье «Очажные подставки с Эгар и Курук-тепе (к вопросу о зооморфных подставках Чача)» вводятся в научный оборот новые материалы (Богомолов, Алимов, 1996). Авторами на городище Эгартепе была зафиксирована мастерская по изготовлению так называемых рогатых кирпичей — стилизованных изображений рогатой головы быка. В одной комнате было обнаружено пятьдесят однотипных необожженных изделий, которые датированы, как и весь археологический комплекс памятника, V–VI вв. Фрагменты обожженных изделий были выявлены в гончарной печи, расположенной поблизости от вышеупомянутой мастерской.

Авторы статьи, отмечая отсутствие специальных работ по исследованию «кирпичей-подставок», приводят аналогии им, очерчивают ареал распространения (Ташкентский оазис, памятники Средней Амударьи, Южного Казахстана, низовьев реки Арысь, Отрарского оазиса) и хронологические рамки бытования этого вида изделий (I–VIII вв. н. э.). Рассмотрение кирпичей-подставок в широком географическом и хронологическом срезе позволили авторам сделать важные

¹⁸¹ Напомним, что к такому же выводу приходит Л. В. Павчинская (Павчинская, 1990, с. 16–17). См. выше, гл. 2.

¹⁸² Н. П. Остроумов, 1906; В. В. Бартольд, 1908; К. В. Тревер, 1940; А. А. Потапов, 1938 и др.

¹⁸³ Г. А. Пугаченкова, 1987в, с. 109; Б. Я. Ставиский, 1961; Г. А. Коселенко, О. Орозов, 1965 и др.

выводы, которые изменяют ранее сложившиеся представления об эволюции этого вида изделий.

Как наиболее ранняя выделена группа подставок в виде бычьей головы с лункой в передней части (широко бытовали в районе Средней Сырдарьи в I–IV вв. н. э.); дальнейшее развитие — «подставка с ноздрями-вмятинами (чаще сквозными) в носовой части кирпича» (датируются IV–VI вв. н. э.); на позднем этапе — «подставки пирамидальной формы с едва намеченными рогами, кирпичи с острым углом линии носа и рогов, они заметно уменьшаются в размерах» (датируются VI–VIII вв. н. э.) (Богомолов, Алимов, 1996, с. 165–166).

В 1999 г. выходит том «Археологии» под названием «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья», в котором четвертая глава посвящена раннесредневековому Чачу и Илаку (Буряков, Филанович, 1999). Описывая раннесредневековый комплекс керамики Чача, авторы отмечают применение терракотовой пластики со стилизованными зооморфными образами на ручках кувшинов, котлов (Буряков, Филанович, 1999, с. 290, табл. 46, 32, 33, 38, 39), а также бытование очажных подставок со стилизованным изображением бычьей головы (Буряков, Филанович, 1999, с. 290, табл. 46, 40).

В рассматриваемый период авторы отмечают широкое распространение «терракоты», подразумевая самостоятельные виды изделий — статуэтки и плитки с рельефами. К последним применяется термин «плакетки». Упоминаются все ранее опубликованные изделия, получившие графическое отражение (Буряков, Филанович, 1999, с. 289, табл. 45, 2, 3, 6, 8–10). Приводимые обобщения дублируют выводы, опубликованные ранее Ю. Ф. Буряковым (Буряков, 1982, с. 77, 78).

В разделе «Погребальный обряд» Ю. Ф. Буряков и М. И. Филанович отмечают начало распространения в раннесредневековый период захоронений в наусах, в которых отмечены как труположения, так и погребения в оссуариях. Из наусов известны два туябугузских с захоронениями в оссуариях (Агзамходжаев, 1962, с. 71–79).

Оссуарии, обнаруженные в Ташкенте, Той-тубе, в Ниязбаше, близ Янгиюля, у с. Чанги и близ городища Канка, являются оссуарными захоронениями в земле. Авторы отмечают основные приемы орнаментации в виде налепов, прорезного и процарапанного орнамента. Среди применяемых сюжетов как преобладающие отмечены растительного и космогонического характера (Буряков, Филанович, 1999, с. 287, табл. 43).

* * *

Таким образом, по результатам анализа вышерассмотренных работ можно реконструировать следующую картину эволюции терракотовой пластики Чача, главная отличительная черта которой нам видится в отсутствии прямой взаимосвязи и единой линии развития различных видов терракотовой пластики. Представляется, что изделия, характерные

для культуры Каунчи-I и II, эволюционируют автономно, без определенного влияния извне. В раннем средневековье появляются такие виды изделий, как оссуарии с применением терракотовой пластики, а также изделия самостоятельного значения, статуэтки и плитки с рельефными изображениями. Последние практически не связаны с изделиями терракотовой пластики каунчинского периода. Некоторая связь лишь частично прослеживается в сюжетах орнаментации, в частности, используемой на оссуариях (зооморфные фигурки-навершия на крышках оссуариев и др.). Как отмечают Е. Усова и Ю. Буряков (Усова, Буряков, 1981), статуэтки и плитки с рельефными изображениями испытывают сильное влияние согдийской коропластики.

Важно при этом отметить, что в ряде соседних с Чачем регионов — Согде, Тохаристане — неоднократно отмечаются изделия, традиционно связанные с культурой Каунчи. Но обратного процесса на территории Ташкентского оазиса не отмечалось вплоть до эпохи раннего средневековья.

Подводя итоги исследования изделий терракотовой пластики в Чаче, отметим незначительный объем их. Всего семь специализированных работ, большая часть из которых посвящена публикациям и частным вопросам. Такое положение объясняется малым числом изделий терракотовой пластики самостоятельного назначения, таких как статуэтки и плитки с рельефными изображениями. Этим же, вероятно, можно объяснить заимствование традиционного подхода с основным вниманием к изображению и стандартным описанием характеристик самих изделий без корреляции с другими категориями предметов археологических комплексов. Исследования оссуариев Чача достигли уровня широких обобщений. Практически учтены и опубликованы все оссуарии, найденные в Ташкентской области начиная с 1871 г. Предложена типология орнаментации на оссуариях (Минасянц, 1990б). Проведено обобщающее исследование оссуариев Чача с выделением типов форм, их датировкой и интерпретацией (Филанович, 1990). Богатый материал по оссуариям, в том числе опубликованный, делает насущным создание каталога и классификации этих изделий.

ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ В РАМКАХ ВСЕГО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

С начала действия региональных археологических экспедиций был накоплен значительный материал по терракотовой пластике отдельных регионов, что способствовало появлению в 70-х гг. XX столетия работ с первичным обобщением и анализом терракотовой пластики в рамках всего среднеазиатского региона. В таком масштабе изучение терракотовой пластики проводила преимущественно В. А. Мешкерис. Одной из главных заслуг исследовательницы является

сравнительный анализ накопленного материала по терракотовой пластике отдельных историко-культурных регионов. Так, в статье «Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху» В. А. Мешкерис были рассмотрены основные характерные черты «школ» Согда, Хорезма, Бактрии-Тохаристана и Маргианы, выявлены отличия и общности (Мешкерис, 1975, с. 363–368).

Говоря о характерных чертах согдийской коропластики, исследовательница отмечала, что этот регион не являлся оплотом ни эллинистической, ни буддийской культуры. Основное содержание коропластики автор связывает с «местными культами среднеазиатского маздеизма». Статуэтки-идолы рассматриваются как «домашние божества, покровители рода, семейного очага...». Иконография женских божеств, по мнению автора, восходит к древнейшим образцам Передней Азии (Нейраб, Нимруд) и поздним западно-парфянским (Селевкия на Тигре, Вавилон и Ниппур). Связи с Западной Парфией прослеживаются и в других тематических группах согдийских терракот. Отмечая «зрелость согдийской школы», В. А. Мешкерис подчеркивает устоявшуюся традицию канона и художественное мастерство.

Хорезмийская школа характеризуется как наиболее близкая согдийской. Ее начало также связывается автором с переосмыслением переднеазиатских образов в IV–III вв. до н. э. Отмечаются тематическая близость, устойчивость иконографических типов, те же стилистические принципы. Отличие школ видится в иконографии женских богинь, «в многообразии образов-типов» для Хорезма в рамках одного канона, различиях в пропорциях и пластике.

Для Бактрии-Тохаристана отмечается в первую очередь большое влияние буддийской культуры и «в какой-то мере — эллинистической». В традиционно местных фигурках женского божества отмечаются специфические иконографические типы: плоскоотно решенных сидящих богинь, в том числе с «рогом изобилия», а также женского образа с инвентурным кольцом и т. д. В целом подчеркивается «ярко выраженное влияние восточного эллинизма, ассимилированного в бактрийской среде» (Мешкерис, 1975, с. 366).

Маргиана, по мнению автора, представляется «очагом переднеазиатского эллинизма». Последнее отражено в устойчивом местном иконографическом образе богини с зеркалом. Своеобразие эллинистических терракот Маргианы автор видит в «изысканной, тонкой разработке деталей, тенденции к миниатюрной масштабности». Отмечается отсутствие традиционно иранских тематических групп статуэток («мужчин-жрецов, музыкантов в скифо-иранском костюме»). Среди статуэток местного типа некоторые имеют удлиненные пропорции. Позднепарфянские статуэтки крайне условны и приземистых пропорций, не находят аналогов в других регионах Средней Азии.

Несмотря на прогрессивность примененного сравнительного анализа терракотовой пластики различных регионов Средней Азии, представленные в статье наблюдения автора остаются в основе своей неоднозначными. Подход

автора к выделению и анализу школ коропластики в Средней Азии, базирующийся лишь на анализе стилистического и иконографического разнообразия изобразительных сюжетов, является, на наш взгляд, зауженным. Без привлечения такого важного аспекта, как материально-экономическая и социальная составляющие возникновения и бытования терракотовой пластики как вида материальной культуры, а именно проблем производства, технологии, выявления различных по функциональному назначению видов изделий, окончательно вопрос существования школ в разных регионах с их характерными особенностями решен быть не может.

Среди работ, посвященных изучению иконографии и интерпретации образов, имеющих значение для всех регионов Средней Азии, где бытовали терракотовые статуэтки, необходимо отметить статью Л. А. Лелекова (Лелеков, 1985). Это исследование представляет чрезвычайный интерес, так как ставит под сомнение устоявшуюся, упрощенную схему интерпретации большинства женских статуэток как передающих образ Анахиты. Опираясь на анализ письменных источников, автор отмечает, что наибольшее внимание уделено ее функции девы-воительницы (вероятно, тождественной Афине Илионской).

В 1992 г. В. А. Мешкерис была защищена докторская диссертация на тему «Коропластика Средней Азии IV–III вв. до н. э. — VII–VIII вв. н. э. (периодизация, типология, динамика стилей)»¹⁸⁴.

Свою работу исследовательница видит в рамках «новой научной дисциплины, выкристаллизованной из археологии», — художественной культуры древней и раннесредневековой Средней Азии. Автор характеризует свой подход в исследовании обозначенной темы как комплексный, включающий в себя археологический и искусствоведческий. Однако В. А. Мешкерис не конкретизирует, что именно подразумевается под «археологическим подходом» в изучении терракотовой пластики, а также кем и когда он был сформирован. Представляется, что лежащие на поверхности методы археологического исследования предметов материальной культуры как массового материала никем не были определены, оговорены и тем более комплексно применены на больших выборках материала по терракотовой пластике. Постулируя утверждение «нового археологического метода» в комплексных региональных экспедициях, автор отмечает, что вопросы «топографии, стратиграфии и систематизации стали приобретать первостепенное значение». На наш взгляд, учет археологического контекста и безусловное внимание к нему еще не означали появления нового метода, тем более археологического. Происходило лишь вплетение дополнительной информации наряду с прочей в традиционную канву искусствоведческих методов исследования терракотовой пластики.

¹⁸⁴ В этом же году В. А. Мешкерис вопросам периодизации коропластики Средней Азии посвящает тезисы (Мешкерис, 1992а).

Исследуется пять тысяч изделий из Хорезма, Маргианы, Согда, Бактрии, Семиречья. Предлагается новый метод организации массового материала на единых принципах совмещения географических, хронологических и классификационных аспектов¹⁸⁵.

Подчеркивается, что «впервые изучение коропластики предпринято в широком пространственном и хронологическом диапазонах». Нельзя не согласиться с автором относительно закономерности применения данного подхода и его научной значимости. В частности, для постановки и ответа на вопрос, «обладала ли среднеазиатская коропластика какими-либо общими специфическими чертами, существовала ли она в виде дробных, мозаичных, независимых друг от друга локальных комплексов или в виде суммы сложившихся традиционных школ единого среднеазиатского стиля?» (Мешкерис, 1992б, с. 5). Труд В. А. Мешкерис — пожалуй, одно из самых объемных специализированных исследований терракотовой пластики Средней Азии в конце XX в. В нем были значительно проработаны критерии оценки художественных качеств изобразительного ряда. В частности, автором предложена более универсальная и объективированная терминология, а также введен статистический метод для выявления пропорций изображенных фигур¹⁸⁶.

В исследовании автор вплотную подошел к решению комплекса проблем: генезиса среднеазиатской коропластики, функционального назначения и значимости терракот как источника художественной культуры.

Однако используемая автором выборка «стратиграфически датированных» изделий терракотовой пластики не представлена. Отсутствие принципов этой выборки, а также статистики и невозможность проверки ставят под сомнение результаты этой работы. Тем не менее представляется необходимым подробнее остановиться на нескольких узловых моментах анализируемого исследования.

Выделенный В. А. Мешкерис «географический аспект» даже в самом общем плане позволил подойти к крайне интересным и важным выводам, проливающим свет на функциональное назначение изделий: «Большинство находок сосредоточено в жилых и храмовых комплексах, редко зафиксированы в погребальных сооружениях (Тепай-Шах) и династических комплексах (Ниса)» (Мешкерис, 1992б, с. 9). К сожалению, автор не подкрепляет своих выводов статистикой.

Статистическая обработка мест нахождения терракотовой пластики на разных уровнях конкретизации, на наш взгляд, может открыть целый пласт проверяемой информации, которая может стать фактической базой для дальнейших исследований. Примером разных уровней конкретизации

географического аспекта являются: историко-географический регион, характер поселения (город, сельское поселение, крепость), характер сооружения (фортификационное сооружение, жилой дом, производственный комплекс, храмовое сооружение и т. д.), характер частного местоположения внутри сооружения (замуровка в стене фортификационного сооружения, культовое помещение в жилом доме, хозяйственное помещение в храмовом комплексе, производственное помещение) и дальнейшая конкретизация (на полу у стены, в нише в стене, замуровка в пол, под полом и т. д.).

Хронологический аспект. В. А. Мешкерис представил стратифицированный материал с ведущими формами керамики и нумизматики, сведенный в колонки. Однако представленные колонки заключают в себе «типичный материал»¹⁸⁷, принципы выборки которого не оговорены и вызывают сомнения. При отсутствии или непредставленности статистической обработки материала в целом любая выборка выглядит необъективной.

Классификационный аспект. Представляется значимой классификация терракотовой пластики по функциональному принципу. Однако две выделенные категории (скульптурные произведения и художественная керамика) схематичны и не отражают многообразия различных видов изделий. В работе не прослежено соотношение различных видов изделий терракотовой пластики в рамках исследуемых историко-культурных регионов. Позднее эта классификация автором будет развита¹⁸⁸. Дальнейшая классификация, начиная с уровня выделения классов, на наш взгляд, содержит противоречие, которое возникает при механическом соединении искусствоведческих методов классификации с частью археологического контекста находки изделия (география, хронология и сопутствующий комплекс керамики и нумизматики)¹⁸⁹.

В заключение можно констатировать, что В. А. Мешкерис вплотную подошла к разработке действительно универсального подхода в исследовании предметов терракотовой пластики, сочетающего археологические и искусствоведческие методы. Однако, несмотря на разработанную методику исследований, В. А. Мешкерис не смогла преодолеть приоритет искусствоведческого анализа. Вследствие этого предложенные периодизация и типология коропластики Средней Азии с точки зрения археологии не могут быть признаны объективными. По-прежнему остается насущной проблема составления археологического свода (с выделением надежно датированных предметов, паспортизацией и статистикой мест находок, с обязательным указанием размерных показателей,

¹⁸⁵ Суть их изложена выше (в главе 2, § 3, в комментарии к тезисам В. А. Мешкерис «Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана» (Мешкерис, 1998)).

¹⁸⁶ Использование статистических методов в изучении коропластики ранее было обосновано в отдельной работе (Мешкерис, Луковский, Погребная, 1990).

¹⁸⁷ Вызывает сомнение стратиграфическое подтверждение датировки целого ряда изделий. В частности, привлекаемые материалы Маргианы, относимые к III в. до н. э.

¹⁸⁸ В работе 1998 г. В. А. Мешкерис предложит иное деление, что уже комментировалось выше.

¹⁸⁹ Основные принципы выделения классов, практически не отличающихся от предлагаемых в работах 1964, 1977, 1989 годов, были рассмотрены нами в разделе «Изучение терракотовой пластики Согда».

анализом технологии изготовления, стиля и иконографии), который мог бы стать базой для последующего изучения и разрешения основных проблем, стоящих перед исследователями терракотовой пластики Средней Азии.

* * *

Историографическая работа всегда освещает историю не только отдельного вопроса, но и науки в целом. В процессе отбора литературы по терракотовой пластике Средней Азии стало очевидно, сколь велико значение отечественной науки в изучении среднеазиатского региона, сколь фундаментально и многогранно знание, накопленное трудами нескольких поколений российских и советских исследователей¹⁹⁰. Огромное значение и авторитет этого знания делают любую историографическую работу важной и актуальной и в то же время накладывают на исследователя тяжелое бремя ответственности. Осознавая это, еще раз подчеркнем, что в задачи нашей работы входил сбор и анализ всех доступных трудов археологов и искусствоведов, касающихся проблем терракотовой пластики Средней Азии, с целью восстановления картины развития научной мысли по этой проблематике. Кроме того, были выявлены основные направления исследований, их закономерности и эволюция, достижения и проблемы. Главное внимание было уделено становлению археологических методов изучения. Анализу было подвергнуто более четырехсот работ, вышедших в период с 1887 по 2000 гг., что представляет на сегодня значительную с точки зрения статистики выборку.

В истории изучения терракотовой пластики Средней Азии нами было выделено два этапа. Первый этап включает в себя отрезок времени от первых печатных работ в последней четверти XIX в. до середины XX в. Его характеризует незначительная по объему источниковедческая база, основанная по большей части на находках случайного происхождения, а также на немногочисленных материалах первых археологических раскопок, методы которых еще только начинали формироваться. Исследование материалов терракотовой пластики велось в рамках всего среднеазиатского региона. На протяжении всего этапа основное внимание уделялось исследованиям оссуариев.

В рассмотренных нами работах этого периода, как в зеркале, отразился живой и непосредственный процесс становления археологии как самостоятельной исторической дисциплины. В первую очередь это относится к деятельности Восточного отделения Русского археологического общества, Туркестанского кружка любителей археологии, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии,

которая нашла свое отражение в Записках ВОРАО, Протоколах ТКЛА и Известиях РКИСВА. Благодаря таким выдающимся и ярким исследователям этих организаций, как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, К. А. Иностранцев, И. Т. Пославский, Б. И. Кастальский, А. Д. Калмыков, памятники изобразительного искусства Средней Азии не только вошли в широкий научный оборот, но и надолго привлекли к себе внимание ориенталистов мира. Позднее, после революционных потрясений и гражданской войны, не менее яркими уже советскими исследователями В. Л. Вяткиным, К. В. Тревер, А. А. Потаповым, А. Я. Борисовым были продолжены сбор, первичное обобщение и публикация изделий терракотовой пластики, в том числе издание каталога терракотовых статуэток Афрасиаба.

Начало второго этапа изучения терракотовой пластики было отнесено нами к середине XX в. Именно в послевоенный период советской эпохи археологические исследования получили поистине беспрецедентный размах. В каждом историко-культурном регионе Средней Азии одновременно работало от одной до нескольких комплексных археологических экспедиций. Помимо масштабов широко развернувшихся археологических работ нельзя не отметить принципиальное изменение в стратегии научных исследований, основанных на планомерном и последовательном археологическом изучении целых историко-культурных регионов, а не отдельных ярких памятников или находок. Кроме того, к началу действия комплексных экспедиций были значительно усовершенствованы методы полевых исследований, которые нашли отражение в соответствующей документации и систематических публикациях вновь открываемого материала.

Открытие и воскрешение из небытия материальной и духовной культуры Бактрии, Согды, Маргианы, Хорезма, Чача — это грандиозный успех советской археологии. Достаточно вспомнить монументальные труды ЮТАКЭ, ХАЭЭ, ТАЭ и многочисленные издания Искусствоведческой, Афрасиабской, Пенджикентской, Бактрийской, Каратапинской, Советско-Афганской, Кешской и многих других экспедиций, чтобы представить, каков истинный вклад советских археологов в изучение этого региона. Введение в научный оборот новых материалов осуществлялось также посредством выхода в печать целого ряда общесоюзных и республиканских периодических научных изданий, тематических сборников и монографий. Постоянное внимание значительного числа высококвалифицированных исследователей уделялось вопросам среднеазиатских идеологий древности и средневековья, в том числе посредством изучения предметов изобразительного искусства. Плеяда таких ученых, как Л. И. Альбаум, А. М. Беленицкий, М. Г. Воробьева, Т. И. Зеймаль, С. К. Кабанов, Г. А. Кошеленко, Б. А. Литвинский, М. Е. Массон, А. М. Мандельштам, Б. И. Маршак, В. А. Мешкерис, Г. Я. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Ю. А. Рапопорт, С. П. Толстов, В. А. Шишкин, Г. В. Шишкина, окончательно утвердила позиции и значение среднеазиатской археологии, выдвинув ее в первые ряды по уровню и глупо-

¹⁹⁰ Роль западноевропейских исследователей несопоставима по масштабам и носит фрагментарный характер. Тем не менее даже малая часть работ, основанных на материалах, происходящих из Ай-Ханума, стала реперной для реконструкции генезиса терракотовой пластики Средней Азии.

бине научной проработки разнообразных тем, в частности, касающихся проблем терракотовой пластики.

В ходе общего критического обзора литературы были выявлены два основных направления в изучении среднеазиатской коропластики. Наиболее четко они высвечиваются в конкретной исторической ретроспективе.

С самого начала археологического изучения Средней Азии терракотовая пластика, как яркая иллюстрация древней культуры, оказалась в центре внимания. Несмотря на отсутствие в большинстве случаев археологического контекста и случайное происхождение большинства находок, первыми среднеазиатскими археологами и историками были обозначены опорные точки важнейших методов изучения этого материала, которые в дальнейшем определили суть двух направлений: искусствоведческого и археологического. Нужно отметить, что в период поиска и формирования методов исследования терракотовой пластики отмечается синкретизм в использовании обоих направлений, и лишь к 1940-м гг. наметилась их четкая дифференциация. Примером чему служит классическая статья А. Я. Борисова, построенная на методах исключительно искусствоведческих (Борисов, 1940). Напомним, что выделению этого направления способствовали работы Н. И. Веселовского (Веселовский, 1887, 1917), затем последовательно искусствоведческие подходы были обозначены в работах И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (Толстой, Кондаков, 1890), А. Д. Калмыкова (Калмыков, 1909), К. Т. Залемана (Залеман, 1909), К. В. Тревер (Тревер, 1934, 1940), А. А. Потапова (Потапов, 1938) и других.

Работы искусствоведческого направления представляли собой специализированные исследования терракотовой пластики, в которых эти изделия рассматривались как памятники искусства и где использовались несколько методов: каталожный, т. е. публикация коллекций и их анализ; интерпретационный, т. е. разъяснение, толкование идейного содержания изображений, отождествление их с известными в искусстве посредством привлечения различных аналогий, а также свидетельств письменных, археологических и этнографических источников; иконографический, изучающий изобразительный ряд и процессы, происходящие в нем; стилиевой — выявление для определенного хронологического отрезка своей манеры оформления мысли в изобразительном искусстве.

Характерной особенностью этого направления является не только вычленение терракотовой пластики из комплекса археологического материала и ее отдельное рассмотрение, но и зачастую вычленение изобразительного ряда и исследование его отдельно от самих терракотовых изделий. Такой подход имеет свои преимущества, но лишь до тех пор, пока он составляет один из компонентов в целостном изучении предмета. На фоне формирующихся основных принципов археологического изучения древней материальной культуры специализированное рассмотрение терракотовой пластики в работах искусствоведческого направления с его отточенными методами позволяло более емко обозначить круг ин-

формационных возможностей этого материала, наметить связи с другими видами искусства и предметами материальной культуры. Благодаря применению этих методов стали накапливаться данные для восстановления представлений о существовавших в отдельные исторические промежутки времени пантеонах богов и мифологических героев с выходом на вопросы религиозного мировоззрения в целом. Кроме того, исследования иконографии и стиля изобразительных сюжетов терракотовой пластики выводили на проблемы взаимовлияний различных культур и взаимопроникновения религиозных и идеологических представлений.

Поиск и становление археологических методов исследования терракотовой пластики, понимание их важности были, безусловно, взаимосвязаны с процессом становления и развития основных принципов самой археологической науки: начиная со стратиграфического исследования памятников со строгой привязкой и фиксации всех предметов материальной культуры и кончая разработкой методов исследования каждой отдельно взятой категории изделий через анализ археологических данных в совокупности и во взаимосвязи. В первой статье, где были представлены изделия терракотовой пластики Средней Азии, Н. И. Веселовский попытался выделить различные виды изделий терракотовой пластики по функциональному назначению (Веселовский, 1887, с. 92–104). Позднее в работе И. Т. Пославского был представлен анализ в совокупности и во взаимосвязи таких данных, как технология изготовления, форма изделий, местонахождение и его характер, сопутствующий материал (Пославский, 1903). В это же время В. В. Бартольд призвал своих коллег держаться определенного направления, которое не отвлекало бы археологов от их главного подхода, основанного на изучении самого предмета материальной культуры: «сопоставление отдельных экземпляров, установление отдельных разновидностей и выяснение их зависимости от географических, этнографических и иных условий» (Бартольд, 1908, с. 65). На наш взгляд, в этой сжатой фразе, по сути, заключается основа полноценных и универсальных археологических методов исследования памятников материальной культуры, и в том числе терракотовой пластики.

Молодость археологической науки, неформленность ее основных принципов — целостного изучения материальной культуры во всех ее проявлениях — повлияли на то, что для исследования терракотовой пластики обозначенные археологические методы не получили в дальнейшем детальной разработки. В результате прерогативой стали искусствоведческие методы исследования памятников изобразительного искусства, апробированные уже в течение нескольких столетий. Заодно с такими методами археологи позаимствовали отношение к предметам терракотовой пластики как к памятникам искусства, чем как бы и оправдывалось применение этих методов. Таким образом, терракотовая пластика, происходящая из раскопок, являясь уже полноценным археологическим материалом, с 1940-х гг. XX столетия

практически выпала из широкого спектра предметов материальной культуры, для изучения которых создавались и применялись археологические методы.

Преобладание искусствоведческого направления исследований прослеживается на всем рассматриваемом нами хронологическом отрезке и во всех историко-культурных регионах Средней Азии. Однако нельзя не отметить существенные региональные отличия в разработке тем, касающихся терракотовой пластики.

Благодаря крупномасштабным работам археологов ЮТАКЭ был собран объемный материал, отразивший основные виды терракотовых изделий, а также иконографических типов, бытовавших в Маргиане с III в. до н. э. по VIII в. н. э. Свое освещение он получил в 29 исследованиях 18 авторов.

В истории изучения коропластики этого региона центральную роль сыграла концепция «маргианской богини», разработанная Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1959, 1962а, 1967а), суть которой заключалась в построении схемы эволюции основных иконографических образов. Последующие статьи вплоть до 1990-х гг. были посвящены публикациям новых находок терракотовых изделий или рассмотрению отдельных иконографических образов и вписывали все их многообразие в существующую концепцию «маргианской богини», используя те же методы искусствоведческого направления.

Давление субъективно-искусствоведческого подхода становится наиболее очевидным при рассмотрении уникальных, с точки зрения возможности применения комплексного подхода, материалов из нескольких жилых и производственных объектов, таких как «квартал мукомолов» и «дом металлиста» на городище Гяур-кала (Усманова, 1963б; Кацурис, Буряков, 1963). Открытие большого количества изделий терракотовой пластики *in situ* в хорошо датированном комплексе с другими предметами материальной культуры само по себе дало богатейший материал для понимания значения этих изделий. Безусловно, терракотовая пластика с этих объектов на сегодня требует глубокого специализированного исследования на базе новых методов.

Накопление новых материалов, а также критический анализ археологического контекста ранее опубликованных изделий по терракотовой пластике региона позволили Г. А. Кошеленко и С. В. Новикову (Кошеленко, Новиков, 1999) увидеть внутреннюю противоречивость концепции Г. А. Пугаченковой, недостаточную обоснованность основных положений и призвать отказаться от основных выводов и заново подойти к рассмотрению проблем терракотовой пластики, в частности эллинистического периода. В свою очередь, предложенная авторами концепция сравнительного метода также лежит в плоскости искусствоведческого направления, возможности которого принципиально не могут затрагивать весь спектр проблем, связанных с коропластикой. Следовательно, они не могут полностью разрешить накопившиеся противоречия.

Терракотовой пластике Согда посвящена обширная литература — более 170 статей, монографий, каталогов и диссертаций, написанных более чем 70 авторами. Изучение материалов Согда началось с конца XIX в., усилиями нескольких поколений исследователей был собран и обработан огромный по объему (более 3000 изделий¹⁹¹), разнообразию и богатству материал. В большинстве исследований использовался подход к изделиям терракотовой пластики Согда как к памятникам искусства. На общем фоне выделяются труды В. А. Мешкерис (Мешкерис, 1962, 1977а, б, 1989а), оказавшие значительное влияние на изучение согдийской терракотовой пластики. Автором впервые была предложена определенная систематизация полученных данных по терракотовой пластике региона, вылившаяся в создание каталогов по Афрасиабу и по Согду в целом. Однако исследования В. А. Мешкерис формально сочетали в себе искусствоведческие и археологические подходы. По сути, все концептуальные построения автора были основаны на приоритете искусствоведческих методов. Именно поэтому созданные ей каталоги терракотовой пластики не позволили рассматривать их как своды археологических источников и не удовлетворили насущные потребности археологов. В начале 1970-х гг. Б. И. Маршак подверг сомнению рациональность общепринятого подхода к большинству изделий терракотовой пластики как к предметам искусства, и в том числе как к историческим источникам, предложив заново подойти к интерпретации изобразительного ряда с учетом отмеченных им особенностей технологии изготовления (Маршак, 1972, с. 276–277). Увиденная Б. И. Маршаком необходимость рассмотрения изобразительного ряда терракотовых изделий во взаимосвязи с особенностями технологии их изготовления — только часть комплексного подхода, которая, тем не менее, позволила наметить новые перспективы в изучении этого материала. Тезисные предложения автора нашли отклик лишь у нескольких исследователей (Зеймаль, 1983; Мкртычев, Ильясов, 1992) и в дальнейшем на материалах Согда не были развиты. Значительно позднее археологическое исследование уникальной находки серий терракотовых статуэток в контексте функционирования всего квартала керамистов Еркургана позволило значительно углубить наши представления об организации производства этих изделий, технологических особенностях изготовления, значения этого вида материальной культуры и внести существенные поправки в предложенную Б. И. Маршаком концепцию (Хасанов, Исамиддинов, 2000).

Таким образом, за более чем столетнюю историю изучения терракотовой пластики Согда была получена палитра источников, иллюстрирующая многообразие значений, которые имели различные виды изделий терракотовой пластики в жизни согдийцев. Однако, несмотря на большую источниковедческую базу, использование традиционных

¹⁹¹ Данная цифра фигурирует в работе В. А. Мешкерис (Мешкерис, 1992б, с. 4).

методов исследования в данном регионе привело к накоплению многих непересекающихся точек зрения по различным проблемам терракотовой пластики и зачастую к недоверию к информативным возможностям этого материала.

История изучения бактрийской пластики прошла через аналогичные процессы. В целом было написано более 130 работ более чем 50 исследователями. Собран значительный по объему материал. Все виды изделий терракотовой пластики получили свое освещение как в специализированных работах, так и совместно с другими предметами материальной культуры и искусства. Очерчен круг локальных особенностей терракотовой пластики Бактрии. В частности, большое внимание уделено значительному буддийскому компоненту в иконографии бактрийских терракот. Подход к терракотовым изделиям как к памятникам искусства последовательно разрабатывался К. В. Тревер (Тревер, 1940), Л. И. Альбаумом (Альбаум, 1960), Г. А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1966, 1973, 1979а), Х. Мухитдиновым (Мухитдинов, 1973а, в), К. А. Абдуллаевым (Абдуллаев, 1985а, б) и многими другими. Из общего искусствоведческого направления выбиваются несколько исследований. К ним относятся тезисы доклада Т. И. Зеймаль, в которых была предложена методика построения типологии с учетом деградации терракот в процессе многократного тиражирования матриц и создания новых терракот-реплик, примененная ранее Б. И. Маршаком. Автор также высказала давно назревшую мысль о том, что «терракоты, происходящие из надежных археолого-стратиграфических комплексов, могут быть использованы как опора в датировке беспаспортных находок, а также находок из раскопок, датировка которых неопределенна или требует уточнений» (Зеймаль, 1983, с. 44). В 90-х гг. XX столетия впервые в изучении терракотовой пластики были апробированы естественно-научные методы, представленные в работах С. В. Вивденко (Вивденко, 1990; Vivdenko, 1994). Исследование технологии изготовления предметов терракотовой пластики Северной Бактрии во взаимосвязи с технологией производства керамики помогло установить закономерные особенности технологии различных исторических эпох, в частности греко-бактрийской и кушанской. Более того, были выявлены особенности взаимовлияния керамического производства и изготовления терракот и различия в технологии изготовления отдельных категорий терракотовой пластики, например, статуэток всадников «бактрийского» типа и статуэток богинь «юэджийского» периода. Работа раскрыла возможности археологических методов исследования изделий терракотовой пластики, обрисовав часть возможных перспектив.

В рамках части северобактрийской территории К. Абдуллаевым был составлен каталог, который является существенным шагом на пути к созданию общего свода таких видов бактрийской терракотовой пластики, как антропоморфные статуэтки (Абдуллаев, 1985а).

Нельзя не отметить значительный вклад в изучение терракотовой пластики Бактрии Французской археологи-

ческой делегации, опубликовавшей уникальный комплекс греко-бактрийского периода с городища Ай-Ханум, а также отдельные находки кушанского периода из бактрийской столицы.

Изучением терракотовой пластики Хорезма занимался узкий круг исследователей. Пятнадцатью авторами было написано более 30 научных работ. Особенностью исследований терракотовой пластики Хорезма, при использовании искусствоведческого подхода, является отсутствие внутренней противоречивости построенных схем эволюции отдельных видов терракотовой пластики. Это, в частности, было достигнуто рассмотрением многих видов изделий в контексте исследований керамического производства в целом (Воробьева, 1958, 1959). Осуарии и погребальные урны с применением терракотовой пластики получили подробное и детальное освещение, более того, по ним был составлен перечень (Рапопорт, 1971). Значительное внимание хорезмийские исследователи уделили вопросам происхождения, хронологии основных иконографических типов, зарождения в Хорезме собственной школы терракотовой пластики.

Подводя итоги истории изучения этого вида материальной культуры Средней Азии, необходимо отметить громадное значение материалов, полученных в результате археологических исследований, масштаб работы, проделанной по осмыслению и систематизации накопленных материалов. Для сохранения и развития достигнутых успехов, а также для сведения различных точек зрения в объективную систему знаний необходимо понимание процесса развития научного поиска и его ошибок. На наш взгляд, приоритетное применение искусствоведческих методов, помогающих успешно осветить часть проблем, принципиально не позволяет исследовать проблему целостно, в итоге вязнет в большом количестве субъективных взглядов без качественного приближения к новому уровню осмысления роли и назначения разных видов терракотовых изделий. Необходимо отметить, что частичное использование археологических данных в работах этого направления не несет самостоятельного значения, а зачастую идет как подкрепление основных выводов исследователей.

Выход из создавшейся ситуации могут обеспечить уже разработанные универсальные археологические методы исследования различных категорий изделий, которые подразумевают создание надежной базы — свода стратиграфически датированных изделий; изучение технологии изготовления с применением естественно-научных методов; корреляцию внутренних связей изделий с комплексом памятника, внешних связей в рамках материальной культуры региона и государства; корреляцию терракотовых изделий как внутри одного вида, так и между различными видами; применение статистических методов в целом. В рамках этих методов и во взаимосвязи с ними необходимо применение искусствоведческих методов для изучения изобразительного ряда.

Глава II

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ХОРЕЗМА

IV—I вв. до н. э.

На территории Древнего Хорезма удалось выявить 398 изделий терракотовой пластики, найденных в стратиграфических слоях десяти археологических памятников, относимых авторами к раннекангуйскому времени¹ (рис. 2). К ним относятся: Калалы-гыр 2, Кой-Крылган-кала, Большая Айбуйир-кала², Топрак-кала Шаватская, Кюзели-гыр, Калалы-гыр 1, Гяур-кала 3, Хумбуз-тепе, Хазарасп, Джанбаскала, «точка 13/70 близ Кой-Крылган-калы», «левобережный Хорезм близ поселения Замахшара»³.

Среди всех этих памятников, безусловно, узловое значение имеют материалы с Калалы-гыр 2. С этого памятника происходит 289 предметов, которые составляют 73% от общего количества находок с территории Хорезма. Важно напомнить, что хронологические рамки бытования памятника практически не выходят за пределы раннекангуйского периода, что позволяет уверенно опираться на калалыгырские материалы⁴. Также следует упомянуть высокое качество

полевых исследований, широкие площадные раскопки, вскрывшие до двух третей всей площади памятника, достойное издание материалов (Калалы-гыр 2, 2004)⁵. И, наконец, особо важное значение в материалах Калалы-гыр 2 приобретает возможность рассмотрения различных видов терракотовой пластики в конкретном археологическом контексте. Материалы с Калалы-гыр 2 по их значению и роли в изучении терракотовой пластики древнего Хорезма можно сопоставить с материалами Ай-Ханума в изучении терракотовой пластики древней Бактрии рассматриваемого времени.

Помимо Калалы-гыр 2 терракотовая пластика происходит со следующих памятников.

Кой-Крылган-кала — многослойный памятник, датированный IV в. до н. э. — IV в. н. э. Изделия отбирались на основе выделенной авторами раскопок стратиграфии. В этом разделе мы рассматриваем терракотовую пластику, зафиксированную на уровне нижнего горизонта, относимую к раннекангуйскому времени (Воробьева, 1967а, с. 175–184, 201–206; Рапопорт, 1967, с. 227–251). С Кой-Крылган-калы было отобрано 53 предмета, что составляет 13% от общего числа включенных в базу данных. Кой-Крылган-кала и Калалы-гыр 2 трактуются исследователями как храмовые комплексы.

Хумбуз-тепе — многослойный памятник, время функционирования которого относится к VI–V вв. до н. э. — IV в. н. э.

основывалась на палеографических данных, а именно на эволюции написания одной буквы *алеф*. Надо отметить, что из 24 фрагментов надписей было продатировано лишь 8 (из них 7 датировано именно на основании начертания буквы *алеф*, причем 4 фрагмента датированы II–I вв. до н. э., 3 фрагмента — I в. до н. э. — I в. н. э., и лишь один был датирован I в. н. э.). Фрагментов, датированных II в. н. э., в тексте нет (Калалы-гыр 2, 2004, с. 188–206).

Выдвигаемый В. А. Лившицем тезис о том, что «датировки, выводимые из сопоставления керамики, найденной на каком-либо памятнике, с керамическим набором, добытым на другом хорезмийском памятнике, не являются достаточно обоснованными, тем более что эти датировки не подкреплены нумизматическими материалами», не может быть отнесен к Калалы-гыр 2. Книга, посвященная этому памятнику, показывает всесторонний анализ всего археологического комплекса памятника (а не только керамики) (Лившиц, 2004). Более того, сопоставление ведется не только с хорезмийскими материалами, но и с материалами памятников соседних историко-культурных областей, в частности, с археологическим комплексом Ай-Ханум (Бактрия), датированным, в том числе и по нумизматическому материалу, эллинистическим временем. Нельзя не отметить тождество многих видов материальной культуры (прежде всего мелких каменных поделок, пиксид, плакеток, каменных блюдец) с этих двух памятников, свидетельствующее о торговых связях и прямом импорте, а также о долговременном взаимовлиянии (Болелов, 2005, с. 215–232). На основании вышесказанного предложения В. А. Лившица по передатировке верхних границ памятника до I–II вв. н. э. представляются нам не вполне убедительными. Однако не учитывать мнение В. А. Лившица невозможно, так же как и наблюдения других исследователей древнего Хорезма, которые видят необходимость омоложения раннекангуйского периода по I в. до н. э. включительно.

⁵ Коллекция с Калалы-гыр 2 была передана Б. И. Вайнбергом в фонды Музея искусства народов Востока. Хранится она в Отделе археологии. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность хранителю и исследователю этих материалов зав. сектором Средней Азии к. и. н. С. Б. Болелову за предоставленную возможность работы с калалыгырскими материалами.

¹ Вопросу датировки раннекангуйского периода посвящена обширная литература. В последнее время неоднократно высказываются мнения о необходимости омоложения этого периода и отнесения его к нижней дате ко времени не ранее III в. до н. э. (Массон, 2006, с. 183). Однако, как показали работы последних десятилетий, на сегодня нет достаточных оснований для такого омоложения нижних границ (Калалы-гыр 2, 2004, с. 53, 240; Болелов, 2005, с. 215). Обозначение рассматриваемого периода развития Хорезма устоявшимся термином, отражающим гипотезу С. П. Толстова о Кангюе с выделением двух периодов, раннекангуйского и кангуйского, на сегодня подвергнуто основательной критике (Вайнберг, 1999, с. 266–285). Вследствие чего С. Б. Болеловым было предложено выделение «древнехорезмийского» археологического комплекса с одноименным названием периода, хронологические рамки которого ограничены второй половиной или концом IV в. до н. э. — I в. до н. э. (Болелов, 2005, с. 215).

² Название памятника имеет и другое прочтение — Айбугиркала.

³ Так обозначено местонахождение, где был обнаружен погребальный сосуд (Рапопорт, 1971, с. 42, 43).

⁴ Иную точку зрения на датировку памятника высказал В. А. Лившиц (Лившиц, 2004, с. 188). В частности, он предложил передатировать верхние границы, отнеся их к I–II вв. н. э. Заключение исследователя основывалось на анализе 24 фрагментов надписей, полученных на памятнике Калалы-гыр 2. Сам автор исследования подчеркнул: «Сколько-нибудь точная датировка хорезмийских текстов из Калалы-гыр 2 и Гяур-3 невозможна, поскольку они (...) не привязаны к хорезмийской эре, введенной в I в. н. э., и найдены в комплексе, не имеющем монет» (Лившиц, 2004, с. 188). Датировка, предложенная В. А. Лившицем,

Он представляет собой неукрепленное поселение, интерпретируемое как керамический центр Южного Хорезма. Все отобранные нами изделия происходили из V–III ярусов стратиграфического шурфа № 1, датированных раннекангюйским временем (Мамбетуллаев, 1984, с. 25–27). Всего было отобрано 17 предметов терракотовой пластики, которые составили 4% от общего числа включенных в базу данных.

Топрак-кала Шаватская — укрепленное крепостной стеной городище, круглое в плане, площадью 4 га, просуществовало с V в. до н. э. по III в. н. э. Исследователями памятника было выделено два периода его обживания. Первый — V–III вв. до н. э., второй — II в. до н. э. — III в. н. э. (Мамбетуллаев, 1986, с. 12–46). В базу данных нами были включены изделия, относимые лишь к первому периоду (15 предметов).

Большая Айбуйир-кала — крупное городище, площадью 10 га, датированное IV в. до н. э. — IV в. н. э. В базу данных были включены 8 предметов, происходящих из II строительного горизонта раскопа 1, датированного автором IV–III вв. до н. э. (раскопки 1976–1981 гг. (Мамбетуллаев, 1990, с. 91–114)).

Кюзели-гыр — городище с жилыми стенами. На нем обнаружены керамические печи и выбросы производственного брака, относимые к более позднему времени, чем функционирование памятника. Несколько печей было отнесено к раннекангюйскому времени (4 изделия из выбросов керамического брака из них составили 1% от общего числа рассматриваемых нами изделий) (Воробьева, 1959, с. 199).

С поселения скотоводов Гяур-кала 3, относимого к раннекангюйскому времени (Вайнберг, 2004, с. 247), были взяты 2 предмета, датированные IV–II вв. до н. э. (что составило менее 1% от общего числа).

Калалы-гыр 1 — крупное укрепленное городище с недостроенным дворцовым комплексом, площадью 70 га, интерпретируемое как ахеменидская резиденция. Время строительства — рубеж V–IV вв. до н. э. В течение второго этапа функционирования городища, датированного самым началом раннекангюйского периода, обживается небольшая часть памятника. С этой территории в раскопе с помещения 1 происходило 4 изделия терракотовой пластики, датированных исследователями IV в. до н. э. (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963, с. 143).

Джанбаскала — городище-крепость, площадью 3,4 га, многослойный памятник, относимый

к кангюйскому периоду. С этого памятника из слоя раннекангюйского времени происходил фрагмент кувшина с налетом (Воробьева, 1958, с. 40).

Хазарасп — укрепленный городской центр, квадратный в плане, площадью 8 га. Датруется памятник кангюйским периодом (Ягодин и др., 1985, с. 324–325, табл. CLIV, 3). Из нижнего слоя шурфа № 2, датированного IV в. до н. э., происходит три статуэтки (Воробьева, 1968, с. 139–144).

Таким образом, нами учтены материалы с разнообразных поселений древнего Хорезма, как с кульгово-храмовых комплексов, укрепленных городищ, так и с поселений без крепостных стен, в том числе ремесленных центров (Хумбуз-тепе) и скотоводческих поселений Гяур-кала 3 (храм). Наиболее ранними являются изделия из городищ Топрак-кала Шаватская, датированные V–III вв. до н. э., и Большая Айбуйир-кала, датированные IV–III вв. до н. э. На остальных памятниках изделия относятся к раннекангюйскому времени, IV–II вв. до н. э.

Что касается представительности статистической выборки, мы имеем объем в 398 изделий, что на порядок выше в сравнении со всеми остальными среднеазиатскими регионами периода IV–I вв. до н. э.

На основе составленной базы данных был статистически обработан ряд показателей, которые разбиваются на 4 группы.

Группа 1. Показатели функционального назначения

Анализ первой группы показателей (**функционального назначения**) позволил выделить в хорезмийской пластике IV–I вв. до н. э. шесть видов изделий, различающихся по функциональному назначению (диаграмма 1).

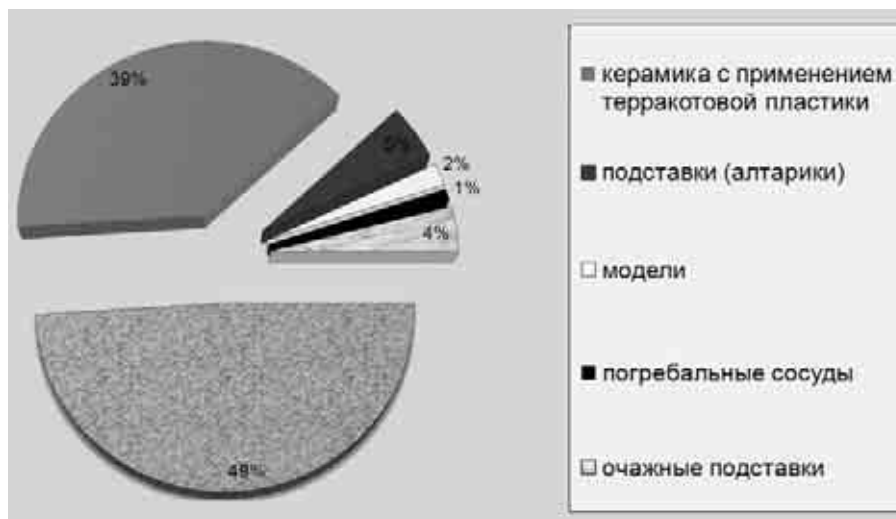

Диаграмма 1. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Среди изделий самостоятельного значения:

- 1) статуэтки и матрицы для их изготовления — 49%;
- 2) модели — 2%;

- 3) подставки (алтарики) — 5%.

К несамостоятельным видам относятся:

- 4) подставки очажные — 4%;
- 5) погребальные сосуды — 1%;
- 6) терракотовая пластика на керамике — 39%.

Группа 2. Технологическо-параметрические показатели

Анализ второй группы показателей (**технологическо-параметрических**) выявил почти равное использование двух основных техник изготовления предметов терракотовой пластики с небольшим перевесом оттиска с матрицы над ручной лепкой. Изделий, выполненных комбинированием этих техник, не выявлено (диаграмма 2).

Диаграмма 2. Процентное соотношение технологии изготовления терракотовой пластики Хорезма в V–I вв. до н. э.

Группа 3. Показатели археологического контекста

Из 398 изделий древнего Хорезма, включенных нами в базу данных, 236 (59%) связаны с конкретными постройками, которые получили интерпретацию своего функционального назначения. Статистический анализ этой группы показателей (**археологического контекста мест нахождения**) позволил установить, что в Хорезме IV–I вв. до н. э. подавляющее большинство изделий было зафиксировано в храмах или связанных с ними постройках. Вчетверо меньше изделий связано с жилыми постройками. Значительный процент был обнаружен на месте производства (диаграмма 3).

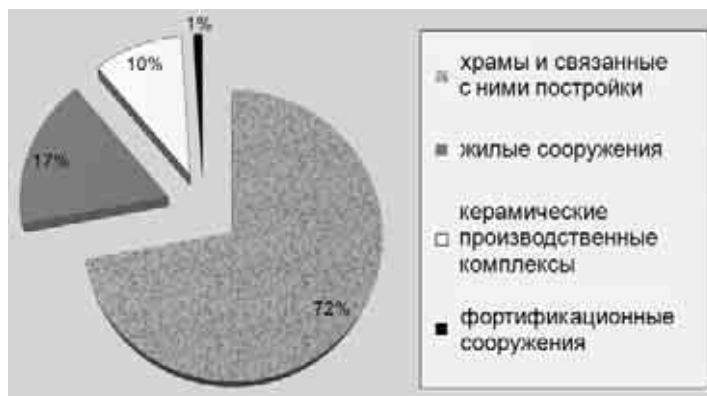

Диаграмма 3. Процентное соотношение мест нахождения изделий терракотовой пластики в Хорезме IV–I вв. до н. э.

Группа 4. Иконографическо-стилистические показатели образов

Статистическая обработка показателей этой группы, в частности, по выявлению процентного соотношения основных иконографических образов во всех видах пластики (за исключением алтариков и моделей), выявила подавляющее преобладание зооморфной тематики в изобразительном ряде в целом (диаграмма 4), что отражает важную черту самобытности хорезмийской пластики.

Не менее интересными оказались результаты анализа стиля изображений. Совершенно очевидно полное отсутствие эллинистического и эллинизированного стилей.

Преобладание зооморфной тематики и изделий, выполненных в автохтонном стиле, можно охарактеризовать как важнейшую отличительную черту терракотовой пластики Хорезма.

Остановимся подробнее на рассмотрении трех групп показателей в рамках отдельных по функциональному назначению видов изделий терракотовой пластики.

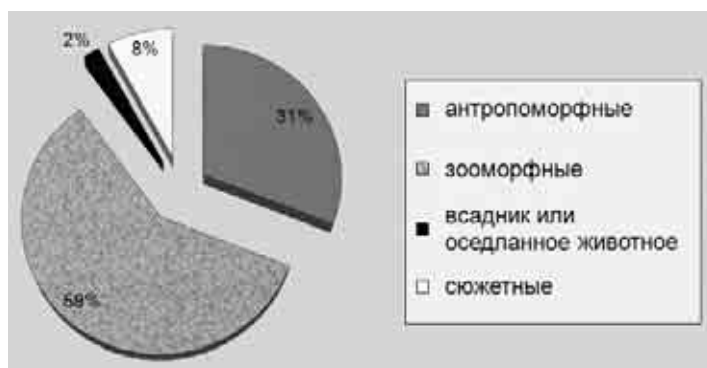

Диаграмма 4. Процентное соотношение тематики образов в терракотовой пластике Хорезма IV–I вв. до н. э.

Статуэтки (рис. 3–59)

Статуэтки — наиболее распространенный вид изделий. В Хорезме они представлены 196 предметами, что составляет 49% от общего числа.

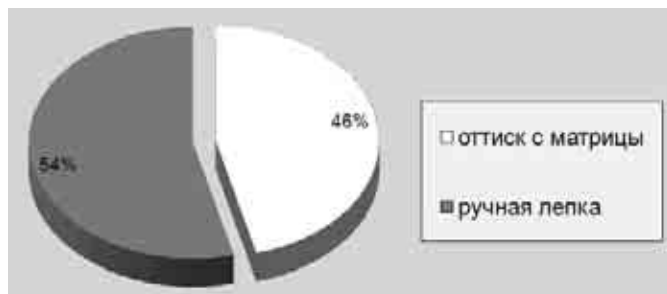

Диаграмма 5. Процентное соотношение технологии изготовления статуэток Хорезма IV–I вв. до н. э.

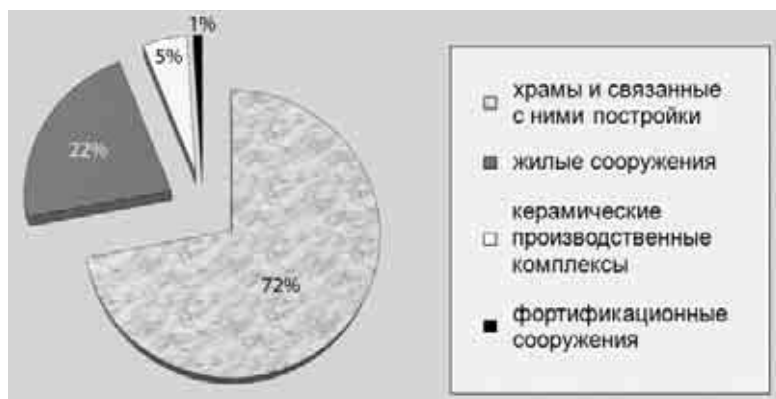

Диаграмма 6. Процентное соотношение мест нахождения статуэток Хорезма (V–I вв. до н. э.)

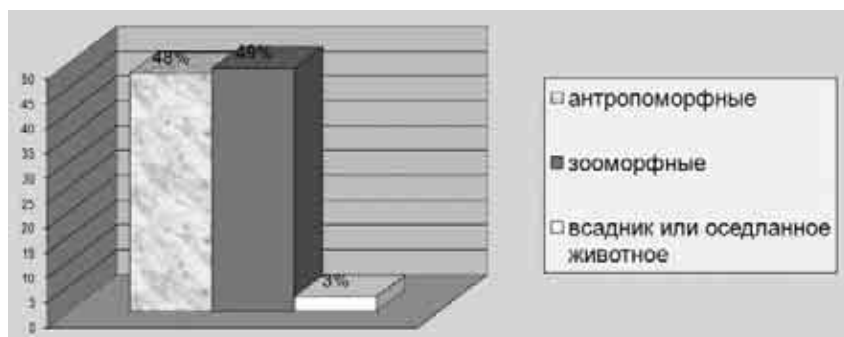

Диаграмма 7. Процентное соотношение изобразительной тематики статуэток Хорезма IV–I вв. до н. э.

Технологическо-параметрические показатели

Две основные технологии изготовления, оттиск с матрицы и ручная лепка представлены на статуэтках Хорезма IV–I вв. до н. э. с преобладанием последней (107 статуэток изготовлены ручной лепкой, 89 — оттиском односторонней матрицы). Изделий, выполненных в комбинированной технике, не отмечается (диаграмма 5).

Показатели археологического контекста

Статуэтки происходят с восьми памятников: с правобережного Хорезма (Кой-Крылган-кала) и с левобережного (Кюзели-гыр, Хазарасп, Топрак-кала Шаватская, Большая Айбуйир-кала, Гяур 3, Калалы-гыр 1 и Калалы-гыр 2). Все они связаны с раннекангуйским археологическим комплексом. Более 60% статуэток происходят из сооружений, получивших интерпретацию своего функционального назначения. Так же как и в целом для всех изделий терракотовой пластики Хорезма, подавляющее большинство статуэток было зафиксировано в храмах или связанных с ними постройках. На втором месте — жилые постройки (22%). На месте производства было обнаружено до 5% изделий (диаграмма 6).

Иконографическо-стилистические показатели образов

Все статуэтки представлены тремя группами: антропоморфные, зооморфные и всадники (оседланные животные). Зооморфные и антропоморфные образы представлены на статуэтках почти в одинаковом количестве, соответственно 94 и 96 изделий. Статуэтки с образом всадника составляют не более 3% (диаграмма 7).

Терракотовой пластикой Хорезма долгое время специализированно занималась М. Г. Воробьева. Благодаря ее работам разные виды изделий терракотовой пластики довольно подробно исследованы и освещены публикациями. В 1968 г. М. Г. Воробьева в отдельной работе рассмотрела ранние терракоты Хорезма. Ею была предложена типология основных иконографических образов на женских статуэтках, происходящих из раскопок на четырех памятниках: Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 2, Хазарасп и Кюзели-гыр. Все изделия происходят из слоев с однородным археологическим материалом, датированным автором в конце исследования рубежом IV–III вв. до н. э. или самым началом III в. до н. э.

(Воробьева, 1968, с. 146). Всего выделено 6 типов: 1 — обнаженная; 2 — богиня с «шарфом»; 3 — с опущенной правой рукой и левой у лона; 4 — с амфорой и чашей (интерпретируемый С. П. Толстовым как Мина); 5 и 6 — образ женщины с трилистником (Воробьева, 1968, с. 135–147). Второй тип — богиня с «шарфом» — отмечен как наиболее многочисленный и интерпретируется как образ Анахиты.

В последние годы был опубликован богатейший материал по терракотовой пластике, полученный в результате практически полного археологического исследования однослойного памятника раннекангюйской эпохи Калалы-гыр 2. В ходе его изучения от исследователей потребовалась разработка новой типологии. Б. И. Вайнберг предложила свою классификацию мелкой пластики древнего Хорезма, в том числе терракотовых статуэток (Калалы-гыр 2, 2004, с. 249–250). Весь объем мелкой пластики был разбит Б. И. Вайнберг на разделы на основе материала: обожженная глина, необожженная глина. Однако по неясным причинам некоторые материалы были объединены в один раздел. Так, в раздел «В» вошли изделия из камня и кости. В раздел «Г» вошли только алебастровые фигурки, а не все изделия из алебастра.

Классифицируя раздел «А» (изделия из обожженной глины), автор выделила 8 классов: на основе функционального назначения изделия (ритоны, статуарные оссуарии); на основе отдельной детали оформления изделий (рельефы на флягах и крышках, штампы на стенках сосудов); на основе иконографии (антропоморфные терракоты, зооморфные терракоты).

Статуэтки, разделенные по принципу иконографии, представлены в классах V (антропоморфные) и VI (зооморфные).

Антропоморфные терракоты подразделены на четыре подкласса:

- а) женские статуэтки;
- б) мужские статуэтки;
- в) музыканты;
- г) всадники.

В свою очередь, подкласс «А», женские статуэтки, подразделен на 7 типов. У четырех типов выделены также и подтипы. Некоторые подтипы выделены по фрагментам статуэток, что может привести к необоснованному выделению в разные подтипы одного иконографического образа. Как мы можем заметить, принципы выделения типов и подтипов не единообразны и применены с нарушением основ классификации. Вследствие этого типология Б. И. Вайнберг была нами учтена и лишь частично использована. Главной задачей типологии в данной работе является выделение археологических типов. Основой для выделения археологического типа являются не иконография и стиль, а сумма показателей, включающих морфологию, размерные характеристики, технологические изготoвления, распространение и количество (территориальные и хронологические рамки), функциональное назначение и, в том числе, иконографию,

стиль. В рамках конкретного археологического типа выделяются варианты — по различию в деталях иконографии. Анализ статуэток Хорезма позволил выделить несколько археологических типов. Полное описание типологии статуэток Хорезма см. ниже. Здесь мы приводим контекстные для древнехорезмийского периода выдержки из общей типологии хорезмийских статуэток.

Тип I. Женская статуэтка в одежде с «фижмами»

Этот тип представлял собой односторонние статуэтки с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, высотой до 12,5 см, передающие образ стоящего женского персонажа в одежде с накидкой (так называемая накидка с «фижмами»), с трилистником в руках. Тип представлен 17 изделиями, в число которых входят как целые статуэтки, так и фрагменты от них (рис. 3, 4–9, табл. 1/5–7, 18, 22, 64, 73, 75, 100, 110, 111, 119, 122, 172–174, 177). Статуэтки происходят с территории трех памятников левобережного Хорезма: Калалы-гыр 2 (13 экз.), Кюзели-гыр (3 экз.) и Хазарасп (1 экз.). Подчеркнем, что если первые два памятника расположены рядом, то Хазарасп значительно удален от них — он располагается более чем в 120 км к юго-востоку (рис. 2). Все статуэтки рассматриваемого типа датируются раннекангюйским периодом.

Статуэтка типа I, происходящая из Хазараспа, была обнаружена в нижнем слое раскопа в гончарном квартале (Воробьева и др., 1963, с. 174). Все статуэтки этого типа связаны либо с храмово-культовым центром Калалы-гыр 2, либо с местом их производства (Кюзели-гыр, Хазарасп). Находки статуэток рассматриваемого типа имеют в большинстве случаев (9 из 13) определенное местонахождение. Только две статуэтки связаны с помещениями, которые авторы раскопа трактуют как жилые. Все остальные найдены *in situ* в храмовых помещениях или в постройках, связанных с их обслуживанием. Такое расположение статуэток этого типа недвусмысленно указывает на их связь с отправлением определенного религиозного обряда.

Тип II. Женские обнаженные статуэтки с канонизированным положением рук

Второй тип представлен 21 экземпляром. В рассматриваемый период существуют два варианта. Изображения выполнены в автохтонном стиле (рис. 3, 10–15).

Вариант 1. Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, высотой до 17 см, которые изображают обнаженные женские фигуры с правой рукой у груди и левой чуть согнутой, лежащей у живота. К этому варианту относится 18 экземпляров, происходящих из трех памятников: Калалы-гыр 2 (16 экз.), Большая Айбуйир-кала (1 экз.), Кой-Крылган-кала (1 экз.) (рис. 3, 10–12, табл. 1/11, 13, 19, 21, 25, 40, 58, 70, 71, 82, 99, 101, 116, 120, 123, 134, 157, 180). Все статуэтки рассматриваемого варианта датируются IV–I вв. до н. э.

Большинство статуэток обнаружено в храмово-культовых сооружениях и связанных с ними помещениях.

Вариант 2. Представляет собой односторонние статуэтки с изображением обнаженных женских фигур с вытянутыми вдоль туловища руками. Все статуэтки (3 экз.) происходят с Калалы-гыр 2 (рис. 3, 15, табл. 1/61, 68, 69). Реконструируемая высота статуэток этого типа 16–17 см.

Подводя итог описанию статуэток типа II, следует отметить, что основная масса их происходит из храмово-культового центра Калалы-гыр 2 (18 экз.), а также из Кой-Крылган-калы (2 экз.) и городища Большая Айбуйир-кала (1 экз.). Находки статуэток рассматриваемого типа имеют в большинстве случаев определенное местонахождение (19 из 22). Так, только одна статуэтка связана с помещением, которое однозначно трактуется как жилое (Большая Айбуйир-кала). Все остальные найдены *in situ* в храмовых помещениях или в постройках, связанных с их обслуживанием.

Одним фрагментом представлена статуэтка с изображением стоящей обнаженной женской фигуры, правая рука которой вытянута вдоль туловища и прижата к бедру, а левая, вероятно, приподнята. Особенность этой статуэтки заключается в особом характере проработки «треугольника» лона в виде мелких завитков. Такая манера характерна и распространена в терракотовой пластике Передней Азии. Единственный экземпляр этого типа статуэток не дает возможности выделить его в самостоятельный вариант. Происходит статуэтка из Кой-Крылган-калы (рис. 15, 4). Все изображения второго варианта обнаженных статуэток М. Г. Воробьева интерпретировала как передающие образ Великой богини-матери (Воробьева, 1967а, с. 210).

Тип III. Женские статуэтки в одежде с «шарфом»

Третий тип представлен 30 экземплярами. В древнехорезмийский период выделяется два варианта этого типа. К первому варианту относятся статуэтки в одежде с «шарфом», характеризующиеся объемностью и относительной реалистичностью, ко второму — статуэтки с большей условностью изображений, вплоть до схематичности.

Вариант 1. Представлен 17 экземплярами, происходящими из двух памятников: Калалы-гыр 2 (15 экз.), Кой-Крылган-кала (2 экз.) (рис. 3, 16–23, табл. 1/3, 4, 14, 20, 23, 47, 63, 95, 96, 108, 117, 118, 121, 132, 133, 181, 183). Большинство изделий происходит из храмово-культовых сооружений и связанных с ними помещений.

Вариант 2. Представлен 13 экземплярами, происходящими из трех памятников: Кой-Крылган-кала (7 экз.), Топрак-кала Шаватская (4 экз.), Хазарасп (2 экз.) (рис. 3, 24–27, табл. 1/146–152, 163–166, 175, 176). Статуэтки рассматриваемого варианта в целом датируются комплексом древнехорезмийского периода. Показательно, что на Калалы-гыр 2 их нет. Второй вариант типа III продолжает бытовать в раннекушанский период.

Основная масса изделий этого типа, так же как и типов I и II, происходит из храмово-культовых центров и локализована в помещениях, связанных с храмовыми постройками и их обслуживанием. Две статуэтки найдены на месте их производства (Хазарасп).

Тип IV. Женские статуэтки в одежде с кувшином и чашей

Тип представлен двумя экземплярами с одного памятника — Кой-Крылган-кала. Несет изображение стоящей женской фигуры в драпирующихся одеждах с кувшином и чашей в руках (рис. 3, 29, табл. 1/153, 184). Обе статуэтки этого типа фрагментарны, без голов. Характерно, что одна из статуэток оттиснута при помощи матрицы, близкой к оригинальной модели. Вторая оттиснута с сильно редуцированной матрицы, что выразилось в усадке на четверть от первоначальной высоты (8,8 от 12 см) и нечеткости оттиска.

Тип V. Женские статуэтки в одежде с кувшином

Также всего двумя изделиями представлен тип с изображением женской фигуры в одежде с кувшином в руках у живота (рис. 3, 30, табл. 1/42, 74). Обе статуэтки происходят из Калалы-гыр 2 (одна целая и одна фрагментированная). По всей видимости, обе статуэтки изготовлены оттиском с одной матрицы.

Индивидуальные статуэтки

К индивидуальным типам отнесено всего 18 статуэток, из них восемь с женскими образами. Четыре фрагмента женских статуэток представляют собой плохо читаемые образы и по некоторым косвенным признакам могли бы быть отнесены к выделенным выше типам (рис. 33).

Отдельно следует упомянуть матрицу для изготовления статуэток с изображением стоящего женского персонажа в высоком головном уборе, которая была найдена в «печи», расположенной в стене круглого храма Калалы-гыр 2. Б. И. Вайнберг полагает, что эта матрица могла использоваться для изготовления «ритуальных хлебцев» (рис. 31) (Калалы-гыр, 2004, с. 180).

Также следует отметить четыре фрагментированные мужские статуэтки. Последние не относятся к каким-либо типам, все образы индивидуальные. Три статуэтки уверенно относятся к передающим мужские иконографические образы, и одна, в силу плохой сохранности, сомнительна. Статуэтки из нижних слоев Кой-Крылган-калы передают мужскую фигуру в запахнутом справа налево кафтане. В одном случае кафтан с коротким рукавом оторочен по краям широкой орнаментальной полосой, и мужчина придерживает его правой рукой в районе живота (рис. 32, 2). На другой статуэтке заметна лишь слегка выпуклая окантовка края кафтана, идущего наискось от правого плеча. Руки персонажа переданы условно и опущены вдоль туловища. На голове высокий головной убор с гладкой тульей, украшенной

по центру вертикальным рядом из 4 колечек, соединенных короткими полосками. Лицо безбородое (рис. 32, 3). Статуэтка из Калалы-гыр 2 передает мужской образ в прямой пополенной рубаше, подвязанной кушаком, образующим на талии в середине узел с двумя свисающими концами. Руки персонажа слегка согнуты и уперты в бока. Низ сколот, голова утрачена (рис. 32, 1).

Вторая статуэтка плохой сохранности, сильно выветрена и изготовлена в редуцированной матрице. Она передает облик стоящего мужчины с согнутыми и поднятыми к лицу руками (возможно, в руках какой-то небольшой предмет, может быть, музыкальный инструмент) (рис. 32, 4).

К индивидуальным типам мы отнесли пять идольчиков, изготовленных ручной лепкой, каждый из которых передает отдельный тип (рис. 34).

Практически все терракотовые статуэтки с антропоморфными образами, за исключением идольчиков, выполнены при помощи оттиска с матрицы. Значительная часть покрыта дополнительно ангобом.

Анализируя особенности технологии изготовления статуэток, Б. И. Вайнберг отмечает, что выводы М. Г. Воробьевой о покрытии более ранних групп терракот красным ангобом, а более поздних — светлым на материалах Калалы-гыр 2 не подтверждаются. Более того, отмечается покрытие большей части изделий светлым ангобом (Калалы-гыр 2, 2004, с. 180).

Как видно из приведенного выше описания, неповторяемые, т. е. индивидуальные, типы статуэток в Хорезме малочисленны. Для неповторяемых индивидуальных типов от общего числа составляет всего 19%. Последний факт трудно переоценить, так как он указывает на очевидно высокую стандартизацию повторяемых образов в рамках пяти или даже трех наиболее многочисленных и устойчивых типов (типы I, II, III), которые, по всей видимости, играли ведущую роль в идеологических представлениях населения Хорезма. Такой ярко выраженной картины мы не видим ни в одном из сопредельных регионов Средней Азии рассматриваемого времени.

Статуэтки с зооморфными образами

Как уже подчеркивалось выше, своеобразной отличительной чертой хорезмийской терракотовой пластики является доминирующее положение именно зооморфных образов. В таком виде изделий, как статуэтки, зооморфные образы составляют 49% (85 изделий) (рис. 35–59). Все статуэтки происходят из пяти памятников: с правобережного Кой-Крылган-кала

и левобережных Калалы-гыр 2, Калалы-гыр 1, Большая Айбуйир-кала, Топрак-кала Шаватская.

Техника исполнения зооморфных статуэток во всех без исключения случаях — ручная лепка. Для дополнительной обработки использовались резьба по сырой глине (зачастую именно резьбой передавались детали упряжи), налепы (при помощи них передавались такие детали, как седло, иногда глаза), наколы (ими также передавался орнамент попоны и детали глаз), раскраска цветными ангобами.

Среди зооморфных статуэток 56% происходят из построек, получивших интерпретацию своего функционального назначения. Статистический анализ позволил установить, что подавляющее большинство зооморфных статуэток происходит из храмов и связанных с ними сооружений (до 70%). Однако необходимо заметить, что процент статуэток, происходящих из жилых сооружений, также сравнительно велик (28%). В целом же статистика по местам происхождения зооморфных и антропоморфных статуэток выглядит так⁶:

статуэтки	храмы и связанные с ними постройки, %	жилые сооружения, %
зооморфные	70	28
антропоморфные	73	18

Иконографически-стилистический анализ позволил установить, что подавляющее большинство зооморфных статуэток (77%) передает образ лошадей. Как отмечает Б. И. Вайнберг, лошади представлены разными породами (Калалы-гыр 2, 2004, с. 180) (диаграмма 8).

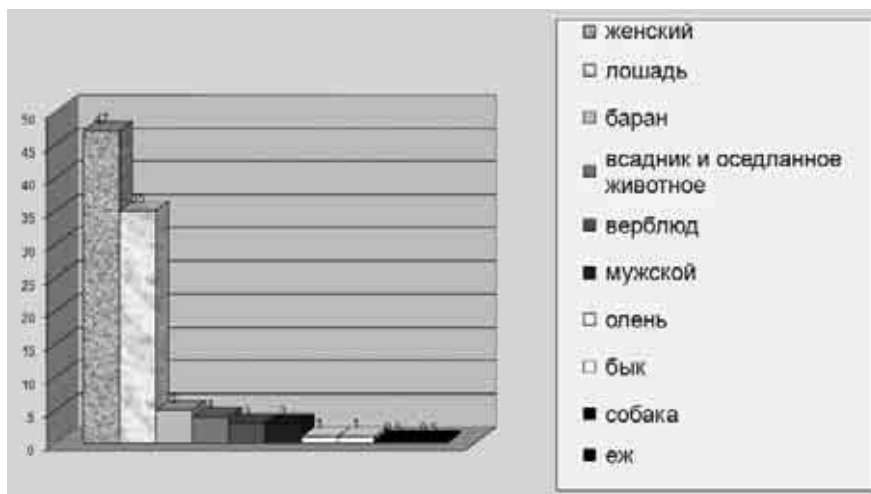

Диаграмма 8. Процентное соотношение иконографических образов на статуэтках Хорезма IV–I вв. до н. э.

⁶ Для сравнения приводятся только две категории мест нахождения: жилые сооружения и храмы и связанные с ними постройки.

Второе место по количеству изделий занимает образ барана (8 изделий), третье — верблюд (4 изделия), и всего по одному изделию приходится на образы ежа, оленя, собаки и быка.

Отмечая наиболее распространенные зооморфные образы, подчеркнем, что представлена исключительно местная фауна. Изображения животных, несмотря на условность, диктуемую приемами ручной лепки, передавали основные, характерные черты видов. В частности, это отмечено как на статуэтках лошадей, так и баранов.

Анализируя особенности изображения статуэток с зооморфными образами, Б. И. Вайнберг отмечает ошибочность датирующих признаков зооморфных статуэток, выделенных М. Г. Воробьевой. Автор не видит определенной закономерности в изменении пропорций туловища лошадок (Калалы-гыр 2, 2004, с. 180).

Статуэтки всадников или оседланных животных

Всего шесть изделий можно отнести к этой категории. Происходят они из культово-храмовых центров Калалы-гыр 2 и Кой-Крылган-кала. Все изготовлены в технике ручной лепки. Большинство изделий фрагментарно (рис. 38, 2; 48, 1; 50, 2; табл. 1/50, 57, 67, 81, 156, 161).

Подводя итог описанию хорезмийских статуэток IV–I вв. до н. э., следует отметить ряд установленных фактов. Крупномасштабные раскопки на памятниках, относимых к ахеменидскому периоду, не дают нам образцов терракотовых статуэток. Статуэтки, происходящие из стратиграфически датированных слоев, представлены как антропоморфными (94 экз.), так и зооморфными (96 экз.) типами, а также изображениями всадников на оседланных животных (6 экз.).

Наиболее ранние стратиграфически датированные находки статуэток происходят из культово-храмового комплекса Кой-Крылган-калы (первая группа нижнего горизонта) и датируются IV–II вв. до н. э.⁷ Для периода III–I вв. до н. э. характерен всплеск в изготовлении терракотовых статуэток. В конце раннекангуйского периода основные типы и иконографические образы прекращают существовать. В раннекушанское время происходит смена образов, однако продолжают бытовать лишь отдельные варианты типов (2-й вариант типа III, а также статуэтки коня).

Для хорезмийских статуэток была установлена высокая степень стандартизации основных иконографических образов. Широкое изучение как жилой, так и храмово-культовой застройки Хорезма IV–I вв. до н. э. позволило отметить связь основной массы статуэток с храмово-культовыми центрами и непосредственно с помещениями самих храмов и построек, их обслуживающих.

⁷ По сведениям С. Б. Болелова, проводившего раскопки на Хумбуз-тепе, материалы которых еще не опубликованы, в ранних слоях этого памятника были обнаружены статуэтки с зооморфными образами, датируемые V в. до н. э.

Среди общего числа антропоморфных статуэток Хорезма лишь у 16% сохранилась нижняя часть, по которой можно определить такую конструктивную особенность, как устойчивость или ее отсутствие. Лишь 27% из этого числа имеют устойчивый низ и могли стоять самостоятельно на ровной поверхности, остальные 73% не обладают этим качеством, т. е. использовались, скорее всего, в горизонтальном положении, а значит лежали на полу, суфах или в нишах.

Высота основной части статуэток с антропоморфными образами не превышала 20 см. Высота целых статуэток составляла 16–19 см.

Керамика с применением терракотовой пластики

Второе место после статуэток в терракотовой пластике Хорезма занимает керамика с применением терракотовой пластики. В цифрах это 39%, что составляет 153 изделия. Значительное количество и анализ мест нахождения подчеркивают распространенность и широкое использование рассматриваемых изделий.

В керамике особенно ярко выразились своеобразие и самобытность хорезмской мелкой пластики. Набор изделий с ее применением включает 6 подвидов: рельефы на флягах; налепы на ручках сосудов; налепы на стенках сосудов; ритоны; фигурные сосуды; рельефы на крышках. Представляется уместным подробнее остановиться на составе различных видов керамики, где применялась терракотовая пластика.

Так, из общей массы керамики с применением терракотовой пластики:

47% составляют налепы на ручках сосудов (кувшинов) (это 71 изделие, в подавляющем большинстве налепы в виде голов льва);

29% составляют рельефы на флягах (43 изделия);

15% — ритоны (23 изделия);

5% — рельефы на крышках (7 изделий);

2% — налепы на стенках сосудов (хумчи и кратеры) (3 изделия);

2% — фигурные миниатюрные сосуды (3 сосуда)

(диаграмма 9).

Разнообразие изделий свидетельствует о том, сколь важны были пластические образы в развитии материальной культуры древнего Хорезма. Необходимо отметить разнообразие форм керамики и способов нанесения на них пластических образов. Для изготовления терракотовой пластики на керамике применялись разные технические приемы: рельефы, оттиснутые при помощи матрицы; налепы, как изготовленные при помощи оттиска штампа, так и вылепленные вручную; фигурные сосуды и в том числе ритоны, которые формировались ручной лепкой. Тем не менее технология с применением матриц в этом виде является доминирующей (диаграмма 10).

Среди керамических изделий с терракотовой пластикой необходимо отметить как преобладающие кувшины. Именно кувшины с одной или двумя ручками, украшенными налепами, составляют до 47% (71 изделие) от всей керамики с терракотовой пластикой (рис. 88–95, табл. 2/69–139). Эти изделия были найдены на восьми памятниках: Большая Айбуйир-кала, Джанбаскала, Калалы-гыр 1, Калалы-гыр 2, Кой-Крылган-кала, Хумбуз-тепе, Топрак-кала Шаватская и Кюзели-гыр. Время распространения данного типа связано с древнехорезмийским археологическим комплексом.

На подавляющем большинстве кувшинов налесты несут образ головы льва (до 94%, или 64 изделия); всего двумя изделиями (3%) представлен образ женской головы; и по одному изделию (по 1%) приходится на образы мужской головы, лошади и растительного орнамента⁸. Происхождение и распространение данного типа керамики с применением терракотовой пластики связывается с подражанием парадным металлическим изделиям, имевшим распространение на территории Иранского нагорья (Воробьева, 1967б, с. 107). Кувшины с львиноголовыми налестами на ручках находят прямые аналогии в комплексе Амударьинского клада в металлическом сосуде с львиноголовой ручкой, изготовленном из золота и датированном VI–V вв. до н. э. (Земаль, 1979, с. 41). Н. М. Никулина датирует этот же сосуд V–IV вв. до н. э. (Никулина, 1994, с. 198).

Вторыми по численности являются фляги, на лицевой стороне которых отсиснут рельеф (рис. 60–76, табл. 2/1–44). Всего 44 изделия, что составляет 27% от общего числа керамики с применением терракотовой пластики. Рельефы на флягах были обнаружены в стратифицированных слоях лишь на трех памятниках: Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 2 и Большая Айбуйир-кала⁹. Надо отметить, что фрагменты рельефов на флягах встречаются гораздо чаще, но ввиду неоднозначности их залегания в культурных напластованиях и, соответственно, в датировках они не включены в базу данных и не рассматриваются нами.

Третье место по численности занимают ритоны — всего их 24, что составляет 16% от общего числа (рис. 77–87, табл. 2/45–59, 61–68). Ритоны были обнаружены на 5 памятниках: Кой-Крылган-кала; Большая Айбуйир-кала; Хумбуз-тепе, Калалы-гыр 2 и Калалы-гыр 1. Представлены они двумя типами: двухсосковые амфоровидные и однососковые роговидные. Характерен иконографический ряд. Среди однососковых, наиболее распространенных, ритонов

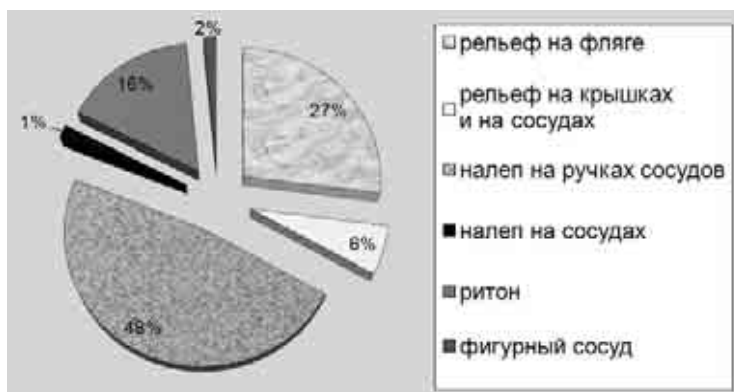

Диаграмма 9. Процентное соотношение керамики с применением терракотовой пластики

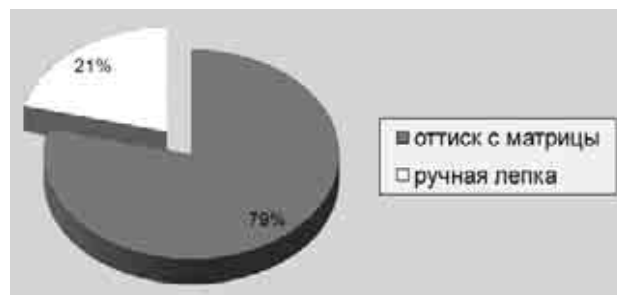

Диаграмма 10. Процентное соотношение технологии изготовления терракотовой пластики на керамике Хорезма в IV–I вв. до н. э.

большинство несут изображение протома коня (рис. 80, 81, 83–85). Среди двухсосковых амфоровидных ритонов, которые представлены всего двумя изделиями, происходящими из Калалы-гыр 2, мы видим протома львов и неких фантастических, возможно полиморфных, существ (рис. 77, 78). Среди ритонов отмечаются изделия, являющиеся прямым импортом. К ним относятся ритон с протомай сатира Ахелоя (рис. 82) и чернолощеный ритон с протомай коня, а также раструб от сероглиняного ритона (рис. 79, 81) (Калалы-гыр 2, 2004, с. 167). В этой связи представляется важным отметить, что ближайшими аналогиями как роговидным, так и амфоровидным ритонам являются металлические ритоны с территории Ахеменидского Ирана (Girshman, 1954; Porada, 1965; Маразов, 1980; Калалы-гыр 2, 2004, с. 164). Надо отметить совпадение не только конструктивной морфологии, в частности, роговидных ритонов, но и стили их трактовки. Близкие аналогии находят также роговидные ритоны с протомай животного с подогнутыми под себя передними ногами в парадной металлической посуде Ахеменидского Ирана (Никулина, 1994, рис. 193, 194).

⁸ М. Г. Воробьевой была разработана типология для налестов в виде голов львов на основе иконографического анализа (Воробьева, 1959, с. 101–109).

⁹ Известны фляги и на других памятниках, но происходят они не из стратифицированных слоев (Мамбетуллаев, 1977, 278–281).

Появление на территории Хорезма ритонов и кувшинов с львиноголовыми ручками по данным стратиграфии относится к возникновению древнехорезмийского комплекса (по материалам Калалы-гыр 1) и может быть датировано второй половиной IV в. до н. э.

Пятью изделиями представлены крышки сосудов с рельефами, что составляет 6% от общего числа керамики с терракотовой пластикой. Необходимо отметить, что 4 изделия представляют собой крышки от миниатюрных сосудов с вырезанным вручную рельефом и геометрическим орнаментом. Единственным экземпляром представлен рельеф на крышке от крупного сосуда, диаметр венчика которого был 22 см, с изображением шествующего Гопотшаха, обнаруженный на Калалы-гыр 2 (рис. 98, табл. 2/147).

Единичными изделиями представлены фигурные сосуды и налепы на стенках сосудов. Эти категории находок крайне малочисленны, что не дает возможности делать какие-либо обобщения, кроме констатации их существования и незначительной распространенности. Отметим лишь, что оба фигурных сосуда происходят с Кой-Крылган-калы и относятся к разряду миниатюрных (рис. 97, табл. 2/148).

Сосуды с налепами на стенках были найдены на трех памятниках: Гяур-3, Хумбуз-тепе и Калалы-гыр 2. Налеп из Гяур-3 расположен на стенке лепной хумчи. Налепа на стенках сосудов отмечены на кратере из Калалы-гыр 2 и на хумче из Хумбуз-тепе, и расположены они непосредственно под венчиками на плечиках этих сосудов (рис. 96, табл. 2/73, 140, 141). Надо отметить, что на каждом из памятников было обнаружено лишь по одному изделию, которые принципиально отличны друг от друга.

Итак, еще раз отметим те группы керамической посуды, на которых применялась терракотовая пластика:

— кувшины с одной и двумя ручками (по классификации С. Б. Болелова третья группа — столовая посуда; второй отдел — закрытая форма, тип I, вариант 3 (Калалы-гыр 2, 2004, с. 137)).

— фляги с рельефом на одной из сторон. Фляги самых разных размеров, от 15 до 45 см в высоту, предназначавшиеся для хранения и транспортировки воды и вина (по клас-

сификации С. Б. Болелова вторая группа — хозяйственная посуда; второй отдел — закрытые формы, фляги (Калалы-гыр 2, 2004, с. 119–120)).

— ритоны, также связанные с употреблением напитков (по классификации С. Б. Болелова третья группа — столовая посуда; отмечены двух типов — однососковые в форме рога с протомой животного или фантастического существа и двухсосковые амфоровидные (Калалы-гыр 2, 2004, с. 134, рис. 3/21, 22)).

Важно отметить, что *все три наиболее распространенные и многочисленные категории керамической посуды с применением терракотовой пластики связаны с использованием, хранением и транспортировкой жидкостей (вина и воды)*. Этот факт, безусловно, важен в дальнейшем понимании значения и более точной интерпретации смысла пластических образов на керамической посуде. Остальные немногочисленные категории связаны с миниатюрными сосудами, предназначенными для хранения благовоний и других косметических веществ, а также с кратером, предназначенным для смешивания вина с водой, и с двумя хумчами.

Необходимо отметить также, что в Хорезме терракотовая пластика применялась исключительно с внешней стороны сосудов, в отличие от Бактрии (см. ниже), где налепы и штампы на посуде зачастую располагались на внутренней стороне, в частности на дне, или были обращены на зрителя (к примеру, налепы на ручках кувшинов всегда обращены в сторону зрителя, а не к устью сосуда).

Иконографическо-стилистические показатели образов

Анализ изобразительной тематики терракотовой пластики на керамике выявил подавляющее преимущество зооморфных образов (59%), тогда как антропоморфных образов всего 6% (диаграмма 11).

Значительный процент сюжетных композиций и орнамента связан в первую очередь с рельефами на флягах. Этим уникальным по своей насыщенности информацией изделиям посвящена значительная литература (Толстов, 1948; Воробьева, 1967б; Калалы-гыр 2, 2004). По мнению некоторых исследователей, изучение изобразительного ряда, представленного на флягах Хорезма, дает значительно больше информации об идеологических представлениях древних хорезмийцев, чем, к примеру, многочисленные статуэтки

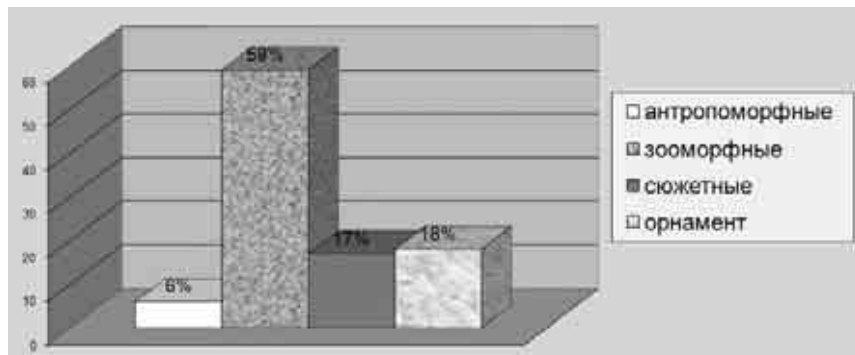

Диаграмма 11. Процентное соотношение изобразительной тематики терракотовой пластики на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.

(Калалы-гыр 2, 2004, с. 174). В первую очередь это связано с тем, что сюжетные композиции иллюстрируют важные идеологические представления древних хорезмийцев, мифологические и героические образы в их взаимодействии, часто в действии. Достаточно перечислить среди наиболее ярких сюжетов следующие: «календарный миф»; единоборство «человека и зверя»; пир (мужской персонаж на фоне арфы; охота (фрагменты бегущих зверей и всадников). Среди наиболее интересных образов — всадник на двугорбом верблюде; всадник в вооружении на коне; мужской персонаж с флягой за спиной и виноградной гроздью; гопотшах; мифологическое полиморфное существо, олени и другие травоядные, в геральдических позах на фоне или рядом со стилизованными деревьями и т. д. Исследователи сюжетов на флягах неоднократно приходили к выводу о глубоких переднеазиатских корнях мифов, отраженных на них. В частности, сцены с возлежащим на тахте мужским персонажем восходят, по мнению М. Г. Воробьевой, к пространственным в более раннее время в Передней Азии (Воробьева, 1967б, с. 204). М. Г. Воробьева, рассматривая кой-крылганкалинские рельефы на флягах с сюжетом «древа жизни» и предстоящими ланями, находит аналогии им в рельефах Северо-Восточного Ирана VIII–VII вв. до н. э. (Воробьева, 1967б, с. 206).

Б. И. Вайнберг, исследуя рельефы калалыгырских фляг, большинство сюжетов связывает с зороастрийскими мифами. Так, сюжет с бегущим лучником и рядом отдельно стоящих образов (птица с распахнутыми крыльями, пронзенный стрелой олень, растения) интерпретируется как сложный календарный миф с образами Митры (бегущий лучник), бога Зервана (птица), легендарной хаомы (растение) и т. д. Сцена единоборства человека с животным интерпретируется как иллюстрация мифа о победе Вертрагны над демоном Вритрой (Калалы-гыр 2, 2004, с. 214–227).

На наш взгляд, нельзя не отметить, что практически весь набор вышеперечисленных сюжетов и образов крайне характерен для изобразительного искусства Ахеменидского Ирана (Никулина, 1994, № 297, 438, 468, 495–500, 508–510, 512, 513, 450, 451, 453, 444–446).

Представляется важным и не случайным тот факт, что сюжетная тематика фляг совершенно не перекликается с основными иконографическими образами статуэток. На флягах практически нет женских образов. Исключением является один фрагмент композиции с кормящей младенца женщиной, сидящей на тахте с резными ножками (рис. 69, 2). Нет также изображений коня как самостоятельного иконографического образа (только в качестве оседланного животного). Это может быть связано с отличиями в функциональном назначении изделий, на которых представлена пластика. Фляги, несмотря на их парадность, в первую очередь являются сосудами для транспортировки жидкостей, т. е. в какой-то степени имеют вполне бытовую или утилитарную функцию. Вероятно, именно с этим пунктом связан более живой характер изображений на флягах, повеству-

щих более о мифологических, героических сюжетах, нежели о религиозных. Возможно, перед нами нет канонических изображений богов и богинь. Именная фляга с Калалы-гыр 2, где имя владельца было нанесено на лицевой стороне, непосредственно под рельефом с изображением сцены единоборства человека и зверя, как будто только подтверждает этот тезис (Калалы-гыр 2, 2004, с. 225).

Подводя итог, следует отметить следующее: керамика с применением терракотовой пластики является наиболее ранним видом изделий терракотовой пластики. Время появления и расцвет ее связываются с началом древнехорезмийского периода и находят прототипы в металлической посуде Ахеменидского Ирана. Основные подвиды керамики с применением терракотовой пластики сосуществуют с аналогичными типами сосудов, не имеющими терракотовой пластики. Одновременное существование фляг с рельефными изображениями различных сюжетных сцен и фляг без украшений дало возможность предположить особое значение первых. С. П. Толстов отмечал, что они могли быть «парадными, а может быть, и культовыми». Позднее М. Г. Воробьева, анализируя технологию изготовления и вторичные приемы обработки этих изделий, пришла к аналогичному выводу (Воробьева, 1959, с. 129–130). В свою очередь, отметим, что значительный подъемный материал с археологических памятников, функциональное значение которых не связывается с культово-храмовым характером, в частности налпы на ручках кувшинов и рельефы на флягах, позволяет видеть в нем скорее изделия парадного назначения, хотя это и не отменяет возможности их применения в культовых церемониях, о чем свидетельствует значительный процент (64%) изделий, происходящих из помещений, имеющих отношение к храмово-культовым постройкам (Воробьева, 1959, с. 103). В последующий период такие виды сосудов, как фляги, кувшины, продолжают существовать, не претерпевая значительных изменений в форме, но совершенно утрачивают характерные элементы в виде терракотовой пластики.

Подставки (алтарики) (рис. 102, 103, табл. 4/1–19)

Всего нами зафиксировано 20 подставок и их фрагментов из Калалы-гыр 2 (19) и Кой-Крылган-калы¹⁰. Важно отметить, что аналогичные подставки известны и на других памятниках Хорезма, но происходят они из подъема или стратиграфических слоев, датированных более широкими рамками, чем рассматриваемые нами. Из включенных в базу данных выделяются два типа подставок: с круглым и прямоугольным в плане основанием. Все они, как правило, сту-

¹⁰ На Кой-Крылган-кале подставок было найдено несколько, однако в публикации не отмечено точное число и не даны их описания. Приведено изображение только одной подставки (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 113, р. 48).

пенчатые. Аналогии им широко известны. Значительная серия аналогичных алтариков известна по материалам Ай-Ханума, где они датируются III–II вв. до н. э. (Guillaume, Rougelle, 1987, pl. XIX, 4, 15, 17; Francfort, 1984, pl. XXXIX, n 3; XXXVI, n D 2).

На территории Ай-Ханума маленькие подставки (алтарики) были найдены практически по всему городу: в гимназии (5 экз.), во дворце (3 экз.), в больших пропилеях (1 экз.), в театре (2 экз.), на агоре (3 экз.), в арсенале (1 экз.), а также в усадьбе № 3 (5 экз.) (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 70–71, рис. 23 и XIX). А в одном «храме с нишами» их было найдено 76 экземпляров, что в принципе не оставляет сомнений в их votivном характере. Однако, в отличие от калалыгырских, изготовлены они все из камня (известняка) (Francfort, 1984, ch. XII, p. 81–84, tabl. 41–46 b, pl. XXXVI, XXXVII, XXXIX/IV). Одновременное распространение подобных изделий на территории соседних областей свидетельствует о, вероятно, схожем характере связанных с этими предметами ритуалов. То, что в Хорезме они изготавливались не из камня, а из обожженной глины, принципиально не могло повлиять на их смысловое и функциональное назначение.

Наблюдение за местонахождением подставок на памятнике Калалы-гыр 2 позволяет отметить определенную связь этих изделий с комнатами, в которых имеются стенные ниши, где они могли быть установлены. Так, Б. И. Вайнберг отмечает находку круглого «навершия» алтарика в помещении 5 (Р 7) около самой крупной стенной ниши. На раскопе 1/2, в помещении 7, где было найдено два изделия, также имеются стенные ниши. Кроме того, характер этих комнат и инвентаря из них свидетельствует о небытовом их назначении. Это же отмечает и Б. И. Вайнберг (Вайнберг, 2004, с. 163). В Кой-Крылган-кале также было найдено несколько подставок, в том числе и в ненарушенных наложениях нижнего горизонта. Однако лишь одно изображение подставки (алтарика) было опубликовано. Она представляет собой прямоугольную (или квадратную) в плане трехступенчатую подставку с плоской верхней площадкой (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 113, рис. 48).

Очажные подставки (рис. 99–101, табл. 3/1–18)

Очажные подставки, или так называемые рогатые кирпичи или шашлычницы, в период IV–I вв. до н. э. претерпевают определенные изменения. Наиболее ранние известны на территории Хорезма по комплексу Дингильдже, они на столетие предшествуют рассматриваемому нами периоду. В этот период они имеют вид подпрямоугольной плитки, представляющей собой в разрезе усеченный конус, часто со сквозным отверстием в нижней трети. Никакого пластического оформления этих подставок в ранний период не наблюдается. Однако подчеркивается несомненность их

связи с очагами (на Дингильдже их было найдено 25 фрагментов). В свою очередь, аналогии им находят на Северном Кавказе (Воробьева, 1973, с. 142–143, рис. 42, 33–34). Для VI–IV вв. до н. э. известны очажные подставки в виде трапезиевидных кирпичей в комплексе позднебургулюкской культуры, в частности, на древнейшем поселении Шаштепе в Ташкенте (Филанович, Дуке, 1990, с. 42, 43). У поздних скифов в Крыму также известны очажные подставки, которые украшались бараньими головами (Дашевская, 1991, табл. 8).

Дальнейшее развитие и пластическую трансформацию этого вида изделий мы видим на примере калалыгырского комплекса (13 экз.) и нижнего горизонта Топрак-калы Шаватской, датируемого V–III вв. до н. э. (всего 2 экз.). Необходимо отметить, что все они оформляются зооморфными образами (барана, лошади) либо стилизациями под них. Позднее стилизованный и орнаментальный характер зооморфных наверший будет усиливаться (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 125–126, рис. 50, 2).

Наиболее сохранившиеся образцы очажных подставок представляют собой грубые, довольно тяжеловесные, цилиндрические ножки, полые внутри, сформованные на гончарном круге, со сквозным отверстием, завершающиеся сверху монолитным навершием, которое имеет вид уплощенной плитки, с прогибом в центре и двумя роговидными фигурными навершиями по краям. Ширина плитки от 3 до 5 см на ребре, по всей видимости, оно являлось рабочей частью этого изделия и, как правило, заглажено и закопчено. По бокам от этой рабочей части возвышаются зооморфные навершия в виде головы барана или лошади на высокой шее, смотрящие в противоположные стороны. Общая высота изделий достигала 21 см и более.

Модели (рис. 104, табл. 5/1–9)

Все модели обнаружены на одном памятнике — Калалы-гыр 2 (Вайнберг, 2004, с. 161, 162, рис. 4/10, 2–4). Модели представляют собой круглые сплошные колеса, диаметром от 7 до 17 см, с выступающими ступицами с двух или с одной стороны. Сформованы они ручной лепкой и имеют сквозные отверстия, что указывает на их использование в качестве детали сборной модели повозки или колесницы. Б. И. Вайнберг отмечает наличие следов полировки на внутренней стороне втулок, а также следы трения на ободке этих колес.

Из возможных других составных частей обнаружено лишь одно изделие, напоминающее собой модель повозки, которое имеет вид вертикально вытянутой, сужающейся кверху полой конструкции с резным орнаментом из прямых линий в виде «елочки» на лицевой стороне, с оборотной расположено овальное отверстие и заметны следы скрепления с какими-то другими частями.

К сожалению, в раннекангюйских слоях других памятников Хорезма аналогичных моделей найти не удалось, но к последующему периоду относятся похожие предметы из кушанских слоев Топрак-калы Шаватской, что свидетельствует о продолжающейся традиции изготовления и бытования этого вида изделий (Мамбетуллаев, 1986, с. 30, рис. 12, 9).

Погребальные сосуды (рис. 105, табл. 6/1–3)

Погребальные сосуды представлены всего тремя экземплярами, происходящими из точки 13/70, расположенной вблизи от Кой-Крылган-калы, и с левобережного памятника близ селения Замахшара. Ю. А. Рапопорт подчеркивает несомненность их датировки раннекангюйским временем и интерпретирует как статуарные урны. Все три сосуда несут антропоморфные образы. В одном случае это женская фигура (стоящая женская скульптура в платье, украшенном геометрическим орнаментом из полос с треугольниками), в другом — мужская (мужчина бородатый, сидящий на кресле в диадеме с зооморфными ушами), и в третьем сохранилась лишь нижняя часть сидящей женской фигуры (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 232–233, рис. 89, 90; Рапопорт, 1971, с. 42–43, рис. 5).

Стиль этих изображений в целом ближе к стилю статуэток, чем к стилю рельефов на флягах. Вероятнее всего, он был обусловлен погребальными нуждами и назначением этих изделий. Основными признаками этого стиля являются непропорциональность (пропорции стоящей женской скульптуры 1 : 4; сидящей мужской фигуры с учетом позы 1 : 5); ярко выраженная статичность и фронтальность; неодинаковая проработка и обобщение деталей (внимание к деталям костюма и отсутствие такового к анатомии тела и лиц); условность или нереалистичность изображения. Так же как и на антропоморфных статуэтках, на погребальных сосудах внимание сконцентрировано на лице изображаемого персонажа. Несмотря на то, что в нем прослеживаются некоторые портретные черты, сама техника формовки изделия (налеп отдельно составных частей: носа, губ, глаз и т. д.) диктует условность, а не реалистичность изображения (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 233).

* * *

Количественный и качественный анализ характеристик стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики древнехорезмийского периода позволил прийти к ряду проверяемых заключений. Появление различных ее видов на территории древнего Хорезма, по современным данным археологии, относится к середине, второй половине IV в. до н. э. Предметов, происходящих из стратифицированных слоев более раннего времени, на сегодняшний день не обнаружено. Древнехорезмийский комплекс терракотовой

пластики является нам наиболее ранние образцы изделий этого типа античного периода для всей Средней Азии. Характерно, что они являются составной частью раннекангюйского или древнехорезмийского археологических комплексов Хорезма, которая ярко маркирует этот комплекс и по сути своей играет роль хроноиндикатора. Мы фиксируем практически одномоментное появление шести видов изделий, получивших широкое распространение по всей территории Хорезма. Использование статуэток, керамики с элементами терракотовой пластики, алтариков отмечается на большинстве типов поселений (укрепленные крупные и небольшие городские центры, неукрепленные поселения и укрепленные культовые центры), с преимущественным нахождением на территории храмово-культовых сооружений.

Хорезмийская терракотовая пластика характеризуется высокой степенью стандартизации, что особенно хорошо видно на основных типах статуэток и подвидах керамики с применением мелкой пластики. Стандартизация же напрямую свидетельствует об отлаженной технологической (ремесленной) традиции изготовления изделий, сложившейся в рассматриваемый период. Широкое распространение и стандартизация одних и тех же иконографических образов, отраженных на различных видах терракотовой пластики, могут говорить, с одной стороны, о широком спросе на типичные изделия, бытовавшие в рассматриваемое время, а с другой стороны, об узком круге значимых для всего общества древнего Хорезма религиозно-мифологических образов, отражаемых, в частности, на статуэтках. Более того, характер преимущественных местонахождений в храмовых комплексах таких видов, как алтарики, статуэтки, а также некоторые подвиды керамики, заставляет предполагать единообразное их употребление в религиозной практике хорезмийцев. В то же время не все виды изделий могут быть связаны с культовой стороной. Таковыми являются очажные подставки и возможно, некоторые подвиды керамики с применением терракотовой пластики, не имеющие преимущественного происхождения с территории храмовых комплексов.

Кратко характеризуя стилистику и иконографию изделий, следует отметить, что в период, предшествующий появлению терракотовой пластики, древним хорезмийцам была известна изобразительная традиция. В материалах таких памятников, как Калалы-гыр 1, Дингильдже, были отмечены находки изделий мелкой пластики в металле, а также архитектурный декор в гипсе (Воробьева, 1973, с. 71; Толстов, 1958, с. 158–159). Характерно, что образы на этих изделиях, лев и грифон, равно как и стиль изображений говорят о бесспорном влиянии ахеменидской изобразительной традиции. Последнее примечательно, так как в этой узнаваемой стилистике и иконографии воплотились наиболее яркие глубоко переработанные на местной почве образцы терракотовой пластики IV–I вв. до н. э. К таковым в основном относятся отдельные подвиды терракотовой пластики на керамике, в частности рельефы на флягах, налепы на ручках кувшинов в виде голов львов, роговидные

ритоны с зооморфными протомами и наиболее распространенные статуэтки I–III типов, игравшие, по всей видимости, важную роль в культово-религиозной практике хорезмийского общества.

Что же могло послужить толчком к появлению столь самобытного вида материальной культуры? Можно назвать некоторые причины. Появление терракотовой пластики, как и других характерных черт древнехорезмийской цивилизации IV–III вв. до н. э., по всей видимости, совпало с периодом выхода из состава Ахеменидской империи территории Хорезма. Эта связь представляется несомненной. Любая государственность начинает свой путь с утверждения собственных идеологических основ и ретрансляции их на уровне духовной культуры, что в свою очередь зачастую получает отражение в материальной культуре. То, что Хорезм в процессе становления и утверждения своей самостоятельности обратился к наиболее близкой и авторитетной изобразительной традиции эпохи расцвета первой мировой империи, представляется понятным явлением. Эта изобразительная традиция долгое время была связана с утверждением легитимности власти Ахеменидов. В условиях смены политических элит она явилась связующим звеном, элементом, отражающим легитимность новой власти и возможную преемственность элит.

В этот период в Хорезме, так же как и во многих государствах ойкумены, получает широкое распространение технология оттиска с матрицы, позволяющая получить массовый тираж изобразительных сюжетов на дешевом носителе — терракоте. Таким образом, в Хорезме второй половины IV в. до н. э. складывается комплекс причин, который способствовал возникновению нового массового и яркого явления материальной культуры — терракотовой пластики.

I–IV вв. н. э.

На территории древнего Хорезма кушанского времени удалось выявить всего 85 изделий терракотовой пластики, найденных в стратиграфических слоях шести археологических памятников, относимых авторами к кушанскому времени (рис. 106). К ним относятся: Кой-Крылган-кала, Топрак-кала, Большая Айбуйир-кала, Топрак-кала Шаватская, могильник Тарым-кай 1 и Капарас.

Наибольшее число находок происходит с Кой-Крылган-калы (36 предметов, что составляет 31% от общего числа). Кой-Крылган-кала — многослойный памятник, и изделия отбирались на основе выделенной авторами раскопок стратиграфии. В этой главе мы рассматриваем терракотовую пластику, зафиксированную на уровне среднего и верхнего горизонтов, относимых исследователями к I–IV вв. н. э. (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 185–200, 310). Важно, что исследователи памятника подчеркивают изменение его функционального назначения в среднем и верхнем горизонтах:

от культового характера сооружений нижнего горизонта к бытовому в среднем и верхнем. Однако подчеркивается и то, что бытовая застройка не выходит за рамки габаритов первоначального сооружения (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 311).

Материалы с городища Топрак-кала Шаватская были стратиграфически подразделены на два периода обжигания: V–III вв. до н. э. и II в. до н. э. — III в. н. э. (Мамбетуллаев, 1986, с. 12–46). В данном разделе мы рассматриваем те из них, что относятся ко второму периоду (7 предметов)¹¹.

При исследовании крупного городища Большая Айбуйир-кала было выделено 4 стратиграфических горизонта. Третий горизонт датируется I в. до н. э. — IV–V вв. н. э. Изделия из этого горизонта в количестве пяти предметов были включены в базу данных (Мамбетуллаев, 1990, с. 113–123).

Часть материалов происходит с городища Топрак-кала. Этот крупный город площадью 17,5 га возник в I в. н. э. и просуществовал до VIII в. н. э. В данной главе рассмотрены изделия в основном из двух нижних горизонтов, датировка которых ограничена I–IV(?) вв. н. э. Это 12 изделий, которые составляют 14% от общего числа хорезмийской терракотовой пластики кушанского периода.

Всего два изделия происходят из могильника Тарым-кай 2, материалы которого датируются I–III вв. н. э. (Яблонский, Коляков, 1992, с. 87, рис. 5, 16, 20). Этот памятник относится к скотоводческой культуре и ярко свидетельствует о синкретизме погребального обряда, сочетающего традиционные насыпи курганов и захоронения в оссуариях под ними, а также о массовом переходе именно в кушанское время к обряду захоронения очищенных костей, в том числе в оссуариях.

Таким образом, нами были получены материалы с разнообразных поселений и могильников древнего Хорезма.

С точки зрения представительности статистической выборки мы имеем объем, близкий к минимально необходимому, — 85 изделий. При анализе выбранного материала учитывался тот же ряд показателей, что и при отборе материала, который рассматривался выше.

Группа 1. Показатели функционального назначения

Анализ первой группы показателей позволил выделить в хорезмийской пластике кушанского периода семь видов изделий, различающихся по функциональному назначению (диаграмма 12).

Среди изделий самостоятельного значения:

- 1) статуэтки и матрицы для их изготовления — 67%;
- 2) модели — 4%;
- 3) подставки (алтарики) — 6%;
- 4) плитки с рельефом — 2%.

¹¹ Б. И. Вайнберг высказала мнение о необоснованном удревнении датировки культурных слоев городища Топрак-кала Шаватская (Калалы-гир 2, 2004, с. 241).

К несамостоятельным видам относятся:

5) подставки очажные — 13%;

6) оссуарии — 2%;

7) терракотовая пластика на керамике — 6%.

Из вышеприведенной диаграммы видно изменение, произошедшее на рубеже эр, которое демонстрирует нам резкое уменьшение количества керамики с применением терракотовой пластики. Полностью исчезают такие подвиды, как рельефы на флягах, ритоны с протомами, кувшины с зооморфными ручками.

Появление таких новых видов, как плитки с рельефами и оссуарии с терракотовой пластикой, на этом фоне выглядят маргинально, так как они представлены единицами изделий. Однако нельзя не обратить внимания на значение появления оссуариев с терракотовой пластикой, которые в некоторой степени отражают процесс перехода к новому погребальному обряду и, соответственно, новой системе идеологических представлений (Яблонский, Коляков, 1992, с. 110).

Группа 2. Технологическо-параметрические показатели

Анализ второй группы показателей выявил существенное увеличение доли изделий, изготовленных ручной лепкой. В рассматриваемый период число их более чем в два раза превышает число изделий, выполненных методом оттиска с матрицы (69% к 30%). Именно этот показатель демонстрирует выраженную технологическую деградацию и стагнацию такого явления материальной культуры, как терракотовая пластика. Появляется комбинирование техник, зафиксированное только в одном изделии (диаграмма 13).

Группа 3. Показатели археологического контекста

Из 85 изделий Хорезма кушанского периода, включенных нами в базу данных, значительная часть (82%) связана с конкретными постройками, которые получили интерпретацию своего функционального назначения. Статистический анализ этой группы показателей позволил установить, что в Хорезме I–IV вв. н. э. происходит кардинальная смена

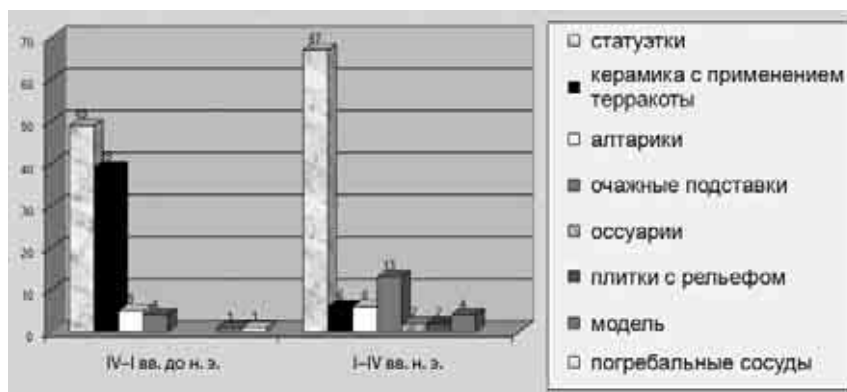

Диаграмма 12. Процентное соотношение изделий терракотовой пластики Хорезма в IV в. до н. э. — IV в. н. э.

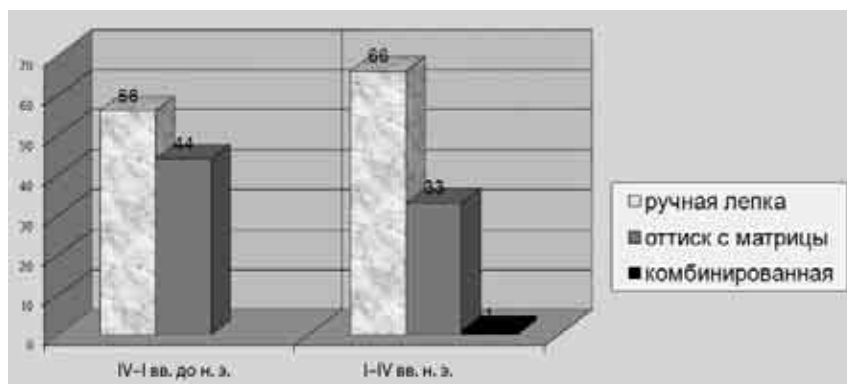

Диаграмма 13. Процентное соотношение основных технологических приемов в терракотовой пластике Хорезма

в местоположении изделий терракотовой пластики. Если в ранний период большинство изделий было зафиксировано в храмах или связанных с ними постройках, то в кушанское время подавляющее большинство изделий связано с жилой застройкой. При этом следует учесть недостаточность источниковой базы по стратиграфически датированным изделиям кушанского времени и, соответственно, возможность неполноты картины. Так, из шести памятников Хорезма, в которых зафиксированы изделия в стратиграфически датированных кушанских слоях, лишь Кой-Крылганкала является культово-храмовым центром. Однако исследователи памятника, как было сказано выше, относят всю кушанскую застройку к жилой. Таким образом, на сегодня мы не имеем материалов с памятников, надежно интерпретируемых как храмовые постройки кушанского времени (диаграмма 14). В частности, храмы и святилища дворцового комплекса и самого городища Топрак-кала (здание I) также не дали материала по терракотовой пластике соответствующего периода.

В I–IV вв. н. э. терракотовая пластика в Хорезме зафиксирована в погребальных сооружениях, однако составляет небольшой процент от общего числа находок.

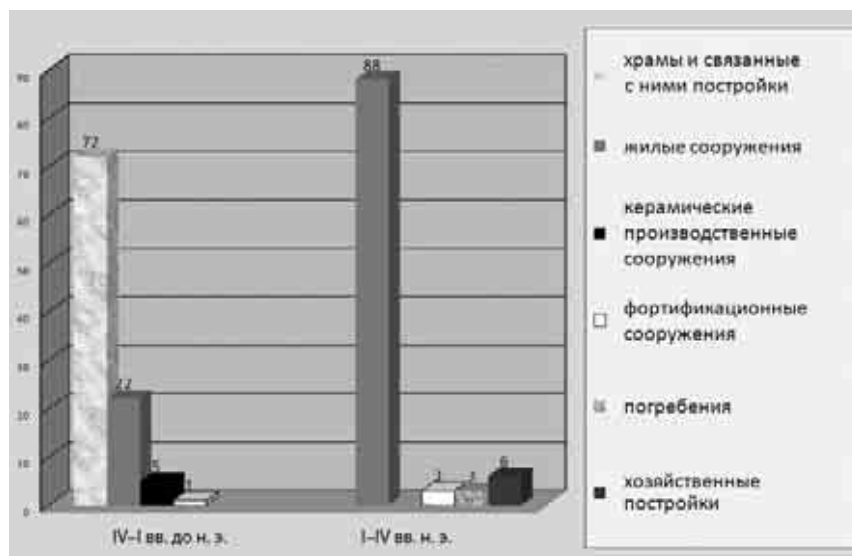

Диаграмма 14. Процентное соотношение мест нахождения терракотовой пластики Хорезма

Группа 4. Иконографическо-стилистические показатели

Статистическая обработка показателей этой группы, в частности по выявлению процентного соотношения основных иконографических образов во всех видах пластики (за исключением таких, как алтарики и модели), выявила преобладание зооморфной тематики в изобразительном ряду в целом (диаграмма 15). Однако оно не выглядит столь подавляющим, как в предыдущий период, и скорее свидетельствует об утрате самобытных черт хорезмийской пластики, чем о новых вехах развития.

Анализ стиля изображений позволил зафиксировать полное отсутствие, как и в предыдущий период, изделий, выполненных в эллинистическом или эллинизированном стилях.

Преобладание зооморфной тематики и изделий, выполненных в автохтонном стиле, можно охарактеризовать как

важнейшую отличительную черту терракотовой пластики Хорезма на протяжении всего периода бытования ее как характерного явления материальной культуры.

Остановимся подробнее на рассмотрении трех групп показателей в рамках отдельных по функциональному назначению видов изделий.

Статуэтки

Статуэтки в кушанском Хорезме — по-прежнему наиболее распространенный вид изделий. Они представлены 58 предметами, что составляет 67% от общего числа терракотовой пластики.

Технологико-параметрические показатели

При существенном сокращении числа статуэток, с 192 в древнехорезмийском периоде до 57 в кушанском, соотношение выполненных ручной лепкой и оттиском с матрицы по-прежнему сохранилось. Появляется комбинирование технологий, фиксируемое в единичном изделии (диаграмма 16).

Показатели археологического контекста

Статуэтки происходят с пяти памятников: с правобережного Хорезма (Кой-Крылган-кала,

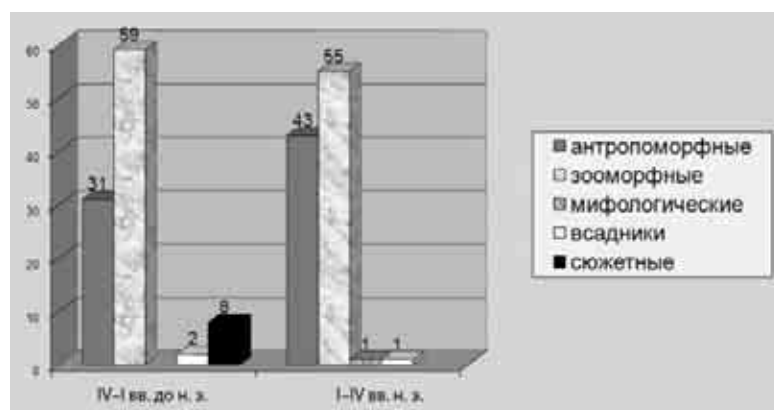

Диаграмма 15. Процентное соотношение изобразительной тематики в терракотовой пластике Хорезма

Диаграмма 16. Процентное соотношение основных технологических приемов в статуэтках Хорезма

Топрак-кала), с левобережного (Топрак-кала Шаватская, Большая Айбуйир-кала), а также с Южного Хорезма (Капарас).

Все статуэтки с многослойных памятников в подавляющем большинстве из жилых построек. Таким образом, мы видим принципиальную смену основного местоположения статуэток — с территорий храмов и связанных с ними сооружений они перемещаются на территории жилой застройки.

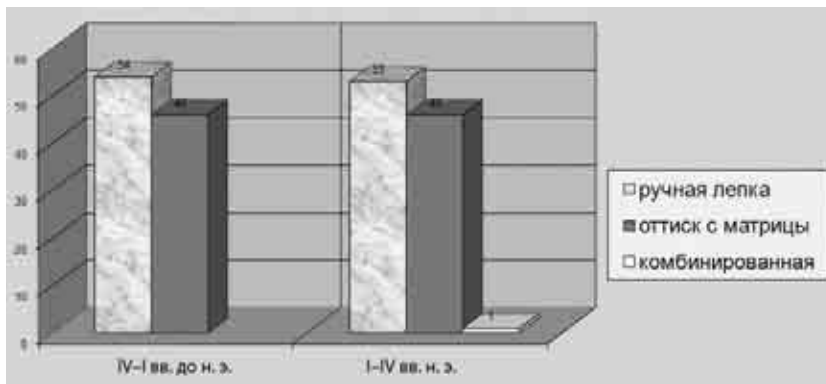
Иконографическо-стилистические показатели образов

Все статуэтки были разделены на четыре группы: антропоморфные, зооморфные, всадники (оседланные животные) и мифические. В отличие от предыдущего периода, в кушанский можно отметить преобладание антропоморфных образов над зооморфными (53% (30 экз.) к 44% (25 экз.) и появление мифических образов. Образ всадника по-прежнему представлен незначительно (1,5%) (диаграмма 17).

Анализ статуэток Хорезма позволил установить продолжение бытования с IV–I вв. до н. э. некоторых археологических типов. Полное описание типологии статуэток Хорезма см. ниже. Здесь мы приводим контекстные для кушанского периода выдержки из общей типологии хорезмийских статуэток.

Тип I. Женская статуэтка в одежде с «фижмами» (рис. 3)

Фрагмент редуцированного изображения этого типа статуэток представлен в материалах среднего горизонта

Кой-Крылган-калы (рис. 113, 1, табл. 7/2) (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 185–186, табл. XXIX, 39). На основании этого можно предположить продолжение существования статуэток в одежде с «фижмами» в этот период.

Тип II. Женские обнаженные статуэтки с канонизированным положением рук (рис. 3)

В рассматриваемый период тип представлен вариантом 3 и оказывается наиболее устойчивым относительно прочих. Происходят с двух памятников: Кой-Крылган-кала (4 экз.) и Топрак-кала Шаватская (1 экз.) (рис. 107, табл. 7/3, 4, 5, 8, 51). Статуэтки рассматриваемого варианта из Кой-Крылган-калы датируются комплексом I–IV вв. н. э., а из Топрак-калы Шаватской более ранним временем, II в. до н. э. — III в. н. э. Однако в литературе уже высказывались, на наш взгляд, вполне оправданные сомнения в столь ранней датировке комплекса второго периода обживания Топрак-калы Шаватской (Калалы-гыр 2, 2004, с. 241).

Анализ мест нахождения позволяет соотнести все статуэтки данного типа с жилыми постройками.

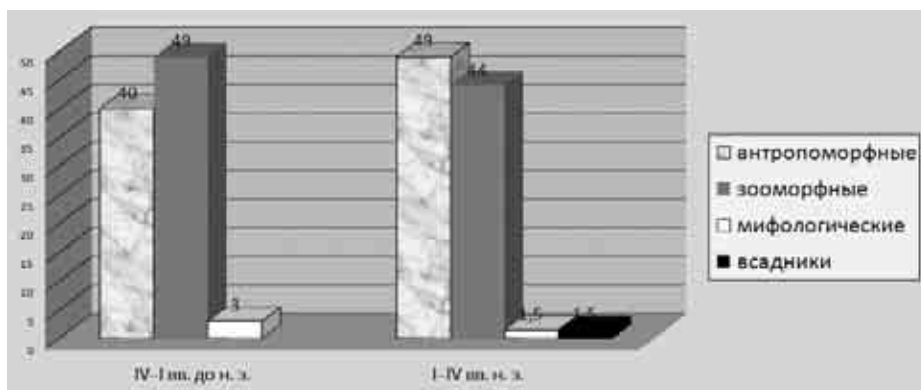

Диаграмма 17. Процентное соотношение изобразительной тематики статуэток Хорезма

Тип III. Женские статуэтки в одежде с «шарфом»

Представлен вариантом 2 (рис. 108, 1–3), в количестве трех экземпляров, происходящих с Кой-Крылган-калы, Топрак-калы Шаватской и Капараса (рис. 108, 1–3, табл. 7/1, 52, 57).

Таким образом, в кушанский период на территории Хорезма продолжают бытовать три основных типа статуэток древнехорезмийского периода (типы I–III). Полностью исчезают или пока неизвестны типы IV и V.

В кушанский период появляются и новые археологические типы статуэток. Однако все они, в отличие от раннего периода, малочисленны и, соответственно, неустойчивы, что выражено также в происхождении одного типа статуэток с одного, а не нескольких памятников.

Тип VI. Статуэтки женщины с младенцем (рис. 109, табл. 7/11, 12)

Представлен всего двумя фрагментированными статуэтками, происходящими из среднего горизонта Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-Кала, 1967, табл. XXIX, 48, 49). Реконструируемая высота статуэток не менее 13 см.

Тип VII. Статуэтки сидящей на постаменте женщины (рис. 110, 111, табл. 7/9, 34)

Этот тип также малочислен и представлен двумя фрагментированными статуэтками из среднего слоя Кой-Крылган-калы и нижнего горизонта крепости Капарас.

Индивидуальные образцы статуэток (рис. 112–114)

К индивидуальным отнесено всего 17 терракот. Из них восемь с женскими образами, пять с мужскими, один детский, один всадник и два идольчика. Четыре фрагмента женских статуэток представляют собой плохо читаемые образы и по некоторым косвенным признакам могли бы быть отнесены к выделенным выше типам (рис. 113, 114).

К индивидуальным типам мы отнесли два идольчика, изготовленных ручной лепкой (рис. 112, 1, 2).

Практически все терракотовые статуэтки с антропоморфными образами, за исключением категории идольчиков, выполнены при помощи оттиска с матрицы. Значительная часть покрыта дополнительно ангобом.

Как видно из приведенного выше описания, неповторяемые, т. е. индивидуальные типы статуэток в Хорезме малочисленны. Однако если в ранний период неповторяемые индивидуальные типы составляли 19% от общего числа антропоморфных статуэток, то в кушанское время их доля достигает уже 58%. Перед нами яркий переход от высокой стандартизации повторяемых образов древнехорезмийского периода к практическому отсутствию стандартизации в кушанский период при учете общего сокращения статуэток в количественном отношении. Такие характерные признаки, как малочис-

ленность, отсутствие стандартизации (серийности) и утрата самобытных черт, дают основание говорить о постепенном угасании терракотовой пластики в Хорезме в I–IV вв. н. э. на примере статуэток с антропоморфными образами.

Статуэтки с зооморфными образами (рис. 115–119)

В отличие от древнехорезмийского периода, своеобразной отличительной чертой которого являлось доминирующее положение именно зооморфных образов, в кушанский период резко падает их число в статуэтках (они составляют 29% (25 изделий) от общего числа, тогда как в ранний период зооморфные статуэтки составляли 49% (85 изделий)). Все статуэтки происходят из трех памятников: с правобережного (Кой-Крылган-кала), левобережного (Топрак-кала Шаватская) и Южного Хорезма (Капарас).

Техника исполнения зооморфных статуэток за одним исключением — ручная лепка. Для дополнительной обработки использовались резьба по сырой глине (зачастую именно резьбой передавались детали упряжи), налепы (при помощи них передавались такие детали, как седло, иногда глаза), наколы (ими также передавался орнамент попоны, а кроме того, они использовались в передаче глаз), раскраска цветными ангобами.

Иконографическо-стилистический анализ позволил установить, что подавляющее большинство зооморфных статуэток, 68% (17 изделий), как и в древнехорезмийский период, в кушанское время передает образ лошадей.

Второе место по количеству изделий занимает образ обезьяны (2 экз.), остальные виды животных представлены единицами (рис. 119, 1, 2, табл. 7/31, 38). К ним относятся статуэтки с образом барана, верблюда и ежа (рис. 116, 3, 4, табл. 7/30, 29; рис. 117, 1, табл. 7/39).

Характерной чертой древнехорезмийского периода было отражение среди зооморфных статуэток исключительно местной фауны. Можно отметить, что появление образа обезьяны в Хорезме довольно ярко маркирует кушанский комплекс, схожий во многих историко-культурных областях Средней Азии. Привнесенный характер этого иконографического образа очевиден, он относится к буддийскому кругу и наибольшее развитие получил там, где буддизм закрепился как мировоззренческая система, в частности на территории Бактрии (Пидаев, 1978, с. 46–47). Очевидно, процесс распространения индо-буддийского влияния не обошел стороной и консервативный Хорезм. Однако, по всей видимости, он не играл здесь сколько-нибудь существенной роли.

Статуэтки всадников или оседланных животных (рис. 115, 4, 5, табл. 7/25–28)

Всего четыре изделия можно отнести к этой категории. Происходят они из жилого помещения среднего горизонта Кой-Крылган-калы (с пола). Изготовлены в технике ручной лепки. Представляют собой фигурки лошади с наклепной упряжью и фрагментом всадника.

Статуэтка с мифическим образом (рис. 118, 1, табл. 7/49)

Всего одной статуэткой представлен мифический образ, а именно образ диморфного существа (Гопотшаха?). Статуэтка изготовлена в комбинированной технике. Туловище сформовано ручной лепкой, а голова при помощи оттиска с матрицы. Голова статуэтки имеет широкое лицо с крупными глазами, с проработанными веками, некрупным прямым носом и небольшим ртом. На голове — плоский убор с выступами по бокам (по мнению автора раскопок, завитки рогов барана или быка) (Мамбетуллаев, 1986, с. 43, рис. 20, 1). Голова посажена на высокой, круглой в сечении шее. Туловище удлиненное, с выступающим округлым крупом, невысокими широкими в основании коническими ножками. Передняя левая нога несколько выдвинута вперед, создает впечатление шествия. Необычен хвост, длинный, тонкий, без кисточки, загнут на правый бок. На животе статуэтки — продольный паз.

Плитки с рельефом (рис. 127, 1, 2, табл. 11/1, 2)

Плитки с рельефом появляются в Хорезме в кушанское время и представлены всего двумя изделиями с одного памятника. Они были найдены в среднем горизонте Кой-Крылган-калы, оба несут образы мужских персонажей. Технология изготовления обеих плиток одинакова — оттиск с матрицы на заготовленную глиняную основу. Рельеф не обрезается по контуру фигуры, оставляется гладкий фон, края которого подструганы.

На одной из плиток на гладком фоне изображен стоящий обнаженный музыкант с лютней в руках. На другой плитке сохранилось лишь изображение мужской головы с бородой и усами.

Керамика с применением терракотовой пластики (рис. 120, 121, табл. 8)

В I–IV вв. н. э. терракотовая пластика на керамике Хорезма практически выходит из употребления. Всего пять изделий удалось зафиксировать в слоях Топрак-калы и Капараса этого времени. Каждое из них по функциональному назначению представляет отдельный подвид: сосуд на зооморфной подставке (Капарас) (рис. 121, 3, табл. 8/5), фигурный миниатюрный сосуд (Топрак-кала) (рис. 121, 2, табл. 8/4), налп на венчике сосуда (Топрак-кала) (рис. 120, 2, табл. 8/3), зооморфная ручка в виде стилизованного кабаника (Топрак-кала) (рис. 120, 1).

Эти категории вещей крайне малочисленны, что не дает возможности делать какие-либо обобщения, кроме констатации их существования и незначительной распространенности. Изобразительная тематика терракотовой пластики на керамике на всех трех рассматриваемых изделиях зооморфная.

Подставки (алтарики) (рис. 126, табл. 10/1–4)

Такой вид изделий терракотовой пластики, как подставки (алтарики), продолжает бытовать в Хорезме и в рассматриваемую эпоху. В стратиграфических слоях кушанского Хорезма нами зафиксировано всего 5 подставок и их фрагментов: из Большой Айбуйир-калы (4 экз.) и Капараса (1 экз.). Важно отметить, что аналогичные подставки известны и на других памятниках Хорезма, но происходят они из подъема или стратиграфических слоев, датированных более широкими рамками, чем рассматриваемые нами (в частности, упоминаются в смешанных слоях Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 113). Из включенных в базу данных выделяются два типа подставок: с круглым и прямоугольным в плане основанием. Все они, как правило, ступенчатые. Аналогии им широко известны в Бактрии, в частности, в раннекушанских кварталах крепости Кампыртепа (Ильясов, 2006, с. 77, рис. 30).

Очажные подставки (рис. 122–125, табл. 9/1–11)

Очажные подставки, так называемые рогатые кирпичи или шашлычницы, в период I–IV вв. н. э. продолжают свое бытование и составляют значительный процент от общего числа изделий кушанского Хорезма — 13% (11 экз.). Они были найдены в слоях Топрак-калы (8 экз.), Капараса (2 экз.) и Кой-Крылган-калы (1 экз.).

В древнехорезмийский период очажные подставки, как правило, оформляются зооморфными образами (барана, лошади) либо стилизациями под них. В I–IV вв. усиливается стилизованный и орнаментальный характер зооморфных наверший. Очажная подставка из Кой-Крылган-калы — наиболее нарядная и украшена орнаментацией в виде пуансона. Подставка вытянутой формы с цилиндрическим туловом и четко выраженным завершением в виде двух развернутых в противоположные стороны лошадиных протом (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 125–126, рис. 50, 2). Фрагменты наверший двух очажных подставок из Капараса также представляют собой головки лошадей, в одном случае голова украшена наколами пуансона (Древности Южного Хорезма, 1991, с. 246, рис. 84, 18). В более позднем комплексе Топрак-калы в очажных подставках при сохранении в некоторых случаях орнаментации пуансоном и разделения навершия подставки на два смотрящих в противоположные стороны выступа, практически не прослеживается связь с зооморфными прообразами (Городище Топрак-кала, 1981, рис. 48, 5, 7–9). Более того, среди топраккалинских очажных подставок вновь появляются образцы, морфологически наиболее близкие к ранним подставкам комплекса Дингильдже. Такие подставки, как

правило, не несут орнаментации и стилизованных зооморфных наверший (Воробьева, 1973, с. 142, рис. 42, 33, 34).

Модели

(табл. 12/1–3)

Три модели колес были обнаружены в кушанских слоях крепости Капарас (Древности Южного Хорезма, 1991, с. 247) и городища Топрак-кала Шаватская (Мамбетуллаев, 1986, с. 30, рис. 12, 9). Все они представляют собой круглые сплошные колеса диаметром от 15,5 до 4,7 см, с выступающими ступицами с двух сторон. Сформованы ручной лепкой и имеют сквозные отверстия, что указывает на то, что они, по всей видимости, являлись деталями сборной модели повозки или колесницы.

Оссуарии

(рис. 128, табл. 13/1, 2)

В Хорезме в первые века нашей эры фиксируется массовый переход к обряду погребения очищенных костей (Яблонский, Коляков, 1992, с. 110). Среди разных приемов погребения очищенных костей широкое распространение получают оссуарные погребения. Однако среди оссуариев Хорезма I–IV вв. н. э. всего два изготовлено с применением терракотовой пластики. Они были зафиксированы в курганном могильнике Тарым-кай, датировка которого кушанским временем не вызывает сомнений.

Один из статуарных оссуариев представляет собой фигурный подпрямоугольный в плане сосуд, оформленный в виде взнузданной лошади. Для передачи зооморфного характера сосуд поставлен на 4 ножки, с одной стороны на него наклеплен хвост в виде валика, разделанного насечками, с другой стороны вырезано впускное отверстие, которое сдвинуто к краю и захватывает часть дна и стенок сосуда. Крышка над этим отверстием имеет вид вытянутой лошадиной шеи с короткой гривой, резко выступающей, сформованной ребром-защипом. Налепами на шее показана узда с круглыми бляшками (Яблонский, Коляков, 1992, с. 87, рис. 5, 16).

От второго оссуария сохранились лишь небольшие наклепные детали. По мнению авторов раскопок, они представляют остатки антропоморфного статуарного оссуария, а именно — часть лба и прически в виде густых прядей и локонов (Яблонский, Коляков, 1992, с. 87, рис. 5, 20).

Подводя итог, можно отметить, что по сравнению с IV–I вв. до н. э. терракотовая пластика Хорезма в I–IV вв. н. э. претерпевает кризис и теряет былую роль. При сохранении и даже формальном увеличении числа видов изделий терракотовой пластики с 6 в древнехорезмийский период

до 7 — в кушанский мы отмечаем значительное количественное сокращение, а также исчезновение стойких типов. Наконец, немаловажное значение имеет и отсутствие высокохудожественных изделий парадного характера. Все это говорит о стагнации терракотовой пластики как явления материальной культуры, востребованного широкими слоями населения.

В статуэтках, как наиболее распространенных изделиях терракотовой пластики, прослеживаются рудиментарное бытование археологических типов предыдущего времени и появление незначительного числа неустойчивых типов, в которых уже утрачены следы хорезмийской самобытности, отслеживаемые ранее. Если в первых веках н. э. фиксируется появление статуарных оссуариев, то к III–IV вв. н. э. они окончательно исчезают, что видно из анализа материалов оссуарного некрополя Калалы-гыр 1. В это же время исчезают и такие виды изделий терракотовой пластики, как статуэтки, подставки-алтарики, модели, плитки с рельефом, о чем свидетельствует топраккалинский комплекс.

В I–IV вв. н. э. терракотовая пластика Хорезма утрачивает значительную часть наиболее ярких видов изделий, в частности, практически исчезнет терракотовая пластика на керамике (ритоны с протомами, кувшины с львиноголовыми ручками, фляги с рельефом). Сохранившиеся виды изделий не только теряют свою самобытность, но и отражают более сильное влияние сопредельных регионов. Так, в частности, проявится влияние бактрийского региона с его буддийскими образами (в том числе, образом обезьяны).

Важным аспектом является также изменение основного местоположения большинства рассматриваемых изделий. Если в предшествующую эпоху значительная часть их была найдена в храмах и связанных с ними помещениях, то в кушанское время подавляющее большинство находок обнаружено в жилых помещениях. Раскопки ряда храмов кушанского времени не дали практически никакого материала по терракотовой пластике. Такая перемена, на наш взгляд, не может быть отнесена к случайности и, скорее всего, является одним из факторов, свидетельствующих в пользу мнения о серьезной идеологической перестройке хорезмийского общества на рубеже эр (Калалы-гыр 2, 2004, с. 242). Обозначая основную канву развития терракотовой пластики в I вв. н. э. в Хорезме, можно отметить, что, возникнув в IV в. до н. э., она отражала определенный социально-культурный и идеологический запрос на передаваемые ею образы и их семантику. Она была частью значительного культурного явления, отразившегося в храмовой архитектуре, в обрядовой практике, характере материальной культуры древнехорезмийского общества. Отмеченная идеологическая перестройка рубежа эр, связанная с предполагаемой религиозной реформой, вывела терракотовую пластику на периферию общественной жизни, лишив ее былой роли с последующим исчезновением как таковой.

Глава III

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА БАКТРИИ-ТОХАРИСТАНА

III—I вв. до н. э.

На территории Северной Бактрии нам известны всего шесть археологических памятников, где были найдены изделия терракотовой пластики в стратиграфических слоях, относимых авторами к греко-бактрийскому и юэжзийскому времени. К ним относятся: Дальверзин-тепе, Халчаян, Кампыртепа, Старый Термез, Кей-Кобад-Шах, Саксонохур (рис. 129). Отметим, что на всех этих памятниках слои рассматриваемого времени исследованы на небольших площадях, чаще всего в шурфах, вследствие чего археологический материал немногочислен и датируется в основном по керамическим комплексам.

Анализ данных, опубликованных В. Боллом в каталоге археологических памятников, расположенных в левобережной Бактрии на территории современного северного Афганистана, позволил обозначить список тех из них, где есть эллинистические слои (Ball, 1982, t. I, II, fig. 61–63). Из более чем восьмидесяти южнобактрийских памятников, на которых были зафиксированы слои эпохи Селевкидов и Греко-Бактрии, только на шести проводились археологические раскопки (Ай-Ханум, Емши-тепе, Жига-тепе¹, Чакалак-тепе, Шахри-Бану, Шортугай), и на двух проводилось зондирование (Балх, Кундуз Бала Хисар)². Недавно опубликованный список памятников, открытых Советско-Афганской экспедицией на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг., не изменил принципиально ситуацию относительно эллинистических памятников (Кругликова, 2005, с. 369–372).

Терракотовая пластика рассматриваемого времени была обнаружена на двух памятниках — Ай-Ханум и Шортугай. В результате масштабных археологических работ только на Ай-Хануме был получен значительный материал греко-бактрийского периода. Он побудил исследователей к сопоставлению различных бактрийских комплексов с айханумским. Так, вычленению керамических комплексов

айханумского типа на памятниках Северной Бактрии была посвящена работа А. В. Седова (Седов, 1984, с. 171–172). Позднее богатый керамический комплекс греко-бактрийского времени, полученный из шурфа на цитадели Старого Термеза, был сопоставлен с айханумским комплексом Ш. Р. Пидаемым (Пидает, 1991, с. 211–212, 223). В последнее время на базе айханумского керамического комплекса была вычленена раннеэллинистическая керамика Маргианы, входившей в состав Греко-Бактрии (Гаибов, 2004, с. 600–608), а также керамика Согда периодов Афрасиаб II–III (Лионе, 2000, с. 75–80). Ранняя терракотовая пластика Северной Бактрии была сопоставлена с айханумской В. А. Мешкерис (Мешкерис, 1991). В предложенной ею периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана выделен греко-бактрийский комплекс. В него были включены изделия из кости из Ай-Ханума, Халчаяна, Старого Термеза и терракотовые статуэтки из Ай-Ханума и Кампыртепа. Основания для выделения именно этой группы изделий автор находит в единых иконографических истоках передне-восточного эллинизма (Мешкерис, 1991, с. 57–62). Фактического и последовательного вычленения изделий по стратиграфическим данным В. А. Мешкерис не проводилось. Некоторые виды изделий терракотовой пластики Ай-Ханума были рассмотрены К. Абдуллаевым и сопоставлены с северобактрийскими материалами, в основном более позднего времени, также на базе иконографического анализа (Абдуллаев, 1996а, с. 55–65). На основе сравнительного анализа с материалами Ай-Ханума были выявлены терракотовые статуэтки эллинистического периода Маргианы (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 54–64).

Таким образом, терракотовая пластика Бактрии III—I вв. до н. э. в предшествующих работах не анализировалась через призму стратиграфических данных и контекста сопутствующего археологического комплекса.

Анализ археологического контекста на основе полученных за последние 20 лет материалов (Седов, 1984, с. 33–36; Пидает, 1991, с. 210–224; Ртвеладзе, Болелов, 2000, с. 99–104; Гаибов, 2004, с. 600–608) позволил отнести к III—I вв. до н. э. 17 изделий из северобактрийских памятников Дальверзин-тепе³, Халчаяна⁴, Саксонохура⁵, Старого Терме-

³ 1 статуэтка из слоя Дт II б, найденная в доме Дт-2 в шурфе под пом. 9. Слой — Дт II б авторы относят к I в. до н. э. (Тургунов, Пугаченкова, 1978, с. 66–69, илл. 112, 4).

⁴ 3 статуэтки происходят из дворца (Ханака-тепе) из слоя Ш-IV, датируемого автором II—I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1966, с. 42–45, рис. 19; 103, 1; 108; 109); 1 статуэтка из западного дома (Х-2) из слоя III периода, датируемого автором также II—I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1966, с. 92, рис. 103, 3). Анализ керамических комплексов из слоя Ш-IV дворца и из слоя III периода западного дома позволил датировать их временем не ранее I в. до н. э.

⁵ 4 статуэтки из нижнего горизонта керамической мастерской Саксонохура были датированы автором III–II вв. до н. э. (Мухитдинов, 1973а, с. 99–100). Однако керамический комплекс этого горизонта не опубликован, поэтому материал взят на основании датировки М. Х. Мухитдинова.

¹ Название памятника имеет и другое прочтение — Джига-тепе.

² Зондажи, заложенные на территории столицы Бактрии — Балхе — и его цитадели Бала Хисаре, не дали надежно датированных изделий рассматриваемого времени и не были включены в базу данных (Gardin, 1957, p. 54–63).

за⁶, Кампыртепа⁷, 66 изделий из южнобактрийских памятников Ай-Ханума⁸ и Шортугая⁹.

Выборка изделий терракотовой пластики Бактрии греко-бактрийского и юэчжийского периодов, полученная нами по анализу существующей литературы и включенная в базу данных, составила всего 83 предмета. С точки зрения представительности статистической выборки мы имеем объем, близкий к минимально необходимому. Вследствие этого необходимо подчеркнуть, что полученные ниже выводы следует рассматривать как предварительные.

На основе составленной базы данных были статистически обработаны 4 группы показателей.

Группа 1. Показатели функционального назначения

Для Бактрии рассматриваемого времени были выделены следующие самостоятельные изделия терракотовой пластики: статуэтки, плитки с рельефом, маски, протомы и матрицы для их изготовления. Среди несамостоятельных видов: керамика с применением терракотовой пластики (налепы на сосудах); фигурные сосуды, в том числе ритоны и т. д.

Статистический анализ первой группы показателей позволил определить процентное соотношение различных видов изделий III–I вв. до н. э. (диаграмма 18).

Среди изделий самостоятельного значения:

- 1) статуэтки и матрицы для их изготовления — 65%;
- 2) маски (матрицы для их изготовления) — 6%;
- 3) протомы (матрицы для их изготовления) — 1%;

⁶ 2 статуэтки из слоя I, XIV яруса, датируемого авторами греко-бактрийским временем (Козловский, Некрасова, 1976, с. 31).

⁷ 2 статуэтки происходят из цитадели пом. 93, с уровня 4 пола, датируемого автором II в. до н. э.; 1 с цитадели пом. 72, из слоя, датируемого автором III–II вв. до н. э.; 1 статуэтка с цитадели пом. 94, из слоя докушанского времени; 3 статуэтки из цитадели пом. 5, с девятого сверху пола, датируемого II–I вв. до н. э. (Курбанов, 2000, с. 54–55; с. 43; с. 51; с. 60–61).

Материалы Кей-Кобад-Шаха, датированные авторами III–II вв. до н. э. (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 304–305, рис. 12–14), были исключены из вышеприведенного списка как относящиеся к более позднему периоду. Керамический комплекс, сопровождавший изделия терракотовой пластики, неоднороден и содержит в основном формы кушанского периода.

⁸ На основании работ, затрагивающих вопросы хронологии последних периодов постгреческого обживания Ай-Ханума, где было установлено, что эти периоды не выходят за пределы II в. до н. э., материалы Ай-Ханума были взяты целиком (Rapin, 1992; Лионе, 2000, с. 75).

24 изделия происходят из храма с нишами (Francfort, 1984, t. XXVII, p. 39–45, pl. XVI–XVIII, pl. 18, n. 20); 40 изделий происходят со всей остальной территории памятника (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60–65, pl. I, n. 1–2, pl. 19, n. 1–11, pl. 20; pl. XVI, n. 1–13, pl. XVII, n. 1–25; Lyonnet, 1997, MDMAFAC, t. VIII, v. 2, с. 147, pl. IV, 11).

⁹ Две статуэтки происходят из стратиграфического раскопа — шурфа А уровня 7 пом. 1, в IV слое, датированном по стратиграфии эллинистическим (ранним греко-бактрийским) временем. В целом архитектурные приемы, керамический комплекс и набор индивидуальных находок уровня 7 аналогичны айханумским периода последнего слоя (Francfort, Pottier, 1978, p. 34–35, fig. 34, b, c).

4) терракотовые плитки с рельефными изображениями — 3%.

К несамостоятельным видам относится:

5) терракотовая пластика на керамике — 25%; из них 22,6% это налепы на стенках сосудов, фигурные, пластически оформленные ручки сосудов; 2,4% — фигурно оформленные части сосудов — ритоны.

Необходимо отметить, что только на городище Ай-Ханум присутствуют изделия, относимые ко всем пяти видам, а на всех рассматриваемых северобактрийских памятниках представлен только один вид. Здесь важно напомнить, что наиболее ранний эллинистический период представлен в основном изделиями из Ай-Ханума и Шортугая. Изделия северобактрийских памятников относятся за небольшим исключением к I в. до н. э. Характерно, что такие виды, как протомы и маски, не получают в дальнейшем широкого распространения в Средней Азии и нигде, кроме Ай-Ханума, не представлены¹⁰.

Таким образом, анализ видового состава фиксирует в Бактрии III–II вв. до н. э. наличие набора видов изделий, характерного для греческой культуры эпохи эллинизма. Этот набор изменяется в постгреческий период (I в. до н. э.), утрачивается большая часть видов изделий. Остаются статуэтки, которые не только сохраняются, но и эволюционируют в дальнейшем.

Группа 2. Технологическо-параметрические показатели

В Бактрии на рассматриваемый период было зафиксировано использование двух основных технологий: изготовление изделия путем оттискивания изображения при помощи матриц и изготовление ручной лепкой. Помимо этого отмечено комбинирование вышеупомянутых техник.

Статистический анализ показателей технологии изготовления перечисленных видов изделий позволил установить процентное соотношение используемых приемов. Так, 60% изделий изготовлено при помощи оттиска в матрице; 38% изделий изготовлено ручной лепкой; 2% изделий изготовлено в комбинированной технике (диаграмма 19).

Характерно, что такое соотношение в использовании различных технологий будет сохраняться и в последующие хронологические этапы.

Приведенные данные позволяют связывать широкое распространение терракотовой пластики в различных видах изделий на бактрийской земле с появлением новой технологии с применением матриц, позволившей массовое тиражирование произведений изобразительного искусства. Исследователи Ай-Ханума, в частности Г. Р. Франкфор, считают, что новая технология имела революционный характер в решении важнейшей производственной задачи того времени — удовлетворения растущего спроса на зрительные

¹⁰ Исключение составляют вещи, относимые к импорту, в частности керамическая матрица маски из Старой Нисы (Пилипко, 2001, с. 314, p. 223).

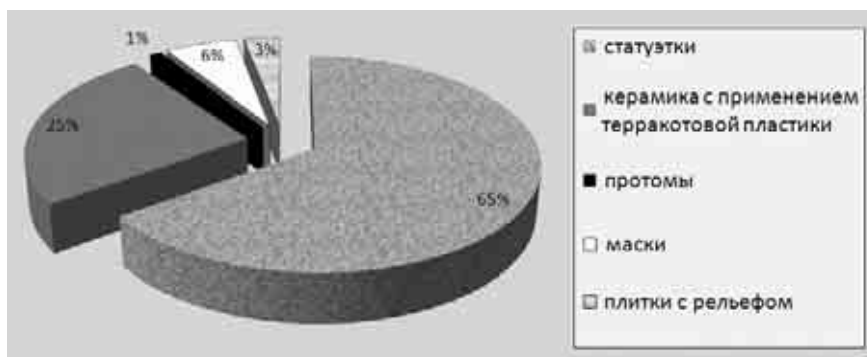

Диаграмма 18. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н. э.

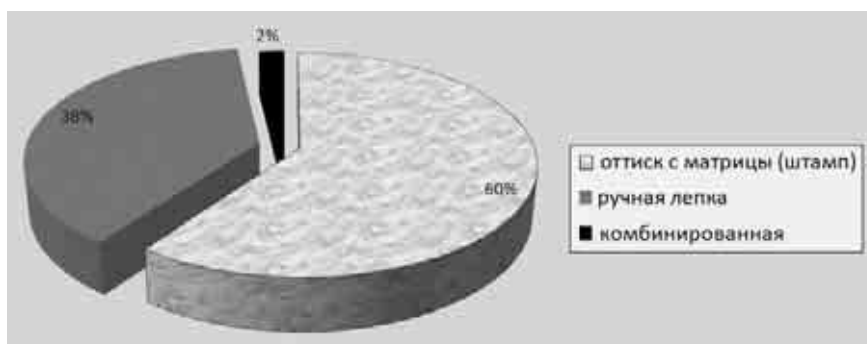

Диаграмма 19. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики (Бактрии III–I вв. до н. э.)

образы. Эта технология была принесена греками, и именно в этот период мелкая пластика в самых разных материалах, и в первую очередь в терракоте, принимает на данной территории невиданный размах (Francfort, 1984, с. 123–124).

Группа 3. Показатели археологического контекста

Статистический анализ показателей археологического контекста позволил установить, что в Бактрии III–I вв. до н. э. терракотовая пластика фиксируется в основном в крупных городских центрах — Ай-Ханум, Дальверзин-тепе, Халчаян, Старый Термез, а также в крепости Кампыртепа, имеющей особое стратегическое значение (расположена у переправы через реку Окс), и в дворцово-храмовом комплексе Саксонохур. На сельских поселениях этого периода терракотовая пластика на сегодня мало-

известна. Исключение составляет сельское поселение эллинистического времени Шортугай.

Большинство рассматриваемых нами бактрийских изделий происходит из стратиграфических слоев и связано с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения (диаграмма 20).

Более 46% изделий обнаружено на территории храмов и в связанных с ними постройках; низок процент находок изделий в жилых домах — 14%; в строениях, связанных с фортификацией, — 6%; в общественных постройках (таких,

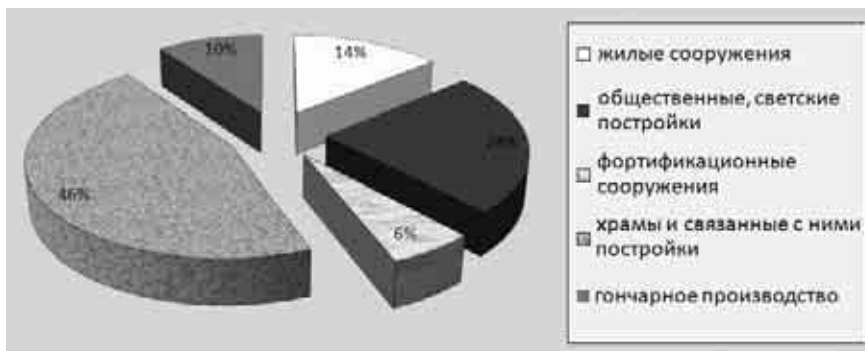

Диаграмма 20. Процентное соотношение мест нахождения терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н. э.

как агора, палестра, гимнасий, бассейн, дворец, театр) — 24%; в месте непосредственного изготовления, гончарных печах, было обнаружено 10%.

Группа 4. Иконографическо-стилистические показатели

Статистический анализ образов, отображенных в различных изделиях терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н. э., показал, что в целом преобладают антропоморфные изображения — 67%, зооморфных — 27%, и, что также показательно, образ всадника представлен всего 6% (диаграмма 21).

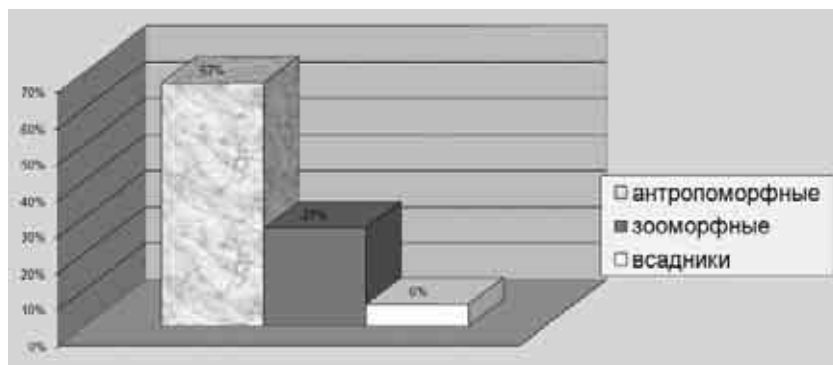

Диаграмма 21. Процентное соотношение изобразительной тематики в терракотовой пластике Бактрии III–I вв. до н. э.

Статуэтки

Наиболее многочисленным видом терракотовых изделий Бактрии III–I вв. до н. э. являются статуэтки. Они составляют 67% (55 экз.) от общего числа всех видов стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики.

Технологическо-параметрические показатели

Статистический анализ технологии изготовления статуэток показал преобладание технологии с применением мат-

риц — 56%; в технологии ручной лепки изготовлено 42%. Необходимо отметить, что уже в эллинистический период появляются единичные изделия, изготовленные методом комбинирования. К ним относятся статуэтки с антропоморфными изображениями, у которых, как правило, оттиском с матрицы изготавливается голова, а ручной лепкой формируется туловище (диаграмма 22).

Интересно отметить как тенденцию, что оттиском с матрицы изготавливаются исключительно антропоморфные статуэтки, тогда как ручной лепкой формируются статуэтки с самыми разными иконографическими образами (антропоморфными, зооморфными, всадники).

Промеры статуэток, значительная часть которых фрагментирована, позволили лишь установить, что высота основной массы антропоморфных статуэток (целых или реконструируемых) не превышает 17 см.

Показатели археологического контекста

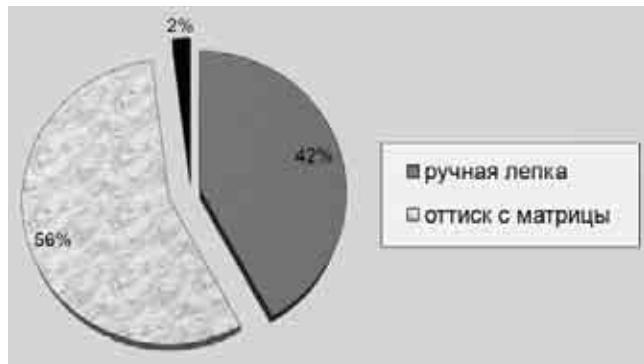
Статистический анализ показателей археологического контекста позволил установить, что в Бактрии III–I вв. до н. э. статуэтки фиксируются в основном в крупных городских центрах — Ай-Ханум, Дальверзин-тепе, Халчаян, Старый Термез, а также в крепости Кампыртепа, в дворцово-храмовом комплексе Саксонохур.

Исключение составляет находка двух статуэток на сельском поселении эллинистического времени Шортугай. Важно подчеркнуть, что проводимые раскопки на сельских памятниках IV–III вв. до н. э. до сих пор не дали нам никаких материалов по терракотовой пластике. В качестве примера можно привести хорошо исследованное поселение Томошотепа (Абдуллаев, 1979).

Подавляющее большинство предметов происходит из городища Ай-Ханум. Характер раскопок этого памятника позволяет проследить взаимосвязь рассматриваемых материалов с конкретными строениями.

До 52% находок статуэток происходит с территорий храмов и связанных с ними построек; всего 19% составляют статуэтки, происходящие с жилой застройки; значительный процент происходит из общественных построек типа театра, гимнасия, палестры и др. — 13%; незначительным количеством представлены находки в сооружениях, связанных с фортификацией, а также найденные на месте их производства. К последним относятся 4 экземпляра, происходящие из гончарных печей греко-бактрийского периода Саксонохура (диаграмма 23).

Диаграмма 22. Процентное соотношение технологии изготовления статуэток Бактрии (III–I вв. до н. э.)

Иконографическо-стилистические показатели

Статистика иконографических образов на первом уровне конкретизации выявила следующее соотношение: подавляющее большинство статуэток несут антропоморфные образы (67%), зооморфных меньше в 2,5 раза, и всего несколькими изделиями представлен образ всадника или оседланного животного (диаграмма 24).

Статистический анализ второго уровня конкретизации выявил среди антропоморфных образов преобладание женских, которые составили 74%, на втором месте мужские — 23%, и всего 3% представлены всадники или оседланные животные.

В рамках поставленной перед нами задачи рассмотрения терракотовых изделий через призму археологического контекста представляется необходимым решение задачи типологизации статуэток. Решению этой задачи будет посвящено отдельное приложение с обоснованием и раскрытием принципов выделения типов и их описанием (Приложение 2).

Среди статуэток удалось выявить три археологических типа (рис. 266). От общего числа неповторяемых антропоморфных статуэток они составляют 42%. Перед нами картина, в которой отразился незначительный процесс стандартизации типов.

Тип I¹¹. Данный тип представлен статуэтками, изображающими женскую фигуру, стоящую с поднятой рукой в драпирующей одежде складками без атрибутов. В рассматриваемый период на территории Бактрии статуэтки типа I представлены одним вариантом.

Тип I. Вариант 1. К нему относятся односторонние статуэтки, подрезанные с тыльной и боковой сторон, передающие стоящий женский образ в одежде, драпирующийся складками (как правило, подпоясанный хитон), без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой. Представлен десятью фрагментированными статуэтками, происходящими с двух южнобактрийских памятников: Ай-Ханум (9 экз.) и Шортугай (1 экз.), что составляет 28% от общего числа антропоморфных статуэток (рис. 130–133, 268, табл. 14/1–3, 18–23, 51). Так как нет ни одного целого образца, нами не были выделены варианты, имеющие некоторые различия в иконографии (детали костюма: подпоясанный кушаком или без него, с нашивками на поясе или без них, а также разница в положении рук). Однако из имеющихся фрагментов можно реконструировать приблизительные размеры

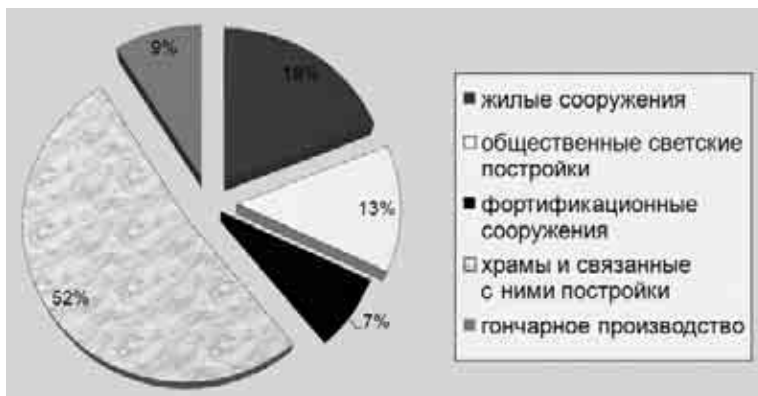

Диаграмма 23. Процентное соотношение мест нахождения статуэток Бактрии (III–I вв. до н. э.)

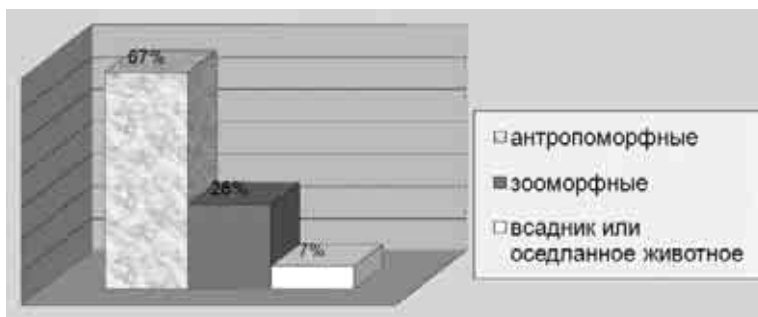

Диаграмма 24. Процентное соотношение основных иконографических образов статуэток Бактрии (III–I вв. до н. э.)

статуэток этого типа и иконографический образ. Реконструируемая высота статуэток не более 17 см (рис. 130). Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с матрицы. Изделий, изготовленных в одной матрице, не наблюдается.

При анализе археологического контекста нахождения образцов рассматриваемого типа принципиально важным представляется, что он не ограничен рамками одного памятника. Три из десяти рассматриваемых статуэток были найдены у алтаря «храма с уступами», три — в жилых постройках, две на территории дворца, одна в фортификационных сооружениях, т. е. мы не имеем жесткой привязки к какому-либо одному типу сооружений.

Характерной чертой бактрийских статуэток варианта 1 типа I является эллинизированный стиль (рис. 131, 1).

Хронологические рамки рассматриваемых статуэток типа I не выходят за пределы III–II вв. до н. э. Территориальные рамки ограничены пределами Юго-Восточной Бактрии (Ай-Ханум, Шортугай).

Тип II. Вариант 1. Вариант представлен статуэткой, изображающей сидящую на некотором возвышении женщину в драпирующихся одеждах с ромбовидным предметом

¹¹ Развернутое описание типов дано в Приложении 2.

в левой опущенной руке и сосудом в правой согнутой руке (1 экз.) (рис. 134, 268, табл. 14/26). Изображение выполнено в эллинизированном стиле, оттиском с матрицы, происходит из Ай-Ханума (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61/p (1132), pl. XVI, 11). Иконография этого образа, возможно, восходит к иконографии таких богинь, как Деметра, Кибела (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 62). Наибольшее развитие данный тип получит в кушанское время.

Тип III. К этому типу отнесены односторонние статуэтки, подрезанные с тыльной и боковых сторон, передающие стоящую обнаженную женскую фигуру с опущенными вдоль туловища и прижатыми к нему руками. Он представлен пятью статуэтками (одной целой и четырьмя фрагментированными) (рис. 135, 268; табл. 14/30, 41, 43, 47, 48). Терракоты этого типа происходят из Кампыртепа, Халчаяна, а также из Ай-Ханума.

Все статуэтки изготовлены оттиском с односторонней матрицы. Высота целой статуэтки 16,8 см.

Статуэтки происходят из трех разных памятников, территориально далеко отстоящих друг от друга, с небольшой крепости на переправе (Кампыртепа), с городского центра (Халчаян), а также из крупного города Ай-Ханум. Две статуэтки из Кампыртепа происходят из прихрамовых построек (Курбанов, 2000, с. 60–61); одна халчаянская статуэтка найдена в жилой застройке, вторая — из шурфа, заложенного в здании дворца.

Изображения выполнены в эллинизированном стиле.

Хронологические рамки рассматриваемого типа не выходят за пределы II–I вв. до н. э.

Остальные статуэтки не дают нам устойчивых археологических типов или серий и представлены индивидуальными образцами¹².

Индивидуальные статуэтки

К ним относятся шесть статуэток с женскими образами:

— стоящая в драпирующихся одеждах с инвестирующими кольцами в обеих руках (1 экз.), происходит из Ай-Ха-

нума, выполнена в автохтонном стиле, оттиском с матрицы (рис. 138, 2, табл. 14/24) (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60–61/p (1130), pl. XVI, 8). Наличие столь характерного атрибута, как инвестирующее кольцо, и широкое распространение иконографического образа Ники в культуре эллинистической Бактрии (селевкидские монеты — драхма и халки Антиоха I, греко-бактрийские — драхма Гелиокла; серебряный диск из Ай-Ханума с изображением Кибелы и Ники на колеснице и др.) позволяет предположить, что на рассматриваемой статуэтке мы видим ее иконографический образ.

— стоящая в драпирующейся складками одежде с правой рукой у груди, выглядывающей из-под драпировки (1 экз.), происходит из Дальверзин-тепе, выполнена в автохтонном стиле, датируется I в. до н. э. (рис. 138, 5, табл. 14/46) (Пугаченкова, Тургунов 1978, с. 67, 69/табл. 112, 4; Древности Южного Узбекистана, № 79, с. 267). Нельзя не отметить, что эта статуэтка по иконографии изображения близка варианту 1 типа II хорезмийских статуэток (рис. 3).

— стоящая обнаженная с правой рукой у груди (1 экз.), происходит из Ай-Ханума, выполнена в автохтонном стиле, оттиском с матрицы (рис. 138, 1, табл. 14/25) (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61/p (1131), pl. XVI, 7. pl. 19, 5).

— шествующая в драпирующихся одеждах с копьем (1 экз.), представлена фрагментом матрицы, происходит из Кампыртепа. Выполнена в эллинистическом стиле (рис. 137, 4, табл. 14/53), довольно убедительно интерпретируется как Афина и датируется III–II вв. до н. э. (Курбанов, 2000, с. 43/нет; Древности Южного Узбекистана, № 177, с. 289, 290).

— стоящая женская статуэтка в драпирующихся одеждах с венком и сосудом в руках (1 экз.), происходит из гончарного производственного комплекса Саксонохура, выполнена в автохтонном стиле, оттиском с матрицы. Датируется греко-бактрийским временем (Мухитдинов, 1973а, с. 99–100).

Статуэтки с мужскими образами не дали ни одного устойчивого типа, повторяющегося в сериях. Каждое изделие — отдельный тип, всего их восемь. Среди них четко выделяются как местные образы, так и греческие.

— фрагмент статуэтки в виде головы мужчины в головном уборе типа петаса, выполненной в эллинистическом стиле, происходит из Кампыртепа, датируется III–II вв. до н. э. Высота фрагмента 3,7 см (рис. 137, 3, табл. 14/40). Голова изготовлена оттиском с матрицы в высоком трехчетвертном рельефе. Образ интерпретируется как голова правителя (Курбанов, 2000, с. 54–55/нет; Древности Южного Узбекистана, № 174, с. 289).

— стоящий мужской персонаж в головном уборе с наушами. Лицо оттиснуто при помощи матрицы, туловище сформовано ручной лепкой. Высота статуэтки 10,5 см (рис. 137, 1, табл. 14/42). Лицо выполнено в эллинистическом стиле, передает образ бородастого, усатого мужчины греческого типа. Туловище столбообразное, практически круглообъемно, с непропорционально короткими руками.

¹² Необходимыми для выделения археологического типа показателями обладают три статуэтки с образом стоящей женской фигуры в одежде с зеркалом в руках. Статуэтки выполнены в автохтонном стиле. Передают строго фронтальный женский образ в длинном, до пят, расширяющемся книзу платье, с условной передачей драпировок в виде вертикальных, расходящихся от талии линий и косых мелких насечек между ними (рис. 136). Все они происходят из отвала гончарной печи городища Саксонохур, относимого автором раскопок к греко-бактрийскому времени. Керамический комплекс, с которым были обнаружены статуэтки, не был опубликован, и мы не имеем возможности соотнести его с современными данными по керамическим комплексам греко-бактрийского периода. Датировка статуэток основана на мнении автора раскопок Х. Мухитдинова. На основании вышесказанного выделение данной серии статуэток в отдельный тип в рамках греко-бактрийского периода затруднительно. Отдельно хотелось бы добавить, что сами саксонохурские статуэтки довольно сильно выбиваются как по иконографии, так и по стилистическим особенностям. Обращает на себя внимание технологическая грубость модели, с которой изготавливалась матрица.

Резьбой по сырой глине нанесены вертикальные линии, передающие условно складки одежды. Происходит из Кампыртепа, датируется II—I вв. до н. э. (Курбанов, 2000, с. 60–61/нет; Древности Южного Узбекистана, № 180, с. 290).

— матрица для изготовления мужской головы, выполненной в эллинизированном стиле, происходит с Кампыртепа (рис. 137, 2, табл. 14/54). Датируется концом II — I в. до н. э. (Курбанов, 2000, с. 51/нет; Древности Южного Узбекистана, № 178, с. 290). Матрица крупная, высотой 6 см, изготовлена оттиском с модели или патицы.

— фрагмент статуэтки в виде головы усатого мужчины в тюрбане, выполнена оттиском матрицы (табл. 14/4) (Francfort, 1984, p. 15 (0,2231), pl. XVI, 15). Высота сохранившегося фрагмента 2,2 см. Происходит из «храма с уступами» Ай-Ханума и датируется III–II вв. до н. э. Примечательно, что статуэтка передает облик местного мужчины.

— фрагмент статуэтки бородатого мужчины в головном уборе, выполнен оттиском с матрицы в автохтонном стиле и передает облик местного мужчины. Высота сохранившегося фрагмента 8,5 см (рис. 138, 4, табл. 14/29). Происходит из Ай-Ханума и датируется III–II вв. до н. э.

— фрагмент статуэтки в виде головы молодого мужчины, выполнена оттиском с матрицы, с последующей раскраской волос и глаз черной краской (рис. 139, 1, табл. 14/16). Высота сохранившегося фрагмента 7 см. Происходит из «храма с уступами» Ай-Ханума и датируется III–II вв. до н. э. Г. Франкфор видит в этой статуэтке облик Аттиса.

— фрагмент статуэтки в виде головы с мужским лицом без бороды и усов с рельефной челкой, выполненной оттиском с матрицы в эллинизированном стиле (рис. 139, 3, табл. 14/32) Высота сохранившегося фрагмента 6,6 см. Происходит с Ай-Ханума, датируется III–II вв. до н. э.

— фрагмент статуэтки в виде головы с мужским лицом без бороды и усов в невысоком головном уборе (рис. 139, 2, табл. 14/31). Статуэтка выполнена оттиском с матрицы в автохтонном стиле, высота сохранившейся части 6,5 см. Происходит из Ай-Ханума и датируется III–II вв. до н. э.

Из предыдущего описания видно разнообразие мужских образов. На пяти фрагментированных изделиях (сохранились только головы) представлен образ молодых безусых и безбородых мужчин греческого облика. Все они имеют относительно большую высоту — от 3,7 до 7 см. Такой размер головы, а также эллинистический и эллинизированный стили исполнения, предполагающие сохранение реалистичных пропорций (при соотношении высоты головы к высоте всей фигуры как 1 к 7,5–8) позволяют реконструкцию высоты этих статуэток от 28 см до полуметра. При сравнении с высотой целой мужской статуэтки в 11,5 см очевидна существенная разница, которая, вероятно, отражает и смысловое различие этих изделий.

Статуэтки всадников или оседланных животных немногочисленны и происходят с территории Ай-Ханума. Они представлены всего одним фрагментированным торсом животного, на спине которого прикреплена нижняя часть всадника

(?) (нижняя часть фигурки в длинном платье, обе ноги по одну сторону корпуса животного) (рис. 140, 3, табл. 14/33); одной фигуркой представлен лепной от руки всадник с широко расставленными в стороны ножками (рис. 140, 2, табл. 14/5); фрагментом статуэтки представлено седло с высокими луками, которое Г. Франкфор интерпретирует как относящееся к снаряжению катафрактария (Francfort, 1984, p. 40, pl. XVI, p. 9) (рис. 141, 3, табл. 14/11). Датируются эти статуэтки III–II вв. до н. э.

Среди статуэток с зооморфными образами не зафиксировано ни одного устойчивого типа. К числу повторяемых относится только изображение лошади (3 экз.), все остальные статуэтки индивидуальны и передают разные виды животных. Всего их 19 (рис. 141–143). Представлены животные как местной фауны (собака, бык, лошадь, баран, птица), так и с отдаленных территорий (слон, обезьяна). Хронологические и территориальные рамки бытования зооморфных статуэток ограничены временем существования Ай-Ханума и поздним эллинистическим периодом поселения Шортугай. Позднее они получают более широкое распространение на всей территории Бактрии.

Завершая рассмотрение статуэток Бактрии эллинистического периода, необходимо вновь обратиться к концепции «бактрийской богини», которая сохраняла свою актуальность практически до конца XX в. Сформулирована она была в 1966 г. и повторяла основные положения выдвинутой ранее концепции «маргианской богини» (Пугаченкова, 1959, 1966). В первую очередь это тезис о «глубоких корнях», восходящих к временам матриархата, образа обнаженной богини и его последовательной эволюции вплоть до времени рабовладельческих государств. К древнейшим статуэткам, отражающим образ богини-матери, Г. А. Пугаченкова отнесла костяную подвеску из Халчаяна, обнаруженную в районе Кой-Турабек-тепа в подвеме. По иконографии и стилю подвеска была датирована автором VI–V вв. до н. э. Позднее аналогичные статуэтки были обнаружены в слоях, археологически датированных III–II вв. до н. э. Д. В. Русанов обобщил новые данные по этой группе изделий и пришел к выводу о необходимости омолодить датировку ранее обнаруженных и опубликованных статуэток (Русанов, 1992, с. 128–129). Таким образом, гипотеза Г. А. Пугаченковой лишается начального звена, утверждавшего факт промежуточного существования (между эпохой бронзы и эллинистическим периодом) женских статуэток, предположительно исполнявшихся из иных, менее сохраняемых, чем терракота, материалов¹³. Анализ бактрийской пластики III–I вв. до

¹³ Четыре аналогичных костяных статуэтки с изображением нагой богини происходят с крупных городищ и крепости: Халчаяна, Ай-Ханума, Старого Термеза, Кампыртепа. Причем статуэтка из Кампыртепа была обнаружена с обломом Евкратиды. В целом же эта группа изделий датируется III–II вв. до н. э. В стиле рассматриваемых статуэток Д. В. Русанов наряду с эллинистическим влиянием не отрицает возможность влияния месопотамского прототипа. Важно подчеркнуть, что все упомянутые статуэтки являлись подвесками, так как

н. э. позволяет считать, что в рассмотренном выше примере отражается не преемственность в развитии традиции со II тыс. до н. э., а начало формирования самостоятельного явления материальной культуры — мелкой пластики, которая на ранней стадии в значительной мере использовала самые различные материалы, в том числе кость, дерево, металл. С утверждением же новой технологии — оттиска с матрицы — терракота практически вытесняет материалы, не позволяющие дешевое и массовое исполнение.

В концепции «бактрийской богини», помимо преемственности, важен также тезис о переднеазиатских корнях иконографии женских образов среднеазиатских терракотовых статуэток со строго фронтальным изображением в «неподвижных позах». Позднее этот тезис будет поддержан рядом исследователей, в том числе с опорой на материалы Хорезма, Бактрии (Воробьева, 1967а, с. 176; Мешкерис, 1991, с. 57). Нельзя не согласиться с мнением М. Г. Воробьевой, которая выявила в древнехорезмийских женских статуэтках использование общей схемы греческой иконографии отдельных групп терракот VI–V вв. до н. э., одновременно подчеркнув, что и греческие, и древнехорезмийские изображения восходят к каким-то общим, бесспорно восточным (переднеазиатским) образцам.

Однако для Бактрии нами установлена связь возрождения терракотовой пластики с приходом греческих колонизаторов. Генезис и развитие этого вида материальной культуры в Бактрии заставляет иначе взглянуть на вопрос переднеазиатского влияния. Очевидно, оно было не прямым, а лишь опосредованным, и оказывалось на собственно греческую пластику.

Сравнение бактрийской пластики с материалами Хорезма выявило разницу не только в характере (набор видов изделий, иконографические типы, стиль), но и во времени широкого распространения терракотовой пластики как явления в этих регионах. Это не только вскрывает очевидную разницу генезиса, но и позволяет говорить о принципиальных отличиях во взаимодействии с древнейшими коропластическими центрами Востока, в том числе переднеазиатскими.

Выстраивая на материалах Бактрии характерную эволюционную цепь женских образов, Г. А. Пугаченкова к ранним изделиям (III–II вв. до н. э.) относит тип обнаженной женской фигуры с вытянутыми вдоль туловища руками (находка во дворце Халчаяна). Позднее возникает тип обнаженной богини с опоясками (по мнению Г. А. Пугаченковой, он относится ко времени не ранее I в. до н. э.). Рождается тезис о характерном для всей Средней Азии «процессе облачения фигурок богинь сначала в эллинизированные одежды, а затем в одежды местного покроя» с I в. до н. э. и особенно в первых веках н. э. На основании вышеприведенного исследования можно констатировать, что это положение не под-

тверждается ни для территории Бактрии, ни для соседних регионов, так как везде мы отмечаем одновременное существование как статуэток с иконографическим образом обнаженных, так и статуэток с образами облаченных в одеяния женских персонажей. Таким образом, учитывая вышесказанное, на сегодня представляется возможным снятие основных положений концепции Г. А. Пугаченковой о «бактрийской богине».

Керамика с применением терракотовой пластики

Керамика с применением терракотовой пластики на территории Бактрии III–I вв. до н. э. довольно малочисленна. Представлена всего 21 изделием, но, тем не менее, составляет 25% от общего числа. Все отобранные предметы происходят с одного памятника — Ай-Ханума. Выделяются налпы на сосудах (на дне, на ручке, с внешней стороны под венчиком) (19 экз.) (рис. 144–149, табл. 15/1–19) и ритоны с зооморфным завершением слива (2 экз.) (рис. 150, табл. 15/20, 21).

Технологическо-параметрические показатели

Терракотовая пластика на керамике изготавливается методом оттиска с матрицы с последующей ручной доработкой и прикреплением к сосуду (таких изделий большинство), а также методом ручной лепки с последующим прикреплением к сосуду (диаграмма 25).

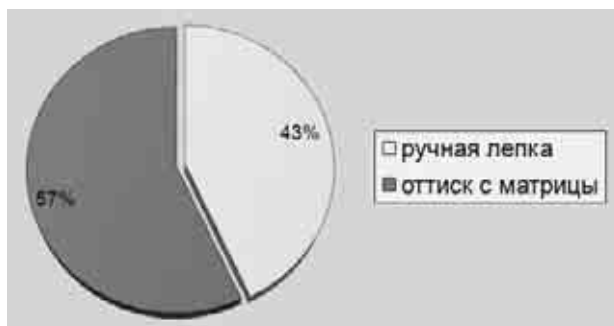

Диаграмма 25. Процентное соотношение технологии изготовления терракотовой пластики на керамике Бактрии (III–I вв. до н. э.)

Показатели археологического контекста

Как уже упоминалось выше, все изделия терракотовой пластики на керамике происходят с территории одного города. Характерно, что в отличие от статуэток терракотовая пластика на керамике не встречается в храмах и связанных с ними постройках. Подавляющее большинство изделий происходит из построек общественного, светского характера (гимнасий, палестра, театр и др.). На втором месте фортификационные

имели сквозные отверстия, что, в свою очередь, проливает свет на их вероятное функциональное назначение — талисманов-амулетов (Русанов, 1992, с. 128–129).

сооружения, и, наконец, в жилых постройках встречено всего 7% изделий (диаграмма 26). Однако малочисленность рассматриваемой серии требует осторожности в заключениях о смысловом назначении изделий, так как оно лишь косвенно отражено в назначении мест их расположения.

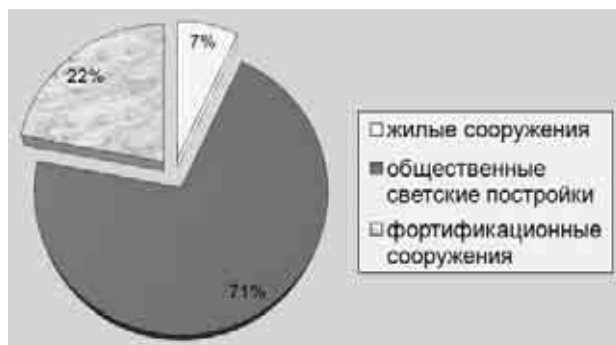

Диаграмма 26. Процентное соотношение мест нахождения керамики с применением терракотовой пластики в Бактрии (III–I вв. до н. э.)

Иконографическо-стилистические показатели

Анализ основных иконографических образов на первом уровне конкретизации позволил установить преобладание антропоморфных образов над зооморфными (диаграмма 27). Характерно, что все антропоморфные образы изготовлены техникой оттиска с матрицы, тогда как в изготовлении зооморфных использовались обе технологии. В рамках антропоморфных образов женские преобладают над мужскими в соотношении 4 : 1. Среди зооморфных образов представлены верблюд, утка, лев, собака, слон. Последние два оформляли фигурные завершения однорогих ритонов. Значительная часть антропоморфных налепов выполнена в эллинистическом стиле и традиционна для греческого керамического комплекса рассматриваемой эпохи

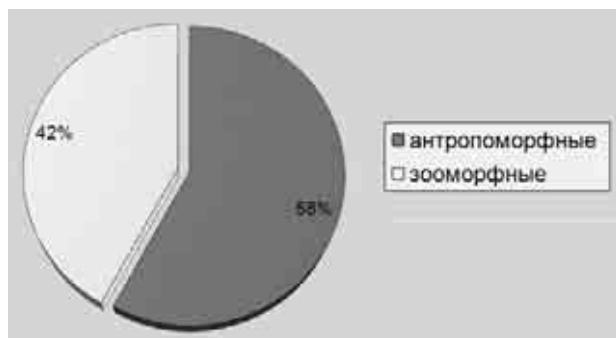

Диаграмма 27. Процентное соотношение иконографических образов в керамике с применением терракотовой пластики в Бактрии (III–I вв. до н. э.)

(Retroff, 1997, pl. 36, 37, 45, 103, 106, 141). Терракотовая пластика на керамике Бактрии имеет ряд специфических черт, которые принципиально отличают ее от аналогичных изделий, известных на территории Хорезма. К этим чертам относятся следующие: антропоморфные налепы на дне открытых сосудов для питья (чаш); налепы на ручках сосудов в виде женских протом на фоне ионической архитектурной детали, обращенных лицами в сторону от устья сосуда, так же как налепы на ручках или сами зооморфные ручки.

Плитки с рельефом

Представлены всего двумя изделиями, которые были обнаружены в Ай-Хануме.

Одна плитка происходит из «храма с уступами» и несет поясное изображение персонажа, глубоко расположенного под округлой аркой с широким округлым и гладким бордюром (рис. 155, 1, табл. 18/1). Перед нами, вероятнее всего, женский образ, выполненный в автохтонном стиле в хитоне с округлым воротом и расходящимися от него вертикальными складками. Положение рук неясно. Лицо вытянутых пропорций, на голове высокий головной убор. Плитка выполнена оттиском с матрицы. Сохранившаяся высота 8 см.

Вторая плитка представлена фрагментом (рис. 155, 2, табл. 18/2). Она также изготовлена оттиском с матрицы и сохранилась высотой в 4,5 см. Плитка несет изображение стоящей женской фигуры в одежде со складками с приподнятой к груди правой рукой и опущенной левой. Выполнена в эллинизированном стиле (Lyonnet, 1997, с. 147, pl. IV, 11). Возможно, перед нами изображен тот же иконографический тип, что мы могли наблюдать на статуэтках типа I (см. Приложение 2).

Маски

Отдельным видом изделий терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н. э. являются терракотовые театральные маски. Все они происходят с Ай-Ханума. Нами рассматриваются одна готовая и четыре матрицы.

Все изделия фрагментированы. Тем не менее установлено, что они изготовлены при помощи оттиска с модели или матрицы. Четыре матрицы были найдены в «храме с уступами» (рис. 151–153, табл. 16/1–5) (Francfort, 1984, р. 43–44/n 8 (0,707), pl. XVIII, 7, 10), одна была найдена в пропилеях героона. По месту нахождения исследователи напрямую связывают эти маски с постановкой религиозных драм. Все маски передают мужские образы, выполненные в подчеркнуто экспрессивной манере, характерной для этого вида изделий. Г. Франкфор интерпретирует их как маски новой комедии (тип — «отец») (Francfort, 1984, р. 43.) Находка масок на территории Бактрии — свидетельство вживания в ее культуру чисто греческих элементов, которым, однако, не суждено было прижиться. Хроно-

логические и территориальные рамки этого вида изделий ограничены пределами и временными рамками бытования города Ай-Ханум.

Протомы

Всего одним изделием представлен такой вид терракотовой пластики, как протомы. Мы располагаем матрицей, происходящей из Ай-Ханума, предназначенной для тиражирования высокохудожественного образа «эллинистической богини» (рис. 154, 1, табл. 17/1).

Протома была обнаружена в «храме с уступами», у алтаря (Francfort, 1984, MDAFA, t. XXVII, 45–46/n 20 (0,2250), pl. 18, 20; pl. XVII, 20). Она изготовлена оттиском с очень качественной и, возможно, только изготовленной (несработанной) модели или патрицы. Иконография образа характерна для эпохи эллинизма и передает женский образ с типичным, тонкой моделировкой, идеализированным лицом. Прическа в виде уложенных вокруг лица выющихся локонов, поверх которых наброшено покрывало, концы которого спускаются и прикрывают плечи. Богиня одета в хитон. Г. Франкфор отмечает близость этого образа к Деметре Книдской. Характер прически позволяет датировать изделие III в. до н. э., периодом, предшествующим господству Евтидема (Francfort, 1984, MDAFA, t. XXVII, 46). Так же как и маски, протома имеет, безусловно, привнесенный эллинистический характер. Как самостоятельный по функциональному назначению вид изделий терракотовой пластики протома не получила в Бактрии дальнейшего развития.

В заключение остановимся на основных выводах, сделанных при изучении терракотовой пластики Бактрии в эллинистический период. Напомним, что анализ велся на основе археологически датированных изделий, подавляющая часть которых происходит с греческого города Ай-Ханум. Превалирующее количество изделий из греческого города объясняет специфику рассматриваемого комплекса и в то же время ярко иллюстрирует нам начальный этап зарождения терракотовой пластики как явления материальной культуры в Бактрии. Анализ материалов с семи бактрийских памятников позволяет напрямую связывать возрождение терракотовой пластики в регионе с событиями, последовавшими за походом Александра Македонского, в частности с колонизационной деятельностью греческих поселенцев.

Наиболее ранний айханумский комплекс (датируется III–II вв. до н. э.) представляет нам 5 видов изделий терракотовой пластики разного функционального назначения: статуэтки, терракотовая пластика на керамике, плитки с рельефом, театральные маски, протомы. На всех остальных бактрийских памятниках рассматриваемого периода известен лишь один вид — статуэтки, основная часть которых датируется II–I вв. до н. э. (Кампыртепа, Шортугай, Дальверзин-тепе, Старый Термез, Халчаян, Саксонохур). Видовой состав, характерный для Бактрии III–I вв. до н. э., в целом

соответствует таковому для греческих городов (Rotroff, 1997; Борисова, 1966, с. 13–16, табл. 7–10).

Характерно, что изделия айханумского комплекса изготовлены в двух техниках: оттиском с матрицы и ручной лепкой, с преобладанием первой. Это в целом соответствует мнению Г. Франкфора о привнесении на местную почву прежде всего новой технологии изготовления терракотовой пластики. Однако мы видим, что в сравнении с материковой Грецией и городами Причерноморья процент изделий, изготовленных ручной лепкой, в Бактрии значительно выше.

В контексте вышесказанного интересно отметить, что доминируют изделия, выполненные в эллинистическом и эллинизированном стилях, однако до трети изделий изготовлены в автохтонном ориентальном стиле. Появление в III–II вв. до н. э. трех разнообразных стилей (без учета примитивного, продиктованного технологией изготовления) свидетельствует об интенсивной переработке привнесенной изобразительной традиции и рождении новых изобразительных канонов и приемов, более соответствующих идеологическим запросам бактрийцев. Это же подтверждают материалы с остальных 5 памятников, где как исключения отмечаются изделия, передающие чисто греческие образы явно привнесенного характера, выполненные в эллинистическом стиле (Афина с копьем или «голова в петасе» с Кампыртепа), а преобладают изделия, выполненные в эллинизированном и автохтонном стилях. Интересно отметить, что эллинистический стиль фиксируется на таких видах терракотовой пластики, которые могли использоваться непосредственно греческими поселенцами города Ай-Ханум. К ним относятся театральные маски, протомы, украшенная налестками керамическая посуда. Для статуэток Ай-Ханума эллинистический стиль не характерен.

Важно обратить внимание на характер используемых иконографических образов на различных видах изделий терракотовой пластики, а также других видах изобразительных источников (монеты, торовтика и др.). Так, основным иконографическим образом среди статуэток является изображение женского персонажа. На основе анализа всех групп показателей среди статуэток Бактрии удалось выявить два устойчивых археологических типа, описанных выше. К ним относятся изображение женщины, стоящей без атрибутов в одежде греческого типа, и обнаженная «богиня», которые обладают самобытностью и выполнены в эллинизированном и автохтонном стилях. Г. Франкфор, приводя в качестве аналогий иконографическому образу статуэток типа I образцы северобактрийских терракот кушанского времени, не посчитал возможным использовать интерпретации советских археологов, связывающих данный иконографический образ с Анахитой и Ордохшо. Также у него вызывало сомнение отнесение этих статуэток к образу «маргианской богини» (Francfort, 1984, p. 40–41). Позднее К. Абдуллаев связал данную иконографию с образом богини Кибелы (Абдуллаев, 1997). В свою очередь отметим, что мнение К. Абдуллаева наиболее убедительно, однако уверенное отнесение

иконографии, отраженной на статуэтках типа I, к образу Кибелы без характерных атрибутов этой богини, таких как львы, башнеобразная корона или колесница, на наш взгляд, не может быть окончательным.

Иконографический образ статуэток типа III находит близкие параллели в месопотамской коропластике и совершенно не характерен для эллинистической иконографии. При этом нужно отметить, что статуэтки этого типа выполнены преимущественно в автохтонном стиле.

Среди статуэток и плиток, представленных единичными экземплярами, также отмечаются изображения Афины, Ники, Аттиса и др. В терракотовой пластике на керамике представлена иконография Афины, Кибелы, Медузы Горгоны, Аполлона и, возможно, Тюхе. Иконография на протоме и театральных масках отражает эллинистическую моду и находит аналогии в широком круге греческих городов (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, табл. CXVIII, 8, 11, 7; CXXII, 11).

Среди монет селевкидского и греко-бактрийского времени, имевших хождение в Бактрии, наиболее часто представлена иконография Геракла, Зевса, Диоскуров, Посейдона и в редких случаях Афины, Ники. Таким образом, можно отметить, что если на монетном чекане греко-бактрийских царей доминирующими являются греческие боги и герои, то в повторяемых типах терракотовой пластики (в отличие от индивидуальных образов) и в костяных статуэтках доминируют изображения богинь, которые не связаны с классическим греческим пантеоном. Вероятно, в них отразился сложный процесс появления на базе старых «бактрийских» образов новых эллинистических богов, наделенных не только новым содержанием, но и новой иконографией синкретического характера. Также не исключено, что статуэтки типа III могли отражать образы зороастрийского круга (Пугаченкова, 1966).

Приведенная выше статистическая информация о распределении отдельных видов терракотовой пластики в различных по функциональному назначению постройках позволяет сделать следующие выводы. Антропоморфные и зооморфные статуэтки находятся как в храмовых комплексах, так и в общественных постройках и жилых домах. В данном случае местонахождение статуэток не позволяет нам надежно связывать их с каким-либо узким спектром применения. Тем не менее корреляция между местонахождением отдельных групп находок позволяет сделать ряд заключений. Для греческих полисов характерна традиция принесения терракотовых статуэток в качестве дешевого вотива в храмы (Кобылина, 1961; Денисова, 1981). Помимо статуэток в качестве вотива могли выступать различные предметы — от драгоценной утвари до простых алтариков. В «храме с уступами» на Ай-Хануме Г. Франкфор представил топографию находок, по которой легко выделяется комплекс помещений в восточной части храма с обилием каменных алтариков, насчитывающих свыше 70 экземпляров. Такая концентрация этих предметов в отдельных комнатах не может быть объяснена иначе как хранением вотивных под-

ношений горожан. В этом же секторе было обнаружено 4 статуэтки с различными зооморфными и антропоморфными образами, что не исключает вероятности их вотивного характера, как, впрочем, и остальных статуэток, расположенных в других частях храма. Помимо вотивного назначения статуэтки в эллинской традиции выполняли функцию украшения дома, а также использовались в качестве погребального инвентаря (Кобылина, 1961, с. 13–14; Денисова, 1981, с. 3). Возможно, часть статуэток, в частности зооморфных, могла выполнять функцию игрушек. Некоторые типы могли иметь иное смысловое значение, не связанное с греческой традицией. Не исключено, что к таковым могли относиться северобактрийские статуэтки II–I вв. до н. э.

Отсутствие керамики с применением терракотовой пластики в храмах и расположение ее в основном в общественных сооружениях и в малой степени в жилой застройке косвенно свидетельствуют не о религиозном, а скорее о парадном характере этой утвари. Тем не менее ряд сосудов несет изображения богинь в башнеобразных коронах, а также в высоких калафах (атрибуты богинь Кибелы и Тюхе). Для греческой традиции изображение богов и героев на парадной посуде — явление широко известное и, конечно, не свидетельствующее в пользу его культового характера (при этом не снимается религиозный или мистический контекст изображений или налепов).

Таким образом, появление различных видов терракотовой пластики в III в. до н. э. связано с эллинской культурной и технологическими инновациями. Неся в себе генетическую связь с традициями и сферами применения терракотовой пластики материковой Греции, терракотовая пластика Бактрии фактически занимала ту же специфическую функциональную нишу в III–II вв. до н. э. Мы видим пять видов изделий терракотовой пластики, которые применяются в общественной (театр, мистерии, украшение помещений), частной (парадная посуда, статуэтки, игрушки) и культово-религиозной (вотивные подношения, статуэтки с изображениями богов-покровителей?) жизни. На протяжении III–I вв. до н. э. можно заметить, как переосмысляются и используются в рамках культурных и идеологических запросов местного населения привнесенные традиции, перерабатываются новые иконографические образы. С гибелью греческого города исчезают и чисто греческие виды терракотовой пластики (маски и протомы), в том числе традиционно греческие способы украшения ею посуды.

I–IV вв. н. э.

На территории Бактрии нам известны 20 археологических памятников, где были найдены изделия терракотовой пластики в стратиграфических слоях, относимых авторами к кушанскому времени (к ним относятся 479 предметов): Айртам (7 экз.) (табл. 19/109–115; табл. 23/11), Аккурган

(19 экз.) (табл. 19/72–82; табл. 20/18–22, 25, 94, 95; табл. 21/4), Джига-тепе (15 экз.) (табл. 19/11, 266, 267; табл. 20/68–75, 105; табл. 22/1–3; табл. 23/6), Дильберджин (88 экз.) (табл. 19/83, 181–226, 306–325; табл. 20/4, 23, 26, 28, 56–63, 78, 93; табл. 21/13–17; табл. 23/8, 9), Дальверзин-тепе (35 экз.) (табл. 19/3, 84–108, 268, 269; табл. 20/27, 30, 31; табл. 23/2–5), Зартепа (103 экз.) (табл. 19/120–157, 285–305; табл. 20/35–51, 53, 70, 84–92, 96–104; табл. 21/6–11; табл. 23/10), Кара-тепе (9 экз.) (табл. 19/179, 180, 347; табл. 20/29, 32, 52, 55, 66, 77), Кей-Кобад-Шах (8 экз.) (табл. 19/326–329, 334–336; табл. 20/82), Мирзабек-кала (10 экз.) (табл. 19/24–33), Мирзакул-тепе (11 экз.) (табл. 19/64–71; табл. 22/4–6), Халчаян (7 экз.) (табл. 19/116–119, табл. 20/33, 34, табл. 21/5), Кампыртепа (55 экз.) (табл. 19/1, 2, 35–52, 54–63, 338–339; табл. 20/1–17, 24, табл. 21/1–3, табл. 22/7, табл. 23/1, 7), Саксонохур (21 экз.) (табл. 19/5–10, 270–284), Старый Термез (13 экз.) (табл. 19/170–178, 227, 228; табл. 20/67, 81), Тепаи-Шах (15 экз.) (табл. 19/4, 158–169, табл. 20/54, табл. 21/12), Тепе Заргаран (8 экз.) (табл. 19/53, 229–233, табл. 20/64–65), Хатаб-депе (1 экз.) (табл. 19/34), Чопли-депе (44 экз.) (табл. 19/12–23, 234–265), Шортепе (3 экз.) (табл. 20/76, 79, 80) Турткуль (5 экз.) (табл. 19/330–333, табл. 20/83) (рис. 156 и др.).

Среди перечисленных памятников хотелось бы отметить однослойные памятники, которые являются своего рода хронологическими реперами. К числу таких следует отнести Мирзакул-тепе, комплекс которого датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Надежно и узко датирован комплекс с кушанских кварталов «нижнего города» Кампыртепа, материалы которого относятся к промежутку от времени правления Сотера Мераса до Канишки I (I — первая треть II в. н. э.) (Пидаев, 1978, с. 29–50; Ртвеладзе, 2000, с. 15–16).

Анализ данных, опубликованных В. Болом в каталоге археологических памятников, расположенных в левобережной Бактрии, на территории современного Северного Афганистана, позволил выделить список памятников, содержащих кушанские слои (Ball, 1982, t. I, II, fig. 61–63). Из более чем восьмидесяти южнобактрийских памятников, на которых были зафиксированы слои кушанского и кушано-сасанидского времени, только на шести проводились археологические раскопки, и на трех была обнаружена терракотовая пластика в стратиграфических слоях (Дильберджин, Джига-тепе и Тепе Заргаран).

Решение вопроса о начальной дате эры Канишки позволило вновь пересмотреть накопленные ранее бактрийские материалы и отнести к I–IV вв. н. э. 479 изделий. С точки зрения представительности статистической выборки мы имеем объем, достаточный как для проведения статистического анализа, так и для аргументированных обобщений в рамках рассматриваемого материала. На основе

составленной базы данных по ранее предложенной и обоснованной схеме был статистически обработан ряд показателей (см. введение).

Группа 1. Показатели функционального назначения

Для Бактрии рассматриваемого времени выделены следующие самостоятельные виды изделий терракотовой пластики: статуэтки, плитки с рельефом и матрицы для их изготовления, подставки-алтарики, поставцы, погремушки и штампы. Среди несамостоятельных видов: керамика с применением терракотовой пластики с такими подвидами, как налепы на ручках, стенках и сливах сосудов и сосуды на зооморфных подставках, ритоны и т. д.

Статистический анализ первой группы показателей позволил определить процентное соотношение различных видов изделий бактрийской пластики I–IV вв. н. э., различающихся по функциональному назначению (диаграмма 28).

Среди изделий самостоятельного значения:

- 1) статуэтки и матрицы для их изготовления — 70%;
- 2) плитки с рельефом — 4%;
- 3) подставки-алтарики — 2%;
- 4) штампы (печати) — 1%;
- 5) поставцы — 0,5%;
- 6) погремушки — 0,5%.

К несамостоятельным видам относится:

- 7) керамика с применением терракотовой пластики — 22%.

Как видно из диаграммы, процентное соотношение трех основных видов изделий терракотовой пластики (статуэтки, керамика с терракотовой пластикой и плитки с рельефом) сохраняется с эллинистической эпохи без серьезных изменений. Главное, что происходит, — это изменение самого набора видов с момента гибели греко-бактрийского государства, уже во II в. до н. э., когда исчезают «греческие» виды изделий, такие как маски и протомы, и меняется внутреннее содержание сохранившихся видов. Напомним, что керамика с применением терракотовой пластики также исчезает или, вернее сказать, неизвестна нам на период с конца существования греко-бактрийского

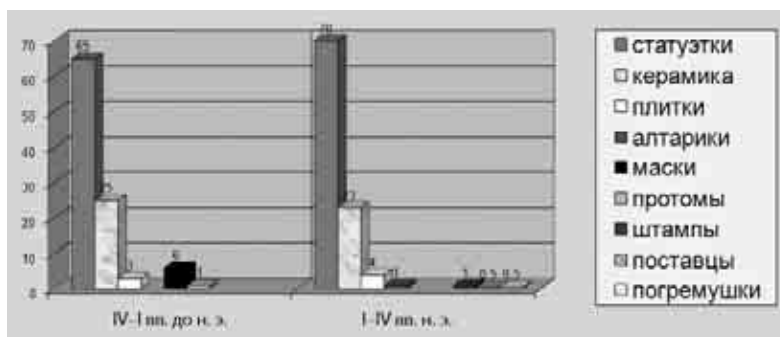

Диаграмма 28. Процентное соотношение разных по функциональному назначению видов изделий терракотовой пластики Бактрии

государства по кушанское время. На рубеже эр этот вид получает новый толчок в своем развитии, однако отличный от предыдущего этапа. Это различие выражается в наборе подвидов изделий терракотовой пластики. Возникают такие разновидности, как сосуды на зооморфных подставках. Наполняются новым содержанием (иные иконографические образы и стиль изображений) ранее представленные подвиды (налепы на разных частях сосудов: на стенках, ручках и сливах).

Таким образом, анализ видового состава терракотовой пластики фиксирует в Бактрии I–IV вв. н. э. сформированный набор разных по функциональному назначению видов изделий, соответствующий запросам автохтонного населения и в определенной мере отражающий уровень развития культуры и идеологических представлений широких народных слоев кушанской Бактрии.

Группа 2. Технологико-параметрические показатели

В Бактрии на рассматриваемый кушанский период было зафиксировано использование двух основных технологий изготовления: ручная лепка и оттиски с матрицы. Помимо этого отмечено применение комбинирования вышеупомянутых технологий.

Статистический анализ показателей технологии изготовления перечисленных видов изделий позволил установить доминирование в кушанский период ручной лепки (диаграмма 29). Связано это, по всей видимости, с распространением значительного количества зооморфных статуэток, в частности столь распространенных в первых веках н. э. изображений всадников и лошадок. Также многочисленны зооморфные налепы, которые в отличие от эллинистического периода выполняются преимущественно ручной лепкой.

Группа 3. Показатели археологического контекста

В Бактрии I–IV вв. н. э. терракотовая пластика фиксируется повсеместно, как в крупных городских центрах, так и в небольших сельских поселениях.

Большинство (до 70%) рассматриваемых нами изделий происходит из стратиграфических слоев и связано с конкретными строениями, получившими интерпретацию своего функционального назначения (диаграмма 30).

Из этого числа свыше 80% изделий обнаружено в жилых постройках, а с культово-храмовыми постройками и связанными с ними помещениями соотносится всего 10%. В этом принципиальное отличие от предыду-

щей эпохи. В месте непосредственного изготовления — гончарных печах — обнаружено 3%; новым явлением стало обнаружение терракотовой пластики в погребениях — 1%.

Группа 4. Иконографическо-стилистические показатели

Для исследования изобразительного ряда на различных по функциональному назначению видах изделий необходимо проведение анализа иконографии и стиля.

Иконографические образы на первом уровне конкретизации представлены антропоморфными, зооморфными образами, образом всадника, а также мифологическими образами и сюжетными композициями. На втором уровне конкретизации антропоморфные образы могут быть представлены женскими, мужскими образами, а также идолчиками; зооморфные могут быть представлены разными видами животных.

Статистический анализ образов, отображенных в различных изделиях терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э., показал, что в отличие от предыдущего периода антропоморфные изображения сокращаются в процентном отношении и составляют столько же, сколько и зооморфные, — 44%. Изделия с образом всадника (или оседланного животного) составили 10%. Появились мифологические

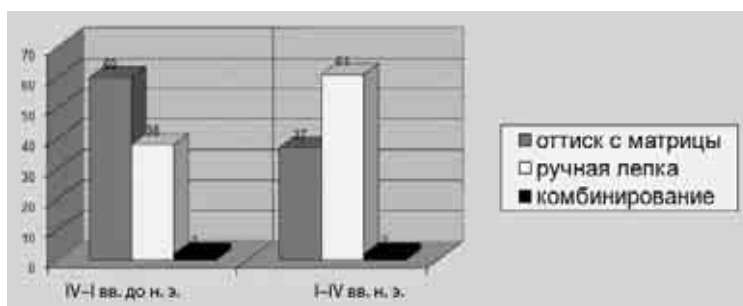

Диаграмма 29. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики Бактрии

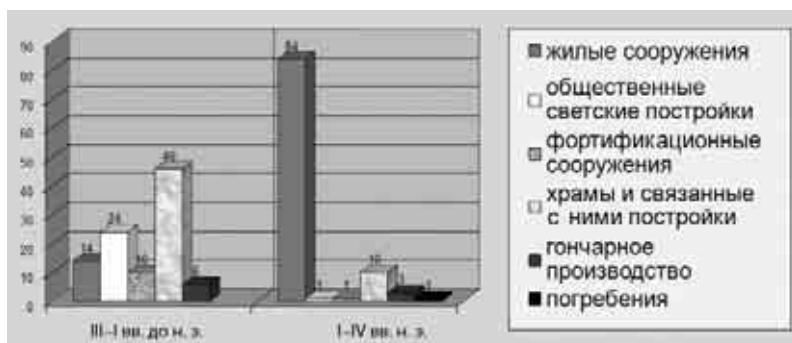

Диаграмма 30. Процентное соотношение местонахождения терракотовой пластики Бактрии

образы, а также сюжетные композиции, представленные по 1% от общего числа изделий (диаграмма 31).

Для выявления конкретизированной картины для различных видов терракотовой пластики представляется необходимым дифференцированное исследование в рамках каждого выделенного вида.

Статуэтки

В кушанский период, так же как и в эллинистический, наиболее многочисленным видом терракотовых изделий Бактрии являются статуэтки. Они составляют 70% (339 экз.) от общего числа всех видов стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики.

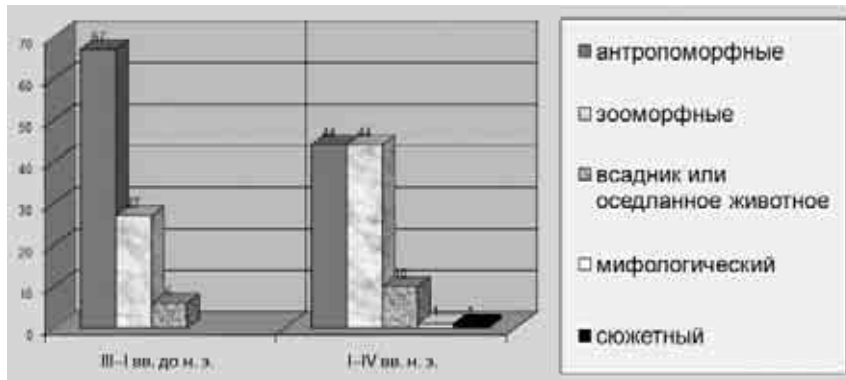

Диаграмма 31. Процентное соотношение изобразительной тематики в терракотовой пластике Бактрии

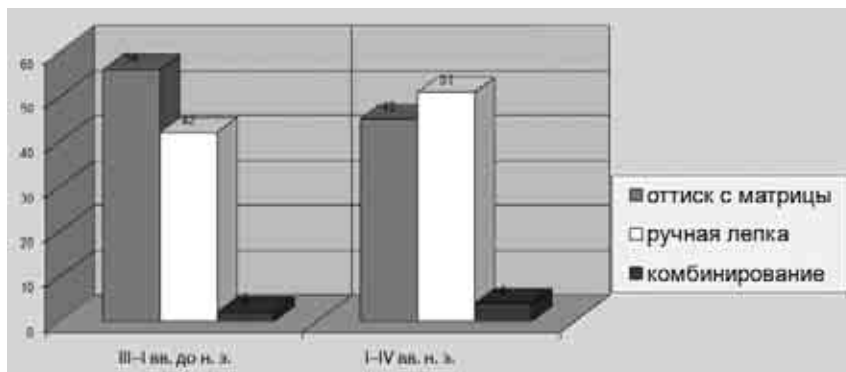
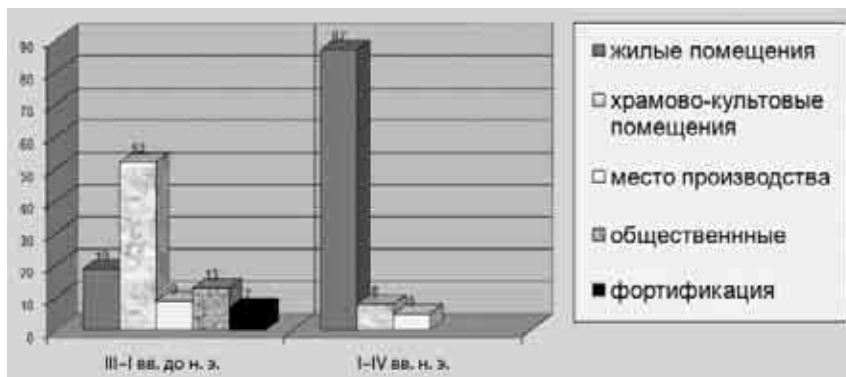

Диаграмма 32. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении статуэток Бактрии

Технологико-параметрические показатели статуэток

Статистический анализ технологии изготовления статуэток кушанского периода показал преобладание технологии ручной лепки — 51%; оттиском с односторонних матриц изготовлено 45%. С эллинистического периода в два раза вырос процент изделий, изготовленных комбинированием основных технологических приемов. К ним относятся статуэтки с антропоморфными изображениями, у которых, как правило, оттиском с матрицы изготавливается голова, а ручной лепкой формируется туловище (диаграмма 32).

Отмечена тенденция изготовления оттиском с матрицы исключительно антропоморфных образов, тогда как ручной лепкой формуются статуэтки с разными иконографическими образами (антропоморфными, зооморфными, мифологическими, всадниками и оседланными животными).

Показатели археологического контекста статуэток

Высокий уровень археологических исследований советских ученых позволил проследить взаимосвязь 67% рассматриваемых материалов с конкретными строениями, большинство из которых получило интерпретацию своего функционального назначения (диаграмма 33).

Для основной массы статуэток Бактрии I–IV вв. н. э. фиксируется очевидное и принципиальное изменение в местонахождении. 87% было обнаружено в обычных жилых помещениях.

Диаграмма 33. Процентное соотношение мест нахождения статуэток Бактрии

Если в III–I вв. до н. э. основное местонахождение статуэток было связано с храмами и связанными с ними постройками, то в кушанское время с ними связано всего 8%. Отсутствие статуэток в общественных постройках в кушанский период объясняется отсутствием зданий, которые бы однозначно интерпретировались как светские и не были бы связаны с культово-религиозными действиями (таких, к примеру, как палестра, гимнасий, театр в Ай-Хануме). Незначительным количеством, до 5%, представлены статуэтки, найденные на месте их производства.

Полученная статистика дает основание предполагать принципиальную перемену смыслового назначения статуэток в период с эллинистической эпохи до времени становления и расцвета Кушанского государства.

Иконографическо-стилистические показатели статуэток

Статистика иконографических образов на статуэтках на первом уровне конкретизации обозначила сохранение тенденций, отмеченных для предыдущей эпохи. В кушанское время также сохраняется приоритет антропоморфных изображений над всеми остальными; на втором месте — зооморфные образы, на третьем — всадники и оседланные животные. Необходимо отметить увеличение числа последних. Новым стало появление образов мифологического характера (диаграмма 34).

Статистический анализ второго уровня конкретизации отразил следующие изменения. При сохранении очевидного приоритета женских образов над всеми остальными существенные изменения произошли в раскладке трех последующих в числовом выражении наиболее крупных групп иконографических образов. Так, на второе место вышел образ коня — 21%, на третье — образ всадника — 16%, и лишь на четвертое место мужские образы — 14%. Что касается других зооморфных образов, то их разнообразие увеличилось по сравнению с предыдущим периодом, и по-прежнему нет устойчивых серий ни одного вида животных (диаграмма 35).

Диаграмма 35. Процентное соотношение конкретных иконографических образов на статуэтках Бактрии

В рамках поставленной перед нами задачи рассмотрения терракотовых изделий через призму археологического контекста важно решить проблему типологизации антропоморфных статуэток. Ниже, в Приложении 2, дана развернутая типология статуэток для трех регионов — Бактрии, Согды и Маргианы. Здесь же представляется уместным остановиться лишь на некоторых результатах типологического исследования, касаемых только бактрийских антропоморфных статуэток кушанского периода.

Краткие характеристики типов терракотовых статуэток кушанской Бактрии (рис. 268)

Тип 1. Этот тип, наиболее многочисленный в предшествующий период, в кушанское время не зафиксирован.

Тип 2 (рис. 157–166). Тип представлен женской фигурой, сидящей на троне или другом сидении. В кушанское

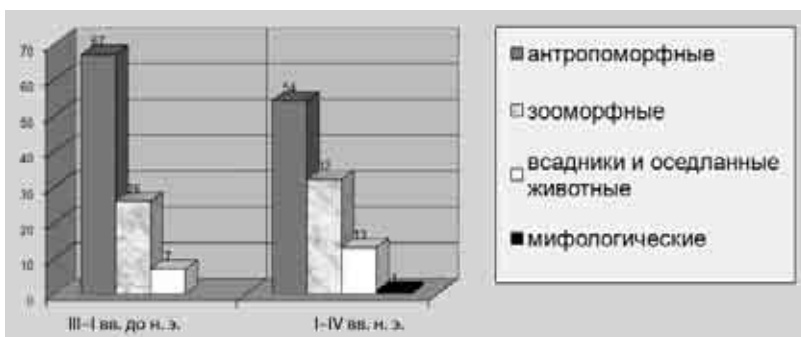
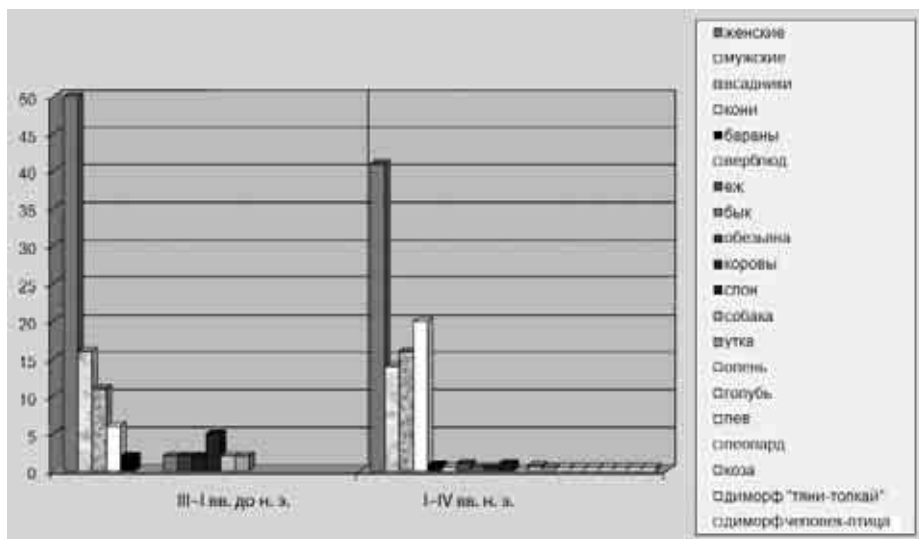

Диаграмма 34. Процентное соотношение иконографических образов на статуэтках Бактрии

время на территории Бактрии бытует только второй вариант рассматриваемого типа, представленный статуэтками, выполненными в автохтонном стиле. От общего числа типологически повторяемых статуэток этот тип составляет 27% (25 экз.) и является самым многочисленным. Происходит из 8 памятников, таких как Айртам (табл. 19/109), Кампыртепа (табл. 19/50, 62), Дальверзин-тепе (табл. 19/85, 86, 88–90, 97, 106–108), Дильберджин (табл. 19/194, 220, 226), Тепаи-Шах (табл. 19/161, 169), Старый Термез (табл. 19/171), Кей-Кобад-Шах (табл. 19/326–329), Чопли-депе (табл. 19/247–249). Этот вариант появляется на территории Бактрии в первые века н. э. и продолжает существовать на протяжении всего кушанского периода.

Тип 4 (рис. 167). Женская стоящая обнаженная фигура, с перекрестьем на груди. Представлен 1 изделием из Кампыртепа (табл. 19/51). Датировка этого типа не выходит за рамки рассматриваемого периода.

Тип 6 (рис. 168–172). Женская фигура, стоящая, в одежде, с виноградной гроздью и сосудом в руках. От общего числа типологически повторяемых статуэток этот тип составляет 18% (17 экз.). Происходит из таких памятников, как Дильберджин (табл. 19/219, 314, 315, 325), Мирзабек-кала (табл. 19/24), Хатаб-депе (табл. 19/34), Чопли-депе (табл. 19/12, 13, 17, 234–239, 255–256). Тип датируется кушанским периодом.

Тип 7 (рис. 173). Женская фигура, стоящая, в эллинизированном костюме (хитон и гиматий), без атрибутов в руках. Представлен 4 изделиями из Халчаяна, Зартепа и Старого Термеза (табл. 19/117, 118, 120, 172). Датировка этого типа не выходит за рамки рассматриваемого периода.

Тип 8. Вариант 2 (рис. 174–176). Тип представлен статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, с изображением женской фигуры, стоящей в драпирующей одежде с зеркалом в руке. В кушанское время на территории Бактрии бытует только второй вариант рассматриваемого типа, характеризующийся статуэтками, выполненными в автохтонном стиле. Происходит из Саксонохура, Тепе Заргаран и Дильберджин (5 экз.) (табл. 19/225, 229, 230, 270, 276). Хронология типа не выходит за рамки кушанского периода.

Тип 9 (рис. 177). Мужской бюст с портретом «римского» типа. Представлен 2 изделиями с Кампыртепа (табл. 19/1, 2). Датировка этого типа не выходит за рамки первой трети II в. н. э.

Тип 10 (рис. 178). Обнаженная фигура юноши, стоящего с виноградной гроздью в правой руке и птицей — в левой, представлен 3 изделиями из Дильберджина (табл. 19/212, 214, 224). Датируется I–IV вв. н. э.

Тип 13 (рис. 179). Женский бюст в архитектурном декоре, представлен 2 изделиями из Чопли-депе (табл. 19/250, 251). Датировка этого типа ограничена рамками рассматриваемого периода.

Тип 14. Вариант 2 (рис. 180). Тип представлен женской фигурой, стоящей в одежде с накидкой, с атрибутом в руке.

Две статуэтки происходят из Кампыртепа и Кара-тепе (табл. 19/61, 337). Датировка типа не выходит за пределы рассматриваемого времени.

Тип 15 (рис. 181). Женская стоящая фигура, в одежде, с лютней в руках. Представлен 3 изделиями из Аккурмана, Дальверзин-тепе и Старого Термеза (табл. 19/74, 87, 170). Датирован I–IV вв. н. э.

Тип 16 (рис. 182). Женская фигура, сидящая, в одежде, с круглой лютней. Представлен 3 изделиями из Кампыртепа (табл. 19/58, 338, 339). Датировка этого типа не выходит за рамки первой трети II в. н. э.

Тип 17 (рис. 183). Женская фигура, стоящая, в глухой одежде, без атрибутов. Представлен 4 изделиями из Кампыртепа, Чопли-депе и Дальверзин-тепе (табл. 19/63, 240, 241, 268). Датировка этого типа не выходит за рамки кушанского периода.

Тип 18 (рис. 184–187). Женские статуэтки на лепном цилиндрическом тулове с оттиснутым в матрице или лепным лицом. От общего числа типологически повторяемых статуэток этот тип составляет 13% (12 экз.). Происходит из таких памятников, как Чопли-депе (табл. 19/14–16, 242–246), Дальверзин-тепе (табл. 19/103, 104), Кампыртепа (табл. 19/59), Мирзабек-кала (табл. 19/25). Датировка этого типа не выходит за рамки рассматриваемого периода.

Тип 19 (рис. 188). Женские и мужские статуэтки на трех ножках. Представлен 3 изделиями из Кампыртепа (табл. 19/35, 46, 47). Датировка этого типа не выходит за рамки первой трети II в. н. э.

Тип 20 (рис. 189–193). Тип представлен тремя вариантами. Мужская фигура, стоящая, в кушанском костюме, с атрибутами и без них. От общего числа типологически повторяемых статуэток этот тип составляет 11% (10 экз.). На основании бактрийских материалов выделяются три варианта (см. Приложение 2). Происходит из таких памятников, как Кампыртепа (табл. 19/43), Тепе Заргаран (табл. 19/232), Айртам (табл. 19/110), Саксонохур (табл. 19/5–9), Старый Термез (табл. 19/178), Халчаян (табл. 19/119). Датировка этого типа не выходит за рамки рассматриваемого периода.

Тип 22 (рис. 194). Мужская фигура, сидящая со скрещенными ногами. Представлен 2 изделиями из Дильберджина (табл. 19/203, 213). Датирован кушанским периодом.

Тип 23 (рис. 195). Будда, сидящий в позе падмасана. Представлен 4 изделиями из Кара-тепе, Старого Термеза и Дильберджина (табл. 19/180, 227, 228, 310). Датировка этого типа не выходит за рамки рассматриваемого периода.

Тип 24 (рис. 196). Будда, стоящий с жестом абхайя-мудра. Представлен одним изделием из Зартепа (табл. 19/305).

Тип 25 (рис. 197). Женская фигура, стоящая, в одежде, с подношениями в руках — адорантка. Представлен 3 изделиями из Аккурмана и Зартепа (табл. 19/80, 121, 122). Датировка этого типа ограничена кушанским временем.

Анализ приведенной типологии в первую очередь позволяет отметить обширный набор типов, бытовавших в кушанское время на бактрийской земле. По сравнению с эллинистическим периодом произошло увеличение числа типов с 4 (типы 1, 2, 3 и 8) в эллинистический до 19 в кушанский период (типы 2, 4, 6–10, 13–20, 22–25). Часть ранних типов статуэток продолжает бытовать и в кушанское время, претерпевая при этом существенные изменения, часть исчезает. Так, тип 1, наиболее распространенный ранее, на памятниках I–IV вв. не известен, так же как и тип 3. Напротив, малочисленный в эллинистический период тип 2 получает свое максимальное развитие позднее и составляет 25% от общего числа типически повторяемых изделий. Необходимо отметить, что по подъемным материалам ареал этого типа значительно шире. Возрастает количество изделий, относящихся к типу 8, и увеличивается число памятников, с которых он происходит.

Соответственно, к двум типам, известным с эллинистического времени (2, 8) прибавляется 17 новых типов. Среди вновь выявленных наиболее устойчивыми являются типы 2, 6, 18, 20. Остальные 14 типов (4, 7, 9, 10, 13–17, 19, 22–25) представлены не более чем 5 изделиями из стратиграфических слоев, по подъемным материалам они известны в значительно большем количестве.

В совокупности типологически повторяемые составляют 58% от общего числа антропоморфных статуэток кушанской Бактрии. Однако значителен и процент статуэток индивидуальных типов. Из 75 антропоморфных статуэток лишь 27 имеют выраженную иконографию (рис. 198–202). Данные цифры, а также анализ иконографических образов свидетельствуют об интенсивном процессе становления и утверждения различных религиозно-идеологических систем в рассматриваемую эпоху.

На основе иконографического анализа типов вычленяется несколько групп, объединяющих образы по культурной и идеологическо-религиозной тематике. Условно их можно назвать образами «постэллинистического», «индо-буддийского», «бактрийского» и «кушано-сасанидского» круга. Распределение по этим группам производилось на основе учета самых общих иконографических характеристик (не путать со стилистическими особенностями): во внимание брались характер костюма, этнический тип, позы, атрибуты, связь с традиционной иконографией на статуэтках как сопредельных, так и удаленных регионов и т. д.

К типам, передающим образы «постэллинистического» круга, были отнесены следующие: 4 (представлен известный эллинистический образ богини Афродиты с перевязью на груди), 6 (на основе греческого костюма и характерного атрибута — виноградной грозди), 7 (на основе греческого костюма), 8 (греческий костюм,

этнический тип и трактовка образа), 9 (этнический тип), 10 (нагота и атрибуты диониссийского круга), 13 (стилизация архитектурного декора). Однако среди них некоторые уже получили глубокую местную переработку и, возможно, совершенно утратили первоначальное значение (варианты 2 и 3 типа 6; вариант 3 типа 8; тип 13). К образам этого круга могут быть также отнесены индивидуальные типы (рис. 198, 1–4, 6; 202, 1; 200, 8).

Образы «индо-буддийского» круга отражены в типах 23, 24, 25 (костюм, поза, жест, атрибуты). К ним могут быть также отнесены индивидуальные типы статуэток (рис. 201, 1–3, 5, 7).

К типам, передающим образы «бактрийского» или автохтонного круга, на наш взгляд, могут быть отнесены женские статуэтки 2, 14, 15, 16 типов (этнический тип, костюм, атрибуты, трактовка образа), 17 (костюм, трактовка образа), 18, 19 (этнический тип и трактовка образа). К этому перечню можно также добавить ряд статуэток индивидуальных типов (рис. 198, 5, 7, 8; 199, 1–4; 200, 1–7; 201, 6).

К «кушано-сасанидскому» кругу могут быть отнесены мужские образы типов 20, 22 (на основе этнического типа, костюма, атрибутов и трактовки образа). Суммируя выявленные таким образом тематические группы, мы получаем просчитываемую картину их соотношения (диаграмма 36).

Собственно «бактрийские», к которым относятся в основном типы с женскими образами и в первую очередь тип 2 (сидящей женской фигуры), составляют почти половину от всех прочих и уверенно занимают лидирующее положение.

На втором месте образы, относимые к «постэллинистическим», и они занимают до трети от общего числа. На наш взгляд, это подтверждает обоснованное выше представление о генезисе терракотовой пластики Бактрии. В его пользу свидетельствуют и развитие типов от эллинистического периода до бактрийского (например, тип 2), а также постепенный переход некоторых устойчивых типов от эллинизированного стиля к автохтонному. Эти процессы хорошо прослеживаются на типах 6 (стоящая женская фигура с виноградной гроздью) и 8 (стоящая женская фигура с зеркалом).

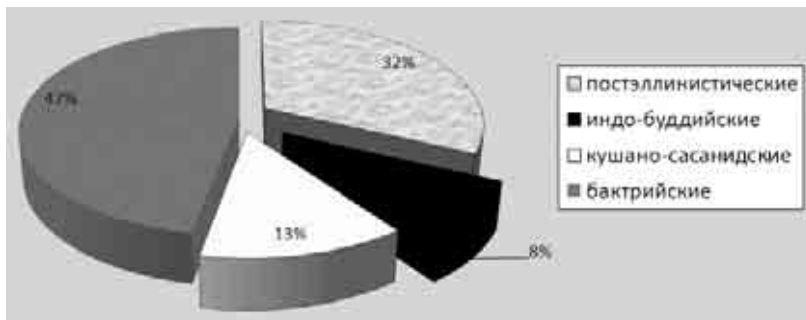

Диаграмма 36. Соотношение иконографических образов статуэток кушанской Бактрии I–IV вв. н. э.

Третье место занимает так называемая кушано-сасанидская тематика. Представлена она всего двумя типами, передающими мужские образы: в кушанских костюмах и сидящих «по-азиатски». Именно образ кушанца определяет суть этой тематики. Однако нельзя не упомянуть и об образе всадника, традиционно относимом к этому кругу. Если учесть его, а это 48 статуэток, то «кушано-сасанидская» тематика станет суммарно равной или даже с небольшим перевесом превзойдет «бактрийскую».

Четвертое место занимают образы «индо-буддийского» круга. Они представлены тремя типами. Нельзя не отметить определенную устойчивость и разнообразие этой группы. Однако впервые на базе статистического анализа можно аргументированно заявить, что занимает она не более 10% от общего числа антропоморфных, типически повторяемых статуэток¹⁴.

Таким образом, статуэтки кушанской Бактрии достаточно четко отражают основные сегменты бытовавших мировоззренческих систем, их пропорциональное соотношение и распространенность. Вопросы интерпретации затронуты в Приложении 2. Важнейшей особенностью статуэток кушанского времени является их кратное увеличение по сравнению с предшествующим периодом, широкое распространение на всех типах памятников и преимущественное расположение в жилой застройке. Фактически этот вид терракотовой пластики стал универсальным языком, отражающим сложный и динамичный процесс взаимопроникновения и сосуществования различных этнических групп, культурных и мировоззренческих систем.

Плитки с рельефом

Плитки, как отмечалось выше, принципиально отличаются от статуэток наличием фона, который является основой рельефного изображения. И если по функциональному назначению различие очевидно, то по смысловому они, вероятно, близки, а иногда и тождественны статуэткам. Это подтверждается, прежде всего, существованием некоторых переходных типов (от статуэток к плиткам) с одинаковыми иконографическими образами, но разной морфологией. Плитки с рельефом — один из малочисленных видов изделий терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э., который представлен всего семнадцатью изделиями, что составляет 4% от общего числа включенных в базу данных изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии. Происходят из шести памятников, среди которых крупные города, сельские поселения и культовые центры: Аккурган (1 экз.) (рис. 239, 4, табл. 21/4), Дильберджин (5 экз.) (рис. 239, 2, 3, 6, табл. 21/15–17; рис. 240, 3, табл. 21/14; рис. 241, 2, табл. 21/13), Зартепа (6 экз.) (рис. 238, 2, 4, табл. 21/6, 10; рис. 239, 5, табл. 21/7; рис. 241, 1, 4.), Кампыртепа (3 экз.)

(рис. 238, 1, табл. 21/3; рис. 240, 2, табл. 21/2), Тепаи-Шах (1 экз.) (рис. 239, 1, табл. 21/12), Халчаян (1 экз.) (рис. 240, 1, табл. 21/5).

Все плитки с рельефом изготовлены оттиском с односторонней матрицы с последующей доработкой вручную. По морфологии выделяются три категории плиток: плитки-статуэтки, медальоны и архитектурные плитки-рельефы. Если первые отличаются от статуэток только наличием фона, то вторые всегда отличаются сюжетной композицией, вписанной в окружность, а третьи — морфологией (большим размером, толщиной, наличием рельефного бордюра и иногда отверстиями для крепления к вертикальной поверхности).

Места обнаружения плиток, так же как и у статуэток, в подавляющем большинстве связаны с жилыми постройками; три изделия были найдены в помещениях, интерпретируемых как культовые; по одному изделию приходится на общественную постройку, фортификационное сооружение и на погребение.

С точки зрения иконографии на рассматриваемых плитках с рельефом четко прослеживаются образы и композиции, которые могут быть отнесены к выявленным ранее четырем основным темам: «постэллинистическая», «бактрийская», «кушано-сасанидская» и «индо-буддийская». Каждое из изделий было отнесено к той или иной группе по тем же принципам, что были применены в исследовании статуэток.

К «постэллинистическим» образам можно отнести изображение музыкантов, играющих на многостольной флейте (сиринге) (рис. 238, 3, табл. 21/6) и на одностольной поперечной флейте (рис. 238, 1, табл. 21/3); погрудное изображение женщины под циркульной аркой (рис. 238, 4, табл. 21/10), изображение гиппокампа в овальном картуше (рис. 241, 3, табл. 21/1) (отнесен на основе эллинской традиции иконографии этого образа).

Три упомянутых антропоморфных персонажа одеты в подпоясанные хитоны с драпировкой в виде вертикальных складок. Благодаря прямой аналогии плитке с музыкантом, играющим на сиринге, в материале Зартепа, мы имеем возможность реконструировать весь образ (рис. 238, 2). Прямая перекличка прослеживается и для женского образа в высоко подпоясанном хитоне. В материалах Кампыртепа представлена статуэтка с аналогичным женским персонажем с чашей в правой руке у груди (Древности Южного Узбекистана, 1991. № 184).

К «буддийской» тематике может быть отнесен целый ряд изделий, например, плитка с Аккургана с изображением сидящего в падмасане Будды с жестом рук дхьяна-мудра. Будда одет в накидку сангхати. На голове прическа с пучком волос (ушниша) (рис. 239, 4, табл. 21/4). Плитка была найдена в культово-парадном помещении небольшого сельского памятника (Пидаев, 1978, с. 60, 73–74; рис. 23).

К образу бодхисаттвы относят плитки со стоящей мужской фигурой (обнаженной или в прозрачной облегающей накидке сангхати) (рис. 239, 1–3, табл. 21/12, 15, 17). Одна

¹⁴ При любых подсчетах: с учетом образа всадника, с учетом индивидуальных типов статуэток.

из этих плиток была обнаружена в погребении (Литвинский, Седов, 1983, с. 51, 150, табл. XXVI, рис. 3). Аналогичные сюжеты известны по материалам Хатын-рабата (Массон, 1940, рис. 50).

Образ женской обнаженной фигуры, стоящей с вытянутыми вдоль туловища руками с развернутыми к зрителю ладонями, с опояской на бедрах и ожерельем на груди, в литературе относят к «якшинам» индо-буддийского круга (рис. 239, 6, табл. 21/16). Аналогии известны по статуэткам целого ряда памятников Бактрии, Маргианы, Индии и подробно освещены в литературе (Литвинский, Седов, 1983, с. 14, 23–26, 146, табл. IV, рис. 1, табл. XXII; рис. 3; Пугаченкова, 1979а, рис. 178, 179).

Сюжетная композиция с парой «митхуна» (рис. 239, 5, табл. 21/7) также традиционно относится к индо-буддийскому кругу и находит широкие аналогии в бактрийской пластике, в подъемных материалах Батырабада (Пугаченкова, 1979а, рис. 219), в статуэтке с Кампыртепа (табл. 19/55) (Курбанов, 2000, с. 62; ДЮУ № 153). Известна эта иконография и на территории самой Индии в материалах I в. н. э. (Kala, 1980. № 81–84).

К «кушано-сасанидской» тематике относятся в первую очередь плитки с образом кушанца в коротком кафтани, шароварах, сапогах и островерхом колпаке с развернутыми в стороны носками (рис. 240, 2, 3, табл. 21/2, 14). К сожалению, сохранились лишь нижние части плиток, но, тем не менее, этот образ широко известен на бактрийских памятниках, в частности на статуэтках типа 20 (см. Приложение к главам 4–6, рис. 266).

Этот же образ знатного кушанского правителя представлен в сюжетной композиции на круглом медальоне из Халчаяна (рис. 240, 1, табл. 21/5). Однако здесь он изображен сидящим на зооморфном троне со стоящим в кушанском костюме мужским персонажем справа и парящей Никой слева (Пугаченкова, 1966, с. 60, 235–239, рис. 110).

С Зартепа происходит фрагмент еще одной «архитектурной» плитки с сюжетной композицией в виде шествующей мужской фигуры в кушанском костюме (с флягой (?) за спиной) (рис. 241, 1, табл. 21/9).

К собственно «бактрийской» тематике нами отнесена лишь одна «архитектурная» плитка из Зартепа (рис. 241, 3, табл. 21/11). Она представляет сюжетную композицию с архитипическими восточными символами, изображающую шествующего горного козла с солнечным диском над спиной и зайцем под ногами. Сюжет подробно рассмотрен в отдельной статье (Завьялов, 2006, с. 83–91). Аналогичный образ представлен на округлом каменном штампе из верхних слоев цитадели Дильберджин (Кругликова, 2001, с. 317, рис. 13, 1).

Особняком стоит фрагмент «архитектурной» плитки, происходящий с Дильберджин-тепе, на котором представлен абстрактный геометрический символ, многолучевая розетка — «солнце», вписанное в орнаментальный круг (рис. 241, 2, табл. 21/13).

Керамика с применением терракотовой пластики

Керамика с применением терракотовой пластики на территории Бактрии в I–IV вв. н. э. получила более широкое распространение относительно предыдущего периода. Если в эллинистический период она была представлена всего 21 изделием, то в рассматриваемый кушанский — 105 изделий, однако в процентном отношении доля этого вида от общего числа сократилась до 23% (тогда как в эллинистический период было 25%). Все отобранные предметы происходят с 14 памятников, и можно говорить об их повсеместном распространении как в крупных городах, так и в сельских поселениях. По функциональному назначению выделяются следующие подвиды: налесты на сосудах (налеп на ручке, зооморфная ручка, налеп на носике-сливе, крышке, курильнице, ритоне) (82 экз.), сосуды на зооморфных подставках (22 экз.) и, наконец, ритоны с фигурным зооморфным оформлением слива (1 экз.).

Важно отметить, какая именно керамика украшалась терракотовой пластикой. Все сосуды с терракотовой пластикой связаны с использованием жидкостей (в основном это кувшины, кружки, чаши, кубки, ритоны и тагора), выделяются категории изделий, предназначенных, по всей видимости, для масел или каких-то особых жидкостей, используемых в небольших количествах (светильники и сосуды на зооморфных подставках). Мнение об использовании этих сосудов в качестве светильников было высказано И. Т. Кругликовой (Кругликова, 2001, с. 318).

Сосудам на зооморфных подставках посвящена отдельная статья, где авторы указывают на некультовое назначение этой категории изделий, основываясь на преимущественном местонахождении их в жилых помещениях (Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 202–211; Завьялов, 2005, с. 349–355). Авторы приводят предварительные хронологические рамки бытования вида — III–V вв. н. э.

Ритоны в кушанское время отличаются своеобразием. Выделяется два типа.

Однососковые:

а) роговидные, с фигурным оформлением слива в виде головы животного, происходят из Кампыртепа, Зартепа и Турткуля в комплексе с монетами Вимы Кадфиза (рис. 234, 2, 3, табл. 20/8, 83; рис. 233, 1, табл. 20/37). Аналогичные ритоны известны на ряде памятников, в частности на Саксонохуре. Хронологически данные ритоны наиболее ранние и находят аналогии в айханумских материалах (см. выше);

б) амфоровидные, с налепом на плечиках или у слива, из Дальверзин-тепе и Джига-тепе (рис. 231, 232, табл. 20/27, 73). Близ поселка Сариясия был обнаружен однососковый амфоровидный ритон с вытянутым соском, оформленным зооморфным изображением головы оленя (Мешкерис, 1985б, с. 64, рис. 1).

Двусосковые: амфоровидные, с оформлением слива на лепом, из Джига-тепе (табл. 20/72). Фрагмент донной части аналогичного двусоскового ритона без пластического оформления известен в материалах Кампыртепа, датированных III–II вв. до н. э. (Болелов, 2001, рис. 2, 7).

Технологическо-параметрические показатели керамики с применением терракотовой пластики

Подавляющее большинство терракотовой пластики на керамике в кушанский период изготавливается ручной лепкой с последующим прикреплением к сосуду (85%), в отличие от эллинистического периода (диаграмма 37).

Показатели археологического контекста керамики с применением терракотовой пластики

Как уже выше упоминалось, все изделия на керамике происходят из 13 различных памятников, среди которых и крупные городские центры (Дальверзин-тепе, Старый Термез, Джига-тепе), и средние города (Зартепа, Дильберджин, Хал-

чаян), и небольшие сельские поселения и крепости (Аккурган, Шортепе, Кампыртепа, Турткуль). От общего количества стратиграфически датированных предметов терракотовой пластики на керамике для 82% удалось собрать данные по функциональному назначению мест их нахождения (диаграмма 38).

Напомним, что в эллинистический период керамика с терракотовой пластикой известна только с одного памятника — греческого города Ай-Ханум. В этом городе она преимущественно была найдена в общественных сооружениях (71%), значительный процент был обнаружен в сооружениях, связанных с фортификацией (22%), и лишь 7% было найдено в жилых сооружениях. Примечательно, что ни одно изделие не было найдено на территории храмов. В кушанский период основным местонахождением керамики с терракотовой пластикой являются жилые постройки (81%), до 13% было обнаружено в культово-храмовых сооружениях или связанных с ними постройках. Важным моментом является появление керамики с применением терракотовой пластики в погребениях (2,5%). С фортификацией связано также 2,5% находок. Лишь одна находка была обнаружена в сардобе.

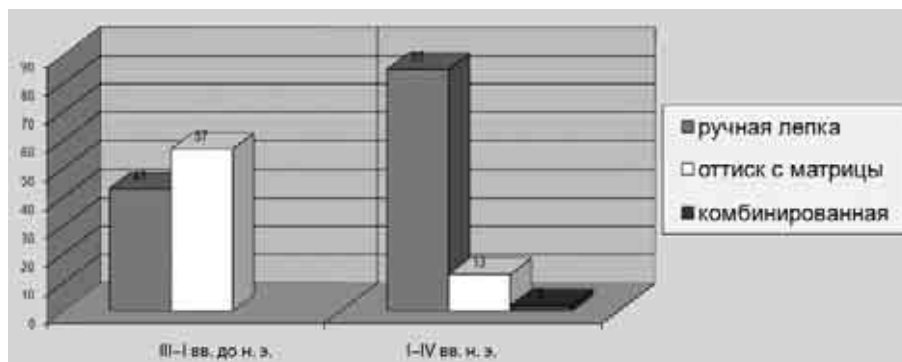

Диаграмма 37. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении керамики с терракотовой пластикой в Бактрии

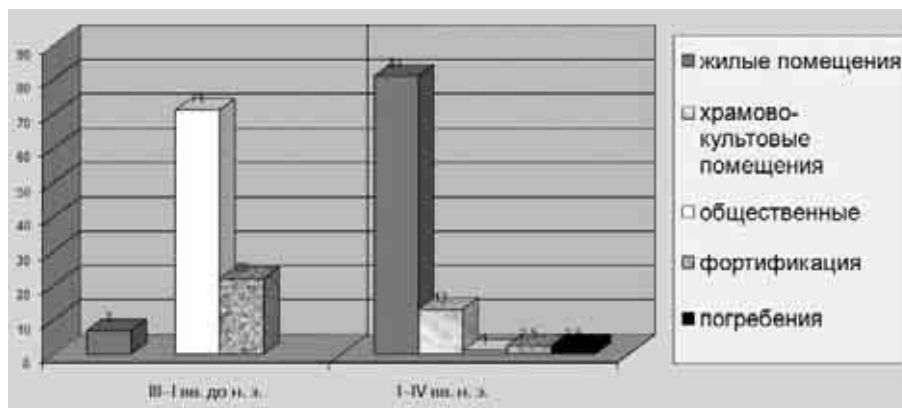

Диаграмма 38. Процентное соотношение местонахождения керамики с применением терракотовой пластики в Бактрии

Иконографическо-стилистические показатели

Статистический анализ основных иконографических образов на керамике с терракотовой пластикой кушанского периода позволил установить подавляющее преобладание зооморфных образов (91%) над антропоморфными (9%), что противоположно показателям эллинистического периода (диаграмма 39). В рамках антропоморфных образов мужские преобладают над женскими. Среди зооморфных наиболее популярен образ кабана (15 экз., 23%), затем образ лошади и животного кошачьей породы (9 экз., 14%), одинаковым количеством представлены образы льва, козла и барана (6 экз., 9%). Среди зооморфных образов также представлены обезьяна (3 экз.), верблюд (1 экз.), птица (2 экз.), бык (1 экз.), корова (2 экз.), собака (2 экз.), олень (1 экз.).

Для терракотовой пластики на керамике Бактрии кушанского периода характерны многочисленность, широкое распространение по всей территории Бактрии, широкий набор различных подвидов и, наконец, ограниченный набор зооморфных образов, передаваемых в пластике. Большинство подвидов терракотовой пластики на керамике имеет бытовое назначение. В отличие от древнехорезмийской, бактрийская терракотовая пластика на керамике кушанского периода несет зачастую орнаментальный характер, что сближает ее не по форме, а по сути с терракотовой пластикой на керамике Бактрии эллинистического периода.

Алтарики (подставки) (рис. 242, 243, табл. 22/1–7)

В стратиграфически ясных условиях было найдено всего семь алтариков кушанского времени на трех бактрийских памятниках — Кампыртепа (1 экз.), Джига-тепе (3 экз.) и Мирзакул-тепе (3 экз.). Алтарики кушанского времени принципиально не отличаются от изделий эллинистического

периода. Они имеют различные формы на квадратном и круглом в плане основании. Наиболее существенным отличием, при довольно разнообразной морфологии, является характер «рабочей части» алтарика — собственно верхней площадки, на которой устанавливалось какое-то подношение. У большинства рассматриваемых нами кушанских алтариков верхняя площадка имеет различной глубины и формы углубление (табл. 22/1, 2, 5, 6). Однако есть алтарики и с плоской поверхностью (табл. 22/7). Появившись в Бактрии в III в. до н. э., они бытуют и весь кушанский период. Если в вотивном характере алтариков эллинистического периода не приходится сомневаться, то применительно к кушанскому времени существующие материалы не дают оснований для однозначного вывода. Рассматриваемые алтарики происходят с некрупных сельских поселений и крепостей, где они были обнаружены, в основном, в жилых помещениях. В кушанское время наибольшее распространение алтариков, по всей видимости, приходится на I–II вв. н. э.

Поставцы (рис. 245, табл. 23/4, 5, 9)

Функциональное назначение этого вида не совсем ясное. По всей видимости, оно близко к назначению подставок-алтариков, однако имеет принципиально иную форму. Поставцы представляют собой прямоугольные глиняные ящички на ножках без одной длинной фасадной стеночки. В стенках поставца имеются прорезные орнаменты (стреловидных, округлых и треугольных прорезей), фигурные закраины в виде мерлонов и т. д. Представлены они всего двумя изделиями, происходящими с одного культового помещения на городище Дальверзин-тепе. Датируются II–III вв. н. э. Так же как и часть алтариков, поставцы были обнаружены на суфе (алтарики зачастую связаны с разного рода нишами, где они устанавливались). Несколько иная морфология у поставца из Дильберджина. Он имеет прямоугольное

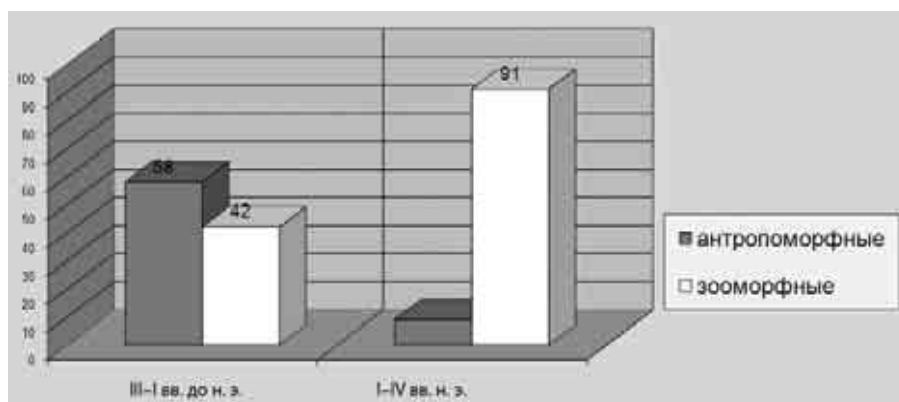

Диаграмма 39. Процентное соотношение основных иконографических образов в керамике с терракотовой пластикой в Бактрии

основание без ножек и овальную верхнюю площадку с двумя рядами ступенек. Стенки этого поставца украшены орнаментом в виде стрел и крестов. Датируется он I–II вв. н. э.

Штампики

(рис. 244, 1, 2, 3, табл. 23/6, 7, 8)

Функциональное назначение этого вида изделий можно определить как штампики или печати. Всего четыре изделия этого вида происходят с Кампыртепа, Джига-тепе, Дильберджин и Дальверзин-тепе. Все они разной морфологии: кампыртепинский представляет собой круглое в плане и конусовидное в сечении изделие со сквозным отверстием для подвешивания. Орнамент на рабочей поверхности прорезан по сырой глине от руки и представляет собой стилизованное изображение солнца. Датируется временем правления Канишки и происходит из помещения жилого характера.

Дальверзинский штампик представляет собой конусовидную печать-инталию со сквозным отверстием. Изготовлен оттиском с металла или камня (очень четкий рисунок рабочей поверхности). На рабочей части изображена всадница с пальмовой ветвью в правой руке. Оседланное животное — бык или козел с высокими рогами полумесяцем. Происходит из храмового помещения и датируется I–III вв. н. э.

Джигатепинский штамп имеет вид глиняной «ножки», на подошве которого оттиснуто углубленное изображение в виде листка с прожилками.

Дильберджинский штампик с двумя рабочими поверхностями представлял собой ручку (вероятно, округлую) с раздвоенным концом. На одном прямоугольном конце — геометрический орнамент в виде прямоугольника, разделенного на ячейки, на другом круглом конце — округлый орнамент в виде многолучевой розетки. Обнаружен он был в жилом помещении в слое III–IV вв. н. э.

Погремушки

(рис. 244, 4, табл. 23/1)

Погремушка представлена единичным экземпляром, происходит из слоев I — начала II в. н. э. Кампыртепа. Она сферической формы, полая, сверху украшена головкой животного с глазами, выполненными наколами. Уши отбиты.

* * *

В заключение остановимся на основных выводах, полученных при изучении терракотовой пластики Бактрии в кушанский период. Напомним, что анализ велся на основе археологически датированных изделий, происходящих из 19 памятников.

Наиболее ранними, надежно датированными комплексами являются материалы однослойного Мирзакул-тепе

и Кампыртепа¹⁵. Они ограничены соответственно I в. н. э. и первой третью II в. н. э.

Видовой состав уже не содержит несвойственных бактрийской культуре изделий типа масок или протом. Сохраняются и получают свое дальнейшее развитие статуэтки, плитки с рельефом, терракотовая пластика на керамике, появляются новые виды изделий, такие как поставцы, штампы, свистульки и погремушки.

В кушанское время увеличивается процент изделий, изготовленных ручной лепкой, а также комбинированием основных техник, что в свою очередь подтверждает значительную востребованность этих изделий среди местного населения.

В рассматриваемый период среди изделий, выполненных оттиском с матрицы, доминируют изготовленные в автохтонном стиле, но не исчезают совсем и изделия, изготовленные в эллинистическом и эллинизированном стилях.

Значительное разнообразие образов, представленных на коропластике кушанской Бактрии, в целом отражает четыре основные тематики, названные условно «пост-эллинистической», «индо-буддийской», «кушано-сасанидской» и, наконец, собственно «бактрийской». Последняя доминирует среди антропоморфных образов статуэток. В терракотовой пластике на керамике мы отмечаем полное отсутствие эллинистических образов и ограниченное количество антропоморфных изображений. Терракотовая пластика располагается на бактрийского типа керамических формах.

В рассматриваемый период предметы терракотовой пластики получили широкое распространение и используются преимущественно в частной жизни. Это касается и статуэток, обнаруживаемых преимущественно в жилой застройке. Теперь сложно говорить о них как о вотивах, можно предположить, что они являлись частью обрядовой практики, происходившей в рамках жилых построек.

Возникнув в эллинистический период, терракотовая пластика Бактрии в кушанский период достигает своего расцвета. В это время складывается собственно бактрийская традиция изобразительного канона, появляется свой набор различных по функциональному назначению видов изделий. Продолжается интенсивный процесс переработки эллинистических образов, нет стандартизации, фиксируется значительное разнообразие и непрерывная эволюция и трансформация отдельных типов статуэток. Бактрийская терракота, как и в более раннее время, передает схожие иконографические образы и эволюционирует в близком направлении с терракотовой пластикой Согда и Маргианы. Об этом говорят общая стилистическая и иконографическая эволюция, а также наличие и дальнейшее развитие единых археологических типов на статуэтках, столь отличных от хорезмийской терракотовой традиции.

¹⁵ Имеются в виду материалы с однослойных кушанских кварталов северной и северо-восточной части нижнего города Кампыртепа.

Глава IV

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА СОГДА

III—I вв. до н. э.

На сегодняшний день для периода IV—I вв. до н. э. удалось выявить 24 изделия, происходящих из стратифицированных слоев древних городищ Китаба, Еркургана, Афрасиаба и Бухары, а также поселений Сарай-тепе и Киндаклитепа. Остановимся подробнее на условиях и отборе источниковой базы (рис. 246).

В Центральном Согде терракотовая пластика была обнаружена только на городище Афрасиаб. В северной части городища на раскопе 6, в руинах крепостной стены, датируемой III—I вв. до н. э., было найдено три изделия с зооморфными образами (статуэтки быка, собаки и джейрана), которые происходят из завала первых веков до н. э. (рис. 249, 5, 6, табл. 24/8, 9; рис. 250, 5, табл. 25/4) (Кабанов, 1984, с. 78–79). Налеп на кратер в виде мужского бюста (рис. 251, 1, табл. 25/6) происходит из комплекса Афрасиаб III, из раскопок Французско-узбекской археологической миссии (Bernard, 1996, p. 361–364). Три изделия опубликованы Г. В. Шишкиной в составе комплексов Афрасиаб II–III (Shishkina, 1994, p. 86–88, fig. 3). Они включают два налеса на сосуды (в виде головы Силена на кратере и «птичьей лапки» у корня ручки кувшина), а также статуэтку женского персонажа с двумя зеркалами в руках (рис. 250, 2, табл. 25/5; рис. 252, 2, табл. 25/8; рис. 247, 4, табл. 24/10).

Из западных районов Согда происходят три изделия (из городища древней Бухары). Они входят в комплекс Бухара II и датируются II—I вв. до н. э. (Адылов, 1983, с. 71, 73, рис. 3, 1, 28) (рис. 249, 1, 2, табл. 24/11, 12; рис. 252, 1, табл. 25/7).

На территории Южного Согда изделия терракотовой пластики были найдены на городище Китаба, а также на поселении сельского типа Сарай-тепе, входящем в ближайшую округу города, на городище Еркурган и поселении Киндаклитепа.

В Китабе, в нижних слоях стратиграфических шурфов, № 6 и 9, обнаружены восемь изделий. В шурфе 6, заложенном на западном отвесном обрыве цитадели Каляндар-тепе, материалы входили в состав одновременного отвала керамики из гончарной печи, перекрытого сверху пахсовыми откосами крепостной стены. Шурф 9 был заложен в преде-

лах Туп-хона, на западной оконечности позднего Китаба, где в античный период за пределами городской стены располагалась богатая усадьба. Из этого шурфа происходило 6 статуэток, комплекс был датирован II—I вв. до н. э. (Крашенинникова, 19776, с. 77–93, рис. 21–26). Представлены три статуэтки с женским образом: две из них, выполненные в эллинизированном стиле, — однотипные головки в головном уборе типа треуха, интерпретируемые как головки Афины; одна статуэтка обнаженной женской фигуры со сложенными у лона руками изготовлена ручной лепкой. Двумя статуэтками представлен образ оседланных лошадей со следами крепления всадников. Одна антропоморфная статуэтка сильно фрагментирована (рис. 247, 1, 2, табл. 24/1, 2; рис. 248, 2, табл. 24/3; рис. 249, 3, 4, табл. 24/5, 6; рис. 250, 3, табл. 25/1).

Одно изделие происходит из шурфа 1951 г., заложенного на краю обрыва городища Китаб, напротив юго-западного угла крепости XVIII–XIX вв. Статуэтка с мужским образом в коническом головном уборе, выполненная комбинированной техникой, происходит из нижних наслоений шурфа, датируемых исследователем III–II вв. до н. э. (рис. 248, 1, табл. 24/13).

Примечательно, что терракотовая плитка с рельефом женской обнаженной фигуры происходит с поселения сельского типа Сарай-тепе, расположенного на территории современного Китаба. Найдена она в шурфе 2, заложенном в неукрепленной части за рвом цитадели, на полу жилого помещения II строительного горизонта (Омельченко, 2000, с. 176). Это единственная находка предмета терракотовой пластики, датированного в пределах III–I вв. до н. э., для территории Согда, происходящая с сельского памятника (рис. 247, 5, табл. 24/14).

С Нахшеба происходят всего два изделия, датированные II–I вв. до н. э. (Сулейманов, 2000, с. 189, 200, рис. 143, 1 и 2). В Еркургани в слое II–I вв. до н. э. квартала керамистов была обнаружена статуэтка ручной лепки с грубым антропоморфным изображением человека в одежде с воротником (Сулейманов, 2000, с. 189, 200, рис. 143, 1). На поселении Киндаклитепа на полу помещения II–I вв. до н. э. был найден налест-маска с изображением головы в обрамлении кудрей и со скорбным лицом, интерпретируемый автором публикации как изображение Медузы Горгоны (Сулейманов, 2000, с. 189, 200, рис. 143, 2).

Из всего рассмотренного выше перечня изделий наиболее ранние материалы датируются III–I вв. до н. э. Среди них — изделия из древних наслоений Афрасиаба, датированные С. К. Кабановым на основе анализа керамических комплексов¹. Результаты новых исследований в области

¹ К ним относятся: налест на внешней стенке чаши в виде женской головки (рис. 250, 1, табл. 25/2); статуэтка мужского персонажа в треугольном головном уборе на лепном тулове (рис. 247, 5, табл. 24/13); налест на ритоне в виде женской головы (рис. 250, 4, табл. 25/3).

согдийской хронологии за последние десятилетия позволяют пересмотреть предложенные ранее датировки.

Исследования Французско-узбекской миссии на Афрасиабе и на Кок-тепа, в целом подтвердив выдвинутые ранее датировки Г. В. Шишкиной для периодов Афрасиаб II и Афрасиаб III, смогли дать более подробную хронологию этих периодов. Так, период Афрасиаб II был подразделен на Афрасиаб II а и б, а комплекс Афрасиаб III получил четкое разделение с комплексами Афрасиаб II (Bernard, 1996, p. 360, fig. 13, 14; Лионе, 2000, с. 75–76, рис. 1–3).

Сопоставление керамических комплексов, полученных П. Бернаром для периодов Афрасиаб II а и б, а также для периода Афрасиаб III с керамическими комплексами из древних наслоений Китаба и Афрасиаба, датированных С. К. Кабановым III–I вв. до н. э. (Кабанов, 1962б, рис. 1, 2, 4; Кабанов, 1969, рис. 3), позволяет значительно сузить хронологические рамки и ограничить их II–I вв. до н. э., а возможно, и I в. до н. э. Аналогичное сопоставление керамических комплексов из древних наслоений Китаба, датируемых Н. И. Крашенинниковой II–I вв. до н. э. (Крашенинникова, 1977б, рис. 22–25), позволяет сузить хронологические рамки до I в. до н. э. или даже до рубежа зр.

Возвращаясь к вопросу о малом количестве изделий, происходящих из стратиграфически датированных напластований, можно отметить несколько причин. Одной из основных является малая доступность для археологических раскопок слоев эллинистического периода из-за мощности перекрывающих культурных напластований, которая достигает порой свыше двух десятков метров на Афрасиабе, Еркургане, Китабе и Бухаре. Это предопределило то, что большая часть эллинистических материалов получена со считанных квадратных метров глубоких шурфов, а также на основе зачисток срезов склонов памятников и небольших раскопов.

Однако малое число изделий рассматриваемого времени не может быть объяснено исключительно упомянутым выше фактором. Значительное количество памятников с эллинистическими слоями были исследованы в последние десятилетия, в том числе давшие обширные керамические комплексы. Так, в конце 80-х гг. на значительной площади было исследовано крупное сельское поселение, расположенное в 19 км от Афрасиаба — Кумышкенттепа (Пугаченкова, 1989, с. 35–65). Со стратиграфического разреза памятника был получен богатый керамический комплекс рассматриваемого нами времени, однако никаких следов терракотовой пластики в нем не отмечается. Французско-узбекской археологической миссией исследовался памятник Кок-тепа, расположенный в окрестностях Афрасиаба. Слои этого памятника, относимые к эллинистическому времени, здесь также никаких материалов по терракотовой пластике не дали². В этом контексте необходимо отметить, что ранние

слои периода Афрасиаб II–III (по Г. В. Шишкиной) были детально исследованы на раскопе № 9 (Шишкина, 1969б, с. 9; Она же, 1974, с. 28–51). Полученный Г. В. Шишкиной обширный керамический материал лег в основу выделения археологических комплексов Афрасиаб II–III (Шишкина, 1975). Однако и в нем не отмечены изделия терракотовой пластики.

Помимо крупных столичных городов археологическими исследованиями в последние десятилетия были затронуты сельские памятники с эллинистическими слоями. В частности, зачистками и срезами исследовались сельские поселения Пулад, Ляйлякуй, Тупхона (Иваницкий, 2005, с. 48–52), которые также не выявили рассматриваемого нами материала.

Таким образом, можно предварительно предполагать, что в IV–III вв. до н. э. в Согде терракотовая пластика не была распространена.

Малочисленность источниковой базы затрудняет изучение начального этапа развития терракотовой пластики Согда и предопределяет предварительный характер исследования.

Анализ мест нахождения позволяет отметить, что весь стратиграфически датированный материал II–I вв. до н. э. происходит с территорий крупнейших городских центров Согда и их округи. Десять предметов с территории столичного города Центрального Согда — Афрасиаба; десять из двух городских центров Южного Согда — городища Китаба и Еркургана — и поселений сельского типа в их округе Сарай-тепе и Киндаклитепа; три из городского центра Западного Согда — городища Бухары.

Рассматриваемый нами материал представлен тремя различающимися по функциональному назначению видами изделий — статуэтками, плиткой с рельефом и терракотой на керамике. К самостоятельным видам относятся статуэтки, которые представлены двенадцатью экземплярами, и плитки с рельефом, представленные всего одним экземпляром. К несамостоятельным видам относится керамика с применением терракотовой пластики: это налпы на сосудах (чашах, кратерах) и на ручках сосудов (зооморфные ручки), фигурные сосуды, в частности ритоны с фигурным оформлением рога³. Интересно отметить ранее выявленную на бактрийском и хорезмийском комплексах характерную особенность, которая подтвердилась и на немногочисленном согдийском материале. Согдийская терракотовая пластика на керамике также демонстрирует связь с сосудами, предназначенными для хранения, транспортировки и использования жидкостей (вина). В частности, мы имеем два кратера, ритон, кувшин и чашу с налпами с изображениями

² Информация предоставлена участником Французско-узбекской археологической миссии О. Н. Иневаткиной.

³ Здесь необходимо упомянуть, что по литературе в керамических комплексах эллинистического времени известны находки фрагментов двухсосковых ритонов, происходящих из стратиграфического слоя Афрасиаб II (Шишкина, 1974, с. 50, рис. 3, 6; Немцева, 1969, с. 168, рис. 5, 26). Однако оба упомянутых фрагмента ритонов не несут следов терракотовой пластики и по этой причине не включены в базу данных. Возможно, как и на двух сосковых ритонах Хорезма, пластическое оформление располагалось у несохранившихся устьев этих сосудов.

разных иконографических образов (Силен, Горгона, бюст мужчины, головки и бюсты женщин, головка быка и др.).

В изготовлении рассматриваемого набора изделий использовались следующие технологии: оттиск с матрицы, ручная лепка и комбинирование этих техник в изготовлении одного изделия. Ручной лепкой изготавливались как зооморфные образы, так и антропоморфные.

Немногочисленный материал эллинистического Согда, тем не менее, находит прямые параллели с типами или формирует общие типы со статуэтками Бактрии и Маргианы. Последнее может говорить о формировании единого комплекса для трех сопредельных территорий и позволяет рассматривать согдийские статуэтки в контексте общей типологии (Приложение 2). Всего для рассматриваемого периода выделяется 4 типа, к которым отнесено 5 изделий.

Тип 2. Вариант 2. Женская сидящая фигура, с атрибутами и без них, происходит из Афрасиаба в 1 экземпляре (рис. 268, 247, 3, табл. 24/7).

Тип 5. Женская фигура, обнаженная, стоящая со скрещенными ногами, без атрибутов в руках, происходит с Сарай-тепе в 1 экземпляре (рис. 268, 247, 5, табл. 24/14).

Тип 8. Вариант 2. Женская стоящая фигура с двумя зеркалами. Происходит из Афрасиаба в 1 экземпляре (рис. 247, 4, табл. 24/10).

Тип 11. Женская голова в головном уборе типа кулаха, происходит с городища Китаб в двух экземплярах (рис. 247, 1, 2, табл. 24/1, 2).

Помимо описанных выше типически повторяемых статуэток, выделяются индивидуальные, не находящие прямых аналогов в сопредельных регионах. К ним относятся образ женской обнаженной фигурки с руками, сложенными у лона (рис. 248, 2, табл. 24/3), и образ мужской в головном уборе конической или подтреугольной формы (рис. 248, 1, табл. 24/13). Одна лепная статуэтка из Еркургана находит аналогии в чирикбатской культуре и связывается исследователями с культурой дахов (Сулейманов, 2000, с. 200).

Среди статуэток два изделия передают образ всадника на лошади. Одна в виде оседланной лошади на высоких ножках с нижней частью прикрепленного к ней всадника. Вторая также на высоких ножках, лошадка с широкой грудью и сколами с обеих сторон, по мнению автора публикации, это следы крепления крыльев, однако наиболее вероятно, что это следы крепления всадника (рис. 249, 3, 4, табл. 24/5, 6). Среди зооморфных образов одним экземпляром представлены джейран, собака, бык и двумя фрагментами — статуэтки лошадей.

В терракотовой пластике на керамике можно отметить наличие трех наклепов на сосудах в виде погрудных бюстов женщин и мужчин (рис. 250, 1, 3, 4, табл. 25/1, 2, 3), одного наклепа в виде головы Медузы Горгоны и одного наклепа на ручку сосуда в виде головки быка (рис. 250, 5, табл. 25/4).

Результаты иконографического обзора рассматриваемых изделий, в силу ограниченности количества, дают основания для выявления лишь некоторых тенденций. В частности,

можно отметить, что антропоморфные образы представлены в большем числе, нежели зооморфные. Среди антропоморфных изображений женские преобладают над мужскими, однако не с таким подавляющим перевесом, как в Хорезме, а ближе к бактрийскому соотношению.

Особое значение в рассмотрении согдийских иконографических образов в терракотовой пластике имеет анализ стилизованных особенностей изображений. Руководствуясь предложенной ранее схемой (Двуреченская, 2005, с. 146–147), мы можем отметить наличие в рассматриваемом комплексе изображений, выполненных в эллинистическом, автохтонном, примитивном стилях. Можно выделить также наличие изображений в эллинизированном стиле (фрагментарность изображений — сохранились только головы — не позволяет судить о пропорциях всего изображения, важнейшем показателе стиля).

К изображениям эллинистического стиля отнесен образ женского персонажа из Сарай-тепе (тип. 2) (рис. 247, 5, табл. 24/14). Здесь мы видим пропорциональность, динамичность, выразившуюся в свободной позе, объемность, равномерность в проработке и обобщении деталей изображения и, наконец, реалистичность всего изображения. Этими же показателями характеризуются изображения на наклепе кратера в виде погрудного мужского персонажа (рис. 251, 1, табл. 25/6), а также на наклепе с изображением головы Силена (рис. 250, 2, табл. 25/5).

Головки двух однотипных статуэток из Китаба с изображением женского персонажа в высоком треховидном головном уборе (рис. 247, 1, 2, табл. 24/1 и 2), а также мужская голова на наклепе на сосуд в головном уборе типа невысокого подтреугольного колпака (рис. 250, 3, табл. 24/1) сохраняют значительную часть показателей эллинистического стиля. Однако в них уже отмечается неравномерность в проработке и обобщении деталей, определенная доля условности (неправильная трактовка ушей у мужского персонажа, локонов волос — у женского). Анализ стиля затруднен отсутствием возможности увидеть пропорции (т. к. от двух статуэток сохранились только головки, а наклеп представлен одной головой). Можно предположить в этих изделиях переходный этап от чисто эллинистического к эллинизированному стилю.

На трех статуэтках изображение выполнено в автохтонном стиле. Среди них: статуэтка женского персонажа в одежде с накидкой и с зеркалами в обеих руках (рис. 247, 4, табл. 24/10); статуэтка с сидящим персонажем (рис. 247, 3, табл. 24/7); мужской персонаж в треугольном головном уборе на лепном от руки тулове (рис. 248, 1, табл. 24/13).

В этом же стиле выполнено изображение женского персонажа, используемого в оформлении керамического сосуда, это наклеп в виде женской головы на ритоне из Афрасиаба (рис. 250, 4, табл. 25/3).

Особое значение имеет вышеупомянутая статуэтка женского персонажа с двумя зеркалами в руках. Она демонстрирует нам уже сложившийся отточенный иконографический

ческий шаблон, который с небольшой разницей в деталях будет широко распространен в последующие периоды (тип 8, вариант 2)⁴. В первую очередь его отличает диспропорциональность. Соотношение высоты головы к общему росту на таких статуэтках обычно 1 к 3,5–4,5. Такие пропорции вытекают из внимания исполнителя модели к лицу и головному убору персонажа. Анатомия тела совершенно условна. Основное внимание уделено атрибутам в руках персонажа и деталям одежды. Вследствие приоритета в изображении неких традиционных схем, символизирующих определенный идеологический смысл, передаваемый посредством изображения атрибутов, костюма, головного убора и характерного этнического образа лица, полностью утрачивается значение анатомии тела, его пропорциональности, живости и динамики. Становится каноном иератизм (строгая фронтальность и абсолютная статика). В рассматриваемой женской статуэтке мы видим изображение не столько женского персонажа, сколько ее символов или символов ее религиозного значения.

Все изображения, выполненные ручной лепкой, в силу особенностей технологии изготовления отнесены к примитивному стилю. Среди них все зооморфные образы (собака, джейран, две лошади), две статуэтки всадника на лошади и оседланная лошадка со следами крепления всадника, а также одна женская обнаженная статуэтка. В этом же стиле изготовлен слив на сосуде в форме головы быка.

Таким образом, можно сделать несколько предварительных выводов. В настоящее время мы не располагаем терракотами Согда, стратиграфически датированными периодом ранее II–I вв. до н. э. Набор предметов, выявленный нами (21 экз.), представляет три различных по функциональному назначению вида изделий: статуэтки, плитки и налпы на керамике (на стенках ритонов, кратеров, чаш, кувшинов).

Основная масса изделий терракотовой пластики, датированных II–I вв. до н. э., происходит из крупнейших городских центров: Афрасиаба, Бухары и Китаба. Единственной находкой, не связываемой с крупным городским центром, является терракотовая плитка с Сарай-тепе. Исследователь этого памятника А. Омельченко отнес его к поселениям сельского типа.

Так как основное количество изделий происходит с площади небольших шурфов и раскопов, в настоящее время не представляется возможным определение функционального назначения большинства мест (помещений, зданий), где были найдены терракоты.

При изготовлении рассмотренных датированных согдийских изделий использовалась как технология оттиска с матрицы, так и лепка от руки и комбинирование этих техник.

Как можно заметить, набор иконографических образов, стиль изображений, используемые технологии, местонахож-

дение рассматриваемых изделий терракотовой пластики Согда показывают нам лишь отдельные «элементы мозаики», по которым довольно сложно говорить о развитии этого вида материальной культуры в регионе. Тем не менее предварительные заключения мы можем составить. К концу эллинистической эпохи, во II–I вв. до н. э., терракотовая пластика получила здесь свое развитие. Более того, отмечаемая исследователями близость археологических комплексов Согда к бактрийским находит отклик и в рассматриваемых нами материалах, даже на столь незначительной выборке. Характерно, что обозначенная схожесть с терракотовой пластикой Бактрии заметна и по набору изделий. В частности, в Согде нет кувшинов с налпами на ручках в форме голов львов, фляг с сюжетными рельефами, столь характерных для Хорезма; но есть налпы на кратерах и чашах, столь характерные для Бактрии. Прослеживается параллель и по набору иконографических образов. В Согде нет приоритета лошадей среди зооморфных образов, нет подавляющего приоритета женского образа среди антропоморфных изображений, свойственных для Хорезма, но есть разнообразный набор зооморфных образов и значительный процент мужских статуэток на фоне доминирования женских. Более того, можно отметить значительное разнообразие и неоднородность в образах и стилях рассматриваемых нами изделий, что наталкивает на мысль о том, что процесс становления и вживания в согдийскую материальную культуру предметов с элементами терракотовой пластики, процесс выработки устойчивых иконографических образов во II–I вв. до н. э. находился только в начальной стадии.

I–IV вв. н. э.

Терракотовая пластика кушанского Согда представлена значительным по объему материалом. Целенаправленный сбор и изучение ее началось еще в конце XIX в., получив свое отражение в первых публикациях, посвященных раскопкам на Афрасиабе (Веселовский, 1887).

Согдийская пластика рассмотрена в более чем полутора сотнях научных работ. Это единственный регион Средней Азии, где по терракотовой пластике издано несколько каталогов (Мешкерис 1962, 1977а, 1989а). Однако, равно как и многотысячные коллекции коропластики Передней Азии, согдийские в большинстве своем представляют также массовый подъемный материал без археологического контекста (Двуреченская, 2005, с. 229–256).

Начиная с 60-х гг. терракотовая пластика Согда становится объектом специализированных исследований В. А. Мешкерис. Детальный анализ основных принципов работы В. А. Мешкерис был приведен выше, что дает возможность не останавливаться на вопросе обоснования возможности не использовать разработанные ею классификации.

⁴ Поскольку она происходит из слоев Афрасиаб II–III, то может быть отнесена к самому концу рассматриваемого нами времени, рубежу эр или даже к I в. н. э.

Для отбора изделий терракотовой пластики Согда кушанского периода необходимо было согласовать разночтения в хронологии, которые сложились еще в середине XX столетия и не до конца разрешены и поныне. Исследователи согдийской хронологии последовательно уточняют представления об основных чертах комплексов материальной культуры каждого хронологического этапа, основывая свои работы на пристальном изучении эволюции в первую очередь керамических комплексов. Литература, посвященная данному вопросу, чрезвычайно обширна⁵. Рассмотрение ее выходит за рамки данной работы. Однако представляется важным оговорить, что мы воспользуемся хронологией, предложенной Г. В. Шишкиной еще в 1969 г., и используем материалы, относимые ею к периодам Афрасиаб IV и V(I), включающие материалы из слоя Тали-Барзу I, с поправками по раннему эллинистическому периоду, внесенными французскими исследователями в конце XX в. (Шишкина, 1969б, с. 221–246; Bernard, 1996, p. 360–364).

При всей значительности музейных коллекций терракотовой пластики Согда удалось отобрать 65 предметов, происходящих из раскопок и сохранивших археологический контекст. Значительная часть согдийских изделий, в частности происходящая из памятников Южного Согда, не была включена в базу данных в связи с тем, что датировка их шире рамок рассматриваемого нами времени⁶.

Отобранные материалы происходят с шести согдийских памятников: Афрасиаб (11 экз.) (табл. 26/1–5, 13, 34; табл. 27/1–3, 5), Еркурган (24 экз.) (табл. 26/30–33, 40–52, 54–58; табл. 27/6, 7), Бухара (16 экз.) (табл. 26/14–29), Касантепа (1 экз.) (табл. 26/53), Ак-тепе 2 (5 экз.) (табл. 26/35–39) и Тали-Барзу (8 экз.) (табл. 26/6–12; табл. 27/4). Обращает на себя внимание то, что материалы происходят из крупнейших городских центров Согда и средних городищ, находящихся в их орбите.

Характерно, что основное количество приходится на статуэтки (58 экз.), четыре экземпляра приходится на керамику с применением терракотовой пластики, два — на очажные подставки, одним экземпляром представлена курильница.

В виду малочисленности стратиграфически датированных изделий Согда кушанского периода статистический анализ дает предварительные выводы.

Так, можно отметить, что из 65 изделий 41 изготовлено оттиском с односторонней матрицы; два изделия выполнены комбинированием ручной лепки и оттиска; 22 изделия выполнены ручной лепкой.

⁵ Григорьев, 1940; Он же, 1946; Тереножкин, 1950б; 1951; 1972; Кабанов, 1962б; Он же, 1969; Ставиский, 1967; Он же, 1984; Шишкина, 1969а, б; Она же, 1975; Лионе, 2000; Bernard, 1996 и др.

⁶ Многие южносогдийские памятники датированы III–V вв. н. э. (Кабанов, 1965; Он же, 1977). Не имея возможности выделить изделия, датируемые эпохой древности, мы были вынуждены отказаться от их включения в базу данных.

Характерно преимущество антропоморфных образов, их 46, зооморфных — всего 17, всадник на лошадке представлен одной статуэткой⁷.

Статуэтки

Среди антропоморфных статуэток подавляющее большинство представляют женский образ. Зооморфные образы представлены статуэтками лошадок, обезьяны, льва и верблюда.

Принципиально характеризующим терракотовую пластику кушанского Согда фактом является то, что из 56 антропоморфных статуэток 29 удалось типологизировать. Высокая степень стандартизации образов, что также отмечается и в значительных по количеству подъемных материалах, говорит в пользу не только широкого распространения и использования, но главным образом отлаженного производства и высокого спроса населения на продукцию с конкретным довольно узким набором иконографических образов.

Таким образом, 29 согдийских статуэток представляют шесть археологических типов (1, 2, 4, 8, 12, 14), находящихся аналогии в Бактрии и Маргиане (Приложение 2).

Тип 1. Вариант 3. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в драпирующейся одежде без атрибутов, происходят с двух памятников Южного и Бухарского Согда, с городищ Ер-курган (4 экз.) и Аяк-тепе 2 (5 экз.) (рис. 253, 1–5, табл. 26/30–39, 52). Этот тип в эллинистический период для Согда не известен. Однако в соседней Бактрии и Маргиане он был распространен и представлен статуэтками, выполненными в эллинистическом и эллинизированном стилях. На примере терракотовых статуэток кушанского Согда мы видим местную переработку иконографического типа 1, проявившуюся в первую очередь в автохтонном стиле. Они представляют собой самостоятельный 3-й вариант этого типа, передающий стоящий женский образ в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой. Данный иконографический образ по материалам эллинистической Бактрии является одним из самых распространенных и связывается с эллинистической богиней Кибелой (см. выше). Г. А. Пугаченковой данный образ по материалам Маргианы и Бактрии сопоставляется с великой Маргианской и Бактрийской богиней (Пугаченкова, 1959, 1966). По всей видимости, данные предположения очень близки и, отличаясь в интерпретации, отражают некую общую основу иконографии богини, которая была популярна длительное время на территории трех соседних регионов, а в Согде бытует до конца кушанской эпохи (Воробьева, 1990а, с. 117).

⁷ Статуэток всадников отмечено несколько десятков, часть из них происходит из стратиграфически датированных слоев. Однако в публикации нет их точного числа и описания (Сулейманов, 2000, с. 190–191; 196).

Тип 2. Вариант 2. Женская фигура, сидящая на троне или другом сидении, происходит с Бухары и представлена пятью экземплярами (рис. 254, 1–5, табл. 26/14–17, 21). Все статуэтки односторонние с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающие сидящий женский образ в одежде, отмеченной минимальными условными деталями (складками, с атрибутами в руках (ромбовидный предмет, веер, пальмовая ветвь, цветок)).

Данный тип появляется в Согде, Бактрии еще в эллинистический период. Три статуэтки относятся к варианту 2 (рис. 254, 1–3, табл. 26/14, 15, 16). Еще две статуэтки плохо определимы (Адылов, 1983, с. 66, рис. 1–5). Наибольшее распространение этого типа в Бухарском Согде приходится на рубеж эр или к первым векам н. э. (Адылов, 1983, с. 66). На Еркургане отмечен данный тип, датированный по иконографии III–IV вв. н. э. (Сулейманов, 2000, с. 193, рис. 154, 3). В Бактрии данный тип существует до III в. н. э. включительно (см. Приложение 2).

Тип 4. Женская обнаженная фигура, стоящая, с перекрестием на груди. Тип представлен двумя экземплярами из города Еркурган (рис. 255, 4, табл. 26/33, 56). Помимо стратиграфически датированных необходимо упомянуть еще 5 экземпляров этого типа, происходящих из Еркургана (Сулейманов, 2000, с. 192). Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей обнаженной женской фигуры подчеркнуто женственных форм с крестообразной перевязью на груди. Реконструируемая высота статуэток этого типа до 14 см. Статуэтки изготовлены оттиском с односторонней матрицы, изображения выполнены в эллинизированном и автохтонном стилях. Аналогичные статуэтки известны в Бактрии и Маргиане. В Согде статуэтки этого типа являют собой позднейшие образцы, выполненные в автохтонном стиле, и датируются II–III вв. н. э. (Воробьева, 1991, с. 112) и III–IV вв. (Сулейманов, 2000, с. 192, рис. 152, 4). Данный тип, передающий традиционный иконографический образ Афродиты, предлагается интерпретировать в восточной переработке как образ богини Атаргатис (Кошеленко, 1966, с. 108–109).

Тип 8. Вариант 2. Женская стоящая фигура в одежде с зеркалом в руке. Представлен тремя экземплярами, происходящими с Касантепа и Еркургана из слоев III–IV вв. (табл. 26/53–55).

Тип 12. Женская голова в башенной короне. Представлен односторонними статуэтками с изображением женской головы с лицом местного этнического типа с большими глазами, прямым носом и массивным подбородком. На голове персонажа характерный тип «башенной» (муралис) короны. Не сохранилось ни одного целого образца. Два экземпляра происходят только с территории Бухары. По всей видимости, этот тип был довольно востребован, так как в Бухарском Согде известна серия аналогичных статуэток из подъяема, происходящая с Варахшы (рис. 255, 1, 2, табл. 26/19, 20) (Адылов, 1983, с. 70, рис. 1, 9). Хронологические рамки бытования в Согде укладываются в период II–III вв.

н. э. Впервые статуэтки данного типа появляются в Бактрии и известны по материалам бактрийского города Ай-Ханум, где они связываются с образом эллинистической богини Тюхе.

Тип 14. Вариант 1. Тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в местной одежде с накидкой, в головном уборе с бантом на макушке, невысоким кокошником или покрывалом с миниатюрными предметами в одной или двух руках (плод, растение и т. п.). Представлен 7 экземплярами, происходят только с территории Самаркандского Согда: из Афрасиаба (4 экз.) и Тали-Барзу (3 экз.) (рис. 256, 1–7, табл. 26/1, 3–6, 11, 12). Наиболее многочисленный и характерный для Согда тип. Известны подобные статуэтки и в Бактрии. Хронологические рамки бытования типа — I–IV вв. н. э.

Тип 18. Четыре статуэтки, вследствие утраты их головок, отнесены к этому типу только предварительно. Статуэтки изготовлены в комбинированной технике. Цилиндровидные туловища, с небольшими выступами-отростками вместо рук, вылепленные вручную, с предполагаемыми по аналогиям в Бактрии головками, изготовленными оттиском с матрицы. Происходят с городища Еркурган, известно 4 экземпляра (табл. 26/41–44).

Статуэтки с индивидуальными иконографическими образами

Десять антропоморфных статуэток было отнесено к индивидуальным типам. Шесть из них несут женские образы и четыре — мужские.

Среди мужских персонажей с местным этническим обликом арфист в кушанском костюме (табл. 26/34); статуэтка мужчины с окладистой бородой и пышными усами (табл. 26/47); голова мужчины без усов и бороды с головным убором типа венца (табл. 26/2).

Среди женских: статуэтка сидящей на троне с руками, сложенными у лона, в головном уборе типа колпака (табл. 26/7); голова женщины с прической типа «египетского парика» (табл. 26/8); голова женская в подтреугольном колпаке (табл. 26/10); головка женская со знаком V на щеках (табл. 26/13); статуэтка женщины в одежде, с широким круглым лицом, туловище непропорционально мало, на шее ряд пуансонных кружков (табл. 26/18).

Стоит подчеркнуть сохранение эллинистических образов в этой группе статуэток. К ним необходимо отнести образ Силена, матрица для изготовления которого была найдена в слоях II в. на городище Еркурган (табл. 26/45). Здесь же в слое I в. н. э. была найдена женская головка, имеющая эллинизированный облик (табл. 26/46).

Небольшое число индивидуальных типов косвенно говорит о высокой стандартизации набора иконографических образов. Данный вывод подкрепляется и на значительном по объему подъемном материале (Мешкерис, 1989, с. 109–158).

Статуэтки, как наиболее широко представленный вид изделий, ярко иллюстрируют нам сложение в кушанский период в Согде своего автохтонного стиля и каноничного набора иконографических образов, доминирующая роль в котором принадлежит женскому образу, стоящему в одежде местного покроя с атрибутами в руках.

Помимо статуэток в согдийской пластике единичными экземплярами представлены такие несамостоятельные виды, как терракота на керамике, на курильницах, на очажных подставках.

Терракота на керамике представлена двумя фрагментами сосудов с зооморфными налепами на ручках, происходящих из гончарной мастерской городища Афрасиаб (слой Афр. IV по: Тереножкин, 1951, с. 140.) (табл. 27/1, 2).

Терракотовая пластика на курильнице представлена всего одним изделием, происходящим из той же гончарной мастерской городища Афрасиаб (слой Афр. IV по Тереножкину). Курильница в виде колонны на 3 ножках с чашей наверху и лепным изображением стоящих и сидящих фигурок в двух ярусах по стволу колонны. Аналогичные изделия известны по бактрийским материалам, в частности курильницы из Халчаяна (Пугаченкова, 1966, с. 229, рис. 107, 6) (табл. 27/5).

Очажные подставки происходят из городища Афрасиаб (табл. 27/3) и Тали-Барзу (табл. 27/4). Очажные подставки вытянутой массивной формы, оба конца имели зооморфное навершие в виде стилизованных голов барана с витыми рогами. Подставки эти по своей морфологии близки каунчинским и принципиально отличны от подставок хорезмийского или бактрийских типов. На эту близость указывал Г. В. Григорьев (Григорьев, 1940, с. 93, рис. 3г, ж).

* * *

Таким образом, отмеченные тенденции в терракотовой пластике Согда эллинистического периода получили наибольшее развитие в кушанское время. Среди них в первую очередь следует отметить значительную стандартизацию иконографических образов и превалирование типически повторяемых статуэток над индивидуальными. В свою очередь, среди типически повторяемых статуэток утверждается очевидный количественный приоритет статуэток типа 14 (с учетом подъемных материалов) с женским стоящим персонажем в кушанском костюме, с атрибутами в руках. Остальные типы демонстрируют нам неразрывную связь в развитии иконографических образов с соседними регионами Бактрии и Маргианы (тип 1, 2, 4 и 12). Яркой характеристикой согдийской пластики кушанского времени является утверждение самобытных изобразительных канонов и вытеснение ими всех остальных. Так, в отличие от предыдущего эллинистического периода, в кушанском комплексе отсутствуют изделия, изготовленные в эллинистическом или эллинизированном стилях.

Помимо стандартизации иконографических образов в статуэтках отмечается также сужение самого набора разных по функциональному назначению видов изделий. Значительно сокращается число терракотовой пластики на керамике (до двух единиц). В отличие от раннего периода мы имеем только зооморфные образы в виде налепов на ручки сосудов. Единицами представлены очажные подставки также с зооморфными образами на навершиях в виде голов барана. Эти изделия являются маркером для кочевой культуры Каунчи и свидетельствуют о контактах с ней.

Глава V

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА МАРГИАНЫ

IV—I вв. до н. э.

Особенность археологического исследования территории Маргианы заключается в том, что основные работы на протяжении нескольких десятилетий были сконцентрированы на одном памятнике столицы области — городище Гяур-кала — и на ее цитадели Эрк-кала (рис. 259). Именно с территории этого памятника происходит подавляющее большинство изделий. Огромное число находок было поднято с поверхности, которая каждой дождливой весной обнажает новые артефакты.

На территории городища Гяур-кала, которое по площади занимает свыше 3 квадратных километров (или 350 га), было заложено более 18 раскопов и 13 стратиграфических шурфов и разрезов. Последовательным и, как видно из приведенных цифр, широкомасштабным исследованием памятника с 1947 г. занималась Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция (ЮТАКЭ)¹.

Несмотря на крупные археологические исследования на городищах Гяур-кала и Эрк-кала, предметы терракотовой пластики, относящиеся по данным стратиграфии к периоду IV—I вв. до н. э., были получены с незначительной площади нескольких шурфов и раскопов. К ним относятся: раскоп 2, расположенный в северо-восточном квадрате Гяур-калы, вблизи ворот цитадели Эрк-калы; раскоп 6, помещенный также в северо-восточном квадрате Гяур-калы у ее северных ворот, раскоп 4, разбитый в юго-восточном квадрате Гяур-калы и раскоп 7, заложенный в центре городища. Из перечисленных объектов слои IV—I вв. до н. э. были получены в шурфах раскопа 7 (Ш 2) и раскопа 6 (Ш в комнате 1).

Таким образом, на территории Маргианы мы видим такую же картину недоступности материалов IV—I вв. до н. э., погребенных под многометровой толщей более поздних культурных напластований, как на территории Бактрии и Согды. Необходимо, однако, отметить, что в отличие от упомянутых сопредельных регионов в Маргиане мы не имеем однослойных памятников эллинистического времени, таких как Ай-Ханум в Бактрии или Калалы-гыр 2 в Хорезме. Находки

именно с этих памятников составляют значительную часть стратиграфически датированных изделий этих регионов. В частности, из 83 терракот Бактрии 63 происходят из Ай-ханум. Из более чем 400 изделий Хорезма 226 происходят из Калалы-гыр 2. В свете вышесказанного, 6 предметов из слоев, датируемых авторами раскопок II—I веками до н. э., полученных из 3 археологических объектов на территории древней столицы Маргианы Гяур-кале — не представляют собой уникального явления, а лишь отражают общую обьективную картину, сложившуюся в истории археологического изучения раннеантичных напластований древних городов в Средней Азии.

На сегодняшний день коллекция терракотовой пластики Маргианы в значительной своей части утрачена². Поэтому работа по составлению базы данных опиралась в первую очередь на публикации авторов раскопок.

В результате удалось выделить 7 статуэток, происходящих из слоев, датируемых II—I вв. до н. э. Остановимся подробнее на описании этих изделий.

В раскопе 2 — «дом металлста», в северной части комплекса ниже уровня полов помещений 2 и 3 III периода в слое с монетой Орода I (56–37 г. до н. э.) найдены две статуэтки (Усманова, 1963б, с. 177).

Первая статуэтка сохранилась фрагментарно (только верхняя половина), изображает женщину с овальным лицом, тонкими правильно моделированными чертами лица (прямой нос, крупные глаза с веками) (рис. 260, 5, табл. 28/2). Прическа в виде забранных в отдельные локоны волос, расположенных вокруг лица до уровня ушей. Поверх головы наброшен платок. Левая рука прижата к груди. Остальные детали неразличимы. Оттиск статуэтки имел высокий рельеф и был выполнен в «сероватой» глине. К сожалению, нам не удалось установить размер рассматриваемого изделия. В публикации Г. А. Пугаченковой эта статуэтка относится к типу «ранней богини матери» и датируется II—I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1959, с. 123, рис. 2). Однако в последующей публикации эта же статуэтка дается Г. А. Пугаченковой как происходящая из раскопа 3 (Пугаченкова, 1962а, с. 121–122, рис. 2, 2).

Вторая статуэтка изображает стоящую женщину в драпирующейся косыми складками одежде с глубоким декольте (рис. 260, 6, табл. 28/3). Лицо удлиненное, волосы забраны в высокую буклю. Короткая толстая шея. Открытая высоко поднятая грудь полуобнажена, левая рука опущена вниз, правая прижата к груди. Размеры статуэтки неизвестны. Несмотря на датировку автора раскопа слоев, из которых происходит данная находка, в публикации Г. А. Пугаченковой она датируется I в. н. э. и относится к типу маргианской богини, в которой уже отразился процесс «парфянизации»

¹ Развернутое описание истории изучения Гяур-калы приведено в работе М. И. Филанович (Филанович, 1974, с. 15–24).

² В 80-х гг. коллекция маргианских терракот (сбор ЮТАКЭ) находилась в г. Ташкенте в Институте искусствознания им. Хамзы. В начале 90-х гг. в период развала СССР, ее там обнаружить не удалось (по данным В. Н. Пилюкко).

(Пугаченкова, 1959, с. 129–130, рис. 9, 1). Позднее эта же статуэтка датируется I–II вв. н. э., что ярко демонстрирует нам необоснованный отрыв в искусствоведческом исследовании терракотовой пластики от археологического контекста ее места и условий нахождения (Пугаченкова, 1962а, с. 133, рис. 11).

В раскопе 4 из отвала керамических печей раннепарфянского времени происходят две женские статуэтки.

Первая (рис. 260, 1, табл. 28/4) с изображением стоящей женщины в одежде, высоко подпоясанной под грудь. Правая рука согнута и поднята к правому плечу, левая опущена и придерживает одежду, образующую горизонтальные складки. Голова и низ статуэтки утрачены. Раскопки на этом объекте проводил И. Ахраров. Дата слоев, из которых происходила находка, указана в работе М. И. Филанович (Филанович, 1974, с. 22). Г. А. Пугаченкова также датирует эту статуэтку II–I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1959, с. 125–126, рис. 5, 2; Она же, 1962а, с. 124, рис. 5, 2).

Вторая статуэтка представляла собой (рис. 260, 4, табл. 28/6) обнаженную по пояс женскую фигуру, правая рука которой согнута и придерживает грудь, а левая опущена к низу живота и придерживает спадающую до пят ткань с рельефной фактурой в виде мелких завитков. Г. А. Пугаченкова датирует статуэтку также II–I вв. до н. э. и относит ее к типу «ранней богини-матери» (Пугаченкова, 1959, с. 122–123, рис. 1, 1а и б; Она же, 1962а, с. 120, рис. 1).

И наконец, из раскопа 6 — квартала мукомолов, расположенного у северных ворот Гяур-калы, происходит одна статуэтка, идентификация которой вызывает некоторые сомнения. Однако из всех терракот из раскопа 6 только одна описывается как происходящая из слоев шурфа, датированных II–I вв. до н. э.

Авторами раскопа она описывается происходящей из шурфа в комнате 1, XX яруса, из слоя с серебряной монетой Артабана II (129/8–124 гг. до н. э.) (Буряков, Кацурус, 1963, с. 124). Статуэтка несет изображение стоящей в драпирующейся одежде женской фигуры с подчеркнутой высокой грудью. Голова и низ статуэтки утрачены (рис. 260, 2, табл. 28/1).

Еще одна статуэтка происходит с Джин-депе, авторы раскопок датируют ее временем не позднее I в. до н. э. Она несет образ обнаженной богини с перекрестной перевязью на груди, который был интерпретирован как Атаргатис (Кошеленко, 1966, с. 108–109) (рис. 260, 7, табл. 28/7)³.

Приведенный выше материал эллинистической Маргианы, несмотря на малочисленность, тем не менее находит прямые параллели с типами или формирует общие типы со статуэтками Бактрии и Согда. В свою очередь, это позволяет

говорить о формировании единого комплекса для трех сопредельных территорий и позволяет рассматривать маргианские статуэтки в контексте общей типологии (Приложение 2). Всего для рассматриваемого периода выделяется три типа, к которым отнесено 4 изделия.

Тип 1. Женская фигура, стоящая в греческом костюме с правой поднятой рукой, происходит из Гяур-калы в двух экземплярах (табл. 28/3, 4). Причем каждая статуэтка представляет отдельный вариант этого типа.

Вариант 1 представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в подпоясанном хитоне (подпоясан пояском со свисающими спереди концами), без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к бедру левой рукой. Выполнен в эллинистическом стиле. Реконструируемая высота статуэток этого варианта до 12 см (рис. 260, 1).

Вариант 2 представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в платье местного кроя, без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой рукой. На голове высокая прическа или высокий головной убор (рис. 260, 6). Иконография этого типа статуэток не определена однозначно, но представляется наиболее близкой богине Кибеле.

Тип 4. Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей обнаженной женской фигуры подчеркнуто женственных форм с крестообразной перевязью на груди. (рис. 260, 7, табл. 28/7). Происходит с Джин-депе в одном экземпляре. Датируется I в. до н. э. Интерпретируется образ как Атаргатис (Кошеленко, 1966, с. 108–109)

Тип 5. Представлен односторонними статуэтками с заглаженной спинкой и неполной подрезкой боковин, оставляющей на уровне ног незначительный фон. По сути, является переходной формой от статуэток к плиткам с рельефом. На статуэтках этого типа представлен образ стоящей обнаженной женской фигуры с красивыми пропорциями, с поднятой к груди левой рукой и опущенной вдоль туловища правой. Основная опора фигуры приходится на левую ногу, правая согнута в колене, опирается на носок, при этом образуя перекрестье с левой ногой на уровне голеней. На груди массивная гладкая гривна. Лицо с тонкими чертами, передающими молодой возраст женщины. Прическа с длинными, уложенными вертикальными и горизонтальными прядями волосами. Высота статуэток этого варианта от 7,5 до 8,5 см. Происходит с Гяур-калы в одном экземпляре. (рис. 260, 3, табл. 28/5).

Еще одна статуэтка с Гяур-калы (рис. 260, 2, табл. 28/1) фрагментирована, но предположительно могла быть отнесена к типу 1.

Одна статуэтка с образом обнаженной женщины, поддерживающей правую грудь, не находит параллелей в со-

³ Вызывает сомнение происхождение статуэтки из раскопа 2 «дома металлиста», описание которой отсутствует у автора раскопа З. И. Усмановой, но у Г. А. Пугаченковой статуэтка описана как происходящая из слоев II–I вв. до н. э., поэтому это изделие исключено из рассмотрения (Пугаченкова, 1959, с. 123–124, рис. 3; Она же, 1962а, с. 122–123, рис. 3).

пределных регионах и является индивидуальным типом (рис. 260, 4, табл. 28/6).

Малое число терракотовых изделий из археологически датированных слоев не позволяет нам сделать какие-либо окончательные выводы. Поэтому предлагаемый анализ и выводы будут иметь лишь предварительный характер.

На основании выявленного нами стратиграфически датированного материала, а также на его отсутствии в стратифицированных слоях IV–III вв. до н. э., мы можем констатировать, что в Маргиане на сегодня неизвестны терракоты, происходящие из слоев, датированных ранее II в. до н. э.

Что касается технологии изготовления, то все рассматриваемые статуэтки изготовлены при помощи односторонних матриц, с которых получены оттиски с последующей ручной обработкой тыльной стороны и боковин.

Ранние статуэтки в Маргиане сконцентрированы на территории столичного города. Археологические разведки и раскопки в сельской округе пока не дали нам схожего материала даже в подъеме.

Если происхождение пяти из семи рассматриваемых статуэток не дает возможности связать их с помещениями, имеющими ярко выраженное функциональное назначение, то происхождение двух статуэток из отвала гончарной печи раннепарфянского времени говорит само за себя. Можно констатировать местное производство терракотовых статуэток уже во II–I вв. до н. э. на Гяур-кале.

Иконографический анализ показывает, что рассматриваемые нами статуэтки отражают исключительно антропоморфные образы. Более того, все статуэтки несут женский образ. По предложенной ранее схеме описания иконографических типов мы можем отметить тип стоящих в одежде и без атрибутов и тип стоящих обнаженных женских образов также без атрибутов.

Наиболее интересен анализ стиля. Используя ранее предложенную схему выявления или просчитывания стиля, на рассматриваемом материале однозначно можно зафиксировать эллинистический стиль (включающий в себя совокупность таких показателей, как пропорциональность (соотношение высоты головы ко всему росту 1 : 7–8), динамичность (свободные позы), объемность (имеется в виду характер изображения, а не характер изделия), равномерность проработки и обобщения деталей (к примеру, одинаковое внимание к анатомии тела и деталям одежды) и, наконец, реалистичность (Двуреченская, 2005, с. 146).

Однозначно к эллинистическому стилю могут быть отнесены две статуэтки (рис. 260, 1, 2, табл. 28/1 и 4). Они не только соответствуют стилю по всем вышеуказанным показателям, но и являются образцы, полученные с моделей, являвшихся произведениями искусства.

В отличие от вышеперечисленных статуэток, качество прорисовки статуэтки № 2 из раскопа 2 (рис. 260, 5, табл. 28/2), а также ее фрагментарность не дают возможности также уверенно относить ее к эллинистическому стилю.

Тем не менее можно отметить близость этого образа именно к нему.

Такая же ситуация с изображением статуэток № 5 и № 6 (рис. 260, 3, 4, табл. 28/5 и 64). В целом они соответствуют основным показателям эллинистического стиля, но не достаточно четкие прорисовки или, возможно, сработанность изображения самой матрицы, не дают возможности быть абсолютно уверенным в этом выводе.

Одна статуэтка характеризуется диспропорциональностью (соотношение высоты головы (без прически) ко всему росту 1 : 5,5; статичностью (включающей в себя фронтальность и иератизм); объемностью; равномерностью проработки и обобщения деталей; переход к условности изображения (грубая передача анатомии кисти правой руки, складки одежды более условны нежели передают живую игру светотени драпировок) (рис. 260, 6, табл. 28/3). Стиль этого изображения может быть отнесен к автохтонному.

В этой связи интересно напомнить, что в соседнем Хорезме эллинистический стиль отсутствует, а в Бактрии рассматриваемые иконографические образы выполнены не в эллинистическом, а в эллинизированном стиле.

Помимо статуэток на территории Маргианы отмечается наличие такого несамостоятельного вида изделий как терракотовая пластика на керамике, в частности фигурное оформление сливов сосудов и возможно ручек в виде голов животных. В керамическом комплексе жилого дома эллинистического времени, расположенного на юге Туркменистана Капыр-кала был обнаружен слив, по форме напоминающий голову барана. По мнению автора, он занимает промежуточное положение между аналогичными сливами Елькен-депе и Коша-депе (Пилипко, 1990, с. 70). Еще один слив представляет собой голову животного с рогами, прикрепленную к краю широкого венчика. По материалам памятника изделия датируются III–II вв. до н. э.

Важно подчеркнуть отсутствие характерного для сопредельных с Маргианой регионов разнообразия подвидов терракотовой пластики на керамике. Это отсутствие отмечается не только в стратифицированных, но и в многочисленных подъемных материалах.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предварительный анализ иконографии и стиля изображений изделий терракотовой пластики Маргианы II–I вв. до н. э. подтверждает в целом утверждение Л. И. Ремпеля о зарождении на рубеже эр «собственной традиции коропластики местной среднеазиатской школы». Об этом свидетельствует появление образа в автохтонном стиле (рис. 260, 6, табл. 28/3). Кроме того, проведенный нами анализ не противоречит предположению Л. И. Ремпеля о возможном влиянии греческой терракотовой пластики на раннем этапе.

Таким образом, мы можем сделать несколько предварительных выводов. На территории Маргианы эллинистического периода известно два вида изделий терракотовой пластики: статуэтки и керамика с применением терракотовой пластики.

В настоящее время мы не располагаем статуэтками, происходящими из стратиграфически датированных слоев ранее II в. до н. э. По находкам двух терракот в отвале керамического производства можно обоснованно предполагать наличие местного производства этих изделий в раннепарфянский период. Также важно отметить, что за исключением джиндепинской статуэтки остальные происходят из городского центра. Так как основное количество изделий происходит с площади небольших шурфов или из керамического отвала, в настоящее время не представляется возможным определение функционального назначения мест (помещений, зданий), где были найдены терракоты. Все датированные изделия терракотовой пластики изготовлены в одной технологии — оттиском с матрицы.

Немногочисленная рассмотренная серия датированных предметов представлена исключительно антропоморфными женскими образами. Именно это обстоятельство согласуется с некоторыми положениями концепции Г. А. Пугаченковой о «Маргианской богине». За исключением одной статуэтки все они выполнены в характерном эллинистическом стиле, распространение которого подтверждается не только рассмотренными нами датированными изделиями, но и подъемным материалом (Пугаченкова, 1959, с. 125, рис. 4). Наличие в Маргиане тех же типов статуэток, что были распространены в эллинистической Бактрии и Согде, позволяет видеть определенную общность в развитии этого вида изделий на рассматриваемых территориях. Несомненность влияния на терракотовую пластику Маргианы эллинской культуры и на возможную связь начала развития этого вида материальной культуры с греческими поселенцами указывалось и ранее в литературе (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 56). В свете вышеприведенного обзора это мнение находит дополнительное подкрепление.

I–IV вв. н. э.

В Маргиане I–IV вв. н. э. представлено значительно больше изделий терракотовой пластики, происходящих из стратифицированных слоев. К ним относятся материалы, полученные ЮТАКЭ, из квартала мукомолов, дома металлурга на городище Гяур-кала (табл. 29/1–51, 54, 55, 57–60; табл. 30/1), с раскопок на цитадели Эрк-кала (табл. 29/52, 53, 66, 72), с Гебеклы-депе (табл. 29/56, 61–65, 67–71, 74, 75), с сельского памятника Гули-депе (табл. 29/73), а также с некрополя Мунон-депе (табл. 30/2) (Усманова, 1963а, б; Кацурис, Буряков, 1963; Пугаченкова, 1962; Кошеленко, Оразов, 1965). Коллекция из более чем шестидесяти терракот кушанского времени, была собрана Среднеазиатской археологической экспедицией. Пятнадцать из них археологически датированы и происходят из Гебеклы-депе (12 экз.),

Эрк-калы (2 экз.) и Гули-депе (1 экз.). Всего в базу данных включено 77 предметов.

Характеризуя видовой состав, технологию изготовления, местонахождение и набор иконографических образов терракотовой пластики Маргианы I–IV вв. н. э. можно отметить следующее. Подавляющее большинство — 75 — это статуэтки, и лишь по одному изделию приходится на такие виды терракотовой пластики, как терракота на оссуариях и керамике.

Из всех рассматриваемых изделий 55% изготовлено оттиском с односторонних матриц, остальные 45% — ручной лепкой. Комбинирования этих технологий не отмечено. Большинство находок кушанского периода в Маргиане происходит из жилых помещений. До 10% представляют находки из гончарных мастерских, и единицы происходят из фортификационных сооружений и некрополя. Несмотря на кратное увеличение изделий, фиксируемых в стратиграфически ясных условиях, по-прежнему затруднительно и зачастую невозможно соотнести упоминаемое в литературе изделие с его изображением (рисунком или фотографией) и описанием. Однако подробное и последовательное описание археологических раскопок авторами исследований (Кацурис, Ю. Ф. Буряков, З. И. Усманова) с упоминанием всего комплекса находок для каждого отдельно взятого помещения сквозь призму стратиграфии все же позволяет нарисовать более объемную картину, чем отдельно взятые находки, происходящие с отдельного памятника. К сожалению, для других рассматриваемых нами районов подобная работа невозможна. Исключение составляет аналогичный комплекс, происходящий с Калалы-гыр 2, где было проведено соответствующее исследование. Можно только сожалеть, что по материалам Ай-ханум анализ местоположения большинства находок оказался невозможным, т. к. только изделия из «храма с нишами» были представлены в местах своего нахождения (Francfort, 1984).

Из более чем пятидесяти помещений, вскрытых в ремесленном квартале Раскола б на Гяур-кале, стратиграфически датированных II–IV вв. н. э., в 29 помещениях были обнаружены статуэтки. В трети из этих помещений располагалось по одной, а в остальных — по несколько статуэток. В большинстве случаев статуэтки обнаруживаются на полу, рядом с местом работы (ручные жернова, зернотерки и хумы для готовой муки). Характер большинства помещений, где были найдены статуэтки, предполагает работу в них по большей части женщин. Это отмечают и сами исследователи квартала, подчеркивая характерность обнаружения разного рода ювелирных украшений в помещениях с зернотерками и ручными жерновами (Кацурис, Буряков, 1963, с. 160). В помещениях были обнаружены как женские статуэтки, так и мужские и зооморфные, причем в разных комбинациях.

Среди иконографических образов статуэток Маргианы кушанского времени антропоморфные 60% (45 экз.), зооморфные — 30% (23 экз.), всадники 10% (7 экз.). Среди антропоморфных образов 80% женские образы (35 экз.),

16% мужские (7 экз.), 4% неясного пола. Среди зооморфных образов подавляющее большинство статуэток лошадей (15 экз.), одна корова и неидентифицируемые фрагменты.

В связи с упомянутыми трудностями идентификации изображений с описанием их в публикациях в маргианской археологии нам удалось типологизировать лишь десять статуэток с антропоморфными образами из материалов ЮТАКЭ. Из пятнадцати стратиграфически датированных статуэток САЭ, тринадцать относятся к трем типам, находящим параллели в коропластике кушанской Бактрии и Согда (рис. 268) и две отнесены к индивидуальным⁴.

Тип 1. Вариант 2. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в драпирующейся одежде без атрибутов. Платье украшено нашивными бляшками. Происходит с Гяур-калы (1 экз.) (рис. 261, 5, табл. 29/55).

Возможно, к подварианту относится статуэтка, изображающая женскую фигуру, стоящую с поднятой к груди рукой в гладкой почти нечитающей одежде без атрибутов. Происходит с Гебеклы-депе (1 экз.) (рис. 261, 11, табл. 29/61).

В кушанский период в Маргиане отмечается только 2 случая варианта 1-го типа, выполненный в автохтонном стиле, датируемый II–III вв. н. э.

Тип 5. Продолжает свое развитие с эллинистической эпохи. На статуэтке представлен образ стоящей обнаженной женской фигуры, с поднятой к груди левой рукой и опущенной вдоль туловища правой. Основная опора фигуры приходится на левую ногу, правая согнута в колене, опирается на носок, при этом образуя перекрестие с левой ногой на уровне голеней. Изображение выполнено в эллинизированном стиле и демонстрирует последний этап развития данного типа в регионе. Высота статуэтки 8,7 см. Происходит с Гебеклы-депе в одном экземпляре (рис. 262, 1, табл. 29/62).

Тип 8. Односторонние статуэтки с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением женской фигуры, стоящей в драпирующейся складками одежде с зеркалом в руке или обеих руках. Данный тип наиболее значим в пластике Маргианы и представлен 16 стратиграфически датированными статуэтками. Выделяется три варианта по различию деталей иконографии и стиля изображения. В Маргиане все три варианта получили широкое распространение.

Тип 8. Вариант 1. Женский образ в драпирующейся одежде, в высоком головном уборе, с зеркалом в правой поднятой руке (рис. 263, табл. 29/56, 64–69). Вариант 1 представлен стратиграфически датированными статуэтками из Гебеклы-депе (6 экз.) и Эрк-калы (1 экз.). Подъемные статуэтки рассматриваемого варианта известны также на Гяур-

кале, Чильбурдже и выполнены они в эллинистическом и эллинизированном стиле. Хронологические рамки варианта ограничены I–III вв. н. э.

Тип 8. Вариант 2. Женский образ с лицом «местного» этнического типа, облаченный в одежду с крупными украшениями, с зеркалом или зеркалами в обеих поднятых руках. Изображение выполнено в автохтонном стиле (рис. 263, табл. 29/23, 24, 70–72). В Маргиане вариант 2 представлен пятью изделиями с Гяур-калы (2 экз.), Гебеклы-депе (2 экз.) и Эрк-калы (1 экз.). Датирован преимущественно III–IV вв. н. э.

Тип 8. Вариант 3. Женский образ в расширяющемся книзу широком одеянии с правой поднятой к груди рукой, держащей зеркало, и левой, прижатой к животу с зеркалом в руках (рис. 263, табл. 29/28, 39, 41, 73). В Маргиане вариант представлен четырьмя статуэтками с Гяур-калы (3 экз.) и Гули-депе (1 экз.). Необходимо отметить, что статуэток этого типа упоминается значительно больше в подъемном материале. Лишь одна из них дает четкую датировку, несмотря на свой подъемный характер. Происходит она с гордища Гули-депе, обживание которого началось не раньше раннесасанидского периода, чем и подтверждает ранее предложенные хронологические рамки бытования третьего варианта статуэток типа VIII–IV вв. н. э.

В заключение рассмотрения столь широко распространенного типа статуэток, представляется уместным подчеркнуть ряд наблюдений. Статуэтки типа 8 в Маргиане сформировались не ранее I в. н. э. Их широкое распространение приходится на II–III вв. н. э. — время экономического подъема Маргианского оазиса.

За несколько столетий своего существования анализируемый тип претерпевает ряд качественных преобразований. Наиболее ранние статуэтки первого варианта изготовлены в эллинизированном стиле, сохраняя значительные черты достижений греческого изобразительного искусства. Близкие параллели им дают статуэтки II в. н. э. из столицы соседней Бактрии, также выполненные в эллинизированном стиле. Важно отметить, что в вариантах 2 и 3, выполненных уже в автохтонном стиле, прослеживается изначальный изобразительный ряд. Мы видим попытку отразить старый канон доступными изобразительными средствами в рамках понимания изготовителем образа.

Необходимо отметить исключительное значение на территории Маргианы образа, представленного на статуэтках типа 8. Такого доминирования отдельно взятого типа статуэток мы не наблюдаем в истории развития терракотовой пластики ни в одном сопредельном регионе на протяжении всей эпохи древности.

Количество статуэток типа 8 существенно уменьшается от первого к третьему варианту. Археологические датировки на сегодняшний день еще немногочисленны и дают довольно широкие хронологические рамки. Можно лишь констатировать, что если первый и второй варианты захватывают по большей части II–III вв. н. э., то последний

⁴ Как упоминалось выше, коллекция терракот САЭ насчитывала свыше 60 статуэток, большая часть из которых происходит из Гебеклы-депе, однако всего 15 изделий, имеющих четкий контекст находки, включены в базу данных. Тем не менее в исследовании использовался весь материал, имеющий подъемный характер, для уточнения иконографии по наиболее сохранившимся экземплярам. Публикация и подробный анализ всей коллекции приведен в специальной работе (Двуреченская, Новиков, 2013, в печати).

третий вариант тяготеет к III–IV вв. н. э. То есть в какие-то периоды возможно сосуществование разных вариантов. Общий вектор на деградацию образа и существенное убывание самого количества статуэток типа 8 позволяет косвенно предполагать постепенную утрату их значения, а возможно, и самого мифологического или религиозного образа, к концу III–IV вв.

Тип 21. Статуэтки и матрицы с изображением мужской стоящей фигуры, опирающейся на длинный прямой меч, с бруксвидным перекрестием (рис. 265, табл. 29/10, 42, 54, 63). Представлен тремя статуэтками и одной матрицей, происходящими из Гяур-калы (3 экз.) и Гебеклы-депе (1 экз.). Все статуэтки выполнены в автохтонном стиле. Местонахождение трех статуэток имеет интерпретацию функционального назначения, как жилых помещений ремесленного квартала. Появление мужских образов и матриц в жилых помещениях по материалам раскопок на Гяур-кале Р 6 относится к III–IV вв. н. э. и к концу II–III вв. н. э. по материалам раскопок на Гебеклы-депе. На статуэтке из Гебеклы-депе читается едва сохранившееся основания типа вилки, что ранее отмечалось только у статуэток варианта 1 типа 8.

Индивидуальные статуэтки

К индивидуальным образцам были отнесены всего восемь статуэток с антропоморфными образами и все зооморфные статуэтки, выполненные ручной лепкой. Среди антропоморфных статуэток представлен образ обнаженного лютниста, обнаруженный в квартале мукомолов на Гяур-кале, он датирован II–III вв. н. э. (табл. 29/64). Аналогичные фигурки с образом лютниста известны по подъемным материалам с Гяур-калы и продолжают бытовать и в период раннего средневековья (Пилипко, 1969, с. 101–103).

Интересна находка статуэтки из раскопа 1 на Эрк-кале, обнаруженной в ложной бойнице первой стены контрфорса (I–II вв. н. э.). Она представляет изображение стоящей в вооружении фигуры. Доспех гладкий в верхней части, чешуйчатый — в нижней. Правая рука опущена на бедро, левая согнута и придерживает меч с прямым перекрестьем на левом боку. Статуэтка выполнена горельефно. По мнению автора публикации, статуэтка несет изображение женской фигуры в доспехах и интерпретируется как образ девы, стража границы «Ард» (Усманова, 1963а, с. 77, рис. 36) (рис. 266, 1, табл. 29/52).

Еще одна статуэтка с раскопа 1 на Эрк-кале была обнаружена в кладке первой стены контрфорса (не позднее III в. н. э.) (рис. 266, 3, табл. 29/53). На ней изображен стоящий обнаженный мужской персонаж. Сохранился торс с основанием поднятых рук. На груди гривна с округлой подвеской. Бедра широкие. Подчеркнут признак пола. Автор упоминает аналогичные статуэтки, обнаруженные в подьеме с вала Гилякин-Чильбурдж, а также мервского городища и его округи, и приводит интерпретацию Л. И. Ремпеля, который видит

в статуэтке гермафродита. З. И. Усманова видит в статуэтке образ Сиявуша (Усманова, 1963а, с. 79, рис. 38).

Две статуэтки с Гебеклы-депе, датируемые I–II вв. н. э., отнесены также к индивидуальным типам. Обе представляют женские образы в полный рост. Одна фигура стоит в хитоне, ниспадающем до пят, поверх накинута гиматий, край которого придерживается левой рукой, вытянутой вдоль туловища. Правая рука согнута и на уровне груди придерживает складки гиматия. Хорошо моделированы округлые узкие плечи, длинная шея. Крупные глаза, почти прикрытые веками, переданными налечами, придают персонажу своеобразный «сонный» вид. Хорошо прослеживаются округлые дуги бровей, тонкий горбатый нос, очень маленький рот едва намечен, выделяется массивный овальный подбородок. Головной убор отсутствует, волосы, заброшенные назад, открывают уши, украшенные серьгами. Видимо, на голове было какое-то покрывало, переданное дополнительным объемом. Пропорции тела персонажа вполне верные. Подставка терракоты отсутствует, ею служила ее нижняя, несколько уплощенная часть (табл. 29/74).

И, наконец, миниатюрная статуэтка стоящей с вытянутыми вдоль туловища руками женской фигуры, задрапированной в тонкие одежды, в невысоком головном уборе или без него. Поскольку изготовлена оттиском с уже сработанной матрицы-калыба, детали изображения не читаются (табл. 29/75).

Заканчивая описание стратиграфически датированных статуэток Маргианы I–IV вв. н. э., следует отметить, что статуэтки преимущественно расположены в жилых кварталах или помещениях, имеющих производственно-бытовой характер. Зачастую они вписаны в бытовую и производственный контекст, что мы можем наблюдать на примере серии находок, происходящей из квартала мукомолов на Гяур-кале. В этой связи можно предположить существующую связь наборов статуэток (основной тип 8) с работающими в помещениях женщинами. Последнее наблюдение представляется немаловажным. На примере квартала мукомолов можно отметить высокую частоту встречаемости терракотовых статуэток (в 2/3 от общего количества исследуемых помещений).

В кушанский период в терракотовой пластике Маргианы утверждается автохтонный стиль. Статуэтки, изготовленные в эллинистическом стиле, единичны. Зародившаяся еще в эллинистический период местная традиция изобразительных канонов постепенно эволюционирует. Процесс этот хорошо прослеживается в развитии статуэток типа VIII и выражается в переходе от горельефных изображений к так называемым плоскоплиточным. Перекрестный анализ бытовавших иконографических образов и их месторасположение в определенном археологическом контексте позволяя предполагать, что и сами статуэтки, и образы, представленные на них, по всей видимости, находились в поле широких народных верований. Статистически зафиксированное со-

вместное нахождение статуэток с различными образами, включая как антропоморфные, так и зооморфные, а также всадников, в одном и том же контексте (способ хранения, использование, соотношение и месторасположение с иными предметами материальной культуры) позволяет осторожно предполагать отсутствие формальной разницы в отношении к этим изделиям. Последнее разительно отличает рассматриваемую серию от серий терракотовых статуэток в Хорезме более раннего времени, где они преимущественно связаны именно с храмовыми комплексами.

Помимо статуэток в Маргиане отмечены такие виды, как терракотовая пластика на оссуариях (Кошеленко, Оразов, 1965, с. 46) (рис. 267, табл. 30/2) и ритоны (Усманова, 1963а, с. 171). Один оссуарий происходит из хорошо датированного некрополя Мунон-депе, расположенного в Южном Туркменистане (в 35 км к северо-западу от г. Байрам-али). По монетным данным, а также по керамическому комплексу некрополь датируется рубежом эр и временем не позднее I в. н. э. (Кошеленко, Оразов, 1965, с. 46). Этот памятник имеет особо важное значение в исследовании вопроса об идеологии жителей Маргианы. Помимо хумов-оссуариев и кубкообразных чаш, используемых в качестве погребальных крышек, накрывающих кости похороненных, в некрополе было обнаружено 17 фрагментов от одного круглого в плане оссуария, стенки которого были оформлены с использованием терракотовой пластики. По форме оссуарий, по мнению авторов, являл собой модель погребального сооружения с купольным перекрытием. Необходимо подчеркнуть сочетание нескольких технологий, включающих резьбу по сырой глине, ручную лепку и оттиски одностороннего штампа. Сюжетная композиция оссуария располагалась на верхнем пояске, отделенном снизу наlepным валиком с резным орнаментом в виде косых насечек, а сверху завершавшимся зубчатой закраиной. Композиция включала три обнаженные женские фигуры в горизонтальном положении (с руками, поднятыми к голове и рвущими волосы) и фрагмент антропоморфной фигуры в вертикальном положении, отделенные друг от друга свободным пространством и изображением стилизованных деревьев. Довольно экспрессивное изображение сцены погребальной мистерии выполнено уже в чисто автохтонном стиле.

Исследователи мунондепинского некрополя, а также упомянутого оссуария, давая обзор известным парфянским некрополям, отмечают захоронения в туфлеобразных гробах, известные на территории Селевкии и Вавилона (Кошеленко, Оразов, 1965, с. 48). Нам бы хотелось подчеркнуть, что на одном из таких глиняных саркофагов, датируемых эллини-

стическим периодом, используется терракотовая пластика в виде налепов, изображающих обнаженные женские фигуры, однако в более иератичной позе, с плотно сомкнутыми ногами и руками, прижатыми к туловищу (Legrain, 1930, pl. XI, 68, 70). Это наблюдение дает возможность высказать предположение о сложившейся еще в эллинистический период парфянской традиции погребального обряда с мистериями, в котором ключевую роль играют женщины.

Традиция использования терракотовой пластики в погребальных сосудах, и в частности на оссуариях, сохраняется в Маргиане и в раннесредневековый период, что ярко демонстрирует ряд изделий из мервского некрополя (Пилипко, 1971, с. 19–27). Широкое развитие эта традиция получит также в соседнем Согде в раннесредневековый период. В. Н. Пилипко считает, что большинство терракот мервского некрополя играло роль оберегов, а фигурки всадников были также связаны с поминальным обрядом (Пилипко, 1971, с. 27).

Терракотовая пластика Маргианы, появившись в III–II вв. до н. э., продолжает свое развитие и в кушанский период. По материалам археологии она представлена в существенно большем количестве и отражается не только в статуэтках и керамике, но и в иных видах терракотовой пластики, в частности в оссуариях. В технологии изготовления статуэток почти одинаково представлены как оттиск с матрицы, так и ручная лепка. Комбинирование этих техник не отмечено. Анализ местонахождений показывает широкое распространение пластики в жилых и производственных кварталах. В кушанский период завершается сложение характерной маргианской «коропластической» школы, упомянутой ранее, а также ее развитие. Главную роль среди антропоморфных статуэток играет наиболее многочисленный тип 8 (с образом женщины с зеркалом). Позднее, к III в. н. э., возникает тип 21 с мужским образом в маргианском (сасанидском) костюме. Значительным числом представлены зооморфные статуэтки, в большинстве статуэтки лошадей и статуэтки всадников (суммарно они несколько уступают по количеству антропоморфным статуэткам). Иконографические образы на статуэтках Маргианы позволяют отметить непосредственную связь с сопредельными регионами, такими как Бактрия. Об этом свидетельствует в первую очередь наличие общих типов 1, 5, 8. В кушанский период статуэтки продолжают играть основную роль среди всех известных видов терракотовой пластики Маргианы, тогда как к периоду раннего средневековья они практически сходят на нет, и пластика начинает использоваться в основном на оссуариях.

Глава VI

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ТЕРРАКОТОВОЙ ПЛАСТИКИ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Свод археологически датированных изделий терракотовой пластики из четырех сопредельных регионов Средней Азии открывает широкие возможности на пути к прояснению вопросов генезиса, эволюции и взаимосвязей этого вида материальной культуры в античный период в целом и той роли, которую мог играть отдельный вид терракотовой пластики в культуре местного населения. В полной мере раскрыть этот вопрос представляется возможным только при сопоставлении рассматриваемых материалов и их перекрестном анализе.

Появление терракотовой пластики как явления в материальной культуре Средней Азии имело свои характерные особенности в каждом отдельно взятом регионе.

Наиболее ранним является хорезмийский комплекс, распространившийся во второй половине — конце IV в. до н. э. Примечательно, что для периода вхождения Хорезма в состав Ахеменидского Ирана изделия терракотовой пластики в материальной культуре не фиксируются. Появление ее в древнем Хорезме по историческим меркам происходит практически одновременно, что отражается в отсутствии, по современным данным, каких-либо этапов становления, переходных форм, поиска стиля. Данный генезис совпадает, или возможно, связан с этапом становления хорезмийской государственности. Перед нами предстает законченное явление в виде набора изделий, самобытных и ярких по стилю их исполнения, иконографии и, по всей видимости, по смысловой нагрузке, вкладываемой в них древними хорезмийцами. Это явление широко распространилось во всей материальной культуре, отражаясь как в существовавших ранее видах керамических изделий (очажные подставки, фляги, ритоны), так и зарождая новые (статуэтки). Не отмечая долгий и фиксируемый по данным археологии процесс эволюции, мы можем констатировать, что это явление довольно быстро перешло в стадию своего расцвета, который продлился свыше двухсот лет. Как уже было отмечено выше, распространившиеся в IV в. до н. э. различные по функциональному назначению виды терракотовых изделий имеют связь в иконографии, а также стилистике с изобразительным искусством и материальной культурой Ахеменидского Ира-

на. Характеризуя в целом терракотовую пластику древне-хорезмийского периода (IV–I вв. до н. э.), мы практически не фиксируем влияние эллинской культуры.

Появление различных видов терракотовой пластики на территории древней Бактрии, по имеющимся материалам, относится ко времени не ранее начала III в. до н. э. и связано с ярко выраженной эллинской культурной и технологической инновацией. Важно отметить, что влияние иранской изобразительной традиции в эпоху Ахеменидской империи хорошо известно в памятниках изобразительного искусства Бактрии. Однако это влияние не получило столь яркого отражения в терракотовой пластике, как это мы видим на материалах Хорезма¹. Бактрийская терракота, в отличие от хорезмской, имеет генетическую связь с традициями городов-государств материковой Греции и эллинистического Востока. Проявляется это в первую очередь в видовом наборе разных по функциональному назначению изделий, в иконографии, стиле и характере использования их в древней Бактрии III–I вв. до н. э.

Для территории Маргианы распространение терракотовой пластики по имеющимся на сегодняшний день стратиграфически датированным изделиям относится ко II в. до н. э. Однако для получения наиболее точного представления необходимо учесть ряд обстоятельств. Во-первых, крайняя малочисленность терракотовых изделий эллинистической Маргианы связана с малодоступностью слоев этого времени для археологических исследований. Во-вторых, имеющаяся коллекция терракотовой пластики из стратиграфических слоев позволяет увидеть непосредственную связь и влияние художественной культуры эллинистических городов-государств. Это наблюдение подкрепляется материалом подъемного характера. Помимо этого, очевидна перекличка и наличие одних и тех же иконографических типов с греко-бактрийским и согдийским комплексами терракотовой пластики эллинистического периода. Нужно отметить, что типы, представленные в маргианской пластике, ближе к своим эллинским прототипам, нежели те же типы в Бактрии, происходящие из Ай-Ханум. В первую очередь это подтверждается преобладающим использованием эллинистического стиля. В Маргиане, несмотря на малочисленность, статуэток, изготовленных в эллинистическом стиле, больше, чем в Бак-

¹ Важно отметить, что хорезмийская пластика рассматриваемого периода в сравнении с бактрийской, а тем более с согдийской и маргианской представляется как более устоявшаяся, выработавшая определенные каноны и набор иконографических образов (крупные серии отдельных типов). Значительное количество стратиграфически датированных изделий (396) свидетельствует об отлаженном производстве. На этом фоне начальный этап формирования бактрийской пластики имеет ярко выраженный привнесенный характер. Очевидно влияние, если не отражение, собственно эллинской культуры со свойственным для нее набором видов изделий и стилем изображений. Лишь позднее, в I в. до н. э., формируется собственно бактрийский характер терракотовой пластики. Однако даже в это время она не приобретает такой целостности и законченности, какой характеризуется хорезмийская традиция.

трии. Для бактрийской коропластики характерно использование переработанного изобразительного канона — эллинизированного стиля.

Согдийская пластика эллинистического периода также малочисленна. По стратиграфически датированным образцам время ее распространения относится ко II в. до н. э. Иконография демонстрирует нам очевидную взаимосвязь с типами статуэток, получившими распространение в этот период на соседних территориях Маргианы и Бактрии. При этом важно отметить, что на материале стратиграфически датированных терракот взаимодвижения с пластикой Хорезма не прослеживается.

Таким образом, мы имеем принципиальное различие на этапе возникновения терракотовой пластики как явления в материальной культуре между Хорезмом с одной стороны и Бактрией, Маргианой и Согдом с другой стороны. Для выяснения характера этого различия представляется необходимым рассмотреть его детально с разных сторон.

Одной из характерных отличительных черт является разница в соотношении применяемых технологий (диаграмма 40). Так, если для Бактрии характерно применение всех трех основных технологических приемов, при доминировании оттиска с матрицы, то для Хорезма наиболее распространенной является ручная лепка.

Для Бактрии, Согда и Маргианы доминирующим стилем, в котором выполняются предметы терракотовой пластики, является эллинизированный или эллинистический стиль, совершенно неизвестный для территории Хорезма.

Наиболее полно суть комплексов терракотовой пластики рассматриваемых регионов раскрылась при перекрестном сравнении набора иконографических образов, представленных на изделиях² (диаграмма 41). Обращает на себя внимание разница в приоритетах основных групп иконографических образов. Если для Бактрии и Согда характерно безусловное превалирование антропоморфных образов над всеми остальными, то для Хорезма главной темой являются зооморфные персонажи. При характеристике иконографических образов следует сказать, что для Бактрии, Согда и Маргианы узловыми являются изображения

богинь эллинистического круга (типы 1, 2, 6, 8). Для Хорезма же характерно обращение к образам иранской традиции, где зооморфные персонажи играют значительную роль (лев на ручках кувшинов, мифологические сюжеты фляг, ритоны с протомой животного с подогнутыми под себя передними ногами). Если рассматривать только статуэтки, то необходимо отметить, что женские и зооморфные образы представлены в равном количестве.

Несмотря на выявленное различие двух традиций изготовления и применения терракотовой пластики нельзя не отметить ряд общих черт. Во всех рассматриваемых регионах из всех видов терракотовой пластики доминирующими являются статуэтки и терракотовая пластика на керамике. Отличия в наборах разных по функциональному назначению изделий проявляются в наличии специфических видов, характеризующих культурную и духовную жизнь описываемых регионов, например, пластики на керамических

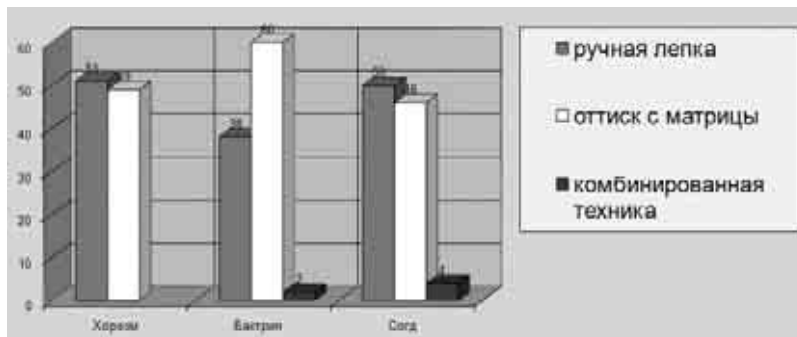

Диаграмма 40. Сравнительная диаграмма процентного соотношения основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики IV–I вв. до н. э. в Хорезме, Бактрии и Согде

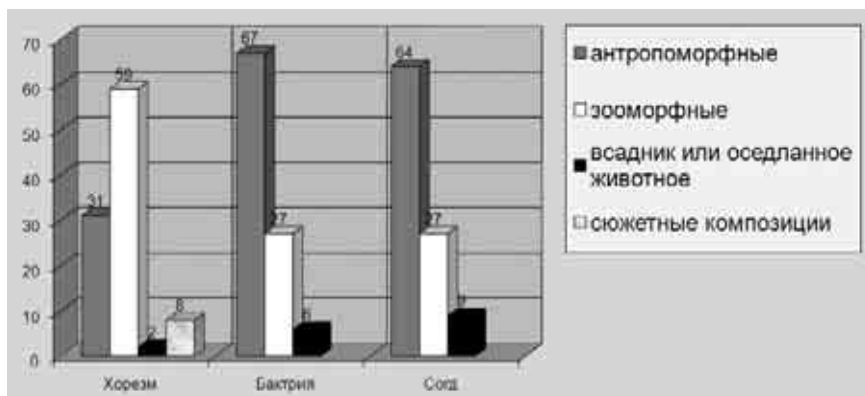

Диаграмма 41. Сравнительная диаграмма процентного соотношения изобразительной тематики в терракотовой пластике Хорезма, Бактрии и Согда в IV–I вв. до н. э.

² Малое число изделий Маргианы не позволяет использовать их в статистической сравнительной диаграмме.

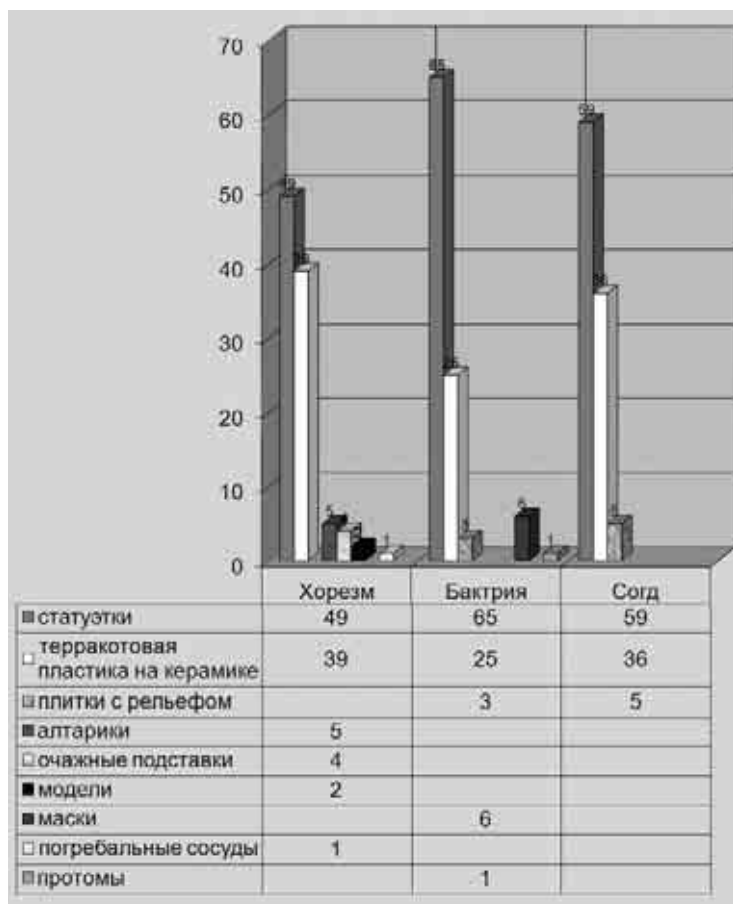

Диаграмма 42. Процентное соотношение разных видов изделий терракотовой пластики трех регионов Средней Азии в IV–I вв. до н. э.

флягах, погребальных сосудах в Хорезме или театральных масок, протом, отражающих эллинские стандарты, в Бактрии (диаграмма 42).

Также примечательно, что терракотовая пластика во всех рассматриваемых регионах сконцентрирована в крупных городах и укрепленных поселениях.

Особенно это характерно для Бактрии, Согады и Маргианы. В Хорезме отмечается более широкое распространение изделий, в том числе и на не крупных, не укрепленных поселениях. На основании имеющегося материала для Хорезма и Бактрии удалось выявить также связь с функциональным назначением местонахождения. Отличие бактрийской терракотовой пластики от хорезмийской проявляется в том, что значительный процент ее происходит из общественных сооружений, таких как гимнасий, театр, палестра, бассейн. Однако нельзя не отметить, что это связано со спецификой греческого города Ай-Ханум. Недоступность для изучения эллинистических слоев в городах Маргианы, Согады и Северной Бактрии не позволяет нам получить столь контрастную

картину. Тем не менее данный факт немаловажен, так как само расположение греческого города Ай-Ханум на территории Бактрии не могло не сыграть существенной роли в развитии материальной культуры и исторической судьбе этого региона. Для Хорезма взаимодействие с эллинской культурой выражено лишь в наличии ограниченного количества импортных изделий, не имевших дальнейшего развития и переработки в местной среде (однососковый ритон с образом Силена).

Характеризуя статуэтки, следует отметить в Хорезме IV–I вв. до н. э. подавляющую, а в Бактрии III–I вв. до н. э. — устойчивую (до 50%) связь с храмами и связанными с ними сооружениями (диаграмма 43). Важно учесть и характер самих храмов и культовых центров, откуда происходит терракотовая пластика. «Храм с нишами» в Ай-Ханум, несмотря на все противоречивые точки зрения, существующие в литературе, все же большинством исследователей связывается с божеством греческого происхождения (Bernard, 1990; Francfort, 1984, p. 125; Литвинский, 2000, с. 288). Соответственно, это накладывает свой отпечаток на характер и возможную интерпретацию роли как терракотовых статуэток, так и образов, на них отраженных. В частности, для айханумских статуэток типа I, найденных на территории «храма с нишами», не исключена роль вотивов. А иконография их несет безусловное влияние иконографии ряда эллинистических божеств, и в частности богини Кибелы.

Хорезмийские храмы или культовые центры Кой-Крылган-калы, Калылы-гыр — 2, Гяур-кала 3 также интерпретируются по-разному. Однако остается несомненным отражение в них восточно-иранской религиозной системы, включавшей зороастризм и архаические древнеиранские верования и культы (Калалы-гыр 2, 2004, с. 237–239). Соответственно, интерпретация образов на терракотовой пластике, происходящей с этих памятников, а также ее роли в жизни местного населения лежит в поле этих мировоззренческих систем. Наиболее сложным является вопрос об отождествлении персонажей, изображенных на терракотовых статуэтках. По мнению Б. И. Вайнберг, статуэтки использовались в системе домашних культов и ритуалов, а основные типы статуэток с женскими образами древнехорезмийского периода отражают пантеон божеств «низшего» ранга, покровительствовавших семье и ее членам в разных случаях, подобно Артемиде или Гестии³. Однако полученные нами данные о существенной концентрации статуэток в древнехорезмийский период на

³ Предлагаемые ранее отождествления с Анахитой (Толстов, 1948; Воробьева, 1967) подвергнуты позднее обоснованной критике (Лелеков, 1985).

территории культовых центров, храмов и связанных с ними постройках позволяют усомниться в предложенной версии, так как было бы логичным предполагать основную концентрацию их по месту непосредственного использования, т. е. в простых жилых домах. Кроме того, довольно узкий набор иконографических типов с женскими образами, бытовавший на протяжении всего древнехорезмийского периода, а именно всего три основных типа, повторяемых в массовых сериях (типы 1, 2, 3), не укладывается в представление о многочисленных второстепенных божествах «низшего» ранга, типа апсар ведийской мифологии. Представляется уместным отметить близость иконографии женских статуэток типа 1 (стоящая в одежде с «фижмами») и иконографии изображаемых на пластинах амударьинского клада «персиянок» с трилистниками (Приложение 1. Типология статуэток Хорезма. Тип 1).

Обращает на себя внимание разница образов, представленных на хорезмийской керамике и статуэтках, их принципиальная непересекаемость, что, в свою очередь, говорит о возможной разнице смыслового значения. В частности, не вызывает сомнений природа древнеиранских мифологических сюжетов, получивших яркое отражение на рельефах керамических фляг (Воробьева, 1967б, с. 201; Рапопорт, 1977, с. 58–71; Калалы-гыр 2, 2004, с. 213–236). В литературе неоднократно подчеркивался культовый и ритуальный характер керамической посуды с применением терракотовой пластики, отражающий влияние ахеменидской культовой практики и традиции (Толстов, 1948; Воробьева, 1967а). Среди наиболее ярких сюжетов на керамических флягах следует отметить «календарный миф»; единоборство человека и зверя; пир (мужской персонаж на фоне арфы); охоту (фрагменты бегущих зверей и всадников), а также образы всадника на двугорбом верблюде, всадника в вооружении на коне; мужской персонаж с флягой за спиной и виноградной гроздью; гопотшаха; мифологическое полиморфное существо, оленей и других травоядных в геральдических позах на фоне или рядом со стилизованными деревьями и др. Ритоны с протоименом животного с подогнутыми под себя передними ногами, а также кувшины с львиноголовыми ручками, сюжеты на флягах находят прямые параллели в парадной металлической посуде Ахеменидского Ирана (Никулина, 1994, рис. 193, 194, 297, 438, 444–446, 468, 495–500, 508–510, 512, 513, 450, 451, 453).

Таким образом, два разных источника происхождения терракотовой пластики Хорезма с одной стороны и Бактрии, Маргианы и Согды с другой легли в основу развития этого вида материальной культуры. Две судьбы этих ярких явлений культуры прослежены

на протяжении всей эпохи древности. По всей видимости, перед нами предстал сложный процесс взаимовлияния. Так, в Хорезме сама терракотовая пластика как технологический прием и обожженная глина как носитель передаваемых образов с одной стороны, стилистика и иконография самих образов, выполненных в иранских традициях, с другой стороны и семантика этих образов, отражающая как пришлый, так и местный религиозно-мифологический ряд, формировали мировоззренческую систему в эпоху становления самостоятельного древнехорезмийского государства. Причем нельзя не отметить, что становление это происходило под заметным влиянием изобразительных традиций, близких к наследию ахеменидского Ирана. Те же процессы мы отмечаем чуть позже для территорий Бактрии, Маргианы и Согды. Здесь оформление происходило под значительным влиянием эллинской традиции, отразившейся в стилистике, технологии и способах применения. На протяжении III–I вв. до н. э. привнесенные эллинские традиции на территории Бактрии переосмысливаются и используются в рамках культурных и идеологических запросов местного населения. С гибелью греческого города исчезают некоторые чисто греческие виды терракотовой пластики. Параллельно значительно перерабатываются привнесенные иконографические образы, расширяется география распространения терракотовой пластики, а также увеличивается иконографический набор образов в рамках сохранившихся видов терракотовой пластики. По всей видимости, те же процессы протекают в Согде и Маргиане.

В последующий хронологический период, I–IV вв. н. э., бытование терракотовой пластики во всех рассматриваемых регионах продолжается. Однако если в Хорезме мы фиксируем неуклонный спад и деградацию этого явления, то для Бактрии, Маргианы и Согды это время безусловного расцвета.

На рубеже эр или в начале I в. н. э. в Хорезме происходит религиозная реформа, которая отмечается в разных

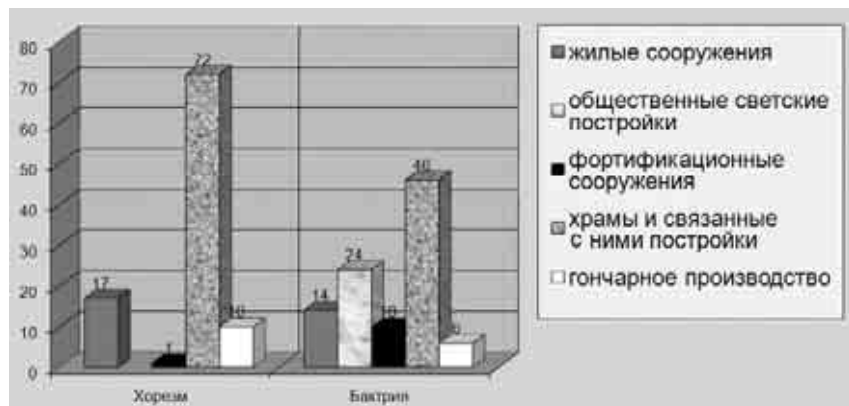
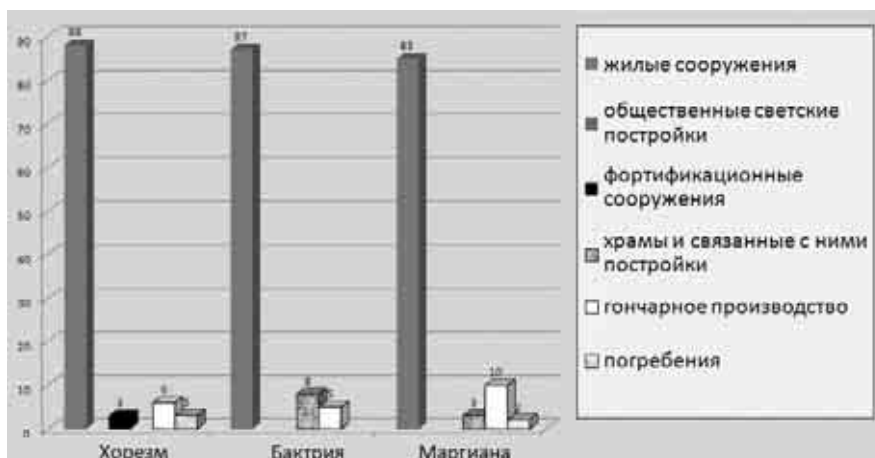

Диаграмма 43. Процентное соотношение мест нахождения терракотовой пластики в Хорезме и Бактрии IV–I вв. до н. э.

Диаграмма 44. Процентное соотношение мест нахождения терракотовой пластики в Хорезме, Бактрии и Маргиане в I–IV вв. н. э.

аспектах культуры (в том числе и в смене погребального культа) (Калалы-гыр 2, 2004, с. 242). Возможно, именно с ней связано резкое исчезновение наиболее ярких видов изделий терракотовой пластики несамоостоятельного характера, таких как рельефы на флягах, зооморфные налепы на ручках кувшинов и зооморфные протоны на ритонах. Резко сокращается и количество статуэток. Практически сходят на нет наиболее распространенные ранее статуэтки типов I, III. Основным становится тип обнаженной богини (тип II), и появляется два новых типа женских статуэток — с ребенком и сидящей на постаменте. Однако их количество ограничено единицами находок.

Как было отмечено выше, в кушанский период терракотовая пластика Бактрии, Маргианы и Согда переживала свой расцвет. В первую очередь это отразилось в широком распространении изделий, которые обнаруживаются повсеместно, как в крупных городах, так и в сельских поселениях. Более того, если в предыдущий период до половины изделий было обнаружено в культово-храмовых

и связанными с ними постройках, то теперь самое частое местонахождение изделий — это рядовая жилая застройка (диаграмма 44).

Широкая доступность изделий терракотовой пластики, их популяризация отразились также в увеличении различных видов изделий (погремушки, свистульки) (диаграмма 45)⁴.

Самостоятельность и зарождение школы коропластики в регионах Бактрии, Маргианы и Согда прослеживается лишь после падения греко-бактрийского государства, ближе к рубежу эр и началу кушанской эпохи. В I–IV вв. н. э. здесь продолжает сохраняться, в отличие от Хорезма, зна-

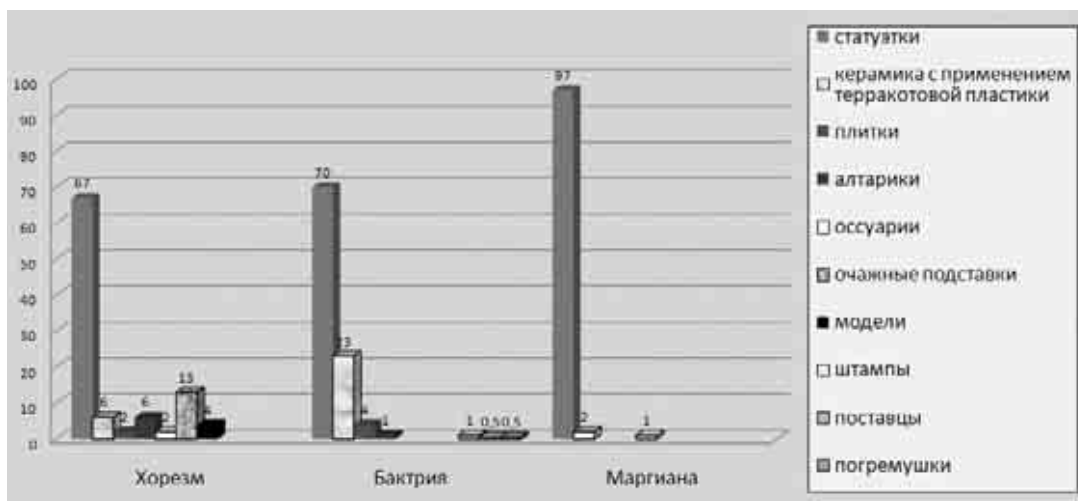

Диаграмма 45. Процентное соотношение видов терракотовой пластики Хорезма, Бактрии и Маргианы в I–IV вв. н. э.

⁴ В связи с недостаточным для статистического анализа количеством стратиграфически датированных изделий из Согда данные из этого региона не были включены в диаграмму. Однако значительные объемы согдийского подъемного материала совместно с датированными изделиями I–IV вв. н. э. надежно подкрепляют вывод о широком распространении терракотовой пластики в кушанский период и в этом регионе.

чительный процент терракотовых изделий, выполненных в эллинистической изобразительной традиции. Эти изделия, возможно, отражали соответствующие или те же религиозно-мифологические образы, что и в более раннее время. Так, на статуэтках Бактрии пять археологических типов, а в Маргиане и Согде — два типа несут позднеэллинистические иконографические образы. Однако определяющую суть «школ коропластики» составлял процесс рождения своих изобразительных канонов и образов, а также глубокая переработка ранее заимствованных. Каждый регион имеет свою окраску при общих тенденциях. Одним из ярких показателей являются приоритеты в используемых технологиях. Если для Бактрии эллинистического периода характерно преобладание технологии оттиска с односторонней матрицы, то в кушанское время становится приоритетной ручная лепка. Характерно, что для Хорезма приоритет такого способа изготовления был изначален. Это в первую очередь отражает существенную роль зооморфных образов (как правило, лепных), в частности на статуэтках (диаграмма 46).

Не менее важным показателем является формирование автохтонного стиля и собственных иконографических образов. Для каждого из регионов они отличны, но в целом отражают общую тенденцию к самостоятельности и отрыву от изначального заимствования.

В Бактрии кушанского времени фиксируется большое количество иконографических образов. Только на статуэтках было вычленено 17 археологических типов. Весь этот спектр образов представляется возможным разбить на четыре круга, которые отражают четыре изобразительные традиции. Они, в свою очередь, возможно, отражают определенную религиозно-мифологическую систему. К ним относятся изобразительная традиция позднего эллинизма, собственно бактрийская, вновь сложившаяся традиция, кушано-сасанидская и индо-буддийская (диаграмма 36).

Изобразительная традиция позднего эллинизма представлена несколькими типами женских статуэток (4, 6, 7, 8)

и двумя мужскими (9, 10). Хронологически большинство из них не выходит за рамки II в. н. э. Часть претерпевает глубокую переработку. Так, тип 6, женская стоящая фигура с виноградной гроздью, получает свое развитие от эллинизированного к автохтонному стилю и является наиболее многочисленной. Те же процессы происходят и с типом 8. Менялась ли при переходе от одной изобразительной традиции к другой сама суть рассматриваемых образов, по имеющимся материалам заключить довольно сложно. Часть статуэток продолжает бытовать до самого конца рассматриваемого нами времени (типы 6, 10). Тип 4, обнаженная с перевязью (Афродита или Атаргатис), в Бактрии эллинистического времени не известен, но зафиксирован в Маргиане, а позднее, в конце эпохи древности, иконография этого образа будет возрождена в Согде.

К собственно бактрийской традиции относится шесть типов с женскими образами (2, 14–18). Тип 2, наиболее многочисленный в Бактрии, получил свое развитие еще в эллинистический период (комплекс Ай-Ханум, где он представлен одной статуэткой в эллинизированном стиле). Исследователями айханумская статуэтка интерпретируется как отражающая одно из божеств Эллады (Деметру, Кибелу) (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 62). В кушанское время этот тип получает максимальное развитие, широко распространяясь и формируя несколько вариантов, выполненных уже в автохтонном стиле, с полной потерей элементов позднеэллинистической иконографии.

Кушано-юэчжийская изобразительная традиция представлена двумя типами с мужскими образами, выполненными в автохтонном и примитивном стилях (типы 20, 22). Наиболее многочисленный тип 20 представляет сформированный в первых веках н. э. образ, по всей видимости, кушанского правителя. Он хорошо узнаваем как в других видах терракотовой пластики (плитки с рельефом), так и в произведениях монументальной скульптуры.

Индо-буддийская традиция представлена тремя типами статуэток, а также плитками с рельефом (типы 23–24). Эти изделия несут изобразительные каноны иконографии Будды, бодхисаттв, адорантов, митхуны и популярных образов буддийских джатак, в частности обезьян.

Таким образом, бактрийская терракотовая пластика, пройдя от этапа своего зарождения в III–II вв. до н. э. до расцвета в кушанскую эпоху, к концу рассматриваемого времени, в эпоху раннего средневековья, претерпевает кризис. Причины этого кризиса — тема отдельного исследования, можно только предположить, что исторические события, ознаменовавшие

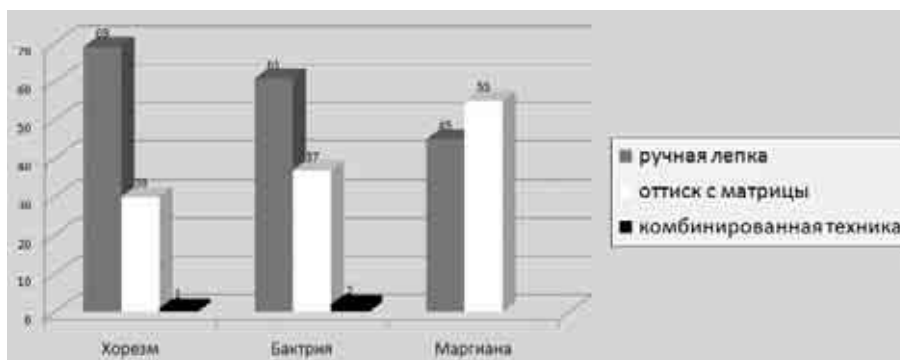

Диаграмма 46. Процентное соотношение основных технологических приемов в изготовлении терракотовой пластики Хорезма, Бактрии и Маргианы в I–IV вв. н. э.

начало раннего средневековья, не могли не повлечь и на традиции изготовления и использования терракотовой пластики в Бактрии.

В отличие от Бактрии в Маргиане при значительном увеличении количества изделий не наблюдается расширения видов терракотовой пластики. Также мы не видим принципиального увеличения числа типов статуэток. В первые века н. э. продолжает бытовать с эллинистического времени тип 1, выполненный уже в автохтонном стиле. Позднее он не фиксируется. На первый план в кушанский период выдвигается тип женской фигуры с зеркалом (тип 8). Он представлен несколькими вариантами и является узловым для региона. Вторым по значению образом является тип 21, передающий мужской облик сасанидского типа, появляющийся не ранее III в. н. э. Помимо этих двух массовых типов статуэток остальные маргианские. Эллинистические образы, стоявшие у истоков двух женских типов (1, 8), включенных в маргианский комплекс, постепенно теряют свою форму и, возможно, меняют изначальное смысловое значение.

В терракотовой пластике Согда I–IV вв., так же как и в Маргиане, не отмечается расширения видов. Основную массу изделий составляют статуэтки. Центральным образом, определяющим суть согдийского комплекса, является тип 14, стоящая женская фигура в согдийском костюме с накидкой, с атрибутом в руках, выполненная в автохтонном стиле. Имеется значительная коллекция статуэток этого типа подъемного характера, которая подтверждает широкое распространение терракотовой пластики в Согде кушанского времени. Особенностью согдийского комплекса можно считать довольно длительное бытование эллинистических образов. В частности, статуэтки типа 1 продолжают бытовать вплоть до эпохи раннего средневековья. Тип 4, стоящая женская обнаженная фигура с перевязью на груди (Афродита), и тип 12, женщина в башнеобразном головном уборе, представлены в материалах II–III вв. н. э.

Общими иконографическими типами позднеэллинистической традиции для регионов Бактрии, Маргианы и Согда являются в первую очередь наиболее значимые женские статуэтки типов 1, 2 и 8, а также типов 4 и 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История изучения терракотовой пластики Средней Азии эпохи древности насчитывает более ста лет. За этот период с той или иной степенью обобщенности был описан своеобразный набор терракотовой пластики каждого из историко-культурных регионов (Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма), характеризующий развитие изобразительной традиции и становление иконографии различных религиозно-мировоззренческих систем. Опубликовано коллекции ряда хранилищ, собраны и обработаны отдельные письменные и изобразительные источники. Установлены взаимовлияния терракотовой пластики с монументальным искусством, а также с изобразительным рядом на мелкой пластике, изготовленной на иных материалах (металл, кость, камень, гипс). Основным методом являлся искусствоведческий, который использовался для исследования проблем изобразительного ряда практически без всякого анализа археологического контекста. Внеконтекстное изучение визуального ряда привело к появлению большого числа противоречивых мнений, и проблема не может быть разрешена на уровне искусствоведческих подходов.

Изменить данное положение, на наш взгляд, позволяют разработка и применение археологических методов исследования изделий терракотовой пластики, включающих всестороннее изучение археологического контекста, стратиграфии и планиграфии. Для решения данной задачи потребовалось создание свода стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики. Только на базе такого свода возможно применение археологических методов исследования данного материала и установления надежной хронологической колонки, а следовательно, и выход на новый этап в изучении терракотовой пластики Средней Азии эпохи древности. В нашей работе была сделана попытка создания такого свода по всем массовым видам четырех историко-культурных регионов Средней Азии эпохи древности — Бактрии, Маргианы, Согда и Хорезма.

Для полноценного исследования материала археологическими методами одним из важнейших условий является **целостное рассмотрение терракотовой пластики как явления материальной культуры**. Это явление отражает совершенно определенный пласт материальной культуры со свойственными только ему признаками. К этим признакам в первую очередь относятся единство материала, технологии производства, наличие изобразительного ряда, функция ретранслятора религиозно-идеологических и культурно-эстетических идей и образов. По своей природе терракотовая пластика занимает промежуточное положение между керамическим производством и искусством. Исторически сложившаяся ситуация дифференцирован-

ного рассмотрения отдельных составных этого явления приводит к принципиальной невозможности вскрыть общие вопросы, в частности вопросы генезиса, хронологических этапов развития, векторов влияния и заимствований в рамках конкретной историко-культурной общности. Дифференцированное же рассмотрение отдельных составных в рамках контекста всего явления терракотовой пластики только расширяет и углубляет представления об исследуемой единице.

Таким образом, свод археологических источников по стратиграфически датированным изделиям включает в себя все составные части этого явления. Необходимость изучения в совокупности всех изделий терракотовой пластики потребовала введения понятия **вид**, который определяется по **его функциональному назначению**. К самостоятельным видам были отнесены статуэтки, плитки с рельефами, театральные и погребальные маски, протомы, алтарики; к несамостоятельным видам — терракотовая пластика на керамике, оссуариях, погребальных сосудах, очажные подставки, погребушки, свистульки и т. д. Сам набор видов изделий терракотовой пластики оказался важнейшим показателем, ярко отражающим особенности каждого отдельно взятого региона в определенный хронологический период, анализ которого пролил свет как на вопросы генезиса, так и на проблему восстановления этапов развития этого важного явления материальной культуры.

Следующим аспектом в изучении терракотовой пластики явилось выделение археологического типа. Принципиальное отличие его от типа иконографического заключается в том, что при выделении его на первый план выдвигается археологический контекст, а лишь потом показатели иконографии и стиля. Археологический тип как метод в исследовании предметов с изобразительным рядом, и в том числе терракотовой пластики, — практически не используется, так как традиционно к ним применяются уже апробированные методы искусствоведческого анализа самого изобразительного ряда. Нет методов искусствоведения, которые бы могли исследовать предмет целостно, с анализом его контекста, технологии, хронологии, функционального назначения наряду с изобразительным рядом. Однако именно такое целостное рассмотрение в контексте перечисленных показателей позволит этот вид материальной культуры перевести в ранг археологических источников, а не только источников по изобразительному искусству.

В нашей работе типологизации был подвергнут наиболее массовый и самостоятельный вид изделий — статуэтки. Результат ее применения отразился в первую очередь в прояснении генезиса терракотовой пластики как явления

в каждом отдельно взятом историко-культурном регионе, установлении этапов развития, времени зарождения собственных коропластических школ, выявлении характерных особенностей изобразительной традиции.

Терракотовая пластика каждого отдельно взятого региона в рамках определенного хронологического промежутка рассматривалась посредством анализа четырех групп показателей. В первую очередь выявлялся набор разных по функциональному назначению видов изделий. Затем анализировались технология изготовления, размеры и морфологические особенности. После этого рассматривались показатели археологического контекста и, наконец, показатели иконографии и стиля. Для понимания роли и места в жизни народов Средней Азии изделий терракотовой пластики важную роль играл анализ данных археологического контекста с применением статистических методов. Он позволил увидеть в хронологической последовательности появление, этапы распространения и количественные изменения разных видов изделий.

На основании вышеописанного подхода удалось вскрыть узловые проблемы генезиса и хронологических этапов развития этого вида материальной культуры на протяжении всей эпохи древности. Перед нами раскрылась картина двух судеб — терракотовой пластики Бактрии, Маргианы и Согды с одной стороны и Хорезма — с другой. У истоков первой судьбы — поход Александра Македонского и греческая колонизация, у истоков второй нет посредничества греков, но очевидно влияние Ахеменидского Ирана. Если для Бактрии, Маргианы и Согды эллинистическая эпоха — это эпоха зарождения, заимствования и начала переработки нового, то для Хорезма III—I вв. до н. э. — это время максимального расцвета, цельности и самобытности, проявленных в отлаженном производстве, высокой стандартизации, собственном широком наборе разнообразных видов изделий, ярком стиле, отточенных иконографических типах. При всем влиянии изобразительной традиции Ахеменидского Ирана терракотовая пластика Хорезма в этот период — самостоятельное сложившееся яркое явление материальной культуры, являющееся самоценным.

Следующий хронологический период от рубежа нашей эры до конца эпохи древности дал противоположную картину — угасание терракотовой пластики как самобытного яркого явления в материальной культуре Хорезма, что, возможно, было связано с проведенной религиозной реформой, и, наоборот, расцвет этого явления в Бактрии, Маргиане и Согде. В это время происходит рождение и укрепление собственных самобытных школ терракотовой пластики, характеризующихся оригинальным набором разных видов изделий, выработанным стилем и набором иконографических образов, характерных для этих трех регионов.

Данная работа представляет собой начало изучения терракотовой пластики Средней Азии археологическими методами. В результате ее проведения мы получили определенные контуры основных этапов развития, генезиса этого явления, смогли установить последовательность появления на протяжении всей эпохи древности различных видов пластики на территории Бактрии, Маргианы, Согды и Хорезма, их развития и исчезновения, выстроить векторы взаимовлияний и взаимодействия. Были выявлены устойчивые археологические типы для каждого из регионов. Однако предстоит значительная работа по уточнению наших представлений. Заявленный археологический подход, и в частности статистико-комбинаторные методы позволят выявить определенное количество изделий со свойствами надежных хроноиндикаторов. Это одна из важнейших и перспективных задач дальнейшего археологического исследования рассматриваемого материала.

Терракотовая пластика как явление материальной культуры древности зачастую является единственным массовым источником, отражающим религиозно-идеологические аспекты культуры общества. Для региона Средней Азии в отличие от Малой Азии, Переднего Востока и Индии мы имеем уникальную и массовую коллекцию изделий терракотовой пластики, происходящую из археологических раскопок и не потерявшую своего археологического контекста. Воспользоваться этими возможностями, применив адекватные методы, представляется очень важным.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане
ВДИ	— Вестник древней истории
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИРАО	— Записки Императорского археологического общества
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИАН ТуркССР (ИАН ТССР)	— Известия Академии наук Туркменской ССР
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИРКИСВА	— Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Российской академии наук
КСИИМК	— Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКТ	— Материальная культура Таджикистана
МТЭ	— Материалы Тохаристанской экспедиции
МХЭ	— Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ОНУ	— Общественные науки Узбекистана
ПИФК	— Проблемы истории филологии и культуры
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
САИ	— Археология СССР. Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТД СПИПАИ	— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР
ТТАЭ	— Труды Таджикской археологической экспедиции
ТИИАЭ АН ТуркССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮТАЭ	— Южно-Таджикская археологическая экспедиция
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
MDMAFAC	— Mémoires de la Mission archéologique française en Asie centrale
SPA	— A Survey of Persian Art

Список литературы

- Abdullaev K.* Armour of Ancient Bactria // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995.
- Abdullaev K.* A Stuck Moulding with Zoomorphical Image and Some Problem of Symbolism in North Bactrian Coroplastic Art // Information Bulletin IASCCA. 1996. № 20.
- Abdullaev K.* Buddhist Terracotta Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology. 1997–1998. N 5.
- Agrawala V. S.* Mathura Terracottas. Prithivi Prakashan, 1984.
- Ball W.* Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. Paris, 1982.
- Barrelet M. T.* Figurines et reliefs en terre cuite de la Mesopotamie antique // Institut Français d'Archéologie de Beyrouth. 1968. T. LXXXV.
- Bernard P.* L'Architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // Akten des XIII. Internationalen Kongresses für klassische Archaeologie. Mainz am Rhein, 1990.
- Bernard P.* Maracanda-Afrasiab colonie grecque // Atti dei Convegni Lincei. 1996. № 127.
- Contenau G.* La Glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922.
- Cumont F.* Les Fouilles de Salihyeh sur l'Euphrate // Syria. 1923. Vol. 4. N 4–1.
- Erlich A., Kloner A.* Maresha Excavations Final Report II: Hellenistic. Terracotta Figurines from the 1989–1996 Seasons. Jerusalem, 2008.
- Francfort H. P., Pottier M. H.* Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et post-harappéen de Shortugai (Afghanistan du N.-E.) // CNRS. 1978. T. XXXIV.
- Francfort H. P.* Le sanctuaire du temple à niches indentées // MDAFA. 1984. T. XXVII; Fouilles d'Ai Khanoum. T. III.
- Fukai S.* The Artifacts of Hatra and Parthian Art // East and West. 1960. Vol. 11. № 2–3.
- Gaibov V., Koselenko G., Novikov S.* Nouveaux documents pour une histoire des religions dans le Turkménistan méridional à l'époque parthe et sassanide // Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Paris, 1991.
- Gardin J.-C.* Céramiques de Bactres // MDAFA. 1957. T. XV.
- Guillaume O., Rougelle A.* Les petits objets // MDAFA. 1987. T. XXXI; Fouilles d'Ai Khanoum. T. VII.
- Ghirshman R.* Begram. Le Caire, 1946.
- Harper O.* The Royal Hunter: Art of the Sasanian Empire. New York, 1978.
- Herrmann G., Mackenzie D. N.* The Sasanian Rock Reliefs at Naqsh-e Rostam: Naqsh-e Rostam 6, The Triumph of Shapur I. Berlin, 1980.
- Herrmann G.* The Sasanian Rock Reliefs at Bishapur. Berlin, 1981.
- Higgins R. A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. London, 1954. T. I.
- Ilyasov D. Y., Mkrtichev T. K.* Bactrian Goddess from Dalverjintepe. Attempts of Typological Analysis // Silk Road Art and Archaeology. 1992. N 2.
- Ingen W. van.* Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939.
- Invernizzi A.* Figure panneggiate dalla Mesopotamia ellenizzata // Mesopotamia. 1973–1974. N 8–9.
- Isik F.* Die Koroplastik von Theangela in Karien und ihre Beziehungen zu Ostionen. Tübingen, 1980.
- James S.* The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Cambridge, 2004.
- Kala S. C.* Terracottas in the Allahabad Museum. New Delhi, 1980.
- Karvonen-Kannas K.* The Seleucid and Parthian Terracotta Figurines from Babylon in the Iraq Museum, the British Museum and Louvre. Firenze, 1995.
- Legrain L.* Terra-cottas from Nippur // University of Pennsylvania, the University Museum. 1930. Vol. XVI.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* Sasanian Coins of the Third Century from Merv // Mesopotamia. 1993. N 28.
- Lyonnet B.* Céramiques et peuplement du Chalcolithique à la Conquête arabe // MDMAFAC. 1997. T. VIII. V. 2.
- Marshall J.* Taxila. Cambridge, 1951.
- Marshak B. I., Raspopova V. I.* Worshipers from the Northern Shrine of Temple II, Panjikent // Bulletin of the Asia Institute. 1994. N 8.
- Marshak B. I., Raspopova V. I.* Buddha Icon from Panjikent // Silk Road Art and Archaeology. 1997–1998. N 5.
- Neutsch B.* Studien zur vortanagraisch attischen Koroplastik. Berlin, 1952.
- Nikonorov V. P., Savchuk S. A.* New Data on Ancient Bactrian Body-armour (in the light of finds from Kampyr Tepe) // Iran. The British Institute of Persian Studies. 1992. N 30.
- Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria 700 BC — 450 AD. Montvert Publications. 1997. Vol. 1–2.
- Pavchinskaja L. V.* Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute. 1994. N 8.
- Porada E.* The Art of Ancient Iran. New York, 1965.
- Pugachenkova G. A.* Les trésors de Dalverzin-tepe. Leningrad, 1978.
- Pugachenkova G. A.* New Terracottas from North Bactria // East and West. 1992. V. 42.
- Pugachenkova G. A.* The Form and Style of Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute / new series/. 1994. Vol. 8.
- Pumpelly R.* Explorations in Turkestan : Expedition of 1904. Washington, 1908. Vol. 1.
- Rapin C.* La trésorerie hellénistique d'Ai Khanoum // MDAFA. 1992. T. XXXIII; Fouilles d'Ai Khanoum. T. VIII.
- Rosenfield J.* The Dynastic Arts of the Kushans. Kabul, 1979.
- Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // Athenian Agora. 1997. Vol. XXIX.
- Sarre F.* Parthian art // SPA-I. 1938.

- Shishkina G. V.* Ancient Samarkand: Capital of Soghd // *Bulletin of the Asia Institute*. 1994. N 8.
- Simpson St. J., Herrmann G.* 'Through the Glass Darkly' Reflections on Some Ladies from Merv. *Iranica Antiqua*. 1995. Vol. XXX.
- In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995.
- Treuer C. V.* Terracotas from Afrasiab. Moscow; Leningrad, 1934.
- Vainberg B. I.* The Kalali-Gir 2 Ritual Center in Ancient Khwarazm // *Bulletin of the Asia Institute /new series/*. 1994. Vol. 8.
- Vivdenko S. V.* A Technological Examination of the Plastic Art of North Bactria in the Kuchan Period // *Silk Road Art and Archaeology*. 1993–1994. N 3.
- Winter F.* Die Typen der figurlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd. III.
- Jastrow E.* Abformung und Typenwandel in der Antiken Tonplastik // *Opuscula Archeologica*. 1941. Vol. 2.
- Абдуллаев К. А.* Раскопки городища Тамошотепа в 1974 г. // АРТ. 1979. Вып. XIV.
- Абдуллаев К. А.* Разведки и раскопки в Яванском районе в 1976 г. // АРТ. 1982. Вып. XVI.
- Абдуллаев К. А., Бубнова М. А., Пьянкова Л. Т.* Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. // АРТ. 1975. Вып. XI.
- Абдуллаев К. А.* Изображение музыкантов в коропластике Бактрии // МАИКСА. 1984. Вып. 7.
- Абдуллаев К. А.* Коропластика Бактрии — Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985а.
- Абдуллаев К. А.* Новые поступления терракотовых статуэток в Термезский краеведческий музей // ОНУ. 1985б. № 7.
- Абдуллаев К. А.* Об одном сюжете в коропластике Бактрии // Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию академика Я. Гулямова. 1988а.
- Абдуллаев К. А.* О культе Геракла в Бактрии (некоторые вопросы иконографии) // ИМКУ. 1988б. Вып. 22.
- Абдуллаев К. А.* Эллинистическая традиция в пластическом искусстве Согда и Бактрии // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фран. коллоквиума. Ташкент, 1990а.
- Абдуллаев К. А.* Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии-Тохаристана // ИМКУ. 1990б. Вып. 24.
- Абдуллаев К. А.* Сасанидские параллели в Согде и Бактрии-Тохаристане на примере некоторых памятников пластического искусства // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990в.
- Абдуллаев К. А.* К символике архитектурных деталей на оссуарных рельефах // ИМКУ. 1991. Вып. 25.
- Абдуллаев К. А.* Портретные изображения в терракоте из Кампыртепа // Тезисы докладов конференции «Искусство Узбекистана: древность, средневековье, современность». Ташкент, 1995.
- Абдуллаев К. А.* Терракотовая пластика Ай Ханум // РА. 1996а. № 1.
- Абдуллаев К. А.* Религии и культы эллинистической Бактрии // Тезисы докладов. Самарканд, 1996б.
- Абдуллаев К. А.* Эллинистическая традиция в искусстве Согда и Бактрии // ИМКУ. 1997. Вып. 27.
- Абдуллаев К. А.* Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. № 1.
- Абдуллаев К. А.* Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкургана // ИМКУ. 1999. Вып. 30.
- Абдуллаев К. А.* Атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике // ВДИ. 2000. № 2.
- Абдуллаев К. А., Аннаев Т.* Изображение слона в искусстве античной Бактрии // Природа. 1986. № 5.
- Абдуллаев К. А., Аннаев Т.* Раскопки на городище Зартепа в 1979–1981 гг. // ИМКУ. 1990. Вып. 23.
- Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре Северной Бактрии (по материалам Зартепе) // ВДИ. 1985а. № 4.
- Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985б. № 1.
- Абдуллаев К. А., Пидяев Ш. Р.* Раннекушанская терракотовая пластика из Мирзакултепа // ОНУ. 1989. № 9.
- Абдуллаев К. А., Раджабов С.* Терракотовая плитка с изображением Диониса и Сатира из Кашкадарьи // ИМКУ. 2000. Вып. 31.
- Абдуллаев К. А., Шейко К.* Новые поступления терракотовых статуэток в Термезский краеведческий музей // ОНУ. 1985. № 7.
- Аванесова Н. А.* Терракоты кабинета археологии Самаркандского государственного университета им. А. Навои // Материалы по истории Узбекистана (археология, древняя история, этнография). Новая сер. 1976. Вып. 307.
- Агзамходжаев Т.* Тюябугузские наусы // ИМКУ. 1962. Вып. 3.
- Агзамходжаев Т.* Оссуарные захоронения на окраине Ташкента // ИМКУ. 1963. Вып. 4.
- Адылов Ш. Т.* О коропластике Бухарского Согда // ИМКУ. 1983. Вып. 18.
- Алимов У.* Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе // ИМКУ. 1969. Вып. 8.
- Алпаткина Т. Г.* Оссуарии из объекта 19 некрополя Пайкенда // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Альбаум Л. И.* Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948–1949) // Тр. Ин-та ист. и археологии АН УЗССР. 1955. Т. VII.
- Альбаум Л. И.* Балалыктепе. Ташкент, 1960.
- Аннаев Т. Д.* Об одной группе раннесредневековой керамики Северного Тохаристана // ИМКУ. 1987. Вып. 21.
- Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М., 1984.
- Атаханов Т. М.* Средневековое городище Туткаул (VII–VIII вв.) // ИООН АН ТаджССР. 1968. Вып. 3(53).
- Ахраров И.* Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба // СА. 1967. № 4.

- Ахраров И., Усманова З. И. Терракоты Бухары // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Бабаев А. Д. Местные эллинистические традиции культуры Северной Бактрии (на примере раскопок Чим-Кургана // Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980.
- Бабаев А. Д. Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан) // СА. 1982. № 4.
- Бартольд В. В. Еще о самаркандских оссуариях // ЗВОРАО. Т. XIII. 1900–1901. Вып. 4.
- Бартольд В. В. К вопросу об оссуариях Туркестанского края // ИРКИСВА. 1908. № 8.
- Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пенджикенте в 1951 г. // СА. 1953. Т. XVIII.
- Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента // ТТАЭ. 1958. Т. III. № 66.
- Беленицкий А. М. О раскопках городища древнего Пенджикента 1956 г. // АРТ. 1956. Вып. IV.
- Беленицкий А. М. Древний Пенджикент // СА. 1959б. № 1.
- Беленицкий А. М. О работе пенджикентского отряда ТАЭ в 1959 г. // АРТ. 1961. Вып. VII.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента // АРТ. 1980. Вып. XV.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки древнего Пенджикента в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. XVII.
- Бентович И. Б. Керамика Пянджикента // ТТАЭ. 1953. Т. II. МИА СССР. № 37.
- Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента // ТТАЭ. 1964. Т. III. МИА СССР. № 124.
- Бердимурадов А. Э., Пардаев М. Х. Раскопки верхнего здания Алмантепа // ИМКУ. 1990. № 23.
- Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР // СА. 1949. № 11.
- Бибииков С. Н. Культовые женские изображения племен Юго-Восточной Европы // СА. 1951. № 15.
- Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38.
- Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Уникальный оссуарий с некрополя древнего Дарсана // Вестник Каракалпакского ФАН УзССР. 1972. № 3.
- Богомолов Г. И. Изображения всадников с городища Канка // ИМКУ. 1986. Вып. 20.
- Богомолов Г. И., Алимов К. А. Очажные подставки в Эгар и Куруктепе: к вопросу о зооморфных подставках Чача // ИМКУ. 1996. Вып. 27.
- Болелов С. Б. Гончарная мастерская III–II вв. до н. э. на Кампыртепа // МТЭ. Ташкент, 2001.
- Болелов С. Б. Керамика // Калалы-гыр 2. М., 2004.
- Болелов С. Б. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тысячелетия до н. э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс) // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.
- Болелов С. Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000–2002 гг.) // МТЭ. 2006. Вып. 6.
- Большаков О. Г., Негматов И. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // ТТАЭ. 1958. Т. III. МИА СССР. № 66.
- Большая советская энциклопедия. М., 1975–1977.
- Борисов А. Я. К истолкованию изображений на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. 1940. Т. 2.
- Борисова В. В. Херсонес. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1–20. М., 1966.
- Бритова Н. Н. Греческая терракота. М., 1969.
- Букинич Л. Л. Руины двух раннесредневековых поселений близ г. Карши // ИМКУ. 1969. Вып. 8.
- Бурханов А. А. Изображения животных в коропластике и на керамической посуде Средней Амударьи // Изв. АН Туркменистана. Гуманит. науки. 1991. № 5.
- Бурханов А. А. Терракоты Средней Амударьи (новые находки) // Тезисы докладов Второго Всесоюзного симпозиума по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1948.
- Бураков Ю. Ф., Богомолов Г. И. К семантике изображений на оссуарии из кишлака Чанги // ИМКУ. 1986. Вып. 20.
- Бураков Ю. Ф., Филанович М. И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем Средневековье. М., 1999.
- Бураков Ю. Ф. Пскентские наусы // СА. 1968. № 3.
- Бураков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Вайнберг Б. И. Древнехорезмийские керамические рельефы из культового центра Калалы-гыр 2 (IV–II вв. до н. э.) и их интерпретация // Тезисы докладов конференции «Культура востока: проблемы и памятники». СПб., 1992.
- Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. — VIII н. э. М., 1999.
- Вайнберг Б. И. Калалы-гар 2. М., 2004.
- Веселовский Н. И. Сообщения о раскопках на городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г. // ЗИРАО. Сер. II. СПб., 1887.
- Веселовский Н. И. О находке глиняных гробов в Самарканде // ЗВОРАО. 1900. Т. XIII. Вып. 1.
- Веселовский Н. И. Еще раз об оссуариях // ЗВОРАО. Новая сер. 1907. Т. XVII.
- Веселовский Н. И. Греческие изображения на туркестанских оссуариях // ИАК. 1917. Вып. 633.
- Вивденко С. В. Применение спектрального анализа для изучения керамики Северной Бактрии // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Вивденко С. В. Исследование и реставрация кушанской пластики Северной Бактрии: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1990.
- Вивденко С. В. Исследование технологий Северной Бактрии // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.

- Воробьева М. Г. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма // КСИЭ. 1958. Вып. XXX.
- Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭ. 1959. Т. IV.
- Воробьева М. Г. Памятники искусства. Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Кой-Крылган-кала — памятник древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967а.
- Воробьева М. Г. Керамика // Кой-Крылган-кала — памятник древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967б.
- Воробьева М. Г. Ранние терракоты древнего Хорезма // История и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
- Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма (по материалам коропластики) // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978.
- Воробьева М. Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Воробьева М. Г. Крепость Капарас // Древности Южного Хорезма. М., 1991.
- Воробьева М. Г., Гертман И. А. Раскопки двух усадеб второй половины I тыс. н. э. в Джанбаскалинском оазисе // Новые открытия в Приаралье. М., 1991.
- Воробьева М. Г., Лапиров-Скоблов М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958–1961 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6.
- Воробьева С. Н. Об одной группе женских терракот с городища Еркурган // ИМКУ. 1990а. Вып. 24.
- Воробьева С. Н. Эллинистические традиции в коропластике Центрального и Южного Согда // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1990б.
- Воробьева С. Н. Женская терракота из городского храма Еркургана // ИМКУ. 1991. Вып. 25.
- Воробьева С. Н. Некоторые эллинистические мотивы в искусстве Нахшеба // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
- Воробьева С. Н., Раимкулов А. К постановке вопроса о сасанидском влиянии в искусстве раннесредневекового Южного Согда // Тезисы докладов «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990.
- Воронец М. Э. Древнейшие терракоты Музея АН УзССР // Бюллетень АН УзССР. 1947. № 5.
- Восковский А. Стратиграфическое изучение помещения 1 цитадели Кампыртепа // МТЭ. 2002. Вып. 3.
- Вызго Т. С., Мешкерис В. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Термеза // ОНУ. 1983. № 2.
- Вызго Т. С. Судьба афрасиабской лютни // Советская музыка. 1970. № 11.
- Вызго Т. С. Афрасиабская лютня // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
- Вызго Т. С. Изображение музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Вязигин С. А. Оссуарий с городища Калалы-Кыр I Ташаузской области Туркменской ССР // ВДИ. 1948. № 3.
- Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени Кушанов // Термезская археологическая экспедиция. Тр. АН УзССР. Ташкент, 1945. Т. 2.
- Вяткин В. Л. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1926.
- Гаиров В. А. Раннеэллинистическая керамика Маргианы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. XIV.
- Гаиров В. А., Губаев А., Кошеленко Г. А. Итоги исследования Гебеклы-депе в 1998 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 1999. Вып. VII.
- Гаиров В. А., Кошеленко Г. А. Итоги исследования Гебеклы-депе в 1998 г. // Материальная база сферы культуры. 2000. Вып. 4.
- Ганевская Э. В., Заславская Ф. А. К атрибуции одной из терракот Сурхандарьинского краеведческого музея в г. Термезе // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Городище Топрак-кала // ТХЭ. 1981. Т. XII.
- Грене Ф. Интерпретация декора оссуариев из Биянаймана и Мианкаля // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда // КСИИМК. 1940. Вып. VI.
- Григорьев Г. В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда // КСИИМК. 1946. Вып. XII.
- Губаев А. Мелкая пластика древнего Мерва // Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
- Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1956. Вып. VIII.
- Дадабаев Г. Оссуарий из Афрасиаба // ОНУ. 1968. № 10.
- Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1–7.
- Двуреченская Н. Д. Терракотовая плитка с рельефным изображением Бодхисаттвы из Кашкадарьи // РА. 1999. № 3.
- Двуреченская Н. Д. Изучение терракотовой пластики Средней Азии // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Двуреченская Н. Д. История изучения терракотовой пластики Средней Азии // ПИФК. 2005. Вып. XV.
- Двуреченская Н. Д. Терракотовая пластика Средней Азии (археологический аспект): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Двуреченская Н. Д. Новый метод комплексного исследования терракотовой пластики // ПИФК. 2010. № 1.

- Двуреченская Н. Д.* Археологический комплекс на юго-западе жилого блока — квартала I «нижнего города» Кампыртепа // МТЭ. 2011. Вып. 8.
- Двуреченская Н. Д.* Об одном типе антропоморфных статуэток Маргианы (по материалам САЭ 1980–2003 гг.) // РА. В печати.
- Двуреченская Н. Д., Новиков С. В.* Терракотовая пластика Маргианы (по материалам Среднеазиатской археологической экспедиции 1980–2003 гг.). В печати.
- Денисов Е. П.* Терракотовая плитка из Курган-Тюбе // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981.
- Денисова В. И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Дингильдже.* Усадьба I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме. М., 1973.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии* // Археология СССР. М., 1985.
- Древности Таджикистана.* Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Древности Южного Узбекистана.* Каталог. Токио, 1991.
- Древности Южного Хорезма.* М., 1991.
- Дресвянская Г. Я.* Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // ОНУ. 1983. № 3.
- Дресвянская Г. Я.* Основные результаты изучения раннесредневекового памятника Чечак-тепе // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987.
- Дресвянская Г. Я.* Терракоты Чечак-тепе // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Дресвянская Г. Я.* Шахриябз. Ташкент, 1993. Ч. I.
- Дресвянская Г. Я., Усманова Е. И.* Древние связи Южного Согда и Бактрии-Тохаристана // Бактрия-Тохаристон кадимда ва урта асрларда. Самарканд, 1993.
- Дройзен И. Г.* История эллинизма. М., 1980.
- Дурдыев Д.* Кырк-депе (отчет о раскопках 1955–1957 гг.) // Известия АН ТуркССР. 1971. Вып. 5.
- Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда // МИА. 1950. № 15.
- Дьяконов М. М.* Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954.
- Дьяконова Н. В.* Терракотовая фигура Зохака VII–VIII вв. // ТОВЭ. 1940. Т. 3.
- Ершов С. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // ТИИАЭ АН ТуркССР. 1959. Т. 5.
- Жуков В. Д.* Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1956. Вып. VIII.
- Жуков В. Д.* Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе // ИМКУ. 1961. Вып. 2.
- Жуков В. Д.* Археологическая разведка Киндаклитепа // ИМКУ. 1966. Вып. 7.
- Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975–1976 гг. // СА. 1979. № 3.
- Завьялов В. А.* Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепа // КСИА. 1981. № 167.
- Завьялов В. А.* Культура Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени по материалам Зартепа: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006а.
- Завьялов В. А.* Лунный заяц // Записки ИИМК РАН. 2006б. № 1.
- Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах // Труды ИИМК РАН. 2008. Т. XXVII.
- Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант с флейтой Пана // ОНУ. 1985. № 1.
- Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на г. Зартепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Залеман К. Т.* Отчет о поездке в Туркестан летом 1908 г. // ИРКИСВА. 1909. № 9.
- Заславская Ф. А.* Терракотовые статуэтки всадников с булавами с Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР // Тр. Музея истории УзССР. 1956. Вып. 3.
- Заславская Ф. А.* Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени // ИМКУ. 1959. Вып. 1.
- Заславская Ф. А.* Коллекция афрасиабских терракот Государственного музея искусства народов Востока (к вопросу о типологических группах в афрасиабской коропластике) // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР. М., 1970а.
- Заславская Ф. А.* Терракоты Афрасиаба как источник по истории и культуре Согда. Автореф. канд. дис. АН СССР ИВ. 1970б.
- Заславская Ф. А.* Терракотовые фигурки из Афрасиаба в «сасанидских коронах» (к вопросу о произведении искусства как историческом источнике) // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969 г. ГИМНВ. М., 1971.
- Зеймаль Е. В.* Археологические разведки в Гиссарской долине // АРТ. 1961. Вып. VI.
- Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
- Зеймаль Т. И.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956–1957 гг.) // ТТАЭ. 1964. Т. III. МИА СССР. № 124.
- Зеймаль Т. И.* Терракоты Северного Тохаристана: вопросы археологической периодизации // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной 10-летию ЮТАЭ. М., 1983.
- Зеймаль Т. И., Ртвеладзе Э. В.* Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Известия императорской археологической комиссии.* 1904. Вып. 9.
- Иваницкий И. Д.* Образ богини Анахиты в коропластике Согда // ИМКУ. 1982. № 17.
- Иваницкий И. Д.* Согдийские поселения Пулад и Ляйлякуй // Материальная культура Востока. 2005. Вып. 4.

- Ильясов Д. Я.* Бодхисаттва из Чаганиана // Тезисы докладов конференции «Верования и культы домусульманской Средней Азии». М., 1997а.
- Ильясов Д. Я.* Мелкая пластика // Материалы полевых исследований УзИскЭ. 1997б. Вып. 1.
- Ильясов Д. Я.* Предметы художественной культуры // Материалы полевых исследований УзИскЭ. 1998. Вып. II.
- Ильясов Д. Я.* Шахревар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. Материалы международной конференции. СПб., 1999.
- Ильясов Д. Я.* Терракота раннесредневекового Чаганиана // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000а.
- Ильясов Д. Я.* Терракоты Кампыртепа // МТЭ. 2000б. Вып. 1.
- Ильясов Д. Я.* Раскопки в нижнем городе у башни № 7 // МТЭ. 2006. Вып. 5.
- Иностранцев К. А.* Туркестанские оссуарии и астоданы // ЗВОРАО. Новая сер. 1907. Т. XVII.
- Иностранцев К. А.* К изучению оссуариев // ЗВОРАО. 1908. Т. XVIII. Вып. 1.
- Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // ЖМНП. Нов. сер. 1909. Ч. XX.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности. М., 1994.
- Исаков А. И.* Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977.
- Исамиддинов М., Сулейманов Р. Х.* Комплекс ритуально-культовой керамики IV–V вв. из Южного Согда // ИМКУ. 1977. № 13.
- Исамиддинов М., Хасанов М.* К вопросу о специализации ремесленного производства древнего Согда (по материалам Еркургана) // ИМКУ. 1986. Вып. 20.
- Исамиддинов М., Хасанов М.* История древнего и средневекового керамического производства Нахшеба. Ташкент, 2000.
- Исхакова Е. А., Исхаков М. Х.* Терракоты Дальверзинтепа // Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Кабанов С. К.* Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе // Материалы по археологии и этнографии Узбекистана (Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР). 1950. Т. II.
- Кабанов С. К.* Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши // Изв. АН УзССР. 1954. № 1.
- Кабанов С. К.* Археологические данные по истории Нахшеба в III–V вв. // ВДИ. 1956. № 2.
- Кабанов С. К.* Две терракоты из долины Кашкадарьи // ИМКУ. 1962а. Вып. 3.
- Кабанов С. К.* Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ. 1962б. Вып. 3.
- Кабанов С. К.* Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III–VI вв. // СА. 1963. № 1.
- Кабанов С. К.* Раскопки на Шор-тепе, близ Карши в 1952–1953 гг. // ИМКУ. 1964. Вып. 5.
- Кабанов С. К.* Руины поселения III–V вв. в долине Кашкадарьи // ИМКУ. 1965. № 6.
- Кабанов С. К.* К изучению аграрного строя Согда в V–VI вв. // СА. 1966. № 3.
- Кабанов С. К.* Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. 1969. № 1.
- Кабанов С. К.* Изображение Шивы на оссуарии // СА. 1971. № 2.
- Кабанов С. К.* Стратиграфический раскоп северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. 1973. Вып. 2.
- Кабанов С. К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). Ташкент, 1977.
- Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III–IV вв. Ташкент, 1981.
- Кабанов С. К.* Терракоты из раскопа на Афрасиабе // ИМКУ. 1984. Вып. 19.
- Кавасаки К.* О терракотовой плитке с образом Будды из Караултепа // Тезисы докладов конференции «Древние цивилизации Евразии. История и культура». М., 1998.
- Калалы-гыр 2.* Культовый центр в Древнем Хорезме. М., 2004.
- Калмыков А. Д.* Открытия Кастальского. Бианайманские оссуарии // ПТКЛА. 13-й год. Ташкент, 1909.
- Кастальский Б. И.* Бианайманские оссуарии // ПТКЛА. 13-й год. Ташкент, 1909.
- Кацури К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы // Тр. ЮТАКЭ. 1963. Т. XII.
- Кириллова О. В.* Богиня в шлеме с городища Афрасиаб // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М. М.* Терракоты Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1970. Вып. Г1–11.
- Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Кой-Крылган-Кала.* М., 1967.
- Кочнев Б. Д.* Раскопки и разведки в Каршинском оазисе // АО 1976 г. М., 1977.
- Кочнев Б. Д.* Зооморфные очажные подставки из Нахшеба // Тезисы докладов конференции «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. — VIII в. н. э.». Ташкент, 1986.
- Кошеленко Г. А.* О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Кошеленко Г. А.* О западных влияниях в терракоте Маргианы // Культура античного мира. М., 1966.
- Кошеленко Г. А.* Родина парфян. М., 1977.
- Кошеленко Г. А., Бадер А. Н., Гаиров В. А.* Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе (Маргиана) // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1991. Вып. 18.

- Кошеленко Г. А., Буряков Ю. Ф. Ташкентский оазис (Чач) // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
- Кошеленко Г. А., Гаилов В. А., Бадер А. Н. Две богини? // ВДИ. 1995. № 2.
- Кошеленко Г. А., Десятчиков Ю. М. Раскопки некрополя древнего Мерва // АО. 1965–1966.
- Кошеленко Г. А., Никитин А. Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // МАИКЦА. 1991. Вып. 18.
- Кошеленко Г. А., Новиков С. В. О коропластике Маргианы эллинистического периода // СА. 1999. № 4.
- Кошеленко Г. А., Оразов О. О погребальном культе в Маргиане в парфянской время // ВДИ. 1965. № 4.
- Крашенинникова Н. И. Работы в Китабе // АО. 1969. 1971.
- Крашенинникова Н. И. Маршрутное обследование китабского района // АО 1976 года. М., 1977а.
- Крашенинникова Н. И. Два комплекса керамики II–I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба // Археология Средней Азии. СНИ № 533. Ташкент, 1977б.
- Крашенинникова Н. И. Верхний строительный горизонт Караул-тепе в зоне Гиссарского водохранилища // Материалы по археологии Средней Азии. 1983. Вып. 707.
- Крашенинникова Н. И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Тезисы докладов конференции «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. — VIII в. н. э.». Ташкент, 1986.
- Крашенинникова Н. И. Кешская богиня со змеями и кóлосом // Времен связующая нить. Ташкент, 1992.
- Кругликова И. Т. Городище Емши-тепе в Северном Афганистане // КСИА. 1973. № 136.
- Кругликова И. Т. Дильберджин. М., 1974. Ч. 1.
- Кругликова И. Т. Дильберджин. Храм Диоскуров. М., 1986.
- Кругликова И. Т. Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан в 1974–1977 гг.) // ПИФК. 1999. Вып. VII.
- Кругликова И. Т. Цитадель Дильберджина // ПИФК. 2001. Вып. X.
- Кругликова И. Т. Джагат-тепе // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Кругликова И. Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. // ПИФК. 2005. Вып. XV.
- Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. М., 1977.
- Культура и искусство древнего Узбекистана: в 2-х книгах. М., 1991.
- Курбанов С. Археологические исследования цитадели Кампыртепа // МТЭ. 2000. Вып. 1.
- Лебедева Т. И. Керамика Афрасиаба V–VI вв. н. э. // ИМКУ. 1990. № 23.
- Лелеков Л. А. Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени // СА. 1985. № 1.
- Лившиц В. А. Согдийский документ из древнего Самарканда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Лившиц В. А. Надписи и документы // Калалы-гыр 2. М., 2004.
- Лионе Б. Греческая оккупация Согдианы. Результаты сравнительного анализа керамики Афрасиаба и Ай-Ханум // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Литвинский Б. А. Археологические работы Ин-та истории АН ТаджССР // АО. 1966–1967.
- Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур // СА. 1969. № 2.
- Литвинский Б. А., Пичиян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). М., 2000. Т. I.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. М., 1983.
- Лунина С. Б. Статуэтка лютнистки из Кашкадарьинского оазиса // ОНУ. 1983. Вып. 9.
- Лунина С. Б. О некоторых сюжетах в искусстве средневекового Кеша // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987.
- Лунина С. Б. Монументальное здание у ворот Сарыктепе // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990а.
- Лунина С. Б. Изделия художественного ремесла Кеша // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990б.
- Лунина С. Б. Терракоты Сарыктепе // Времен связующая нить. Ташкент, 1992.
- Лунина С. Б. Мифологический сюжет на глиняном изделии // ИМКУ. 2000. Вып. 31.
- Лунина С. Б., Столярова Н. П. Оссуарий из Хантепа // ОНУ. 1990. № 3.
- Лунина С. Б., Усманова З. И. Уникальный оссуарий из Кашкадарьи // ОНУ. 1985. Вып. 3.
- Лунина С. Б., Усманова З. И. Персонаж со змеями на фрагменте оссуария // ОНУ. 1986. Вып. 5.
- Лунина С. Б., Усманова З. И. Изображение музыкантов на оссуарии из Яккабага // Музыка народов Азии и Африки. 1987. Вып. 5.
- Лунина С. Б., Усманова З. И. Терраковая плитка с изображением Будды из Сарыктепа // ОНУ. 1990. Вып. 4.
- Лыкошин Н. И. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения кружка любителей археологии // ПТКЛА I. 1896.
- Лыкошин Н. И. Сообщение члена-секретаря правления кружка о случайных археологических находках // ПТКЛА II. 1897.
- Мамбетуллаев М. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбузтепе // СА. 1977. № 3.
- Мамбетуллаев М. Хумбузтепе — керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. 1984. Вып. II.
- Мамбетуллаев М. Топрак-кала Шаватская (раскопки 1979–1980 гг.) // Археология Приаралья. 1986. Вып. III.
- Мамбетуллаев М. Большая Айбуйир-кала (раскопки 1976–1977 гг.) // Археология Приаралья. 1990. Вып. IV.
- Мандельштам А. М. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

- Мандельштам А. М. К вопросу о хронологической классификации древних терракот Согда // Искусство таджикского народа. Тр. АН ТаджССР. 1960. Т. XXIX.
- Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // МИА СССР. 1958. № 66.
- Маразов И. Тракийски съда. София, 1980.
- Маршак Б. И. Археологические материалы к истории Согда VI–VIII вв. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работ ГЭ за 1961 г. Л., 1961.
- Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг. // ТТАЭ. 1964. Т. IV. МИА СССР. № 124.
- Маршак Б. И. Согдийские терракоты // Тезисы докладов на лекциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Маршак Б. И. Согд V–VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.
- Маршак Б. И., Распопова В. И., Шкода В. Г. Раскопки в Пенджикенте в 1995 г. // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., 1996.
- Массон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006.
- Массон М. Е. Раскопки зороастрийского кладбища в Таджикистане в 1936 г. // НиТ. 1937. № 5.
- Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1940. Вып. 2.
- Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
- Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва // ТЮТАКЭ. 1963. Т. XII.
- Мешкерис В. А. Изображения музыкантов в согдийской коропластике // Сб. студ. работ Среднеаз. гос. ун-та. 1953. Вып. 5.
- Мешкерис В. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории АН УзССР // Труды музея истории УзССР. 1954. Вып. II.
- Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
- Мешкерис В. А. Ранние согдийские статуэтки богини-матери // Сообщения ГЭ. 1964а. Вып. 25.
- Мешкерис В. А. Коропластика Согда: автореф. канд. дис. АН СССР ИВ. Душанбе, 1964б.
- Мешкерис В. А. К вопросу об истоках согдийской коропластики // Искусство таджикского народа. 1965а. Вып. 3.
- Мешкерис В. А. Коропластика и монументальное искусство Согда раннего средневековья // Тезисы докладов сессии, посвященной живописи стран Азии. М., 1965б.
- Мешкерис В. А. Ранние терракоты Согда // Искусство таджикского народа. 1965в. Вып. 3.
- Мешкерис В. А. Коллекция терракот Музея истории АН УзССР // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. 1967. № 1 (47).
- Мешкерис В. А. Согд. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. М., 1968а.
- Мешкерис В. А. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. 1968б. Вып. 2 (58).
- Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. Т. II.
- Мешкерис В. А. Эволюция художественных стилей в искусстве домусульманского Согда на материалах коропластики // Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии, Казахстана и восточных республик РСФСР. М., 1970.
- Мешкерис В. А. Канон и проблема стиля в согдийской коропластике кушанской эпохи // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
- Мешкерис В. А. Среднеазиатские школы коропластики в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977а.
- Мешкерис В. А. Из истории художественного наследия таджикского народа: древняя пластика Бактрии-Тохаристана и Согда // Декоративное искусство. 1977б. № 9.
- Мешкерис В. А. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в искусстве советского Востока. М., 1978.
- Мешкерис В. А. Терракоты и монументальное искусство Согда // Искусство таджикского народа. 1979а. Вып. 4.
- Мешкерис В. А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках Согда // Костюм народов Средней Азии. М., 1979б.
- Мешкерис В. А. К постановке вопроса о согдийском стиле в искусстве раннего средневековья // Памяти А. А. Семенова. Сб. статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душанбе, 1980.
- Мешкерис В. А. Самобытные и чужеземные черты в терракотах кушанской Бактрии // Тезисы докладов конференции «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
- Мешкерис В. А. Самобытные и чужеземные черты в терракотах кушанской Бактрии // Тезисы доклада «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа в древности и средневековье». М., 1982.
- Мешкерис В. А. Переднеазиатские и индийские параллели в искусстве Бактрии и Тохаристана // Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке // Тезисы докладов конференции, посвященной 10-летию ЮТАЭ. М., 1983.
- Мешкерис В. А. Змея — хтонический атрибут Маргианской богини // КСИА. 1985а. № 184.
- Мешкерис В. А. Три новых памятника коропластики Бактрии // КСИА. 1985б. № 182.
- Мешкерис В. А. Отражение индийского культового синкретизма в коропластике кушанской Бактрии // МАИКЦА. 1986. Вып. 11.
- Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989а.
- Мешкерис В. А. Некоторые аспекты изучения терракот Бактрии-Тохаристана как источник урбанистической культуры // Тезисы докладов конференции «Зоны и этапы урбанизации, теоретические аспекты. Город и процесс урбанизации в Средней Азии». Ташкент, 1989б.

- Мешкерис В. А.* Феномен художественной культуры Согда (по данным коропластики) // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1990а.
- Мешкерис В. А.* К вопросу об ахеменидских традициях зооморфной пластики Согда // КСИА. 1990б. Вып. 199.
- Мешкерис В. А.* Опыт периодизации терракот Бактрии-Тохаристана // КСИИМК. 1991. № 204.
- Мешкерис В. А.* Коропластика Средней Азии как явление художественной культуры (к вопросу периодизации) // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992а.
- Мешкерис В. А.* Коропластика Средней Азии IV–III вв. до н. э. — VII–VIII вв. н. э. (периодизация, типология, динамика стилей): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1992б.
- Мешкерис В. А.* Методические основы комплексного изучения терракот Бактрии-Тохаристана // Тезисы докладов конференции «Древние цивилизации Евразии. История и культура». М., 1998.
- Мешкерис В. А., Беленицкий А. М.* Змеи-драконы в древнем искусстве // СА. 1986. № 3.
- Мешкерис В. А., Луковский О. С., Погребная Д. И.* Критерий математической статистики при исследовании согдийского канона в коропластике кушанской эпохи // ОНУ. 1990. № 2.
- Минасянц В. С.* Новые находки оссуариев из Тойтепа // Тезисы докладов конференции «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990а.
- Минасянц В. С.* Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990б.
- Мкртычев Т. К.* Об одном виде иранского костюма у кушан // Тезисы докладов конференции «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990а.
- Мкртычев Т. К.* Уникальные терракоты из Тали-Барзу // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1990б.
- Мкртычев Т. К.* Буддийская терракота Бактрии-Тохаристана: к вопросу о ее роли в искусстве и культе // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Мусакаева А.* О воинственном божестве с пламенем // Времен связующая нить. Ташкент, 1992.
- Мухитдинов Х.* Гончарный квартал городища Саксонохур // Изв. АН ТаджССР ООН. 1968. № 3.
- Мухитдинов Х.* Ранние терракотовые статуэтки Бактрии из Саксонохура // Тезисы докладов СПИПАИ. 1971. М., 1972.
- Мухитдинов Х.* Терракоты Саксонохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1973а.
- Мухитдинов Х.* Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура // СЭ. 1973б. № 5.
- Мухитдинов Х.* Терракоты Саксонохура и их интерпретация // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973в.
- Мухитдинов Х.* Терракоты Саксонохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т. 2.
- Мухитдинов Х.* Местные и эллинистические традиции в материалах Саксонохура // Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1980.
- Мухитдинов Х.* Саксонохурские матрицы для формовки мужских статуэток // МКТ. 1987. Вып. 4.
- Наливкина М. Р.* К изданию каталога терракот домонгольского периода в собраниях Самаркандского музея // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. АН СССР ОИФ. М.; Л., 1947.
- Негматов Н. Н.* Терракотовая статуэтка воина из Регарского района // АРТ. 1970. Вып. X.
- Немцева Н. Б.* Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. 1969. Вып. 1.
- Неразик Е. Е.* Керамика из раскопок городища // Городище Топрак-кала. М., 1981.
- Нефедов Н. Ю.* Культово-мемориальное сооружение Еркургана II–IV вв. н. э. // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Никоноров В. П.* К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране: военное дело // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. СПб., 2005.
- Никулина Н. М.* Искусство Ионии и ахеменидского Ирана (по материалам глиптики V–IV вв. до н. э.). М., 1994.
- Нильсен В. А.* Кызыл-кыр // ИМКУ. 1959. Вып. 1.
- Новиков С. В.* Зооморфные подставки для сосудов из Мерва // Памятники Туркменистана. 1988. № 1/45.
- Омельченко А. В.* Терракотовая статуэтка из Сарай-тепе // Средняя Азия. Археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Остроумов Н. П.* Новые данные о глиняных погребальных урнах // ПТКЛА. 11-й год. Ташкент, 1906.
- Павчинская Л. В.* Оссуарий из Муллакургона // ОНУ. 1983. № 3.
- Павчинская Л. В.* Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
- Павчинская Л. В., Ростовцев О. М.* Оссуарии из Сарытепе // ИМКУ. 1988. № 22.
- Парфянский выстрел.* М., 2003.
- Пачос М.* Три терракоты из Афрасиаба // ОНУ. 1962. № 10.
- Пачос М.* Новые находки оссуарных захоронений на территории Афрасиаба // Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.
- Пачос М.* Три терракоты из Афрасиаба // ОНУЗ. 1969а. № 2.
- Пачос М.* Новые находки терракот на Афрасиабе // ОНУЗ. 1969б. № 2.

- Пачос М. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 году // Афрасиаб. 1973. Вып. 2.
- Пидаев Ш. Р. Кушанская терракота Мирзакультепа. Ташкент, 1975.
- Пидаев Ш. Р. Мирзакул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Пидаев Ш. Р. Стратиграфия городища старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Пидаев Ш. Р. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // ИМКУ. 1990. Вып. 24.
- Пидаев Ш. Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. № 1.
- Пидаев Ш. Р. К вопросу о появлении образа Будды в коропластике Бактрии // ИМКУ. 1999. № 30.
- Пилипко В. Н. Плитка, подтвердившая предание // ПТ. 1968. № 1.
- Пилипко В. Н. Терракотовые статуэтки музыкантов из Мерва // ВДИ. 1969. № 2.
- Пилипко В. Н. Терракота Мервского некрополя // ИАН ТССР. 1971. № 5.
- Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Пилипко В. Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. 1977. № 1.
- Пилипко В. Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Пилипко В. Н. Раннеантичное поселение Капыр-кала у Каушута // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Пилипко В. Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пилипко В. Н., Логинов С. Д. Терракотовые статуэтки античного времени с территории Каахкинского района из Мерва // ПИФК. 1999. Вып. VIII.
- Пилипко В. Н., Масимов И. С. Буддийская статуэтка из Ак-кала // СА. 1969. № 1.
- Пилипко В. Н., Чеперис А. Загадочное божество // ПТ. 1968. № 1.
- Пославский И. Т. К вопросу о глиняных гробах // ПТКЛА. 8-й год. Ташкент, 1903.
- Пославский И. Т. Еще несколько слов об оссуариях // ПТКЛА. 12-й год. Ташкент, 1908.
- Потапов А. А. Рельефы древней Согдианы // ВДИ. 1938. № 2–3. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1903.
- Пругер Е., Дресвянская Г. Я. Материалы к согдийской коропластике // Тезисы докладов конференции «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1950. Вып. II.
- Пугаченкова Г. А. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках древнего Согда // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. 1952. Вып. 2.
- Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня // СА. 1959. № 29–30.
- Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва // Тр. ЮТАКЭ. 1962а. Т. XI.
- Пугаченкова Г. А. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна // ВДИ. 1962б. № 2.
- Пугаченкова Г. А. Халчаянская Афина // ВДИ. 1963. № 2.
- Пугаченкова Г. А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии // МИА. 1965. № 130.
- Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967а.
- Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967б.
- Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971а.
- Пугаченкова Г. А. Новое в изучении Дальверзин-тепе // СА. 1971б. № 4.
- Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии // ВДИ. 1974. № 3.
- Пугаченкова Г. А. Иштыханский оссуарий — новый памятник согдийского искусства // ОНУ. 1975. № 3.
- Пугаченкова Г. А. Раскопки Узбекстанской экспедиции на античных памятниках в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979а.
- Пугаченкова Г. А. Жига-тепе // Древняя Бактрия. 1979б. Вып. 2.
- Пугаченкова Г. А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. 1984. Вып. 3.
- Пугаченкова Г. А. Очажные подставки из Булакбаши // ОНУ. 1986. № 5.
- Пугаченкова Г. А. Шортепе // ИМКУ. 1987а. Вып. 21.
- Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987б.
- Пугаченкова Г. А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987в.
- Пугаченкова Г. А. Образы божеств в скульптуре Тохаристана времени Кушан // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989а.
- Пугаченкова Г. А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989б.
- Пугаченкова Г. А. Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа // ОНУ. 1989в. № 4.
- Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.

- Пугаченкова Г. А. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии // ВДИ. 1989. № 4.
- Пугаченкова Г. А. К интерпретации одного из персонажей на бианайманском оссуарии // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1990а.
- Пугаченкова Г. А. Парфянский след в Северной Бактрии // Тезисы докладов конференции «Археология Средней Азии». Ташкент, 1990б.
- Пугаченкова Г. А. Культовые курильницы Северной Бактрии // ИМКУ. 1991. Вып. 25.
- Пугаченкова Г. А. Роль эллинизма в формировании художественной культуры Трансоксианы // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
- Пугаченкова Г. А. Интерпретация одного из персонажей на бианайманском оссуарии // ИМКУ. 1997. № 27.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1961.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982.
- Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.
- Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Дом рядового горожанина // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Пчелина Е. Г. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
- Раимкулов А. А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // ИМКУ. 1998. № 28.
- Рапопорт Ю. А. К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях // КСИЭ. 1958. Вып. 30.
- Рапопорт Ю. А. Хорезмийские астоданы // СЭ. 1962. № 4.
- Рапопорт Ю. А. К вопросу о назначении памятника // Кой-Крылган-кала — памятник древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.
- Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скоблов М. С. Башнеобразные хорезмийские оссуарии (к вопросу о домусульманских мавзолеях в Средней Азии) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1949. Т. I.
- Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней культуры Южной Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. 1951. Т. II.
- Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней культуры Южной Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. 1953. Т. II.
- Ремпель Л. И. Об отражении образов согдийского искусства в исламе // Из истории великого города. Ташкент, 1972.
- Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыртепа // Ученые записки. М., 1989.
- Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999.
- Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа — структура. Периодизация // МТЭ. 2000. Вып. 1.
- Ртвеладзе Э. В. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // МТЭ. 2001. Вып. 2.
- Ртвеладзе Э. В., Болелов С. Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыр-тепе в Северной Бактрии // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М., 2000.
- Ртвеладзе Э. В., Касовская И. Э. Генезис и эволюция образов Силена и сатира в искусстве Центральной Азии // Тезисы докладов конференции «Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития». Ташкент, 1997.
- Ртвеладзе Э. В., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков // Узбекистан. 1986. № 41.
- Ртвеладзе Э. В., Хакимов Э. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1982.
- Русанов Д. В. Бактрийские костяные амулеты // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
- Сабиров К. С. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Сааидиев М. Терракотовые статуэтки с городища Афрасиаб // ОНУ. 1978. Вып. 1.
- Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. 1984. № 7.
- Савчук С. А. Цитадель Кампыртепа // Античные и ранне-средневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
- Савчук С. А. К истории культурных связей крепости Кампыртепа // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
- Савчук С. А., Малькеева А. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа. Ташкент, 1989.
- Садоков Р. Л. Музыка на острие ножа (новое о древнем Хорезме) // ВИ. 1968. № 7.
- Садоков Р. Л. Музыкальные инструменты древнего Хорезма в памятниках изобразительного искусства IV–III вв. до н. э. — III–IV вв. н. э. // Музыка народов Азии и Африки. 1969. Вып. 1.
- Садоков Р. Л. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970а.
- Садоков Р. Л. Тайна сладкозвучной арфы // СЭ. 1970б. № 2.
- Садоков Р. Л. Загадочные глиняные музыканты // СЭ. 1971. № 3.
- Сарианиди В. И., Кругликова И. Т. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4.
- Сверчков Л. М. Раскопки в северо-восточной части Кампыртепа // МТЭ. Ташкент, 2001.
- Седов А. В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
- Седов А. В. Археологические комплексы Кобадияна середины IV–V вв. н. э. // Тезисы докладов конференции «Культурные

- связи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М., 1981.
- Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Амударьи. СА. 1984. № 3.
- Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987.
- Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. Память о Македонии в Бактрии // ПИФК. 1999. Вып. VIII.
- Силантьева Л. Ф. Терракоты Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. 1974. Т. III.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента // ПТКЛА. 1-й год. Ташкент, 1896.
- Смогулов Е. И. Археологические данные к истории идеологии раннего средневековья из Отрарского оазиса // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1990.
- Соловьев В. С. К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафрыкала) // СА. 1985. № 1.
- Ставиский Б. Я. Осуарии из Бия-Наймана // Тр. ГЭ. 1961. Т. 5.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
- Ставиский Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу // СА. 1967. № 2.
- Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963–1964 гг. // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
- Ставиский Б. Я. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965–1969 гг. // Буддийский культовый центр в Старом Термезе. М., 1972.
- Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.
- Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пенджикентский некрополь // ТТАЭ. 1953. Т. II. МИА СССР.
- Стрелков А. С. Доисламские памятники древнего Термеза // Культура Востока. М., 1927. Т. 1.
- Стрелков А. С. Осуарий государственного исторического музея // Искусство Средней Азии. М., 1930.
- Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Самарканд; Ташкент, 2000.
- Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М. Х. О находке серийной продукции коропласта Еркургана // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Сулейманов Р. Х., Нефедов Н. Ю. Раскопки святилища храма городища Еркурган // ИМКУ. 1979. № 15.
- Сычева Н. С. Керамика на Кара-тепе // Кара-тепе. 1975. Вып. 4.
- Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пенджикента // ТТАЭ. 1950а. Т. I. МИА СССР. № 15.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач // КСИИМК. 1950б. Вып. XXXIII.
- Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиаб // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
- Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда // СА. 1972. № 3.
- Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии // ВДИ. 1939. № 3.
- Толстов С. П. Хорезмская экспедиция 1939 г. // КСИИМК. 1940.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции по раскопкам памятника IV–III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала // ВДИ. 1953. № 1.
- Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. // ВДИ. 1955. № 3.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Археологические и Этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953. 1958. Т. II.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М., 1963.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. III.
- Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
- Трудновская С. А. Предметы вооружения, быта, украшения // Городище Топрак-кала. М., 1981.
- Тургунов Б. А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Тургунов Б. А. Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии // Бактрийские древности. Л., 1976.
- Тургунов Б. А., Пугаченкова Г. А. Дом рядового горожанина // Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Ураков Б. Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылкыр 1 и Сеталак 1 // ИМКУ. 1975. Вып. 12.
- Урманова М. Х. Раскопки на центральном бугре городища Варахши в 1953 г. // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1956. Вып. VIII.
- Усманова З. И., Кабанов С. К. К стратиграфии верхних (VIII–XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ. 1975. Вып. 12.
- Усманова З. И., Филанович М. И., Кошеленко Г. А. Маргиана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. 1985.
- Усманова З. И. Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1963а. Т. XII.
- Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1963б. Т. XII.
- Усова Е., Буряков Ю. Ф. Терракотовые поделки с городища Канка // ИМКУ. 1981. Вып. 16.
- Фахретдинова Д. А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.
- Федоров М. Н. Стратиграфический шурф в восточной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. 1969. Вып. 1.
- Филанович М. И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте // ИМКУ. 1990. Вып. 24.

ТЕРРАКOTOVAYА ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

- Филанович М. И. Уникальная статуэтка коня из старого Мерва // ПТ. 1970. № 1.
- Филанович М. И. Гяур-кала // Тр. ЮТАКЭ. 1974. Т. XV.
- Филанович М. И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Фонарев С. В. К планировке архитектурного комплекса на Каратепе // ИМКУ. 1988. № 22.
- Цепова О. Декорированная керамика Кампыртепа // МТЭ. 2000. Вып. 1.
- Чунихин Д. В. Терракотовая плакетка с Кургантепе // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1989.
- Чунихин Д. В. Вишну-Гаруда // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.
- Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // МТЭ. 2000. Вып. 1.
- Шейко К., Никитенко Г. К изучению квартала-блока № 5 на Кампыртепа // МТЭ. 2001. Вып. 2.
- Шишкин В. А. Варахша (предварительное сообщение о работах 1949–1953 гг.) // СА. 1955. № 23.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. 1969. Вып. 1.
- Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ. 1961. Вып. 2.
- Шишкина Г. В. О датировке некоторых терракот Афрасиаба // ИМКУ. 1965. Вып. 6.
- Шишкина Г. В. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба: автореф. канд. дис. Ташкент, 1969а.
- Шишкина Г. В. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. 1969б. Вып. 1.
- Шишкина Г. В. Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. 1974. Вып. 3.
- Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.
- Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А. Согд // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Щетенко А. Я. Раскопки монументального археологического комплекса на Зар-тепе // Древняя Бактрия. Л., 1974.
- Щапова Ю. Л. Естественнонаучные методы в археологии. М., 1988.
- Юсупов А. Х., Соловьев В. С. Новые археологические открытия в Яванской долине // АРТ. 1973. Вып. X.
- Яблонский Л. Т., Коляков С. Могильник Тарым-кая 2 // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1992.
- Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А. Хорезм // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Ягодин В. Н. Новые материалы по истории религии Хорезма // СЭ. 1963. № 4.
- Якубовский А. Ю. Археологические исследования Зеравшанской долины // ТОВЭ. Л., 1940. Т. 2.

Архивные источники Института археологии РАН

№ 14678. Кошеленко Г. А. Отчет об археологических работах Мервского отряда в 1985 году. № 14679 — альбом.

№ 10007. Кошеленко Г. А., Никитин А. Б. Отчет о работе отряда по составлению археологической карты Мервского оазиса. 1982.

№ 14047. Кошеленко Г. А., Губаев А. Г., Новиков С. В., Гаибов В. А. Отчет о раскопках городища Гебеклы (Мервский оазис Туркменской ССР) в 1988 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ТИПОЛОГИЯ СТАТУЭТОК ХОРЕЗМА

IV в. до н. э. — IV в. н. э.

(приложение к главе II)

Тип I. Женская статуэтка в одежде «с фижмами»¹
(рис. 3, 4–9, табл. 1/5–7, 18, 22, 64, 73, 75, 100, 110, 111, 119, 122, 172–174, 177)

Наиболее четко и однозначно (без иконографических и стилистических вариантов) выделяется тип односторонней статуэтки с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающий образ стоящего женского персонажа в одежде с накидкой (так называемая накидка с «фижмами») с трилистником в руках. Статуэтки выполнены в характерном автохтонном стиле. Соотношение высоты головы к общей высоте 1 : 4. Характерный размер целых образцов: высота 12,5 см; максимальная ширина 4,5 см; толщина 2,5 см. Тип представляет фронтальное изображение прямостоящей женской фигуры в одежде. Ниспадающее до пят платье образует прямые, строго вертикальные, крупные рельефные складки (в среднем, восемь складок), край подола имеет плавно изгибающуюся линию, поднимающуюся к бокам (из-под подола платья выглядывают ступни расставленных ног). Поверх платья изображена накидка, имеющая глубокий вырез мысом, стянутая на талии, ниже которой она расходится в стороны полукруглыми фалдами. Накидка имеет рельефно выделенные складки, расположенные X-образно. Правая рука согнута и прижимает к груди предмет — трилистник (?), левая четко не обозначена. Лицо тщательно смоделировано в высоком рельефе, брови в виде рельефных дуг, крупные, прямого разреза глаза с рельефными веками. Округлые щеки, выступающий вперед подбородок. Волосы прямым валиком прикрывают часть широкого лба, зачесаны за уши, которые расположены на уровне висков и имеют вид округлых скобок. На голову накинута покрывало, прикрывающее макушку. На шее неясное украшение, уложенное в три ряда.

¹ По типологии М. Г. Воробьевой это типы 5 и 6 (Воробьева, 1968, с. 139, 146). Сама исследовательница отмечала близость этих типов, однако при общей иконографии небольшое различие в деталях одежды сочла достаточным для разделения изделий в разные типы. По классификации Б. И. Вайнберга это тип 3 (Калалы-гыр 2, 2000, с. 257–259).

Всего нами зафиксировано 18 изделий, в число которых входят как целые статуэтки, так и фрагменты от них. Тип I представлен на трех памятниках левобережного Хорезма: Калалы-гыр 2, Хазарасп и Кюзели-гыр². Основная масса статуэток этого типа (13 экз.) происходит из Калалы-гыр 2, три из Кюзели-гыра и одна из Хазараспа. В Кюзели-гыре и Хазараспе статуэтки обнаружены на месте производства. Большинство статуэток рассматриваемого типа датируются комплексом раннекангюйского периода.

Важно отметить наблюдения исследователей (Воробьева, 1959, с. 202–204, рис. 49; Калалы-гыр 2, 2004, с. 259), что часть статуэток из Калалы-гыр 2 (№ 1988/8 и 1953/67) была отформована в одной и той же матрице и изготовлена в гончарной мастерской Кюзели-гыра, которая функционировала в период, когда город был заброшен. Статуэтка этого типа, происходящая из Хазараспа, была обнаружена в нижнем слое раскопа в гончарном квартале (Воробьева и др., 1963, с. 174). Таким образом, основная масса изделий этого типа происходит из храмово-культового центра Калалы-гыр 2. М. Г. Воробьева при выделении этого типа (тип 5 и тип 6) из комплекса ранних статуэток Хорезма отмечала полную аналогию в трактовке лица и прически среди переднеазиатских терракот, в частности Ниппура (Legrain, 1930, pl. VIII, 53; p. 16, № 53; p. 3, 7, № 48, 49). При определенном сходстве нельзя не отметить упомянутую самим исследователем значительную удаленность этого изделия, как хронологическую (рассматриваемый тип бытует с эпохи бронзы по VI в. до н. э.), так и территориальную. Кроме того, аналогии приводятся только в трактовке лица, других же аналогий нет (ниппурская статуэтка передает обнаженный женский персонаж с прижатыми к груди руками без каких-либо атрибутов).

Б. И. Вайнберг, рассматривая статуэтки с Калалы-гыр 2, подчеркнула, что нет достаточных оснований связывать какой-либо из образов женских терракот с авестийской богиней Анахитой. Она предположила, что на женских статуэтках изображались божества низшего ранга (многочисленные апсары из ведийской мифологии), покровительствовавшие семье и ее членам в разных случаях (Калалы-гыр 2, 2004, с. 180).

Наиболее близкий иконографический образ этого типа, на наш взгляд, представлен на вотивных золотых пластинках, а также на крышке серебряной цилиндрической коробочки из амударьинского клада (Зеймаль, 1979, с. 57–58, № 89–93; Никулина, 1994, рис. 220). Детальное рассмотрение иконографии хорезмийских статуэток I типа позволяет выделить наиболее яркие ее черты — изображение трилистника (цветка?), который держится в согнутых и приподнятых к груди руках и одежды «с фижмами». Характерно, что трилистник или цветок присутствуют у всех персонажей в приводимых аналогиях и, по всей видимости,

² Еще одна статуэтка из Кой-Крылган-калы нами была предположительно отнесена к этому типу.

являются важнейшими атрибутами представленного на этих изделиях иконографического образа.

Характер одежды, отличный от характера широко распространенного в эллинистический период греческого женского костюма, является ключевым в рассматриваемой иконографии. На приводимых в качестве аналогий изделиях (вотивных пластинках, крышке от миниатюрной коробочки и скарабеоидах) женские персонажи представлены исключительно в профиль. Однако это только способствует лучшему пониманию покроя одежды, которая представлена платьем, ниспадающим до пят, собранным вертикальными складками спереди и сзади, а по бокам — гладким без складок. Это могло быть достигнуто подпоясыванием платья и распределением основной ширины ткани на складки спереди и сзади. Поверх платья наброшена накидка с длинными широкими фалдами, свисающими до колен. Причем различные абрисы этого типового костюма позволяют точно утверждать, что перед нами не расширяющиеся длинные рукава, а именно накидка. Вероятно, костюм статуэтки I типа в профиль мог иметь такой же абрис.

Менее важными деталями иконографии представляются прическа и кольцевидные серьги в ушах. На приведенных выше аналогиях прическа представляет собой убранные назад длинные волосы, уложенные в косы, с короткой челкой. На рассматриваемых нами статуэтках I типа в силу односторонности и фронтальности изображения косы не фиксируются, однако короткая челка отмечается. Также отмечаются кольцевидные серьги.

Помимо аналогий из амударьинского клада представляется уместным упомянуть ряд произведений малоазиатской глиптики с изображением персиянок ахеменидского Ирана³ (Никулина, 1994, с. 473, 516, 526–532). На этих изделиях представлен близкий иконографический образ, зачастую имеющий в качестве атрибута трилистник, но чаще — миниатюрные сосуды⁴. Последнее, а также определенная разница в костюме (у персиянок длинные расширяющиеся рукава, в хорезмийских статуэтках они не прослеживаются) не отменяют тем не менее общности в целом и стилистической близости рассматриваемых изделий с изделиями из амударьинского клада. Из чего вытекает правомерность обращения к иконографии на глиптике ахеменидского Ирана при приведении аналогий образу на хорезмийских статуэтках I типа. Хронология приведенных выше иконографических

аналогий укладывается в рамки V–IV вв. до н. э. Можно отметить, что с падением Ахеменидской державы рассматриваемая иконография продолжает бытовать на статуэтках Хорезма вплоть до I в. до н. э. На одной фрагментированной статуэтке, происходящей из среднего горизонта Кой-Крылган-калы, можно увидеть результат редукции данного типа, что позволяет осторожно предположить его возможное существование также на рубеже эр и, возможно, в I в. н. э. (рис. 113, 1).

Тип II. Обнаженные женские статуэтки с канонизированным положением рук⁵ (рис. 3, 10–15)

Второй археологический тип довольно устойчивый и представлен 26 экземплярами. Выделяются три варианта на основе различия в иконографии изображений обнаженных женских фигур. Изображения женских персонажей в обоих подтипах выполнены в автохтонном ориентальном стиле (строгая фронтальность, искажение пропорций и акцентировка внимания на канонизированной позе или атрибуте).

Вариант 1. Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, на которых изображены обнаженные женские фигуры с правой рукой у груди и левой чуть согнутой, лежащей у живота. К этому варианту относится 18 экземпляров, происходящих из трех памятников: Калалы-гыр 2 (16 экз.), Большая Айбуйир-кала (1 экз.), Кой-Крылган-кала (1 экз.) (рис. 10–14, табл. 1/11, 19, 21, 25, 40, 58, 71, 82, 99, 101, 116, 120, 123, 134, 157, 180). Все статуэтки рассматриваемого варианта датируются комплексом древнехорезмийского периода.

Анализ мест нахождения позволяет соотнести 15 из 17 изделий с определенным по функциональному назначению местом нахождения. Так, двенадцать обнаружены в храмово-культовых сооружениях и связанных с ними помещениях, три изделия можно соотнести с жилыми комплексами.

Соотношение высоты головы к общей высоте статуэток 1 : 4,5. Характерный размер целых образцов: высота 16,2 см; максимальная ширина 5 см; толщина 2,5 см.

Вариант представляет фронтальное изображение прямо стоящей обнаженной узкобедрой женской фигуры с правой рукой, согнутой в локте и поднятой к груди, а левой — чуть согнутой и лежащей у живота. На шее гривна с подвеской-кулоном вытянутой ромбовидной формы. Лицо смоделировано в высоком рельефе, проработаны брови в виде рельефных дуг, крупные, прямого разреза глаза с рельефными веками. Округлые щеки, выступающий вперед подбородок. Волосы прямым валиком прикрывают часть широкого лба, зачесаны за уши.

³ Н. М. Никулина, рассматривая женский костюм персиянок, видит в нем тип длиннорукавного хитона. На наш взгляд, этот костюм мало схож с греческим хитоном и имеет принципиально иную схему. Хитон не может образовывать косые и горизонтальные складки. Такие складки может дать лишь гиматий, но для фиксации горизонтальных и диагональных складок требуется их фиксация либо самим носителем костюма, придерживающим его в определенном положении руками либо разного рода подпоясками.

⁴ Относительно атрибутов в руках «персиянок», а именно миниатюрных сосудиков, следует упомянуть о широком распространении аналогичных сосудиков в древнехорезмийских комплексах, в особенности на таких памятниках, как Калалы-гыр 2 и Кой-Крылган-кала.

⁵ По типологии М. Г. Воробьевой это тип 1 (Воробьева, 1968, с. 139–146). В период составления типологии он был представлен лишь одним экземпляром. По классификации Б. И. Вайнберг это тип 4 (Калалы-гыр 2, 2000, с. 259–262).

Прямых аналогий рассматриваемым статуэткам найти не удалось. Статуэтки с обнаженными женскими персонажами широко известны на территории Месопотамии, в городах Вавилон и Ниппур. Однако при общности ориентальной трактовки иконография их отлична. Для месопотамских статуэток характерен жест двух поднятых и придерживающих грудь рук.

Положение рук, соответствующие хорезмийской иконографии статуэток 1-го варианта II типа, представлено на известных парфянских «туфлеобразных» саркофагах (Legrain, 1930, pl. XII, 72 a, b). Показательно само расположение изображения обнаженной женской фигурки на стенках саркофага, что косвенно может свидетельствовать о его связи с загробным культом.

Вариант 2. Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением обнаженных женских фигур с вытянутыми вдоль туловища руками. Ко второму варианту отнесено 3 статуэтки, происходящих из одного памятника Калалы-гыр 2. Все экземпляры представлены фрагментами. Реконструируемая высота статуэток этого типа 16–17 см (рис. 3, 115, табл. 1/61, 68, 69). Все статуэтки рассматриваемого варианта датируются комплексом древнехорезмийского периода.

Вариант представляет изображение фронтально стоящей обнаженной женской фигуры с широкими плечами, с вытянутыми вдоль туловища и прижатыми к нему руками, с длинными, плотно сомкнутыми ногами.

Этот вариант находит аналогии в терракотовой пластике Бактрии (археологический тип 3 бактрийских статуэток III–I вв. до н. э.). Он представлен и в терракотовой пластике Передней Азии, в частности в пластике Ниппура, Вавилона. Л. Легран отмечает, что иконография обнаженных женских фигур с опущенными вдоль тела руками известна с эпохи старовавилонского периода. Данные изображения связываются с образом Великой матери-богини или Иштар, которая изображается то в виде обнаженной, то в виде воинственной богини (Legrain, 1930, pl. XI, 68, 70, 71; p. 17). В Вавилоне статуэтки обнаженной женской фигуры с вытянутыми вдоль туловища руками имеют такие характерные дополнительные детали, как округлые гривны на груди, браслеты на щиколотках ног, а также высокие тюрбаны на головах (Karvonen-Kannas, 1995, pl. 6, 7). Если тюрбан украшает бактрийскую обнаженную фигурку на статуэтке из Кампыртепа, то гривны на груди и браслеты на щиколотках отмечаются на хорезмийских статуэтках только первого варианта II типа (рис. 135, 1).

Вариант 3. Вариант представляет фронтальное изображение прямостоящей обнаженной широкобедрой женской фигуры с правой рукой, согнутой в локте и поднятой к груди, а левой — чуть согнутой и лежащей у лона на левом бедре, ноги плотно сомкнуты, носки сведены. Тело мягкой моделировки, подчеркивает зрелость женской фигуры с выразительным округлым животом и мягкими обводами широких

бедер. Лицо округлое, смоделировано в высоком рельефе, брови проработаны в виде рельефных дуг, прямого разреза глаза с рельефными веками. Округлые щеки, выступающий вперед подбородок. Волосы обрамляют лицо, спускаются до плеч, украшены поперечными насечками, которые соединяются под подбородком рядом рельефных полосок (возможно, ювелирное украшение типа известного по материалам этнографии Хорезма нагрудно-височного украшения «шокила» (Фахретдинова, 1988, с. 110)). На голове плохочитаемый узор, несколько выступающий над лбом. Соотношение высоты головы к общей высоте статуэток 1 : 4,5. Характерный размер целых образцов: высота 16; максимальная ширина 5,2; толщина 2,2 см (рис. 107, табл. 7/3–5, 8, 51). Статуэтки этого варианта датируются комплексом кушанского периода.

Прямых аналогий рассматриваемым статуэткам в материалах кушанского времени найти не удалось.

Изображения женских персонажей на статуэтках рассматриваемого варианта выполнены в автохтонном ориентальном стиле (строгая фронтальность, искажение пропорций и акцентировка внимания на канонизированной позе или атрибуте).

Подводя итог описанию статуэток типа II, следует отметить, что если в раннем периоде тип II был представлен двумя вариантами (1 и 2), выделяемыми по различиям в иконографии, то в кушанский период фиксируется только один вариант, близкий по иконографии к 1-му варианту.

Основная масса статуэток II типа происходит из храмово-культового центра Калалы-гыр 2 (18 экз.), а также из Кой-Крылган-калы (2 экз.) и городища Большая Айбуйир-кала (1 экз.). Так, только одна статуэтка связана с помещением, которое однозначно трактуется как жилое (Большая Айбуйир-кала). Все остальные найдены *in situ* в храмовых помещениях или в постройках, связанных с их обслуживанием.

Образ обнаженной богини, известной как по терракотовой пластике Бактрии, так и по терракотовой пластике Хорезма, передаваемый в характерной «ориентальной» манере, находит многочисленные параллели в переднеазиатской терракотовой пластике, изображающей, по мнению ряда исследователей, некую восточную богиню, Великую мать или богиню Иштар (Воробьева, 1967, с. 210). С эпохи энеолита выделяется несколько иконографических образов в передаче обнаженной богини. К ним относятся сильно стилизованное изображение женщины с разведенными руками; изображение прямостоящей женщины, поддерживающей обеими руками грудь; с эпохи старовавилонского царства распространяется образ прямостоящей женщины с опущенными вдоль тела руками, в этот же период или позднее появляется образ обнаженной женщины с рукой у лона (Barrelet, 1968). Именно последние два иконографических образа отражены в хорезмийских статуэтках II типа. Важно отметить, что развитие этого образа отмечается в изобразительном искусстве Парфии (Legrain, 1930).

Тип III. Женские статуэтки в одежде «с шарфом»⁶ (рис. 3, 16–28, 108)

Третий археологический тип в числовом выражении самый массовый. Насчитывает 33 экземпляра⁷. Тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением фронтально стоящей женской фигуры в одежде «с шарфом», правая рука которой согнута и лежит на груди (сжимает шарф, или выглядывает из-под него, или просто лежит на нем), а левая рука опущена и либо скрыта шарфом, либо выглядывает из-под него. Статуэтки этого типа выполнены в автохтонном (ориентальном) стиле. Высота статуэток в рамках типа варьирует от 15 до 19 см. На основе стилистических характеристик можно выделить два варианта. К первому варианту относятся статуэтки в одежде с «шарфом», характеризующиеся объемом и относительной реалистичностью, ко второму — статуэтки с большей условностью изображений, вплоть до схематичности.

Вариант 1. Представлен 17 экземплярами, происходящими из двух памятников: Калалы-гыр 2 (15 экз.), Кой-Крылган-кала (2 экз.) (рис. 3, 16–23, табл. 1/3, 4, 14, 20, 23, 47, 63, 95, 96, 108, 117, 118, 121, 132, 133, 181, 183). Все статуэтки рассматриваемого варианта датируются комплексом древнехорезмийского периода (IV–I вв. до н. э.). Десять изделий происходит из определенных по функциональному назначению мест нахождения, из них девять статуэток обнаружены в храмово-культовых сооружениях и связанных с ними помещениях и одна найдена в жилом помещении.

Первый вариант представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением фронтально стоящей женской фигуры, облаченной в одежду «с шарфом». Соотношение высоты головы к общей высоте статуэтки 1 : 5,5. Характерный размер целых образцов: высота 18,6 см; ширина 7,2 см; толщина до 3,6 см.

К иконографическим особенностям рассматриваемого варианта относятся следующие детали: платье, собранное мелкими складками у округлого ворота, ниспадающее до пят четко выраженными вертикальными фалдами. Поверх платья накинута шарф или покрывало, которое образует живописные горизонтальные складки. Положение рук: правая согнута в локте и приподнята к груди, выглядывает из-под «шарфа» или сжимает его, а левая опущена и скрыта краем ниспадающей накидки-шарфа.

Вариант 2. Второй вариант III типа представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной

спинкой с изображением фронтально стоящей женской фигуры, облаченной в одежду с «шарфом», переданную схематично, зачастую плоскостно и с условным рисунком. Вариант представлен 16 экземплярами, происходящими из трех памятников: Кой-Крылган-кала (8 экз.), Топрак-кала Шаватская (5 экз.), Хазарасп (2 экз.), Капарас (1 экз.) (рис. 27, 28, 108, табл. 1/146–152, 163–166, 175–176, табл. 7/1, 52, 57). Необходимо отметить, что статуэтки рассматриваемого варианта в целом датируются комплексом древнехорезмийского периода. Показательно, что на Калалы-гыр 2 их нет. Второй вариант III типа продолжает бытовать в раннекушанский период.

Ко второму варианту нами были отнесены статуэтки, в которых передается тот же иконографический тип. В отличие от первого варианта общий рисунок костюма огрублен, но прослеживается стремление передать основные детали прототипа, в частности складки одежды. Однако в этом варианте уже не прослеживаются веерообразно расходящиеся складки от округлого ворота. Основное внимание уделено складкам, передающим наличие шарфа или покрывала. Вертикальные складки платья не прослеживаются. Зачастую добавлены такие условные элементы, как складки шарфа, несколько коротких горизонтальных полос, расположенных под правой рукой, или треугольный или ромбовидный узор также под правой рукой. У этого варианта наблюдается отделка подола платья горизонтальными полосами, орнаментом в виде зигзага, а также иными орнаментальными полосами на одежде. Изображения, относимые к рассматриваемому варианту, создают впечатление утраты объема и перехода к плоскостности, ярко выраженных условности и схематизма, а также смещения пропорций в сторону их усадки в результате использования редуцированных матриц. Реконструируемая высота древнехорезмийских статуэток доходит до 15 см. Целая статуэтка этого варианта была обнаружена в слоях кушанского времени на Кой-Крылган-кале, высота ее составляет всего 12 см (рис. 108, 1, табл. 7/1).

Среди статуэток рассматриваемого варианта присутствует экземпляр с полостью в нижней части (рис. 24, 1, табл. 1/146). Эта находка, несмотря на единичность, имеет важное значение и приводит к выводу о возможном использовании статуэток как самостоятельного вида изделий терракотовой пластики. Как правило, морфология антропоморфных статуэток Хорезма не предусматривает возможности их самостоятельной устойчивости в вертикальном положении. Связано ли это с отличным от греческого способом использования статуэток (не в вертикальном, а в горизонтальном положении), сказать трудно. Однако необходимо отметить, что на задних сторонах статуэток не обнаружено следов от прикрепления их к каким-либо вертикальным плоскостям, например к стенам, посредством связующих масс (алебаstra или глиняного раствора). Местонахождение основной массы статуэток практически не коррелируется с нишами в стенах, где они могли бы уста-

⁶ По типологии М. Г. Воробьевой это тип 2 (Воробьева, 1968, с. 139–146). В период составления типологии он был наиболее распространенным, что не изменилось и по сей день. По классификации Б. И. Вайнберг это тип 1 (Калалы-гыр 2, 2000, с. 254–256).

⁷ В качестве исключения в число статуэток III типа была отнесена одна круглобрюшная статуэтка из необожженной глины (рис. 26, табл. 1/108).

навливаться вертикально, благодаря опоре на стенки ниши. Зачастую они бывают найдены на полу рядом с другими статуэтками, в том числе зооморфными.

С точки зрения хронологии образцов второго варианта важное значение имеет статуэтка, происходящая из Кой-Крылган-калы, в середине верха спины которой прочерчены до обжига знак в виде короткой прямой и надпись на древнехорезмийском языке в одно слово. По определению В. А. Лившица, письмо это арамейское, и датируется надпись III в. до н. э. (Кой-Крылган-Кала, 1967, с. 210). В свете вышесказанного интересно отметить, что все 7 статуэток варианта 2 из Кой-Крылган-калы относятся ко второй группе нижнего горизонта, выделенной М. Г. Воробьевой по стратиграфии, и, следовательно, залегают в более поздних слоях, чем статуэтки варианта 1 типа III этого же памятника (Воробьева, 1967, с. 175). Если мы вспомним, что статуэтки второго варианта неизвестны в слоях Калалы-гыр 2, то сможем предположить, что они являются более поздним и, возможно, локальным вариантом типа III.

В первых веках н. э. статуэтки второго варианта III типа выполнены в автохтонном (ориентальном) стиле с большей условностью изображений, вплоть до схематичности. Высота целой статуэтки 12 см, максимальная ширина 3,8 см, толщина 1,8 см. Статуэтка из Кой-Крылган-калы и Топрак-калы Шаватской с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением фронтально стоящей женской фигуры, облаченной в одежду с «шарфом», переданной схематично, плоскостно и с условным рисунком (рис. 108, 1, 2, 3, табл. 7/1, 52, 57). Статуэтка с Капараса вследствие либо брака, либо небрежного изготовления имеет неподрезанные ровные края, образующие фон. Именно факт наличия неровного края, образующего псевдофон, который не является естественной основой всего изделия, позволил отнести его к статуэткам, а не плиткам с рельефом. Как упоминалось в предыдущей главе, второй вариант III типа статуэток в целом датируется комплексом древнехорезмийского периода, но, вероятнее всего, появляется позднее и продолжает бытовать в кушанский период.

Представляется наиболее вероятным, что в первых веках н. э. смысловое значение иконографии и самого образа на статуэтках рассматриваемого типа сохранилось с раннего периода. Напомним, что М. Г. Воробьева интерпретировала иконографию III типа как отражающую образ богини Анахиты (Воробьева, 1967, с. 210).

М. Г. Воробьева, анализируя иконографию на женских статуэтках III типа, пришла к мнению, что в ней «очень отдаленно и в явно местном преломлении... воспроизведена общая схема, по которой выполнена одна из групп греческих терракот VI–V вв. до н. э.» (Воробьева, 1967, с. 176; Contenau, 1922, р. 98, 99). На наш взгляд, предложенные параллели слишком удалены как территориально, так и хронологически и не могут внести определенной ясности в генезис рассматриваемого типа. Хронологически ближе

иконаграфия эллинистических богинь, получившая широкое распространение в эллинистических государствах, в частности в Передней Азии (Karvonen-Kannas, 1995, pl. 15–19). Иконография 1-го варианта хорезмийских статуэток III типа близка к иконографии многочисленных статуэток с женскими персонажами в греческом костюме с аналогичным положением рук. Примечательно, что для IV–I вв. до н. э. эллинский женский костюм, как правило, представлен хитонами и пеплосом, поверх которых зачастую наброшен гиматий, образующий диагональные складки. Однако особенность покроя хитона или пеплоса не подразумевает образования радиально расходящихся от округлого ворота складок, столь характерного для статуэток варианта 1 типа III. Это различие делает затруднительным прямую идентификацию костюма хорезмийских статуэток с эллинским. Помимо частных иконографических (разница в деталях костюма) и стилистических отличий хорезмийских статуэток, можно отметить и некоторые конструктивно-морфологические особенности. К таковым относится такая черта, как принципиальное отсутствие каких бы то ни было подиумов, подставок, характерных для статуэток эллинистического мира. Более того, статуэтки 1-го варианта по общему контуру сужаются книзу и, как правило, неустойчивы. Таким образом, при общей иконографической близости хорезмийских статуэток 1-го варианта к переднеазиатским статуэткам эллинистического периода отмечается ряд характерных отличий. Статуэтки 2-го варианта значительно более схематичны в передаче описанной выше иконографии и едва узнаваемы. Тем не менее они, по всей видимости, передают тот же образ. Можно предположить, что первый вариант статуэток с изображением женщины в одежде с «шарфом» является наиболее близким к изначальной модели этого типа статуэток в целом. Если предположить, что появление статуэток III типа варианта 1 относится по данным стратиграфии к периоду второй половины IV в. до н. э., а статуэтки варианта 2 датируются более поздним временем, то можно сделать вывод, что дальнейшее развитие образа идет по пути огрубления, схематизации, уплощения рельефа. С учетом вышесказанного остается открытым довольно сложный вопрос о времени и путях проникновения данного иконографического образа (столь значительно переработанного даже в рамках первого варианта) на территорию Хорезма. Если статуэтки первого и второго типов имеют довольно надежно установленную связь с иконографией ахеменидского Ирана, то статуэтки третьего типа, несущие элементы возможного греческого, эллинистического влияния, усложняют картину. В этой связи необходимо упомянуть мнение хорезмийских исследователей о развитии юго-западном направлении внешних контактов и связей Хорезма в период обводнения русла Узбоя (Калалы-гыр 2, 2004; Болелов, 2005, с. 232). Возможно, на протяжении IV–III вв. до н. э. именно это направление связи с переднеазиатскими территориями стало ключевым в процессе формирования рассматриваемого типа статуэток.

Тип IV. Женские статуэтки в одежде, с кувшином и чашей⁸ (рис. 29, табл. 1/153, 184)

Отдельным типом, малочисленным (всего два экземпляра), встречающимся на одном памятнике Кой-Крылган-кала, является тип стоящей женской фигуры в драпирующихся одеждах с кувшином и чашей в руках. Обе статуэтки этого типа, к сожалению, без голов. Характерно, что одна из статуэток оттиснута при помощи матрицы, близкой к оригинальной модели. Вторая оттиснута с сильно редуцированной модели, что выразилось в усадке на четверть от первоначальной высоты (8,8 к 12 см) и нечеткости оттиска.

Тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, с реконструируемой высотой до 15 см, с фронтальным изображением прямо стоящей женской фигуры, облаченной в костюм с драпировкой, высоко подпоясанный под грудью, с идущими от округлого ворота мелкими расходящимися вертикальными складками. Платье ниспадает до пят, образуя ниже груди крупные вертикальные фалды. Поверх него накинута покрывало, через левую согнутую руку перекинут и свисает его край, образуя живописные складки. В правой руке у женщины миниатюрный двуручный кувшинчик (амфора), а в левой руке округлая чаша или кубок. Стиль, в котором выполнена эта статуэтка, по мнению М. Г. Воробьевой, близок к раннему классическому стилю, сложившемуся на материковой Греции в V в. до н. э., что косвенно свидетельствует о раннем времени происхождения прототипа этого образа (Воробьева, 1967, с. 176–177).

Тип V. Женские статуэтки в одежде, с кувшином⁹ (рис. 30, табл. 1/42, 74)

Также всего двумя изделиями представлен тип с изображением женской фигуры в одежде с кувшином в руках у живота. Обе статуэтки происходят из Калалы-гыр 2 (одна целая и одна фрагментированная). По всей видимости, обе статуэтки изготовлены оттиском с одной матрицы. Тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, высотой до 10 см, с фронтальным изображением стоящей женской фигуры с приподнятой кверху головой, с крупными чертами округлого лица, большими глазами, крупным носом и маленьким ртом. В больших

ушах округлые серьги. Одежда имеет на груди мысовидный вырез, на подоле образует косые складки, сходящие к середине (в виде елочки). Фигурка обеими руками у живота держит вытянутый сосуд. Изображение с сильно нарушенными пропорциями, соотношение высоты головы к общему росту 1 : 3–3,5.

Статуэтки IV и V типов происходят из культово-храмовых комплексов, что сближает их по функциональному назначению с выделенными выше типами, и хронологически не выходят за рамки IV–I вв. до н. э.

Тип VI. Статуэтки женщины с младенцем (рис. 109, табл. 7/11, 12)

В материалах Хорезма он представлен всего двумя фрагментированными статуэтками, происходящими из среднего горизонта Кой-Крылган-калы (Кой-Крылган-Кала, 1967, табл. XXIX, 48, 49). Тип представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой с изображением сидящей женщины с младенцем на руках. Детали одежды у женской фигуры и младенца не прослеживаются. Сюжет кормящей женщины широко распространен с древнейших времен. Многочисленными образцами представлен в переднеазиатской терракотовой пластике, интерпретировался как образ Иштар (Barrelet, 1968, pl. LVI, 592–595; pl. L, 528; Legrain, 1930, pl. VI, 38–40; pl. VII, 41–46). В первые века н. э. он вновь получает распространение и известен в Бактрии (Кругликова, 1974, с. 97, рис. 68, 1), в Индии (Kala, 1980, p. 31, 32, pl. 161, 162).

Тип VII. Статуэтки сидящей на постаменте женщины (рис. 110–111, табл. 7/9, 34)

Этот тип также малочислен и представлен двумя фрагментированными статуэтками из среднего слоя Кой-Крылган-калы и из нижнего горизонта крепости Капарас. Статуэтки этого типа отличаются значительным размером. Высота наиболее хорошо сохранившейся статуэтки из Кой-Крылган-калы составляет более 19 см. Статуэтка изображает сидящую с подогнутым коленом женщину в платье. Второй отличительной чертой статуэток этого типа является характерный невысокий прямоугольный постамент.

⁸ По типологии М. Г. Воробьевой это тип 4 (Воробьева, 1968, с. 139–146). В период составления типологии он был представлен лишь 2 экземплярами, что не изменилось и по сей день.

⁹ По классификации Б. И. Вайнберг это тип 5 (Калалы-гыр 2, 2000, с. 262–263).

Приложение 2

ТИПОЛОГИЯ СТАТУЭТОК БАКТРИИ, СОГДА И МАРГИАНЫ (приложение к главам III–V)

Изучение статуэток Средней Азии позволило выделить две основные традиции, отличающиеся в своем генезисе, наборе типов, отражающих определенный ряд иконографических образов и сюжетов. Первая традиция, хорезмская, была рассмотрена выше. Рассмотрению второй традиции, распространившейся в Бактрии, Согде и Маргиане в конце IV(?), III–II вв. до н. э. и просуществовавшей до конца кушанского периода, посвящено это приложение.

Тип 1. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой, в драпирующейся одежде, без атрибутов

Представлен 24 экземплярами. Происходит с территории Бактрии, Маргианы и Согда. Хронологические рамки бытования типа — III в. до н. э. — IV–V вв. н. э. Тип представлен тремя вариантами (рис. 268, рис. 130–133, 253, 260, 1, 6).

Тип 1. Вариант 1. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в греческом костюме (подпоясанном хитоне).

К данному варианту относятся односторонние статуэтки с подрезанной боковиной и заглаженной спинкой, передающие стоящий женский образ в подпоясанном хитоне (зачастую подпоясан пояском со свисающими спереди концами), без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой рукой. На голове прическа с высоким пучком.

Этот вариант представлен одиннадцатью фрагментированными статуэтками, происходящими из двух южно-бактрийских памятников, Ай-Ханум (9 экз., рис. 130–133, табл. 14/18–23) и Шортугай (1 экз., рис. 132, 4, табл. 14/51), и одного маргианского, Гяур-кала (1 экз., рис. 260, табл. 28/1). Хронологические рамки рассматриваемых статуэток типа 1 варианта 1 не выходят за пределы III–I вв. до н. э.

Нет ни одного полного образца, однако по имеющимся фрагментам можно реконструировать приблизительные размеры статуэток этого типа и иконографический образ (рис. 130). Реконструируемая высота статуэток не более 17 см. Все они изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы. Изделий, изготовленных в одной матрице, не наблюдается.

При анализе археологического контекста нахождения статуэток рассматриваемого варианта принципиально важным представляется, что он не ограничен рамками одного памятника. Мы имеем статуэтки с двух сопредельных регионов Бактрии и Маргианы. Кроме того, статуэтки происходят

как с территорий крупных городов (Ай-Ханум, Гяур-кала), так и из сельского поселения (Шортугай).

Контекст находки большинства статуэток этого типа определен по функциональному характеру. Три из одиннадцати рассматриваемых терракот были найдены у алтаря «храма с уступами», три в жилых постройках, две на территории дворца, одна в фортификационных сооружениях, одна найдена на месте производства (гончарной печи), т. е. мы не имеем жесткой привязки к какому-либо одному типу сооружений. Анализ местоположения статуэток позволяет сделать выводы об их возможном функциональном назначении. Так, статуэтки, обнаруженные на территории «храма с уступами», могли иметь votивный характер.

Анализируя иконографию, необходимо выделить следующие ее черты: поза — стоящая с определенным положением рук, приподнятой к груди правой и левой на бедре; отсутствие атрибутов; одежда в виде хитона с вертикальными складками, подпоясанного кушаком, ниспадающая до пят, на голове невысокий головной убор. Надо отметить, что такая деталь, как подпоясывание хитона кушаком (ремешком) с узлом и свисающими концами спереди, получает распространение именно в эллинистический период на территории материковой Греции, в Северном Причерноморье (Бритова, 1969, с. 111, рис. 110; Кобылина, 1961, с. 104, табл. XVII, 1).

Статуэтки варианта 1 выполнены в двух стилях: эллинистическом и эллинизированном. Статуэтка с Гяур-калы выполнена в эллинистическом стиле. В ней отмечается пропорциональность, динамизм, реалистичность и равномерность проработки деталей (в частности, это отчетливо видно по деталям одежды и анатомии кистей рук) (рис. 260, 1). Все остальные 10 статуэток этого варианта выполнены в эллинизированном стиле. Изображения на них сохраняют пропорциональность и динамичность (позы рассматриваемых статуэток еще не застывшие, в некоторых можно отметить передачу движения (шествие?) (рис. 131, 1). Для отдельных экземпляров просматривается неравномерность в проработке или обобщении деталей изображения и четко отмечается переход от реалистичности к условности (в частности, драпировка хитона приобретает не естественный, а условный характер, так же как и анатомия рук). Одна статуэтка этого варианта, возможно, выполнена в автохтонном стиле (утрачена пропорциональность, очевидна условность изображения (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60/n (1129), pl. XVI, 5. pl. 19, 4) (рис. 133, 3).

Авторы публикации айханумских статуэток рассматриваемого типа ссылаются на многочисленные аналогии (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61, 62; Francfort, 1984, т. XXVII, p. 40–41). Однако большинство этих аналогий приводится на основании общности греческого женского костюма (чаще всего хитон с накидкой-гиматием), при разной иконографии самого образа. Примечательно, что характерное для этого типа расположение рук отмечается на статуэтках как материковой Греции, полисов Северного Причерноморья, так

и в городах Месопотамии (Кобылина, 1970, табл. 4, 4). Однако костюм изображенных с этим жестом персонажей, как правило, не ограничивается хитоном, а имеет поверх него гиматий. Правой рукой изображенные придерживают гиматий в районе груди, и, следовательно, данный жест имеет функциональное объяснение. В нашем же случае, при отсутствии гиматия, этот жест имеет иное смысловое значение. Приводимые аналогии из бактрийских памятников относятся к более позднему кушанскому периоду (статуэтки Халчаяна, Дильберджины, Дальверзин-тепе, Бактр, средне-амударьинских памятников).

Уместно было бы упомянуть, что среди индивидуальных находок Ай-Ханума на трех статуэтках, выполненных из кости, представлен аналогичный иконографический тип стоящей женской фигуры с правой рукой у груди в одежде типа хитона с покрывалом (гиматием) и невысоким калафом на голове (Guillaume, Rougelle, 1987, p. 62, pl. 19, 12, 13; pl. XVI, 14, 15; Francfort, 1984, pl. VI, 44). Это свидетельствует о распространенности иконографии рассматриваемого варианта, а также об одновременном бытовании статуэток с этим иконографическим образом, выполненных из разных материалов. Характерно, что одна из этих костяных статуэток, подобно терракотовым, односторонняя (задняя поверхность без изображения, с горизонтальными насечками).

Несмотря на то, что интерпретация не входит в рамки нашего исследования, представляется уместным кратко остановиться на этом вопросе. Г. Франкфор, приводя в качестве аналогий статуэтки кушанского периода, происходящие из Халчаяна, Дильберджины, Бактра, памятников Средней Амударьи, ставит под сомнение предложенные интерпретации аналогичных статуэток как Анахиты и Ордохшо. Также вызывало сомнение отнесение этих статуэток к образу «маргианской богини» (Francfort, 1984, p. 40–41).

На наш взгляд, ближайшей аналогией иконографическому образу статуэток типа 1 варианта 1 является изображение Кибелы с известного серебряного диска, найденного на городище Ай-Ханум. В качестве аналогичных деталей иконографии следует отметить характерную позу и положение, отсутствие в руках каких-либо атрибутов, греческий костюм. Однако, если на терракотовых статуэтках это подпоясанный хитон, а на голове невысокий головной убор, то на диске богиня поверх хитона закутана в гиматий, а на голове у нее высокий калаф.

Тип 1. Вариант 2. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в местном костюме (платье с декольте, драпировкой косыми складками, украшенное бляшками).

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в платье местного кроя, без атрибутов в руках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой. На голове высокая прическа или высокий головной убор.

Статуэтки этого варианта выполнены оттиском с односторонней матрицы. Статуэток, изготовленных одной матрицей, не фиксируется. Высота статуэток этого варианта реконструируется в пределах 10–12 см. Он представлен двумя фрагментированными статуэтками, происходящими с Гяур-калы (2 экз., рис. 260, 6, табл. 28/1, рис. 261, 3, табл. 29/55). Хронологические рамки второго варианта ограничены I в. до н. э. — III в. н. э. Все статуэтки рассматриваемой группы выполнены в эллинизированном стиле.

Можно отметить близкие аналогии данному варианту в подъемном материале Гяур-калы (Ремпель, 1953, рис. 11; Пугаченкова, 1962а, рис. 7, 4), из раскопок древней крепости Кырк-депе (Дурдыев, 1971, с. 130, рис. 8).

Исследованием статуэток занимался целый ряд ученых, которые предлагали различные варианты интерпретаций представленного иконографического образа. Г. А. Пугаченкова статуэтки рассматриваемого варианта относил к передающим образ «маргианской богини» (Пугаченкова, 1959, с. 129–130, рис. 9, 1). Позднее это мнение было подвергнуто сомнению в работе Г. А. Кошеленко и С. В. Новикова (Кошеленко, Новиков, 1999, с. 54–63).

Тип 1. Вариант 2а. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в длиннополой гладкой одежде.

Одну статуэтку из Гебеклы-депе, датированную II–III вв. н. э., с определенной долей осторожности можно отнести к рассматриваемому варианту, или, точнее, к его подварианту 2а типа 1 (табл. 29/61), (рис. 261, 11), аналогичная фигурка происходит из подъемного материала Гебеклы-депе (рис. 261, 10). Обе статуэтки в разной степени фрагментированы, передают тип стоящей фронтально женщины с поднятой правой рукой без атрибута и покоящейся на бедре левой. Разница заключается лишь в том, что одежда на этих статуэтках практически не читается, что побуждало исследователей считать фигуры обнаженными (Пугаченкова, 1962а, с. 120–121; Гаилов, и др., 1999, с. 380, рис. 5, 1). Однако ранее обнаруженные статуэтки с городища Гяур-кала, сохранившиеся лучше, позволяют нам не согласиться с таким предположением (рис. 3, 6–7) (Ремпель, 1953, рис. 11; Пугаченкова, 1962а, рис. 7, 4; Дурдыев, 1971, с. 130, рис. 8). На этих статуэтках определенно читается, что они облачены в длинное одеяние до пят, которое никак рельефно не проработано и не имеет складок или драпировки. Можно ли объяснить отсутствие складок и гладкость одеяния на этих статуэтках редукцией и значительной удаленностью от прототипа? На сегодня утверждать это сложно, но иконографическая близость этих экземпляров к статуэткам типа 1 нам кажется несомненной (рис. 261, 1–7).

Тип 1. Вариант 3. Женская фигура, стоящая с поднятой к груди рукой в огурубленном греческом костюме (подпоясанный хитон).

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в подпоясанном хитоне, без атрибутов в ру-

ках, с согнутой и приподнятой к груди правой рукой и опущенной к животу или бедру левой рукой.

Этот вариант представлен восьмью фрагментированными статуэтками, происходящими с двух согдийских памятников: Еркурган (3 экз.) (рис. 253, 1–3, табл. 26/30–32) и Аяк-тепе 2 (5 экз.) (рис. 253, 4, 5, табл. 26/35–39). Статуэтки этого варианта выполнены оттиском с односторонней матрицы. Высота статуэток от 7,7 до 11 см. Одна из них была найдена в определенных условиях, в святилище храма. Датируются статуэтки этого варианта в пределах I–V вв. н. э. (Воробьева, 1990а, с. 116–120; Жуков, 1956, с. 199–201). Все статуэтки рассматриваемого варианта выполнены в автохтонном стиле с утратой пропорциональности, динамизма и равномерной проработки деталей.

Анализом статуэток типа 1 занимались многие исследователи, которые по-разному интерпретировали представленный на них иконографический образ. Г. А. Пугаченкова выдвинула гипотезу о так называемой Великой маргианской богине, долгое время остававшуюся безальтернативной. К этому типу женских статуэток она относила самые разные иконографические образы, в том числе выделяемые нами статуэтки типов 1, 5 и 8 (Пугаченкова, 1959, с. 129–130, рис. 9, 1). Позднее это мнение было подвергнуто сомнению (Кошеленко и др., 1995; Кошеленко, Новиков, 1999, с. 54–63).

В Маргиане тип 1, так же как и в Бактрии, является наиболее древним в регионе, как было установлено на базе свода стратиграфически датированных изделий терракотовой пластики. Кроме того, в Маргиане он сохранялся достаточно долго — с конца II в. до н. э. по III в. н. э., эволюционируя от варианта 1 к варианту 2. Статуэтки именно этого типа, вероятно, стали одними из первых в период возрождения терракотовой пластики в качестве особого явления материальной культуры древней Бактрии и Маргианы. Далее наблюдается иконографическая и стилевая деградация этого типа, не исключая также и смысловую трансформацию образа. Судя по его малочисленности, данный тип не играл ведущей роли в ассортименте терракотовых фигурок начиная с рубежа н. э., чего нельзя с уверенностью сказать о более раннем периоде, т. к. на сегодня известно неизмеримо меньшее число терракот эллинистического времени.

Позднейшее развитие типа 1 представлено в материалах Согда, датируемых III–IV вв. н. э. Р. Х. Сулейманов посвятил интерпретации образа богини храма Еркургана часть книги «Нахшеб». Автор видел в статуэтках типа 1, которые были здесь обнаружены, образ богини вод Афродиты-Ардвишур (Сулейманов, 2000, с. 276–293).

Размышляя о генезисе иконографии типа 1, необходимо подчеркнуть несколько важных, на наш взгляд, отправных положений.

Отметим в первую очередь то обстоятельство, что иконография типа была сформирована в рамках эллинской изобразительной традиции в III–II вв. до н. э. Для его верной

интерпретации ключевую роль играет обнаружение таких терракот в надежно датируемых стратиграфических слоях городища Ай-Ханум. Это — наиболее ранние находки рассматриваемого типа в регионе. Именно они четко очерчивают возможный круг интерпретаций, ограничивая его греческим и греко-малоазийским пантеоном богов. Трудно предположить, что в эллинистическом городе этого времени могли почитаться боги местного пантеона или синкретические греко-иранские образы. В свою очередь, такая ситуация вполне допустима для более позднего времени.

В Бактрии, Маргиане и Согде вплоть до рубежа нашей эры нет иных свидетельств подписной иконографии, нежели греческих и греко-малоазийских, богов. Материалы нумизматики иллюстрируют данное положение вполне надежно (из женских богинь известны лишь Артемида, Афина, Ника, Тюхе).

Изобразительный канон женской фигуры, стоящей без каких-либо атрибутов в руках, в греческом костюме типа хитона и гиматия, реже одетой только в подпоясанный хитон, распространяется в III–II вв. до н. э. в большей части эллинистического мира. Он был распространен и в Месопотамии (Karvonen-Kannas, pl. 15, N. 75–77; pl. 16, N. 84; Legrain, 1930, p. 20, 108–110, 114), Передней и Малой Азии (Erllich, Kloner, 2008, p. 30–31, N 62–67, pl. 13–14). В Греции и на периферии эллинского мира этого времени также набирают популярность статуэтки светского образа девушек и женщин в хитоне с накинутым поверх гиматием (Бритова, 1969, с. 61, рис. 62, 63, 65–67; Кобылина, 1961, табл. VIII, 1; табл. XVII, 3; табл. XVIII, 1, 2).

В Бактрии, Маргиане и Согде III–II вв. до н. э. — это время возрождения терракотовой пластики и ее относительной малочисленности. В данный период наблюдается господство иконографии греческих и греко-малоазийских богов. В изделиях терракотовой пластики часто встречаются образы Ники, Афины, Афродиты, Геракла и др. Образ стоящей богини в хитоне и гиматии (Кибела?), как уже подчеркивалось, известен по серебряному диску и костяным статуэткам из Ай-Ханума, а также по терракотовой статуэтке из Дальверзин-тепе I в. до н. э. (Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 67, 69, табл. 112, 4; ДЮУ, № 79, с. 267). Более широкое распространение получают статуэтки стоящей богини в подпоясанном хитоне без гиматия, с поднятой правой рукой, без атрибутов.

Принципиальное отличие статуэток типа 1 из Маргианы, Бактрии и Согда от греческих и малоазиатских заключается в том, что на них, ввиду отсутствия накидки (гиматия) и, соответственно, необходимости поддерживать его поднятой рукой, изображен именно жест. В иконографии же богов эпохи эллинизма жесты не характерны. Как правило, поза и атрибуты изображаются реалистично, без особого акцентирования внимания на них. В частности, крайне редко встречается поднятая, без атрибутов или какой-либо другой функциональной надобности, рука (в жесте). Можно

привести в качестве примера несколько статуэток малоазиатского происхождения IV в. до н. э. из Тангелы, образы которых исследователи интерпретируют как Деметру. При этом, однако, приводятся также аналогии статуэток с подобным жестом в изображениях Афродиты (Isik, 1980, Taf. 25, Kat. Nr. 180–181).

Только во II в. н. э. подобный жест становится довольно распространенным в областях Западной Парфии и восточных провинциях Рима. В этом случае он используется в иконографии богинь (рельеф с изображением Аллат с двумя богинями по краям из Хатры; рельеф богини под наиском с адорантом из Дура-Европос), а также царственных особ (скульптура из Хатры) (Fukai, 1960, p. 156, N 2–3; Sarre, 1938, p. 409, pl. 134; Rosenfield, 1979).

В это же время (преимущественно I–III вв. н. э.) канон стоящей женской фигуры, облаченной в греческий костюм (хитон с гиматием), но уже в принципиально новом стиле — эллинизированном, широко распространяется в восточных провинциях Рима (Передняя и Малая Азия), в областях Западной Парфии (Месопотамия), а также в Средней Азии. И теперь через него передается иконография самых разных богинь, в том числе синкретических, а также обожествленных правительниц. Кроме того, в это время широко распространяется традиция установки надгробных скульптур богатых горожан в караванных городах Ближнего Востока (Пальмира, Дура-Европос, Дамаск, Зевгма). Появляется своего рода шаблон, а в иконографии, очевидно, идет процесс акцентирования внимания на атрибутах, характеризующих определенный статус изображаемых.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности считать, что в первом варианте типа 1 статуэток Маргианы и Бактрии отражена иконография богини греческого или греко-малоазиатского пантеона, вероятнее всего, Афродиты или Кибелы. Во втором и третьем вариантах типа, датируемых II–IV вв. н. э., этот образ уже мог включить в себя функции некоторых авестийских божеств, в частности Анахиты-Ардвишурь, как это предполагал Р. Х. Сулейманов (Сулейманов, 2000, с. 276–293).

Подводя итог, мы можем отметить устойчивое бытование данного типа на протяжении нескольких столетий на территории Бактрии, Маргианы и Согда.

Тип 2. Женская фигура, сидящая на троне или другом сидении

Представлен 31 экземпляром. Происходит с территории Бактрии и Согда¹. Хронологические рамки бытования типа —

¹ На территории Маргианы известна лишь одна фрагментированная статуэтка, поднятая с городища Эрк-кала с поделочной частью, возможно, сидящей богини. Выполнена статуэтка в эллинистическом стиле. Несмотря на то, что в предлагаемом исследовании задействованы изделия, происходящие из стратиграфически ясных условий, считаем важным подчеркнуть сам факт бытования этого типа статуэток в Маргиане (Пугаченкова, 1962а, с. 125–126, рис. 6).

III в. до н. э. — III–IV вв. н. э. По различию в иконографии и стиле было выделено два варианта (рис. 268, 134, 157–166, 247, 3, 254).

Тип 2. Вариант 1. Женская фигура, сидящая на троне или другом высоком сидении, с атрибутами в руках, выполненная в эллинизированном стиле.

Представлен односторонней статуэткой с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающей сидящий женский образ в одежде, драпирующейся складками, с атрибутами в руках (сосуд (миниатюрная чаша), ромбовидный предмет (веер, пальмовая ветвь)) (рис. 134, табл. 14/26).

Этот вариант представлен фрагментированной статуэткой, происходящей из Ай-Ханума (1 экз.). Аналогии рассматриваемого типа статуэток известны также в подъемном материале Кара-тепе (Ставиский, 1969, с. 20, рис. 8, 1), Зартепа (Альбаум, 1960, с. 27).

Она изготовлена оттиском с односторонней матрицы. Реконструируемая высота статуэток не более 14 см. Стиль изображения эллинизированный. Хронологические рамки терракоты этого варианта ограничены III–II вв. до н. э. Судя по подъемным материалам из Зартепа, эллинизированные статуэтки второго типа могли существовать и в кушанское время.

Статуэтка происходит с территории театра.

Исследователи, рассматривая иконографию данного типа, предлагали несколько вариантов интерпретации этого образа (Пугаченкова, 1979а, с. 159–161; Кошеленко, Новиков, 1999, с. 61–62). Наиболее убедительным представляется мысль о изначально привнесенной иконографии сидящей богини типа Деметры или Кибелы и последующей трансформации ее идейного содержания, слиянии и адаптации с представлениями местного населения.

Тип 2. Вариант 2. Статуэтки с изображением женской фигуры, сидящей на троне или другом высоком сидении с атрибутами в руках или без них, выполненные в автохтонном стиле.

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими сидящий женский образ в одежде, с различными иконографическими деталями, с атрибутами в руках (ромбовидный предмет (веер, пальмовая ветвь, цветок) или без них. У ряда изделий прослеживается наличие высокого головного убора типа кокошника (рис. 157–165, 247, 3, 254).

Вариант 2 представлен 29 экземплярами, происходящими с территории двух согдийских памятников, Афрасиаб (1 экз.) (рис. 247, 3, табл. 24/7) и Бухара (3 экз.) (рис. 254, 1–3, табл. 26/14–16), и восьми бактрийских: Айртам (1 экз.) (рис. 158, 1, табл. 19/109), Дальверзин-тепе (9 экз.) (рис. 157, табл. 19/97; рис. 161, 1, табл. 19/88; рис. 164, 1, 2, табл. 19/85, 106; рис. 165, 1, 2, табл. 19/89, 90; табл. 19/86, 107, 108), Дильберджин (3 экз.) (рис. 158, 2, 3, табл. 19/220, 226; рис. 163, 2, табл. 19/194), Тепаи-

Шах (2 экз.) (рис. 160, 1, 2, табл. 19/161, 169), Кей-Кобад-Шах (4 экз.) (рис. 159, табл. 19/326–329), Кампыртепа (2 экз.) (рис. 161, 2, табл. 19/50; рис. 166, 1, табл. 19/62), Чопли-депе (3 экз.) (рис. 162, 1, 2, табл. 19/248, 249; рис. 163, 1, табл. 19/247), Старый Термез (1 экз.) (табл. 19/171). Все статуэтки изготовлены оттиском одно-сторонней матрицы. Реконструируемая высота статуэток от 8,4 до 22 см.

Датировка варианта ограничена I в. до н. э. — III в. н. э. Хронология статуэток позволяет отметить, что терракоты с образом богинь с сосудом и ромбовидным предметом или только с сосудом в руках являются наиболее ранними (Ай-Ханум, Айртам, Афрасиаб).

Археологический контекст 15 статуэток дает возможность интерпретации функционального назначения мест нахождения: 12 статуэток происходят из помещений жилых домов, 3 — с территории храма.

В иконографии второго варианта отмечаются разновидности как по атрибутам, так и по трактовке костюма. В частности, на статуэтках Дильберджина и Дальверзин-тепе атрибут в правой поднятой руке (возможно, цветок), а костюм не греческий, но трактован в характерной эллинистической манере передачи игры складок одеяния. Для статуэток Айр-тама, Тепаи-Шах и Кей-Кобад-Шаха характерна еще меньшая связь с костюмом греческого типа, она фиксируется лишь в застывших схематизированных складках одежды айханумской статуэтки. Среди атрибутов оказываются такие предметы, как миниатюрная чаша, ромбовидный предмет (веер, пальмовая ветвь?). Среди статуэток Дальверзина, Тепаи-Шах, Кампыртепа отмечаются изображения разного этнического типа, но в близких высоких головных уборах типа кокошника.

Исследованию иконографии и интерпретации статуэток рассматриваемого варианта посвящена обширная литература (Кабанов, 1973, с. 41, 57, табл. II, 2; Он же, 1984, с. 73, рис. 1, 2; Пугаченкова, 1979а, с. 159–161; Адылов, 1983, с. 65; Ilyasov, Mkrtichev, 1991/92, р. 107–120). Единого мнения по поводу интерпретации этого образа нет. По типологии Д. Я. Ильясова и Т. К. Мкртычева дальверзинтепинские статуэтки рассматриваемого варианта были отнесены к нескольким иконографическим группам, с указанием, что наиболее близкой рассматриваемому типу является иконография богини Ордохшо, в частности, изображенная на монетах Канишки III, сидящей на троне с венком в руке (Ilyasov, Mkrtichev, 1991/92, р. 107–127, pl. IV–VII, IX, X, 2; Ильясов, 1998, с. 18, рис. 23, б, в).

Тип 3. Женская обнаженная фигура, стоящая с прижатыми к телу руками, без атрибутов

К этому типу отнесены односторонние статуэтки, с подрезкой боковин, заглаженной спинкой, передающие стоящий обнаженный женский образ с опущенными вдоль туловища и прижатыми к нему руками. Все статуэтки изго-

товлены оттиском с односторонней матрицы². Высота целой статуэтки 16,8 см.

Статуэтки происходят из трех бактрийских памятников, территориально далеко отстоящих друг от друга: с небольшой крепости на переправе Кампыртепа (1 экз.) (рис. 135, 1, табл. 14/43), с городского центра Халчаян (2 экз.) (рис. 135, 2, табл. 14/47, 48), а также с крупного города Ай-Ханум (1 экз.) (рис. 135, 3, табл. 14/30). Две статуэтки³ из Кампыртепа происходят из прихрамовых построек (Курбанов, 2000, с. 60–61); одна халчаянская статуэтка найдена в жилой застройке, вторая — из шурфа, заложенного в здании дворца.

Изображения выполнены в эллинизированном и автохтонном стиле. Ближайшие аналогии рассматриваемому типу мы находим в подъемных материалах ряда бактрийских памятников, таких как Дальверзин-тепе (Исхакова, Исхаков, 1978, с. 161, рис. 113, 1), Барат-тепе (Пугаченкова, 1973, с. 105, рис. 20), из Сурхандарьинского района в материалах Термезского музея (Мешкерис, 1985б, с. 64, рис. 2). Близкие аналогии происходят также из Хорезма — статуэтки типа 2 (вариант 2) (рис. 15, 1). Они имеют пересечение не только в иконографии рассматриваемого образа, но и в хронологии, а также в стиле, технологии изготовления и размере. О широком распространении иконографического образа обнаженной женщины с плотно сомкнутыми ногами и руками, вытянутыми вдоль туловища, говорят аналогии, находимые в материалах Вавилона, Месопотамии, Ниппура и др. и относимые исследователями по данным иконографического анализа к эллинистическому периоду (Legrain, 1930, pl. XI, 68, 70; Barrelet, 1968, pl. XLIII, 447).

Среди аналогий уместно упомянуть статуэтки с Ай-Ханума, изготовленные из слоновой кости, передающие образ обнаженных прямостоящих женщин с плотно сомкнутыми ногами (Guillaume, Rougelle, 1987, р. 62, pl. XVI, 17, n (1145). Этот образ представлен также на миниатюрной костяной подвеске из Ай-Ханума (Guillaume, Rougelle, 1987, р. 58, pl. XVIII, 50, n (1097).

Широкий круг аналогий иконографического образа, отраженного на статуэтках археологического типа 3, еще раз подчеркивает использование на огромных пространствах эллинистических государств одних и тех же прототипов. Попадая на определенную локальную территорию, иконография эта наделяется новым смыслом и зачастую иным стилем, воплощаясь в конкретных объектах материальной культуры (археологических типах), в соответствии с запросами местного населения.

² Необходимо отметить, что отнесение статуэтки из Ай-Ханума к этому типу под вопросом, ибо авторы публикации интерпретируют ее как обнаженный мужской персонаж (Guillaume, Rougelle, 1987, р. 61, n (1136), pl. XVI, 9). Более того, перед нами изделие, по всей видимости, далеко отстоящее в процессе редукции от первоначальной модели.

³ Из них только одна была включена в работу, так как только она обладала достаточными с точки зрения стратиграфии данными.

Статуэтки рассматриваемого типа из Халчаяна Г. А. Пугаченкова интерпретировала как несущие образ бактрийской богини-матери (Пугаченкова, 1966, с. 219). Образ «обнаженной богини» видит в статуэтках Кампыртепа С. А. Савчук (Савчук, 1984, с. 40).

Хронологические рамки рассматриваемого археологического типа не выходят за пределы II–I вв. до н. э. и актуальны для всей территории Бактрии.

Тип 4. Женская обнаженная фигура, стоящая, с перекрестием на груди

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей обнаженной женской фигуры подчеркнуто женственных форм с крестообразной перевязью на груди. Происходят с территории бактрийской крепости Кампыртепа, согдийского городища Еркурган и одного маргианского памятника, Джин-депе (рис. 268, 167, 255, 4 260, 7; табл. 19/51; табл. 26/33, 56; табл. 28/7). Реконструируемая высота статуэток этого типа достигала 14 см. Статуэтки изготовлены оттиском с односторонней матрицы. Изображения выполнены в эллинизированном и автохтонном стилях. Место находки бактрийской статуэтки — жилое помещение, согдийской — храмовое помещение. Хронологические рамки типа — I в. до н. э. — III в. н. э.

По мнению Г. А. Кошеленко, иконография этого типа, а вернее такой ее элемент, как перевязь, отражает наиболее характерный атрибут богини Атаргатис (Кошеленко, 1966, с. 108–109).

Тип 5. Женская фигура, обнаженная, стоящая со скрещенными ногами, без атрибутов в руках

Представлен односторонними статуэтками с заглаженной спинкой и неполной подрезкой боковин, оставляющей на уровне ног незначительный фон. По сути, является переходной формой от статуэток к плиткам с рельефом. На статуэтках этого типа представлен образ стоящей обнаженной женской фигуры с красивыми пропорциями, с поднятой к груди левой рукой и опущенной вдоль туловища правой. Основная опора фигуры приходится на левую ногу, правая согнута в колене, упирается на носок, при этом образуя перекрестие с левой ногой на уровне голени. На груди — массивная гладкая гривна. Лицо с тонкими чертами, свидетельствующими о молодом возрасте женщины. Прическа с длинными, уложенными вертикальными и горизонтальными прядями, волосами. Тип представлен двумя экземплярами, происходящими с двух маргианских (Гяур-кала и Гебеклы-депе) и одного согдийского (Сарай-тепе) памятников (рис. 260, 3; рис. 262; табл. 24/14; табл. 28/5; табл. 29/62). Статуэтки обладают миниатюрными размерами, от 7,5 до 8,5–9 см в высоту, изготовлены оттиском с односторонней матрицы. Выполнены в эллинистическом и эллинизированном стилях. Хронологические рамки типа — II–I вв. до н. э. — I–II вв. н. э.

С точки зрения иконографии статуэтка из коллекции САЭ представляет поздний этап развития статуэток типа 5. Среди особенностей можно отметить новые детали, в частности в оформлении головного убора, а также положение рук (рис. 262, 1). В целом в стиле изображения фигуры утрачивается живость позы, она выглядит более скованной. Скрещенное положение ног подразумевает небольшой разворот туловища, а его отсутствие на гебеклинской статуэтке создает заметное искажение анатомии женского тела. Утрачен также легкий наклон и поворот головы, лицо изображено строго фронтально, так же как и само тело персонажа.

При общем сохранении правильных пропорций стиль статуэтки все-таки уже более эллинизированный, нежели эллинистический. Из характерных черт рассматриваемого варианта необходимо отметить небольшие размеры фигурки.

Близкая аналогия с рассматриваемым типом была обнаружена в подъемном материале городища Гяур-кала. Л. И. Ремпель интерпретировал этот образ как танцовщицу, спутницу Вакха-Диониса (Ремпель, 1949, с. 349–350, рис. 26). Автор же публикации статуэтки из Сарай-тепе интерпретировал ее как образ богини с младенцем (Омельченко, 2000, с. 176–178). Однако нам представляется, что правая рука фигурки опущена, а выступ, принимаемый за изображение младенца, — это производственный брак.

Аналогичный образ отмечен также в терракотовой пластике Матхуры. Он датируется кушанским временем (I–III вв. н. э.) и трактуется как танцующая женщина в типичной позе «три бханги» (Agrawala, 1984, p. 33, pl. XIII, fig. 44). Матхурская статуэтка отличается лишь трактовкой одежды, она также полуобнажена, на ее бедрах богатая опояска, на кистях рук широкой полосой в индийской традиции расположены браслеты. Сама компоновка торса очень живая, динамичная — выхватывает для зрителя конкретную и узнаваемую позу танца.

Обобщая данные по рассмотренному типу, остается лишь подчеркнуть его малочисленность: ни в одном из регионов этот тип не имел решающего значения, был второстепенным; в своей иконографии он наиболее близок к динамическим изображениям танцовщиц, жриц эллинистической изобразительной традиции.

Тип 6. Женская фигура, стоящая, в одежде, с виноградной гроздью и сосудом в руках

Представлен односторонними статуэтками, передающими стоящий женский образ в местной одежде с накинутым наискось через левое плечо шарфом, сложенным в гофры. В правой, опущенной вдоль тела руке персонаж держит гроздь винограда, в левой, согнутой в локте, — миниатюрный сосудик. Статуэтки подрезаны с боковин и имеют трапециевидный выступ с тыльной стороны на уровне головы.

Тип представлен 17 экземплярами с четырех бактрийских памятников: Дильберджин (4 экз.) (рис. 171, 1–3; табл. 19/314; 325, 219; рис. 172, 4; табл. 19/315), Чопли-депе (11 экз.) (рис. 168, 1; табл. 19/255; рис. 169, 1, 2; табл. 19/234, 235; рис. 170 2, 3; табл. 19/12, 236; рис. 172, 1–3; табл. 19/13, 237, 238), Мирзабек-кала (1 экз.) (рис. 170, 1; табл. 19/24), Хатаб-депе (1 экз.) (табл. 19/34).

Размеры аналогичной полностью сохранившейся подъемной статуэтки из Мирзабек-калы составляют 13,5 см (Пилипко, 1985, с. 205, табл. XXVIII, 56). Учитывая значительную редукцию мирзабекской статуэтки и высоту фрагментов рассматриваемых нами экземпляров из стратиграфически ясных условий, мы можем реконструировать среднюю высоту статуэток этого типа в пределах до 15 см. Характерной морфологической особенностью типа является трапецевидный выступ с тыльной стороны статуэток на уровне головы. Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы. Изделий, изготовленных в одной матрице, не наблюдается. Статуэтки выполнены как в эллинизированном, так и в автохтонном стиле. Установлено функциональное назначение местонахождения лишь трех статуэток, они происходят из жилых помещений, храма, а также из производственного помещения с медеплавильной печью. Хронологические рамки типа ограничены кушанским временем, наибольшее распространение он получает в кушано-сасанидский период, III–IV вв. н. э.

Прямых аналогий данному иконографическому образу нет. Однако в целом такой атрибут, как виноградная гроздь, наиболее часто отражает близость к персонажам дионисийского культа.

Аналогии известны по подъемному материалу городища Емши-тепе (Кругликова, Сарияниди, 1971, с. 164, рис. 5, 4).

Тип 7. Женская фигура, стоящая, в эллинизированном костюме (хитон и гиматий), без атрибутов, с опущенными и скрытыми под одеждой руками

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей женской фигуры в одежде типа длинного хитона с накинутым поверх него гиматием. На голове прическа в виде уложенных булями волос, обрамляющих лицо. Высота статуэток 12–13 см. Статуэтки изготовлены оттиском односторонней матрицы. Изображения выполнены в автохтонном стиле. Происходят с трех бактрийских памятников: Старый Термез (1 экз.) (рис. 173, 1, табл. 19/172), Халчаян (2 экз.) (рис. 173, 2, табл. 19/117, 118), Зартепа (1 экз.) (рис. 173, 3, табл. 19/120). Функциональное назначение местонахождений трех статуэток определяется как жилые помещения. Хронологические рамки — I в. до н. э. — III в. н. э. Аналогии известны в подъемном материале Афрасиаба (Shishkina, 1994, p. 89, fig. 5; Пугаченкова, 1966, с. 222, рис. 104, 1, 2).

Тип 8. Женская фигура, стоящая, в драпирующейся одежде, с зеркалом в руке

Представлен 25 экземплярами. Происходит с территории Бактрии (5 экз.), Маргианы (16 экз.) и Согда (4 экз.). Хронологические рамки бытования типа — I–IV вв. н. э.

Выделяется три варианта по различию деталей иконографии и стиля изображения, а также по размерам, морфологии и географии распространения статуэток. Надо отметить, что только на территории Маргианы известны все три варианта и только здесь они получили свое широкое распространение (тридцать стратиграфически датированных изделий и более сотни из подъемных материалов). В Бактрии и Согде этот тип представлен единицами стратиграфически датированных изделий. Для Бактрии известен первый вариант из столичного города Бактр и города Дильберджин (Gardin, 1957, pl. X, 1a, b, p. 54–55; X, 3, p. 55–56; Кругликова, 1999, с. 19, рис. 33, 10; 42, 1), а также второй из дворцово-храмового комплекса Саксонохур (Мухитдинов, 1973а, с. 18), для Согда только второй из Афрасиаба и Еркургана (Shishkina, 1994, fig. 3, p. 87; Сулейманов, 2000, с. 191–192, рис. 150, 4; 151, 1). Подъемные же материалы на сегодняшний день пока неизвестны.

Тип 8. Вариант 1. Женская фигура, стоящая, в драпирующейся складками одежде, с зеркалом в руке или руках.

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в драпирующейся одежде, в высоком головном уборе, с зеркалом в правой поднятой руке или с зеркалом в обеих поднятых руках.

Четыре фрагментированные статуэтки происходят из двух южнобактрийских памятников, Топе Заргаран (2 экз.) (рис. 174, 1, 2, табл. 19/229, 230), Дильберджин (1 экз.) (рис. 175, 1, 2, табл. 19/225), и семь из маргианских городищ⁴ Гебеклы-депе (6 экз.) и Эрк-калы (1 экз.) (рис. 263, табл. 29/56, 64–69). Размеры статуэток этого типа невелики, высота их без учета подставок (вилок) 10–12 см. Характерно, что максимальная ширина фигурок (без учета ширины вилок) этого варианта, как правило, не превышает 3,4 см. Высота головы без учета головного убора не более 1,6 см. Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы, с тыльной стороны и боков обрезаны ножом с разной долей тщательности и аккуратности, частично заглажены.

С территории памятника Гебеклы-депе, датировка которого ограничена позднепарфянским и раннесасанидским

⁴ Необходимо оговорить, что по данным археологии с территории Маргианы происходит значительное количество статуэток рассматриваемого типа. Более того, часть происходит из археологических раскопок. Однако в связи с отсутствием возможности соотнесения описания большинства находок с их изображениями и археологическим контекстом и в связи с утратой самой коллекции в базу данных было введено лишь 6 экземпляров коллекции ЮТАКЭ и только один отнесен к рассматриваемому варианту.

временем (I–IV вв. н. э.), происходит пятнадцать статуэток из слоя и подъема. Кроме того, шесть гебеклинских статуэток и одна из раскопа на Эрк-кале имеют более узкую датировку (см. табл. 29). Эти данные позволяют хронологически ограничить бытование статуэток варианта 1 типа 8 позднепарфянским и раннесасанидским временем, в основном II–III вв. н. э.

Среди иконографических особенностей этого варианта необходимо выделить каноничное положение рук: правой, прижатой к груди с зеркалом, и левой, придерживающей край гиматия, повернутой большим и указательным пальцами на зрителя.

Статуэтки этого типа вполне реалистичны. Это отражено в четкой пропорции фигур, близкой к нормальной, — 1/7 (высота головы относительно общей высоты фигуры); в правильной передаче анатомии тела, в частности в тонкой проработке лица, кистей рук, фигуры в целом; в передаче драпировок одежды.

Среди технологических особенностей первого варианта важно отметить наличие лепной подставки к фигурке в виде раздвоенной вилки.

Исследователи статуэток рассматриваемого варианта, анализируя их иконографию, предлагали несколько интерпретаций этого образа — от Наны или Ордохшо до «маргианской богини» (Ремпель, 1949, с. 181; Пугаченкова, 1962а, с. 126–130; Мешкерис, 1985а, с. 35–37).

Общие для трех соседних регионов хронологические рамки этого варианта ограничены I–IV вв. н. э.

Тип 8. Вариант 2. Женская фигура, стоящая, в одежде, с двумя зеркалами в руках.

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в местной одежде, в головном уборе с бантом на макушке, с зеркалами в обеих поднятых руках. Причем на согдийских статуэтках изображен характерный для Согда женский костюм с накидкой, платьем и шароварами, а на маргианских статуэтках — характерный костюм с длинными рукавами в поперечную складку.

Этот вариант представлен восемью фрагментированными статуэтками, происходящими с маргианских памятников Гяур-кала, Эрк-кала и Гебеклы-депе (рис. 263, 3, 4; табл. 29/23, 24, 70–72) и согдийских памятников Афрасиаб, Касантепа и Еркурган (табл. 24/10; 26/53–55). Размеры статуэток невелики, высота — не более 11–14,5 см. Их также можно реконструировать на основе известных по подъемным маргианским материалам статуэток (Пугаченкова, 1967а, с. 79, рис. 58). Высота их достигала 18 см.

Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы. Изделий, изготовленных в одной матрице, не наблюдается. Статуэтки выполнены исключительно в автохтонном стиле.

Как упоминалось выше, второй вариант типа 8 имел распространение не только в Маргиане, но также в Бактрии и Согде. Но если там он представлен единичными находка-

ми, то на территории Маргианы рассматриваемый вариант более многочислен. Он насчитывает десятки фрагментированных экземпляров подъемного характера.

Статуэтки второго варианта в Маргиане имеют ряд иконографических элементов и деталей, характерных для всего рассматриваемого типа. Так, к ним относятся: поза — стоящей женской фигуры; положение поднятой правой руки с зеркалом на длинной ручке, прижатой к середине груди; длиннополая одежда; поперечные складки на правой руке, зигзагообразные или волнистые складки между ног; украшение в виде бус вдоль ворота; круглое украшение на лбу.

Однако необходимо отметить, что по сравнению с первым вариантом изображения на статуэтках варианта 2 типа 8 претерпели и существенные изменения. Полностью меняется стиль изображения — с эллинизированного на автохтонный. Это в первую очередь отразилось на пропорциях фигур, при явной условности изображения. Теперь соотношение высоты головы к общей высоте статуэток 1 к 4–3,5, тогда как ранее было 1 к 6–7. Утрачивается не только реализм, но и всякий динамизм изображения, что выражается в условно трактуемых складках одежды, в неестественно зафиксированных руках и ярко выраженном иератизме изображения всей фигуры. Внимание зрителя фиксируется всего лишь на нескольких деталях: лице, атрибутах и ювелирных украшениях, т. е., в принципе, на объектах, характеризующих статус изображенного персонажа. Все остальное отходит на второй план (анатомия фигуры, ее пропорции, детали одежды и пр.). Очевидна неравномерность проработки и обобщения деталей, что как раз характерно для автохтонного стиля таких статуэток.

Одной из важных особенностей иконографии статуэток варианта 2 этого типа на территории Маргианы является костюм с длинными рукавами в поперечную складку, с такими же частыми складками на подоле, которые образуются по всей высоте ног, оконтуривая их. Между ног зачастую изображены изогнутые волнообразно линии, которые трактуются некоторыми исследователями как изображения змей-драконов (Мешкерис, Беленицкий, 1986, с. 21, рис. 4). Характерные поперечные складки на рукавах и подоле костюма создают впечатление передачи типичного парфянского костюма.

Однако представляется, что это не смена костюма, а переработка в направлении упрощения и огрубления изображения одежд, отраженных на статуэтках первого варианта. Со сменой стиля, с отступлением от реализма естественный характер расположения складок хитона и гиматия, образующих на обеих руках частые поперечные складки слегка наискось, сменяет более грубое изображение этих же складок, уже схематичное, симметричное и условное. Сам же гиматий как элемент костюма исчезает, сохраняя свой след в поперечных складках на рельефно выступающей части ног, т. к. такие складки на платье совершенно неестественны. К рудиментам ранее передаваемых много-

численных живописных складок греческого костюма можно отнести ломаные линии между ног и по бокам фигуры. Кроме того, коропласты акцентируют внимание на ряде деталей, значительно укрупняя размеры бус, рельефно выделяя элементы головного убора.

С точки зрения морфологических особенностей статуэтки этого типа значительно шире (в два раза) и больше в размерах основного изображения по сравнению с первым вариантом. Так, высота головы более чем в два раза превышает высоту голов статуэток этого варианта. Характерно, что соотношение высоты головного убора с высотой головы теперь также кардинально меняется: здесь высота головы значительно больше высоты головного убора.

Хронологические рамки варианта ограничены I–IV вв. н. э. Две гяуркалинские статуэтки происходят из помещений ремесленного квартала, одна из них — из производственного помещения с печью.

Тун 8. Вариант 3.

Этот вариант представлен только статуэтками Маргианы. Три стратиграфированных экземпляра происходят из столичного города Гяур-калы и один — из сельского поселения Гули-депе (рис. 263, 4; табл. 29/28, 39, 41, 73). На статуэтках этого варианта с тем же иконографическим образом изменились не только детали иконографии (примитивизирование деталей), но и морфология. Эти статуэтки стали представлять из себя уплощенные статуэтки-плитки с горельефно выполненной головой («плоскоплиточные»). Хронологические рамки ограничены III–IV вв. н. э.

Подчеркнем, что ни один целый экземпляр рассматриваемого варианта статуэток не сохранился. Существует общее мнение, что у этого варианта были горельефные головки (Пугаченкова, 1962а, с. 136–137). По всей видимости, это мнение основывается на находке нескольких экземпляров целых статуэток, близких к исследуемым как по морфологии, так и по иконографии и стилю изображения (Кошеленко, 1977, рис. 73–74; Simpson, Herrmann, 1995, р. 146, 159, ill. 4а). Однако нельзя не отметить, что у персонажей на этих аналогиях отсутствует главный атрибут — зеркало — и изменено каноничное положение рук. В то же время это никак не противоречит устоявшемуся в литературе вышеприведенному мнению, но лишь подтверждает, что пока мы не имеем однозначных доказательств горельефности головок варианта 3 типа 8.

Стиль на статуэтках рассматриваемого варианта изменился в сторону еще большей примитивизации. Пропорции условны, изображение предельно схематично, неравномерная проработка деталей, акцент на элементах, подчеркивающих характер и статус персонажа, в частности, главный атрибут — зеркало — значительно больше по размерам. Увеличены в размерах как ювелирные украшения (круглые бусы на груди), так и декор костюма, прослеживаемый в нескольких рядах крупных перлов или бляшек. Яркий иератизм выражен в застывшей позе персонажа и строгой фронтальности всего изображения.

С точки зрения иконографии мы имеем ряд сохранившихся не только основных, но и второстепенных деталей как первого, так и второго вариантов. Благодаря более качественному образцу из коллекции Государственного Эрмитажа мы можем их хорошо проследить⁵. К ним относятся: образ женщины, стоящей с каноничным положением рук, правая поднята к груди, левая у бедра; зеркало на длинной ручке; низка бус на шее; поперечные складки на рукавах. В отличие от первых двух вариантов в целом одежда передана чрезвычайно условно, зачастую в виде вертикальных рядов кружков по бокам фигуры и одного ряда между ног, последние выделены рельефно (рис. 263, 3, 9). Принципиально новой является прослеживаемая в некоторых изделиях орнаментальная стилизация. Это можно увидеть в оформлении низа и боковых частей статуэтки орнаментальным бордюром. В средневековой орнаментальной стилизации максимально разовьется, значительно потеснив статуэтки и заменив их на терракотовые плитки с рельефом, где помимо фигуры главного персонажа немалое внимание будет уделяться оформлению пространства вокруг него (Мешкерис, 1989а, с. 231–283). Также существенно изменилась морфология статуэток третьего варианта. Они стали представлять собой уплощенные плитки с трапециевидным абрисом, с плоским рельефом оттиска. В литературе за этим вариантом женских статуэток с зеркалом закрепилось наименование «плоскоплиточные».

Исследователи статуэток, относимых нами к типу 8, при анализе их иконографии предлагали несколько вариантов интерпретации этого образа — от Наны или Ордохшо, Юноны или Исиды до варианта «маргианской богини» (Ремпель, 1949, с. 181; Пугаченкова, 1962а, с. 126–130).

На наш взгляд, для верной интерпретации анализируемого археологического материала следует опираться на время, ареал, культурный и археологический контекст происхождения статуэток рассматриваемого типа. Статуэтки богинь с зеркалом являются своего рода визитной карточкой всего региона Маргианы. Они были наиболее широко и массово распространены и маркировали период относительно стабильной жизни в парфянском государстве.

Зарождение иконографии типа 8 происходило в условиях наибольшего мировоззренческого синкретизма, переосмысления иконографии эллинистических богов, ее адаптации под местные религиозные культы и сосуществования диаметрально противоположных религиозных систем. Несмотря на практически полное отсутствие в Маргиане, в отличие от кушанской Бактрии этого периода, подписной иконографии (нумизматика Маргианы не дает сведений о ее наличии), богатство и разнообразие бытовавших

⁵ Выражаем признательность А. Омельченко за предоставленный качественный фотоматериал по статуэтке из Гяур-калы за номером СА-13882, которая, по всей видимости, происходит из раскопок, проводившихся Р. Помпелли в 1904 г. (Pumpelly, 1908, р. 200, pl. 55, 4).

иконографических образов синхронного времени, помимо терракотовой пластики, отражено в материалах сфрагистики, в частности в многочисленном корпусе глиняных булл с Гебеклы-депе (Кошеленко и др., 1991; Кошеленко и др., 1995). Несколько сотен булл отражают целый спектр различных религиозно-идеологических систем, которые бытовали на территории Маргианы.

В этот же период появляются широко известные храмы различных конфессий на территории столичного города древней Маргианы — Гяур-кале. В настоящее время известно несколько храмов на территории этого городища. Это, в частности, два предположительно зороастрийских храма (I–III вв. н. э.), а также буддийская ступа (III–V вв. н. э.) (Филанович, 1974, с. 69, 93; Кошеленко, 1966, с. 95).

В условиях, когда на зороастрийском фоне присутствовали самые различные религиозно-идеологические представления, неслучайным видится использование в качестве одной из основных иконографических деталей рассматриваемых статуэток греческого костюма (хитон с гиматием), который во II–III вв. становится иконографическим шаблоном на территории значительной части тогдашнего мира, в частности, в восточных провинциях Римской империи и западных областях Парфянского царства, в Месопотамии (Invernizzi, 1973–1974, p. 200, 210; fig. 66, 76). Особенно это распространяется в караванных городах Передней Азии (Дамаск, Пальмира, Дура-Европос, Зевгма). Богини Атаргатис, Артемида, Тюхе и другие были изображены здесь в аналогичном костюме, а также в эллинизированном стиле (Симонт, 1923, pl. 1, XIII). Может ли этот факт послужить вектором направления возможных влияний или заимствований в области иконографии или всего лишь подчеркивает общность процессов по адаптации эллинистического наследия — вопрос пока нерешенный. Однако несомненно, что последний происходил в период от рубежа эр до утверждения сасанидского изобразительного канона.

Еще одним важным фактором, ограничивающим разброс возможных интерпретаций изделий терракотовой пластики и, соответственно, изображений на них, является анализ археологического контекста. В отличие от большинства городов Месопотамии и Ближнего Востока, изобилующих музейными коллекциями, как правило, подъемных или не имеющих подробного археологического контекста, в Маргиане, благодаря широкомасштабным работам ЮТАКЭ, удалось выявить конкретный археологический контекст значительного числа находок.

Судя по планиграфии распространения статуэток, полученной советскими археологами, можно утверждать, что они преимущественно были расположены в жилых кварталах или помещениях, имеющих производственно-бытовой и жилой характер. В частности, статуэтки типа 8 мы можем наблюдать в серии находок, происходящих из кварталов мукомолов и дома металлста на Гяур-кале.

Можно отметить высокую частоту встречаемости терракотовых статуэток (в 2/3 от общего количества исследуемых помещений).

Характер большинства помещений, где были найдены статуэтки, предполагает работу в них по большей части женщин. Это отмечают сами исследователи квартала, подчеркивая характерность обнаружения разного рода ювелирных украшений в помещениях с зернотерками и ручными жерновами (Кацурис, Бураков, 1963, с. 160). В большинстве случаев статуэтки обнаруживаются на полу, рядом с местом работы (ручные жернова, зернотерки и хумы для готовой муки).

В этой связи можно предположить существовавшую связь наборов терракот с работавшими в помещениях женщинами. Важно также, что в помещениях были обнаружены как женские статуэтки, так и мужские и зооморфные, причем в разных комбинациях. Статистически зафиксированные совместные находки статуэток с различными образами, включая как антропоморфные, так и зооморфные, а также фигурок всадников в одном и том же контексте (способ хранения, использования, соотношение и месторасположение с иными предметами материальной культуры) позволяет осторожно предполагать отсутствие формальной разницы в отношении к этим изделиям. Последнее разительно отличает рассматриваемую серию от серий терракотовых статуэток в Хорезме более раннего времени, где они были преимущественно связаны именно с храмовыми комплексами (Двуреченская, 2009, с. 195).

Относительно же женских религиозных предпочтений уместно было бы напомнить о храме Атаргатис в Дура-Европос, где в небольшом амфитеатре (притворе храма) все сидения были подписаны и принадлежали женщинам (Парфянский выстрел, 2003, с. 266).

Перекрестный анализ бытовавших иконографических образов и их месторасположения в определенном археологическом контексте позволяет предполагать, что и сами статуэтки, и образы, представленные на них, по всей видимости, находились в поле широких народных верований. Локализация мест находок статуэток свидетельствует о бытовых и религиозно-идеологических запросах населения древней Маргианы, в том числе рядовых маргианских женщин. Для них в первую очередь было важно почитание божеств, носителей функций плодородия и семейного благополучия.

Параллельно с образом богини с зеркалом, получившим широкое распространение в народном быту, в торгово-экономической сфере Маргианы на первый план выдвигается образ богини, восседающей на троне с пальмовой ветвью в руке. По предположению исследователей серии булл с Гебеклы-депе, такие изображения могли отражать некий синкретический образ эллинистической Тюхе и иранского Хварна (Фарна) (Кошеленко и др., 1995, с. 196). Характерно, что в статуэтках этот образ ни разу не отмечен.

Тип 9. Мужской бюст с портретом «римского» типа

Представлен односторонними матрицами, предназначенными для изготовления оттисков с изображением мужского бюста эллинистического типа со средиземноморскими чертами лица и короткой стрижкой. Происходит с одного бактрийского памятника — Кампыртепа (2 экз.). Высота матриц 13,2 см. Хронологические рамки — I в. н. э. — первая треть II в. н. э. (рис. 177, табл. 19/1, 2).

Тип 10. Обнаженная фигура юноши, стоящего с виноградной гроздью в правой руке и птиц в левой

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин, углублением в спинке (предназначенным для крепления к какой-то опоре, у одной из них внутри сохранился гипс), передающими образ стоящего обнаженного юноши с птицей в левой руке, которую он кормит виноградом, держа его в правой руке. На запястье правой руки браслет, на шее — гривна. Тип представлен тремя статуэтками, происходящими с одного бактрийского памятника — Дильберджин (рис. 178, табл. 19/212, 214, 224). Нет ни одного целого изделия, реконструируемая высота статуэток — 11–14 см. Статуэтки изготовлены оттиском односторонней матрицы. Изображения выполнены в автохтонном стиле. Происходят статуэтки из помещений жилого характера. Хронологические рамки — III–IV вв. н. э.

Аналогичная статуэтка известна по подъемному материалу хорезмийского памятника Джанбаскала (Культура и искусство... 1991, с. 196, № 317). Сюжет кормления птицы виноградом отмечен в коропластике Ниппура. На статуэтке изображена сидящая с раскинутыми и согнутыми ногами фигура ребенка, держащего в согнутых руках гроздь винограда и небольшую птичку, которая клюет или тянется к ветке. Автор относит образ к греко-парфянскому времени и одному из распространенных сюжетов, связанных с Гором, Бахусом или Адонисом (Legrain, 1930, p. 23, pl. XXIX, 150). Аналогичный сюжет представлен в одной из пальмирских надгробных стел, привезенных в Мервский оазис (район Векиль-Базара), датируемых I–II вв. н. э. (Кошеленко, 1977, с. 100–102, рис. 40). На стеле изображена девочка, стоящая в длинном складчатом одеянии с виноградной лозой в правой опущенной руке и с птичкой на левой согнутой руке. Несмотря на подпись на стеле, где обозначено имя девочки, Бейт, сам сюжет с ребенком, птицей и виноградом был довольно широко распространен в эллинистический период по всей ойкумене. Известен он и в Малой Азии. Так, на статуэтке из Мирина на скамье с алтарем сидит мальчик с виноградом, который клюет петух (Winter, T. II, S. 278. Abb. 10). Этот сюжет представлен и в городах Северного Причерноморья: Мирмекии («засыль» I в. н. э.) (Денисова, 1981, с. 74–75, 81, табл. XVIII, ж, и), в черенской земляной гробнице (Силантьева, 1974, табл. 39, 3; Изв. импер. арх. комис., вып. 9,

1904, с. 138, мог. № 370, рис. 41), Пантикапее (Кобылина, 1961, с. 149, табл. XXXIII, 1). Большинство авторов трактует данный сюжет как жанровую сцену. Однако находки статуэток с этим сюжетом в гробницах, а также присутствие его на надгробной стеле и собственно распространенность по всей ойкумене заставляют нас предполагать его непосредственное отношение к какому-то мифу или культу, отражающему связь с потусторонним миром. Надо отметить, что широкое распространение данного сюжета относится к периоду позднего эллинизма, т. е. к I в. до н. э. — I в. н. э.

Тип 11. Женская голова в головном уборе типа кулоха

Представлен односторонними статуэтками с изображением женской головы с лицом местного этнического типа, с большими глазами, крупным носом и массивным подбородком. На персонаже высокий головной убор с отворотами типа наушей и козырьком. Волосы в виде завитых локонов обрамляют лицо с боков. Статуэтки изготовлены оттиском односторонней матрицы в высоком рельефе (2/3). Происходят с одного согдийского памятника — городища Китаб (2 экз.) (рис. 247, 1, 2, табл. 24/1, 2). Нет целых статуэток, высота головы 5,6 см. Выполнены в эллинизированном стиле. Хронологические рамки — II–I вв. до н. э. Автор публикаций интерпретирует образ как голову Афины (Крашенинникова, 1977б, с. 92–93).

Тип 12. Женская голова в «башенной» короне

Представлен односторонними статуэтками с изображением женской головы с лицом местного этнического типа, с большими глазами, прямым носом и массивным подбородком. На голове персонажа характерный тип «башенной» (муралис) короны. Не сохранилось ни одного целого образца. Происходит с территории одного согдийского памятника — Бухара (2 экз.) (рис. 255, 2, 3, табл. 26/19, 20). Хронологические рамки — II–III вв. н. э.

Иконографические аналогии известны по подъемным материалам согдийского памятника Варахша, а также по материалам бактрийского города Ай-Ханум, в частности, образ богини в «башенной» короне представлен на декоре керамики (Guillaume, Rougelle, MDAFA, t. XXXI, 1987, p. 64/п (1155), pl. XVII, 9; pl. 20, 3).

Тип 13. Женский бюст в архитектурном декоре

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин, заглаженной спинкой и небольшой выемкой на дне. Статуэтки представляют собой женские полуфигуры — бюст со сложенными на уровне груди руками в архитектурном оформлении. Реконструируемая высота статуэток — 9 см. Происходят из одного бактрийского памятника — Чоплиде (2 экз.) (рис. 179, табл. 19/250–251). Изображения на статуэтках выполнены в автохтонном стиле. Хронологические рамки — I–IV вв. н. э.

Аналогии известны по подъемным материалам с бактрийских памятников Средней Амударьи Мирзабек-кала и Чопли-депе (Пилипко, 1985, с. 207, табл. XXXII, 66; с. 200, табл. XXXII, 26), а также с хорезмийского Анга-кала (Толстов, 1953, рис. 13, 6; хранится в Музее Востока).

Тип 14. Женская фигура, стоящая, в одежде с накидкой и с атрибутом в руке

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий женский образ в местной одежде с накидкой, в головном уборе с бантом на макушке, невысоким кокошником или покрывалом, с миниатюрными предметами в одной или двух руках (зерно, плод, растение и т. п.). Представлен 9 экземплярами. Происходит с территории Бактрии и Согды. Хронологические рамки бытования типа — I–IV вв. н. э.

Тип 14. Вариант 1. Женская фигура, стоящая, в согдийском костюме, с атрибутом в руке.

Этот вариант представлен семью экземплярами из двух согдийских памятников: Афрасиаба (4 экз.) (рис. 256, табл. 26/1, 3–5) и Тали-Барзу (3 экз.) (рис. 256, 4–6, табл. 26/6, 11, 12). Хронологические рамки типа ограничены I–IV вв. н. э.

Все статуэтки изготовлены при помощи оттиска с односторонней матрицы. Изделий, изготовленных в одной матрице, не наблюдается. Размеры статуэток 10–15 см. Статуэтки выполнены исключительно в автохтонном стиле. Происходят из жилых и производственных помещений.

Интерпретации образа на статуэтках рассматриваемого варианта посвящена значительная литература (Заславская, 1959, с. 59; Мешкерис, 1962, с. 23–26; Она же, 1977а, с. 14–15; Кабанов, 1973, с. 67). Большинство авторов склоняется к мнению о том, что перед нами образ «богини-матери».

Тип 14. Вариант 2. Женская фигура, стоящая, в бактрийском костюме, с атрибутом в руке.

Этот вариант представлен двумя экземплярами из двух бактрийских памятников: Кампыртепа (рис. 180, 1, табл. 19/61) и Кара-тепе (рис. 180, 2, табл. 19/337). Хронологические рамки бытования варианта — с рубежа эр по первую треть II в. н. э.

Реконструируемые размеры статуэток этого типа до 15 см. Статуэтки выполнены исключительно в автохтонном стиле. Происходят из жилых помещений.

Аналогичные статуэтки известны по подъемным материалам Зартепа. Статуэтка изображает женскую фигуру, по всей видимости, стоящую, в одежде, с тяжелой накидкой типа кандиза, из-под которой видно нижнее платье, с ожерельем на шее и приподнятыми руками с атрибутами: в правой — сосуд, а на кисти левой висит, вероятно, прикрепленный к ней ромбовидный предмет (рис. 180, 2). Представляется уместным отметить полное совпадение

атрибутов с атрибутами, представленными на статуэтках типа 2 — сидящей богини.

Тип 15. Женская стоящая фигура, в одежде, с лютней (лютнистка)

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей женской фигуры в одежде с широкими полами и драпировкой, с лютней в руках. Происходит с территории трех бактрийских городов: Старый Термез (рис. 181, 3, табл. 19/170), Дальверзин-тепе (рис. 181, 1, 2, табл. 19/87), Аккурган (рис. 181, 4, табл. 19/74). Статуэтки в двух случаях происходят из помещений с ясным функциональным назначением: храм и двор сельского поселения. Необходимо отметить, что данный тип широко распространен и в Согде. Однако статуэтки этого типа там найдены в неясных стратиграфических условиях. Высота статуэток 10 см. Хронологические рамки типа — II–IV вв. н. э.

Тип 16. Женская фигура, сидящая, в одежде, с лютней в руках

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ сидящей женской фигуры в одежде с мысовидным глубоким вырезом, длинными рукавами и драпированным в складки подолом. Костюм богато украшен бляшками, звездами и зигзагообразным орнаментом. На голове у женщины турбанообразный головной убор, в ушах — кольцевидные серьги, на шее — гривна и бусы, а в руках — круглый предмет, напоминающий короткую лютню. Происходит с территории одного бактрийского памятника — Кампыртепа (3 экз.) (рис. 182, 1, 2, табл. 19/58, 338, 339). Две статуэтки изготовлены оттиском с одной односторонней матрицы. Изображения выполнены в автохтонном стиле. Происходит из помещений жилого характера. Высота статуэток 17,3 см. Хронологические рамки — I в. н. э. — первая половина II в. н. э.

Тип 17. Женская фигура, стоящая, в глухой одежде, без атрибутов

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей женской фигуры в одежде типа кандиза с ложными рукавами, без атрибутов. Изображения на статуэтках выполнены в автохтонном стиле. Происходят из трех бактрийских памятников: Чопли-депе (рис. 183, 1, 5, табл. 19/240, 241), Кампыртепа (рис. 183, 4, табл. 19/63), Дальверзин-тепе (табл. 19/268). Реконструируемая высота 11 см. Датируются кушанским временем. Аналогичные статуэтки известны и на других бактрийских памятниках в подъемном материале — у кладбища Гола-Молла в окрестностях Дальверзин-тепе (Пугаченкова, 1966, с. 222–223), на городище Емши-тепе (Сарианиди, Кругликова, 1971, с. 164–165, рис. 6, 5), а также на Мирзабек-кала (рис. 183, 2, 3).

Тип 18. Женские статуэтки с цилиндрическими туловами

Представлены статуэтками, выполненными в комбинированной технике. Лепное от руки тулово, как правило, в виде цилиндра с небольшим расширением у основания и условными небольшими выступами рук, голова оттиснута при помощи односторонней матрицы (однако есть и целиком лепные от руки статуэтки этого типа, в частности две статуэтки из Дальверзин-тепе). Высота целых статуэток от 12,7 до 16 см. Статуэтки этого типа, как правило, устойчивы. Изображение на статуэтках крайне схематично и выполнено в примитивном стиле. Статуэтки этого типа (12 экз.) происходят из четырех бактрийских памятников: Мирзабек-кала (1 экз.) (рис. 184, 1, табл. 19/25), Чопли-депе (7 экз.) (рис. 185, 1–4, табл. 19/14, 15, 242, 243; рис. 186, 1–3, табл. 19/244–246), Кампыртепа (1 экз.) (табл. 19/59) и Дальверзин-тепе (2 экз.) (рис. 187, 1, 2, табл. 19/103, 104). По функциональному назначению определены местонахождения двух статуэток — это жилые помещения. Хронологические рамки не выходят за границы кушанского времени, значительная часть датируется первыми веками н. э.

Тип 19. Женские и мужские фигурки на трех ножках

Представлены статуэтками, выполненными в комбинированной технике (лепное тулово и лицо, изготовленное оттиском с односторонней матрицы или полностью ручной лепкой). Статуэтки изображают различных мужских и женских персонажей с примитивным туловом на широко поставленных, как у всадников, ножках и еще одной, расположенной с тыльной стороны. Три статуэтки этого типа происходят из одного бактрийского памятника — Кампыртепа (рис. 188, 1–3, табл. 19/35, 46, 47). Статуэтки этого типа были обнаружены в жилых помещениях и в помещении святилища с алтарем огня. Хронологические рамки — I в. н. э. — первая треть II в. н. э.

Автор публикаций интерпретирует мужские образы на этих статуэтках как Силена на козлых ножках и сатира, играющего на продольной флейте (Савчук, 1989, с. 34–35).

Тип 20. Мужская фигура, стоящая, в одежде кушанского типа, с атрибутами в руках и без них

Представлен десятью экземплярами. Все статуэтки изготовлены оттиском с односторонней матрицы, с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ стоящей мужской фигуры в одежде кушанского типа: короткий подпоясанный кафтан и шаровары, с атрибутами в руках или без них. Происходит с шести бактрийских памятников: Айртам, Саксонохур, Халчаян, Тепе Заргаран, Кампыртепа и Старый Термез. Хронологические рамки типа — с I по III в. н. э. Среди статуэток этого типа по различию в иконографии и стиле можно выделить три варианта.

Тип 20. Вариант 1. Мужская фигура, прямостоящая, в одежде кушанского типа, с атрибутами в руках.

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий мужской образ в коротком подпоясанном кафтане и шароварах, в высоком коническом головном уборе с атрибутами в руках. Среди атрибутов в двух случаях сосуды. Вариант представлен тремя статуэтками, происходящими с трех северобактрийских памятников: Кампыртепа (рис. 189, 1, табл. 19/43), Старый Термез (рис. 189, 3, табл. 19/178) и Халчаян (рис. 189, 2, табл. 19/119). Статуэтки изготовлены оттиском одностороннего штампа. Реконструируемая высота статуэток до 18 см. Все они выполнены в автохтонном стиле. Функциональное назначение местонахождения двух статуэток определено авторами раскопок как жилые помещения (табл. 19/43, 119). Хронологические рамки варианта — великокушанский период, I–II вв. н. э.

Близкие аналогии этому варианту известны по подъемным материалам из Регарского района (Негматов, 1970).

Тип 20. Вариант 2. Мужская фигура, прямостоящая, в длиннополой одежде, с сосудом и веткой в руках.

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий мужской образ в длиннополой одежде с атрибутами в руках (сосуд типа миниатюрного горшочка, а также ветвь или пучок травы). Вариант представлен двумя статуэтками, происходящими с двух бактрийских памятников: столичного города Балх (Тепе Заргаран) (рис. 190, 3, табл. 19/232) и из городища Айртам (рис. 190, 1, 2, табл. 19/110). Обе статуэтки выполнены в автохтонном стиле. Датируется I–II вв. н. э.

Тип 20. Вариант 3. Мужская фигура, стоящая с раздвинутыми ногами, в одежде кушанского типа, с атрибутами в руках и без них.

Представлен односторонними матрицами, предназначенными для изготовления статуэток. На оттисках рассматриваемых матриц изображен стоящий мужчина с широко расставленными ногами, в коротком подпоясанном кафтане и шароварах, с атрибутами в руках. Среди атрибутов сосуд и веточка растения. Вариант представлен пятью матрицами, происходящими с одного восточно-бактрийского памятника Саксонохур (рис. 191–193, табл. 19/5–9). Все статуэтки выполнены в примитивном стиле. Все обнаружены в гончарном квартале на месте производства (в отвалах гончарных печей). Хронологические рамки данного варианта ограничены раннекушанским временем — I в. н. э.

Исследователями раскопок статуэтки с данным изображением интерпретируются как передающие образ героя мифов и легенд, священнослужителя, правителя и героизированного предка (Мухитдинов, 1987, с. 109–110).

Тип 21. Мужская фигура, стоящая, в одежде, с высоким головным убором

Тип представлен односторонней матрицей и статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими стоящий мужской образ (сасанида?) в одежде, с гривной на груди, с прической в виде длинных, спускающихся до плеч волос, с бородой, опирающийся на длинный прямой меч. Представлен тремя статуэтками и одной матрицей, происходящими из одного маргианского города Гяур-кала (3 экз.) и крепости Гебеклы-депе (табл. 29/10, 42, 54, 63). Все статуэтки выполнены в автохтонном стиле.

Тип довольно широко представлен статуэтками из археологических раскопок, но в подъемном материале. Особенно широкое распространение статуэтки этого типа получили в Маргиане (Кацурис, Буряков, 1962). Для подробного рассмотрения необходимо привлечь некоторое число подъемных находок лучшей сохранности, известных по публикациям. Одна из них является случайной находкой из окрестностей Керков и представлена целым образцом, в отличие от гяуркалинских статуэток и упомянутой выше матрицы. С точки зрения редукции она стоит близко к изначальному оригиналу (Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 74; Пилипко, 1985, с. 213–214, табл. XXXII, 113). Иконография этой статуэтки позволяет нам более детально рассмотреть представленный тип. Так же как и у гяуркалинских статуэток, мужская фигура стоит, левой рукой опираясь на прямой длинный меч, расположенный строго по центру фигуры, однако правой приподнятой рукой придерживает неопределенный предмет (возможно, цветок или скипетр).

Меч прикреплен на специальном кавалерийском ремешке, пропущенном через скобу на ножнах. Это приспособление обеспечивало всаднику легкое маневрирование этим довольно громоздким оружием при посадке на коня, а также при езде, позволяя свободно и быстро перемещать меч на бок. Элемент крепления со скобой был подробно исследован. Его генезис связан с китайской военной традицией, а появление его на территории Средней Азии — с вторжением юэчжей. Во второй половине II в. до н. э. — I в. н. э. заметно сильное влияние Парфии на территории Северной Бактрии. Возможно, именно в этот период парфянскими воинами мог быть перенят такой элемент, как скоба-пронизка, используемая для крепления ножен меча к портуpee (Никоноров, 2005, с. 159; Симоненко, 2010, с. 65–67).

Прямые длинные мечи довольно широко были распространены на территории древних государств Средней Азии. Наиболее ранние их изображения можно увидеть на монетах Герая, на династийных кушанских скульптурах Халчаяна и Матхуры (Пугаченкова, 1979, с. 90, рис. 103, с. 211, рис. 237), на бронзовых статуэтках с изображением воинов из Ирана III в. н. э. (Harper, 1978, р. 88, 89, fig. 30, 30a), на резной кости пластин Орлатского могильника (Древний

Южный Узбекистан (ДЮУ), с. 245, с. 306), а позднее — на сасанидских рельефах Накш-и Рустам 6, Накш-и Раджаб, Бишапур VI и IV (Herrmann, Mackenzie, 1989; Herrmann, 1981).

Одежда персонажа на статуэтках типа 21 состоит из длинных шаровар и поколенной подпоясанной рубахи, поверх которой, вероятно, накинута плащ, образующий на груди и плечах округлые мягкие складки. На шее гривна, на голове — высокий головной убор типа кулаха или шлема. Мужчина показан с окладистой бородой и выщипанными, ниспадающими на плечи волосами. В передаче одежды, ее характерных, с пышным завершением складок и акцентов на детали, уже прослеживается хорошо узнаваемый декоративный стиль ранних сасанидов.

Кулах, как головной убор царственных особ или убор знатных вельмож, широко известен в парфянской среде. Позднее он встречается в искусстве ранних сасанидов, почти сразу сменяясь на различного рода короны с навершиями и дополнительными украшениями. Известны изображения шлемов довольно близких очертаний на монетах парфянского царя Вологеза III. Аналогичный шлем, датируемый серединой III в. н. э., был обнаружен при раскопках Дура-Европос (James, 2004, р. 104–105, fig. 47–48).

По мнению военных археологов, сасаниды заимствовали у парфян многие элементы военного дела, начиная со структуры подразделений, тактики ведения боевых действий и заканчивая деталями вооружения и амуниции (Никоноров, 2005, с. 141–164). Мы можем лишь предположить, что перед нами изображение тяжеловооруженного воина из числа высшей знати. Возможно, в пользу того, что на терракотах изображен именно раннесасанидский воин, может свидетельствовать характерный для сасанидского искусства декоративный стиль изображения.

Археологические датировки рассматриваемого типа терракот довольно широки — II–IV вв. н. э.

Тип 22. Мужская фигура, сидящая, со скрещенными ногами

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими мужскую фигуру, сидящую со скрещенными ногами и руками, опирающимися в бедра, в кафтане. Не сохранилось полных образцов. Реконструируемая высота статуэток 7,5–8 см. Все статуэтки выполнены оттиском односторонней матрицы. Изображения — в автохтонном стиле. Происходит с одного южнобактрийского памятника — Дильберджин (2 экз.) (рис. 194, 1, 2, табл. 19/203, 213). Хронологические рамки — III–IV вв. н. э.

Аналогии известны в подъемном материале с городища Емши-тепе (Кругликова, Сарияниди, 1971, с. 164, рис. 5, 2).

Тип 23. Будда, сидящий в позе падмасана

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими сидящий в позе падмасана образ Будды с жестом абхайя-мудра и дхьяна-мудра. Будда одет в сангхати с мягкими складками. Происходит с территории трех бактрийских памятников: Старый Термез (2 экз.) (табл. 19/227, 228), Кара-тепе (1 экз.) (рис. 195, 1, табл. 19/180) и Дильберджин (1 экз.) (рис. 195, 2, табл. 19/310). Высота лучше всего сохранившихся экземпляров 9,5 см. Хронологические рамки типа — от второй половины I века н. э. по IV в. н. э. включительно. Одна из статуэток была обнаружена в помещении неподалеку от алтаря (табл. 19/180).

Аналогичные статуэтки рассматриваемого типа широко известны в подъемных материалах из разных бактрийских памятников: Кампыртепа (Ильясов, 2000б, с. 102); Зартепа (Абдуллаев, Завьялов, 1985а, с. 113, рис. 4); Ак-кала (Пилипко, Масимов, 1969, с. 249–250, рис. 3) и др.

Тип 24. Будда, стоящий с жестом абхайя-мудра

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими образ Будды, стоящего в драпирующейся мягкими складками и ниспадающей до пят накидке-дхоти, с поднятой и обращенной ладонью на зрителя правой рукой (жест вещания). Представлен одним изделием, происходящим из бактрийского города Зартепа (рис. 196, табл. 19/305).

Изготовлена статуэтка оттиском с односторонней матрицы. Изображение выполнено в автохтонном стиле. Реконструируемая высота — 12,5–13 см. Статуэтка датируется IV — началом V в. н. э. (Завьялов, 1981, с. 65–69, рис. 1, 2). Позднее дата была изменена до I–III вв. н. э., что в конечном счете представляется более убедительным в связи с решением вопроса о начальной дате эры Канишки (Абдуллаев, Завьялов, 1985а, с. 111–114; Завьялов, 2008, с. 97, рис. 37, а, б).

Тип 25. Женская фигура, стоящая, в одежде, с подношениями в руках — адорантка

Представлен односторонними статуэтками с подрезкой боковин и заглаженной спинкой, передающими прямостоящую женскую фигуру в длинном кафтане и шароварах с покрывалом, наброшенным на голову, с поднятой к груди правой рукой в жесте абхайя-мудра и левой, согнутой в локте, придерживающей край гирлянды.

Тип представлен тремя статуэтками из двух бактрийских памятников: Зартепа (2 экз.) (рис. 197, 1, 2, табл. 19/121, 122) и Аккургана (1 экз.) (рис. 197, 3, табл. 19/80). Все они выполнены в автохтонном стиле. Высота статуэток 10,2 см. Хронологические рамки — III–IV вв. н. э.

Ш. Р. Пидает интерпретировал данный образ как отражающий иконографию богини-матери (Пидает, 1976, с. 75–76, рис. 24, 2). Нам представляется более убедительным мнение, что это образ адорантки.

Аналитические таблицы

1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
1	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
2	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
3	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	подъем	антропоморфный	женский	III/1
4	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	антропоморфный	женский	III/1
5	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	подъем	антропоморфный	женский	I

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент корпуса животного с коротким хвостом, плотно прилегающим к туловищу, имеющим вид налепа	ручная лепка	7,3 × 4,2	1950/180	38(3)	Музей Востока
корпус животного, сильно разъединенный водой, вытянутых пропорций, со слегка возвышающимся крупом с хвостом	ручная лепка	9,5 × 5,9	1950/181	36(1)	Музей Востока
стоящая, в одежде, без атрибутов. Платье с веерообразно расходящимися от ворота складками, поверх которого накинута «шарф», складки с легким прогибом в центре, на груди и ниже, от левого плеча — косые вертикальные крупные рельефные складки, идущие вниз до конца фрагмента уже из-под «шарфа». Правая рука согнута в локте и прижата к груди поверх шарфа. Рука изображена условно, без реалистической трактовки, и имеет 3 стилизованных пальца. Левая рука фигурки не обозначена, вероятно, вытянута вдоль туловища и прикрыта покрывалом	оттиск с односторонней матрицы	6,9 × 5 × 2,4	1950/182	22(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 256
см. описание типа и варианта	оттиск с односторонней матрицы	6,7 × 5,1 × 2,3	1950/189	нет	Музей Востока
стоящая, в одежде, с атрибутом («с фижмами»), прямостоящая, с расставленными ногами (ступни выглядывают из-под подола платья). Правая рука согнута и прижимает к груди предмет (трилистник?). Лицо тщательно смоделировано в высоком рельефе, брови в виде рельефных дуг, крупные, прямого разреза глаза с рельефными веками. Округлые щеки, выступающий вперед подбородок. Волосы валиком прикрывают часть широкого прямого лба, зачесаны за уши, расположенные на уровне висков, и имеют вид округлых скобок, завершаются на уровне чуть выше подбородка округлыми прядями. На голову накинута покрывало. На шее — 3 ряда какого-то украшения. Платье образует прямые вертикальные складки (8), край подола имеет плавно изгибающуюся линию, повышающуюся к бокам. Поверх платья изображена накидка, имеющая глубокий вырез мысом, стянутая на талии, ниже которой она расходится в стороны полукруглыми фалдами. Статуэтка неустойчива	оттиск с односторонней матрицы	12,4 × 4,2 × 2,5	1953/1066	5 (1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 258

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
6	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1, п. 4 (комната 1 по Снесареву) / верхний пол	антропоморфный	женский	I
7	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	подъем	антропоморфный	женский	I
8	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
9	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
10	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	подъем	антропоморфный	мужской	инд.
11	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	подъем	антропоморфный	женский	II/1
12	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
13	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1, п. 1	антропоморфный	женский	II/1
14	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1	антропоморфный	женский	III/1
15	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
16	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	антропоморфный	женский	инд.
17	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 2 / в шкатулке	зооморфный	баран	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
см. описание типа, сохранилась голова	оттиск с односторонней матрицы	3,9 × 3,6 × 2,8	1953/1067	8(1)	Вайнберг, 2004, с. 259
см. описание типа, фрагмент.	оттиск с односторонней матрицы	6,1 × 3,9 × 2,2	1953/1068	7(3)	Вайнберг, 2004, с. 258–259
корпус с небольшим прогибом хребта и слегка возвышающимся крупом	ручная лепка	8,8 × 5,9	1953/1080	44(3)	Музей Востока
корпус, сильно разъединенный водой	ручная лепка	8,5 × 6,4	1965/2	39(1)	Музей Востока
мужчина со сложенными на груди руками и, вероятно, держащий какой-то предмет на уровне подбородка. Лицо почти не читается, нос был прямой, брови — рельефные дуги. Вероятно, мужчина был бородат, судя по рельефным полоскам на подбородке с правой стороны. Нижняя часть туловища сильно укорочена, соотношение высоты головы к общему росту как 1 : 3 (?). Одежда не прослеживается, лишь едва заметные складки на правой стороне под руками. Низ статуэтки срезан и устойчив. С оборотной стороны прочерчен знак, похожий на арабскую цифру «1»	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 2,8 × 1,8	1968/1	32(4)	Вайнберг, 2004, с. 134, рис. 3/21
см. описание типа и подтипа, фрагмент (верхняя и средняя части ног)	оттиск с односторонней матрицы	5,2 × 3,4 × 2,3	1968/2	14(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261–262
фрагмент, сильно разъединенный водой	ручная лепка	4,8 × 4,5 × 2,1	1968/4	41(1)	Музей Востока
стоящая, обнаженная женская фигура с браслетами на ногах	оттиск с односторонней матрицы	h — 7; a — 4,4; толщ. — 2,3	1980/1	нет	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент	оттиск с односторонней матрицы	10 × 4,4 × 2,5	1981/1	19(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 256
фрагмент корпуса. Овальное в сечении туловище с передними ногами цилиндрической формы, сколотыми и заглаженными. На шею и грудь до обжига были нанесены две бороздки	ручная лепка	4,8 × 4,5 × 3,9	1981/3	50(1)	Музей Востока
головка	оттиск с односторонней матрицы	3,8 × 3,5	1981/6	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 263–264
«курдючный» баран (?). Животное имеет на короткой шее подтреугольную в сечении морду, заушенную на конце, с проработанными ноздрями в виде наколов стекой, рот в виде горизонтального желобка, правый глаз в виде легкой округлой выемки с d — 5 мм, на месте левого — скол. Рога расходились от макушки в разные стороны и концами были направлены вперед. Туловище грубо моделировано, неправильной формы, расширяется к задней части и имеет завершение подтреугольной формы, конечности имеют вид усеченных конусов. На статуэтке имеются следы копоти	ручная лепка	l — 10,7; h — 6,8	1985/2	47(1)	Музей Востока

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
18	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 3, п. 2	антропоморфный	женский	I
19	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 3, п. 1 / яма	антропоморфный	женский	II/1
20	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6 / нижний пол	антропоморфный	женский	III/1
21	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1 / южная и средняя части западного коридора	антропоморфный	женский	II/1
22	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	антропоморфный	женский	I
23	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1 / поверхностная зачистка в южной части	антропоморфный	женский	III/1
24	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 / поверхностная зачистка восточной части	антропоморфный	женский	инд.
25	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 3, п. 1	антропоморфный	женский	II/1
26	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	баран	инд.
27	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	баран	инд.
28	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
29	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
см. описание типа, фрагмент. На оборотной стороне, в центре, у верхнего края — выемка каплевидной формы 6 × 8 мм и глубиной до 3 мм. Низ подрезан ножом, но неустойчив	оттиск с односторонней матрицы	9,6 × 4,4 × 3,1	1985/13	9(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 258
стоящая, обнаженная, без атрибутов. Правая рука согнута и прижата к груди, левая опущена и лежит на животе, кисть последней не читается. Прямые и широкие плечи, четко обозначены выпуклости груди, бедра узкие, живот плоский, туловище сильно удлинено, ноги короткие и выступают вперед, возможно, так изображалась сидячая поза. Одежда не читается. На груди украшение с вытянутой ромбовидной подвеской. Фрагмент. Низ подрезан, но неустойчив. С оборотной стороны прорезан П-образный знак	оттиск с односторонней матрицы	10,2 × 5 × 2,3	1985/14	13(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 260
см. описание типа и варианта, фрагмент (туловище), оборотная сторона срезана, плоская, с прорезанным до обжига знаком в виде куриной лапки. Низ статуэтки подрезан и устойчив	оттиск с односторонней матрицы	10,8 × 4,8 × 3	1985/15	21(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 256
см. описание типа и подтипа, фрагмент, низ подрезан и неустойчив	оттиск с односторонней матрицы	5,9 × 4,1	1985/17	12(6)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 259–260
см. описание типа, фрагмент (нижняя часть торса ?), низ подрезан, но неустойчив	оттиск с односторонней матрицы	5,1 × 3,1 × 2,2	1985/18	9(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 258
стоящая, в одежде, фрагмент (нижняя часть)	оттиск с односторонней матрицы	6 × 3,5 × 2,5	1985/19	22(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255–256
головка женская	оттиск с односторонней матрицы	5,2 × 4,5 × 3	1985/20	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 263
см. описание типа и варианта, фрагмент (головка), рельеф нечеткий	оттиск с односторонней матрицы	4,5 × 4 × 2,8	1985/21	12(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261
голова барана	ручная лепка	неясное	1985/23	нет	Музей Востока
фрагмент головы на высокой шее (барана ?)	ручная лепка	неясное	1985/30	48(2)	Музей Востока
фрагмент (лошади ?)	ручная лепка	неясное	1985/31	нет	Музей Востока
фрагмент, вытянутый, цилиндрической формы корпус, с уплощенными боками, с переходом к основанию тонкой шеи с прочерченным посередине ее передней части неровным желобком. Основание хвоста, достаточно крупного (скол овальной формы), говорит о его вертикальном положении. Из конечностей сохранилась передняя правая нога, имеющая вид усеченного конуса. В нижней части нога прорезана посередине острым инструментом — ножом, вероятно, как указание на парнокопытность животного	ручная лепка	l — 8,3; h — 6,6	1985/32	42(2)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
30	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
31	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
32	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
33	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
34	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
35	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
36	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
37	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	баран	инд.
38	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
39	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 2, в слое зерна	антропоморфный	неясный	инд.
40	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 6 / западная часть над верхним полом	антропоморфный	женский	II/1

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
корпус массивный, с легким прогибом хребта, с мощным хвостом, плотно прижатым к крупу, с основанием мощной шеи со стоячей гривой. Задняя часть корпуса сформована защипом пальцев. Нижняя часть закопчена	ручная лепка	l — 9,3; h — 7,6	1985/33	56(1)	Музей Востока
фрагмент корпуса (задняя часть). Имеет вид округлого крупа с коротким, подтреугольной формы, горизонтально торчащим хвостом, с основанием мощных задних ног. Ближе к середине на корпусе с правого бока вертикальные полоски, прочерченные до обжига.	ручная лепка	l — 5	1985/34	42(4)	Музей Востока
голова (лошади?), ноздри в виде неглубоких наколов, пасть в виде неглубокой бороздки	ручная лепка	7,6 × 4,5	1985/35	35(3)	Музей Востока
корпус лошадки, укороченный в сечении, подтреугольный, с уплощенными боками, высокой шеей и основанием стоячей гривы, в плане имеющие вид вытянутого треугольника. Круп приподнят с основанием мощного хвоста, направленного вниз. Корпус лошадки украшен круглыми выемками, d — от 3 до 5 мм, всего их 7: 4 вокруг хвоста — сверху, снизу и по бокам, и 3 ниже шеи — спереди и по бокам	ручная лепка	7,3	1985/36	51(2)	Музей Востока
фрагмент ноги в виде усеченного конуса	ручная лепка	l — 4,1; d нижний — 1,6	1985/37	40(4)	Музей Востока
корпус (вероятно, лошади со сколом на спине, у шеи, в месте обычного крепления всадников) вытянутый, сверху и снизу уплощенный, с основанием круглой в сечении d — 2,1 см шеи, с хвостом, плотно прижатым к крупу. На последнем в верхней выступающей части имеется округлый скол, d — 8 мм. Скол более крупных размеров, 2 см × 1,6 см, расположен непосредственно за шеей, на спине животного	ручная лепка	7,8	1985/38	57(2)	Музей Востока
фрагмент ноги в виде усеченного конуса	ручная лепка	h — 3,9; d средний — 2	1985/41	40(3)	Музей Востока
голова барана с отколотыми рогами	ручная лепка	неясное	1985/73 (?)	нет	Музей Востока
ножка конической формы	ручная лепка	неясное	1985/136	40(2)	Музей Востока
фрагмент идольчика. Овальный как в плане, так и в сечении. Имеет с лицевой стороны два выступающих округлых бугорка, которые разделены рядом вертикальных точечных вдавлений, идущих также и горизонтальным рядом под ними	ручная лепка	h сохр. — 7,6; a — 4,4; толщ. — 3	1985/3899	34(2)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент. Возможно, эта статуэтка аналогична № 14 1985 г.	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 3,9 × 2,5	1986/1	12(5)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
41	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 7 / культурный слой над верхним полом	зооморфный	лошадь	инд.
42	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / верхний пол	антропоморфный	женский	V
43	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	зооморфный	лошадь	инд.
44	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / верхний слой	зооморфный	бык	инд.
45	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / яма 3	зооморфный	лошадь	инд.
46	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	зооморфный	лошадь	инд.
47	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	антропоморфный	неясный	III/1
48	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / верхний слой	зооморфный	лошадь	инд.
49	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	зооморфный	лошадь	инд.
50	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	всадник и оседланное животное	всадник	инд.
51	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / нижний слой, яма у южной стены	зооморфный	лошадь	инд.
52	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / нижний слой, яма у южной стены	зооморфный	лошадь	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент лошади (передняя часть: шея с мордой и основание ног). Высокая шея со стоячей гривой, сформована зацепами пальцев. Уши, видимо, были стоячие, морда опущена вниз и прижата к шее	ручная лепка	5	1986/2	36(2)	Музей Востока
стоящая, в одежде, с атрибутами. С «кувшинчиком» в руках. Лицо широкое, низкий широкий лоб, прямой, расширяющийся к низу нос, приподнятые к переносице брови (в скорби?), большие, широко открытые глаза прямого разреза с рельефно выделенными веками, рот маленький, расположен прямо под носом, подбородок мягкий, не выступающий. На правой щеке 3 рельефные бороздки, идущие от глаз до шеи (слезы?). Уши в виде округлых скобок высоко посажены, из-под них выглядывают округлые булки волос. На лоб накинута покрывало. Шея широкая, четко не оконтурена. На груди мысом лежащее украшение либо оторочка платья. Округлыми бугорками выделены груди, низ отбит	оттиск с односторонней матрицы	9,7 × 4 × 3	1986/3	30(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 262–263
корпус (возможно, лошади)	ручная лепка	9,1	1986/5	41(4)	Музей Востока
головка быка	ручная лепка	неясное	1986/6	51(3)	Музей Востока
корпус вытянутый, без головы и ног	ручная лепка	неясное	1986/7	51(1)	Музей Востока
вытянутый корпус с мощным хвостом, высокой шеей, без головы и ног	ручная лепка	неясное	1986/8	52(1)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент (середина туловища)	оттиск с односторонней матрицы	5,4 × 4,1 × 2,6	1986/9	23(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255
фрагмент корпуса	ручная лепка	5,6 × 4	1986/10	37(3)	Музей Востока
правая задняя нога и часть корпуса (возможно, лошади)	ручная лепка	4,8 × 6,2	1986/11	нет	Музей Востока
без головы, следы седла и ног всадника	ручная лепка	неясное	1986/12	48(1)	Музей Востока
корпус без ног, без головы	ручная лепка	неясное	1986/13	55(2)	Музей Востока
корпус вытянутый и прямой, без прогиба, с основанием шеи с невысокой гривой, очерчен повод	ручная лепка	8,7 × 6,7	1986/14	38(1)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
53	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, С-3 сектор, вне здания 1	зооморфный	лошадь	инд.
54	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1 / поверхностная зачистка	антропоморфный	мужской	инд.
55	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1 / поверхностная зачистка	зооморфный	верблюд	инд.
56	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фортификация	Р 9, тр. 1, II слой	зооморфный	лошадь	инд.
57	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 7 / слой над полом	всадник и оседланное животное	всадник	инд.
58	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 2 / нижний слой	антропоморфный	женский	II/1
59	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	зооморфный	неясный	инд.
60	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / нижний слой	зооморфный	лошадь	инд.
61	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / верхний слой	антропоморфный	женский	II/2 (?)
62	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / верхний слой	зооморфный	лошадь	инд.
63	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, яма 8	антропоморфный	женский	III/1
64	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 5 / над ямой у западной стены	антропоморфный	женский	I
65	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / верхний слой	зооморфный	неясный	неясный
66	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, коридор между пом. 5 и С-3 сектором	зооморфный	неясный	неясный

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
задняя часть крупа и хвост сформованы за- щипом и образуют подтреугольный выступ в месте хвоста, сверху украшенный двумя процарапанными линиями	ручная лепка	6,5 × 4,8	1986/15	57(1)	Музей Востока
мужчина с поясом	оттиск с односто- ронней матрицы	10,3 × 5,5 × 2,2	1986/ 16	32(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 5/11
головка имеет округленную короткую морду, где глаза обозначены сквозным отверстием, d — 3 мм, рот в виде горизонтального же- лобка, ноздри обозначены наколами тонкой палочкой. Сохранилось левое ухо округлой формы, на месте правого — скол. За ушами на голове выступ. Шея заглаживалась верти- кальным лощением (по Б. И. Вайнберг — баран)	ручная лепка	3,2 × 3,1	1986/17	39(3)	Музей Востока
корпуса фрагмент	ручная лепка	l — 6,3; h — 5	1986/18	53(1)	Музей Востока
фрагмент зооморфной статуэтки со всадни- ком, плотно прижатым к шее животного, фрагмент всадника имеет вид цилиндриче- ской формы налепа	ручная лепка	3,6 × 5,1	1986/20	50(2)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, два фрагмента (верхняя и нижняя части). Низ обрезан, был устойчив. Рельеф штампа нечеткий, большие сколы	оттиск с односто- ронней матрицы	верхней части: 8,3 × 5 × 3,1; нижней части: 7,2 × 3,7 × 2	1986/70	11(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 260
нога в виде усеченного конуса	ручная лепка	h — 4,9; d в средней части — 2	1986/87	40(7)	Музей Востока
фрагмент корпуса с плоским боком и с проги- бом хребта. Возможно, это фрагмент очажной подставки с зооморфными навершиями	ручная лепка	l — 7; h — 3,6	1986/88	42(3)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент (нижняя часть)	оттиск с односто- ронней матрицы	5,3 × 3,6 × 1,8	1986/113	15(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 262
корпус ровный без прогиба	ручная лепка	l — 10; h — 6	1986/131	35(1)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент (низ корпуса). Изображение нечеткое, низ смазан, не видно завершения	оттиск с односто- ронней матрицы	5 × 3,9 × 2,3	1986/135	20(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255
см. описание типа, фрагмент (корпус). Низ обрезан, но неустойчив	оттиск с односто- ронней матрицы	8,8 × 4,4 × 2,9	1986/ 136	6 (1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 257–258
фрагмент ножки (?) цилиндрической формы	ручная лепка	2,2 × 2; h сохр — 3	1986/151	нет	Музей Востока
фрагмент ножки в форме усеченного конуса	ручная лепка	h сохр. — 3,2; d в середи- не — 1,5	1986/171	нет	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
67	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	всадник и оседланное животное	оседланный	инд.
68	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 7	антропоморфный	женский	II/2
69	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 11 / зачистка над полом	антропоморфный	женский	II/2
70	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 86 / слой пожара	антропоморфный	женский	II/1
71	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 3 / над горелой поверхностью к востоку от стенки	антропоморфный	женский	II/1
72	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9	антропоморфный	женский	инд.
73	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9 / горелый слой	антропоморфный	женский	I
74	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 7 / горелый слой	антропоморфный	женский	V
75	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	Р 7 И, кв. Г 4	антропоморфный	женский	I
76	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент корпуса оседланного животного. Корпус вытянутый, прямой, со сколом на спине и высоким выступом ближе к основанию шеи, вероятно, свидетельствующим о крепившемся к спине животного седле с высокими луками. Позади скола — украшение в виде вдавления пуансоном, d — 6 мм	ручная лепка	7,2 × 6	1987/ (?)	нет	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент (нижняя часть). Низ подрезан, но неустойчив.	оттиск с односторонней матрицы	8,3 × 4,9 × 2,8	1987/1	15(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261
стоящая, обнаженная, без атрибутов. Изображает женский персонаж, стоящий фронтально на прямых ногах с вытянутыми вдоль туловища и прижатыми к нему руками, с проработанными пальцами (в месте кисти правой руки — смятость). Признаки пола ярко подчеркнуты — большие округлые груди, выпуклый округлый живот, широкие и массивные бедра	оттиск с односторонней матрицы	9,5 × 5,5 × 2,9	1987/2	15(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261
см. описание типа	оттиск с односторонней матрицы	h — 16,4; a в плечах — 4,8; толщ. — 2,8	1987/3	11(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 260
см. описание типа и подтипа, фрагмент (средняя часть корпуса). На тыльной стороне по центру — вертикальная полоска, процарапанная после обжига (?)	оттиск с односторонней матрицы	4,7 × 5,2 × 2,7	1987/4	12(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261
фрагмент (средняя часть корпуса). Женщина изображена фронтально прямостоящей. Правая рука согнута и прижимает к груди предмет (трилистник ?, барсом ?), левая четко не обозначена. На шее 3 ряда какого-то украшения. Женщина одета в платье, образующее прямые, строго вертикальные крупные рельефные складки, край подола имеет плавно изгибающуюся линию (?), повышающуюся к бокам. Поверх платья изображена накидка, имеющая глубокий вырез мысом, стянутая на талии, ниже которой она расходится в стороны полукруглыми фалдами. Накидка имеет рельефно выделенные складки, расположенные X-образно. Штамп нечеткий, уменьшен в размерах, т. е. сильно редуцирован	оттиск с односторонней матрицы	3,6 × 3,6 × 2	1987/5	33(5)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 259
см. описание типа, фрагмент (головка). Рельеф нечеткий	оттиск с односторонней матрицы	4,2 × 3,7 × 2,8	1987/6	8(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 259
см. описание типа, фрагмент	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 4,1 × 2,7	1987/7	30(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 263
см. описание типа, фрагмент (головка)	оттиск с односторонней матрицы	неясное	1987/8	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 257
фрагмент корпуса (передняя часть), в сечении овальный	ручная лепка	3,3 × 2,6	1987/9	45(1)	Музей Востока

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
77	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	Р 7 / отвал	зооморфный	лошадь	инд.
78	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	Р 7 / отвал	зооморфный	собака	инд.
79	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	Р 7 / отвал	зооморфный	неясный	неясный
80	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	Р 7 В, п. 9	зооморфный	лошадь	инд.
81	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 11 / котлован	всадник и оседланное животное	оседланный	инд.
82	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 7 / горелый слой	антропоморфный	женский	II/1
83	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 12 / кирпичный завал у прохода в п. 6	зооморфный	лошадь	инд.
84	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9 / верхний горелый слой над ямой № 1	зооморфный	лошадь	инд.
85	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9 / верхний горелый слой над ямой № 1	зооморфный	лошадь	инд.
86	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9 / верхний горелый слой над ямой № 1	зооморфный	баран	инд.
87	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8а / горелый слой	зооморфный	лошадь	инд.
88	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 / отвал	зооморфный	неясный	инд.
89	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	зачистка к югу от круглого здания	зооморфный	лошадь	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент оседланной лошади со стоячей гривой, прижатым к крупу хвостом и седлом с невысокими луками	ручная лепка	7 × 4,8	1987/10	54(1)	Музей Востока
голова животного	ручная лепка	неясное	1987/11	37(1)	Музей Востока
нога, в сечении подовальная	ручная лепка	h — 4,6; в средней части — 2,2 × 1,7	1987/12	40(6)	Музей Востока
корпус овальный в сечении, ближе к крупу имеет прогиб, хвост прилегает к туловищу, грива стоячая, сформована защипами	ручная лепка	6,1 × 4,8	1987/13	49(3)	Музей Востока
корпус вытянут прямо, цилиндрический, с короткими ногами, вероятно, обломанными еще в древности и тогда же заглаженными. Имеется скол в месте основания гривы, вероятно, след от крепления всадника. Хвоста нет	ручная лепка	7,6 × 4,3	1987/14	45(3)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент (верхняя часть ног)	оттиск с односторонней матрицы	4,4 × 3,6 × 1,9	1987/15	14(5)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 262
фрагмент (шея и часть головы). Шея лошади высокая, овальная в сечении, с короткой стоячей гривой, уши отбиты и утрачена морда	ручная лепка	5,2 × 3,2 × 2,2	1987/16	44(4)	Музей Востока
корпус с легким прогибом хребта	ручная лепка	8,3 × 6	1987/17	39(4)	Музей Востока
корпус зооморфной статуэтки со всадником (вероятно, лошади), овальный в сечении, сильно расширяется в задней части, основание хвоста плотно прилегает к туловищу. Хребет без прогиба, ближе к основанию гривы налеп, в сечении округлый, d — 1,2 см, вероятно, являющийся основанием всадника. Спереди над основанием ног животного, левее середины, выступ, сформованный защипом	ручная лепка	6,8 × 3,7	1987/18	42(1)	Музей Востока
животное имеет короткий корпус с широким крупом и несильно выступающим подовальным хвостом, высокую шею и широкое основание головы	ручная лепка	6,9 × 5,7	1987/19	49(2)	Музей Востока
корпус животного укороченный, уплощенный сверху и снизу, сильно расширяющийся к заду, который плоско обрезан, в месте наибольшей его высоты защипом сформован небольшой выступ, шея толстая в основании	ручная лепка	5,9–4,5	1987/20	49(4)	Музей Востока
нога вытянутой конической формы	ручная лепка	h — 6,7; d в средней части — 1,7	1987/23	43(2)	Музей Востока
ножка вытянутой конической формы, подклеивается с № 88	ручная лепка	5 × 5	1987/25	43(2)	Музей Востока

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Археологический аспект)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
90	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 9 / верхний горелый слой	антропоморфный	неясный	инд.
91	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 8 / из очага	антропоморфный	неясный	инд.
92	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 11	зооморфный	неясный	неясный
93	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 11 / верхний слой	зооморфный	неясный	инд.
94	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
95	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котлован № 1 / мусорная засыпка котлована	антропоморфный	женский	III/1
96	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котлован № 1 / нижний слой	антропоморфный	женский	III/1
97	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котлован № 1	антропоморфный	женский	III
98	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9а / горелый слой	антропоморфный	женский	III
99	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9а, яма 1 / горелый слой	антропоморфный	женский	II/1
100	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1	антропоморфный	женский	I
101	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8, яма 2	антропоморфный	женский	II/1
102	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 3	зооморфный	лошадь	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
идол из необожженной глины. Имеет подрезанную тыльную сторону и низ, устойчивый. Изображение крайне схематично: рельефно выделена подпрямоугольная голова с продолговатым вертикальным выступающим посередине небольшим носом и горизонтально расположенными глазами в виде неглубоких вытянутых выемок, также имеет плоско срезанный узкий лоб и плоско срезанную макушку. Макушка и глаза, возможно, были окрашены в черный цвет	ручная лепка	8,2 × 3,5 × 2,1	1987/26	34(3)	Музей Востока
идол из необожженной глины. Имеет подрезанную тыльную сторону и низ, но неустойчивый. Изображение крайне схематично: рельефно выделена округлая голова с продолговатым вертикальным выступающим посередине бугорком. Под головой небольшое сужение, на котором нанесены пятнышки белого цвета, расположенные в три ряда — бусы (?)	ручная лепка	12 × 5,8 × 3,5	1987/27	34(1)	Музей Востока
голова животного фрагмент	ручная лепка	неясное	1987/28	нет	Музей Востока
ножка животного	ручная лепка	неясное	1987/41	нет	Музей Востока
голова лошади со стоячей гривой, с полостью внутри шеи	ручная лепка	7,2 × 6	1987/21	37(2)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, калыб	оттиск с модели	17,3 × 8 × 3,2	1988/3	18(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 73, 254–255
см. описание типа и варианта, фрагмент (средняя часть корпуса). На тыльной стороне — знак в виде угловатой дуги, прочерченный до обжига	оттиск с односторонней матрицы	7,2 × 4,5 × 2,6	1988/4	23(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 256
см. описание типа, фрагмент (корпус)	оттиск с односторонней матрицы	11 × 5,3 × 2,8	1988/5	28(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 257
см. описание типа, фрагмент, рельеф нечеткий. На тыльной стороне — фрагмент знака в виде угла, прочерченного до обжига	оттиск с односторонней матрицы	5,8 × 2,8 × 2,3	1988/6	25(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 263
см. описание типа и подтипа, фрагмент (средняя часть ног)	оттиск с односторонней матрицы	4,5 × 3,3 × 1,9	1988/7	14(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 262
см. описание типа, фрагмент (головка). Рельеф нечеткий	оттиск с односторонней матрицы	4,1 × 3,4 × 2,7	1988/8	7(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 259
см. описание типа и подтипа, фрагмент (средняя часть ног)	оттиск с односторонней матрицы	4,6 × 3,2 × 2,1	1988/9	14(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 262
лошадь с коротким туловом, высокой стоячей гривой, без одной ноги	ручная лепка	неясное	1988/10	46(1)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
103	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 10 / горелый слой	зооморфный	лошадь	инд.
104	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котлован № 1 / нижний слой	зооморфный	лошадь	инд.
105	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6 / зачистка пола	зооморфный	лошадь	инд.
106	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6, яма б	зооморфный	неясный	инд.
107	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8, яма 2	зооморфный	неясный	инд.
108	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9а, яма 1	антропоморфный	женский	III/1
109	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1 / горелый слой	зооморфный	баран	инд.
110	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 14 (?)	антропоморфный	женский	I
111	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 13	антропоморфный	женский	I
112	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 14 / горелый слой	зооморфный	олень	инд.
113	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	баран	инд.
114	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1 / горелый слой	зооморфный	лошадь	инд.
115	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 13 / серый супесчаный слой	зооморфный	лошадь	инд.
116	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, к югу от п. 7 / горелый слой	антропоморфный	женский	II/1
117	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулоч	антропоморфный	женский	III/1
118	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 8а, яма 2	антропоморфный	женский	III/1
119	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 7, южная часть / горелый слой	антропоморфный	женский	I

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
корпус лошади. Туловище с легким прогибом хребта, приподнятым крупом, широким прижатым хвостом, с основанием высокой стоячей гривы и овальных в сечении ног	ручная лепка	9 × 7,4 × 4,2	1988/11	52(2)	Музей Востока
корпус вытянутый, с основанием шеи, каплевидной в сечении (с высокой гривой)	ручная лепка	49(1)	1988/12	нет	Музей Востока
корпус вытянутый, прямой, с приподнятым крупом, плотно прижатым хвостом. Основание шеи подпрямоугольное в сечении, передние ноги широко расставлены	ручная лепка	7,1 × 4	1988/13	54(2)	Музей Востока
ножка зооморфной статуэтки, имеющая вид усеченного конуса	ручная лепка	h — 3,9; d в средней части — 1,5	1988/14	40(1)	Музей Востока
ножка, вид усеченного конуса	ручная лепка	h — 5,1; d в средней части — 2	1988/15	40(9)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент. Низ обрезан и устойчив	ручная лепка	16,4 × 8 × 5	1989/1	26(1)	Вайнберг, 2004, с. 257
фрагмент барана. Имеет вид подтреугольной в плане небольшой головки с расходящимися в стороны рогами, посаженной на высокой шее	ручная лепка	l — 3,2; h — 5	1989/2	45(2)	Музей Востока
см. описание типа, фрагмент (нижняя часть). Низ обрезан и устойчив	оттиск с односторонней матрицы	3,6 × 3,5 × 2,2	1989/3	6(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 259
см. описание типа. Низ подрезан, но неустойчив. Подклеена с головкой под номером 1987/8	оттиск с односторонней матрицы	12,5 × 4,6 × 2,2	1989/4	7(4)	Музей Востока
фигурка оленя с коротким хвостом, коротким туловищем, большой головой с мощным основанием рогов на короткой шее	ручная лепка	неясное	1989/5	53(2)	Музей Востока
баран с наклепными глазами-лепешечками. Склеен из нескольких фрагментов	ручная лепка	неясное	1989/9	46(2)	Музей Востока
корпус без прогиба	ручная лепка	8,5 × 4,5	1989/12	35(2)	Музей Востока
фрагмент корпуса с легким прогибом хребта	ручная лепка	8 × 5	1989/27	43(3)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент, низ подрезан, но статуэтка неустойчива	оттиск с односторонней матрицы	16,2 × 5 × 2,2	1990/1	10(1); 11(1)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент (корпус). Низ обрезан, но неустойчив. На тыльной стороне — дугообразный знак, нанесенный до обжига	оттиск с односторонней матрицы	11,8 × 5,6 × 2,9	1990/2	20(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255
см. описание типа и варианта, фрагмент (средняя часть корпуса). Аналогична 1990/2	оттиск с односторонней матрицы	h — 6; a — 5; толщ. — 2,4	1990/3	17(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255
см. описание типа, фрагмент (корпус). Низ обрезан, но неустойчив	оттиск с односторонней матрицы	9,2 × 4,5 × 3,2	1990/4	5(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 257

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
120	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 14 / горелый слой	антропоморфный	женский	II/1
121	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 7, южная часть / горелый слой	антропоморфный	женский	III/1
122	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 10 / нижний слой	антропоморфный	женский	I
123	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1, яма 5	антропоморфный	женский	II/1
124	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1, яма 5	антропоморфный	неясный	инд.
125	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, к югу от п. 7	зооморфный	лошадь	инд.
126	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулочек между п. 10 и 8б	зооморфный	лошадь	инд.
127	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 8а / зачистка нижнего пола	зооморфный	баран	инд.
128	Калалы-гыр 2 / культовый центр	жилые сооружения	Р 2, п. 1, яма 5	зооморфный	лошадь	инд.
129	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котлован № 1	зооморфный	лошадь	инд.
130	Гяур-кала 3 / поселение оседлых скотоводов	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	усадьба / раннекангюйский слой	антропоморфный	женский	инд.
131	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 5, яма № 3, п. 4 Н 4 / толща нижнего пола	антропоморфный	женский	III
132	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	дворик Н 16 / поверхность нижнего горизонта	антропоморфный	женский	III/1
133	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	двор у п. Н 15 / поверхность нижнего горизонта под стеной среднего горизонта	антропоморфный	женский	III/1

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
см. описание типа и подтипа, фрагмент (низ лица, шея, левое плечо и часть груди)	оттиск с односто- ронней матрицы	5,6 × 4,2 × 2	1990/5	14(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 261
см. описание типа и варианта, фрагмент (средняя часть корпуса)	оттиск с односто- ронней матрицы	3,8 × 3,8 × 3	1990/6	22(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 255
см. описание типа, фрагмент (головка). Рельеф нечеткий	оттиск с односто- ронней матрицы	2,1 × 2,4 × 2,2	1990/7	7 (1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 263
см. описание типа и подтипа, фрагмент (средняя часть ног)	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 4,2; a — 4,1; толщ. — 2,2	1990/8	14(6)	Музей Востока
фрагмент статуэтки (неясного значения) без головы, верхняя часть	?	h — 4,3; a — 2,4; толщ. — 1,8	1990/9	нет	Музей Востока
корпус (вероятно, лошади), основание гривы и хвоста сформованы защипами	ручная лепка	6 × 4,6	1990/10	56(2)	Музей Востока
фрагмент корпуса зооморфной статуэтки — передняя часть (вероятно, лошади). На осно- вании передней правой ноги с внешней сто- роны нанесен процарапанный острым инструментом орнамент в виде трех верти- кальных линий, сужающихся книзу, сверху соединенных одной горизонтальной линией	ручная лепка	5 × 6	1990/11	43(1)	Музей Востока
фрагмент (вероятно, барана, архара), пред- ставлен головой с подтреугольной мордой, основанием загибающегося назад мощного рога и частью высокой шеи	ручная лепка	l — 4; h — 4	1990/12	41(2)	Музей Востока
фрагмент корпуса — задняя половина (веро- ятно, лошади). Имеет вид высокого крупа	ручная лепка	5,8 × 7,3	1990/13	41(3)	Музей Востока
фрагмент корпуса	ручная лепка	5 × 4,5	1990/14	39(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 73
маленькая фигурка со сложенными у лона руками, чуть согнутая, с обозначенной грудью. На спине — зашип, напоминающий маленькое крылышко	ручная лепка	неясное	нет	34(5)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 246–247, рис. 3
см. описание типа, фрагмент. В середине верха спинки до обжига прочерчен знак «початок», рельеф неглубокий	оттиск с односто- ронней матрицы	h-9,2; a — 3,9; толщ. — 2,3	1956/203, 209 склеена	28(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 1
см. описание типа и варианта, фрагмент. На спине — знак в виде серпа	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 18,6; a — 7,2; толщ. — до 3,6	1956/1	16(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 2
см. описание типа и варианта, фрагмент. Нижняя часть полая	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 11,2; a — 7,2; толщ. — 4,5	1956/132	17(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
134	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	пом. VIII, горелый завал, ниже осевшего нижнего свода	антропоморфный	женский	II/1
135	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Р 5, яма № 8 в материке; п. Р 37, яма № 3	антропоморфный	женский	инд.
136	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 14, яма нижнего пола	антропоморфный	женский	II
137	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 10, яма в центре помещения	антропоморфный	мужской	инд.
138	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 7 / нижний пол	антропоморфный	мужской	инд.
139	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	участок двора у центрального здания, яма нижней поверхности	зооморфный	лошадь	инд.
140	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 10 / слой под нижним полом	зооморфный	лошадь	инд.
141	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	коридор между башнями № 1 и 2 / нижний пол	зооморфный	лошадь	инд.
142	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 29, яма 7	зооморфный	лошадь	инд.
143	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 15 / завал под нижним полом	зооморфный	лошадь	инд.
144	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 28/нижний пол	зооморфный	верблюд	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
см. описание типа и подтипа, фрагмент (нижняя половина)	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 9,4	1953/22	13(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 25 / Институт этно- логии РАН
верхняя часть фигурки, (вероятно, в одежде) склеена из двух частей. В середине верха спинки до обжига прочерчен знак в виде зигзага «молнии»	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 7,5; a — 3,5; толщ. — 1,9	1955/281 и 302	33(4)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 5
см. описание типа	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 7,1; a — 3,4; толщ. — 1,7	1955/77	15(4)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 6
в высоком головном уборе и кафтане, с треугольным предметом в руках	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 9,8; a — 5,7; толщ. — 2,8	1955/212	32(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 7
торс в коротком кафтане с запа хом справа налево, отороченном орнаментальной полосой. В середине верха спинки до об- жига прочерчен знак дуги с двумя отрост- ками	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 5,7; a — 4,6; толщ. — 2,3	1955/290	32(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 8
голова и ноги отбиты	ручная лепка	h — 6,7; толщина по крупу — 3,8	1955/4	нет	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 194
голова и ноги отбиты	ручная лепка	h — 6,0; толщина по крупу — 4,0	1955/134	нет	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195
отбиты передняя часть и ноги	ручная лепка	h — 6,0; толщина по крупу — 4,6	1956/263	нет	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195
оседланный жеребец, признак пола прочер- чен, глаза прочерчены поверх бугорков, рот обозначен прорезанной линией, нозд- ри — наколами. Уши стоячие. Подстрижен- ная грива подчеркнута с двух сторон черной краской. Упряжь показана детально. Мягкое седло украшено бахромой, часть головы ло- шади и ноги отбиты. Упряжь прочерчена и нанесена черной краской до обжига. На крупе до обжига прочерчен знак в виде Кассиопеи	ручная лепка	h — 8,6; толщина по крупу — 4,8	1956/298	58(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. XXVI, 12
часть морды лошади, уши стоячие, глаза пока- заны бугорками без дополнительной прора- ботки. Рот и ноздри не выделены. С боков сужена, отбито левое ухо	ручная лепка	h — 3,2; l морды — 1,9; толщина у глаз — 1,7	1955/97	58(6)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. XXVI, 13
верблюд лежащий. Густая шерсть снизу и сверху вытянутой шеи показана в виде глад- ких гребешков. Справа, ближе к задней ноге, на боку прочерчен знак в виде прямого угла до обжига	ручная лепка	неясное	1955/347	58(4)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. XXVI, 14

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
145	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	нижний горизонт	зооморфный	еж	инд.
146	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / яма в пандусе у центрального здания	антропоморфный	женский	III/2
147	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / пом. С 5	антропоморфный	женский	III/2
148	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / уч. двора у пом. Н 14 и Н 15, под хумом среднего горизонта	антропоморфный	женский	III/2
149	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / часть двора у пом. Н 14 и Н 15, большая яма	антропоморфный	женский	III/2
150	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / часть двора у пом. Н 14 и Н 15, поверхность нижнего горизонта	антропоморфный	женский	III/2
151	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / п. Н 1, второй пол	антропоморфный	женский	III/2
152	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего гориз. / п. VIII, горелый завал, ниже осевшего нижнего свода	антропоморфный	женский	III/2
153	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего гориз. / п. VIII, горелый завал, ниже осевшего нижнего свода	антропоморфный	женский	IV

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
еж на высоких ногах, с длинными ушами и хвостом. Иглы показаны наколами, среди которых в центре спинки различаются 3 более крупных отверстия, которые образуют треугольник, близкий по форме к равнобедренному. На месте правого глаза прокол, левый не обозначен	ручная лепка	h — 3,9; ширина — 2,7; толщина — 5,1	1955/125	58(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. XXVI, 15
см. описание типа, варианта, стоящая в платье, без атрибутов. В середине верха спины знак до обжига в виде идущей наискось прямой и надпись на древнехорезмийском языке в одно слово после обжига (письмо арамейское). Лившиц датирует III в. до н. э. (с. 210). Статуэтка имеет полость в нижней части	оттиск с односторонней матрицы	h — 9,8; ширина — 5,2; толщина — 2,3	1955/205	24(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 16
см. описание типа, варианта, фрагмент (голова и плечи)	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,1; ширина — 4,6; толщина — 2,8	1954/9220	25(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 17
см. описание типа, варианта, фрагмент (торс)	оттиск с односторонней матрицы	h — 6,6; ширина — 5,4; толщина — 2,5	1955/131	24(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 18
см. описание типа, варианта, фрагмент (торс). В середине верха спины до обжига прочерчен знак в виде вертикальной прямой	оттиск с односторонней матрицы	h — 9,8; ширина — 8,5; толщина — 3,4	1955/136	24(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 19
см. описание типа, варианта, фрагмент (без головы)	оттиск с односторонней матрицы	h — 12,4; ширина — 5,2; толщина — 2,6	1955/130	25(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 20
см. описание типа, варианта (склеена из 2 частей)	оттиск с односторонней матрицы	h — 8,4; ширина — 4,5; толщина — 2,3	1953, г 1954/137, 9205	24(4)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 21
см. описание типа, варианта, фрагмент (низ отбит). На спине у облома до обжига знак	оттиск с односторонней матрицы	h — 5,7; ширина — 3,2; толщина — 1,8	1953/23	25(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 22
см. описание типа, стоящая, в одежде, с кувшином и чашей. Голова отбита	оттиск с односторонней матрицы	h — 8,8; ширина — 5,7; толщина — 3	1953/25	29(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 23

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
154	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего горизонта / п. VIII, горелый завал, ниже осевшего нижнего свода	антропоморфный	женский	инд.
155	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
156	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	второй период нижнего гориз. / п. VIII, горелый завал над полом	всадник и оседланное животное	всадник	инд.
157	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э. / пом. 1 (жилое), пол 2	антропоморфный	женский	II/1
158	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э. / пом. 1 (жилое), пол 2	зооморфный	лошадь	инд.
159	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э. / пом. 1 (жилое), пол 2	зооморфный	верблюд	инд.
160	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э. / пом. 5 (кладовая), на полу между двумя хумами	антропоморфный	женский	инд.
161	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	всадник и оседланное животное	лошадь	инд.
162	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	зооморфный	неясный	инд.
163	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 4 (культовое)	антропоморфный	женский	III/2
164	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 4 (культовое)	антропоморфный	женский	III/2

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
стоящая, в одежде, с зеркалом, нижняя часть отбита. В середине верха спинки до обжига прочерчен знак в виде вертикальной черты	оттиск с односторонней матрицы	h — 9,9; ширина — 4,7; толщина — 2,5	1953/24	33(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXVII, 24
морда лошади со стоячей гривой, глаза наколоты пуансоном	ручная лепка	5 × 3	1989/6	56(3)	Музей Востока
фигурка в коротком кафтане и шароварах. Сохранилась небольшая часть торса	оттиск с односторонней матрицы	h — 3,8; ширина — 4,0; толщина — 1,8	1955/28	нет	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 196, табл. XXVIII, 26
см. описание типа и подтипа	оттиск с односторонней матрицы	h — 5,5; a — 4,6; толщина — 3	нет	12(3)	Мамбетуллаев, 1990, с. 110, рис. 12, 2
конь, ноги отбиты, хвост короткий, в форме треугольника, обращенного вершиной вниз. Прочерчен признак пола	ручная лепка	неясное	нет	нет	Мамбетуллаев, 1990, с. 111
голова верблюда, имеет горбоносый профиль, уши отбиты. Морда заужена и заканчивается горизонтальной прорезью, имитирующей рот. Сквозное отверстие в носовой части, возможно, использовалось для вдевания шнура	ручная лепка	неясное	нет	нет	Мамбетуллаев, 1990, с. 111
головка выполнена в горельефе. Полное лицо с низким лбом, большими глазами, маленьким ртом. На шее — двойная гривна, на лбу диадема с круглой бляшкой. Горельеф	оттиск с односторонней матрицы	h — 4,8; a — 3,9; толщина — 2,4	нет	33(2)	Мамбетуллаев, 1990, с. 110–111, рис. 12, 1
корпус широкий, с седлом на спине	ручная лепка	неясное	1991/2	38(2)	Музей Востока
ножка цилиндрическая	ручная лепка	неясное	1990/92	40(5)	Музей Востока
см. описание типа, варианта, фрагмент. Голова с диадемой, с тремя вертикальными накладками, с длинными подтреугольными серьгами и четырьмя рядами бус на шее	оттиск с односторонней матрицы	4,1 × 3,1 × 3	нет	27(1)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31–32, рис. 13, 1
см. описание типа, варианта, стоящая в одеждах, правая рука согнута у груди, левая — у лона. Платье гладкое, украшено орнаментальной полосой, вертикальной посередине и горизонтальной у подола	оттиск с односторонней матрицы	h — 11	нет	27(5)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31–32, рис. 13, 4

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
165	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 6, у очага	антропоморфный	женский	III/2
166	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 6, у очага	антропоморфный	женский	III/2
167	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 4	зооморфный	лошадь	инд.
168	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 6	зооморфный	лошадь	инд.
169	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный	лошадь	инд.
170	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный	лошадь	инд.
171	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный	лошадь	инд.
172	Кюзели-гыр / городище	гончарное производство	выброс гончарных печей раннекангюйского времени	антропоморфный	женский	I
173	Кюзели-гыр / городище	гончарное производство	в выбросе гончарных печей раннекангюйского времени	антропоморфный	женский	I
174	Кюзели-гыр / городище	гончарное производство	в выбросе гончарных печей раннекангюйского времени	антропоморфный	женский	I
175	Хазарасп / город	гончарный квартал	шурф 2 (1958 г.), нижний слой / в комплексе IV в. до н. э.	антропоморфный	женский	III/2
176	Хазарасп / город	гончарный квартал	шурф 2 (1958 г.), нижний слой / в комплексе IV в. до н. э.	антропоморфный	женский	III/2
177	Хазарасп / город	гончарный квартал	шурф 2 (1958 г.), нижний слой / в комплексе IV в. до н. э.	антропоморфный	женский	I
178	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	идол	инд.

Продолжение табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
см. описание типа, варианта, фрагмент (нижняя часть) стоящей в одежде с покрывалом женской фигуры. Подол украшен треугольным зигзагом	оттиск с односторонней матрицы	h — 9	нет	нет	Мамбетуллаев, 1986, с. 31–32, рис. 13, 3
см. описание типа, варианта, фрагмент (нижняя часть) стоящей в одежде с покрывалом женской фигуры. Подол украшен треугольным зигзагом	оттиск с односторонней матрицы	h — 5	нет	27(4)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31–32, рис. 13, 6
длинное туловище с отбитыми конечностями и головой, на туловище с левого бока — знак	ручная лепка	неясное	нет	59(2)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31, 33, рис. 13, 8
голова лошади со стоячей гривой	ручная лепка	неясное	нет	59(4)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31, 33, рис. 13, 9
голова жеребенка, козленка или барашка мягких очертаний	ручная лепка	неясное	нет	59(5)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31, 33, рис. 13, 10
голова лошади (?) или джейрана (?), шея тонкая, длинная, рот открыт, раздутые ноздри и оттопыренная губа. Уши отбиты	ручная лепка	неясное	нет	59(3)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31, 33, рис. 13, 11
туловище с прочерченной на крупе тамгой в виде птичьей лапы	ручная лепка	неясное	нет	59(6)	Мамбетуллаев, 1986, с. 31, 33, рис. 13, 12
см. описание типа, фрагмент (головка), утрачен нос	оттиск с односторонней матрицы	h — 3,5	нет	8(4)	Воробьева, 1959, с. 202–204, рис. 49
см. описание типа, фрагмент (головка)	оттиск с односторонней матрицы	4,5	нет	8(5)	Воробьева, 1959, с. 202–204
см. описание типа, фрагмент (головка)	оттиск с односторонней матрицы	4	нет	8(6)	Воробьева, 1959, с. 202–204
см. описание типа, варианта (голова отбита). На спинке до обжига прорезан Т-образный знак. Рельеф низкий	оттиск с односторонней матрицы	7 × 3 × 1,7	нет	27(3)	Воробьева, 1968, с. 143, рис. 2, 1
см. описание типа, варианта, фрагмент (верхняя часть торса). Рельеф низкий. Изображение схематично	оттиск с односторонней матрицы	4,2 × 4,9 × 2,6	нет	27(2)	Воробьева, 1968, с. 139, 143–144, рис. 2, 2
см. описание типа, фрагмент (верхняя часть торса). Рельеф низкий. Спинка вмятая. Изображение схематично	оттиск с односторонней матрицы	7,2 × 4,9 × 1,7	нет	8(3)	Воробьева, 1968, с. 139, 146, рис. 2, 3
головка	оттиск с односторонней матрицы	3,8	1986/4	33(1)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфия	Иконографический образ	Конкретизация образа	Тип / вариант
179	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	идол	инд.
180	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	женский	II/1
181	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	женский	III/1
182	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	женский	инд.
183	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	антропоморфный	женский	III/1
184	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	поверхность нижнего горизонта	антропоморфный	женский	IV
185	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
186	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 29, яма 3	зооморфный	лошадь	инд.
187	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 29, яма 3	зооморфный	лошадь	инд.
188	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 25, яма 7 / пом. В 32, завал над верхним полом	зооморфный	лошадь	инд.
189	Кой-Крылган-кала / культовый центр	неясное	п. Н 15, нижний пол	зооморфный	неясный	инд.
190	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
191	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
192	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный	инд.
193	Калалы-гыр 1 / городище-крепость	жилые сооружения	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
194	Калалы-гыр 1 / городище-крепость	жилые сооружения	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
195	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.
196	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	лошадь	инд.

Окончание табл. 1. Статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
идол	ручная лепка	неясное	1991/4	34(4)	Музей Востока
см. описание типа и подтипа, фрагмент (головка), рельеф нечеткий	оттиск с односто- ронней матрицы	неясное	1991/1	12(1)	Музей Востока
см. описание типа и варианта, фрагмент (головка)	оттиск с односто- ронней матрицы	неясное	47595	нет	Музей Востока
матрица	оттиск с модели	неясное	1985/1	31(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 184, рис. 5, 22
см. описание типа и варианта	оттиск с односто- ронней матрицы	неясное	1989/16	19(2)	Музей Востока
см. описание типа, стоящая, в одежде с кувшином и чашей. Голова отбита	оттиск с односто- ронней матрицы	h — 12	нет	29(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXV, 2
фрагмент шеи, каплевидной в сечении	ручная лепка	неясное	1987/25	47(2)	Музей Востока
морда и часть туловища отбиты, продольный паз в середине живота	ручная лепка	l — 9,7	1956/138	нет	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. 4, 34
часть головы лошади на длинной шее с корот- ко стриженной гривой	ручная лепка	5,8 × 3,2	1956/137	58(5)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. 4, 35
корпус лошади, с правой стороны крупа до обжига прорезан знак, косая насечка и продольный паз в середине живота	ручная лепка	h — 7	1956/164, 299	59(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. 4, 36
голова животного с оскаленными зубами	ручная лепка	3,5 × 3,7	1956/98	58(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, с. 195, табл. 4, 37
голова лошади со стоячей гривой	ручная лепка	5	1991/5	нет	Музей Востока
ножка коническая	ручная лепка	5	1991/71	нет	Музей Востока
морда животного с большими наклепными глазами, на высокой шее	ручная лепка	4,5 × 5,5	1990/26	55(1)	Музей Востока
лошадь	ручная лепка	неясное	нет	нет	Толстов, 1958, с. 159
лошадь	ручная лепка	неясное	нет	нет	Толстов, 1958, с. 159
корпус с основанием шеи, каплевидной в сечении, с высокой стриженной гривой	ручная лепка	8 × 4,5	1985/35	44(1)	Музей Востока
вытянутая шея, каплевидная, сильно изъеден- ная водой	ручная лепка	неясное	1988/35	44(2)	Музей Востока

2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV—I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
1	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1, п. 4	сюжетный
2	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	Р 3, пом. 1	сюжетный
3	Калалы-гыр 2 / культовый центр	?	неясное	Р 1/2, пом. 6, нижний слой обмазок	зооморфный
4	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	Р 1/1, сек. 2, над сломом последнего пожара, пом. 1, пол	сюжетный
5	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	сюжетный
6	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
7	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
8	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
9	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
10	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
11	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
12	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
сцена охоты	оттиск с односторон- ней матрицы	5,5 × 5,5 × 0,9	1953/1034	нет	Музей Востока / Толстов, 1958, рис. 73
«фляга со светлым покрытием»	ручная лепка	нет	1985/113	нет	Музей Востока
коня фрагмент	ручная лепка	нет	1985/199	нет	Музей Востока
орнамент на лицевой стороне, фрагменты (51)	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	1985/200	нет	Музей Востока
всадник верхом на двугорбом верблюде перед стилизованным деревом	оттиск с односторон- ней матрицы	ропись краской	1985/2024	60(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 7/12
выпуклый растительный орнамент	оттиск с односторон- ней матрицы	11,2 × 5,6 × 1,5	1986/89	61(2)	Музей Востока
выпуклый растительный орнамент	оттиск с односторон- ней матрицы	7,7 × 5,8 × 1,5	1986/90	61(1)	Музей Востока
фрагмент (лицевая часть) изображения копытного животного, возможно, лошади (круп и 2 задних ноги). Ниже этого изображения идет ряд из выпуклых перлов d — 0,9 см	оттиск с односторон- ней матрицы	9 × 7,5 × 1,3	1986/91	65(4)	Музей Востока
всадник на лошади, в военном облачении, с копьем в шлеме	оттиск с односторон- ней матрицы	22 × 15	1986/93	60(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 7/14, 7/15
фрагмент ноги копытного животного	оттиск с односторон- ней матрицы	18,3 × 14,3 × 1,6	1986/94	62(1)	Музей Востока
фрагмент композиции из фигуры человека, животного и каких-то предметов. Сохрани- лась нижняя часть — здесь видны передняя нога и часть задней ноги копытного живот- ного, возможно, лошади, и часть человече- ской фигуры, обращенной к животному, возможно, мужской, так как одета она в под- поясанный кафтан, доходящий до колен, в штаны и мягкую обувь. Между человеком и животным изображен неясный предмет, также и за фигурой человека изображен либо предмет, либо часть его, либо нанесен какой-то знак	оттиск с односторон- ней матрицы	8,6 × 12,5 × 1,7	1986/95	61(3)	Музей Востока
фрагментированное изображение нижней части ног, возможно, мифологического гри- фона, с уровня не сохранившейся шеи вперед направлены две тонкие ленточки, от которых сохранились нижние края	оттиск с односторон- ней матрицы	10 × 11,5 × 1,5	1986/96	63(2)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
13	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
14	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
15	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
16	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
17	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
18	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	сюжетный
19	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
20	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
21	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
22	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6	сюжетный
23	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
24	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
25	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	Р 1/1, траншея к югу от пом. 9	орнамент
26	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	неясное	орнамент
27	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. VIII, завал свода и пом. Н 5, яма № 3 в материке	сюжетный
28	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. I, над полом и в завале на различной высоте	сюжетный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
2 фрагмента растительного стилизованного орнамента, радиально расположенного поясами. Ближе к центру фрагмент растения с завитками, дальше — расположенные на равном расстоянии друг от друга кустики с четырьмя ветками у каждого	оттиск с односторонней матрицы	18 × 12,4 × 1,6	1986/98	62(2); 63(1)	Музей Востока
без описания	оттиск с односторонней матрицы	7,8 × 4,3 × 1,5	1986/125	64(1)	Музей Востока
всадник на верблюде (нижняя часть)	оттиск с односторонней матрицы	28 × 21	1986/126	60(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 7/16
изображение круга	оттиск с односторонней матрицы	6,5 × 5 × 1,5	1986/127	64(2)	Музей Востока
рельеф неясный	оттиск с односторонней матрицы	8,1 × 5,5 × 1,4	1986/129	64(3)	Музей Востока
растительность типа кустиков, возможно, лошадь со стоячей гривой, возможно, оседланная	оттиск с односторонней матрицы	10 × 9,7 × 2,1	1986/130	66(1)	Музей Востока
фрагмент (лицевая часть) с растительным орнаментом	оттиск с односторонней матрицы	6 × 5 × 1,5	1987/24	65(1)	Музей Востока
фрагмент орнамента, рельеф неясный	оттиск с односторонней матрицы	8,5 × 6,8 × 1,5	1987/30	65(3)	Музей Востока
фрагмент с орнаментом	оттиск с односторонней матрицы	10,6 × 7,2 × 1,6	1987/31	66(3)	Музей Востока
олень, шествующий влево на фоне ветвистого дерева	оттиск с односторонней матрицы	d — 32	1985/193	67(1)	Вайнберг, 2004, рис. 7/3, 7/4, с. 220
растение с множеством мелких веточек	оттиск с односторонней матрицы	6,8 × 4,5 × 1,2	1988/25	66(2)	Музей Востока
растительный орнамент	оттиск с односторонней матрицы	6,8 × 7,9 × 1,5	1988/55	66(4)	Музей Востока
фрагмент стенки с прорезным орнаментом в виде ов на миниатюрной фляге	оттиск с односторонней матрицы	a — 0,5	1988/69	нет	Музей Востока
растительный орнамент	оттиск с односторонней матрицы	21,5 × 8,3 × 1,6	1991/32	65(2)	Музей Востока
полиморфный образ фантастического существа с хвостом льва, ногами и стриженной гривой коня; передняя часть тела и морда с большим загнутым клювом — ушастого грифона. Под ногами чудовища — фантастическая птица. Голова ее выполнена реалистично. Длинная шея птицы переходит в повернутую в профиль голову пожилого человека, его волнистая борода является как бы птичьим хвостом. На груди птицы также изображена человеческая голова (лицо молодое) с зачесанными за ухо волосами; в ухе — серьга	оттиск с односторонней матрицы	37 × 24	1953/27, 1956/206	68(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 1, рис. 78
крылатое полиморфное шествующее существо (грифон)	оттиск с односторонней матрицы	h 18 м; d — 16,5	1952/127, 128	69(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
29	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. Н 5, яма № 4 в материке	сюжетный
30	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. VII, слой нижнего горизонта над полом	сюжетный
31	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. VIII, горелый слой ниже осевшего нижнего свода, нижний горизонт	сюжетный
32	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. I, над полом и в завале на разной высоте	сюжетный
33	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / пом. Н 26, северная часть, яма № 1 нижнего горизонта и яма № 2, вырытая в период среднего горизонта	орнамент
34	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / центральное здание, стрелковая галерея, пол нижнего горизонта	сюжетный
35	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / п. Н 5, яма № 3 нижнего горизонта	сюжетный
36	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фляга с рельефом	неясное	нижний горизонт / проход из п. V в VII, слой нижнего горизонта	сюжетный
37	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	фляга с рельефом	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э.	сюжетный
38	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	фляга с рельефом	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э.	сюжетный
39	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 6/а западной стеной центрального здания с др. культовыми предметами	сюжетный
40	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 1/свалка над помещением	сюжетный
41	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	орнамент

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
«сборщик винограда», мужская фигура, идущая, в профиль, с флягой за спиной	оттиск с односторонней матрицы	12 × 9,5	1955/275	70(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 3; рис. 79
крестовидные знаки	оттиск с односторонней матрицы	6 × 6	1954/9185	70(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 5
женщина с ребенком и возлежащий на тахте мужчина	оттиск с односторонней матрицы	16,5 × 13	1953/26	69(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 6; рис. 77
стилизованный растительный орнамент, шестилучевая звезда в круглом картуше вокруг растения	оттиск с односторонней матрицы	11,5 × 12	1952/6693, 6694	71(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, табл. XXXII, 7
стилизованное дерево	оттиск с односторонней матрицы	13 × 12	1956/143; 16205	72(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 75, 1
ноги идущего человека в длинной рубахе — кафтане в орнаментальном картуше	оттиск с односторонней матрицы	9 × 7	1952/3972	72(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 75, 4
изображение шествующего человека (?)	оттиск с односторонней матрицы	10 × 7	1956/203	72(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 75, 5
мужчина, сидящий в три четверти вправо, справа изображена арфа	оттиск с односторонней матрицы	8 × 6	1953/40	70(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 76
сцена охоты. Охотник верхом на верблюде поражает стрелой бегущего джейрана	оттиск с односторонней матрицы	12,3 × 8,2	неясный	73(1)	Мамбетуллаев, 1990, с. 109, рис. 11, 2
тигр, бегущий влево с изогнутым и поднятым хвостом	оттиск с односторонней матрицы	8 × 6,3	неясный	73(2)	Мамбетуллаев, 1990, с. 109, рис. 11, 3
«календарный миф»	оттиск с односторонней матрицы	нет	неясный	74(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 7/1, 7/2, с. 2213
единоборство человека с быкоподобным существом	оттиск с односторонней матрицы	нет	неясный	75(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 7/10, 7/11, с. 223
геометрический орнамент	оттиск с односторонней матрицы	нет	81/2	65(5)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
42	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	орнамент
43	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	неясное	орнамент
44	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фляга с рельефом	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7В, восточная часть	сюжетный
45	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1 сектор 2 система наслоений второго пола.	зооморфный
46	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / амфоровидный двухсосковый с налечами на ручках	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 4, перед культовой нишей на верхней площадке входного комплекса	зооморфный
47	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / амфоровидный двухсосковый	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 3, п. 2 с двойной дверью / рядом с кубками	зооморфный
48	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	неясное	неясное	зооморфный
49	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8/верхний слой	зооморфный
50	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7/верхний слой	антропоморфный
51	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / с узким рогом и воронкообразным раструбом устья	неясное	неясное	зооморфный
52	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	неясное	неясное	неясные
53	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 2/низ горелого слоя	зооморфный
54	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 6/горелый слой	неясные
55	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, у круглого здания к югу от п. 10/горелый слой	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
неясный	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	64(4)	Музей Востока
неясный	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	64(5)	Музей Востока
композиция с всадником на двугорбом верб- люде, склеена из 15 фрагментов, каждый раз- ного года происхождения	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	76(1)	Музей Востока
неясный	ручная лепка	d тулова — 7; d носика — 2; l носика — 1,8; h сохр. — 5,4	1985/29	нет	Музей Востока
фантастические животные с гривами наис- косок (м. б. рогатые кони с гривами), на уровне плечиков на каждой стороне по- парно по две фигурки животных, животные обращены головами друг к другу и хвостами к ручкам сосуда, под животными идут 2 ряда пуансонов, ниже до дна вертикальные изви- вающиеся линии	ручная лепка	h — 33, d — 22	1985/150	77(1)	Музей Востока
львиноголовые налепы на ручках	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 26; d венчика 8; d тулова 18	кп44776	78(1)	Музей Востока
с протомой коня	ручная лепка	нет	1985/197	нет	Музей Востока
протома лошади с высокой шеей, отбитой головой, со стоячей гривой, растопыренными в стороны ушами. В основании шеи, спереди по центру отверстие, d — 0,6 см	ручная лепка	10,9 × 4,1 × 5,5	1986/21	нет	Музей Востока
женская головка на верхней части ручки ритона	оттиск с односторон- ней матрицы	5,1 × 3,7 × 6,3	1986/22	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 254
неясный	ручная лепка	d устья — 9; носика — 2,9; l — 17,5	1986/123	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 5/1 и 5/4
растительный	ручная лепка / черно- лощеный, прочер- ченным орнаментом с красной пастой	l — 30	1986/124	79(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 5/4
голова лошади	ручная лепка	нет	1987/21	нет	Музей Востока
неясный	ручная лепка	нет	1987/138–143	нет	Музей Востока
с протомой головы лошади без верха	ручная лепка	1,9 × 1,7	1988/1	80(1)	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
56	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 96 / горелый слой	неясные
57	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 13 / горелый слой	зооморфный
58	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9а, яма 1	зооморфный
59	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	жилые сооружения	Р 2, п. 6	антропоморфный
60	Калалы-гыр 2 / культовый центр	?	неясное	неясное	зооморфный
61	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 10 / нижний пол	зооморфный
62	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулоч	неясные
63	Кой-Крылган-кала / культовый центр	ритон	неясное	нижний горизонт	зооморфный
64	Кой-Крылган-кала / культовый центр	ритон	неясное	нижний горизонт	зооморфный
65	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	ритон / роговидный	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э. / пом. 9, второй пол	зооморфный
66	Калалы-гыр 1 / городище-крепость	ритон / роговидный	жилые сооружения	раннекангюйский жилой слой в здании у северной стены / пом. 4	зооморфный
67	Хумбуз-тепе / керамический центр	ритон / роговидный	керамические производственные комплексы	шурф I, IV ярус	зооморфный
68	Калалы-гыр 2 / культовый центр	ритон / роговидный	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1/1, п. 2/низ горелого слоя	зооморфный
69	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	подъем	зооморфный
70	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	подъем	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
неясный	ручная лепка	нет	1988/28	нет	Музей Востока
неясный	ручная лепка	нет	1989/6	нет	Музей Востока
протома лошади реалистичной моделировки с деталями оголовья, с мощной шеей, корот- кой стриженной гривой	ручная лепка / черно- лощенный, прочерчен- ный орнаментом с красной пастой	8,3 × 7,5	1989/7	81(1)	Музей Востока
с протомой Сатира	ручная лепка	h — 29; d — 14	1989/77	82(1)	Музей Востока
корпус (возможно, лошади). Животное имеет вытянутый и уплощенный сверху корпус без прогиба, мощную шею со стоячей гривой, хвост подтреугольной формы в виде налепа плотно прижат к туловищу	ручная лепка	10 × 7,8	198 (?) / (?)	нет	Музей Востока
неясный	ручная лепка	нет	1990/26	нет	Музей Востока
неясный	ручная лепка	нет	1990/32	нет	Музей Востока
фрагмент протомы лошади (?) с подогнутыми передними ногами	ручная лепка	8 × 6	неясный	87(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 8
неясное	ручная лепка	9 × 5,5	неясный	87(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 9–10
нижняя часть с отверстием. Навершие не со- хранилось (автор предполагает его в виде протомы лошади)	ручная лепка	7 × 6, рекон- струируемая h — 22; d — 14	неясный	85(1)	Мамбетуллаев, 1990, с. 107, рис. 9, 1
протома лошади с подстриженной стоячей гривой. По сырой глине процарапаны два крыла и ноги, как бы поджатые, но выполнен- ные в невысоком рельефе	ручная лепка	h ритона 22; h головки ло- шади 11,3	неясный	84(1)	Воробьева, 1959, с. 109, рис. 18
коневидный грифон (?), на груди которого имеется сливное отверстие, крылья переданы красно-коричневой росписью	ручная лепка	5,5 × 4	неясный	86(1)	Мамбетуллаев, 1984, с. 27, 31, рис. 5, 5
протома лошади	ручная лепка	h ритона 24; d венчика 14	47/599	83(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, р. 5/1
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	6 × 6,5 × 3,8	1950/176	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252
голова льва, сохранилась только грива в виде 6 рельефных широких полос длиной до 2,6 см. В сечении ручка имеет подтреуголь- ный вид, где основание 3,8 см, а боковые сто- роны 4,1 см	оттиск с односторон- ней матрицы	7 × 3,8	1950/178	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
71	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	зооморфный
72	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	подъем	зооморфный
73	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	подъем	антропоморфный
74	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	зооморфный
75	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7/верхний слой	зооморфный
76	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, западный коридор / слой поверхностной зачистки	антропоморфный
77	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 3/под верхним белым полом	зооморфный
78	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1/поверхностная зачистка в южной части	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
голова льва, сохранились грива, уши, надбровные дуги. Грива в виде рельефных широких полос, разделенных на пробор	оттиск с односторонней матрицы	5,1 × 3,7 × 1	1950/179	нет	Музей Востока
морда льва шириной 2,2 см, с изогнутой в середине единой надбровной дугой, глаза в форме вытянутых бугорков, сохранившееся левое ухо также в форме вытянутого бугорка, скулы мощные, выступающие вперед. Грива в виде широких рельефных полос, длиной до 3,5 см	оттиск с односторонней матрицы	6,3 × 6,2	1953/1078	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252
налеп на плечике кратера, голова бородатого мужчины	оттиск с односторонней матрицы	3,2 × 2,4	1953	96(2)	Музей Востока / Болелов, 2004, с. 134, 263, рис. 3/20, 21
морда льва сильно стилизована, узкая, рельефно выступающая вперед, она смята на конце, а по сторонам имеет по 3–4 рельефных полоски, идущих наискось. Выделена лобная часть со слегка выступающими бугорками бровей. Морда отделена от гривы длинной рельефной полосой, шириной 2,5 мм. Грива состоит из плотно расположенных рельефных полос, длиной до 3,1 см, зажатых между ушей, имеющих вид вытянутых бугорков	оттиск с односторонней матрицы	8 × 3,8	1981/4	90(1)	Музей Востока
морда льва плоская, шириной 2,1 см, с выступающей правой скулой. Узкая лобная часть секировидной формы. Непосредственно за ней по сторонам расположены уши в виде вытянутых бугорков, между которыми грива в виде 5 рельефных полос, длиной до 2,5 см	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 8,3 × 5,8	1985/24	90(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253
налеп обращен к устью сосуда, несет изображение лица, на большей части которого скол. Прическа в виде валика обрамляет лицо, небольшие округлые уши, рельефные брови соединенные и слегка изогнутые, крупные глаза прямого разреза с рельефно проработанными веками и зрачком	оттиск с односторонней матрицы	5,2 × 3,2 × 7,5	1985/25	96(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 230, 234, рис. 7/18
широкая морда с округлыми скулами, узким и плоским носом, секировидным лбом. Уши — вытянутые бугорки, между ними грива из веерообразно расходящихся полос в низком рельефе	оттиск с односторонней матрицы	7,3 × 6,8 × 4,2	1985/26	90(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252–253
стилизованное изображение головы льва с длинной гривой из 6 прямых рельефных прядей, идущих назад, а от них в стороны идут по 3 коротких косых пряди. Уши в виде вытянутых рельефных бугорков. Лобная и носовая части морды секировидной формы, глаза круглые, левый смят. Скулы выступают вперед. Нижняя часть не проработана	оттиск с односторонней матрицы	2,5 × 4,4 × 5,9	1985/27	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
79	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 1/пол. Слой последнего пожара	зооморфный
80	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	зооморфный
81	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7	антропоморфный
82	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7/верхний слой	зооморфный
83	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7	зооморфный
84	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8	зооморфный
85	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8/нижний слой	зооморфный
86	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7/верхний слой	зооморфный
87	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7/верхний слой	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
морда льва плоская, шириной 2,3 см, с выступающими скулами. Узкая лобная часть секировидной формы. Непосредственно за ней по сторонам расположены уши в виде вытянутых бугорков, между которыми грива в виде 8 рельефных полос, длиной до 3,1 см. С левой стороны от нижней полосы вниз наискось отходят еще 3 коротких полосы	оттиск с односторонней матрицы	4,8 × 3,8 × 2,3	1985/28	89(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252
голова льва. На конце ручки следы расходящихся полос (гривы ?)	оттиск с односторонней матрицы	h — 1,4; d ручки в средней части 2,2; в верхней части овал — 2,7 × 2,2	1985/665	нет	Музей Востока
широкое лицо с широким плоским лбом, широкие скулы, мягкий подбородок, брови приподняты у переносицы, глаза миндалевидные с рельефно промоделированными веками, зрачок не выделен. Нос и рот смяты. В целом лицу придано выражение печали (?)	оттиск с односторонней матрицы	4,1 × 3,9 × 1,9	1986/4	нет	Музей Востока
головка льва	оттиск с односторонней матрицы	10,4 × 6,4	1986/23	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253
фрагмент с львиной гривой показанной широкими продольными прядями, отходящими от поперечного рельефного валика между ушами, показанного наискось идущими, овальными бугорками	оттиск с односторонней матрицы	7,8 × 5,5	1986/24	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252
морда льва с вытянутой носовой частью, шириной 2,4 см, высота 3 см, наискось в стороны от пасти расходятся полоски мелкорельефные, обозначающие скулы. Лобная часть секировидной формы обведена полоской. Грива имеет вид коротких до 7 мм низкорельефных полосок, размещенных между ушей — двух узких вытянутых бугорков, она отделена желобком шириной 4 мм	оттиск с односторонней матрицы	8 × 8,2	1986/25	88(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
очень расплывчатое изображение льва. Лобная часть секировидная, за ней расположена длинная грива, уши — вытянутые бугорки. Ручка сосуда круглая в сечении d — 2,2 см	оттиск с односторонней матрицы	5 × 2,2 × 2,1	1986/26	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
морда льва узкая шириной 1,8 см, вытянута вперед. Нечеткий штамп. Лобная часть секировидная с полосой выше и желобком перед гривой, которая практически не отслеживается. В профиль изображение реалистично	оттиск с односторонней матрицы	7,4 × 5,2 × 5,8	1986/27	89(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 252
голова льва, ручка подовальная в сечении	оттиск с односторонней матрицы	2,3 × 1,8	1986/28	нет	Музей Востока

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
88	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1	зооморфный
89	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	Р 7 / поверхностная зачистка	зооморфный
90	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 5 / горелый слой	зооморфный
91	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 5 / горелый слой	зооморфный
92	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 8 / горелый слой	зооморфный
93	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9	зооморфный
94	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	зооморфный
95	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 9а / горелый слой	зооморфный
96	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 8а / горелый слой	зооморфный
97	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6 / яма Б, супесчаный слой	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
морда льва вытянута горизонтально. 10 параллельно идущих рельефно прядей занимают середину головы, от них в стороны наклонно расходятся боковые пряди	оттиск с односторонней матрицы	7 × 6,8 × 6,3	1986/29	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253
голова льва, ручка в сечении трапецевидной формы	оттиск с односторонней матрицы	2,1 × 2,1	1986/86	нет	Музей Востока
морда льва, вытянутая вперед, шириной 2 см, с выделенной носовой частью, скулами, пасть в виде дуговидной выемки. Лобная часть также вытянута, грива же намечена общей формой — вытянутой и сужающейся	оттиск с односторонней матрицы	4,5 × 2,7 × 2	1986/137	88(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 254
морда льва плоская, передняя часть затерта или сглажена, шириной 2,6 см, h — 2,4 см. Над секировидной лобной частью выступ миндалевидной формы, за которым изображена грива из низкорельефных полос длиной до 4 см, расположенных между двумя ушами, имеющих вид вытянутых в стороны и назад бугорков. Оттиск нечеткий	оттиск с односторонней матрицы	5,7 × 2,7 × 2,5	1986/138	91(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
лев с реалистически вытянутой мордой. На скулах вертикальные бороздки, лоб и нос секировидной формы. Грива отделена от морды и состоит из 8 прямых коротких прядей, уши не выделены, глаза не обозначены, так же как и пасть	оттиск с односторонней матрицы	3 × 3,2 × 5,5	1987/22	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 250
голова коня с гривой	ручная лепка	нет	1987/60	нет	Музей Востока
голова льва, ручка подовальной формы	оттиск с односторонней матрицы	2,6 × 3,5	1987/3199	нет	Музей Востока
голова льва с гривой из 6 прямых рельефных прядей, идущих назад, а от них в стороны идут по 3 коротких косых пряди. Уши в виде вытянутых рельефных бугорков. Лобная и носовая части морды секировидной формы, глаза круглые. Скулы выступают вперед. Нижняя часть выступает вперед, но пасть не проработана. Рельеф нечеткий	оттиск с односторонней матрицы	2,8 × 4,2 × 4,8	1988/16	92(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
морда плоская с секировидной лобной частью, за которой изображена грива из 7 рельефных широких полос длиной до 4,2 см, исходящих из поперечной широкой полосы, а также несколько боковых полосок. Уши — вытянутые назад и в стороны бугорки. Ширина морды 2,3 см, конец ее смят	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 4 × 2,5	1988/17	92(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253
голова льва. Лобная часть секировидная, за ней расположена короткая грива из 9 рельефных прямых полос. По бокам от гривы уши — вытянутые бугорки. Глаза рельефно обозначены с выделением верхних и нижних век, под ними рельефными полосами изображена шерсть (?), нос узкий, вытянут вперед	оттиск с односторонней матрицы	7,2 × 2,8 × 2,2	1988/18	91(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 250

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
98	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 10 / горелый слой	зооморфный
99	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6 / яма Б	зооморфный
100	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6 / зачистка по полу	зооморфный
101	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, коридор между круглым зданием и пом. 86	зооморфный
102	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулок около п. 8а	зооморфный
103	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулок около п. 8а	зооморфный
104	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	Р 2, п. 6	зооморфный
105	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	неясные
106	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулок между п. 10 и 12	зооморфный
107	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, переулок между п. 10 и 86	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
голова льва. Ручка каплевидной формы, сильно расширяющейся к устью	оттиск с односторонней матрицы	6 × 3,8	1988/19	нет	Музей Востока
стилизованное изображение головы льва с реалистически вытянутой мордой. На скулах вертикальные бороздки, лоб и нос секировидной формы. Грива отделена от морды и состоит из 8 прямых коротких прядей, уши не выделены, глаза не обозначены, так же как и пасть	оттиск с односторонней матрицы	1,9 × 3,5 × 4,1	1988/20	92(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
фрагмент ручки сосуда с налепом в форме головы льва. Ручка в сечении имеет форму вытянутого треугольника со скругленной вершиной. От налёпа сохранился лишь фрагмент гривы из низкорельефных полос, грива была длинной	оттиск с односторонней матрицы	5,5 × 3,9	1988/21	89(4)	Музей Востока
морда льва вытянута вперед, мощные скулы, узкий, разделенный на 2 доли лоб оконтурен рельефной полоской. Грива из 5 низкорельефных широких ровных полос, длиной до 2,5 см. Уши — почти такие же полосы, немногим короче. Ручка в сечении имеет форму вытянутого треугольника со скругленной вершиной	оттиск с односторонней матрицы	5 × 3,2 × 2,5	1988/22	88(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 251
голова льва	оттиск с односторонней матрицы	нет	1989/10	нет	Музей Востока
морда льва стилизована. Узкая секировидная лобная часть, выступы рельефные миндалевидных глаз, скулы не сильно выступающие, с рельефными полосками. Надо лбом подовальный выступ, по сторонам от него уши — вытянутые в стороны и назад бугорки, а между ними грива из 10 низкорельефных ровных полос длиной до 3,6 см, от каждой крайней полосы в стороны наискось еще по 3–4 коротких полоски	оттиск с односторонней матрицы	5,6 × 4 × 2,2	1989/11	92(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 254
голова льва. Штамп нечеткий. Морда стилизованная, уплощенная, с круглыми глазами. Вся лобная часть в виде изогнутой рельефной полоски. На скулах рельефные полоски наискось. Грива из 11 низкорельефных ровных полосок, уши в виде вытянутых назад овальных бугорков	оттиск с односторонней матрицы	4,8 × 2,4 × 1,8	1989/26	89(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 254
неясный	ручная лепка	нет	1989/28	нет	Музей Востока
голова льва стилизованная, с короткой прямой гривой из 3 рельефных полос, уши — бугорки, выделены нос и скулы	оттиск с односторонней матрицы	5 × 4,8 × 8,5	1990/16	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 250
лев	оттиск с односторонней матрицы	5 × 2,3 × 2,1	1990/17	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 253

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
108	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	неясное	орнамент
109	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
110	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
111	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
112	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
113	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
114	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
115	Кой-Крылган-кала / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	неясное	нижний горизонт	зооморфный
116	Большая Айбуйир-кала / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	II строительный горизонт IV–III вв. до н. э.	зооморфный
117	Кюзели-гыр / городище	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	выброс гончарн. печей раннекангюйского времени	зооморфный
118	Калалы-гыр 1 / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	раннекангюйский комплекс	зооморфный
119	Джанбас-кала / город	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	раннекангюйский комплекс	зооморфный
120	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 4	зооморфный
121	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 4	зооморфный
122	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э. / пом. 6	зооморфный
123	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	сосуд с налепом на ручке	жилые сооружения	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный
124	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
125	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
126	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
растительный	ручная лепка	нет	1990/23	нет	Музей Востока
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 1
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 2
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(3)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 3
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(4)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 4
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(7)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 5
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(6)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 6
голова льва	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	95(5)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 46, 7
голова льва с человеческими чертами — выразительные большие глаза, крупный нос, одутловатые щеки. Небольшой рот помещен близко к носу, губы чуть приподняты. Грива его зачесана тонкими прядями	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1990, с. 108
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Воробьева, 1959, с. 101
без описания	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Воробьева, 1959, с. 101
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Воробьева, 1959, с. 101
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	9 × 13	неясный	94(1)	Мамбетулла- ев, 1986, с. 24–25, рис. 7,5
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	17 × 9	неясный	нет	Мамбетулла- ев, 1986, с. 24–25, рис. 7,7
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	15 × 9	неясный	94(2)	Мамбетулла- ев, 1986, с. 24–25, рис. 7,10
без описания	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Музей Востока
лев с гривой в виде вертикальных параллель- ных полос, с небольшими ушками	оттиск с односторон- ней матрицы	8 × 8,5	неясный	93(1)	Мамбетуллаев, 1984, с. 25–27, рис. 5, 1
лев с гривой в виде вертикальных параллель- ных полос, с большими ушками	оттиск с односторон- ней матрицы	6 × 4,5	неясный	93(2)	Мамбетуллаев, 1984, с. 25–27, рис. 5, 2
лев с гривой в виде расходящихся в стороны полос	оттиск с односторон- ней матрицы	11 × 5,5	неясный	93(4)	Мамбетуллаев, 1984, с. 25–27, рис. 5, 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
127	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
128	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
129	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
130	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
131	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
132	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
133	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
134	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
135	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
136	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
137	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
138	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на ручке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы	зооморфный
139	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1/2, п. 13 западный коридор / сакральное помещение для очищения на полу	антропоморфный
140	Гяур-кала 3 / поселение оседлых скотоводов	сосуд с налепом на ручке	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	усадебная / раннекангюйский слой	зооморфный

Продолжение табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
лев с гривой в виде елочки	оттиск с односторон- ней матрицы	5,5 × 7,5	неясный	93(3)	Мамбетуллаев, 1984, с. 25–27, рис. 5, 4
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
без описания	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Музей Востока
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Музей Востока
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Музей Востока
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Музей Востока
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
лев	оттиск с односторон- ней матрицы	нет	неясный	нет	Мамбетуллаев, 1984, с. 25
налеп обращен к устью сосуда, несет изобра- жение женского лица. Прическа в виде вали- ка обрамляет лицо, небольшие округлые уши, рельефные брови, соединенные и слегка изогнутые, крупные глаза прямого разреза с рельефно проработанными веками и зрач- ком. Аналогично типу терракот «богиня с фижмами»	оттиск с односторон- ней матрицы	5,1 × 6,3 × 3,7	1986/22	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 230, 234, рис. 7/18
животное условное с большими ушами и большими глазами на стенке лепной хумчи	ручная лепка	нет	неясный	96(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 246, рис. 4

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение / стратиграфические условия	Иконографический образ
141	Хумбуз-тепе / керамический центр	сосуд с налепом на стенке	керамические производственные комплексы	шурф I, IV–III ярусы, IV–III вв. до н. э.	антропоморфный
142	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент
143	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент
144	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент
145	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент
146	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент
147	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1/1/в пом.	сюжетный
148	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фигурный сосуд / миниатюрный	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	нижний горизонт / раннекангюйский слой	антропоморфный
149	Кой-Крылган-кала / культовый центр	фигурный сосуд / миниатюрный	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	нижний горизонт / раннекангюйский слой	антропоморфный
150	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фигурный сосуд / миниатюрный	неясное	неясное	орнамент
151	Калалы-гыр 2 / культовый центр	сосуд миниатюрный	неясное	неясное	орнамент
152	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фигурный сосуд	неясное	неясное	зооморфный
153	Калалы-гыр 2 / культовый центр	крышка сосуда с рельефом / миниатюрная	неясное	неясное	орнамент

Окончание табл. 2. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изобра- жение	Место хранения / публикации
женская головка на верхней части хумчи под венчиком	оттиск с односторонней матрицы	3 × 3,5	неясный	96(1)	Мамбетуллаев, 1984, с. 25, 26, рис. 4
геометрический орнамент, состоящий из вихревой розетки: круга и треугольников вершинами в стороны с небольшим наклоном. На поле крышки с внешней стороны прорезан сложно фигурный знак	штамп (?), резьба по сырой глине	d — 4,5; h — 2,5	1987/40	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 1 7/9, с. 140
геометрический орнамент, состоящий из вихревой розетки: круга и треугольников вершинами в стороны с небольшим наклоном	штамп (?), резьба по сырой глине	d — 3,9; h — 2,3; d шляпки — 2,7	1988/59	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 2 7/9, с. 140
геометрический орнамент, состоящий из вихревой розетки: круга и треугольников вершинами в стороны с небольшим наклоном. С внешней стороны у края ножки прорезан знак в виде звездочки	штамп (?), резьба по сырой глине	d — 4,6; h — 2,3	1989/33	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 3 7/9, с. 140
геометрический орнамент из круглой выемки, в центре окаймленной пояском из расходящихся от нее треугольников вершинами в стороны, похоже на вихревую розетку, но треугольники поставлены ровно. В углублениях рельефа сохранились следы охры	штамп (?), резьба по сырой глине	d шляпки — 3,2; d ножки 2,2; h сохр. — 1,4	1989/53	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 4 7/9, с. 140
геометрический орнамент из круглого отверстия, в центре окаймленного пояском из расходящихся от него треугольников вершинами в стороны, похоже на вихревую розетку, но треугольники поставлены ровно. В углублениях рельефа сохранились следы охры. Крышка имеет сквозное отверстие	штамп (?), резьба по сырой глине	d шляпки — 2,9; d крышки — 5; h сохр. — 2,2	1989/53 (?)	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 5 7/9, с. 140
гопатшах, шествующий вправо с расправленными крыльями. Крышка имеет пять сквозных отверстий	оттиск с односторонней матрицы	d — 22	1988/2	98(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 7/8, 7/9, с. 220
фрагмент лица женского с большими глазами, раструб кувшинчика в виде головного убора	ручная лепка	h 3,4	неясный	97(1)	Воробьева, 1959, с. 119, 121, 123, рис. 22, 2, рис. 24
сосуд в виде цилиндрической фляги-фигурки с двумя выступами-ручками на уровне плечиков сосуда. На груди треугольный глубокий ворот или украшение с бляшкой	ручная лепка	h 10	неясный	нет	Воробьева, 1959, с. 118, 119, 123, рис. 22, 8
геометрический	оттиск с односторонней матрицы	h сохр. — 3, 8	1988/46	нет	Музей Востока
фрагмент тулова, ближе к венчику резной геометрический орнамент в виде зигзагообразных линий (волчий зуб) со следами красного порошка	штамп (?), резьба по сырой глине	нет	1988/70	нет	Музей Востока
имеет цилиндрическое тулово, с двумя округлыми площадками	ручная лепка	нет	1990/27	нет	Музей Востока
геометрический орнамент	штамп (?), резьба по сырой глине	нет	неясный	нет	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3/27, 6 7/9, с. 140

3. Очажные подставки Хорезма IV—I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
2	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
3	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
4	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
5	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
6	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
7	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
8	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное	зооморфный	неясный
9	Калалы-гыр 2 / культовый центр	фортификация	Р 9, тр. 1, II слой / поверхностная зачистка	зооморфный	неясный
10	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1/2, п. 7 / пол	другие	другие

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент очажной зооморфной под- ставки (?)	ручная лепка	h сохр. — 7,1; l — 6,2; a сохр. — 6,9	1953/ 1083	нет	Музей Востока
фрагмент кирпича с зооморфным высту- пом (?), имеет вид головы животного с подтреугольной в сечении мордой, рот обозначен горизонтальным желобком, ноздри — наколами стеки, глаза намечены по-разному: правый в виде легкой округ- лой выемки, левый — некачественного вдавления стекой. Уши животного отби- ты. Ниже головы со стороны спины от- сутствует ангоб	ручная лепка	6,2 × 6,2	1985/39	100(2)	Музей Востока
фрагмент («рогатого кирпича» ?) с закопченной поверхностью	ручная лепка	l сохр. — 7,5; h сохр. — 4,6; a — 3,5	1985/61	нет	Музей Востока
«рогатый кирпич», имеет округлое тулово, сужающееся в центре и расширяющееся к краям. Имеет внутреннюю полость и сквозное поперечное отверстие. С одно- го края завершение в виде стилизован- ных протом животных, из которых сохранилась одна	ручная лепка	l сохр. — 21,5; d отв. 1,3; d тулова — 6,5	1985/65	101(1)	Музей Востока
«рогатый кирпич», имеет округлое тулово, сужающееся в центре, внутреннюю полость и сквозное поперечное от- верстие	ручная лепка	l сохр. — 15,3; d отв. 3,7; d тулова — 12	1985/512	101(3)	Музей Востока
«рогатого кирпича» фрагмент	ручная лепка	7,4 × 4 × 2,7	1985/534	99(3)	Музей Востока
«рогатого кирпича» фрагмент	ручная лепка	нет	1985/645	нет	Музей Востока
«рогатого кирпича» фрагмент в виде цилиндрического полого тулова с суже- нием	ручная лепка	h сохр. — 10; a — 8,7	1985/760	нет	Музей Востока
верх рогатого кирпича с головками жи- вотного	ручная лепка	—	1986/19	99(2)	Музей Востока
подставки цилиндрической полой фраг- мент	ручная лепка	—	1986/119	нет	Музей Востока

ТЕРРАКOTOVAYА ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
11	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 7, п. 6 / горелый слой	зооморфный	неясный
12	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 7 В, п. 11	зооморфный	неясный
13	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	Р 1/1, переулк	зооморфный	баран
14	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	неясное	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный	неясный
15	Топрак-кала Шаватская / городище-крепость	неясное	нижний горизонт V–III вв. до н. э.	зооморфный	неясный
16	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	неясное	зооморфный	неясный
17	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	неясное	зооморфный	баран
18	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые сооружения и связанные с ними	неясное	зооморфный	бык (?)

Окончание табл. 3. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Коллекции / публикации
«рогатый кирпич» с округлым туловом, сужающимся и становящимся овальным в сечении у одного сохранившегося края. Имеет внутреннюю полость и два сквозных поперечных отверстия	ручная лепка	l сохр. — 18,5; d тулова — 7,6; размер тулова с овального конца — 7,9 × 4,9	1986/169	101(2)	Музей Востока
«рогатого кирпича» фрагмент	ручная лепка	h сохр. — 5,5; d основания — 4,2	1988/56	нет	Музей Востока
«рогатого кирпича» фрагмент. Животное имеет корпус подпрямоугольной формы с заглаженными почти вертикально ровными боковыми сторонами и такими же передней и задней сторонами. Короткая толстая шея завершается массивной мордой подтреугольной формы, конец которой отбит. На верхней части корпуса отсутствует ангоб и зафиксированы следы копоти. Корпус значительно повышался в месте крупа, который целиком утрачен	ручная лепка	l — 8,7; h — 6,8	1990/15	99(1)	Музей Востока
фрагмент подставки подовальной в сечении с основаниями двух наверхий	ручная лепка	h сохр. — 14,3	нет	101(4)	Мамбетуллаев, 1986, с. 28, рис. 10, 3
фрагмент подставки подпрямоугольной в сечении с основаниями двух наверхий	ручная лепка	h сохр. — 12,5	нет	101(5)	Мамбетуллаев, 1986, с. 28, рис. 10, 4
фрагмент очажной подставки	ручная лепка	нет	1991/3	нет	Музей Востока
наверхие в виде головы барана	ручная лепка	нет	1991/6	99(4)	Музей Востока
фрагмент очажной подставки в виде головы быка (?)	ручная лепка	нет	1991/7	100(1)	Музей Востока

4. Алтарики Хорезма IV—I вв. до н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	неясное
2	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	Р 7 / траншея
3	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	Р 7 / зачистка поверхностная
4	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 5 / горелый слой
5	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8
6	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8, яма
7	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / верхний и нижний слои
8	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 7 / нижний слой
9	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	неясное
10	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	неясное
11	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 6 / горелый слой
12	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 6 / горелый слой
13	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 6 / горелый слой
14	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 И, котл. № 1 / нижний слой
15	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котл. № 1
16	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7 В, котл. № 1

Описание изделий	Технология изготовления	Вторичные способы обработки	Размеры, см	Год обнаружения	№ / №	Изображение	Коллекции / публикации
подпрямоугольная форма в плане, с овальным в плане резервуаром, глубиной 2,9 см, «подставка для терракоты»	ручная лепка	неясное	4,1 × 6,2 × 5,1	1985	22	нет	Музей Востока
фрагмент	ГК	ангоб темный	d венчика — 10; h сохр. — 6	1986	117	нет	Музей Востока
круглая в плане с плоским дном, в сечении фигурная. На внешней стороне сохранились 2 резные бороздки, радиально расположенные	ГК	ангоб темный	d — 11,4; h сохр. 7,4	1986	120	102(4)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 3
четырехступенчатая, усеченно-коническая, фрагмент	ручная лепка	неясное	нет	1986	121	нет	Музей Востока
фигурная, круглая в плане, с плоским дном, фрагмент	ручная лепка (?)	неясное	d — 12 см; h сохр. — 6,4	1986	145	102(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 5
подпрямоугольной формы, сохранились фрагменты двух плоских сторон под прямым углом	ручная лепка	неясное	l сохр. сторон — 6,1 и 8,2	1986	146	102(2)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 5
биконической формы, фрагмент	ГК	ангоб красный	d венчика — 15; h сохр. — 9	1986	163, 164	нет	Музей Востока
подквадратная в плане, в сечении — с прямоугольным уступом	ручная лепка	неясное	h сохр. — 5; l сохр. — 3,5	1986	165	102(1)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, рис. 5
имеет округлое плоское основание	ручная лепка	неясное	d основания — 7; h сохр. — 4	1987	74	нет	Музей Востока
круглая в плане с кольцевым поддоном	ГК	ангоб темный	d сохр. — 16; h сохр. — 5,9	1987	95	нет	Музей Востока
фрагмент	ГК	ангоб красный	d венчика — 11; h сохр. — 4,4	1987	134	нет	Музей Востока
фрагмент	ГК	неясное	d венчика — 17; h сохр. — 6,1	1987	135	нет	Музей Востока
фрагмент	ГК	ангоб красный	d венчика — 12; d донца — не менее 13; d тулова около — 9,5; h — 7,8	1987	136	нет	Музей Востока
круглая, трехступенчатая, фрагмент	ГК (?)	неясное	нет	1988	26	нет	Музей Востока
круглая в плане, с плоским дном и ножкой	ГК (?)	неясное	d дна — 9,5; h сохр. — 6,5	1988	47	нет	Музей Востока
круглая в плане, с плоским дном и ножкой	ГК (?)	неясное	d дна — 15; h сохр. — 4,5	1988	48	нет	Музей Востока

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
17	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 6, яма а
18	Калалы-гыр 2	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	неясное
19	Кой-Крылган-кала	культовый центр	подставка (алтарик ?)	неясное	с раннекангюйским комплексом

5. Модели Хорезма IV—I вв. до н. э.

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1, зд. 1 / в бойнице круглого здания с черепами
2	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, зд. 1 / поверхностная зачистка
3	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 7, п. 5 / горелый слой
4	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное
5	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное
6	Калалы-гыр 2 / культовый центр	неясное	неясное
7	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/2, п. 8 / яма 2
8	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. 13 / серый суг. слой
9	Калалы-гыр 2 / культовый центр	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	Р 1/1, п. переулоч между п 10 и 12 / серый суг. слой

Окончание табл. 4. Алтарики Хорезма IV–I вв. до н. э.

Описание изделий	Технология изготовления	Вторичные способы обработки	Размеры, см	Год обнаружения	№ / №	Изображение	Коллекции / публикации
фрагмент с круглым отверстием	ГК	неясное	4,1 × 6,1 × 1,8	1988	51	нет	Музей Востока
имеет плоское подпрямоугольное дно	ГК	неясное	h сохр. — 3,5; l наиб. сохр. — 4,8	1988	52	нет	Музей Востока
прямоугольная (или квадратная) в плане трехступенчатая с плоской верхней площадкой	ручная лепка	неясное	13	нет	нет	103(1)	Кой-Крылган-кала, с. 113, рис. 48

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
модель колеса	ручная лепка	d — 17; a — 8	1981/130	104(3)	Музей Востока / Вайнберг, 2004, с. 162–163, рис. 4/14, 4
модель колеса, склеена из фрагментов, имеет ступицы с обеих сторон	ручная лепка	d — 7,1; d отв. — 1; h — 2,5	1986/69	нет	Музей Востока
модель колеса, имеет ступицу с одной стороны	ручная лепка	d — 10,4; d отв. — 1,5; толщ. — 3,4	1986/134	нет	Музей Востока
круглая в плане, катушковидная в сечении	ручная лепка	d dna — 7,7; d ножки — 4,9; h сохр. — 5,9	1987/36	нет	Музей Востока
круглая в плане, катушковидная в сечении	ручная лепка	d верх. — 3,2; d ниж. — 5; h сохр. — 4,4	1987/37	нет	Музей Востока
круглая в плане, катушковидная в сечении	ручная лепка	d ножки — 4,6; h сохр. — 7,1	1987/42	нет	Музей Востока
модель колеса	ручная лепка	d — 11,5; d отв. — 1,2; h сохр. — 4,5	1988/27	104(4)	Музей Востока
модель колеса, одна сторона обколота	ручная лепка	d — 7,4; d отв. — 0,7; h сохр. — 3,8	1989/8	104(2)	Музей Востока
модель повозки	ручная лепка	8,5 × 7,2	1990/20	104(1)	Музей Востока

6. Погребальные сосуды Хорезма IV–I вв. до н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	точка 13/70 близ Кой-Крылган-калы	усадьба	погребальный сосуд	на поверхности с керамическим комплексом IV–II вв. до н. э.	антропоморфный
2	точка 13/70 близ Кой-Крылган-калы	усадьба	погребальный сосуд	на поверхности с керамическим комплексом IV–II вв. до н. э.	антропоморфный
3	левобережный Хорезм	близ поселения Замахшара	погребальный сосуд	на поверхности с керамическим комплексом переходного периода от архаики к кангю	антропоморфный

7. Статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. В 35, пол	антропоморфный	женский
2	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	фортификация	северная башня предвратного сооружения, мягкий слой над верхним полом	антропоморфный	женский
3	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 50, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	женский
4	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. В 7, верхний пол верхнего горизонта	антропоморфный	женский
5	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 27, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	женский

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / вторичные способы обработки	Год обнаружения	Изображение	Публикации
женский	стоящая женская скульптура в платье, украшенном геометрическим орнаментом из полос с треугольниками	оттиск с односторонней матрицы / роспись краской		105(2)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 89
мужской	мужчина бородатый, сидящий на кресле в диадеме с зооморфными ушами	оттиск с односторонней матрицы / роспись краской		105(1)	Кой-Крылган-кала, 1967, рис. 90
неясный	нижняя часть сидящей фигуры	ручная лепка /	1960	105(3)	Рапорт, 1971, с. 42, 43

Типы	Вариант	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
III	2	стоящая, в одежде, без атрибутов. Одежда с покрывалом, прикрывающим левую, опущенную вдоль туловища, руку. Правая рука прижата к груди. На шее несколько рядов ожерелий. На голове убор с бантом. Голова горельефна, туловище плоскостно	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	12 × 3,6 × 1,8	108(1)	Воробьева, 1967, с. 185, табл. XXIX, 38
I		стоящая, в одежде. Сохранилась нижняя часть. Подол в виде расширяющегося к низу платья с вертикальными складками и накидкой распашной с круглыми фалдами. Возможно, редуцированный тип I	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	4,7 × 4,7 × 2,4	113(1)	Воробьева, 1967, с. 185, табл. XXIX, 39
II	3	стоящая, обнаженная. Целая статуэтка. Ноги сомкнуты. Правая рука согнута в локте, лежит на животе. Кисть левой у лона. На голове тюрбановидная повязка, завязанная спереди узлом. Из-под нее на шею спускаются 2 косы, на шее ожерелье. В середине верха задней стороны до обжига нанесен знак в виде горизонтально расположенной буквы «Н»	оттиск односторонней матрицы	16 × 5,2 × 2,2	107(1)	Воробьева, 1967, с. 186, табл. XXIX, 40
II	3	стоящая, обнаженная. Ноги сомкнуты. Правая рука согнута в локте, лежит на животе. Кисть левой у лона. Низ ног отбит. В середине верха задней стороны до обжига нанесен знак в виде вертикальной слегка изогнутой черточки	оттиск односторонней матрицы	9,3 × 3,8 × 2	107(2)	Воробьева, 1967, с. 186, табл. XXIX, 41
II	3	стоящая, обнаженная. Тот же тип, сохранились части шеи, плеча и груди	оттиск односторонней матрицы	3,5 × 3,5	нет	Воробьева, 1967, с. 186, 42

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегаия	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
6	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 40, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	женский
7	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 19, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	женский
8	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 12, потревоженный позд- ними ямами слой над матери- ком	антропоморфный	женский
9	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. V, завал	антропоморфный	женский
10	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 50, верхний пол, среднего горизонта	антропоморфный	женский
11	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 24, нижний пол, среднего горизонта	антропоморфный	женский
12	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 11, между очагами, проби- тыми с вышележащего пола	антропоморфный	женский
13	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 26, третий пол среднего горизонта	антропоморфный	женский
14	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 38, второй пол среднего горизонта	антропоморфный	женский
15	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 27, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	мужской
16	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 51, второй пол среднего горизонта	антропоморфный	мужской
17	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 16, нижний пол среднего горизонта	антропоморфный	всадник
18	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	коридор между башнями 7 и 8, верхний пол среднего горизонта	зооморфный	лошадь
19	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	коридор у центрального здания, третий пол среднего горизонта	зооморфный	лошадь
20	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 34, верхний пол среднего горизонта	зооморфный	лошадь

Продолжение табл. 7. Статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

Типы	Вариант	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
инд.		стоящая, обнаженная, полнообъемная фигурка. Руки вытянуты вперед, концы их отбиты. Голова крупная, с крупными чертами лица. Сзади выделены ягодицы, на бедрах шнуры, завязывающие передник, прикрывающий лоно	ручная лепка / светлый ангоб	10,1 × 5,4 × 2,4	113(2)	Воробьева, 1967, с. 186–187, рис. 72
инд.		голова и низ отбиты. Левая рука согнута, кисть на животе. Грудь подчеркнута	оттиск односторонней матрицы	4,2 × 4,3 × 1,8	113(3)	Воробьева, 1967, с. 187, табл. XXIX, 44
II	3	голова и низ отбиты. Правая рука согнута, кисть под грудью. Левая опущена. Грудь подчеркнута	оттиск односторонней матрицы	2,9 × 4,1 × 1,5	107(3)	Воробьева, 1967, с. 187, табл. XXIX, 45
VII		сидящая на правой подогнутой ноге, левой, согнутой в колене и поставленной на ступню. Статуэтка на небольшой прямоугольной подставке. Руки согнуты и сложены у груди	оттиск односторонней матрицы	19,2 × 8,1 × 3,7	110(1)	Воробьева, 1967, с. 187, табл. XXIX, 46
инд.		антропоморфная, с левой согнутой в локте рукой у пояса и правой опущенной. В одежде с накидкой наискось через правое плечо	оттиск односторонней матрицы	4,6 × 2,3 × 1,5	113(4)	Воробьева, 1967, с. 188, табл. XXIX, 47
VI		голова и правая нога отбиты. Сидящая женская фигура с ребенком на руках	оттиск односторонней матрицы	10,1 × 7 × 1,7	109(1)	Воробьева, 1967, с. 188, табл. XXIX, 48
VI		сидящая женская фигура с ребенком на руках. Сохранилась нижняя часть	оттиск односторонней матрицы	4,9 × 4,8 × 2,2	109(2)	Воробьева, 1967, с. 188, табл. XXIX, 49
инд.		голова плохой сохранности. Молодое лицо, высокий лоб. Волосы расчесаны на прямой пробор	оттиск односторонней матрицы	3,6 × 3,1 × 1,5	113(5)	Воробьева, 1967, с. 188, табл. XXX, 50
инд.		миниатюрная головка плохой сохранности	оттиск односторонней матрицы	1,8 × 1,8 × 1,9	113(6)	Воробьева, 1967, с. 188, табл. XXX, 51
инд.		стоящий, с поднятой к поясу правой рукой и опущенной вдоль тела левой. Одет в короткий кафтан и штаны	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	3,9 × 2,2 × 1	114(3)	Воробьева, 1967, с. 188–189, табл. XXX, 52
инд.		голова с фоном. Широкое лицо, сильно потерто	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	3,3 × 2,8 × 1,9	нет	Воробьева, 1967, с. 189
инд.		туловище с прижатой левой рукой. Голова и правая рука утрачены	ручная лепка / красный ангоб	3,9 × 4,2 × 1,8	114(4)	Воробьева, 1967, с. 189, табл. XXX, 54
		голова лошади, уши отбиты	ручная лепка / красный ангоб	4,9 × 4 × 1,8	115(1)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 57
		торс с отбитой головой и конечностями. Туловище удлиненное	ручная лепка / красный ангоб	8,2 × 4,6	115(2)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 58
		торс с отбитой головой и конечностями. Туловище удлиненное	ручная лепка / красный ангоб	8,7 × 4,2	нет	Воробьева, 1967, с. 191

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
21	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. В 10, завал над полом	зооморфный	лошадь
22	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 12, материковая яма в С-В углу	зооморфный	лошадь
23	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 27, нижний пол среднего горизонта	зооморфный	лошадь
24	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 17, слой над материком, изрытый ямами среднего горизонта	зооморфный	лошадь
25	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	коридор между башнями 1 и 2. Завал над полом среднего горизонта	всадник или оседланное животное	лошадь
26	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 31, нижний пол среднего горизонта	всадник или оседланное животное	лошадь
27	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 23	всадник или оседланное животное	лошадь
28	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 38, второй пол среднего горизонта	всадник или оседланное животное	лошадь
29	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 16, нижний пол среднего горизонта	зооморфный	верблюд
30	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 49, второй пол среднего горизонта	зооморфный	баран
31	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 8, около очага среднего горизонта	зооморфный	обезьяна
32	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	коридор между башнями 6 и 7, пол среднего горизонта	зооморфный	неясный
33	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	пом. С 12а, яма в С-В углу	зооморфный	неясный
34	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, нижний пол пом. 2 / поздняя античность	антропоморфный	женский

Продолжение табл. 7. Статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

Типы	Вариант	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
		торс с отбитой головой и конечностями. Туловище удлиненное	ручная лепка / красно-коричне- вый ангоб	8 × 4,2	нет	Воробьева, 1967, с. 191
		торс с отбитой головой и конечностями. Высокая шея. На спинке от гривы к хвосту насечка нанесена после обжига. Продольный паз в середине низа живота	ручная лепка / красно-коричне- вый ангоб	7,6 × 7,9	115(6)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 61
		торс с отбитой головой и конечностями	ручная лепка / красно-коричне- вый ангоб	8,6 × 3,3	нет	Воробьева, 1967, с. 191
		часть торса с отбитой головой и конечностями	ручная лепка / красный ангоб	7,4 × 5,2	115(3)	Воробьева, 1967, с. 191, XXXI, 63
		торс с отбитой головой и конечностями. Следы седла (?)	ручная лепка / светлый ангоб	5 × 3,7	116(1)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 64
		фигурка лошади с наклепным седлом. Лошадь с высокой шеей, со стоячей стриженной гривой. Прорезной линией показана упряжь. Отбиты голова, нижняя часть задних ног	ручная лепка / красно-коричне- вый ангоб	12,2 × 10,1	115(4)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 65
		фигурка лошади со следами седла	ручная лепка / красный ангоб	6,4 × 7,5	нет	Воробьева, 1967, с. 191
		фигурка лошади с наклепной упряжью и фрагментом всадника. Продольный паз в середине низа живота	ручная лепка / красный ангоб	9 × 5,9	115(5)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 67
		голова на изогнутой шее. Правое ухо обломано	ручная лепка / светлый ангоб	3,5 × 2,6	116(4)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 71
		голова горного барана или архара. Концы рогов обломаны	ручная лепка / светлый ангоб	3,7 × 3,6	116(3)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 70
		сидящая обезьяна в драпирующей одежде. Правая рука поднесена ко рту, левой обезьяна прижимает детеныша	оттиск односторонней матрицы / светлый ангоб	нет	119(1)	Воробьева, 1967, с. 192, рис. 73
		голова животного с остатками рогов	ручная лепка / красный ангоб	нет	нет	Воробьева, 1967, с. 191
		голова рогатого животного на длинной шее	ручная лепка / красный ангоб	нет	116(2)	Воробьева, 1967, с. 191, табл. XXXI, 69
VII		сидящая, в одежде. Сохранилась нижняя часть. Женщина сидит, согнув в колене и оперев на ступню правую ногу, в длинном платье. Фигура помещена на невысоком прямоугольном постаменте	оттиск односторонней матрицы	9,7 × 14 × 3,5	111(1)	Воробьева, 1991, с. 242, рис. 84, 10

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
35	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, в свалке у входа южный коридор / поздняя античность	антропоморфный	мужской
36	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, пом. 5, над вторым полом / поздняя античность	антропоморфный	мужской
37	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, у западной стены Р IV в нижнем слое / поздняя античность	антропоморфный	мужской
38	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, нижний пол в проходе из пом. 1 в проезд 7 / поздняя античность	зооморфный	обезьяна
39	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, пом. 2, над вторым полом / поздняя античность	зооморфный	еж
40	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, свалка у входа в южный коридор / поздняя античность	зооморфный	лошадь
41	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, свалка у входа в южный коридор / поздняя античность	зооморфный	лошадь
42	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, над верхним полом пом. 4 / поздняя античность	зооморфный	лошадь
43	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, восточный коридор, на нижнем полу / поздняя античность	зооморфный	лошадь
44	Капарас / крепость	жилые постройки	нижний горизонт, восточный коридор, на нижнем полу / поздняя античность	зооморфный	лошадь
45	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт, нижний пол в южном коридоре / поздняя античность	антропоморфный	неясный
46	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт / поздняя античность	антропоморфный	детский
47	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт, в завале стены над верхней поверхностью двора, к востоку от мастерской / поздняя античность	зооморфный	лошадь
48	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт, в завале стены у башни 5 / поздняя античность	зооморфный	неясный

Продолжение табл. 7. Статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

Типы	Вариант	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
инд.		мужчина сидит со скрещенными ногами в шароварах. Основание плоское, без подставки. Фигура помещена на невысоком прямоугольном постаменте	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	3,7 × 6 × 3,5	114(5)	Воробьева, 1991, с. 242, рис. 84, 8
инд.		музыкант, сидящий и играющий на лютне	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	3,9 × 4,8 × 2,5	114(6)	Воробьева, 1991, с. 244, рис. 84, 5
инд.		голова бородатая, условно трактованная	ручная лепка / красный ангоб	3,1 × 2 × 2,6	112(3)	Воробьева, 1991, с. 244, рис. 84, 4
		сидящая обезьяна с хвостом упором. Передние лапы раскинуты в стороны, задние — в полусогнутом положении	ручная лепка / красный ангоб	9 × 5,6 × 2	119(2)	Воробьева, 1991, с. 244, рис. 84, 6
		голова животного (ежа ?) с загнутым вверх носом. Рельеф морды проработан плохо	ручная лепка / светлый ангоб	6,4 × 3,5 × 3,4	117(1)	Воробьева, 1991, с. 245, рис. 84, 9
		конь с подстриженной гривой. Фигурка целиком покрыта ангобом	ручная лепка / красный ангоб	7,3 × 4,3 × 2,9	нет	Воробьева, 1991, с. 245
		конь с подстриженной гривой. Фигурка покрыта ангобом полосами по спине, животу и груди. Посередине живота от передних ног к задним проходит неглубокий паз	ручная лепка / красный ангоб	7,3 × 4,3 × 2,9	117(2)	Воробьева, 1991, с. 245, рис. 84, 15
		нога	ручная лепка	нет	нет	Воробьева, 1991, с. 245
		торс лошади	ручная лепка	нет	нет	Воробьева, 1991, с. 245
		торс лошади	ручная лепка	нет	нет	Воробьева, 1991, с. 245
инд.		нижняя правая часть сидящей фигуры. Нога согнута и поставлена на ступню, на колено положена кисть правой руки. Низ ноги отбит	оттиск односторонней матрицы / светлый ангоб	6,4 × 3,9 × 2,8	нет	Воробьева, 1991, с. 245
инд.		детская голова от крупной статуэтки. Сохранилась правая часть пухлого лица, левая сторона сбита. Верх пучка волос надо лбом отбит	оттиск односторонней матрицы / белая обмазка, следы черной краски	6,2 × 6,5 × 4,2	114(8)	Воробьева, 1991, с. 245–246, рис. 84, 14
		часть тулова. На спине остатки подстриженной гривы, вдоль живота неглубокий паз	ручная лепка / красно-коричневый ангоб	7,9 × 4,4 × 4,7	нет	Воробьева, 1991, с. 246
		круп животного с длинным хвостом. Над правой ногой три нанесенные до обжигу насечки	ручная лепка / красный ангоб	3,3 × 4,6 × 2,9	117(3)	Воробьева, 1991, с. 246, рис. 84, 11

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
49	Топрак-кала Шаватская / городище круглое в плане площадью 4 га	жилые постройки	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 3, на полу	мифологический	гопотшах
50	Топрак-кала Шаватская / городище круглое в плане площадью 4 га	жилые постройки	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 3, на полу	зооморфный	лошадь
51	Топрак-кала Шаватская / городище круглое в плане площадью 4 га	жилые постройки	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 3, на полу	антропоморфный	женский
52	Топрак-кала Шаватская / городище круглое в плане площадью 4 га	жилые постройки	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 2	антропоморфный	женский
53	Топрак-кала Шаватская / городище круглое в плане площадью 4 га	жилые постройки	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 3	антропоморфный	женский
54	Большая Айбуйир-кала / городище площадью 10 га	неясное	третий строительный горизонт	антропоморфный	женский
55	Топрак-кала / крупное городище	жилые постройки	третий горизонт, из пом. I-5 на полу 4	антропоморфный	неясный
56	Топрак-кала / крупное городище	жилые постройки	третий горизонт, Р VI-10, на полу	антропоморфный	неясный
57	Капарас / крепость	неясное	нижний горизонт / поздняя античность	антропоморфный	женский
58	Большая Айбуйир-кала / городище площадью 10 га	неясное	третий строительный горизонт	антропоморфный	мужской

Окончание табл. 7. Статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

Типы	Вариант	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
		гопотшах — с туловищем быка и лицом человека. Голова вылеплена тщательно. Глаза большие прямого разреза, миндалевидные, широко раскрытые; веки моделированы рельефно. Переносица узкая и высокая. Небольшой рот расположен близко к носу. Головной убор заканчивается на висках двумя крутыми, чуть выступающими завитками наподобие рогов. Длинный хвост загнут на правый бок. Прямые ноги раздвинуты в стороны. На животе продольный паз	комбинирование, туловище — ручная лепка / лицо — оттиск с матрицы / красный ангоб	10,6 × 8	118(1)	Мамбетуллаев, 1986, с. 43–44, рис. 20, 1
		конь с удлинённым туловищем, коротким хвостом, стоячей гривой и хохолком или султаном между ушей. На животе продольный паз. Тщательно моделирован	ручная лепка / красный ангоб	11 × 7	118(2)	Мамбетуллаев, 1986, с. 42–43 рис. 20, 2
II	3	стоящая, обнаженная. Средняя часть торса сохранилась с сильно развитыми бедрами и выпуклым животом. Ноги сомкнуты	оттиск односторонней матрицы / розовая краска	5 × 5,5	107(4)	Мамбетуллаев, 1986, с. 41, рис. 13, 7
III	2	верхняя часть статуэтки. Широкое лицо, нос с высокой переносицей, внизу широкий. Глаза миндалевидные. Рот небольшой, с пухлыми губами, подбородок округлый. На шее шесть рядов бус. Одежда в виде покрывала	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	6,8 × 4,3	108(2)	Мамбетуллаев, 1986, с. 41, рис. 13, 5
инд.		голова фигурки (бракованная — подправленная после выемки из формы). Лицо широкое продолговатое. Глаза большие, брови дуговидные. Рот расположен близко к носу	оттиск односторонней матрицы	нет	114(7)	Мамбетуллаев, 1986, с. 41, рис. 13, 2
инд.		головка с накинутым платком, правая часть стерта	оттиск с односторонней матрицы	нет	114(1)	Мамбетуллаев, 1990, с. 1, рис. 12, 5
инд.		идольчик. Головка полая внутри, оформлена как венчик сосуда, только сплюснутый овальный	ручная лепка	5 × 2,2	112(2)	Трудновская, 1981, с. 116–117, рис. 55,2
инд.		идольчик с массивной головкой с полым внутри головным убором, напоминающим миниатюрный сосудик	ручная лепка	5,4 × 2,8	112(1)	Трудновская, 1981, с. 116–117, рис. 55, 1
III	2	стоящая, в одежде, без атрибутов. Голова и нижняя часть утрачены. Правая рука прижата к груди, оттягивает край покрывала. Плитка с фоном или налп на сосу-де, аналогичные статуэтки без фона известны на ККК	оттиск односторонней матрицы	6,9 × 5,4 × 0,9	108(3)	Воробьева, 1991, с. 242, рис. 84, 7
инд.		торс прямо стоящего в одежде, с поднятой к животу правой рукой и опущенной вдоль тела левой. На шее гривна	неясное	нет	114(2)	Мамбетуллаев, 1990, с. 1, рис. 12, 7

8. Керамика с применением терракотовой пластики Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Капарас / крепость	налеп слив сосуда	жилые постройки	нижний горизонт, пом. 5, над вторым полом / поздняя античность	зооморфный
2	Топрак-кала / крепость	налеп на ручке	жилые постройки	второй горизонт, пом. VI-5, пол 8	зооморфный
3	Топрак-кала / крепость	налеп на венчике сосуда	жилые постройки	из раскопа у западной крепостной стены, пол 4	зооморфный
4	Топрак-кала / крепость	фигурный сосуд	неясное	горизонт II–III / поздняя античность	зооморфный
5	Капарас / крепость	сосуд на зооподставке	неясное	верхний горизонт, над верхним полом мастерской / поздняя античность	зооморфный

9. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II–III горизонты	зооморфный	неясный
2	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II горизонт, из пом. V-1, пол 1	зооморфный	неясный
3	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II горизонт, из пом. V-1, пол 4	зооморфный	неясный
4	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II–III горизонт, из пом. I-56, ниже пола 11	зооморфный	неясный
5	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II–III горизонты	зооморфный	неясный
6	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	жилые постройки	средний горизонт	зооморфный	лошадь

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Публикации
обезьяна	носик-слив светлоангобированного сосуда в виде головы обезьяны	ручная лепка / светлый ангоб	2,5 × 2	121(1)	Воробьева, 1991, с. 244, рис. 84, 16
кабан	стилизованное зооморфное изображение ручки у кружки небольших размеров	ручная лепка	нет	120(1)	Неразик, 1981, с. 86–88, рис. 44, 13
неясный	роговидный налуп у края венчика тагоры	ручная лепка	нет	120(2)	Неразик, 1981, с. 86–88, рис. 44, 17
неясный	миниатюрный фигурный сосуд на четырех ножках	ручная лепка	нет	121(2)	Трудновская, 1981, с. 111, рис. 55, 6
неясный	фрагмент зооморфной подставки в виде животного на коротких ногах. Голова, правая передняя нога и хвост отбиты. Посредине спины чашевидное углубление шириной 4 × 3,5 см, глубиной 2,8 см; верхний край обломан, в донной части углубления — дополнительная лунка. На туловище круглые отверстия, по верхнему краю сквозные углубления	ручная лепка / белый ангоб	14,5 × 6 × 5,7	121(3)	Воробьева, 1991, с. 246, рис. 84, 18

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Публикации
подставка украшена пуансонными вдавлениями	ручная лепка	нет	123(4)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 55, 4
подставка со стилизованным схематизированным зооморфным навершием (реплика двух головок), украшена пуансонными вдавлениями	ручная лепка	нет	125(3)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 7
подставка со стилизованным схематизированным зооморфным навершием (реплика двух головок). Гладкая	ручная лепка	нет	125(4)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 8
подставка. Украшена пуансонными вдавлениями	ручная лепка	нет	124(2)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 9
подставка. Украшена пуансонными вдавлениями	ручная лепка	нет	123(3)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 55, 3
подставка вытянутая со стилизованными головками коней, украшенными ноколами пуансонов	ручная лепка / красный ангоб	нет	122(1)	Воробьева, 1967, с. 126, рис. 50, 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
7	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт, завал над верхним полом в башне 5 / поздняя античность	зооморфный	лошадь
8	Капарас / крепость	жилые постройки	верхний горизонт, обмозка нижнего пола мастерской / поздняя античность	зооморфный	лошадь
9	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II горизонт, из раскопа у западной крепостной стены, пол 8	зооморфный	неясный
10	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II горизонт, из пом. III-7, пол 4	зооморфный	неясный
11	Топрак-кала / крупное городище	неясное	II–III горизонт, из пом. V-4, пол 5	зооморфный	неясный

10. Алтарики Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Большая Айбуйир-кала	городище площадью 10 га	хозяйственное помещение / загон для скота	третий строительный горизонт, пом. 8, на полу
2	Большая Айбуйир-кала	городище площадью 10 га	хозяйственное помещение / загон для скота	третий строительный горизонт, пом. 8, на полу
3	Большая Айбуйир-кала	городище площадью 10 га	хозяйственное помещение / загон для скота	третий строительный горизонт, пом. 8, на полу
4	Большая Айбуйир-кала	городище площадью 10 га	хозяйственное помещение / загон для скота	третий строительный горизонт, пом. 8, на полу

11. Плитки с рельефом Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	фортификация	коридор между башнями 1 и 2, пол среднего горизонта	антропоморфный	мужской
2	Кой-Крылган-кала / храмово-культовый центр	неясное	коридор у центрального здания, пол 3 среднего горизонта	антропоморфный	мужской

Окончание табл. 9. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Публикации
фрагмент верхнего конца очажной подставки в виде конской головы. Рот приоткрыт, круглыми углублениями показана уздечка. Подстриженная грива промята пальцами	ручная лепка	10,8 × 7,8	123(1)	Воробьева, 1991, с. 246, рис. 84, 17
фрагмент очажной подставки в виде конской головы. Рот приоткрыт, прорисованной линией показана уздечка	ручная лепка / светлый ангоб	6,3 × 4,6 × 2,6	есть	Воробьева, 1991, с. 246, рис. 69, 10
подставка подпрямоугольная, гладкая, с рельефным пояском	ручная лепка	нет	124(1)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 3
стилизованное схематизированное зооморфное изображение ручки у сосуда (кружки) небольших размеров	ручная лепка	нет	125(1)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 4
фрагмент подставки, украшенной пуансонными вдавлениями	ручная лепка	нет	125(2)	Неразик, 1981, с. 98, рис. 48, 5

Описание изделий	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
миниатюрный ступенчатый жертвенник, квадратный в плане	ручная лепка	нет	126(1)	Мамбетуллаев, 1990, с. 118, рис. 15, 6
миниатюрный трехступенчатый жертвенник, круглый в план, сложный в профиле	ручная лепка	нет	126(2)	Мамбетуллаев, 1990, с. 118, рис. 15, 4
миниатюрный двухступенчатый жертвенник, круглый в плане	ручная лепка	нет	126(3)	Мамбетуллаев, 1990, с. 118, рис. 15, 5
фрагмент ступенчатого жертвенника, круглого в плане	ручная лепка	нет	126(4)	Мамбетуллаев, 1990, с. 118, рис. 15, 8

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Публикации
музыкант, играющий на лютне	оттиск односторонней матрицы / красный ангоб	8,4 × 4,8 × 3,2	127(2)	Воробьева, 1967, с. 189–190, табл. XXX, 55
голова старика	оттиск с односторонней матрицы / светлый ангоб	4,5 × 4,2 × 2,4	127(1)	Воробьева, 1967, с. 190, табл. XXX, 56

12. Модели Хорезма I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение (конкретизация первого уровня)	Стратиграфические условия залегания	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Капарас / крепость	нет	верхний горизонт, в мастерской над полом 2	поздняя античность	колесо
2	Капарас / крепость	нет	верхний горизонт, в мастерской на полу 3	поздняя античность	колесо
3	Топрак-кала Шаватская / городище площадью 4 га	нет	верхний горизонт 2-го строительного периода, пом. 3, на полу	нет	колесо

13. Оссуарии Хорезма IV–I вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Местонахождение (конкретизация первого уровня)	Датировка по комплексу	Иконографический образ
1	Тарым-кай 2/могильник	оссуарий скульптурный	погребение	курган 32, погребение 4	I в. до н. э. — III в. н. э.	зооморфный
2	Тарым-кай 2/могильник	оссуарий скульптурный	погребение	курган 32, погребение 4	I в. до н. э. — III в. н. э.	антропоморфный

14. Статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
1	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 9 Н / V 23, юж. алтарь, I–II уровни	антропоморфный	женский	1 (1)
2	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 9 Н / q 23, юж. алтарь, I–II уровни, в 25 см от дневной поверхности	антропоморфный	женский	1 (1)
3	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / j 13, юж. алтарь, I–II уровни	антропоморфный	женский	1 (1)
4	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / x 2, двор, II уровень	антропоморфный	мужской	инд.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Публикации
фрагмент колеса от повозки	ручная лепка / светлый ангоб	нет	нет	Воробьева, 1991, с. 247
колесо от повозки	ручная лепка / светлый ангоб	d — 4,9	нет	Воробьева, 1991, с. 247
модель колеса с выступающими с двух сторон ступицами	ручная лепка	нет	есть	Мамбетуллаев, 1986, с. 40, рис. 12, 9

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Публикации
лошадь	ящичный оссуарий в виде взнуздан- ной лошади. Широкое полое тулово с короткими полыми ножками. Шея с короткой гривой также полая, с обо- значенной наlepом уздечкой, а также хвостом. Голова отбита	ГК, ручная лепка	нет	128(1)	Яблонский, Ко- ляков, 1992, с. 87, рис. 5, 16
неясный	часть лба и прически в виде отде- льных густых прядей и локонов	ручная лепка	нет	128(2)	Яблонский, Ко- ляков, 1992, с. 87, рис. 5, 20

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Литература
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, с рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 105	133(1)	Francfort, 1984, p. 40–41 / n 10 (0,2197), pl. XVI, 10
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, с рукой у пояса	оттиск с матрицы	h — 80	133(2)	Francfort, 1984, p. 40–41 / n 11 (0,1111), pl. XVI, 11
?	стоящая, в драпирующихся одеждах, с рукой у пояса	оттиск с матрицы	h — 65	141(1)	Francfort, 1984, p. 40–41 / n 16 (0,1114), pl. XVI, 16
автохтонный	усатый в тюрбане	лепная	h — 22		Francfort, 1984, n 15 (0,2231), pl. XVI, 15

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
5	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / и 15, двор, I–II уровни	антропоморфный	всадник	инд.
6	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 9 Н / s 24, юж. алтарь, I–II уровни	зооморфный	лошадь	инд.
7	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / п 13, двор, I–II уровни	зооморфный	слон	инд.
8	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / W 17, помещение 11, I–II уровни	зооморфный	баран	инд.
9	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10 Н / v 1, двор, III уровень	зооморфный	зооморфный	инд.
10	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / юж. алтарь, I–II уровни	зооморфный	обезьяна	инд.
11	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 9 н / w 23, пом. 11, I–III уровни	всадник или оседланное животное	седло	инд.
12	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10Н / л 12, двор, II–IV уровни	зооморфный	корова	инд.
13	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / пом. 6, I–II уровни	зооморфный	зооморфный	инд.
14	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / отвал	зооморфный	собака	инд.
15	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / юж. алтарь, IV–V уровни	зооморфный	слон	инд.
16	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / квадрат 10Н/06, пом. 3, I–II уровни	антропоморфный	мужской	инд.
17	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	«храм с нишами» / юж. алтарь, IV–V уровни	всадник и оседланное животное	всадник	инд.
18	Ай-Ханум / город	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный	женский	1 (1)
19	Ай-Ханум / город	жилые постройки	дом 2 / раскоп (chantier) XIV	антропоморфный	женский	1 (1)
20	Ай-Ханум / город	общественные постройки	дворец / раскоп (chantier) III	антропоморфный	женский	1 (1)

Продолжение табл. 14. Статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Литература
примитивный	всадник	лепная	h — 70	140(2)	Francfort, 1984, n 13 (0,1112), pl. XVI, 13
примитивный	голова лошади на высокой шее с большими торчащими ушами	лепная	h — 65	141(2)	Francfort, 1984, n 20 (0,2253), pl. XVI, 20
примитивный	голова слона	лепная	l — 40	143(5)	Francfort, 1984, n 7 (0,2183), pl. XVI, 7
примитивный	голова барана	лепная	l — 25	143(6)	Francfort, 1984, n 8 (0,871), pl. XVI, 8
эллинизированный	фрагмент ноги полорогого	лепная	l — 50	141(4)	Francfort, 1984, n 17 (0,1265), pl. XVI, 17
примитивный	голова обезьяны	лепная	h — 33	141(5)	Francfort, 1984, n 14 (0,2210), pl. XVI, 14
примитивный	седло	лепная	l — 45	141(3)	Francfort, 1984, n 9 (0,2230), pl. XVI, 9
примитивный	корова (?)	лепная	l — 90	143(1)	Francfort, 1984, n 4 (0,2201), pl. XVI, 4
примитивный	неясное животное	лепная	l — 80	143(2)	Francfort, 1984, n 1 (0,2202), pl. XVI, 1
примитивный	собака (?)	лепная	l — 49	143(3)	Francfort, 1984, n 6 (0,868), pl. XVI, 6
примитивный	слон	лепная	l — 110	143(4)	Francfort, 1984, n 5 (0,2209), pl. XVI, 5
эллинизированный	лицо с круглыми глазами, прическа на прямой ряд	лепная	h — 70	139(1)	Francfort, 1984, p. 43 / n 4 (0,334), pl. XVII, 4
примитивный	лошадь и всадник	лепная	l — 95		Francfort, 1984, tab. 14, 3 / нет
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, подпоясанных куша- ком, с руками у груди и пояса	оттиск с матрицы	h — 101	131(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, с. 60 / n 1 (1124), pl. XVI, 2; pl. 19, 1
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, подпоясанных куша- ком, с руками у груди и пояса	оттиск с матрицы	h — 55	132(3)	Guillaume, Rougelle, MDAFA, t. XXXI, 1987, p. 60 / n (1125), pl. XVI, 4; pl. 19, 2
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, подпоясанных куша- ком, с руками у груди и пояса	оттиск с матрицы	h — 110	132(2)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60 / n (1126), pl. XVI, 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
21	Ай-Ханум / город	жилые постройки	дом 2 / раскоп (chantier) XIV	антропоморфный	женский	1 (1)
22	Ай-Ханум / город	общественные постройки	дворец / раскоп (chantier) III	антропоморфный	женский	1 (1)
23	Ай-Ханум / город	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XXXI	антропоморфный	женский	1 (1)
24	Ай-Ханум / город	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный	женский	инд.
25	Ай-Ханум / город	жилые постройки	дом 2 / раскоп (chantier) XIV	антропоморфный	женский	инд.
26	Ай-Ханум / город	общественные постройки	театр / раскоп (chantier) XXV	антропоморфный	женский	2 (1)
27	Ай-Ханум / город	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный	женский	инд.
28	Ай-Ханум / город	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный	женский	инд.
29	Ай-Ханум / город	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный	мужской	инд.
30	Ай-Ханум / город	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный	женский	3
31	Ай-Ханум / город	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XIV	антропоморфный	мужской	инд.
32	Ай-Ханум / город	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный	мужской	инд.
33	Ай-Ханум / город	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	храм вне стен / раскоп (chantier) XXII	всадник и оседланное животное	всадник	инд.
34	Ай-Ханум / город	общественные постройки	театр / раскоп (chantier) XXV	зооморфный	лошадь	инд.
35	Ай-Ханум / город	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XIV	зооморфный	птица	инд.
36	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	производственный комплекс	нижний горизонт	антропоморфный	женский	8 (3)
37	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	производственный комплекс	нижний горизонт	антропоморфный	женский	8 (1)

Продолжение табл. 14. Статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Литература
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, с рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 53	132(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60 / n (1127), pl. XVI, 1
автохтонный	стоящая, в драпирующихся одеждах, подпоясанных куша- ком, с руками у груди и пояса	оттиск с матрицы	h — 70	133(3)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60 / n (1128), pl. XVI, 6; pl. 19, 3
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах	оттиск с матрицы	h — 60	131(2)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60 / n (1129), pl. XVI, 5; pl. 19, 4
автохтонный	стоящая, в драпирующихся одеждах с инвеститурными кольцами в обеих руках (Ника ?)	оттиск с матрицы	h — 84	138(2)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 60–61 / n (1130), pl. XVI, 8
автохтонный	стоящая, обнаженная, с правой рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 68	138(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1131), pl. XVI, 7; pl. 19, 5
эллинизированный	сидящая, в драпирующихся одеждах, с веером и сосудом в руках	оттиск с матрицы	h — 120	134(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1132), pl. XVI, 11
примитивный	стоящая, в длинном одеянии	лепная	h — 70	140(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1133), pl. XVI, 10; pl. 19, 6
примитивный	фигура с правой рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 78	138(3)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1134), pl. XVI, 12
автохтонный	бородатый в головном уборе	оттиск с матрицы	h — 85	138(4)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1135), pl. XVI, 13
автохтонный	стоящая, обнаженная, с руками, вытянутыми вдоль туловища	оттиск с матрицы	h — 85	135(3)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61 / n (1136), pl. XVI, 9
автохтонный	голова в невысоком уборе	неясная	h — 65	139(2)	Guillaume, Rougelle, 1987, с. 61 / n (1137), pl. 19, 7
эллинистический	лицо без бороды с рельеф- ной челкой	оттиск с матрицы	h — 66	139(3)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 61–62 / n (1138), pl. 19, 8
примитивный	лошадь, всадница (?)	лепная	l — 76	140(3)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 62 / n (1139), pl. 19, 9, pl. XVII, 2
примитивный	лошадь	лепная	l — 107	142(1)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 62 / n (1140), pl. 19, 10, pl. XVII, 3
примитивный	птица (?)	лепная	h — 59	142(2)	Guillaume, Rougelle, 1987, p. 62 / n (1141), pl. 19, 11; pl. XVII, 4
автохтонный	стоящая, с зеркалом у груди	оттиск с матрицы	h — 90	136(1)	Мухитдинов, 1973б, с. 99–100/ p. 1
автохтонный	стоящая, с зеркалом у груди	оттиск с матрицы	неясные		Мухитдинов, 1973б, с. 99–100/ p. 2

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
38	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	производственный комплекс	нижний горизонт	антропоморфный	женский	8 (1)
39	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	производственный комплекс	нижний горизонт	антропоморфный	женский	инд.
40	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / на 4-м полу пом. 93, кладовая	антропоморфный	мужской	инд.
41	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / на 4-м полу пом. 93, кладовая	антропоморфный	женский	инд.
42	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / на 9-м сверху уровне пола пом. 5 молитвенного зала	антропоморфный	мужской	инд.
43	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / на 9-м сверху уровне пола пом. 5 молитвенного зала	антропоморфный	женский	3
44	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / на 9-м сверху уровне пола пом. 5 молитвенного зала	зооморфный	лошадь	инд.
45	Старый Термез / город	неясное	цитадель, шурф Козловского / в слое I, XIV ярус	антропоморфный	женский	инд.
46	Дальверзин-тепе / город	неясное	Дт-2, пом. 9 / слой Дт II б	антропоморфный	женский	инд.
47	Халчаян / город	неясное	дворец / из-под пола коридора 2, шурф, слои III–IV	антропоморфный	женский	3
48	Халчаян / город	жилые постройки	западный дом, 3-й строительный период / в сырцовом завале комнаты 2	антропоморфный	женский	3
49	Халчаян / город	жилые постройки	дворец / из-под полов зала, слои III–IV	зооморфный	зооморфный	инд.
50	Халчаян / город	жилые постройки	дворец / из-под полов зала, слои III–IV	всадник и оседланное животное	зооморфный	инд.
51	Шортугай / сельское поселение	жилые постройки	жилой квартал / эллинистический слой, греко-бактрийский	антропоморфный	женский	1
52	Шортугай / сельское поселение	жилые постройки	жилой квартал / эллинистический слой, греко-бактрийский	зооморфный	корова	инд.
53	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель / в слое пом. 72 кордегардия	антропоморфный	женский	инд.
54	Кампыртепа / крепость	храмово-культовые и связанные с ними сооружения	цитадель / из завала стен докушанского времени пом. 94, кладовая	антропоморфный	мужской	инд.

Окончание табл. 14. Статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Литература
автохтонный	стоящая, с зеркалом у груди	оттиск с матрицы	h — 90		Мухитдинов, 1973б, с. 99–100 / нет
автохтонный	стоящая, с сосудом и венком	оттиск с матрицы	неясные		Мухитдинов, 1973б, с. 99–100 / нет
эллинистический	в головном уборе типа петаса	оттиск с матрицы	h — 37	137(3)	Курбанов, 2000, с. 54–55 / нет; ДЮУ, № 174, с. 289
?	обнаженная, с шарфом	оттиск с матрицы	неясные		Курбанов, 2000, с. 54–55 / нет
эллинизированный	стоящий, в головном уборе с наушниками	комбинированная	h — 115	137(1)	Курбанов, 2000, с. 60–61 / нет; ДЮУ, № 180, с. 290
эллинизированный	стоящая, обнаженная, в тюрбане, с вытянутыми вдоль туловища руками	оттиск с матрицы	h — 168	135(1)	Курбанов, 2000, с. 60–61 / нет; ДЮУ, № 176, с. 289
примитивный	конь	лепная	неясные		Курбанов, 2000, с. 60–61 / нет
?	?	?	?		Козловский, Некрасова, 1976, с. 31/ нет
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, с правой рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 55	138(5)	Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 67, 69 / табл. 112, 4; ДЮУ, № 79, с. 267
автохтонный	стоящая, обнаженная, с вытянутыми вдоль тулови- ща руками	оттиск с матрицы	h — 82	135(2)	Пугаченкова, 1966, с. 42, 218–219/ рис. 103, 1
автохтонный	стоящая, обнаженная, с вытянутыми вдоль тулови- ща руками	оттиск с матрицы	h — 63		Пугаченкова, 1966, с. 42, 218–219 / рис. 103, 3
примитивный	бык	лепная	l — 120		Пугаченкова, 1966, с. 41–42 / рис. 19
примитивный	лошадь со всадником	лепная	l — 70		Пугаченкова, 1966, с. 41–42 / рис. 19
эллинизированный	стоящая, в драпирующихся одеждах, с руками у пояса	оттиск с матрицы	h — 65	132(4)	Francfort, Pottier, 1978, fig. 34, с.
примитивный	бык или корова	лепная	h — 65		Francfort, Pottier, 1978, p. 34, fig. 34, b
эллинистический	стоящая, в драпирующихся одеждах, с копьем (Афина ?)	оттиск с матрицы	h — 100	137(4)	Курбанов, 2000, с. 43 / нет; ДЮУ, № 177, с. 289, 290
автохтонный	матрица для оттиска изобра- жения мужского лица	оттиск с модели	h — 60	137(2)	Курбанов, 2000, с. 51 / нет; ДЮУ, № 178, с. 290

15. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии III—I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Подвид	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный
2	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	неясное	неясное / неясные (divers)	антропоморфный
3	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	неясное	неясное / неясные (divers)	антропоморфный
4	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный
5	Ай-Ханум / город	декор на ручке сосуда	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный
6	Ай-Ханум / город	декор на ручке сосуда	общественные постройки	агора / раскоп (chantier) XXXIII	антропоморфный
7	Ай-Ханум / город	декор на ручке сосуда	неясное	неясное / неясные (fortuit)	зооморфный
8	Ай-Ханум / город	декор на ручке сосуда	общественные постройки	театр / раскоп (chantier) XXV	зооморфный
9	Ай-Ханум / город	декор на ручке сосуда (?)	общественные постройки	дворец / раскоп (chantier) III	зооморфный
10	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XIV	зооморфный
11	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XIV	зооморфный
12	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	зооморфный
13	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	зооморфный
14	Ай-Ханум / город	декор на сосуде (?)	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный
15	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	общественные постройки	гимнасий, палестра, бассейн / раскоп (chantier) XIII	антропоморфный
16	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	жилые постройки	дом 2 / раскоп (chantier) XIV	антропоморфный
17	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный
18	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Публикации
женский	бюст, в одежде с накидкой, с руками у груди	оттиск с одной стороны матрицы	h — 51	147(4)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1159), pl. XVII, 13
мужской	безбородый с вьющимися волосами	оттиск с одной стороны матрицы	h — 51	147(5)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1160), pl. XVII, 14
мужской	неясное	ручная лепка	h — 50	147(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1161), pl. XVII, 15
мужской	местного облика, в головном уборе	оттиск с одной стороны матрицы	h — 26	144(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 62 / n (1162), pl. XVII, 16; pl. 20, 5
женский	протома	оттиск с одной стороны матрицы	h — 25	144(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1163), pl. XVII, 18; pl. 20, 6
женский	протома на фоне ионической капители	оттиск с одной стороны матрицы	h — 28	145(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1164), pl. XVII, 17; pl. 20, 7
верблюд	верблюда протома	ручная лепка	h — 97	149(3)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1165), pl. XVII, 20
неясное	голова животного с отбитыми рогами	ручная лепка	h — 37	148(3)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1166), pl. XVII, 19; pl. 20, 8
зооморфный	грифон	ручная лепка	h — 77	148(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1167), pl. XVII, 22; pl. 20, 9
зооморфный	утка	ручная лепка	h — 50	148(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1168), pl. XVII, 21; pl. 20, 10
зооморфный	животное в уздечке	ручная лепка	h — 37	149(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1169), pl. XVII, 24; pl. 20, 11
зооморфный	неясное животное	ручная лепка	h — 29	149(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1170), pl. XVII, 25
зооморфный	лев	оттиск с одной стороны матрицы	h — 64	144(3)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 65 / n (1171), pl. XVII, 23; pl. 20, 12
женский	женская протома	оттиск с одной стороны матрицы	h — 48	146(4)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1153), pl. XVII, 7; pl. 20, 1
женский	протома, в шлеме (Афина)	оттиск с одной стороны матрицы	h — 38	147(3)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1154), pl. XVII, 8; pl. 20, 2
женский	протома, в уборе с зубчатым навершием	оттиск с одной стороны матрицы	h — 28	146(3)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1155), pl. XVII, 9; pl. 20, 3
женский	бюст в круглом картуше	оттиск с одной стороны матрицы	h — 50	146(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1156), pl. XVII, 10
женский	протома в высоком головном уборе	оттиск с одной стороны матрицы	h — 60	147(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1157), pl. XVII, 11

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Подвид	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
19	Ай-Ханум / город	декор на сосуде	неясное	неясное / неясные (fortuit)	антропоморфный
20	Ай-Ханум / город	ритон	фортификационные сооружения	укрепления нижнего и верхнего города / раскоп (chantier) XIV	зооморфный
21	Ай-Ханум / город	ритон	общественные постройки	дворец / раскоп (chantier) III	зооморфный

16. Маски (матрицы для их изготовления) Бактрии III—I вв. до н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Ай-Ханум	город	маска	храм	пропилеи героона / раскопы (chantiers) I, XII	антропоморфный
2	Ай-Ханум	город	матрица маски	храм	«храм с нишами» / квадрат — 10Н/v15, двор, I–II уровни	антропоморфный
3	Ай-Ханум	город	матрица маски	храм	«храм с нишами» / квадрат — 10Н/m8, помещение 4, I–II уровни	антропоморфный
4	Ай-Ханум	город	матрица маски	храм	«храм с нишами» / квадрат 10Н/m8, помещение 1, I–II уровни	антропоморфный
5	Ай-Ханум	город	матрица маски	храм	«храм с нишами» / квадрат 10Н/m16, двор, I–II уровни	антропоморфный

17. Протомы (матрицы для их изготовления) Бактрии III—I вв. до н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	
1	Ай-Ханум	город	матрица протомы	храм	«храм с нишами» / квадрат 9Н/t24, юж. алтарь, I–II уровни	антропоморфный	

Окончание табл. 15. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии III–I вв. до н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Публикации
женский	голова в круглом картуше	оттиск с односторонней матрицы	h — 60	146(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 64 / n (1158), pl. XVII, 12
зооморфный	завершение в форме головы слона	ручная лепка	h — 60	150(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 5 / n (0001), pl. I, 2; pl. 2, 1
зооморфный	завершение в форме головы собаки	ручная лепка	неясные	150(2)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 5 / n (0002), pl. I, 1

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Публикации
мужской	голова старика	оттиск с матрицы	h — 205	151(1)	Gullaume, Rougelle, 1987, c. 63 / pl. XVII, 1. (1152)
мужской	маска с большим открытым ртом, выпученными глазами. Тип «отец» или «старая женщина»	оттиск с модели	h — 300	152(1)	Francfort, 1984, c. 43–44 / n 8 (0,707), pl. XVIII, 8
мужской	маска с большим открытым ртом, выпученными глазами	оттиск с модели	h — 160	153(3)	Francfort, 1984, c. 44 / n 7 (0,706), pl. XVIII, 7
мужской	неясное	оттиск с модели	h — 60	153(2)	Francfort, 1984, c. 43–44 / n 9 (0,2236), pl. XVIII, 9
мужской	маска с большим открытым ртом, приплюснутым носом, выпученными глазами	оттиск с модели	h — 300	153(1)	Francfort, 1984, c. 44 / n 10 (0,877), pl. XVIII, 10

	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Публикации
	женский	бюст в хитоне с накидкой на голове	оттиск с модели	h — 106	154(1)	Francfort, 1984, 45–46 / n 20(0,2250), pl. 18, 20; pl. XVII, 20

18. Плитки с рельефными изображениями Бактрии III—I вв. до н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Ай-Ханум	город	храм	«храм с нишами» / квадрат 10Н/м 14, двор, I–II уровни	антропоморфный
2	Ай-Ханум	город	неясное	неясное / неясные	антропоморфный

19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
1	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, пом. 17, верхний слой / 1-я треть II в. н. э.	антропоморфный	мужской	9
2	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, Г-образный участок коридора 2Б и В к северу от входа в пом. 50 / у сев.-вост. угла в завале стен кушанские слои I — начала II в. н. э.	антропоморфный	мужской	9
3	Дальверзин-тепе / столичный город	храмовые сооружения	Дт. 9. пом. 1, на суфе / кушанские слои II–III вв.	антропоморфный	женский	инд.
4	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. 4, в завале над верхним полом / на полах монеты подражания Хувишки	антропоморфный	женский	?
5	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	гончарный квартал, отвал печи № 5 / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	20(3)

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, мм	Изображение	Публикации
женский	персонаж под аркой	оттиск с матрицы	h — 80	155(1)	Francfort, 1984, с. 41/ n 12(0,2208), pl. 18, 20; pl. XVI, 12
женский	стоящая, в драпирующихся одеждах, с рукой у груди	оттиск с матрицы	h — 45	155(2)	B/Lyonnet, 1997, с. 147, pl. IV, 11.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
голова юноши с короткой стрижкой эллинистического типа. На правой части лица утрата	оттиск с матрицы	13,2 × 7,8 × 5,6		177(1)	Савчук, 1984, 41; Ильясов, 1999, с. 100; КИДУ, 1991, № 134
верхняя часть матрицы для изготовления головы юноши с короткой стрижкой эллинистического типа, аналогичная найденной в пом. 17	оттиск с матрицы	нет данных		нет	Курбанов, 2000, с. 57
матрица округлой формы, в оттиске передает лицо. Выполнено в реалистично-идеализированной манере, пропорционально. Женский образ с полуприкрытыми глазами, высокими изогнутыми бровями, небольшим аккуратным носиком и маленьким ртом	оттиск с модели	9,8 × 9,6 × 4,4		201(7)	ДТ, 1978, с. 136; ДЮУ, 1991, № 65
нет	оттиск с матрицы	нет данных		нет	Литвинский, Седов, 1983, с. 13
стоящая фигура с широко расставленными ногами. Одет в кафтан с оторочкой по краю, а также шаровары, украшенные орнаментом. Левая рука также согнута, опирается на пояс. Правая — выставлена вперед, сжата в кулак. Лицо передано условно, сформовано наподобие лепных статуэток. На голове шапка или диадема, показана ленточкой, украшенной нарезкой	оттиск с односторонней матрицы	14 × 5 × 1		192(1)	Мухитдинов, 1987, с. 91–94, рис. 1, 1; 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
6	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	производство / гончарный квартал, отвал печи № 2, под полом пом. 1 / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	20(3)
7	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	гончарный квартал / на полу прохода пом. 2 / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	20(3)
8	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	гончарный квартал, пом. 2, на глуб. II яруса / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	20(3)
9	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	производство / гончарный квартал, в отвале печи № 5, на глубине III яруса / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	20(3)
10	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	гончарное производство	жилое пом. / гончарный квартал, под полом пом. 2 / раннекушанский период	антропоморфный	мужской	инд.
11	Джигатепе / сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 32	антропоморфный	неясный	инд.
12	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Уровень — 600 см. 5-й стратиграф. горизонт / кушанские слои	антропоморфный	женский	6
13	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Пом. 2. Уровень — 550 см. 6-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	антропоморфный	женский	6

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
мужская стоящая фигура. Одет в кафтан с оторочкой по краю, узкая талия стянута поясом. Правая рука опущена вдоль туловища, кисть ее лежит на бедре, а запястье — на поясе. Левая — несколько согнута в локте, кисть — на животе	оттиск с односторонней матрицы	10 × 6,5 × 1,4		193(1,2)	Мухитдинов, 1987, с. 94, рис. 1, 3; 3
стоящая фигура с широко расставленными ногами. Одет в кафтан с оторочкой по краю, а также шаровары, украшенные орнаментом. В согнутой правой руке — веточка растения (булава ?). Левая рука также согнута. Лицо передано условно, сформовано наподобие лепных статуэток	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		191(1)	Мухитдинов, 1987, с. 95–96, рис. 1, 2; 4
стоящая фигура с широко расставленными ногами. Одет в шаровары и сапоги. Изображение передано условно, сформовано наподобие лепных статуэток. Сохранилась нижняя часть	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		193(4)	Мухитдинов, 1987, с. 96, рис. 5
стоящая фигура с широко расставленными ногами. Одет в шаровары и сапоги. Изображение передано условно, сформовано наподобие лепных статуэток. Сохранилась нижняя часть	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		193(3)	Мухитдинов, 1987, с. 96, рис. 6
стоящая обнаженная фигура с широко расставленными ногами и подчеркнутым признаком пола. Изображение передано условно, сформовано наподобие лепных статуэток. Сохранилась нижняя часть	оттиск с односторонней матрицы	реконструируемая h — 50		есть	Мухитдинов, 1987, с. 96–97, рис. 7
матрица для изготовления статуэток стоящего человека	ручная лепка	нет данных		есть	Кругликова, 2004, с. 520, рис. 28, 1
стоящая, в одежде, с атрибутом. Нижняя часть статуэтки с утяжеленным и устойчивым основанием. Длинное платье украшено рельефными дугами, кольцами и кружками. В правой, опущенной вдоль туловища руке — гроздь винограда	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,1		170(2)	Пилипко, 1985, с. 198, табл. XXVII, 7
поясная фигура в одежде, с атрибутом (?). Изображение огрублено. Полу-согнутая правая рука опущена вниз, левая, вероятно, согнута под прямым углом и прижата к туловищу сбоку, изображение ее аморфно. На шее — гривна или ожерелье. Одежда образует косые складки, спускающиеся от левого плеча под правую подмышку	оттиск с односторонней матрицы	h — 10		172(1)	Пилипко, 1985, с. 198–199, табл. XXIX, 11

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
14	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Уровень — 830 см. 3-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	антропоморфный	женский	18
15	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Уровень — 820 см. 3-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	антропоморфный	неясный	18
16	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Пом. 4. Уровень — 500 см. 6-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	антропоморфный	женский	18
17	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Уровень — 640 см. 5-й стратиграфический горизонт	антропоморфный	женский	6
18	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	неясно / стратиграфический раскоп. Уровень — 900–950 см. 2-й стратиграфический горизонт	всадник или оседланное животное	всадник	
19	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	неясно / стратиграфический раскоп. Уровень — 900–950 см. 2-й стратиграфический горизонт	зооморфный	неясный	
20	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Пом. 2. Уровень — 550–600 см. 6-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
идольчик грубой лепки в виде столбика с устойчивым основанием. Руки расставлены в стороны, отбиты еще в древности. Грудь передана небольшими налепами. С правого бока статуэтка закопчена	комбинированная	h — 8,3		185(4)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXXI, 16
идольчик грубой лепки в виде столбика, овального в сечении, сужающегося в середине, с устойчивым основанием. Руки расставлены в стороны, отбиты еще в древности. Грудь передана небольшими налепами. С правого бока статуэтка закопчена	комбинированная	h — 8,4		185(2)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXXI, 17
головка, выполнена оттиском с сильно изношенной матрицы. Значительная часть лица сколота. Изображение головного убора деформировано. Правильный овал лица. Волосы обрамляют лицо до уровня подбородка. Схематично изображены уши. На шее следы ручной обработки, вероятно, головка крепилась к лепному туловищу. Лучшей сохранности аналогичная головка на табл. XXXIV, 72	комбинированная	нет данных		есть	Пилипко, 1985, с. 201, табл. XXXIV, 28
головка (тип «богиня с виноградной гроздьей»). Оттиск сильно изношенной матрицы. В этой форме дополнительно подправлено или заново вырезано изображение кольца на левой щеке (в виде овального кружка). Выступ на тыльной стороне головки отсутствует	оттиск с односторонней матрицы	h — 4,7		нет	Пилипко, 1985, с. 201, 32
голова, нижние части ног и всадник утрачены. Вдоль туловища коня (от груди до хвоста) проходила наклепная полоса, передающая детали упряжи. Всадник был без ног, сохранилась часть его торса	ручная лепка	l — 8,2		210(3)	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXV, 37
голова и ноги отбиты. На спине — наклеп, вершина которого сколота (наездник или горб?). Хвост прижат. Вид животного точно не устанавливается	ручная лепка	l — 8,5		нет	Пилипко, 1985, с. 202
конец морды и ноги обломаны. Тело короткое, ноги широко расставлены. Шея длинная, высоко поднятая, с торчащей, ровно подстриженной гривой. Хвост короткий, конусовидный. От наездника сохранился след на спине коня (поверхность другого — красноватого цвета), по которому можно судить о том, что всадник был изображен с ногами. На гриве сохранился кусочек наклепа. Вероятно, всадник держался за гриву левой рукой	ручная лепка	l — 6,3		210(2)	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXV, 39

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
21	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Пом. 1. Уровень — 500–600 см. 6-й стратиграфический горизонт	всадник или оседланное животное	всадник	
22	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	неясно / стратиграфический раскоп. Уровень — 700 см. 4-й стратиграфический горизонт. С монетой Канишки / кушанские слои	зооморфный	конь	
23	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	стратиграфический раскоп. Пом. 3. Уровень — 550–600 см. 6-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	зооморфный	конь	
24	Мирзабек-кала / город	неясно	стратиграфический шурф 1975 г., VII ярус, из завала. Мирзабек 8 / кушанские слои	антропоморфный	женский	6
25	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 1, уровень пола на отметке — 980 см. Мирзабек 4.	антропоморфный	женский	18
26	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 1, VII ярус. Мирзабек 8 / кушанские слои	всадник или оседланное животное	всадник	
27	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 1, VIII ярус. Мирзабек 7 / кушанские слои	зооморфный	неясный	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
морда, ноги коня и наездник утрачены. У коня широко расставлены ноги, длинная вытянутая вперед шея. Грива короткая, с торчащей между ушами челкой. От всадника сохранились только условно переданные ноги	ручная лепка	h — 8,6		нет	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXV, 40
часть морды, концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея короткая. Небольшая торчащая грива, короткий хвост. Уши переданы небольшими налепками, глаза — оттисками пуансона	ручная лепка	l — 6		нет	Пилипко, 1985, с. 203
фрагмент коня (?). Сохранился лишь круп. Короткий конусовидный хвост сдвинут в сторону	ручная лепка	l — 5,1		217(2)	Пилипко, 1985, с. 203, табл. XXXV, 46
стоящая, в одежде, с атрибутами. Относится к типу «богиня с виноградной гроздь». В правой опущенной вдоль туловища руке — виноградная гроздь. В левой, согнутой на уровне живота, — сосуд. Одежда в виде платья. С шарфом (?), образующим косые складки от левого плеча к правому боку до талии. Спереди по центру ниже пояса — разрез в виде множества веерообразно расходящихся складок. Голова и низ статуэтки утрачены	оттиск с односторонней матрицы	h — 10,5		170(1)	Пилипко, 1985, с. 205, табл. XXVII, 53
туловище имеет вид овального в сечении столбика, снабженного конусовидным, устойчивым, полым внутри основанием. Руки, условно переданные короткими плоскими налепками, согнуты в «локтях» (?) и прижаты к груди на уровне плеч. Голова оттиснута в форме. Лицо округлое, со скошенным лбом и подбородком. Нос крупный, рот маленький. Большие миндалевидные глаза с рельефно моделированными веками и глазным яблоком. Условно переданные пряди волос полукругом обрамляют голову, волосы сохранили следы окраски в черный цвет	комбинированная	h — 12,7		184(1)	Пилипко, 1985, с. 206, табл. XXXII, 64
передняя часть статуэтки коня с наездником. У коня отбиты голова и концы ног. От всадника сохранились только длинные конусовидные ноги	ручная лепка	h — 7		нет	Пилипко, 1985, с. 212
сохранились лишь круп и одна нога	ручная лепка	h — 9		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 102

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
28	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, II–III ярусы. 5-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	зооморфный	лошадь	
29	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, V–VI ярусы / кушанские слои	зооморфный	лошадь	
30	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, V–VI ярусы / кушанские слои	зооморфный	лошадь	
31	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, IX ярус. 2-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	всадник или оседланное животное	всадник	
32	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, IX ярус. 2-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	зооморфный	неясный	
33	Мирзабек-кала / город	неясно	шурф № 2, IX ярус. 3-й стратиграфический горизонт / кушанские слои	зооморфный	неясный	
34	Хатаб-депе / сельское поселение	неясно	подъем / памятник датирован на основании стратиграфии кушанским и кушано-сасанидским временем	антропоморфный	женский	6
35	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой блок-квартал 5, улица 2, второй пол / кушанские слои	антропоморфный	женский	19
36	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой блок-квартал 5, стрелковая галерея-улица, второй пол / с монетой Канишки	антропоморфный	женский	инд.
37	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северо-восток нижнего города, пом. 18, первый пол / с монетой Канишки	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
голова с высокой стоячей гривой	ручная лепка	нет данных		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 103
фигурка, голова утрачена	ручная лепка	нет данных		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 104
фигурка, голова утрачена	ручная лепка	нет данных		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 105
торс всадника, сохранилась только тыльная сторона	ручная лепка	h — 4,4		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 106
задняя часть фигурки животного	ручная лепка	нет данных		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 107
задняя часть фигурки животного	ручная лепка	h — 5		нет	Пилипко, 1985, с. 212, 108
стоящая, в одежде, с атрибутами. От- носится к типу «богиня с виноградной гроздью». Низ фигурки поврежден сколами. Изображение фронтальное. Правая рука с виноградной гроздью опущена вдоль тела, согнутая левая прижата к боку. Слева вниз и направо косыми складками спускается шарф. Длинное платье богато украшено. Однако из-за сильной потертости статуэтки детали плохо различимы. Рельеф высокий, почти объемный	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 9	1967	169(3)	Пилипко, 1985, с. 203– 204, табл. XXVIII, 48
туловище наездницы вылеплено вруч- ную, голова оттиснута при помощи штампа. Лицо овальной формы, глаза миндалевидные, небольшой рот. Голо- ва украшена высокой прической. Пра- вая рука отбита полностью, левая со- хранилась выше локтя. Ноги переданы толстоватыми «кульями». Сзади следы скола, по всей вероятности, от штыря, который выполнял роль держателя	комбинированная	нет данных		188(1)	Шейко, Никитенко, 2001, с. 33, рис. 5, 1; фото 1
стоящая, в одежде с атрибутами. Пра- вая рука опущена вдоль туловища с огромной кистью, левая согнута, при- жата к груди и держит предмет, похо- жий на птицу. Одежда в виде платья с многочисленными вертикальными складками, поверх которого накинута либо шарф, либо накидка-куртка с длинными рукавами	оттиск с односторон- ней матрицы	10 × 5 × 2,5		199(2)	Шейко, Никитенко, 2001, с. 34–35, рис. 6
всадник, на голове — подобие при- чески в виде косички-налепа	ручная лепка	6 × 3,7 × 1,6		203(6)	Сверчков, 2001, с. 53, рис. 12, 1

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
38	Кампыртепа / крепость	погребения	башня 10 / в забутовке	антропоморфный	женский	инд.
39	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	башня 7, над полом 1 с монетой Канишки	антропоморфный	неясный	инд.
40	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	восточный комплекс. Пом. 2 / с монетой Сотера Мегаса	зооморфный	лошадь	
41	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 4. Пом. 2 / кушанские слои I — первой трети II в. н. э.	всадник или оседланное животное	оседланное животное	
42	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 4. Пом. 2 / кушанские слои I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	неясный	инд.
43	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 4. Пом. 6 / в промазке пола, кушанские слои	антропоморфный	мужской	20(1)
44	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 5. Пом. 26 / в слое с монетой Канишки	антропоморфный	женский	?
45	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 5	антропоморфный	женский	инд

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, обнаженная, с атрибутами. Вылеплена круглообъемно, в обобщенной манере. На талии и предплечье сохранились отпечатки ткани. Лицо не сохранилось, заметен лишь один глаз, контуры которого подчеркнуты черной линией. На голове убор или прическа в виде собранных на затылке в пучок черных волос. На шее гривна, груди переданы двумя округлыми выпуклостями. Треугольник пола выделен черной линией. В кисти левой руки находилась глиняная фигурка голубя, в правой находился шаровидный предмет, окрашенный в красный цвет и похожий на яйцо	ручная лепка	17,6 × 9,5		202(1)	Ртвеладзе, 2001, с. 82–83, рис. 18, а, 19
голова персонажа в треугольном головном уборе. Грубой лепки	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		есть	Ильясов, 2006, с. 82, рис. 8, 1; 31
торс лошади	ручная лепка	5,6 × 3,1 × 3,8		есть	Ильясов, 2006, с. 78, рис. 8, 3
торс лошади, к крупу прикреплялся отдельно изготовленный хвост, на спине сохранились следы от всадника	ручная лепка	нет данных	1999	нет	Шейко, 2000, с. 77
стоящий в широкой одежде персонаж. От горловины костюма и до низа доходят две вертикальные полосы, внутри каждой из них — по две пересекающиеся зигзагообразной линией полосы. В образовавшемся таким образом ромбе стоит точка. По бокам фигуры проходят два жгута, оформленные наклонными прорезными палочками	оттиск с односторонней матрицы	7,5 × 5,1 × 2	1999	нет	Шейко, 2000, с. 77
фигура знатного вельможи с горделивым лицом и своеобразной бородой, в высоком головном уборе	оттиск с односторонней матрицы	10 × 7	1999	189(1)	ДЮУ, 1991, № 159
головка в головном уборе	оттиск с односторонней матрицы	нет данных	1999	нет	Шейко, 2000, с. 93
стоящая, в одежде, с правой рукой у груди. В хитоне с накинутым поверх гиматием, образующим косые складки. В правой согнутой руке — округлый предмет	оттиск с односторонней матрицы	8,2 × 5 × 3,2	1999	есть	Ильясов, 2000б, с. 99, рис. 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
46	Кампыртепа / крепость	культовые помещения	цитадель, северо-восточный культовый комплекс (святилище), пом. 35а, верхний пол, кушанские слои I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	мужской	19
47	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, коридор 1, верхний пол / слои I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	мужской	19
48	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	разрез 4, пом. 2, кушанские слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
49	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	разрез 4, пом. 2, кушанские слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	?
50	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	Р 5, пом. 7, верхний слой / кушанские слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	2(2)
51	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, пом. 52, у северной стены между 2 очагами / кушанские слои I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	женский	4

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
сатир, лицо детально проработано. Верхнюю губу прикрывают длинные вислые усы, короткая борода обрамляет подбородок. Уши большие и немного заостренные. В правом ухе кольцевидная серьга. На затылке цилиндрическая шапочка с висящим справа украшением. Туловище грубой лепки с покатыми руками, согнутыми и держащими продольную флейту (?). Ноги расставлены, правая отбита. Кисти рук изображены надрезами по сырой глине	комбинированная	10,5 × 4,5 × 3,2		188(2)	Савчук, 1989, 34–35; Ильясов, 2000, с. 100; ДЮУ, 1991, № 187
силен, нагой, бородатый, на «козьих ногах». Экспрессивная фигурка с приподнятой правой рукой (сколота) и левой, опущенной к паху. Ноги расставлены, правая отбита. На голове шапочка с рельефным орнаментом, глаза в виде наколов. Борода подпрямоугольная, передана «елочкообразной» насечкой	ручная лепка	11,5 × 6,2		188(3)	Савчук, 1989, 35–36; Ильясов, 2000, с. 100; ДЮУ, 1991, № 186
сидящая, в одежде, с атрибутами. Сидящая, в одежде, украшенной орнаментом в виде косых полос, заполненных внутри кружками. В согнутой правой руке — предмет, похожий на птицу, в левой — фигурка ребенка (сатира ?). Голова не сохранилась. Характерно сочетание грубого схематизма в изображении женской фигуры и тонкой моделировки обнаженной детской фигурки	оттиск с односторонней матрицы	11,5 × 10,5		199(1)	Савчук, 1989, с. 78; Курбанов, 2000, с. 65; ДЮУ, 1991, № 188
нижняя часть столбообразной объемной скульптурки	ручная лепка	нет данных		нет	Курбанов, 2000, с. 65
головка с раскосыми глазами. Правая часть лица и головного убора (прически) отбита. Головной убор в виде диадемы с треугольным навершием, поверх которого украшение в виде рельефных кружков. На щеках также круглые ямки (на памятнике найдена аналогичная головка и матрица для оттиска, передающая тот же образ, но большей сохранности, с гривной на шее, на груди с пекторалью с двойным рядом перлов и с крупным предметом, украшенным перлами, в правой руке)	оттиск с односторонней матрицы	6,5 × 3,8 × 2,8	1999	161(2)	Ильясов, 2000б, с. 104, рис. 2
стоящая, обнаженная, без атрибутов. На груди круглый медальон с расходящимся от него перекрестьем лент. Голова, руки и низ ног отбиты	оттиск с односторонней матрицы	12,3 × 5,4		167(1)	Курбанов, 2000, с. 56; ДЮУ № 185

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
52	Кампыртепа / крепость	культовые помещения	цитадель, северо-восточный культовый комплекс (святылище), пом. 35а, в С-В углу / кушанские слои I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	мужской	инд.
53	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 12 ou 13 / кушанский период	антропоморфный	неясный	инд.
54	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, пом. 73 / в слое I в. до н. э. — I в. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
55	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	цитадель, пом. 11, С-З угол помещения / в противоположном углу пом. монета Вимы Кадфиза. Автором датируется I в. до н. э.	антропоморфный	сюжетный	инд.
56	Кампыртепа / крепость	культовые помещения	блок 5, культовый комплекс / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
57	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города» / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
58	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», у С стены пом. VII, в слое подсыпки, перекрывающей нижний пол и суфу / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	женский	16
59	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», у С стены пом. VII, в слое подсыпки, перекрывающей нижний пол и суфу / кушанские слои конца I — начала II в. н. э.	антропоморфный	женский	18

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящий на коротких ногах персонаж в высоком головном уборе с согнутой и поднятой к лицу правой рукой. Между руками крупный бочонкообразный предмет. Трактуется как Мен–Аттис	оттиск с односторонней матрицы	7,2 × 4,2		198(5)	КИДУ, 1991, № 133
стоящая, в одежде с косыми и вертикальными складками, без головы	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		есть	Gardin, 1957, pl. X,5, p. 57
стоящая, в одежде, с атрибутом. Женская фигура в высокоподпоясанном хитоне с сосудом в правой согнутой руке у груди	оттиск с односторонней матрицы	8,4 × 5,2		198(6)	Курбанов, 2000, с. 47; ДЮУ № 184
супружеская чета. Две фигуры в пол оборота стоят обнявшись. Рельеф грубо подправлен после оттиска	оттиск с односторонней матрицы	9,5 × 4,6		201(2)	Курбанов, 2000, с. 62; ДЮУ № 153
всадник на лошади. Необычная трактовка лошади с короткими широко расставленными ногами, с коротким хвостом, с высокой гривой между ушами, большими ноздрями. Всадник также схематичен, голова округлая, сформована защипами, глаза — наколами (?)	ручная лепка	нет данных		207(2)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 5
лошадь с высокой стоячей гривой и хохолком между ушами, с короткими широко расставленными ногами. От всадника сохранились лишь налеты ног	ручная лепка	нет данных		207(1)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 4
стоящая, в одежде, с атрибутом. Женская фигура с высокой прической и головным убором с круглой бляхой в центре, с округлыми серьгами в ушах, в длинном платье с V-образным вырезом, украшенном орнаментом в виде кружков, шестилучевых розеток, полос и зигзагов. В правой согнутой руке у груди округлый предмет (короткая лютня?). Расположение левой руки не совсем ясно (она у пояса). Рельеф неглубокий.	оттиск с односторонней матрицы	17,3		182(1)	Болелов, 2006, с. 52, рис. 7, 3
стоящая, в одежде, с атрибутом. Женская фигура с высокой прической и головным убором с круглой бляхой в центре, с округлыми серьгами в ушах, в длинном платье с V-образным вырезом, украшенном орнаментом в виде кружков, шестилучевых розеток, полос и зигзагов. В правой согнутой руке у груди — округлый предмет (короткая лютня?). Расположение левой руки не совсем ясно (она у пояса). Рельеф неглубокий	оттиск с односторонней матрицы	16,5		нет	Болелов, 2006, с. 52, рис. 7, 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
60	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», в С-В углу пом. IX, в слое на уровне нижнего пола / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
61	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», в верхних слоях пом. IV / кушанские слои конца I — не ранее начала II в. н. э.	антропоморфный	женский	14(2)
62	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», в верхних слоях пом. IV / кушанские слои конца I — не ранее начала II в. н. э.	антропоморфный	женский	2(2)
63	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	нижний город, блок 5, пом. 19, под полом у восточной стены / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	женский	17
64	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 18, на полу / с монетой, отчеканенной по типу тетрадрахм Гелиокла	зооморфный	обезьяна (?)	
65	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 6а / с монетой, отчеканенной по типу тетрадрахм Гелиокла	всадник или оседланное животное	всадник	
66	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 22 / рубеж эр	антропоморфный	женский	
67	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 2, пом. 6 / в забутровке	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, с атрибутом. Фигура в полный рост, в длинном платье с перевязью выше талии. Головной убор отсутствует. Волосы собраны в высокую прическу. Левая нога согнута в колене, тяжесть тела перенесена на правую. В правой руке держит предмет, похожий на небольшое инвентурное кольцо. Левая рука чуть согнута и придерживает предмет, лежащий на плече. Рельеф высокий	оттиск с односторонней матрицы	?		нет	Болелов, 2006, с. 53
стоящая, в одежде, с атрибутом. Голова не сохранилась. Фигура в полный рост, в длинном платье с накидкой-кафтаном, отороченной по краю орнаментальной полосой с косыми насечками. На груди украшение из крупных круглых составляющих. В правой согнутой руке овальный предмет, в левой согнутой и опущенной — неясный ромбовидный предмет	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,6		180(1)	Болелов, 2006, с. 53, рис. 7, 2
сидящая, в одежде. Сидит фигура либо в кресле, либо на скрещенных ногах. Рельеф нечеткий. Высокая прическа из убранных к затылку в пучок волос. Голова с прической составляет чуть ли не половину от общей высоты статуэтки	оттиск с односторонней матрицы	?		166(1)	Болелов, 2006, с. 53, рис. 7, 1
стоящая, в одежде с накидкой, лаконично трактованной двумя вертикальными линиями	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		183(4)	Музей археологии г. Термеза, 8324 кп 2167–16
статуэтка обезьяны-гермафродита с ярко выраженными признаками пола	оттиск с односторонней матрицы	12 × 3,5 × 3		нет	Пидаев, 1978, с. 32
всадник изготовлен отдельно и позже прикреплен к лошадке. Место крепления сглажено. Всадник сжимает ножками круп лошади, а руки прикреплены к шее лошади. Головы всадника и лошадки отбиты. Фигурка лошади на высоких ножках	ручная лепка	9 × 7 × 7		206(1)	Пидаев, 1978, с. 31, 47, рис. 15, 1
нет описания	неясно	нет данных		нет	Пидаев, 1978, с. 32
лошадь с высокой стоячей гривой и хохолком, спускающимся между ушами. Морда вытянутая, уши стоячие. Ноги короткие, расставлены в стороны. На корпусе след от ножек всадника	ручная лепка	9,5 × 11		206(2)	Пидаев, 1978, с. 48, рис. 15, 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
68	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 2, коридор к западу от пом. 6 / рубеж эр	антропоморфный	женский	
69	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	неясно	Р 2, разрез у обводной стены / рубеж эр	антропоморфный	женский	инд.
70	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, на полу пом. 23 / рубеж эр	антропоморфный	женский	инд.
71	Мирзакул-тепе / сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 7 / рубеж эр	антропоморфный	неясный	инд.
72	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	пом. 9 (самое большое в составе южного комплекса / позднекушанский период	зооморфный	леопард	
73	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	пом. 25 / позднекушанский период	зооморфный	лошадь	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
нет описания	неясно	нет данных		нет	Пидаев, 1978, с. 34
стоящая, в одежде, с атрибутами. Голова утрачена. Фигура широкоплечая, прямостоящая, с правой согнутой, прижатой к груди рукой с неясным предметом (трилистник?), левая рука чуть согнута и опущена на бедро и держит неясный предмет. Одежда с расширяющимся подолом с расходящимися прямыми складками. На шее украшение с круглым медальоном. На руках выше локтя по два браслета	оттиск с односторонней матрицы	9 × 5,8 × 2,2		198(7)	Пидаев, 1978, с. 43, рис. 11
стоящая, в одежде, с атрибутами. Голова утрачена. Фигура широкоплечая, прямостоящая, с правой согнутой, прижатой к груди рукой с неясным предметом (кубком?), левая рука чуть согнута и опущена на бедро. Одежда с расширяющимся подолом с редкими косыми складками. На шее украшение типа несомкнутой гривны. Тыльная сторона имеет глубокое вертикальное углубление	оттиск с односторонней матрицы	12,5 × 7,4 × 2,7		198(8)	Пидаев, 1978, с. 43–46, рис. 12
стоящий, в одежде, с атрибутами. Голова утрачена. Фигура широкоплечая, прямостоящая, с правой согнутой, прижатой к поясу рукой с неясным предметом, левая рука чуть согнута и опущена, придерживает крупный предмет на левом боку (булава?). Одежда с перекрестьем лямок на груди, косыми складками на правом плече	оттиск с односторонней матрицы	12,5 × 7,4 × 2,7		есть	Пидаев, 1978, с. 43–46, рис. 13
задняя половина туловища и одна передняя лапа утрачены. Леопард сидит, опираясь на передние лапы. Морда круглая, с большой открытой пастью. Уши заострены, глаза оконтурены процарапанной линией. Ноздри слегка раздуты. Зубы острые, большие. Между зубами свисает длинный язык. Пятнистая шкура передана небольшими продолговатыми углублениями	ручная лепка	нет данных		215(6)	Пидаев, 1978, с. 55, 79; рис. 24, 12
задняя часть не сохранилась. Морда сухощавая, удлинённая, с приоткрытым ртом, слегка раздутыми ноздрями, повернута вправо. Глаза круглые, большие, со зрачком в центре в виде вмятины. Шея длинная, прямая. Уши сбиты. Между ушами овальная холка. Грива вдоль шеи подстрижена невысоким вертикальным гребнем. Нога лошади прямая, длинная, отодвинута в сторону	ручная лепка	нет данных		210(1)	Пидаев, 1978, с. 55, 79; рис. 24, 10

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
74	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	пом. 26 (двор) / позднекушанский период	антропоморфный	женский	15
75	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	у Ю-3 угла пом. 31 с наружной стороны / позднекушанский период	зооморфный	олень	
76	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	пом. 10 / позднекушанский период	всадник или оседланное животное	всадник	
77	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	неясно	позднекушанский период	антропоморфный	неясный	инд.
78	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	пом. 12 / с кушано-сасанидскими монетами	зооморфный	лошадь	
79	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	юго-восточный комплекс, пом. 4, ниже уровня пола / перемещенная	антропоморфный	женский	инд.
80	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	жилые постройки	северный комплекс, на улице, ближе к пом. 12	антропоморфный	женский	25
81	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	неясно	разрез за северной стеной пом. 9, 1-й строительный горизонт / кушанские слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	инд.

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, с атрибутом. Женская фигура в высоком головном уборе с четырехструнной лютней в руках. Длинное платье от талии расходится многочисленными складками. На груди украшение с круглым крупным медальоном в центре	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		181(4)	Пидаев, 1978, с. 55, 74; рис. 24, 1
голова оленя, морда удлинённая, глаза и рот переданы процарапанной линией, рога месяцевиные. На рогах налп. Лицевая сторона налпа заштрихована. Шея передана с напряженной мускулатурой	ручная лепка	нет данных		215(3)	Пидаев, 1978, с. 56, 78; рис. 24, 7
фигурка всадника, сохранилась нижняя половина, прикрепленная к крупу лошади. Лошадь с коротким и широким туловищем, с высокой стоячей гривой, коротким, прижатым к крупу хвостом. Глаза налпные. Низ ног отбит	ручная лепка	нет данных		209(3)	Пидаев, 1978, с. 58, 78; рис. 25, 8
Схематичная, грубой лепки фигурка с поднятой согнутой правой рукой. Сохранилась только верхняя половина. Похожа на идольчика или всадника	ручная лепка	нет данных		203(5)	Пидаев, 1978, с. 77; рис. 24, 5
голова лошади. Массивная шея, морда широкая, глаза налпные, круглые и большие, со зрачками в центре. Рот открыт, ноздри раздуты. Грива подстрижена ровным острым гребнем. Набор уздечек передан процарапанной линией	ручная лепка	нет данных		215(4)	Пидаев, 1978, с. 58, 77; рис. 24, 5
лицо широкое, с покатым лбом, округлым подбородком и полными щеками. Шея массивная, брови дугообразные. Нос длинный и прямой, глаза большие, с намеченными зрачками. Рот затерт, волосы подняты вверх и окружают лицо густым витым валиком с проборм посередине. На голове головной убор в виде колпака	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		есть	Пидаев, 1978, с. 61, 76–77; рис. 24, 3
стоящая, в одежде, без атрибутов. Правая рука согнута и поднята к плечу, левая у груди. На шее ожерелье. Одежда с накидкой ниже колен, видна обувь — сапоги (?). Обратная сторона овалообразная с вмятинами. Трактруется как богиня плодородия (беременная)	оттиск с односторонней матрицы	9,2 × 4,7		197(3)	Пидаев, 1978, с. 58, 75–76; рис. 24, 2
голова человека из зеленоватой глины с побелкой	неясно	нет данных		есть	Пидаев, 1978, с. 59, 76–77; рис. 24, 4

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
82	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	неясно	неясное	зооморфный	голубь	
83	Дильберджин / город	жилые постройки	оборонительные стены, пристенный комплекс / Р III, стратиграфический раскоп, 2-й строительный горизонт	зооморфный	лошадь	
84	Дальверзин-тепе / столичный город	гончарное производство	Дт. 9, из отвала керамической печи 11 / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	инд.
85	Дальверзин-тепе / столичный город	гончарное производство	Дт. 9, пом. 24, керамическая мастерская / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)
86	Дальверзин-тепе / столичный город	гончарное производство	Дт. 9, пом. 23, керамическая мастерская / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)
87	Дальверзин-тепе / столичный город	храмовые сооружения	Дт. 9, пом. 1, на суфе / кушанские слои II–III вв.	антропоморфный	женский	15
88	Дальверзин-тепе / столичный город	храмовые сооружения	Дт. 9, пом. 5, над полом / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	женский	2(2)
89	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 11, хумхона / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)
90	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 11, хумхона / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
голова, часть хвоста утрачены. Шея довольно крупная, грудь широ- кая, крылья прижаты к корпусу	ручная лепка	нет данных		215(5)	Пидаев, 1978, с. 79, рис. 24, 8
передняя часть тулова	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 1974, с. 97
стоящая, в одежде, без атрибутов. Целая статуэтка с круглым лицом, с прической типа «египетского пари- ка». Одежда в драпировке из услов- ных вертикальных складок, разбитых на 3 яруса. Статуэтка перекалена — бракована	оттиск с односторон- ней матрицы	8,7 × 3,2 × 1,7		есть	Pougatchenkova, 1978, с. 60, рис. 40
сидящая, в одежде, без атрибутов. Одежда с запахом справа налево, книзу расходится в стороны. На шее двойная гривна. Голова утрачена. Барельеф нечеткий (брак ?)	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		164(2)	ДТ, 1978, с. 128–130, рис. 114, 18
сидящая, в одежде, без атрибутов. Голова утрачена. Одежда с драпиров- кой в виде параллельных вертикаль- ных складок вверху и внизу и горизон- тальных — на коленях. Подол украшен шариками-бусинками, руки покоятся на коленях, ступни ног раздвинуты	оттиск с односторон- ней матрицы	7 × 4 × 0,9–1		нет	ДТ, 1978, с. 130
музыкантша, играющая на лютне. На голове дугообразный головной убор, в ушах и на лбу — подвески, на шее — ожерелье. Одежда разрабо- тана условными складками. Играет на лютне с короткой шейкой, плотно прижав ее к груди	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		181(2)	ДТ, 1978, с. 136, с. 167, рис. 116а, 2
лицо хорошо моделировано, с боль- шими глазами, прямым носом, с двумя родинками на щеках. Волосы разде- лены на пробор и разработаны парал- лельными прядями; над двойным рельефным обручем — высокий, в ра- диальных линиях головной убор. Головка от статуэтки типа сидящей в драпирующейся одежде	оттиск с односторон- ней матрицы	4,8 × 3,5		161(1)	ДТ, 1978, с. 140–141, рис. 113, 9
сидящая, в одежде, без атрибутов. С раскосыми глазами, с прической в виде короткого каре. Одежда с на- кидкой, образующей косые сходящие- ся у груди складки. Целая	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		165(1)	ДТ, 1978, с. 174, рис. 114, 23; Пугачен- кова, Тургунов, 1974, с. 71, 72, рис. 4
сидящая, в одежде, без атрибутов. С раскосыми глазами, с прической в виде короткого каре. Одежда с накид- кой, образующей косые сходящиеся у груди складки. Целая	оттиск с односторон- ней матрицы	8 × 3,4		165(2)	ДТ, 1978, с. 174, рис. 114, 24; Пугачен- кова, Тургунов, 1974, с. 71, 72, рис. 4

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
91	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, пом. 9, в завале / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	инд.
92	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, пом. 7, XIII ярус / у прохода в пом. 7 / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	инд.
93	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, пом. 10, дерн / кушанские слои II–III вв.	антропоморфный	мужской	инд.
94	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, пом. 8 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	неясный	?
95	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, пом. 8 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	неясный	?
96	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, пом. 15 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	неясный	?
97	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, завал пом. 1 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	женский	2(2)
98	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, заполнение пом. 10 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	неясный	?
99	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, заполнение пом. 10 / кушанские слои I–III вв.	антропоморфный	неясный	?
100	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, заполнение пом. 10 / кушанские слои I–III вв.	зооморфный	лошадь	
101	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, жилой дом, заполнение пом. 10 / кушанские слои I–III вв.	зооморфный	лошадь	
102	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 6, жилой дом (кухня, столовая), на полу пом. 24 с кладом монет Васудевы I и II / кушанские слои II–III вв.	антропоморфный	женский	?
103	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 10, завал с монетой Канишки (период Б) / кушанские слои II–III вв.	антропоморфный	женский	18
104	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 10, период А-Б / позднекушанский период (?)	антропоморфный	женский	18
105	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 10, завал с монетой Канишки	зооморфный	лошадь	
106	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 2, пом. 2 / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)
107	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 2, пом. 12 (айван) / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)
108	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 2, пом. 12 (айван) / кушанские слои I–II вв.	антропоморфный	женский	2(2)

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
правильный овал лица, обрамленный пышной прической с кольцеобразными завитками. Глаза большие, нос прямой	оттиск с односторонней матрицы	2,8 × 2 × 1,4		198(2)	Дт, 1978, с. 40, 168, рис. 113, 2
арфистка, играющая сидя на угловой арфе	оттиск с односторонней матрицы	8 × 3,8 × 1,7		198(3)	Дт, 1978, с. 40, 161, рис. 116, 6
торс с признаками пола	ручная лепка	6,7 × 2,7 × 2,2		203(4)	Дт, 1978, с. 40, 164, рис. 115, 28
головка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
головка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
головка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
сидящая в эллинизированной одежде с атрибутом (цветок), с раздвинутыми коленями	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		157(1)	Дт, 1978, с. 40
головка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
головка в конусовидной шапочке	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
лошадь	ручная лепка	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
лошадь	ручная лепка	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 40
без головы	неясно	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 56
голова от столбообразной лепной статуэтки	комбинированная	3,5 × 2,8 × 2		187(1)	Дт, 1978, с. 64, рис. 113, 13
на столбообразном тулове головка с налепной косой с насечкой	комбинированная	16 × 2,3 × 2,1		187(2)	Дт, 1978, с. 64, 164, рис. 113, 14
торс	ручная лепка	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 64
сидящая, в одежде, без атрибутов, голова в высоком кокошнике с изображением двурогого месяца в центре	оттиск с односторонней матрицы	20 × 8,5		164(1)	Дт, 1978, с. 70, 72, рис. 114, 15, 16; Пугаченкова, 1978, рис. 39
сидящая, в драпирующейся одежде. Без головы	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 72
сидящая, в одежде с драпировкой. Поколенная часть	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Дт, 1978, с. 72

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
109	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	антропоморфный	женский	2(2)
110	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	антропоморфный	мужской	20(2)
111	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	всадник или оседланное животное	всадник	
112	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	зооморфный	мифологический	
113	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	зооморфный	лошадь	
114	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	зооморфный	лошадь	
115	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	неясно	объект А-2, стратиграфический разрез. Горизонт А-III / с монетой Канишки	зооморфный	лошадь	
116	Халчаян / городище	жилые постройки	дворцовое здание Х-1, зал / кушанские слои I–II вв.	зооморфный	лошадь	
117	Халчаян / городище	жилые постройки	дворцовое здание Х-1, на полу пом. 4 / слои I в. до н. э. — II в. н. э.	антропоморфный	женский	7
118	Халчаян / городище	жилые постройки	дворцовое здание Х-1, на полу пом. 10 (коридора) / слои I в. до н. э. — II в. н. э.	антропоморфный	женский	7
119	Халчаян / городище	жилые постройки	западный дом, пом. 5, над полом / слои II в. н. э.	антропоморфный	мужской	20(1)
120	Зартепа / городской центр	жилые постройки	жилой квартал Р 6, проход в пом. 55 с улицы ур. 1	антропоморфный	женский	7

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
сидящая, в одежде с тяжелой складчатой накидкой. Руки согнуты, расположены у живота. В одной из них — миниатюрный сосуд (чаша). Голова не сохранилась	оттиск с односторонней матрицы	10,5 × 5–5 × 2		158(1)	Тургунов, 1973, с. 60, рис. 20, 1
фигурка в кафтане с округлым предметом (горшочек или кувшинчик без ручек) в левой согнутой руке, правая рука согнута на уровне груди, также держит вытянутый предмет, украшенный косой насечкой. Аналогичная ранее была найдена М. И. Вязьмитиной в 1937 г. на объекте А 1	оттиск с односторонней матрицы	8 × 6,5		190(1)	Тургунов, 1973, с. 60–61, рис. 20, 2
лошадка на коротких, широко расставленных ножках с нижней частью прикрепленного всадника	ручная лепка	7 × 8		208(2)	Тургунов, 1973, с. 61, рис. 22, 1
диморфный образ животного с двумя туловищами, обращенными в противоположные стороны, и остатками налеса посередине	ручная лепка	9,5		217(4)	Тургунов, 1973, с. 61, рис. 22, 2
лошадка с подрезанной стоячей гривой, высокой шеей, коротким туловищем и мощным хвостом	ручная лепка	7,6		217(3)	Тургунов, 1973, с. 61, рис. 22, 3
головка лошади с наклепными глазами, короткой стоячей гривой и прочерченной уздой	ручная лепка	нет данных		208(1)	Тургунов, 1973, с. 60–61, рис. 20, 3
шея и часть морды. Короткая стоячая грива	ручная лепка	нет данных		217(1)	Тургунов, 1973, с. 60–61, рис. 20, 4
голова лошади с коротко подстриженной, стоячей гривой	ручная лепка	нет данных		есть	Пугаченкова, 1966, с. 57, 234, рис. 109
стоящая, в одежде, без атрибутов. Верхняя половина. Плотная одежда греческого типа, покатые плечи, руки опущены. На шее гривна. Лицо широкое, прическа состоит из прядей	оттиск с односторонней матрицы	6,3 × 3,6 × 1,5		173(2)	Пугаченкова, 1966, с. 60, 221–222, рис. 104, 1
стоящая, в одежде, без атрибутов. Нижняя половина. Мелкие вертикальные складки хитона выглядывают из-под накинутого гиматия	оттиск с односторонней матрицы	6,2 × 4 × 1,5		173(2)	Пугаченкова, 1966, с. 60, 221–222, рис. 104, 2
стоящий, в подпоясанном кафтане, низ и верхняя часть утрачены. На обороте следы гипсового раствора. В руках, согнутых и поднятых выше талии, неясные предметы	оттиск с односторонней матрицы	6 × 3,6 × 0,6		189(2)	Пугаченкова, 1966, с. 60, 227, рис. 107, 1
стоящая, в одежде. Сохранилась нижняя часть с ниспадающей до пят одеждой греческого типа с красивыми складками	оттиск с односторонней матрицы	5 × 5,5 × 1,9	1977	173(3)	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
121	Зартепа / городской центр	жилые постройки	жилой квартал Р 6, внутри-квартальная улица, заполнение над уровнем 3 к С-В от пом. 68	антропоморфный	женский	25
122	Зартепа / городской центр	жилые постройки	жилой квартал Р 6, пом. 91, пол 2, жилое помещение, домовладение Е / здесь же в пом. под полом статуэтка Будды	антропоморфный	женский	25
123	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 156, пол 1. Домовладение В	мифологический	другое	
124	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 158, заполнение над полом 1.	антропоморфный	мужской	инд.
125	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 141, над полом 3. Домовладение В	антропоморфный	мужской	инд.
126	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 172, нижний пол	антропоморфный	неясный	инд.
127	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 160, яма	антропоморфный	неясный	инд.
128	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 150, над полом 1	антропоморфный	мужской	инд.
129	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 3, пом. 6 / с монетами Хувишки и Васудевы	зооморфный	неясный	
130	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 54	зооморфный	лошадь	
131	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 89, пол 2	зооморфный	неясный	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, без атрибутов. Одежда в виде длинного, до пят, платья с нашивками по подолу, поверх которого короткое платье с гирляндой-ожерельем с подвесками на груди. Правая рука в жесте абхайя-мудра, левая согнута и поднята к груди (Адорант). Голова утрачена	оттиск с односторонней матрицы	9,7 × 4,5 × 1,8	1986	197(2)	коллекция ИИМК
стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда в виде длинного кафтана, на ногах шаровары (?) с гирляндой-ожерельем на груди. Правая рука в жесте абхайя-мудра, левая согнута и поднята к груди с каким-то небольшим предметом (?). На голове высокая прическа. Лицо овальное, правильное, в ушах крупные серьги (Адорант, аналогична статуэтке из пом. 68, Р 6)	оттиск с односторонней матрицы	10,2 × 4,8 × 2,4	1980	197(1)	коллекция ИИМК
двусторонняя статуэтка с лицевой стороны передает мужской образ с прической ушнишей и тикой на лбу, с оборотной стороны образ птицы	ручная лепка	4,3 × 3,2 × 4,4	1982	нет	коллекция ИИМК
антропоморфная грубослепленная статуэтка с отбитыми руками и сколом снизу. На голове шапочка, глаза-наколы, нос сформован защипом	ручная лепка	4 × 2,6 × 1,3	1984	204(4)	коллекция ИИМК
антропоморфная грубослепленная статуэтка с отбитыми руками и сколом снизу	ручная лепка	4,5 × 2,3 × 1,3		204(3)	коллекция ИИМК
грубослепленная, сидящая фигурка, прижимающая обеими руками младенца. Головы обоих персонажей отбиты. Статуэтка устойчива	ручная лепка	4,7 × 5,4 × 3,7	1986	204(1)	коллекция ИИМК
антропоморфная грубослепленная фигурка с расставленными в стороны руками, голова, низ и руки сколоты. На правой руке и груди украшение в виде трех косых рядов из наколов пуансоном. Головы обоих персонажей отбиты. Статуэтка устойчива	ручная лепка	5,5 × 10 × 2,7	1984	204(2)	коллекция ИИМК
голова с закрученными вверх усами, с тикой на лбу и в головном уборе с тремя расходящимися зубцами. Образ буддийского круга	оттиск с односторонней матрицы	4 × 4 × 2,1		201(1)	коллекция ИИМК
ножка со сквозным отверстием	ручная лепка	l — 11	1973	216(8)	Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 3, 7
голова лошади на высокой шее с разинутой пастью	ручная лепка	нет данных	1987	216(6)	коллекция ИИМК
ножка животного	ручная лепка	l — 4	1980	нет	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
132	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 130, пол 1	зооморфный	лошадь	
133	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 81, пол 1	зооморфный	лошадь	
134	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 95, пол 2	зооморфный	неясный	
135	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 85, пол 2	зооморфный	неясный	
136	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 3, пом. 6 / с монетами Хувишки и Васудевы	зооморфный	лошадь	
137	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 38, пол 1	зооморфный	неясный	
138	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 164, пол 2	всадник или оседланное животное	всадник	
139	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 46, на полу 1	зооморфный	лошадь	
140	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 127, на полу 2	зооморфный	лошадь	
141	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 128, на полу 1	зооморфный	неясный	
142	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 66, 30 см над полом 2	зооморфный	лошадь	
143	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 142, над полом 3, 2 горизонт	зооморфный	лошадь	
144	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 164, заполнение над полом 2	зооморфный	лошадь	
145	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 126, пол 1	зооморфный	неясный	
146	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 160, заполнение над полом 2	зооморфный	неясный	
147	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 75, пол 3	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
голова лошади на высокой шее с коротко стриженной стоячей гривой, морда отбита	ручная лепка	нет данных	1982	216(7)	коллекция ИИМК
голова лошади на высокой шее с коротко стриженной стоячей гривой, обозначенной насечкой. Морда отбита	ручная лепка	нет данных	1980	216(5)	коллекция ИИМК
ножка животного	ручная лепка	l — 6	1988	нет	коллекция ИИМК
ножка животного	ручная лепка	l — 6	1980	нет	коллекция ИИМК
голова лошади с коротко стриженной стоячей гривой	ручная лепка	нет данных	1973	216(4)	Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 3, 5
ножка животного	ручная лепка	l — 6	1976	нет	коллекция ИИМК
лошадь со следами крепления всадника. Миниатюрная статуэтка лошади с коротким туловом, высокой шеей, с короткой стоячей гривой и коротким хвостом. От всадника сохранились лишь части ног	ручная лепка	нет данных	1986	нет	коллекция ИИМК
концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея длинная, морда прижата к груди. Стриженная стоячая короткая грива, короткий хвост. Длинное туловище (под крепления резервуара ?)	ручная лепка	нет данных	1977	нет	коллекция ИИМК
голова, концы ног, хвост отбиты. Ноги расставлены, шея вытянута вперед. Длинное туловище (под крепления резервуара ?)	ручная лепка	нет данных	1982	нет	коллекция ИИМК
фрагмент торса	ручная лепка	нет данных	1982	нет	коллекция ИИМК
голова, концы ног, хвост отбиты. Ноги расставлены, шея вытянута вперед	ручная лепка	нет данных	1984	нет	коллекция ИИМК
часть ног отбита. Ноги короткие, прямо стоят, шея мощная, хвост поднят, отбит. Длинное туловище (под крепления резервуара ?)	ручная лепка	нет данных	1983	нет	коллекция ИИМК
концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея со стоячей гривой, хвост прижат к крупу, отбит. Короткое туловище	ручная лепка	нет данных	1985	нет	коллекция ИИМК
ножка животного	ручная лепка	нет данных	1981	нет	коллекция ИИМК
ножка животного	ручная лепка	нет данных	1984	нет	коллекция ИИМК
лошадь со сколом на спине от крепления всадника. С высокой шеей, с коротким туловом, прижатым к крупу хвостом. Голова и концы ног отбиты	ручная лепка	нет данных	1979	нет	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
148	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 158, пол 3	всадник или оседланное животное	всадник	
149	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 138, пол 3	зооморфный	лошадь	
150	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, улица, 5-й уровень	всадник или оседланное животное	всадник	
151	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 11, над полом 2	антропоморфный	мужской	инд.
152	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 12, пом. 2, заполнение над полом 3	зооморфный	корова	
153	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, улица, 5-й уровень	зооморфный	неясный	
154	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 138, пол 2	антропоморфный	мужской	инд.
155	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Ю-В холм, пом. 4	зооморфный	лошадь	
156	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Ю-В холм, пом. 5	всадник или оседланное животное	всадник	
157	Зартепа / городской центр	культовые помещения	святилище поздне-кушанского времени	антропоморфный	женский	?
158	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XII, 2-й строительный горизонт / на полах этого горизонта монеты подражания Хувишки	антропоморфный	женский	инд.

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
лошадь со сколом на спине от крепления всадника. С высокой шеей, с коротким туловом, прижатым к крупу хвостом. На тулове пуансоном и налестками изображена сбруя. Голова и концы ног отбиты	ручная лепка	нет данных	1984	нет	коллекция ИИМК
голова лошади с коротко стриженной стоячей гривой	ручная лепка	нет данных	1984	нет	коллекция ИИМК
лошадь со всадником на спине. С высокой шеей. Голова и концы ног, задняя половина и верх всадника отбиты	ручная лепка	нет данных	1986	нет	коллекция ИИМК
столбикообразная статуэтка с оттиснутым штампом лицом, тонкой детальной проработки, с передачей мимических черт, морщин на лбу. На плоском, без деталей, тулове в нижней части защипом сужение. Внизу скол (возможно, всадник, крепившийся к лошади)	комбинированная	8 × 2,3 × 2,3	1975	204(5)	Завьялов, 1979, с. 150, рис. 7, 2
голова на широкой шее. На шее нанесена насечка в виде елочки ветками вверх. Глаза-лепешечки наклеены с пуансонным наколом. Рога отбиты, ноздри обозначены наколами, пасть — прорезной линией	ручная лепка	7,5 × 4 × 4	1985	нет	коллекция ИИМК
животное с округлой головой, круглыми глазами, сформованными наколом пуансона, на макушке 2 ряда косых наколов. Ноги сбиты. Туловище крупное, шея высокая и толстая	ручная лепка	8,3 × 7,5	1986	нет	коллекция ИИМК
торс фигурки в кафтане с отбитыми головой и конечностями (возможно, всадничек)	ручная лепка	2,8 × 3,5 × 1,5	1983	нет	коллекция ИИМК
лошадь	ручная лепка	нет данных		нет	Пидаев, 1990, с. 51
нет описания	ручная лепка	нет данных		нет	Пидаев, 1990, с. 52
голова в головном уборе типа гофрированной шапочки с оторочкой по нижнему краю. Лицо мягкого овала, с маленьким ртом, большими, прямого разреза глазами, прямым носом. На лбу круглая тика	оттиск с односторонней матрицы	h — 4	1973	нет	Пилипко, 1976, с. 67
стоящая, обнаженная, без атрибутов. Голова отбита. Правильных пропорций крутобедрая фигура женщины с браслетами на щиколотках и предплечьях, со свисающим между грудей ожерельем, пояском на бедрах. Кисти рук развернуты в стороны, внутренней стороной к зрителю. Статуэтка являет собой переходный тип к плитке с рельефом, т. к. у нее имеется фон	оттиск с односторонней матрицы	9 × 5 × 2,3		201(3)	Литвинский, Седов, 1983, с. 14, 146, табл IV, рис. 1; табл. XXII, рис. 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
159	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. I, в зольнике между полами / на полах монеты подражания Хувишки	антропоморфный	мужской	?
160	Тепай-Шах / городище	неясно	Р 1, пом. IV, в завале над верхним полом / на полах монеты подражания Хувишки	зооморфный	лошадь	
161	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XIV, в заполнении над полом, 2-й строительный горизонт / на полах монеты подражания Хувишки	антропоморфный	женский	2(2)
162	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XIV, в заполнении над полом, 2-й строительный горизонт / на полах монеты подражания Хувишки	зооморфный	лошадь	
163	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 2, пом. IIIa, яр. II / на полах монеты Сотера Мегаса	зооморфный	лошадь	
164	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XXI, пол / на полах монеты подражания Хувишки	зооморфный	лошадь	
165	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 2, пом. XIa, яр. III / на полах монеты Сотера Мегаса	зооморфный	лошадь	
166	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XIII, пол, 2-й строительный горизонт / на полах монеты подражания Хувишки	зооморфный	лошадь	
167	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 1, пом. XIV, пол, 2-й строительный горизонт / на полах монеты подражания Хувишки	зооморфный	лошадь	
168	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 3, водосток, керамический комплекс с бокалами и кратерами	зооморфный	лошадь	
169	Тепай-Шах / городище	жилые постройки	Р 2, пом. 11a / на полу монеты Сотера Мегаса I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	2(2)

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
фигурка мужчины	неясно	нет данных		нет	Литвинский, Седов, 1983, с. 12
лошадь	ручная лепка	нет данных		нет	Литвинский, Седов, 1983, с. 13
голова в высоком тиарообразном головном уборе. Лицо мягкого овала, с маленьким ртом, большими, прямого разреза глазами, прямым носом. На лбу круглая тика	оттиск с односторон- ней матрицы	9 × 5 × 2,3		160(1)	Литвинский, Седов, 1983, с. 14, 146, табл. IV, рис. 1; табл. XXII, рис. 3
лошадь	ручная лепка	нет данных		нет	Литвинский, Седов, 1983, с. 14
животное с широким крупом, тонким туловом, высокой шеей с короткой гривой в верхней части. Конечности, часть морды отбиты	ручная лепка	нет данных		213(1)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 2
задняя часть туловища с короткими расставленными ногами, без хвоста. На спине и крупе линией наколов обозначена упряжь	ручная лепка	нет данных		213(2)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 3
передняя часть с высокой шеей со стриженной стоячей гривой, мощ- ной грудью и коническими расстав- ленными ногами. Туловище отбито	ручная лепка	нет данных		213(3)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 4
лошадка с тонким туловищем, высо- кой тонкой шеей, на высоких ножках. Голова и низ ног отбиты. Грива под- стрижена, короткая и стоячая. Хвост прижат к крупу	ручная лепка	нет данных		213(6)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 8
лошадка со средним туловищем, мощ- ной в основании шеей, на расставлен- ных ножках. Голова, часть хвоста и низ ног отбиты. Хвост мощный, в основании приподнят	ручная лепка	нет данных		213(4)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 6
лошадка с мощным туловом. Голова, часть хвоста и ноги отбиты	ручная лепка	нет данных		213(5)	Литвинский, Седов, 1983, с. 149, табл. XXIV, рис. 7
сидящая, в одежде. В двух фрагмен- тах. Середина утрачена. Возможно, тип с атрибутом в руках. Улавливает- ся лишь рисунок складчатого одея- ния, по которому очевидна сидящая поза. Голова отбита. Основание под- резано и устойчиво, отклоняет стату- этку назад	оттиск с односторон- ней матрицы	8,5 × 8,5 × 2,5		160(2)	Литвинский, Седов, 1983, с. 147, табл. XXII, рис. 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
170	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., подвал	антропоморфный	женский	15
171	Старый Термез / крупный город	жилые постройки	цитадель, шурф 1973 г., подвал	антропоморфный	женский	2(2)
172	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 3	антропоморфный	женский	7
173	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 4	антропоморфный	женский	?
174	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 5	зооморфный	утка	
175	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 6	зооморфный	лошадь	
176	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 6	зооморфный	лошадь	
177	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 6	зооморфный	лошадь	
178	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф 1973 г., слой 7	антропоморфный	мужской	20(1)
179	Кара-теле / буддийский культовый центр	культовые помещения	в завале двора комплекса Б / II–III вв. н. э.	зооморфный	корова зебу	
180	Кара-теле / буддийский культовый центр	культовые помещения	Р 1 / I–III вв. н. э.	антропоморфный	мужской	23
181	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 1, слой разрушения / с монетами Васудевы и подражания ему	зооморфный	лошадь	
182	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 7	зооморфный	неясный	
183	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 9, слой разрушения над верхним полом	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
лютнистка. Верхняя часть статуэтки, стоящей в одежде, с атрибутом. Правильный овал лица, прическа типа «египетского парика». В руках короткая лютня с округлым резонатором и короткой, слегка опущенной шейкой	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		181(3)	Козловский, Некрасова, 1976, с. 32, рис. 2, 1
сидящая, в одежде. Сохранилась нижняя часть	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 32
головка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		173(1)	Козловский, Некрасова, 1976, с. 33, рис. 2, 3
стоящая, в одежде. Сохранилась нижняя часть с одеждой, резко расширяющейся книзу. Отбиты голова и руки	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 35
на трех шиповидных ножках с хорошо проработанными перьями в виде штрихов. Крылья отбиты, головы нет	ручная лепка	l — 6		нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 35
задняя часть крупа с отбитыми ногами	ручная лепка	l — 3,5		нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 36–37
круп лошади с отбитыми ногами и головой. На левом боку тамга, прорезанная до обжига в виде вилки с двумя зубцами и одним штрихом сбоку	ручная лепка	l — 8,5		215(2)	Козловский, Некрасова, 1976, с. 37, рис. 2, 2
голова с хорошо сохранившейся, круто поднятой шеей, гривой, выраженной возвышающимся гребнем, круглыми налепными глазами	ручная лепка	нет данных		нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 37
воин в чешуйчатом доспехе, в талии перехваченном поясом, под которым продет ремень, идущий через правое плечо. На ремне с левой стороны у бедра висел меч. Левая рука воина опущена, правая — согнута в локте и держит, прижимая к груди, какой-то предмет (миниатюрный сосудик). Доспехи короткие, до паха. Ниже — складчатые шаровары или пластинчатые доспехи. Голова и низ отбиты	оттиск с односторонней матрицы	h — 10		189(3)	Козловский, Некрасова, 1976, с. 37, рис. 2, 5
статуэтка коровы с большим горбом	ручная лепка	l — 8	1965	215(1)	Ставиский, 1972, с. 45–46, табл. XVIII
сидящий в падмасане Будда с руками, сложенными в жесте абхайя-мудра. Голова утрачена	оттиск с односторонней матрицы	нет данных	1937	195(1)	Пчелина, 1964, с. 90, рис. 40, б
лошадь с коротким, прижатым к крупу хвостом, высокой шеей, со стоячей стриженной гривой. Голова и концы ног отбиты	ручная лепка	l — 5,5	1972	212(5)	Кругликова, 2001, с. 318, рис. 15, 15
животное	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 318
лошадь со всадником	ручная лепка	6	1972	209(4)	Кругликова, 2001, с. 319, рис. 14, 14

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
184	Дильберджин / город	жилые постройки	Р III, стратиграфический раскоп, 2-й строительный горизонт / оборонительные стены, пристенный комплекс	зооморфный	баран	
185	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 15, в слое заполнения с монетой Васудевы	зооморфный	лошадь	
186	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 25	зооморфный	неясный	
187	Дильберджин / город	неясно	цитадель, Р СII, пом. 27, 3-й строительный горизонт	зооморфный	лошадь	
188	Дильберджин / город	неясно	Р III, стратиграфический раскоп, 2-й строительный горизонт / оборонительные стены, пристенный комплекс	антропоморфный	женский	инд.
189	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, западный Р СIII, пом. 79, на полу / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	неясный	
190	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, западный Р СIII, пом. 81, на полу / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	неясный	
191	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, западный Р СIII, пом. 96 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	птица	
192	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, западный Р СIII, пом. 101 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	неясный	
193	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, западный Р СIII, пом. 105 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	собака	
194	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 125 / жилой квартал у оборонительной стены	антропоморфный	женский	2(2)
195	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 126 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	лошадь	
196	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 128 / жилой квартал у оборонительной стены, двор	всадник или оседланное животное	всадник	
197	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 131 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	лошадь	
198	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 133 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный	корова	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
целая статуэтка барана	ручная лепка	нет данных		214(6)	Кругликова, 1974, с. 97, рис. 68, 3
торс с мощной высокой шеей, голова и конечности отбиты	ручная лепка	5,7	1972	212(3)	Кругликова, 2001, с. 320, рис. 17, 1
фрагмент животного	ручная лепка	нет данных	1972 / 173 (163)	нет	Кругликова, 2001, с. 322
фрагмент	ручная лепка	нет данных	1972 / 145 (135)	нет	Кругликова, 2001, с. 323
целая, стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда с драпировкой, в руках — младенец	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		199(4)	Кругликова, 1974, с. 97, рис. 68, 1
неясное	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 329
фрагмент статуэтки животного	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 330
фрагмент	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 331
фрагмент	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 331
фрагмент	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2001, с. 332
сидящая, в одежде. Одежда с верти- кальными складками. В левой руке атрибут типа веера или пальмовой ветви. Верхняя часть утрачена	оттиск с односторон- ней матрицы	5,5 × 7,5	1974 / 77	163(2)	Кругликова, 2001, с. 334, рис. 30, 4
высокая, красиво изогнутая шея и голова лошади	ручная лепка	7,4 × 5,5	1974 / 79	211(4)	Кругликова, 2001, с. 335, рис. 30, 11
лошадь с отбитой головой, с частью седла и с ногами всадника	ручная лепка	нет данных	1974 / 72	нет	Кругликова, 2001, с. 335
головка лошади с наклепными глазами, короткой стоячей гривой и прочер- ченной уздой	ручная лепка	нет данных	1974 / 57	214(3)	Кругликова, 2001, с. 337, рис. 31, 2
головка коровы или быка	ручная лепка	нет данных	1974 / 59	214(4)	Кругликова, 2001, с. 338, рис. 31, 3

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
199	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CV, у западной стены / предвратный комплекс / в нижнем слое с монетами от Васудевы до Хормизда	антропоморфный	женский	?
200	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CV, в северной камере башни / предвратный комплекс / в нижнем слое с монетами от Великих кушан до Варахрана II	антропоморфный	женский	инд.
201	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CV, в северной камере башни / предвратный комплекс / в нижнем слое с монетами от Великих кушан до Варахрана II	антропоморфный	женский	инд.
202	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CV, в восточной части башни / предвратный комплекс	антропоморфный	мужской	инд.
203	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 207 / 2-й строительный горизонт	антропоморфный	мужской	22
204	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 155 / 2-й строительный горизонт	зооморфный	лошадь	
205	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 156, в мусорном слое с горелыми прослойками / 2-й строительный горизонт	антропоморфный	женский	инд.
206	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 156, в мусорном слое с горелыми прослойками / 2-й строительный горизонт	антропоморфный	женский	инд.
207	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 157, на нижнем полу / 2-й строительный горизонт	зооморфный	лев	
208	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 160, над полом / 2-й строительный горизонт	зооморфный	лошадь	
209	Дильберджин / город	жилые постройки	Р III, пом. 15 / оборонительные стены, пристенный комплекс	всадник или оседланное животное	всадник	
210	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 164, в заполнении 2-го строительного горизонта	зооморфный	лошадь	
211	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 168, в заполнении 3-го строительного горизонта	зооморфный	лошадь	
212	Дильберджин / город	жилые постройки	Р II, период позднего обживания, пом. 30 / оборонительные стены, пристенный комплекс	антропоморфный	мужской	10

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных	1974 / 68	нет	Кругликова, 2001, с. 340
голова в диадеме	оттиск с односторон- ней матрицы	6,4 × 5,3	1974 / 98	200(5)	Кругликова, 2001, с. 340, рис. 31, 12
утрачены голова и ноги. Правая рука приложена к груди, левая — к животу. Рукава имеют складки	оттиск с односторон- ней матрицы	4,8 × 3,8	1974 / 99	200(7)	Кругликова, 2001, с. 340, рис. 31, 13
идольчик	ручная лепка	h — 5,5	1974 / 101	203(2)	Кругликова, 2001, с. 340, рис. 51, 6
сидящий кушанский царь в кафтане с гривной на шее	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных	1975 / 35	194(2)	Кругликова, 2001, с. 344, рис. 38, 16
голова	ручная лепка	нет данных	1974 / 109	нет	Кругликова, 2001, с. 345
голова	оттиск с односторон- ней матрицы	3,5 × 4	1974 / 89	201(5)	Кругликова, 2001, с. 345, рис. 31, 10; 53, 6
голова	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных	1974 / 90	опись	Кругликова, 2001, с. 345, рис. 53, 7
голова грубой лепки	неясно	3 × 2,5	1975 / 79	211(2)	Кругликова, 2001, с. 346, рис. 23, 5
лошадь с тремя кольцевыми вдавле- ниями на правом переднем бедре	ручная лепка	нет данных	1974 / 110	нет	Кругликова, 2001, с. 347
фрагмент	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 1974, с. 89
тулово	ручная лепка	нет данных	1974 / 111	нет	Кругликова, 2001, с. 348
тулово	ручная лепка	нет данных	1974 / 123	нет	Кругликова, 2001, с. 352
стоящий, с птицей на левой руке и гроздью винограда в правой	оттиск с односторон- ней матрицы	7,5 × 7,4		178(1)	Кругликова, 1974, с. 83, рис. 57, 1

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
213	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 168, в заполнении / оборонительные сооружения / 2-й период, III–IV вв. н. э.	антропоморфный	мужской	22
214	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 168, в заполнении / оборонительные сооружения / 2-й период, III–IV вв. н. э.	антропоморфный	мужской	10
215	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CVII башни / оборонительные сооружения	антропоморфный	мужской	
216	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CVII башни / оборонительные сооружения	антропоморфный	мужской	
217	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р CVII башни / оборонительные сооружения	всадник или оседланное животное	всадник	
218	Дильберджин / город	гончарное производство	поздний период нефункционирования храма / медеплавильные печи в засыпи	антропоморфный	женский	инд.
219	Дильберджин / город	гончарное производство	поздний период нефункционирования храма / медеплавильные печи в засыпи	антропоморфный	женский	6
220	Дильберджин / город	храмовые сооружения	пом. 4, III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	2(2)
221	Дильберджин / город	храмовые сооружения	пом. 6, 3-й строительный период	антропоморфный	женский	инд.
222	Дильберджин / город	храмовые сооружения	Р X, пом. 17, верхний слой	зооморфный	лошадь	
223	Дильберджин / город	храмовые сооружения	Р X, пом. 13, 2-й строительный период / под стеной пом. монета Канишки	зооморфный	лошадь	
224	Дильберджин / город	храмовые сооружения	Р X, пом. 3, период «Г», 2-й строительный период	антропоморфный	мужской	10
225	Дильберджин / город	храмовые сооружения	Р X, пом. 13, 2-й строительный период / под стеной пом. монета Канишки	антропоморфный	женский	8(1)
226	Дильберджин / город	храмовые сооружения	пом. 6, 3-й строительный период, III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	2(2)
227	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф VIII, горизонт / 2-я пол. I — 1-я пол. II в. н. э.	антропоморфный	мужской	23

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
сидящий кушанский царь в кафтане с гривной на шее	оттиск с односторон- ней матрицы	5,5 × 6	1975 / 43	194(1)	Кругликова, 2001, с. 355, рис. 51, 1
стоящий обнаженный юноша с виноградной гроздью в правой руке и с попугаем на левой	оттиск с односторон- ней матрицы	7,7 × 10	1975 / 16	178(3)	Кругликова, 2001, с. 355, рис. 51, 5; 52, 1
сидящий мужчина в драпирующейся одежде	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных	1975 / 32	нет	Кругликова, 2001, с. 358
стоящий юноша типа греческого курося	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных	1975 / 33	нет	Кругликова, 2001, с. 358
сидящий на верблюде всадник в каф- тане	неясно	нет данных		нет	Кругликова, 2001
голова с крупными, прямого разреза глазами	оттиск с односторон- ней матрицы	3,5 × 4,5	1974	198(1)	Кругликова, 1999, с. 8, рис. 19, 3
стоящая, в одежде. Нижняя часть женской фигуры в одежде с верти- кальными складками	оттиск с односторон- ней матрицы	7,8 × 5,2	1974	171(2)	Кругликова, 1999, с. 8, рис. 19, 1
сидящая, в одежде. Женщина в дра- пирующейся одежде с поднятой пра- вой рукой, на шее — гривна. С атри- бутом в руке. Голова утрачена	оттиск с односторон- ней матрицы	9 × 6,8	1974	158(2)	Кругликова, 1999, с. 9, рис. 22, 1
сидящая, в одежде. Женщина в дра- пирующейся одежде с поднятой пра- вой рукой, на шее — гривна	оттиск с односторон- ней матрицы	7,8 × 5,7	1974	199(3)	Кругликова, 1999, с. 9, рис. 22, 2
лошадка на высоких ножках, с высо- кой шеей, со стриженной стоячей гривой	ручная лепка	h — 9	1976	211(3)	Кругликова, 1999, с. 15, рис. 30, 4
лошадь с отбитыми ногами. Короткая шея и грива с хохолком. Пасть слегка приоткрыта	ручная лепка	нет данных		211(5)	Кругликова, 1999, с. 19, рис. 33, 8
юноша с гроздью винограда в правой согнутой руке	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		178(4)	Кругликова, 1999, с. 19, рис. 33, 9; 42, 4
стоящая, в одежде, с атрибутом. В правой согнутой и прижатой к груди руке зеркало, левая согнута у живота. Голова и нижняя часть утрачены	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		175(1)	Кругликова, 1999, с. 19, рис. 33, 10; 42, 1
фигура в драпирующейся одежде, расширяющейся книзу. Верхняя часть утрачена	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		158(3)	Кругликова, 1999, с. 9, рис. 42, 3
Будда, сидящий, скрестив ноги, коле- ни раздвинуты. Голова и правое коле- но отбиты. Руки в жесте дхьяна-мудра. Одежда драпирующаяся (дхоти), в виде овальных складок	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 9,5; макс. ширина у колен — 11		нет	Пидаев, 1999, 134, рис. 2

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
228	Старый Термез / крупный город	неясно	цитадель, шурф VIII, горизонт, рядом с алтарем / 2-я пол. I — 1-я пол. II в. н. э., Термез-II	антропоморфный	мужской	23
229	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 9 / кушанский период	антропоморфный	женский	8(1)
230	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 9 / кушанский период	антропоморфный	женский	8(1)
231	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 9 ou 10 / кушанский период	антропоморфный	мужской	инд.
232	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 12 / кушанский период	антропоморфный	мужской	20(2)
233	Тепе Заргаран / столица	неясно	sondage E 1, couche 12 / кушанский период	антропоморфный	неясный	инд.
234	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6
235	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6
236	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6
237	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6(2)

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
Будда или бодхисаттва, сидящий, скрестив ноги, колени раздвинуты. Руки в жесте дхьяна-мудра. Одежда драпирующаяся (дхоти), в виде овальных складок. Голова, часть левой руки и основание утрачены	оттиск с односторонней матрицы	6 × 7,2		нет	Пидаев, 1999, 134, рис. 3
верхняя половина статуэтки в одежде с драпировкой, с зеркалом (?) в правой согнутой руке. Левая рука также согнута и лежит у живота. У женщины прическа с бубликами обрамляет лицо. Высокий головной убор	оттиск с односторонней матрицы	h — 8		174(1)	Gardin, 1957, pl. X, 1a, b, p. 54–55
нижняя половина статуэтки в одежде с живописной драпировкой. Левая рука согнута и лежит у живота, кисть свисает. Динамичное и реалистичное изображение	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		174(2)	Gardin, 1957, pl. X, 3, p. 55–56
нижняя часть статуэтки с изображением обнаженного персонажа с раздвинутыми ногами (Герakла ?)	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		200(8)	Gardin, 1957, pl. X, 2, p. 56–57
стоящий, в одежде с вертикальными складками, с атрибутами в обеих руках: в правой чаша, в левой пучок или рог	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		190(3)	Gardin, 1957, pl. X, 6, p. 57–58
идольчик, условно трактованный	ручная лепка	h — 6,5		203(3)	Gardin, 1957, pl. XI, 3, p. 58
фигура с виноградной гроздью в правой, опущенной вдоль тела руке. Платье длинное, с расходящимися с середины складками, с накиннутым наискось через плечо шарфом, образующим складки	оттиск с односторонней матрицы	h — 10,5		169(1)	Пилипко, 1985, с. 197, табл. XXVIII, 5
фрагмент фигуры с виноградной гроздью в правой, опущенной вдоль тела руке. Платье с накиннутым наискось через плечо шарфом	оттиск с односторонней матрицы	h — 9,5		169(2)	Пилипко, 1985, с. 198, табл. XXVIII, 6
стоящая, в одежде, с атрибутом, фрагмент (нижняя часть) женской фигуры с виноградной гроздью в правой, опущенной вдоль тела руке. Платье до пят с накиннутым шарфом, ниспадающим складками, расходящимися с середины	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,3		170(3)	Пилипко, 1985, с. 198, табл. XXVII, 8
стоящая, в одежде, с атрибутом, фрагмент женской фигуры с сосудом (?) в левой руке. Платье с накиннутым наискось через левое плечо шарфом, ниспадающим складками. Правая рука придерживает шарф	оттиск с односторонней матрицы	h — 8,1		172(2)	Пилипко, 1985, с. 198, табл. XXIX, 9

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
238	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6(2)
239	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	6(3)
240	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	17
241	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	17
242	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	18
243	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	18
244	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	18
245	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	18
246	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	18
247	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	2(2)
248	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	2(2)
249	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	2(2)
250	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	13
251	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	13

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, с атрибутом, фрагмент женской фигуры с сосудом (?) в левой руке, прижатой к туловищу сбоку. Платье длинное, расширяющееся книзу, орнаментировано на груди горизонтальным рядом оттиснутых колец. Ниже подол широкая орнаментальная полоса. Слева на подоле зигзагообразный знак	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,6		172(3)	Пилипко, 1985, с. 198, табл. XXIX, 10
фрагмент фигуры с левой рукой, прижатой к левой груди. Платье с накинутым наискось через левое плечо шарфом, ниспадающим складками	оттиск с односторонней матрицы	h — 8,5		есть	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXIX, 12
фрагмент стоящей фигуры в накидке, изображенной в виде четырех гладких вертикальных полос	оттиск с односторонней матрицы	h — 9,6		183(1)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXX, 13
фрагмент стоящей фигуры в накидке, изображенной в виде четырех гладких вертикальных полос	оттиск с односторонней матрицы	h — 6,3		183(5)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXX, 14
на гладком лепном тулове руки в виде налипных отростков. На голове повязка в виде ленты	комбинированная	h — 12,8		185(1)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXXI, 15
на гладком лепном тулове небольшие выступы вместо рук, голова отбита	комбинированная	h — 8,2		185(3)	Пилипко, 1985, с. 199, табл. XXXI, 18
на гладком лепном тулове небольшие выступы вместо рук, левый сколот, голова отбита	комбинированная	h — 8,2		186(1)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXXI, 19
на гладком лепном тулове небольшие выступы вместо рук, левый сколот, голова отбита	комбинированная	h — 8,8		186(2)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXXI, 20
верхняя часть торса, на гладком лепном тулове небольшие выступы вместо рук, голова отбита	комбинированная	h — 4,1		186(3)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXXI, 21
сидящая. Платье длинное, на подоле между ног дуговидные складки. В руках неразличимые предметы	оттиск с односторонней матрицы	h — 6,8		163(1)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXVIII, 22
сидящая. Платье длинное, на подоле между ног дуговидные складки. В руках неразличимые предметы	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,5		162(2)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXVIII, 23
сидящая. Платье длинное, на подоле между ног дуговидные складки. В руках неразличимые предметы	оттиск с односторонней матрицы	h — 7,8		162(1)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXVIII, 24
погрудное изображение бюста среди архитектурного декора. Прическа разделена на прямой пробор. На шее ожерелье	оттиск с односторонней матрицы	h — 6,3		179(1)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXXII, 25
погрудное изображение женщины среди архитектурного декора. Нижняя часть бюста, со сложенными руками	оттиск с односторонней матрицы	h — 5		179(2)	Пилипко, 1985, с. 200, табл. XXXII, 26

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
252	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	инд.
253	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	инд.
254	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	инд.
255	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	б
256	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	б
257	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	инд.
258	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	женский	инд.
259	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	антропоморфный	всадник	
260	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	мифологический	диморфное	
261	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	всадник или оседланное животное	всадник и оседланное животное	
262	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	всадник или оседланное животное	всадник	
263	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	зооморфный	лошадь	
264	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	зооморфный	лошадь	
265	Чопли-депе / среднее сельское поселение без цитадели	неясно	кушанский период / подъем	зооморфный	лошадь	
266	Джигатепе / сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 11, на поверхности	зооморфный	лошадь	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
часть торса с ожерельем с крупным овальным медальоном в центре на груди	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 4,7		200(6)	Пилипко, 1985, с. 201, табл. XXX, 27
круглое лицо с прямым носом, маленьким ртом, большими глазами. Волосы обрамляют лицо и спадают на плечи	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 5,1		200(1)	Пилипко, 1985, с. 201, табл. XXXIII, 29
яйцевидное лицо с прямым носом, маленьким ртом, большими глазами. Волосы обрамляют лицо и разделены горизонтальными штрихами	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 4,8		200(2)	Пилипко, 1985, с. 201, табл. XXXIV, 30
головка женщины (тип статуэток с виноградной гроздьё). Круглое лица с забранными назад волосами	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 4,8		168(1)	Пилипко, 1985, с. 201, табл. XXXIII, 31
круглое лицо с забранными назад волосами	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 4,7	нет / 32	нет	Пилипко, 1985, с. 201
круглое лицо с дуговидными бровями, низким лбом. Волосы обрамляют лицо. На голове небольшой убор типа тубетейки	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 4,2		200(3)	Пилипко, 1985, с. 201– 202, табл. XXXIV, 33
фрагмент головки женщины. Малень- кий рот прямо под прямым носом, пухлые щеки, большие глаза. По сто- ронам оставлен фон	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 3,4		200(4)	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXIV, 34
условно трактованный торс, с отрост- ками вместо рук	ручная лепка	h — 5,9		есть	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXV, 35
две соединенные вместе лошадиные протомы, головы и конечности утраче- ны. Налепными полосами, насечками и налепными дисками изображена сбруя	ручная лепка	l — 13,5		есть	Пилипко, 1985, с. 202, табл. XXXV, 36
торс лошади с нижней частью тулова наездника без ног	ручная лепка	l — 8,5		210(4)	Пилипко, 1985, с. 203, табл. XXXV, 41
торс лошади со следом от крепления всадника. На тулове упряжь в виде пуансонных наколов	ручная лепка	l — 8,5		210(5)	Пилипко, 1985, с. 203, табл. XXXV, 42
голова и шея лошади с челкой нале- пом. Грива с невысоким гребнем	ручная лепка	l — 6,6	нет / 44	нет	Пилипко, 1985, с. 203
голова и ноги отбиты, обобщенная лепка	ручная лепка	l — 5,8	нет / 45	нет	Пилипко, 1985, с. 203
голова и нижняя часть ног отбиты, обобщенная лепка. Шея непропорци- онально толстая	ручная лепка	l — 5	нет / 47	нет	Пилипко, 1985, с. 203
часть коня	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2004, с. 500

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
267	Джигатепе / сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 37, в завале над полом 1	всадник или оседланное животное	всадник	
268	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 10, период Б / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	17
269	Дальверзин-тепе / столичный город	жилые постройки	Дт. 5, айван — пом. 16 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
270	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	8(2)
271	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	
272	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
273	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
274	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
275	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 3 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	женский	
276	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	8(2)
277	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
278	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	зооморфный	коза	
279	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
280	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
281	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
282	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
конь со всадником	ручная лепка	нет данных		нет	Кругликова, 2004, с. 526
на столбообразном тулове головка с налепной косой с насечкой	ручная лепка	12,2 × 3,6		есть	Исхакова, Исхаков, 1978, рис. 113, 14; Pougatchenkova, 1978, p. 70, fig. 48
головка, вокруг которой уложена коса, собранная на затылке в пучок. Лицо сколото	ручная лепка	3 × 2,7 × 2		нет	ДТ, 1978, с. 161, рис. 113, 3
матрица для изготовления статуэток с женским образом с зеркалом	оттиск с модели	нет данных		176(4)	Мухитдинов, 1973, с. 18
миниатюрная матрица для изготовле- ния статуэток с женским образом	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
статуэтка всадника с конем	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
статуэтка всадницы с конем	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
статуэтка с выпуклым животом и руками на нем	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
головка	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
матрица для изготовления статуэток с женским образом с зеркалом	оттиск с модели	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
всадник в остроконечной шапке на коне	ручная лепка	нет данных		есть	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 9
фигурка козы или оленя	ручная лепка	нет данных		нет	Мухитдинов, 1973, с. 18
всадник с отбитой головой на коне с отбитой головой	ручная лепка	нет данных		205(1)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 1
всадник без коня с отбитой головой. На тулове посередине орнамент в виде перевернутых «галочек»	ручная лепка	нет данных		205(2)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 2
конь с отбитой головой и конечностя- ми, с остатками ног прикрепленного к нему всадника	ручная лепка	нет данных		209(2)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 3
всадник с раздвинутыми ногами. Без коня. Руки сложены у живота. Одежда украшена пуансонными наколами	ручная лепка	нет данных		205(4)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 4

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
283	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
284	Саксонохур / дворцово-храмовый комплекс	неясно	слой периода 4 / II–III вв. н. э.	всадник или оседланное животное	всадник	
285	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 87, заполнение над полом 1	зооморфный	неясный	
286	Зартепа / городской центр	неясно	Р 9, траншея IV, ярус	зооморфный	неясный	
287	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 93, пол 2	зооморфный	неясный	
288	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 91, пол 1	зооморфный	неясный	
289	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, улица, верхний слой	зооморфный	лошадь	
290	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 101, пол 2	зооморфный	неясный	
291	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 91, пол 1	зооморфный	баран	
292	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 171, пол 1	всадник или оседланное животное	всадник	
293	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 53, пол 2	зооморфный	зебу	
294	Зартепа / городской центр	неясно	Р 9, яр. IX	всадник или оседланное животное	всадник	
295	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 107, пол 3	всадник или оседланное животное	всадник	
296	Зартепа / городской центр	неясно	Р 4, X ярус	всадник или оседланное животное	всадник	
297	Зартепа / городской центр	неясно	Р 2, XII ярус	всадник или оседланное животное	всадник	
298	Зартепа / городской центр	неясно	Р 9, X ярус	зооморфный	лошадь	
299	Зартепа / городской центр	неясно	Р 9, VI ярус	зооморфный	лошадь	
300	Зартепа / городской центр	неясно	Р 9, IV ярус	зооморфный	лошадь	
301	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 81, пол 3	зооморфный	неясный	
302	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 33, пол 1	зооморфный	неясный	
303	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 37, пол 2	зооморфный	неясный	
304	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 50, пол 1	всадник или оседланное животное	всадник	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
всадник. Низ отбит. Без коня. Руки в виде валиков. Одежда украшена косой насечкой. На голове маленький головной убор	ручная лепка	нет данных		205(3)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 5
конь с отбитой головой и конечностя- ми, с остатками ног прикрепленного к нему всадника	ручная лепка	нет данных		209(1)	Мухитдинов, 1987, с. 98, рис. 8, 6
туловище животного под седлом. Седло отдельно слепленное и прикреплен- ное к спине	ручная лепка	нет данных	1980	нет	коллекция ИИМК
туловище животного с мощным хвостом	ручная лепка	нет данных		нет	коллекция ИИМК
фрагмент туловища. Передняя часть	ручная лепка	нет данных	1980	нет	коллекция ИИМК
фрагмент туловища, украшенного пуан- сонными наколами	ручная лепка	нет данных	1980	216(1)	коллекция ИИМК
фрагмент шеи	ручная лепка	нет данных	1986	нет	коллекция ИИМК
длинное туловище, грудь украшена резь- бой и наколами пуансона	ручная лепка	нет данных	1981	216(2)	коллекция ИИМК
туловище без головы и конечностей	ручная лепка	нет данных	1980	216(3)	коллекция ИИМК
конь без головы и конечностей, на туловище нижняя часть всадника	ручная лепка	нет данных	1986	нет	коллекция ИИМК
животное без головы и конечностей, на туловище горб	ручная лепка	нет данных	1977	215(7)	коллекция ИИМК
конь без головы и конечностей, на туловище нижняя часть всадника	ручная лепка	нет данных	1978	нет	коллекция ИИМК
передняя часть туловища лошади с гри- вой и нижней частью всадника	ручная лепка	нет данных	1981	нет	коллекция ИИМК
лошадь со стоячим хохолком и ниж- ней частью всадника	ручная лепка	нет данных	1973 (?)	нет	коллекция ИИМК
лошадь с фрагментом всадника	ручная лепка	нет данных	1972	нет	коллекция ИИМК
лошадь без головы и конечностей	ручная лепка	нет данных	1978	нет	коллекция ИИМК
лошадь без головы и конечностей	ручная лепка	нет данных	1978	нет	коллекция ИИМК
лошадь с отбитыми внизу ножками	ручная лепка	нет данных	1978	нет	коллекция ИИМК
коническая ножка	ручная лепка	7	1980	нет	коллекция ИИМК
коническая ножка	ручная лепка	6	1976	нет	коллекция ИИМК
коническая ножка	ручная лепка	7	1976	нет	коллекция ИИМК
миниатюрная лошадь со всадником	ручная лепка	нет данных	1977	нет	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
305	Зартепа / городской центр	жилые постройки	P 6, пом. 9, пол 1	антропоморфный	мужской	24
306	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, С-3 угол раскопа, мусорный слой	зооморфный	лошадь	
307	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, С-3 угол раскопа, мусорный слой	всадник или оседланное животное	всадник	
308	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, С-3 угол раскопа, мусорный слой	антропоморфный	мужской	инд.
309	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, над полом разрушенного пом. в восточной части раскопа	антропоморфный	женский	инд.
310	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, над полом разрушенного пом. в восточной части раскопа	антропоморфный	мужской	23
311	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CI, над полом разрушенного пом. в восточной части раскопа	зооморфный	собака	
312	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CVI, верхний горизонт	зооморфный	лошадь	
313	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, P CVI, верхний горизонт	зооморфный	лошадь	
314	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 20, пол / период Великих кушан	антропоморфный	женский	6
315	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 60, хоз. завал / период Великих кушан	антропоморфный	женский	6(2)
316	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 60 / период Великих кушан	антропоморфный	мужской	инд.
317	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 60 / период Великих кушан	антропоморфный	мужской	инд.
318	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, двор 48 / 49 / период Великих кушан	всадник или оседланное животное	всадник	
319	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 50 / период Великих кушан	зооморфный	бык	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
Будда или бодхисаттва, стоящий. Руки в жесте абхайя-мудра. Одежда драпирующаяся (дхоти), в виде овальных складок. Голова утрачена	оттиск с односторонней матрицы	11	1975	196(1)	коллекция ИИМК / Завьялов, 1981, с. 65–69, рис. 1, 2; Завьялов, 2008, рис. 37а, б
торс лошади	ручная лепка	5,6	1972 / 101	212(4)	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 3
торс лошади со следами крепления всадника	ручная лепка	7,5	1972 / 102	212(1)	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 2
фрагмент торса обнаженного мужчины	ручная лепка	6	1972 / 100	есть	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 1
головка женской статуэтки	оттиск с односторонней матрицы	3,5 × 3	1972 / 78	201(6)	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 10
нижняя часть сидящего (Будды ?). На статуэтке следы красной краски	оттиск с односторонней матрицы	6 × 3,6	1971 / 14	195(2)	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 14
фигурка собаки без головы	ручная лепка	4,3	1972 / 14	212(2)	Кругликова, 2001, с. 316, рис. 10, 4
торс лошади с вырезанными тамгами в виде круга над левой передней и над правой задней ногами	ручная лепка	9	1975 / 77	211(1)	Кругликова, 2001, с. 342, рис. 52, 5
торс лошади с тамгой на левом заднем бедре в виде круга, нанесенного до обжига	ручная лепка	нет данных	1975 / 78	нет	Кругликова, 2001, с. 342
стоящая, в одежде с драпирующимися вертикальными складками, которая спадает до пят, поверх накинута наискось шарф, образующий косые складки. Правая рука вытянута вдоль тулова (с крупной гроздью винограда), в левой, согнутой, неясный предмет	оттиск с односторонней матрицы	11 × 3,4		171(1)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 37, рис. 32, 7
стоящая, в одежде с драпирующимися вертикальными складками, которая спадает до пят, поверх накинута шарф, образующий горизонтальные складки. Правая рука согнута и у левой груди. На шее ожерелье. Голова утрачена	оттиск с односторонней матрицы	7,5 × 4,1 × 1,2		172(4)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 40, рис. 32, 4
нижняя часть сидящей мужской фигуры	оттиск с односторонней матрицы	3,8 × 3 × 1,8		198(4)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 40, рис. 32, 5
нижняя часть правой ноги до щиколотки. Статуэтка была крупной и круглообъемной	ручная лепка	7 × 8,5		204(6)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 42, рис. 32, 8
статуэтка всадника с конем	ручная лепка	7 × 8,5		203(1)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 42, рис. 32, 3
фигурка крупного быка, на морде наколы пуансона. На шее налеп валика (ярмо ?)	ручная лепка	нет данных		214(5)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 42, рис. 32, 6

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
320	Дильберджин / город	жилые постройки	P V, пом. 53 / период Великих кушан	зооморфный	лошадь	
321	Дильберджин / город	жилые постройки	P V / период Великих кушан	всадник или оседланное животное	всадник	
322	Дильберджин / город	жилые постройки	P VI, пом. 5 / период Великих кушан / буддийское святилище	антропоморфный	неясный	инд.
323	Дильберджин / город	жилые постройки	P VII / период Великих кушан (до Васудевы I и II включительно) / дом ремесленника	антропоморфный	неясный	инд.
324	Дильберджин / город	жилые постройки	P VII / период Великих кушан (до Васудевы I и II включительно) / дом ремесленника	зооморфный	верблюд	
325	Дильберджин / город	жилые постройки	P I, айван, последний строительный период / храм в С-В углу	антропоморфный	женский	6
326	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	жилой квартал	антропоморфный	женский	2(2)
327	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	жилой квартал	антропоморфный	женский	2(2)
328	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	жилой квартал	антропоморфный	женский	2(2)
329	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	жилой квартал	антропоморфный	женский	2(2)
330	Турткуль / городище	жилые постройки	P I. Нижний горизонт с монетой Вимы Кадфиза	всадник или оседланное животное	всадник	
331	Турткуль / городище	жилые постройки	P I. Нижний горизонт с монетой Вимы Кадфиза	всадник или оседланное животное	всадник	
332	Турткуль / городище	жилые постройки	P I. Нижний горизонт с монетой Вимы Кадфиза	всадник или оседланное животное	всадник	
333	Турткуль / городище	жилые постройки	P I. Нижний горизонт с монетой Вимы Кадфиза	всадник или оседланное животное	всадник	
334	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	на полу коридора	мифологический	диморфное	
335	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	на полу коридора	зооморфный	лошадь	
336	Кей-Кобад-Шах / городище	жилые постройки	на полу коридора	зооморфный	лошадь	

Продолжение табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
голова с высокой холкой	ручная лепка	нет данных		214(2)	Кругликова, Пугачен- кова, 1977, с. 42, рис. 32, 2
торс лошади со следами крепления ног всадника	ручная лепка	нет данных		214(1)	Кругликова, Пугачен- кова, 1977, с. 42, рис. 32, 1
голова идольчика, формованного защипом	ручная лепка	1,3 × 1,5		нет	Кругликова, Пугачен- кова, 1977, с. 74, рис. 69, 1
голова в венце с лучами	оттиск с односторон- ней матрицы	5,8 × 4,8 × 4		есть	Кругликова, Пугачен- кова, 1977, с. 99, рис. 103, 1
фигурка верблюда с отбитыми ногами и горбом	ручная лепка	10 × 13,5 × 4,2		есть	Кругликова, Пугачен- кова, 1977, с. 101, рис. 103, 2
стоящая, в одежде, с атрибутом. Тип с виноградной гроздью в правой опущенной руке	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 12,5		171(3)	Кругликова, 1974, с. 36, рис. 26, 1
сидящая, редуцированная	оттиск с односторон- ней матрицы	7,2 × 4,5		159(3)	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 301, рис. 7
сидящая, с сосудом	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		159(4)	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 305, рис. 13
голова сидящей	оттиск с односторон- ней матрицы	7,2 × 4,5		159(1)	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 305, рис. 14
сидящая, с сосудом в правой руке	оттиск с односторон- ней матрицы	нет данных		159(2)	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 303–304, рис. 12
всадник	ручная лепка	нет данных		нет	Абдуллаев, 1982, с. 65, рис. 3; 1, 2
всадник	ручная лепка	нет данных		нет	Абдуллаев, 1982, с. 65, рис. 3; 1, 3
всадник	ручная лепка	нет данных		нет	Абдуллаев, 1982, с. 65
всадник	ручная лепка	нет данных		нет	Абдуллаев, 1982, с. 65
диморфное существо с двумя голова- ми «тяни-толкай» на одном тулове, с четырьмя ножками. Одна голова лошади со стоячей гривой, вторая — без гривы, неясная	ручная лепка	h — 5,8; a — l — 5,3		217(5)	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 301, рис. 8
отбита морда	ручная лепка	нет данных		нет	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 302
нет описания	ручная лепка	нет данных		нет	Мандельштам, Певз- нер, 1958, с. 302

ТЕРРАКOTOVAYА ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
337	Кара-тепе / буддийский культовый центр	культовые помещения	P 1 / I–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	14(2)
338	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	бл. V, пом. 21 с Сотером Мегасом	антропоморфный	женский	16
339	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	северная часть «нижнего города», у стены пом. VII, в слое подсыпки, перекрывающей нижний пол и суфу / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	антропоморфный	женский	16

20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	жилой блок-квартал 5, улица 2 / кушанские слои до конца первой трети II в. н. э.	зооморфный
2	Кампыртепа / крепость	налеп на сосуде	жилые постройки	жилой блок-квартал 5, улица 2, второй пол / кушанские слои до второй трети II в. н. э.	зооморфный
3	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	фортификация	жилой блок-квартал 5, стрелковая галерея-улица, второй пол / с монетой Канишки	зооморфный

Окончание табл. 19. Статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, без атрибутов. Голова утрачена. Одежда с вертикальными складками, двухъярусной юбкой. Правая рука согнута и ладонью прижата к животу. На груди украшение с крупной подвеской в центре. На плечах накидка	оттиск с односторонней матрицы	нет данных	1937	180(3)	Пчелина, 1964, с. 90, рис. 40в
нижняя половина	оттиск с односторонней матрицы	нет данных		182(2)	Двуреченская, 2011, с. 107
стоящая, в одежде, с атрибутом. Фигура с высокой прической и головным убором с круглой бляхой в центре, с округлыми серьгами в ушах, в длинном платье с V-образным вырезом, украшенном орнаментом в виде кружков, шестилучевых розеток, полос и зигзагов. В правой согнутой руке у груди округлый предмет (короткая лютия?). Расположение левой руки не совсем ясно (она у пояса). Рельеф неглубокий	оттиск с односторонней матрицы	17,3		182(1)	Болелов, 2006, с. 52, рис. 7, 3

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
кошачьей породы	ручка кувшина, оформленная в виде животного. Морда животного округлой формы, уши переданы небольшими бугорками, пасть широкая и чуть приоткрыта, язык высунут, ноздри вздуты. Глаза глубоко посажены и переданы кружками	ручная лепка	нет		221(7)	Шейко, Никитенко, 2001, с. 33, рис. 4
кабан	налеп на стенке кувшина в виде кабана (?). Отчетливо виден пяточек, с непропорциональными ушами, левый глаз выше правого	ручная лепка	7 × 4		227(3)	Шейко, Никитенко, 2001, с. 33, рис. 5, 2; фото 2
кошачьей породы	ручка кувшина, оформленная в виде животного. Морда животного округлой формы, уши переданы небольшими бугорками, пасть широкая и чуть приоткрыта, язык высунут, ноздри вздуты. Глаза глубоко посажены и переданы кружками	ручная лепка	нет		221(6)	Шейко, Никитенко, 2001, с. 34, рис. 7

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
4	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	P V, из пом. 39 (?)	зооморфный
5	Кампыртепа / крепость	налеп на носике-сливе	погребение	башня 8, погребение II	зооморфный
6	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	жилой квартал-блок 5, пом. 6 / в слое с монетой Вимы Кадфиза	зооморфный
7	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	жилой квартал-блок 5, пом. 7 / в слое с монетой Вимы Кадфиза	зооморфный
8	Кампыртепа / крепость	ритон	жилые постройки	жилой квартал-блок 5, пом. 26 / в слое с монетой Канишки	зооморфный
9	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	жилой квартал-блок 5, пом. 26 / в слое с монетой Канишки	зооморфный
10	Кампыртепа / крепость	налеп на сосуде	жилые постройки	цитадель, пом. 78 / кушанский слой I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
11	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города» / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	в корневой части ручки налеп в виде изогнутого жгутика, посередине оттиск штампа в виде круглой розетки	ручная лепка	нет		есть	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 53, рис. 47, 4
архар	«поильник» с носиком-сливом, оформленным в виде головы «архара»	ручная лепка	h — 8,5; d — 6,8		235(1)	Ртвеладзе, 2001, с. 82; ДНУ № 170
кабан	зооморфная ручка в виде кабана. Морда продолговатая, ноздри показаны небольшими углублениями, рот приоткрыт, видны клыки; глаза сделаны при помощи пуансонов, рядом посажены уши, ушные раковины показаны углублениями. Туловище расписано вертикальными полосками	ручная лепка	l — 7,5	1999	опись	Шейко, 2000, с. 85, рис. 7
кабан	зооморфная ручка в виде кабана. Морда продолговатая, ноздри показаны небольшими углублениями, рот приоткрыт, видны клыки; глаза сделаны при помощи пуансонов, рядом посажены уши, ушные раковины показаны углублениями. Туловище расписано вертикальными полосками	ручная лепка	l — 6,8	1999	нет	Шейко, 2000, с. 86, рис. 7
баран или козел	диаметр сохранившегося резервуара ритона — 6 см, высота — 6,8 см. В нижней части сосуда изображена голова животного — барана или козла. Изображение сильно стилизовано. На морде имеется отверстие — слив. Глаза показаны налепами, рядом следы от рогов, которые крепились в двух местах, образуя таким образом ручку. Нижняя часть сильно затерта и срезана	ручная лепка	нет	1999	234(2)	Шейко, 2000, с. 92, рис. 3, 3
кабан	кувшин с двумя ручками в виде кабана или ежей	ручная лепка	нет	1999	218(1)	Шейко, 2000, с. 92, рис. 3, 4
обезьяна (?)	ритонобразный сосуд (возможно, бокал) вытянутых пропорций с широким резервуаром, на внешней стенке которого налеп в виде головы обезьяны (?)	ручная лепка	15 × 13		235(2)	Курбанов, 2000, с. 45; ДНУ № 171
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, крупными ушками и несколькими насечками на спинке	ручная лепка	нет		223(1)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 7

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
12	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
13	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
14	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
15	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
16	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
17	Кампыртепа / крепость	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	северная часть «нижнего города»/ кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
18	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на сосуде	жилые постройки	неясное	зооморфный
19	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на сосуде	жилые постройки	неясное	зооморфный
20	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на сосуде	жилые постройки	неясное	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, крупными ушками и тремя бугорками на спинке	ручная лепка	нет		223(3)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 8
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, крупными ушками и без насечек на спинке	ручная лепка	нет		223(4)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 9
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, ноздри и глаза показаны наколами, а рот надрезом, ушки отбиты, на спинке несколько подтреугольных насечек	ручная лепка	нет		223(3)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 10
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, небольшими ушками и множеством подтреугольных насечек на круто изогнутой спинке	ручная лепка	нет		222(1)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 11
кабан	с-видная ручка с ярко выделенным пяточком и цилиндрическим рыльцем, крупными ушками и несколькими насечками на спинке, глаза и ноздри сформованы наколами, рот — надрезом	ручная лепка	нет		222(2)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 12
кабан	с-видная ручка с вытянутой мордочкой, крупными ушками, без насечек на спинке	ручная лепка	нет		222(3)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 13
лев	кубкообразная чаша с налепом с внешней стороны у венчика. На одной чаше было от 3 до 4 налепов	оттиск с односторонней матрицы	нет		230(2)	Пидаев, 1978, с. 65; рис. 20; табл. X, 29
обезьяна (?)	столовая тагора с налепом в виде обезьяны у края венчика на самом ребре и заходя на внутреннюю сторону	ручная лепка	нет		есть	Пидаев, 1978, с. 66; табл. XI, 8
горный козел	налеп на тулове краснооще-ного кувшина в виде горного козла архара. Морда вытянута, рога большие схематичные, несут следы пальцевых вдавлений, расположены по обеим сторонам морды и загнуты вниз	ручная лепка	нет		226(1)	Пидаев, 1978, с. 66; рис. 25, 5

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
21	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	неясное	антропоморфный
22	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	неясное	зооморфный
23	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р CVI, цитадель верхн. горизонта, пом. 175 / кушано-сасанидский	зооморфный
24	Кампыртепа / крепость	налеп на носике-сливе	жилые постройки	северная часть «нижнего города» / кушанские слои конца I — первой трети II в. н. э.	зооморфный
25	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	неясное	зооморфный
26	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	культово-храмовый комплекс	Храм Диоскуров, пом. 1, 5-й строит. период / кушано-сасанидский	зооморфный
27	Дальверзин-тепе / столичный город	ритон	культово-храмовый комплекс	Дт. 9, пом. 1, на суфе / кушанские слои II–III вв.	зооморфный
28	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	общественная постройка	Р V, сардоба	зооморфный
29	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на сосуде	культово-храмовый комплекс	пещера 1 комплекса В / в слое с монетой Канишки	зооморфный
30	Дальверзин-тепе / столичный город	налеп на крышке	культово-храмовый комплекс	Дт. 9, пом. 5, у Ю-В угла	антропоморфный
31	Дальверзин-тепе / столичный город	налеп на крышке	культово-храмовый комплекс	Дт. 9, пом. 12 / кушанские слои I–III вв.	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
мужской	небольшой эллипсовидный кувшин с широкой горловиной и двумя ручками, на верхнем изгибе которых прикреплены налепы в виде головы человека. Один налеп обращен в одну сторону, другой — в противоположную. Лицо округлое с искаженными пропорциями. Лоб покатый, с морщинами, нос ровный длинный. Рот раскрыт, видны зубы. Глаза миндалевидные с четким круглым зрачком в центре. Лицо с выражением злобной усмешки	оттиск с односторонней матрицы	нет		225(1)	Пидаев, 1978, с. 67; рис. 21
неясный	горшок с налепом в виде головы животного на верхней части ручки	оттиск с односторонней матрицы	нет		218(2)	Пидаев, 1978, с. 68; табл. XIV, 3
неясный	налеп в корневой части ручки в виде «птичьей лапки»	ручная лепка	нет		226(2)	Кругликова, 2001, с. 397, рис. 38, 15
неясный	слив	ручная лепка	нет		234(1)	Болелов, 2006, с. 50, рис. 7, 6
неясный	от ручки сохранилась верхняя часть с мордочкой, повернутой влево. Форма сосуда неясная	ручная лепка	нет		219(6)	Пидаев, 1978, с. 76, рис. 25, 2
кабан	с-видная ручка с налепом в виде фигурки кабана	ручная лепка	нет		221(4)	Кругликова, 1986, с. 83, рис. 75
баран	амфоровидный ритон с двумя ручками и налепом на плечиках ряда из пяти лепных кружков, под ними — головки барана	ручная лепка	нет		231(1)	Дт, 1978, с. 133–135, рис. 95, 1; 98, 1; Пугаченкова, 1981, с. 115, рис. 83, 1
кошачьей породы	кружка с зооморфной ручкой в виде вытянутого тонкотелого зверька с повернутой налево зауженной мордочкой	ручная лепка	нет		218(4)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 53, рис. 47, 4
птица	ручка сосуда с навершием в виде фигурки птицы с повернутой головой	ручная лепка	нет	1973	220(2)	Сычева, 1975, с. 118, рис. 52, 2
	примитивный лик в центре поля крышки, вытянутый из общего пласта, с глазами — фистончатыми оттисками, прорисованным носом и дужками бровей. Поле крышки разбито на крестовину фистончатыми оттисками	комбинированная	нет		нет	Дальверзин-тепе, 1978, с. 141
верблюд	на крышке в центре налеп в виде головы верблюда. Поле крышки разбито на шестиугольник фистончатыми оттисками	комбинированная	нет		нет	Дальверзин-тепе, 1978, с. 141

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
32	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на сосуде	культово-храмовый комплекс	пещера 1 комплекса В / в слое с монетой Канишки	зооморфный
33	Халчаян / городище	налеп на сосуде	неясное	дворцовое здание X-1 / кушанские слои I–II вв.	зооморфный
34	Халчаян / городище	налеп на курильнице	жилые постройки	западный дом, пом. 5, над полом / слои I в. до н. э. — II в. н. э.	антропоморфный
35	Зартепа / городской центр	налеп на сосуде	жилые постройки	Р 6, пом. 156, пол 2. Домовладение Е на краю с ямой	антропоморфный
36	Зартепа / городской центр	налеп на сосуде	жилые постройки	Р 6, пом. 99, пол 2	зооморфный
37	Зартепа / городской центр	ритон	жилые постройки	Р 6, пом. 6, пол 3	зооморфный
38	Зартепа / городской центр	налеп на сосуде	жилые постройки	Р 6, пом. 64	зооморфный
39	Зартепа / городской центр	налеп на сосуде	жилые постройки	Р 6, улица к С от пом. 21, 23, шт. 1	зооморфный
40	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 73, над полом 1	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
птица	ручка сосуда с навершием в виде фигурки птицы с повернутой головой	ручная лепка	нет	1973	220(1)	Сычева, 1975, с. 118, рис. 52, 1
лошадь	плоское основание поставца светильника или курильницы с налепом конской головы на высокой шее, с налепными глазами лепешечками и отбитыми ушами	ручная лепка	нет		224(4)	Пугаченкова, 1966, с. 57, 234, рис. 34, 108
мужской	фигурный сосуд с полой конической ножкой, сильно расширяющейся к основанию. На пологих сторонах с внешней стороны основания были прикреплены налепы в виде трех грубо моделированных мужских фигурок в конических шапочках, раздвинутые ножки фигур одновременно являлись ножками самой курильницы	ручная лепка	7,5		есть	Пугаченкова, 1966, с. 60, 227, рис. 107, 6
мужской (?)	лицо с крупными чертами, большими глазами прямого разреза, широким носом, пышными усами и бородой, на лбу складки морщин	оттиск с односторонней матрицы	7 × 5,4 × 2	1984	229(5)	коллекция ИИМК
лев	на крупном сосуде оттиснуто на стенке изображение морды львopodobного существа с гривой с прямым пробором и крупными глазами и носом в круглом картуше	оттиск с односторонней матрицы	d — 14; глубина рельефа — до 4	1980	228(1)	коллекция ИИМК
баран	однорожковый, нижняя фигурная часть роговидного ритона с завершением в виде головы барана с загнутыми кольцом рогами, украшенными насечкой. Глаза в виде налепных лепешечек глубоким наколом в центре	ручная лепка	нет	1976	233(1)	коллекция ИИМК
козел	налеп в нижней части ручки кувшина в виде головы козла с налепными глазами лепешечками с наколом пуансоном	ручная лепка	нет	1978	227(2)	коллекция ИИМК
козел	на стенке сосуда (возможно, нижняя часть прилепа ручки кувшина) налеп головы козла с круглыми глазами и длинной бородой, обозначенной бороздками	ручная лепка	нет		227(1)	коллекция ИИМК
кошачьей породы или обезьяна	фрагмент сероглиняного светильника с короткой ручкой в виде головы животного кошачьей породы с округлой головой, большими круглыми глазами и округлыми ушами, с тыльной стороны украшена 2 рядами наколов пуансоном	ручная лепка	6 × 4,5	1979	219(1)	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
41	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 90, пол 3	зооморфный
42	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 141, свалка из ямы с флейтистом	зооморфный
43	Зартепа /городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 138, пол 3	зооморфный
44	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 63, пол 2	зооморфный
45	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 155, заполнение над полом 4	зооморфный
46	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 22, пол 3	зооморфный
47	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 164, заполнение над полом 1	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
кошачьей породы	с-видная ручка с налепом в верхней части головы животного, повернутой влево. Голова округлая с большими круглыми глазами (вдавления пуансоном), уши отбиты. С тыльной стороны головы 2 ряда косых наколов	ручная лепка	9 × 4	1980	219(2)	коллекция ИИМК
кошачьей породы	с-видная ручка с налепом в верхней части головы животного, отогнутой назад. Голова округлая с большими круглыми глазами (вдавления пуансоном), уши отбиты. С тыльной стороны головы 2 ряда косых наколов. Лев (?)	ручная лепка	9 × 3	1983	219(3)	коллекция ИИМК
кабан	налеп на короткой с-видной ручке в виде фигурки кабанчика с вытянутым рыльцем, глазами, сформованными наколом пуансона, на вздыбленной спинке косые наколы, передающие щетинку	ручная лепка	7,3 × 4,8	1984	есть	коллекция ИИМК
неясный	налеп на короткой с-видной ручке в виде фигурки животного с вытянутой узкой повернутой налево головой (возможно, птица), с крупными круглыми глазами в виде налепных лепешечек с наколом пуансоном, на спинке-ручке плоские косые наколы в 9 рядов по 4 в каждом	ручная лепка	5,5 × 2	1978	опись	коллекция ИИМК
неясный	налеп на с-видной ручке в виде фигурки животного с повернутой налево головой, с крупными круглыми глазами в виде налепных лепешечек с наколом пуансоном, на спинке-ручке грубые косые надрезы-бороздки	ручная лепка	5,5 × 1,8	1984	опись	коллекция ИИМК
неясный	налеп на с-видной ручке в виде фигурки животного с повернутой направо головой, с крупными круглыми глазами в виде налепных лепешечек с наколом пуансоном, на макушке также несколько косых наколов	ручная лепка	5 × 1,5		опись	коллекция ИИМК
корова	налеп на нижней части ручки в виде головы коровы, с крупными круглыми глазами, сформованными наколом пуансона, так же как и ноздри. Верх морды, переходившей в ручку, отбит	ручная лепка	3 × 1,8	1985	есть	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
48	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 12, пом. 2, заполнение над полом 2	зооморфный
49	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 1, пом. 2	зооморфный
50	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, пом. 77, пол 1, домовладение Б	зооморфный
51	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Р 6, улица, 1 уровень в районе домовладения А	зооморфный
52	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на сосуде	культово-храмовый комплекс	пещера 1 комплекса В / в слое с монетой Канишки	зооморфный
53	Зартепа / городской центр	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Ю-В холм, пом. 8	зооморфный
54	Тепай-Шах / некрополь	налеп на ручке сосуда	погребение	сооружение IV, без монет	антропоморфный
55	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на сосуде	культово-храмовый комплекс	комплекс Б / конец I — середина III в. н. э. с монетами от Канишки до Васудевы	зооморфный
56	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р СIII, пом. 48, 3-й строит. горизонт / жилой квартал, двор	зооморфный
57	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р СIII, пом. 48, жилой квартал у оборонительной стены, двор	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	налеп на верхней части с-видной ручки в виде животного кошачьей породы с округлой головой и большими налепными глазами	ручная лепка	2,5 × 2	1985	опись	коллекция ИИМК
неясный	налеп на верхней части с-видной ручки в виде животного кошачьей породы с округлой головой и большими налепными глазами	ручная лепка	2,7 × 2,1	1985	опись	коллекция ИИМК
неясный	налеп на верхней части с-видной ручки в виде животного кошачьей породы с округлой, повернутой налево головой и большими налепными глазами с пуансонными наколами	ручная лепка	7 × 3,2		опись	коллекция ИИМК
неясный	налеп на верхней части с-видной ручки в виде животного кошачьей породы с округлой, повернутой налево головой и большими налепными глазами с пуансонными наколами, ноздри обозначены наколами	ручная лепка	4,5 × 3,2	1976	219(4)	коллекция ИИМК
лев	тонкостенная чаша с налепом с внешней стороны под венчиком	оттиск с односторонней матрицы	нет	1973	230(1)	Сычева, 1975, с. 117–118, рис. 53, 4
кабан	кабан	ручная лепка	нет		нет	Пидаев, 1990, с. 52
женский	женский бюст, предназначенный для прикрепления к верхней части сосуда или ручке. Широкое округлое улыбающееся лицо с правильными крупными чертами: прямой нос, большие прямого разреза глаза, большой рот с крупной верхней губой. Волосы забраны назад, уложены с прямым пробором под головным невысоким убором. На правом крыле носа небольшая свисающая палочка (серьга). На полной шее ожерелье. Одежда с мысовидным вырезом	оттиск с односторонней матрицы	4 × 2,9		229(4)	Литвинский, Седов, 1983, с. 159, табл. XXVI, рис. 1
лев	тонкостенная чаша с налепом с внешней стороны под венчиком	оттиск с односторонней матрицы	нет	1961	есть	Ставиский, 1964, с. 41, рис. 34,2
неясный	неясное	ручная лепка	нет	1973/34	221(2)	Кругликова, 2001, с. 325, рис. 25,15
неясный	с повернутой налево головкой, с вытянутым тонким тельцем	ручная лепка	нет	1973/76	221(1)	Кругликова, 2001, с. 325, рис. 25, 14

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
58	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р СIII, пом. 55, жилой квартал у оборонительной стены, двор	зооморфный
59	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, жилой квартал у оборонительной стены, западный Р СIII, пом. 91, на полу с сасанидо-кушанской монетой Арташира	зооморфный
60	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 136, жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный
61	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 133 / жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный
62	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р CIV, пом. 133, жилой квартал у оборонительной стены	зооморфный
63	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	культово-храмовый комплекс	западный храм под полом «Б» / с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами	зооморфный
64	Тепе Заргаран / столица	налеп на ручке сосуда	неясное	sondage E 1, couche 9 et 10 / кушанский период	антропоморфный
65	Тепе Заргаран / столица	налеп на ручке сосуда	неясное	sondage E 1, couche 9 et 10 / кушанский период	антропоморфный
66	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на сосуде	культово-храмовый комплекс	монашеская келья П II — пещерный храм комплекса Б / в комплексе с монетой Васудевы, II–III вв. н. э.	антропоморфный
67	Старый Термез / крупный город	налеп на сосуде	неясное	цитадель, шурф 1973 г., слой 4	зооморфный
68	Джигатепе / сельское поселение с городищем	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, двор № 1, в завале над полом	
69	Джигатепе / сельское поселение с городищем	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, пом. 5	зооморфный
70	Зартепа / городской центр	налеп на сосуде	фортификация	Р 4, фортификация, пристенные помещения (4 период) / с кушано-сасанидскими монетами	зооморфный
71	Джигатепе / сельское поселение с городищем	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, пом. 10 (двор)	антропоморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
тигренок	тигренок	ручная лепка	нет	1973/76а	нет	Кругликова, 2001, с. 326
неясный	неясное	ручная лепка	нет	нет	нет	Кругликова, 2001, с. 331
собака	ручка зооморфная сосуда в виде собаки (?), с прямо поставленной головой. Ручка довольно массивна	ручная лепка	нет	1974/60	221(3)	Кругликова, 2001, с. 336, рис. 25, 16; 52, 7
неясный	неясное	ручная лепка	нет	1974/58	нет	Кругликова, 2001, с. 338
корова	корова	ручная лепка	нет	1974/59	нет	Кругликова, 2001, с. 338, рис. 31, 3
бык	налеп в виде головы быка под ручкой с насечками	ручная лепка	нет	1974	опись	Кругликова, 1999, с. 8, рис. 11, 5
неясный	персонаж с согнутой рукой у груди, в высоком головном уборе	оттиск с односторонней матрицы	нет	нет	229(1)	Gardin, 1957, pl. XII, 6, p. 61
неясный	стоящий персонаж с согнутой левой рукой у груди, в высоком головном уборе	оттиск с односторонней матрицы	нет	нет	229(2)	Gardin, 1957, pl. XII, 7, p. 61–62
мужской	налеп под ручкой сосуда с изображением в три четверти повернутого мужского лица без усов и бороды	оттиск с односторонней матрицы	h — 3,5	нет	229(3)	Ставиский, 1972, с. 24, 45, табл. XVIII
лев	на внешней стенке тонкостенного сосуда (чаши) налеп в виде морды льва	оттиск с односторонней матрицы	d — 1,5	нет	нет	Козловский, Некрасова, 1976, с. 35
	налеп с тройными налипными отростками у основания ручек кувшина	ручная лепка	нет	нет	нет	Кругликова, 2004, с. 488
неясный	ручка сосуда с головой животного	ручная лепка	нет	нет	нет	Кругликова, 2004, с. 490
лев	чаши тонкостенные с налепом в виде морды льва	оттиск с односторонней матрицы	нет	1973–74	нет	Сабилов, 1976, с. 49
женский	корневая часть ручки большого кувшина. Налеп с изображением погрудным женщины. На шее ее — гривна, кисти рук у груди. В левой — округлый плод, в правой — удлиненный предмет. Под грудью пояс, над лбом — перевязь с каплевидным украшением. Фигура обрамлена трехрядным когтевым узором	оттиск с односторонней матрицы	нет	нет	225(2)	Кругликова, 2004, с. 498, рис. 5, 1

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
72	Джигатепе / сельское поселение с городищем	ритон	жилые постройки	цитадель, пом. 30, на полу № 1	зооморфный
73	Джигатепе / сельское поселение с городищем	ритон	жилые постройки	цитадель, пом. 43	зооморфный
74	Джигатепе / сельское поселение с городищем	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, пом. 34	зооморфный
75	Джигатепе / сельское поселение с городищем	налеп на носике-сливе	жилые постройки	цитадель, пом. 45, у поверхности	зооморфный
76	Шортепа / город 125 × 100 м	налеп на ручке сосуда	неясное	Шт-5	зооморфный
77	Кара-тепе / буддийский культовый центр	налеп на ручке сосуда	культово-храмовый комплекс	монашеская келья П II — пещерный храм комплекса Б / в комплексе с монетой Васудевы, II–III вв. н. э.	зооморфный
78	Дильберджин / город	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 13, в слое заполнения	зооморфный
79	Шортепа / город 125 × 100 м	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Шт-5	зооморфный
80	Шортепа / город 125 × 100 м	налеп на ручке сосуда	жилые постройки	Шт-5, двор 25	зооморфный
81	Старый Термез / крупный город	налеп на ручке сосуда	неясное	цитадель, шурф 1973 г., подвал	зооморфный
82	Кей-Кобад-Шах / городище	налеп на ручке сосуда	неясное	неясное	зооморфный
83	Турткуль / городище	ритон	жилые постройки	Р I. Нижний горизонт/ с монетами Вимы Кадфиза	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
козел	яйцевидный сосуд с двумя носиками-сливами, украшенными налепами в виде головы длиннорогих козлов	ручная лепка	нет	нет	232(1)	Кругликова, 2004, с. 518, рис. 20, 11т и 31, 3
козел	яйцевидный сосуд с двумя носиками-сливами, украшенными налепами в виде головы длиннорогих козлов	ручная лепка	нет	нет	232(2)	Кругликова, 2004, с. 518, рис. 27, 3 и 19, 2
неясный	у основания ручки налел в виде трех валиков	ручная лепка	нет	нет	226(3)	Кругликова, 2004, с. 522, рис. 18, 10
козел	фрагмент сосуда со сливом, оформленным в виде головы козла с загнутыми рогами	ручная лепка	нет	нет	235(3)	Кругликова, 2004, с. 532, рис. 17, 9, и 27, 5
кошачьей породы	небольшой одноручный кувшин с ручкой в виде гибкого животного с повернутой направо головой	ручная лепка	нет	нет	218(3)	Пугаченкова, 1987а, с. 33, рис. 7, 1
обезьяна (?)	ручка в виде животного с повернутой налево головой. Морда условно трактована, тулово ручки гладкое	ручная лепка	l — более 6	1965	219(5)	Ставиский, 1972, с. 45, табл. XVIIa
собака	налел в виде широкой морды прямо смотрящей собаки (?) на короткой шее	ручная лепка	нет	1972	221(5)	Кругликова, 2001, с. 319, рис. 15, 13, 19, 2
кошачьей породы	ручка сосуда (кувшина) в виде львopodobного животного с повернутой налево головой	ручная лепка	нет	нет	224(1)	Пугаченкова, 1987а, с. 33. Пугаченкова, 1973, рис. 42
кабан	ручка сосуда (кувшина) в виде кабана с повернутой налево головой	ручная лепка	нет	нет	224(2)	Пугаченкова, 1987а, с. 34, рис. 8, 1; Пугаченкова, 1973, рис. 41
кошачьей породы	ручка с-видная с налелем в виде головы животного, вероятно кошачьей породы, с повернутой влево головой. Но туловище-ручке нанесены насечки косы, вероятно, имитирующие шерсть. Трактуются как хорек	ручная лепка	l — 7	нет	219(7)	Козловский, Некрасова, 1976, с. 32, рис. 2, 6
лошадь	голова лошади на высокой мощной шее, украшенной круглыми налелями	ручная лепка	нет	нет	224(3)	Мандельштам, Певзнер, 1958
олень	ритон со сливом в виде головы оленя	ручная лепка	нет	нет	234(3)	Абдуллаев, 1982, с. 65, рис. 3, 1

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
84	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, улица к с от пом. 21	зооморфный
85	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. 150, пол 3	зооморфный
86	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. 156, пол 4	зооморфный
87	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 3, пом. 7 / с монетами Хувишки и Васудевы	зооморфный
88	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. к югу от пом. 125. верхний слой	зооморфный
89	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. 87, пол 1	зооморфный
90	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. 130, пол 2	зооморфный
91	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 3, пом. 1 / с монетами Хувишки и Васудевы	зооморфный
92	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	Р 6, пом. 141, свалка	зооморфный

Продолжение табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
лошадь	часть морды, концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея длинная. Стриженная стоячая грива обозначена насечками, короткий хвост. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	нет	1976		коллекция ИИМК
баран	концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея короткая. Рога закручены кольцом. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	нет	нет		коллекция ИИМК
неясный	голова, концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея короткая. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	l — 12	1984	236(9)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 205, рис. 1, 9
баран	концы ног и часть морды отбиты. Ноги расставлены, шея толстая короткая. Рога закручены двойным кольцом с насечками. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	h — 8; l — 10,2	1973	236(10)	Завьялов, Осипов, 1976, с. 57, рис. 3, 4; Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 205, рис. 1, 10
лошадь	часть морды, задняя половина отбиты. Ноги расставлены, шея длинная. Стриженная стоячая грива с высоким хохолком	ручная лепка	нет	1986		коллекция ИИМК
лошадь	морда, конечности отбиты. На спине прикреплено седло с выделенными рельефно луками, украшенными поперечной насечкой	ручная лепка	h — 5,2	1980	236(5)	Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 205, рис. 1, 5
неясный	голова, концы ног отбиты. Ноги расставлены, шея короткая. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	нет	1982		коллекция ИИМК
неясный	голова, концы ног отбиты. Ноги расставлены. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	нет	1973	236(6)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 205, рис. 1, 15
бык	концы ног отбиты. Крупная голова на короткой шее, глаза налепные, рога отбиты. Хвост прижат к крупу, загнут и расположен на правом боку. На спине протяженный скол (от крепления резервуара)	ручная лепка	нет	1983		коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект /тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
93	Дильберджин / город	сосуд на зооморфном основании	жилые постройки	цитадель, Р СII, пом. 1, слой разрушения с монетами Васудевы и подражания ему	зооморфный
94	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	сосуд на зооморфном основании	неясное	разрез за северной стеной пом. 9, кушанские слои I–II вв. н. э. / 1-й строительный горизонт	зооморфный
95	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	сосуд на зооморфном основании	неясное	неясное	зооморфный
96	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6, штык 1 к северу от помещения 29	зооморфный
97	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
98	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
99	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
100	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
101	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
102	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
103	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
104	Зартепа / городской центр	сосуд на зооморфном основании	неясное	Р 6 или Р 3 / два верхних горизонта	зооморфный
105	Джигатепе / сельское поселение с городищем	сосуд на зооморфном основании	неясное	раскопки 1974 г. / III–IV строительный горизонт	зооморфный

Окончание табл. 20. Керамика с применением терракотовой пластики Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения / №	Изображение	Место хранения / публикации
лошадь	лошадь с чашей на спине	ручная лепка	нет	1972	нет	Кругликова, 2001, с. 318
лошадь	статуэтка массивная, сохранились туловище и три ноги. На спине большой скол, возможно, от прикрепления чаши-резервуара	ручная лепка	нет	нет	237(2)	Пидаев, 1978, с. 59, 77–78; рис. 24, 11
баран	статуэтка массивная, сохранилась передняя часть. Крупная голова с загнутыми кольцом рогами. Один глаз передан налепом. Рот раскрыт. Ноги отбиты. Морда окрашена красным ангобом, шея и остальная часть — коричневым	ручная лепка	нет	нет	237(1)	Пидаев, 1978, с. 78; рис. 24, 6
лошадь	фрагмент в виде лошади с наколами на груди	ручная лепка	h — 6	1976	236(7)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 205, рис. 1, 7
лошадь	фрагмент в виде лошади с нижней частью резервуара чаши на спине	ручная лепка	h — 9,5	нет	236(1)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 203–204, рис. 1, 1
лошадь	фрагмент в виде лошади с длинным сколом на спине	ручная лепка	l — 9	нет	236(3)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 204, рис. 1, 3
лошадь	фрагмент в виде лошади с надрезами на груди и основанием прикрепленного резервуара на спине	ручная лепка	l — 11	нет	236(2)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 204, рис. 1, 2
лошадь	фрагмент в виде лошади с наколами пуансона на груди и длинным сколом на спине	ручная лепка	h — 6	нет	236(4)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 204, рис. 1, 4
лошадь	фрагмент в виде лошади с высокой шеей и длинным сколом на спине	ручная лепка	h — 9	нет	236(8)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 205, рис. 1, 8
лошадь	фрагмент в виде лошади с длинным сколом на спине, голова и ноги отбиты	ручная лепка	l — 9; h — 5	нет	236(11)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 206, рис. 1, 11
неясный	фрагмент тулова животного с длинным сколом на спине, голова и ноги отбиты	ручная лепка	нет	нет	236(12)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 206, рис. 1, 12
неясный	фрагмент тулова животного с длинным сколом на спине	ручная лепка	нет	нет	236(13)	Абдуллаев, Завьялов, 1985б, с. 206, рис. 1, 13
баран	баран с рогами, закрученными кольцом, длинным туловищем и длинным сколом на спине	ручная лепка	нет	нет	237(3)	Пугаченкова, 1979б, с. 87, рис. 26, 7

21. Плитки с рельефом Бактрии I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Кампыртепа / крепость	общественное сооружение	цитадель, пом. 1, пол 4 (харчевня) / I–II вв. н. э.	мифологический	полиморфное существо
2	Кампыртепа / крепость	жилые постройки	жилой квартал-блок 5, пом. 2, в забутовке	антропоморфный	мужской
3	Кампыртепа / крепость	культовое пом.	цитадель, пом. 105, ниже пола 3, не позднее середины I в. н. э. / у ямки напольного жертвенного очага, в центре пом.	антропоморфный	мужской
4	Аккурган / сельское поселение площадью менее 1 га	культовое пом.	пом. 19, самая большая комната (парадная, культовая) / у южной стены	антропоморфный	мужской
5	Халчаян / городище	неясное	дворцовое здание X-1, над полом коридора 6 / кушанские слои I–II вв.	сюжетный	сюжетный
6	Зартепа / городской центр	неясное	жилой квартал Р 6, пом. 141, свалка, комплекс 0 (самый поздний, конец IV в. н. э.)	антропоморфный	мужской
7	Зартепа / городской центр	жилые постройки	жилой квартал Р 6, пом. 23/24, пол 3 в домовладении Д	сюжетный	сюжетный
8	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 5, пом. 2	антропоморфный	женский

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения	Изображение	Место хранения / публикации
грифон, обращенный влево, с рыбьим или змеиным хвостом	оттиск с односторонней матрицы	5,2 × 3,7		241(3)	Восковский, 2002, с. 11, рис. 4
изображен человек на широко расставленных ногах в сапогах. Виден низ кафтана. Сохранилась лишь нижняя часть плитки	оттиск с односторонней матрицы	7 × 6 × 3	1999	240(2)	Шейко, 2000, с. 83, рис. 3, 11
«юноша», играющий на поперечной флейте. Грубое и условное изображение. Сохранилась верхняя часть плитки. Юноша с треугольным лицом и короткой стрижкой. Волосы, видимо, зачесаны назад и переданы рельефными параллельными линиями. Уши заострены. Брови и нос соединены в виде Т-образной выпуклости. Глаза — круглые налепы, с едва заметным рельефным зрачком. Под губами музыкант держит, направив вправо от себя, поперечную флейту с небольшим наклоном вниз. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки чуть выше правого плеча, повернута ладонью внутрь. Правая рука отставлена вправо, и ее кисть ладонью наружу. На правой половине груди видны 4 параллельные линии, по всей вероятности, передающие складки одежды	оттиск с односторонней матрицы	6,5 × 5 × 2,3	1988	238(1)	Савчук, 1989, 36; Курбанов, 2000. с. 58; ДЮУ, 1991, № 181
Будда, сидящий в позе падмасана, с руками в жесте дхьяна-мудра, с двумя одорантами, расположенными снизу по краям и обращенными к нему. На голове характерная прическа с узлом — ушницей на макушке. Плитка имеет плоское устойчивое основание	оттиск с односторонней матрицы			239(4)	Пидаев, 1978, с. 60, 73–74; рис. 23
тронная сцена с восседающим в центре правителем на троне с зооморфными украшениями боковин, в высоком коническом головном уборе, стоящей справа от него мужской фигурой в аналогичном кушанском костюме, но меньшего масштаба, и парящей слева Никой с инвестирующим кольцом в руке	оттиск с односторонней матрицы	d — 8,5; a — 1,2–2		240(1)	Пугаченкова, 1966, с. 60, 235–239, рис. 110
мужчина с короткой стрижкой, играющий на многостольной вертикальной флейте. Одет в складчатое одеяние типа хитона. Нижняя часть сбита	оттиск с односторонней матрицы	10 × 5,7 × 2	1983	238(2)	коллекция ИИМК
нижняя часть пары: два персонажа. Одна женская фигура одета в легкие струящиеся складками одежды от низа обнаженного живота, стоит фронтально, вторая — в профиль, с обнаженными ногами с браслетами	оттиск с односторонней матрицы	5,2 × 5,8 × 1,5	1978	239(7)	коллекция ИИМК
лицо овальное, с ассиметричной прической. Изображение потерто	оттиск с односторонней матрицы	4,5 × 4 × 2,3		есть	коллекция ИИМК

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
9	Зартепа / городской центр	неясное	Р 6, пом. 141, свалка, вместе с музыкантом	антропоморфный	сюжетный
10	Зартепа / городской центр	жилые постройки	Р 6, пом. 150, верхний слой	антропоморфный	женский
11	Зартепа / городской центр	жилые постройки	пом. 75, на уровне третьего пола жилища Б	сюжетный	сюжетный
12	Тепай-Шах / некрополь	погребение	сооружение I, монеты от Канишки I до Канишки III	антропоморфный	мужской
13	Дильберджин / город	неясное	восточный уч. Р СIII, цитадель, пом. 51 (крупное помещение), в заполнении / 2-й строительный горизонт, III–IV вв. н. э.	геометрический	геометрический
14	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р 3, пом. 10	антропоморфный	мужской
15	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, Р 7, дом ремесленника	антропоморфный	мужской
16	Дильберджин / город	жилые постройки	цитадель, пом. 160, над полом / 2-й строительный горизонт	антропоморфный	женский
17	Дильберджин / город	фортификация	цитадель, пом. 168, в заполнении / 2-й период, III–IV вв. н. э.	антропоморфный	мужской

Окончание табл. 21. Плитки с рельефом Бактрии I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Год обнаружения	Изображение	Место хранения / публикации
на подпрямоугольной плитке с прямым гладким нижним бордюром изображение на фоне орнамента персонажа, обращенного в три четверти вправо. Персонаж в гладком подпоясанном кафтане, в головном уборе типа колпака. В руках неясный предмет. Изделие напоминает архитектурные плитки	оттиск с односторонней матрицы	10,5 × 4,8 × 2,3	1983	241(1)	коллекция ИИМК
на подовальной плитке поясное изображение женского персонажа в одежде типа хитона, подпоясанного высоко под грудью, образующего на груди радиально расходящиеся складки, в головном уборе подтреугольных очертаний (диадема). Правая рука согнута и лежит у груди, левая сбита. Плитка имеет широкий гладкий бордюр, шириной до 2 см, образующий над персонажем пологую арку. Изделие напоминает архитектурные плитки	оттиск с односторонней матрицы	11,5 × 11,3 × 2,8	1983	238(3)	коллекция ИИМК
прямоугольная плитка с двумя сквозными отверстиями в середине левой боковины и в верхнем правом углу. На лицевой стороне внутри квадратной рамки изображение шествующего круторого козла, под ним между ног — зайца, над ним — солярных знаков в виде солнечного круга и двурогого месяца	оттиск с односторонней матрицы	6,4 × 5,8 × 2,8	1979	241(4)	Завьялов, 2006б, с. 83–91
стоящий обнаженный персонаж буддийского круга с ожерельем на груди, браслетами на предплечье, серьгами в ушах и прической типа ушники. Края плитки неровные со сколами, в целом подовальной формы. С оборотной стороны имеет продольную и поперечную выпуклость	оттиск с односторонней матрицы	7 × 3,5 × 1,5		239(1)	Литвинский, Седов, 1983, с. 150, табл. XXVI, рис. 3
многолучевая розетка в круге	оттиск с односторонней матрицы		1973	241(2)	Кругликова, 2001, с. 326, рис. 28, 2
нижняя часть плитки с изображением мужчины в кафтане	оттиск с односторонней матрицы		1974	240(3)	Кругликова, 1974, с. 88, рис. 59
стоящий обнаженный мужчина	ручная лепка	7,4 × 1,4	1972	239(3)	Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 101, рис. 103, 3
стоящая, обнаженная, без атрибутов. Украшена браслетами, ожерельем и орнаментальным поясом	оттиск с односторонней матрицы	7,5 × 3,3	1974	239(6)	Кругликова, 2001, с. 347, рис. 31, 9
стоящий обнаженный юноша	оттиск с односторонней матрицы	7,7 × 3,6	1975	239(2)	Кругликова, 2001, с. 355, рис. 51, 2; 52, 3

22. Подставки алтарики Бактрии I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект	Тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Джигга-тепе	сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 8/13 / 3 строительный период по Пидаеву и 4 по Кругликовой (III–IV вв. н. э.)
2	Джигга-тепе	сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 8/13 / 3 строительный период по Пидаеву и 4 по Кругликовой (III–IV вв. н. э.)
3	Джигга-тепе	сельское поселение с городищем	жилые постройки	цитадель, пом. 9, в завале над полом 2
4	Мирзакул-тепе	сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 22 / рубеж эр
5	Мирзакул-тепе	сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 5 а / рубеж эр
6	Мирзакул-тепе	сельское поселение площадью 1 га	жилые постройки	Р 1, пом. 5 а / рубеж эр
7	Кампыртепа	крепость	жилые постройки	у башни № 7, пом. 1, хумхана, хум 4 / кушанские слои I–II вв. н. э.

23. Редкие виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии (очажные подставки, штампы, поставцы, погремушки и свистульки)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
1	Кампыртепа / крепость	погремушка (?)	неясное	разрез 4, пом. 2, кушанские слои I–II вв. н. э.	зооморфный
2	Дальверзин-тепе / столичный город	штамп	храм	Дт. 9, за западной стеной пом. 6 / кушанские слои I–III вв.	сюжетный
3	Дальверзин-тепе / столичный город	свистулька	жилые постройки	Дт. 10, завал с монетой Канишки / кушанские слои II–III вв.	зооморфный
4	Дальверзин-тепе / столичный город	поставец	храм	Дт. 9, пом. 1, на суфе / кушанские слои II–III вв.	другое

Описание изделия	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Литература
нет	ручная лепка	d — 11; h — 11	242(1)	Кругликова, 2004, с. 494–496, рис. 21, 8
нет	ручная лепка	d — 113; h — 11	242(2)	Кругликова, 2004, с. 495–496, рис. 21, 9
нет	ручная лепка	нет	нет	Кругликова, 2004, с. 498
основание округлое	ручная лепка	нет	нет	Пидаев, 1978, с. 32
основание квадратное	ручная лепка	нет	243(2)	Пидаев, 1978, с. 30–31, рис. 2, табл. VIII
основание округлое	ручная лепка	нет	243(5)	Пидаев, 1978, с. 30–31, рис. 1, табл. VIII
фрагмент квадратной в плане с круглым в плане плинтом	ручная лепка	нет	242(3)	Ильясов, 2006, рис. 30

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительный приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
	полая сферическая погремушка, сверху украшенная мордочкой животного с глазами, выполненными наколами. Уши отбиты	ручная лепка / красный ангоб	6 × 4,5	244(1)	ДЮУ, 1991, № 172
	конусовидная печать-инталия со сквозным отверстием. Оттиск с металла или камня очень четкий. Всадница с пальмовой ветвью в правой руке. Животное — бык или козел с высокими рогами полумесяцем	оттиск одностороннего штампа / красный ангоб	d — 2,2; h — 2,4		Пугаченкова, 1978, с. 141, рис. 138, 1
баран	голова барана со сквозным отверстием во рту	ручная лепка	нет	244(5)	Дт, 1978, с. 64, рис. 116, 10
другое	керамический поставец в виде прямоугольного ящичка на 4 ножках без одной длинной стенки. Все три стенки украшены прорезным орнаментом в виде стреловидных, округлых и треугольных отверстий, а края стенок имеют зубчатое завершение	ручная лепка / красный ангоб	20,5 × 16 × 15	245(4)	Пугаченкова, 1978, с. 135, рис. 96; Pougatchenkova, 1978, p. 82, fig. 60

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ
5	Дальверзин-тепе / столечный город	поставец	храм	Дт. 9, пом. 1, на суфе / кушанские слои II–III вв.	другое
6	Джигатепе / сельское поселение с городищем	штамп	неясное	цитадель, пом. 17 (2)	растительный
7	Кампыртепа / крепость	штамп	жилые постройки	нижний город, бл. I, п. 21 / I — первая треть II в. н. э.	геометрический
8	Дильберджин / город	штамп	жилые постройки	цитадель, восточный уч. P CIII, пом. 56 / 2-й строительный горизонт, III–IV вв. н. э.	другое
9	Дильберджин / город	поставец	жилые постройки	цитадель, восточный уч. P CVI, пом. 168 / 3 строительный период I–II вв. н. э.	другое
10	Зартепа / городской центр	очажная подставка	неясное	неясное	зооморфный
11	Айртам / городище 300 × 300 м, буддийский комплекс	очажная подставка	неясное	неясное	зооморфный

24. Статуэтки Согда II–I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	антропоморфный	женский
2	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	антропоморфный	женский

Окончание табл. 23. Редкие виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии

Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительный приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
другое	керамический поставец в виде прямоугольного ящичка на 4 ножках без одной длинной стенки. Две стенки украшены прорезным орнаментом в виде округлых и треугольных отверстий, а края стенок имеют зубчатое завершение	ручная лепка / красный ангоб	18 × 12,5 × 15,5	245(5)	Пугаченкова, 1978, с. 135; Pougatchenkova, 1978, p. 82, fig. 60
растительный	глиняная ножка с орнаментом (штампом) на подошве в виде листка с прожилками	ручная лепка	нет	244(2)	Кругликова, 2004, с. 506, рис. 21, 3
геометрический	штамп круглый в плане конической формы с рельефом на рабочей части в виде солнышка	ручная лепка, резьба по сырой глине	нет	244(1)	Двуреченская, 2011, с. 110, рис. 8, 3
геометрический	штампик с двумя рабочими поверхностями, представлял собой ручку (возможно, округлую) с раздвоенным концом. На одном, прямоугольном, конце геометрический орнамент в виде прямоугольника, разделенного на ячейки, на другом, круглом, конце округлый орнамент в виде многолучевой розетки	ручная лепка	нет	244(3)	Кругликова, 2001, с. 326, рис. 28, 3
геометрический	основание прямоугольное, а верхняя площадка овальная, стенки украшены орнаментом в виде стреловидных бойниц и крестов	ручная лепка	l — 12; h — 9	245(3)	Кругликова, 2001, с. 352, рис. 28, 5
	зооморфный	ручная лепка	нет	245(1)	Завьялов, личный архив
	зооморфный	ручная лепка	нет	245(2)	Тургунов, личный архив

Археологический тип / вариант	Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
11	эллинизированный	голова в высоком треухе с крупным лицом, большими глазами и крупным носом. Вдоль лица локоны, выходящие до плеч	оттиск одно-сторонней матрицы	5 × 3,8 × 2,9	247(1)	Крашенинникова, 1977б, с. 88–89, рис. 1
11	эллинизированный	голова в высоком треухе с крупным лицом, большими глазами и крупным носом. Вдоль лица локоны, выходящие до плеч. Большая часть лица сколота	оттиск одно-сторонней матрицы	5,6 × 2,9 × 2,1	247(2)	не опубликована, хранилась у Крашенинниковой

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
3	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	антропоморфный	женский
4	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	антропоморфный	неясное
5	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	всадник и оседланное животное	всадник на лошади
6	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижние слои / II–I вв. до н. э.	всадник и оседланное животное	лошадь
7	Афрасиаб (Центральный Согд)	неясное	Р 6 / слои уровня развалин древней крепостной стены / III–I вв. до н. э.	антропоморфный	женский
8	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	неясное	Р 6 / слои уровня развалин древней крепостной стены / III–I вв. до н. э.	зооморфный	джейран
9	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	неясное	Р 6 / слои уровня развалин древней крепостной стены / III–I вв. до н. э.	зооморфный	собака
10	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	неясное	период Афрасиаб II–III / из слоя	антропоморфный	женский
11	Бухара / город	неясное	Бухара II (II–I вв. до н. э.)	зооморфный	лошадь
12	Бухара / город	неясное	Бухара II (II–I вв. до н. э.)	зооморфный	лошадь
13	Китаб (Южный Согд) / город	неясное	нижний слой шурфа 1961 г. / III–I вв. до н. э.	антропоморфный	мужской
14	Сарай-тепе / город	неясное	шурф	антропоморфный	женский
15	Еркурган / город	неясное	Р 5 (51 слой 1974 г.)	антропоморфный	мужской

Окончание табл. 24. Статуэтки Согда II–I вв. до н. э.

Археологический тип / вариант	Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
инд.	эллинизированный	обнаженная, со сложенными у лона руками. Фигурка объемная. Руки грубо вылеплены, непропорционально толсты у плеч. Ноги лепились отдельно, затем были состыкованы и вытянуты. Признаки пола выделены	ручная лепка	9,5 × 5 × 3,2	248(2)	Крашенинникова, 1977б, с. 89, рис. 3
инд.	примитивный	плечо фигурки, вылепленное от руки. Плечо неестественно расширено. Рука опущена вниз вдоль туловища	ручная лепка		нет	Крашенинникова, 1977б, с. 89
инд.	примитивный	лошадь с высокой стоячей гривой, с отбитыми ногами, ухом, вершиной гривы, концом морды и хвостом. Всадник изготовлен отдельно и посажен на спину. С правой стороны резцом намечена рука всадника, держащая предполагаемые поводья	ручная лепка	10,5 × 10 × 4	249(4)	Крашенинникова, 1977б, с. 90, рис. 5
инд.	примитивный	статуэтка лошади на высоких ножках с широкой грудью, голова утеряна; по бокам груди два овальных скола (исследователем трактуется как кентавр ?)	ручная лепка	6,8 × 4,8 × 3,8	249(3)	Крашенинникова, 1977б, с. 90, рис. 4
2(2)	автохтонный	сидящая или гермафродит (?). Руки в виде полосок, правая согнута в локте, кисть сливается с грудью, левая — опущена вниз. Голова не сохранилась. Позднее интерпретировалась как гермафродит	ручная лепка	h — 6,2	247(3)	Кабанов, 1973, с. 41, 57, Табл. II, 2; Он же, 1984, с. 73, рис. 1, 2
инд.	примитивный	стилизованный джейран, показан в беге с обрубком рогов	ручная лепка		249(5)	Кабанов, 1973, с. 57; Он же, 1984, с. 79, рис. 36, 2
инд.	примитивный	грубо слепленная собака	ручная лепка		249(6)	Кабанов, 1973, с. 57; Он же, 1984, с. 79, рис. 36, 3
8(2)	автохтонный	стоящая, в одежде с накидкой, с зеркалом и плодом (зеркалом ?) в руках	оттиск односторонней матрицы		247(4)	Shishkina, 1994, fig. 3, p. 87
инд.	примитивный	голова на длинной и мощной шее	ручная лепка		249(1)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 1
инд.	примитивный	круп лошади с коротким хвостом	ручная лепка		249(2)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 2
инд.	примитивный	верхняя часть персонажа в подтреугольном головном уборе на грубом, ручной лепки, тулове, от которого сохранились валики толстых рук	комбинированная	h — 5	248(1)	Кабанов, 1973, с. 57; Он же, 1984, с. 78, рис. 36, 1
5	эллинистическая	обнаженная, стоящая	оттиск односторонней матрицы	7,5 × 2,5 × 2	247(14)	Омельченко, 2000, с. 176–178, рис. 1
инд.	примитивный	верхняя часть мужского персонажа в шлеме с нащечниками и в одежде со стоячим воротником	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 189, рис. 143, 1

25. Керамика с применением терракотовой пластики Согда II—I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению (конкретизации первого уровня)	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)
1	Китаб (Южный Согд) / город	налеп на сосуде	неясное	нижние слои / II—I вв. до н. э.	антропоморфный	мужской
2	Афрасиаб (Центральный Согд)	налеп на сосуде	неясное	Р 6 / слои эллинистические, III—I вв. до н. э.	антропоморфный	женский
3	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	ритон	неясное	Р 6 / слои эллинистические, III—I вв. до н. э.	антропоморфный	женский
4	Афрасиаб (Центральный Согд)	ручка с налепом	неясное	Р 6 / слои уровня развалин древней крепостной стены, III—I вв. до н. э.	зооморфный	бык
5	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	налеп на сосуде	неясное	из слоя периода II—III вв.	антропоморфный	мужской
6	Афрасиаб (Центральный Согд) / столица	налеп на сосуде	неясное	из слоя периода III в.	антропоморфный	мужской
7	Бухара / город	налеп на сосуде	неясное	Бухара II (II—I вв. до н. э.)	антропоморфный	неясный
8	Афрасиаб (Центральный Согд)	налеп на сосуде	неясное	слои периода Афр. II—III вв.	зооморфный	неясный
9	Киндиклитепа / сельское поселение	налеп на сосуде	неясное	пол помещения II—I вв. до н. э.	антропоморфный	женский

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные при- емы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
голова в подтреугольном головном уборе	оттиск с односторон- ней матрицы, штам- па / ангоб красный	3,4 × 2,1 × 1,9	250(3)	Крашенинникова, 1977б, с. 89, рис. 2
головка на верхней части миниатюрной чаши (d устья чаши — 7 см) под венчиком. Лицо узкое, худощавое. Черты лица вырезаны схематично: глаза в виде бугорков под спрямленными валика- ми бровей, крупный нос — в профиле в виде час- ти окружности, узкий рот. Лицо обрамлено пря- мыми прядями волос. Горельеф	оттиск с односторон- ней матрицы	h — 1,2	250(1)	Кабанов, 1973, с. 41, табл. II, 1; Он же, 1984, с. 73, рис. 1, 1
сосуд (ритон ?) с налепом на стенке в виде жен- ской головки с уплощенным лицом, удлинёнными глазами, небольшим носом и узким ртом. Уши закрывает сложная причёска с украшениями	оттиск с односторон- ней матрицы / ангоб светло-серый	h — 8	250(4)	Кабанов, 1973, с. 41, 64, табл. II, 3; Он же 1984, с. 74, рис. 1, 3
ручка с головкой быка с глазами, нанесенными полым стерженьком, и ноздрями, выполненными заостренной палочкой. Выделяются массивные рога	ручная лепка / крас- ный плотный ангоб		250(5)	Кабанов, 1973, с. 57; Он же, 1984, с. 78, рис. 6, 1
кратер с налепом на стенке, голова Силена	оттиск с односторон- ней матрицы		250(2)	Shishkina, 1994, fig. 3, p. 87
кратер с налепом на стенке, бюст мужчины со сложенными на животе руками. Реалистическое изображение, пропорциональное. На голове ма- ленький головной убор. Лицо европеоидное, тон- кой моделировки	оттиск с односторон- ней матрицы		251(1)	Bernard, 1996, p. 360–364, fig. 15–16
налеп в виде лица человека. Изображение плохой сохранности, но аналогично афрасиабскому нале- пу (Кабанов, 1973, табл. II, 1)	оттиск с односторон- ней матрицы		252(1)	Адылов, 1983, с. 73, рис. 3, 8
двуручный сосуд (кувшин с налепом в виде кури- ной лапки у корня ручки), горельеф	ручная лепка	h — 1,2	252(2)	Shishkina, 1994, fig. 3
голова Медузы Горгоны	оттиск с односторон- ней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 189, рис. 143, 2

26. Статуэтки Согда I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
1	Афрасиаб / столица	храмово-культовые и связанные с ними постройки	Р 6, древнее здание, пом. с суфами, I–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	14(1)
2	Афрасиаб / столица	храмово-культовые и связанные с ними постройки	Р 6, древнее здание, пом. к югу от пом. с суфами, I–III вв. н. э.	антропоморфный	мужской	инд.
3	Афрасиаб / столица	гончарное производство	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV, соответствующий ТБ I / гончарная мастерская	антропоморфный	женский	14(1)
4	Афрасиаб / столица	гончарное производство	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV, соответствующий ТБ I / гончарная мастерская	антропоморфный	женский	14(1)
5	Афрасиаб / столица	гончарное производство	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV, соответствующий ТБ I / гончарная мастерская	антропоморфный	женский	14(1)
6	Тали-Барзу / городище площадью более 5 га	неясное	неясное	антропоморфный	женский	14(1)
7	Тали-Барзу	неясное	ТБ I	антропоморфный	неясный	инд.
8	Тали-Барзу	неясное	ТБ I	антропоморфный	женский	инд.
9	Тали-Барзу	неясное	ТБ I	зооморфный	лошадь	инд.
10	Тали-Барзу	неясное	ТБ I	антропоморфный	женский	инд.
11	Тали-Барзу	неясное	ТБ I / раскоп I, кв. 117, гл. 17,1 м	антропоморфный	женский	14(1)
12	Тали-Барзу	неясное	ТБ I / раскоп I, кв. 207, гл. 16,8 м	антропоморфный	женский	14(1)

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, с атрибутом. На голове высокий головной убор типа кокошника. На шее низка бус. В руках, соединенных у живота, ниспадающий платок (?)	оттиск с односторонней матрицы / светло-желтый ангоб	h — 10,4	256(7)	Кабанов, 1984, с. 74, рис. 2, 1
голова на широкой шее, лицо без усов и бороды, с большими, прямого разреза глазами, большим носом. Прическа высокая, с головным убором типа венца	оттиск с односторонней матрицы / без ангоба	h — 4	255(1)	Кабанов, 1984, с. 74, рис. 2, 2
матрица. Стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда с накидкой и шароварами. Головной убор высокий, украшен двумя рядами пуансонов. Руки у живота. Лицо круглое, с правильными чертами, с тикой на лбу	оттиск с модели	h — 15,2	256(1)	Тереножкин, 1951, с. 138–139, рис. 38, 1
матрица. Стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда с гладкой накидкой и длинным, до пят, платьем. Головной убор типа тюрбана. В правой руке, прижатой к груди, небольшой предмет, вероятно, зерно. В левой, опущенной, веточка растения. Лицо круглое, с правильными чертами	оттиск с модели	h — 15,6	256(2)	Тереножкин, 1951, с. 139–140, рис. 38, 2
матрица. Стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда с накидкой и шароварами. Накидка по краю украшена рядом из пуансонных кружков. Головной убор невысокий, из-под него виден валик волос. Правая рука у груди, левая опущена, у лона. Лицо круглое, с правильными чертами	оттиск с модели	h — 14	256(3)	Тереножкин, 1951, с. 139–140, рис. 38, 3
стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда ниже колен, подол в вертикальных складках, по краю украшен пуансоном. Левая рука опущена и на бедре, правая прижимает к груди неясный предмет. На шее низка бус. Лицо округлое, полное. Прическа с челкой и буклями по сторонам лица, ниспадающими до плеч. Ноги расставлены, носки в разные стороны	оттиск с односторонней матрицы	нет	256(4)	Григорьев, 1940, табл. 1, 3
сидящая (?), в одежде, с руками, сложенными у лона. Головной убор типа колпака. На шее гривна или рельефный край ворота одежды	оттиск с односторонней матрицы		257(4)	Григорьев, 1940, табл. 1, 1
голова женщины с прической типа «египетского парика»	оттиск с односторонней матрицы		257(1)	Григорьев, 1940, табл. 1, 2
голова лошади на высокой прямопоставленной шее с коротко стриженной, стоящей гребнем гривой	ручная лепка		257(6)	Григорьев, 1940, табл. 1, 4
голова женская, округлое полнощекое лицо с миндалевидными глазами, маленьким ртом. На голове небольшой подтреугольный колпак	оттиск с односторонней матрицы		257(2)	Григорьев, 1940, рис. 3а
голова женская, округлое полнощекое лицо с миндалевидными глазами, маленьким ртом. На голове небольшой подтреугольный головной убор	оттиск с односторонней матрицы		256(5)	Мешкерис, 1962, с. 60, табл. III, 28
голова женская, округлое полнощекое лицо с миндалевидными глазами, маленьким ртом. На голове небольшой подтреугольный головной убор	оттиск с односторонней матрицы		256(6)	Мешкерис, 1962, с. 60–61, табл. III, 29

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
13	Афрасиаб / столица	неясное	Афр. IV	антропоморфный	женский	инд.
14	Бухара / город	неясное	Бухара III (I в. до н. э. — I в. н. э.)	антропоморфный	женский	2(2)
15	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	антропоморфный	женский	2(2)
16	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	антропоморфный	женский	2(2)
17	Бухара / город	неясное	Бухара V (III–IV вв. н. э.)	антропоморфный	женский	2
18	Бухара / город	неясное	Бухара V (III–IV вв. н. э.)	антропоморфный	женский	инд.
19	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	антропоморфный	женский	12
20	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	антропоморфный	женский	12
21	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	антропоморфный	мужской	инд.
22	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	зооморфный	верблюд	инд.
23	Бухара / город	неясное	Бухара III (I в. до н. э. — I в. н. э.)	зооморфный	лошадь	инд.
24	Бухара / город	неясное	Бухара III (I в. до н. э. — I в. н. э.)	зооморфный	лошадь	инд.
25	Бухара / город	неясное	Бухара III (I в. до н. э. — I в. н. э.)	зооморфный	лошадь	инд.
26	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	зооморфный	неясный	инд.
27	Бухара / город	неясное	Бухара V (III–IV вв. н. э.)	зооморфный	неясный	инд.
28	Бухара / город	неясное	Бухара V (III–IV вв. н. э.)	зооморфный	лошадь	инд.
29	Бухара / город	неясное	Бухара IV (II–III вв. н. э.)	всадник	всадник	инд.
30	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, стратиграфический шурф, слой 38 / I–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)

Продолжение табл. 26. Статуэтки Согда I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
головка женская со знаком «V» на щеках	оттиск с односторонней матрицы		нет	Тереножкин, 1950б, с. 157
сидящая, в одежде, детали неразличимы. Обе руки согнуты, правая приподнята. Голова отбита	оттиск с односторонней матрицы		254(1)	Адылов, 1983, с. 66, рис. 1, 1
сидящая, в одежде, с атрибутом. Подол платья украшен ромбовидным узором. Правая рука согнута и приподнята к правой груди, в левой, на уровне живота, предмет (возможно, ветка). Голова отбита	оттиск с односторонней матрицы		254(2)	Адылов, 1983, с. 66, рис. 1, 2
сидящая, в одежде, с атрибутом. Платье до пят, гладкое. Руки согнуты, лежат у живота. Голова отбита	оттиск с односторонней матрицы		254(3)	Адылов, 1983, с. 66, рис. 1, 3
пожилая женщина в одежде. На шее сквозное отверстие для подвешивания. Плоская. На голове головной убор, украшенный рядом кружков	оттиск с односторонней матрицы		254(5)	Адылов, 1983, с. 68, рис. 1, 5
персонаж в одежде, с широким круглым лицом. Туловище непропорционально мало. На шее ряд пуансонных кружков	комбинированная		257(3)	Адылов, 1983, с. 68, рис. 1, 6
голова в высоком головном уборе типа башни. Большие глаза, большой подбородок. Сильная потертость, детали изображения неразличимы	оттиск с односторонней матрицы		255(2)	Адылов, 1983, с. 70, рис. 1, 8
голова в высоком головном уборе. Большие глаза, большой подбородок	оттиск с односторонней матрицы		255(3)	Адылов, 1983, с. 70, рис. 1, 9
голова с бородой в головном уборе	оттиск с односторонней матрицы		254(4)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 1, 4
верблюд	ручная лепка		258(6)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 7
голова лошади на невысокой шее, условно трактованная	ручная лепка		258(1)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 3
голова лошади на высокой изогнутой шее, с частью туловища	ручная лепка		258(2)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 4
голова лошади, условно трактованная	ручная лепка		258(4)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 5
корпус животного, с мощной нижней частью, круглой в сечении шеи, коротким туловищем и коротким хвостом	ручная лепка		258(3)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 6
корпус животного с длинным туловищем	ручная лепка		258(7)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 9
корпус лошади с коротким туловищем и высокими ножками, с коротким хвостом	ручная лепка		258(5)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 3, 10
торс всадника, условный	ручная лепка		257(5)	Адылов, 1983, с. 71, рис. 1, 7
стоящая, в одежде, без атрибутов. Платье двухъярусное в вертикальных складках, с длинным рукавом. Правая рука согнута и прижата к груди, левая у бедра. Верхняя часть туловища и ноги не сохранились	оттиск с односторонней матрицы	6,5 × 6,2 × 2,3	253(1)	Воробьева, 1990а, с. 117, рис. 1; Сулейманов, 2000, с. 191

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
31	Еркурган / столичный город	храмово-культовые и связанные с ними постройки	Р 1 восточного холма, в святилище стратиграфический шурф, слой 38 / I–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
32	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, слой комплекса Д / IV–V вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
33	Еркурган / столичный город	храмово-культовые и связанные с ними постройки	Р 1 восточного холма, храм, в западной части айвана в заполнении между 1-м и 2-м полами, слой комплекса Д / II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	4
34	Афрасиаб / столица	неясное	Афр. IV, соответствующий ТБ I	антропоморфный	мужской	инд.
35	Аяк-тепе 2 / городище	неясное	II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
36	Аяк-тепе 2 / городище	неясное	II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
37	Аяк-тепе 2 / городище	неясное	II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
38	Аяк-тепе 2 / городище	неясное	II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
39	Аяк-тепе 2 / городище	неясное	II–III вв. н. э.	антропоморфный	женский	1(3)
40	Еркурган / столичный город	неясное	Р 13, на уровне слоев I в. н. э.	антропоморфный	женский	1 (?)
41	Еркурган / столичный город	неясное	слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	18
42	Еркурган / столичный город	неясное	слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	18
43	Еркурган / столичный город	неясное	слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	18

Продолжение табл. 26. Статуэтки Согда I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
стоящая, в одежде, без атрибутов. Платье двухъярусное в вертикальных складках, с длинным рукавом. Правая рука согнута и прижата к груди, левая у бедра. Голова и ноги не сохранились	оттиск с односторонней матрицы	5,4 × 4,2 × 1,6	253(2)	Воробьева, 1990а, с. 117, рис. 1; Сулейманов, 2000, с. 191
стоящая, в одежде, без атрибутов. Платье двухъярусное в вертикальных складках, с длинным рукавом. Правая рука согнута и прижата к груди, левая у бедра. Голова не сохранилась	оттиск с односторонней матрицы	9 × 5,2 × 2,4	253(3)	Воробьева, 1990б, с. 117–118, рис. 1; Сулейманов, 2000, с. 191
стоящая, обнаженная, без атрибутов. Правая рука поднята и отставлена в сторону, левая прижата к бедру. На теле перевязь со связующим кольцом (медальоном) между выпуклых чаш-груди. Голова не сохранилась	оттиск с односторонней матрицы	10,7 × 4,4 × 2,1	255(4)	Воробьева, 1991, с. 112, рис. 1
арфист в кушанском костюме	оттиск с односторонней матрицы		нет	Мешкерис, 1989а, с. 151
стоящая, в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов, правая рука приподнята к животу, левая у бедра. На шее ожерелье. Сильно редуцированное изображение	оттиск с односторонней матрицы		253(4)	Жуков, 1956, с. 199–201
стоящая, в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов, правая рука приподнята к животу, левая у бедра. На шее ожерелье. Сильно редуцированное изображение	оттиск с односторонней матрицы		253(4)	Жуков, 1956, с. 199–201
стоящая, в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов, правая рука приподнята к животу, левая у бедра. На шее ожерелье. Сильно редуцированное изображение	оттиск с односторонней матрицы		253(4)	Жуков, 1956, с. 199–201
стоящая, в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов, правая рука приподнята к животу, левая у бедра. На шее ожерелье. Сильно редуцированное изображение	оттиск с односторонней матрицы		253(4)	Жуков, 1956, с. 199–201
стоящая, в огрубленном греческом костюме (подпоясанный хитон), без атрибутов, обе согнутые руки с растопыренными пальцами в районе живота. На груди ожерелье и треугольный вырез	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 144, 4
фигурка с цилиндрическим туловищем с расширяющимся основанием, отломанной головкой и руками	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 145, 1
фигурка с цилиндрическим туловищем с отломанной головкой и руками-выступами	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 145, 2
фигурка с цилиндрическим туловищем с отломанной головкой и руками-выступами	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
44	Еркурган / столичный город	неясное	слои I–II вв. н. э.	антропоморфный	неясный	18
45	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, слой 27 — вторая половина II в. н. э.	антропоморфный	мужской	инд.
46	Еркурган / столичный город	неясное	слой I в. н. э.	антропоморфный	женский	инд.
47	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, слой I в. н. э.	антропоморфный	мужской	инд.
48	Еркурган / столичный город	неясное	слой I в. н. э.	зооморфный	лошадь	
49	Еркурган / столичный город	неясное	слой I в. н. э.	зооморфный	лошадь	
50	Еркурган / столичный город	неясное	слой I в. н. э.	всадник	всадник	
51	Еркурган / столичный город	неясное	слой I в. н. э.	зооморфный	лошадь	
52	Еркурган / столичный город	неясное	ЕК 13, Р 5, слой III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	1
53	Касантепа / городище	неясное	слой III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	8(2)
54	Еркурган / столичный город	неясное	слой III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	8(2)
55	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, на глубине около 1,5 м, слой III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	8(2)
56	Еркурган / столичный город	неясное	Р 16, слой III–IV вв. н. э.	антропоморфный	женский	4
57	Еркурган / столичный город	неясное	Р 5, слой 10	зооморфный	обезьяна	
58	Еркурган / столичный город	неясное	слой III–IV вв. н. э.	зооморфный	лев	

Окончание табл. 26. Статуэтки Согда I–IV вв. н. э.

Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
фигурка с цилиндрическим туловищем с отломанной головкой и руками-выступами	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190
фрагмент матрицы с изображением Силена. Морщинистый лоб, большие залысины, курносое лицо изобразовано глубокими морщинами, большой рот, жидкие усики и козлиная бородка	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 145, 3
голова имеет эллинизированный облик с прической, обрамляющей лицо волнистыми локонами	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 145, 4
голова местного этнического типа с окладистой бородой и пышными усами, подстриженные, с челкой, волосы и густые бубли, обрамляющие лицо, разделены тонкими вертикальными полосками	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 146, 2
с коротким туловом, с подстриженной стоячей гривой, конечности утрачены	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 147, 1
с подстриженной стоячей гривой, глаз выполнен пуансоном, морда заостренная	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 147, 2
всадник с утраченной головой, с руками-налепами, держится за шею лошади. У последней стоячая короткая грива	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 147, 3
голова на высокой шее, с подстриженной стоячей гривой, морда узкая, удлиненная, с перегибом	ручная лепка			Сулейманов, 2000, с. 190, рис. 147, 4
верхняя часть матрицы, лицо местного типа с высокой прической и кудрями, на шее — гривна, платье с вырезом плотно облегает грудь	оттиск с модели			Сулейманов, 2000, с. 191, рис. 150, 2
стоящая, в одежде, с атрибутом. Одежда ниспадает до пола косыми складками с левого плеча на правую сторону, поверх платья накинуто покрывало. Правая рука опущена и вытянута вдоль тела, левая согнута и держит неясный предмет (либо горшочек, либо зеркало на длинной ручке)	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 191, рис. 150, 3
стоящая, в одежде, с атрибутом (зеркало ?) в согнутой левой руке	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 191–192, рис. 150, 4
матрица с изображением верхней части стоящей с зеркалом в правой руке, прижатой к груди. На голове повязка, на груди — гривна с утолщенными несомкнутыми концами. На лице кружки, украшающие щеки и подбородок	оттиск с матрицы			Сулейманов, 2000, с. 192, рис. 151, 1
верхняя часть — бюст обнаженной, с перевязью стоящей фигуры	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 192, рис. 152, 4
фигурка сидящей на корточках обезьяны	оттиск с односторонней матрицы			Сулейманов, 2000, с. 197, рис. 164, 1
матрица с изображением морды льва или «кирти-муха» с высунутым языком	оттиск с матрицы			Сулейманов, 2000, с. 197, рис. 166, 4

27. Редкие виды терракотовой пластики Согда I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Конкретизация вида изделия	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Афрасиаб / столица	керамика с применением терракотовой пластики	налеп на ручке	гончарная мастерская	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV
2	Афрасиаб / столица	керамика с применением терракотовой пластики	налеп на ручке	гончарная мастерская	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV
3	Афрасиаб / столица	подставка очажная		гончарная печь	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV
4	Тали-Барзу / городище площадью более 5 га	подставка очажная		неясно	ТБ I
5	Афрасиаб / столица	курильница		гончарная мастерская	раскоп 1948 г., зольник, комплекс Афр. IV
6	Еркурган / столичный город	керамика с применением терракотовой пластики	налеп на стенке над ножкой трипода	неясно	слой I в. н. э.
7	Еркурган / столичный город	керамика с применением терракотовой пластики	налеп на краю сосуда	неясно	слой I в. н. э.

28. Статуэтки Маргианы II–I вв. до н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
1	Гяур-кала / столичный город	неясное	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, шурф в комнате 1, ярус XX с монетами старших аршакидов, Артабан 2 (129/8–124 гг. до н. э.)	антропоморфный	женский	инд
2	Гяур-кала / столичный город	неясное	«дом металлурга» / Р 2, северная часть комплекса, ниже уровня пола пом. 2,3. С монетой Орода I (56–37 гг. до н. э.)	антропоморфный	женский	инд
3	Гяур-кала / столичный город	неясное	«дом металлурга» / Р 2, северная часть комплекса, ниже уровня пола пом. 2,3. С монетой Орода I (56–37 гг. до н. э.)	антропоморфный	женский	1(2)

Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Изображение	Публикации
зооморфный	неясный	неясный	ручная лепка	нет	Тереножкин, 1951, с. 140
зооморфный	неясный	неясный	ручная лепка	нет	Тереножкин, 1951, с. 140
зооморфный	баран	фрагмент подставки с двумя головами баранов	ручная лепка		Тереножкин, 1951, с. 137
зооморфный	баран	сохранился один конец подставки, украшенный головой барана (условно реалистичной) с витыми рогами	ручная лепка	есть	Григорьев, 1940, рис. 3, в
антропоморфный	неясный	фрагмент курильницы в виде колонны на 3 ножках с чашей наверху и лепным изображением стоящих и сидящих фигурок в двух ярусах по стволу колонны	ручная лепка	нет	Тереножкин, 1951, с. 138
антропоморфный	неясный	головка с лицом	оттиск с односторонней матрицы/сероглиняный		Сулейманов, 2000, с. 191, рис. 148, 1
антропоморфный	неясный	лепной торс с головкой, на которой лицо выполнено оттиском	комбинированная		Сулейманов, 2000, с. 191, рис. 148, 2

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
эллинистический	стоящая в драпирующей одежде фигура с подчеркнутой расходящимися складками высокой грудью	оттиск с односторонней матрицы		260(2)	Кацурис, Буряков, 1963, с. 124; Пугаченкова, 1962, с. 125, рис. 5 (слева); Пугаченкова, 1959, рис. 5, 1
эллинистический	с овальным лицом, поверх головы наброшен платок. Левая рука прижата к груди	оттиск с односторонней матрицы		260(5)	Пугаченкова, 1959, с. 123, рис. 2; Усманова, 1963, с. 177
автохтонный	стоящая, в одежде, без атрибутов. Лицо удлиненное, волосы забраны в высокую бучку. Короткая толстая шея. Открытая высоко поднятая грудь полубо-нажена, левая рука опущена вниз, правая прижата к груди	оттиск с односторонней матрицы		260(6); 262(3)	Пугаченкова, 1959, с. 123, рис. 9; Усманова, 1963, с. 177

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Археологический аспект)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Археологический тип / вариант
4	Гяур-кала / столичный город	гончарное производство	гончарные печи раннепарфянского времени / Р 4, Ю-В квадрат Гяур-калы	антропоморфный	женский	1(1)
5	Гяур-кала / столичный город	неясное	квартал мукомолов	антропоморфный	женский	5
6	Гяур-кала / столичный город	гончарное производство	гончарные печи раннепарфянского времени / Р 4, Ю-В квадрат Гяур-калы	антропоморфный	женский	инд
7	Джин-депе / городское поселение	неясное	из раскопа, из слоев I в. до н. э.	антропоморфный	женский	4

29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
1	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	мастерская ремесленника / Р 2, пом. 4, на полу у хума, парфянское время	зооморфный	
2	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	мастерская ремесленника / Р 2, пом. 5, на полу, парфянское время	зооморфный	
3	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	мастерская ремесленника / Р 2, пом. 10, на полу, парфянское время	антропоморфный	инд
4	Гяур-кала / столичный город	неясное	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, шурф 3, ярус XIII, I–II вв. н. э.	антропоморфный	
5	Гяур-кала / столичный город	неясное	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, шурф 3, ярус XIII, I–II вв. н. э.	антропоморфный	

Окончание табл. 28. Статуэтки Маргианы II–I вв. до н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Размеры, см	Изображение	Место хранения / публикации
эллинистический	стоящая, в одежде, без атрибутов. Одежда, высоко подпоясанный пояском под грудью хитон. Правая рука согнута и поднята к правому плечу, левая опущена и придерживает одежду, образующую горизонтальные складки. Голова и низ статуэтки утрачены	оттиск с односторонней матрицы	6 × 3,5 × 1,3	260(1); 262 (1)	Пугаченкова, 1959, с. 126, рис. 5,2; Филанович, 1974, с. 22 (из раскопок Ахрарова)
эллинистический	стоящая, обнаженная, без атрибутов. Статуэтка с небольшим фоном, сохранилась полностью. Стоит скрестив ноги, левая рука прижата к груди, правая опущена	оттиск с односторонней матрицы	7,5 × 1,8 × 1,4	260(3)	Пугаченкова, 1959, с. 123–124, рис. 3; Она же, 1962, с. 122–123, рис. 3
?	стоящая, обнаженная, без атрибутов. Голова утрачена. Правая рука придерживает правую грудь, левая опущена к низу живота, верхняя часть обнажена, нижняя часть прикрыта ниспадающей тканью	оттиск с односторонней матрицы	7,6 × 2,8 × 1,5–2	260(4)	Пугаченкова, 1959, с. 122, рис. 1,1; Она же, 1962, с. 120, рис. 1
	стоящая, обнаженная, без атрибутов фигура с перекрестной перевязью на груди	оттиск с односторонней матрицы			Кошеленко, 1966, с. 108–109; Древнейшие гос., 1985, табл. XCVIII

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	корова	фигурка коровы		ручная лепка	нет	Усманова, 1963б, с. 171
неясный	лошадь	фигурка лошади		ручная лепка	нет	Усманова, 1963б, с. 171
автохтонный	женский	фигура с обнаженной грудью, руками на животе и платьем, усыпанным ниже груди бляшками		оттиск с односторонней матрицы		Усманова, 1963б, с. 175
неясный	женский	безголовая фигурка «маргианской богини»		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 127
неясный	женский	голова «маргианской богини»		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 127

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Археологический аспект)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
6	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. I, ярус XI, на полу у хума I–II вв. н. э.	антропоморфный	
7	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. I, ярус XI, на полу у хума I–II вв. н. э.	зооморфный	
8	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. I, ярус XI, на полу у хума I–II вв. н. э.	зооморфный	
9	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. I, ярус X, на полу у хума I–II вв. н. э.	антропоморфный	
10	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. I, ярус IX, монеты Шапура I (242–272 гг. н. э.)	антропоморфный	21
11	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. II, ярус XI, второй пол	зооморфный	
12	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. III, с монетой Арташира I (224–242 гг. н. э.)	антропоморфный	
13	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. IV, нижний пол на уровне XII яруса	антропоморфный	
14	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. IV, второй пол на уровне конца X яруса с монетой Арташира I	зооморфный	
15	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. IV, второй пол на уровне конца X яруса с монетой Арташира I	зооморфный	
16	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. VI, нижний слой с монетой Арташира I	антропоморфный	
17	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. VI, нижний слой с монетой Арташира I	антропоморфный	
18	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. VI, верхний слой (X ярус)	антропоморфный	
19	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. VII, нижний слой	зооморфный	
20	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. IX, двор	зооморфный	
21	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XIV, с хорезмийской монетой III–IV вв.	зооморфный	

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	женский	высокорельефная фигурка, голова отбита		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 129
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 129
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 129
неясный	женский	?		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 129
автохтонный	мужской	усатый, с бородой, мужской персонаж с тиарой на голове		оттиск с односторонней матрицы	265(1)	Кацурис, Буяков, 1963, с. 129
неясный	неясный	животное		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 130
неясный	женский	головка женской статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 130
неясный	мужской	бородатый мужчина		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 130
неясный	лошадь	лошади фрагмент		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 131
неясный	лошадь	лошади фрагмент		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 131
неясный	женский	женская статуэтка		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 131
неясный	женский	женская статуэтка		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 131
неясный	неясный	«фертообразный человек»		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 131
неясный	неясный	фрагмент фигурки животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 132
неясный	неясный	фрагмент фигурки животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 132
неясный	неясный	головка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 133

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
22	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XV	всадник и оседланное животное	
23	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XVI, нижний пол на уровне XI яруса. В слое монетка IV в. н. э.	антропоморфный	8(2)
24	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XVII, поздний пол у печи	антропоморфный	8(2)
25	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XX, нижний пол у хума	антропоморфный	
26	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XX, верхний пол у хума	антропоморфный	инд
27	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, коридор к западу от пом. XVI, XVII, XXVI, X ярус, на полу с монетой Арташира I	зооморфный	
28	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, коридор к западу от пом. XVI, XVII, XXVI, X ярус, на полу с монетой Арташира I	антропоморфный	8(3)
29	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXVII, с маргианской монетой III в. н. э.	зооморфный	
30	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXVIII, на нижнем полу	зооморфный	
31	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXVIII, на нижнем полу	зооморфный	
32	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXIX, в верхнем слое	антропоморфный	
33	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXX	неясный	
34	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXX	неясный	
35	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXI, на нижнем полу	зооморфный	
36	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXI, на нижнем полу	зооморфный	
37	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXI, на верхнем полу	зооморфный	

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	лошадь	лошадь со следами седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 133
автохтонный	женский	женщина с двумя зеркалами (головка отбита)		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 133–134
автохтонный	женский	фрагмент статуэтки женщины с двумя зеркалами		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 134
неясный	женский	головка статуэтки женщины		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 135
неясный	неясный	грубоватая статуэтка с наклепными глазами и носом		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 135
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 136
автохтонный	женский	«плоскоплиточная женская статуэтка»		оттиск с односторонней матрицы	264(10)	Кацурис, Буряков, 1963, с. 136
неясный	лошадь	фрагмент лошади		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 136
неясный	лошадь	фрагмент лошади со следами от седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 136–137
неясный	лошадь	фрагмент лошади со следами от седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 136–137
неясный	женский	нижняя часть статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137
неясный	неясный	часть статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137
неясный	неясный	часть статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137
неясный	неясный	фрагмент статуэтки животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буряков, 1963, с. 137

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
38	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXI, на верхнем полу	зооморфный	
39	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXI, на верхнем полу	антропоморфный	8(3)
40	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXXIX	зооморфный	
41	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLI, в верхнем слое пушонки с круглыми и под-квадратными монетами раннесасанидского типа	антропоморфный	8(3)
42	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLIII, на полу	антропоморфный	21
43	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLIV, на полу рядом с хумом	антропоморфный	
44	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV, на нижнем полу рядом с хумом	антропоморфный	
45	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV, на нижнем полу рядом с хумом	зооморфный	
46	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV, в верхнем кроющем слое	всадник и оседланное животное	
47	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV, в верхнем кроющем слое	всадник и оседланное животное	
48	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV, в верхнем кроющем слое	всадник и оседланное животное	
49	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLVIII, в нижнем слое, с парфянской монетой II в. н. э.	антропоморфный	
50	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLVIII, в нижнем слое, с парфянской монетой II в. н. э.	зооморфный	
51	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLVIII, в нижнем слое, с парфянской монетой II в. н. э.	зооморфный	

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
неясный	неясный	фрагмент статуэтки животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 137
неясный	женский	фрагмент женской статуэтки с ожерельем на шее и зеркалом в правой руке на груди		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 137
неясный	лошадь	фрагмент статуэтки лошади		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 138
неясный	женский	фрагмент женской статуэтки с зеркалом на груди		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	мужской	головка в островерхой шапке		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	женский	часть женской статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	женский	часть женской статуэтки		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами от всадников		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами от всадников		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами от всадников		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 139
неясный	женский	статуэтка глубокого рельефа		оттиск с односторонней матрицы	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 140
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 140
неясный	неясный	статуэтка животного		ручная лепка	нет	Кацурис, Буяков, 1963, с. 140

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Археологический аспект)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
52	Эрк-кала / столичный город с фортификацией (цитадель)	фортификация	Р 1, ложная бойница первой стены контрфорса (I–II вв. н. э.)	антропоморфный	инд.
53	Эрк-кала / столичный город с фортификацией (цитадель)	фортификация	Р 1, в кладке первой стены контрфорса (не позднее III вв. н. э.)	антропоморфный	инд.
54	Гяур-кала / столичный город	неясное	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. IV, второй пол на уровне конца X яруса с монетой Арташира I	антропоморфный	21
55	Гяур-кала / столичный город	неясное	Р 5	антропоморфный	1(2)
56	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		не ранее I в. н. э. и не позднее IV в. н. э.	антропоморфный	8(1)
57	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXVIII, на полу	всадник и оседланное животное	
58	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XXVIII, на полу	всадник и оседланное животное	
59	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV на нижнем полу	всадник и оседланное животное	
60	Гяур-кала / столичный город	жилые постройки	ремесленный квартал у северных ворот / Р 6, пом. XLV на нижнем полу	антропоморфный	инд.
61	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		Р I, южный фас, яма 1, II–III вв. н. э.	антропоморфный	1(2)

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
автохтонный	женский	стоящая, в одежде с атрибутами. Одета в доспех (гладкий в верхней части, чешуйчатый в нижней). Правая рука опущена на бедро, левая согнута и придерживает меч с прямым перекрестием на левом боку. Выполнена горельефно	h — 11	оттиск с односторонней матрицы	266(1)	Усманова, 1963, с. 75–76, рис. 36
автохтонный	мужской	стоящий, обнаженный. Сохранился торс с основанием поднятых рук. На груди гривна с округлой подвеской. Бедрa широкие. Подчеркнут признак пола. Ноги слегка расставлены (гермафродит ?)		оттиск с односторонней матрицы	266(3)	Усманова, 1963, с. 79, рис. 38
автохтонный	мужской	матрица, рельефная фигура бородатого мужчины		оттиск с модели	265(4)	Кацурис, Бураков, 1963, с. 131
автохтонный	женский	часть торса статуэтки с левой рукой, прижатой к животу, и правой — к груди. Статуэтка глубокого рельефа		оттиск с односторонней матрицы	261(5)	Пугаченкова, 1962а, рис. 12,1
эллинистический	женский	женщина, стоящая, в одежде, с зеркалом в правой, прижатой к груди, руке. На голове высокий головной убор. Одежда с драпировкой образует косые складки, которые поддерживаются опущенной левой рукой		оттиск с односторонней матрицы	263(1)	Пугаченкова, 1962а, рис. 7,1
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Бураков, 1963, с. 136–137
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Бураков, 1963, с. 136–137
неясный	лошадь	часть статуэтки лошади со следами седла		ручная лепка	нет	Кацурис, Бураков, 1963, с. 139
неясный	мужской	обнаженный мужчина с лютней в руках		оттиск с односторонней матрицы	нет	Пилипко, 1969, с. 101, рис. 2.1
неясный	женский	Утрачен верх. Сильно обобщенная трактовка персонажа, стоящего с опущенной вдоль тела левой рукой и поднятой к груди правой. Одежда прослеживается лишь в легких складках, вероятно, длинного до пят платья	5,9 × 2,9 × 1,2	оттиск с односторонней матрицы / черепок хорошего качества, кремового цвета. Следы розового ангоба	261(11)	нет / коллекция САЭ, № 208 М 99. Геб.

ТЕРРАКOTOVAYА ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
62/5	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	жилые постройки	Р I, пом. 2, пол 1 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	5
63/49	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	жилые постройки	Р I, с. 4 / из слоя пожара на полу центрального комплекса / позднепарфянское время II — до 70-х гг. III вв. н. э.	антропоморфный	21
64/7	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	жилые постройки	Р 2, пом. 8 (II) / позднепарфянские слои	антропоморфный	8(1)
65/10	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		Р III / раннесасанидское время — III в. н. э.	антропоморфный	8(1)

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
эллинизированный	женский	миниатюрная фигурка обнаженной женщины в свободной позе, с опорой на левую ногу, правая — согнута в колене и перекинута на левую сторону, поставлена с разворотом на носок. Левая рука вытянута вниз вдоль бедра, правая, согнутая в локте, покоится на животе персонажа. Лицо овальной формы, на лбу своеобразная «косынка» или начальная повязка. Прическа — две булки на ушах. Голову венчает двойной (т. н. «рогатый») убор. Рельеф объемный, подставка отсутствует	8,7 × 2,1 × 2,1	оттиск с односторонней матрицы / черепок качественный, светло-серого цвета. Видны остатки красноватого ангоба. Высокий рельеф	262(1)	нет / коллекция САЭ, М — 89 (по старой нумерации — № 30)
эллинизированный	мужской	утрачена головка, скол на уровне шеи. Мужчина, стоящий фронтально. Левая рука, согнутая в локте, держит за рукоятку вертикально стоящий длинный меч. Правая, на уровне груди (кисть сбита), лежит на верхней части рукояти меча. На шее массивное украшение типа гривны. Воин одет в рубаху до колен, с живописными складками и шаровары, подпоясан. Меч вложен в ножны, которые крепятся к поясу с помощью специального ремешка	7,9 × 2,7 × 1,8	оттиск с односторонней матрицы / черепок плотный, коричневато-серого цвета, ангоб — желтовато-пепельный. Статуэтка побывала в пожаре: заметны следы копоти на правой стороне фигурки. Высокий рельеф	265(3)	отчет ИА РАН № 14679, с. 105, рис. 106; № 14678, с. 43, с. 49–50 / коллекция САЭ, Гебеклы 1985
неясный	женский	раздвоенная подставка для фигурки в виде «вилки». Сохранилась нижняя часть хитона, собранного в вертикальные частые складки, ниспадающего до самого низа изображения женской фигуры с зеркалом в руках	5,6 × 3,8 × 2,1	оттиск с односторонней матрицы	264(4)	нет / коллекция САЭ, М — 85. Геб. (по старой нумерации — № 27)
эллинизированный	женский	прослеживаются кисть и пальцы правой руки, поддерживающие край гиматия. В нижней части прослеживаются остатки «вилкообразной» подставки фигурки	8,2 × 4,0 × 1,8	оттиск с односторонней матрицы / черепок качественный, цвет стекла — серый, ангоб серовато-белый	264(6)	отчет ИА РАН № 14047, с. 54, рис. 63 / коллекция САЭ, М — 88. Геб. Р III (по старой нумерации — № 24)

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
66/18	Эрк-кала / столичный город с фортификацией (цитадель)		P I, башня 2	антропоморфный	8(1)
67/24	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		P II а (ворота) в слое натека у основания юж. фаса предвратной башни / I–III вв. н. э.	антропоморфный	8(1)
68/25	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		P I / подъем / II–III вв. н. э., из отвалов помещений, вскрываемых в это время	антропоморфный	8(1)

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
эллинизированный	женский	Иконография позы и схема расположения складок хитона и гиматия традиционные для рассматриваемого варианта. Круглое зеркало на длинной ручке несколько смещено к правой груди. Одежда моделирована в виде довольно реалистично и традиционно расположенных складок хитона и гиматия, на груди плоская гривна	4,7 × 3,2 × 1,9	оттиск с односторонней матрицы / черепок хорошего качества, серо-желтого цвета. Следы ангоба — красновато-коричневого цвета. Вертикальные следы подстругивания ножом тыльной и боковой сторон до обжига	264(3)	нет / коллекция САЭ, МЭК — 94. Р I, башня 2.
эллинизированный (?)	женский	Сохранилась головка в высоком головном уборе конической формы. Лицо местного антропологического типа пропорционально, умело моделировано: овальное, с покатым открытым лбом, широким разлетом бровей, прямым носом с высокой переносицей. Глаза прямого разреза с проработкой верхних и нижних век, рот маленький, посаженный близко к носу, подбородок округлый, массивный. Головной убор выше головы более чем в 1,5 раза, украшен рядами из округлых бляшек-налепов. Вьющиеся волосы обрамляют лицо по бокам. В ушах крупные серьги в виде двух круглых подвесок	4,5 × 2,8 × 1,9	оттиск с односторонней матрицы / черепок желтовато-серый, сохранились следы ангоба — белого. Рельеф высокий, в три четверти, четкий	264(1)	нет / коллекция САЭ, М 97
эллинизированный (?)	женский	утрачены левая сторона головного убора, лица до волос, нижняя часть правой руки с зеркалом и кисть левой руки, а также нижняя часть от колен. Головной убор тюрбанообразный, нависающий над лицом и состоящий из двух шаровидных частей (буклей). Поза и одевание, характерные для 1 варианта VIII с традиционным расположением рук, складок хитона и гиматия, поверх них грубые лепные украшения. Под головным убором украшение в виде свисающих полосок с горизонтальной насечкой	7,5 × 3,2 × 1,8	оттиск с односторонней матрицы / черепок хорошего качества, желтовато-серый. Белый ангоб с лицевой стороны. Обратная сторона подстругана ножом, заглажена. Возможно, часть сколов образовалась в результате брака при оттиске (на лице, груди и кисти)	264(5)	нет / коллекция САЭ, М 99 № 204

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (Археологический аспект)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
69/26	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		отвал на южном склоне Р I. Подъем / I–III вв. н. э. отвал с позднепарфянских помещений, вскрытых в этом году	антропоморфный	8(1)
70/31	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	фортификация	башня верхняя / III–IV вв. н. э. раннесасанидский период	антропоморфный	8(2)
71/36	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га		Р III / раннесасанидское время — III в. н. э.	антропоморфный	8(2)

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
эллинизированный (?)	женский	в правой руке, поднятой на уровень груди, — зеркало, несколько смещенное вправо. Фигурка облачена в хитон. Хорошо прослеживается гиматий, немного не достигающий в длину колен, передан многочисленными мелкими диагональными складками и окутывал левую руку и талию персонажа. Низ платья подчеркнут горизонтальной с небольшим скосом подрезкой ножом по сырой глине	8,7 × 3,4 × 2,1	оттиск с односторонней матрицы, ручная лепка / черепок хорошего качества, желтовато-серый. Подставка, по всей видимости, имела вид своеобразной раздвоенной «вилки», нижняя часть которой на данном экземпляре сколота. Вся статуэтка имела монолитную основу и для изображения персонажа, и для подставки. Обратная сторона и боковины подструганы ножом. Тыльная сторона слегка вогнута в середине и выгнута к верхнему и нижнему краям	264(2)	нет / коллекция САЭ, М 97
автохтонный	женский	Представляет собой полностью сохранившуюся подставку, на которой размещалась фронтально стоящая женская фигурка в длинных складчатых одеждах. Подол платья богато орнаментирован. Плоские рельефы чуть расставленных ног обозначены многочисленными зигзагообразными горизонтальными складками платья. Между ног выделяется горизонтальная волнообразная лента-складка	6,4 × 6,6 × 1,6	оттиск с односторонней матрицы / черепок качественный, без примесей, обжиг равномерный, светло-коричневого цвета. Ангоб коричневый. Боковины и тыльная сторона, гладкая после обжига, подрезаны ножом. Рельеф невысокий. Терракота побывала в пожаре: ее левая сторона сохранила следы копоты	264(9)	нет / коллекция САЭ, М — 82. (по старой нумерации — № 16)
автохтонный	женский	головка богини, достаточно крупных размеров. Выполнена объемно, скол на уровне шеи. Лицо «азиатского» типа, большие глаза, почти прикрытые узкими веками. Крупный нос, массивный подбородок. Головной убор — раздвоенный «тюбан», начальная повязка, украшенная круглыми налечами	5,1 × 4,3 × 2,6	оттиск с односторонней матрицы / высокий рельеф	264(7)	отчет ИА РАН № 14047, с. 54, рис. 63 / коллекция САЭ, М — 88. Геб. Р III (по старой нумерации — № 25)

ТЕРРАКОВАЯ ПЛАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания	Иконографический образ	Археологический тип / вариант
72/39	Эрк-кала / столичный город с фортификацией (цитадель)		Р II а, западный фас, заполнение / III в. н. э. / широкая датировка парфяно-раннесасанидское время	антропоморфный	8(2)
73/44	Гули-депе / городище с фортификацией, площадью 0,9 га		подъем / не ранее сасанидского времени и до монгольского времени	антропоморфный	8(3)
74/51	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	жилые постройки	Р I, пом. 2, пол 1 / I–II вв. н. э. (I–III вв. по находке 1-й ранне-сасанидской монеты, основная часть монет датируется II в.)	антропоморфный	инд
75/55	Гебеклы / городище с фортификацией площадью 1 га	жилые постройки	Р I, пом. 2, пол 1 / I–II вв. н. э.	антропоморфный	инд

Продолжение табл. 29. Статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Стиль	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Размеры, см	Технология изготовления / дополнительные приемы обработки	Изображение	Место хранения / публикации
автохтонный	женский	утрачены голова, вся нижняя половина фигуры. На сохранившемся фрагменте верхняя часть торса с правой рукой, прижатой к груди. В руке зеркало на длинной ручке. Одежда слабо читаема, имеет длинный рукав и украшена в районе горловины крупными рельефно выступающими круглыми бляшками или бусами	5,1 × 5,1 × 2,2	оттиск с односторонней матрицы / черепок хорошего качества, кремового цвета. Белый ангоб с лицевой стороны. Брак при оттиске, не читается вся левая сторона женского персонажа, глина с правой стороны недостаточно эластична и имеет каверны. Несмотря на это, статуэтка была дополнительно обработана (резьба, возможно, налепы)	264(8)	Гаибов и др., 1999, с. 380, рис. 5/93. 1
примитивный (?)	женский	1/4 срединной части статуэтки. На ней представлена нижняя часть богато украшенного подола платья с двумя вертикальными рельефными выступами ног	5,0 × 7,0	оттиск с односторонней матрицы / низкий рельеф		отчет ИА РАН № 10007, 1982 г. с. 4–5, рис. 14 и 24 / коллекция САЭ
эллинизированный	женский	стоящая в греческом костюме женская фигура. Хитон, ниспадающий до пят, образует массу вертикальных складок, поверх него накинут гиматий, край которого придерживается левой рукой, вытянутой вдоль туловища. Правая рука согнута и на уровне груди придерживает складки гиматия. Хорошо моделированы округлые узкие плечи, длинная шея	12,5 × 4,0 × 3,2	оттиск с односторонней матрицы / черепок хорошего качества, серовато-белого цвета. Ангоба нет. С тыльной стороны и по бокам фигурка обработана ножом по сырой глине. Высокий рельеф. Нижняя часть статуэтки несколько уплощена		нет / коллекция САЭ, М — 89. Геб. Р I, пом. 2, пол 1 (по старой нумерации — № 29)
эллинизированный	женский	миниатюрная статуэтка. Поскольку матрица-калып, очевидно, была уже сработана со временем, индивидуальные особенности изображения выявить очень трудно. Внешне это стоящий с вытянутыми вдоль туловища руками женский персонаж, задрапированный в тонкие одежды, в невысоком головном уборе или без него. Фигурка пропорциональна по своим размерам, на уровне груди четко прослеживается наличие какого-то округлого предмета	6,8 × 1,9 × 1,8	оттиск с односторонней матрицы / черепок — светло-серый, ангоб — красный. Поскольку матрица-калып, очевидно, была уже сработана со временем, индивидуальные особенности изображения сглажены		нет / коллекция САЭ, М — 89. Геб. (по старой нумерации — № 31)

30. Редкие виды терракотовой пластики Маргианы I–IV вв. н. э. (терракотовая пластика на керамике; терракотовая пластика на оссуариях)

№	Археологический объект / тип археологического объекта	Вид изделия по функциональному значению	Конкретизация вида изделия	Местонахождение (интерпретация функционального значения)	Конкретизация местонахождения / стратиграфические условия залегания
1	Гяур-кала / столичный город	керамика с применением терракотовой пластики	ритон	жилые постройки	мастерская ремесленника / Р 2, пом. 4, на полу у хума, парфянское время
2	Мунон-депе / некрополь	оссуарий		погребение	комплекс некрополя датируется рубежом эры, не позднее I в. н. э.
3	Гебеклы-депе / городище с фортификацией площадью 1 га	керамика с применением терракотовой пластики	сосуд на зооморфной подставке	жилые постройки	здание на центральном бугре, заполнение коридора / III в. н. э.
4	Гебеклы-депе / городище с фортификацией площадью 1 га	керамика с применением терракотовой пластики	сосуд на зооморфной подставке	жилые постройки	здание на центральном бугре, в забутовке / III в. н. э.
5	Гебеклы-депе / городище с фортификацией площадью 1 га	керамика с применением терракотовой пластики	сосуд на зооморфной подставке	жилые постройки	внутристенный коридор оборонительных сооружений у Ю-В башни / IV в. н. э.
6	Гебеклы-депе / городище с фортификацией площадью 1 га	керамика с применением терракотовой пластики	сосуд на зооморфной подставке	жилые постройки	внутристенный коридор оборонительных сооружений у Ю-В башни / IV в. н. э.

Иконографический образ	Иконографический образ (конкретизация первого уровня)	Иконографический образ (конкретизация второго уровня)	Технология изготовления	Изображение	Публикации
зооморфный	бык	голова быка	ручная лепка	нет	Усманова, 1963б, с. 171
антропоморфный	сюжетный	мужские и женские фигуры в полулежащих позах с разворотом в анфас туловищ, а также резные стилизованные изображения деревьев, прорезные изображения стреловидных бойниц с наlepным жгутом с косой насечкой	ручная лепка, резьба	265	Кошеленко, Оразов, 1965, с. 42–43
зооморфный		грубой лепки фигурка животного с вытянутой спинкой, к которой прикреплен сосуд, по форме близкий к колоковидным бокалам. Сосуд изготовлен на гончарном круге	ручная лепка		Новиков, 1988, с. 12, ф. 1, 2
зооморфный		грубой лепки фигурка животного с вытянутой спинкой, с характерным сколом на спинке в месте крепления сосуда	ручная лепка		Новиков, 1988, с. 12
зооморфный		грубой лепки фигурка животного с вытянутой спинкой, с характерным сколом на спинке в месте крепления сосуда	ручная лепка		Новиков, 1988, с. 12
зооморфный		грубой лепки фигурка животного с вытянутой спинкой, с характерным сколом на спинке в месте крепления сосуда	ручная лепка		Новиков, 1988, с. 12

Список иллюстраций¹

1. Карта среднеазиатского региона (Бактрия, Хорезм, Маргиана и Согд).
2. Карта Хорезма с памятниками древнехорезмийского периода, из которых происходит стратиграфически датированная терракотовая пластика.
3. Типология антропоморфных статуэток Хорезма.
4. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/111.
5. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/5, 119.
6. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/64, 110.
7. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/7, 100, 111, 122.
8. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2; 3 — Хазарасп; 4–6 — Кюзели-гыр. Табл. 1/6, 73, 172–174, 177.
9. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/18, 22.
10. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/116.
11. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/58, 70, 116.
12. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1, 2, 4–6 — Калалы-гыр 2; 3 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 1/21, 25, 40, 71, 157, 180.
13. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2; 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/19, 134.
14. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1–6 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/11, 82, 99, 101, 120, 123.
15. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 2. 1, 3 — вариант 2. 1–3 — Калалы-гыр 2; 4 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/61, 68, 69, 136.
16. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/132.
17. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1 — Кой-Крылган-кала; 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/118, 133.
18. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/95.
19. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/14, 183.
20. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/63, 117.
21. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/20.
22. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/3, 23, 121.
23. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/47, 96.
24. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 2. 1–4 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/146, 148, 149, 151.
25. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 2. 1–3 — Кой-Крылган-кала; 4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/98, 147, 150, 152.
26. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/108.
27. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. Вариант 2. 1, 4, 5 — Топрак-кала Шаватская; 2, 3 — Хазарасп. Табл. 1/163, 164, 166, 175, 176.
28. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 3. 1 — Калалы-гыр 2; 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/97, 131.
29. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 4. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/153, 184.
30. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 5. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/42, 74.
31. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Индивидуальный тип. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/182.
32. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1, 4 — Калалы-гыр 2; 2, 3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/10, 54, 137, 138.
33. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1, 5 — Калалы-гыр 2; 3, 4 — Кой-Крылган-кала; 2 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 1/72, 135, 154, 160, 178.
34. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. Идолы. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/39, 90, 91, 130, 179.
35. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/32, 62, 114.
36. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/2, 41.
37. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/48, 78, 94.
38. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/52, 161, 1.
39. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/9, 129, 55, 84.
40. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–8 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/34, 36, 38, 59, 79, 106, 107, 162.
41. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/12, 43, 127, 128.

¹ Иллюстрации № 1, 2, 106, 129, 156, 246, 259, 268 приведены на цветной вклейке.

42. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/29, 31, 60, 85.
43. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/89, 115, 126.
44. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/32, 8, 83, 196.
45. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/76, 81, 109.
46. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/102, 113.
47. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/17, 185.
48. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/27, 50.
49. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/80, 86, 87, 104.
50. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/15, 57.
51. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/33, 44, 45.
52. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/46, 103.
53. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/56, 112.
54. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/77, 105.
55. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/51, 92.
56. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/30, 125, 155.
57. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/35, 53.
58. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–6 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/142–145, 187, 189.
59. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1 — Кой-Крылган-кала; 2–6 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 1/167–171, 188.
60. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/5, 9, 15.
61. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/6, 7, 11.
62. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/10, 13а.
63. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/12, 13.
64. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/14, 16, 17, 42, 43.
65. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/8, 19, 20, 26, 41.
66. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/18, 21, 23, 24.
67. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/22.
68. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/27.
69. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/28, 31.
70. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/29, 30, 36.
71. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/32.
72. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/33–35.
73. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1, 2 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 2/37, 38.
74. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/39.
75. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/40.
76. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/44.
77. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон амфоровидный двухсосковый с налпами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/46.
78. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон амфоровидный двухсосковый с налпами на ручках. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/47.
79. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон роговидный. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/52.
80. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/55.
81. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/58.
82. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой Сатира. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/59.

83. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/68.
84. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 1. Табл. 2/66.
85. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 2/65.
86. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон роговидный с протомой. 1 — Хумбуз-тепе. Табл. 2/67.
87. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/63, 64.
88. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/84, 90, 101.
89. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/79, 86, 100, 104.
90. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/74, 75, 77.
91. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/91, 97.
92. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/95, 96, 99, 103.
93. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–4 — Хумбуз-тепе. Табл. 2/124–127.
94. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–2 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 2/20, 12.
95. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–7 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/109–115.
96. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1 — Хумбуз-тепе; 2, 4 — Калалы-гыр 2; 3 — Гяур-кала 3. Табл. 2/73, 76, 140, 141.
97. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фигурный сосуд. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/148.
98. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Крышка с рельефом. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/147.
99. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 3/6, 9, 13, 17.
100. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 3/2, 18.
101. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. 4, 5 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 3/4, 5, 11, 14, 15.
102. Алтарики Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 4/3, 5, 6, 8.
103. Алтарики Хорезма IV–I вв. до н. э. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 4/19.
104. Модели повозок и колес Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 5/1, 7–9.
105. Погребальные сосуды Хорезма IV–I вв. до н. э. Табл. 6/1, 2, 3.
106. Карта Хорезма I–IV вв. н. э. с указанием памятников, из которых происходят изделия терракотовой пластики.
107. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип II. Вариант 3. 1–3 — Кой-Крылган-кала; 4 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 7/3, 4, 8, 51.
108. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип III. Вариант 2. 1 — Кой-Крылган-кала; 2 — Топрак-кала Шаватская; 3 — Капарас. Табл. 7/1, 52, 57.
109. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип VI. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/11, 12.
110. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип VII. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/9.
111. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип VII. 1 — Капарас. Табл. 7/34.
112. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 2 — Топрак-кала; 3 — Капарас. Табл. 7/55, 56, 37.
113. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1–6 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/2, 6, 7, 10, 13, 14.
114. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 2 — Большая Айбуйир-кала; 3, 4 — Кой-Крылган-кала; 5, 6, 8 — Капарас; 7 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 7/15, 17, 35, 36, 46, 53, 54, 58.
115. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–6 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/18, 19, 22, 24, 26, 28.
116. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–4 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/25, 29, 30, 33.
117. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–3 — Капарас. Табл. 7/39, 41, 48.
118. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 7/49, 50.
119. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1 — Кой-Крылган-кала; 2 — Капарас. Табл. 7/31, 38.
120. Терракотовая пластика на керамике Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 2 — Топрак-кала. Табл. 8/2, 3.
121. Терракотовая пластика на керамике Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 3 — Капарас; 2 — Топрак-кала. Табл. 8/1, 4, 5.
122. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 9/6.
123. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э. 1 — Капарас; 3, 4 — Топрак-кала. Табл. 9/1, 5, 7.
124. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 2 — Топрак-кала. Табл. 9/4, 9.

125. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–4 — Топрак-кала. Табл. 9/2, 3, 10, 11.
126. Алтарики Хорезма I–IV вв. н. э. 1–4 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 10/1–4.
127. Плитки с рельефом Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 11/1, 2.
128. Терракотовая пластика на оссуариях Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 2 — могильник Тырым-кай. Табл. 13/1, 2.
129. Карта Бактрии эллинистического периода, III–I вв. до н. э., с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика.
130. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 1. Реконструкция типа.
131. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 1. Вариант 1. 1, 2 — Ай-Ханум. Табл. 14/18, 23.
132. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 1. Вариант 1. 1–3 — Ай-Ханум; 4 — Шортугай. Табл. 14/19–21, 51.
133. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 1. Вариант 1. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/1, 2, 22.
134. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 2. Вариант 1. 1 — Ай-Ханум. Табл. 14/26.
135. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 3. 1 — Кампыртепа; 2 — Халчаян; 3 — Ай-Ханум. Табл. 14/30, 43, 47.
136. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Тип 8. Вариант 3. 1 — Саксонохур. Табл. 14/36.
137. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–4 — Кампыртепа. Табл. 14/40, 42, 53, 54.
138. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–4 — Ай-Ханум; 5 — Дальверзин-тепе. Табл. 14/24, 25, 28, 29, 46.
139. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/16, 31, 32.
140. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/5, 27, 33.
141. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–5 — Ай-Ханум. Табл. 14/3, 6, 9–11.
142. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–2 — Ай-Ханум. Табл. 14/34, 35.
143. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–6 — Ай-Ханум. Табл. 14/5, 7, 8, 12–15.
144. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/4, 5, 13.
145. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1 — Ай-Ханум. Табл. 15/6.
146. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–4 — Ай-Ханум. Табл. 15/14, 16, 17, 19.
147. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–5 — Ай-Ханум. Табл. 15/1–3, 15, 18.
148. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/8–10.
149. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/7, 11, 12.
150. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Ритоны роговидные. 1–2 — Ай-Ханум. Табл. 15/20, 21.
151. Терракотовые маски Бактрии III–I вв. до н. э. 1 — Ай-Ханум. Табл. 16/1.
152. Терракотовые маски Бактрии III–I вв. до н. э. 1 — Ай-Ханум. Табл. 16/2.
153. Терракотовые маски Бактрии III–I вв. до н. э. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 16/3–5.
154. Терракотовые протомы Бактрии III–I вв. до н. э. 1 — Ай-Ханум. Табл. 17/1.
155. Плитки с рельефом Бактрии III–I вв. до н. э. 1–2 — Ай-Ханум. Табл. 18/1, 2.
156. Карта Бактрии кушанского периода с указанием памятников, откуда происходит терракотовая пластика.
157. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/97.
158. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1 — Айртам; 2, 3 — Дильберджин. Табл. 19/109, 220, 226.
159. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1–4 — Кей-Кобад-Шах. Табл. 19/326–329.
160. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1, 2 — Тепаи-Шах. Табл. 19/161, 169.
161. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1–3 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/50, 88.
162. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1, 2 — Чопли-депе. Табл. 19/248, 249.
163. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1 — Чопли-депе; 2 — Дильберджин. Табл. 19/194, 247.
164. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1, 2 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/85, 106.
165. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1, 2 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/89, 90.
166. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/62.
167. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 4. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/51.
168. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1 — Чопли-депе; 2 — Мирзабек-кала. Табл. 19/255.
169. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1, 2 — Чопли-депе; 3, 4 — Мирзабек-кала. Табл. 19/34, 234, 235.

170. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1 — Мирзабек-кала; 2, 3 — Чопли-депе. Табл. 19/12, 24, 236.
171. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1–3 — Дильберджин. Табл. 19/219, 314, 325.
172. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1–3 — Чопли-депе; 4 — Дильберджин. Табл. 19/13, 237, 315, 328.
173. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 7. 1 — Старый Термез; 2 — Халчаян; 3 — Зартепа; 4 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/120, 117, 118.
174. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 8. Вариант 1. 1, 2 — Балх, Тепе Заргаран. Табл. 19/229, 230.
175. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 8. Вариант 1. 1 — Дильберджин. Табл. 19/225.
176. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 8. Вариант 2. 1–4 — Саксонохур. Табл. 19/270.
177. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 9. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/1.
178. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 10. 1–4 — Дильберджин. Табл. 19/212, 214.
179. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 13. 1, 2 — Чопли-депе. Табл. 19/250, 251.
180. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 14. Вариант 2. 1 — Кампыртепа; 2 — Зартепа; 3 — Кара-тепе. Табл. 19/61, 337.
181. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 15. 1, 2 — Дальверзин-тепе; 3 — Старый Термез; 4 — Аккурган. Табл. 19/74, 87, 170.
182. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 16. 1, 2 — Кампыртепа. Табл. 19/58, 338.
183. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 17. 1, 5 — Чопли-депе; 4 — Кампыртепа; 2, 3 — Мирзабек-кала. Табл. 19/63, 240, 241.
184. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 18. 1 — Мирзабек-кала. Табл. 19/64.
185. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 18. 1–4 — Чопли-депе. Табл. 19/14, 15, 242, 243.
186. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 18. 1–3 — Чопли-депе. Табл. 19/244–246.
187. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 18. 1, 2 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/103, 104.
188. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 19. 1–3 — Кампыртепа. Табл. 19/35, 46, 47.
189. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 1. 1, 4 — Кампыртепа; 2 — Халчаян; 3 — Старый Термез. Табл. 19/43, 119, 178.
190. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 2. 1, 2 — Айртам; 3 — Тепе Заргаран. Табл. 19/110, 232.
191. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1, 2 — Саксонохур. Табл. 19/7.
192. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1 — Саксонохур. Табл. 19/5.
193. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1–4 — Саксонохур. Табл. 19/6, 8, 9.
194. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 22. 1, 2 — Дильберджин. Табл. 19/203, 213.
195. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 23. 1 — Кара-тепе; 2 — Дильберджин. Табл. 19/180, 310.
196. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 24. 1 — Зартепа. Табл. 19/305.
197. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 25. 1, 2 — Зартепа; 3 — Аккурган. Табл. 19/80, 121, 122.
198. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 4 — Дильберджин; 5, 6 — Кампыртепа; 7, 8 — Мирзакул-тепе. Табл. 19/52, 54, 69, 80, 91, 92, 218, 316.
199. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 2 — Кампыртепа; 3, 4 — Дильберджин. Табл. 19/36, 48, 188, 331.
200. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1–4, 6 — Чопли-депе; 5, 7 — Дильберджин; 8 — Тепе Заргаран. Табл. 19/200, 201, 231, 252–254, 257, 258.
201. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1 — Зартепа; 2 — Кампыртепа; 3 — Тепаи-Шах; 4–6 — Дильберджин; 7 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/3, 55, 128, 158, 205, 309.
202. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/38.
203. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 2 — Дильберджин; 3 — Балх; 4 — Дальверзин-тепе; 5 Аккурган; 6 — Кампыртепа. Табл. 19/37, 77, 93, 202, 233, 318.
204. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1–5 — Зартепа; 6 — Дильберджин. Табл. 19/124–127, 151, 317.
205. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники. 1–4 — Саксонохур. Табл. 19/279, 280, 282, 283.
206. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники. 1, 2 — Мирзакул-тепе. Табл. 19/65, 67.
207. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники. 1, 2 — Кампыртепа. Табл. 19/56, 57.
208. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники или оседланные животные. 1, 2 — Айртам. Табл. 19/111, 114.
209. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники или оседланные животные. 1, 2 — Саксонохур; 3 — Аккурган; 4 — Дильберджин. Табл. 19/76, 183, 281, 284.
210. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники или оседланные животные. 1 — Аккурган; 2–5 — Чопли-депе. Табл. 19/18, 20, 73, 261, 262.
211. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–5 — Дильберджин. Табл. 19/195, 207, 222, 223, 312.

212. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–5 — Дильберджин. Табл. 19/181, 185, 306, 307, 311.
213. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–6 — Тепаи-Шах. Табл. 19/163–168.
214. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–5 — Дильберджин. Табл. 19/184, 197, 198, 319, 320, 321.
215. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1 — Кара-тепе; 2 — Старый Термез; 3–6 — Аккурган; 8 — Зартепа. Табл. 19/72, 75, 78, 82, 176, 179, 293.
216. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–8 — Зартепа. Табл. 19/129, 130, 132, 133, 136, 288, 290, 291.
217. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1, 3, 4 — Айртам; 2 — Чопли-депе; 5 — Кей-Кобад-Шах. Табл. 19/23, 112, 113, 115, 334.
218. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Типы сосудов с зооморфными ручками. 1 — Кампыртепа; 2 — Аккурган; 3 — Шор-тепе; 4 — Дильберджин. Табл. 20/9, 22, 28, 76.
219. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–4 — Зартепа; 5 — Кара-тепе; 6 — Аккурган; 7 — Старый Термез. Табл. 20/25, 40–42, 51, 77, 81.
220. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–2 — Кара-тепе. Табл. 20/29, 32.
221. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–5 — Дильберджин; 6, 7 — Кампыртепа. Табл. 21/1, 3, 26, 56, 57, 60, 78.
222. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–3 — Кампыртепа. Табл. 20/14–16.
223. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–4 — Кампыртепа. Табл. 20/11–14.
224. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налепы на ручках сосудов. 1–2 — Шор-тепе; 3 — Кей-Кобад-Шах; 4 — Халчаян. Табл. 20/33, 79, 80, 82.
225. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1 — Аккурган; 2 — Джига-тепе. Табл. 20/21, 71.
226. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1 — Аккурган; 2 — Дильберджин; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/20, 23, 74.
227. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1, 2 — Зартепа; 3 — Кампыртепа. Табл. 20/2, 38, 39.
228. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1 — Зартепа. Табл. 20/36.
229. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1, 2 — Тепе Заргаран; 3 — Кара-тепе; 4 — Тепаи-Шах; 5 — Зартепа. Табл. 20/35, 54, 64–66.
230. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1 — Кара-тепе; 2 — Аккурган. Табл. 20/18, 52.
231. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Амфоровидный однососковый ритон. 1 — Дальверзин-тепе. Табл. 20/27.
232. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Амфоровидные ритоны. 1, 2 — Джига-тепе. Табл. 20/72, 73.
233. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Роговидный ритон. 1 — Зартепа. Табл. 20/37.
234. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Роговидный ритон. 1, 2 — Кампыртепа; 3 — Турткуль. Табл. 20/8, 24, 83.
235. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сливах и стенках сосудов. 1, 2 — Кампыртепа; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/5, 10, 75.
236. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Сосуды на зооморфных подставках. 1–17 — Зартепа. Табл. 20/86, 87, 89, 91, 96–104.
237. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Роговидный ритон. Сосуды на зооморфных подставках. 1, 2 — Аккурган; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/94, 95, 105.
238. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии. 1, 3 — Кампыртепа; 2, 4 — Зартепа. Табл. 21/3, 6, 10.
239. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии. 1 — Тепаи-Шах; 2, 3, 6 — Дильберджин; 4 — Аккурган; 5 — Зартепа. Табл. 21/4, 7, 12, 15–17.
240. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии. 1 — Халчаян; 2 — Кампыртепа; 3 — Дильберджин. Табл. 21/2, 5, 14.
241. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии. 1, 3 — Кампыртепа; 2 — Дильберджин; 4 — Зартепа. Табл. 21/1, 11, 9, 13.
242. Алтарики кушанской Бактрии. 1, 2 — Джига-тепе. Табл. 22/1, 2, 7.
243. Алтарики кушанской Бактрии. 1, 2 — Мирзакул-тепе. Табл. 22/5, 6.
244. Индивидуальные виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии. 1–3 — штампы; 4 — погремушка; 5 — свистулька. 1, 4 — Кампыртепа; 2 — Джига-тепе; 3 — Дильберджин; 5 — Дальверзин-тепе. Табл. 23/1, 3, 6, 7, 8.
245. Индивидуальные виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии. 1, 2 — очажные подставки; 3–5 — подставки. 1 — Зартепа; 2 — Айртам; 3 — Дильберджин; 4, 5 — Дальверзин-тепе. Табл. 23/4, 5, 9–11.
246. Карта Согда III в. до н. э. — IV в. н. э. с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика.
247. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э. 1, 2 — Китаб; 3, 4 — Афрасиаб; 5 — Сарай-тепе. Табл. 24/1, 2, 7, 10, 14.

Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

248. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э. 1, 2 — Китаб. Табл. 24/3, 13.
249. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э. 1, 2 — Бухара; 3, 4 — Китаб; 5, 6 — Афрасиаб. Табл. 24/5, 6, 8, 9, 11, 12.
250. Терракотовая пластика на керамике II–I вв. до н. э. 1–3 — налепы на сосудах; 4 — ритон; 5 — зооморфная ручка. 1, 2, 4, 5 — Афрасиаб; 3 — Китаб. Табл. 25/1–5.
251. Терракотовая пластика на керамике II–I вв. до н. э. Налеп на сосуде. 1 — Афрасиаб. Табл. 25/6.
252. Терракотовая пластика на керамике II–I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1 — Бухара; 2 — Афрасиаб. Табл. 25/7, 8.
253. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э. Тип 1. Вариант 3. 1–3 — Еркурган; 4 — Актепе. Табл. 26/30–32, 35, 36.
254. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2. 1–5 — Бухара. Табл. 26/14–17, 21.
255. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э. 1 — индивидуальный тип; 2, 3 — тип 12; 4 — тип 4. 1 — Афрасиаб; 2, 3 — Бухара; 4 — Еркурган. Табл. 26/2, 19, 20, 33.
256. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э. Тип 14. Вариант 1. 1, 2, 3, 7 — Афрасиаб; 4–6 — Тали-Барзу. Табл. 26/1, 3–6, 11, 12.
257. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 2, 4, 6 — Тали-Барзу; 3, 5 — Бухара. Табл. 26/7–10, 18, 29.
258. Терракотовые зооморфные статуэтки Согда I–IV вв. н. э. 1–7 — Бухара. Табл. 26/22–28.
259. Карта Маргианы IV в. до н. э. — IV в. н. э. с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика.
260. Терракотовые статуэтки Маргианы II–I вв. до н. э. 1 — тип 1, вариант 1; 6 — тип 1, вариант 2; 3 — тип 5; 7 — тип 4. 1–6 — Гяур-кала; 7 — Джин-депе. Табл. 28/1–7.
261. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э. Тип 1. Варианты 1, 2. 1–7 — Гяур-кала; 8–11 — Гебеклы-депе. Табл. 28/4, 3; 29/55, 61. Статуэтки № 2, 4, 6–10 из подъема. В рамки помещены изделия, размер которых не удалось установить точно.
262. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э. Тип 5. 1–3 — Маргиана; 4 — Согд. 1, 2 — Гебеклы-депе (табл. 29/5; табл. 28/5); 4 — Сарай-тепе (табл. 24/5). В рамках представлена статуэтка, размеры которой не установлены точно.
263. Варианты статуэток типа 8 в Маргиане. 1, 6, 8 — Гебеклы-депе; 2, 3, 5 — Гяур-кала; 4 — Чичанлык-депе; Табл. 29/56.
264. Статуэтки типа 8 в Маргиане. Вариант 1 — 1–6; вариант 2 — 71, 72; вариант 3 — 9, 10. 1, 2, 4–7, 9 — Гебеклы-депе; 3, 8 — Эрк-кала; 10 — Гяур-кала. Табл. 29/28, 64–72.
265. Статуэтки типа 21 в Маргиане. 1 — Гяур-кала; 2, 3 — Гебеклы-депе. Табл. 29/10, 54, 63.
266. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы. 1, 3 — Эрк-кала; 2 — вал Гилякин-Чильбурдж. Табл. 29/52, 53.
267. Терракотовая пластика на оссуарии Маргианы I–IV вв. н. э. 1 — Мунон-депе. Табл. 30/2.
268. Типология терракотовых статуэток Бактрии, Маргианы и Согда эпохи древности (в контексте иконографического и стилистического анализов).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Типы	I	II	III	IV	V	VI	VII
Вариант 1							
Вариант 2							
Вариант 3							

0 5 см

3. Типология антропоморфных статуэток Хорезма

4. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/111

5. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/5, 119

6. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/64, 110

7. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 1. 1–4 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/7, 100, 111, 122

8. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2; 3 — Хазарасп;
4–6 — Кюзели-гыр. Табл. 1/6, 73, 172–174, 177

9. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э. Тип 1.
1, 2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/18, 22

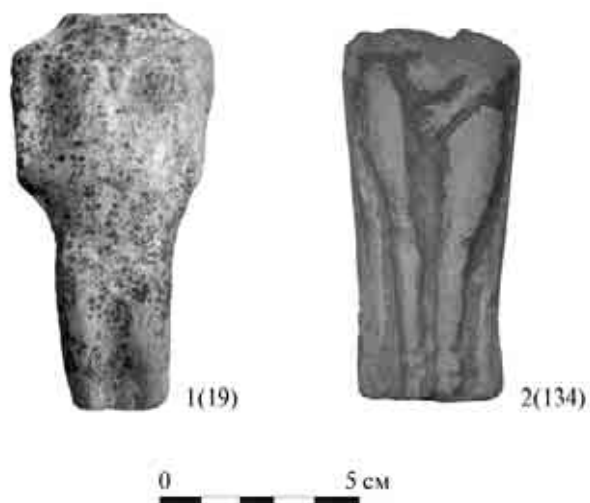
10. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1.
1 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/116

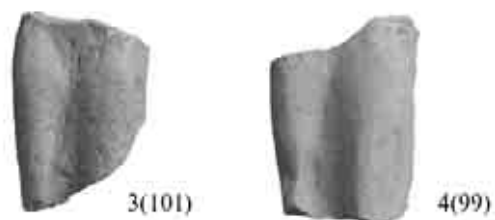
11. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1. 1–3 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/58, 70, 116

12. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1. 1, 2, 4–6 — Калалы-гыр 2;
3 — Большая Айбуйир-кала.
Табл. 1/21, 25, 40, 71, 157, 180

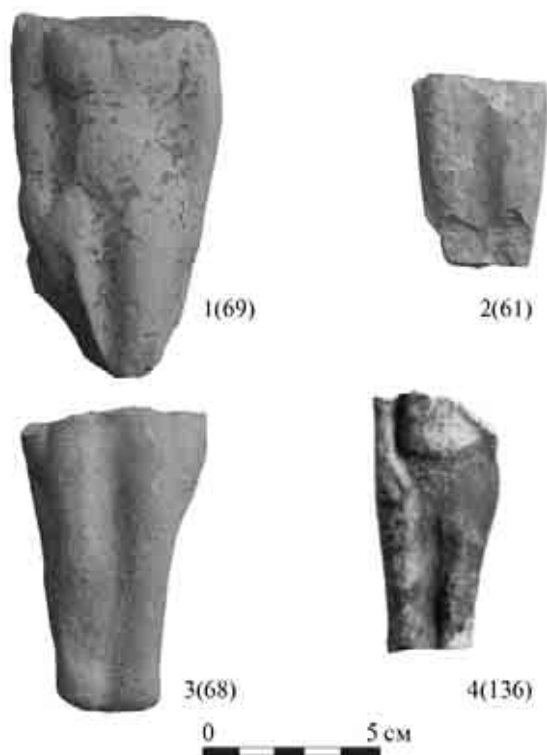

13. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2;
2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/19, 134

14. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1. 1–6 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/11, 82, 99, 101, 120, 123

15. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 2. 1, 3 — вариант 2. 1–3 — Калалы-гыр 2;
4 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/61, 68, 69, 136

17. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1 — Кой-Крылган-кала;
2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/118, 133

16. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1 — Кой-
Крылган-кала. Табл. 1/132

18. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1.
1 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/95

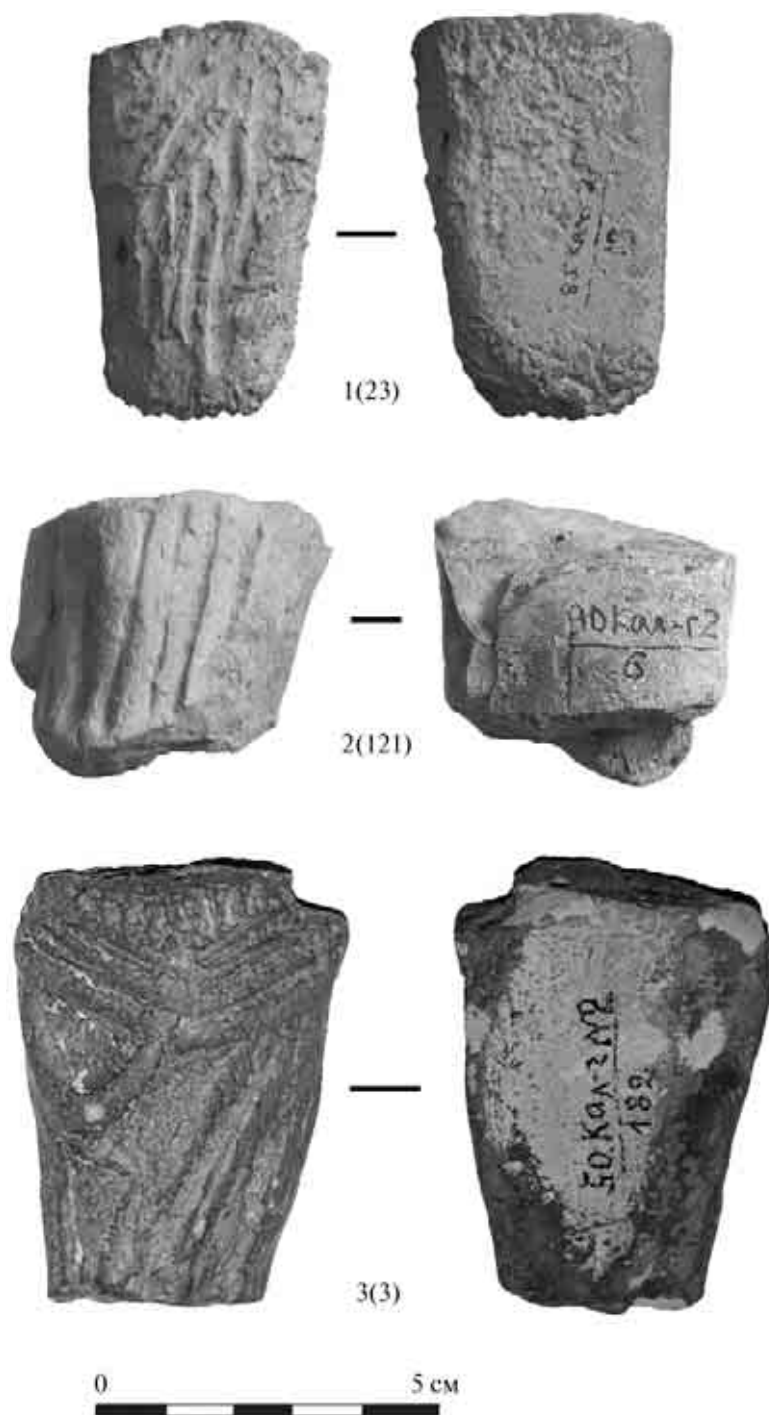

20. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/63, 117

19. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/14, 183

21. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/20

22. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
 Тип 3. Вариант 1. 1–3 — Калалы-гыр 2.
 Табл. 1/3, 23, 121

23. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1, 2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/47, 96

24. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 2. 1–4 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 1/146, 148, 149, 151

25. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 2. 1–3 — Кой-Крылган-кала; 4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/98, 147, 150, 152

26. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. Вариант 1. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/108

27. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
 Тип 3. Вариант 2. 1, 4, 5 — Топрак-кала Шаватская; 2, 3 — Хазарасп.
 Табл. 1/163, 164, 166, 175, 176

28. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 3. 1 — Калалы-гыр 2; 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/97, 131

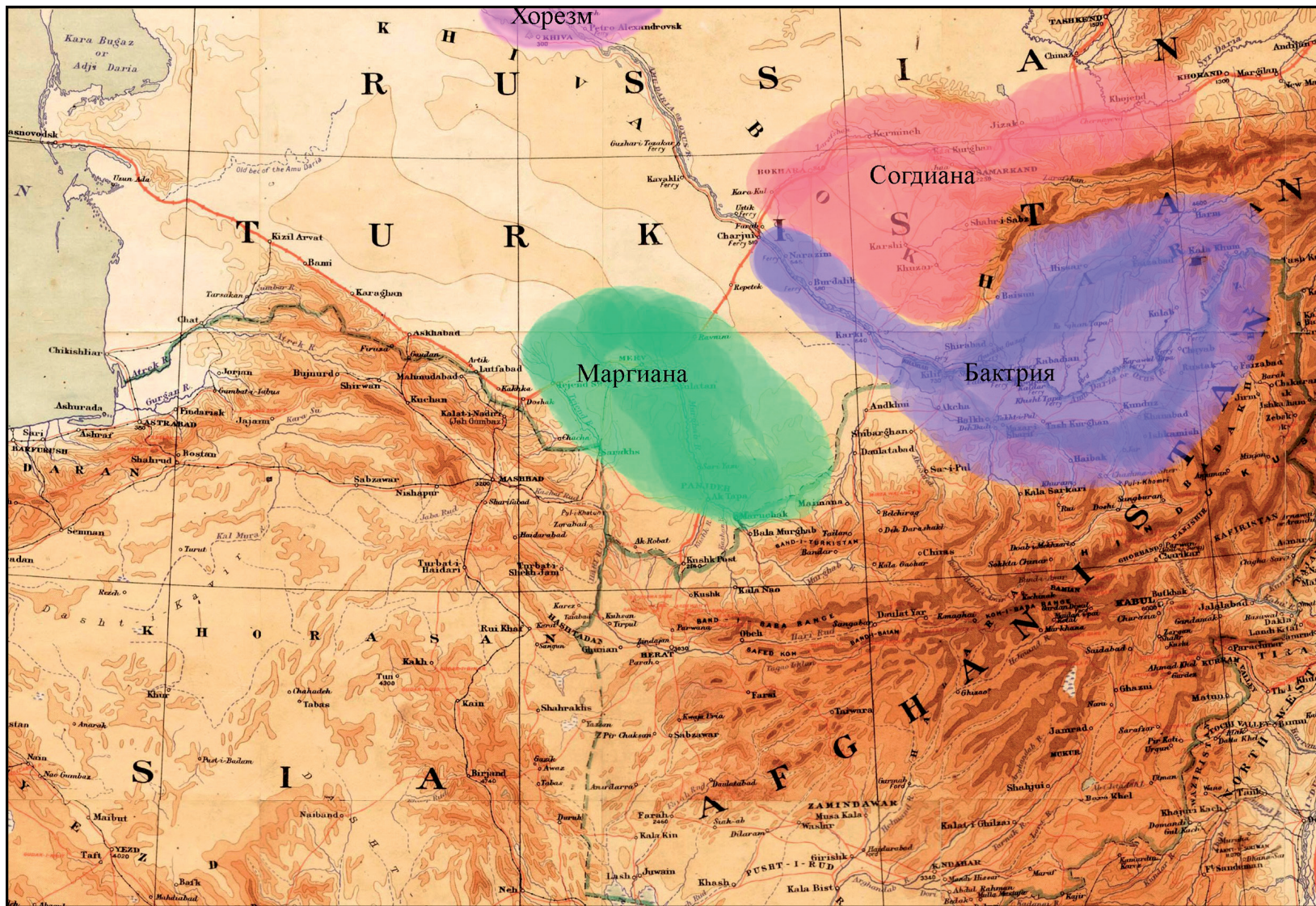

29. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 4. 1, 2 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 1/153, 184

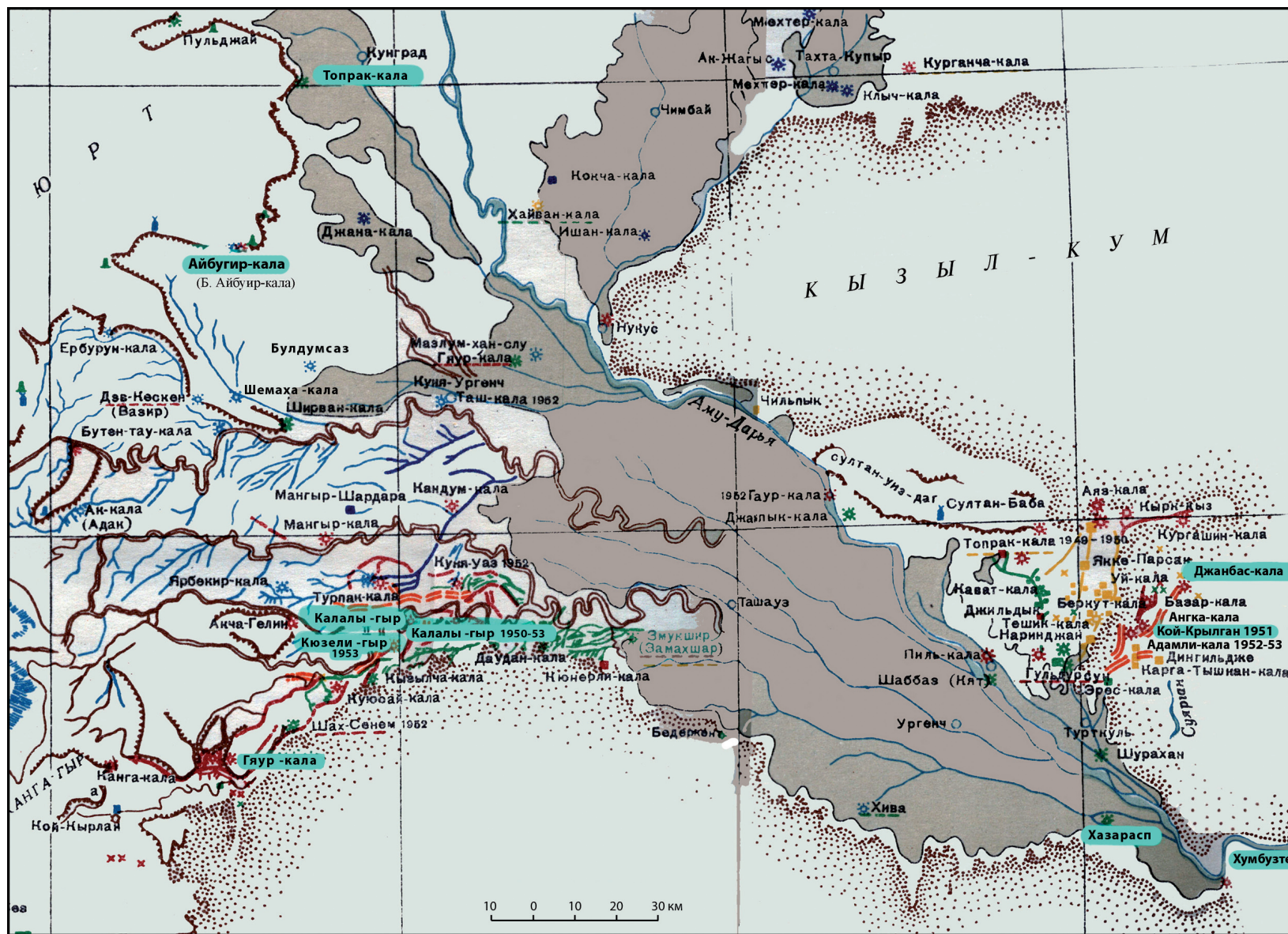

30. Терракотовые статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Тип 5. 1, 2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/42, 74

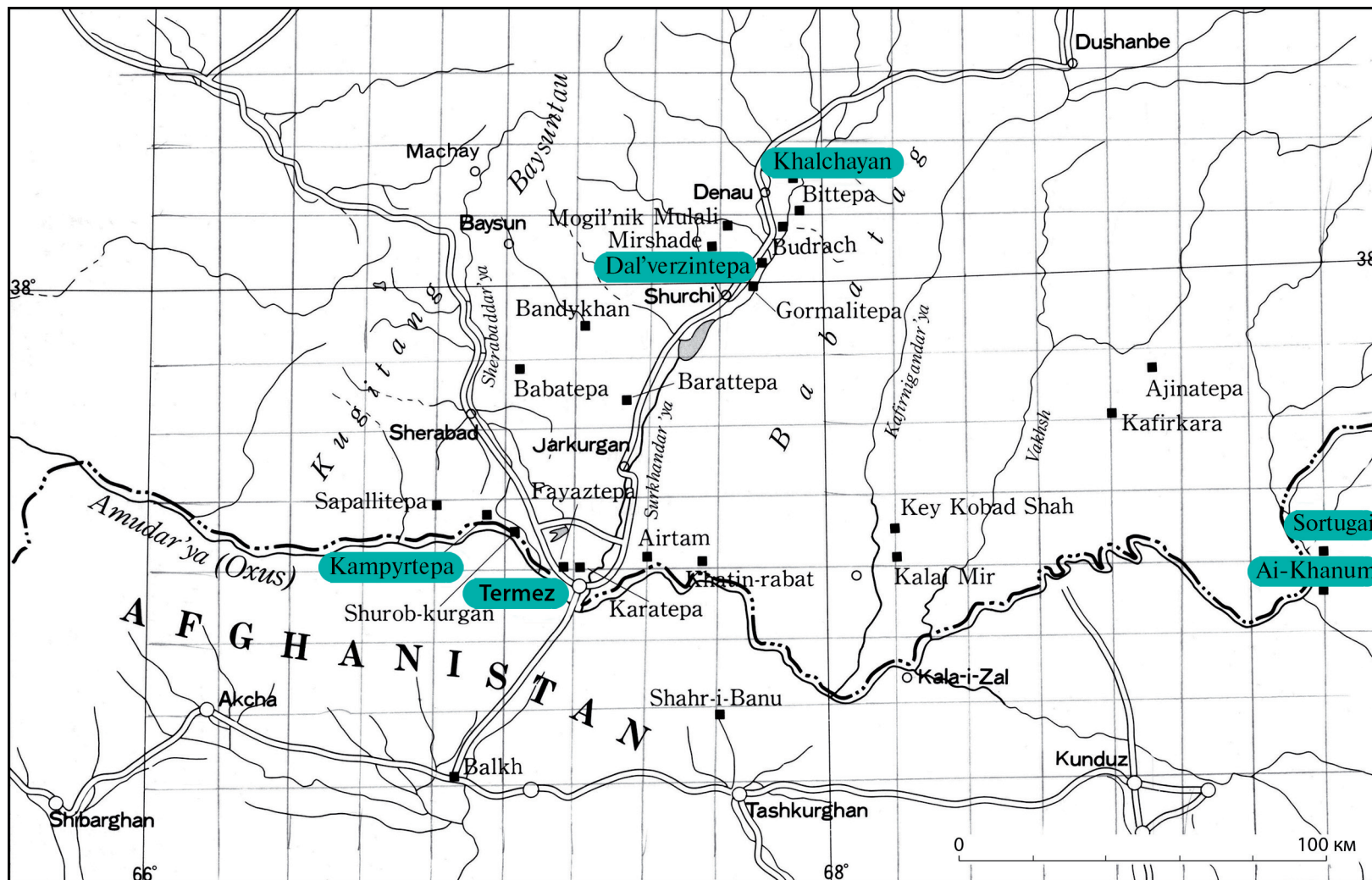

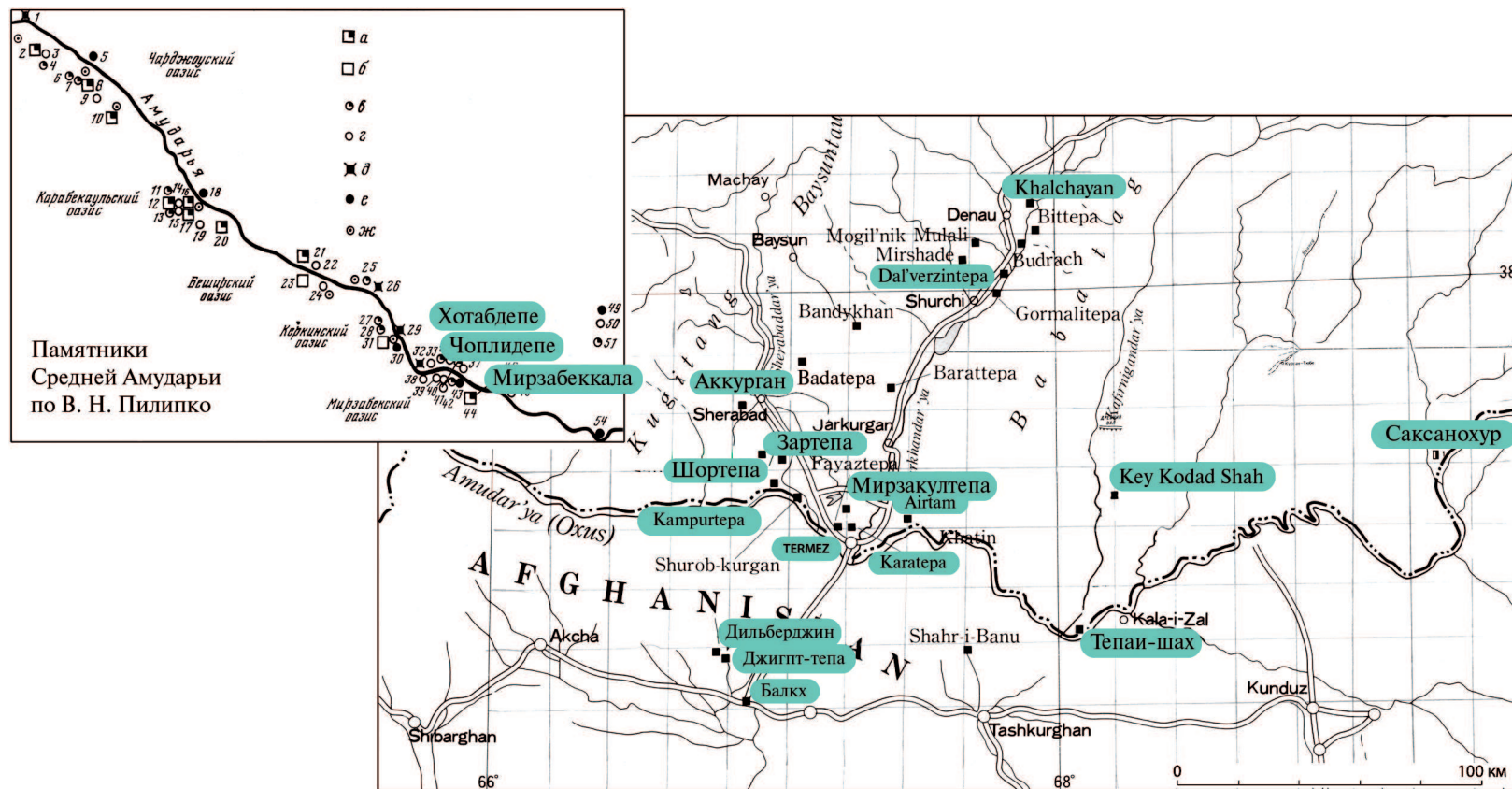
1. Карта среднеазиатского региона (Бактрия, Хорезм, Маргиана и Согд)

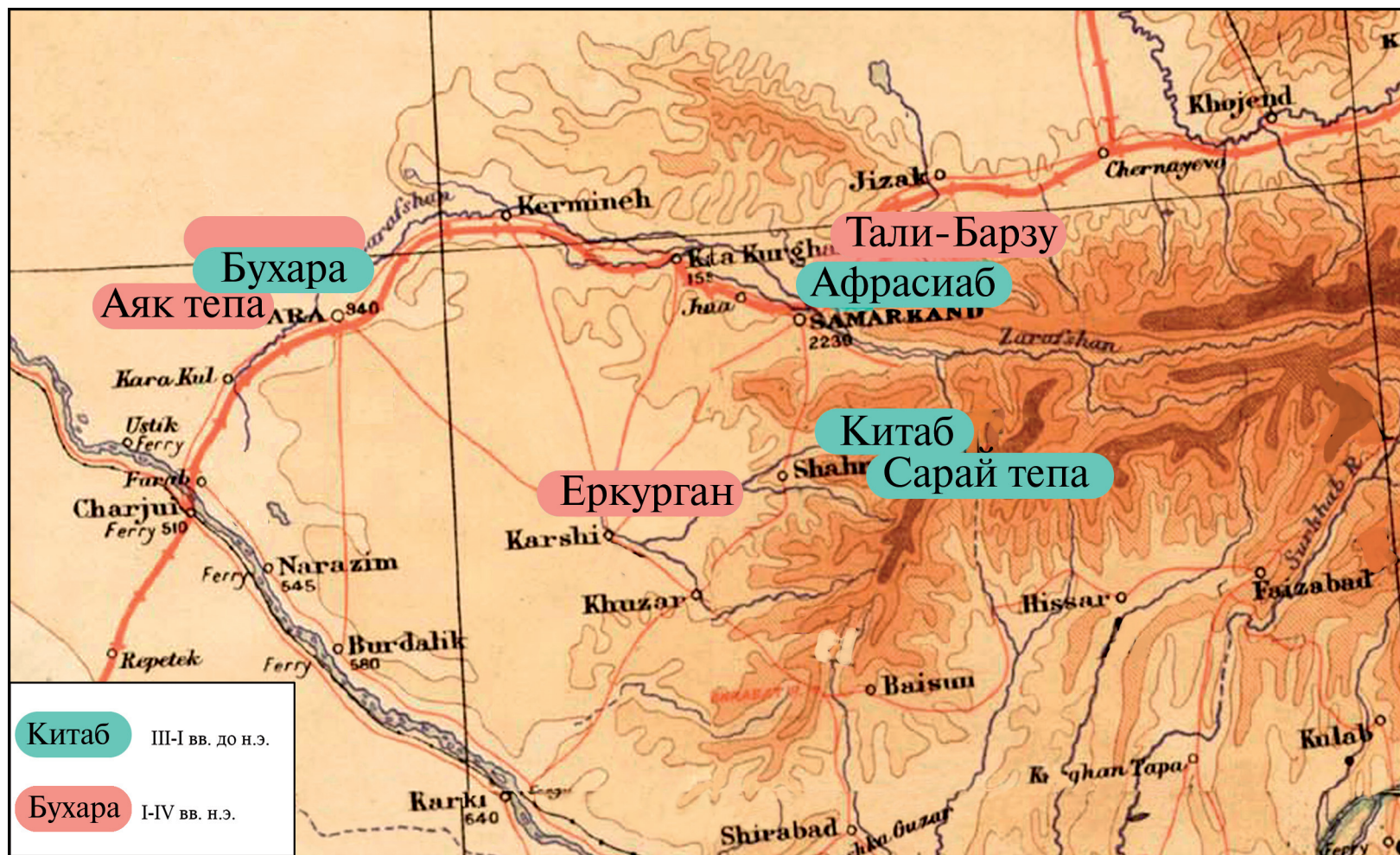
2. Карта Хорезма с памятниками древнехорезмийского периода, из которых происходит стратиграфически датированная терракотовая пластика

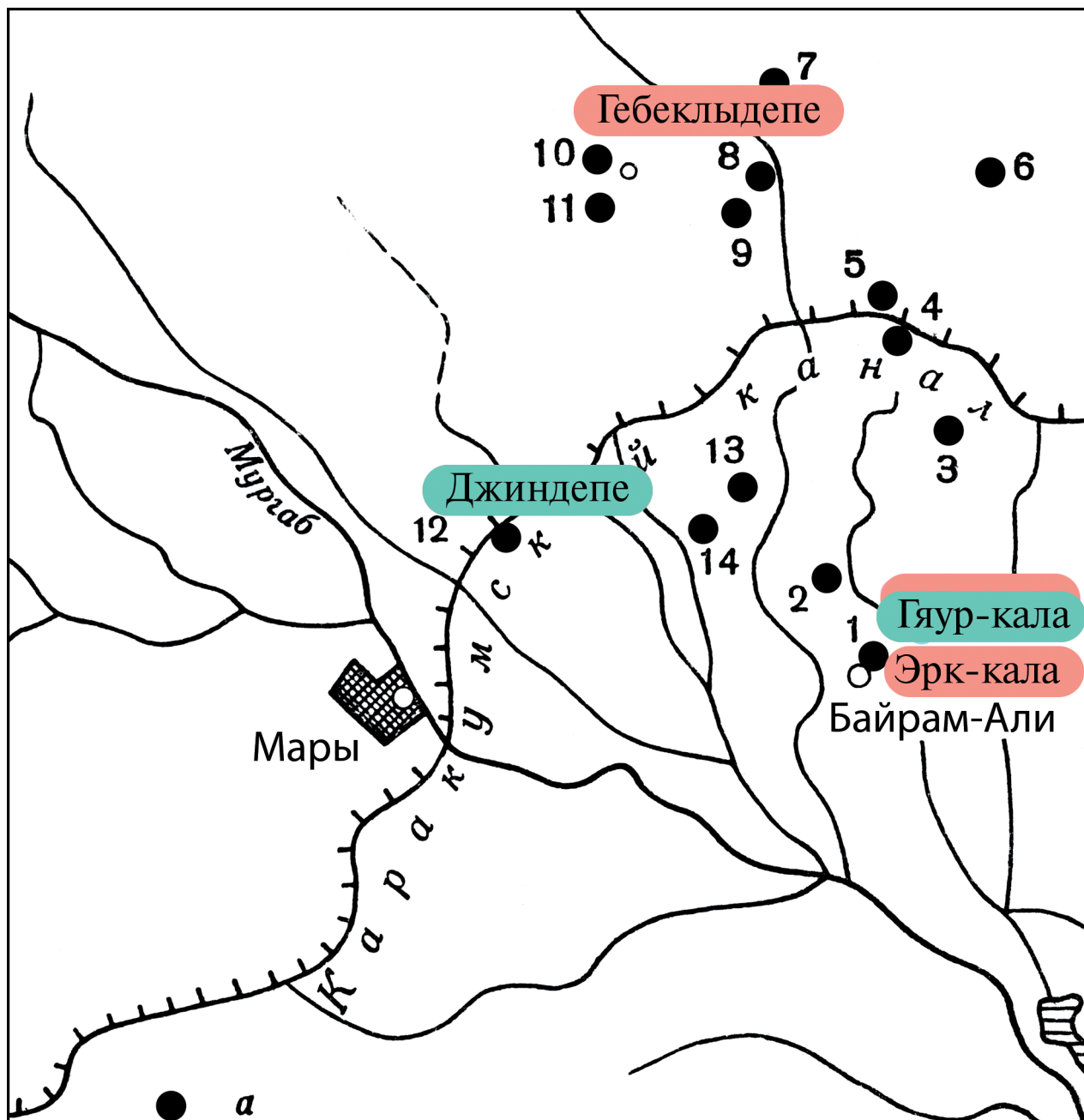
129. Карта Бактрии эллинистического периода, III-I вв. до н. э., с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика

156. Карта Бактрии кушанского периода, с указанием памятников, откуда происходит терракотовая пластика

246. Карта Согда III в. до н. э. — IV в. н. э. с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика

Гяур-кала III-I вв. до н. э.

Эрк-кала I-IV вв. н. э.

259. Карта Маргианы IV в. до н. э. — IV в. н. э. с указанием памятников, из которых происходит терракотовая пластика

	ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ												АВТОХТОННЫЕ ОБРАЗЫ					КУШАНО-САСНИДСКИЕ ОБРАЗЫ			БУДДИЙСКИЕ ОБРАЗЫ					
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ																										
ЭЛЛИНИЗИРОВАННЫЙ СТИЛЬ				 			 																			
	вариант 1	вариант 1				вариант 1	вариант 1																			
АВТОХТОННЫЙ СТИЛЬ							 		 																	
	вариант 2						вариант 2						вариант 1					вариант 1								
		 																								
	вариант 3	вариант 2				вариант 2	вариант 3					вариант 2						вариант 2								
ПРИМИТИВНЫЙ СТИЛЬ																										
типы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	

268. Типология терракотовых статуэток Бактрии, Маргианы и Согда эпохи древности (в контексте иконографического и стилистического анализа)

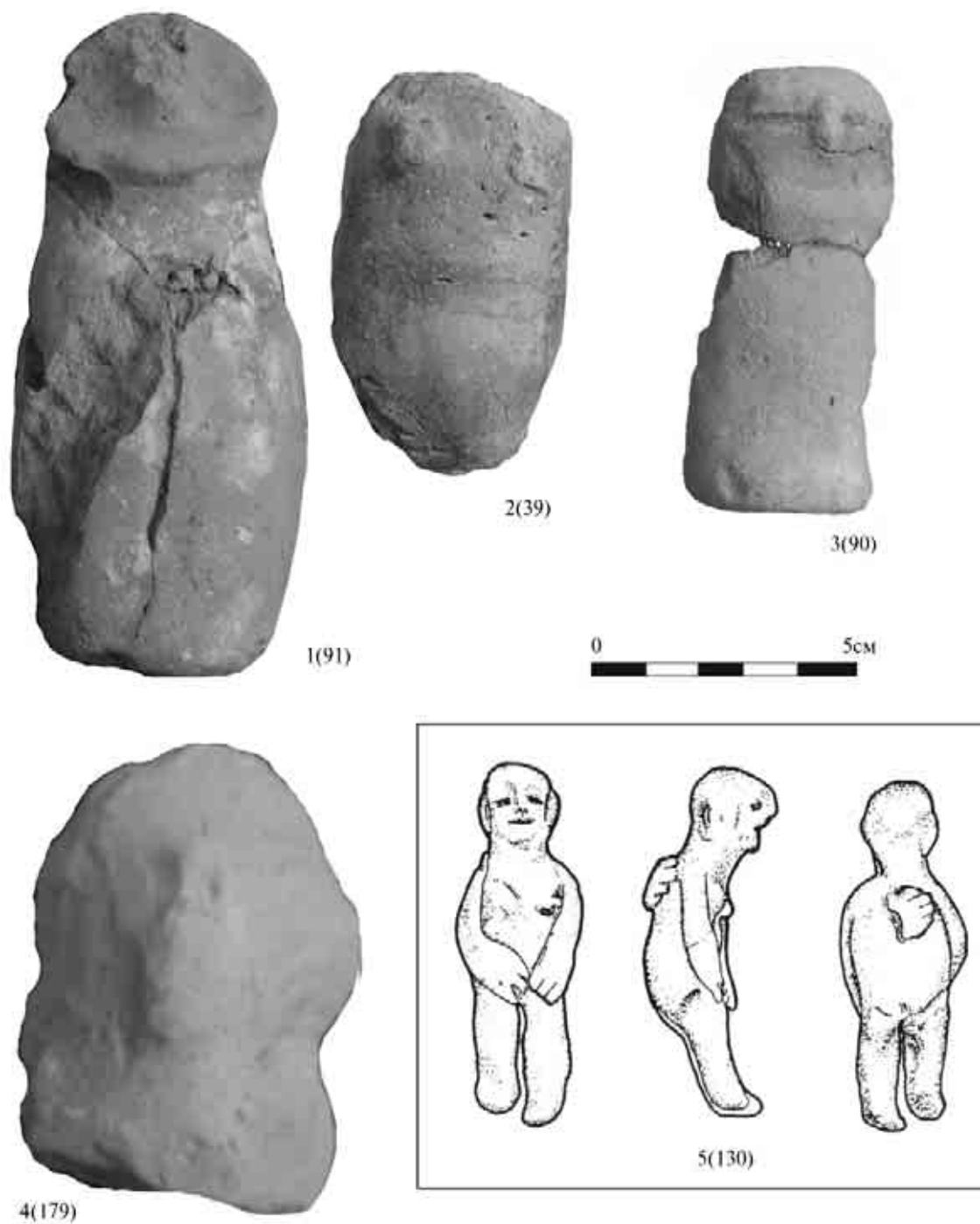
31. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Индивидуальный тип. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/182

32. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. 1, 4 — Калалы-гыр 2; 2, 3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 1/10, 54, 137, 138

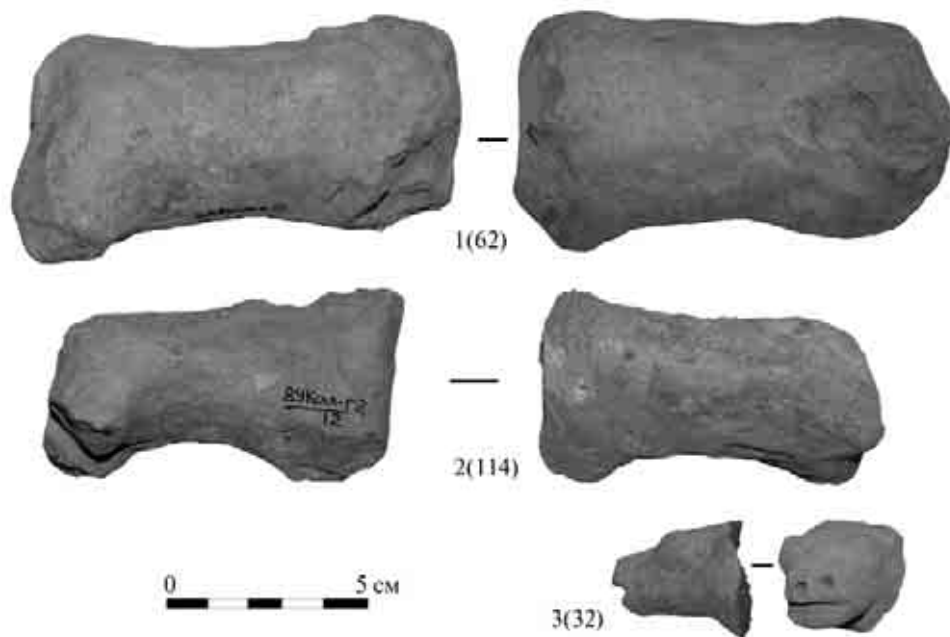

33. Терракотовые статуэтки Хорезма IV—I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. 1, 5 — Калалы-гыр 2; 3, 4 — Кой-Крылган-кала; 2 — Большая Айбуйир-кала.
Табл. 1/72, 135, 154, 160, 178

34. Терракотовые статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. Идолы. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/39, 90, 91, 130, 179

35. Терракотовые
зооморфные статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/32, 62, 114

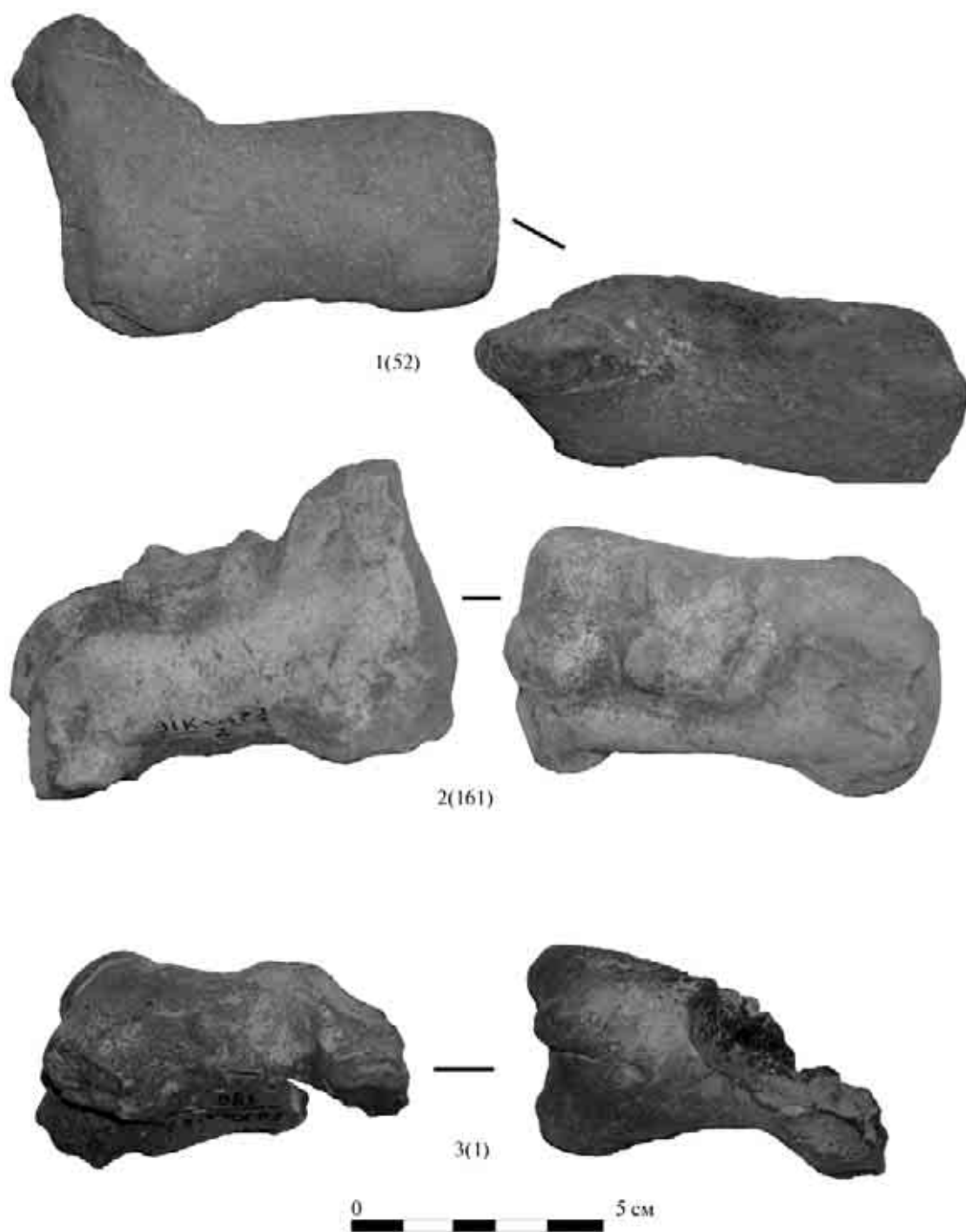

36. Терракотовые зооморфные
статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/2, 41

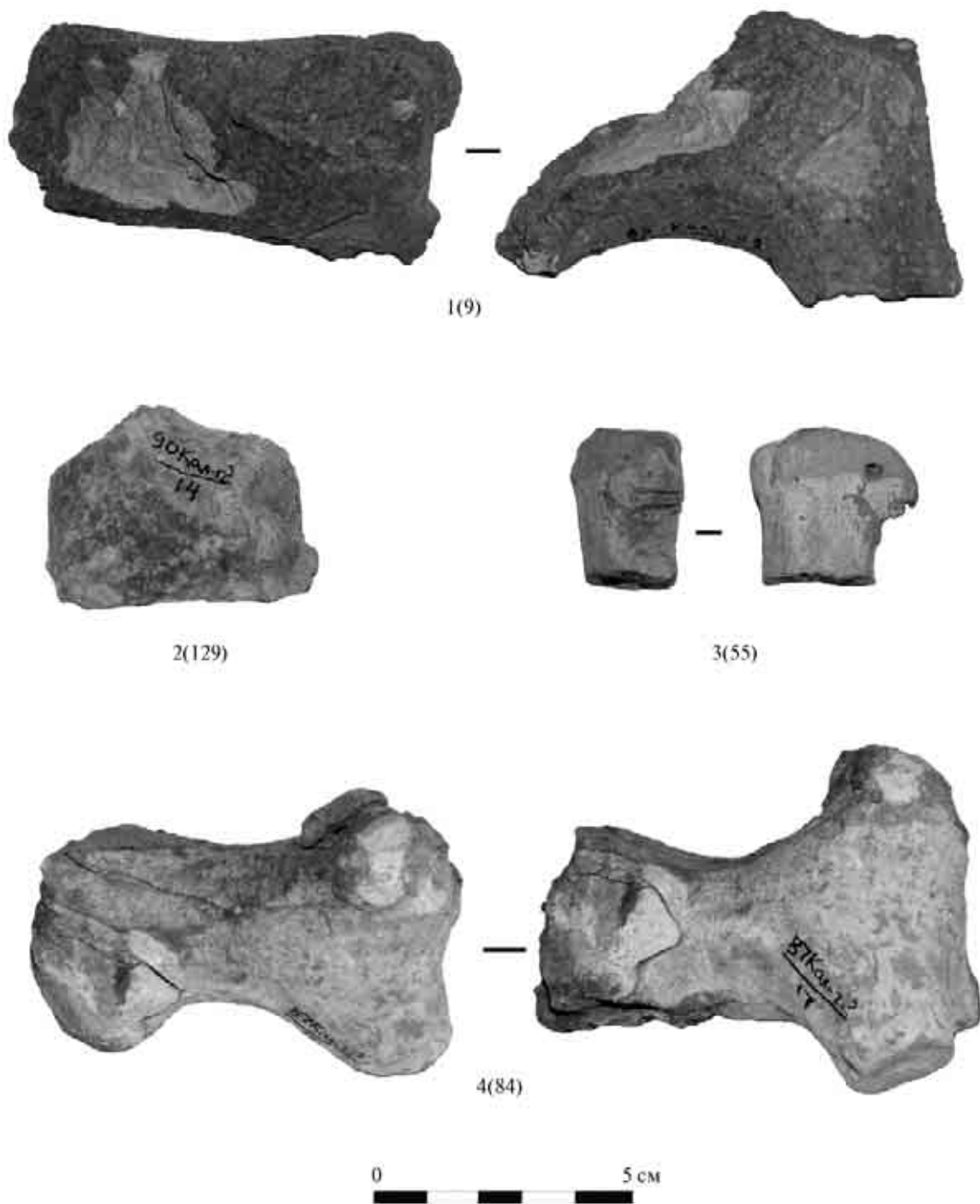

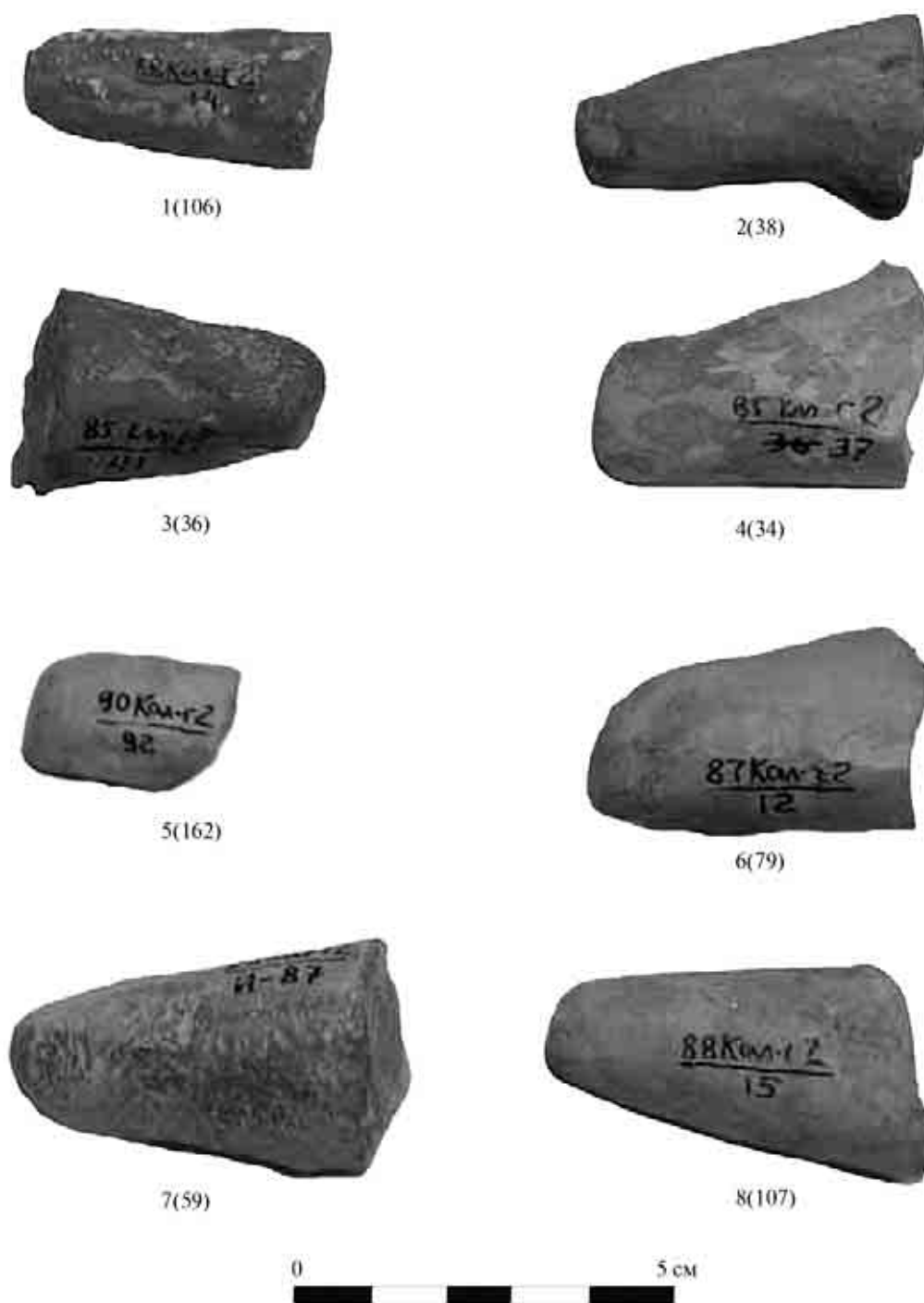
37. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/48, 78, 94

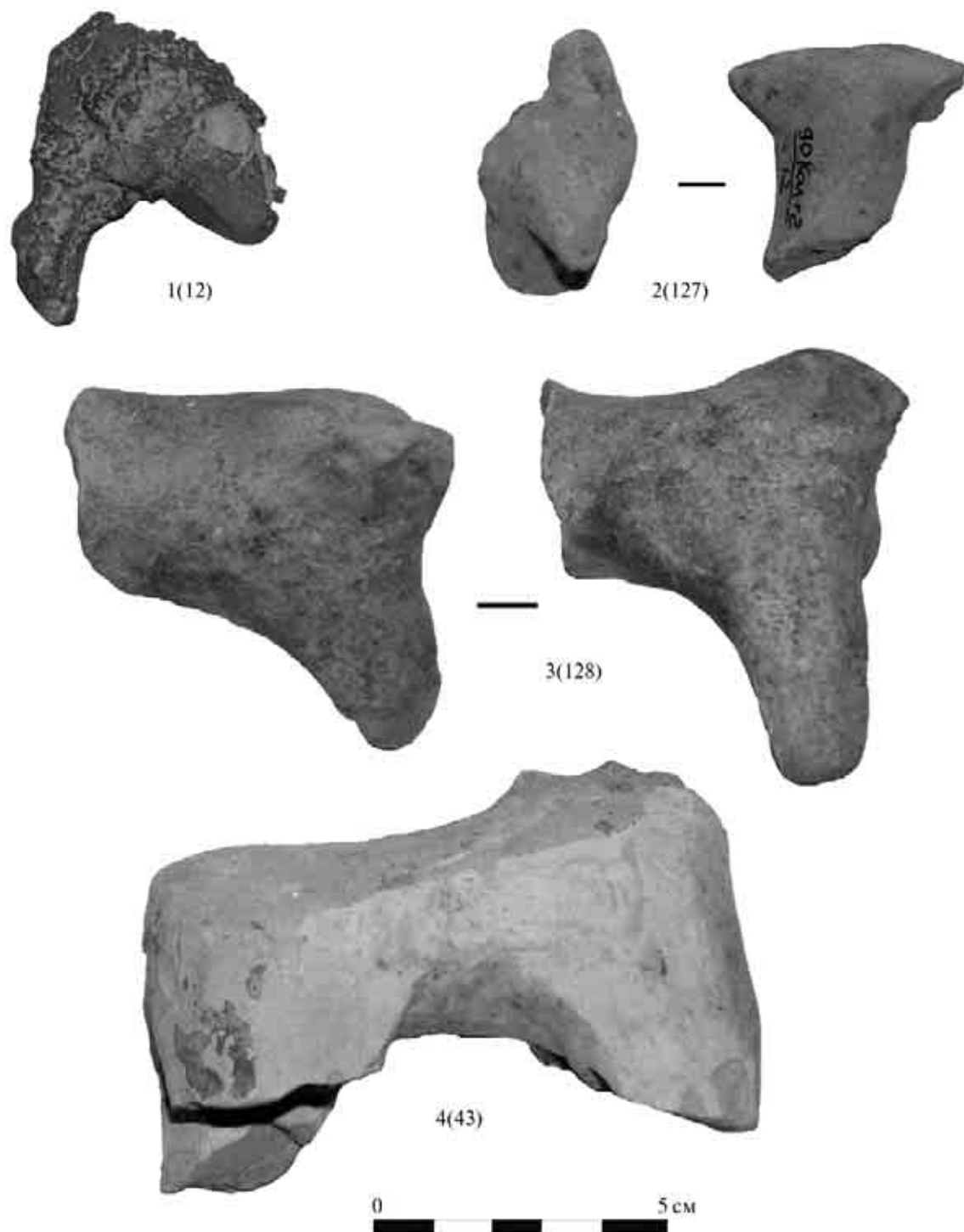
38. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/ 1, 52, 161

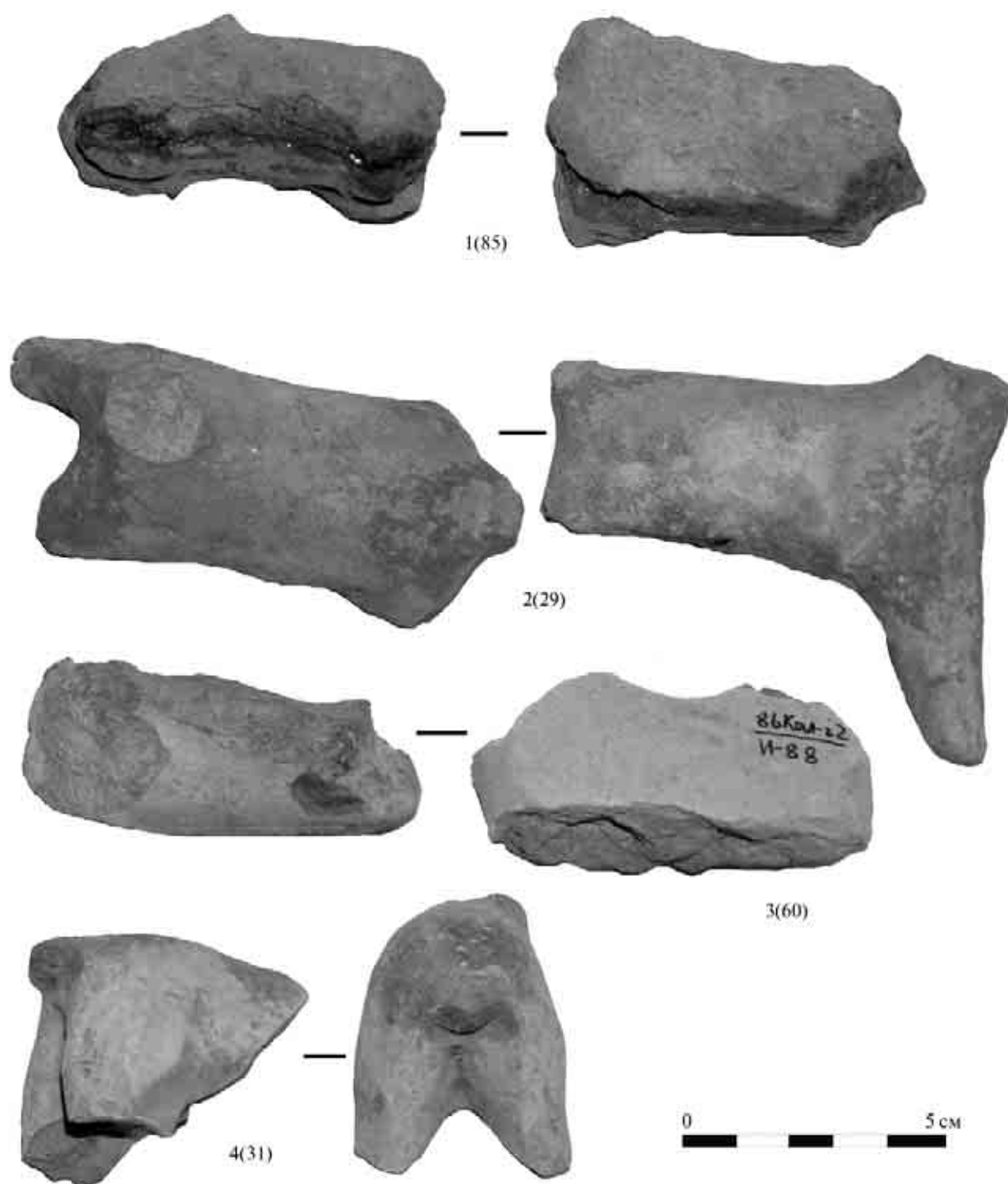
39. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/9, 55, 84, 129

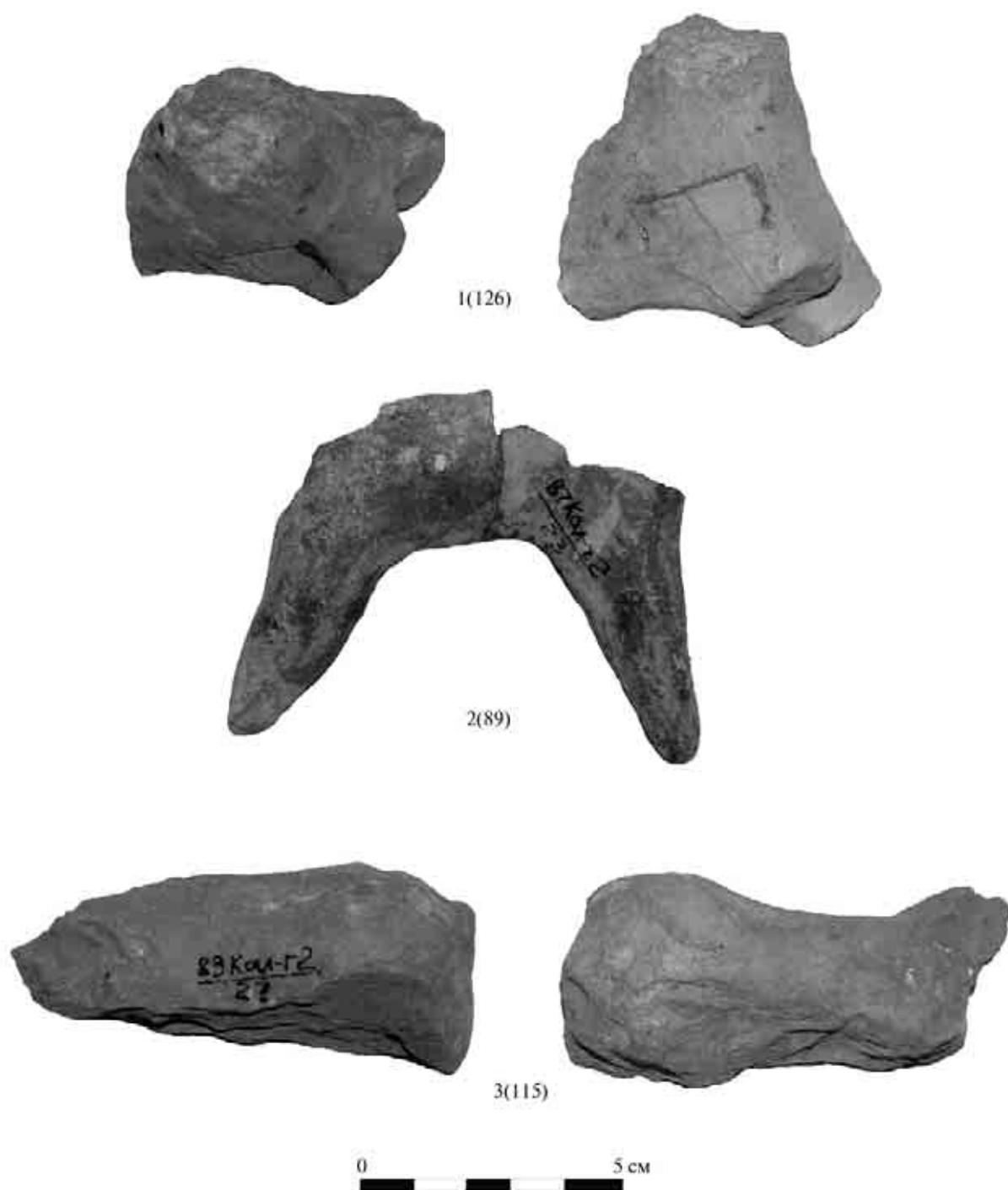
40. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–8 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/34, 36, 38, 59, 79, 106, 107, 162

41. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/12, 43, 127, 128

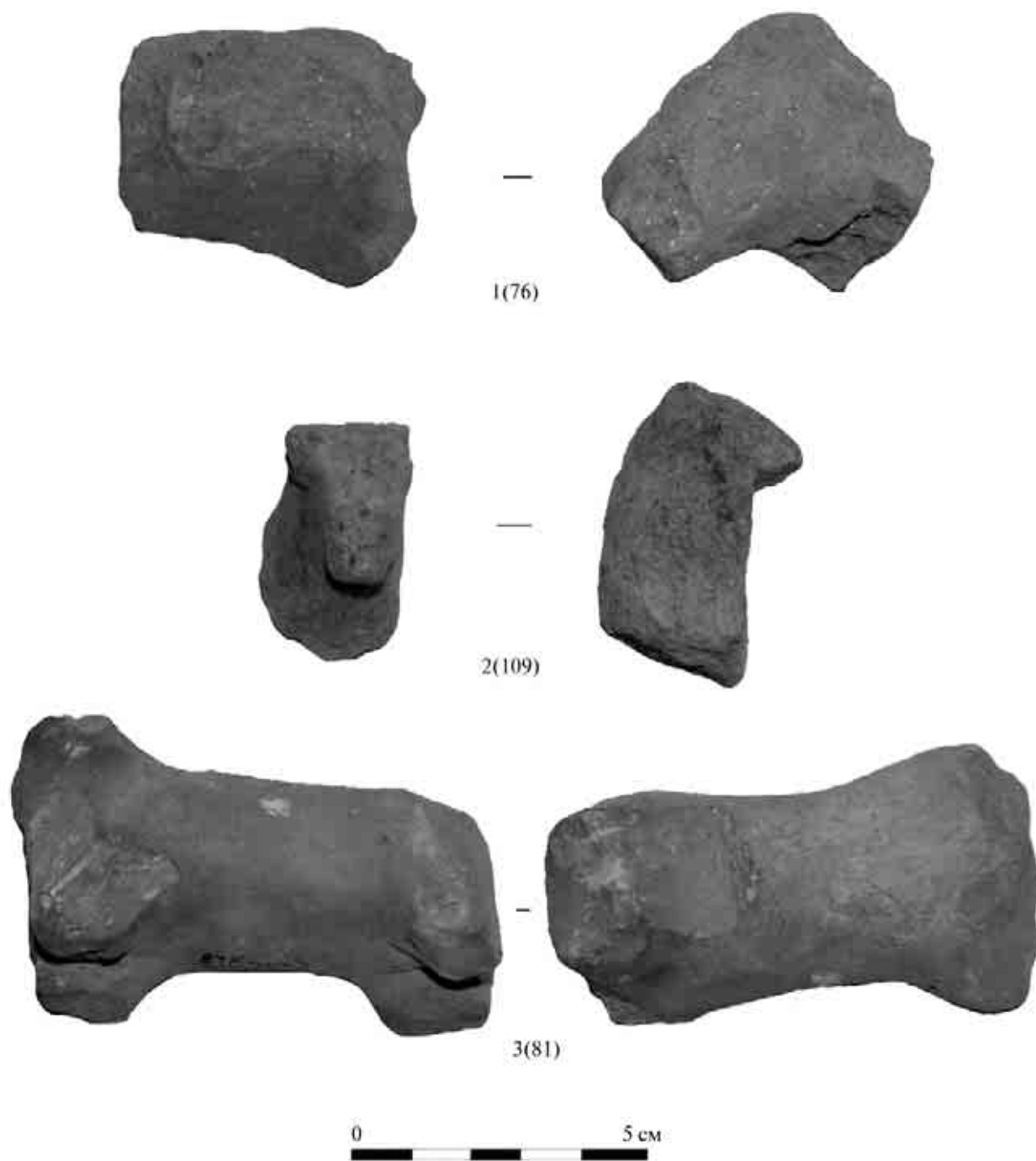
42. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/29, 31, 60, 85

43. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/89, 115, 126

44. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/8, 32, 83, 196

45. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/76, 81, 109

1(102)

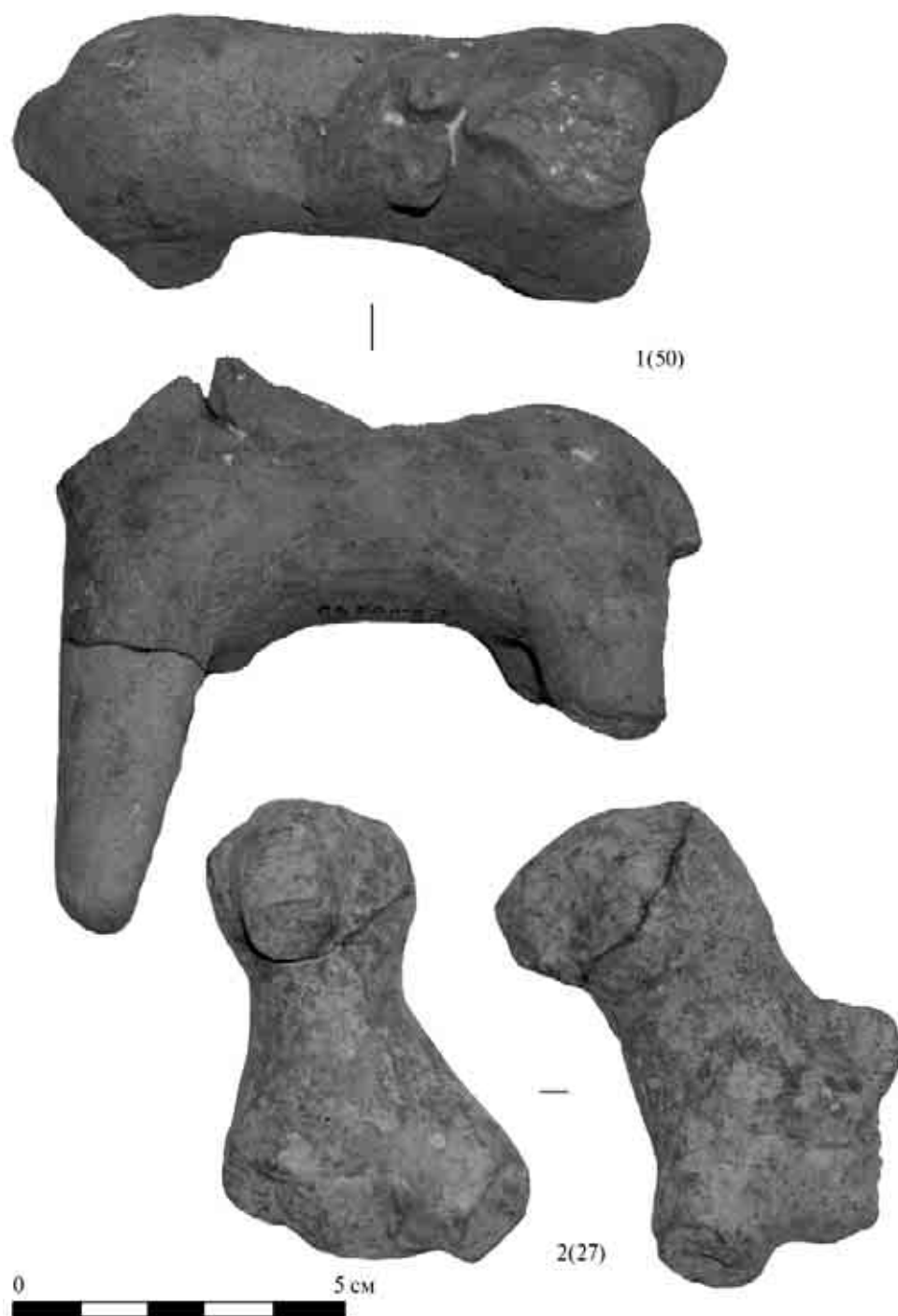
2(113)

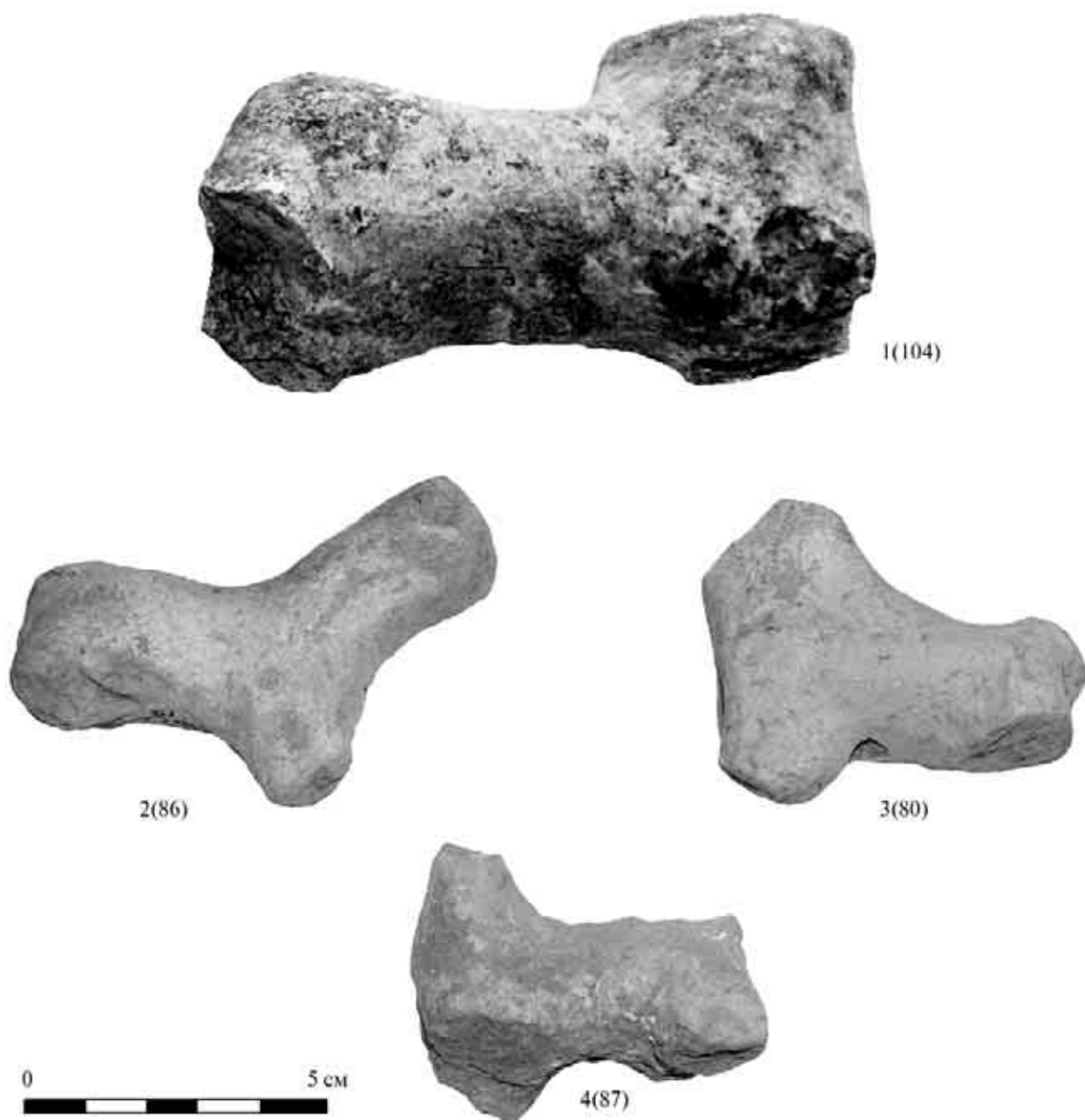
46. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/102, 113

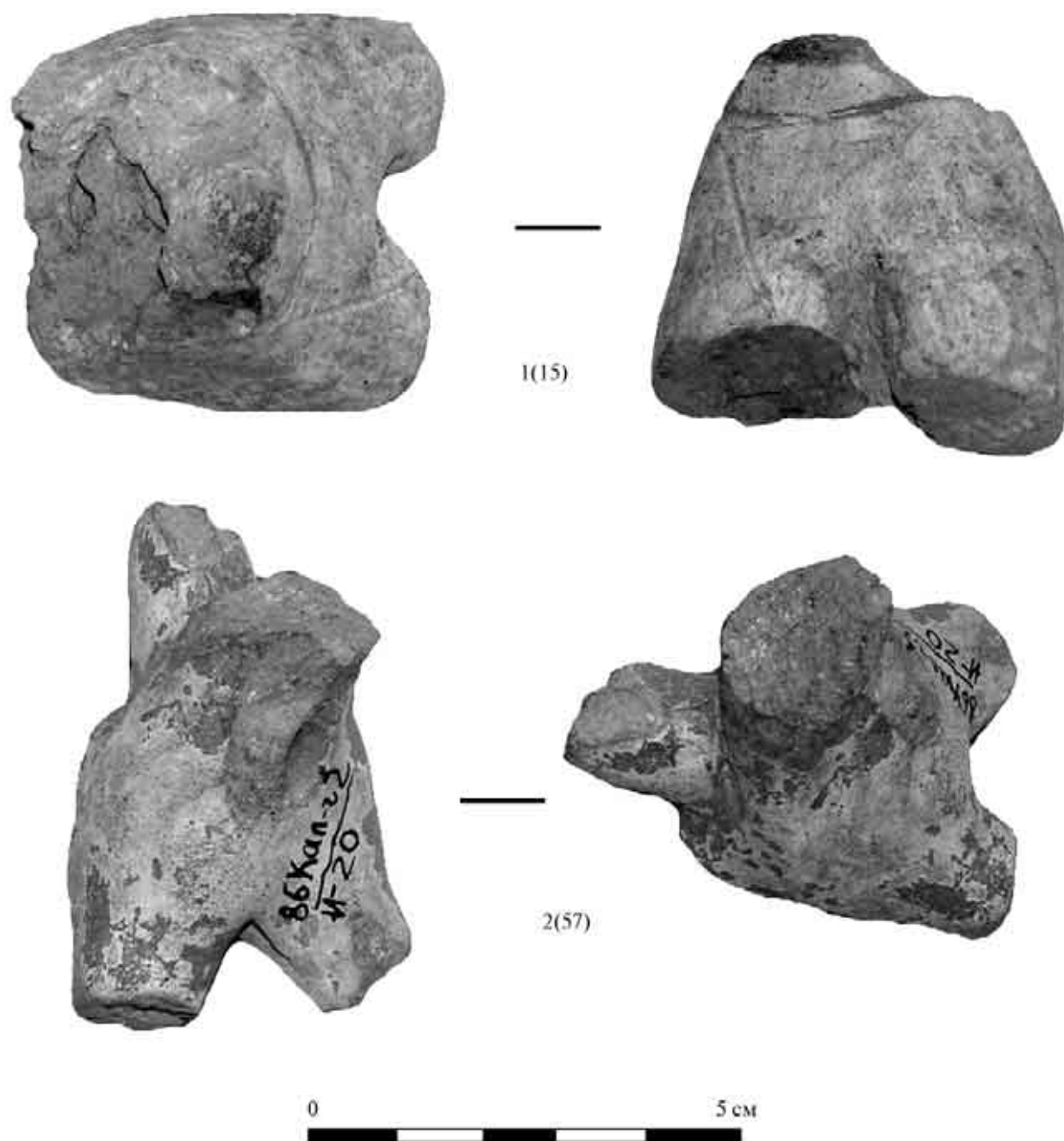
47. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/17, 185

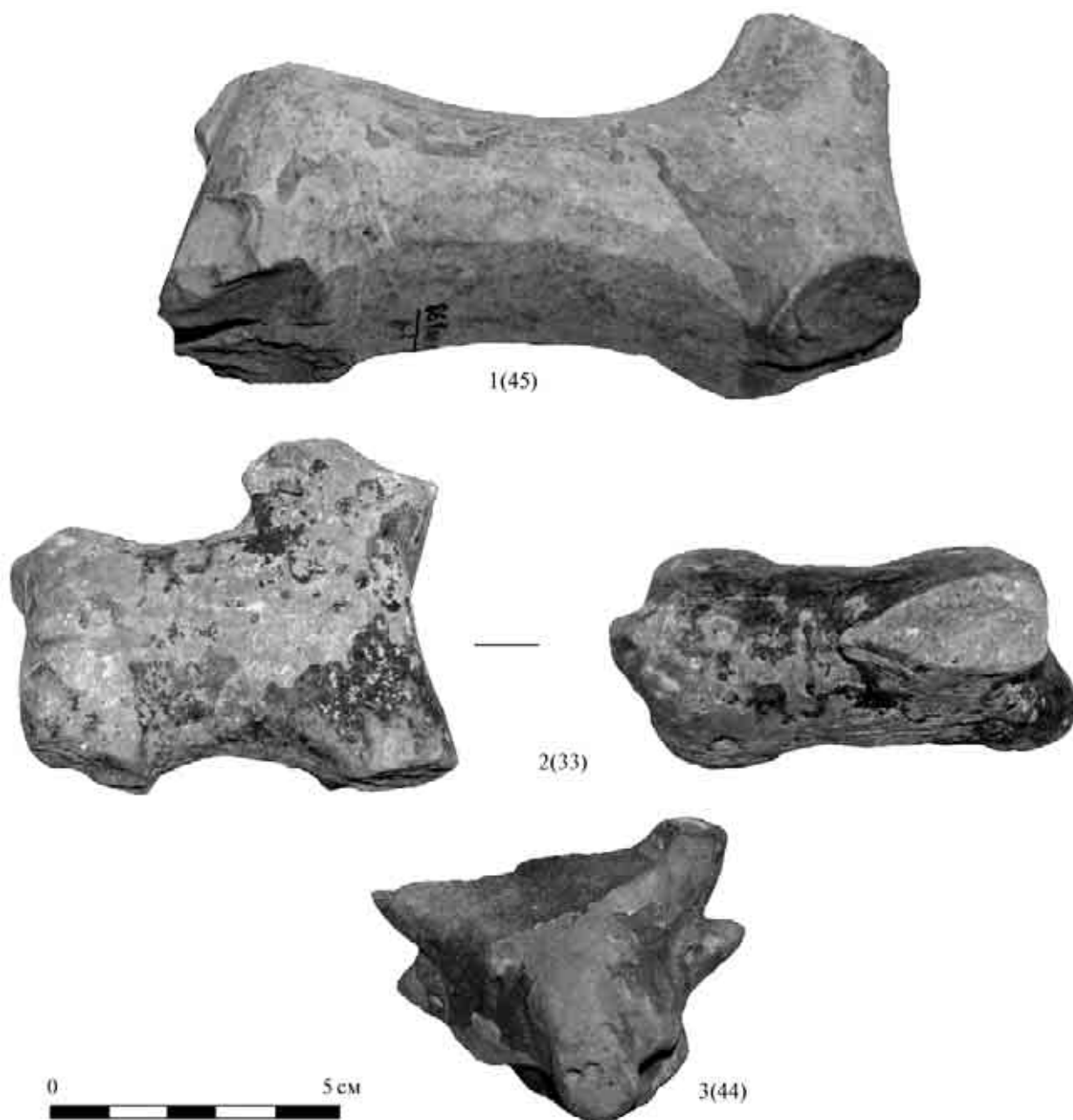
48. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/27, 50

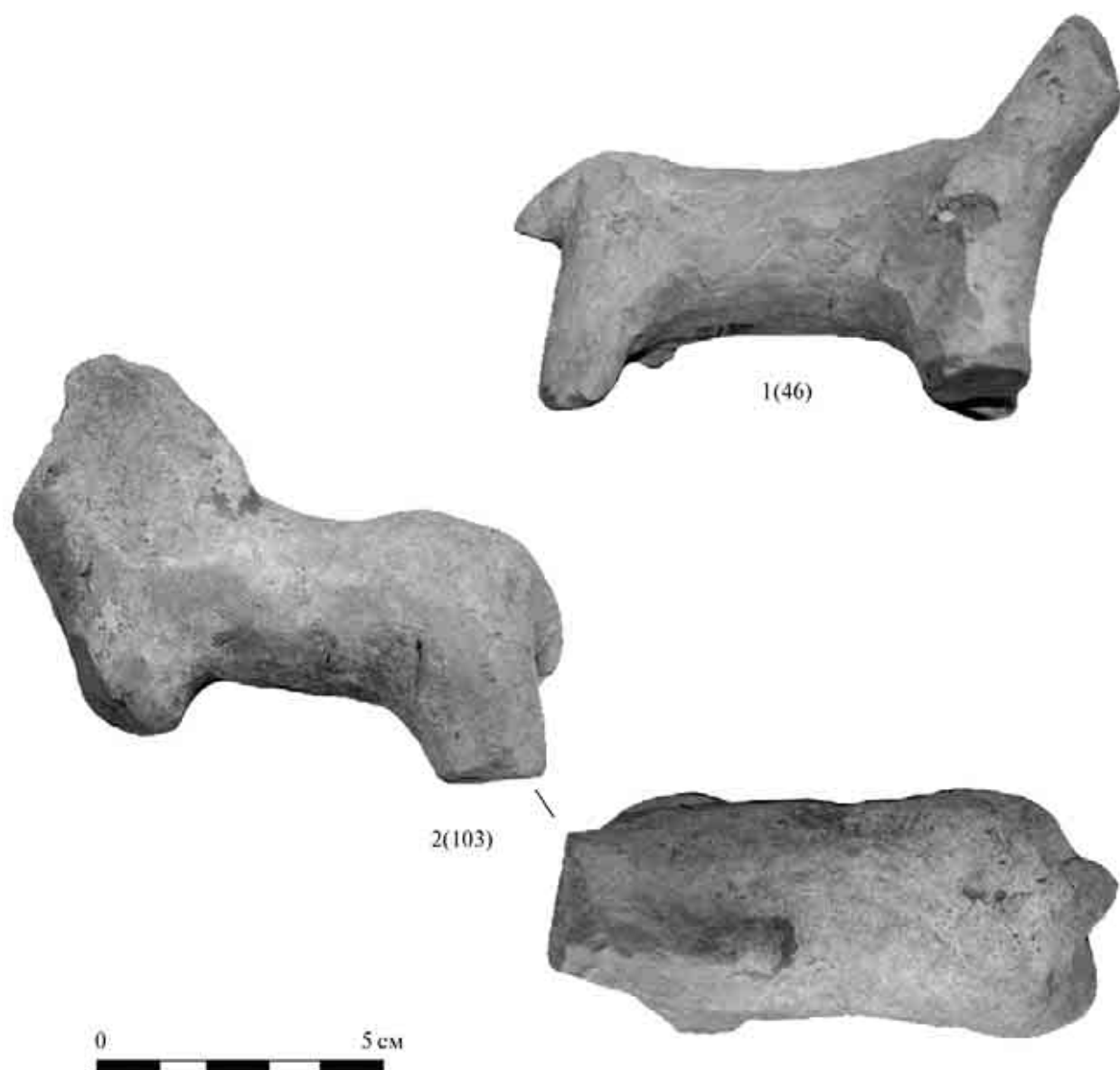
49. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV—I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/80, 86, 87, 104

50. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/15, 57

51. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV—I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/33, 44, 45

52. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/46, 103

53. Терракотовые зооморфные
статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/56, 112

2(77)

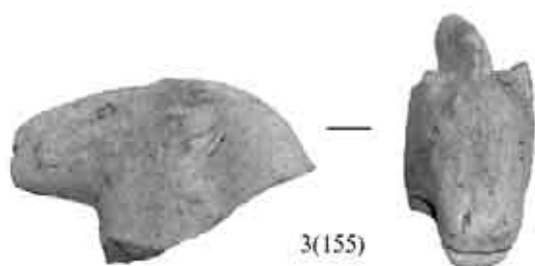
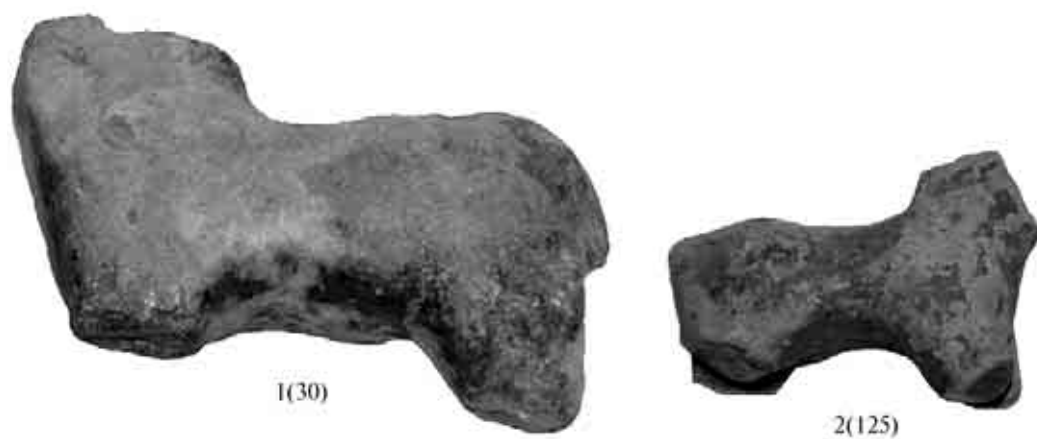
3(105)

54. Терракотовые зооморфные статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/77, 105

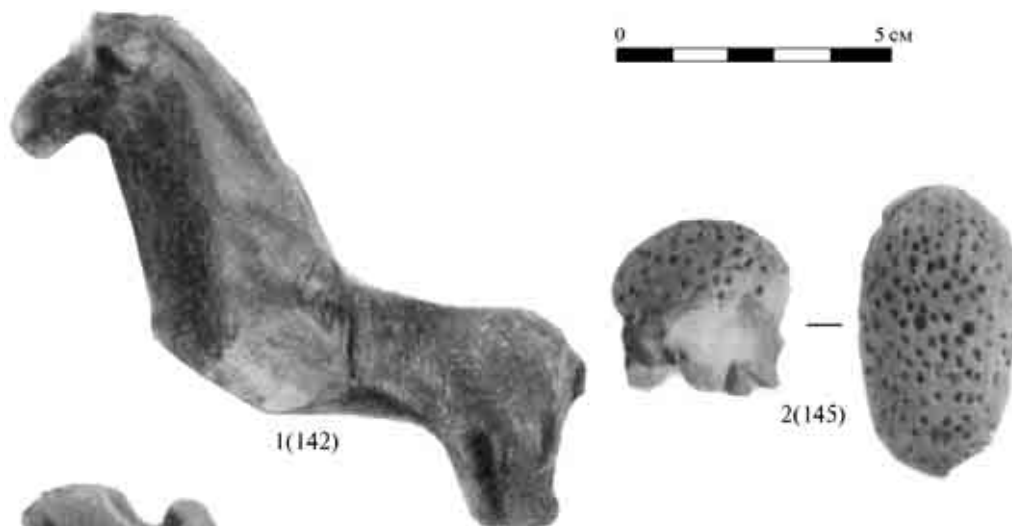

55. Терракотовые зооморфные
статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/51, 92

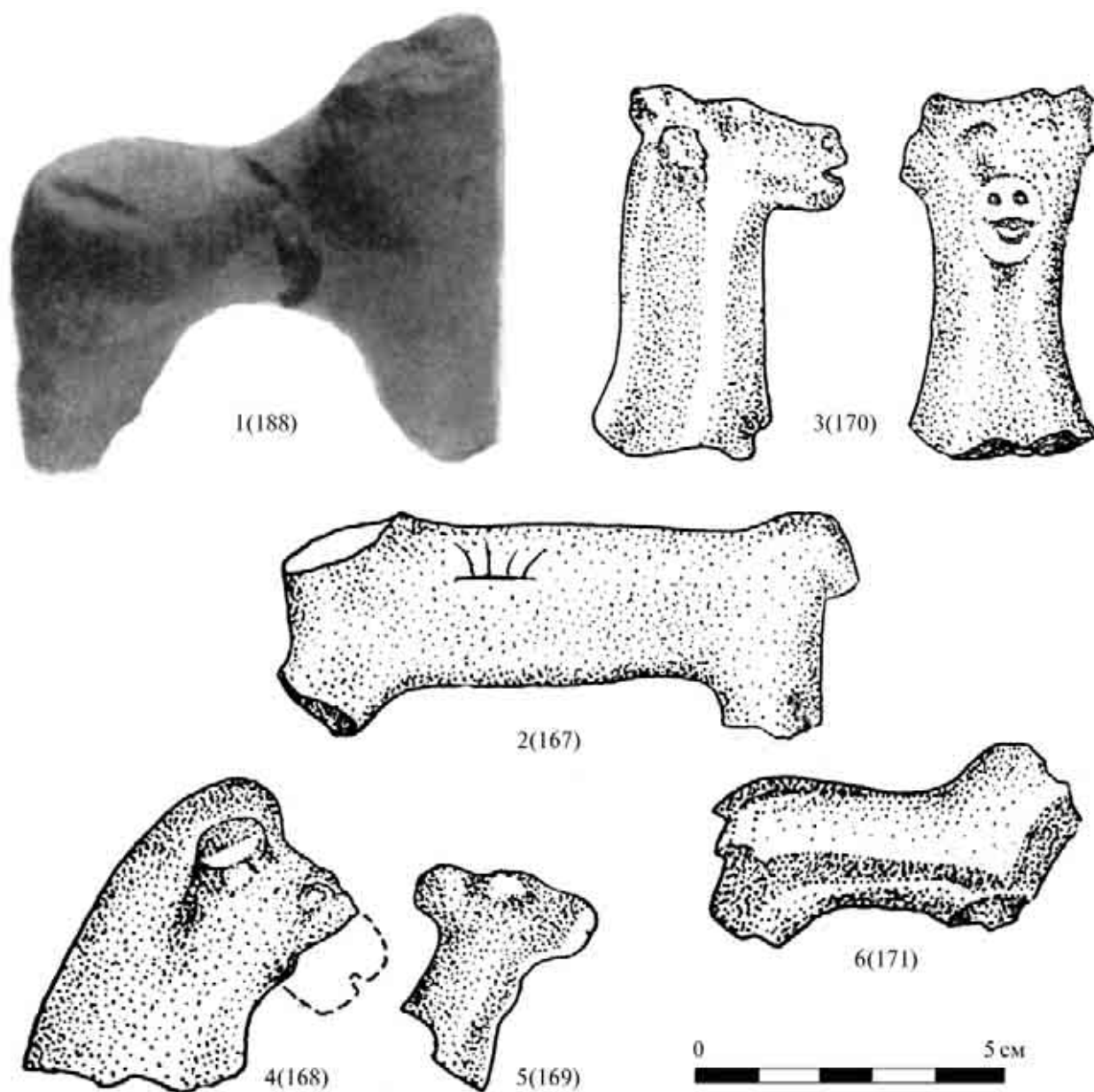

56. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв.
до н. э. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 1/30, 125, 155

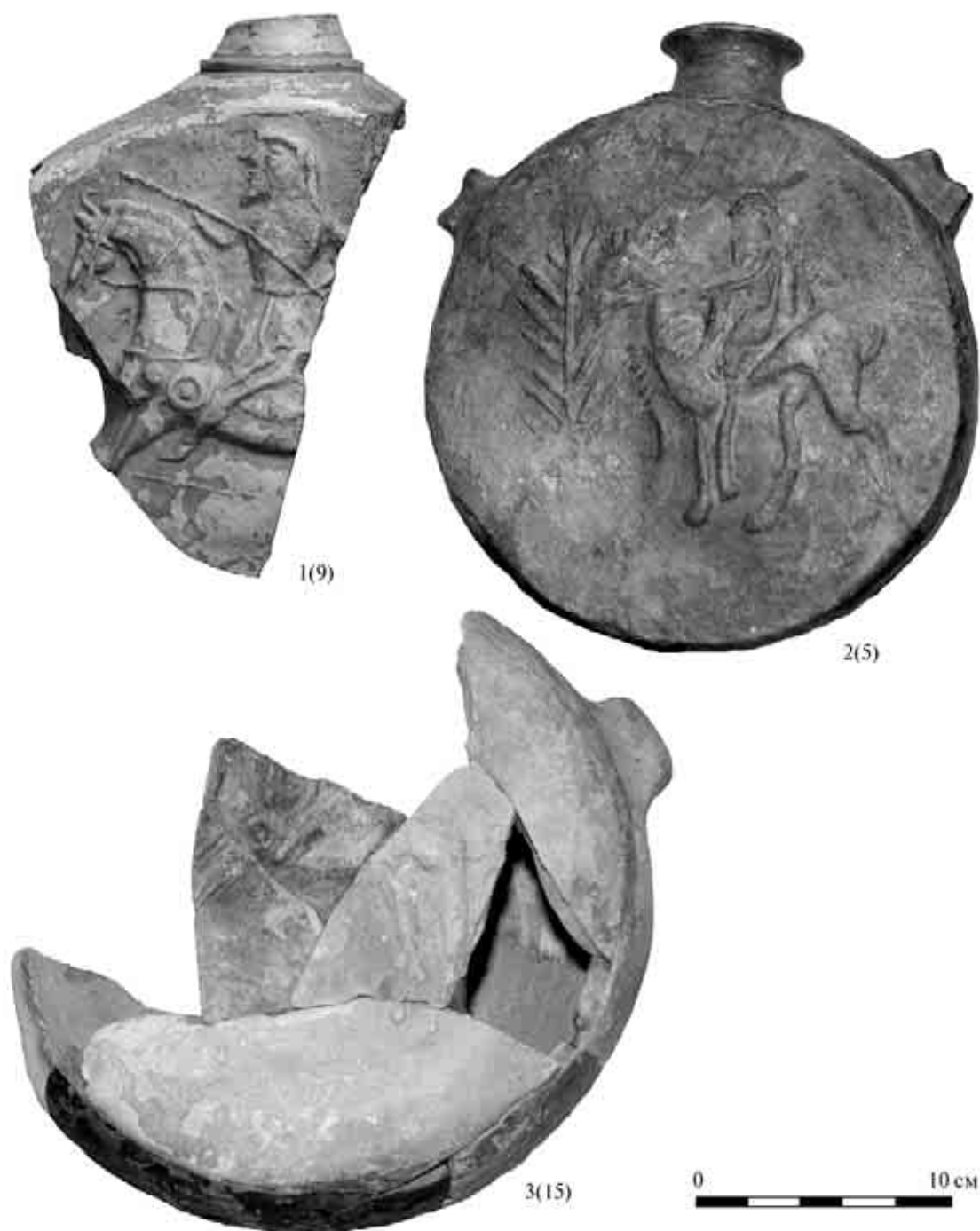
57. Терракотовые
зооморфные статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2.
Табл. 1/35, 53

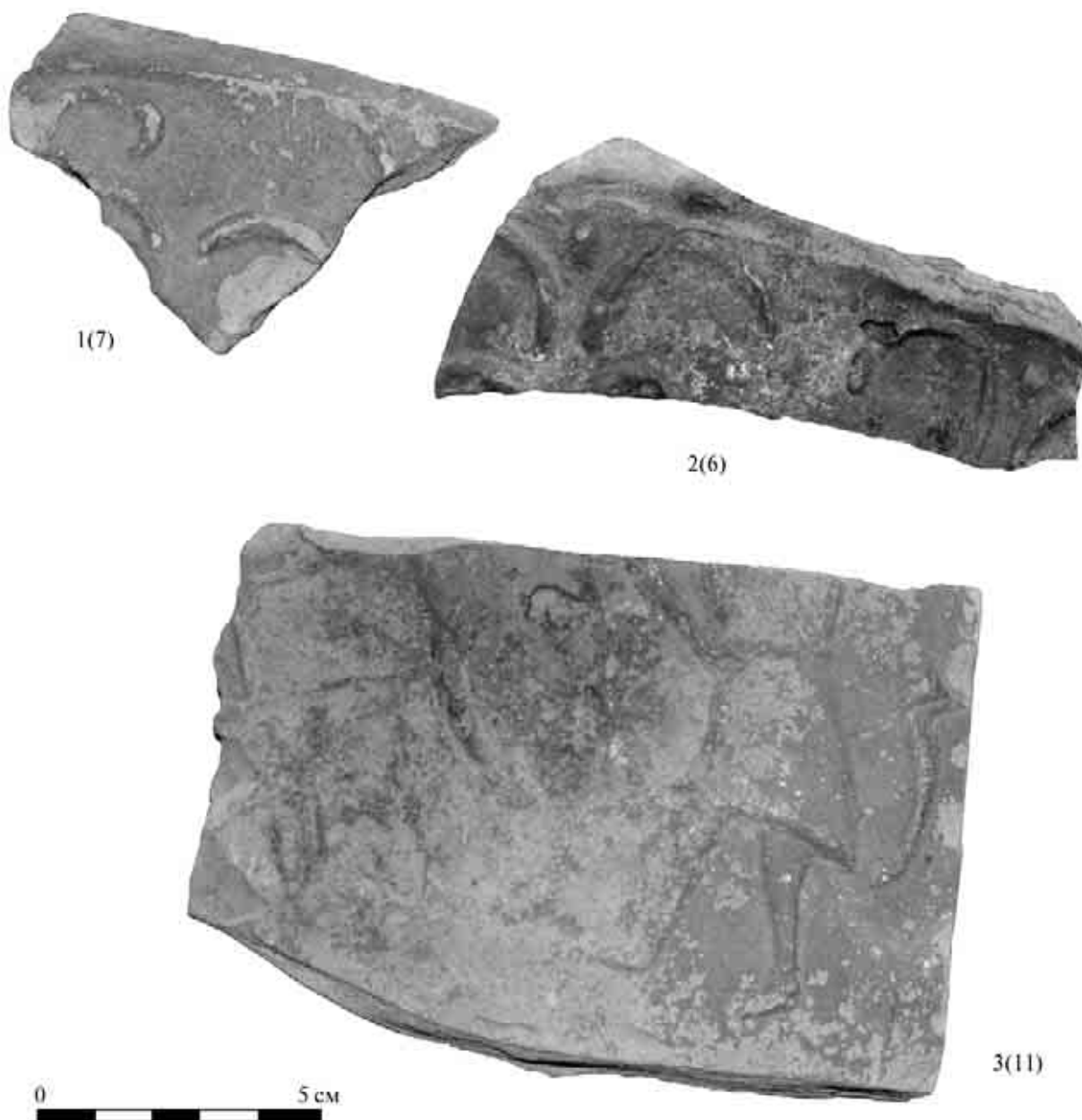
58. Терракотовые зооморфные статуэтки
Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–6 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 1/142–145, 187, 189

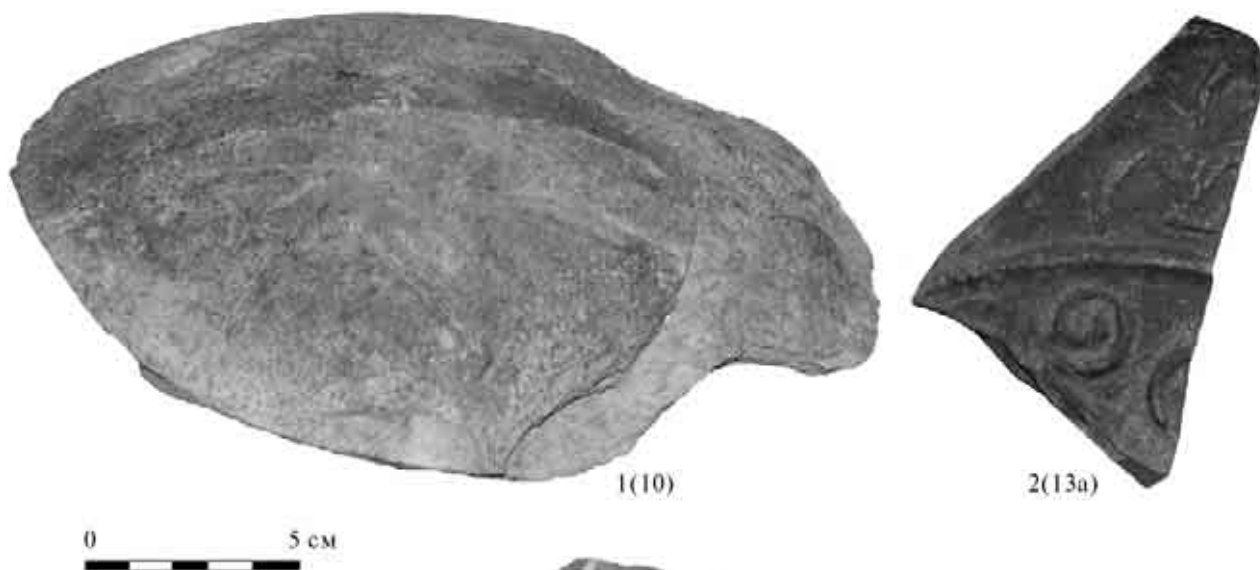
59. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1 — Кой-Крылган-кала; 2–6 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 1/167–171, 188

60. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/5, 9, 15

61. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/6, 7, 11

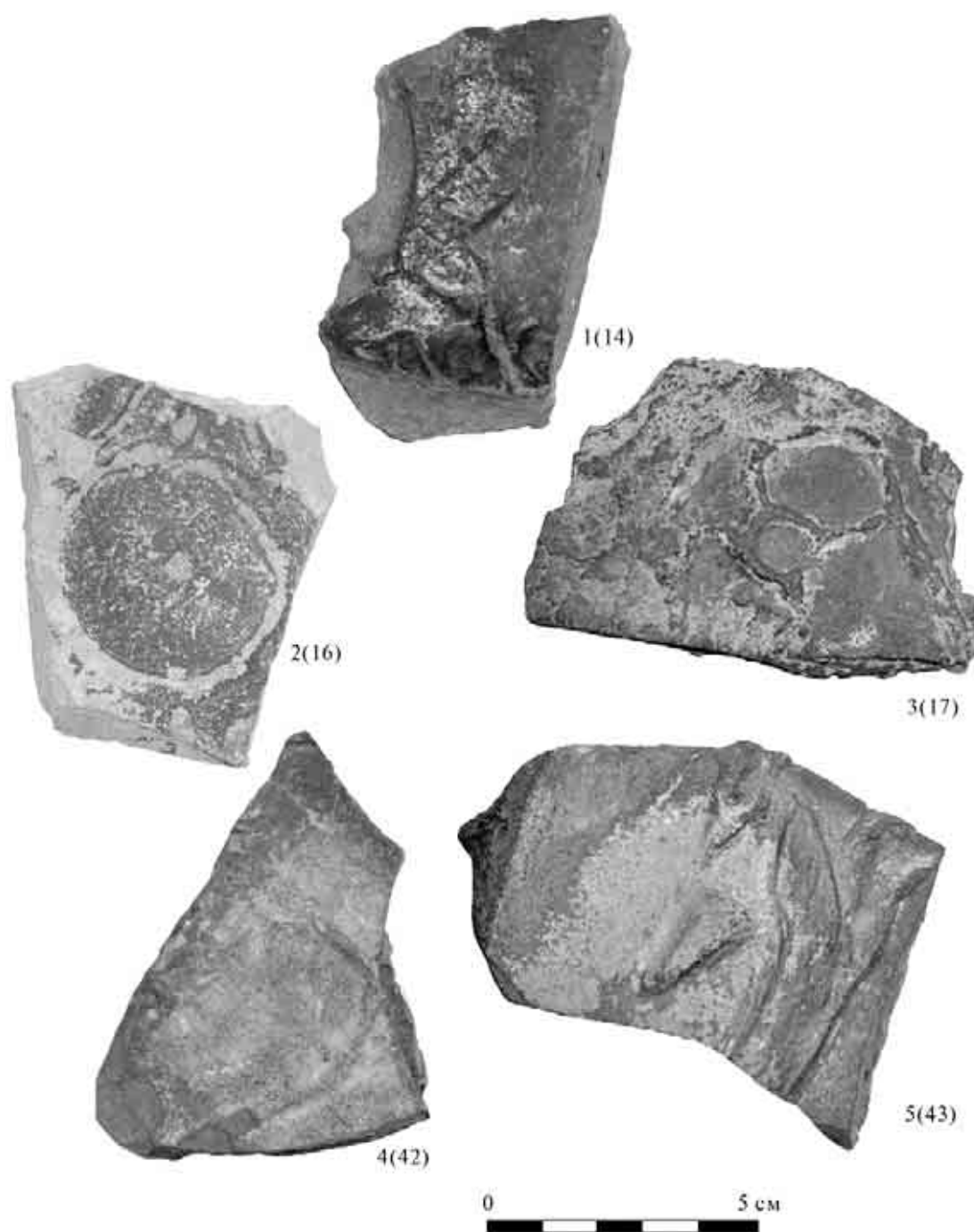

62. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/10, 13а

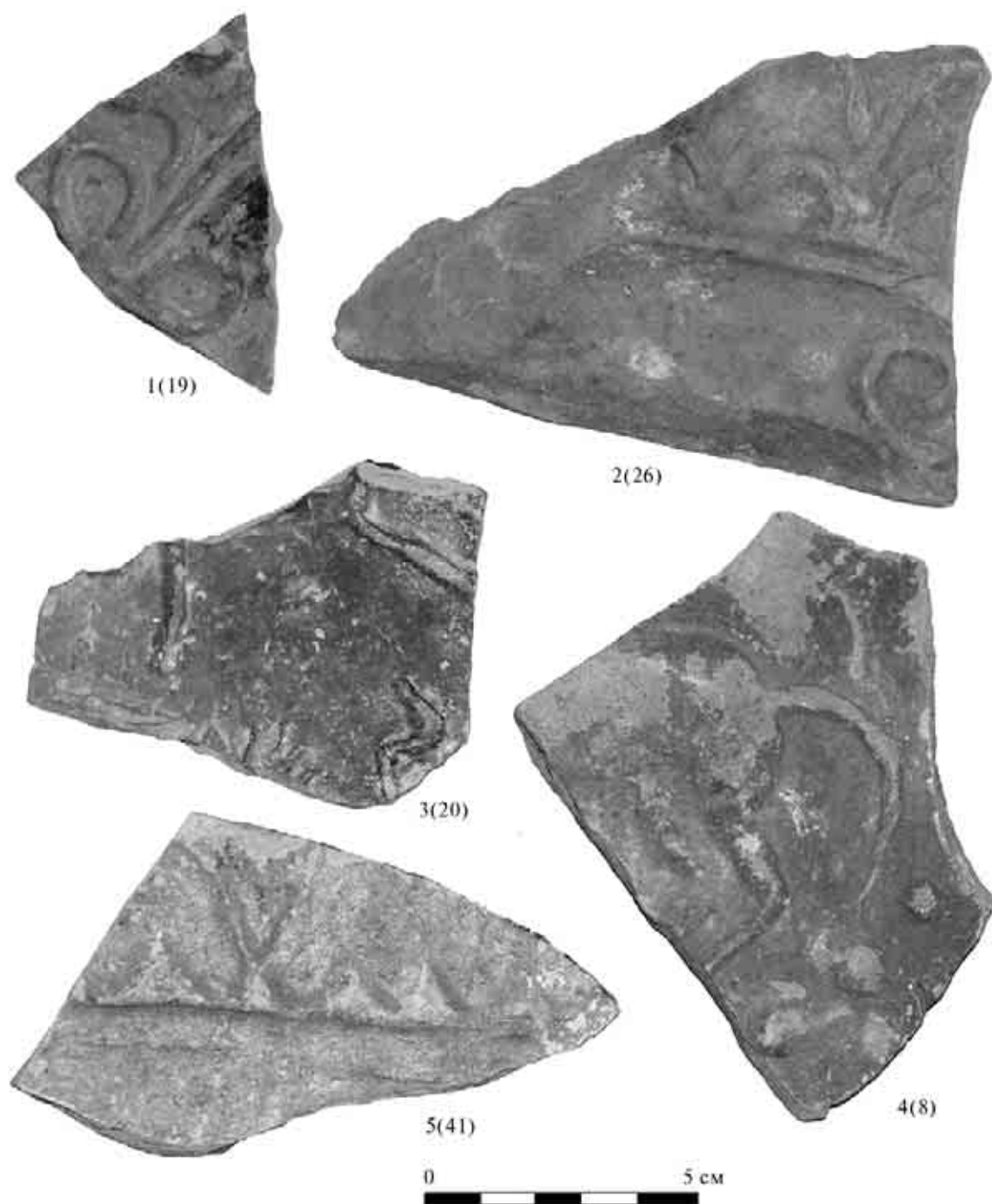

63. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/12, 13

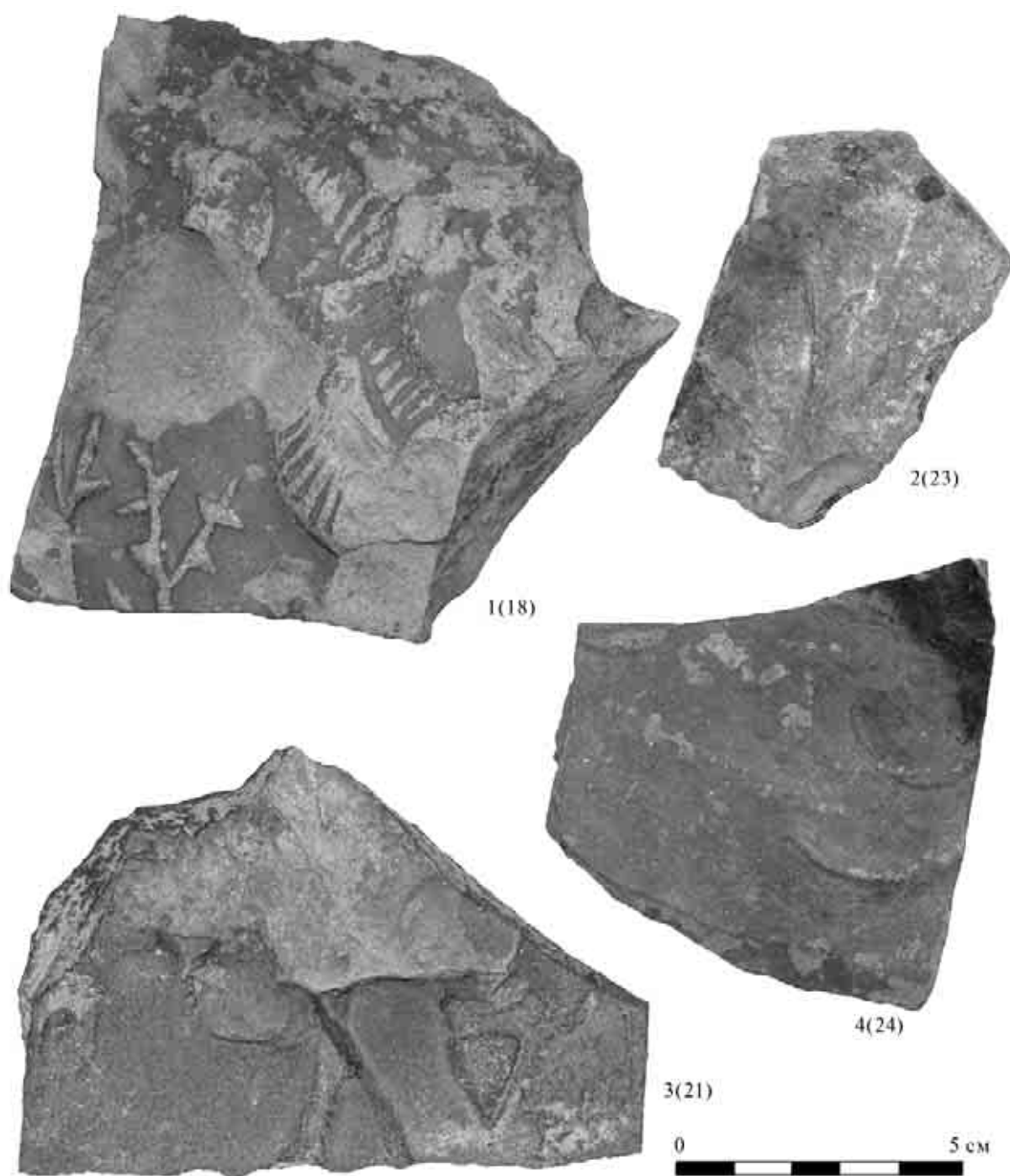

64. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/14, 16, 17, 42, 43

65. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами. 1–5 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/8, 19, 20, 26, 41

66. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/18, 21, 23, 24

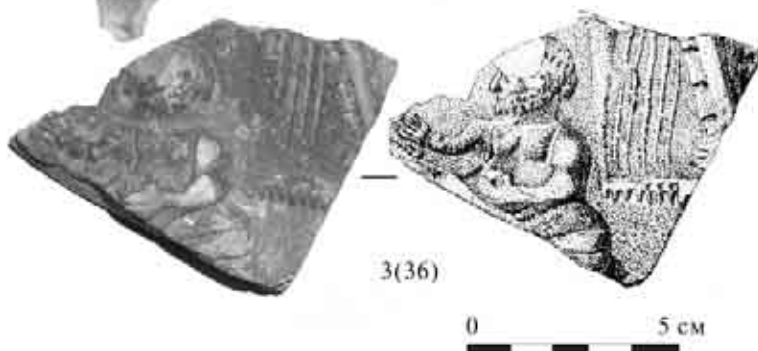
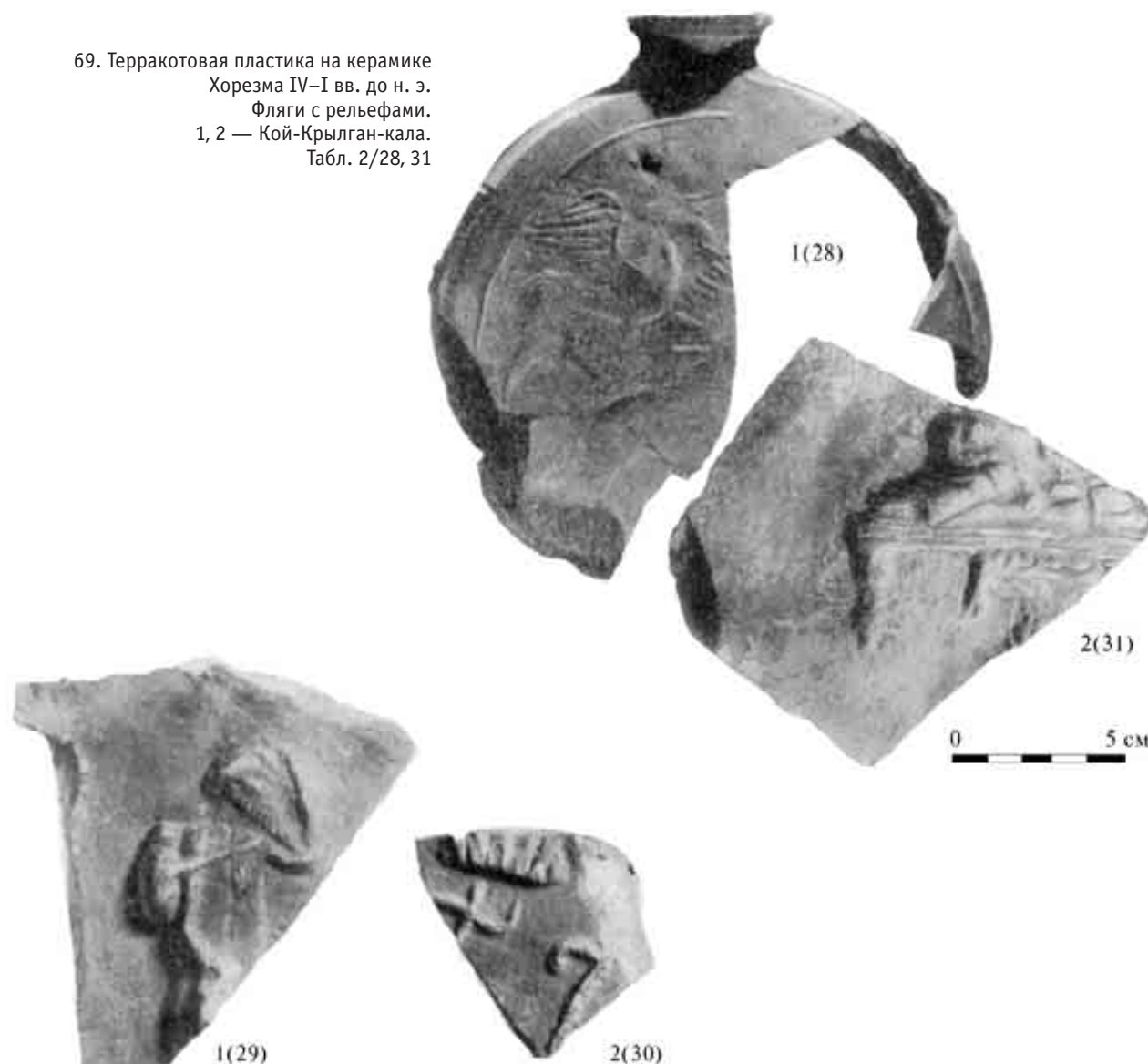

67. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами.
1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/22

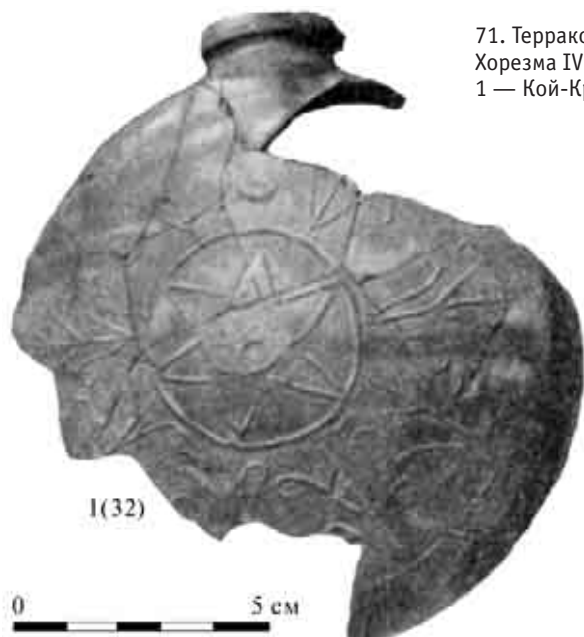
68. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 2/27

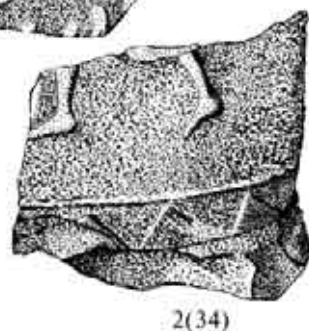
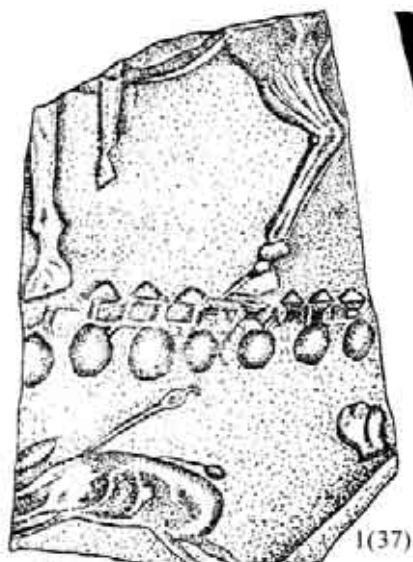
69. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами.
1, 2 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 2/28, 31

70. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1–3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/29, 30, 36

71. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/32

72. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1–3 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/33–35

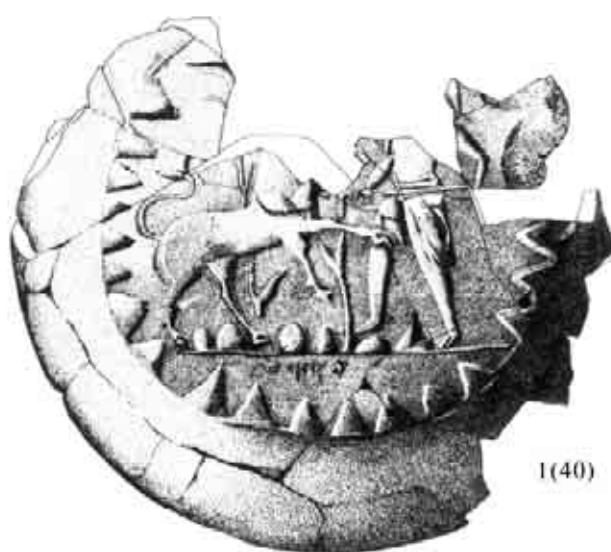

73. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1, 2 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 2/37, 38

1(39)

74. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/39

1(40)

75. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э. Фляги с рельефами.
1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/40

М 1/2

76. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фляги с рельефами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/44

77. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Ритон амфоровидный двухсосковый с налестами. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/46

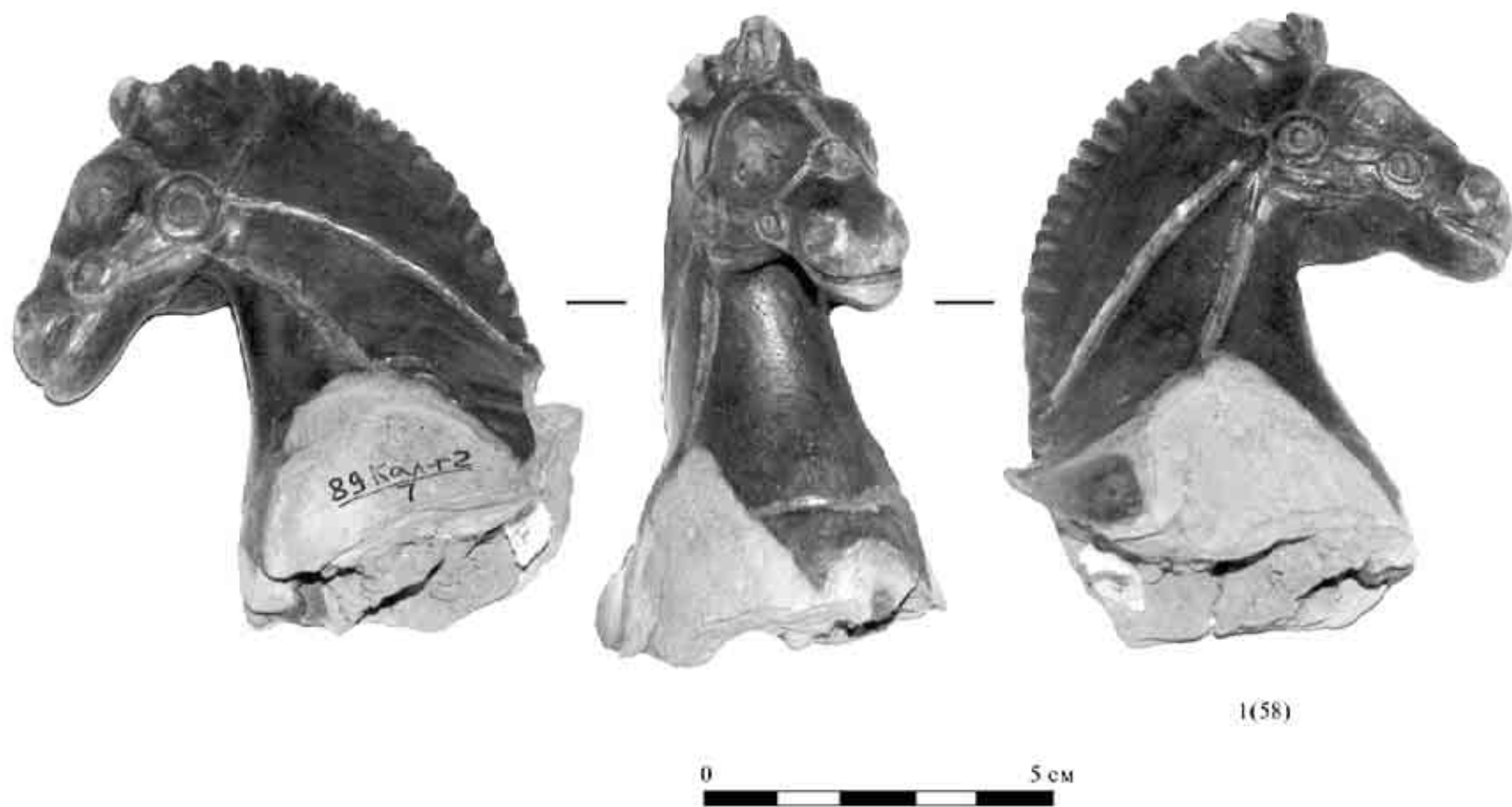

78. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Ритон амфоровидный двухсосковый с налпами на ручках. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/47

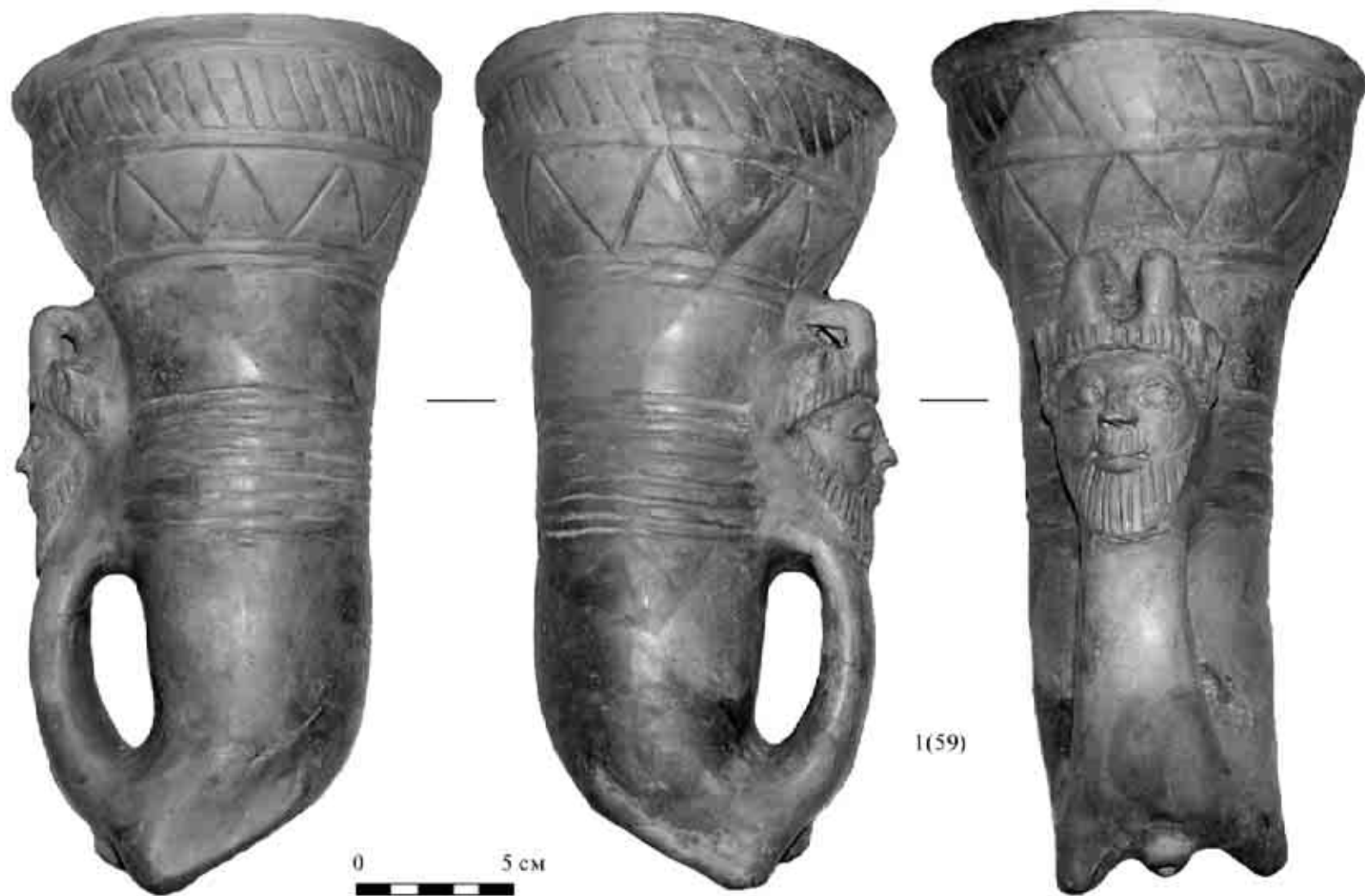
79. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон роговидный.
1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/52

80. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/55

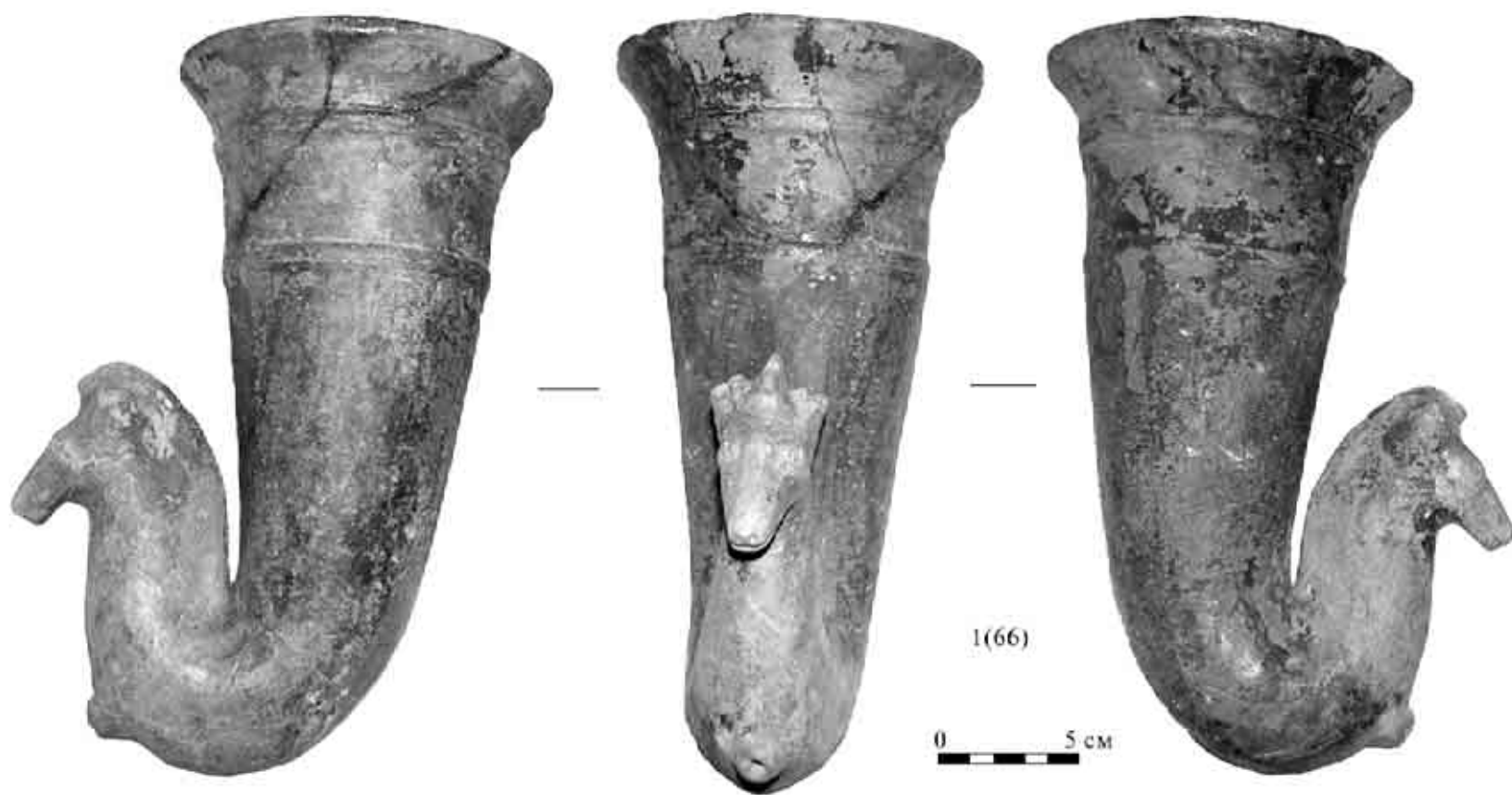
81. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/58

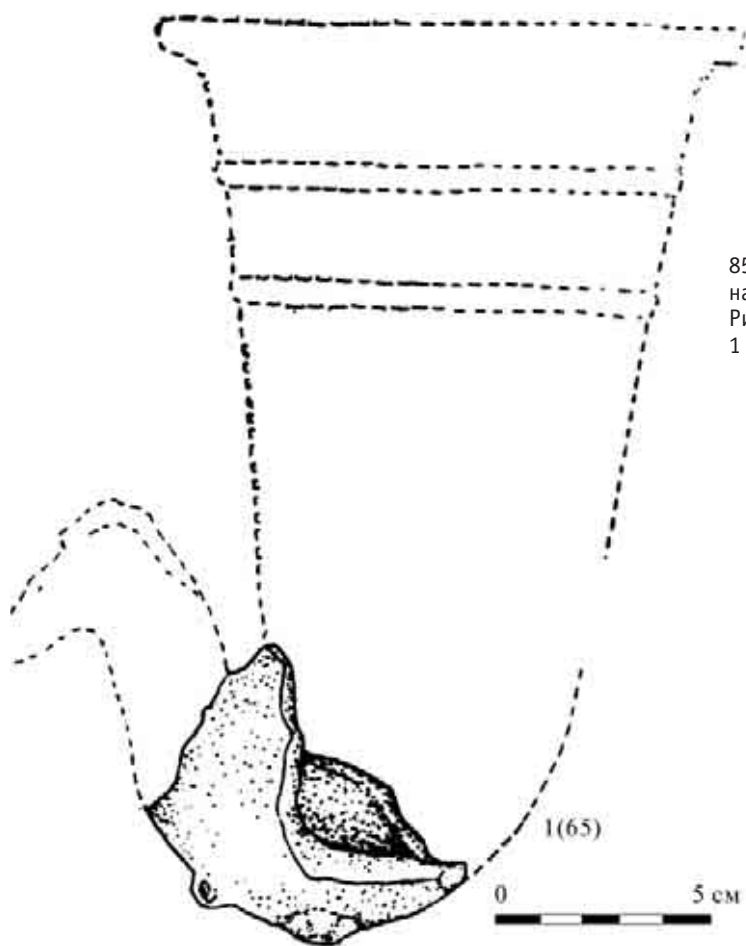
82. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой Сатира. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/59

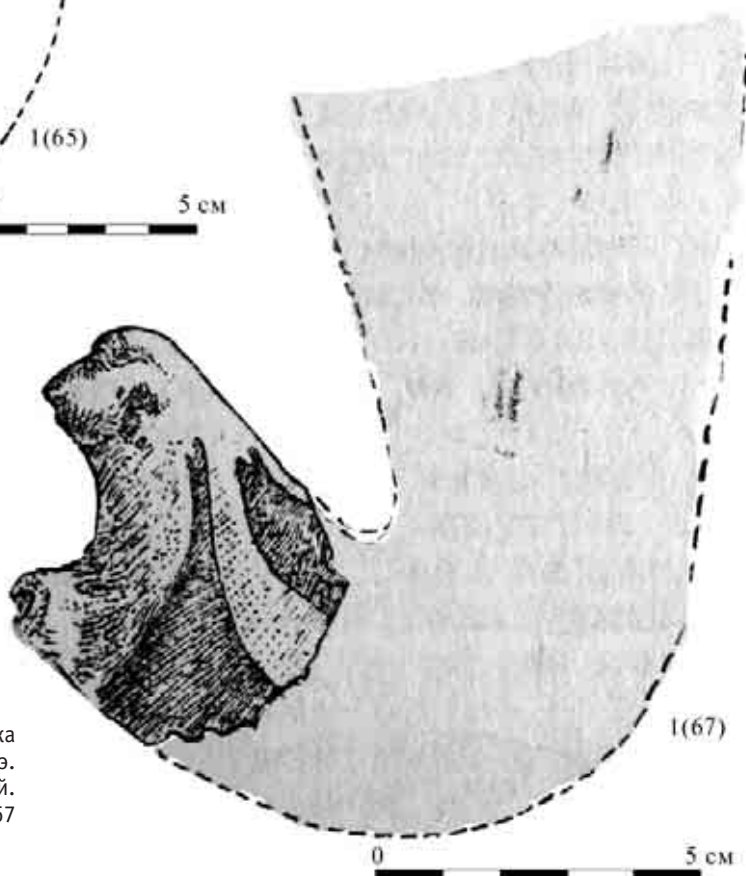
83. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/68

84. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Ритон с протомой лошади. 1 — Калалы-гыр 1. Табл. 2/66

85. Терракотовая пластика
на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Ритон с протомой лошади.
1 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 2/65

86. Терракотовая пластика
на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Ритон роговидный с протомой.
1 — Хумбуз-тепе. Табл. 2/67

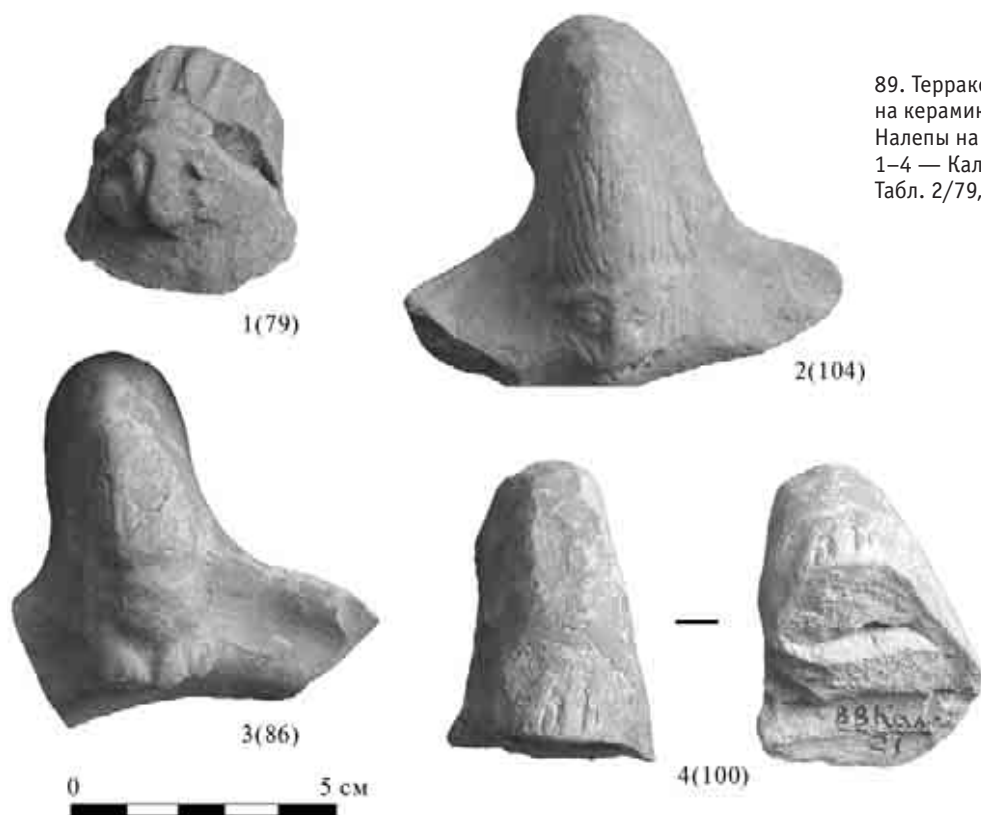

87. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Ритон с протомой. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/63, 64

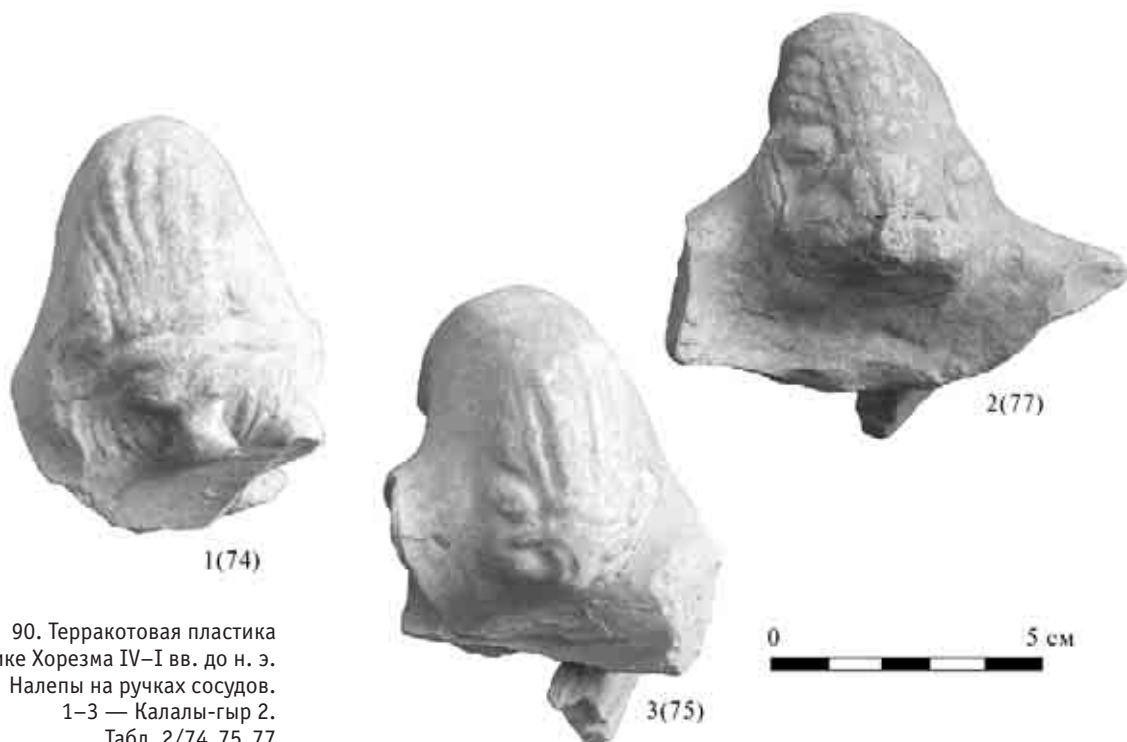

88. Терракотовая пластика
на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов.
1–3 — Калалы-гыр 2.
Табл. 2/84, 90, 101

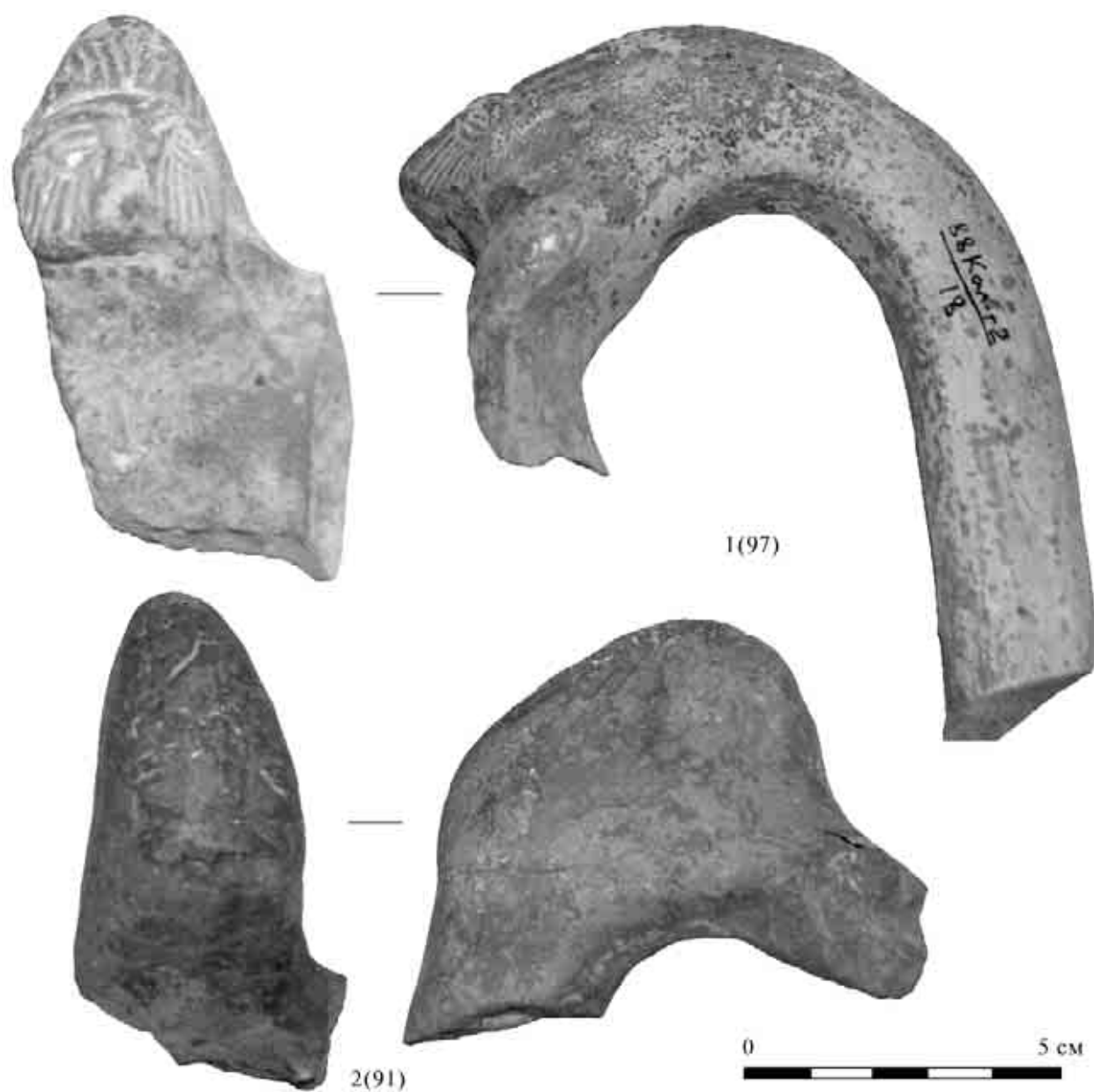

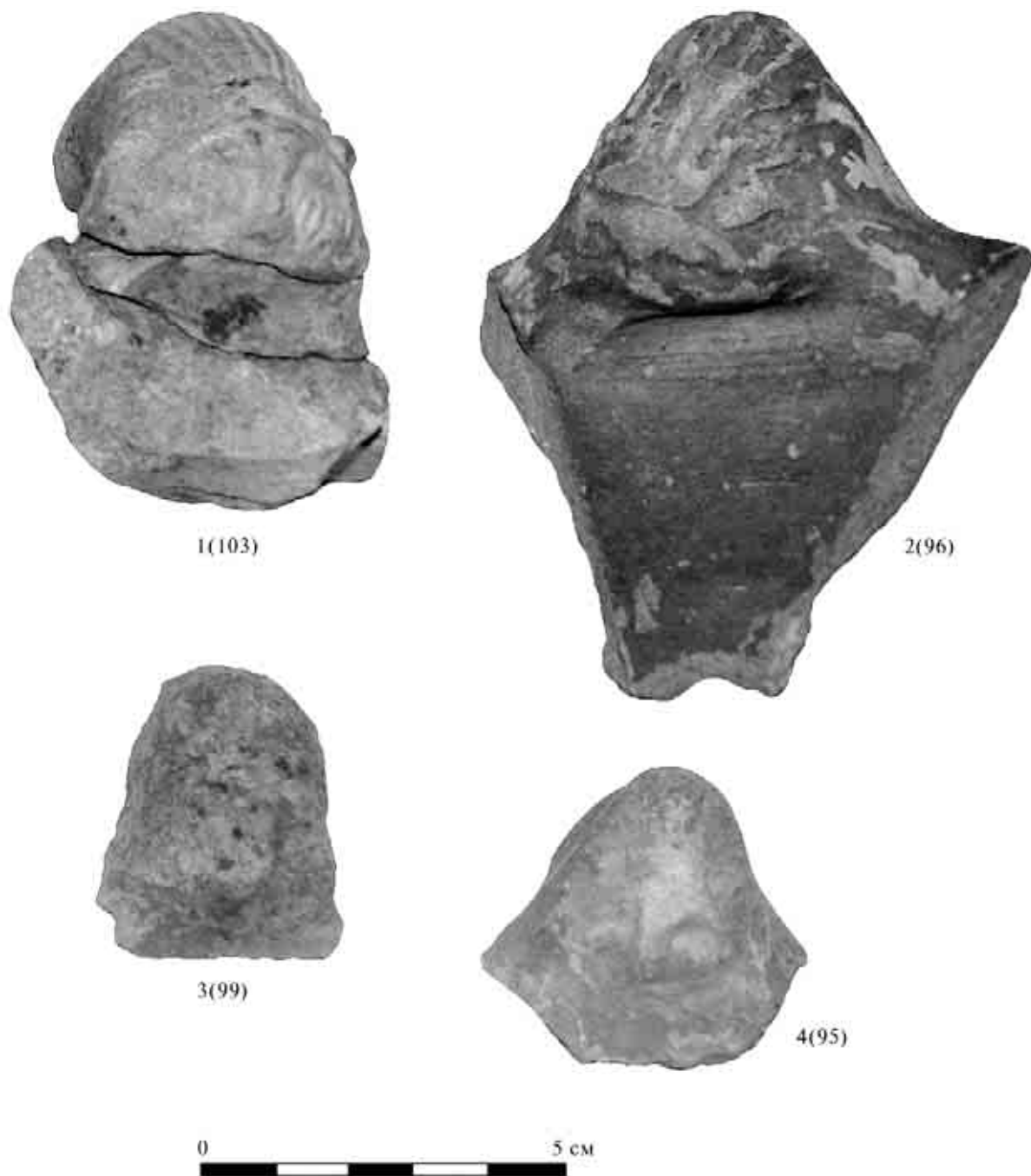
89. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/79, 86, 100, 104

90. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на ручках сосудов. 1–3 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/74, 75, 77

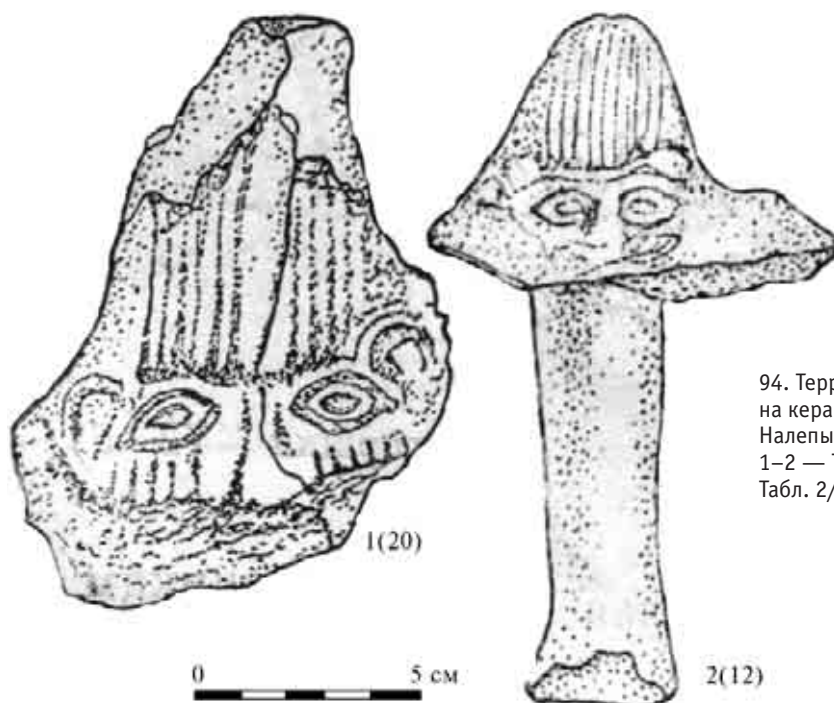
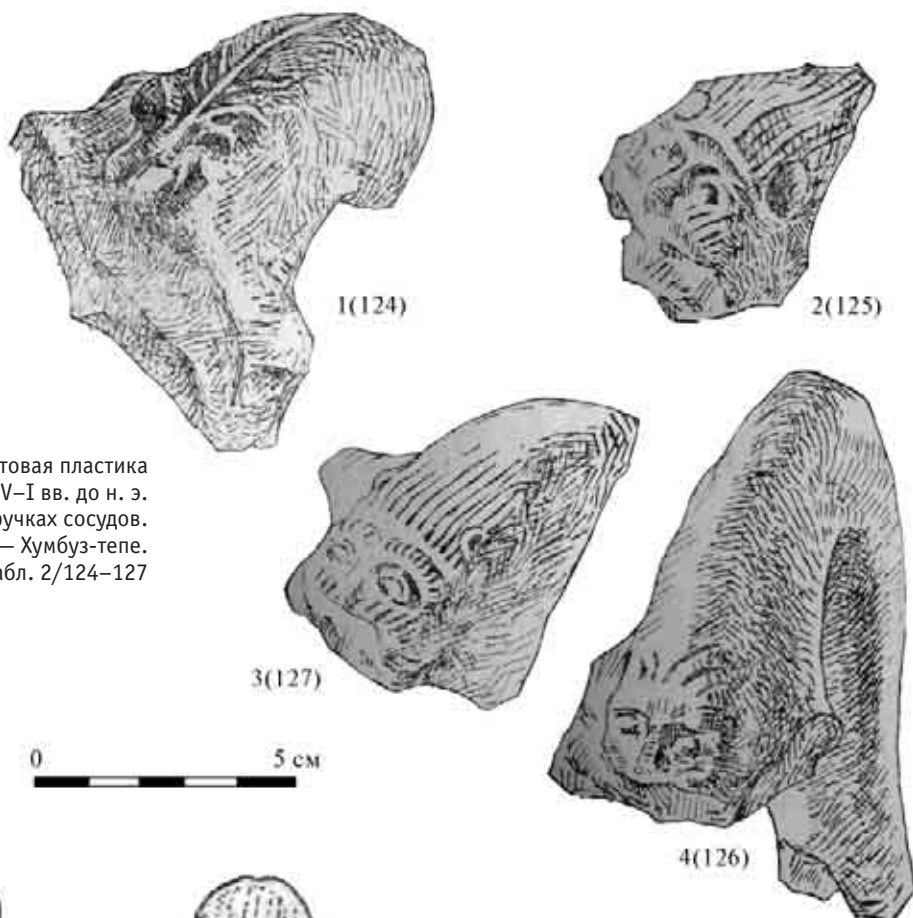

91. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов. 1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/91, 97

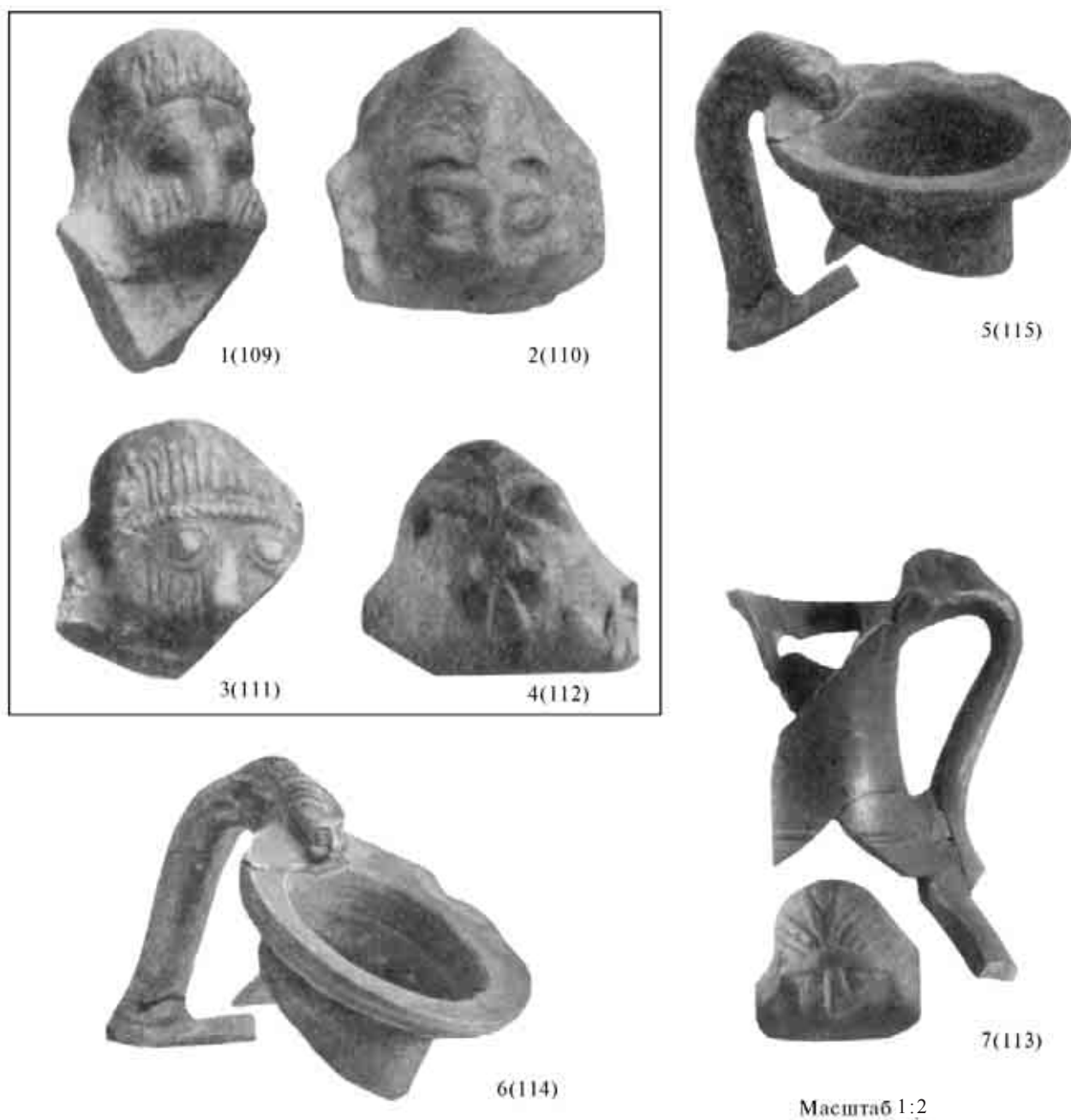

92. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/95, 96, 99, 103

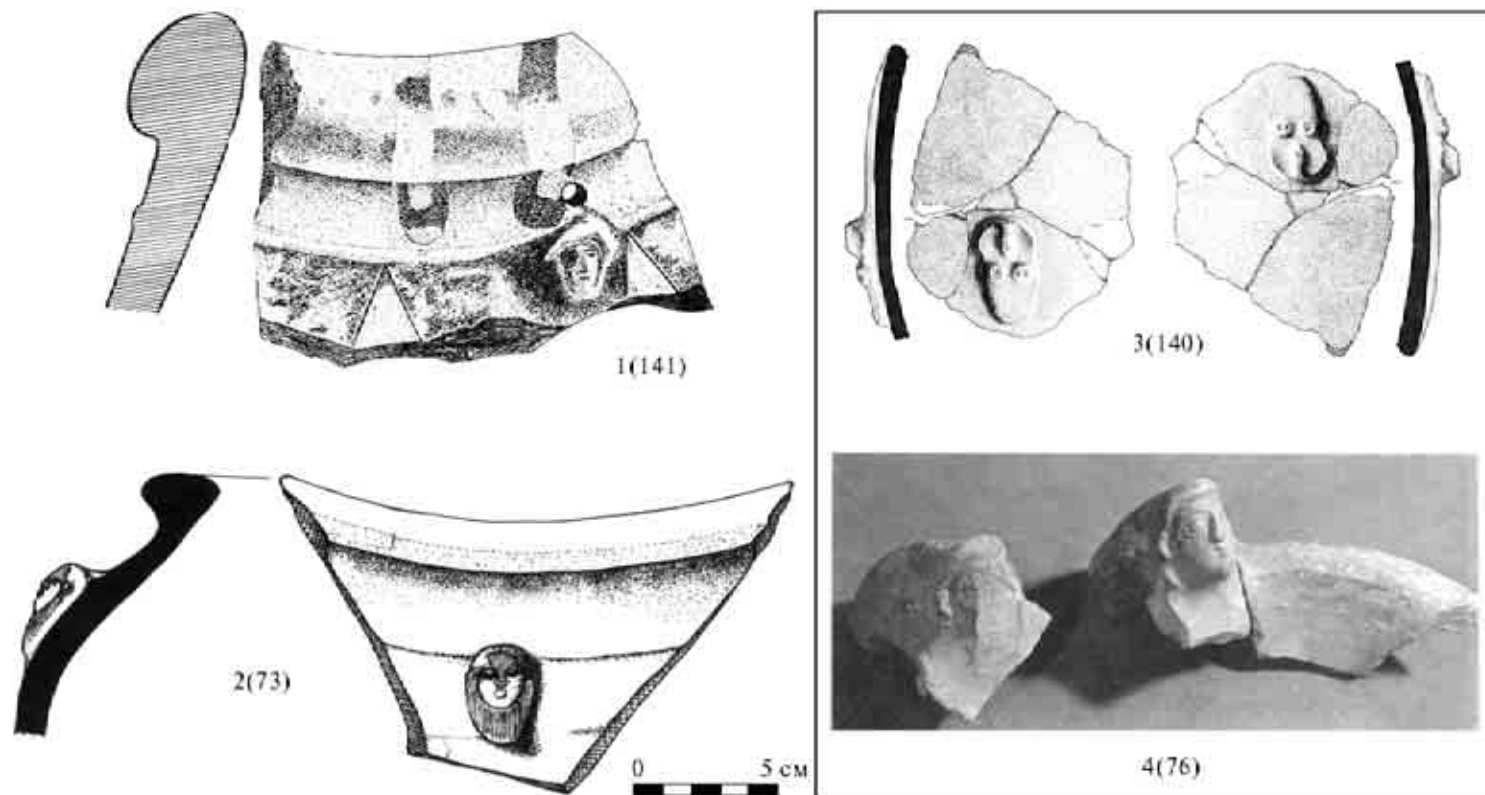
93. Терракотовая пластика
на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов.
1–4 — Хумбуз-тепе.
Табл. 2/124–127

94. Терракотовая пластика
на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов.
1–2 — Топрак-кала Шаватская.
Табл. 2/12, 20

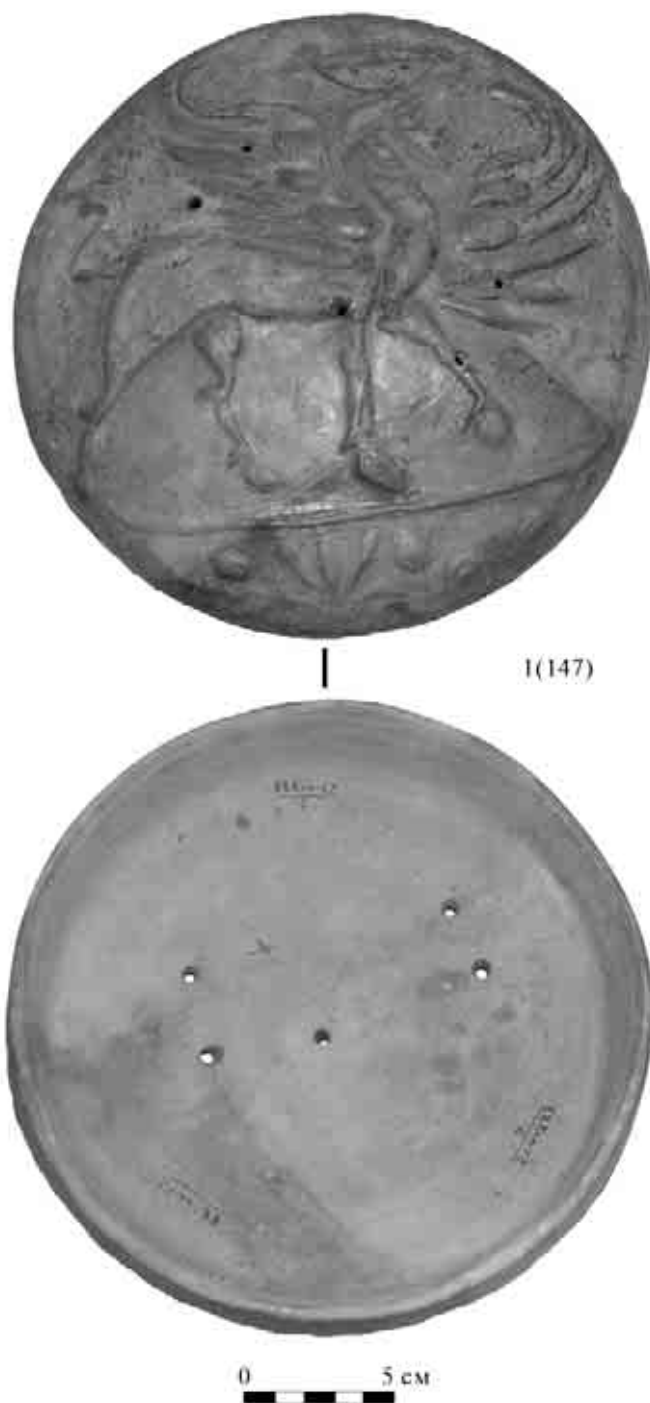
95. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Налепы на ручках сосудов. 1–7 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/109–115

96. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э. Налепы на сосудах.
1 — Хумбуз-тепе; 2, 4 — Калалы-гыр 2;
3 — Гяур-кала 3. Табл. 2/73, 76, 140, 141

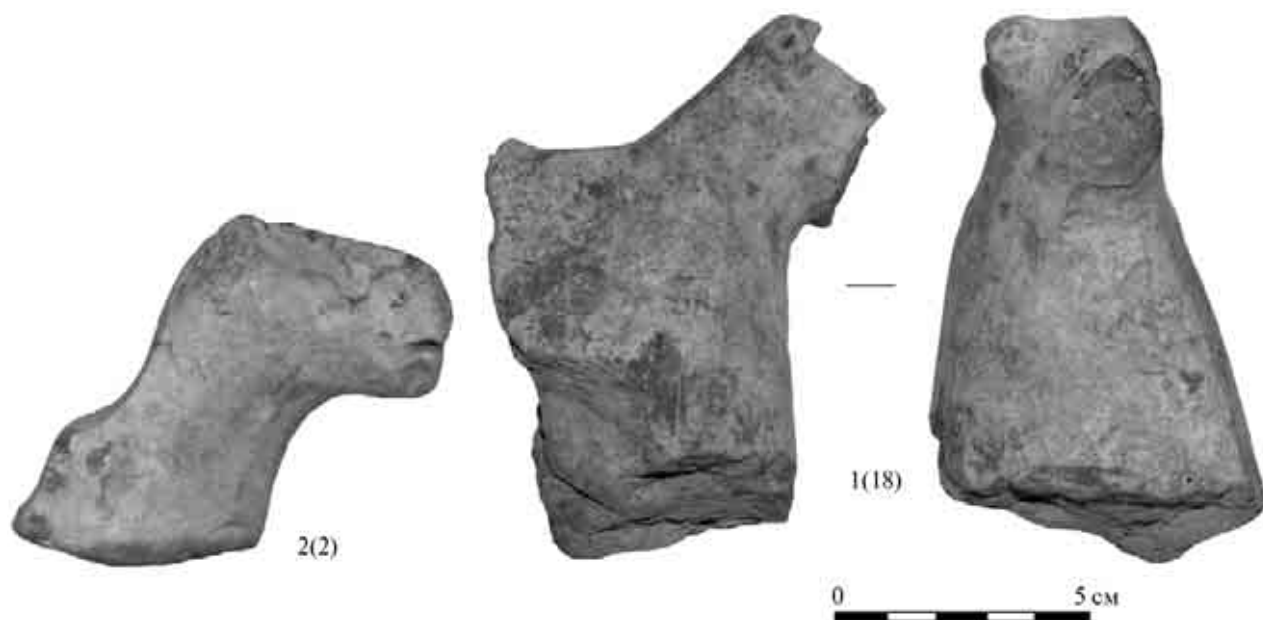
97. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Фигурный сосуд. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 2/148

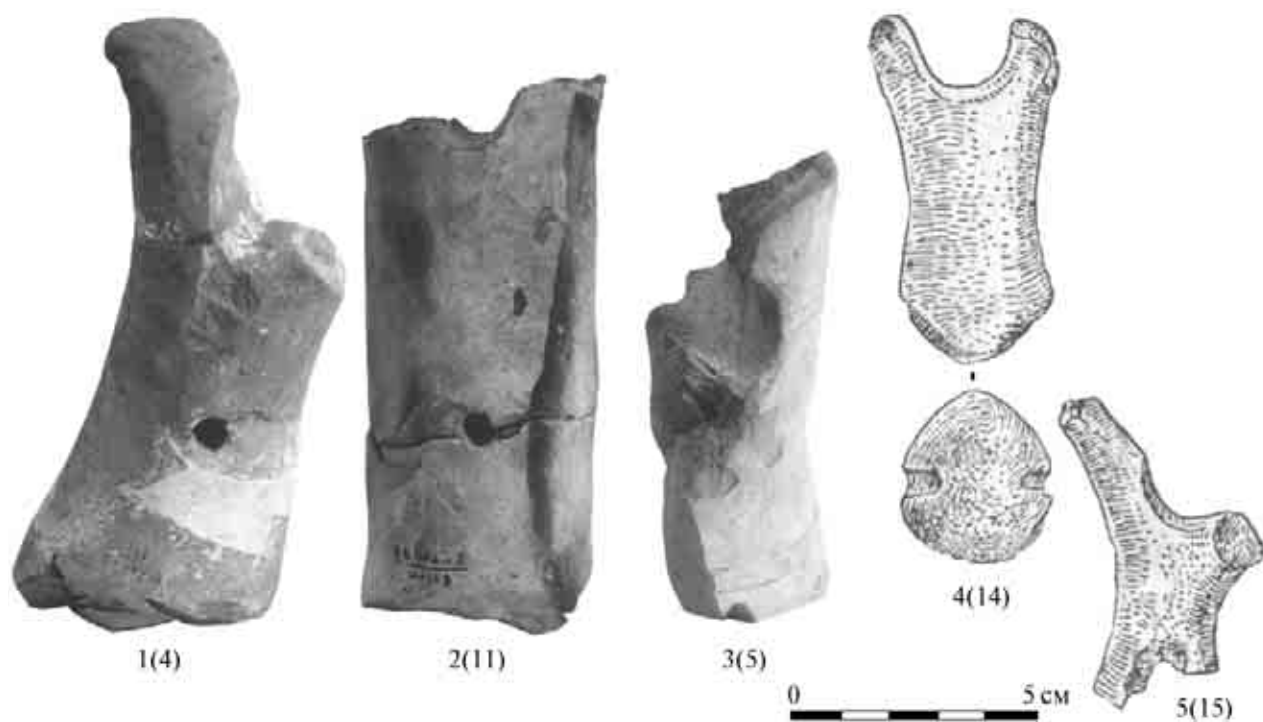
98. Терракотовая пластика на керамике Хорезма IV–I вв. до н. э.
Крышка с рельефом. 1 — Калалы-гыр 2. Табл. 2/147

99. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 3/6, 9, 13, 17

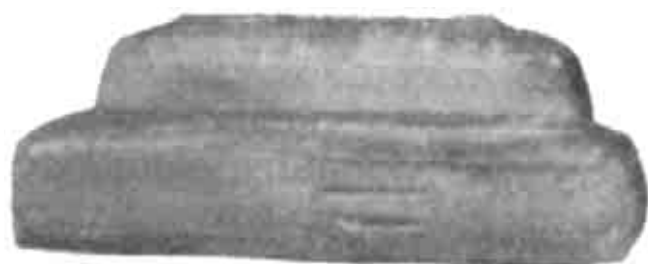
100. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–2 — Калалы-гыр 2. Табл. 3/2, 18

101. Очажные подставки Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–3 — Калалы-гыр 2. 4, 5 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 3/4, 5, 11, 14, 15

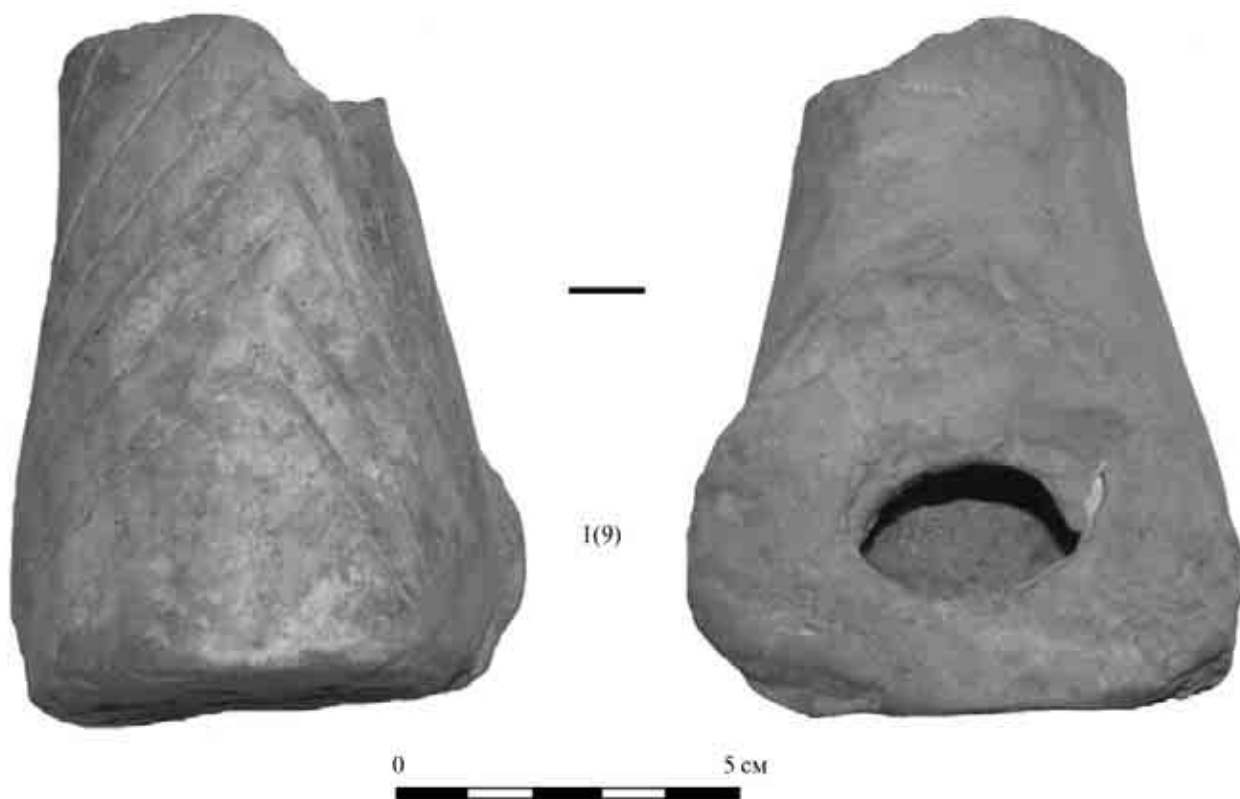

102. Алтарики Хорезма IV–I вв. до н. э.
1–4 — Калалы-гыр 2. Табл. 4/3, 5, 6, 8

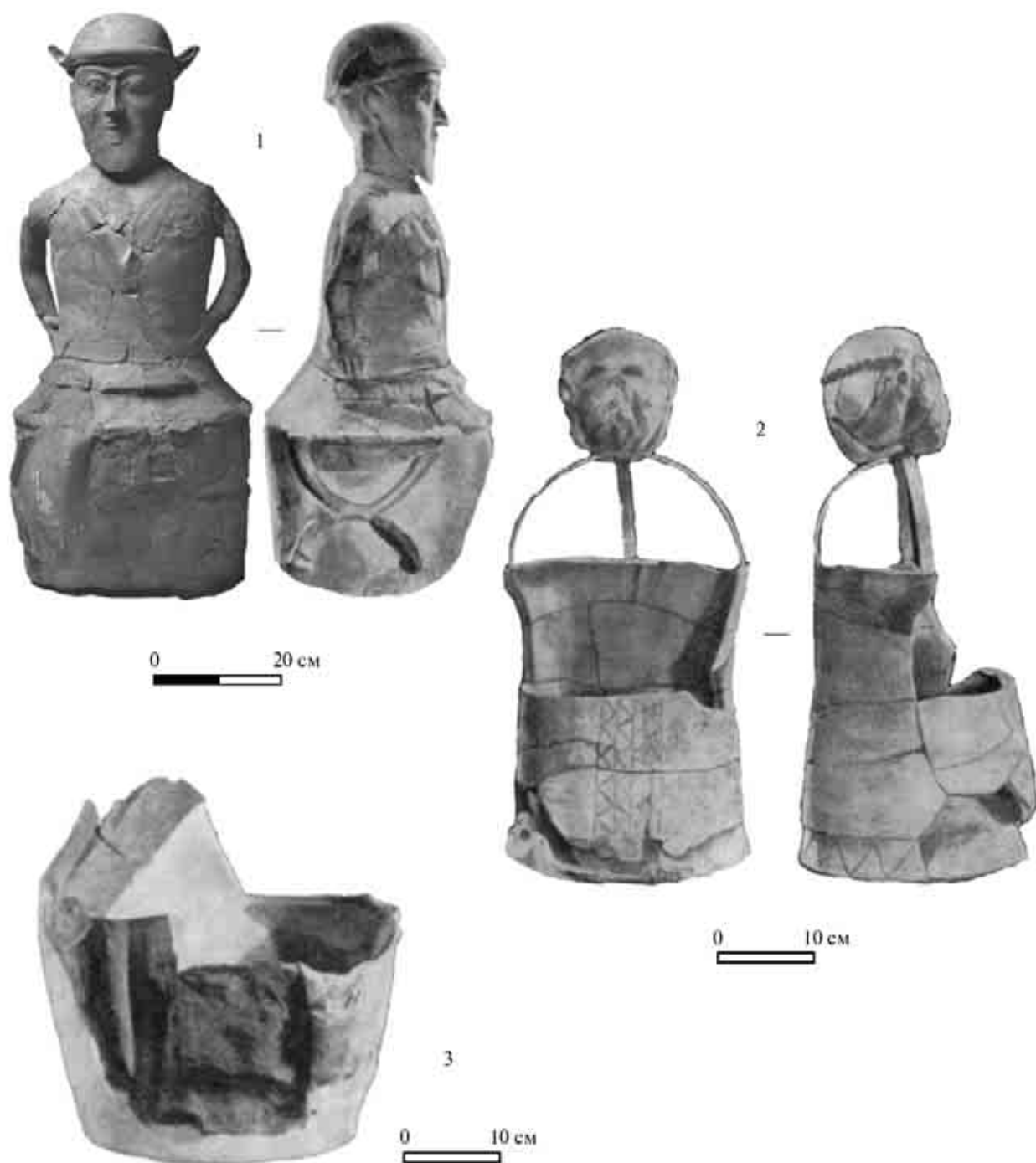

0 5 см

103. Алтарики Хорезма IV–I вв. до н. э.
1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 4/19

104. Модели повозок и колес Хорезма IV–I вв. до н. э. 1–4 — Калалы-гыр 2.
Табл. 5/1, 7–9

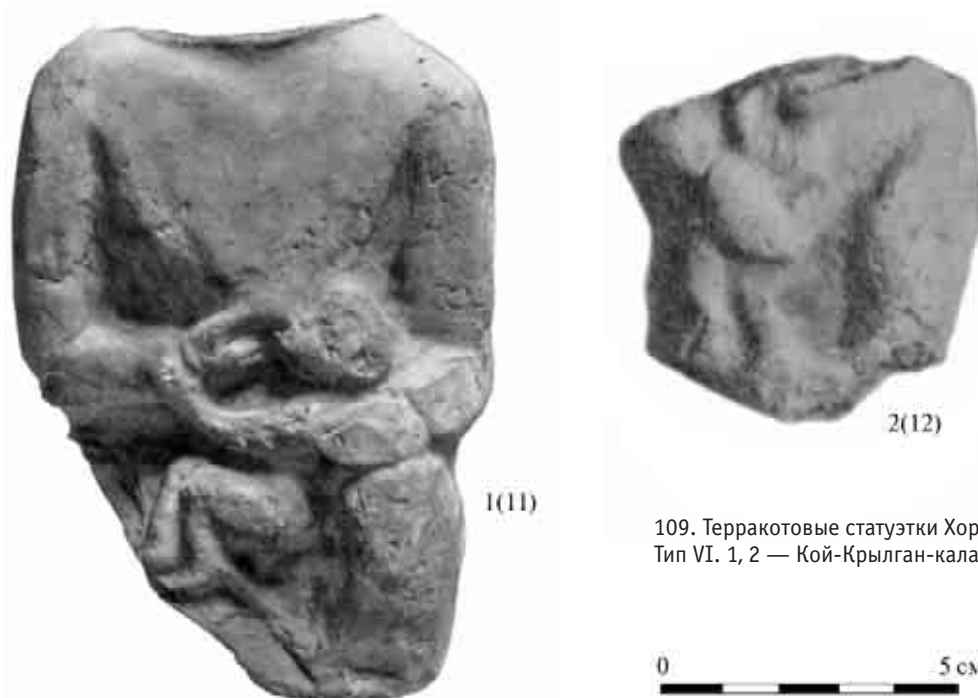
105. Погребальные сосуды Хорезма IV–I вв. до н. э.
Табл. 6/1, 2, 3

107. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.
Тип II. Вариант 3. 1–3 — Кой-Крылган-кала; 4 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 7/3, 4, 8, 51

108. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип III. Вариант 2. 1 — Кой-Крылган-кала; 2 — Топрак-кала Шаватская; 3 — Капарас. Табл. 7/1, 52, 57

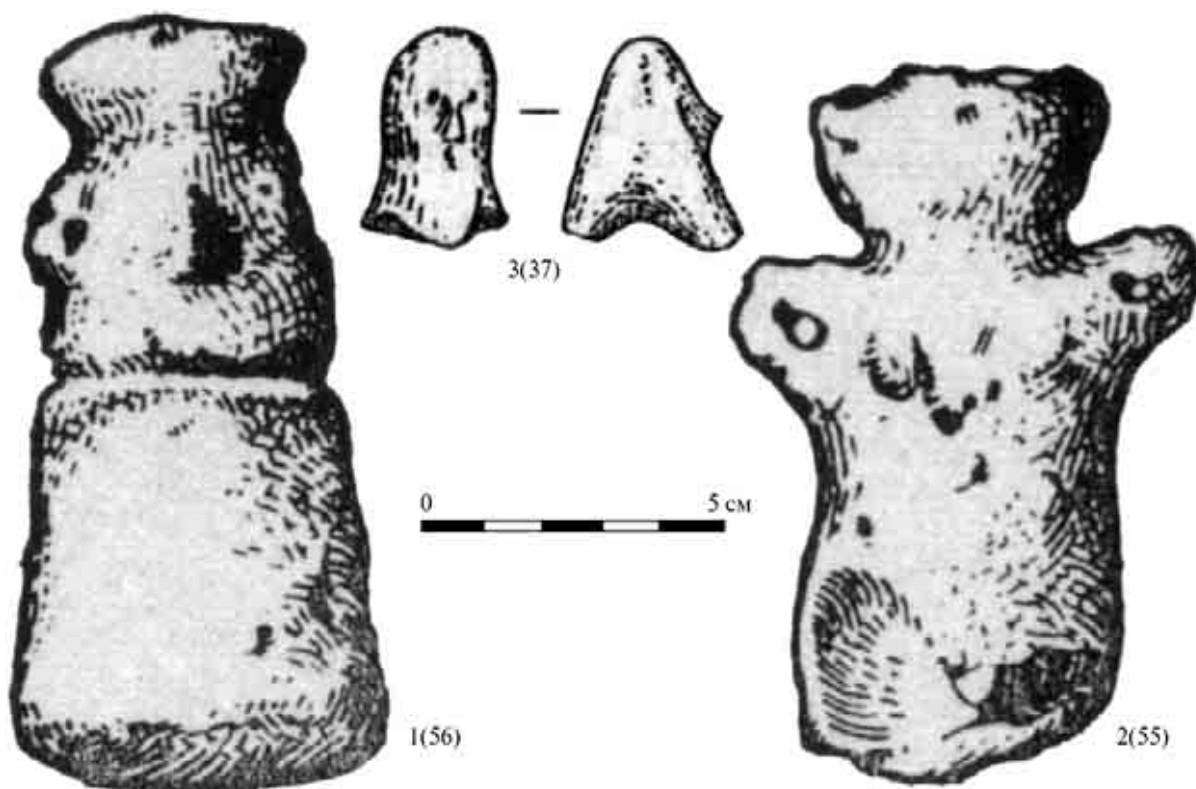
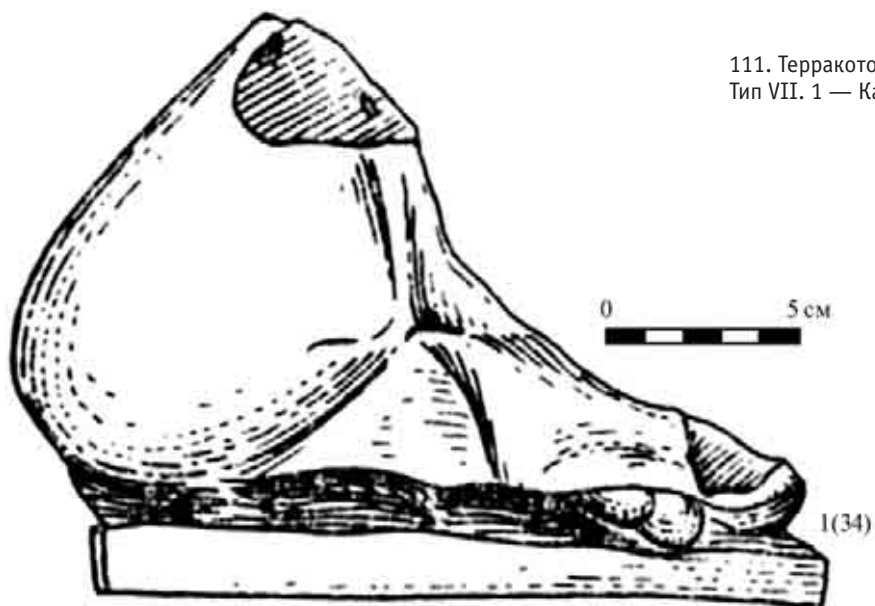

109. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип VI. 1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/11, 12

110. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Тип VII. 1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/9

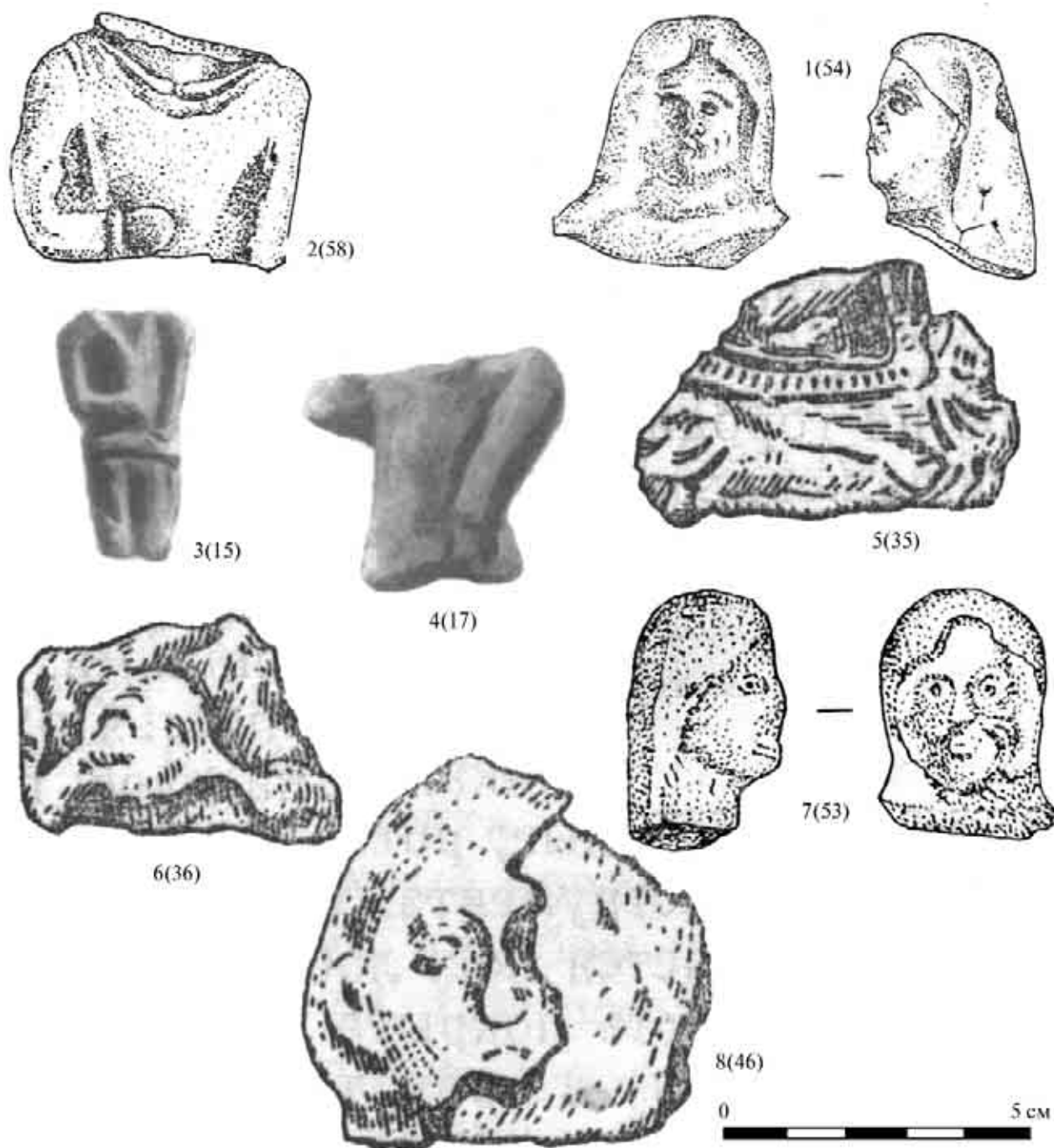
111. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.
Тип VII. 1 — Капарас. Табл. 7/34

112. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.
1, 2 — Топрак-кала; 3 — Капарас. Табл. 7/55, 56, 37

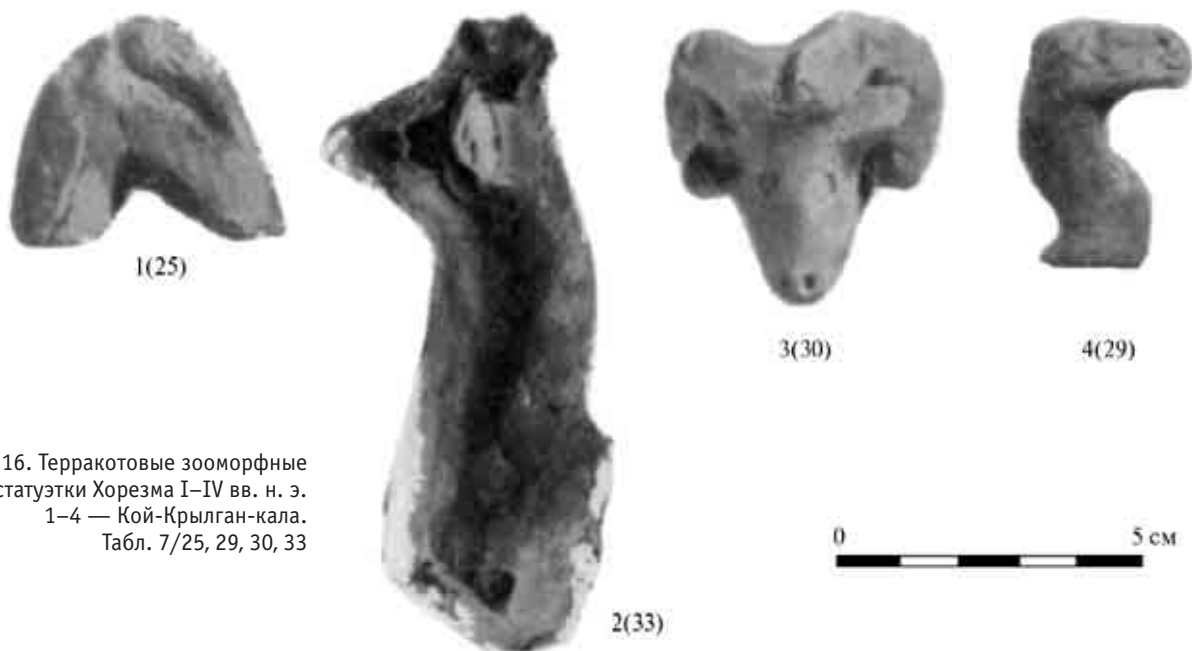
113. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.
1–6 — Кой-Қырган-кала. Табл. 7/2, 6, 7, 10, 13, 14

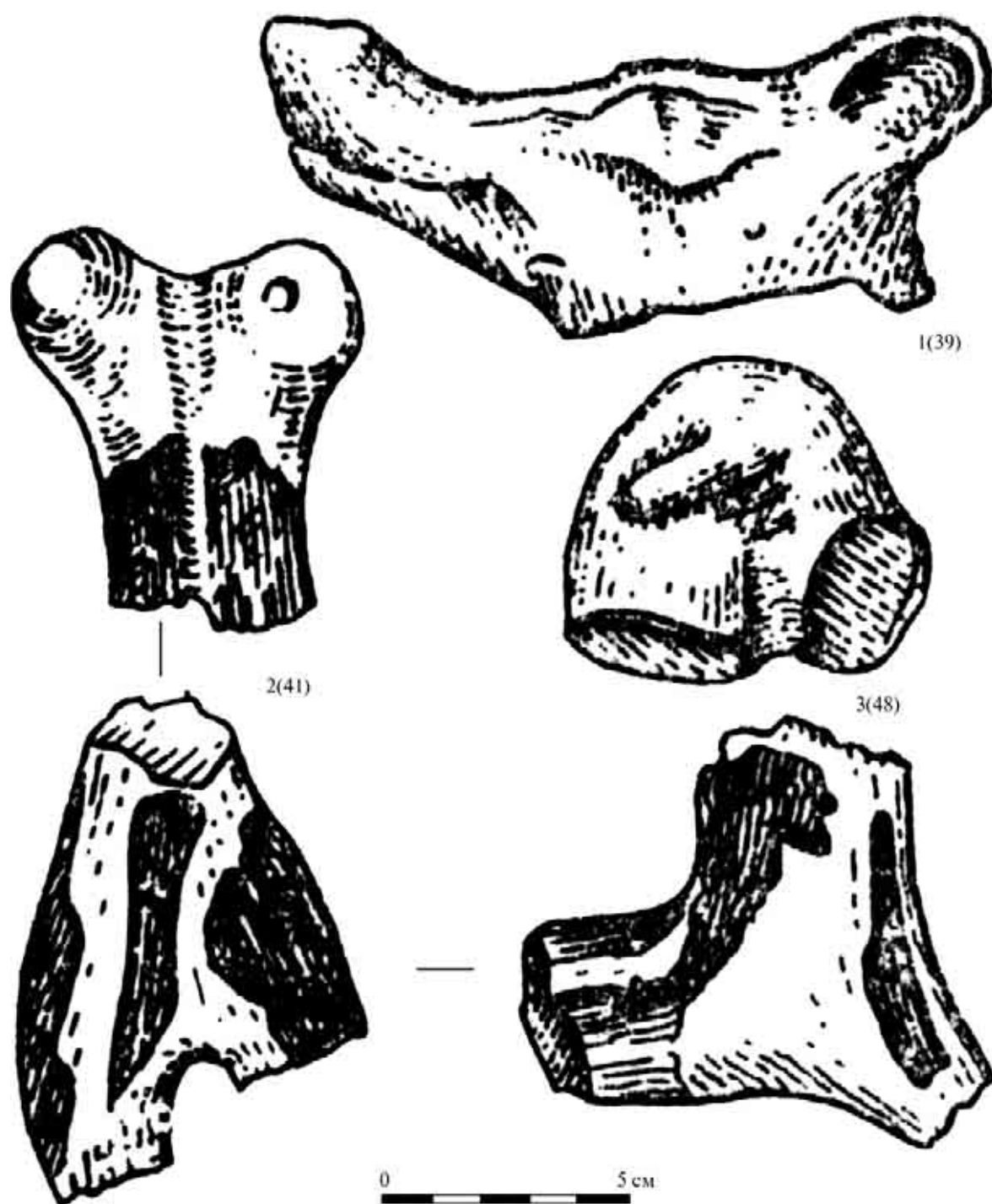
114. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.
 1, 2 — Большая Айбуйир-кала; 3, 4 — Кой-Крылган-кала; 5, 6, 8 — Капарас; 7 — Топрак-кала Шаватская.
 Табл. 7/15, 17, 35, 36, 46, 53, 54, 58

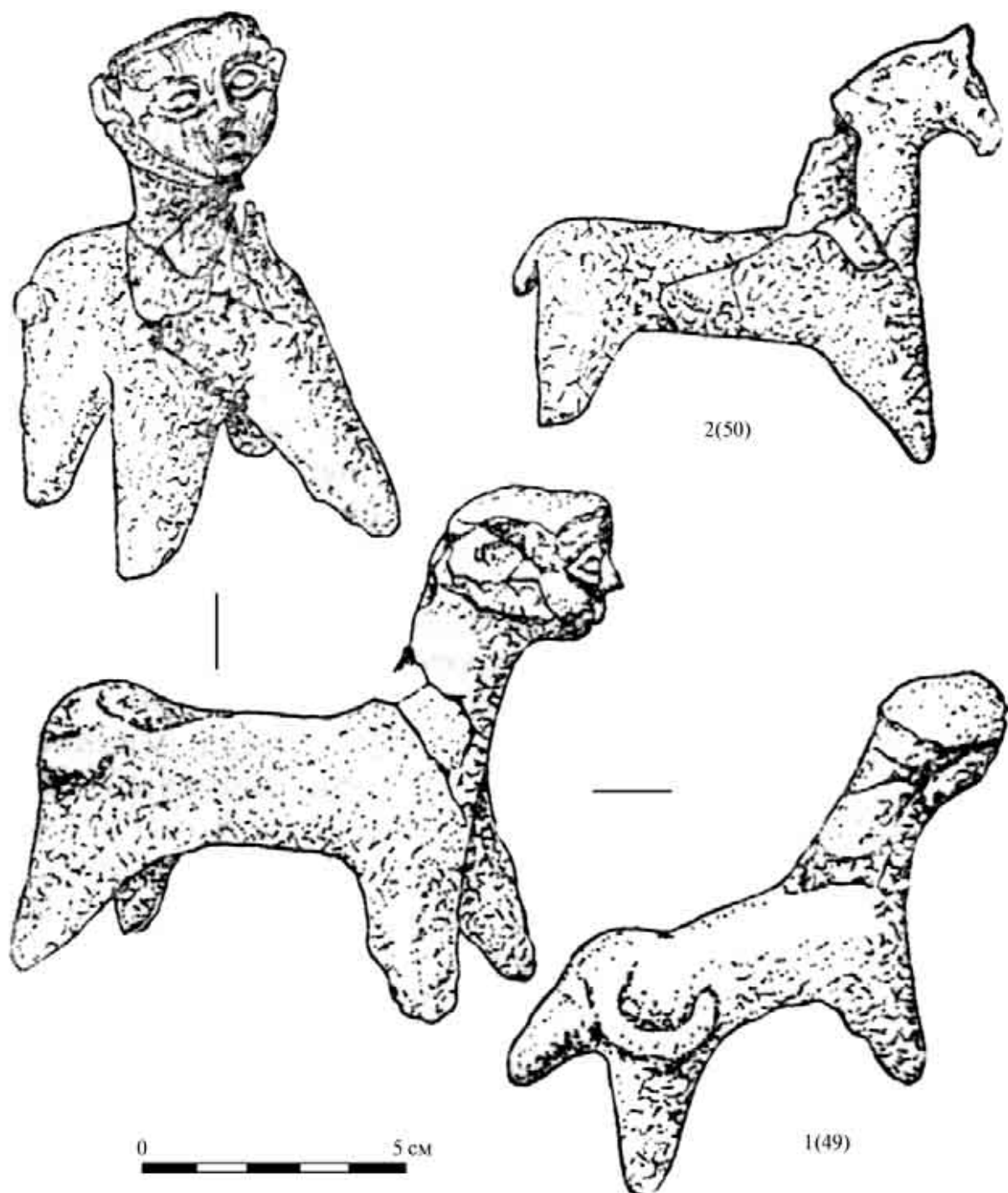
115. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–6 — Кой-Крылган-кала. Табл. 7/18, 19, 22, 24, 26, 28

116. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.
1–4 — Кой-Крылган-кала.
Табл. 7/25, 29, 30, 33

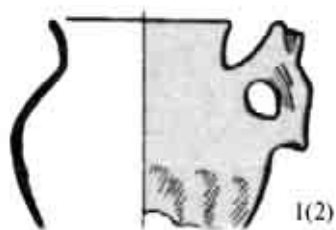
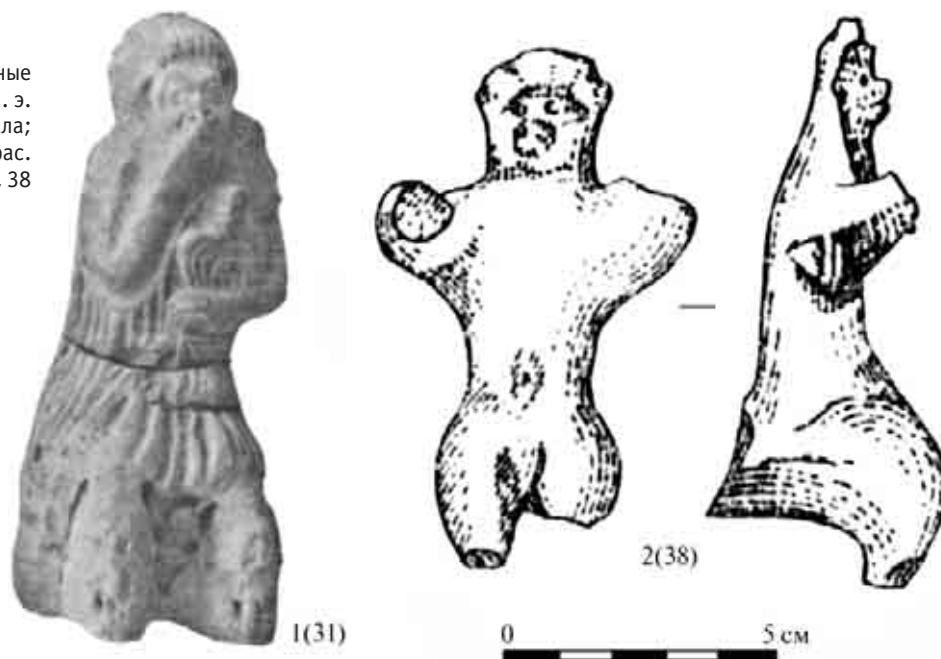
117. Терракотовые зооморфные статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1–3 — Капарас. Табл. 7/39, 41, 48

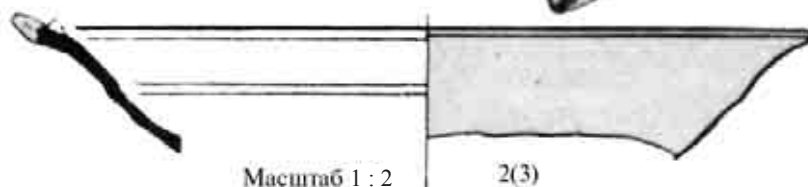
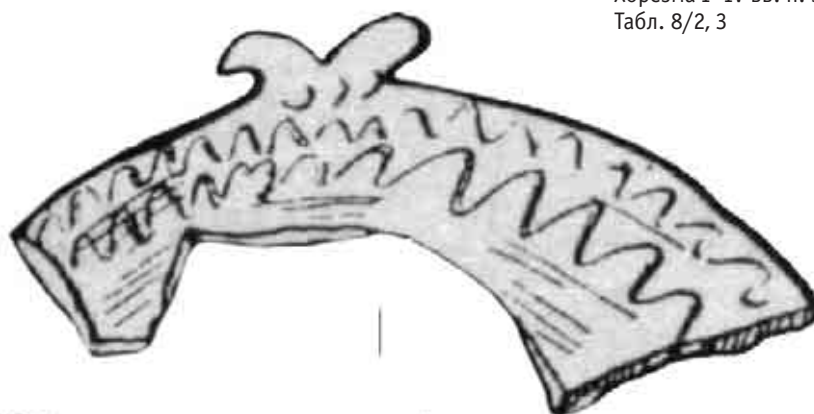
118. Терракотовые статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э. 1 — Топрак-кала Шаватская. Табл. 7/49, 50

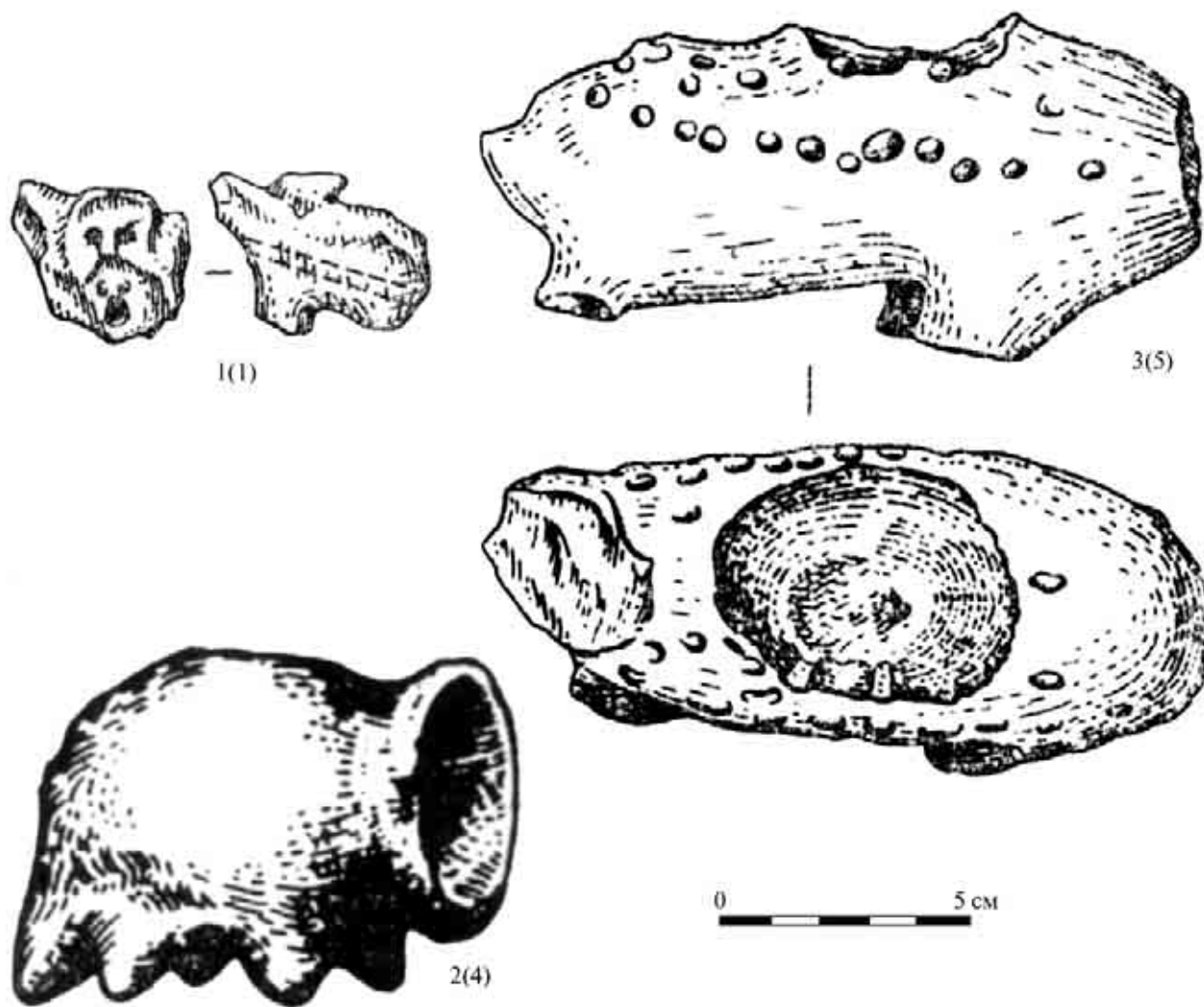
119. Терракотовые зооморфные
статуэтки Хорезма I–IV вв. н. э.

1 — Кой-Крылган-кала;
2 — Капарас.
Табл. 7/31, 38

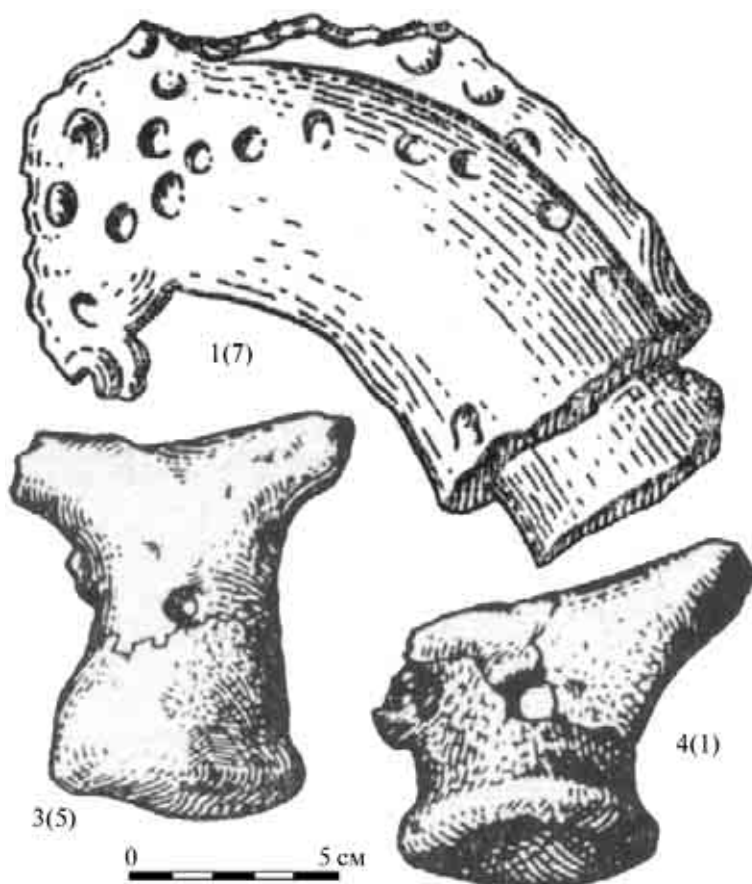
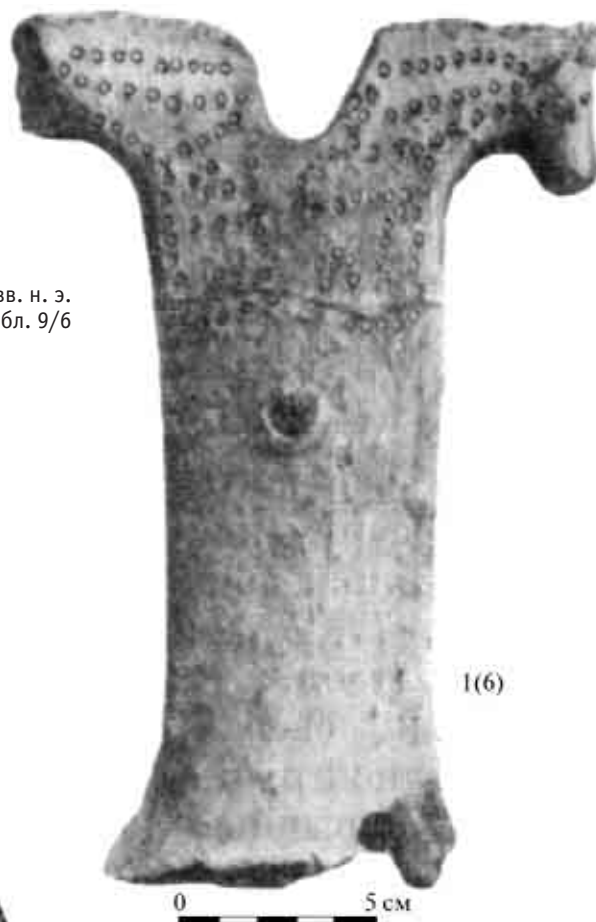
120. Терракотовая пластика на керамике
Хорезма I–IV вв. н. э. 1, 2 — Топрак-кала.
Табл. 8/2, 3

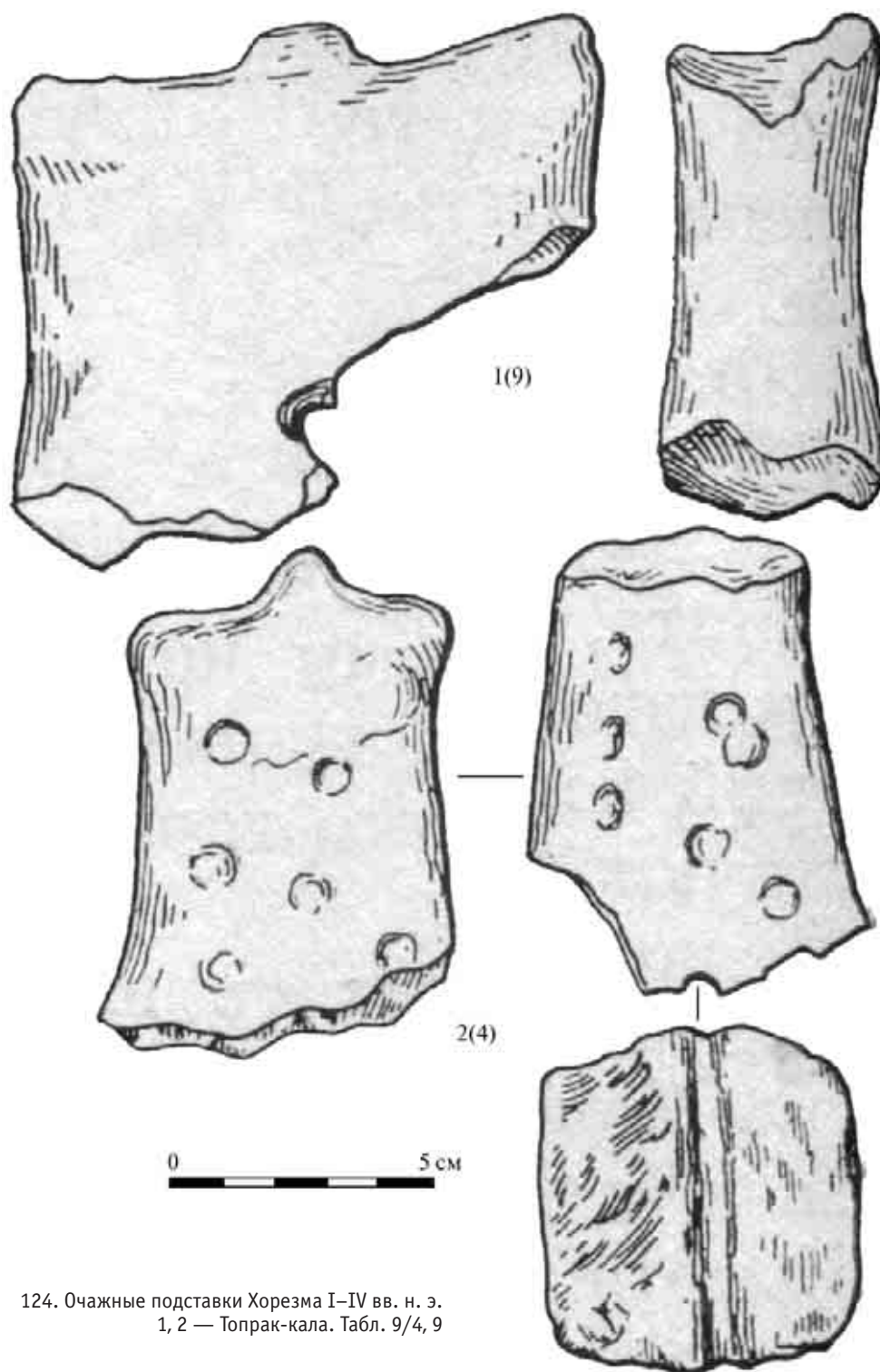

121. Терракотовая пластика на керамике Хорезма I–IV вв. н. э.
1, 3 — Капарас; 2 — Топрак-кала. Табл. 8/1, 4, 5

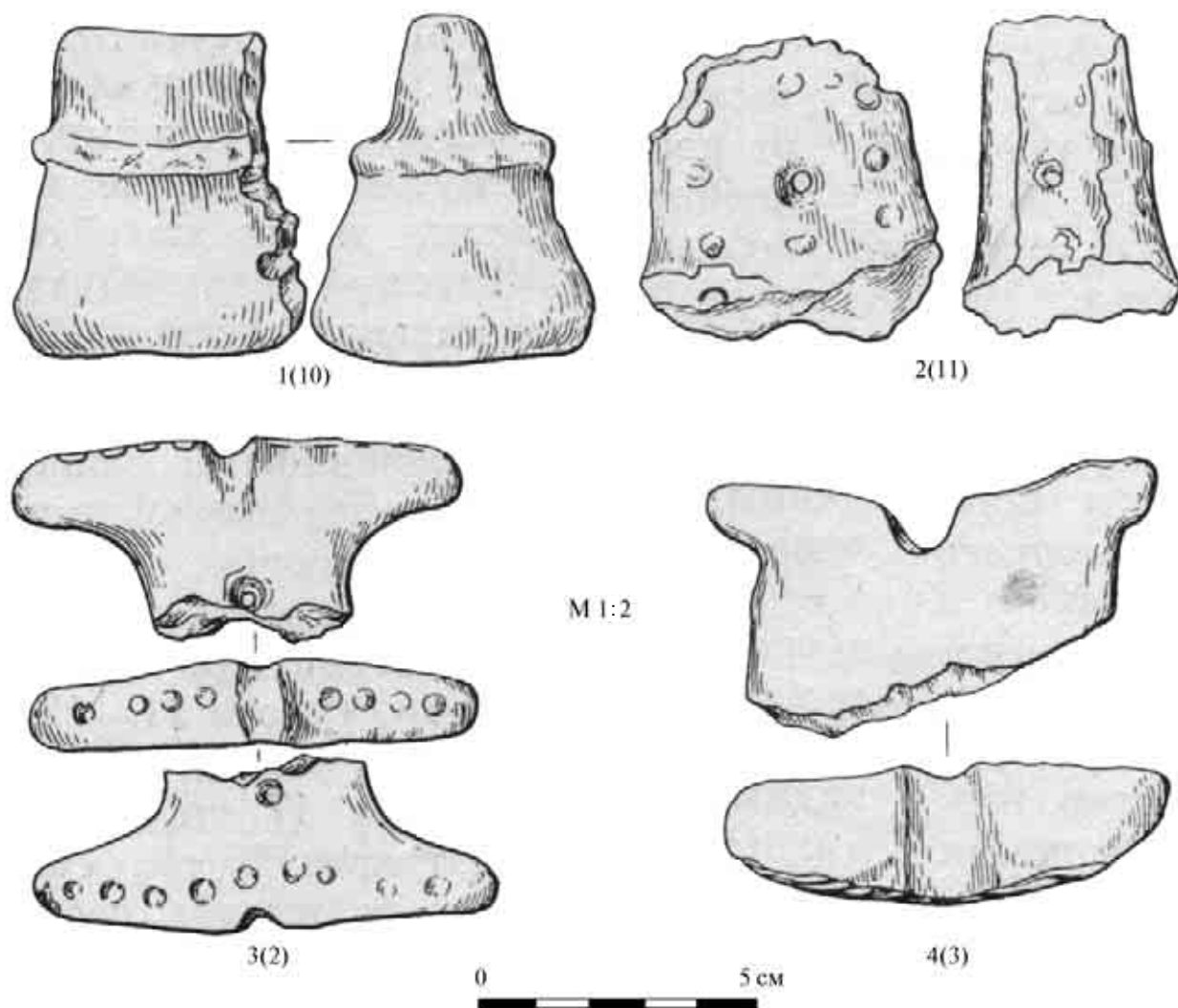
122. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э.
1 — Кой-Крылган-кала. Табл. 9/6

123. Очажные подставки
Хорезма I–IV вв. н. э.
1 — Капарас; 3, 4 — Топрак-кала.
Табл. 9/1, 5, 7

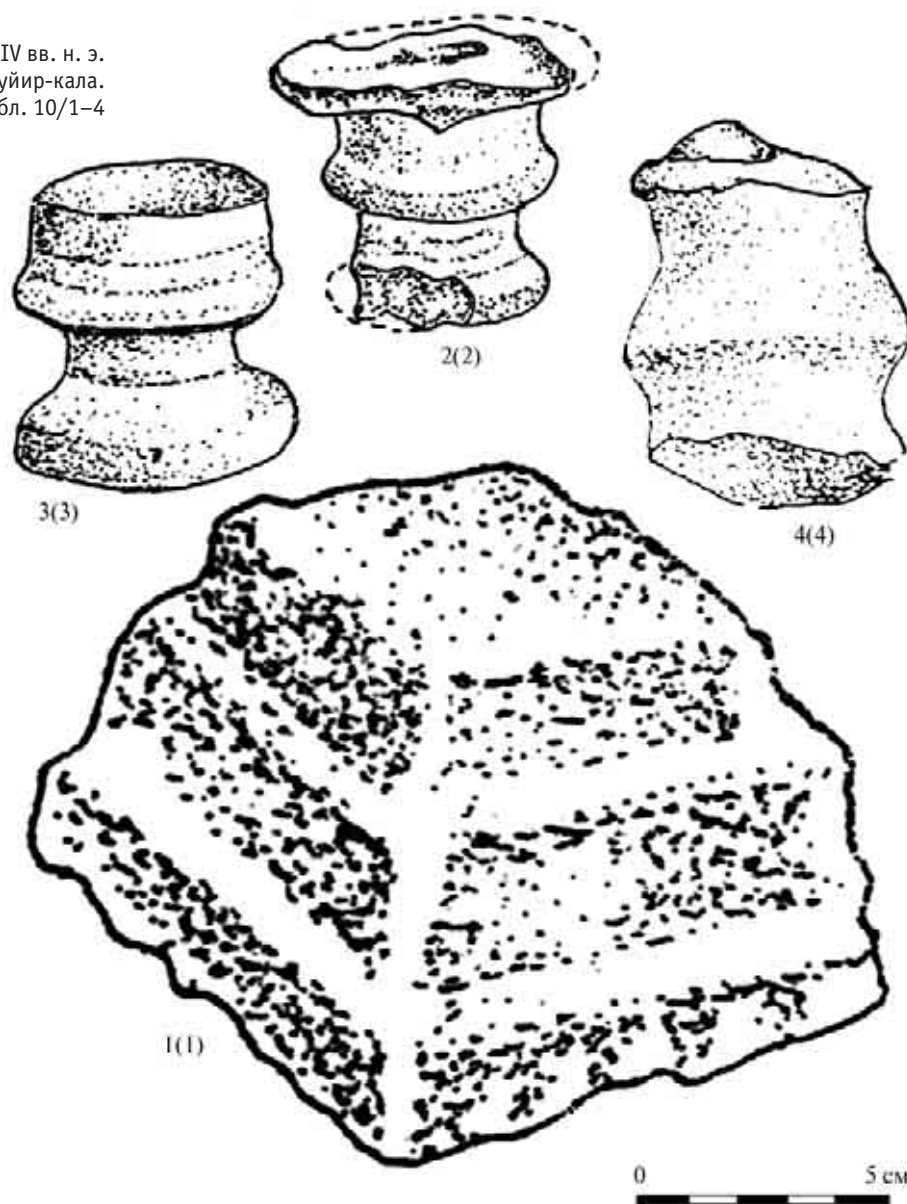

124. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э.
1, 2 — Топрак-кала. Табл. 9/4, 9

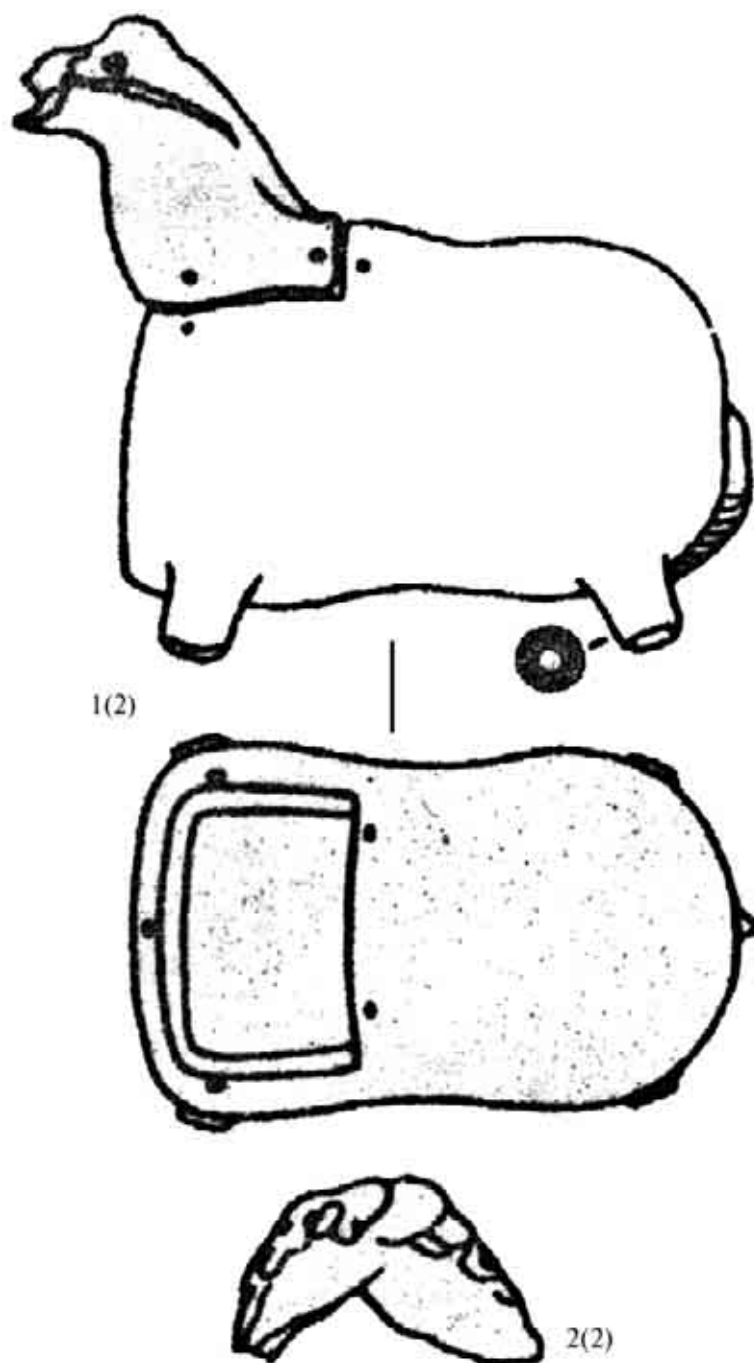

125. Очажные подставки Хорезма I–IV вв. н. э.
1–4 — Топрак-кала. Табл. 9/2, 3, 10, 11

126. Алтарики Хорезма I–IV вв. н. э.
1–4 — Большая Айбуйир-кала. Табл. 10/1–4

127. Плитки с рельефом Хорезма I–IV вв. н. э.
1, 2 — Кой-Крылган-кала. Табл. 11/1, 2

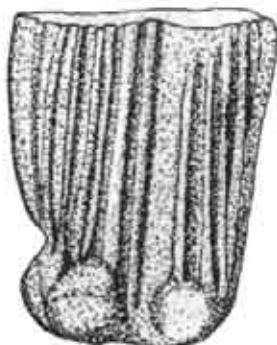
128. Терракотовая пластика на оссуариях Хорезма I–IV вв. н. э.
1, 2 — могильник Тырым-кай. Табл. 13/1, 2

130. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.
Тип 1. Реконструкция типа

1(18)

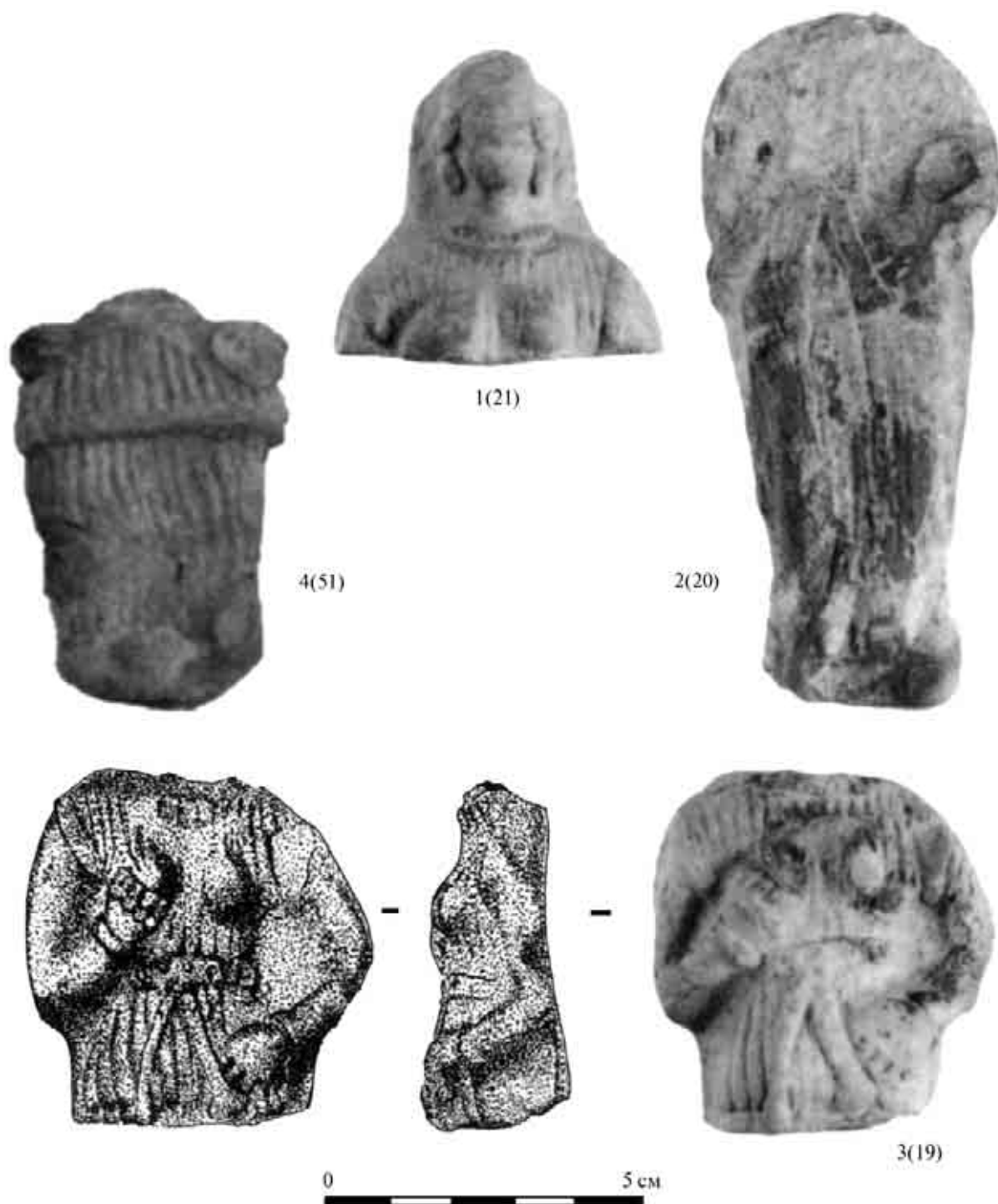
2(23)

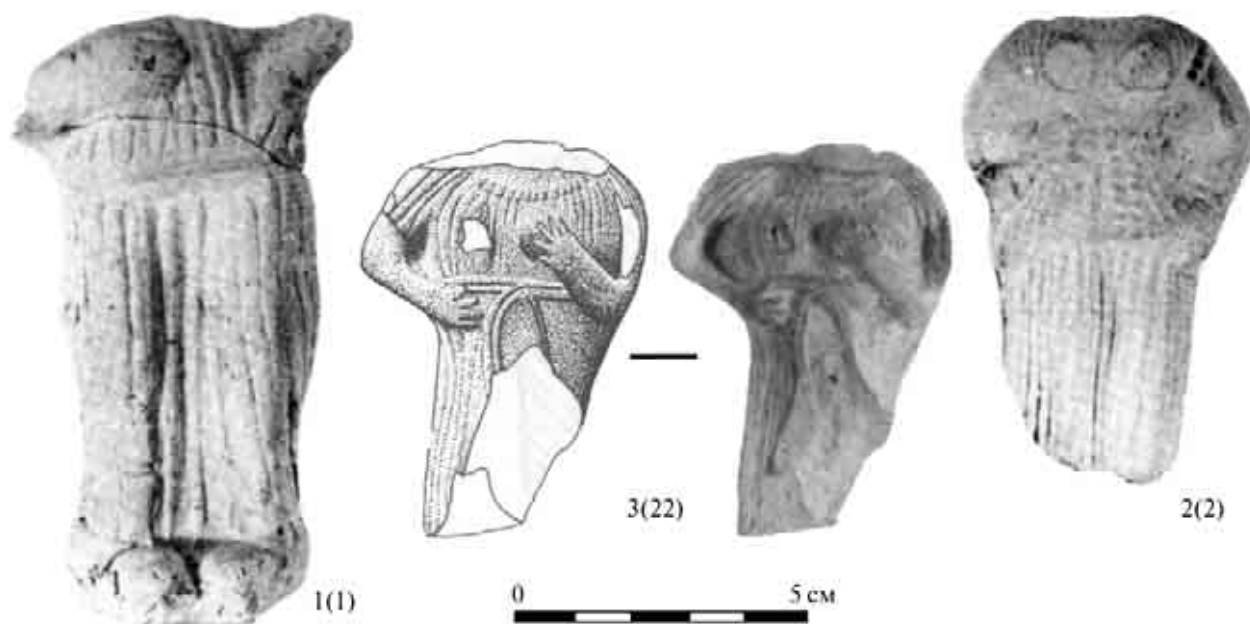
131. Терракотовые статуэтки Бактрии
III–I вв. до н. э.
Тип 1. Вариант 1.
1, 2 — Ай-Ханум.
Табл. 14/18, 23

0

5 см

132. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.
Тип 1. Вариант 1. 1–3 — Ай-Ханум; 4 — Шортугай. Табл. 14/19–21, 51

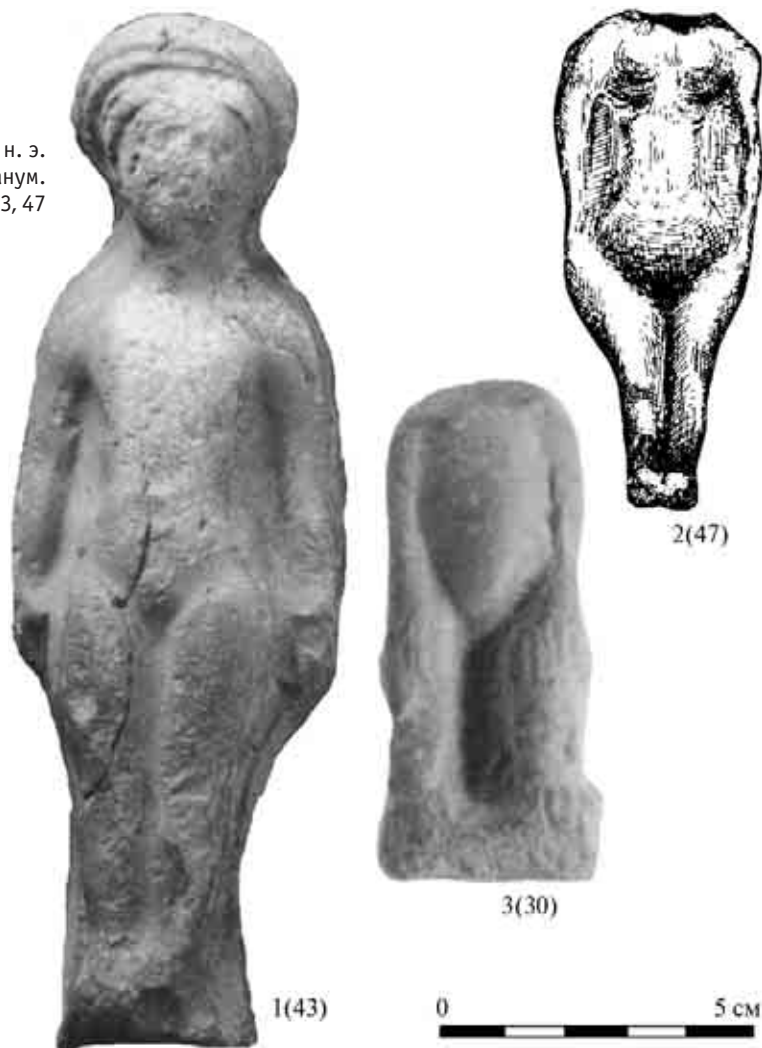

133. Терракотовые статуэтки Бактрии III—I вв. до н. э.
Тип 1. Вариант 1. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/1, 2, 22

134. Терракотовые статуэтки
Бактрии III—I вв. до н. э.
Тип 2. Вариант 1. 1 — Ай-Ханум.
Табл. 14/26

135. Терракотовые статуэтки Бактрии III—I вв. до н. э.
Тип 3. 1 — Кампыртепа; 2 — Халчаян; 3 — Ай-Ханум.
Табл. 14/30, 43, 47

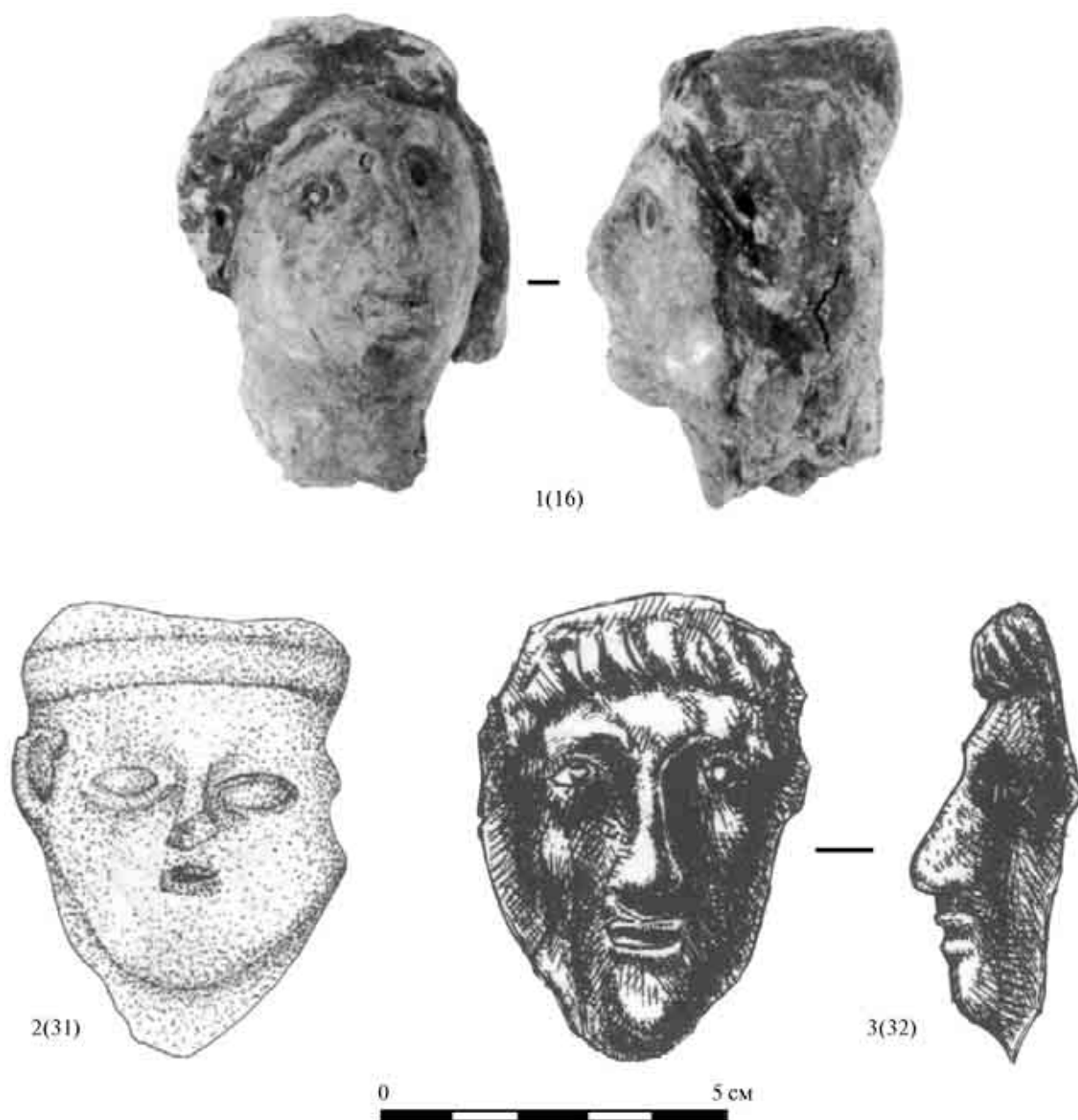
136. Терракотовые статуэтки Бактрии III—I вв. до н. э.
Тип 8. Вариант 3. 1 — Саксонохур. Табл. 14/36

137. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–4 — Кампыртепа. Табл. 14/40, 42, 53, 54

138. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э. Индивидуальные типы.
1–4 — Ай-Ханум;
5 — Дальверзин-тепе.
Табл. 14/24, 25, 28, 29, 46

139. Терракотовые статуэтки Бактрии III—I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/16, 31, 32

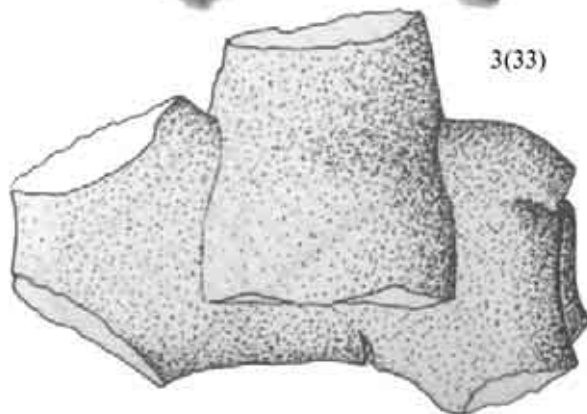
1(27)

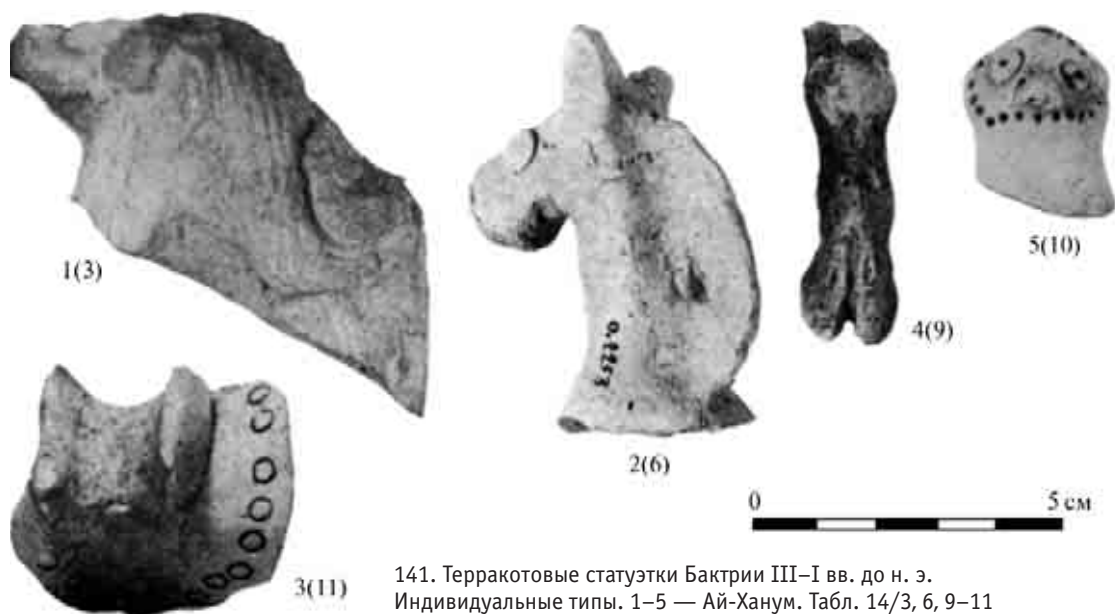
2(5)

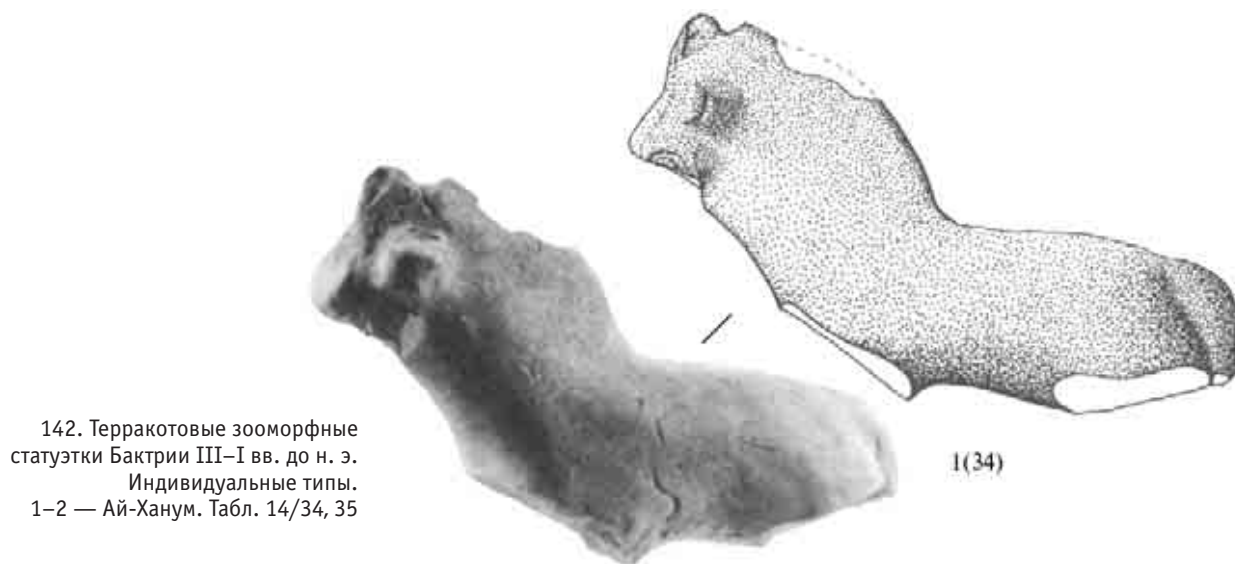
3(33)

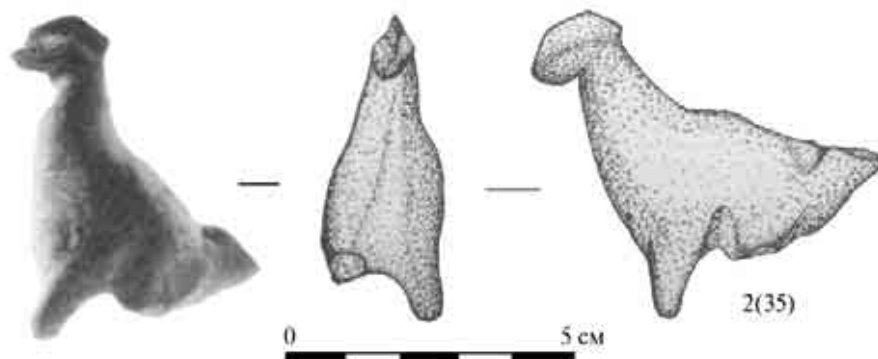
140. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 14/5, 27, 33

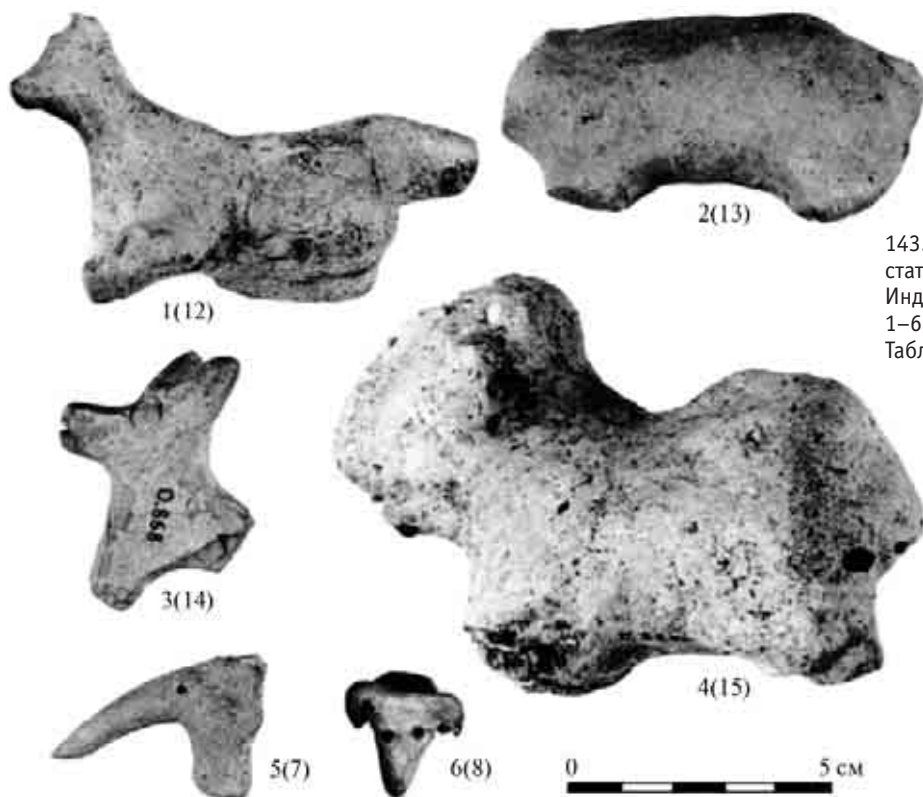

141. Терракотовые статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.
Индивидуальные типы. 1–5 — Ай-Ханум. Табл. 14/3, 6, 9–11

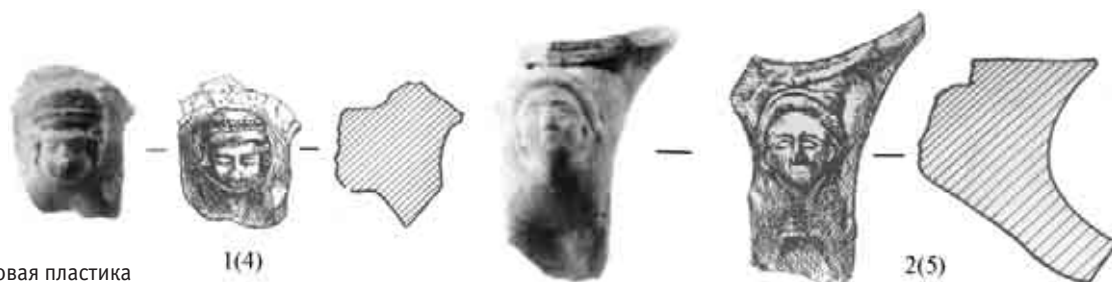

142. Терракотовые зооморфные
статуэтки Бактрии III–I вв. до н. э.
Индивидуальные типы.
1–2 — Ай-Ханум. Табл. 14/34, 35

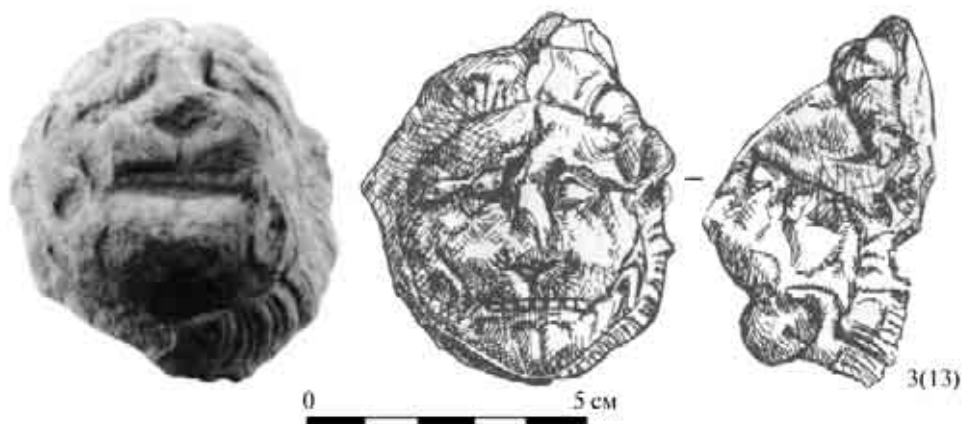

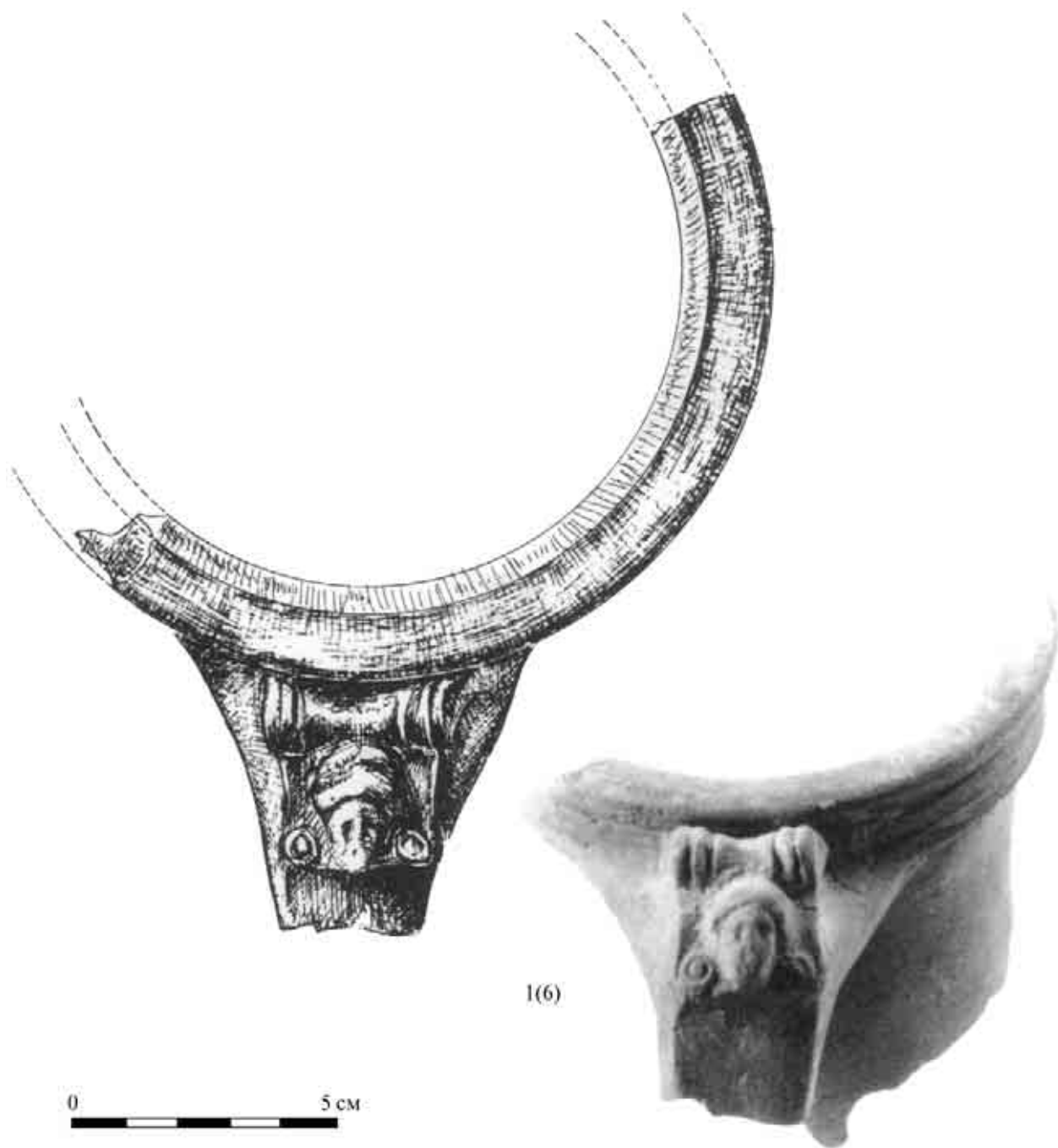

143. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии III—I вв. до н. э. Индивидуальные типы. 1–6 — Ай-Ханум. Табл. 14/7, 8, 12–15

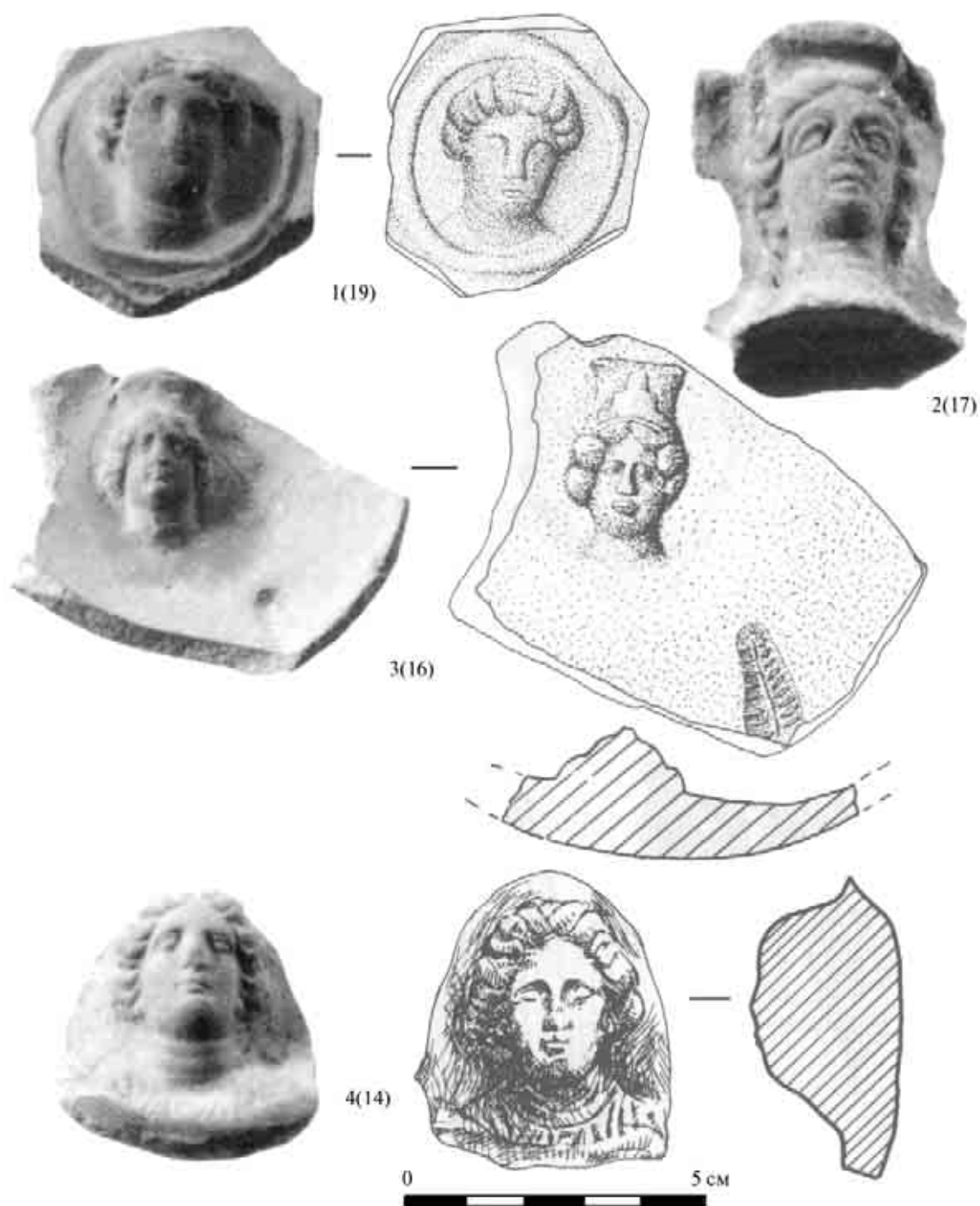

144. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III—I вв. до н. э. Налепы на сосудах. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/4, 5, 13

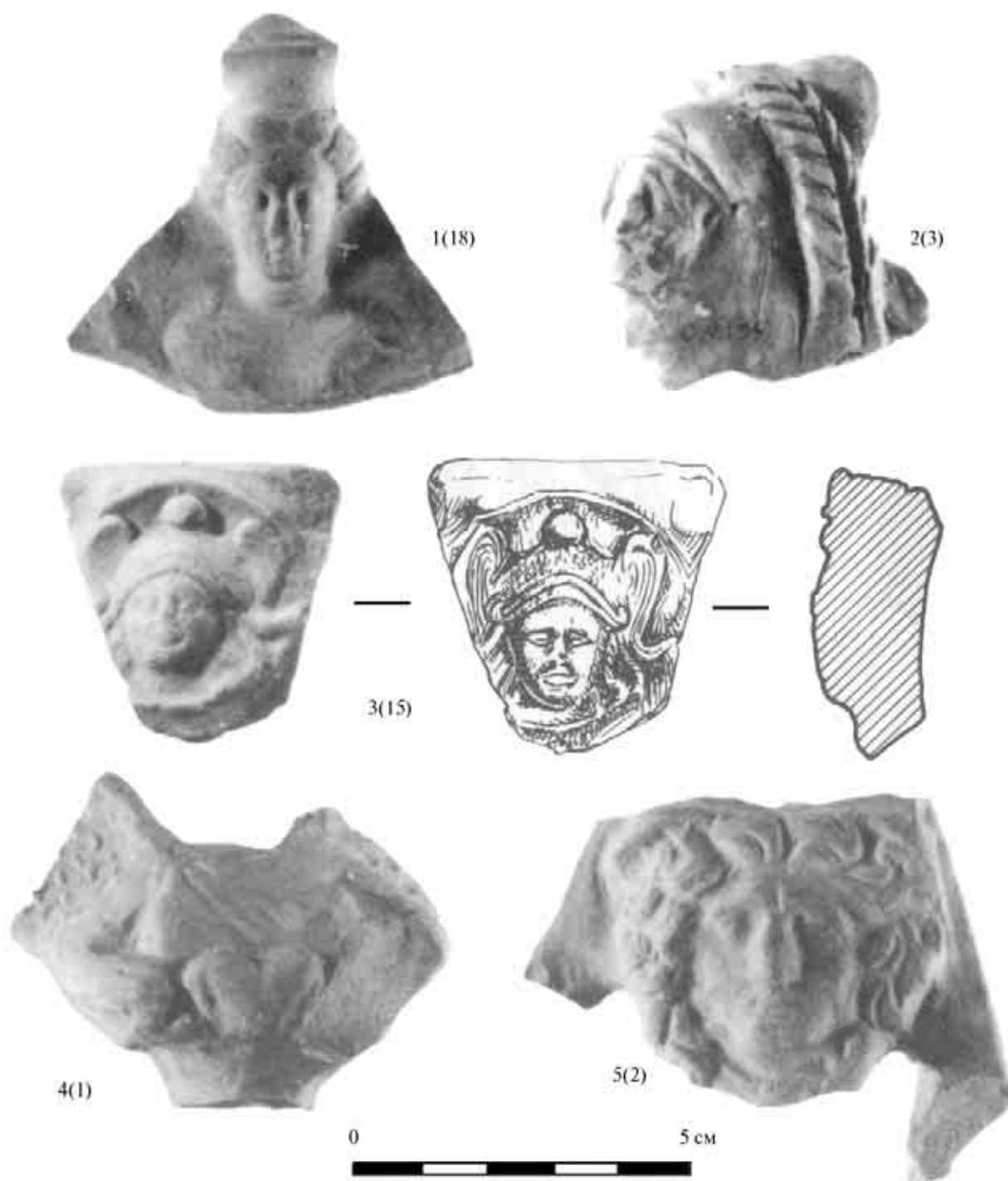

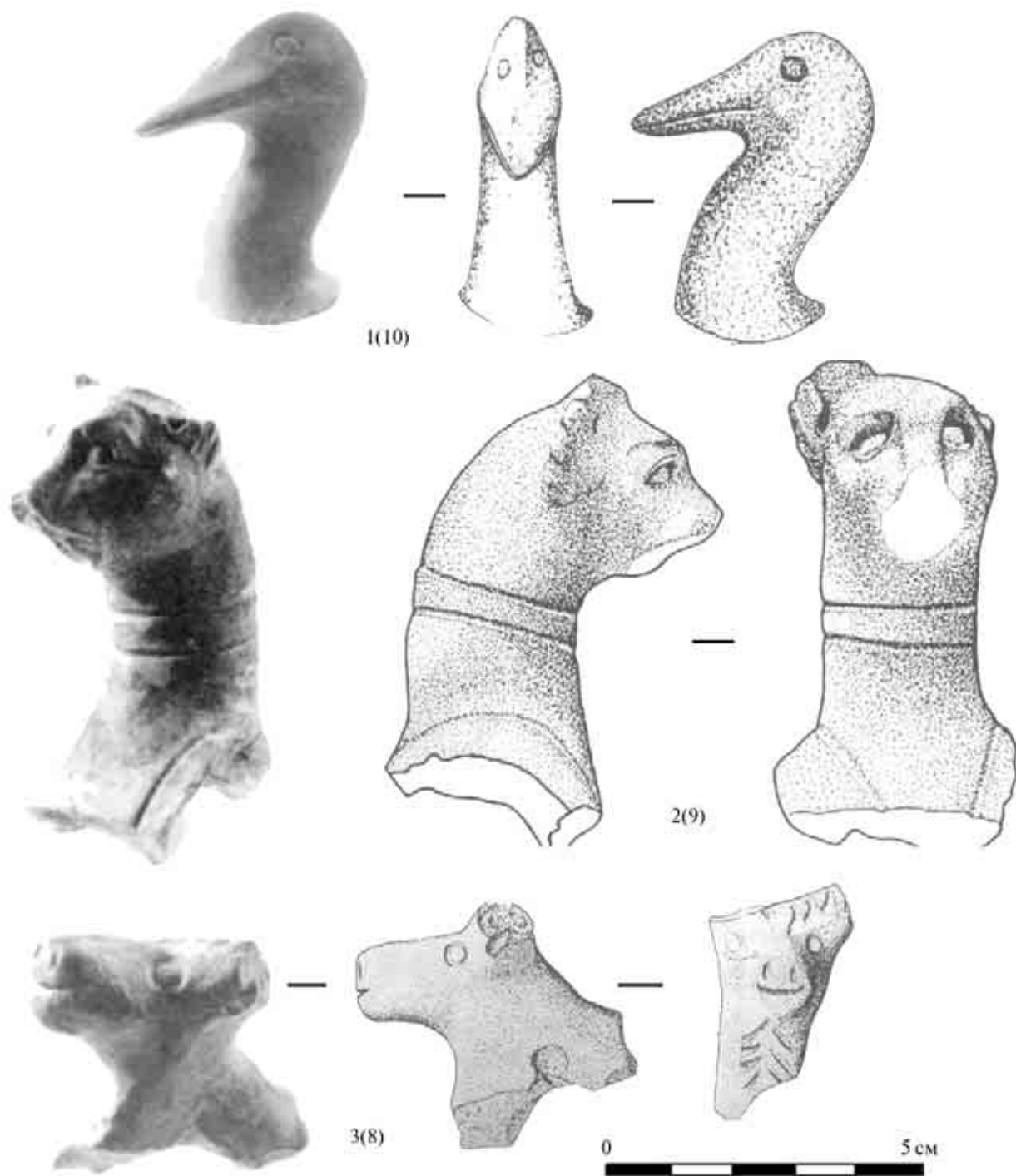
145. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э.
Налепы на сосудах. 1 — Ай-Ханум. Табл. 15/6

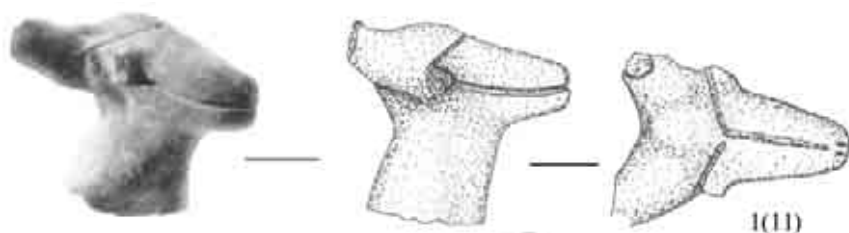
146. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э.
Налепы на сосудах. 1–4 — Ай-Ханум. Табл. 15/14, 16, 17, 19

147. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э.
Налепы на сосудах. 1–5 — Ай-Ханум. Табл. 15/1–3, 15, 18

148. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э.
Налепы на сосудах. 1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/8–10

1(11)

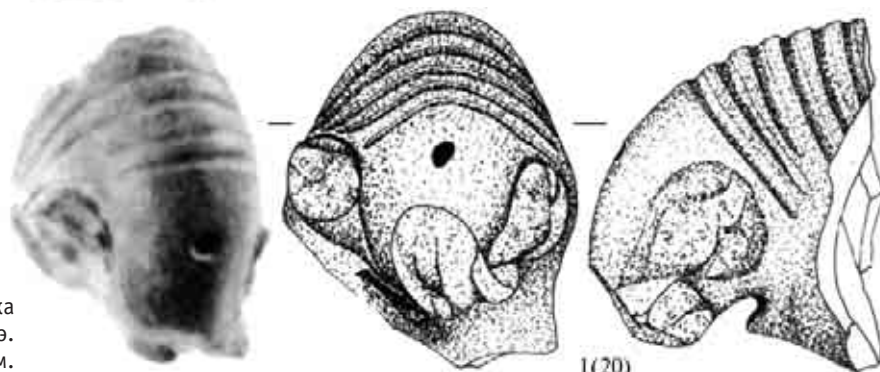
2(12)

3(7)

149. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Налепы на сосудах.
1–3 — Ай-Ханум. Табл. 15/7, 11, 12

0 5 см

1(20)

150. Терракотовая пластика на керамике Бактрии III–I вв. до н. э. Ритоны роговидные. 1–2 — Ай-Ханум.
Табл. 15/20, 21

2(21)

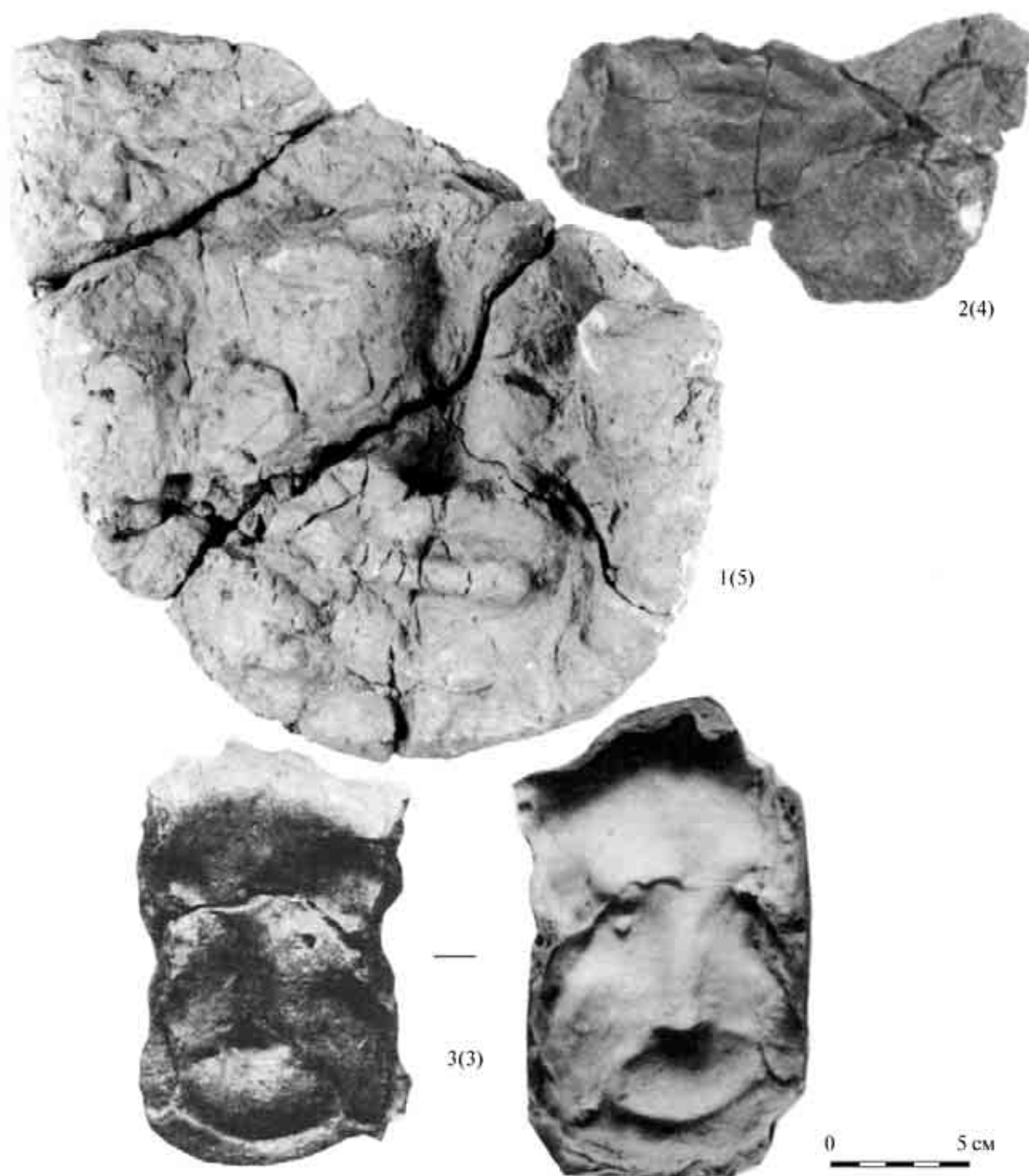
0 5 см

151. Терракотовые маски Бактрии III–I вв. до н. э.
1 — Ай-Ханум. Табл. 16/1

152. Терракотовые маски
Бактрии III–I вв. до н. э.
1 — Ай-Ханум. Табл. 16/2

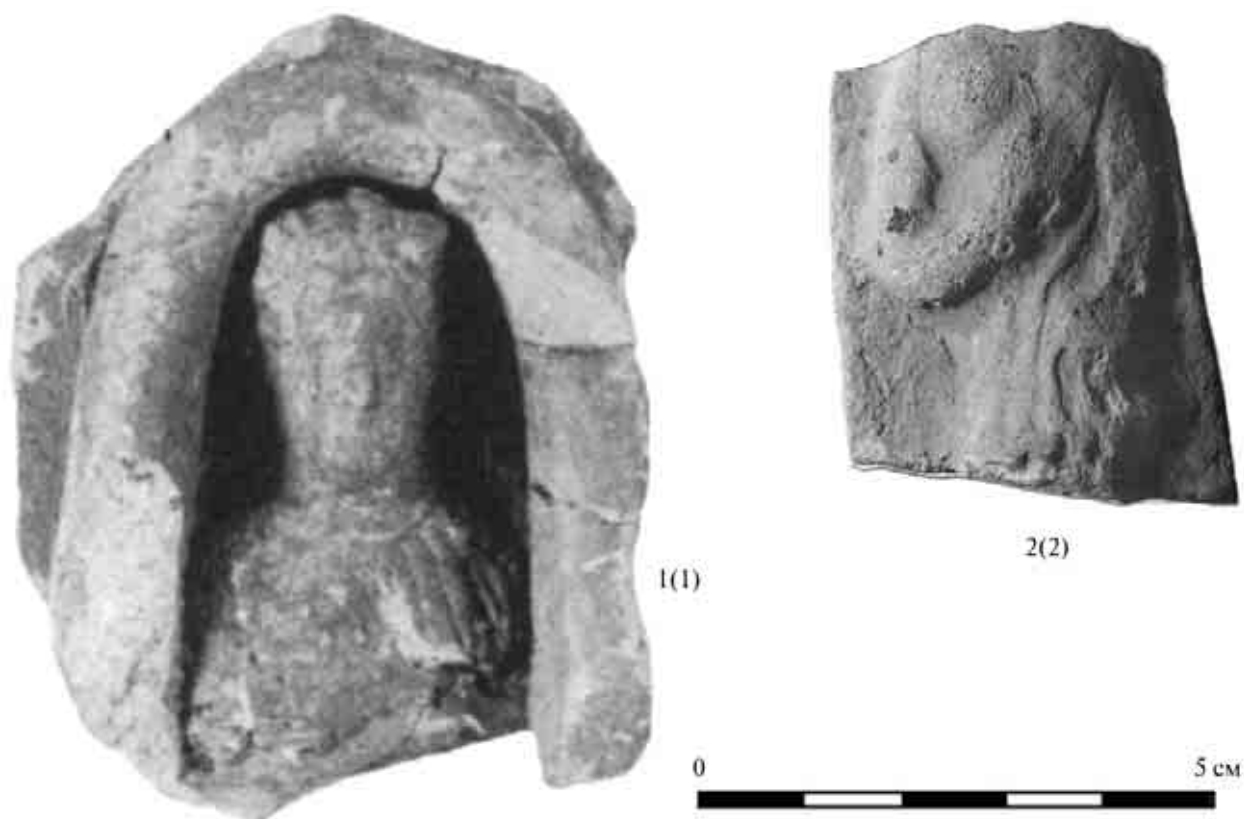
0 5 см

153. Терракотовые маски Бактрии III–I вв. до н. э.
1–3 — Ай-Ханум. Табл. 16/3–5

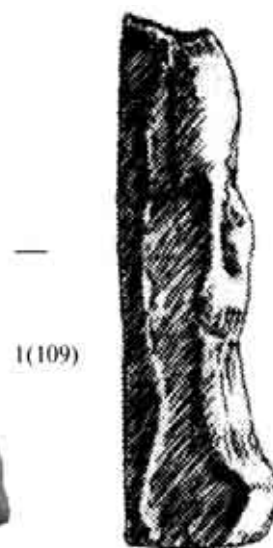
154. Терракотовые протомы Бактрии III–I вв. до н. э. 1 — Ай-Ханум. Табл. 17/1

155. Плитки с рельефом Бактрии III–I вв. до н. э. 1–2 — Ай-Ханум. Табл. 18/1, 2

157. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/97

158. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2.
1– Айртам; 2, 3 — Дильберджин.
Табл. 19/109, 220, 226

4(327)

1(328)

3(326)

2(329)

159. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1–4 — Кей-Кобад-Шах. Табл. 19/326–329

1(161)

2(169)

1(88)

2(50)

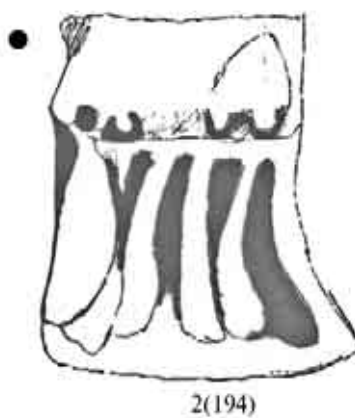
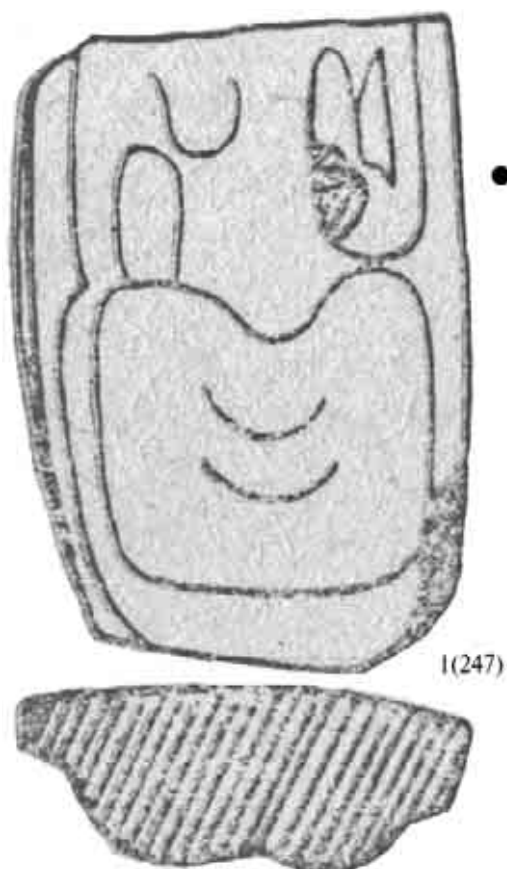
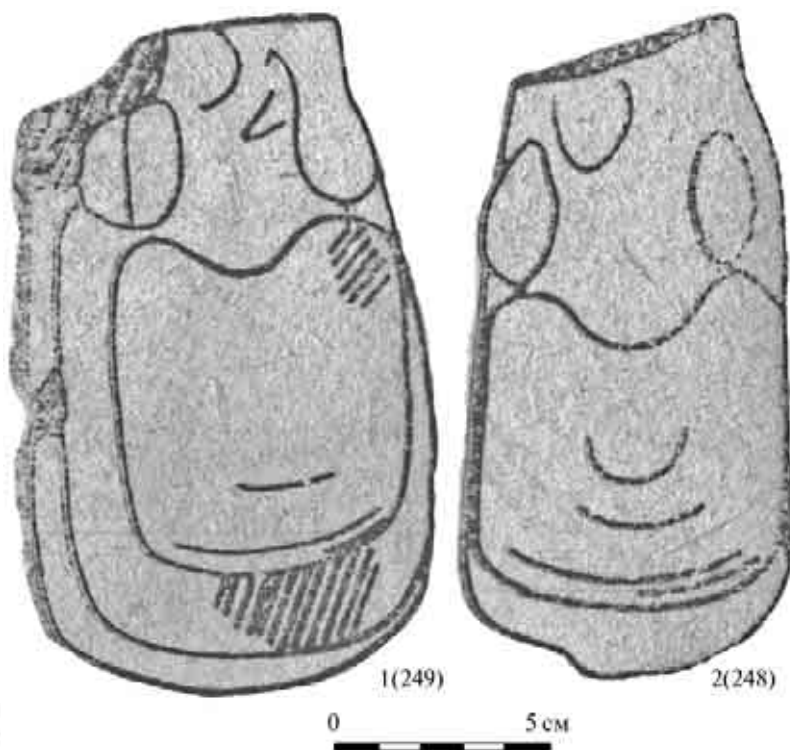

2(подъем)

161. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1–3 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/50, 88

162. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2.
1, 2 — Чопли-депе. Табл. 19/248, 249

163. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1 — Чопли-депе; 2 — Дильберджин.
Табл. 19/194, 247

164. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1, 2 — Дальверзин-тепе.
Табл. 19/85, 106

165. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 2. Вариант 2.
1, 2 — Дальверзин-тепе. Табл. 19/89, 90

166. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/62

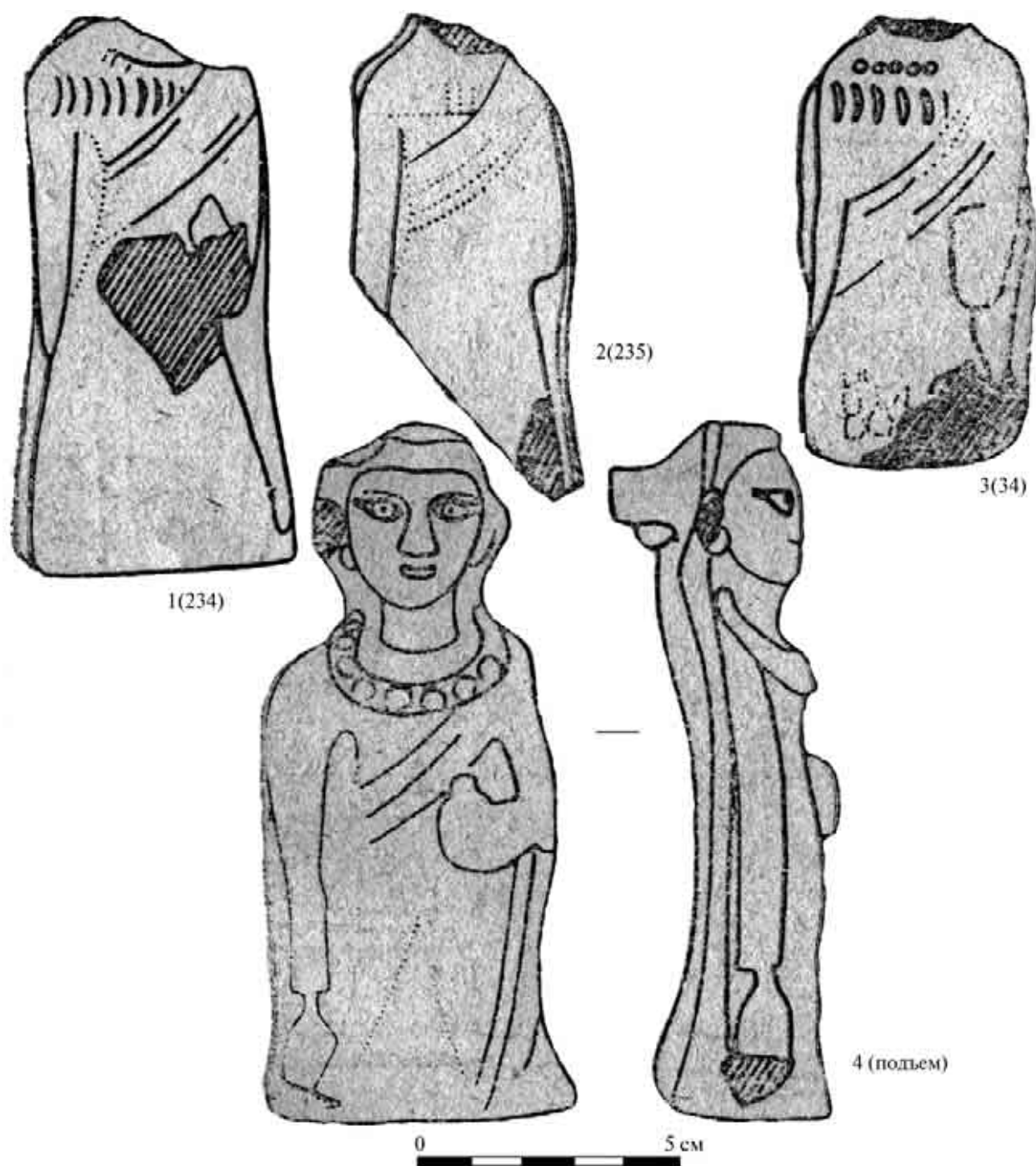

167. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 4. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/51

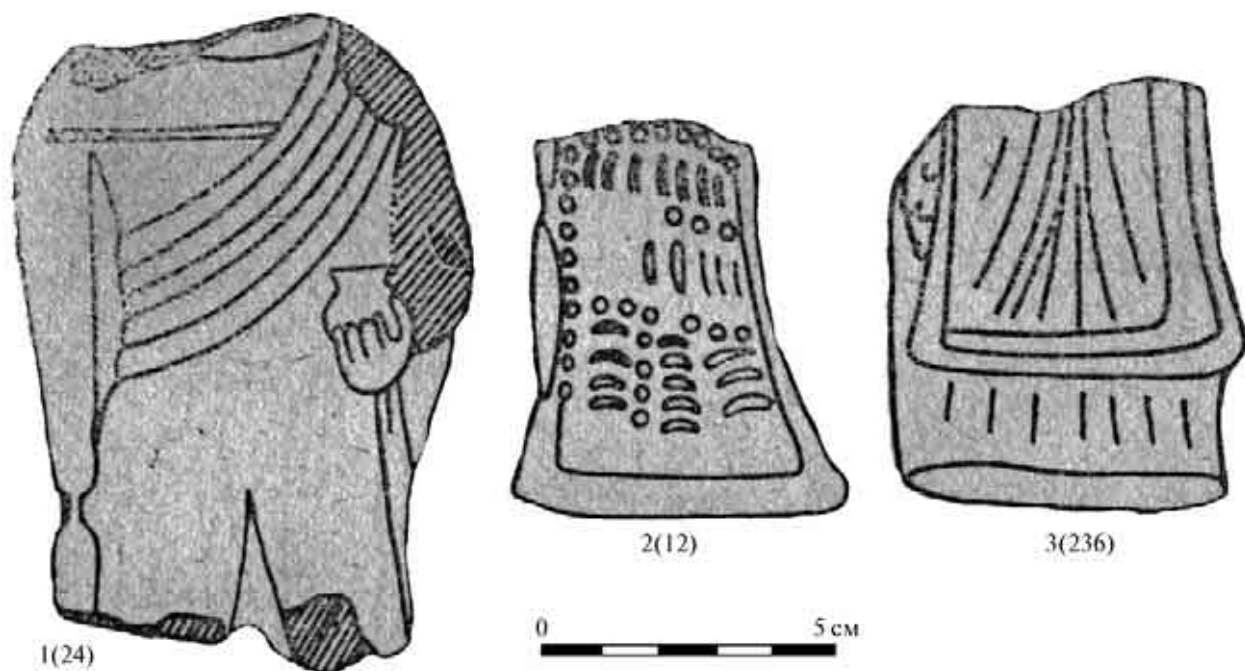

168. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 6. 1 — Чопли-депе; 2 — Мирзабек-кала.
Табл. 19/255

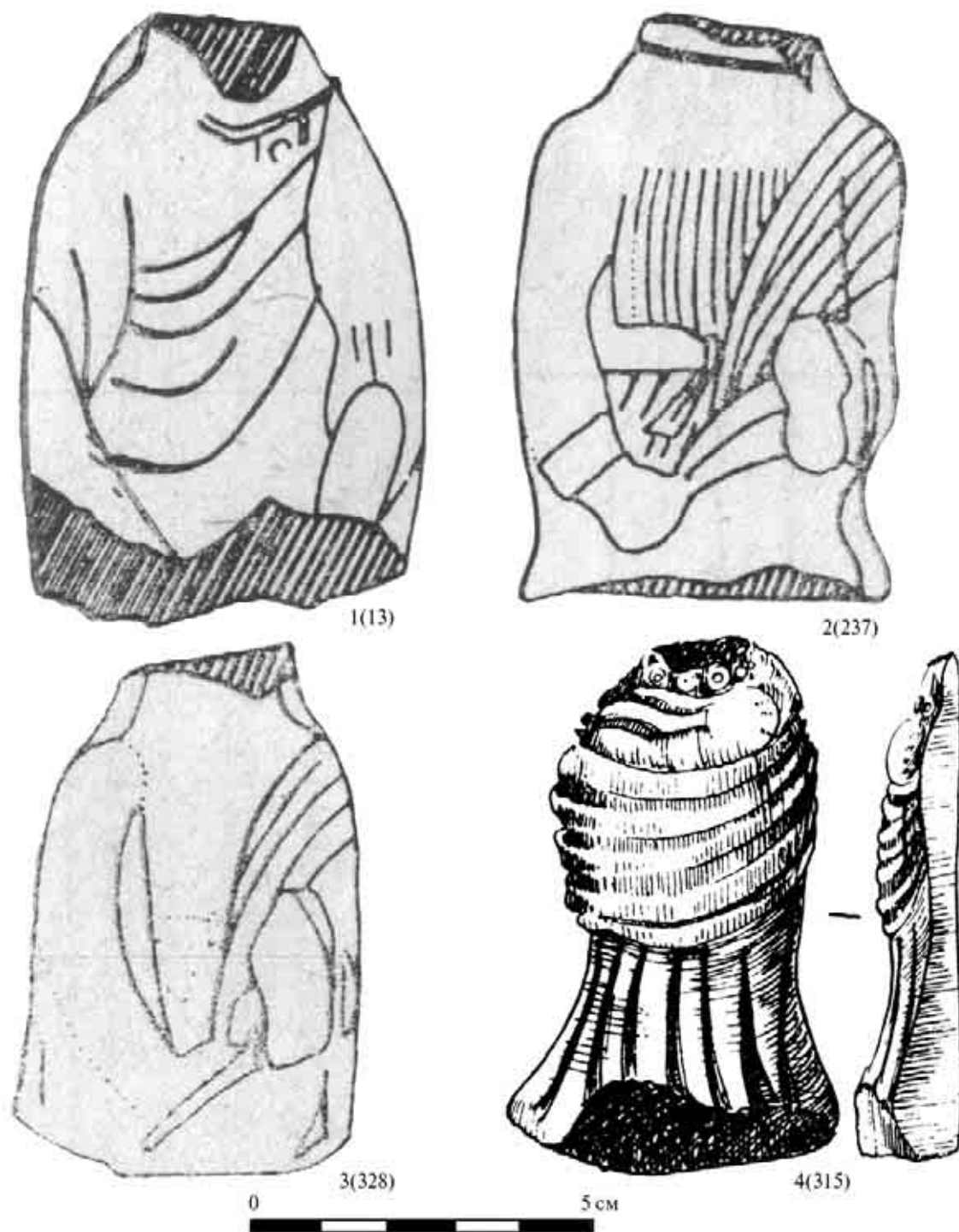
169. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 6. 1, 2 — Чопли-депе; 3, 4 — Мирзабек-кала. Табл. 19/34, 234, 235

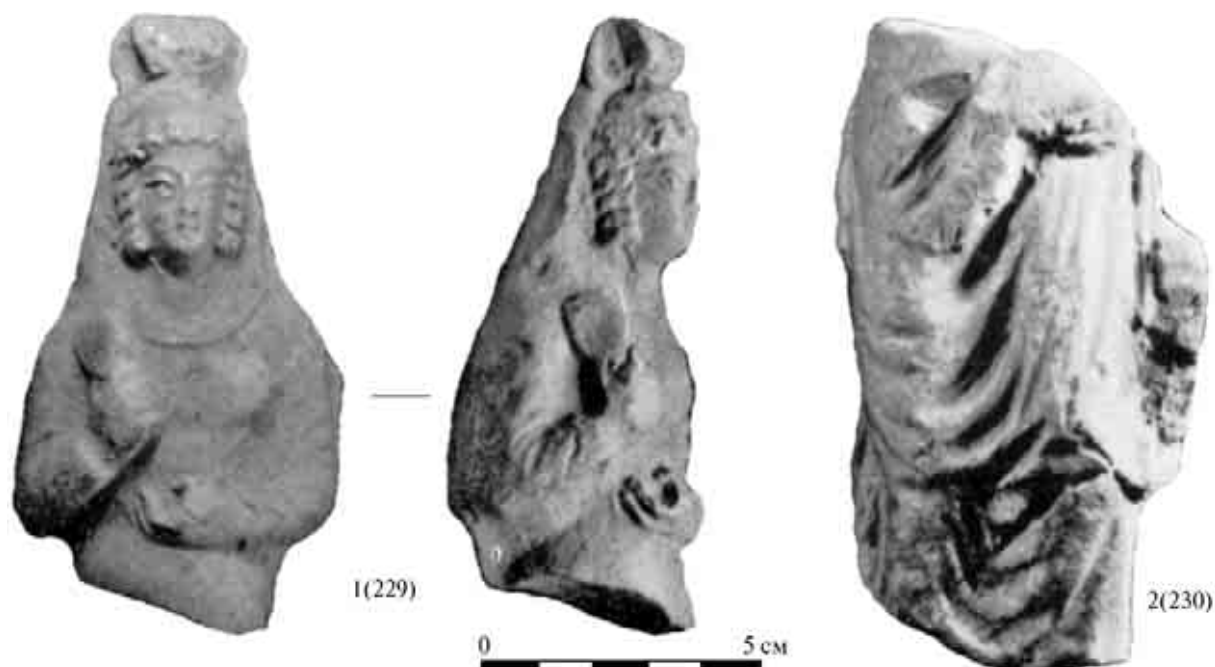
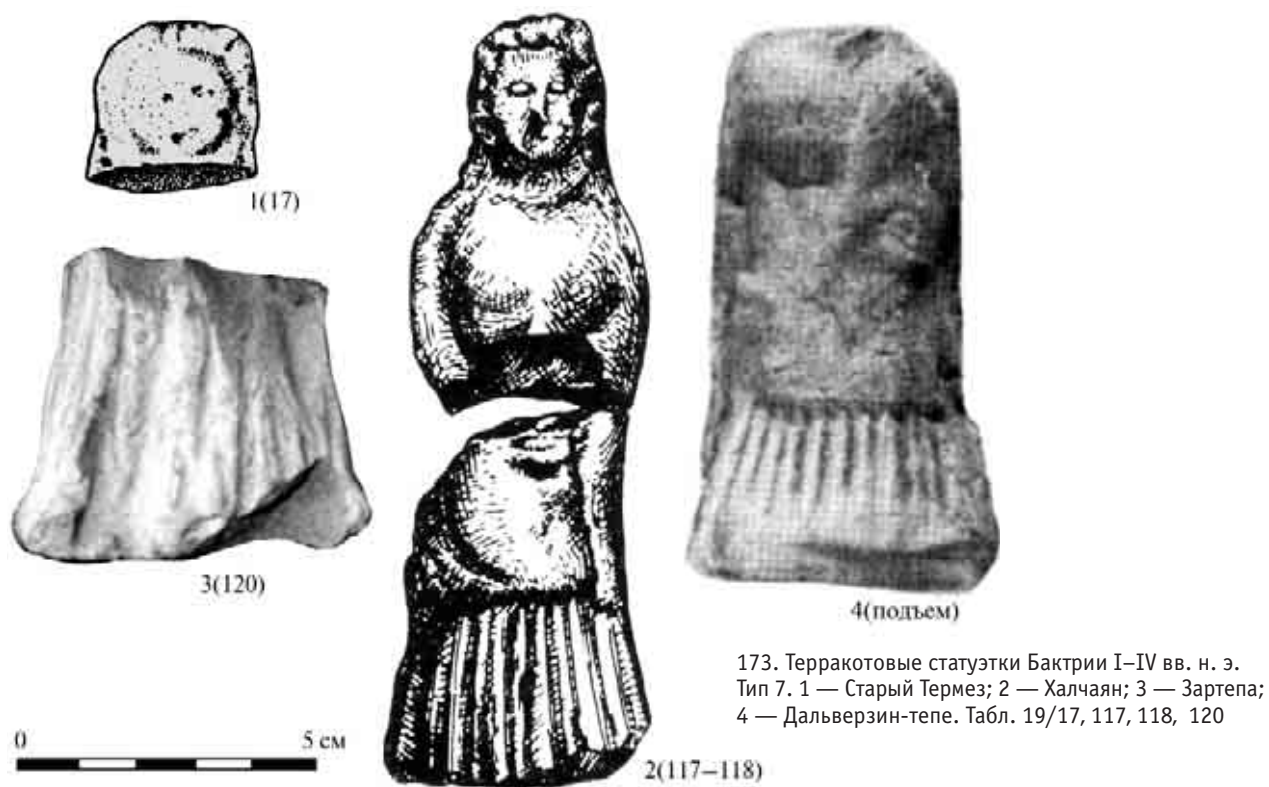
170. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1 — Мирзабек-кала; 2, 3 — Чопли-депе. Табл. 19/12, 24, 236

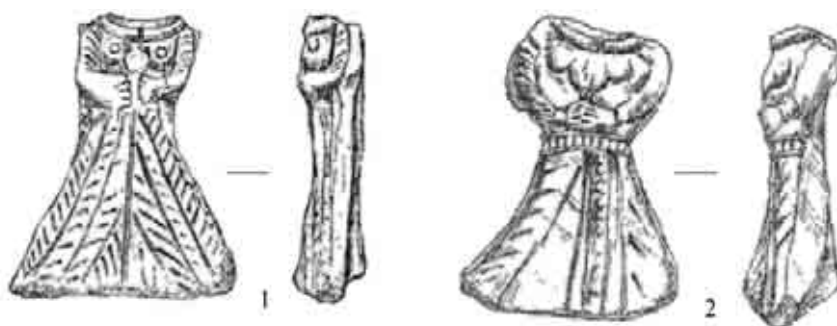
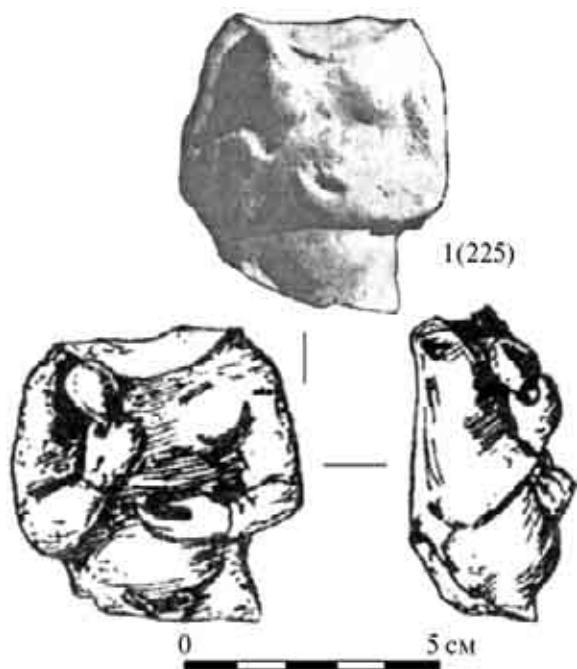
171. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 6. 1–3 — Дильберджин. Табл. 19/219, 314, 325

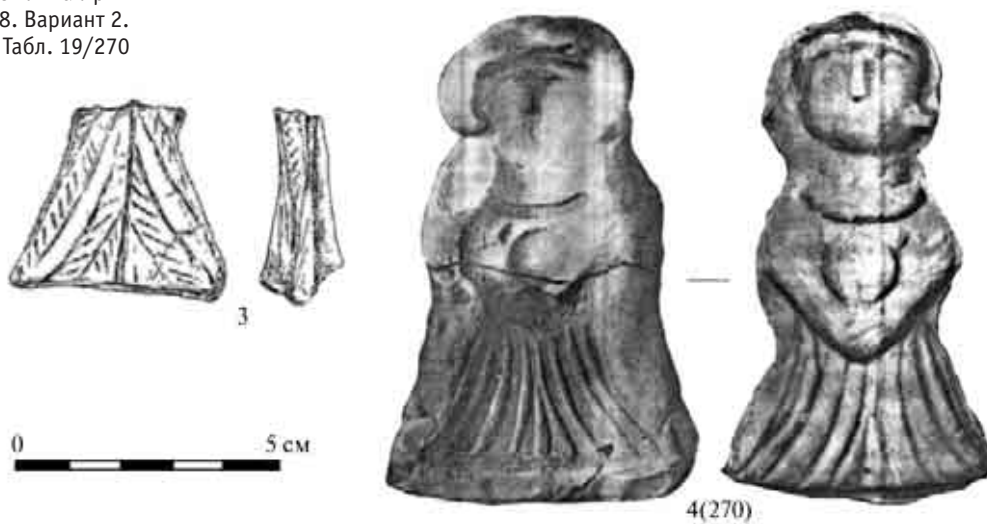
172. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 6. 1–3 — Чопли-депе; 4 — Дильберджин. Табл. 19/13, 237, 315, 328

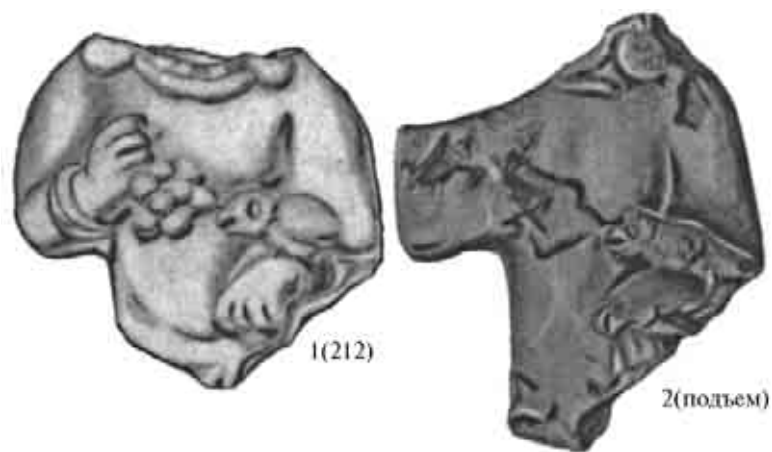
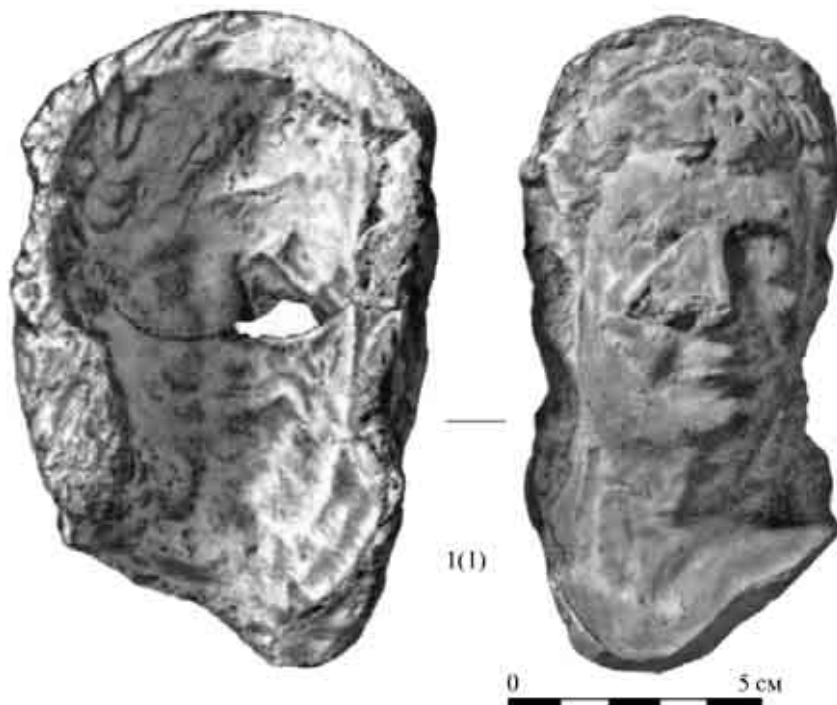
175. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 8. Вариант 1. 1 — Дильберджин. Табл. 19/225

176. Терракотовые статуэтки Бактрии
I–IV вв. н. э. Тип 8. Вариант 2.
1–4 — Саксонохур. Табл. 19/270

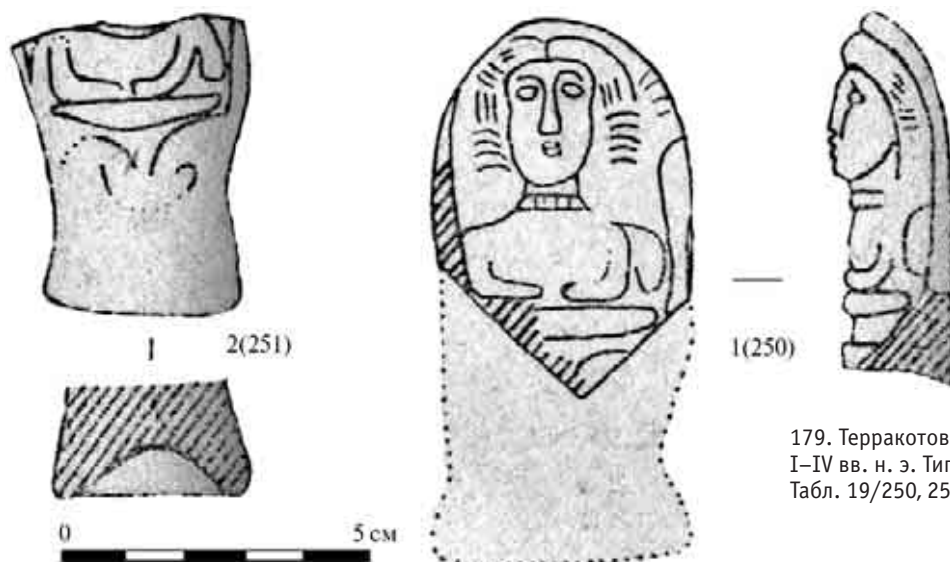

177. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 9.
1 — Кампыртепа. Табл. 19/1

178. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 10.
1–4 — Дильберджин. Табл. 19/212, 214

179. Терракотовые статуэтки Бактрии
I–IV вв. н. э. Тип 13. 1, 2 — Чопли-депе.
Табл. 19/250, 251

180. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 14. Вариант 2. 1 — Кампыртепа; 2 — Зартепа;
3 — Кара-тепе. Табл. 19/61, 337

181. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 15. 1, 2 — Дальверзин-тепе; 3 — Старый Термез; 4 — Аккурган. Табл. 19/74, 87, 170

2(338)

182. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 16. 1, 2 — Кампыртепа. Табл. 19/58, 338

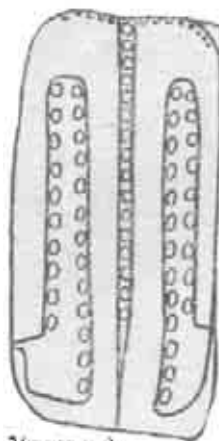
0 5 см

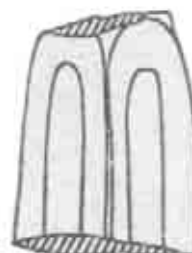
1(240)

2(подъем)

4(63)

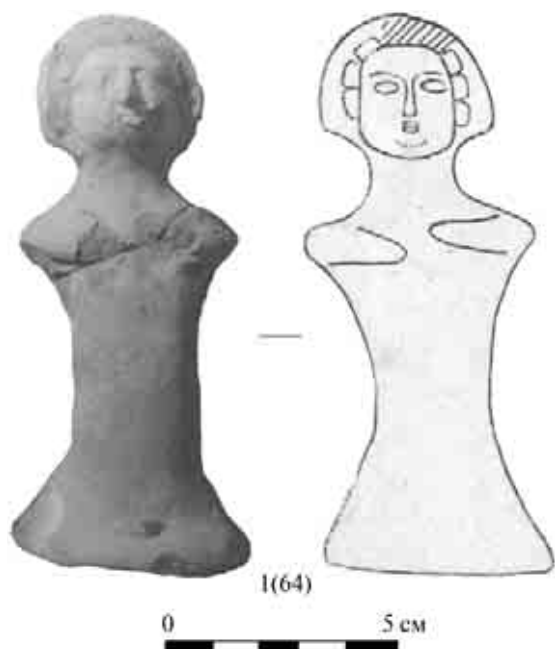

5(241)

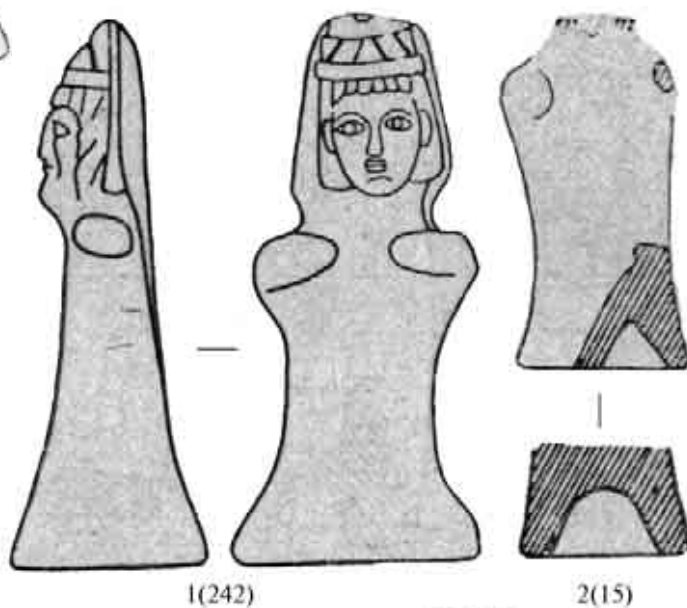
183. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 17.
1, 5 — Чопли-депе; 4 — Кампыртепа;
2, 3 — Мирзабек-кала.
Табл. 19/63, 240, 241

0 5 см

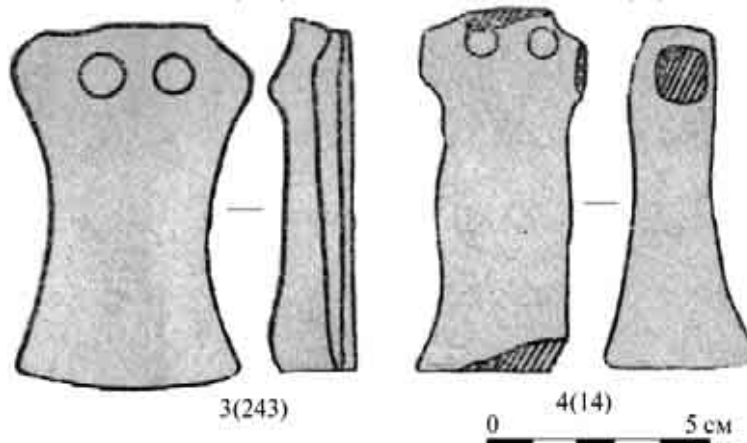
3(подъем)

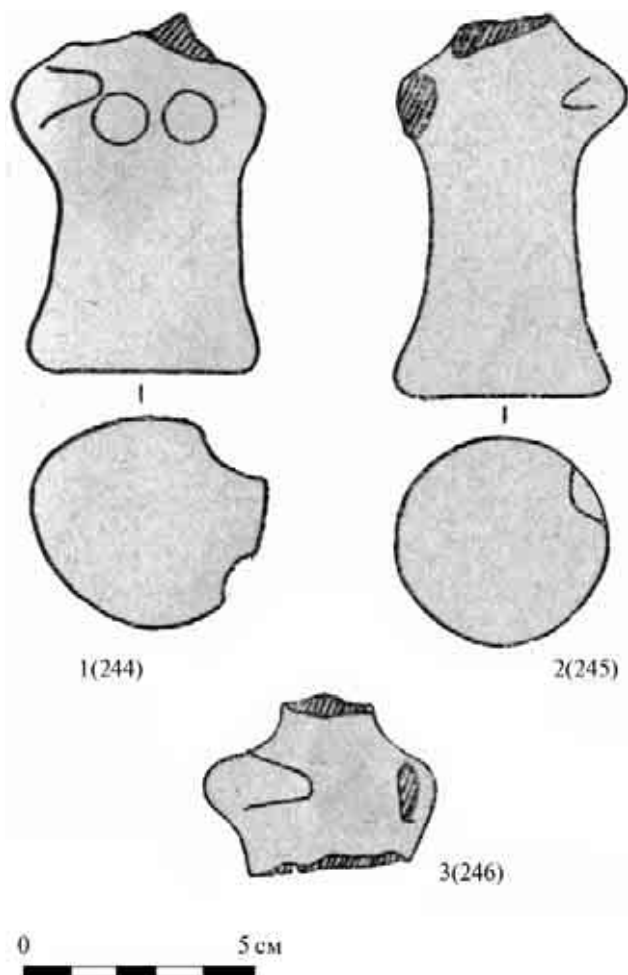

184. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 18. 1 — Мирзабек-кала. Табл. 19/64

185. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 18. 1–4 — Чопли-депе.
Табл. 19/14, 15, 242, 243

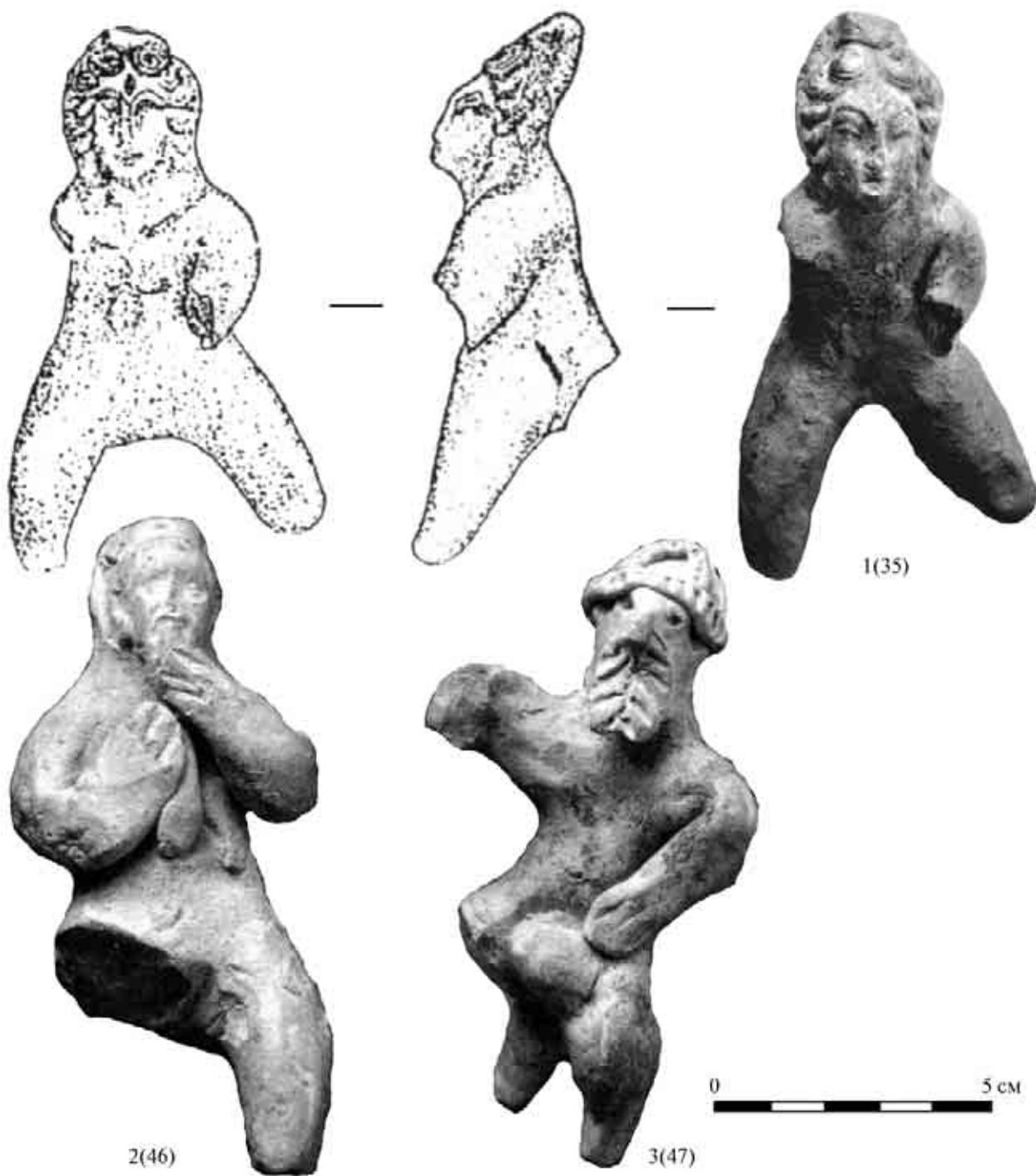

186. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 18. 1–3 — Чопли-депе. Табл. 19/244–246

187. Терракотовые статуэтки Бактрии
I–IV вв. н. э. Тип 18. 1, 2 —
Дальверзин-тепе. Табл. 19/103, 104

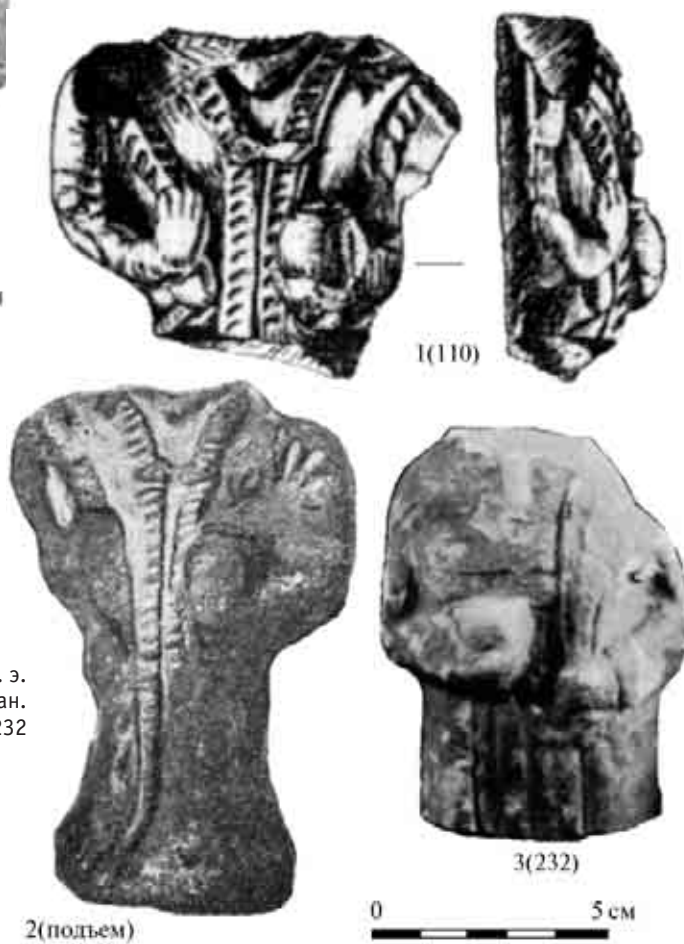

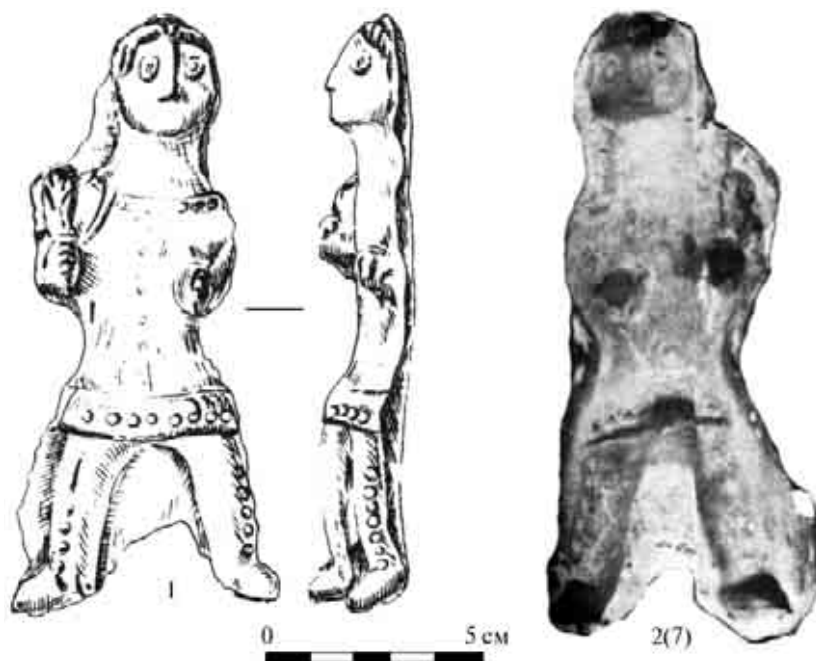
188. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 19. 1–3 — Кампыртепа. Табл. 19/35, 46, 47

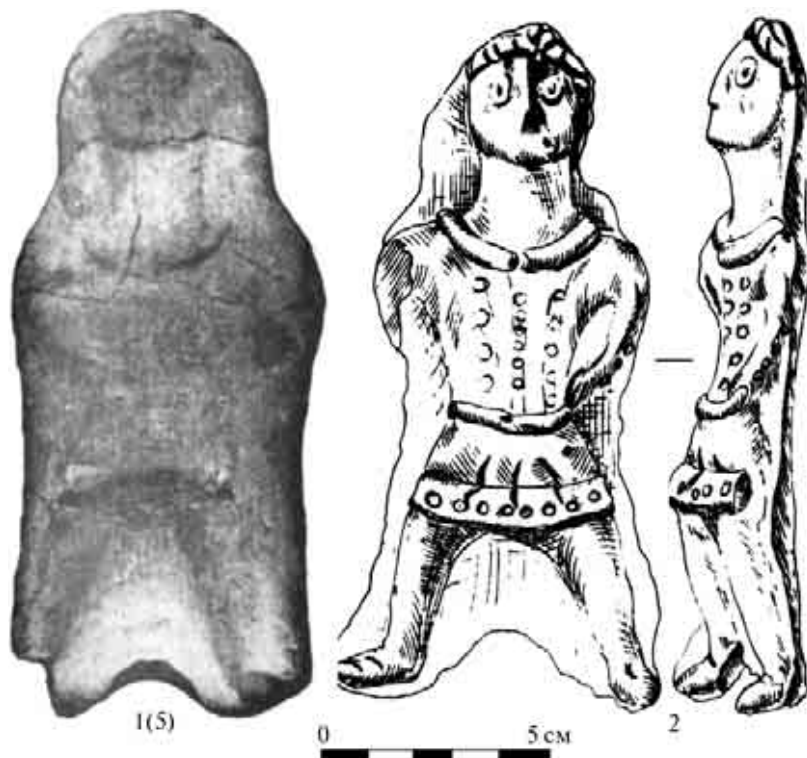
189. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 1. 1, 4 — Кампыртепа; 2 — Халчаян; 3 — Старый Термез. Табл. 19/43, 119, 178

190. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 2. 1, 2 — Айртам; 3 — Тепе Заргаран. Табл. 19/110, 232

191. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1, 2 — Саксонохур. Табл. 19/7

192. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1 — Саксонохур. Табл. 19/5

193. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 20. Вариант 3. 1–4 — Саксонохур. Табл. 19/6, 8, 9

194. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 22. 1, 2 — Дильберджин. Табл. 19/203, 213

195. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 23. 1 — Кара-тепе; 2 — Дильберджин. Табл. 19/180, 310

196. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Тип 24. 1 — Зартепа. Табл. 19/305

1(122)

2(121)

3(80)

197. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Тип 25. 1, 2 — Зартепа; 3 — Аккурган. Табл. 19/80, 121, 122

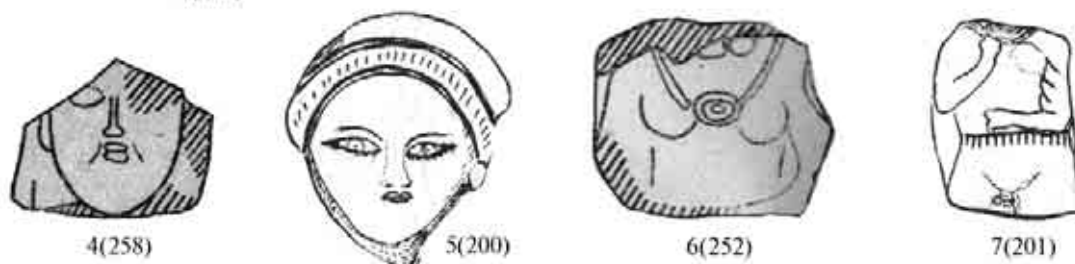
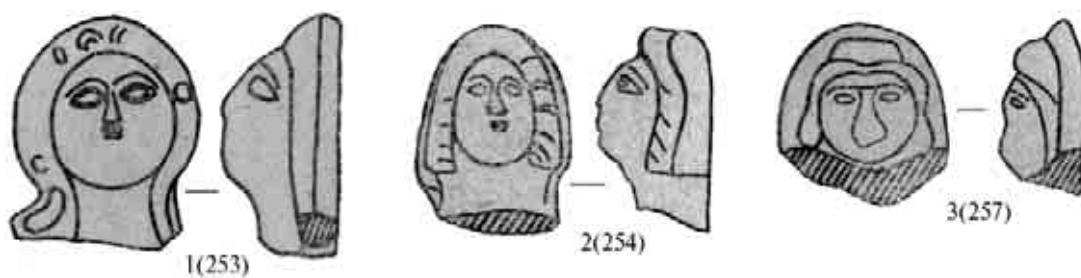

198. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.

1, 4 — Дильберджин; 2, 3 — Дальверзинтепа; 5, 6 — Кампыртепа; 7, 8 — Мирзакул-тепе. Табл. 19/52, 54, 69, 80, 91, 92, 218, 316

199. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.
1, 2 — Кампыртепа; 3, 4 — Дильберджин. Табл. 19/36, 48, 188, 331

200. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы.
1–4, 6 — Чопли-депе;
5, 7 — Дильберджин;
8 — Тепе Заргаран.
Табл. 19/200, 201, 231,
252–254, 257, 258

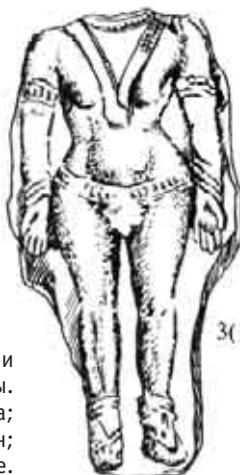
1(128)

5(205)

6(309)

3(158)

4(подъем)

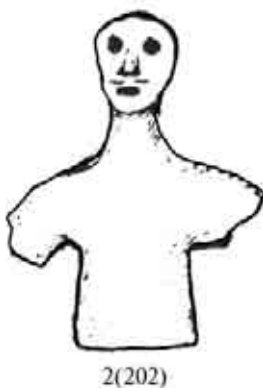
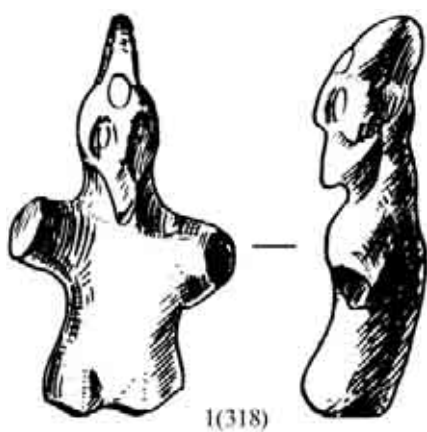

2(55)

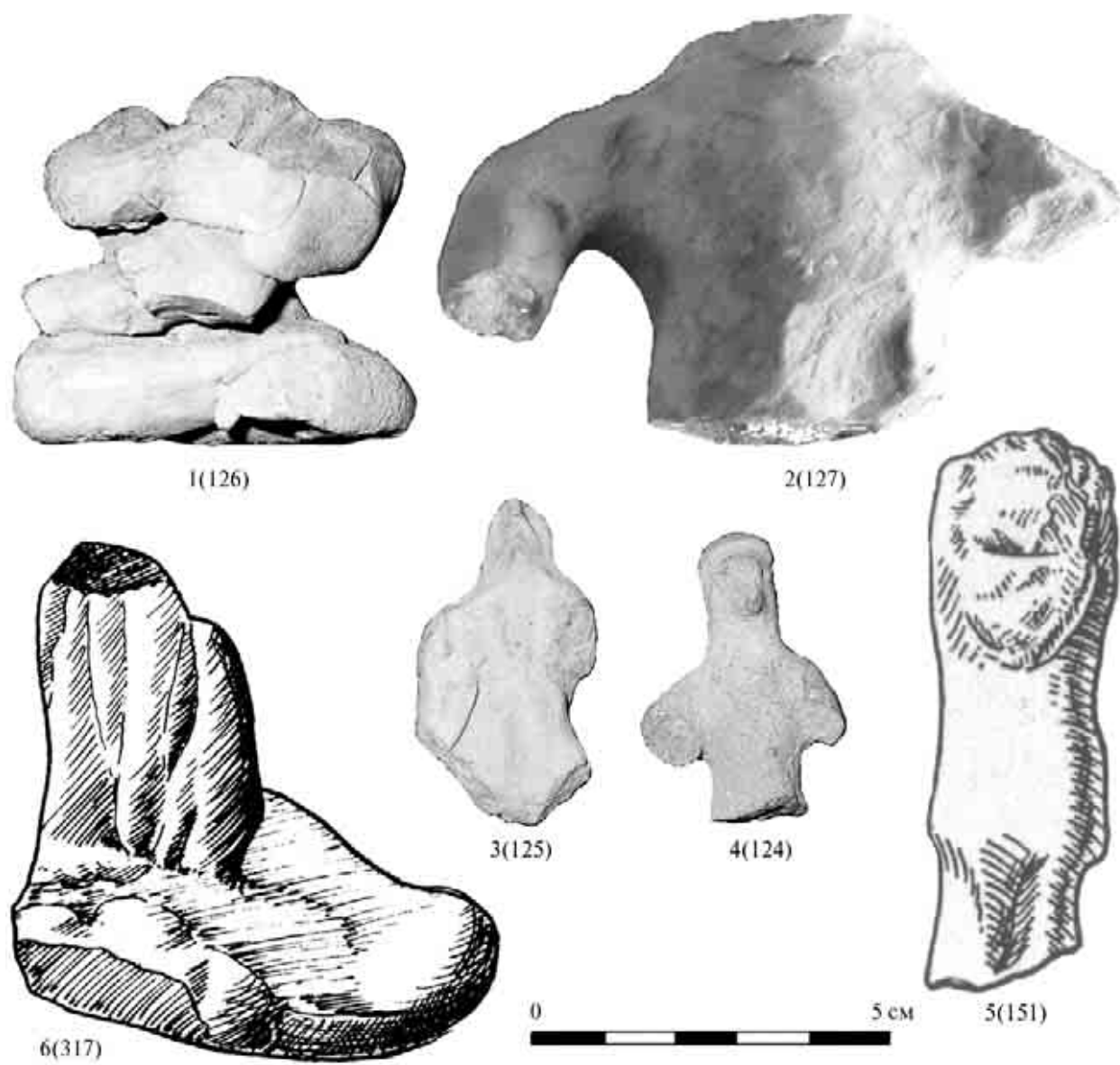

201. Терракотовые статуэтки Бактрии
I–IV вв. н. э. Индивидуальные типы.
1 — Зартепа; 2 — Кампыртепа;
3 — Тепаи-Шах; 4–6 — Дильберджин;
7 — Дальверзин-тепе.
Табл. 19/3, 55, 128, 158, 205, 309

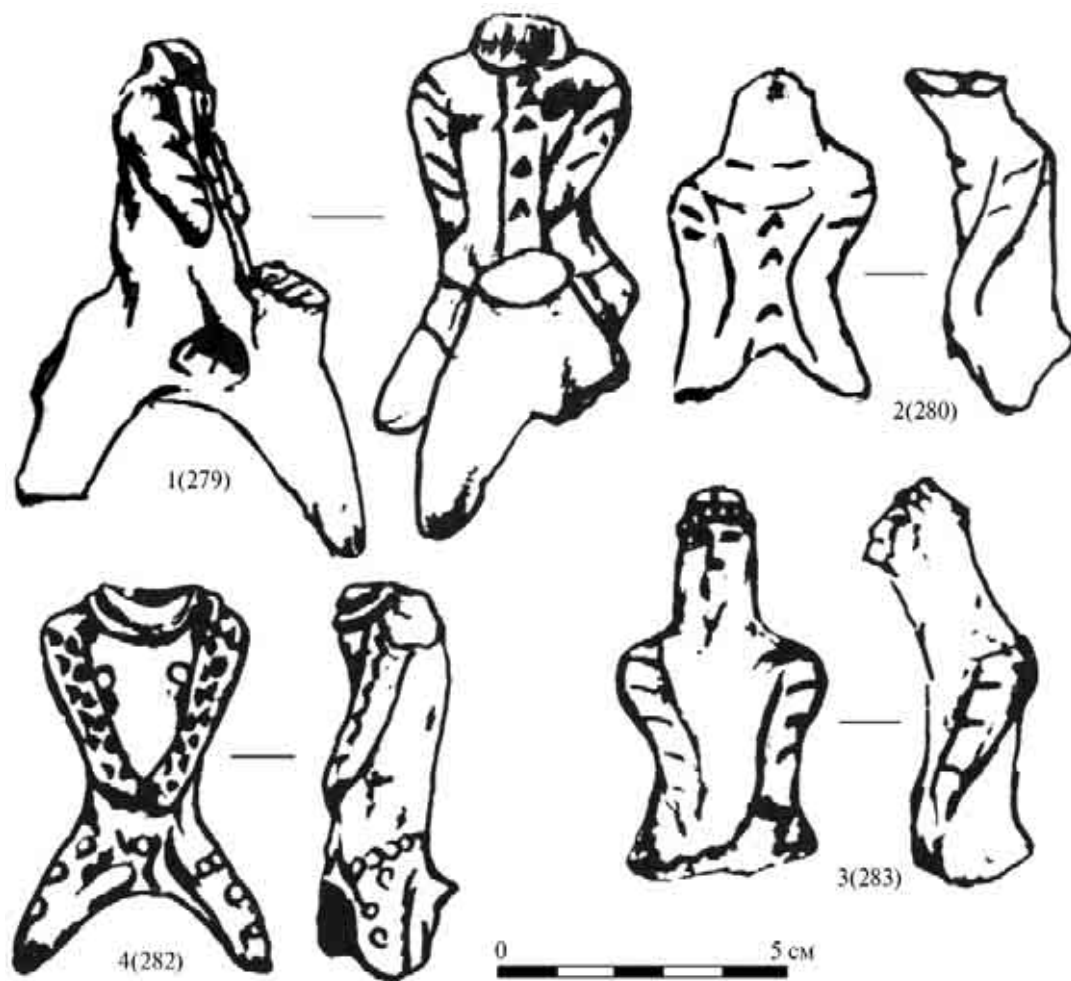
202. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы. 1 — Кампыртепа. Табл. 19/38

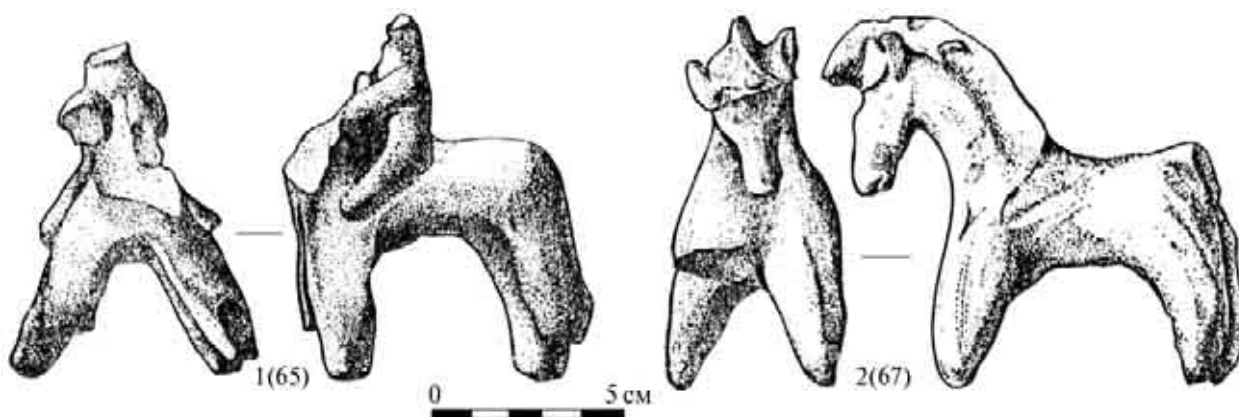
203. Терракотовые статуэтки
Бактрии I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы.
1, 2 — Дильберджин;
3 — Балх;
4 — Дальверзин-тепе;
5 — Аккурган;
6 — Кампыртепа.
Табл. 19/37, 77, 93, 202, 233, 318

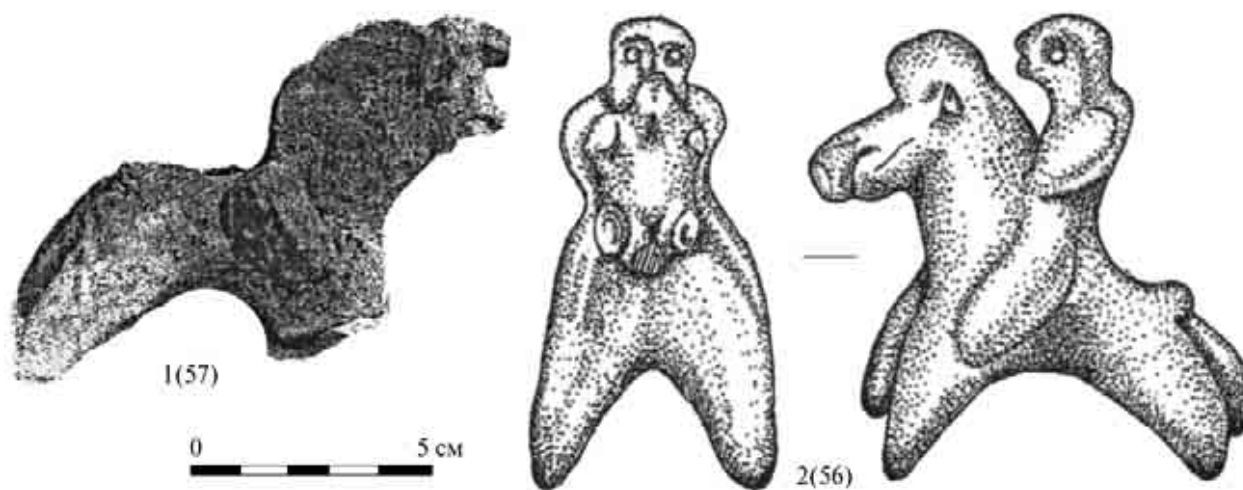
204. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы. 1–5 — Зартепа; 6 — Дильберджин. Табл. 19/124–127, 151, 317

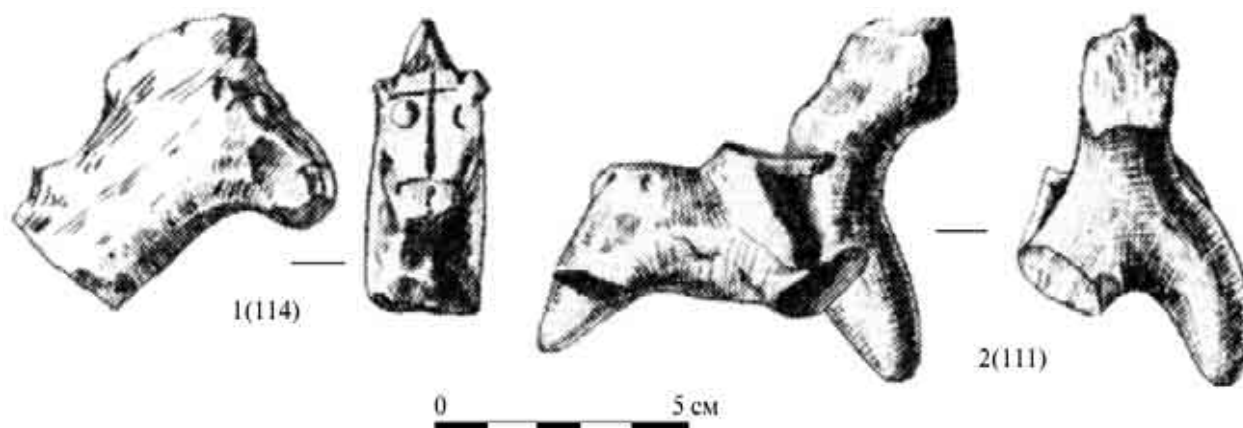
205. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники. 1–4 — Саксонохур. Табл. 19/279, 280, 282, 283

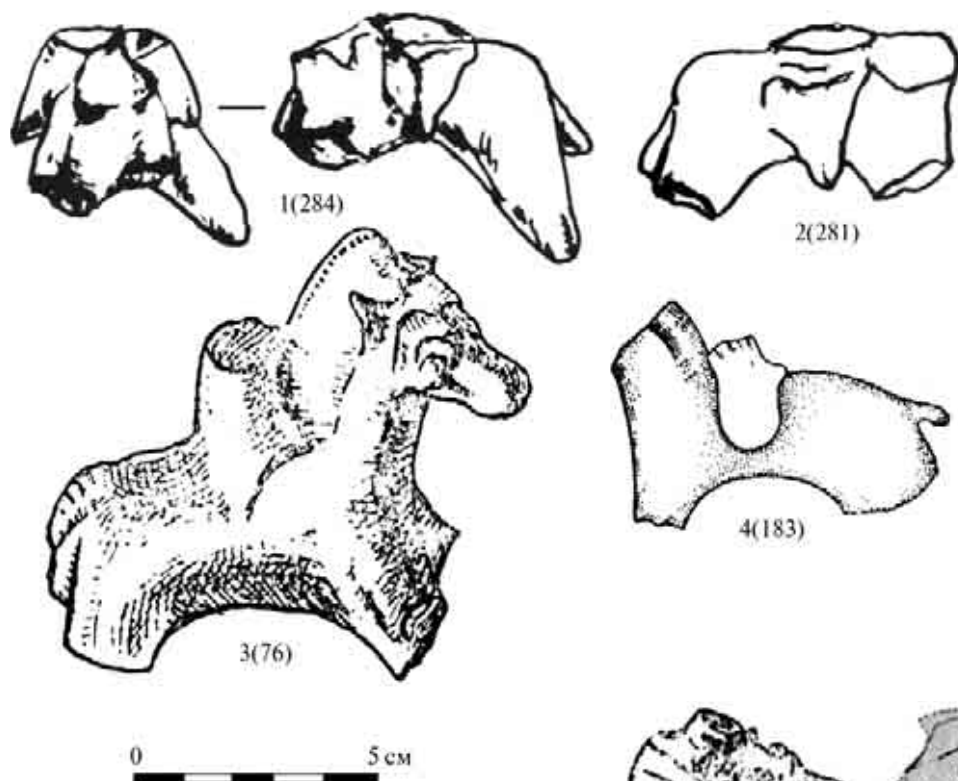
206. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. Всадники. 1, 2 — Мирзакул-тепе. Табл. 19/65, 67

207. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Всадники. 1, 2 — Кампыртепа. Табл. 19/56, 57

208. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
Всадники или оседланные животные. 1, 2 — Айртам. Табл. 19/111, 114

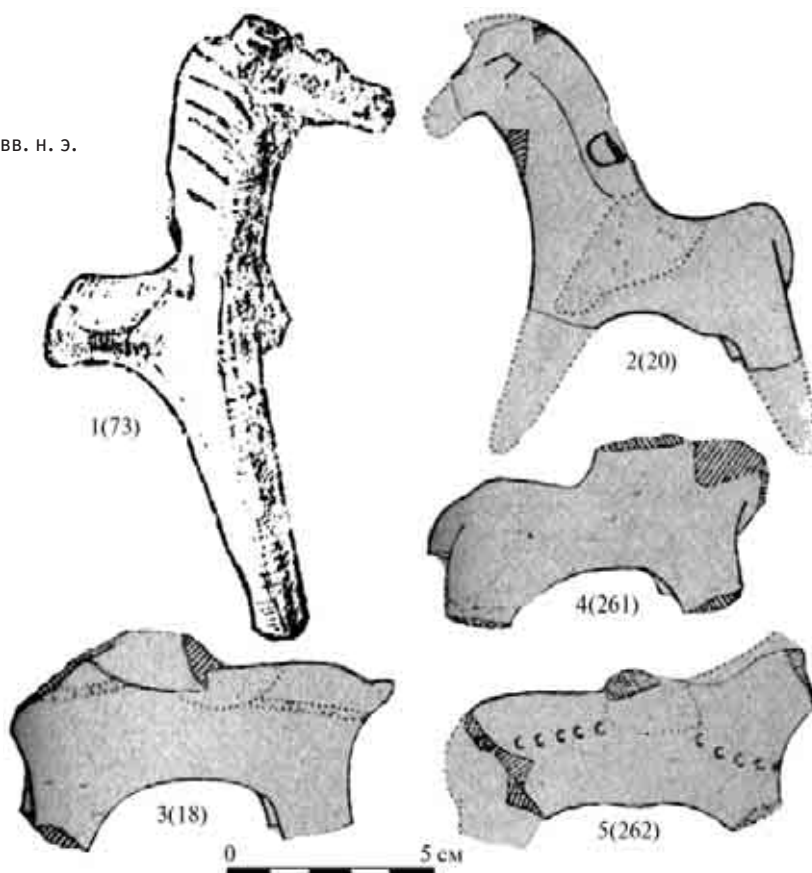
209. Терракотовые статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

Всадники или оседланные животные.

1, 2 — Саксонохур; 3 — Аккурган;

4 — Дильберджин.

Табл. 19/76, 183, 281, 284

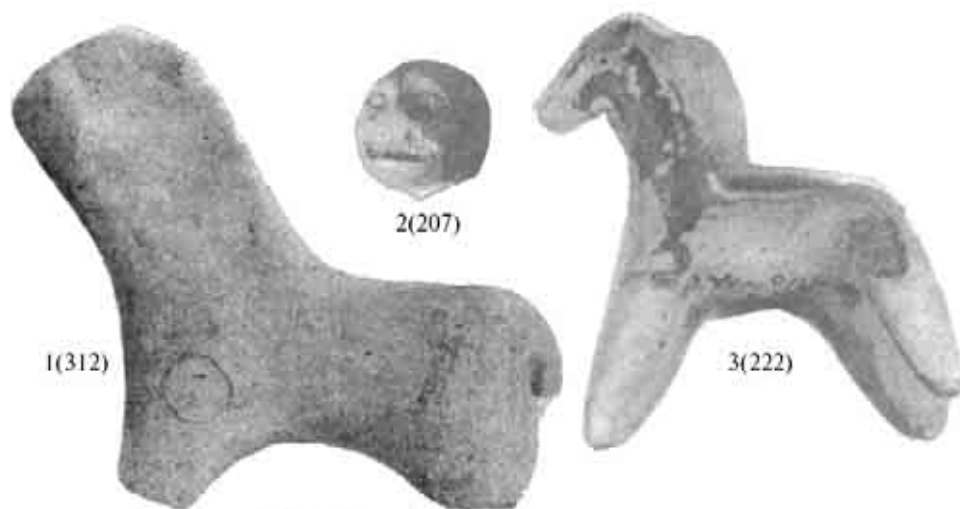
210. Терракотовые статуэтки

Бактрии I–IV вв. н. э.

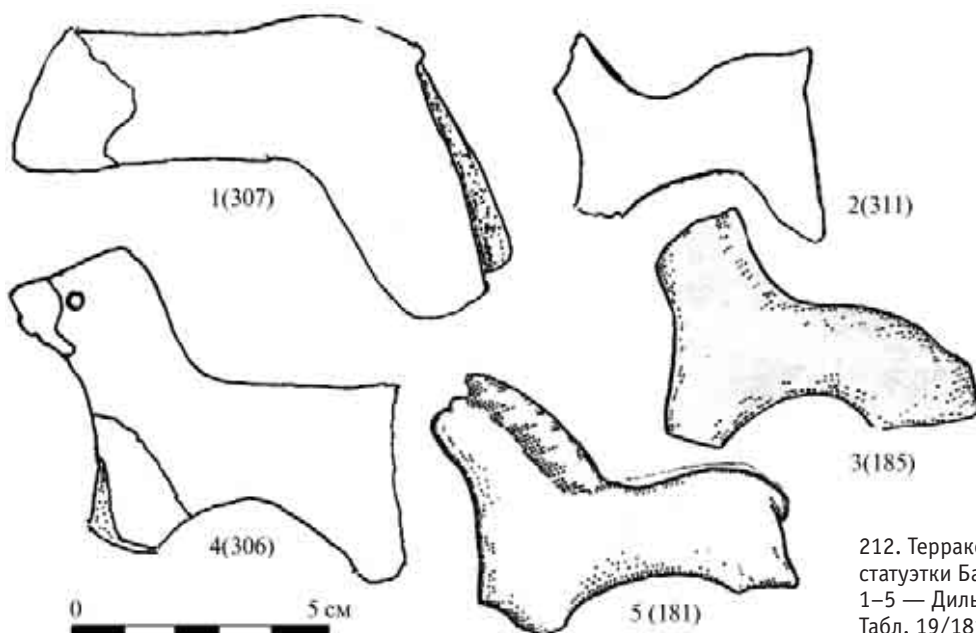
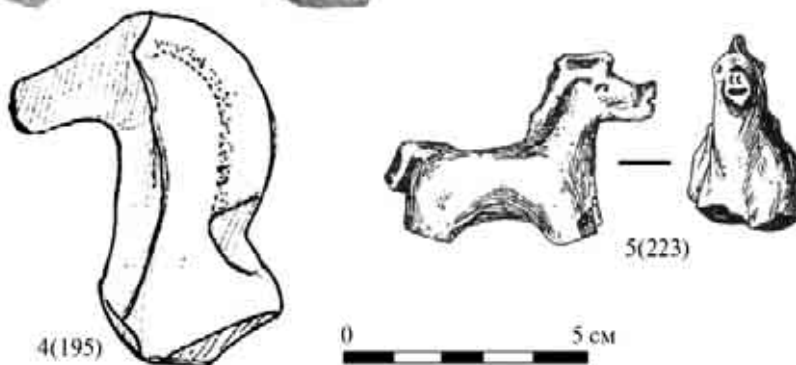
Всадники или оседланные животные.

1— Аккурган; 2–5 — Чопли-депе.

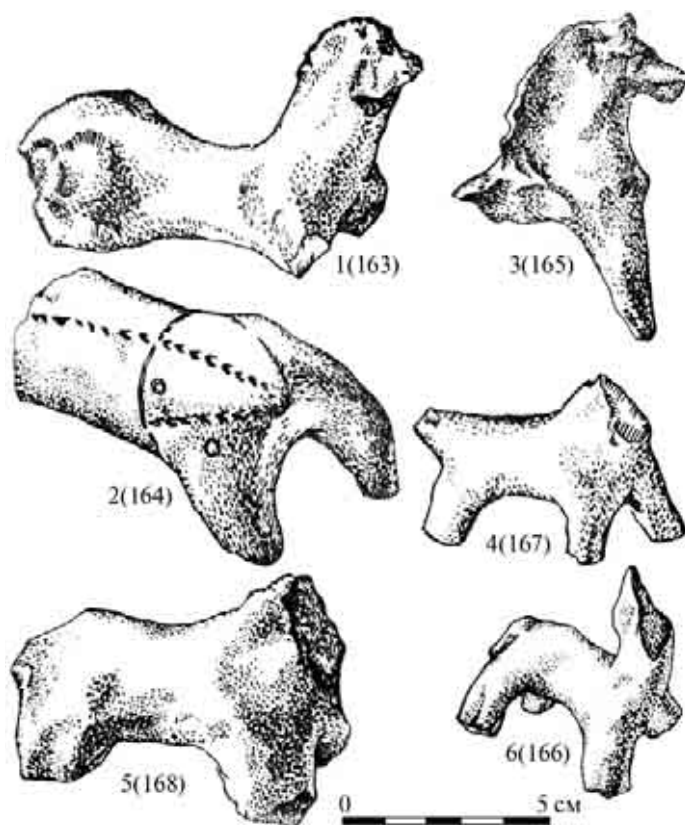
Табл. 19/18, 20, 73, 261, 262

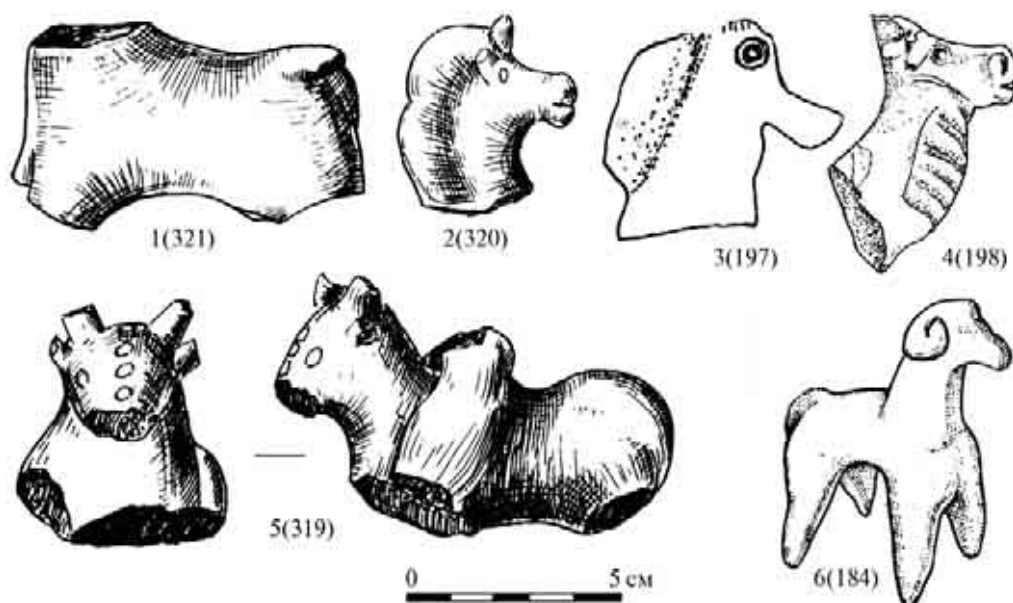
211. Терракотовые зооморфные
статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
1–5 — Дильберджин.
Табл. 19/195, 207, 222, 223, 312

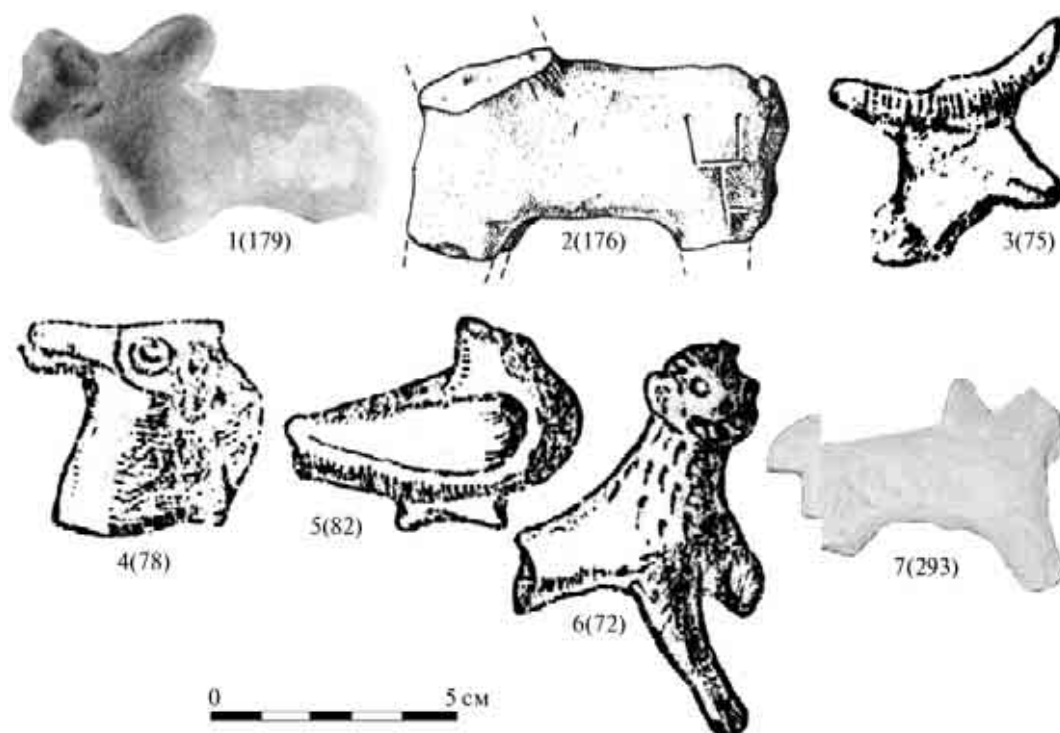
212. Терракотовые зооморфные
статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
1–5 — Дильберджин.
Табл. 19/181, 185, 306, 307, 311

213. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–6 — Тепай-Шах. Табл. 19/163–168

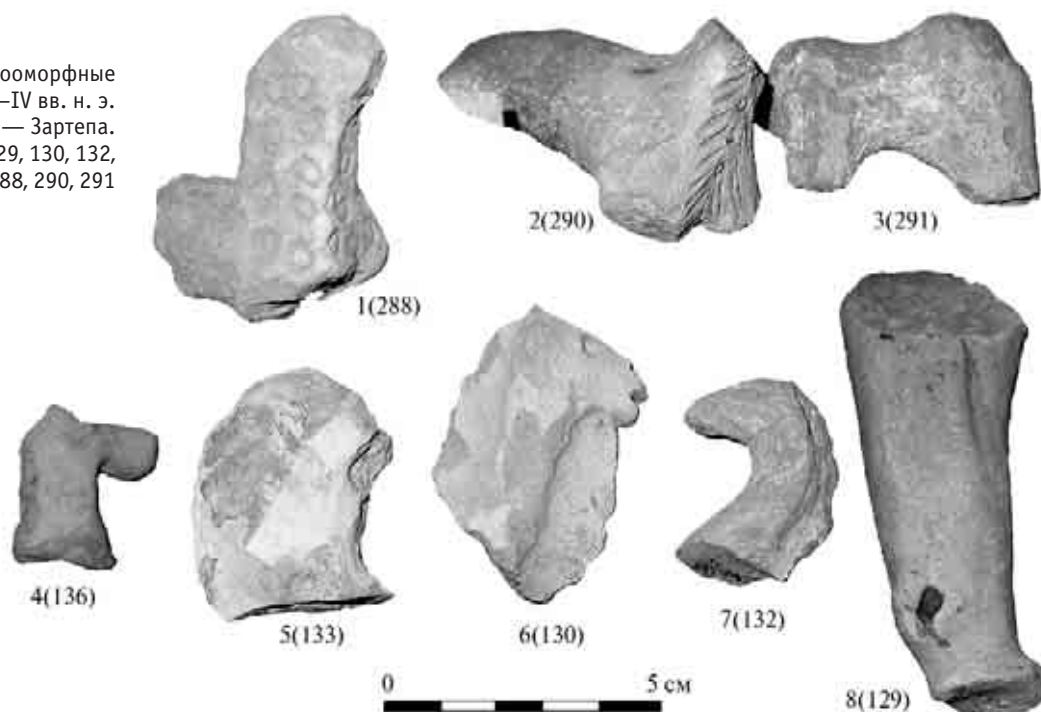
214. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э. 1–5 — Дильберджин. Табл. 19/184, 197, 198, 319–321

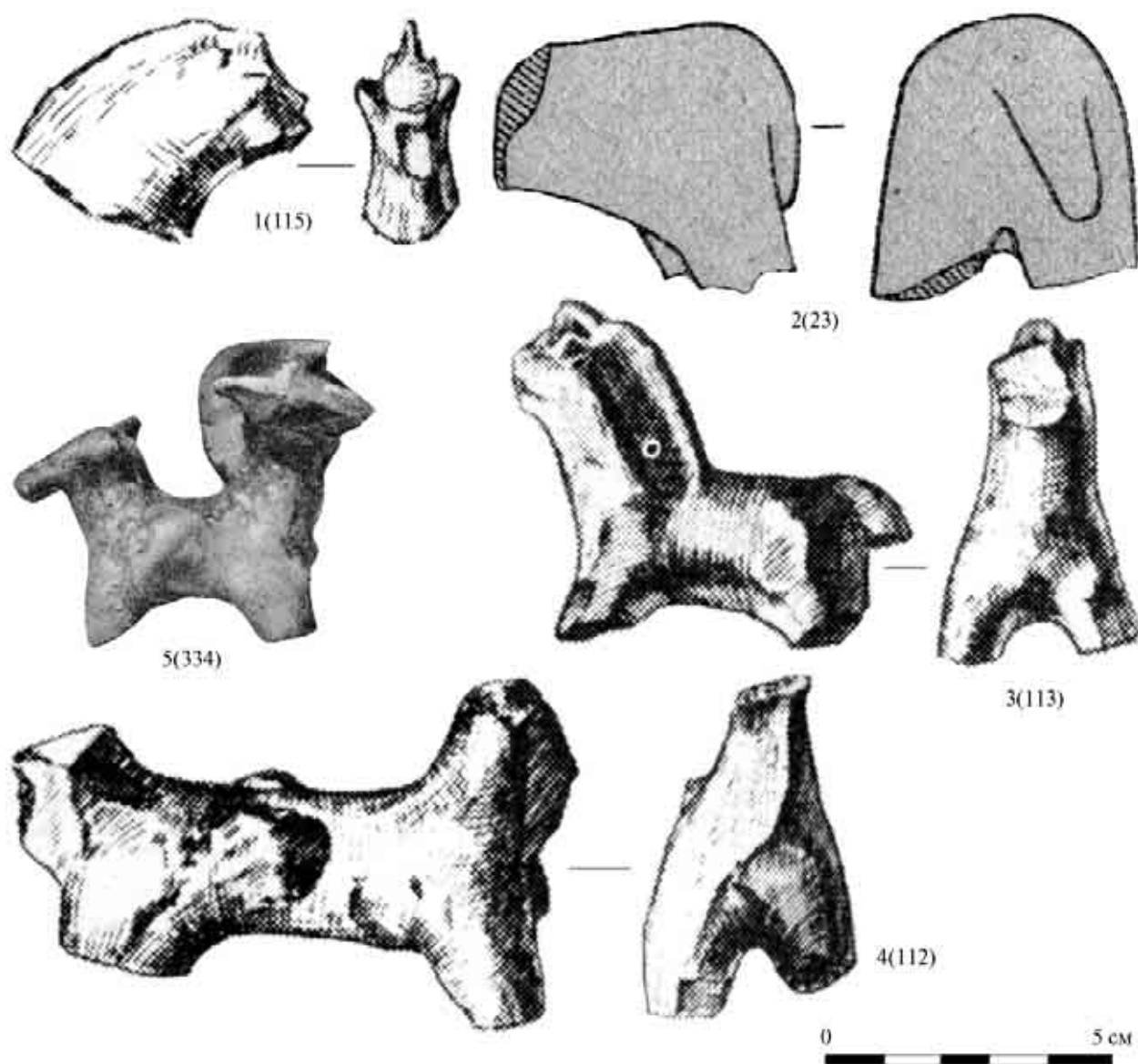

215. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
1 — Кара-тепе; 2 — Старый Термез; 3–6 — Аккурган; 7 — Зартепа. Табл. 19/72, 75, 78, 82, 176, 179, 293

216. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.

1–8 — Зартепа.
Табл. 19/129, 130, 132, 133, 136, 288, 290, 291

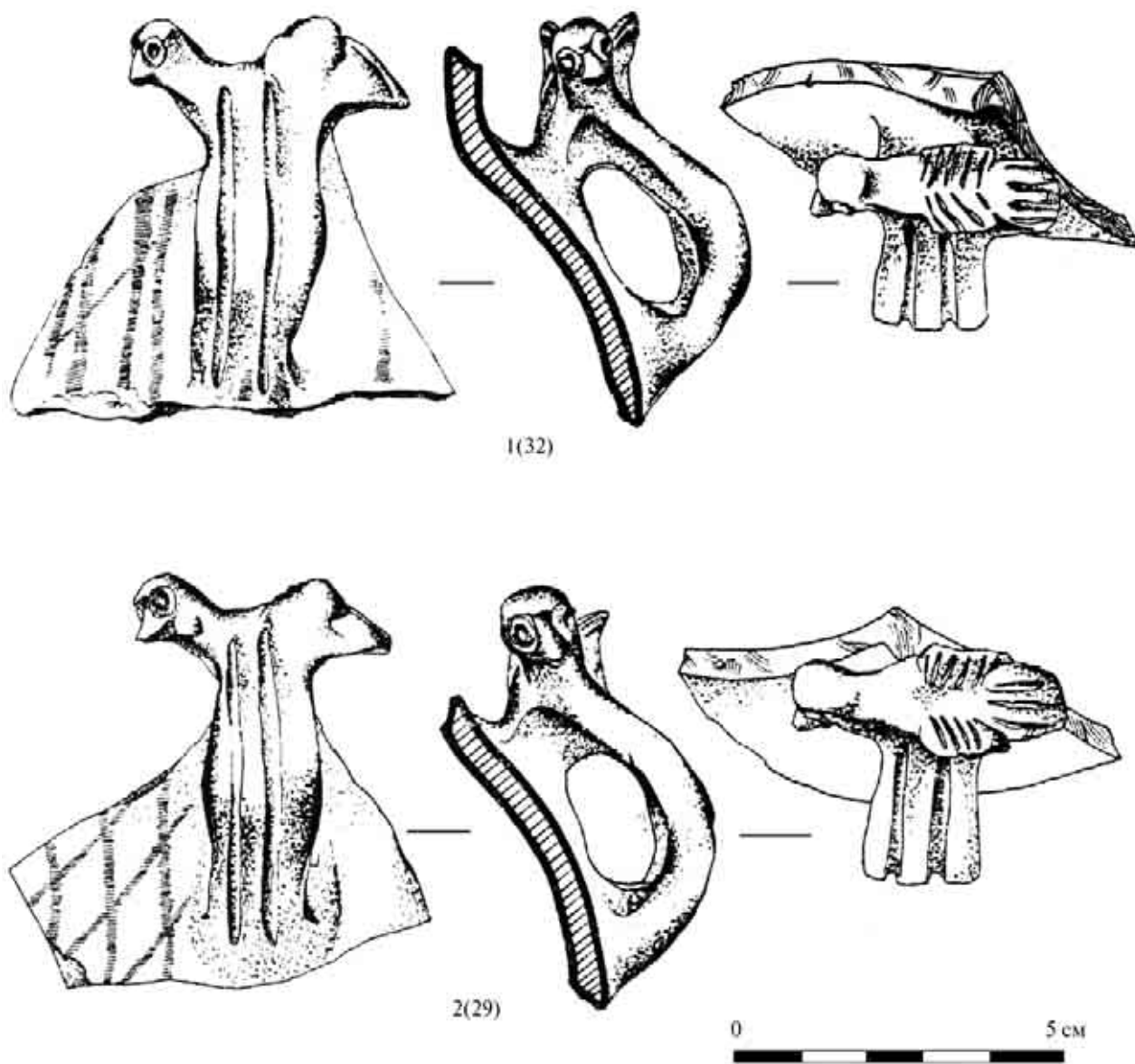
217. Терракотовые зооморфные статуэтки Бактрии I–IV вв. н. э.
1, 3, 4 — Айртам; 2 — Чопли-депе; 5 — Кей-Кобад-Шах.
Табл. 19/23, 112, 113, 115, 334

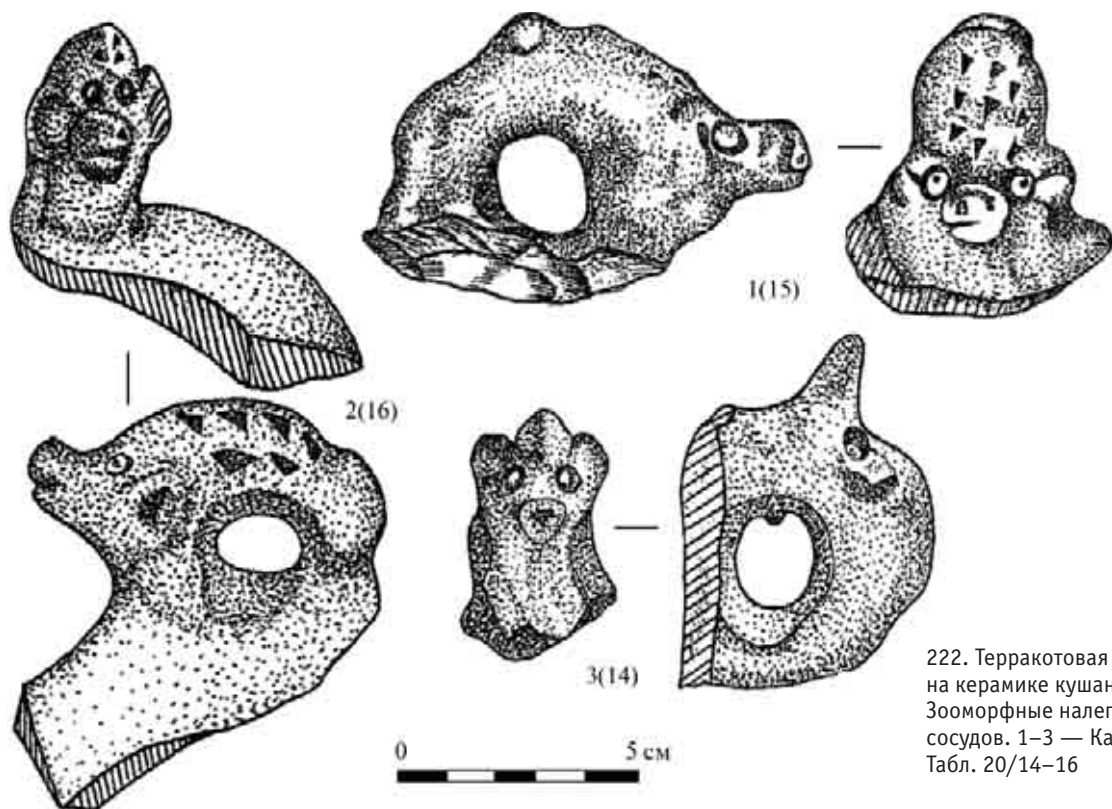
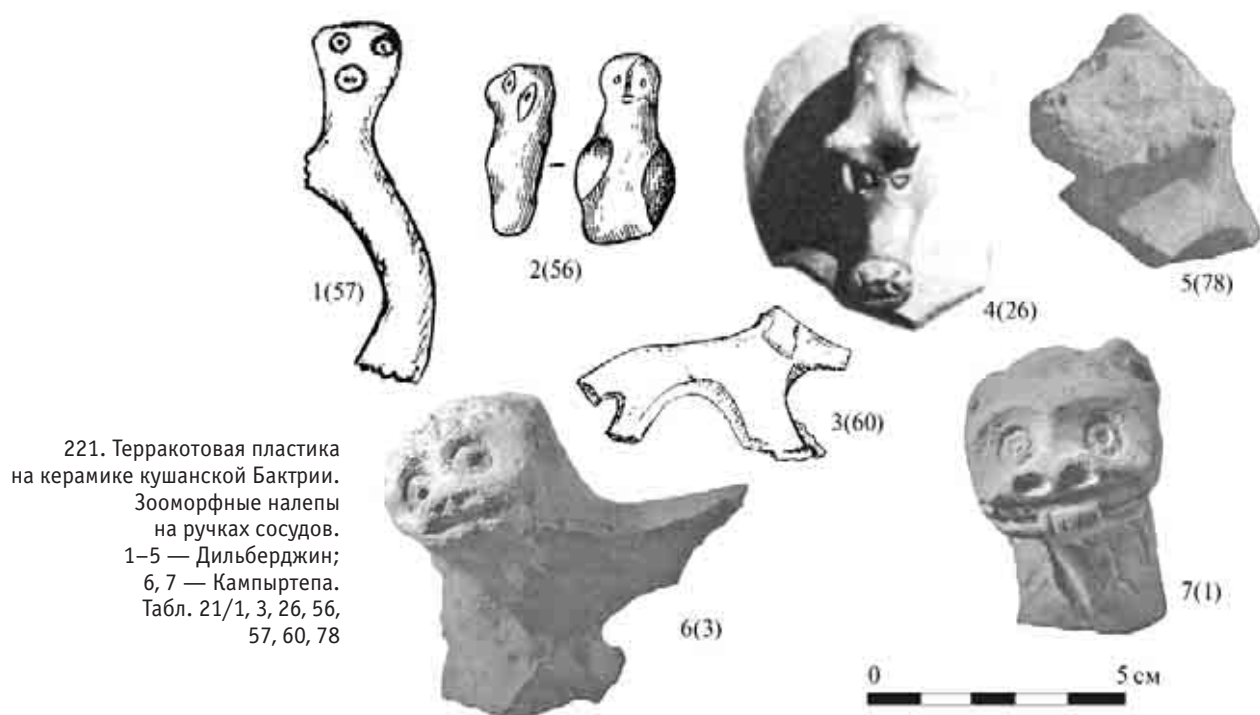
218. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
 Типы сосудов с зооморфными ручками. 1 — Кампыртепа; 2 — Аккурган; 3 — Шор-тепе;
 4 — Дильберджин. Табл. 20/9, 22, 28, 76

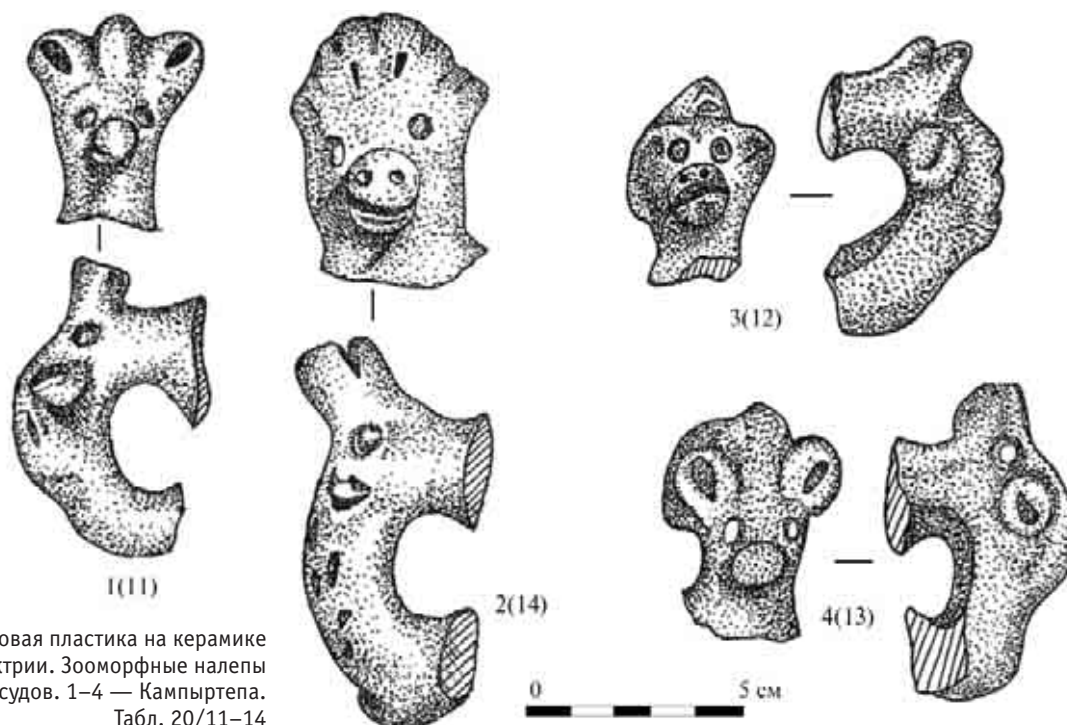

219. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Зооморфные налеты на ручках сосудов. 1–4 — Зартеп; 5 — Кара-тепе; 6 — Аккурган;
7 — Старый Термез. Табл. 20/25, 40–42, 51, 77, 81

220. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Зооморфные налеты на ручках сосудов. 1–2 — Кара-тепе. Табл. 20/29, 32

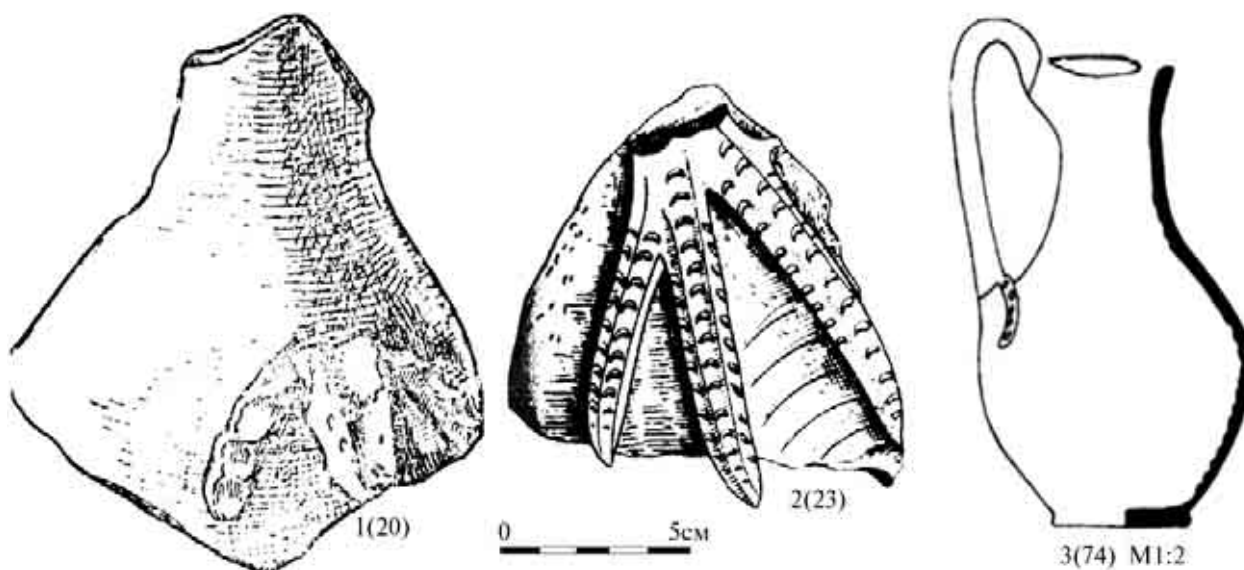
223. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налесты на ручках сосудов. 1–4 — Кампыртепа. Табл. 20/11–14

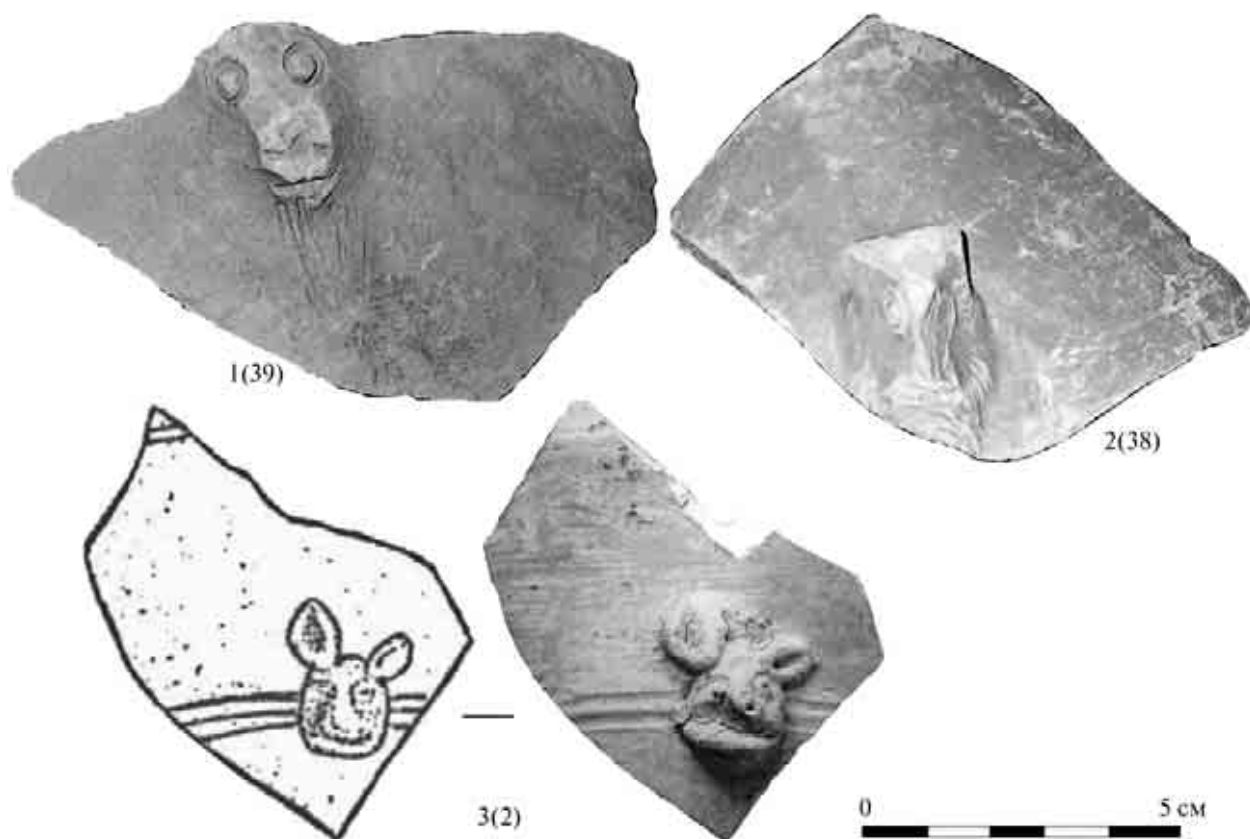
224. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Зооморфные налесты на ручках сосудов. 1–2 — Шор-тепе; 3 — Кей-Кобад-Шах; 4 — Халчаян. Табл. 20/33, 79, 80, 82

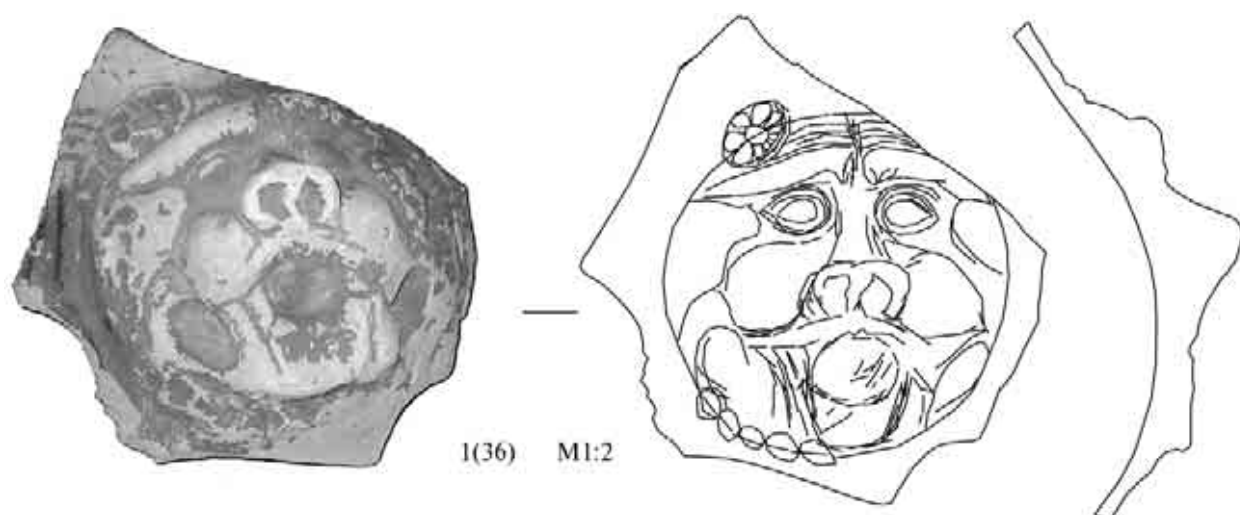
225. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Налепы на сосудах. 1 — Аккурган; 2 — Джига-тепе. Табл. 20/21, 71

226. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Налепы на сосудах. 1 — Аккурган; 2 — Дильберджин; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/20, 23, 74

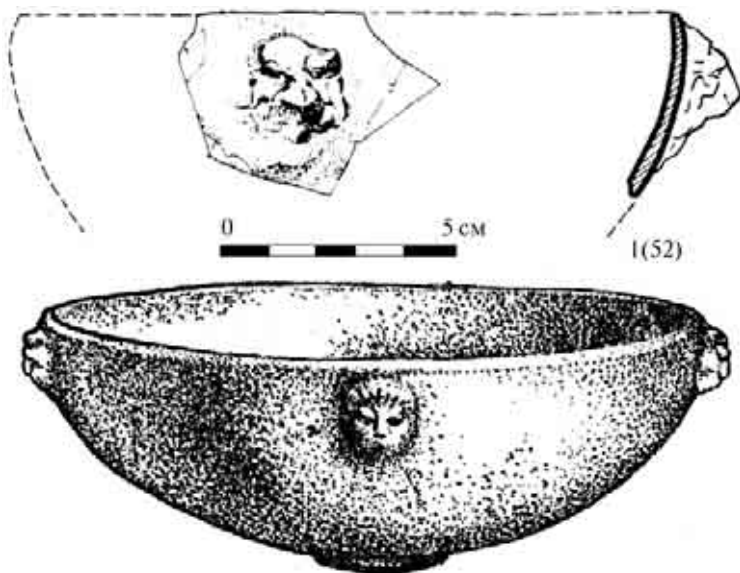
227. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Налепы на сосудах. 1, 2 — Зартепа; 3 — Кампыртепа. Табл. 20/2, 38, 39

228. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Налепы на сосудах. 1 — Зартепа. Табл. 20/36

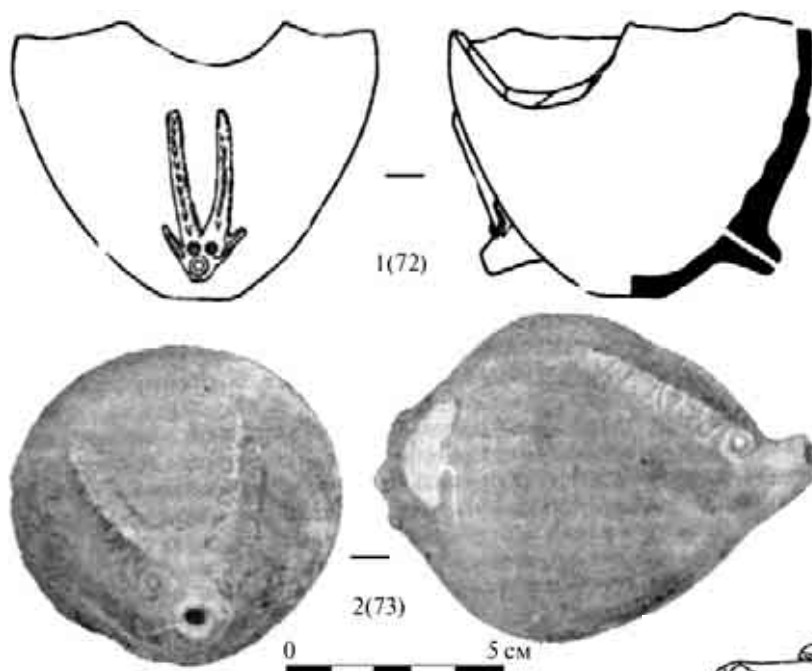
229. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1, 2 — Тепе Заргаран; 3 — Кара-тепе; 4 — Тепаи-Шах; 5 — Зартепа. Табл. 20/35, 54, 64–66

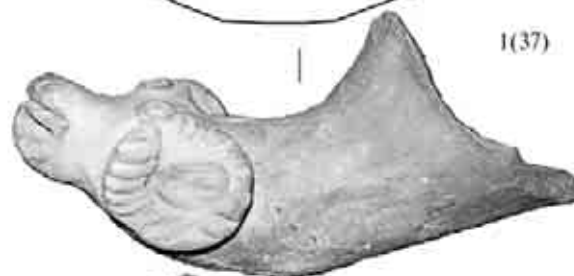
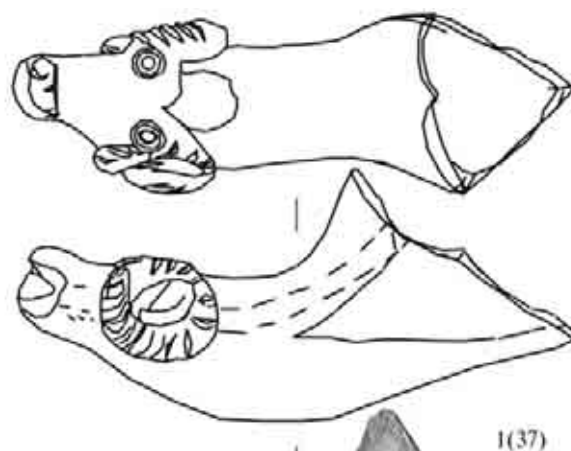
230. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Налепы на сосудах. 1 — Кара-тепе; 2 — Аккурган. Табл. 20/52

231. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Амфоровидный однососковый ритон. 1 — Дальверзин-тепе. Табл. 20/27

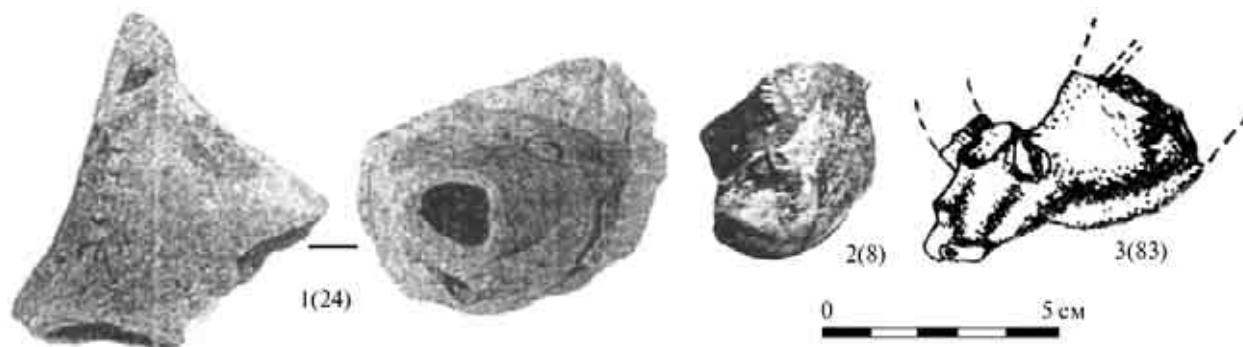

232. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Амфоровидные ритоны. 1, 2 — Джига-тепе. Табл. 20/72, 73

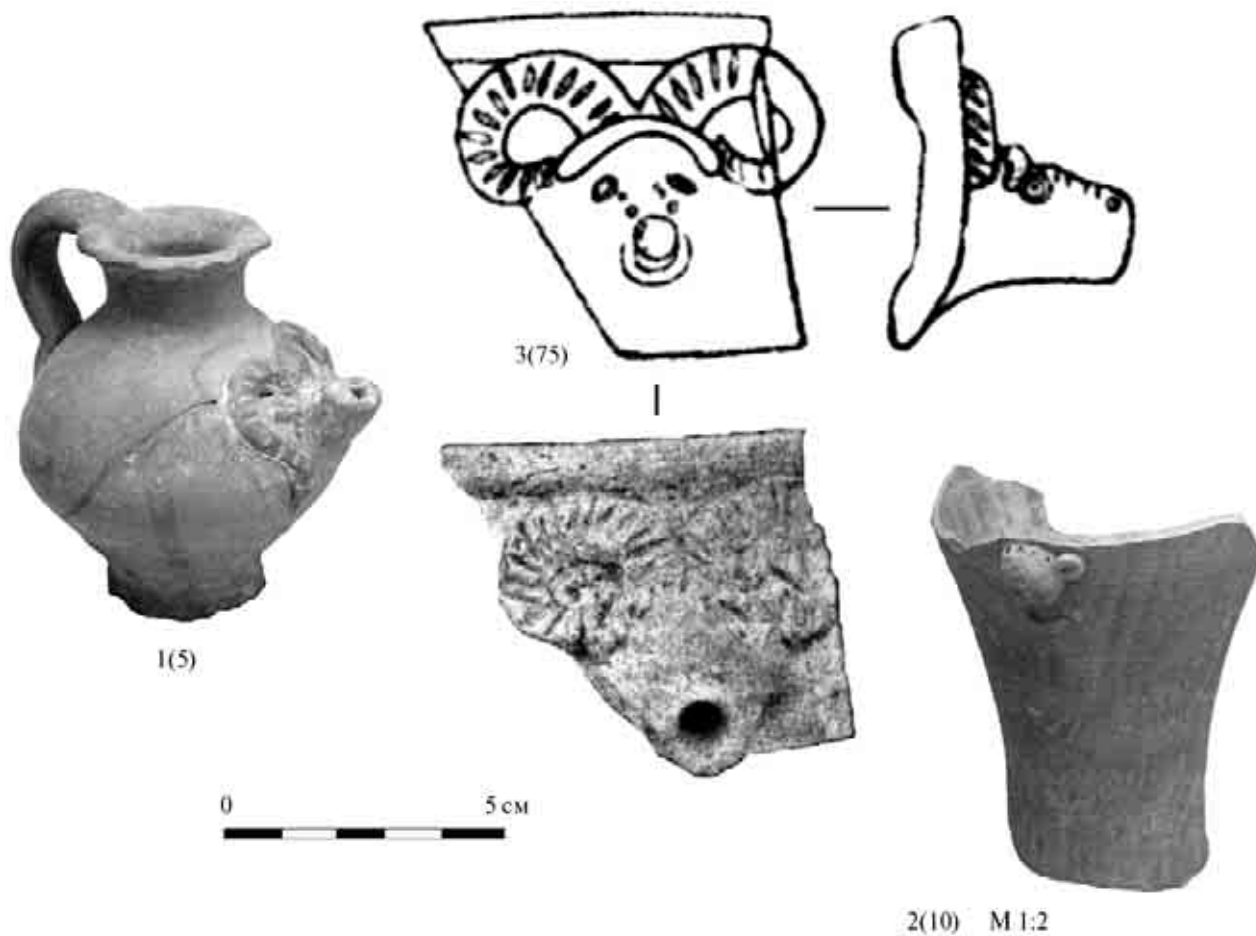

233. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Роговидный ритон. 1 — Зартепа. Табл. 20/37

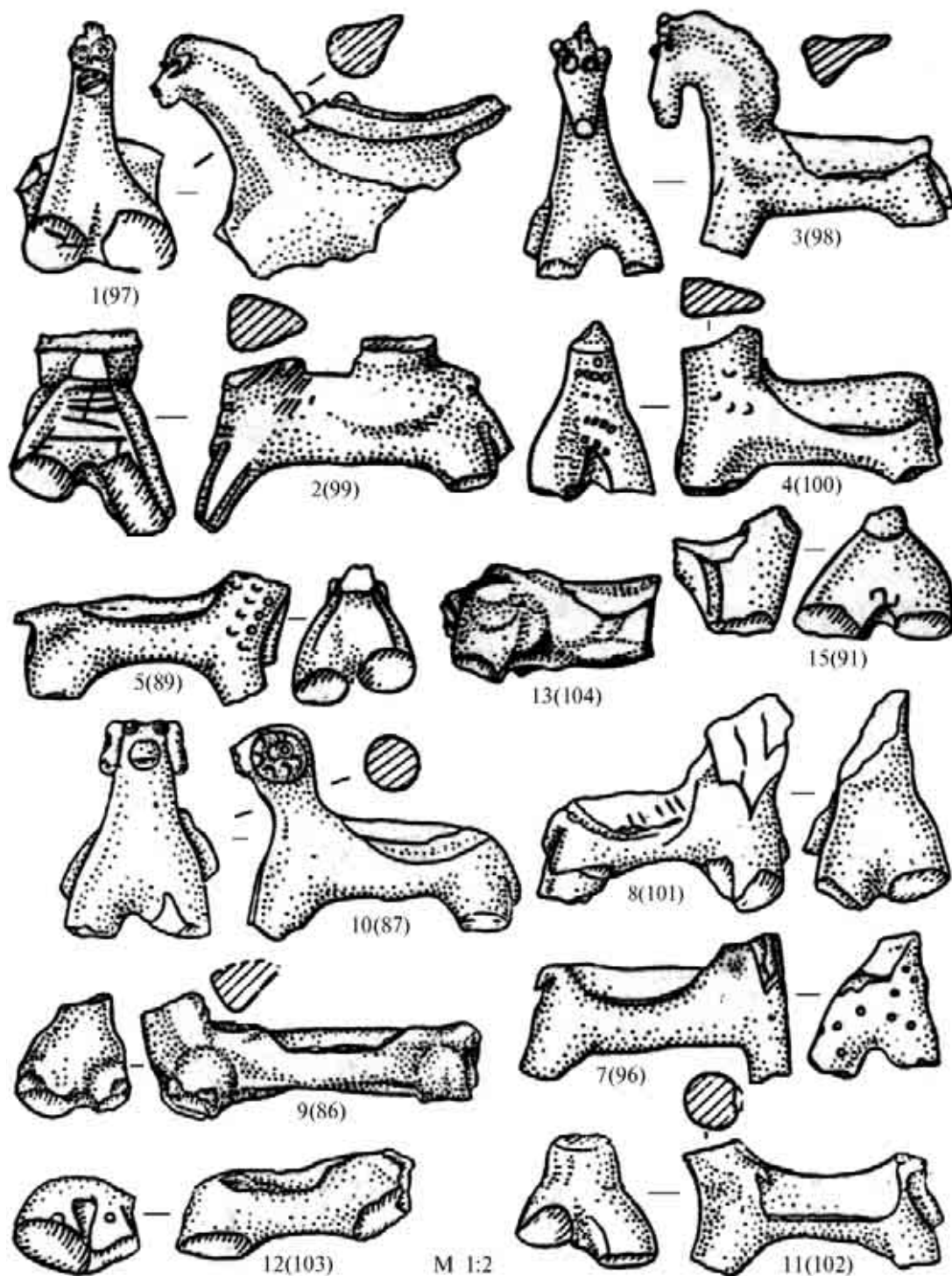

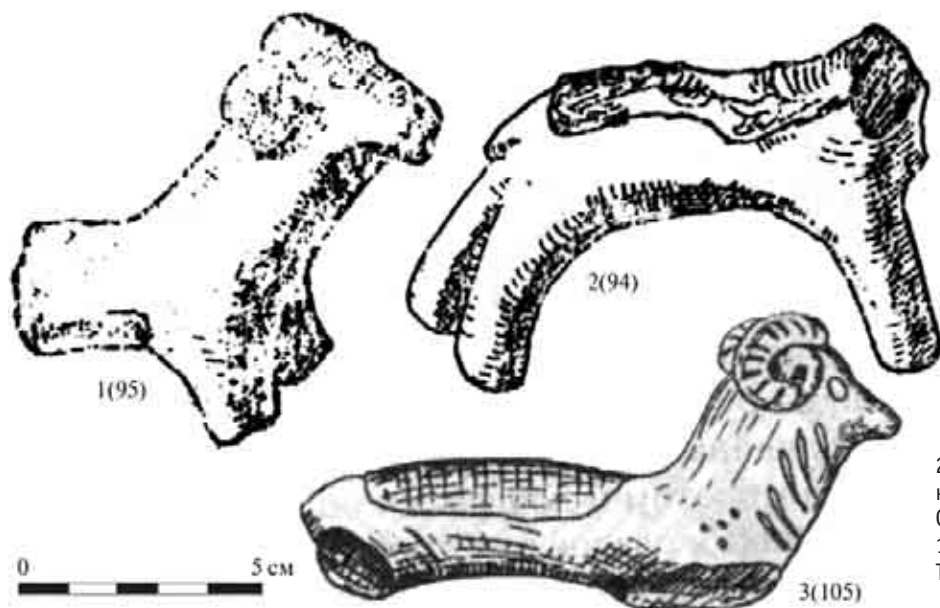
234. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Роговидный ритон.
1, 2 — Кампыртепа; 3 — Турткуль. Табл. 20/8, 24, 83

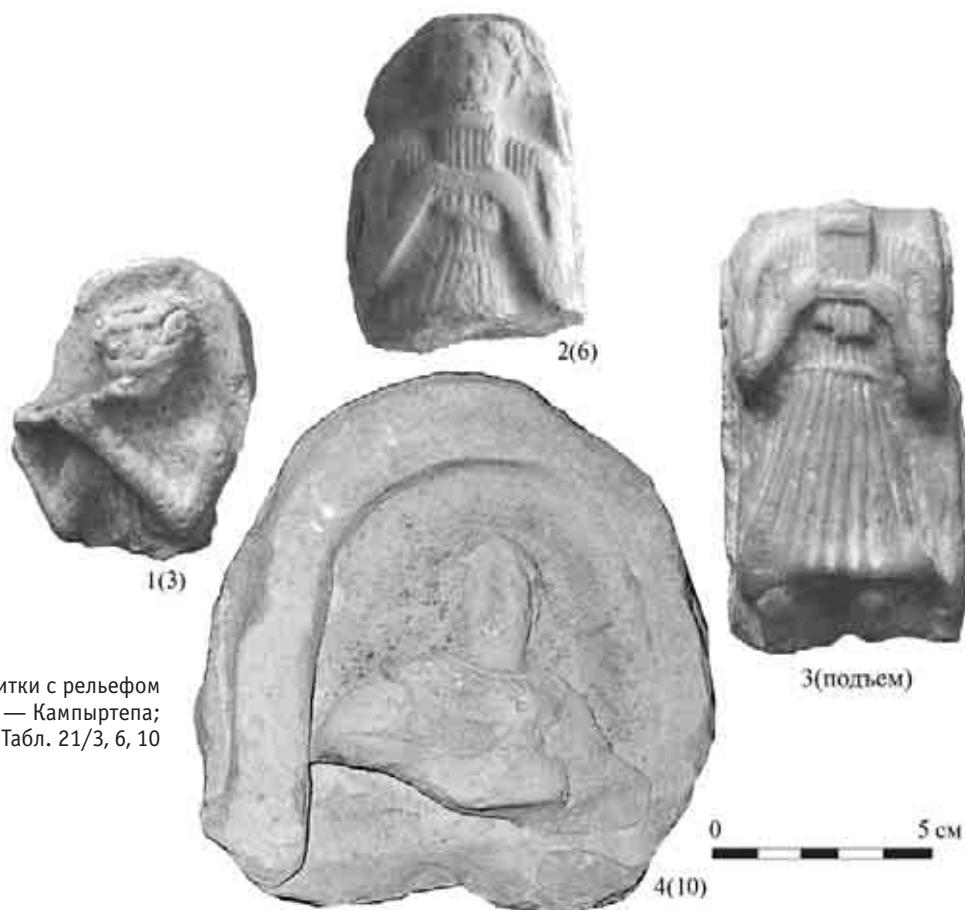
235. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Налепы на сливах и стенках сосудов. 1, 2 — Кампыртепа; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/5, 10, 75

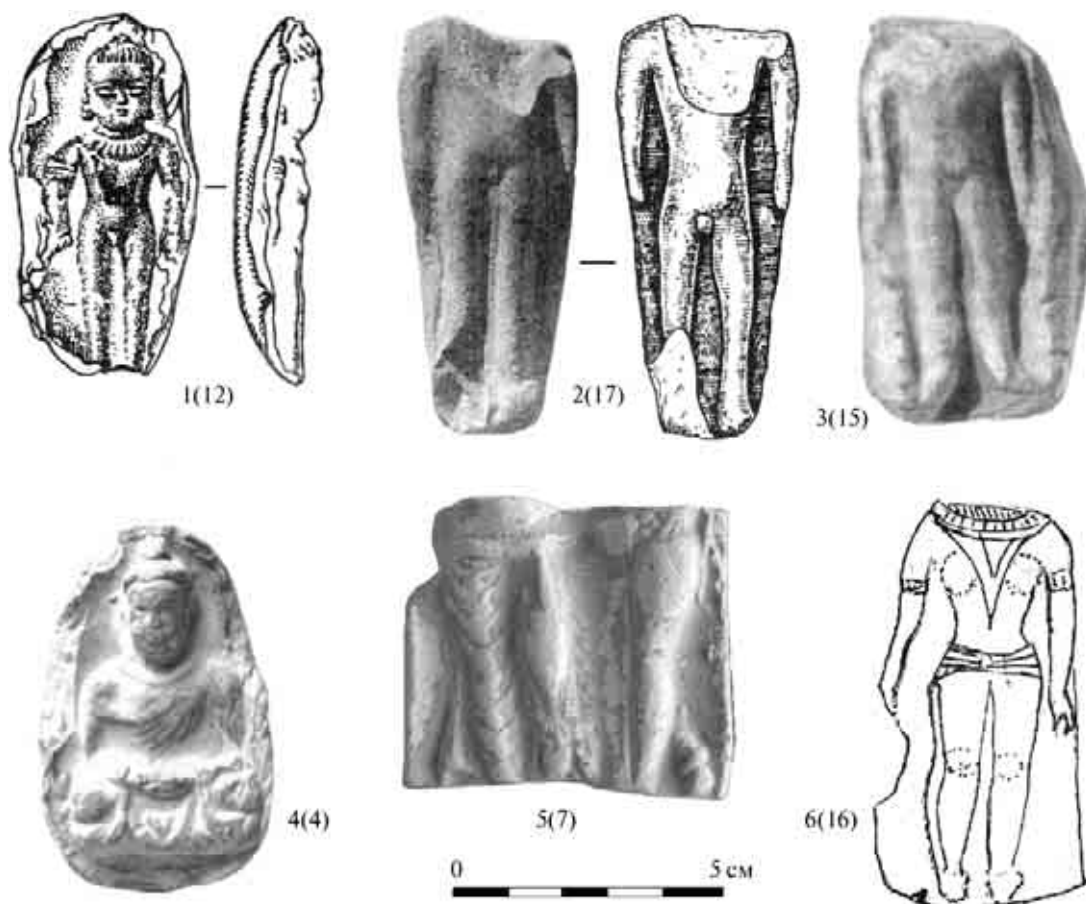
236. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии.
Сосуды на зооморфных подставках. 1–17 — Зартепа. Табл. 20/86, 87, 89, 91, 96–104

237. Терракотовая пластика на керамике кушанской Бактрии. Сосуды на зооморфных подставках. 1, 2 — Аккурган; 3 — Джига-тепе. Табл. 20/94, 95, 105

238. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии. 1, 3 — Кампыртепа; 2, 4 — Зартепа. Табл. 21/3, 6, 10

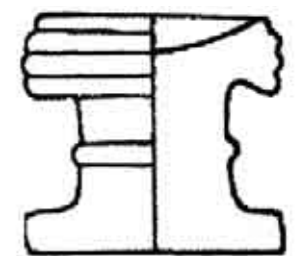
239. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии.
1 — Тепаи-Шах; 2, 3, 6 — Дильберджин; 4 — Аккурган; 5 — Зартена. Табл. 21/4, 7, 12, 15–17

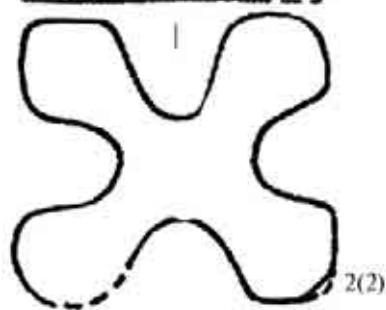
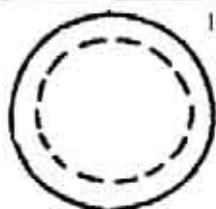
240. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии.
1 — Халчаян; 2 — Кампыртепа; 3 — Дильберджин. Табл. 21/2, 5, 14

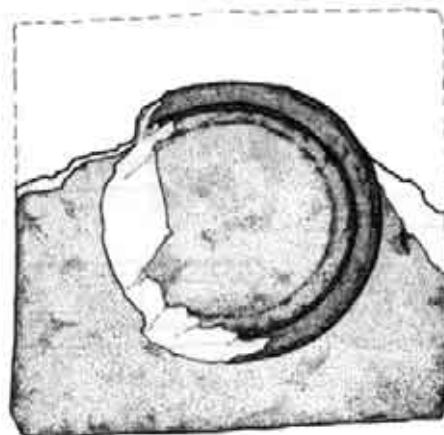
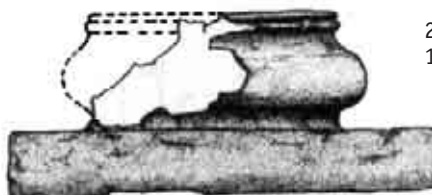
241. Терракотовые плитки с рельефом кушанской Бактрии.
1, 4 — Зартеп; 2 — Дильберджин; 3 — Кампыртепа. Табл. 21/1, 9, 11, 13

1(1)

2(2)

3(7)

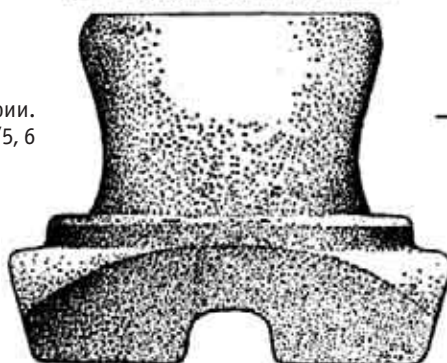
М 1:2

242. Алтарики кушанской Бактрии.
1, 2 — Джига-тепе. Табл. 22/1, 2, 7

243. Алтарики кушанской Бактрии.
1, 2 — Мирзакул-тепе. Табл. 22/5, 6

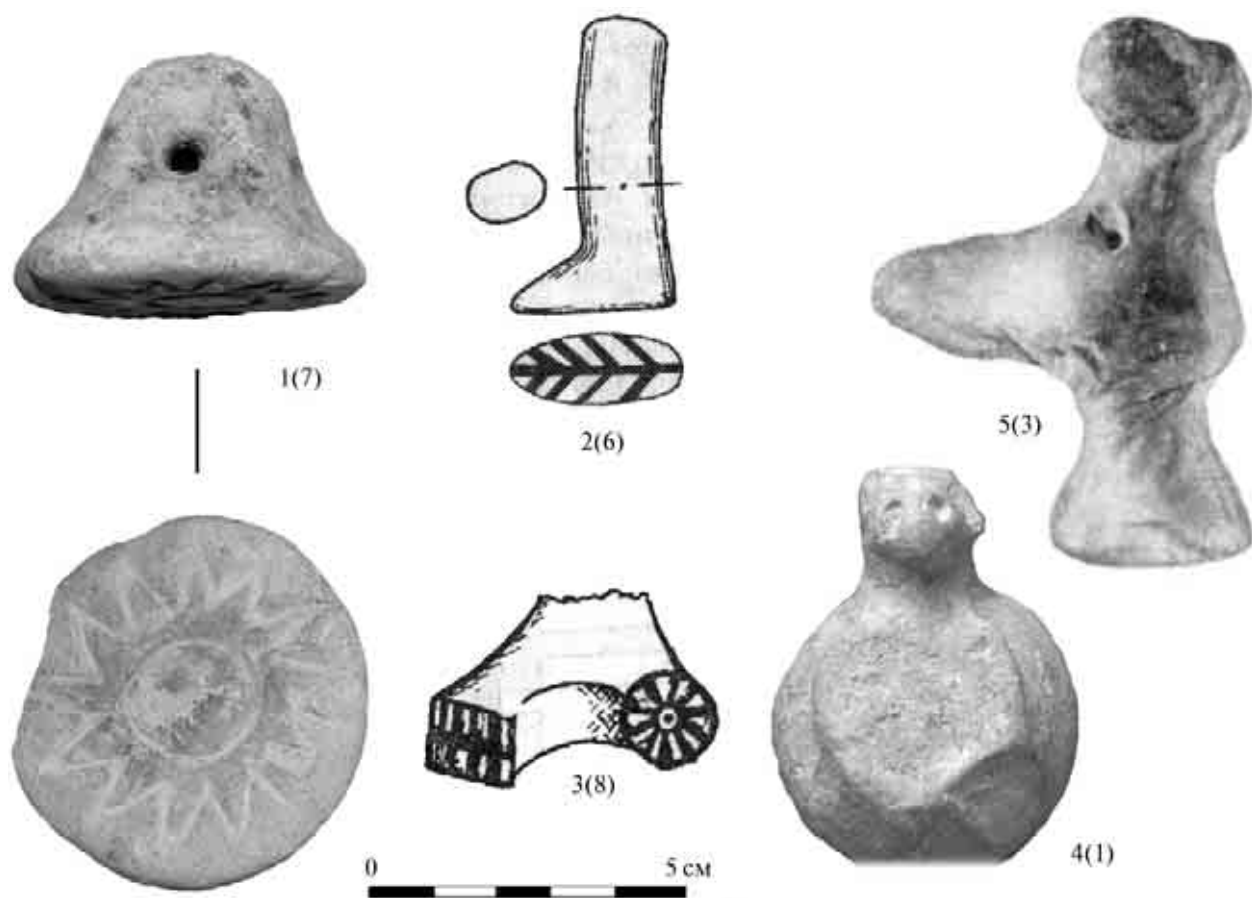

1(6)

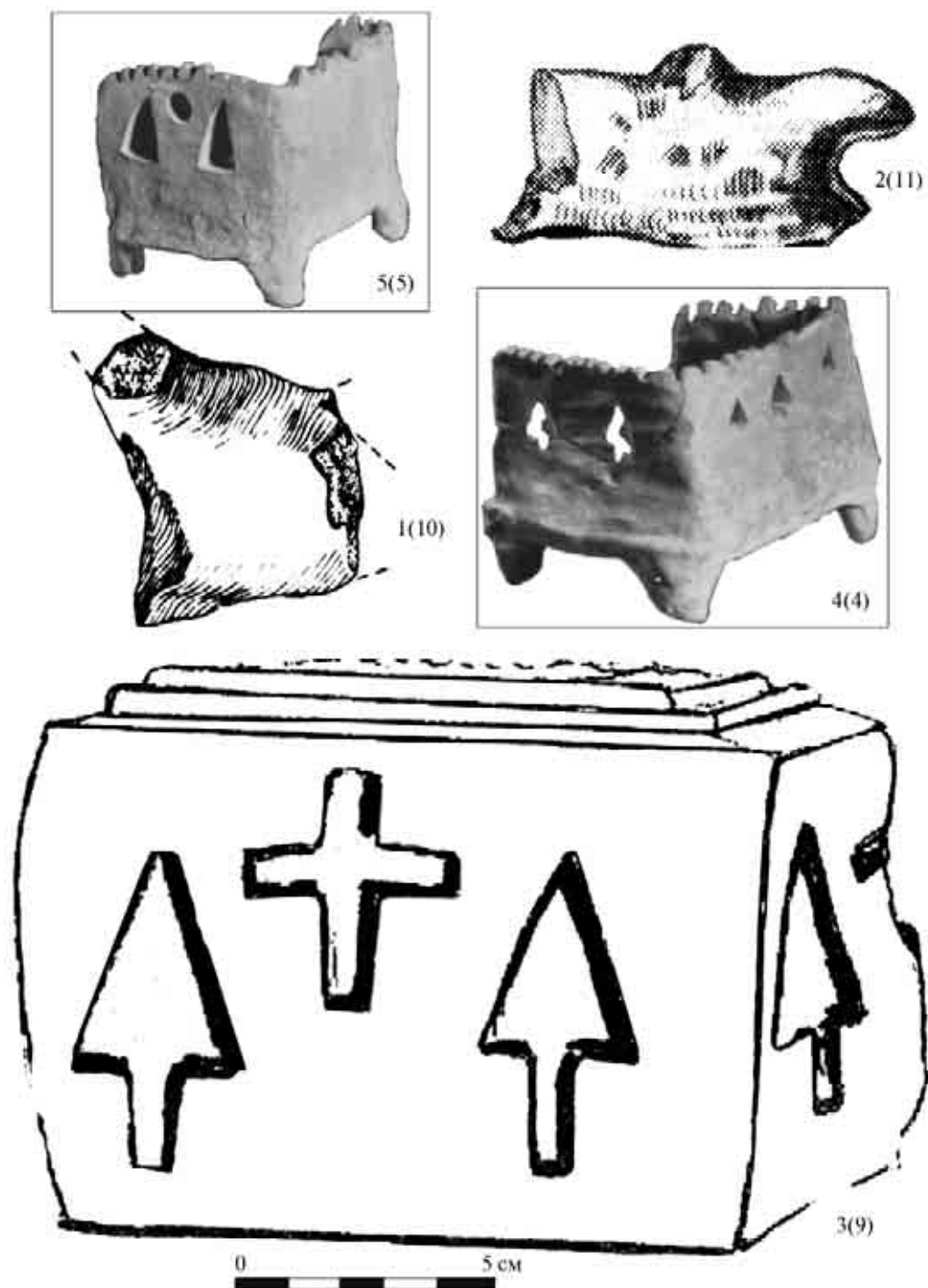

2(5)

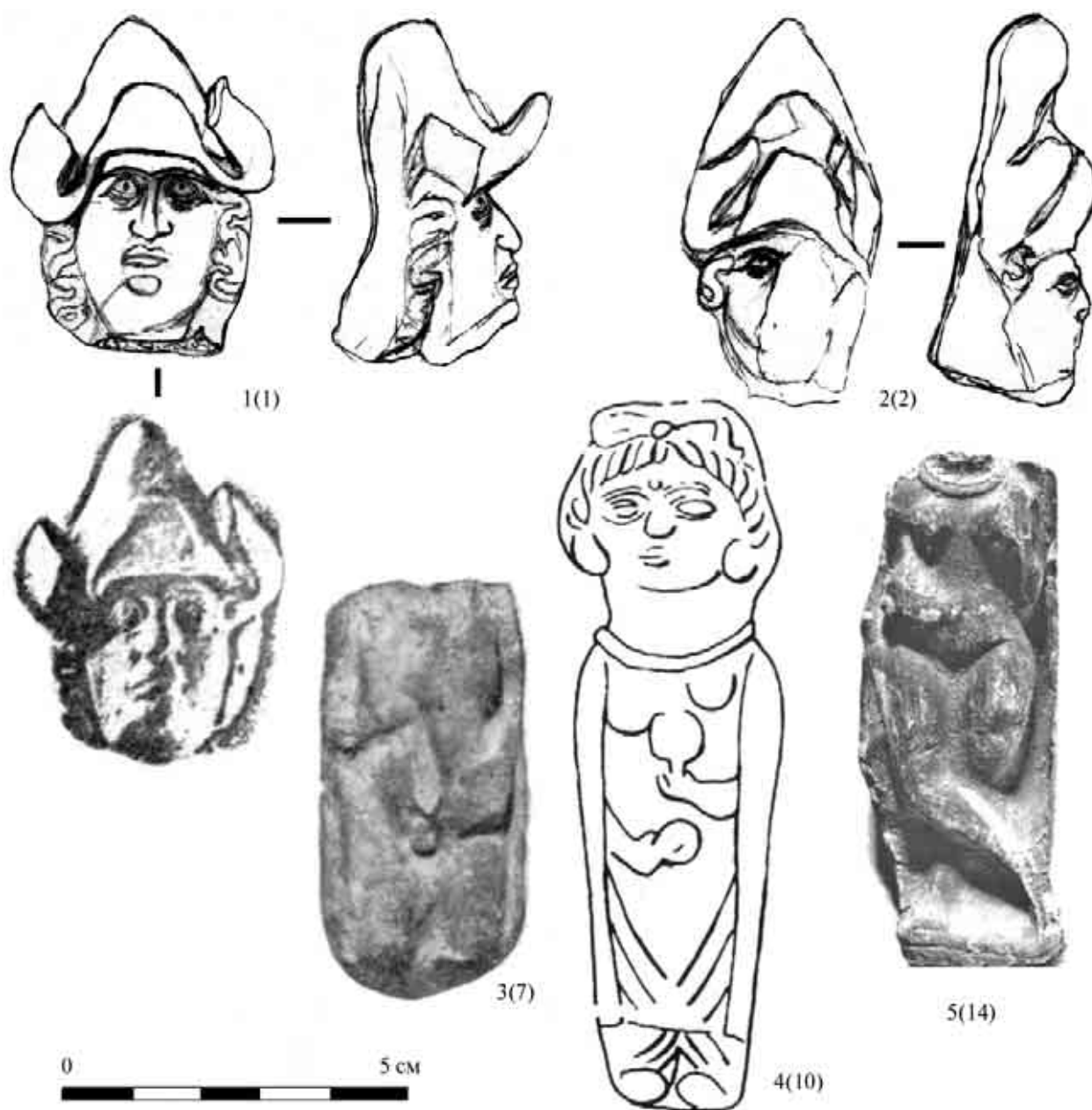

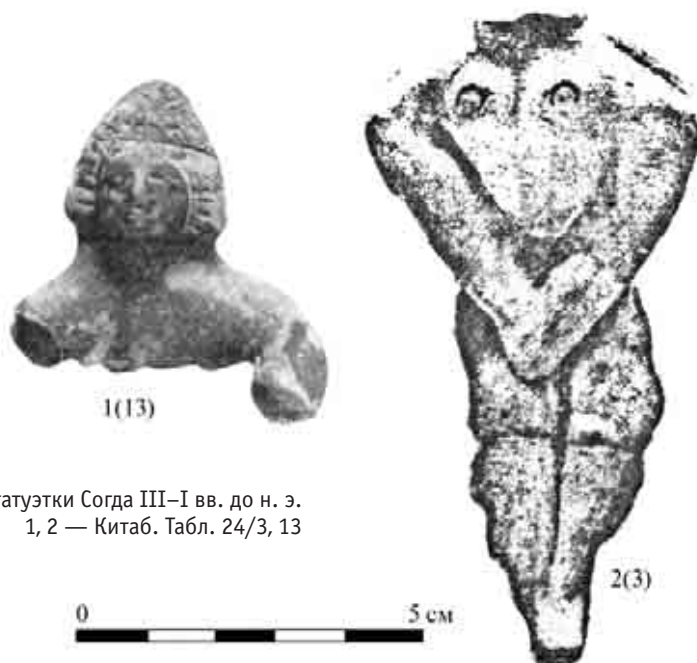
244. Индивидуальные виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии.
1–3 — штампы; 4 — погремушка; 5 — свистулька. 1, 4 — Кампыртепа; 2 — Джига-тепе; 3 — Дильберджин;
5 — Дальверзин-тепе. Табл. 23/1, 3, 6–8

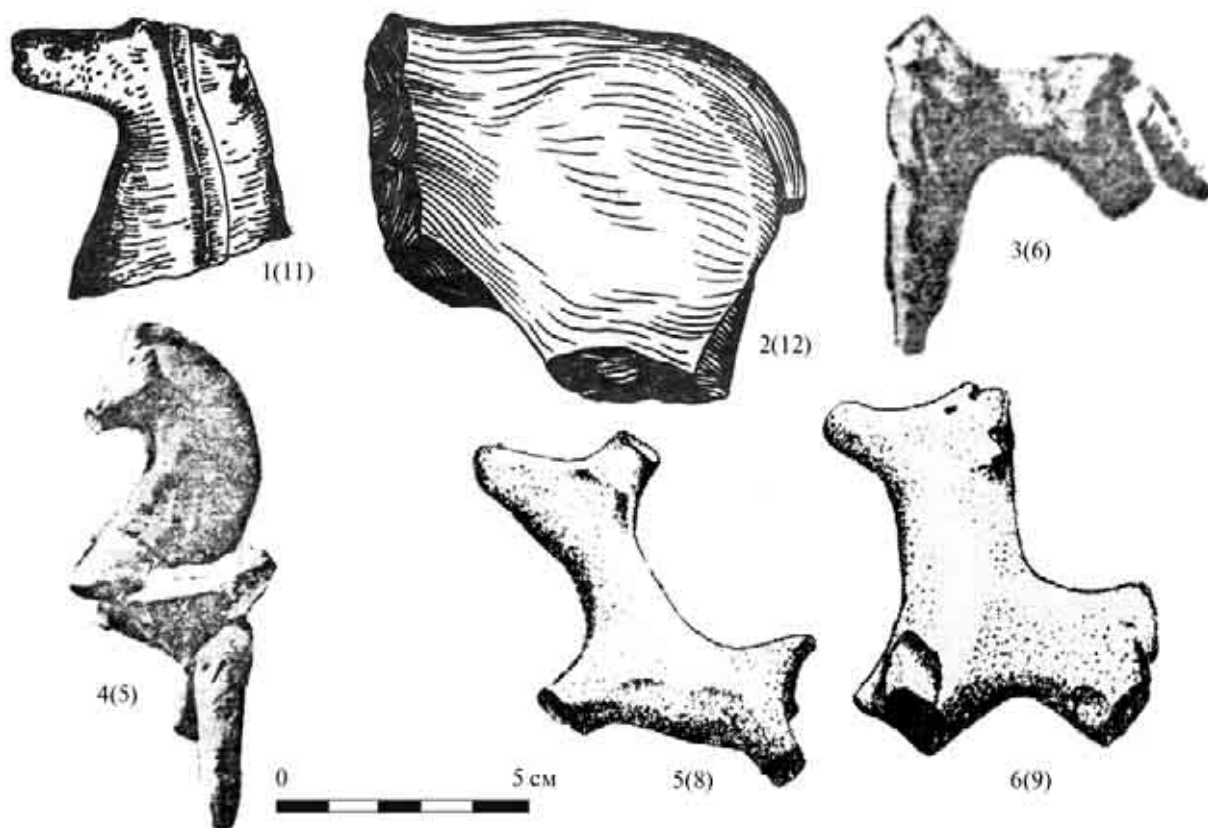
245. Индивидуальные виды изделий терракотовой пластики кушанской Бактрии.
1, 2 — очажные подставки; 3–5 — поставцы. 1 — Зартепа; 2 — Айртам; 3 — Дильберджин; 4, 5 — Дальверзин-тепе.
Табл. 23/4, 5, 9–11

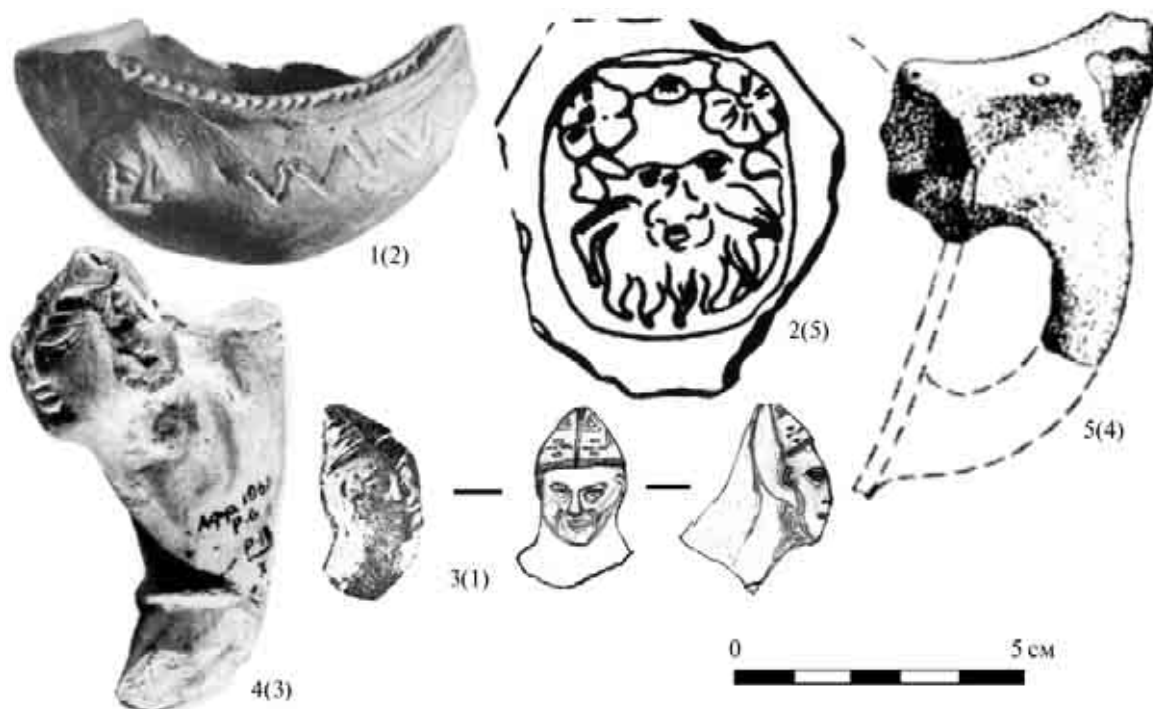
247. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э.
1, 2 — Китаб; 3, 4 — Афрасиаб; 5 — Сарай-тепе. Табл. 24/1, 2, 7, 10, 14

248. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э.
1, 2 — Китаб. Табл. 24/3, 13

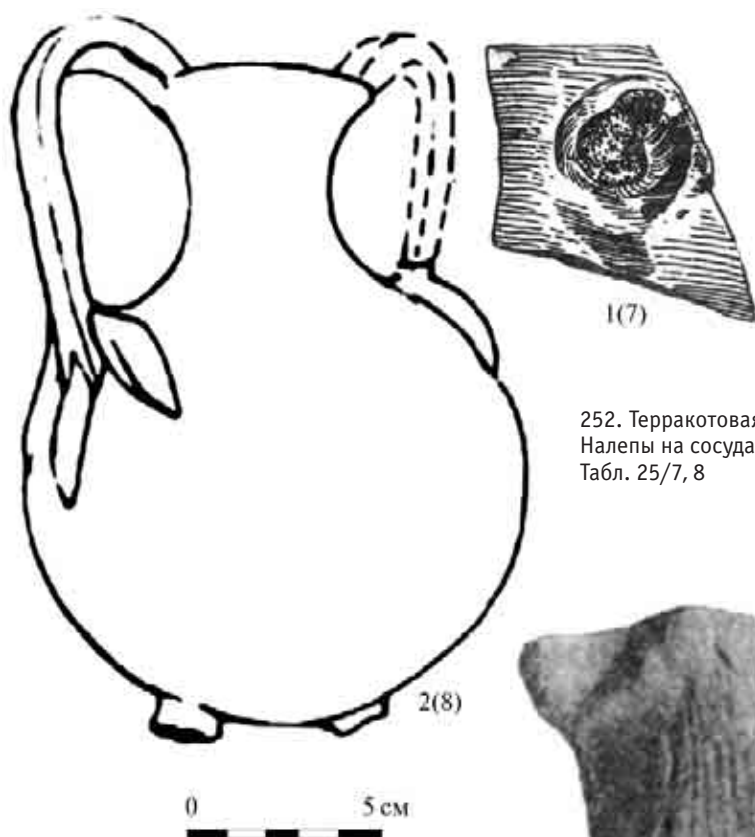
249. Терракотовые статуэтки Согда III–I вв. до н. э. 1, 2 — Бухара; 3, 4 — Китаб; 5, 6 — Афрасиаб. Табл. 24/5, 6, 8, 9, 11, 12

250. Терракотовая пластика на керамике II–I вв. до н. э.
1–3 — налеты на сосудах; 4 — ритон; 5 — зооморфная ручка. 1, 2, 4, 5 — Афрасиаб; 3 — Китаб. Табл. 25/1–5

251. Терракотовая пластика на керамике II–I вв. до н. э.
Налеп на сосуде. 1 — Афрасиаб. Табл. 25/6

252. Терракотовая пластика на керамике II—I вв. до н. э.
Налепы на сосудах. 1 — Бухара; 2 — Афрасиаб.
Табл. 25/7, 8

253. Терракотовые статуэтки Согда I—IV вв. н. э.
Тип 1. Вариант 3. 1—3 — Еркурган;
4 — Актепе. Табл. 26/30—32, 35, 36

254. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э.
Тип 2. Вариант 2. 1–5 — Бухара. Табл. 26/14–17, 21

255. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э.

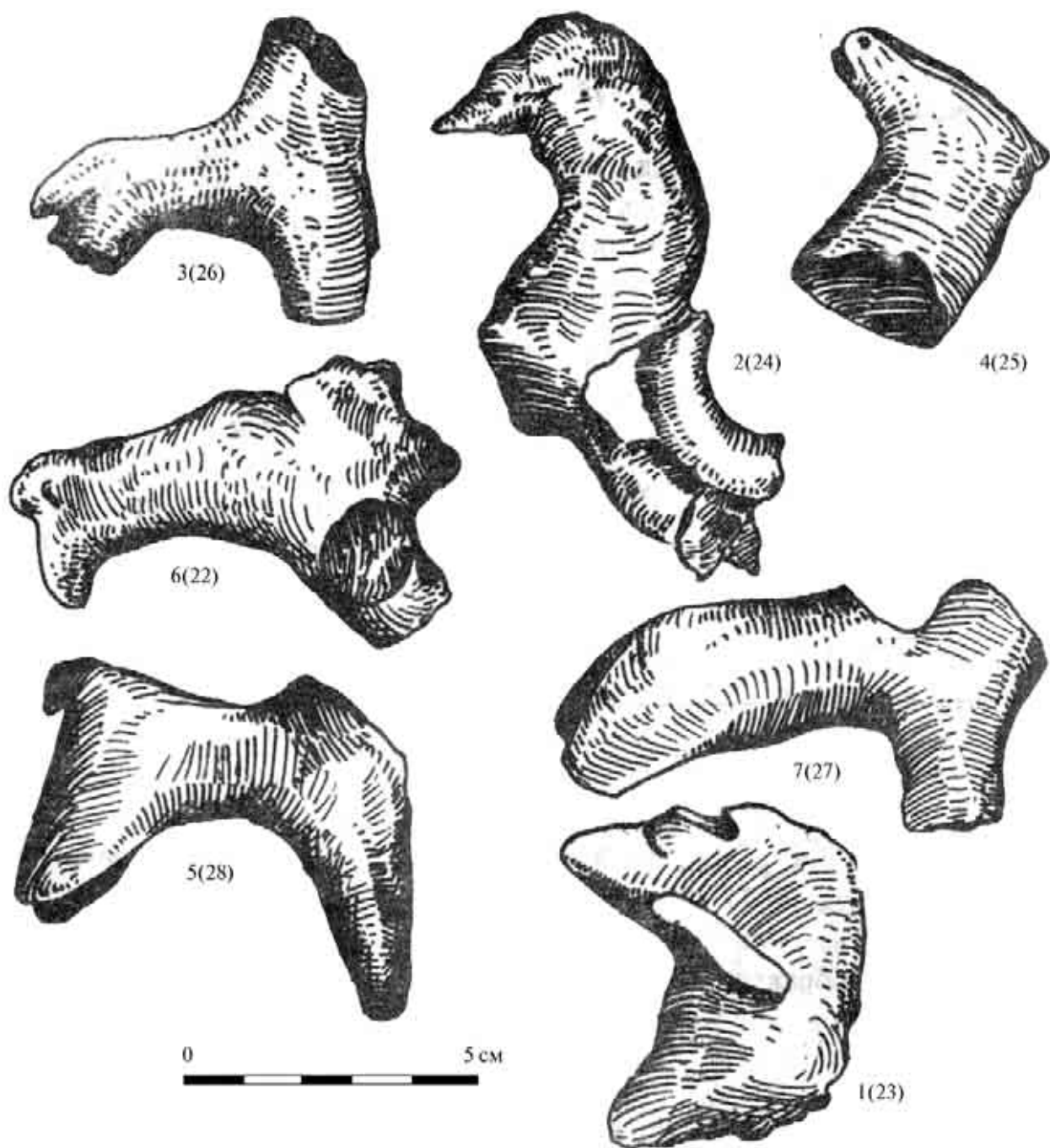
1 — индивидуальный тип; 2, 3 — тип 12; 4 — тип 4. 1 — Афрасиаб; 2, 3 — Бухара; 4 — Еркурган. Табл. 26/2, 19, 20, 33

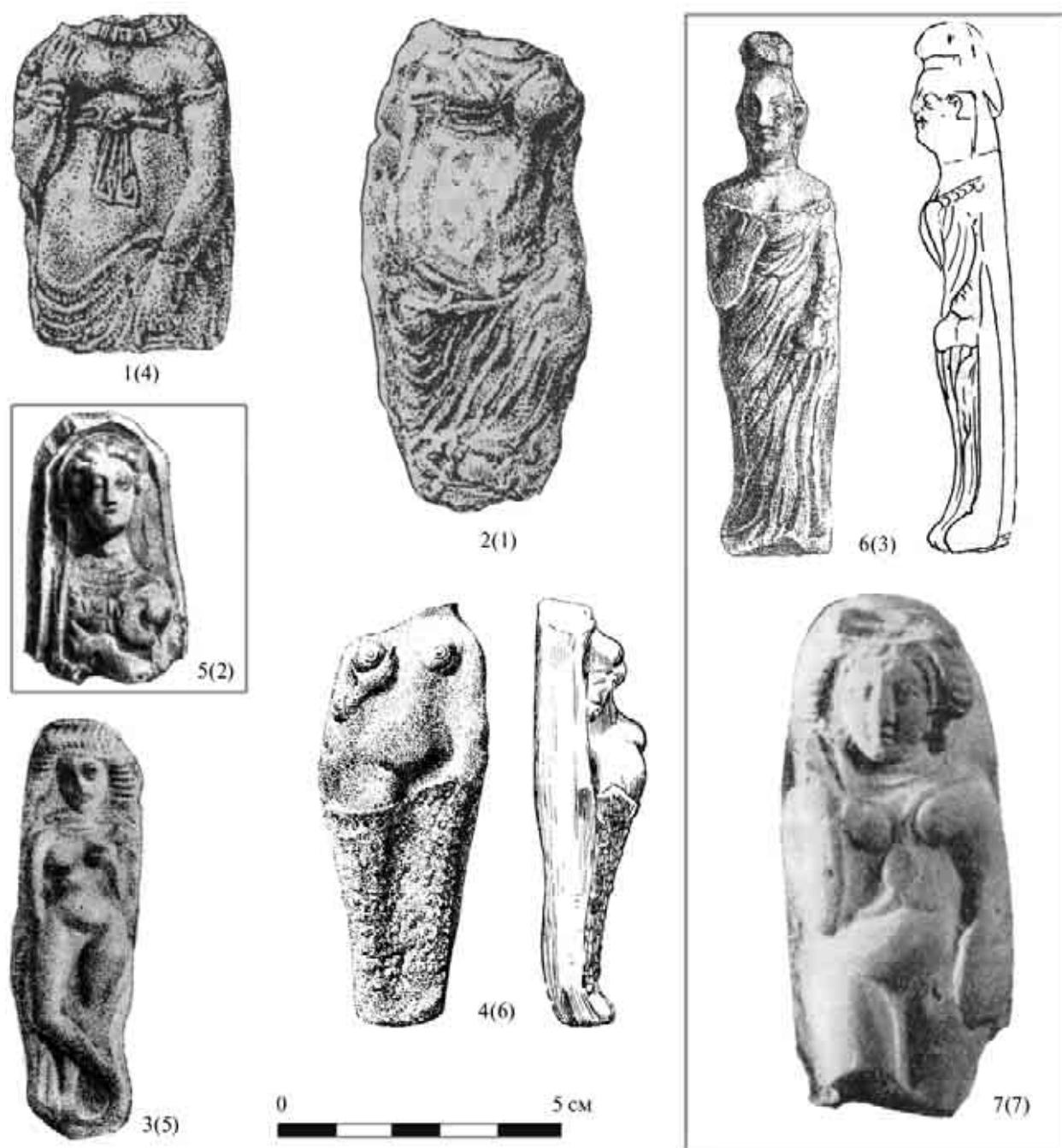
256. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э.
Тип 14. Вариант 1. 1, 2, 3, 7 — Афрасиаб; 4–6 — Тали-Барзу. Табл. 26/1, 3–6, 11, 12

257. Терракотовые статуэтки Согда I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы. 1, 2, 4, 6 — Тали-Барзу; 3, 5 — Бухара. Табл. 26/7–10, 18, 29

258. Терракотовые зооморфные статуэтки Согда I–IV вв. н. э.
1–7 — Бухара. Табл. 26/22–28

260. Терракотовые статуэтки Маргианы II-I вв. до н. э.
1 — тип 1, вариант 1; 6 — тип 1, вариант 2; 3 — тип 5; 7 — тип 4. 1-6 — Гяур-кала; 7 — Джин-депе. Табл. 28/1-7

Статуэтки типа I в Маргиане

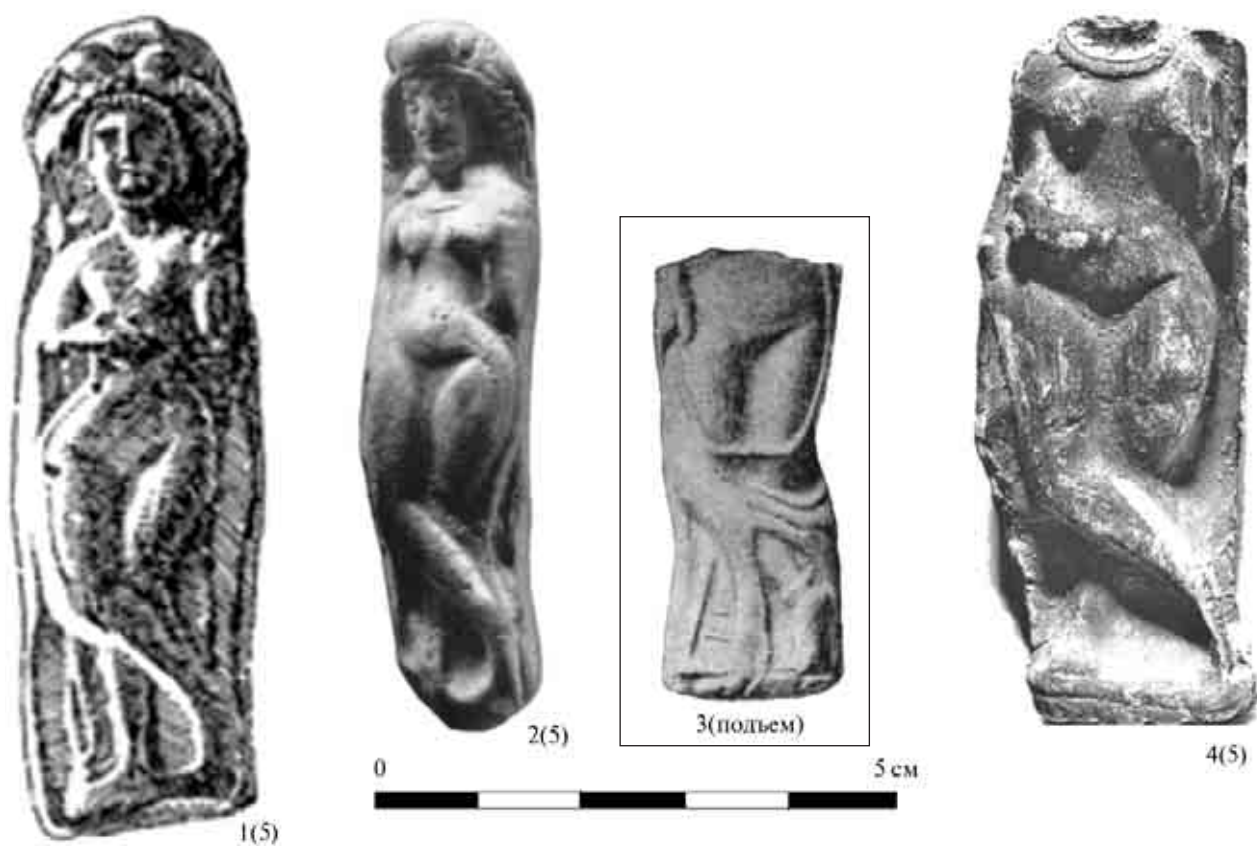
развитие типа I в Маргиане

Статуэтки из коллекции САЭ

261. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э. Тип 1. Варианты 1, 2. 1–7 — Гяур-кала; 8–11 — Гебеклы-депе.
Табл. 28/4, 3; 29/55, 61. Статуэтки № 2, 4, 6–10 из подъема. В рамки помещены изделия, размер которых не удалось установить точно

262. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.

Тип 5. 1–3 — Маргиана; 4 — Согд. 1, 2 — Гебеклы-депе (табл. 29/5; табл. 28/5); 3 — Гяур-кала; 4 — Сарай-тепе (табл. 24/5).
В рамке представлена статуэтка, размеры которой не установлены точно

Археологический
тип VIII
антропоморфных
статуэток Бактрии,
Маргианы и Согда

263. Варианты статуэток типа 8 в Маргиане.
1, 6, 8 — Гебеклы-депе; 2, 3, 5 — Гяур-кала; 4 — Чичанлык-депе; Табл. 29/56

264. Статуэтки типа 8 в Маргиане.

Вариант 1 — 1–6; вариант 2 — 71, 72; вариант 3 — 9, 10. 1, 2, 4–7, 9 — Гебеклы-депе; 3, 8 — Эрк-кала; 10 — Гяур-кала.
Табл. 29/28, 64–72

Археологический
тип XII
антропоморфных
статуэток Бактрии,
Маргианы и Согда

по материалам ЮТАКЭ

1(10)

4(54)

по материалам САЭ

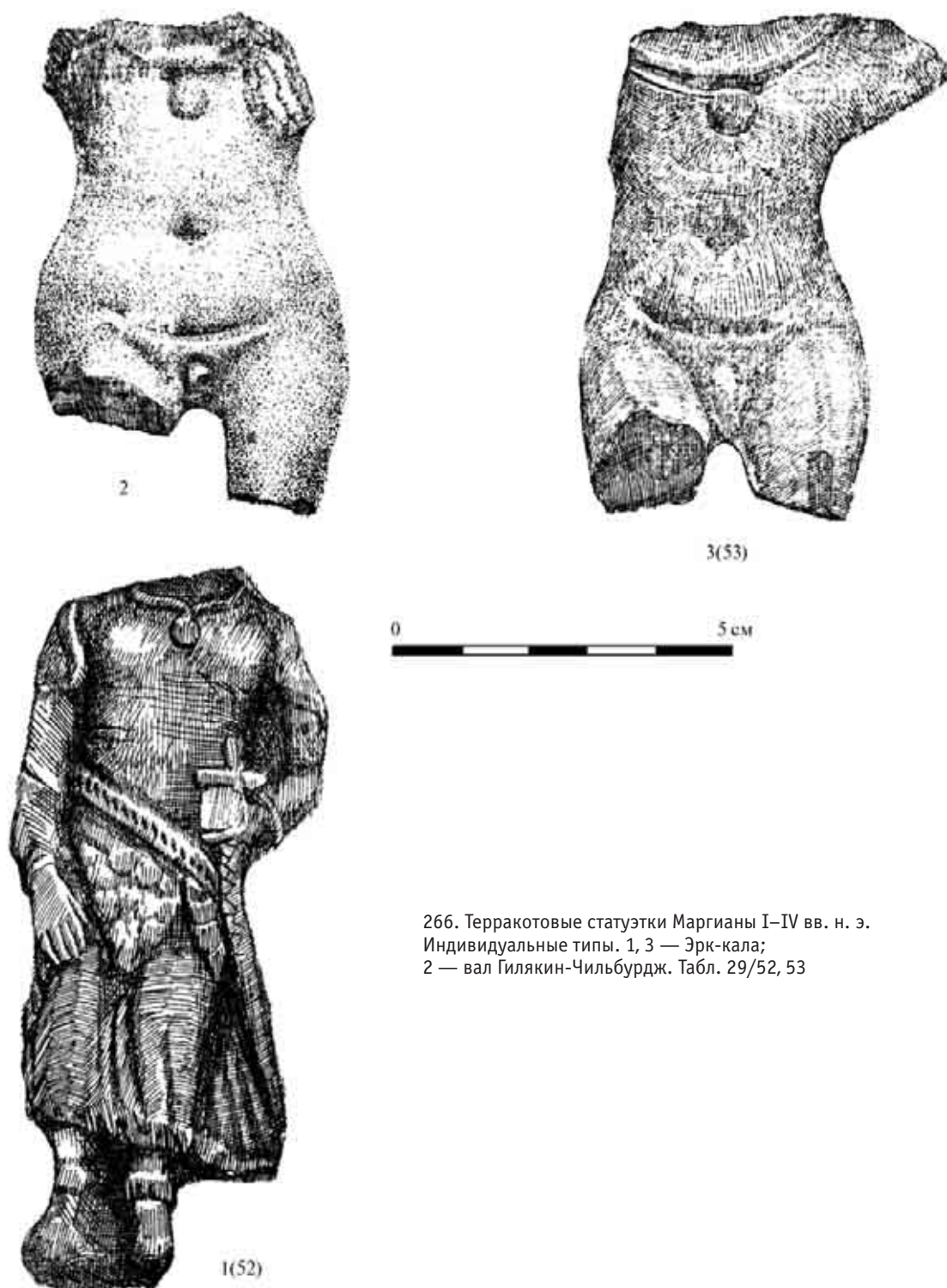
2(подъем)

3(63)

265. Статуэтки типа 21 в Маргиане. 1, 4 — Гяур-кала; 2, 3 — Гебеклы-депе. Табл. 29/10, 54, 63

266. Терракотовые статуэтки Маргианы I–IV вв. н. э.
Индивидуальные типы. 1, 3 — Эрк-кала;
2 — вал Гилякин-Чильбурдж. Табл. 29/52, 53

1(1)

267. Терракотовая пластика на оссуарии Маргианы I–IV вв. н. э.
1 — Мунон-депе. Табл. 30/2

Указатель

Археологические памятники

А

Айртам 44, 51, 56, 59, 65, 70, 144, 149, 202–203, 211
Айсарытепе 65
Ай-Ханум 8, 41, 47, 52–53, 56, 59, 60, 64, 71, 73, 74, 110, 113–114, 125, 134–144, 148, 153, 161, 163, 166, 170, 172, 175, 199–203, 209
Ак-депе (Бургучи) 61
Ак-кала 213
Аккурган 54–55, 63, 65, 67–68, 70, 75, 144, 149, 151, 153, 213
Актамы в Пскенте 106
Ак-тепе 2 57, 68, 160
Ак-тепе 65, 67, 95
Анга-кала 210
Ангрен 106
Антиохия Маргианская 40, 43
Афган-депе 40
Афрасиаб 13–14, 16–18, 41, 45, 53, 81, 83–84, 87–92, 94, 96, 110, 112, 134, 156–162, 203, 205–206, 210
Аяк-тепе 2 83, 160, 200–201

Б

Баальбек 72
Баба-тепе 77
Байрам-али 169
Бактры/Балх 44
Бала Хисар (цитадель Балха) 134
Балалык-тепе 48, 65, 70, 77
Балх 45, 52–53, 66, 134, 211
Бамиан 74, 77
Барат-тепе 50–51, 53, 59, 61, 65, 68–71, 203
Батырабад 56, 64, 152
Беграм 45, 52, 63
Бишاپур VI и IV 212
Биянайман 15, 19, 81–83, 90, 94
Большая Айбуйир-кала 114–115, 117–120, 122, 127, 130, 132, 194–195
Будрач (Дуньо-тепе) 69, 71, 74, 77
Булакбаши 69, 94
Бухара 21, 92, 98, 156–157, 159–161, 202, 209

В

Вавилон 37, 108, 169, 195, 203
Варахша 83, 161, 209

Г

Гандхара 31, 74
Гебеклы-депе 9, 34, 40–42, 161–168, 200, 205–206, 208, 212
Гилякин-Чильбурдж 168
Гиссарская крепость 58
Гола-Молла 50, 210
Гули-депе 166–167, 207
Гяур-кала (Маргианская) 30–33, 35, 38–39, 42–43, 48, 65, 112, 163–168, 199–200, 204, 206–208, 212
Гяур-кала 3 (Хорезмская) 114–115, 117, 172

Д

Дальверзин-тепе 44, 49–50, 53–54, 56, 60–61, 65, 70–75, 77–78, 95, 134, 136–137, 139, 145, 149, 152–155, 200–203, 210–211
Дарахша-тепе 57
Джанбаскала 114–115, 122, 209
Джигга-тепе 44, 56, 63, 68, 134, 145, 152–155
Джин-депе 37, 164, 204
Дильберджин 9, 44, 52–53, 55, 60, 64–66, 68, 76–77, 145, 149, 151–155, 200, 202–203, 205, 209, 212–213
Дингильдже 125–126, 132
Дуньо-тепе (Будрач) 69
Дура-Европос 37, 60, 76, 202, 208, 212
Дурмон-тепе 68, 94

Е

Елькен-депе 165
Емши-тепе 44, 49–50, 53, 75, 134, 205, 210, 212
Еркурган 71, 90, 96, 99–101, 112, 156–158, 160–161, 201, 204–206

Ж

Жига-тепе см. Джига-тепе

З

Замахшара 114, 126
Зартепа 44, 46, 51, 53, 55, 59, 63–65, 67–71, 95, 145, 149, 151–153, 202, 205, 210–211
Зевгма 202, 208

И

Илак 107
Иштыхан (погребальный комплекс) 90, 94

К

Калакантепа 96
Калалы-гыр 1 22, 24, 43, 114–115, 117, 120, 122–123, 126, 133
Калалы-гыр 2 8–9, 28, 30, 34, 48, 114, 117–125, 163, 166, 193–198
Кальмакыр 106
Камайтепе (в западной части Кеша) 93
Кампыртепа 9, 47, 60, 65, 68–72, 76–78, 134–137, 139–140, 143, 145, 149, 151–155, 195, 203–204, 209–213
Канка 104–105, 107
Капарас 127, 130–133, 196–198
Каписа 63
Капыр-кала 165
Кара-пичок 68
Кара-тепе 44, 49, 53, 61, 145, 149, 202, 210, 213
Караул-тепе 75
Касантепа 160–161, 206
Каунчи 104, 105, 107
Кафыр-кала (согдийская) 32, 64, 81, 83, 87–88, 95
Кей-Кобад-Шах 45–46, 54, 58, 71, 73, 134–135, 145, 149, 203
Кеш 85, 93, 95, 97–98
Киндаклитепа 85, 97, 156–157
Киндыктепе 93, 95
Китаб 9, 87, 91, 156–159, 209
Клыч-Дувал 57
Кобадан 52–54, 57, 67–68

- Кой-Крылган-кала 20, 22, 24–26, 29–30, 34, 114, 117–128, 130–132, 172, 193–198
- Кой-Турабек-тепа 47, 140
- Кокрак 74
- Кок-тепа 157
- Коша-депе 165
- Коштепа (тяготеет к Шулликтепа) 96, 100
- Краснореченское городище 100
- Кувекурган 65
- Кулаглытепе (Зангтепе) 65
- Куль-Ата 106
- Куль-тепа (обл. Кеша) 98
- Куль-тепе (бактрийское) 50–51, 53, 64, 65, 70–71
- Кумышкенттепа 157
- Кунжутлитепа (пригород Еркургана) 96
- Кургантепе 61, 70, 93
- Курганча 58
- Куруктепе 106
- Кутон-тепе 58
- Кухнакала 65
- Кую-Мазарский могильник 48
- Кызыл 77
- Кырк-депе 200
- Кюзели-гыр 23, 26, 114–115, 117–118, 193
- Л**
- Лагор 33
- Лалми-тепе (Шахрисябзский район) 98
- Ляйлякуй 157
- М**
- Маргиана 7, 12, 23, 30–31, 33–44, 47, 100–102, 105, 107–110, 112, 134, 147, 152, 155, 158, 160–177, 199, 201–202, 204–208, 212
- Матхура 31, 46, 204, 212
- Мерв 30–39, 45, 55, 92
- Месопотамия 28, 34, 37, 45, 58, 60, 195, 200, 202–203, 208
- Мианкаль 94–95
- Мирзабек-кала 9, 61, 145, 149, 205, 210–211
- Мирзакул-тепе 8, 53–54, 65, 70, 145, 154–155
- Мирина 209
- Мирмекий 209
- Муллакурбан 94
- Мунон-депе 36–37, 166, 169
- Мунчак-тепе 2 45–46
- Муртали в Пскенте 106
- Н**
- Накш-и Раджаб 212
- Накш-и Рустам 20, 212
- Намазгар-депе 32
- Нахшеб 94, 96–97, 101, 156, 201
- Нейраб 108
- некрополь Мерва (Байрамалинский) 32, 38, 42, 43, 169
- некрополь тепе Ходжа Фархон (Ташкент) 106
- Нимруд-Даг в Каммагене 40
- Ниппур 108, 193, 195, 203, 209
- Ниса 33, 37, 60, 109, 135
- Ниязбаш 107
- О**
- Оксак-тепе 97
- Орлатский могильник 212
- П**
- Паенкурбан 74, 76
- Пайкенд 99
- Пальмира 73, 202, 208
- Пантикапей 209
- Пахалтепе 93, 95
- Пенджикент 83, 90–91, 94, 99–100
- Пергам 32
- Пештаг 32–33, 40
- Пскентские наусы 104–106
- Пулад 157
- С**
- Савринджан-тепе 50, 65
- Саксонохур 48–53, 57, 65, 72–73, 75, 96, 101, 134, 136–137, 139, 143, 145, 149, 152, 205, 211
- Саполтепа 98
- Сарай-тепе (обл. Кеша) 98, 151–159, 204
- Сарыктепе 95, 97–98
- Сарытепе 77
- Северная Бактрия 23, 44–46, 49, 51, 53–59, 63, 65, 67, 69–73, 75–76, 79, 113, 134, 172, 212
- Селевкия на Тигре 108, 169
- Семиречье 31, 75, 106, 109
- Сикри 75
- Сиркап в Таксиле 48, 59
- Согд 7, 12–13, 18, 21, 23, 31, 33, 35–37, 41, 43, 46, 48–49, 58, 64, 69, 71–72, 74–75, 77, 80–112, 134, 147, 155–161, 164, 167, 169, 171–178, 199, 201–202, 204, 206, 210
- Согдиана 18, 47
- Старый Термез см. Термез
- Сузы 37
- Сукулукское городище 82
- Султан-кала 36
- Сурх-Котал 46, 58
- Т**
- Таксила 27, 45, 48, 52, 55, 60, 71
- Талашкан-тепе II 63
- Тали-Барзу 45, 68, 80–83, 87, 160–162, 210
- Танагра 50, 73
- Тараз 82
- Тарым-кай 1 127, 133
- Тепай-Шах 58–59, 61, 67–68, 70–71, 109, 145, 149, 151, 202
- Тепе Заргаран 87, 145, 149, 205, 211
- Тепе Нимлик близ Балха 53
- Тойтепа 105
- Той-тюбе 103, 107
- Топрак-кала 60, 128, 130, 132
- Топрак-кала Шаватская 114–115, 117, 119–120, 122, 125–127, 130–131, 133, 195, 197
- Тохаристан 33, 35, 44–45, 58, 62, 65, 68–69, 71, 74–75, 77–81, 95–96, 105, 107–109, 134
- Тулхар 52
- Тупхона 157
- Турткуль 145, 152–153
- Туткаул (в Южном Таджикистане) 68
- Туябугузский наус 106
- У**
- Узбекон-тепе 58, 70
- Урук (Варка) 37
- Ф**
- Фаяз-тепе 61, 70
- Фундукистан 74
- Х**
- Хадда 45
- Хазарасп 26, 114–115, 117–119, 193, 196
- Хаитабад-тепе 74
- Хайрабадтепе 46, 48, 70
- Халкаджар 67
- Халчаян 37, 44, 46–48, 50–51, 53, 65, 70–71, 75, 134, 136–137, 139–141, 143, 145, 149, 151, 162, 200, 203–205, 211
- Ханабад 106
- Ханака-тепе 48, 134

Хантепа 96, 98
 Хатаб-депе 61, 145, 149, 205
 Хатра 72–73, 202
 Хатын-рабат 51, 152
 Хирмантепе 93
 Хишт-тепе 67
 Ходжа-кала Южная 40
 Хорезм 7, 12–13, 20–31, 33–38, 40, 42–43, 46–48, 52, 92, 101–102, 106–108, 110, 112–118, 120–133, 141, 157, 159, 162–163, 169–178, 192–193, 195–198, 203, 208
 Хосият-тепе 65
 Хотан 68–69
 Хумбуз-тепе 114–115, 121–123

Ч
 Чаганиан 76–77
 Чакалак-тепе 68, 134
 Чач 13, 75, 103–107, 110
 Чечак-тепе 95
 Чильбурдж 167–168
 Чингиз-тепе 46
 Чопли-депе 8–9, 61, 145, 149, 203, 205, 209–211

Ш
 Шахри-Бану 53, 60, 134
 Шахри-Гульгуль 53, 60
 Шахринауское городище (Чимкурган) 58
 Шаштепе 125
 Шодмон-кала 57
 Шор-депе II (Ходжамбаское) 61
 Шортепе (Кашкадарьинское) 95–96, 153
 Шор-тепе (бактрийское) 50–51, 53, 61, 66, 73, 96, 145
 Шортугай 134–138, 140, 143, 199

Э
 Эгартепе 106
 Эрк-депе (позднее Эрк-кала) 32
 Эрк-кала 35–36, 43, 163, 166–168, 202, 205–206
 Югонтепа 105

Я
 Яван 55, 67, 75
 Яванское городище 58, 67–68
 Яккабаг 93
 Ялангтуш-тепе 53, 66
 Ярык-депе 40
 Яссыджа-депе 40
 Ясы-депе 32

Географические названия

А
 Армения 32
 Ахангаран 103
Б
 Бабатаг 61
 Бухарская область 104
В
 Вахш 44
 Верхнесурханский район 51
 Восточный Туркестан 21–22, 92

Г
 Гиджиген 105

Д
 Денау 38, 51

З
 Зеравшан (Мианкаль) 35, 94

К
 Каахкинский район 40
 Кавказ 7, 39, 57
 Камаши 97–98
 Кашкадарьинская область 92
 Карши 98
 Кафирниган 44, 67
 Керки 30, 212
 Копетдаг 39
 Куляб 44
 Курган-Тюбе 58

М
 Меан 40
 Мургаб 35

П
 Паркент 105
 Пенджаб 40
 Пскент 105–106

Р
 Регарский район 49, 211

С
 Северный Афганистан 7, 134
 Северное Причерноморье 32, 143–144, 199, 209
 Средняя Азия 16–17, 100, 107–114, 120, 125, 131, 135, 141, 159, 163, 170, 172, 177–178, 199, 212
 Средняя Амударья 35, 50, 61, 65, 106, 200, 210

Т
 Ташкент 9, 13, 103–107, 125, 163
 Термез 9, 31, 44–46, 51, 53–54, 59, 61, 64, 70–71, 75–76, 134, 136–137, 140, 143, 145, 149, 153, 203, 205, 210–211, 213
 Туркменистан 39, 165
 Туркмения 30, 32–33, 40

У
 Узкишлак 92

Ф
 Фарнкет 105
 Фергана 35, 71

Ч
 Чанги 105, 107
 Чимкурган 57–58, 75

Ш
 Шахрисябз 84, 93, 96–98
 Шерабад 54

Ю
 Южный Казахстан 104, 106
 Южный Туркменистан 40

Э
 Этек 40

Я
 Яккабагский район 92–93

Научное издание

Двуреченская Нигора Давлятовна

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА
ДРЕВНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВ СРЕДНЕЙ АЗИИ
IV в. до н. э. — IV в. н. э.
(археологический аспект)

Редактор *Д. Л. Вишняцкая*

Корректор *А. А. Золотова*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Формат 84 × 108 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 50. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7